

№ 122
Май 1973 года

ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ВОЕННАЯ СЛАВА

LE PASSÉ MILITAIRE



ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубоким горем, извещает о кончине своего дорогого друга и сотрудника Кавалергардского Е.И.В. Государыни Императрицы Марии Федоровны полка полковника

ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ЗВЕГИНЦОВА

последовавшей в пятницу 27 апреля с. г. в Париже. Погребение состоялось на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Редакция «Военной Были», с глубоким прискорбием, извещает о кончине своего дорогого сотрудника Артиллерии капитана

БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА РЯСНЯНСКОГО

последовавшей в Аргентине.

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубоким горем, извещает о внезапной кончине своего верного друга и сотрудника, корреспондента «ВЕСТИКА» в Калифорнии подпоручика

СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА МАРКОВА

последовавшей в Страстную субботу 28 апреля в Сан-Франциско.

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Донской кадетский корпус в Новочеркасске — <i>Е. Балабин</i>	1
Большие маневры под Псковом в 1903 году — <i>Юрий Солодков</i>	6
Кавказская гренадерская артиллерийская бригада — <i>А.В. Козьмин</i>	11
Исторический очерк л.-гв. Конной Артиллерии (оконч.) — <i>К.В. Киселевский</i>	19
Служба в Донской артиллерии (оконч.) — <i>М.Т. Чернявский</i>	25
Киевские гусары в войну 1914-17 гг. — ротмистр <i>Протопопов</i>	29
Последнее отступление 1917 года — <i>В.Е. Милоданович</i>	36
Школа-приют Заамурского округа Пограничной Стражи — <i>Сергей Латышев</i>	42
Германский шпионаж на севере России — <i>И.И. Бобарыков</i>	43
Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия в царствование императора Павла I — <i>Евгений Молло</i>	45
Письма в редакцию	45
Хроника «ВОЕННОЙ БЫЛИ»	47
Обзор военной печати — <i>А., А. Туроверов</i>	48
La médaille russe « A la Belgique » — <i>Francis M. Ballace</i>	49
Institution des Ordres militaires en Russie — <i>E. Mollo</i>	50
Le corps du Prince de Condé — <i>G.N.</i>	53
Revue de la presse militaire — <i>V.B.</i>	55
Notes explicatives	56
Notes de la Rédaction	56

От Издательства

Подписка на цикл №№ 119-124 принимается по цене: 40 фр. фр., зона доллара — 10 дол. на ШЕСТЬ номеров. Подписную плату просьба отправлять, как всегда, на почтовый счет журнала «LE PASSE MILITAIRE» — 391012 PARIS, или нашим представителям за границей.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

XXII Год издания

№ 122 — МАЙ 1973 г.

BIMESTRIEL. Prix — 7,-Frs

Донской Кадетский корпус в Новочеркасске



Мне сказали, что все кадетские корпуса поместили свои воспоминания в «Военной Были» и только один Донской кадетский корпус ничего не написал. Постараюсь исправить этот пробел, хотя многое забыто, так как с окончания мною кадетского корпуса прошло 72 года.

Родился я на зимовнике, в конном заводе в Сальских степях, в 100 верстах от Новочеркаска. Первый раз меня взяли в Новочеркасск, когда мне было семь лет. Когда мы ехали по городу, я увидел крошку-кадета, ставшего во фронт генералу. Я был в восторге и решил во что бы то ни стало быть кадетом.

В это время на Дону была страшная жара, засуха. Несколько месяцев не было дождя, земля потрескалась, было душно. В Новочеркасске, на главной улице, при большом стечении народа служили молебен, прося у Господа Бога дсждя. И еще не окончился молебен, как пошел дождь и люди стали разбегаться и прятаться. Это произвело на меня огромное впечатление, — я почувствовал Бога. Мать, видя это, сказала: «Чтобы поступить в кадетский корпус надо не только учиться, но и молиться. Без Бога не поступишь — много желающих попасть в корпус, всех не примут (В этот приезд в Новочеркасск я и железную дорогу увидел первый раз и то издали).

В 1890 году был вступительный экзамен. Прошений было подано много, но после тщательного медицинского осмотра допущено было к вступительному экзамену 400 мальчиков, а принято было 60. Мне Господь помог, — я выдержал экзамен четвертым и был принят

в первый класс, в первое отделение.

Первое время в корпусе я очень скучал, — все были чужие, и сердце у меня сжималось. Помню первую ночь. Проснулся, понял, что не дома, и так мне стало грустно, но вспомнил, что сейчас надену военную форму, брюки с красным лампасом и гимнастерку с погонами, и мне стало веселей. Вскоре я освоился с новой жизнью и мне стало легко и хорошо.

Позже, когда я был уже офицером, в 1901 году корпус получил название корпуса Императора Александра Третьего и на погонах вместо букв Д.К. была буква А и под ней три палочки (Александр 3-й).

В здании корпуса было три этажа, и построен он был в виде буквы Ш. Левей главного входа были дортуары кадет. В нижнем этаже была 3-я сотня, младшие классы, во втором этаже — 2-я сотня, средние классы, и на третьем этаже — 1-я сотня, старшие классы.

Правей главного входа, внизу, был гимнастический зал и фронтный, в котором, кроме строевых занятий, были спевки хора, сыгровки оркестра и обучение кадет игре на всех музыкальных инструментах, кроме рояля. Роялей было несколько, и они все стояли в других комнатах. В этом же фронтном зале по средам происходили свидания кадет с родственниками и знакомыми.

Во втором этаже, над главным входом, была учительская и физический кабинет, а выше их, на третьем этаже, инспекторская.

Во втором этаже, над гимнастическим залом была столовая, в которой одновременно обедали все 450 кадет и три дежурных воспитателя, а дежурный командир сотни гулял между столами обедающих кадет.

Из столовой был вход в церковь. Церковь была очень уютная, с мраморным иконостасом; в ней помещались все кадеты и часть персонала, а некоторые стояли в столовой у церкви,

у широко открытых дверей в нее. Корпусной праздник был 6 декабря, в день св. Николая Чудотворца.

На третьем этаже, над столовой был «Сборный зал», в котором, кроме балов и концертов, происходили парады и было место для прохождения кадет по-взводно церемониальным маршем. В этот же зал были обучение кадет с пиками и уроки танцев.

Из Сборного зала был вход на хоры церкви и проход в лазарет, который занимал весь этаж (правая палочка буквы Ш). Под лазаретом была квартира директора корпуса и канцелярия. В нижнем этаже — кухня.

Классы были против главного входа (средняя палочка буквы Ш). Классы были большие, сухие, теплые. В корпусе было паровое отопление. Рядом с классами был зал, куда кадеты выходили во время перемен. В этом зале стоял образ, перед которым была утренняя и вечерняя молитва. В 3-й сотне был образ Покрова Пресвятой Богородицы, во 2-й — образ Казанской Божией Матери и в 1-й — образ св. Георгия Победоносца. В конце зала, где был сотенный образ, стояла гимнастическая лестница и турник и можно было заниматься гимнастикой на каждой перемене. Классы были на том же этаже, где и спальни. Командиры сотен жили на левом крыле корпуса (левая палочка буквы Ш), воспитатели и преподаватели жили на частных квартирах.

Обычных в школах звонков в корпусе не было. Вместо них были кавалерийские сигналы. По классам, после перемен, трубач играл «Сбор» («Соберитесь, сомкнитесь» и т. д.). Из классов на перемену — «Отбой» («Всадники перестань, отбой был дан, остановись»). К корпусу были прикомандированы два трубача-казака, которым это считалось как отбывание воинской повинности. Они жили и питались в корпусе.

Без десяти минут в шесть утра игралась «повестка». По этой повестке вставали дежурные. В 6 час. игралась «утренняя заря». После последнего звука трубы из воспитательской комнаты, которая была здесь же в начале спальни, выходил воспитатель и громко командовал: «Вставать!» И все 150 кадет сразу принимали вертикальное положение. Нельзя было задержаться и одной минуты. Начинали одеваться, мыться, чиститься и, без строя, по одному шли строиться к сотенному образу в залу против классов. Приходил воспитатель, здоровался и, проходя по фронту, осматривал каждого кадета — лицо, уши, руки, шею, сапоги, одежду. После осмотра командовал: «На молитву!» Некоторые молитвы читались дежурным по сотне, некоторые пела вся сотня. Потом строем шли в столовую. Когда в столовой собирались все сотни, дежурный кадет 7-го

класса читал «Очи всех на Тя, Господи, уповают» и все сажались пить чай с французскими булками. По четвергам вместо французской булки давали серый пеклеванный хлеб с маслом. После чая читалась молитва «Благодарим Тя, Христе, Боже наш» и строем шли по классам. До 8 часов было повторение выученных вчера уроков, без воспитателей. До 11 часов три урочка с переменами между ними в 10 минут. В 11 часов шли строем в столовую на завтрак. Завтрак был одно блюдо, но очень сытное и вкусное. Первый завтрак в понедельник был котлеты с рисом. Я не ел риса и отдавал его своему соседу, а он не ел в четверг хрена (мясо с хреном) и отдавал хрен мне. Оба были довольны.

От 12 до часу были строевые занятия, — каждое отделение со своим воспитателем. От часу до трех — еще два урока. От 3 до 4 — прогулка и после прогулки шли строем в столовую обедать. Обед из трех блюд, тоже очень сытный и вкусный. И опять прогулка до шести. От 6 до 8 приготовление уроков на завтрашний день в присутствии воспитателей. В 8 часов шли столовую пить вечерний чай, после которого вечерняя молитва перед сотенным образом и 1-й и 2-й классы шли спать, а 3-й кл. и все старшие могли заниматься еще до 10 часов. В 10 все шли спать.

Командирами сотен при мне были: в 1-й сотне полковник Пантелеев, в 7 классе он читал законоведение; во 2-й сотне был полковник Качура, — в одном классе он читал русский язык; в 3-й сотне был полковник Трусевиц. Лазаретным воспитателем был войсковой старшина Котельников. Чтобы быть произведенным в полковники, он просил дать ему на один год 3-ью сотню. Ему дали третью сотню, он был отличным командиром и его произвели в полковники. Но прошел год и его просят уйти, а он не хочет. Не помню, чем окончилась эта история.

Воспитателем у меня был в 1-м классе поручик Кирсанов. Во 2-м, 3-м, 4-м и 5-м был подьесаул Орлов, а в 6-м и 7-м кл. войсковой старшина Власов. Все воспитатели у меня были симпатичные и хорошие. Подьесаул Орлов любил читать нотации. Спросили как-то кадета Захаревского: «Что он говорил тебе целый час?» «А я не слушал, я смотрел в землю и читал, про себя, Отче наш». Воспитатели — «не казаки» могли быть воспитателями только до 5-го класса включительно, а в 6-ом и 7-ом классах — казаки, так как в этих классах были занятия с пиками и верховая езда.

Преподаватели в общем тоже были хорошие. Священник, отец Протоиерей Ляборинский обладал даром слова и так хорошо рассказывал, что его лекции были наслаждением. И в церкви он тоже очень хорошо служил.

Русский язык преподавали Яков Павлович Ратмиров и еще кто-то (фамилию забыл). В 5-ом классе проходили церковно-славянскую грамматику. Ратмиров сказал: «Изучение этой грамматики очень скучно и неинтересно, но я вам обещаю, что вы все это усвоите хорошо, но только некоторые, благоразумные, будут учить уроки сразу, а другие — после неудовлетворительных стметок, после наказаний, но все равно выучат». И, действительно, все выучили и грамматику и хорошо читали по церковно-славянски.

Математику читали Николай Иванович Дьяков и Иван Николаевич Лимарев. Оба были симпатичные и хорошо объясняли. Дьяков, войдя в класс, пройдет раза два от двери до окна, остановится возле своего стола, скажет: «Ну, внимать!» и опять пройдет по классу. Остановится и с сокрушением: «Никто не слушает». «Да вы еще ничего не говорили!» «Не говорил, потому что не слушаете!» И начинался урок. У Дьякова был сын крошечка-кадет 1-го класса. Его на переменах третье-классники сажали в коридоре на шкаф и, когда он чуть не плача просил его снять, ему говорили: «Кричи, мсья отец — синус, а я — косинус» после чего его снимали со шкафа. Лимарев часто страдал зубной болью и некоторые кадеты, не зная урока и боясь, что их вызовут, перевязывали себе зубы полотенцем, принимали страдальческий вид и Лимарев, зная что такое зубная боль и сочувствуя больным, не вызывал их.

Французский язык преподавал статский советник Гаушильд. Милый человек, но кто знал французский язык до поступления в корпус, в корпусе его забывал. Когда я был в 5-ом классе, Гаушильд поймал меня, спрятавшегося за спину впереди сидящего кадета и читающего «Анну Каренину». Он возмущился и сказал: «Запишу в журнал». Все начали просить за меня и Гаушильду, видимо, не хотелось записывать. Не как выйти из этого положения? Спас голос одного кадета: «Да ведь Балабин переводил «Анну Каренину» на французский язык». «А, так!» Гаушильд захлопнул журнал. «Расскажите про Анну Каренину по-французски». Мне и по-русски трудно было рассказать и я молчал. Спать голос: «Балабин стесняется рассказывать про такую женщину». «И такие книги читает кадет 5-го класса?» «Да ведь это замечательное произведение великого Л.Н. Толстого». В это время благодетельный сигнал: «Всадники перестань, отбой был дан, остановись!» Гаушильд, как всегда, быстро выскочил из класса, не успев меня записать. «Анну Каренину» мне дал воспитатель из фундаментальной библиотеки. Но в каждой стне были свои библиотечки, которыми заведовали сами кадеты. Книги выдавали каждый

день после уроков и должны были обязательно сдавать перед вечерними занятиями.

Немцев было два, — Шмидт и Швех, и они все-таки старались как-то научить нас языку. Со Швехом проделывали следующее: очень трудный урок и кадеты, плохо знающие немецкий язык, просили «выручать». Когда немец входил в класс, его встречали не рапортом, как полагается, а разыгрывали какую-либо пьеску. Был и медведь на четвереньках, в вывернутой наизнанку шубе, были и другие животные из басни Крылова. Швех был в восторге, он хвалил, всем артистам ставил 12, даже бессловесным, и, уходя, говорил: «К следующему уроку то же самое». А Шмидта иногда приклеивали к его стулу.

Географию читал войсковой старшина Лепилин. Он был и воспитателем. За грубый голос его прозвали «солдатом».

Скучна была минералогия. Милейший был преподаватель, но он так скучно рассказывал, постоянно повторяя «так сказать», что его никто не слушал. Некоторые кадеты, ставя палочки, считали, сколько раз он скажет «так сказать», и этих палочек получалось очень много.

Историю читал Сергей Платонович Кузмич. Господь обидел его фигурой — горбатый, кривые ноги и пр. Его страшно изводили. Он раздражался, кричал. Например: «Вот здесь жили кривичи. Вст здесь жили пермячи. Вот здесь жили...», а с задней скамейки: «Кузмичи!» Он возмущился, кричал: «Глупые острофы!» В «Звериаде» о нем было написано: «С утиным носом и в очках, без шеи, толстый и горбатый и на искривленных ногах». Писали на бумажках глупые вопросы по числу кадет в классе и каждый, выткнувши из шапки бумажку, должен был в течение урока обязательно задать вопрос Сергею Платоновичу.

Фамилии преподавателя физики не помню. Интересный предмет, он хорошо рассказывал, но вместо «стекло говорил «стакло».

Рисованию учил старик художник Иван Павлович. Долго мы рисовали по клеткам, потом по точкам, потом орнамента, и уже позже модели рук, ног, и пр.

Гимнастику любили. Преподавал ее Захаров, сам отличный гимнаст.

Бой на «эспадронах» — войсковой старшина Смирнов. Он был и воспитателем. Смирнов так хорошо защищался во время вольного боя, что его никто не мог ударить. И вот однажды мне удалось его ударить. Он рассвирепел и буквально избил меня. Он с такой силой наносил мне удары по голове, что искры сыпались с маски. Кадеты говорили, что страшно было смотреть. Преподаватель боя на «рапирах» был спокойный и хорошо учил. Не помню его фамилию.

Смирнов учил желающих играть на балалайках и создал целый оркестр балалаечников. Этот же Смирнов лечил заик. Был кадет Захаров. Он так заикался, что нельзя было разговаривать, что он говорит, особенно когда он плохо знал урок. Смирнов так его вылечил, что на музыкально-вокальном вечере Захаров говорил длинное стихотворение и ни разу не заикнулся.

Оркестров в корпусе было два — струнный и духовой. Я играл в оркестре на скрипке, мой младший брат Филипп на кларнете. Оркестр был так хорош, что некоторые не верили, что играют только кадеты, — нет ли в оркестре переодетых в кадетскую форму музыкантов из Войсковых оркестра.

Как-то, когда я был во втором классе, вышли кадеты из классов на перемену. Кто-то делал гимнастику, какой-то первоклассник гонял кубарь, бежали друг за другом, шалили и вдруг неожиданно вошли в зал директор корпуса и Войсковой Наказный Атаман генерал князь Святополк-Мирский. Команда «Смирно!» и все замерли, где кто стоял. Князь поздоровался и, несмотря на то, что все стояли порознь, ему дружно ответили «Здравия желаем Вашему Сиятельству». Он посмотрел на всех и крикнул: «Садись!» Все сели, где кто был, на скамейки, на пол. «Ну, дисциплина у вас есть! Встать!» Все вскочили. Князь заметил, что некоторые первоклассники неправильно держат руки по швам и, обращаясь к директору, громко сказал: «Вы не стесняйтесь сажать воспитателей под арест, если они плохо учат». Так неприятна была всем эта фраза. И грозный Атаман вышел. Потом мы узнали, что этот грозный Атаман в этот же день объехал все мужские и женские учебные заведения и на всех нагнал страх и трепет.

Третью сотню выводили на прогулку обыкновенно во дворик, между левой и средней палочки буквы Ш. 2-ю сотню — во дворик между средней и правой палочкой буквы Ш. Первую сотню — всегда на передний плац. Дворик 2-й сотни зимой заливался водой и устраивали там каток. Желаящие катались на коньках вместо прогулки.

Часто и все сотни выводили гулять на передний плац. На этом же плацу производились парады и устраивались «Олимпийские» игры, где перед приглашенной публикой кадеты показывали свое искусство в разных видах спорта.

С левой стороны корпуса был большой парк, в конце которого были «гигантские шаги», а у самого корпуса в этом парке — здание вроде оранжереи, где листьями тутовых деревьев кормили шелковичных червей. В корпусе, на царских вратах была занавесь из собственного шелка. А на одной выставке в Новочеркасске

корпус получил почетный диплом за шелковичные коконы и за виноград, который тоже рос в этом парке.

Певчих часто водили на концерты приезжающих в город певцов и певиц. Один раз всех кадет водили в городской театр на «Велизария». Это произвело на меня громадное впечатление, к тому же я первый раз в жизни был в театре. Я долго жил под впечатлением этой пьесы.

Один раз всех кадет водили в цирк посмотреть приехавшего знаменитого Дурова. Коронный номер был с козлом. На арену выехала собака, запряженная в маленький экипаж (точная копия настоящего экипажа). Затем важно вышел козел. Дуров приказал козлу сесть в экипаж. Козел не желает. Дуров начинает бить его — козел не слушается. Дуров берет его за рога и силой тянет к экипажу. Козел упирается. Дуров отходит в сторону, задумывается на минуту и говорит: «А, я и забыл, что теперь со всякой скотиной надо обращаться вежливо». Подходит к козлу и, снимая цилиндр, говорит: «Господин козел, будьте добры, сядьте в экипаж». Козел важно идет к экипажу, садится в него по-человечески, и собака медленно везет его по арене при рукоплесканиях публики.

Один раз приехал в наш город знаменитый Славянский со своим хором. Он был приятелем нашего директора и директор устроил весь хор жить в корпусе. Славянский давал концерты в городе и у нас в корпусе. Один раз он управлял нашим хором и сам запеваля. Некоторые его песни я до сих пор помню. Посещение нас Славянским было сплошным праздником.

В мое время переходы из класса в класс были только по экзаменам. Когда я был во втором классе, многие кадеты боялись экзамена по арифметике. Начался экзамен, и вдруг неожиданно входит в класс директор. Слабо знающие арифметику совсем перепугались. Директор, не вызывая к доске, стал у преподавательского стола и начал задавать кадетам всякие вопросы по арифметике. Спрошенные вставали и отвечали с места. Проекзаменовав так минут десять директор сказал: «Спасибо, дети, вижу, что арифметику усвоили хорошо. Все выдержали экзамен и за отличные ответы сегодня за обедом все получите по апельсину». Поблагодарив и преподавателя, директор вышел. Восторгу нашему не было конца.

В корпусе имела «Звериада», — пасквиль в стихах на преподавателей и воспитателей. Эту «Звериаду» тщательно скрывали, но все-таки ее обнаружили. И господа педагога ничего не придумали лучше, как прочесть эту «Звериаду» вслух на педагогическом совете. Один кадет, очень плохого поведения, думая, что на этом педагогическом совете его исключат из

корпуса и желая знать, что о нем будут говорить, заранее проник в учительскую, где должен был быть совет, и спрятался за оконными портьерами. За одно это он уже подлежал бы исключению, но все прошло для него благополучно, его не исключили. Он слышал все, что говорилось на совете. Помощник инспектора классов, барон Крюденер, читал вслух эту «Звериаду». Все молча выслушали на них паксвилль. Только директор, на стих «Прощай Романс, ты в жизни светской актрис своих не забывал и в дар одной ст брук кадетских полудлампы оторвал», сказал «Какой вздор! Я только исполнил Высочайший приказ». Раньше у казаков лампы были в три пальца шириной, а после Высочайшего приказа стали в полтора пальца... Да еще на «Звериаду» возразил С.П. Кузмич, где его высмеивали за его постоянное «ну-с». «Если кадет, отвечая урок, остановится, он говорит ну-с? Это вздор, я никогда не говорю «ну-с». Барон Крюденер остановился, думая, что С.П. еще что-либо скажет, а С.П., видя остановку, сказал: «Ну-с» Все рассмеялись.

Преподаватель пения и музыки был Иван Яковлевич Жихор. Он был большой труженик. Терпеливо разучивал вещи на спектакх и только иногда, рассердившись, кричал: «Дисканты, дисканты, как пьяные бабы на «падушках». В классе проходила теорию музыки по его программе. Часто пели песни классом и, чтобы не мешать соседним классам, Иван Яковлевич уводил свой класс в столовую или в Сборный зал. Иван Яковлевич хорошо играл на виолончели, на скрипке и на всех духовых инструментах. Он хорошо управлял и хором и оркестром. На скрипке учил итальянец Стаджи, а на всех других инструментах Иван Яковлевич. На струнных инструментах кадеты могли учиться с 1-го класса, а на духовых с 3-го.

Гимнастику преподавал Захаров и сам был отличным гимнастом.

Езду преподавал в каждом отделении свой воспитатель 7-го класса.

Лошадей приводили из местной казачьей команды. Уроки езды, конечно, очень любили. Надевали высокие до колен сапоги и чувствовали себя настоящими кавалеристами. Уроки езды были весной и осенью, один час в неделю.

Директором был при мне генерал-майор Анчутин. Он был очень вежливый, воспитанный, гуманный, заботливый. Он оставил после себя самую хорошую память. Он поощрял музыку, пение, устраивал концерты. При нем в корпусе прекусно пел хор и был отличный оркестр.

Инспектором классов был полковник артиллерии Линевиц, симпатичный и очень строгий. Помню случай: трубоч по ошибке дал сигнал из классов (отбой) на двадцать минут раньше времени. Инспектор спустился на несколько

ступенек по лестнице и строго сказал трубачу: «Почему раньше времени дал сигнал?» — «Обмяшулился, Ваше Высочество!» Инспектор рассмеялся и возвратился в инспекторскую комнату.

Помощником инспектора был Генерального штаба подполковник барон Крюденер. Он ушел из строя потому, что на изысканиях где-то в Памире ему свело шею и он уже не мог оставаться в строю.

Куренье в корпусе строго преследовалось. Пойманного в курении сажали в карцер на десять часов с предупреждением об исключении, если еще раз будет замечен в курении.

Масленицу справляли, обедаясь блинами, по русскому обычаю, кто сколько может съесть, и некоторые поедали их невероятное количество.

В Великий пост давали постное на 1-й, 4-й и на Страстной неделях, а в остальные недели поста только по средам и пятницам. Мой младший брат Филипп, когда был в 1-м классе, не псжелал есть скоромное в Великом посту и уговоры воспитателя, мои и товарищей не могли сломить его желание... К нему присоединились еще пять человек и им весь пост готовили постное.

По окончании учебного года кадеты разъезжались на каникулы, а шестой и седьмой классы шли на один месяц в кадетский лагерь. Хотя пребывание в лагере и отнимало от нас целый месяц каникул, мы любили наш лагерь и с удовольствием его вспоминаем. Через весь город шли на вокзал в походной форме и громко пели военные песни. Публика останавливалась и любовалась стройно идущими кадетами. Мальчишки толпой бежали по сторонам. До Персияновки, где был наш лагерь, поезд шел полчаса. В лагере бараки находились в огромном парке-лесу, на берегу речки Персияновки. Они были просторные, светлые и сухие. Идельно были кухня и столовая. Была маленькая и очень уютная церковь. По праздникам служили литургию, а накануне всенощную. Значные места были далеко от барак и кадеты их называли «капернаум» и «иерихон».

В лагере учили уставы, названия частей, сборку и разборку винтовки и строго требовали, придираясь к самой маленькой ошибке. Один кадет вместо «рукоятка» затвора сказал «ручка» затвора. Смирнов прогнал его со словами: «Ничего не знаете, и ничего не понимаете: ручка бывает только у барышни и то у хорошенькой».

В лагере производили съемку местности, знали все условные знаки по топографии и вычерчивали их. Каждый день производили строевые занятия и не маршировка, которая хорошо была усвоена в корпусе, а маневры, наступление, оборона, атака и пр. Совершали

походы с ночевкой вне лагеря.

Можно было купаться в Персияновке, и воспитатели учили тех, которые еще не умели плавать. Была кадетская лодка — катались. В этой-же речке удочками ловили рыбу.

Вся жизнь в лагере располагала на шалости и проказы: пробирались ночью в болгарские огороды, чтобы стащить там совершенно ненужную морковку или луковицу, просто из удалства. В случае обхода воспитателя «малхальный» кричал по-кукушечьи и те спасались в лагерь, а встречному воспитателю говорили, что были в «капернауме».

Один раз семиклассники нашли подбитую ворону и решили выучить ее говорить. В барак посадили ее на кровать, окружили ее и начали все говорить: «Чичиков, Чичиков». И вдруг громкий голос незаметно подошедшего войскового старшины Лепилова: «Вы что здесь делаете?» Все вскопчили и после минутной паузы ответили: «Учим вороненка говорить». «Выпустить в лес и не смейте приносить в барак!» Приказание было исполнено, а Лепилов пошел в барак к шестиклассникам и сказал: «Меня прозвали Чичиковым и я горжусь этим прозвищем, — Чичиков был гени-

альным человеком».

В роще была масса соловьев, и они все ночи напролет пели свои чудные напевы и мешали спать. Некоторые кадеты совсем не могли уснуть, — вставали и отгоняли их от барака.

В праздники кадет отпускали в отпуск в город. От барачных станция «Персияновка» была в полуверсте. Возвращаясь из города кадеты, чтобы не идти такое большое расстояние, прыгивали с поезда на ходу против главной аллеи лагеря. Железнодорожники пожаловались корпусному начальству и нам запрещено было прыгать. Дежурный воспитатель подходил к месту, где прыгивали, и кто прыгнет — оставался без отпуска в следующий праздник.

Через месяц все разъехались в отпуск.

Из 60 кадет, окончивших корпус в 1898 году, десять отказались от военной службы и пошли в гражданские высшие учебные заведения. Несколько человек пошли в артиллерийские и инженерные училища, а большинство, в том числе и я, в Николаевское кавалерийское училище.

Е. Балабин

Большие маневры под Псковом в Высочайшем присутствии в 1903 г.

Мой дед, Петр Григорьевич, вышел в отставку с мундиром и пенсией по болезни в 1898 году. Ему тогда было 53 года. По совету врачей — переменить климат из-за невралгии правой руки, он уехал с семьей из Петербурга во Псков. Для лечения Петр Григорьевич с моей бабушкой и отцом моим, которому тогда было семь лет, ездил из Пскова в Старую Руссу, где брал грязевые ванны. Ездили на богомолье и в Печеры и на остров Валаам.

Зимой для моего отца немаловажным событием бывала «Елка» в Дворянском Собрании, где он встречался с мальчиками уже школьного возраста, кадетами и гимназистами. Но пожалуй самым интересным переживанием детства, о котором он мне часто рассказывал впоследствии, для моего отца были большие маневры Петербургского и Виленского округов в августе 1903 года, закончившиеся во Пскове. Маневры начались в районе Петербургской, Псковской и Лифляндской губерний. К 31 июля закончилось расхождение войск на назначенные места, и открылась, разрастаясь с каждым днем, величественная картина «примерной войны». Район, захватываемый маневрами, занимал громадную площадь, центром

которой являлся Псков, а границами г. Валк, Порхова и Луга. Массы маневрирующих войск были сведены в две армии - северную и южную.

Маневрами руководил Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа Великий Князь Владимир Александрович. Командование северной армией было возложено на генерал-адъютанта, генерала от кавалерии барона Мейендорфа, а южной армией — на генерала от кавалерии Каханова. Старшими посредниками назначены были: в северную армию генерал-лейтенант Евреинов и в южную — генерал-лейтенант Оноприенко.

Вечером 30 июля из Царского Села отбыл на маневры в город Валк главный руководитель, Великий Князь Владимир Александрович. К вечеру этого же дня обе маневрирующие стороны заняли своими частями намеченные для начала действий пункты. Северная армия, сформированная из гвардейского корпуса, выдвинутого из Петербурга к Луге, и 18-го армейского, прибывшего из Новгорода и Старой Руссы и расположенного у гор. Порхова и деревни Путилова, получила назначение прикрыть столицу.

Южной армии поставлено было задачей на-



Церквный парад войскам в Высочайшем присутствии
Псков — 6-8 августа 1903 г.

стпать на Петербург. Овладев нижним течением р. Западной Двины, она остановилась на линии Рига — Режица. На 1 августа, т. е. первый день маневра, северной армии было предписано наступать на Псков, но начальник конницы южной армии, сознавая значение этого пункта, по личной инициативе занял город около 9 часов утра 2 августа.

Однако северянам не хотелось оставить Псков за южанами. В первом часу дня конница северян атаковала город, но попытка ее завладеть городом не имела успеха из-за пересеченной местности и сильного огня, открытого южанами, спешившими часть своей конницы и выдвинувшими часть артиллерии на окраину города, и по решению главного руководителя, Великого Князя Владимира Александровича, конница северной армии была отведена на 8 верст к северо-востоку от Пскова.

Дед мой с семьей был в это время на даче в деревне Лопатина, в районе расположения конницы северной армии, и отцу моему повезло увидеть всю гвардейскую кавалерию на бивуаке.

Не успели уехать гости моего деда, «дядя Коля», — это дядюшка моего отца, флота генерал-майор Азарьев со своим сыном Володей, лейтенантом флота, только что вернувшимся с Дальнего Востока и погибшим впоследствии в Цусимском бою, как вся семья и прислуга деда были разбужены ночью топотом множества копыт, проходившей по дороге, за палисадником, конницы. Уже светало. С волнением мой отец глядел из окна детской на белые фуражки и белые гимнастерки всадников. Это были казаки сотни. Их длинные пики черными иглами торчали в заволоченное, утреннее небо, слегка покачиваясь. 4 августа в 6 часов утра на стан-

цию Торошино прибыли Государь Император и Государыня Императрица Александра Феодоровна в сопровождении Великой Княгини Ольги Александровны. Их Императорские Величества, переехав шоссейный мост через реку Череху, занятый гвардейскими финскими стрелками, проследовали на деревню Барбаши. Государь Император здоровался с войсками, и громкое «ура» катилось по рядам войск, вслед за экипажем Их Величеств.

На другом берегу реки Черехи уже двигались части наступавшего 13-го армейского корпуса. Стала разгораться перестрелка.

Государь Император сел на коня, а Государыня заняла место в открытом экипаже вместе с Великой Княгиней Ольгой Александровной. Головные части 24-й пехотной дивизии, выдвигнув артиллерию, открывшую фланговый огонь по шоссейному мосту и оборонявшим его стрелкам, скоро подошли к деревне Лопатина, где находилась дача моего деда. Все это происходило на глазах моего отца, с увлечением наблюдавшего ход завязавшегося боя.

Первоначальная попытка овладеть мостом частями 24-й пехотной дивизии увенчалась успехом, и две роты стрелков, сбитые стремительным натиском батальона омцев, подались назад, но поддержанные свежими частями, легко отбросили противника и удержались на правом берегу. К этому времени гвардейская стрелковая бригада, перейдя на правый берег реки, была атакована подоспевшими на помощь к омцам остальными частями 24-й пехотной дивизии во главе с 94-м пехотным Енисейским полком и сотней конюзер Николаевского кавалерийского училища.

На крыльце-террасе дачи моего деда разместился штаб гвардейской стрелковой бригады,



Момент отбоя. Подход к месту смотра.
Псков 8 августа 1903 г.

так как дача стояла на перекрестке шоссе и дороги проселка. Не прошло и пяти минут, как на шоссе появилась приближающаяся свита Его Величества, два трубача конвоя в черкесах и сам Государь Император в сопровождении главного руководителя маневров Великого Князя Владимира Александровича. На дачной террасе состоялся военный совет в присутствии Государя Императора. Посредники, признав атаку енисейцев и юнкеров Николаевского кавалерийского училища удавшейся, присудили южан к бездействию на один час, по истечении которого они были отведены к реке Череха, сохранив, однако, за собою шоссеый мост.

Государь, следивший все время за ходом боя, выслушал на террасе доклад посредников и командира гвардейской стрелк. бригады, после чего, расправляя усы, обратился с несколькими вопросами к моему деду и ласково погладил моего отца по голове, узнав, что дед намерен определить моего отца после гимназии в Морской кадетский корпус.

Этим закончились боевые действия маневров 4 августа; Государь сел в экипаж и, сопровождаемый свитой и трубачами конвоя, отбыл вместе с Государыней Императрицей на станцию Псков. Туда же отбыли и остальные Высочайшие Особы. Что касается остальных частей обеих армий в этот день 4 августа, то конница северной армии, двигаясь ночью вдоль восточной окраины Пскова, обнаружила очищение его кавалерией противника, почему тотчас, в тре-

тьем часу ночи, частью своих сил заняла город и мосты, причем благодаря быстроте своего движения настигла хвост уходящей колонны противника. 5 августа части южной армии, разрушив мосты на реках Череха и Многая, отбили сильным огнем все попытки противника отбросить их дальше. 5 батальонов 24-й пехотной дивизии были двинуты в обход правого фланга, вброд, но, перейдя реку Череху, они наткнулись на сильную укрепленную позицию за рекой Многой и вынуждены были отойти. Задержав таким образом неприятеля, не располагавшего здесь большими силами, южане беспрепятственно отошли к деревне Выдра.

6 августа Государь Император и Государыня Императрица Александра Феодоровна с Великой Княгиней Ольгой Александровной были на церковном параде лейб-гвардии Преображенскому полку, 1-му дивизиону лейб-гвардии 1-й арт. бригады и 7-му драгунскому Новороссийскому Его Имп. Высочества Вел. Князя Владимира Александровича полку по случаю праздника этих полков и всей гвардейской артиллерии. Вечером 6 августа во Пскове была зажжена дивная иллюминация, освещавшая улицы древнего города. На окнах, на цветных фонарях выступали яркие надписи: «Боже, Царя храни!» Весь Псков высypал на крутые побережья Великой, чтобы полюбоваться иллюминационным городом.

Действия сторон «воюющих» армий распались 7 августа на ряд отдельных эпизодов, по-



Отъезд Государя и Государыни из Паганкиных Палат
Псков — 9 августа 1903 г.

бедителями в коих в большинстве оказались южане. К вечеру 7 августа обе армии сблизились настолько, что на следующий день надо было уже ожидать решительного боя. И, действительно, 8 августа произошло главное столкновение, и вместе с этим закончились маневры. На огромном пространстве, окаймленном извилинами реки Великой, 9 августа разгорелась эффектная картина решительного боя. Гремели выстрелы, и громадные клубы белого дыма то здесь, то там появлялись красивыми облачками. Завязалась артиллерийская борьба. Скрытые в ложементах, замаскированных с поля ветками и травой, орудия обороны вели огонь по выезжавшим на позицию батареям противника. Сквозь грохот орудий начала прорываться трескотная ружей, разгораясь все более и более. Загремела частыми орудийными выстрелами выдвинувшаяся на позицию конная артиллерия северян. Стройно, мерно отбивая шаг, пошли резервы к высоте у деревни Подосье, скрутанной дымом и озарявшейся непрерывными огнями выстрелов. Орудия, вызванные вперед, выехали на позицию и, снявшись с передков, открыли огонь по надвигавшемуся противнику. Наконец, все бывшее в руках у северян устремилось к высоте у деревни Подосье, на которую шли, как казалось издали, неисчислимые волны пехотных линий. Вскоре раздалось

« ура-а-аа! » и, смешиваясь с торжественными звуками музыки и непрерывной стрельбой орудий, понеслось по высотам и долинам боевого поля...

Государь Император поскакал к высоте у деревни Подосье. Туда же в экипаже проследовала Государыня Императрица. Его Величество приказал трубить отбой, и шумное поле сражения постепенно стало затихать. Маневры окончились, было 3 часа 25 минут дня. Государь Император здоровался с собравшимися у высоты частями и проехал к палатке, разбитой для завтрака вблизи шоссе, верстах в пяти от города. Здесь, вслед затем, состоялся, в Высочайшем присутствии, полевой завтрак.

9 августа мой дед Петр Григорьевич, в парадном мундире отправился из Лопатина во Псков, так как Государь Император и Государыня в 2 часа 30 минут пополудни очастливили город своим посещением. С раннего утра Псков принял праздничный, радостный вид. Всюду развевались флаги и гирлянды зелени, во многих местах были сооружены триумфальные арки. При колокольном звоне Их Величества отбыли с вокзала в Троицкий собор, где Государя и Государыню встретил с крестом и святою водою, во главе духовенства, преосвященный епископ Сергей. В соборе Их Величества поклонились мощам св. Князя Всеволода-

Гавриила и св. Николая Салоса, спасшего Псков от гнева царя Иоанна Грозного, пройдя далее к мощам благоверного Князя Довмонта. Из собора Их Величества отбыли в дом трудолюбия, а затем, приветствуемые населением города, пешком пошли по улицам в исторические Паганкины палаты, где осмотрели музей с предметами раскопок в курганах Псковской губернии, после чего изволили посетить Дворянский дом, в котором были встречены губернатором и дворянством Псковской губернии. Здесь Его Величество опять удостоил моего деда милостивой беседой.

Когда было подано шампанское, были провозглашены тосты за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наследника и всего Августейшего Семейства, восторженно встреченные и покрытые звуками гимна. Затем Его Величество изволил сказать следующие слова :

« Господа, от имени Государыни Императрицы и Моего выражаю вам Нашу искреннюю благодарность за сердечный, радушный, истинно-русский прием, который мы нашли в этих стенах. Пью за дальнейшее процветание псков-

ского дворянства. За ваше здоровье, господа ! »

Восторженное « ура » было ответом на слова Его Величества. В 5 часов 15 мин. пополудни Их Величества и Их Высочества отбыли из Дворянского дома.

В воскресенье 10 августа , в 10 часов утра, состоялся под городом Псковом Высочайший смотр обеим маневрировавшим армиям. У северного фасада Царской ставки были собраны и построены окончившие курс и подлежащие производству в офицеры воспитанники военно-учебных заведений. Государь Император в сопровождении Вел. Князя Константина Константиновича отъехал фронт всех училищ и поздравил юнкеров офицерами. Милостивые слова Монарха были встречены долго не смолкавшим « ура » молодежи.

Вскоре затем состоялся полевой завтрак, по окончании которого Государь Император с Государыней Императрицей при несмолкаемых кликах « ура » обступивших тесной толпой своих Царя и Царицу офицеров отбыли на вокзал, а оттуда с Императорским поездом — в Петергоф.

Юрий Солодков



Кавказская Гренадерская Артиллерийская бригада

Август 1914 г. — Сентябрь 1915 г.

В поход



Кавказская гренадерская артиллерийская бригада, в которой я служил, стояла в городе Тифлисе, в Закавказье.

2-й Кавказский корпус, в состав которого мы входили, закончил мобилизацию около середины августа (все даты по старому сти-

лю). За несколько дней до посадки в вагоны к нам приехал корпусный командир, генерал-адъютант Мищенко, герой японской войны. Он умел говорить с солдатами, — его простые, но сильные слова достигали своей цели. По глазам наших пушкарей, по громовому « ура », которое раскатилось по рядам батарей, стоявших тесным каре, можно было видеть, что каждый не только решил исполнить свой долг защиты родины, но и исполнить его как можно лучше.

Настал день посадки в вагоны. Последний раз по мостовым Тифлиса прошли наши пушки, создавая, вместе со стуком копыт степен лошадей, тот грохот металла и амуниции, который, как музыка, близок и мил уху каждого артиллериста. Посадка была назначена на военной платформе на Авлабаре (юго-западная окраина Тифлиса). Мы прошли в походной колонне по-орудийно весь город.

Вечерело. Наши казармы на Вере (начало Военно-Грузинской дороги) казались маленькими черточками в тумане, поднимавшемся с реки Куры. В тихом воздухе звонко прозвучал сигнал трубачей « В поход ! ». Все уже были на местах. Из вагонов удивленно поглядывали на публику наши лошади. Они не знали еще, какую службу придется им нести: по пескам Литвы, в морозной грязи польских полей, по оврагам и болотам Галиции и Полесья.

Все друзья пришли нас провожать на вокзал. Последнее « ура », букеты цветов, милые лица в слезах, уходящие вдаль. Мерный стук колес поезда, и вот потянулись голые степи Закавказья.

Мы направлялись на Баку и дальше на Киев, через Ромодан. 2-й Кавказский корпус должен был по плану войны войти в состав армий, действовавших против австрийцев. Наши полки и батареи, привыкшие к обстановке горной войны, были бы неопытными в Карпатах,

к которым подходили уже победоносные армии Юго-Западного фронта. Но судьба судила иное. В дороге, недалеко уже от Киева, мы получили приказ Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича, назначавший нам высадку в Гродно.

3-я батарея (командир — полковник Глебович-Полонский) 1-го дивизиона (командир — полковник Казбек), в которой я был младшим офицером, высадилась 3 сентября. Первый bivak был разбит на берегу реки Неман. Мы воспользовались двумя днями отдыха, чтобы привести в полный порядок батарею, изучили по карте район, в направлении которого нам нужно было перейти, и хорошенько подкормили лошадей. 6 сентября на рассвете корпус двинулся на северо-запад, в направлении города Сувалки, уже занятого немцами. Шли мы форсированным маршем, днем и ночью. Начались непрерывные осенние дожди, дороги размякли, колеса орудий прсваливались в грязь по ступицу или вязли в мокром песке. Приходилось голодать, так как транспорты с продовольствием не поспевали за нами.

Противник был уже близко. Из района Липск-Сопоцкин-Копчиолово передовые части немцев отходили к Сувалкам. Ожидая каждую минуту встречи с противником, мы производили непрерывно артиллерийскую разведку, и наши разъезды шли с передовыми частями пехоты. Под дождем, в тумане и ночной темноте, каждый поворот дороги приходилось проверять по карте и по компасу, так как колонны растягивались и часто не было видно впереди идущих частей.

В середине сентября погода изменилась к лучшему, — дожди шли реже, все повеселело и подтянулось.

ВСТРЕЧА С ПРОТИВНИКОМ И БОИ ПОД СУВАЛКАМИ

Первая встреча с противником произошла утром 19 сентября. Светило яркое солнце, было тепло. Мы шли по проселочным дорогам, подчас с трудом, с помощью пехоты, преодолевая крутые подъемы, так как орудия были сильно нагружены. 2-й дивизион шел в авангарде. С артиллерийским разездом от 1-го дивизиона я также был впереди, на высоте походных застав нашей гренадерской пехоты.

Мы только что прошли Августовский лес, когда у села Егловены, влево и впереди нас, загорались две неприятельские шрапнели. По-

том две гранаты взметнули колонки густого черного дыма. Пехота рассыпалась в цепь.

6-я батарея подполковника Мдивани получила приказание стать на позицию и открыть огонь по противнику, занимавшему лесистый холм впереди. Мне было отлично видно, как орудия 6-й батареи снялись с передков и сразу открыли огонь. Позиция батареи была почти открытой, немцы быстро ее заметили и перенесли на нее артиллерийский огонь. Несмотря на убийственный огонь двух немецких батарей, неся большие потери (орудия были без щитов), 6-я батарея в продолжение нескольких часов вела упорный бой, не прекращая своего огня. Немецкие батареи были приведены к молчанию. Приняв весь удар на себя, 6-я батарея дала своей пехоте возможность развернуться в боевой порядок без потерь.

На батарее были ранены оставшийся в строю до конца боя старший офицер, капитан барон Людинкгаузен-Вольф, и 22 нижних чина, некоторые из них смертельно (в боевой части было всего прислуги 48 человек и 8 орудийных фейерверкеров). У большинства прислуги шинели были прострелены шрапнельными пулями.

Через некоторое время в бою приняли участие 4-я и 5-я батареи (командиры — подполковник Занковский и подполковник Мешковский), заняв позицию правее 6-й. В 5-й батарее был ранен штабс-капитан Разумовский.

Полки дивизии, развернувшись в боевой порядок, начали наступление, но вскоре по приказанию начальника дивизии генерала В. Шатилова наступление было приостановлено. Решение досадное, так как на другой день выяснилось, что немцы отходили, оставив на батарее 15 трупов. Пехотные солдаты рассказывали потом даже такую подробность, что у одного из убитых немцев засела в глазу наша шрапнельная дистанционная трубка, а в руке осталась недоженный ломоть хлеба, намазанный медом. Если бы пехота была немедленно двинута вперед, возможно, что мы захватили бы пленных и даже орудия, вывозить которые помогали крестьяне.

На другой день наступление продолжалось. Противник продолжал отходить. 20 сентября корпус подошел к Сувалкам, который был занят 21-го, но к вечеру в нескольких верстах к северу, в районе деревень Бяловоды, Поташна и Осово, наши колонны были встречены сильнейшим артиллерийским огнем. Для наших частей этот второй бой был началом героических кровопролитных атак укрепленной позиции немцев, огражденной несколькими рядами проволочки и снабженной многочисленной тяжелой артиллерией. Наши славнейшие полки русской армии, Эриванский, Грузинский, Тифлисский и Мингрельский*), шли вперед и гибли под градом

снарядов и сильнейшим ружейным и пулеметным огнем. Нашим легким батареям досталась трудная задача бороться с немецкой тяжелой артиллерией, превосходившей нас вдвое и калибром и количеством выпускаемых снарядов. Только благодаря искусству стрельбы и напряженному наблюдению мы не давали возможности противнику перейти в контратаку.

16-й гренадерский Мингрельский полк на четвертый день боя после нескольких атак захватил окраину деревни Рудки, потеряв больше половины своего состава. Мингрельцы залегли и стали окопываться. В это время немецкая пехота в три линии, как на параде, вышла из окопов и бросилась вперед. Это был единственный случай такой ненужной храбрости, который мы наблюдали за всю войну. Наша шрапнель по открытым целям наносит страшное поражение, и после нескольких минут соединенного ураганного огня всей бригады немцы вернулись в свои окопы. За этот бой два офицера-наблюдателя 6-й батареи, штабс-капитан Ульянов и поручик Баранов, были награждены Георгиевским оружием.

Наши батареи ежедневно обстреливались огнем тяжелых 6-дм. орудий. Однажды поздно вечером мы насчитали на батарее и вблизи ее до 300 воронок. Снаряды рвались со страшным грохотом, поднимая густой клуб черного дыма, высоту в 4-5 сажен. Их полет и приближение длились 8-10 секунд. Разрыв давал воронку в зависимости от грунта около 4-5 шагов в диаметре и глубиной в полтора аршина. Множество осколков с резким свистом разлетались далеко по округности. Солдаты окрестили снаряды «чемоданами», и это прозвище осталось на всю войну. Были еще бризантные гранаты, рвавшиеся в воздухе, давая большой клуб мутного желто-зеленого дыма, но употребляли их немцы сравнительно редко. Легкой артиллерии мы не замечали. Изредка на передовых наблюдательных пунктах, когда немцы нас обнаруживали, мы попадали под частый огонь одного или двух легких орудий, но после «чемоданов» это были сущие пустяки. Легкая артиллерия противника была значительно слабее нашей.

Каждую ночь наши батареи меняли позиции, — шагом на 300-400 в сторону от прежней, и каждое утро с рассветом наша предыдущая позиция засыпалась градом снарядов. Нам удавалось спокойно вести огонь до тех пор, пока противник по нашим выстрелам вновь начинал нас наступывать, выпуская очереди, каждый раз по четыре снаряда. Потерь мы несли в этих боях очень мало. Был ранен капитан

*) Командиры полков: Эриванского — флигель-адъютант полковник Мдивани, Грузинского — полковник Кальницкий, Тифлисского — полковник Прокопенко, Мингрельского — полковник Никифоракки.

Шкабич, убито и ранено всего 30 человек нижних чинов (в 1-м дивизионе), из них половина на наблюдательных пунктах. Сколько было потерь во 2-м дивизионе мне неизвестно. Объяснялось это тем, что мы быстро применились к сбителю: около орудия и зарядного ящика, которые всегда стояли вместе на позиции, вырывались два окопа, очень узких и глубоких, в рост человека, со ступеньками, чтобы выскакивать к орудию. Батарея вела нормально огонь до того времени, когда первая очередь противника ложилась недалеко от позиции. После этого, в течение тех секунд, когда мы слышали приближение следующей, по команде: «Закройсь!» 6-й, 5-й и 3-й номера и, последним, № 1-й, наводчик скрывались в левый окоп, а орудийный фейерверкер, 2-й и, последним, 4-й номер, правильный, скрывались в правый окоп. Едва «чемоданы» разрывались, прислуга сейчас же вылетала наверх, и в ответ немцам летели с визгом наши шрапнели. Таким образом, при самом сильном обстреле мы не прекращали огня. Часто осколки неприятельских снарядов перебивали у нас колеса и портили прицельные приспособления, но из восьми орудий всегда оставалось достаточно, чтобы вести огонь.

В общем, по сравнению с потерями нашей героической пехоты, артиллерия в этих боях целиком сохранила свой кадровый состав.

НАСТУПЛЕНИЕ И БОИ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

В конце сентября и до 20 октября бои на нашем участке почти прекратились, но обстрел позиций немецкой артиллерией продолжался ежедневно и заставлял нас все время вести напряженное наблюдение. Мы стреляли мало — было приказано беречь снаряды.

В районе Филиппова, к западу от нас, и на левом фланге нашего корпуса с 10 по 20 октября бои шли с удвоенной силой. Эриванский полк с 6-й батареей был послан на помощь 51-й пехотной дивизии и финляндским стрелкам. После нескольких дней боев успех склонился на нашу сторону, и немцы отошли по всему фронту.

21 октября утром нас поразила тишина в окопах противника: ни одного выстрела, никакого движения. Послала разведку. Вскоре было получено донесение: «В окопах пусто, немцы ушли». Таким образом успех на левом фланге очистил нам дорогу для нового наступления.

Через несколько часов мы двинулись вперед. Вскоре мы перешли германскую границу и после короткого удачного боя заняли город Гольдап.

Наступление продолжалось в направлении Мазурских озер. 30 октября Кавказская грена-

дерская дивизия подошла к деревне Думбельн. Правее нас двигалась 51-я пехотная дивизия. Немцы ее неожиданно атаковали и оттеснили на несколько верст назад, таким образом мы оказались впереди и на уровне правого фланга немцев. Это произошло 31 октября и 1 ноября. Батареи стали на позиции, пехота развернулась фронтом к противнику и стала окапываться. С утра 2 ноября командир 3-й батареи полковник Глебович-Полонский был послан занять наблюдательный пункт, который был выбран им на перегибе длинного гребня, скрывавшего наши орудия. За наимением окопов мы устроились в глубокой придорожной канаве, откуда открывался большой кругозор. Впереди, в 200 шагах, окапывались эриванцы.

Капитан князь Е. Шервашидзе, командовавший участком подошел ко мне и сообщил, что правее показались из леса отдельные немцы, ис мы, артиллеристы, в наши приборы увидели еще более важную цель: левее леса, за деревней показалась длинная колонна пехоты, всего на прицеле 75 (3 версты) от нашей батареи. Я показал князю Шервашидзе эту цель.

Через несколько минут, в ответ на наше донесение был получен приказ: «Артиллерии немедленно открыть огонь». За это время немцы подошли еще ближе. Первая же очередь сразу дала попадание. Со второй мы перешли на беглый огонь. В колонне произошло замешательство, видимо шрапнель вырывала целые ряды в сомкнутом строю немцев, отдельные люди отбегали в разные стороны.

Вскоре немцы исчезли, но мы по опыту знали, что они не отошли, а рассыпались и зарываются в землю. Поэтому мы продолжали вести интенсивный огонь и, пользуясь картой, перекопали его во все возможные пункты их скопления.

Через несколько часов немцы ввели в бой новые силы. На этот раз, используя складки местности и перелески, цепи противника близко подошли к нашим позициям и с большим порывом атаковали участок двух батальонов Эриванского полка. Атаки были отбиты. Решительную роль сыграл здесь огонь 2-й батареи. Командир ее, подполковник И.М. Стопани, нашел очень удобный пункт для наблюдения, но и весьма опасный: спереди и справа, вдоль сообщений с пунктом, немцы вели все время сильный ружейный огонь. Пункт этот приходился как раз в районе, где оторвался от нас 51-я пехотная дивизия. Батарея подполковника Стопани все время обстреливала цели немцев, меняя направление и комбинируя шрапнели с гранатой. 1-я батарея, оторванная влево, меняла позицию и помочь нам не могла. Было еще совсем светло, когда бой прекратился и противник начал отходить. Подполковник Стопани был контужен, папаха его была пробита пулей,

но несмотря на это он остался в строю. Снарядов в этом бою мы не жалели, более 3.000 шрапнелей и гранат сделали свое дело.

Немцы под впечатлением нашего огня отступили и против 51-й пехотной дивизии.

Наш поход продолжался с прежней энергией. Осень с ее дождями и туманами сменилась зимой, морозами и снегом. Мы видели уже линию Мазурских озер у Ангербурга и дымки поездов, уходящих вглубь Пруссии. Население бежало перед нами с момента перехода границы, бросая все имущество, скот и инвентарь, коровы, свиньи, гуси бродили по полям. Наши солдаты их ловили, и войска питались так, как никогда потом во всю войну. Я сам наблюдал, как солдатик из прикрытия начинал на остаток жарить бочок свинины, продолжал его дожаривать на следующей и на третьей останков; на четвертой он уже уписывал с аппетитом жирные куски собственного приготовления.

НА ЗАЩИТУ ВАРШАВЫ

В первой половине ноября наш корпус был выведен из боевой линии. Походным порядком мы вернулись к русской границе и по железной дороге были направлены в Варшаву.

К западу от польской столицы шли серьезные бои. Корпуса генерала Макензена с подавляющей артиллерией наносили удар за ударом сибирским стрелкам, героически защищавшим Варшаву. Нас двинули к ним на помощь.

22 ноября ночью в районе селения Сохачева-Скородо мы сменили 3-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Линия позиций была условная: окопов или не было, или они были разрушены. Наскоро были вырыты новые. Проволочных заграждений поставить не удалось, так как сейчас же начались бои. Немцы, получив подкрепления и подвезя новые тысячи снарядов, вновь начали атаки. У нас же наступил трагический момент... Было получено секретное предписание — расходовать не более четырех снарядов в день на орудие! Мы поняли, что артиллерия фактически вышла из строя. Трудно описать наше душевное состояние, — никто, конечно, словом не выразил своего негодования, но в душе появилось первое сомнение в успехе войны.

Атаки продолжались до 29 ноября, и отбивались штыками и ружейным огнем. Полки таяли на глазах, многие участки фронта были уже прорваны и окружены с трех сторон. Гибель пехоты, оставшейся без поддержки своей артиллерии, была неизбежной. 29 ноября атаки шли за атаками. Уже темнело. Мы стояли на позиции за небольшим лесом. Впереди был адский грохот пулеметов и ружейной стрельбы. Немецкая артиллерия била по лесу впереди нас

и посылала очереди снарядов по всем тылам. Через батарею все время шли и пзлыли раненые. По их словам все было уже кончено и немцы ворвались в окопы. Проверить это было невозможно, так как все телефонные провода были с нашим пунктом порваны, а посланные вперед люди для их исправления не возвращались. Мы подняли передки ближе к батарее, справа и слева от орудий рассыпали в цепь полуроту прикрытия. Орудия были заряжены на картечь. В это время стал подниматься густой морозный туман. Лес впереди нас завлакивался белым молоком, наступающая темнота еще более усиливала жуткое впечатление.

Вдруг стрельба разом оборвалась. На несколько минут настала мертвая тишина, потом опять затрещали ружейные выстрелы и над нашими головами стали посвистывать пули. Из тумана шли и бежали уже здоровые люди. Наконец появился, запыхавшись, один из посланных вперед наших людей, подбежал к командиру батареи и доложил, что немцы уже подошли к лесу несколько минут тому назад. Почти одновременно командир дивизиона полковник Казбек отдал приказание немедленно уводить батареи в тыл.

Тихо, шагом подошли передки, молча был выполнен привычный маневр подъезда передков, и батарея шагом двинулась на дорогу. Подождя, пока последнее орудие не скрылось за поворотом, офицеры, оставшиеся на позиции, собрали прикрытия и пошли догонять батарею. Вскоре нам встретились пехотные части одной из второочередных дивизий (если не ошибаюсь — 82-й), посланные на поддержку. Части эти тоже получили приказ отходить, и вместе с ними мы ушли за реку Взуру.

В этом бою во втором дивизионе на наблюдательном пункте был ранен в грудь навалет и взят в плен штабс-капитан Крыжевич (награжден Георгиевским оружием). В нашем дивизионе, в том самом пулеметном гнезде, откуда я видел поле с убитыми немцами, был тяжело ранен днем 1-й батареи штабс-капитан Колзак, вынесенный эриванцами в тыл. Этот доблестный офицер, когда был убит Эриванского полка поручик Черепанов, командовавший взводом пулеметов, взял в руки пулемет (почти все пулеметчики были перебиты и переранены) и обстреливал немцев, пока не упал, обливаясь кровью, с пулевой раной в голове (награжден Георгиевским оружием). На всех батареях были убитые и раненые ружейными пулями.

На реке Взуре к нам подошли подкрепления, и мы получили снаряды. Остатки наших grenадер вместе с пехотой второочередных дивизий еще находят силы отбивать атаки немцев, пытавшихся переправиться на восточный берег. Особенно отличились в этих боях грузин-

цы, взявшие даже пленных. После неудачи своей попытки противник, видимо, также сильно пострадавший за месяц боев, отказался от наступления, и началось «Бзурское сидение», — частый обстрел наших позиций 30-см. (12-дм.) тяжелыми австрийскими пушками, делавшими огромные ворсинки до сажени глубиной и 10-15 шагов в диаметре. Происходили небольшие местные атаки и контратаки. Мы оставались на этих позициях до 26 февраля 1915 г.

БСМ В РАЙОНЕ ГОРОДА ПРАСНЫША. ПЕРЕХОД К ПЛОНСКУ

В конце февраля 2-й Кавказский корпус, пополненный до полного боевого состава и отдохнувший за три месяца стояния на Бзуре, был переброшен в направлении города Прасныша, где шло новое крупное наступление немцев. И тут опять выпала честь сибирякам и кавказцам остановить противника и вынудить его к оборонительному бою.

2 марта начались очень тяжелые атаки. Днем уже начиналась оттепель, а ночью все замерзало опять. Раненые, упавшие в грязь, примерзали к земле и, чтобы их вынести, приходилось разбивать землю кирками и лопатами. Позиции для артиллерии были неудобные, с открытым тылом. Подводить зарядные ящики днем было невозможно. Мы пользовались отдельными лошадьми, которые с лотками, переброшенными через седло, в поводу проводились по оросительным канавам и овражкам до позиций батарей. В бригаде было много потерь в людях и лошадях. В Черница-Борова был убит командир 2-го дивизиона полковник Шепатовский.

В этих боях произошел первый случай попадания целым снарядом в зарядный ящик, стоявший на позиции всегда рядом с орудием. Почти вся прислуга была буквально разорвана в клочки.

Гренадерская дивизия развернулась в районе дер. Зберож и Павлово-Кастельно. Артиллерия заняла позиции к северу от дер. Чернице Борова и Хойново, согласно приказанию, те, которые занимали сибиряки.

6 марта наше наступление, после страшных потерь, было приостановлено и мы укрепились на занятых позициях. 14, 15 и 16 марта шли исключительно артиллерийские бои. Немцы впервые применили снаряды с удушливыми газами и, кроме того, с их стороны появилось много аэропланов, с помощью которых они пытались уничтожить наши батареи. Заметив передки и коновязи в лесу, в версте позади позиции 2-й батареи, они выпустили более 140 снарядов — одна очередь достигла своей цели — половина лошадей была перебита и переранена, пострадали также и ездовые.

Не имея специальных пушек для стрельбы по самолетам, мы применили свои трехдюймовки. В землю вбивался солидный деревянный кол, на который, на известной высоте, надевалось горизонтально орудийное колесо. Пушка подымалась, и ее колеса привязывались к ободу первого. Вокруг, для сошника лафета, устраивалась дорожка из солидных досок. Получался большой угол возвышения и быстрота и легкость поворотов. Небольшой недокат после выстрела доводился рукой до нормального положения.

Мы приготовили взвод, и первый же аппарат немцев лихо летевший на небольшой высоте, встретили беглым огнем. Он круто повернул к своим линиям и упал за окопами. Наши батареи по очереди посылали взвод для охраны штаба корпуса. Следующие аэропланы держались уже на большой высоте и при первых выстрелах уходили. Этот способ стрельбы был применен во всей бригаде. К сожалению, установка орудий требовала много времени и могла применяться только на долговременных позициях.

До середины апреля было сравнительное затишье. 17-го нас вывели из боя и передвинули на пассивный участок в районе Плонска. За неделю стояния на новых позициях ни мы, ни немцы не выпустили ни одного снаряда. В пехотных линиях велась иногда редкая ружейная стрельба. Вновь пополненные до боевого состава, мы ждали новых боевых задач.

Ждать пришлось недолго. 25 апреля нам был назначен форсированный ночной марш к Новогеоргиевску. Пехота была уже не та: старые grenадеры, которых осталось не более 300-400 человек на полк, шли все впереди, а пополнение из запасных старых сроков службы, в плохом пригнанном обмундировании, в сапогах не по мерке, не поспевали за головой коолнны. Под утро, на рассвете появилось много отсталых, измученные люди сидели по обочинам дороги или засыпали тут же мертвым сном. Большого труда стоило офицерам их собрать и довести до места посадки в поезда.

Нас торопили, — путь предстоял далекий, — в Галицию, на Львовское направление.

ПЕРЕБРОСКА В ГАЛИЦИЮ. БОИ К ВОСТОКУ ОТ РЕКИ САН

Воинские поезда с частями нашего корпуса шли почти без остановок, один за другим. Артиллерия была выгружена раньше на русско-австрийской границе и пошла походным порядком через Львов, в направлении городов Ярослава и Любачева.

18 мая корпус закончил свое сосредоточение. Гренадерская дивизия заняла позицию восточнее села Загроды, левее и правее полот-

на железной дороге на Ярослав. Эриванцы и тифлисцы — в первой линии, грузинцы и мингрельцы — в резерве. Артиллерийские позиции были выбраны на опушке леса, который тянулся далеко в тыл и по обе стороны нашего расположения.

Весна была уже в полном разгаре. Чудные солнечные дни заставляли забывать невзгоды и опасности боевой жизни. Никто не терял надежды на окончательную победу, несмотря на потуги, на неудачи и явное превосходство вооружения и снабжения противника.

Бой начался ночной атакой эриванцев и тифлисцев. Гренадеры, преодолевая неожиданное препятствие — целый ряд глубоких оросительных канав — дошли до самой линии проволочных заграждений. Накануне вечером наша артиллерия открыла интенсивный огонь по окопам германцев. Для разрушения окопов и проволочки наша шрапнель была непригодна, гранаты давали лучшие результаты, но их было очень мало. Таким образом наша стрельба причиняла лишь незначительный вред засевшим в окопах немцам.

Когда наша пехота подошла вплотную к позиции противника, наши батареи, опасаясь задеть своих, перенесли огонь по тылу германцев. Это дало возможность неприятелю безнаказанно расстреливать сильнейшим ружейным и пулеметным огнем цепи grenадер, залегших у проволочки. Артиллерия противника засыпала градом снарядов все пространство, пройденное нашими цепями за ночь. Вслед за эриванцами были двинуты грузинцы. Трое суток продолжалась эта трагедия, и на третью ночь полки, потеряв половину своего состава, отошли в исходное положение.

Капитан В. Шидельский, Эриванского полка, которого я видел впоследствии, рассказал мне подробно, как шла атака, — лично он пролежал 19 часов у проволочки в 50 шагах от немцев. Ползком, пользуясь теми же канавками, которые мешали наступлению, он ночью, со своими людьми, добрался до наших позиций.

Когда, год спустя, наше главное командование, используя тяжелый опыт подобных боев, стало собирать группы тяжелой артиллерии со всех участков фронта на тот, где намечался прогыв, тогда не было уже той славной пехоты, которая шла всюду, куда ее посылали, не жалея жизни и не задумываясь перед препятствиями. Последние пополнения были просто вооруженными хлебопашцами, сидевшими упорно в окопах, но совершенно неумельцами и не напористыми в атаке.

26 мая дивизия была передвинута на позиции южнее, в район сел. Тухла. Немцы, наружно бездействуя, подвезли резервы и на рассвете 31 мая обрушились на наши окопы. Как оказалось, в наступление на участок наших двух

полков пошел в атаку целый германский гвардейский корпус. Надо воздать должное немцам: их тактика массирования артиллерии и атаки избранными ударными частями очень часто имела успех. Но эти бои стоили им очень дорого. Уничтожив наши окопы первой линии тысячами снарядов, они продвигались на несколько верст вперед, но тут огонь нашей артиллерии, приобретавший всю силу своего поражения по открыто движущейся цели, останавливал немцев и заставлял их зарываться в землю в ожидании подхода своей артиллерии и подвса снарядов.

БОЙ 31 МАЯ У ТУХЛА

Ранним утром германцы начали небывалую еще по силе артиллерийскую подготовку. Тифлисский и Мингрельский полки, занимавшие передовые линии, были почти целиком уничтожены. Много дней уже не было дождя. Каждый разрыв снаряда подымал тучи пыли, от которой вскоре небо сделалось желтым. Высоко над нами кружились аэропланы противника, бросавшие зеленые и красные ракеты, указывая своей артиллерии наши позиции. События разворачивались с невероятной быстротой. 3-я батарея в 11 часов утра уже была обходена справа и ее наблюдательный пункт захвачен немцами. Наше прикрытие вышло вперед и вело огонь. Только хладнокровие нашего командира батареи, героя Порт-Артура и Георгиевского кавалера, полковника Глебовича-Полонского, дружная и умелая работа личного состава батареи, испытанного за многие месяцы войны, и густой лесок, скрывавший нас от взоров противника, спасли батарею от захвата в плен. Вызванные передки на карьере подошли к орудиям, и каждая запряжка, окончившая маневр, на карьере же уходила в лес. Ни одной заступки, ни одной ошибки в приемах! Через 10 минут, когда мы выстроились на дороге в лесу и рьяно шли занимать новую позицию, наша прежняя позиция была уже занята немцами.

2-я батарея, имея всего пять годных орудий, стояла левее нас и могла еще некоторое время вести белгий огонь по наступающим немцам. Два орудия стреляли вдоль всей линии позиций, а три задерживали атаку с фронта. Этим огнем был спасен штаб Тифлисского полка, находившийся в деревне Тухла.

Полковник Стопани, командир батареи, только накануне прибыл из долговременного ступса по болезни и сразу же попал в один из самых тяжелых дней нашей боевой жизни.

В это время подошли из резерва грузинцы и эриванцы и повели контратаку на немцев. 2-ю батарею удалось увести на руках, по-орудийно. Немецкая пехота остановилась, мы за-

няли в полном порядке новую позицию недалеко от прежней.

Пстери корпуса были слишком велики, соседние части (3-я гвардейская пехотная дивизия) тоже сильно пострадали, резервов не было. Началось медленное отступление в пределы Холмской губернии.

ОТХОД С БОЯМИ ЗА РЕКУ БУГ. ДВИЖЕНИЕ К ГОР. КОБРИНУ

Отступление в Холмскую губернию и далее, за реку Буг, сопровождалось частыми арьергардными боями. Обычно они останавливались на удобной позиции, вели оборонительный бой, давая возможность обозам и главным силам спокойно уйти вперед, и затем ночью отходили сами. Но были более продолжительные бои, по несколько дней. Мы переходили в контратаки и несколько раз нанесли противнику сильные удары. Наиболее серьезные бои были: 1 июня у с. Луковеш, 2 июня у с. Домброва, 3 июня у с. Башня-Озередек, 13 июня под с. Ловчей, 14 июня у Нароля, 15 июня у с. Лосинец, 17 июня у Комарово-Грабовец, 5 и 6 июля у Ухане Подлесье 19 июля у Теосин.

Наконец, самый крупный бой произошел 3 и 4 августа у Влодавы. Я лично в этом бою не принимал участия, будучи командирован со взводом орудий для охраны штаба корпуса против налета аэропланов.

После бся под Влодавой 2-й Кавказский корпус был выведен из боя и походным порядком направлен в гор. Кобрин для посадки в поезд. Нас перебрасывали на север, на Новотроцкие позиции, к западу от Вильно.

Наше долгое отступление происходило в полном порядке, несмотря на то, что остатки нашей пехоты таяли на глазах, подкрепления же стали подходить только в июле. Артиллерия сделалась основой всякой позиции, и на ней строилось все сопротивление. По признанию самих немцев наш огонь был для них при наступлении самым страшным врагом.

Характерный случай произошел при отходе нашей пехоты у Вульки Лабунской. 1-я батарея, которой командовал капитан А.В. Фок, стояла на позиции, не стреляя, и уже собиралась уходить вместе со своей пехотой. Вдруг, не веря своим глазам, капитан Фок увидел четыре немецких орудия, открыто вехавших на окраину деревни и открывших частый огонь по ступавшим гренадерам. 1-я батарея открыла убийственный огонь. В несколько минут немецкая батарея была выведена из строя, уцелевшая прислуга бежала, и орудия были бро-

шены. Наша пехота хотела было их захватить, но общее отступление уже шло по всему фронту и начальник арьергарда не рискнул самостоятельно перейти в наступление.

Кавалерия наша в этот период вышла вперед. Мимо нас все время проходили разъезды и более крупные части.

Караваны беженцев сопровождали отходившие колонны войск. Узлы с жалким скарбом тащились на руках, редкие повозки были запряжены тощими клячами, так как все годные лошади были взяты в армию. Раз только мы видели в одном богатом польском имении фургоны с хорошими лошадьми, но помещик, видимо имел на это особое разрешение. Мы подкармливали беженцев и помогали им, чем могли.

Еще один интересный боевой эпизод произошел в течение этого периода: одну неделю нашим противником оказались австрийцы. Это было в первый и в последний раз за всю кампанию. Сразу же обозначилась разница в боевых качествах между немцами и их союзниками. Австрийская артиллерия, стрелявшая шрапнелью на очень высокие разрывах, никого не пугала, а их пехоте сразу от нас досталось: между нашей и австрийской позициями находился фольварк Облычен, окруженный лесом и занятый отрядом австрийцев силою около батальона с пулеметами. Наша пехота ночной атакой в штыки захватила фольварк и взяла много пленных. Мы видели, как наши крупные ростом солдаты, прочно держа за шиворот одного или двух маленьких австрийцев, вели их в штаб полка. Выражение лиц и у победителей и у побежденных было самое довольное, и они между собой объяснялись на каком-то непонятном для всех других языке.

БОИ В РАЙОНЕ ГОР. ВИЛЬНО НАЧАЛО ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ У КРЕВО И СМОРГОНИ

С 10 августа наш корпус был вновь в Литве. Наши части заняли позиции к западу от Вильно, у Новых Троков. На этом участке было затишье, и велась только обычная ружейная и оружейная стрельба, но вскоре к северу разгорелись серьезные бои. И день и ночь глухой гул канонады то усиливался, с раскатами, подобными ударам грома, то уходил вдаль и потом опять возвращался. Точно тысячи молотов били по гигантской наковальне. Ночью небо розовело от блеска выстрелов и пожаров. Гул этот был нам давно уже знаком. Он сопровождал нас всю войну с небольшими перерывами во время наших передвижений и редких дней полного затишья.

17 августа германцы прервали фронт корпусов, стоявших к северу от нас. В направ-

лении на Молодечно три немецкие кавалерийские дивизии проникли в тыл нашего расположения. Наш корпус был отодвинут на юг, армия переменяла фронт, и вскоре мы вступили в бой с продолжавшими наступление немецкими пехотными частями. Для ликвидации проникших в тыл кавалерийских частей германцев были высланы отдельные батальоны пехоты со взводами артиллерии, которыми устраивались засады и уничтожались разъезды неприятельской конницы. 9 сентября фронт был окончательно восстановлен, и дивизия прочно укрепилась и устроилась на позициях в районе Крево-Сморгень.

13 сентября, у дер. Вербушки, Мингрельский полк блестяще отбивает новые атаки противника. Рошица, окружавшая кладбище в районе наших позиций, была захвачена неприятельской пехотой. Гренадеры ударили в штыки, выбили немцев и продержались до подхода резервов. В этом бою особенно отличилась наша 1-я батарея, которой командовал капитан А. Фок, награжденный орденом св. Георгия 4-й ст.

Наступала зима, война стала принимать затяжной и чисто позиционный характер. Устали мы, устали и немцы. Надо было выиграть время и подготовиться к большому весеннему наступлению. Особенно важен был вопрос со снабжением артиллерии. Мы теперь уже получали снаряды в необходимом количестве, но этого было мало, нужно было иметь их в изобилии. Пехоте нужно было получить пополнения, восстановить тот неуловимый и драгоценный в бою дух части, который создается только долговременной и неустанной работой офицеров.

В ноябре я получил назначение на должность старшего офицера во вновь формирующуюся бригаду и временно покинул фронт. Проездом я видел в Петрограде тройку лошадей Путиловского завода, перевозившую но-

венькую пушку тяжелого калибра. У меня поневоле мелькнула мысль: если бы много таких пушек было с нами в начале войны, все повернулось бы иначе...

А.В. Козьмин

Офицеры бригады, убитые, раненые и контуженные в войну 1914-17 гг.

Убитые :

Полковник Шепатовский, штабс-капитан Кедрин, прсручик Завадский, поручик Арванитакти.

Раненые :

Капитан барон С. Людинкгаузен-Вольф, капитан Шкабич, капитан Влесков, штабс-капитан Толмачев, штабс-капитан Разумовский, штабс-капитан Колзаков, штабс-капитан Гаранин, поручик Крижевич, прпорщик Рольке

Контуженные :

Подполковник Стопани, подполковник Ленартович, прапорщик князь Абхази, штабс-капитан Козьмин, штабс-капитан Чиджавадзе.

Офицеры бригады, награжденные в войну 1914-17 гг.

Орденом св. Георгия 4-й степени :

Капитан А. Фок, штабс-капитан Толмачев

Георгиевским оружием :

Штаб-с-капитан Ульянов, штабс-капитан В. Баранов, штабс-капитан Колзаков, штабс-капитан Кедрин (посмертно), поручик Лашев, поручик Крижевич, поручик Беликов, поручик Арванитакти (посмертно).



Исторический очерк Лейб-Гвардии Конной Артиллерии

(окончание)

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ



В конце 1918 г., на юге России, из небольшой ячейки собравшихся там офицеров вновь зародилась Л.-Гв. Конная Артиллерия. Ее сокращенный двухбатарейный состав, возникший постепенно, стяжал ей тот ореол боевой славы,

который в течение 16 месяцев беспрестанных боев окружал ее в Добровольческой Армии. Особенно блестящи были действия первой батареи под командой ее основателя полк. Б.А. Лагодовского.

Краткий перечень боевых действий обеих батарей

1919 год

Январь. Конец формирования 1-ой батареи

2-орудийного состава, нового облегченного 3-дьюймового образца 1912 г. Боевые действия в Мелитопольском уезде.

Февраль-апрель. Развертывание батареи в 2-взводную из 4 орудий. Действия против Махно. Составление Северной Таврии и отступление с боями на Акманайский перешеек.

Май. Падение восстания в Керчи.

Июнь. Развертывание батареи в «Дивизион Гвардейской Конной Артиллерии Добровольческой Армии» под командой полк. Д.С. Перфильева; командир 1-ой бат. Б.А. Лагодовский, 2-ой — В.М. Котляревский.

Август. Бои в Полтавской и Черниговской губ. у Зенькова, Рашевки и Бахмача.

Сентябрь. Нежинская эпопея — бои у Грибовки, Веркиевки и Вересочи. Захват штабного поезда. Лихой выезд 1-ой батареи на открытую позицию, расстреляв противника на 1.000 шагов. Погрузка в Нежине и прибытие в Бахмач. Формирование 3-го взвода 1-ой батареи, отныне 6-орудийного состава.

Октябрь. Переход дивизиона к Глухову и Облонцам. Стычки с отрядами атамана Шубы.



Выезд на позицию. Эпоха Императора Николая I.
(Музей лейб-гв. Конной Артиллерии № 641)

Бой с открытой позиции 1-ой батареей для поддержки атаки Кавалергардского эскадрона и взятие Сабичева. Новый выезд на открытую позицию и конная атака эскадронов Кирафир и Конной Гвардии. Взятие Макова. Бой под Кролевцом с открытой позиции. Отход к Глухову и успешный ночной бой двух орудий 1-ой батареей. Взятие и оставление Слоута и Глухова. Движение обеих батарей на Рыльск. Бой 2-ой батареей у дер. Николаевки и Поповки.

Ноябрь. Отсутствие пополнений принуждает свести 1-ую батарею к 4-орудийному составу. Сильные потери обмороженными и от тифа и оспы: продолжение сворачивания. Бой под Ямное. Уход 1-ой батареей в Мереху для пополнения материальной частью, людьми и лошадьми. Отход 2-ой батареей к Заболотковке, оставление Сум. Бои у Ахтырки и Высоцкого. Отход с арьегардными боями. Восстановление 1-ой батареей в 6-орудийном составе. Продолжение отступления с боями, встреча с конницей Буденного. Краткое контрнаступление. Сдача Харьковца. Бои в районе Н. Водолаги и оставление ее. Заболевание Лагодовского сыпным тифом и эвакуация его. Беспрестанные действия «зеленых». Эвакуация заболевшего командира 2-ой батареей Котляревского.

Декабрь. Бои 2-ой батареей у Медведовки, Власовки и Дмитровки и отход к Лозовой и, далее, на Таганрог. Возвращение в батарею Котляревского и Лагодовского. Удар конницы Буденного на стык Донской и Добровольческой Армий и занятие ею узловой станции Иловайской. Соединение 1-ой и 2-ой батарей. Продолжение дезертирства. Отъезд генерала Врангеля в тыл с целью создания там резерва. Продолжение отхода на Ростов, минуя Таганрог.

1920 год

Январь. Участие 2-ой батареей в кавалерийском бою с конным корпусом Буденного; взяты

пленные, орудия и пулеметы; отступление красных; продолжение попытки взятия Ростова.

Февраль. Бой у Кулишевки и приближение к Роству через Гниловскую, с 1-ой батареей в авангарде. Захват на сутки и оставление Ростова. Прорыв фронта конницей Буденного у Тихорецкой. Отход к югу, на Кубань.

Март. Соединение 1-ой и 2-ой батареей. Прибытие в загруженный Новоросийск. Следование далее, на Абрау. Возвращение в Новоросийск и прибытие в порт для погрузки среди невероятного столпотворения все загрузивших обозов. Орудия, материальную часть, лошадей и обоз грузить запрещено; позволено взять лишь оружие и седла. Отплытие из Новоросийска и прибытие в Феодосию, где происходит расформирование «Дивизиона Гвардейской Конной Артиллерии Добровольческой Армии».

В заключение следует особо отметить что наша 6-я Донская казачья батарея, действовавшая в Добровольческой армии отдельно от дивизиона, в марте того же года, в Новоросийском порту, успела лишь сбросить в море свои четыре орудия, а личный состав во главе с командиром, есаулом Коньковым, остался непогруженным.

На следующее утро город был занят красными. Этим трагическим событием заканчивается первый, быть может наиболее яркий период участия нашей лейб-гвардии Конной Артиллерии в действиях Добровольческой армии.

Заключая этот краткий обзор основных моментов жизни лейб-гвардии Конной Артиллерии, мы попытались восстановить главнейшее. Наше повествование, подчеркнутое из весьма полных архивных данных, освещает в главных чертах историю родной нашей части, в лице шести ее батарей, историю, до сих пор не являющуюся в военной печати.

К.В. Киселевский

ПРИЛОЖЕНИЯ :

1) Командиры Л.-Гвардии Конной Артиллерии
 1805-1811 — Костенецкий, Василий Григорьевич,
 1811-1820 — Козен, Петр Андреевич,
 1820-1821 — Арнольди, Иван Карлович,
 1821-1823 — Еистром 1-ый, Антон Антонович,
 1823-1834 — Гербель 2-ой, Карл Густавович,
 1834-1844 — Ганичев, Петр Яковлевич,
 1844-1852 — Шварц, Владимир Максимович,
 1852-1856 — Е.И.В. Вел. Князь Михаил Николаевич,
 1856-1864 — Милюков, Василий Петрович,
 1864-1870 — Гершау, барон фон-, Александр Петрович,

1870-1871 — Черницкий, Адам Гаврилович.
 1871-1873 — Губский, Федор Александрович,
 1873-1878 — Бреверн 3-ий, Магнус Иванович,
 1878-1886 — Шепелев, Александр Дмитриевич,
 1886-1889 — Короченцов 1-ый, Алексей Петрович,
 1889-1896 — Ореус, Михаил Федорович,
 1896-1899 — Ланге, Павел Карлович,
 1900-1904 — Кузьмин-Караваев 2-ой, Дмитрий Дмитриевич,
 1904-1904 — Е.И.В. Вел. Князь Сергей Михайлович,
 1904-1909 — Масальский, князь Владимир Николаевич,
 1909-1914 — Орановский, Николай Алоизович,



Снятие с передков. Эпоха Императора Николая I
(Музей лейб-гв. Конной Артиллерии № 642)

2) Георгиевские кавалеры
награжденные офицерским крестом и золотым
и георгиевским оружием в рядах Л.-Гв. Конной
Артиллерии

Бистром 2-сй, Ф.А. — Георгий 4 ст. за Фер-Шампенуаз — 13.3.1814,
Бреверн 3-ий, М.А. — Георгий 4 ст. за Телиш — 16.10.1877,
Велио, бар. В.И. — Георг. ор. за Гомолин — 24.11.1914,
Виноградский 2-ой, А.Н. — Георг. ор. за Болхатово — 20.11.1914,
Война-Панченко, С.К. — Георгий 4 ст. за Ивановгород — 11.10.1914,
Ворстников, Н.М. — Георг. ор. в войну 1914-17 гг. — 20.11.1914,
Гербель, К.Г. — Георгий 3 ст. за Остроленку — 14.5.1834,
Гербель, К.Г. — Золотое ор. за Тыкочин.
Герстенцвейг, Д.А. — Золотое ор. за Фер-Шампенуаз — 13.3.1814,
Гершельман 8-ой, А.С. — Георг. ор. за Борозню — 20.9.1915,
Гершельман 5-ый, Г.С. — Георгий 4 ст. (посмертный) за Каушен — 6.8.1914,

Граббе, гр. П.Х. — Георгий 4 ст. за Смоленск — 6.8.1812.
Кирличев, Л.Н. — Георгий 4 ст. за Каушен, — 6.8.1914,
Козен, П.А. — Георгий 4 ст. За Мало-Ярославец — 12.10.1812,
Козен, П.А. — Георгий 3 ст. за Люцен — 20.4.1813,
Козен, П.А. — Золотое ор. за Фер-Шампенуаз — 13.3.1814,
Колзаков 1-ый, К.Я. — Георг. ор. за Речку — 8.9.1915,
Костенецкий, В.Г. — Георгий 4 ст. за Аустерлиц — 20.11.1805,
Костенецкий, В.Г. — Георгий 3 ст. за Бородино, — 26.8.1812,
Костенецкий, В.Г. — Золотое ор. за Фридрихсбург — 2.6.1807,
Кутайсов 1-ый, гр. А.И. — Георгий 3 ст. за Прейсиш-Эйлау — 27.1.1807,

Кутайсов 1-ый, гр. А.И. — Золотое ор. за Фри-
дланд — 2.6.1807,
Кутайсов 3-ий, гр. К.П. — Георг. ор. в войну
1914-17 гг.
Кузьмин-Караваев 5-ый, Н.Д. — Георгий 4 ст.
(посмертный) за Бережницу — 28.6.1916,
Линевич, А.Н. — Георг. ор. в войну 1914-17 гг.
Мевес 1-ый, Г.Р. — Георг. ор. в войну 1914-17
Перфильев, Д.С. — Георг. ор. за Крежно — 24.
11.1914,
Рот 3-ий, П.А. — Георг. ор. за Оникшту — 20.
7.1915,
Семчевский 1-ый, К.В. — Георг. ор. за Шла-
ванту — 2.6.1915,
Сеславин 2-ой, А.Н. — Георгий 4 ст. за Бороди-
но, 26.8.1812,
Смагин, А.П. — Георгий 4 ст. за польскую кам-
панию 1831,
Смагин, А.П. — Золотое ор. — 1812,

3) Отличившиеся храбростью солдаты Аустерлиц, 1805 г.

Маслов Федот, Михельсон Илья, Анянов
Роман, Соколов Трофим, Федоров Степан,
Бровкин Савелий, Иванов Владимир, Власов
Семен, Тиханов Николай, Назаров Ефим, Су-
ровцев Герасим, Николаев Федор, Артамонов
Куприян, Федотов Иван, Филиппов Ефрем,
Дмитриев Иван, Петров Карп, Домичев Леон-
тий, Злобин Федор, Стафеев Иван, Хамченко
Тимофей, Василенко Емельян, Исаев Петр, Ку-
раев Ефрем, Кусакин Григорий, Устьянцев Се-
мен, Федоров Андрей, Фокин Петр, Ильин Сте-
пан, Филимонов Иван, Анбулов Михаил, Высо-
ких Иван, Еремчуков Иван, Дубов Павел.

4) Солдаты, награжденные Георгиевским Крестом *) В войну 1807 г.

Харламов Иван, Перейра Василий, Федоров
Степан, Крыков Степан, Маслов Федот, Беспо-
ясов Дмитрий, Михельсон Илья, Заморин Иван,
Власов Семен, Живой Иван, Соколов Трофим,

Стеблин-Каменский, Г.Г. — Георгий 4 ст. за
Опатов — 9.1914,
Сухозанет 1-ый, И.О. — Георгий 4 ст. за По-
лоцк — 6.8.1812,
Таль, А.Я. — Георгий 4 ст. за Горный Бугоров
21.12.1877,
Таль, А.Я. — Золотое ор.
Трепсв 1-ый, Ф.В. — Георгий 4 ст. (посмерт-
ный) за Телеханы — 8.9.1915,
Трепов 2-ой, В.В. — Георгий 4 ст. за Метейко-
ну — 12.9.1915,
Трепов 2-ой, В.В. — Георг. ор.
Упомянутых 4-ый, В.Н. Георг. ор. в войну 1914-
17 гг.
Хитрово 4-ый, В.С. Георг. ор. в войну 1914-17.
Шведов, С.А. — Георгий 4 ст. за Поняты — 20.
7.1915,
Эристов, кн. А.Н. — Георгий 4 ст. за Каушен —
6.8.1914.

Бровкин Савелий, Пробей-Головка Никифор,
Кириллов Никифор, Матреницкий Мирон, Вер-
гун Андрей, Соболев Евсей, Высоких Иван, Се-
менов Павел, Зырянов Никита, Иванов Матвей,
Тиханов Николай, Рудоченко Петр, Ильин Сте-
пан, Евдокимов Сидор, Прохоренко Данила, Ка-
линбет Сидор, Савостьянов Григорий, Прохоров
Лаврентий, Рыбин Антон, Рагозенко Петр, Гор-
да Севастьян.

В Отечественную Войну 1812 г.

Зотов Яков, Жохов Николай, Кислицын
Григорий, Прохоров Дмитрий, Анянов Роман,
Карнаухов Василий, Басков Лука, Чеснаков
Ларион, Бояльский Петр, Антонов Егор, Медве-
дев Иван, Яковлев Федор, Сукин Дмитрий, Ло-
бачев Иван, Николаев Федор, Гриценко Игна-
тий, Рагозенко Петр, Коваленко Михаил, Ко-
валенко Кондратий, Зуев Яков, Алексеев Фе-
дор, Борисов Иван, Полетков Александр, Голо-
мозда Алексей, Василенко Емельян, Липка Га-
врила, Возной Степан, Ланин Григорий, Злобин
Федор, Евдокимов Меркул, Шевченко Потап.

*) Георгиевский крест был учрежден 13 февраля
1807 г. только одной степени; в 1833 г. была прибав-
лена 2-ая и наконец с 1856 г. крест имел четыре сте-
пени.

После Отечественной войны и до самой ре-
волюции, мы не располагаем списком солдат
Георгиевских кавалеров лейб-гвардии Конной
Артиллерии.

**5) Командиры батарей лейб-гвардии
Конной Артиллерии**

1-я батарея

1805-11 — Костенецкий, Василий Григорьевич
 1811-12 — Захаров Ростислав Иванович
 1812-18 — Быстром 2-й Филипп Антонович
 1818-19 — Карнович Степан Степанович
 1819-20 — Копылов Гермоген Иванович
 1820-21 — Быстром 1-й Антон Антсонович
 1821-28 — Селецкий Дмитрий Петрович
 1828-31 — Лобанов Степан Степанович
 1831-35 — Врангель 1-й Роман Егорович
 1835-42 — Кнорринг 2-й Роман Иванович
 1842-50 — Кнорринг 1-й Эдуард Иванович
 1850-55 — Овсянников Алексей Васильевич
 1856-64 — Эйлер Николай Павлович
 1864-67 — Броневский Яков Дмитриевич
 1867-72 — Энгельгардт 1-й Александр Александрович
 1872-73 — Хлебников Владимир Николаевич
 1873-74 — Иванс 1-й Николай Сергеевич
 1874-85 — Доппельмейер 2-й Георгий Гаврилович
 1885-93 — Ланге Павел Карлович
 1893-95 — Кузьмин-Караваев 2-й Дмитрий Дмитриевич
 1895-97 — Лидерс-Веймарн 2-й Федор Александрович
 1898-01 — князь Масальский Владимир Николаевич
 1901-02 — Мезенцов 4-й Сергей Петрович
 1902-04 — фон Гилленшмидт 2-й Яков Федорович
 1904-05 — Давыдов 2-й Григорий Алексеевич
 1905-08 — Ивашинцев 3-й Николай Васильевич
 1908-14 — князь Эрстов Александр Николаевич
 1914-16 — Линевиц Александр Николаевич
 1917-17 — граф Ребиндер Сергей Александрович
 1917-17 — Барановский 1-й Николай Александрович

2-я батарея

1811-12 — Раль Александр Федорович
 1812-17 — Стольпин 1-й Дмитрий Алексеевич
 1817-18 — Герстенцвейг Даниил Александрович
 1818-19 — Бартоломей 2-й Иван Иванович
 1820-24 — Сухозанет 2-й Николай Онуфриевич
 1824-31 — Смагин Александр Павлович
 1831-31 — Соколов Иван Григорьевич
 1831-32 — Штральборн Василий Карлович
 1832-33 — Роспп
 1833-42 — Миттон Роман Романович
 1842-47 — Евреинов 1-й Иван Яковлевич

1847-48 — Калагеоргий Константин Иванович
 1848-49 — Левин Лев Федорович
 1849-58 — Костанда Апостол Спиридонович
 1858-63 — барон Таубе Максим Антонович
 1863-70 — Черницкий Адам Гаврилович
 1870-75 — Ланц Карл Карлвич
 1875-85 — фон Таль Александр Яковлевич
 1885-95 — Хитрово 1-й Александр Михайлович
 1895-98 — граф Баранцов Михаил Александрович
 1898-03 — Вел. Князь Сергей Михайлович
 1904-07 — Ивашинцев 2-й Андрей Васильевич
 1907-12 — Виноградский 2-й Александр Николаевич
 1912-14 — Гриппенберг Александр Оскарович
 1914-16 — Кирпичев 2-й Лев Нилович
 1916-17 — Огарев 2-й Борис Петрович
 1917-17 — Колзаков 1-й Константин Яковлевич

3-я батарея

1818-26 — Герстенцвейг Даниил Александрович
 1826-31 — Гербель 3-й
 1831-36 — барон Сталь фон Гольштейн Иван Карлович
 1836-41 — Лутковский Иван Сергеевич
 1841-44 — Мухин 1-й Павел Семенович
 1844-52 — Алевинский Павел Александрович
 1852-56 — Быченский 1-й Александр Филиппович
 1856-60 — князь Багратион Константин Алексеевич
 1860-64 — барон фон Гершау Александр Петрович
 1864-73 — Бреверн 3-й Магнус Иванович
 1873-78 — Канищев Сергей Степанович
 1878-83 — Ореус Михаил Федорович
 1883-95 — Мартынов 2-й Николай Николаевич
 1895-00 — Ивашинцев 1-й Сергей Васильевич
 1900-04 — Гаспарини Иустиниан Михайлович
 1904-06 — Геринг 5-й Эдуард Эдуардович
 1906-08 — Давыдов 2-й Григорий Алексеевич
 1908-14 — Завадовский Николай Иосифович
 1914-15 — Войно-Панченко Сергей Константинович
 1915-16 — Перебийносос Александр Николаевич
 1916-17 — фон Энден 1-й Владимир Петрович
 1917-17 — Лагодовский Борис Аркадьевич

4-я батарея

1817-19 — Гербель 1-й Василий Васильевич
 1820-21 — Бартоломей 2-й Иван Иванович
 1821-23 — Гербель 2-й Карл Густавович

- 1823-30 — барон Пистолькорс Астафий Федорович
 1831-34 — Ганичев Петр Яковлевич
 1934-36 — Казадаев 1-й Петр Александрович
 1836-39 — барон Сталь фон Гольштейн Иван Карлович
 1839-44 — Шварц Владимир Максимович
 1844-51 — Бреверн 1-й Александр Иванович
 1851-55 — Деконский 1-й Александр Кузьмич
 1855-62 — Баранов Александр Иванович
 1862-63 — Игнатьев 2-й Иван Дмитриевич
 1863-66 — Тухачевский Михаил Александрович
 1866-70 — Шепелев Александр Дмитриевич
 1870-73 — Канишев Сергей Степанович
 1873-79 — Кирван Александр Аполлонович
 1879-90 — Усов 2-й Владимир Степанович
 1890-90 — Мосслов 1-й Михаил Николаевич
 1891-95 — Атабеков Андрей Адамович
 1895-98 — Старынкевич 1-й Константин Соколов
 1898-01 — Винберг Василий Федорович
 1901-05 — Орановский Николай Алоизиевич
 1905-06 — Ден 2-й Эдуард Эдуардович
 1906-10 — Пилкин Константин Константинович
 1910-12 — Бэр Михаил Алексеевич
 1912-14 — граф Кутайсов 3-й Константин Павлович
 1914-15 — Рот 3-й Петр Александрович
 1915-17 — Трепов 2-й Борис Владимирович
 1917-17 — Швецов Сергей Александрович
- 5-я батарея**
- 1875-78 — Бесак Николай Александрович
- 1878-90 — Фан-дер-Флит Константин Петрович
 1890-95 — Воронович Александр Михайлович
 1895-97 — Мальцов Сергей Сергеевич
 1897-98 — князь Масальский Владимир Николаевич
 1898-99 — Гук Павел Ефимович
 1900-04 — Баговут 4-й Иван Карлович
 1904-08 — Гладкий Степан Васильевич
 1908-10 — Муромцев Семен Эммануилович
 1910-11 — Вел. Князь Андрей Владимирович
 1911-15 — барон Велю Владимир Иванович
 1915-15 — Трепов 1-й Федор Владимирович
 1915-17 — Чебышев 2-й Владимир Петрович
 1917-17 — Хитрово 4-й Владимир Сергеевич
- 6-я батарея**
- 1831-48 — Андриянов 1-й Алексей Иванович
 1848-55 — Кононов Александр Михайлович
 1855-64 — Платонов Евграф Иванович
 1864-70 — Крюков 1-й Иван Михайлович
 1870-83 — Короченцев 1-й Алексей Петрович
 1883-93 — Варламов Семен Николаевич
 1893-95 — Упорников 1-й Николай Иванович
 1895-99 — Михеев Александр Степанович
 1899-01 — Замчалов Илларион Осипович
 1901-06 — Пономарев 2-й Георгий Логгинович
 1906-10 — Чеботарев Порфирий Григорьевич
 1910-11 — Самсонъ Николай Матвеевич
 1911-14 — Вел. Князь Андрей Владимирович
 1914-16 — Упорников 2-й Анатолий Васильевич
 1916-17 — Упорников 3-й Николай Николаевич



Лейб-гвардии Конная Артиллерия на позициях
1914 г.

Библиография (из архива Объединения)

« 27 апреля в истории Гвардейской Конно-Артиллерийской Бригады » — А.Г. Борисевич, « Воспоминания » — А.Н. Перебинос (рукопись),
« Воспоминания » — Вел. Кн. Андрей Владимирович,
« Действия 2-ой Гв. Кав. Дивизии в Восточной Пруссии » — В. Хитрово (« Часовой » № 177),
« Исторический очерк действий 5-ой батареи Гв. Конно-Артиллерийской Бригады в Восточную Кампанию 1877-78 гг. » — Н.Н. Мартынов, 1881,
« Исторический очерк действий 2-ой батареи Гв. Конно-Артиллерийской Бригады в Восточную Кампанию 1877-78 гг. » — А.Я. Таль, 1904,
« 1-ая Его Величества батарея Л.-Гв. Конной Артиллерии в походе и боях в войне 1914-17 гг. » — А.С. Гершельман (рукопись),
« 3-ья Е.И.В. Вел. Кн. Георгия Михайловича батарея Л.-Гв. Конной Артиллерии 1817-1917 » (к 100-летию юбилею) — Б.А. Лагодовский,
« 4-ая Наследника Цесаревича батарея Л.-Гв. Конной Артиллерии в Первой Мировой войне » — К.В. Семчевский (рукопись),
« 6-ая Л.-Гв. Донская Казачья Его Величества батарея Л.-Гв. Конной Артиллерии » — А.В. Упорников (Еюллетень музея Л.-Гв. Ка-

зачьяго Е.В. Полка №№ 13 и 15),
« 6-ая Л.-Гв. Донская Казачья Его Величества батарея Л.-Гв. Конной Артиллерии 1830-1930 » (к 100-летию юбилею),
« Краткий очерк истории 6-ой Л.-Гв. Донской Его Величества батареи 1830-1905 » — П.Г. Чеботарев,
« Конная Гвардия и Конная Артиллерия » — В. Хитрово (« Вестник Конногвардейского Объединения » № 4),
« Конная Артиллерия с Кавалерией в бою » — Я. Преженцов, 1896,
« Конная Артиллерия в мире и в войне » — А.Ф.Ф. Гилленшмидт, 1901,
« Л.-Гв. Конная Артиллерия » (Памятка Каванира), 1912,
« Л.-Гв. Конная Артиллерия в Бородинском сражении » — В. Хитрово (« Военная Бель » № 59),
« Материалы к истории Л.-Гв. Конной Артиллерии » том 1-й, 2-й и 3-й, — Вел. Кн. Андрей Владимирович,
« Памятка 1-ой Е.В. батареи Гв. Конно-Артиллерийской Бригады » — А. Карцв, 1908,
« Полтора века Конной Гвардии 1730-1880 » — бар. К. Штакельберг, 1881,
« Памятка офицера Конной Артиллерии » — В. Обух-Воцатянский, 1901,
« Столетие Российской Конной Артиллерии 1794-1894 » — П. Потоцкий, 1894.

К.В. Киселевский

Служба в Донской артиллерии

(Оксичание)

Не так давно здесь были довольно серьезные бои, в которых принимала участие 1-я Донская казачья дивизия, но к нашему приходу все затихло и фронт стабилизировался. Конечно, наш командир провел телефон на соседнюю гаубичную батарею и совместно с ней « долбил », когда требовалось, по немецким окопам. Иногда одну из наших батарей командир дивизии отпускал отдохнуть день-другой в ближайшей деревушке. Жизнь было, в общем, почти спокойное, и продолжалось так около трех месяцев. Затем были другие, подобные же позиции с редкими пребываниями в ближайшем резерве и все в том же районе, между Кельцами и Ново-Място.

Но вот и май месяц. Батарея придана пехоте. Мы стоим на спуске очень большой лесной поляны, среди кустов. Стреляем через поляну, в лес и за него, около нас изредка свистят

пули. Противник артиллерией и пулеметами бьет слева и справа от нас, очевидно — по нашей пехоте, с которой связи у нас фактически не было, образовалась некотсрая пуста, ибо сегодня утром, во время попытки наступления противника, остановленной нашим огнем, около батальона нашего пехотного полка с очень большим номером (третьеочередного), на левом фланге батареи, встали и толпой направились к немцам. Те сначала стреляли, думая, что это — контратака, но увидев поднятые руки, прекратили огонь. Немножко стреляли по ним и с нашей стороны, но слабо: и патронов не было и, вероятно, душа не налегала.

Было тревожно и как-то ненадежно. Это плохое состояние пехоты, недостаток оружия и патронов и усталость тяжело нас угнетали. Уже обозначился наш отход, было больно и обидно за Россию. Почему так случилось? Но

раздумывать младшему офицеру казачьей батареи и бесполезно и некогда, надо было прикрывать отход. И мы его прикрывали до сентября. На всем огромном фронте этого отхода была, вероятно, одна и та же картина: приходя на новый участок, мы перебивали во всех корпусах нашей армии, мы сменяли пехоту, обычно ночью, получали от нее кое-какие данные о противнике, после чего пехота шла в тыл, часто — беспорядочно, отдельными группами, многие — без винтовок, артиллерия — без снарядов. У нас снаряды все же были, хоть и очень мало, и иногда пешая артиллерия, по приказанию, конечно, отдавала нам свои, последние. Одним или двумя полками мы занимали участок пехотной дивизии, не сплошной линией, конечно, а отдельными островками, — сотня или дивизион, при них — орудие или взвод, мы всегда были вразбивку. Часам к 9-10 утра появлялась неприятельская разведка, схватываясь с нашими разъездами. Потом подходили, прямо в колоннах, главные силы. Мы открывали огонь со всякими хитростями, избоража взводом батарею. Для этого давали по две очереди сразу, будто здесь четыре орудия, а иногда одним орудием два выстрела, без интервала, по одной колонне, и из второго также два выстрела по другой колонне, под расходящимся углом иногда до 90 градусов. Где-нибудь чуть впереди и сбоку стрекотал уральский пулемет. Противник останавливался, чаще всего уходил несколько назад, в деревню или в лесок, и располагался на отдых. На нем «висела», конечно, наша разведка. Иногда под вечер он напирал «как следует» цепями, поддержанными артиллерией, и нам приходилось медленно отходить, меняя раза два-три позицию. Иногда же мы сами, по приказанию, ночью уходили верст на 10-15 назад, и так несколько дней не видя даже своей пехоты, но частично получая от нее сюрпризы в виде уничтоженных переправ и сожженных деревень. Случалось, что и постреливали по нас, принимая нас за немцев. Это — когда пехота устанавливалась на каких-нибудь водных рубежах дня на два, на три, а мы должны были пройти в тыл через ее расположение. И бывало, что начинали мы прикрывать Гренадерский корпус, а выходили через неделю на 25-й корпус, которым, между прочим командовал одно время генерал Мищенко, наш Донской Атаман. Мы один раз встретили его со штабом на походе, кажется уже за Вислей, «здоровались», и было нам как-то обидно, — Донской Атаман, а командует лишь корпусом. Но скоро узнали, что Гренадерским командует генерал Куропаткин! Продолжалось и то и другое не долго, вероятно годы уже не подходили.

Каждый раз, когда мы после недельного или больше перерыва снова соприкасались с пехо-

той, нам было видно, что люди там начали оправляться, подтягиваться, стало больше порядка, появились оружие и стало лучше с патронами. Невольно задумывались с горечью, — почему мы все же отступаем?

Подшли так, отступая, и к Висле в конце июня, к Ивангородской переправе. Пехота осталась на позициях и укреплениях левого берега, мы же перешли на правый. Наша батарея с небольшим прикрытием была отправлена к югу, для обороны переправы в Новой Александрии. Поставили пушки в кустарнике и еще замаскировались срубленными деревьями, сделали пристрелку противоположного берега. Но воевать оказалось не с кем, день, два, три, — никого, весьма подозрительная пустота и тишина. Дивизия где-то отдельно, и мы в одиночестве. Наконец — приказание сниматься, соединиться с 6-м полком и идти куда-то еще на юг затыкать брешь между пехотой. Бои шли фронтом на юг, и мы влились в боевое расположение где-то между Вислой и Люблином. Противник очень большими силами наступал с юга на большом районе, до самого Буга. Таким манером он мог отрезать наши армии, находящиеся на Висле, или заставить их отступить более успешно. Наша пехота дралась прекрасно, и после нескольких дней весьма упорных боев мы остановили наступление в первых числах июля и стали даже несколько отжимать австрийцев. Но приказа о переходе в контр-наступление не было, и линия фронта оставалась неподвижной. Батарея была придана пехоте, на позицию ходил лишь дежурный взвод. Наш 6-й полк составлял резерв участка и стоял с нами в перелеске. Один раз полк уходил с нашим вторым взводом на отдельную задачу — шевелить где-то австрийцев — и отлично это выполнял, так что взвод получил потом три Георгиевских креста и три медали, а сотник Сулацкий — орден св. Станислава 2-й степени с мечами. На одном из дежурств при пехоте 1-го взвода был тяжело ранен ружейной пулей в грудь командир этого взвода подьесаул Урюпинский, Григорий Павлович, когда он двигался с пехотными цепями при выравнивании позиции, чтобы помочь им огнем против австрийских пулеметов. На дежурствах моего, 3-го взвода ничего необыкновенного не происходило, стреляли по просьбе пехоты, куда им было нужно, и получали иногда сами порцию австрийской шрапнели.

Однако кончилось все опять отходом.нас все-таки отрезали где-то дальше к востоку, и вот во второй половине июля мы снова в походе, прикрывая движение пехоты сначала на север, а потом на северо-восток. Ивангород отлично защищался, но его приказано было оставить, так же как и другие крепости, — оставался весь польский театр. Прошли с глу-

бокой болью в душе недалеко от Брест-Литовска, — через несколько дней и его получат немцы без боя...

В начале сентября мы в Беловежской пуще (между Воловынь и Бельск). 5-й Уральский казачий полк и 15-я батарея очень успешно дерутся на северо-западной опушке, а мы в самой пуще, перегораживая шоссе и просеки, работаем по-взводно со спешными уральцами. Простояли дня 3-4, не видя противника. Зубров тоже не видели, а кабаны и козы пробегали иногда.

Дивизия получила приказ сосредоточиться к востоку от пущи и самым спешным маршем идти в направлении на Молодечно (северо-восток) для принятия участия в ликвидации Свенцанского прорыва немцев, который угрожал очень серьезными последствиями. В пуще нас сменила Забайкальская казачья дивизия со своей артиллерией. Командир 15-й батареи есаул Кучеров был представлен за эти бои к ордену св. Георгия 4-й степени, но представление было отклонено, может быть несправедливо, и мы обвиняли наш штаб дивизии в равнодушии к награждному вопросу, как и в случае с нашим командиром, который получил Георгиевское оружие только благодаря настояниям командира пехотного полка, в то время как само официальное описание его подвига давало ему бесспорное право на награждение орденом по статуту.

Нам нужно было пройти около 300 верст и очень спешно, так что мы шли покуда хватало сил, в среднем по 90 верст в сутки. Идти было трудно, так как дороги были загромождены чрезвычайно. Обозы двигались во всех направлениях, видно было, что происходит большая путаница. Все спешили и требовали себе преимуществ, без конца происходили ссоры, и часто мы бывали принуждены пробиваться силой, сбивая обозные повозки в сторону дороги.

Наконец мы на месте, на южном фланге немецкого прорыва, где-то неподалеку от Молодечно. Прорыв уже не расширяется, масса нашей конницы охватила его со всех сторон. Но в этом прорыве уже очень много немецкой пехоты и артиллерии, позиции их уже оборудованы сколько можно, и держатся они на них чрезвычайно упорно, надо их сбивать. На нашем участке много реченок, часто болотистых, с заросшими берегами, и немцы их используют. Два взвода нашей батареи действовали с 4-м полком, а мой взвод — с 6-м Вот такая реченка с кустарником разделяла цепи стрелков, у немцев было больше пулеметов, стрелять мне по ним было чрезвычайно трудно, — свои были так близко. Нашей дивизии понадобилось с неделю, чтобы сбить противника, но недалеко у него опять была удобная позиция, и снова — бой, как будто бы и небольшой, но непрерыв-

ный, надоедливый и трудный.

Все же круг был сомкнут, и к концу сентября, форсировав р. Вилию, наша конница заставила немцев отступить до линии озер Нароч, Вишневецкое и Мядзиол. Правда, освобождена была не вся территория этого прорыва, но фронт установился прочно, и не только здесь, но и вообще отход нашей армии кончился. На нашем участке угроза Минску (штаб Западного фронта) и разрыва между Северным и Западными фронтами была устранена.

В этих боях Уральская казачья дивизия захватила много пленных, главным образом немецких кавалеристов, и несколько пулеметов. В этом году коннице пришлось очень много поработать, и спокойная зимовка в глубоком тылу была вполне заслужена и несходима для приведения в порядок конского состава. Но до этого мы еще пробыли некоторое время на позиции, получив свой собственный участок фронта, который сделался «нашим» надолго, собственно говоря — до окончания военных действий. Мы отбывали свой срок, сменялись, уходя в резерв, и через какое-то время вновь возвращались сюда же. Было это в пинских болотах, в районе Выгановского озера и Огинского канала.

Железнодорожная станция Ганцевичи, на полпути между станциями Барановичи и Лунинец, была стоянкой нашего штаба дивизии и наших тылов. Верстах в 6-7 к западу, среди болот, — деревушка, в ней — начальник участка, командир полка, и резерв, затем лес с топкой, вязкой дорогой до стрелковой позиции. Наши пушки стояли прямо в лесу, а наблюдательный пункт был в окопах уральцев. Лошади передки и свободные люди тоже в лесу, в версте от деревни.

Каждый раз, когда мы приходили сюда на смену, мы находили улучшения. Около Ганцевичей, в выстроенных бараках расположился рабочий батальон из туркестанских инородцев, главным образом сартов, которые, непрерывно работая, поддерживали в исправности болотные дороги между деревней и позицией, строили нам землянки и блиндажи в окопах, конюшни у нас в лесу и т. д. Бои прекратились и когда мы и немцы пристрелялись к чему хотели, то бывали дни без единого артиллерийского выстрела.

В конце октября мы ушли на зимовку в район гор. Орша. Там расположились на широких квартирах и зажили мирной жизнью до ранней весны 1916 года, занимаясь учениями при орудиях, материальной частью, проездкой и т. д. Осенью прибыли в дивизион молодые офицеры, хорунжий Мелихов — в 14-ю батарею и хорунжий Нагорнов — в 15-ю. Кажется в декабре был царский смотр, но большого впечатления он как-то не оставил.

В феврале 1916 года вернулись не надолго в свои болота, и скоро нас призвали в чужие топи у озера Нароч. Начинаясь весенняя распутица, в марте месяце дороги пришли в ужасное состояние, нам было очень трудно дойти до назначенного места между озерами Нароч и Вишневое. В лесу, на пригорке, был устроен целый городок землянок, вероятно для пехотных резервов. В ожидании наступления эти резервы подтянули ближе к позициям, и мы заняли их место. Через несколько дней дороги раскисли окончательно, транспорты выбивались из сил, чтобы доставлять нам продукты и фураж, и мы часто высылали им навстречу, для подражки, своих артиллерийских лошадей. Снарядов было заготовлено много, но невольно возникал вопрос, как их подвезти к батареям, когда будет израсходована наличность? И как мы, конница, «рнемся» в преследование противника при таком состоянии почвы?

В назначенный для наступления день рано утром загрели выстрелы артиллерийской подготовки. Долбили, не переставая, двое суток, потом начались пехотные атаки. Бой «кипел», и это выражение не было только фигуральным, а вполне соответствовало действительности. Дивизия наша в бою участия не принимала и даже, против обыкновения, наши лужи не были посланы к пехоте, — не было места, где нам стать на позицию. Мы лезли сколько можно вперед и даже вверх (на деревья), но мало что видели.

В течение нескольких дней ожесточенный бой шел все на одной и той же линии, не продвигаясь вперед. Атаки наши отбивались противником, пехота наша несла очень тяжелые потери. С огромными усилиями первая линия немецких позиций была наконец взята штурмом, со штыковыми схватками. Но у немцев здесь было несколько прекрасно укрепленных линий, — они отступили на 3-4 версты и немедленно открыли жесточайший артиллерийский огонь по своим бывшим окопам. Наша артиллерия не могла, по-видимому, продвинуться достаточно вперед, чтобы бороться с немецкой более действительно, и новые пехотные атаки не имели успеха и повели лишь к еще большим потерям. Транспортные затруднения не только не уменьшились, но, наоборот, увеличились и держаться на захваченной немецкой линии становилось совершенно невозможной и все вернулось в исходное положение.

Эти две недели непрерывных ожесточенных, кровопролитных боев глубоко нас потрясли, мы увидели, какой ценой нужно покупать укрепленную позицию. К этому примешивалось еще и недоумение: зачем все это делалось в самое неблагоприятное время года? Конечно, наше наступление готовилось и мы его ждали,

но только позже, к лету, и всем фронтом, а так — операция на небольшом участке, — к чему это? И только через несколько лет я узнал, что это было сделано по просьбе французского командования, для помощи Вердену. И немцы действительно сняли несколько корпусов с западного фронта и перевезли их на восток, на русский фронт.

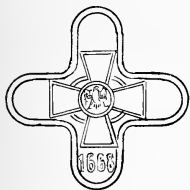
Когда выяснилось, что делать нам нечего, нас отвели поглубже в тыл, и здесь, не помню уж в какой деревне, мы получили приказ о преформировании в 4-орудийные батареи. Из нашего дивизиона сформировывалась 23-я Донская казачья батарея путем выделения по одному взводу от 14-й и 15-й батарей. Незадолго до этого в нашу батарею прибыл мой брат, сотник Григорий Тимофеевич Чернявский, из 49-го Донского казачьего полка. Их выпуск, — по окончании полного трехлетнего курса Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ в 1914 году, — был произведен в офицеры не 6 августа, как обычно, а сейчас же по объявлении мобилизации. Все они прибыли тогда в Новочеркасск, и там Войсковой Наказный Атаман генерал Покотило перевернул их всех в кавалерию, в трехеочередные полки. И только два года спустя моему брату удалось вернуться в артиллерию. Я был назначен старшим офицером этой новой батареи. Из 14-й батареи в нее вошел (по жребию) первый взвод под командой сотника Чернявского, а из 15-й прибыл взвод хоружного Нагорнова. Батареей временно командовал есаул Дубовсков. Однако многого здесь сделать мы не успели, так как нашу дивизию снова отправили в пинские болота, в Гандзевичи.

Отсюда в начале июня 1916 года, получив назначение в новую дивизию, и ушла наша 23-я Донская казачья батарея с новым командиром есаулом Брызгаловым А.А. Есаул Дубовсков вернулся обратно в 14-ю батарею. Не знаю, как долго оставалась 14-я батарея на этой позиции, думаю, что не непрерывно, но 3 января 1917 года мы сменили ее здесь, когда наша 2-я Туркестанская казачья дивизия пришла сюда на смену уральцам.

Летом 1917 года, после неудачного «наступления Керенского», мы встретились с уральцами в тыловом районе, где-то к западу от Минска, и даже составляли вместе с ними одно время конный корпус под командой нашего начальника дивизии генерала Ф.Ф. Абрамова (2-я Туркестанская, Уральская и Сибирская казачьи дивизии). Но артиллерии с уральцами не было. Пешая артиллерия будто бы или не хотела стрелять, или боялась своей миролюбивой пехоты, так вот и оставили там 14-ю и 15-ю Донские казачьи батареи.

М.Т. Чернявский

Киевские гусары в войну 1914-17 гг.



2-й бригадой 9-й кавалерийской дивизии, в которую входил Киевский гусарский полк, командовал генерал-майор Мошин, Владимир Александрович. Начальником 9-й кавалерийской дивизии состоял ген.-лейтенант князь Бегильдеев, Констан-

тин Сергеевич, и начальником штаба дивизии — Генерального штаба полковник Оноприенко, Александр Александрович.

Переход полка с мирного на военное положение был определен в двадцать четыре часа, после чего части полка последовательно приступили к погрузке в вагоны для следования в район сосредоточения. План и время следования эскадронов и команд полка в эшелонах указывались особым расписанием, выработанным в штабе Киевского военного округа его Управлением по передвижению войск.

Штандарт и штаб полка отбыли со вторым эшелонем, в состав которого входили весь 3-й эскадрон и половина 2-го эскадрона. Погрузка, выполненная строго по плану, производилась на станции Васильков, а выгрузка, 20 июля, на станции Кременец, близ австрийской границы. К вечеру того же дня полк сосредоточился в деревне Желобы, а на следующий день вся дивизия собралась в районе местечка Вишневец.

С 22 по 27 июля Киевский полк в составе дивизии принимал участие в разведке противника и в охране пограничного с Австрией района, прикрывая мобилизацию нашей пехоты и сосредоточение армий к границе.

С 24 июля, дня объявления войны Австрией, отдельные разъезды Киевцев неоднократно перешли австрийскую границу, где имели столкновения с австрийскими жандармскими пограничными постами. Первые трофеи были добыты полку лихими действиями корнета Еремеева с разбегом.

27 июля Киевский полк перешел австрийскую границу у села Новый Алексинец. В этот же день было занято с боем местечко Залосце на реке Серет.

29 июля произошел бой за удержание ме-

стечка Залосце. Около полудня, для разведки сил и расположения противника, от полка был выдвинут в западном направлении разъезд штабс-ротмистра Галдинского от 4-го эскадрона силою в один взвод. Поздно вечером, под давлением австрийцев части дивизии вынуждены были оставить местечко Залосце, уничтожив переправу через реку Серет. Разъезд штабс-ротмистра Галдинского, теснимый противником к реке, видя переправу уничтоженной, пытался впасть достигь противоположного берега, но в воде был настигнут австрийскими пулями и частью перебит, а частью захвачен в плен. Штабс-ротмистр Галдинский был ранен. Лишь очень немногим гусарам удалось доплыть до нашего берега и присоединиться к полку. Такой же участи подвергся и разъезд Бугского уланского полка под командой штабс-ротмистра Жилы, с той лишь разницей, что, тяжело раненный, он вскоре скончался в плену. Грубая ошибка штаба дивизии, отдавшего приказание об уничтожении переправы, стоила дивизии двух наиболее опытных офицеров (штабс-ротмистр Галдинский был участником русско-японской войны 1904-05 гг.) и полуэскадрона нижних чинов.

4 августа Киевский полк участвовал в бою у дер. Панасювка.

8 августа, в день большого солнечного затмения, Киевский полк участвовал в бою 9-й и 10-й кавалерийских дивизий в районе деревень Олшюв-Ярославцы. Главный удар противнику был нанесен 10-й дивизией генерал-лейтенанта графа Келлера. Противник, 4-я австрийская кавалерийская дивизия генерала Зарембы, был разбит и рассеян. Особенно отличились в этом бою четыре пулемета дивизионной конно-пулеметной команды поручика Киевского полка Георгица.

11 августа 2-й эскадрон под командой ротмистра Апсеитова занял с боем город Зборов.

12 августа Киевцы ввели бой у села Липовцы.

С 16 августа Киевцы, в составе сводного кавалерийского отряда генерал-лейтенанта князя Бегильдеева принимали участие: 16 августа — в бою у деревни Ферлиов; 23 августа — в бою у деревни Варенжи, где захватили обоз противника.

Затем, войдя в состав 3-й армии генерала Рузского, Киевский полк принимал участие в

бою у деревни Тыпин.

28 августа полк вел бой у деревни Журавце, участвуя в операции на линии Томашев — Рава Русска.

31 августа — в бою у деревни Кобыльница Волоска.

1 сентября полк вел упорный бой у деревни Будзин и захватил два действующих орудия и обоз противника. Орудия были захвачены корнетом Еремеевым, с горстью гусар своего взвода атаковавшим прикрытие и прислугу орудий.

С 11 по 26 сентября Киевский полк, находясь в составе 3-й армии генерала Радко-Дмитриева и входя в блокадный корпус генерала Щербачева, участвовал в первой блокаде крепости Перемышль на реке Сан.

25 сентября Киевцы в бою к западу от дер. Дубецко и местечка того же имени были удержания противника, наступавшего из гор. Дынува.

Посланный по распоряжению штаба 9-й кавалерийской дивизии в автомобиле в штаб блокадной армии в дер. Мосциска корнет Киевского полка Е. Криднев был повезен по небрежности шофера, миновавшего нужный перекресток, по дороге на один из фортов крепости Перемышль, откуда был встречен залпами и убит, сидя в автомобиле. Машина остановилась на шоссе, а раненый шофер успел высочиться и укрыться в придорожной канаве. Вылазка, произведенная из форта австрийцами с целью захвата машины и пленных, была встречена контратакой нашей пехоты, блокировавшей крепость. Упорный бой продолжался до вечера, и лишь поздно ночью пехотинцам удалось извлечь тело корнета Криднева из автомобиля и похоронить его на фольварке Медына. Когда на следующий день о происшедшем стало известно в Киевском полку, в фольварк Медыну был командирован корнет В. Берестовский, который ночью откопал тело корнета Криднева, положил его в деревянный гроб и со священником соседней пехотной части похоронил по церковному обряду.

С 30 сентября по 30 октября Киевский полк, входя в состав 29-го армейского корпуса генерала Зуева, исполнял обязанности дивизионной конницы. В этот период Киевский полк потерял одного из старых своих офицеров, блестящего кавалериста, храброго командира эскадрона и прекрасного товарища, — подполковника С.Н. Дрянкина. Производя разведку, он вынужден был впасть перебраться через Сан на берег, занятый противником. Выполнив задачу и добыв ценные сведения о расположении и силах австрийцев, подполковник Дрянкин тотчас же после доклада о результатах разведки был спешно отправлен в госпиталь в гор. Ярослав, где спустя короткое время скончался от тяжелой формы тифа.

С 31 октября 1914 г. по 9 марта 1915 г. полк, входя в состав блокадной армии генерала Селиванова, участвовал во второй блокаде крепости Перемышль сперва, до декабря, в отряде генерал-лейтенанта князя Бегильдеева, а затем в отряде генерала Чистякова.

С 4 по 23 декабря для частей 9-й кавалерийской дивизии произошел перерыв в несении службы блокады крепости Перемышль для участия в Валигородской операции при 69-й пехотной дивизии генерала Гаврилова и для участия в боях на линии Санок-Лиско, в Карпатах. Операция эта имела целью оттеснение австрийцев, наступавших для выручки гарнизона крепости Перемышль.

9 декабря полк участвовал в бою у сел. Беско и при мест. Римаунов. 10 декабря Киевцы вели бой у сел. Синява. Здесь полк подвергся жесточайшему обстрелу тяжелых и полевых легких батарей противника. 11 декабря Киевцы в бою у села Оджехов.

12 декабря полк вошел в состав конного отряда полковника Третилова, имевшего задачей обеспечение правого фланга колонны командира бригады 69-й пехотной дивизии генерала Липоваца-Поповича. Начальником штаба отряда был назначен отбывавший в 1912 г. в Киевском полку цензовое командование эскадрона Генерального штаба капитан Пац-Поморнацкий.

13 декабря полк участвовал в бою у дер. Карликув.

14 декабря Киевцы вели бой у дер. Яворник и Каменка, захватив в плен 500 австрийцев и богатую военную добычу. Здесь следует отметить лихую атаку 3-го эскадрона ротмистра Максимова и отвагу корнета Жолкевского, удостоившегося награждения Георгиевским оружием.

С 24 декабря Киевский полк вновь занял свои прежние позиции в секторе блокады Перемышля, производя разведку предфортовых позиций австрийцев и имея столкновения с небольшими частями противника, производившими вылазки с фортов крепости с целью выяснить наши силы и расположение. В течение всего второго периода блокады крепости полк нес службу спешными частями, имея свои позиции в непосредственной близости к фортам и находясь постоянно, днем и ночью, в сфере действия могучей артиллерии фортов и неся значительные потери.

7 марта 1915 г. Киевцы участвовали в занятии с боем деревни или, точнее, места, где еще незадолго до этого была она, Красичина. Огнем фортовой артиллерии эта некогда богатая, большая и цветущая деревня за время блокады крепости была сравнена с землей. Заняв дер. Красичин и еще более приблизившись к фортам, части полка подвергались еще более

сильному обстрелу фортовых орудий.

9 марта Киевский гусарский полк участвовал в занятии крепости Перемышль, сдавшейся ввиду полного истощения запасов продовольствия. Перед сдачей, в ночь на 9 марта гарнизоном крепости был произведен взрыв всех фортов, укреплений и пороховых погребов, а сложенное в кучи оружие было сожжено. В крепость полк вступал в конном строю, в составе пяти эскадронов: 1-й эскадрон ротмистра Корчагина нес службу связи и охраны в штабе блокадной армии генерала Селиванова в дер. Мосциска.

С 10 по 22 марта Киевцы, оставив Перемышль и пройдя с дневкой гор. Львов, вошли в составе всей 9-й кавалерийской дивизии во 2-й конный корпус генерал-лейтенанта Хана-Нахичеванского. С 23 марта по 20 апреля полк входил в состав 3-го конного корпуса генерала графа Келлера и участвовал в обороне позиции у гор. Черновиц, в районе сел Грозинцы и Калинкауцы.

С 21 апреля по 28 апреля полк вновь вошел в состав 2-го конного корпуса генерала Хана-Нахичеванского, а с 28 апреля, оставаясь в составе того же корпуса, но уже под командой генерала Рауха, участвовал в обороне позиции у мест. Залезики, на Днестре.

30 апреля полк участвовал в бою за овладение гор. Снятиным и единственной стратегической переправой через реку Прут у город Снятина. Действия частей дивизии были настолько стремительны, что австрийцы не успели уничтожить или даже сколько-нибудь повредить прекрасный железный мост через Прут, благодаря чему вслед за отшедшим противником тотчас же перешли мост и части 9-й кавалерийской дивизии. Киевским гусарским полком, много раз ходившим своими частями в этот день в атаки на противника, было взято более 250 пленных. Потери полка за день боя выразились в 11 убитых и 29 раненых гусар. Лошадь было выведено из строя 36.

Заслуживают быть отмеченными подвиги в этом бою штабс-ротмистра Бредихина и поручика Еремеева и Иванова, за которые все они по постановлению Георгиевской Думы были удостоены награждения Георгиевским оружием. Ниже приводится текст приказа по 9-й армии от 24 августа 1915 года за № 422:

«По Высочайше предоставленной мне власти, награждаются Георгиевским оружием: 9-го гусарского Киевского генерал-фельдмаршала князя Николая Репнина полка:

штабс-ротмистр Сергей Бредихин

30 апреля 1915 года, будучи послан в разведку при следовании дивизии из Залезиков на город Снятин, заметив у дер. Малатинец неприятельский разъезд, высматривающий движение

полков, с ядром разъезда силою в 10 коней стремительно атаковал его и взял целиком в плен. Разъезд противника состоял из 12 коней, причем начальник разъезда был офицер (ст. 112, п. 14 статута);

поручик Александр Еремеев

за то, что в бою 30 апреля 1915 года: 1) посланный от авангарда с тремя спешенными взводами удачно разведал неприятельское расположение, 2) с тремя взводами принял участие в атаке высоты 303 и 3) заметив единственный стоящий на путях отступления противника мост через реку Прут, поручик Еремеев умело воспользовался местностью, скрытно подошел к переправе и после короткого боя овладел ею и удержал за собой после двукратно повторенной контратаки противника, что не позволило гарнизону города Снятина уйти и он весь в составе 2.000 человек попал в плен, а наша кавалерийская дивизия в тот же день переправилась через этот мост и заняла железную дорогу (ст. 112, пп. 7 и 12 статута);

поручик Евгений Иванов

за то, что в бою 30 апреля 1915 года под городом Снятиным: 1) посланный с охотниками от полка из головного отряда дивизии для рекогносцировки укрепленной позиции противника от выс. 303 до выс. 281, разведал позицию с фронта, искусным и смелым движением проникнув в тыл ее, определил точное распределение войск, расположение и устройство окопов и проволочных заграждений, взяв при этом трех человек в плен, прорвался обратно к начальнику головного отряда и своевременно доложил все добытые им сведения о позиции, чем оказал незаменимое содействие занятию главными частями дивизии означенной позиции, что открыло дальнейшую дорогу для движения дивизии к городу Снятину; 2) продолжая дальнейшую разведку с восемью гусарами, поручик Иванов заметил противника в тылу нашей части, прикрывающей под начальством поручика Еремеева захваченный ранее мост, и послал об этом донесение, прося подкрепления. Так как подкрепление не подходило, а положение нашей части стало чрезвычайно опасным, поручик Иванов с оставшимися в его распоряжении шестью гусарами бросился на ближайшую к мосту полуроту противника, часть переколол и изрубил, остальных рассеял и захватил в плен 1 офицера и 20 нижних чинов и тем отразил грозившую опасность удара в тыл (ст. 112, пп. 14 и 7 статута).

Подписал: командующий армией генерал от инфантерии Лечицкий ».

1 мая Киевский гусарский полк участвовал в бою у железнодорожной станции Снятин. В этом бою особое отличие выказал корнет Ощевский-Круглик, подвиг которого был впослед-

ствии отмечен пожалованием ему Георгиевского оружия. Ниже приводится полный текст описания его подвига, помещенный в приказе по 9-й армии от 24 августа 1915 года за № 422 :

« По Высочайше предоставленной мне власти, как удостоенный Георгиевской Думой награждается : 9-го гусарского Киевского полка корнет Ощевский-Круглик

Георгиевским оружием за то, что в боях за удержание переправы у гор. Снятина 1 мая 1915 года, находясь в разезде с четырьмя гусарами и желая выяснить точно силы противника в районе дер. Сороченка, переправился через реку Прут и продолжал разведку до тех пор, пока не был замечен германским голодным караулом. Желая довести разведку до конца, корнет Ощевский-Круглик атаковал этот караул и захватил его целиком в плен, благодаря чему получил важные сведения о силах противника в районе гор. Снятина (ст. 112, п. 14 статута).

Подписал : командующий армией генерал от инфантерии Лечицкий ».

С 1 по 27 мая, входя в состав Снятинского отряда генерал-майора Мошина, Киевский гусарский полк принимал участие в обороне позиции к югу от гор. Снятина. Обороняя позицию спешенными частями, эскадроны производили разведку расположения противника, имея с ним столкновения и неся незначительные потери, и захватывали пленных. В этот период поручик Берестовский (Владимир) 10 мая явил выдающийся пример храбрости и самопожертвования, лично взорвав в районе расположения противника деревянный мост через реку Прут, устроенный австрийцами для узкоколейной железной дороги у дер. Непоколюцы. На выполнение этой операции поручик Берестовский вызвался отправиться добровольно. Несмотря на сильный огонь противника, поручик Берестовский покинул место взрыва только тогда, когда убедился в действительности нанесенного противнику вреда. За этот подвиг поручик Берестовский был приказом по 9-й армии за № 374 награжден командующим армией по постановлению Георгиевской Думы орденом св. Георгия 4-й ст. 30 декабря 1915 года последовало Высочайшее утверждение пожалования. Таким образом поручик Берестовский был в первую мировую войну первым Георгиевским кавалером в полку.

С 28 мая по 1 сентября Киевский полк участвовал в обороне реки Днестра на участке Залецки — Мельница и в обороне позиции у села Касперовцы. В ночь с 4 на 5 июня спешенный дивизион Киевских гусар под командой подполковника Алсеитова, переправившись на пснтонах через Днестр, атаковал и отбросил австрийцев к дер. Самушин. В этой атаке был

убит во главе своего взвода штабс-ротмистр Бредихин.

5 июня спешенные эскадроны Киевцев вели бой у дер. Самушин. 8 июня полк вел бой, также спешенными частями, у дер. Массарувка. 3 и 4 июля Киевцы вели бой в пешем строю у дер. Шупарка и Колодрубка. В атаке укрепленной позиции противника был тяжело ранен командир 5-го эскадрона подполковник Никифоров и смертельно ранен доблестный поручик Еремеев. За совершенные ими подвиги оба они были удостоены Герсгиевских отличий : подполковник Никифоров — Георгиевского оружия, а поручик Еремеев — ордена св. Георгия 4-й ст.

В августе спешенный полк оборонял участок позиции у села Касперовцы. В период нахождения на позиции 3-го эскадрона, при смене частей был смертельно ранен штабс-ротмистр Скворцов.

С 2 сентября 1915 г. Киевский гусарский полк входил в состав 33-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Крылова.

С 4 сентября полк участвовал в активной обороне позиции против гор. Бучача и в прикрытии подступов к гор. Черткову.

4 сентября, в бою у села Джурин части полка повторными атаками в конном строю дважды в течение дня отбросили наступавшие цели австрийцев. В одной из атак был тяжело ранен штабс-ротмистр Бондырев (Сергей), награжденный за этот бой орденом св. Георгия 4-й ст. За день боя Киевским полком было взято более 200 пленных. Потери полка : ранен 1 офицер и 29 гусар, убито 11 гусар, лошадей выведено из строя 43.

20 сентября части полка имели стычки с охранением противника, причем корнеты Жолкевский и Шмидт фон дер Лауниц атаковали в конном строю заставы противника и захватили их в плен почти целиком, с офицерами. Выдающаяся храбрость корнета Жолкевского была отмечена пожалованием ему ордена св. Георгия 4-й ст.

29 сентября Киевцы вели бой у села Половец. В этот день была произведена первая атака всем полком в конном строю на пехоту противника и затем — дивизионом гусар (3-й и 5-й эскадроны) под командой штабс-ротмистра Скрынникова. Ниже приводится приказ по полку от 29 сентября 1915 г. за № 310, § 2 :

« Сегодня к 7 час. 30 мин. полк прибыл к северной окраине дер. Половец, где ожидал дальнейших распоряжений. Для разведки подступов к выс. 286 и 385 и к дер. Криволуки мною были высланы три унтер-офицерских развезда силою в пять коней каждый. На дер. Криволуки, по донесениям, наступали небольшие части противника. В 9 час. 25 мин. полку

было приказано двигаться по направлению к дер. Криволуки, куда к этому времени наступали уже густые цепи противника силою до батальона. В авангард мною были высланы два эскадрона под командой подполковника Максимова, которые, прибыв в дер. Падшевка, поступили в распоряжение командира Казанского драгунского полка и совместно с двумя эскадронами Казанского полка должны были противодействовать продвижению цепей противника, занявшего уже дер. Криволуки. Объединить действия эскадронов было поручено подполковнику Максимову, который и двинулся по направлению к дер. Криволуки. Двигавшиеся вслед за авангардом четыре эскадрона гусар стали в резервной колонне на юго-западной окраине дер. Падшевка. В это время от разъезда 4-го эскадрона прапорщика Даттан поступило донесение, что противник продолжает наступать и, загибая свой левый фланг, бежит направление на дер. Половец, стремясь обойти дер. Падшевку. Такое движение противника угрожало прорывом между дер. Падшевка и Половец, и для противодействия этому распоряжением генерала князя Туманова Киевский гусарский полк в составе шести эскадронов двинулся к дер. Половец, получив приказание задерживать во что бы то ни стало противника, наступающего на эту деревню, и в случае возможности атаковать его в конном строю. Выйдя на западную окраину дер. Половец, полк приготовился к конной атаке. Высланные вперед боевые разъезды донесли, что противник густыми цепями наступает на выс. 385 с лесом, держа направление на дер. Половец.

Полк лавой двинулся в направлении к цепям противника. Австрийцы, видя энергичное продвижение нашей лавы и наше твердое намерение атаковать их, внезапно повернули и отступили к выс. 385, заняв свои старые позиции. Движение полка производилось в сфере щпанельного сгня батарей противника. Не считая возможным атаковать австрийцев в лесу на укрепленной позиции и в то же время выполнив свою задачу, полк вернулся на западную окраину дер. Половец, где два эскадрона под командой подполковника Фомицкого были мною оставлены для наблюдения в сторону противника, а четыре эскадрона направлены к дер. Падшевка, где стали восточнее выс. 351, заполнив прорыв между деревьями Половец и Падшевка. Задача этих эскадронов заключалась в том, чтобы оттянуть на себя часть сил австрийцев и содействовать таким образом отряду генерал-майора князя Туманова в его наступлении на дер. Криволуки. Командовать этими четырьмя эскадронами мною было поручено подполковнику Максимову.

Для выполнения поставленной задачи под-

полковник Максимов выделил 3-й и 5-й эскадроны под командой штабс-ротмистра Скрыпникова с целью задерживать, по возможности, наступление противника и обеспечивать подступы к правому флангу отряда генерал-майора князя Туманова. Получив задачу, штабс-ротмистр Скрыпников скрытно прошел в лощину реки, текущей с южного склона выс. 386, и здесь развернул лаву, 3-й эскадрон — вправо, а 5-й — влево. Район действий и наблюдений правой лавы был выс. 385 с лесом, а левой — село Криволуки, выс. 347 и фольварк Стабниц. В силу условий местности лава действовала в пешем и конном строях, с пулеметом на правом фланге дивизиона. Действия лавы и разрывной ее интенсивный ружейный и пулеметный огонь были настолько энергичны и велись с таким успехом, что противник, силою более чем в два батальона, наступаая на выс. 351, был поклеблен и вынужден отойти за свои проволочные заграждения, в лес, на выс. 385.

Внимательно наблюдая за лощиной между лесом на выс. 385 и высотой 386, штабс-ротмистр Скрыпников заметил, как большие группы противника переходят из-за леса и, скрываясь лощиной, накапливаются к выс. 386. Поставив в известность об этом подполковника Максимова, штабс-ротмистр Скрыпников оставил на старом месте 5-й эскадрон под командой корнета барона Бломберга, а сам, прикрываясь складами местности, с 3-им эскадроном передвинулся в овраг между выс. 347 и 367. С выс. 367 штабс-ротмистр Скрыпников увидел, как густые цепи противника наступают в три линии по направлению к выс. 386 и 370 с явным желанием зайти во фланг и тыл нашей пехоте, которая находилась на шоссе у выс. 386 и 370. Численность наступающих цепей была не менее четырех батальонов, и положение становилось критическим.

В это время Бугские уланы высочили из-под выс. 386 и пошли в атаку на австрийскую пехоту по направлению на выс. 367 и 385, с лесом. Учтивая создавшееся положение и подвижимый чувством взаимной выручки и поддержки, штабс-ротмистр Скрыпников бросился со своим эскадроном на противника. Удар с уланами вышел одновременным, первая и вторая цепи противника были смяты, переколоты и изрублены. В то время как гусары и уланы уничтожали вторую цепь противника, третья цепь, укрывшись за проволочными заграждениями, открыла ураганный огонь по гусарам и уланам, буквально поливая их дождем пуль, не щадя ни своих, ни наших. В это время был убит прапорщик Плетнев, лишь накануне прибывший на службу в полк и в день боя в первый раз ставший в строй эскадрона. Вместе с ним были убиты и пятнадцать гусар.

Считая свою задачу выполненной тем, что

первая и вторая цепи противника были уничтожены (живыми были взяты лишь четыре австрийца) и предполагаемый обход и охват пехоты с фланга противника не удался, так как в корне был парализован, штабс-ротмистр Скрышников, собрав остатки своего эскадрона, присоединился к полку. Потери 3-го эскадрона: убиты 1 офицер и 15 гусар, ранено 11 гусар. Лошадей убито 35, ранено 16.

В 9 час. 50 мин. вечера Киевский полк, смененный Уральским полком, расположился на восточной окраине дер. Половец.

Приказ по полку подписан командиром полка, полковником Третиловым.

30 сентября части полка вели бой в районе села Половец. Дивизион гусар атаковал австрийцев на выс. 370, к западу от села Половец. Дивизион под командой подполковника Фомицкого, несмотря на сильнейший ружейный и артиллерийский огонь, опрокинул наступавшие цепи противника и очистил занятую им местность. Полковой пулеметной команды поручик Матвеевко, занимавший позицию со своим пулеметом на крайнем левом фланге полка, примыкавшем к расположению 4-го пехотного Замаурского полка, видя, что правифланговая их рота (5-я) осталась без офицеров, по собственной инициативе передал пулемет своему опытному и испытанному в боях унтер-офицеру и принял командование ротой Замаурцев. Услышав крики «ура» поднявшихся в атаку пластунов и доложив создавшуюся обстановку командиру батальона, поручик Матвеевко поднял 5-ю роту Замаурцев и под прикрытием огня своего пулемета пошел в главе ее в тычки на окопы противника. Выбив противника из первого окопа и взяв в плен 45 человек, Замаурцы на плечах отступающих австрийцев ворвались во вторую линию окопов, где также не дали возможности противнику задержаться. Затем, воодушевленные успехом, преодолевая проволочные заграждения, Замаурцы ворвались на главную оборонительную позицию австрийцев, выбили их и отсюда и заняли фольварк Янушевку. Здесь, не желая зарываться, поручик Матвеевко приказал Замаурцам закрепиться в захваченных окопах и установить связь с соседями, после чего сам присоединился к своему пулеметному взводу. За этот подвиг поручик Матвеевко был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

Потерями полка за этот день были: убиты 8 гусар, ранены 1 офицер и 19 гусар. Боевые действия Киевского гусарского полка за 29 и 30 сентября кратко описаны в приказе по 9-й кавалерийской дивизии за № 199 от 30 сентября 1915 года:

«Рад объявить дивизии телеграмму начальника штаба 33-го армейского корпуса от 29 сентября с. г. за № 2399: «Ввиду успеха кон-

ницы 9-й кавалерийской дивизии, 4-й пехотный Замаурский полк перешел в наступление и продвигается вперед. Полковник Казанович».

Успехом своим 29 сентября дивизия обязана следующим боевым действиям: в четвертом часу дня австрийцы, открыв сильный артиллерийский огонь по высоте 370, на Бучачском шоссе, занятой батальоном 4-го пехотного Замаурского полка, развернули три батальона 78-го похотного полка на линии высот 365, 386 и 347, охватывая левый фланг и тыл всей боевой линии 1-й Замаурской пехотной дивизии. Видя это, корнет Киевского гусарского полка Протопопов по собственной инициативе бросился со своим эскадроном в атаку на австрийскую пехоту, наступавшую с высот 386 и 347 во фланг нашей пехоты. Две линии цепей противника были изрублены гусарами, а третья укрылась за проволочными заграждениями.

Утром 30 сентября, когда в районе южнее деревни Криволуки обозначилось наступление пластуновской бригады и противник был поколеблен, четыре эскадрона Киевского гусарского полка под командой подполковника Фомицкого развернулись западнее деревни Половешка Колония и двинулись в направлении на высоту 386. Одно появление кавалерии заставило противника очистить сильно укрепленные опорные пункты на высотах 386 и 385 с лесом и укрыться за проволочными заграждениями своей главной оборонительной позиции.

С 30 сентября по 16 декабря Киевский гусарский полк участвовал в обороне позиции на участке село Половец — деревня Криволуки. За это время, ведя разведку сил и расположения противника и неся службу спешными частями в окопах и на заставах, полк имел столкновения с противником, брал пленных и нес потери от артиллерийского и ружейного огня. Оборонительные позиции занимались полками дивизии поменно.

Входя с 16-го декабря в состав 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Драгомира, а затем, с 4 февраля 1916 года, Великого Князя Михаила Александровича Киевский гусарский полк находился с 8 февраля по 21 мая в армейском резерве.

27 мая Киевский гусарский полк участвовал в конной атаке полков 9-й кавалерийской дивизии на нерасстроенную австрийскую пехоту между селами Порхово-Зубец. Полком было захвачено более 1.450 пленных при 15 офицерах, два орудия и девять зарядных ящиков со снарядами. Ввиду того значения, которое бой 27 мая будет иметь в истории конницы, здесь приводится полное его описание, составленное в штабе 9-й кавалерийской дивизии по донесениям из полков и батарей, по распоряжениям, отданным в течение боя, и по личным наблюде-

ниям начальника дивизии и начальника штаба дивизии.

Официальное описание боевых действий 9-й кавалерийской дивизии 27 мая 1916 года под селом Порховым, на юго-запад от города Бучача : « После занятия нашей пехотой города Язловца, для овладения нижним течением реки Стрыпы представлялось необходимым занять город Бучач, важный узел дорог, обороняемый противником с особенным упорством. На 2-й кавалерийский корпус была возложена задача обойти Бучачскую позицию с юга. Ночь с 26-го на 27-ое мая 9-я кавалерийская дивизия провела на ночлеге в селах Новоселки Язловецкие — 2-я бригада и Руссилове — 1-я бригада.

Ночью было получено приказание командующего корпусом двинуться на Соколув-Порхово с целью занять эти пункты. Командующий 9-й кавалерийской дивизией генерал-майор Мошнин приказал дивизии собраться к 4 часам около высоты 310, к западу от села Руссилов (в полуверсте), где ожидать дальнейших распоряжений. В разведку были высланы : 3-й эскадрон Киевского гусарского полка под командой поручика Кирсанова в полосу сел. Лешинце, сел. Сороки — шоссе Соколув-Бучач исключительно; 4-й эскадрон гусар штабс-ротмистра Жукова в полосу шоссе Соколув-Бучач, включительно, — урочище Мельница Ярув, сел. Зубжец, сел. Порхово исключительно; 1-й эскадрон 9-го уланского Бугского полка под командой ротмистра Михайлова — прямо на сел. Порхово. В авангард была выдвинута 1-я бригада с 16-й конной батареей под начальством генерал-майора Кузьмина-Караваева.

Следуя за авангардом, главные силы дивизии подтянулись к 7 часам утра к лесу Урочище Ляс Лобувка, где остановились на дороге Соколув-Порхово, западные высоты 371. По донесениям ст разведывательных эскадронов и от авангарда обстановка представлялась в следующем виде : село Сороки от противника свободно. Севернее его, по шоссе Зизномеж-Зубжец тянулись окопы, густо занятые пехотой противника до высоты 401; далее к югу, урочище Ярув, точнее — лес, его покрывающий, занят противником, не допускающим более подробной разведки. Еще дальше к югу была обнаружена позиция противника по линии высот 402 и 371 — село Порхово, укрепленная по юго-восточному склону этих высот несколькими рядами проволоки. Начальник авангарда доносил, что противник усиливается в селе Порхово. Учитывая малое значение овла-

дения этим селом, расположенным в глубокой котловине, командующий дивизией приказал лишь не допускать укрепления противника в селе Порхово, обстреливая его 16-й конной батареей, главное же внимание обратить на участок позиции австрийцев на высотах 402-371.

В 8 часов 45 минут командиру 1-й бригады было послано приказание командующего дивизией за № 851 : « Продолжать разведку и при первой возможности постараться овладеть дер. Порхово и высотами ». Кроме того, от главных сил дивизии была усилена разведка района высот 402-371, а впоследствии туда же отправился для личной рекогносцировки и. д. начальника штаба дивизии штабс-ротмистр Амелистов.

Около 10 часов утра, к лесу Лобувка, на дороге Соколув-Порхово, в полуверсте севернее высоты 415, где находился командующий дивизией, начали подходить передовые части 43-й пехотной дивизии и от прибывшего затем командира бригады ген.-майора Тарнавского командующий дивизией узнал, что Лидский и Кобринский полки получили задачу овладеть высотами и селом Порхово, для чего им придана горная батарея под командой полковника Попова. Узнав о задаче, возложенной на передовую пехоту, командующий дивизией генерал-майор Мошнин решил поддержать ее конной атакой дивизии. В 10 часов 20 минут утра командиру 1-й бригады было отдано за № 853 приказание : « Сейчас идет мимо нас Кобринский полк с горной артиллерией, имеющий задачей взять Порхово. Я решил воспользоваться возможным успехом пехоты для конного удара. Произведите разведку местности в отношении ее пригодности для конной атаки в районе северной опушки леса, где стоит дивизия, высот 402-371 и села Порхово. О результатах разведки донесите ».

Желая сосредоточить дивизию и накормить и напоить лошадей, командующий дивизией решил оставить в соприкосновении с противником лишь необходимое охранение и разведку, оттянув остальную часть авангарда к главным силам. Казанскому полку было приказано стойти на версту с лишним, а командиру Бугского полка было послано приказание присоединить к Казанскому полку свободные от разведки и других задач эскадроны.

Ротмистр Протопопов

(Окончание следует)

Последнее отступление

1917 ГОД

От 21 мая 1917 г. я командовал 2-ой батареей 32-ой арт. бригады, прикомандированной к 165-ой пех. дивизии, принадлежавшей к числу тех, которые были сформированы в конце 1916 года и своей артиллерии не имели. Фронт дивизии был растянут по венгерской границе в Лесистых Карпатах километров на 20-25, от Тартаровского перевала до селения Рафаилова. Участок этот был безлюдный и бездорожный (если какие дороги и были, то кончались тупиками, упершись в гору), и только на левом фланге через селение Тартаров проходило государственное шоссе из Галиции в Венгрию. В Тартарове был штаб дивизии, командовал ею ген.-майор Чернявский (См. схему).

На запад от Тартарова, среди высоких гор, по дну долины шла дорога, в начале — шоссированная, потом бревенчатая. На ней, верстах в 8 от Тартарова, был расположен штаб пехотного полка, номер которого я забыл, но помню, что им тогда командовал полковник Зумберов (в мирное время капитан 126 пехотного Рылского полка нашей дивизии).

С южной стороны долины, над штабом полка возвышалась высота 1379 (метров), как часть пограничного с Венгрией хребта, постепенно возвышавшегося на северо-запад. Гребень его был чрезвычайно узкий и острый, но в одном месте, у самой отметки 1379 он расширился, и на этом месте была позиция моей новой батареи.

Для того, чтобы сна могла туда въехать, с восточной стороны горы была построена бревенчатая дорога с 12 зигзагами, с чрезвычайно острыми углами на поворотах с зигзага на зигзаг. Внизу, у начала этой дороги были расположены передки, резерв и обоз батареи, наверху была батарея. Впереди был крутой склон и где-то там, на несколько сот метров ниже, была и наша, и неприятельская пехота, но где именно, сказать было невозможно, так как и та, и другая были скрыты в высоком и густом лесу. Определять это и не стоило: все это было в мертвом пространстве!

Высокий лес взбирался почти на хребет, и верхушки деревьев перед батареей делали наименьший прищел почти что наибольшим. Вырубить эти деревья означало бы открыть батарею взором противника с хребта вперед и вправо, который был выше нашего и на котловане были видны окопы. Поэтому мой предшественник, подполковник А. Ю. Кендзерский, поднял орудия вверх, на платформы из срубленных сзади деревьев. Офицеры смеялись,

что высота 1379 метров оказывалась ниже на полтора метра!

Таким образом оказалось возможным стрелять по шоссе, шедшему в долине перпендикулярно к батарее и кончавшемуся тупиком где-то перед нами. Ближайший видимый конец его был «Целью Номер 1-й», а наиболее удаленный — «Целью Номер 2». И это было все! Остальное перед нами было так низко и близко, что все оказалось в мертвом пространстве. Поэтому ни о каком «заградительном огне» перед пехотой нельзя было и думать. Когда пехота прорисила открыть огонь, мы стреляли по цели номер 1-й, и пехота этим удовлетворялась.

Передавая мне батарею, подполковник Кендзерский подчеркнул, что никакой другой позиции в этом районе **быть не может!** Хотя он был прекрасным офицером (впоследствии, в польской армии, он закончил службу командующим войсками округа), я все-таки ездил по окрестностям целую неделю, пока не убедился, что он прав! Вообще наша пушка не годилась для действий в горах, но гаубиц и мортир при дивизии не было.

Итак, я примирился с полсжением и, сидя в маленькой хатке, построенной орудийной прислужкой для Кендзерского и доставшейся мне в наследство, занялся изучением английского языка по самоучителю Томпсона из цикла «Академия иностранных языков», купленному мной в Киеве, когда я был там в отпуску в начале мая. Я исходил при этом из того соображения, что там, где революция, есть и эмиграция. А так как Британская Империя распространена по целому свету, то «вероятность попадания» в нее наиболее вероятная. Конечно, научиться по книгам английскому языку невозможно, так как он не имеет определенного алфавита, но понимать написанное не так уж трудно, и я этим занялся.

Имел в виду эмиграцию, а с ней и нашу деградацию, я написал шуточный «Устав общества будочников в стране Ням-Ням» на железной дороге Каир-Капштадт (которая давно была в проекте, но до сего 1973 года не построена и, следовательно, места будочников останутся вакантными до сего дня). При посещениях прочих батарей я читал этот «устав» и предлагал офицерам записываться в члены этого общества. Они смеялись и записывались. Но главным вопросом было, как попасть в Африку? По обстоятельствам «текущего момента», как тогда было принято выражаться, первым шагом могло быть только сдаться в плен. Но

это ни мне, ни прочим «членам общества» не нравилось. Итак, оставалось ждать иного случая. Такой мирный способ жизни продолжался 50 дней.

Наконец, 11 июля 1917 г., часов в 9 утра начальник батареинового резерва и обоза подпоручик Ватажек телефонировал мне, что мимо резерва прошла в направлении на Тартаров пехота, и спрашивал, не есть ли это отступление? К его докладу я отнесся чрезвычайно легкомысленно и ответил, что это, вероятно, передвижения внутри полка. Прошло еще некоторое время, и Ватажек доложил: «Мимо прошли пулеметные двуколки. Я уверен, что это отступление!» Только теперь я позвонил по телефону в штаб пехотного полка, и адъютант ответил: «Да, приказано отступить!». — «Почему же вы не сообщили нам об этом раньше?» спросил я. «Мы забыли, что батарея тоже здесь!». Только тогда я дал приказание Ватажку запретить все и подать передки на батарею. Было уже 10 ч. утра.

Батарея занялась снятием орудий с платформы, потом настало томительное ожидание прихода передков и «минуты мне казались часами!» Я утешал себя мыслями, что время у нас еще есть: 1) в лесу, как ночью, пехота противника не обнаружит сразу ухода нашей пехоты, 2) она не обнаружит желания лезть на высоту 1379 и на долгое время остаться без обеда. Обнаружив, что нас нет, pošлет донесение начальству и будет ждать дальнейших распоряжений. 3) Начальство, конечно, стянет боевую линию назад, в долину Черной Тиссы, и оттуда начнет преследование по шоссе Коросмезо-Тартаров, и это займет у неа целый день, так что время у нас как будто бы было. Минусом этого размышления было одно обстоятельство: на поляне, на западном краю которой стоял батареиный резерв, часть дороги была видна с невысокого хребта, занятого австрийской пехотой. Эта пехота (всего в двух километрах от дороги), или артиллерийский наблюдатель, если бы он там был, могли бы закупорить нам дорогу, а это могло бы кончиться потерей орудий! Но это я считал мало вероятным.

Передки появились на батарее только через два часа, как раз в полдень. Потом мы начали спуск по зигзагам. Тут, на поворотах, начали ломаться дышла, одно за другим. К счастью, лес по сторонам дороги оказался как раз калибра наших дышел! Канониры рубили его моментально и заменяли поломанные дышла деревьями. В 2 часа дня батарея была внизу. Но тут опять возник вопрос, как ее вести дальше: по дороге, где на протяжении версты она могла подвергнуться артиллерийскому нападению, или поляной, скрытой от наблюдения противника? Поляну эту я в свое время переезжал на

коне и знал, что она несколько топкая, но с тех пор погода стояла сухая и теплая, так что ухаживать она не могла, и я повел батарею через луг.

Луг оказался более топким, чем я ожидал, пришлось накладывать две ваги и тянуть каждое орудие или ящик десятью лошадьми. Это задерживало движение. Но самое худшее было при въезде на дорогу на опушке леса. Дорога была здесь еще бревенчатой и настил лежал так высоко, что первое же орудие потащило его с собой. Надо было настилать его опять перед въездом каждого орудия! Наконец вся батарея была на дороге в Тартаров, и, идя по ней, в 4 часа дня мы наконец увидели наш полевой караул и вздохнули свободно. Дальнейший путь в село Ямна не отличался от похода в мирное время.

В Ямне батарея стала по квартирам, а я поехал дальше на север, в с. Яремче, в штаб 165 пехотной дивизии. Генерала не было, но вскоре он появился. Я видел его впервые. Он был маленького роста и ездил на маленьком же мажтачке. Командир пехотной бригады, полковник, которого я увидел не только в первый, но и в последний раз, был по наружности «конфетка» и о положении на фронте не знал ничего. Начальником штаба был длинный пехотный штаб-капитан Радзеиовский, вероятно окончивший «швиндель курс» Академии Ген. штаба.

Когда начдив приехал и сел за стол, полковник засуетился: «Вот огурчики, Ваше Превосходительство, очень вкусные! Рекомендую. Вот грибки, замечательные!» и т. д. Замечу, что в этом штабе все офицеры, обращаясь к генералу, титуловали его «Превосходительством», кроме меня: покерный веляния временного правительства, я обращался к нему: «Господин генерал!» и этим, возможно, казался штабу революционером, быть может, даже большевиком.

О положении на фронте генерал сообщал, что все зависит от того, удержится ли гор. Надворна. Если он падет, придется отступить, но пока он держится, можем оставаться в этом районе. Потом я сказал начальнику штаба, что проведу к нему телефон, и уехал обратно в Ямну. Здесь, помня как обо мне сегодня забыли в штабе полка, я призвал к себе старшего телефониста, фейерверкера, фамилии которого не помню, а только то, что он был поляк, и сказал ему: «Сейчас же поставьте линию к штабу дивизии в Яремче, но не присоединяйтесь на центральную станцию штаба, а поставьте там наш аппарат с двумя телефонистами. Задачей этих телефонистов будет не только удерживать линию, но, главное, наблюдать за тем, что делается в штабе, и, если они заметят там какое-либо движение к уходу, сейчас же мне проте-

лефонировать!» Этот приказ мой был, конечно, полумерой: я должен был послать туда офицера для связи, но я посчитал, что этого будет достаточно.

После столячьих волнений, перенесенных сегодня, ни мне, ни офицерам спать как-то не хотелось, и после обеда мы играли в карты до позднего вечера, а когда наконец кончили и я улегся на свою постель, то никак не мог уснуть. Вдруг, после полночи, «запищал» телефон (в артиллерийских телефонах был не звонок, но «пищик»), и телефонист, сказал только одно слово: «Разъединяю!» Это означало, что говорит телефонист штаба дивизии, т. е. что моих телефонистов там нет.

«Один момент!» — сказал я: «Что такое случилось?» «Штаб дивизии уходит», «Есть кто-нибудь из офицеров поблизости?» «Начальник штаба садится на коня» «Позовите его к телефону!»

«Батарея на походе?» — спросил Радеиовский. «С какой стати ей быть на походе?» — ответил я. «Разве вы не получили нашего приказа? Я его послал вам уже несколько часов назад!» «Не получил. Не скажете, зачем вы посылали нам письменное приказание, когда у вас есть мой телефон?» «Я совершенно забыл об этом», ответил Р. — Скорей, на рысях, в Делатын!» «Что случилось?» «Надворна потеряна вчера к вечеру».

Я поднял батарею по тревоге и спросил старшего телефониста, почему не было наших телефонистов в штабе дивизии? Он, конечно, ответил: «Я думал...» и т. д. Дисциплинарной власти мы в то время уже не имели, суды бездействовали. Но я решил наказать его иным способом, по моему мнению даже жестоким.

Батарея построилась в колонне на шоссе, когда солнце уже взошло. Я стал на пригорке так, чтобы все меня видели, и командовал: «Фейерверкер (имярек) ко мне!» Он подъехал. «Повернитесь лицом к батарее!» Исполнил с недоумевающим видом. Обращаясь к батарее, я сказал: «Посмотрите все на него!» Все посмотрели. «Я ему приказал оставить в штабе дивизии наш аппарат и двух телефонистов, а он думал, что он умнее своего командира батареи, и телефонистов не оставил. Из-за этого мы не получили приказа об отступлении вовремя, и, если сегодня все мы окажемся в плену, знайте, кому мы будем обязаны этим!» Затем я сказал этому фейерверкеру «На место!» и подал команду батарее «Шагом марш!»

Идти «на рысях», как пожелал Р., мы, конечно, не могли. Для этого надо было бы выбросить с передков мешки с овсом и нештатный, но все-таки частью казенный багаж солдат. Движение рывью поэтому употреблялось только в самых исключительных случаях и на

очень короткие дистанции. Итак мы шли шагом довольно быстрым, так как шоссе все время снижалось к выходу из Карпат. День был прекрасный, как полагается быть 12 июля.

При правом краю дороги в каменном овраге бежал по валунам Прут. За ним была свобода! Но перейти через реку можно было только в Делатыне, где был мост. Прут был здесь не широк и не глубокий, но стены русла были отвесные, а течение страшно быстрое и по скользким валунам, так что даже для пеших одиночных людей переправа была бы трудной. Мост в Делатыне был первой возможностью перейти через Прут.

Тактически положение создалось оригинальное: мы, отступавшие, двинулись на север навстречу противнику, который, наступая, должен был двигаться по тому же шоссе на юг, нам навстречу! Если предположить, что противник, заняв Надворну, остался в ней ночевать, то он был все-таки ближе к мосту километра на 2, чем батарея в Ямне. Однако в нашу пользу говорило то, что противнику никогда не придет в голову мысль начать движение в 2 часа утра, он начнет это не раньше 6 часов утра, а потому беспокоиться нам нечего! Когда мы достигли первых домиков Делатына, канониры увидели склад фуража и просили остановить батарею, чтобы набрать овса как можно больше. Батарею я остановил, а сам поехал вперед для ориентации.

У моста стоял Радеиовский, который сразу разочаровал меня относительно значения моста для нас. «Мост предоставлен 12-ой дивизии!» «Но его тут нет» — возразил я. «Это дела не меняет», — ответил Р. — дан ей и конец!» Затем он объяснил ситуацию: 659-й Буковинский полк, как арьергард дивизии, занимает позицию на северной окраине Делатына. Задача батареи — поддержка этого полка. Путь отступления арьергарда: по шоссе вдоль **северного** берега Прута в село Ланчин, где переправиться через Прут по броду и идти в местечко Печенижин. Это означало, что после арьергардного боя у Делатына арьергард должен совершать фланговый марш на протяжении 10 км, по южному краю леса (т. е. где на север, в сторону противника, ничего не видно), над обрывом к Пруту, без бродов до Ланчина!

Эта местность была мне очень хорошо знакома, т. к. с 24 июня до 27 июля 1916 г. 32-я пехотная дивизия вела здесь позиционную войну, пока противник под давлением с востока не отступил на север, за Надворну. Между тем от Надворны до Ланчина по шоссе всего лишь 15 км., так что, пока арьергард возился бы с противником у Делатына, в 10 км от брода в Ланчине, а потом отступал к этому броду, противник имел полную возможность прийти туда раньше нас. А это привело бы к потере орудий,

сохранение которых было моей главной задачей в этом отступлении.

Пока, во исполнение данной мне начальником штаба задачи, я поехал к командиру 659-го полка в Делатыне, приказав батарее двигаться за мной. Командиром полка оказался полковник Сионский, в мирное время капитан 125-го Курского полка, известный в Ровно своей очаровательной дочкой, такой воздушной, неземной, которую мы, молодежь 32-ой артиллерийской бригады, называли «Ангелочком».

Сионский объяснил мне ситуацию полка на северной окраине Делатына: батальон — влево от шоссе, 2 батальона — вправо; в Красной (на шоссе из Ланчина в Надворну) — команда полковых разведчиков (о численности я не спросил, так как и без того было ясно, что их «полтора человека», но все-таки, это было нечто!).

Я выбрал позицию вдоль шоссе на Ланчин, вблизи перекрестка шоссе в Делатыне и штаба полка, наблюдательный же пункт мог быть только в Делатыне, т. к. только там, по обеим сторонам шоссе из Надворны был просвет среди лесов. 3-й взвод, резерв и обоз отправил в Ланчин с приказанием прапорщику Русинову переправить все это на южный берег Прута, найти там позицию для целой батареи, поставив на нее пока этот взвод, и определить, где точно находятся полковые разведчики. Это я взял на свою ответственность, т. к. остающиеся 4 орудия — тоже батарея!

Но, как известно, «первая мысль никогда не бывает правильной». Через четверть часа я подумал, почему бы мне не отправить туда еще один взвод? Но так как остающийся взвод не был бы уже «атареей», то я поехал к полк. Сионскому с этим предположением. Сионский не имел ничего против: «Нужно показать противнику, что артиллерия у нас есть, а сколько — не важно, долго мы тут не задержимся». Я добавил, что из Ланчина, с высоких гор южного берега, я буду видеть шоссе Ланчин-Красна-Надворна и буду в состоянии поддерживать разведчиков и охранять движение полка во время его похода в Ланчин. Сионскому это понравилось. Итак, я оставил у Делатына взвод, под командой старшего офицера штабс-капитана Рексина, а сам с другим взводом отправился в Ланчин.

Русинов ничего из порученного еще не успел сделать и ел яичницу. Я собирался последовать его примеру, но вдруг в Красной поднялась ружейная трескотня. Я вступенулся. Резерв и обоз отослал в Печенижину, т. к. ближе, в горной щели на южном берегу Прута они могли бы стоять только в колонне на узком шоссе и загромождали бы его, а батарее перевел через брод и поставил на самом берегу реки. Передкам тоже некуда было деваться, они остались на фланге в линии орудий. Позади нас

была стена с «воротами» — входом в ущелье с ручьем, и шоссе. Затем я взобрался на северный конец длинной, перпендикулярной к Пруту горы, которую по ее форме мы называли год назад «крышей». Отсюда были видны, конечно, Ланчин, Красна, поля вокруг них и оба шоссе: из Делатына в Ланчин и из Ланчина в Надворну, пока последнее не скрывалось в лесу между обоими шоссе.

Прошло некоторое время, и я услышал стрельбу моего взвода в Делатыне, а затем увидел колонну арьергарда идущую по шоссе в Ланчин. На батарею приехал начальник дивизии, вызвал меня к телефону и приказал открыть огонь по Красной. Не зная точно местонахождения пехотных разведчиков, я попросил генерала указать мне, по какой части Красной мне стрелять, перед костелом или за костелом? Генерал ответил: «За костелом». Я открыл огонь и продолжал его до нового приказа генерала прекратить и продолжать движение на Печенижину.

Пехота втягивалась в ущелье. Я подал команду: «Назад-ки!» (так это было написано в уставе!) и ждал, пока пехота не пройдет вся. И тут неприятельская батарея открыла огонь по «воротам» ущелья. Положение могло бы стать «бамбуковым», но командир батареи стрелял по тому, что он видел, т. е. по верхней части «ворот». К его чести нужно сказать, что он определил место и значение «ворот» совершенно точно, как и дистанцию, но не догадался снизить разрывы на подошву гор, которую не видел! Таким образом мы оказались под его траекториями, разрывы шрапнели посылали свои пули в вершины гср, и там же были «клевки» целых снарядов.

Стрельба эта действовала главным образом на лошадей, в частности мой «Деликатный» совершенно не оправдывал в этом случае своего имени и, когда пехотная колонна кончалась, и мои zapряжки стали втягиваться в ущелье, кидался за каждой из них и повернутый мной обратно, вертелся как черт! Когда последний ящик исчез в ущелье, я, последовав за ним, видел, что на противоположный берег выехало из Ланчина три всадника. «Ага, — подумал я: — неужели вся «команда разведчиков» состояла из трех человек?»

Шаг пехоты на походе равняется 2-2 с половиной верстам в час, артиллерии — вдвое больше. Поэтому батарея сразу же врезалась в пехоту. Шоссе было узкое, батарея шла посередине, пехота — по цепочке с каждой стороны дороги. Вдруг сзади кто-то закричал: «Кавалерия!», и началась паника и повальное бегство пехоты с криками «Артиллерия, рысью!» (мы мешали пехоте бежать). Зажатый сзади батареей, я был лишен возможности командования, но батарея подчинилась крикам пехоты, при-

слуга повскакивала на передки и зарядные ящики, и батарея покатила рысью, а пехота бежала по сторонам шоссе, не отдавая себе отчета в том, что если бы кавалерии (неприятельской) было здесь хоть 100 тысяч, все равно бы ее фронт на этом шоссе равнялся бы двум всадникам, и следовательно никакой опасности для колонны не было. А тут не было даже вообще какой-нибудь кавалерии! Такую панику я видел в первый и последний раз в жизни; приведу некоторые эпизоды:

Солдат бросил винтовку в овраг с ручьем, другой сделал то же, но бросил туда и свою аммуницию, третий, сбросив то же самое, на бегу снял с себя сапоги, и они тоже полетели в ручей, четвертый пытался вскочить на лафет орудия (идущего рысью!) и, конечно, свалился, но каким-то чудом колесо орудия его не переехало. С обеих сторон пехотинцы пытались вскочить на передки и зарядные ящики, хотя и сами артиллеристы сидя на багаже, едва там держались. Они сбрасывали пехотинцев вниз. С правой стороны пехотинцы вскакивали на подручных лошадей. Ездовые стегали их нагайками и сбрасывали с лошадей. Одно время я подумал, что начнется междоусобная брань! Но, к счастью пехотинцы имели только одну мысль в голове: ударить!

Наконец мы прорвались через колонну беглецов и вышли на равнину и поле, поперек которого лежала цепь солдат в синих штанах, что означало кавалерийский стрелковый полк. Я остановил батарею для передышки. Ко мне подошло несколько офицеров с вопросом о будущем бы атаковавшей нас кавалерии. «Ерунда! — ответил я: — никакая кавалерия не было и не могло быть!» Офицеры рассмеялись и сообщили мне, что по шоссе из ущелья появился мотоциклист, который с криком: «Кавалерия!» проехал через цепь, завернул направо к обозу, стоящему и теперь под лесом, и своим криком так его напугал, что обозные повскакивали на лошадей и умчались куда-то в тыл, оставив повозки на месте. Замечу, забегая вперед, что потом я слышал, что этот мотоциклист был пойман, уличен и расстрелян (по аналогии с приказом ген. Корнилова о расстреле 25 полков под Тарнополем). Дальше, уже спокойно мы пришли в Печенижин на ночлег.

Я был смертельно уставшим и голодным, — не спал предыдущую ночь, не ел с прошлого вечера, переволновался и сделал 40 верст верхом, но меня вызвали в штаб дивизии, который был тоже в Печенижине. Оказалось, что батарея придана 657-му Прутскому полку который занимал позицию в направлении слободы Рунгурской (точно не помню). Значит — опять на коня и в разведку.

Позиция полка, с артиллерийской точки

зрения, оказалась чрезвычайно неудобной: она была на равнине (более или менее), у подножия высоких гор, с которых противник мог бы видеть каждого человека. Все-таки я нашел что-то вроде позиции за правым флангом полка, а потом лучшую — за левым флангом.

Потом я приехал к командиру полка и задал ему вопрос: «Кто находится влево от вашего полка? спрашиваю потому, что, если там кто-нибудь есть, то я поставлю батарею за левым флангом, а если нет никого, то за правым флангом вашего полка». Влево — 12-я дивизия», ответил он. «Это — по приказу, — ответил я: — А на деле я там никого не видел!» «Я тоже!» — усмехнувшись сказал полковник: — Поставьте батарею за правым флангом!» Я уехал обратно в Печенижин и узнал там, что приказание об экспедиции батареи в Рунгуры отменено. Таким образом я совершенно зря прибавил к своим 40 км. на коне еще 15! Теперь я кое-что поел и вытянулся на постели, но сон не приходил ко мне. В полночь меня вызвали в штаб дивизии.

«Выступление в 4 ч. утра, — сказал мне Радзеиовский. — Батарея останется здесь и присоединится к последнему полку, который будет проходить Печенижин». «Могу я узнать номер этого полка?» — спросил я. «Этого я вам сказать не могу, — ответил Р. «Скажите, по крайней мере, все ли полки будут проходить через Печенижин?» «Нет, — ответил он: — командирам полков предоставлено выбрать дорогу по собственному усмотрению». «Значит, — сказал я: — оставаясь здесь я должен буду считать: 1-й полк, 2-ой, а 3-м может оказаться австрийский?» «Ну нет!» — ответил Р. — «Каким-нибудь образом вы узнаете последний полк!» Я, однако, не собирался этого делать.

Вернувшись из штаба, я еще раз прибегнул к компромиссу: оставил в Печенижине тот же взвод под командой старшего офицера батареи штабс-капитана Рексина (замечу, что батарея имела полный комплект офицеров — 5. Таким образом каждый взвод имел своего командира — офицера, а Рексин был командиром этой маленькой батареи) и, передав ему свой разговор с Радзеиовским, сказал ему оставить считанные полки и идти с первым попавшимся. Путь отступления вел через город Коломыню в село Корнич (на южном берегу Прута, в 6 км. юго-восточнее Коломыни). Путь шел по государственному шоссе. Итак, 13 июля батарея выступила из Печенижина. Шоссе было свободным от войск.

Вскоре мы нагнали стрелковый полк 9-ой кав. дивизии, с которым встретились вчера перед Печенижиным. Ко мне подошел штабс-ротмистр Судаков со словами «Поздравляю!» «С

чем? Только что получена телеграмма ген. Корнилова о расстреле 25 подлецов за бесчинства в Тарнополе. Теперь положение должно улучшиться сразу! Я согласился. Но когда мы проходили Коломью по главной улице, я видел, что Корниловский расстрел еще не возымел своего действия: какая-то пехота грабילה магазины.

Меня поразило, с какой легкостью открываются занавесы из гофрированного железа, которыми обыкновенно закрываются окна магазинов. Открыть их штыком, казалось, было легче и скорее, чем коробок сардинок ключом! Мне было любопытно знать, как полезны в этом отношении будут артиллерийские бедуны, если кто-нибудь из моих канониров захочет присоединиться к грабителям? Я остановился и пропустил батарею мимо себя. Никто, однако, не оставил своего места в колонне, а лица всех были сумрачны. И вот мы в Корниче. Через час-два пришел и взвод Рекиса.

Вечером — собрание в штабе дивизии. Присутствовали все 4 командира полков, я и командир паркового артиллерийского взвода. Задачи давал генерал. В арьергард он назначил 658-ой Карпатский полк. «Вы, — сказал генерал, — займите позицию 3-4 верстах восточнее Коломьи и будете наблюдать выходы из этого горсда. Когда противник покажется из города, встретите его огнем, но не подпускайте слишком близко, задержите его, а затем отступите на следующую позицию с такой же задачей. Только не думайте, что расстояние между этими позициями будет 50 шагов!» Генерал возвысил голос: «Нет! 3-4 версты!» и, взглянув на полковника, который смотрел неподвижно в одну и ту же точку и на лице которого было написано «отсутствие всякого присутствия», генерал с отчаянием воскликнул: «Он ничего не понимает!» и изменил свое приказание на простое отступление, а его задачу возложил... на меня! Я сделал «невинный вид» и спросил: «А где будет пехота?» «Пехоты вам не нужно!» ответил генерал. Я был почти согласен с ним: ведь моя батарея была единственной надежной единицей во всей дивизии. При моем появлении, правда, никто не командовал: «Смирно!», одиночные солдаты не отдавали мне чести, но все это было пустяками, к которым я не придирался. Главным было то, что все мои приказания исполнялись (исключением был «несчастный случай» в Ямне со старшим телефонистом, но после данного ему мной урока и он исправился), чего же большего было желать при обстоятельствах «текущего момента»? Но, батарее все-таки трудно действовать без пехоты.

Кстати, давая инструкцию командиру Карпатского полка, генерал сам не показал себя тактиком: его приказание сводилось к тому,

что этот полк будет «пятиться назад» и расстраиваться при передвижении. В задерживающем бою необходимо занять сразу две (или три) позиции на расстоянии указанных генералом 3-4 км. Тогда первый эшелон, окончив свою задачу, отступит за второй, эту задачу принимающий, и приведет себя в порядок на 3-ей позиции. В то время, однако, я не мог бы объяснить генералу этого принципа, хотя сам уже употребил его накануне в арьергарде «Делатын-Ланччи».

При лунном свете я поехал на шоссе Коломья-Снятын на разведку, и выбрал первую позицию при шоссе, прямо как стрелка. Окрина Коломьи была хорошо видна даже при лунном свете. Влево от шоссе был Прут, за ним высокие холмы и бездорожье. Меня беспокоила местность вправо, которая, правда, была открытой, но понемногу поднималась к перегибу на расстоянии 1-2 км. от шоссе, и за этим перегибом я ничего не видел. Я решил послать туда «кавалерийский разъезд» под командой офицера, который бы наблюдал на северо-запад (в сторону противника) и на юго-восток (в сторону батареи) и передвигался бы по перегибу по мере передвижения батареи. Однако по возвращении в Корнич я получил отмену приказа, которое было заменено другим: утром выступить в Залуче на р. Черемош, юго-зап. станции Снятын, на позицию. Переход около 30 км. В конце похода произошел трагикомический инцидент:

Мы подходили к поперечному шоссе и должны были повернуть по нему направо. По этому шоссе, слева направо, шел какой-то длинный обоз. Я подал ему сигнал рукой «Повод влево», и передние повозки начали принимать влево с правой стороны шоссе. Это, очевидно, оскорбило команду обоза, прапорщика, как оказалось впоследствии, и он подал команду «Повод вправо!» и этим вернул обоз на правую сторону шоссе, т. е. загордил батарею дорогу. Я, понятно, не остановился, но прорезал обоз и пошел по левой стороне. Задняя часть обоза должна была остановиться, переднюю остановил прапорщик, т. е. произошло как раз то, чего я не хотел: исполнив мой сигнал, он шел бы по левой стороне, а я — по правой, и мы бы один другому не мешали, а через несколько минут батарея бы обогнала обоз, и он мог бы перейти опять на правую сторону шоссе, но прапорщик этого не понимал.

Он подъехал ко мне и сказал: «Г. прапорщик!» «Прошу надеть очки!» оборвал я его. Он на момент, что называется обалдел, но пришел в себя и, посмотрев внимательно на мой погон, начал снова: «Господин капитан! Как ваша фамилия?» — «Дерзость! — ствeтил я: — Моя фамилия на погонах, остальное на карте, часах и календаре! Виноваты вы тем, что не

подчинились моему сигналу!» Я, моя свита и телефонные двуколки были уже на правой стороне шоссе, я подмигнул ездовым 1-го орудия, они ответили понимающим взглядом, орудие приняло чуть вправо, и передняя повозка обоза полетела с шоссе вверх тормашками! Замечу, что уже раньше офицеры мне рассказывали, что ездовые 1-го орудия являются прямо артистами в преворачивании мешающих движению повозок, и теперь, в первый и последний раз я убедился, что это так, и с нашей стороны — совершенно бесшумно!

Я выбрал позицию батареи в восточной части Залуче, в садах вдоль шоссе, близко к мосту, который вел в местечко Вашкоуц, на южном берегу Черемоша, отослал резерв и обоз под командой прапорщика Русинова в село Завалу (в углу между Прутом, на севере, и впадающим в него Черемошем на юге), а передкам и штабным повозкам указал место в выселках села на северо-востоке от позиции, где предполагал иметь свой командный, а может быть и наблюдательный пункт, и сам поехал туда.

Приехав, я вспомнил, что забыл сказать Русинову, чтобы он по приходе в Завалу разведал

брод через Черемош для вероятного перехода на южный берег реки, и начал писать ему приказание, и тут произошел скандал: измененный предыдущими четырьмя днями, я уснул за столом в середине письма! Рексин потом мне рассказал, что, вернувшись с батареи и застав меня спать, он взял со стола недописанное приказание и, поняв, что я хотел написать, докончил его, подписал и отослал.

Как наблюдательный пункт, выселки годились только для первого дня. Кругозор был ограничен налево сплошной цепью сел вдоль берега Черемоша, на местности поднимавшейся к противнику. Направо от этой линии местность была открытой, можно было видеть все, но в дробном масштабе из-за удаления этого наблюдательного пункта, но для начала это годилось. Я поручил пристрелку прапорщику Панасенко (это была его первая стрельба на фронте в условиях как раз подходящих для этого).

В.Е. Милоданович

(Окончание следует)

Школа-приют Заамурского Округа Пограничной Стражи

В Харбине была Алексеевская школа для детей офицеров Заамурского Пограничного Округа. В ней учились и живущие мальчики и приходящие. Название школы, помещавшейся на фронтовом здании, золотыми буквами на синем поле, гласило:

Школа — приют Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича для детей офицеров Заамурского Округа Пограничной Стражи.

В ней готовились к поступлению в кадетские корпуса маленькие мальчики, дети офицеров. Эта школа-приют была необходимым подспорьем к жизни семей офицеров-Заамурцев, разбросанных на сотни верст по глухим стаякам Заамурских полков. Штаб Заамурского Округа находился в Харбине, и школа, возникшая по инициативе этого штаба, была подчинена непосредственно ему. Название «приют» она получила именно потому, что в интернате ее жили дети-сироты или же дети офицеров, служивших по стаякам вдали от Харбина.

Насколько я помню, в нашей школе было три подготовительных класса для девочек и мальчиков с 7-летнего возраста. Условия нашей жизни были таковы, что нельзя было создавать две отдельные школы для мальчиков и для девочек. Фактически, до 1-го класса это

был детский сад а затем, в 1912 году был учрежден первый класс, из которого мальчики могли поступать в корпуса, прямо во второй класс, без экзамена.

В связи с поездкой на Дальний Восток Великого Князя Константина Константиновича, возникла мысль превратить школу в Заамурский кадетский корпус, ибо отправлять детей для продолжения образования в кадетские корпуса, даже в такие как Хабаровский или Иркутский, было слишком далеко и связано с большими, для семей, расходами и потерей времени. Война помешала возникновению этого Дальневосточного корпуса.

Дети начинали свое обучение буквально с азбуки, и я помню как этой премудрости я обучался со слезами у терпеливой и доброй нашей учительницы, Зои Георгиевны, которую мы, дети, очень любили и часто называли просто тетей Зоей.

Когда именно была основана эта школа, — сказать не могу, потому что был слишком мал, чтобы запомнить такую важную дату. Зато прекрасно помню нашу замечательную форму, которую мы, мальчики, носили с большой гордостью.

В начале это была просто форма армейского солдата с заамурскими зелеными погонами и

заамурской же фуражкой с солдатской кокардой. Зимой мы носили черные папахи и башлыки. Потом эта форма была изменена. Мы получили сапоги с голенищами, черные суконные брюки, носившиеся, по обстоятельствам, сапоги или навыпуск, Шерстяная защитного цвета гимнастерка (не косоворотка) на пять маленьких орленых медных пуговиц, твердые зеленые погоны с черным кантом и трафаретом «А» с короной. Шинель была дана черная, со встречной складкой сзади и кавалерийским разрезом, петлицы твердые, зеленые, как и погоны, спереди на шинели два ряда пуговиц. Фуражка заамурская, темнозеленая тулья, и светлозеленый околыш. Кокарда солдатская, но меньшего размера, зимой — полушубок, папаха с зеленым верхом или «нансеновка», что теперь называют «ушанкой», валенки. Ремень был черный, бляха — воронены стали.

Особое положение Алексеевской школы обуславливалось тем, что Заамурский Округ был на особом положении и лучше снабжался. В наше время (1913-1914 гг.) директором школы была графиня Строганова, она же вела и подготовительные классы. Очень умная женщина и хороший человек. Школа очень хорошо сохранилась.

Когда Заамурские полки в 1915 году ушли на фронт, школа еще продолжала существовать, обслуживая гарнизон, но с началом революции, насколько мне известно, была расформирована.

Сергей Латышев



Воспитанники Школы-Приюта братья Латышевы

Германский шпионаж в северной России

Весной 1916 года генерал Новицкий, занимавший крупный пост в Главном управлении Генерального штаба (если я не ошибаюсь, он был начальником разведывательного отдела) приехал в министерство Иностранных дел и был принят товарищем министра А.А. Нератовым. Через несколько минут последний вызвал туда же начальника юрисконсультской части министерства профессора международного права М.И. Догеля.

Оказалось, что генерал Новицкий приехал в министерство для консультации по важному вопросу. Русская контрразведка установила с достаточной достоверностью что генеральный консул Соединенных Штатов является главой немецкого шпионажа в северной части России, а генеральное консульство — центром, в котором сосредоточиваются все донесения residen-

тов и откуда эти сведения передаются в Германию. Имел достаточное количество данных об этой деятельности, контрразведка полагает необходимым произвести обыск в помещении консульства, произвести изъятие необходимых документов и арестовать самого генерального консула. Так как в этом случае приходится иметь дело с официальным представителем нейтрального государства, то генерал Новицкий считал нужным узнать мнение министерства: как можно обставить и оформить этот обыск и арест.

А.А. Нератов и М.И. Догель ответили генералу, что хотя экстерриториальные права консульства по сравнению с таковыми же правами посольства сильно ограничены, но все же, на основании норм международного права, всякий консул лично, а также и его канцелярия, а

именно ее помещение и находящиеся в нем документы и архивы, пользуются правом экстерриториальности и, следовательно, ни ареста консула, ни просмотра и выемки документов, находящихся в канцелярии, производить невозможно.

Иными словами, министерство отказывало генералу Новицкому в производстве операции, которую он считал необходимой.

Прошло несколько месяцев, и в конце лета того же 1916 года генерал Новицкий снова приехал утром, в самом начале занятий, в министерство, снова в кабинет А.А. Нератова был вызван профессор Догель и генерал доложил, что, несмотря на запрещение международного права, этой ночью жандармские власти оцепили генеральное консульство, Соединенных Штатов, арестовали консула и забрали всю его переписку, о чем он, генерал Новицкий, и ставит в известность министерство Иностранных дел.

Положение создалось довольно тяжелое. Русские военные власти нарушили, казалось, незыблемые установления международного права но, если до того министерство считало сбиск в консульстве и арест самого консула чем-то недопустимым, то теперь ему было необходимо доказать, что это был единственный способ прекратить вредную деятельность консула и ликвидировать организованную последним шпионскую сеть. По словам М.И. Догеля, это было мнение не только его, но и А.А. Нератова.

Действительно, после полдня в министерство прибыл советник посольства С.А.С.Ш. с резкой нотой протеста против обыска и ареста генерального консула. А.А. Нератов принял советника в присутствии М.И. Догеля. В начале, как мне рассказывал М.И. Догель, американец очень возмущался действиями наших властей, но постепенно успокоился, и разговор принял более мирный характер. Русские защищали ту точку зрения, что, хотя международные обычаи и установили известные нормы, бывают случаи, когда волей или неволей обстоятельства как бы оправдывают их нарушение. В данном случае недопустимо, чтобы консул нейтральной страны, пользуясь своим положением, организовывал бы шпионаж врага.

Во время этого разговора наши получили ряд важных сведений. Этот генеральный консул перед войной был таковым же в Брюсселе и, несмотря на оккупацию, оставался в Брюсселе до самого его перевода в Петроград. М.И. Догель спросил американца, не замечали ли в посольстве чего-нибудь странного в жизни или службе этого арестованного дипломата. Со-

ветник подумал немного и сказал, что со времени его прибытия в Петроград в начале 1915 года американское посольство получило от его родных в Штатах два письма с запросами, — жив ли и здоров он и почему не пишет писем... Посол вызывал его и показывал ему эти письма, а он отвечал, что пишет домой регулярно, но, очевидно, его письма попадали на пароходы, которые были утоплены в пути подводными лодками. Когда наши поинтересовались — знал ли его лично кто-нибудь из чинов посольства до его перевода в Петроград, — оказалось, что никто не был с ним знаком лично. Наши представители пообещали американцу расследовать подробно весь этот случай и одновременно просили попросить у его родных прислать его последнюю фотографию и сообщить нам возможно подробнее прохождение им службы.

При дальнейших встречах и разговорах выяснилось, что консул этот окончил юридический факультет одного из лучших американских университетов, специализировался по международному праву и по одному из таковых вопросов напечатал солидную монографию. Как только советник рассказал это, профессору Догелю пришла на ум счастливая мысль, и он предложил советнику: поедем вместе в Петропавловскую крепость и незаметно променяем этого генерального консула; судя по его ответам мы можем быть выясним, — тот ли он человек, за которого себя выдает. Советник согласился с этим предложением, и на следующий день профессор М.И. Догель вместе с ним отправился в Петропавловскую крепость.

Разговор с арестованным занял около трех часов времени и во время этого разговора незаметно было затронуто много вопросов, касающихся международного права. В результате обоим посетителям стало ясно, что «специалист по международному праву» не только не имеет ни малейшего о нем представления, но и вообще едва ли получил полное среднее образование. Это обстоятельство, до известной степени, подтвердило подозрения русских, что немская разведка вместо подлинного американского генерального консула послал его двойника, американского немца. Фотография, присланная родными, была очень схожа с внешностью арестанта.

Все дело с выяснением личности тянулось несколько месяцев, так что этот псевдоконсул благополучно досидел в крепости до февральской революции и был освобожден ревлюционными, как «несчастная жертва царизма».

Со слов профессора М.И. Догеля сообщил

И.И. Бобарыков

Орден св. Великомученика и Победоносца Георгия в царствование Павла I

В день своего священного коронования, 5 апреля 1797 года, Император Павел I обнародовал СТАТУТ ЧЕТЫРЕХ РОССИЙСКИХ ОРДЕНОВ: Св. Апостола Андрея Первозванного, св. Великомученицы Екатерины, св. Александра Невского и св. Анны. Учрежденные же его матерью, Императрицею Екатериной II ордена: св. Великомученика и Победоносца Георгия и св. Равноапостольного Князя Владимира в Статут включены не были и в течение всего царствования Павла I не жаловались, но каково было отношение сего Государя к лицам, пожалованным таковыми в предыдущее царствование? О сем повествуют нам нижеследующие выписки из КАМЕР-ФУРЬЕРСКОГО ЖУРНАЛА за 8 ноября 1799 года:

« 8 ноября, в день празднования тезоименитства Великого Князя Михаила Павловича, Высочайше повелено было всем кавалерам Российских Орденов, не исключая кавалеров Георгиевских и Державного ордена св. Иоанна Иерусалимского и ПОЖАЛОВАННЫХ ДОНАТАМИ (курсив мой Е.М.), а также ордена сего дамам и дамам ордена св. Екатерины, съезжаться во дворец ПО СЛУЧАЮ ТОГО ДНЯ ВСЕОБЩЕГО ОРДЕНСКОГО ПРАЗДНИКА (курсив мой Е.М.) в их орденских одеяниях ».

Высочайший выход в церковь Их Величеств в этот день превосходил великолепием все виденные до сего торжественные шествия. Государь шествовал в большой короне и в мантии, несомой высшими придворными чинами. « За высочайшей Его Особой Государыня Императрица в малой короне, за Ея Императорским Величеством Диаконисса одна, а за нею государыни Великие Княгини и Великие Княжны, по две в ряд, старшие наперед ».

Когда все Высочайшие Особы взошли в церковь и стали по своим местам, « Марш начался при игрании на трубах и литаврах » следующим порядком:

« В предшествии гоф — и камер-фурьеров и Капитана Замка шел Корпус Кавалеров Во-

енного Ордена (св. Великомученика и Победоносца Георгия Е.М.), за ним с их официалами Корпус Державного Ордена св. Иоанна Иерусалимского, Корпус Кавалеров Ордена святая Анны, потом Корпус Кавалеров Ордена св. Александра Невского, а за сим Корпус Кавалеров Ордена св. Андрея, по два в ряд, младшие наперед ». За Высочайшею Фамилиею шли: « Старшая Дама Ордена святая Екатерины со Старшею Ордена св. Иоанна Иерусалимского, а за ними, с наблюдением того же порядка и прочие дамы, по две в ряд, старшие наперед ».

По возвращении тем же порядком из церкви, « Их Величества в Малиновой Тронной комнате, оставаясь на Троне, изволили орденских дам и кавалеров жаловать к руке, которые для сего выходили из Кавалергардской, а по пожаловании к руке проходили в столовую комнату, за исключением дам, кои оставались в Малиновой комнате ».

« Обеденный стол Царской Фамилии был приготовлен на Троне в Тронной галерее на 10 кувертов ». Перед тронном стояли во время обеда все орденские официалы с их знаками и знаменосцы с « Паниром и Знаменем Ордена св. Иоанна Иерусалимского ». В той же галерее за одним столом обедали Кавалерственные Дамы, числом 16, а за другим Андреевские Кавалеры тоже в числе 16. В Кавалергардской обедали Кавалеры Ордена св. Александра Невского, числом 18; в Белой галерее — Кавалеры святая Анны, числом 73; в Малиновой — Кавалеры св. Иоанна Иерусалимского, числом 36; в Столовой — Кавалеры св. Георгия, числом 11. Вечером был бал в Золотой Тронной галерее.

Из означенного следует, что хотя Император Павел I и не жаловал орденами, учрежденными его матерью, но, по крайней мере, кавалеров Ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия почитал и приглашал на ВСЕОБЩИЕ ОРДЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ (Курсив мой Е.М.).
Евгений Молло

Письма в Редакцию

Статья « Уланы Цесаревича под Красным » в № 118 « Военной Были » (сентябрь 1972) вызвала от имени Объединения Улан Ее Величества письмо с весьма интересными и важными данными, почерпнутыми из приложения к 1 тому истории Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. Автор статьи считает

своим долгом просить издательство « Военной Были » напечатать переданные ему дополнения и уточнения к его статье:

Если заголовок статьи гласил « Уланы Цесаревича под Красным », то потому, что Шефом полка до самой Своей кончины в 1831 г. был Цесаревич Константин Павлович. Официально же полк с 1809 года, при даровании ему прав

Старой Гвардии, назывался уже не «Уланским Цесаревича полком», а «Лейб-Гвардии Уланским полком».

Уланский Цесаревича полк, сформированный в 1803 г., стал в том же 1809 г., родоначальником не только Лейб-Гвардии Уланского полка, но и Лейб-Гвардии Драгунского, (впоследствии Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка), а в 1817 году, через Лейб-Гвардии Уланский полк, Лейб-Гвардии Уланского Его Имп. Высочества Цесаревича полка, на формирование которого пошел 1-й дивизион основного полка, находившийся в Варшаве при Шефе, причем Высочайше повелено было всех чинов, находящихся в Варшаве при эскадронах, выключить из списочного состояния Лейб-Гвардии Уланского полка для формирования нового вышеуказанного полка (этот полк с годами еще три раза переименовал своих Шефов, а следовательно и свое имя).

Основной же Лейб-Гвардии Уланский полк сохранил в рядах Императорской Гвардии свое первоначальное название вплоть до 14 ноября 1894 года, когда Высочайшим приказом стал именоваться Лейб-Гвардии Уланским Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полком. Следовательно, 2-му и 3-му дивизионам основного полка не пришлось в 1817 году заново составлять Лейб-Гвардии Уланский полк, так как таковыми они уже были с 1809 года.

На штандартах, пожалованных новому полку в 1818 году, еще не было надписи: «За взятие при Красном неприятельского знамени», как то значилось на Георгиевских штандартах основного полка. Такая надпись появилась на штандарте Лейб-Гвардии Уланского ЕГО Величества полка только в 1876 году, повелением Императора Александра II. Не лишним будет отметить, что прибор и накладки на шапки разнились в обоих полках: в основном прибор золотой и накладка красная, в новом — прибор серебряный и накладка желтая. Даже полковые праздники в обоих полках, так же как и у Конно-Гренадер, имели различные даты.

Барон Бсльшвинг I, в чине штабс-ротмистра, был переведен в новый полк, из остальных офицеров Лейб-Улан, названных в статье, только один из трех братьев Заборянских был переведен в новый полк, а полковники Мезенцов, Меллер (а не Миллер), Гундиус и ротмистр Вуич 2-й не покидали ряды родного им полка.

Рядсвой Герасим Кникитч Дарченко (по другому списку Датченко) значится в списке нижних чинов Лейб-Гвардии Уланского полка, награжденных 28 марта 1813 года знаком отличия Военного Ордена за отличие, оказанное ими в разных делах в 1812 г. против французов. Описание подвига рядового Дарченко по официальным данным было следующее:

«6-го числа ноября, в сражении под городом Красным, ворвавшись в центр неприятельской колонны, взял неприятельский штандарт, несмотря на опасность, ему в то время предстоящую, от которой и избавлен был того же полка корнетом Карачаровым, за какую-либо храбрость его светлость г. главнокомандующий всеми армиями Генерал-Фельдмаршал князь Кутузов-Смоленский лично назначил ему знак сей в награждение». № на Знаке 18497. Список подписан генерал-майором Чаликовым. В списке штаб- и обер-офицерам, за подписью генерала князя Голицычева-Кутузова-Смоленского, отличившимся мужеством и храбростью в сражении 3-го — 6-го ноября 1812 г., значится рядовой Датченко, который в сражении 5-го ноября, увидев в среде толпы неприятеля знамя, мужественно бросился и исторгнул оное, в ту же минуту лошадь под сим храбрым солдатом была убита. По мнению князя Кутузова-Смоленского Датченко был достоин «Чина офицерского с переводом в армию». Посему можно предполагать, что и улан Дарченко в новом полку не служил.

Полковая форма 1803-1806 гг., изображенная как приложение к статье в № 118 «Военной Были», относится к Уланскому Цесаревича полку, в то время еще не вошедшему в состав Императорской Гвардии.

Автором песни «Ура, гвардейские уланы» был Николай Гербель, ротмистр Лейб-Гвардии Уланского полка, умерший от ранений, полученных в 1855 г. под Севастополем (его же «Выступают Лейб-Уланы»). Но песнь эта вошла также в репертуар песенников и Улан Его Величества, и Лейб-Гусар («Ура гвардейские гусары»).

Юрий Солодков

Прочел с удовольствием «Три похода «Петропавловска», где все хорошо изложено. Сам я был тогда на «Богатыре». Но вот в вопросе о споре командира с адмиралом Кербером насчет курса, взятого только по одному пеленгу на Дагерорт, мои воспоминания несколько разнятся. В этот момент я был вахтенным офицером на «Богатыре» и, следовательно, занимался шифрованием и расшифровыванием телеграмм. Кербер дал нешифрованное радио: «Богатырь» — стоп машина. Идете на загрязнение». Я сам принес грифельную доску командиру (капитану 1 ранга Вердеревскому), который при мне спросил штурмана Сокольникова «Борис Владимирович, проверьте». Тот ответил, что только что в десятый раз проверил и командир, при мне же, написал на доске: «Заграждение прошли. Даю 20 узлов. "Богат-

тьрь» и приказал ответ не шифровать.

Нужно сказать, что не помню в какой момент, при возвращении от Борнгольма «**Богатырь**» получил приказ от адмирала стать головным в кильватерной колонне и с наступлением темноты давать точно свое положение. Я отлично помню, что это приказание было зашифровано и, когда я его расшифровал в штурманской рубке, Сокольников подошел и, прочтя его, сказал: «Ага, значит мы пузом будем тралить». Мы вошли на Ревельский рейд утром, еще в темноте, и в 8 ч. я снова вступил на вахту уже вахтенным начальником (на якорю),

и с подъемом флага на «**Рюрик**», адмиральском корабле, взвился сигнал: «Изъявляю особое уважение **«Богатырю»** за прекрасное ведение строя». Я послал доску старшему офицеру и командиру, они послали передать Сокольникову, который спал как убитый после трех дней без сна.

Потом рассказывали, что это флагманский штурман напугал адмирала Кербера, а Владимир Константинович Пилкин, командир «Петропавловска», советовал идти за «**Богатырем**».

А. Хохлов

Хроника «Военной Были»

ИЗВЕСТИЯ О ВОЕННЫХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ РОССИЯН



1810 года турецкие войска занимали Шумлю, обложенную нашей армией. 26 мая они предприняли вылазку на левой фланг ее, находившийся тогда под начальством генерала Уварова. Бой загорелся, наши не уступали, турки усиливались. Полковник Ланской, бывший потом

генерал-лейтенантом и скончавшийся в 1814-м году от раны, полученной им в сражении под Краонсм, вел в сечу Александрийский гусарский полк, издавна славившийся яростию в ударах и непоколебимостью в огне сражения. Ланской ехал впереди первого эскадрона, сопровождаемый несколькими выборными гусарами и находившимся при нем на ординарах юнкере Новинском (ныне поручике). Подходящи к турецком ретраншементу, Ланской пошел в атаку, вскопил первым в ретраншемент, выхватил у первого байрактара (знаменоносца) знамя и бросив его юнкеру Новинскому, сказал: «Юнкер, вот тебе Георгиевский крест».

Всем известно обыкновенное последствие вылазк. — Турки были обращены в город и все вошло в спокойствие; но малым известен сей подвиг, достойный рыцарского времени. Я о нем слегка узнал в тот же вечер, но ныне удостоверился в нем от самого поручика Новинского 2-го и бывших в деле сем Александрийского полка г. г. офицеров.



1808-го года, в сражении при Карстеле в Финляндии, шведские войска защищали с упорством пролив между двумя озерами. Защищение сие продолжалось до того времени, пока Севского пехотного полка батальон обошел озеро и стал показываться в тылу неприятеля, тогда шведы обратились в бегство; а приметя сие, Финляндского драгунского полка подполковник Притвиц и Гродненского гусарского майор Ридигер (ныне командир 1-й гусарской дивизии), бросились вплавь через пролив и ударили на рассыпанного по лесу неприятеля; но бывши встречены ружейным картсчным огнем, они претерпели большой урон, особенно в офицерах, между коими пал подполковник Притвиц, раненый пятью ружейными картсчами. Отспр сей не остановил пустившихся в погоню Финляндских драгун и Гродненских гусар. Когда же егеря 24-го полка и 2-й батальон Севского полка перебежали в след за конницею по оставшимся бревнам сожженного моста, тогда некоторые офицеры, увидя Притвица, лежащего на дороге, бросились к нему со слезами, и велели поднять его на плаши, дабы отнести в деревню, где находились медицинские чиновники; но он, открыв глаза, сказал им: «это мое место, я овладел им; оставьте меня и умереть на нем». Сей почтенный старец вскоре увенчал беспорочную жизнь завидною смертию для каждого воина.

Сообщены от Действительного Члена Военного Общества, учрежденного при Гвардейском Генеральном Штабе генерал-майора Д.В. ДАВЫДОВА. «Военный Журнал» 1817 год книжка VI.

Извлек Алексей Геринг

Обзор военной печати

«КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА» периодический журнал Объединения кадет Российских Зарубежных кадетских корпусов. Нью-Йорк, 1972 г.

Все же приходится удивляться, какая моральная сила заложена в российской эмигрантские военные организации за границей. Вот блестящий пример: три русских кадетских корпуса были основаны в Югославии после нашего поражения и ухода за границу. Прошло 50 лет с тех пор, и все еще сейчас кадеты этих корпусов держатся вместе, устраивают почти ежегодные съезды, принимают участие в эмигрантской военной печати и ныне приступили к изданию своего собственного, я бы назвал его, — «памятно-военного» журнала. Та любовь к нашим родным гнездам — кадетским корпусам, где так хорошо и легко жилось, где в большинстве случаев нас так хорошо учили и делали из нас людей и офицеров, эта в нас нетленная любовь перешла и юным мальчикам, после тяжелых испытаний, во многих случаях, попавшим в стены корпусов уже в Югославию.

Прежде всего — честь и слава их воспитателям и учителям, сумевшим привить эту нетленную любовь, сумевшим в тяжелых условиях хотя бы издали показать всю красоту и внутреннюю силу нашей старой воинской жизни, нашего кадетского товарищества. Но честь и слава и тем из воспитанников, которые за пятьдесят лет эмиграции не потеряли эту любовь, эту гордость и своими гнездами и старой российской армией, которой они фактически и не знали, но любовь к которой проявили в своей кадетской жизни за рубежом.

№ 3 журнала «Кадетская переключка» — внешний вид безукоризнен. С большим вкусом сделанная твердая обложка малинового с черным цветом. 72 страницы текста, интересного для всякого русского военного. Отличная передовая статья Павла Олферьева с отчетливой ясностью указывает на цели и задачи журнала. «Светлой памяти короля Александра I», давшего приют этим мальчикам и нашим корпусам в своей стране, затем интереснейшая и превосходная статья «Константиновичи». Всем известен и понятен культ Великого Князя Константина Константиновича, поистине духовного отца и воспитателя нескольких поколений русских кадет, в будущем доблестных молодых офицеров войны 14-го года. Младшая дочь покойного Великого Князя — княжна Вера Константиновна, в простых и ясных словах дает отличные портретные зарисовки всей своей семьи — шести братьев и трех сестер и их родителей. К статье приложена фотография —

группа всей семьи.

Андрей Бертельс-Меньшой отдает должное воспитателям и преподавателям, которым так много обязаны зарубежные кадеты. Очень интересен и совершенно необходимо для всех кадет описание жизни кадет-зарубежников в Венецуэле. Несколько картинок кадетского быта оживляют страницы журнала. Трогательное «Памяти друга» заканчивает номер, а мое «морское сердце» тронула сцена из жизни браزيلского порта под названием «Беспокойный». Хочется мне сказать что эскадренный миноносец «Беспокойный», о бесславной кончине которого идет речь, был последним кораблем Российского флота, на котором я плавал, последним командиром которого я был, и на котором в тяжелый день конца Русской Эскадры в Визерте мне выпала горькая честь последний раз спустить флаг Святого Андрея.

А.

М. Каратеев — По следам конквистадоров. 248 ст. Буэнос-Айрес, 1972 г.

Книга написана искренне и «легко читается». Тема — еще не для всех — только историческая! Все это еще не очень многие помнят по памяти тех лет молодых, наших лет «в изгнании». Книга о днях прошедших, остающихся в нашем сознании «милыми навсегда». Эту книгу мы уже читали в газетах не один раз и с неослабевающим интересом. Ее теперешнее издание с редкими фотографиями тех лет тридцатых, наших лет переселенческих надежд и желаний «сесть на землю» в Парагвае — нам дорого и не только по воспоминаниям, но и в сомнениях теперь... «Что же надо было делать?» В нашей «свободе», без Родины — как же устроиться и кому верить? Сорокалетнее «потом» не много объяснило нам с определенной ясностью... Еще возможно желание и у новых поколений — быть ближе к природе, уйти от цивилизации. Вот почему книга М. Каратеева не только о прошлом. Вот почему она по-новому необходима и не только нам, с нашими днями несбывшихся надежд.

Лучшая страница в книге — эпилог о причинах неудач. Он написан откровенно, с житейской мудростью и объективностью автора. Вся книга написана журналистом и писателем, очень наблюдательным, честно делившимся с нами своими впечатлениями.

Три стихотворения на «парагвайскую» тему: «У костра», «На кампе» и «Тропическая ночь» не многое добавляют к написанному, а только подтверждают литературную многообразность автора.

А. Туровров



LA MEDAILLE RUSSE « A LA BELGIQUE »

Souvenir d'une fraternité d'armes :

L'attitude belge face à l'ultimatum allemand et l'héroïque défense de Liège provoquèrent une vague d'enthousiasme en Russie.

Dès les premiers jours de la guerre, un télégramme de S.M. Nicolas II avertissait le Roi Albert, commandant en chef de l'armée belge de ce que la croix de Chevalier de l'Ordre Militaire de Saint-Georges lui était décernée « pour la bravoure ».

Dans plusieurs villes de Russie, des comités d'aide à la Belgique se constituèrent et entreprirent de recueillir des fonds destinés aux blessés de l'armée belge ou aux réfugiés, par la vente notamment de cartes postales militaires du peintre Solomko. C'est sans doute un de ces comités qui fit réaliser en 1914 par le sculpteur russo-polonais A. Zakar une médaille d'argent à la gloire de la Belgique 1).

Cette médaille est généralement peu connue des numismates et nous donnons ci-dessous la description de cette pièce ronde :

Droit :
Le lion belge assis, la tête tournée de trois quarts vers la droite, appuyant les pattes antérieures sur un casque à pointe d'officier allemand et un drapeau dont la hampe est surmontée de l'aigle prussien. Devant le lion, écu de forme française ancienne portant la devise belge : L'UNION /FAIT/ LA/ FORCE. L'écu est accosté à droite d'un laurier. La légende russe commence au-dessus de l'écu et forme un demi-cercle suivant la partie supérieure de la médaille : « W Edi /ne/ nii Sila » traduction de la devise nationale belge, les lettres NE du mot единении sont cachées par la crinière du lion. A l'exergue, sous le drapeau

allemand, le millésime 1914 et la signature de l'artiste A. Zakar en caractères cyrilliques.



Revers :

La superficie est divisée en deux parties égales par une ligne horizontale. La partie supérieure porte l'inscription française : « A/ L'HEROIQUE ET/ NOBLE/ NATION BELGE/ HOMMAGE DE/ SES ADMIRATEURS RUSSES ». Les lettres des mots *Nation Belge* sont en caractères plus grands, la copulative *et* en caractères plus petits. Au-dessous de la séparation horizontale, la traduction russe de l'inscription française : (« Gerojskomu i Blagorodnomu Belgijskomu Narodu Danj Voskiščenija Russkikh Ljudej 1914 G. »). Comme à la partie supérieure, la copulative *и* est en caractères plus petits, les « Belgijskomu Narodu » en caractères plus grands. Le G. (abréviation de

goda, l'an) est en caractères plus petits. Ce revers est composée de lettres ordinaires, non ornées, et n'a aucun caractère artistique. *Diamètre* : 32,5 mm.

Il s'agissait à l'origine d'une simple médaille commémorative, sans doute vendue au bénéfice des blessés et réfugiés belges. Mais à une date inconnue, qui coïncide peut-être avec la présence sur le front belge d'une mission militaire russe en juin 1915 2), des exemplaires de cette médaille furent remis à des soldats belges qui s'étaient particulièrement distingués au cours des premiers combats.

Les militaires ainsi distingués voulurent porter de façon apparente la médaille offerte : dans certains cas, la lettre A, premier mot de l'inscription française fut recouverte d'une agrafe soudée. Le port du bijou seul étant contraire aux traditions belges, une bélière de cuivre argenté fut soudée à la partie supérieure de la médaille qui se porta suspendue à un ruban de 35 mm aux couleurs belges noir-jaune-rouge 3).

Cette médaille ayant été décernée non pas par le Gouvernement impérial russe mais par une société privée, les autorités militaires belges n'en officialisèrent jamais le port, qui tomba en désuétude peu après la Révolution d'octobre.

1) A. Zakar est également l'auteur d'une médaille commémorant sans doute la levée de légions polonaises par la Russie. Cette médaille, d'un diamètre de 32,5 mm également, existe en bronze et en argent. Elle représente au droit un polonais assis et un russe debout, accompagnés de la légende en russe et en polonais « L'Union fraternelle fait la force ». Le revers montre les aigles héraldiques russe et polonais séparés par une fasce portant l'inscription bilingue « Les Russes aux Frères Polonais ». Sur la médaille éditée en Pologne russe à la même époque en l'honneur de la Belgique, et accessoirement sur la médaille russe qui occupe, voir E. Majłowski, *Une médaille polonaise en l'honneur de la Belgique (1914)*, dans *Revue Belge de Numismatique et de Sigillographie*, 1933, p. 69-76.

2) Cette mission venait organiser le départ pour le front de Galicie du Corps Belge des Autos-Canon-Mitrailleurs.

3) L'exemplaire qui nous appartient et qui fut porté par le Caporal mitrailleur Louis Mérotte est reproduit ci-contre. L'exemplaire du Cabinet des Médailles de la Bibliothèque Royale Albert 1er, à Bruxelles, est la simple médaille d'argent. Louis Mérotte avait été cité à l'O.J.A. pour sa belle conduite au combat de Rabosée, devant Liège, dans la nuit du 5 au 6 août 1914 « en tenant tête avec sa mitrailleuse, à une attaque d'infanterie ennemie et lui infligeant des pertes énormes, plus de 150 cadavres allemands gisaient devant la redoute ». Mérotte fut un des premiers décorés de la Croix de Guerre belge.

Francis M. Balace

INSTITUTION DES ORDRES MILITAIRES EN RUSSIE

Si le début du XVIIème siècle a été caractérisé par des désordres et des guerres religieuses en Europe, sa fin a été marquée par le triomphe général de l'absolutisme; toutes les forces créatrices et toutes les ressources de l'Etat ayant été de plus en plus concentrées dans les mains du Souverain Monarque, le meilleur exemple de cet état de choses étant « le Roi Soleil » LouisXIV qui, de son Palais de Versailles nouvellement reconstruit, gouvernait la FRANCE en monarque absolu, disant de lui-même : « l'Etat, c'est Moi ».

Ce n'est pas par hasard que cette époque a été marquée par l'institution de nouveaux, ou la « rénovation » des anciens ordres de chevalerie. Ces ordres nouveaux n'avaient évidemment rien de commun avec les anciens ordres de chevalerie qui avaient par ailleurs cessé d'exister. C'étaient des décorations et des médailles qui n'avaient que la forme des croix et des étoiles jadis portées par les chevaliers. Ces ordres étaient généralement institués par les monarques. *Le saint patron* de ces ordres était généralement choisi parmi les saints ou les saintes et par un curieux hasard correspondait souvent au nom du souverain qui les instituait ou à la rigueur au prénom de son épouse. Ces récompenses étaient attribuées à des hauts fonctionnaires d'état qui étaient ainsi distingués

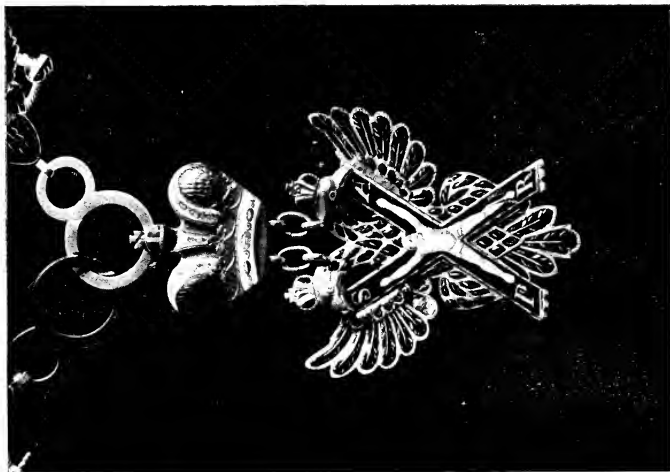
de la masse de la noblesse. Leurs porteurs étaient ainsi visiblement remarqués comme appartenant à « l'assemblée des Elus ».

Au lever royal ou bien aux réunions solennelles ces nouveaux dignitaires, parfois de basse extraction ou d'origine étrangère arboraient des croix et des « chevaleries » avaient préséance sur certaines vieilles familles féodales.

Il nous faut dire que l'institution de ces ordres était non seulement utile mais progressive et rationnelle.

En RUSSIE, le grade ou l'ordre de chevalerie fut introduit à cette même époque et constituait l'une des innovations que PIERRE LE GRAND emprunta à l'Occident. Elle avait d'autant moins de commun avec les anciens ordres de chevalerie que ces derniers n'avaient jamais existé en RUSSIE et que l'idée même de décorer un laïc d'une croix (de forme latine par surcroît) qui devait être portée sur la poitrine aurait été incompatible avec l'esprit qui régnait en RUSSIE avant PIERRE LE GRAND.

Bien que les ordres apparurent en RUSSIE en même temps que les barbes des boyards disparaissaient, selon la volonté du Tzar ce n'était pas en contradiction avec une certaine réalité historique. A cette même époque un processus



L'Ordre de Saint-André le Premier Elu, appartenant au Duc de Vellington, Décoré par l'Empereur Alexandre- I

de concentration de toutes les forces créatrices du pays autour du monarque apparut en RUSSIE, et les ordres furent nécessaires à PIERRE LE GRAND pour honorer ses compagnons d'armes et rabattre l'orgueil des boyards. De même, au moment des réformes de PIERRE LE GRAND les décorations et les « chevaleries » devinrent en Occident une partie intégrante du costume porté par les hauts dignitaires. Les ayant vêtu selon la mode allemande, le Tzar estima qu'il serait utile de créer en RUSSIE l'ordre de chevalier.

Le premier de ces ordres fut institué le 30 Novembre 1698, c'est à dire 5 ans après la création de l'ordre de St LOUIS par Louis XIV et 3 ans avant celui de l'Aigle Noir en PRUSSE. PIERRE 1er choisit comme saint patron de ce premier ordre l'apôtre St André dénommé « le premier élu ».

Comme tout ce qui a été fait dans l'œuvre de cet homme remarquable, cet ordre avait un cachet particulier de beauté et de majesté. Sans avoir de tradition héraldique, PIERRE 1er sut créer un ordre russe qui n'a jamais été surpassé et resta à jamais le symbole de l'autocratie russe.

Du temps de PIERRE LE GRAND l'ordre n'était attribué qu'à titre exceptionnel à des dignitaires et principalement pour faits d'armes. Le premier chevalier élevé dans cet ordre a été le Général-Amiral F.A. GOLOVINE qui le reçut le 10 Mars 1699, le second fut attribué à MAZEPA, hetman de la Petite Russie, c'est-à-dire l'Ukraine à qui cette distinction fut conférée le 8 Février 1700 et retirée en 1708 pour crime de haute trahison. Quant à celui de PIERRE LE GRAND il voulut le mériter par un fait d'armes personnel et décida de ne le recevoir que quand une occasion propice se présenterait. C'est en 1703 qu'il reçut les insignes de l'ordre pour avoir pris d'assaut deux vaisseaux suédois qui s'étaient aventurés dans l'estuaire de la NEVA.

Lors d'un Te Deum de victoire célébré dans l'église de campagne de PIERRE 1er, le premier chevalier de l'ordre GOLOVINE l'élevait au grade de chevalier en même temps que MENCHIKOFF qui, en tant que lieutenant dans la compagnie des bombardiers participait à la même action.

PIERRE 1er conférait parfois cet ordre aux étrangers et c'est ainsi que le 3ème chevalier fut PRINCENE, Ministre plénipotentiaire du Brandebourg, le 5ème, un saxon le comte BEIHLING et en 1712, PIERRE 1er reçut dans l'ordre AUGUSTE II roi de POLOGNE qui à son tour lui conféra l'ordre de l'Aigle Blanc. Pendant tout le règne de PIERRE 1er, seulement 38 nominations eurent lieu dont 24 à des russes et 14 à des étrangers.

Du temps de PIERRE 1er, l'ordre n'avait pas

de statut et l'on ne put jamais retrouver l'Unkade de son institution. Le seul statut connu fut donné à l'ordre par l'Empereur PAUL 1er le 15 Avril 1797 et resta en vigueur jusqu'à la révolution.

Citons-en quelques articles :

§ 291

L'ordre Impérial de St André « le premier élu » n'existe que dans une seule classe.

§ 292

Les insignes de l'ordre sont les suivants :

1) Croix de St André bleue sur aigle bicéphale surmonté de trois couronnes, sur la croix l'image de l'apôtre St André crucifié. Dans les 4 coins de la croix figurent les lettres latines S.A.P.R. en or, initiales de : « SANCTUS ANDREAS PATRONUS RUSSIAE ». Au revers et au milieu de l'aigle la charte avec l'inscription : « Pour la foi et la fidélité ».

2) Etoile octogonale en argent ayant en son milieu un aigle bicéphale noir sur champ d'or surmonté de 3 couronnes. Au cœur de l'aigle la croix de St André sur champ bleu ciel, encadré de la devise de l'ordre en lettres d'or avec en bas deux branches de laurier liées par leurs extrémités. L'étoile se porte sur le côté gauche de la poitrine.

L'insigne de cet ordre quand il est attribué pour faits d'armes comporte deux glaives entrecroisés au-dessous de la couronne supérieure et sur l'étoile de façon à ce que le bouclier portant la devise et la croix de St André vienne recouvrir le croisement des glaives.

Remarques

Les insignes attribués aux personnalités non chrétiennes voient la représentation de St André, de son chiffre et la croix remplacés par l'aigle impérial russe.

§ 295

Le règlement ne prévoit aucun cas précis méritant l'attribution de l'ordre qui dépend uniquement de l'appréciation par le monarque des services rendus et des distinctions déjà obtenues par les hauts fonctionnaires de l'Etat.

§ 296

Les chevaliers de l'ordre de St André sont considérés comme faisant partie de la troisième classe dans les rangs de l'Etat, c'est-à-dire à égalité avec les détenteurs du grade de lieutenant général, même si effectivement ils sont d'un échelon plus bas en ce qui à trait au service.

§ 297

Les chevaliers de l'ordre de St André sont considérés comme détenteurs des trois ordres inférieurs : celui de St Alexandre Nevsky, de l'Aigle Blanc et de Ste Anne, même s'ils ne les détenaient pas avant leur élévation à l'ordre de St André. Les insignes de ces ordres leurs sont remis en même temps que ceux de l'ordre de St André « le premier élu ».

L'ordre de St André a été également celui de la famille Impériale russe. Tous les grands ducs ou duchesses ayant le titre de « Altesse Impériale » le recevaient en même temps que leur baptême; les princes ayant titre de « Altesse » le recevaient à leur majorité, et il était accordé aux autres membres de la famille selon le bon vouloir du souverain.

Comme nous l'avons mentionné plus haut cette décoration était particulièrement belle et l'exécution des insignes, d'une haute facture artistique. La croix et la chaîne qui se portaient en sautoir étaient en or, l'étoile en argent; elles ne furent jamais modifiées et si les insignes ouvragés du 18ème siècle et du début du 19ème siècle paraissent un peu grossiers ils furent toujours des pièces d'art avec au revers le titrage de métal précieux et souvent le nom de l'artisan.

Ces anciens titrages se distinguent par le fait qu'ils sont souvent accompagnés de l'indication de l'année de fabrication, c'est ainsi que l'auteur de cet article possède dans sa collection les insignes de l'ordre de St André faits en 1797.

Il est à noter que l'or est titré à 84, titrage que l'on retrouve d'ailleurs plus tard sur des objets en argent, mais au 18ème siècle il figurait souvent sur les objets fabriqués en or.

Au musée dédié au Duc de WELLINGTON se trouve un autre exemplaire aussi parfait de cet ordre qui lui avait été conféré par l'Empereur ALEXANDRE 1er

Etant donné que le nombre de chevaliers de l'ordre de St André l'apôtre et le « premier élu » est relativement restreint, ses insignes sont infiniment rares et de très grande valeur.

E. Mollo

LE CORPS DU PRINCE CONDÉ

La prise de la Bastille, le 14 Juillet 1789, fut le signal de l'émigration des français. Les personnes qui entouraient la Cour Royale furent les premières à quitter la FRANCE. A la tête de l'émigration se trouvaient le frère benjamin du Roi, Comte d'Artois, futur Roi Charles X, le Prince de Condé, Conti, Polignac ect...

Plus la révolution se répandait, plus l'émigration se renforçait. La sanglante démagogie des révolutionnaires couverte par la souveraineté du peuple, la poursuite de la religion, ont fait quitter la France à environ 180.000 membres de la population. Cette population qui avait fait la grandeur et la culture de la France.

Le Comte d'Artois s'installa à Coblenz, et à Worms le Prince Louis-Joseph de Condé. Autour d'eux, les émigrés commencèrent à se rassembler. Coblenz était la cour et Worms le quartier général du Prince de Condé et le camp militaire.

Le Prince de Condé, homme froid et renfermé, soldat dans l'âme était reconnu par l'émigration comme le chef suprême de l'armée royaliste. Son armée était, en grande partie, composée de nobles enflammés par l'amour de la Patrie et la haine de leurs adversaires, qui avaient pris le pouvoir. Dans son armée, il reformait les noyaux des vieux régiments d'autrefois. La solde était minime et c'est avec beaucoup de difficulté qu'on logeait les troupes dans les petits villages aux alentours. Mais ces hommes bien disciplinés avaient une seule pensée : vaincre l'adversaire et servir la Patrie.

Après le congrès de Rastatt, la paix s'établit entre les états monarchistes et la FRANCE républicaine. Le corps de Condé fut désarmé et ses hommes tombèrent dans la misère. Ils étaient

seulement tolérés dans le pays, et dans quelques endroits, ils étaient considérés comme des éléments de basse catégorie.

C'est à ce moment et en RUSSIE seulement que beaucoup de français trouvèrent une deuxième Patrie; des hommes comme le Duc de Richelieu, le Comte Langeron, le Prince de Broglie, de Polignac, Laval de Montmorency, le Comte de Choiseul Gouffier de Trouverc ont inscrit leurs noms dans l'histoire russe.

Etant en Russie, ils furent surpris par l'accueil si cordial et si hospitalier, ils en étaient très embarrassés. Le Comte Armand de Pontmartin, dans ses mémoires, dit qu'il se plaignait de cet accueil au Généralissime SOUVOROFF qui lui répondit : « Cet accueil est un crédit. Il viendra un moment où les émigrés russes iront chercher refuge en France et vous serez quitte ».

L'Empereur PAUL 1er, qui témoignait beaucoup d'attentions pour les émigrés français et encore plus pour le roi LOUIS XVIII, répondit en hâte à la demande de ce dernier d'entrer en Russie, par une invitation conçue dans ces termes : « Je veux que cela soit le signe de mon amitié envers vous ». Et bientôt la ville de Mitava devint un petit Versailles où habitait le roi avec sa cour, touchant une solde de l'Empereur de toutes les Russies.

Après la Paix de Campoformio, quand l'armée royaliste tomba dans la misère, le roi Louis XVIII demanda à l'Empereur Paul 1er de sauver le reste de ses hommes. L'empereur connaissait personnellement le Prince de Condé; lors d'un voyage incognito en France quand il avait été l'hôte du Prince dans son château de Chantilly. Il donna l'ordre à son ambassadeur en Saxe d'annoncer au

Prince que, touché par la situation critique de son armée, il la prenait sous sa protection.

Le 7 Septembre 1797, le Prince Gortchakoff se présentait au quartier du Prince de Condé avec les instructions de son Empereur. D'après celles-ci, l'Empereur offrait à l'armée le refuge en Russie, la liberté de religion, le maintien des grades, de l'unité de l'armée, une solde, la possibilité de s'engager dans l'armée russe et une retraite. Après le serment de fidélité à l'Empereur, elle devrait suivre la discipline russe, porter l'uniforme et la cocarde russes. L'armée prit le nom de : « Corps du Prince de Condé » à partir du 1er Octobre 1797. Officiellement, l'ordre du jour d'entrée de 7.000 hommes au service de Sa Majesté fut donné le 27 Novembre 1797 en ces termes :

« Le corps du Prince de Condé entre au service de S.M.I. Il se compose de 3 régiments d'infanterie et 2 de cavalerie : Infanterie : le régiment de nobles, 2 bataillons, cantonnement, la ville de Vladimir, chef Prince de Condé, le Duc de Bourbon, le régiment des grenadiers, 2 bataillons et 2 compagnies de grenadiers, cantonnement la ville de Sloutsk — Prince de Hohenlohe — 2 bataillons et 2 compagnies de grenadiers, cantonnement la ville de Kovel. Cavalerie : Duc de Berri, le régiment de nobles, 5 escadrons, cantonnement la ville de Vladimir. Duc d'Enghien, 5 escadrons, cantonnement la ville des Sloutsk. Inspection par le Prince de Condé. Artillerie : 2 compagnies sous la même inspection.

L'ordre de marche en Russie fut donné le 4 Octobre 1797. La première colonne qui comprenait des voitures avec les familles des officiers partit par Munich, Olmutz, Galicie et Woline, les autres colonnes la suivirent à peu d'intervalle. La cavalerie du jeune Duc d'Enghien, fustillé par Napoléon 7 ans plus tard, continua son voyage en bateau par le Danube.

Quelques mémoires subsistent de cette marche inouïe à travers une Russie inconnue. Quelques-uns des officiers achetèrent des livres russes pour apprendre cette langue « barbare ». Pendant la traversée de la Pologne, les plus jeunes officiers, avec le Duc d'Enghien en tête, chassèrent dans les forêts immenses des magnats polonais et bien souvent chantaient des chansons insultantes pour l'Empereur d'Autriche, qui leur refusait l'hospitalité.

Le 30 Décembre, le corps traversa la rivière Boug et entra en Russie. A la frontière, il était attendu par un prêtre russe qui fit prêter aux français le serment de fidélité à l'Empereur russe. Après le serment, tous les hommes enlevèrent leurs cocardes royales. Ils reçurent des étendards et des drapeaux russes, avec une seule variante : au lieu des aigles impériaux, des lys dorés ornaient les 4 coins des drapeaux. L'Empereur pensait que les français devaient être fiers de porter

ses emblèmes. L'infanterie reçut des tuniques vertes et la cavalerie des blanches, — les dragons d'Enghien des casques.

Dès ce moment les jours devinrent sombres et monotones, bien que les troupes fussent bien traitées et bien soignées.

L'état-major du Prince de Condé était cantonné à Doubno, dans le château du Prince Loubo-mirsky. D'après les témoignages de Tibau, la ville de Doubno plaisait aux parisiens; il y avait des magasins, des cafés et des restaurants. Les français passaient les soirées chez les habitants, où se réunissait la meilleure société russe. Les autres fréquentaient les châteaux de l'aristocratie polonaise des environs. Mais les émigrés commençaient à s'ennuyer, ils buvaient beaucoup de vodka, jouaient aux cartes, les duels étaient fréquents et la discipline n'était pas toujours observée. Cela ne plut pas à l'Empereur et le 21 Février 1798, il ordonna de juger tous les cas selon la Justice russe. Les résultats furent décevants, quelques officiers furent sévèrement punis et deux d'entre eux, de Bomaize et Clozé, envoyés en Sibérie.

Pendant ce temps, la République Française, répandait ses idées pour conquérir d'autres états. La BELGIQUE était envahie ainsi que la rive gauche du Rhin, la Savoie et quelques parties du territoire d'ITALIE.

La RUSSIE, l'AUTRICHE, la SARDAIGNE et la TURQUIE prirent part à une coalition contre la FRANCE républicaine. La guerre commença en 1799. Souvoroff, chef suprême de l'armée de coalition, battit les généraux de la révolution, Moreau, Macdonald et Joubert en ITALIE du nord.

Le corps du Prince de Condé reçut l'ordre d'aller sur le théâtre des opérations en SUISSE. Beaucoup d'émigrés français quittèrent la Russie le cœur léger car une petite partie seulement avait apprécié le bon accueil et emportait un bon souvenir du peuple « religieux, barbare et en même temps si doux » qui leur avait donné l'hospitalité pendant 18 mois.

En Octobre 1799, le corps français vint prendre position devant Constance, sous l'ordre du Général russe Rimsky Korsakoff. Les royalistes étaient attaqués par les ardentes troupes du Général Gazan de l'armée de Masséna. Sous la pression des républicains, le corps traversa le Rhin et 500 royalistes tombèrent aux mains des ennemis. C'est l'uniforme russe qui leur sauva la vie, car plus tard ils furent échangés contre des prisonniers républicains. A ce moment, la captivité pour les royalistes, était la mort. « Quand j'ai la chance d'attraper les émigrés, — écrit le Général Vandamme à la Convention, — je ne fatigue pas la commission pour les juger, le jugement se fait sur place, mon sabre et mes pistolets font leur travail » et les membres de la Convention firent une ovation à ce message.

A la fin de l'année, le corps de Condé cantonnait à Linz. On murmurait que l'armée russe quittait la Suisse et retournait en Russie. Les français étaient bien déprimés par cette nouvelle.

Bientôt le corps reçut l'ordre de retourner en Russie par Olmutz, Tarnof et Jaroslav. Mais quand les troupes russes commencèrent la marche, les français ne bougèrent pas. Le prince de Condé avait reçu un message des anglais, lui disant de rester sur place en attendant la réponse de l'Empereur Paul 1er, à qui les anglais avaient offert de transporter les troupes françaises par mer en territoire britannique et, de là, débarquer en France pour continuer la lutte contre les révolutionnaires. En constatant la désobéissance de Condé, l'Empereur donna un ordre laconique : « Le corps du Prince de Condé est dissous ».

Quand Paul 1er se retira de la coalition contre la France, le Prince de Condé s'allia avec les autrichiens jusqu'à la paix de Lunéville. Après quoi, le corps fut complètement dissous. Seule l'organisation de Hohenlohe fut conservée.

Ce prince allemand, après la chute de Napoléon revint en France avec son régiment et après sa mort, « la légion Hohenlohe » devint le noyau de la Légion Etrangère. Les glorieux régiments de la Légion Etrangère ont pour origine ceux qui se sont battus sous les ordres du Prince de Condé, qui ont prêté le serment à l'Empereur russe et fait la campagne de Suisse unique dans l'histoire militaire sous le commandement du généralissime Souvoroff.

Traduit du russe par G.N.

Revue de la presse militaire

LES COSAQUES par Yves BREHERET
Editions BALLAND, Prix : 32 fr.

Voici enfin un livre bien conçu et qui, dans une forme romancée, raconte l'histoire de ces hommes qu'on a toujours voulu voir en cavaliers et qui ont, à pied, à cheval et en bateau tracé les pistes de l'expansion impériale depuis la mer d'Azov jusqu'en Californie.

L'auteur s'est très bien documenté et certaines photos sont des pièces rares, nous relevons cependant une erreur dans celle qui faisant face à la page 129 représente un très beau « Klitch », sabre turc et un superbe « Kindjal » du Daghestan comme armes cosaques. Ces dernières sont bien plus classiques sur la photo du dessus représentant les cosaques du Terek. En effet si les cosaques ne dédaignèrent jamais avoir sur leurs murs des armes ottomanes, c'est dans leur traditionnelle Chachka à manche arrondi et sans garde, à la lame effilé comme un rasoir, qu'ils gardaient leur confiance.

Il faut toutefois redresser une importante quantité d'erreurs de transcription ou d'impression que nous voudrions voir corrigés si le livre était appelé à être réédité.

Je vois déjà les cosaques en vie frémir en lisant le mot « Voskoi » au lieu de l'éternel « Voisko » qui désigne la région et le clan, base

de division géographique et d'unité nationale de tous les cosaques.

Nous relevons ensuite les erreurs suivantes : — « Tcherkessa » au lieu de « Tcherkesska », vêtement traditionnel des Voïskos du Caucase.

— au lieu de Novorossiisk nous lisons malheureusement Novosïirsk.

— le K terminal manque au nom de Novotcherkassk

— Tatiana devient Katiana

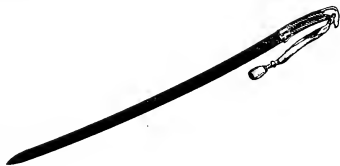
— le général ERDELLY voit la première lettre de son nom transformée en A

— il n'en est guère mieux avec les noms de Vassilenko et de Toukhatchevsky qui sont amputés ou déformés, ainsi qu'avec Makhnovchina qui dans le texte s'écrit Makhnovnicha.

Enfin et surtout, pourquoi veut-on absolument faire crier aux cosaques : « Houré ! » au moment de l'attaque, quand le cri de guerre de ces cavaliers fougueux, comme de toute l'armée russe et à toutes les époques a été : « Oura !!! »

Ces quelques remarques me paraissent nécessaires, mais je conclus ces quelques méchantes lignes en disant que le livre vaut la peine d'être lu et peut servir d'excellente documentation générale sur les fameux guerriers qu'étaient les cosaques.

V. B.



NOTES EXPLICATIVES

Page 1. L'insigne du régiment des cosaques du Don. Ecusson portant les armoiries des cosaques du Don placé sur oval en émail bleu ciel surmonté d'une couronne impériale et portant à sa base la croix d'officier de St Georges en émail blanc et centre rouge avec cavalier sur cheval blanc, sur ruban de l'ordre de St Georges, 3 traits noirs séparés par 2 traits orange, ce ruban vient entourer d'ailleurs les armoiries des cosaques, le tout est couronné d'une grande couronne impériale surmontée du chiffre de l'Empereur Nicolas II.

Page 7. Photo représentant une revue militaire en présence de l'Empereur à Pskoff le 6 Août 1903.

Page 8. Photo représentant le rassemblement des unités militaires avant le défilé de Pskoff le 8 Août 1903.

Page 9. Départ de leurs Majestés de Pskoff le 9 Août 1903.

Page 11. Description de l'insigne de la brigade d'artillerie du Caucase : Croix de Malte placée sur 2 canons entrecroisés avec initiales du Grand Duc Michel, le tout surmonté d'une couronne impériale

Page 19. Description de l'insigne de l'artillerie à cheval de la Garde impériale, croix noire bordée d'or et portant au centre le chiffre de l'Empereur Nicolas II.

Page 19. Mise en position, époque Nicolas 1er.

Page 21. Prêts à ouvrir le feu, époque Nicolas 1er.

Page 24. Groupe d'officiers du régiment de l'artillerie à cheval de la Garde impériale, photo prise en 1914.

Page 29. Insigne du 9ème régiment des hussards de Kiev : croix dite d'Ismail en or portant en son milieu une croix de St Georges avec les armoiries de la ville de Kiev : archange Michel en habit d'argent tenant un glaive d'or sur un fond de ciel bleu.

Page 43. Photo des élèves de la pension-école préparatoire de Kharbin 1913.

Page 47. Insigne du 5ème régiment de hussards d'Alexandrie, croix de Malte noire bordée de blanc avec au centre tête de mort — ces hussards portaient la dénomination « Hussards de la mort ».

Page 47. Insigne du régiment des hussards de la garde de Grodno, croix polonaise « Virtuti militari » en or bordée de noir. Au centre, sur fond framboise les armoiries de la ville de Grodno entourées d'une couronne de feuilles en argent.

NOTE DE LA REDACTION

1) № 121 page 51 colonne de droite, 7ème ligne à partir du bas, lire *cosaque* au lieu de *plustoun*, puisqu'à l'époque ce titre n'était pas officiellement accordé aux cosaques de l'armée régulière.

2) № 121 page 56 colonne de droite lire : *brandebourgs* jaune au lieu de rouge.

LE BRIQUET

L'Amicale des Collectionneurs de Figurines du Centre Loire fait paraître, chaque trimestre, un bulletin « LE BRIQUET », contenant des articles rédigés par une équipe de collectionneurs chevronnés.

Chaque bulletin comporte en outre 6 planches d'uniformes imprimées sur « bristol » permettant de les peindre et dessinées spécialement par les peintres militaires et collectionneurs les plus compétents : de BEAUFORT, FORTHOFFER, LELIEPVRE, NORTH, RIGO, etc.

La plupart des articles sont consacrés aux armées du 1er empire.

De plus, vous trouverez dans chaque numéro un article accompagné d'une planche sur les Têtes de colonnes d'Infanterie ou de Cavalerie.

Si vous êtes intéressé, voulez-vous juger notre bulletin par vous-même ? Dans l'affirmative faites-nous parvenir 8 F. en timbres ou à notre compte chèque postal. Nous vous enverrons un numéro spécimen.

A.C.F.H.C.L., 19, rue de la République — 45 - ORLEANS, C.C.P. ORLEANS 1016-42

« LE PASSE MILITAIRE »

Revue illustrée, bilingue paraissant tous les deux mois, et traitant de l'Armée et de la Marine Russe. Abonnement pour 1973 : 40.00 francs.

Adresse de la rédaction : 61, rue Chardon-Lagache — 75016 — PARIS ☎ 647 72-55
C.C.P. Paris 3910-12

ARMES ET UNIFORMES DE L'HISTOIRE

Rédacteur en chef : Christian-Henry TAVARD

DIRECTION - ADMINISTRATION - REDACTION - DIFFUSION : Rémanences, 2, rue Malus
75005 — Paris

ABONNEMENT pour 6 numéros annuels : 35 FF — Etranger : Belgique 350 FB, Suisse 32 FS,
Allemagne 25 DM, Pays-Bas 25 Fl, Italie 5 000 Li, Grande-Bretagne 3 L, Etats-Unis 8 \$

PRIX DU NUMERO EN FRANCE : 7 F

S. ANDOLENKO

« INSIGNES RÉGIMENTAIRES DE L'ARMÉE IMPÉRIALE RUSSE »

Editions « Tanaïs » Paris 1966

Manuel à l'usage des amateurs et collectionneurs. Insignes des corps de troupe et des écoles militaires. Texte russe, présentation et sous-titres en français. Préface en 4 langues.

Volume 17 × 25, relié, 230 pages, 487 clichés, 24 francs.

TIRAGE TRES LIMITE

Adresser commande avec montant à : M. GUERING, « LE PASSE MILITAIRE »

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА « ВОЕННОЙ БЫЛИ »

- № 2 — Евгений Молло — Русское холодное
оружие XIX в. — 5 фр.
№ 3 — В.П. Ягелло — Княжеконстантинов-
цы — 3 фр.
№ 5 — Евгений Молло — Русское холодное
оружие эпохи Императора Нико-
лая II. Князь Н.С. Трубецкой —
Нижегородская шашка — 5 фр.
№ 6 — П.А. Нечаев — Алексеевское воен-
ное училище — 5 фр.
№ 9 — К.М. Перепеловский — Киевское
Великого Князя Константина Кон-
стантиновича военное училище —
3 фр.
№ 10 — Письма Суворова к Принцу Нассау-
Зиген — 10 фр.
№ 11 — П.К. Кондзеровский — В Ставке
Верховного — 9 фр.
№ 13 — Алексей Геринг — Материалы к
библиографии русской военной пе-
чати за рубежом — 15 фр.
№ 14 — Н.П. Солодков — Морские рассказы
— 10 фр.
№ 15 — П.В. Пашков — Воспоминания юн-
кера Алексеевца — 3 фр.
№ 16 — Странствования Христофора Гас-
смана — 10 фр.
№ 17 — В.Г. фон Рихтер — Собрание сочи-
нений по русской военной медали-
стике и истории — 80 фр.

№№ 1, 4, 7, 8 и 12 распроданы.

« СБОРНИКИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ »

выпуски 1 и 2 на ротаторе
цена — 5 фр. фр.

1 амер. дол. в странах заокеанских
Изд. « Военная Белья » 50 стр.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО « ТАНАИС »

Вышли из печати и находятся в про-
даже следующие книги :

С. АНДОЛЕНКО — Нагрудные знаки Рус-
ской армии 230 стр. свыше 500 илл. —
24 фр.

В. П. ЗВЕГИНЦОВ — Кавалергарды в ве-
ликую и гражданскую войну 1916-20 гг.
206 стр. — 18 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Железный Хромец ис-
тор. роман 242 стр. — 21 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Возвращение историч.
роман 258 стр. 21 фр.

Ген. лейтен. А. В. фон-ШВАРЦ — Иванго-
род в 1914-1915. Из воспоминаний. 166
стр. с портр. и карт — 15 фр.

Ген. штаба генерал-майор Б. В. ГЕРУА —
Воспоминания о моей жизни. Том пер-
вый 277 стр. с портретом и иллюстр. авто-
ра — 27 фр. Том второй — 218 стр. с пор-
третом, многими фотогр. и схемами боев
— 27 фр.

Кирасиры Его Величества

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МИРНОГО ВРЕМЕНИ 1902-1914

Издание полковников князя ДЕВЛЕТ-КИЛЬДЕЕВА и ДОЛЕНГА - КОВАЛЕВСКОГО. 188 страниц с портретами и маршем Кирасир Его Величества.

Тираж книги изданной в С. А. С. Ш. был 555 экземпляров.

Оставшиеся экземпляры продаются в пользу журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ».

Цена — 10,00 фр. фр. без пересылки.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

БУГУРАЕВ — Михайловское артиллерийское училище 150 лет основания — 8 фр.
Г. Р. ВАНТЦ — В море и на суше — 12 фр.
В. Н. фон-ДРЕЙЕР — На закате Империи. — 15 фр.

А. ГАЙРАБЕТОВ — Сборник военных песен — 20 фр.

Князь П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 10 фр.

КИРАСИРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — Последние дни мирной жизни 10 фр.

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.

Н. МАНТУЛИН — Песенник русского воина — 25 фр.

ПАМЯТКА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА — 25 фр.

О. И. ПАНТЮХОВ — О днях былых — 35 фр.

Ф. П. РЕЙБЕРГ — Исторические тайны — 40 фр.

С. Н. РЯСНЯНСКИЙ — О Российском воинстве — 12 фр.

К. Р. — Полное собрание сочинений тома I-III — 60 фр.

СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.

Н. ТУРБИН (Л. П. Линевиц) — По старому следу: Сборник рассказов — 15 фр.

А. И. ШЕЛОУМОВ — Папка с 20-ю цветными репродукциями батальных картон (размер 24 x 31 см.) 30 фр.

СЕРГЕЙ ШПАКОВСКИЙ — Памятка 14 пехот. Олонецкого Короля Сербского полка — 6 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 125, rue Prevôt, Bruxelles 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemenese 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, Cal.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 52, Albert Rd. Stratfield 2135 N.S.W. Australia.

б) у В. П. Тихомирова:
5, Fuller Str. F. 12
Walkerville S. Australia 5081

Аргентина — у Г. Г. Бордокова — Ibero 2768 BUENOS - AIRES Argentina

№ 121
Март 1973 года

ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ВОЕННАЯ СЛАВА

LE PASSÉ MILITAIRE



ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Составитель: Александрович Марьянович Императрица Елизавета Петровна (портрет) — портрет и описание о коннице своего дядного и предшлого, одного платья.

ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СТАЦЕВИЧА

портрет в форме 1943 года и в городе Тюрин

Рисунки: 1. Форма в ВОЕННИИ 1881-1882. 2. Какже форма, выделенная в коннице, 3. Описание о русской Российской Императорского флота капитана 2 ранга

НИКОЛАЯ СЕРГЕЕВИЧА ЧИРИКОВА

портрет в форме 3 марта 1974 года

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Исторический очерк лейб-гвардии Конной Артиллерии — <i>К. Киселевский</i>	1
Отставка Гардемаринов в Класе (оконч) — <i>В. Тарлов</i>	9
Биография Первого ждского корпуса — <i>своица Алексей Герви</i>	15
Смотр русских войск под Вердью — <i>Юри Солодков</i>	16
Битварское шата и Брюсселе — <i>С. Дюблетко</i>	18
Обиборкешна Свнтото Георгия на ордацких крестах — <i>Евгений Молто</i>	20
1. Дини в 1915-1917 и (оконч) — <i>В.Е. Миловадинович</i>	22
1918. Перидекоптриница — <i>Генерал-лейтенант Масловский</i>	23
Кавалерство 1913 года (исписи в перах) <i>М.В. Алексеева</i>	36
Служба в Довской артиллерии — <i>М.Т. Чернышова</i>	38
Формы в ВОЕННИИ 1881-1882	46
Образование печати — <i>Георгий Губарович А.</i>	48
1880-1881 в Редакцию	48
1. 1881-1882 St. Peterbourg par le sculpteur allemand Schadow en 1891 et de dans des guerrier russes de la guerre patriotique 1812-1813 — <i>G. Solodkoff</i>	49
2000-1882 sur les uniformes des soldats en general et sur celles du 1 ^{er} me regiment Miltvisky en particulier <i>A. Kabilovskiy</i>	52

От Издательства

Журнал «Историко-милитарский» №№ 119-124 принимается по цене 40 фр. фр. зона доллара — 10 фр. фр. зона руб. 111 номером. Подписную плату просим отправлять, как всегда, на почтовый счет № 100 в Париже: «LE PASSE MILITAIRE» — 391012 PARIS или нашим представителем в Париже: «Историко-милитарский».

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

XXII Год издания

№ 121 — МАРТ 1973 г.

BIMESTRIEL. Prix — 7,-Frs

Исторический очерк Лейбв-Гардии Конной артиллерии



Настоящий краткий очерк почерпнут нами из архивных материалов Объединения Лейб-Гвардии Конной Артиллерии. Он включает в себя главные извлечения из всего того исторического материала, который в условиях трудного за-

рубежного существования, благодаря главным образом усилиям Е.И.В. Великого Князя Андрея Владимировича, последнего нашего командира, удалось собрать и сберечь.

В предисловии к Своему труду, озаглавленному «Материалы к истории Л.-Гв. Конной Артиллерии», Великий Князь сказал: «Было бы желательно, чтобы накопление материалов продолжалось впредь, дабы осветить всесторонне славную историю нашей доблестной части».

Завет этот свято хранится и постепенное накопление материалов продолжается и поныне. Издание же их в полном объеме не представляется возможным из-за связанных с этим непосильных затрат. Мы постарались поэтому представить здесь историю нашей части в форме краткой, наглядной статьи, ограничив в ней лишь начертания основного. Но и это малое, мы надеемся, будет принято читателем с интересом и поможет сохранить на будущие времена воспоминание о прошлом родных наших батарей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Конная артиллерия появилась в России раньше, чем в других государствах Европы. Уже в 1701 году, по воле великого преобразователя

Императора Петра 1-го, каждому драгунскому полку были приданы по две полупудовые мортиры. Эта полковая конная артиллерия составляла, таким образом, одно нераздельное целое с кавалерией и в этом первоначальном виде просуществовала до Императора Павла 1-го. Лишь в 1781 году началось настоящее преобразование конной артиллерии как тактической единицы.

История Лейб-Гвардии Конной Артиллерии может быть разделена на три основных периода:

- Первый — с 1787 по 1796 г.
- Второй — с 1796 по 1805 г.
- Третий — с 1805 по 1917 г.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

Л.-Гв. Конная Артиллерия ведет свое начало от «Конно-Артиллерийской Команды» Гатчинских войск, сформированной в 1787 г. Цесаревичем Павлом Петровичем и начавшей свою службу с кавалерией. В этом году наследник выбрал из подведомственного себе Кирасирского имени своего полка 20 лучших ездовых, которые составили отдельную конно-артиллерийскую команду для прислуги на два срудия при Кирасирском полку. В каждое орудие впрягалось по паре лошадей. Стрельных лошадей для конной артиллерии брали из Кирасирского полка. Эта конно-артиллерийская команда и явилась родоначальницей будущей Л.-Гв. Конной Артиллерии.

В 1792 г. могла быть сформирована «Особая Конная Артиллерия», названная ротой, имевшая уже четыре пушки. Гатчинские войска, пребывавшие под неусыпным наблюдением самого Цесаревича, содержались в полном порядке. Занятия мирного времени постоянно поддерживали готовность к переходу ко вре-

мени военному. Рота артиллерии была принята за тактическую единицу, было положено начало развития практических стрельб и были впервые введены артиллерийское учение и маневры.

В сентябре 1794 г., в последние годы царствования Императрицы Екатерины 2-й, Высочайше был утвержден доклад гр. П.А. Зубова и составленное им «Мнение о пользе конной артиллерии».

В 1796 г., тотчас по своем вступлении на престол, Император Павел 1-й, приступая к переформированию всей гвардии, вливает в нее свои Гатчинские войска.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

7 ноября 1796 г. конно-артиллерийская команда, как гвардейская часть, поступает в состав Л.-Гв. Артиллерийского Батальона и переименовывается в «Конную Роту». Рота эта представляла из себя тактическую и хозяйственную единицу, наподобие последующих батарей, и, хотя и числясь в составе батальона, резко отличалась от прочих пеших рот и форму обмундирования имела весьма схожую с формой Конной Гвардии. К тому же было предусмотрено, в случае распределения орудий по полкам, орудия Конной Роты придать Л.-Гв. Конному полку.

Но уже с 1802 г. столь ненормальное положение Конной Роты при пешей артиллерии заставляет Цесаревича Константина Павловича, с Высочайшего соизволения, приступить к постепенному сближению Конной Роты с Конным Полком, Шефом которого Цесаревич состоял.

Так, будучи уже в 6-орудийном составе, Рота в следующем 1803 г. отбывает во второй раз лагерный сбор с Л.-Гв. Конным Полком. Вскоре Рота становится 10-орудийного состава.

С 1804 г. нижние чины Роты наряжаются в полковые караулы Конного Полка и, почти прекращая строевую связь с Л.-Гв. Артиллерийским Батальоном, Рота как бы совсем входит в состав этого Полка. Жизнь ее с этого времени идет наравне с Полком и дежурство по Пелку начинают нести также и офицеры Конной Роты, во главе со своим командиром полковником Костенецким.

25 марта 1805 г., в день Благовещения, когда сдаточные ведомости Л.-Гв. Артиллерийского Батальона были подготовлены, была наконец узаконена полная самостоятельность Роты: Цесаревич прибыл в Батальон и собственноручно расписался в приеме Роты по книгам «на законном основании». Тем самым Рота получила законное право на самостоятельное существование и повелено было «со-

стоять ей при Л.-Гв. Конном Полку». Одновременно она получила наименование «Лейб-Гвардии Конно-Артиллерийской Роты» *).

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

27 апреля, в день своего рождения, Цесаревич Константин Павлович принимает Роту под свою полную команду, в честь чего день «27 апреля» в дальнейшем был выбран днем праздника Л.-Гв. Конной Артиллерии. Бригадный образ изображал Св. Равноапостольного Царя Константина в память того, что в этот день родился Цесаревич, основоположник Л.-Гв. Конной Артиллерии.

20 ноября 1805 г. Л.-Гв. Конно-Артиллерийская Рота получает свое боевое крещение на полях Аустерлица. С этого времени и до своего расформирования в 1917 году славные батареи Л.-Гв. Конной Артиллерии, по мере своего возникновения, принимали участие во всех войнах против Наполеона (1805-1814), в Бородинском сражении и во взятии Парижа, участвовали в турецкой кампании (1828-1829), в Венгерском Походе (1849), в Восточной Войне (1853-1855), в Турецкой Войне (1877-1878) и в Великой Войне (1914-1917), понеся тяжелые потери убитыми и ранеными. Боевые действия всех батарей, число которых было постепенно доведено до шести, представлены особо, в отношении каждой батареи в отдельности.

Уже с 1806 г. Л.-Гв. Конно-Артиллерийская Рота составляет с Конным Полком «бригаду», но в январе 1811 г. Рота от него отчисляется; число ее орудий к этому времени доводится до 18.

22 сентября 1811 г. основная рота переименовывается в 1-ую батарею, а вновь сформированная получает наименование 2-ой батареи Л.-Гв. Конной Артиллерии, каждая 8-орудийной мощи.

21 октября 1812 г. сформирована резервная полурота: конно-батареяная батарея «ББ» Л.-Гв. Конной Артиллерии, переименованная впоследствии в 4-ую батарею.

15 августа 1817 г. в Варшаве сформирована 3-я батарея из одного взвода 1-ой и одного — 2-ой батареи.

Таким образом Цесаревич Константин Павлович, называвший себя «коренным начальником Л.-Гв. Конной Артиллерии», является действительным основателем ее четырех старейших батарей.

14 декабря 1825 г., во вспыхнувшем восстании «декабристов», Л.-Гв. Конная Артил-

* Наименование это, по труду А.Г. Борисевича: «27 апреля в истории Гв. Конно-Артиллерийской Бригады» относится будто бы к 22 февраля 1811 г.

лерия, как войсковая часть, непосредственно го участия не принимала. Лишь некоторые ее молодые офицеры, имена коих следуют, были вовлечены, в различной мере, в эти события: подпор. А.Г. Вилламов, подпор. К.Д. Лукин и прап. князь А.И. Гагарин (освобождены от всякой ответственности и оставлены без последствий); прап. А.В. Малиновский (прошен, но отдан под тайный надзор); прап. граф И.П. Коновницын (откомандирован в армию и отдан под надзор начальства); подпор. С.И. Кривцов (лишен всех прав состояния и сослан на каторгу).

6 апреля 1830 г. на Дону сформирована из 1-ой, 2-ой и 3-ей казачьих конно-артиллерийских рот одна легкая рота с причислением одной к Гвардии и наименованием впрямь «Л.-Гв. Донской конно-артиллерийской Ротою», которая впоследствии, под № 6-м, вошла в состав батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской Бригады.

14 марта 1867 г. прежние наименования батареи «конно-легкая», «конно-нарезная» и «конно-батареинная» отменяются и все батареи обозначаются только по номерам.

7 апреля 1867 г. Л.-Гв. Конная Артиллерия переименовывается в «Гвардейскую Конную Артиллерию».

17 августа 1870 г. Гв. Конная Артиллерия переименовывается в «Гвардейскую Конно-Артиллерийскую Бригаду».

25 ноября 1870 г. Император Александр 2-й назначает себя шефом 1-ой батареи с переименованием ее в «1-ую Его Величества батарею».

17 августа 1875 г. последовало переформирование Бригады из 8- в 6-орудийные батареи и из освободившихся таким образом четвертых взводов 1-ой, 2-ой и 3-ей батареи была сформирована 5-ая батарея. Л.-Гв. Донская батарея была в то же время включена в состав Бригады и получила наименование «6-ой Л.-Гв. Донской казачьей батареи».

2 ноября 1894 г. Император Николай 2-й при вступлении на престол, помимо шефства 1-ой батареи, принимает также шефство и 6-ой батареи.

25 марта 1895 г. Гв. Конно-Артиллерийская Бригада подразделяется на два дивизиона трехбатареинного состава:

1-ый дивизион — 1-ая, 4-ая и 6-ая батареи,
2-ой дивизион — 2-ая, 3-ья и 5-ая батареи.

9 ноября 1896 г., по случаю празднования 100-летнего юбилея со дня формирования Л. Гв. Артиллерийского Батальона и Конной Роты при нем, послужившей основанием Л.-Гв. Конной Артиллерии, батареям 1-ой, 2-ой, 3-ей и 5-ой, как имеющим старшинство этой роты

— 1796 г. — пожалованы юбилейные Георгиевские серебряные трубы.

6 декабря 1897 г. 1-ая и 6-ая батареи, как шефские части, получили на погоны вензеля Государя Императора Николая 2-го.

6 января 1905 г., во время торжественного водосвятия на берегу Невы, перед Зимним Дворцом, в Высочайшем присутствии, одним из орудий 1-ой Его Величества батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской Бригады был произведен во время салютационной стрельбы роковой выстрел боевой картечью, причинившей лишь легкие материальные повреждения. Особая техническая комиссия установила вполне точно, что средняя траектория полета пулек проходила значительно выше Царского шатра над местом водосвятия, благодаря большому углу возвышения, приданному стрелявшему орудию. Произведенное строгое расследование обнаружило отсутствие злого умысла, но установило наличие ряда мелких упущений — проступков. По окончании следствия офицеры злополучной батареи были приговорены по суду к незначительным наказаниям.

27 апреля 1911 г. Гв. Конно-Артиллерийская Бригада справляла свой первый праздник в Высочайшем присутствии в Царском Селе, в конном строю.

В 1913 г. Бригада была вновь переименована в «Л.-Гв. Конную Артиллерию», чем было восстановлено ее первоначальное историческое наименование, существовавшее с 1806 по 1867 г.

В Великую Войну 1914-1917 гг. Л.-Гв. Конная Артиллерия действовала на различных фронтах в составе всех своих 6 батареи (см. участие по-батареинно).

В сентябре 1915 г. для пополнения убылей была сформирована Запасная батарея Л.-Гв. Конной Артиллерии, расположенная в г. Павловске, близ С.-Петербурга.

Весною 1916 года, при сведении всей гвардейской кавалерии в корпус, батареи Л.-Гвардии Конной Артиллерии были сведены в три дивизиона двухбатареинного состава:

1-ый дивизион — 1-ая и 4-ая батареи,
2-ой дивизион — 2-ая и 5-ая батареи,
3-ий дивизион — 3-ья и 6-ая батареи.

26 апреля 1916 г., в канун родного Праздника, был Высочайше утвержден нагрудный знак Л. -Гв. Конной Артиллерии. Знак этот изображает крест, штампованный из вороненного серебра; каемка вокруг креста и среднего круга золотая; внутри круга накладной золотой вензель Государя Императора Николая 2-го.

В декабре 1916 г., для усиления нашей легкой артиллерии более крупным и мощным

калибром орудий, началось формирование при Л.-Гв. Конной Артиллерии 4-го дивизиона, в составе трех гаубичных конных батарей четырехорудийного состава. Новым этим батареям были присвоены номера 7-ой, 8-ой и 9-ой. Кадры нижних чинов и командный состав были выделены из прежних батарей, но революция помешала закончить положенное формирование и в начале 1918 г. 4-ый дивизион был расформирован.

В 1917 году, после февральской революции и начавшегося постепенного развала армии, Л.-Гв. Кснная Артиллерия оказалась обреченной на почти полное бездействие и к концу года, одна за другой, расформировались все ее батареи.

За более чем вековое боевое существование через ряды Л.-Гв. Конной Артиллерии прошло свыше восьмисот офицеров, фамилии которых со служебными уточнениями, указаны особо.

1-ая ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батарея

Год основания и старшинство : 9 ноября 1796 г.

Формирование : сформирована, как гвардейская часть, вышеуказанного числа из Гатчинской конно-артиллерийской роты. 25 марта 1805 г. последовало Высочайшее утверждение доклада о выделении роты из состава Л.-Гв. Артиллерийского Батальона в самостоятельную часть и о наименовании ее «Лейб-Гвардии Конной Артиллерией». Фактически же рота стала самостоятельной лишь 27 апреля 1805 г.

2 сентября 1811 г. рота разбивается на две батареи : «Л. Гв. конные легкие №1 и №2 батареи». В 1814 г. эти батареи выделяют от себя по взводу на формирование 3-ей батареи. В 1875 г. эти три первые батареи, в свою очередь, выделяют по взводу на формирование 5-ой батареи. В силу этой родословной связи все вышеуказанные батареи считают свое старшинство с даты старшинства 1-ой батареи, являющейся их родоначальницей. 3-ья и 5-ая батареи, кроме того, унаследовали от двух первых батарей их боевые отличия, кроме личных, им присвоенных.

4-ая и 6-ая батареи, будучи сформированы самостоятельно, имеют как отдельное старшинство, так и свои отдельные боевые отличия.

Знаки отличия : Георгиевские серебряные трубы с надписью : «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года» (Выс. прик. 13 апреля 1813 г.).

Юбилейная Георгиевская серебряная труба с надписью : «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года» и «1796-1896» с бантом из Андреевской

ленты (Выс. прик. 9 ноября 1896 г.).

25 ноября 1870 г. Император Александр 2-й назначает себя шефом батареи, которая и переименовывается в 1-ую Его Величества батарею.

Батарейный праздник : 25 ноября ст. ст.

Стоянка : С.-Петербург.

Масть лошадей : рыжая.

С 1916 г. батарея, войдя в первый дивизион, состояла при Кавалергардском и Л.-Гв. Конном полках.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1805 : под Аустерлицем,

1807 : под Гуштадтом, Гейльсбергом и Фридландом,

1812 : **Отечественная война**. Участие во всех делах гвардии : под Витебском, Смоленском, Бородиным, Тарутиным, Малс-Ярославцем, Вязьмой, Красным и Борисовым. В Бородинском сражении Л.-Гв. Конная Артиллерия, в составе своих двух первых батарей, в то время уже сформированных, понесла тяжелые потери : убиты оба командира, капитаны Захаров и Ралль, и два сфидера — поручики бар. Вольф и Павлов; трое офицеров ранены и 107 солдат убито и ранено.

1813-1814 : **Война за освобождение Европы** : Люцен, Бауцен, Дрезден, Кульм, Лейпциг, Бриен-ле-Шато, Арси-сюр-Об, Фер-Шампенуаз, Саместье. 18 марта взятие Парижа.

1830-1831 : **Усмирение польского восстания** : сражение при Бавре и под Гроховым; штурм и взятие Воли и Варшавы.

1849 : **Венгерский поход**, и

1853-1855 : **Восточная война**, в боях батарея не участвовала.

1914-1917 : **Великая Война** :

1914 : Выступление в поход в августе; выгрузка на станции Пильвишки, войдя в состав 1-ой Гв. кавалерийской дивизии; в августе занятие Пилькален в Вост. Пруссии; бой под Ширвиндтом, Веркопюнен и Каушеном, где захват двух германских орудий 3-м эскадром Конного полка; убит поруч. 1-ой батареи Г.С. Гершельман 2-ой, ведший эту атаку; бой у дер. Абшванген, Мюленен, Мацковой-Руды в Августовских лесах; к концу года бой под Петроковом и на р. Пилице.

1915 : В феврале-марте-апреле действия у Олиты на Немане, у Людвинува и Кальварии; в конце мая бой в районе Козловой-Руды, к западу от Ковно, на р. Дубиссе; в августе бой на фронте Куркли-Коварск-Оникшта и оборона линии р. Свянты, затем бой у Лелюнов, Уцяны и Довголи; продолжение отступления до линии озер к югу от Двинска и бой у Опсы, Видзе, Поставы и Боровой (действуя по-взводно в отрядах); последняя позиция батарей на

перешейке между озерами Дрисвята и Скир-но.

1916: Отдых в дер. Ясли на р. Зап. Двине; в феврале перевод батареи в Проскурв и стоянка там до весны; в апреле — стоянка в районе Режицы на противозагропленных позициях; в мае переброска походным порядком к Молодечню; переброска всей гвардии, образовавшей Особую Армию, к Луцку и расположение на р. Стоход для форсирования ее; начало позиционной войны, продлившейся до середины 1917 г.

1917: Продолжение занятия позиции на Стоходе до июля; ведение батарей продолжительного ураганного огня по германским окопам у дер. Свидникв; в конце июля перевод походным порядком к Дубно и затем в район Славуты; отход батареи через Могилев в Смоленск, где произошло ее расформирование и завершение ее сто двадцатилетней службы отечеству.

2-ая Е.И.В. Генерала-Фельдцейхмейстера Вел. Кн. Михаила Николаевича батарея

Год основания: 2 сентября 1811 г.

Старшинство: 9 ноября 1796 г.

Формирование: в год основания из половины роты, составившей с 1805 г. Л.-Гв. Конную Артиллерию; названа «Конно-легкая №2 батарей».

Знаки отличия:

Георгиевские серебряные трубы с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года» (Выс. Прик. 13 апреля 1813 г.).

Юбилейная Георгиевская серебряная труба с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года» и «1796-1811-1896» с бантом из Андреевской ленты (Выс. Прик. 9 ноября 1896 г.).

Знаки на головных уборах с надписью: «За Горный Бугоров 20 декабря 1877 года» (Выс. Прик. 28 марта 1879 г.).

Батарейный праздник: 23 апреля ст. ст. Стоянка: С.-Петербург.

Мать лошадей: вороная.

С 1916 г. батарея, войдя во втрой дивизион, состояла при Л.-Гв. Конногренадерском и Л.-Гв. Драгунском полках.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1812: Отечественная война,

1813-1814: Война за освобождение Европы, в тех же сражениях, что и 1-ая батарея.

1828-1829: Турецкая война: бои под Гаджи-Гассан-Ларсом и Куртепе.

1830-1831: Умирение польского восстания; сражение при Вавре и под Гроховым; штурм и взятие Воли и Варшавы.

1849: Венгерский поход, и

1853-1855: Восточная война, в боях батарее не участвовала.

1877-1878: Турецкая война: бои под Ново-чином и Горным Бугоровом; переход через Балканы.

1914-1917: Великая война:

1914: В июле выступление в поход при 2-й Гв. кавалерийской дивизии; бои в Вост. Пруссии и в Литве; бои под Пилькален, Ширвиндтом, Каушеном, Таппау, Дренгфуртом, Фюрстенуа, Гольдап, Кассубинен; с сентября по ноябрь под Владиславовым, Гута, Велиполем, Рокшицей и на р. Пилице.

1915: В марте — мае бои в районе Сувалки, Мариамполь и Густадзе-Повомоне; в июле — августе у Ульволека и Джары-Заболотцы и в районе р. Буга у дер. Салтыс, Корытницы и Ужежели; в сентябре у Речки, Вулька-Лисовской, Логишина и Гортоля; в октябре действия у Огинского канала.

1916: В апреле стоянка в районе Режицы со всеми другими батареями, на Северном фронте, далее переброска на р. Стоход в район Луцка; начало позиционной войны.

1917: После революции продолжение позиционной войны, перешедшей постепенно в бездействие; в декабре распад батарей.

3-ья Е.И.В. Вел. Кн. Георгия Михайловича батарея

Год основания: 15 августа 1817 г.

Старшинство: 9 ноября 1796 г.

Формирование: В год основания, в Варшаве, из сводной полубатареи Л.-Гв. Конной артиллерии, выделенной из состава 1-ой и 2-ой ее батарей в 1814 г.

Знаки отличия:

Георгиевские серебряные трубы с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года», пожалованные в 1817 году в уважение того, что батарея сформирована из частей 1-ой и 2-ой батарей, имевших такое отличие (Выс. Грам. 19 марта 1826 г.).

Серебряные трубы с надписью: «1830 г. Л.-Гв. Конной Артиллерии бат. №3» (Отношение Упр. Воени. Мин. №7802, 24 июля 1830 г.).

Георгиевские петлицы за 1830 г.

Юбилейная Георгиевская серебряная труба с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года» и «1796-1817-1896» с бантом из Андреевской ленты (Выс. Прик. 9 ноября 1896 г.).

Знаки на головных уборах с надписью: «За Филиппополь 4 января 1878 г.».

свою столетнюю службу Родине.

4-ая Е.И.В. Наследника Цесаревича и Вел. Кн. Алексея Николаевича батареи

Батарейный праздник: 6 декабря ст. ст. **Стоянка:** Варшава — Лазенки. **Масть лошадей:** караковая. С 1916 г. батарея, войдя в третий дивизион, состояла при Л.-Гв. Уланском Его Вел. и Л. Гв. Гродненском гусарском полках.

Год основания и старшинство: 21 октября 1812 г.

Формирование: Ведет свое начало от резервной команды, прикомандированной к Конному Полку при выступлении гвардии в поход в 1812 г. 21 октября того же года переформировывается в Л.-Гв. Конно-Артиллерийскую резервную подуроту. 21 октября 1813 г. из части Гвардейского Артиллерийского резерва комплектуется конная рота, из которой 15 августа 1817 г. формируется Л.-Гв. Конной Артиллерии конно-батарейная батарея, переименованная 7 апреля 1867 г. в 4-ую батарею.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1830-1831: При усмирении польского восстания — в Гроховском сражении и в боях у Понарских высот в районе Вильны и Калиша. **1854-1855:** На охране побережья Балтийского моря. В боях батареи не участвовала.

1863: При усмирении польского мятежа; бой у дер. Игнацево.

1877-1878: Турецкая война: обложение Плевны, бои на подступах к Филиппополю и взятие его; переход через Балканы.

Знаки отличия:

Георгиевские серебряные трубы с надписью: «За отличие при усмирении Польши в 1831 году» (Выс. Прик. 6 декабря 1831 г.).

Батарейный праздник: 6 декабря ст. ст.

Стоянка: С.-Петербург.

Масть лошадей: гнедая.

1914-1917: Великая война.

1914: Выступление в поход при Отдельной Гвардейской Кавалерийской Бригаде; кроме легких стычек, бои в Люблинской губ. у Красника, Ополя, Янова; переправа через Сан и вступление в пределы Австрии; бои у Климонтова и Олатова; пребывание в районе Ивангорода, Радома, Кельц и Кракова.

1915: Движение походным порядком в Галицию, в район Самбора и к Перемышлю; в марте дальнейшее продвижение на крайний левый фланг расположения, к Румынской границе; в апреле переход через Днестр и поддержка с открытой позиции конной атаки Гродненских гусар и 1-го и 2-го Заамурских конных полков у Городенки; участие в боях у Коломыи на Пруте, у Залещиков на Днестре, и на Серете; зимой стоянка в районе Бучача.

1916: Весной, погрузившись в Проскурове, прибытие на Северный фронт в район Режицы, где произошло соединение всех шести батарей Л.-Гв. Конной Артиллерии; возвращение батарей на Юго-Западный фронт, в район Луцка, и начало позиционной войны на Стоходе, продлившейся до конца.

1917: В январе отвод батарей в район Ковеля; вызванная обратно на Стоход, батарея простояла там до августа, в сентябре расположение в Вольнской губ. для поддержания порядка среди населения и охраны сахарных заводов; в октябре, с полками Отдельной Гвард. Кавалерийской Бригады, отправлена в Москву для подавления восстания. Дойдя до станции Гжатск. Смоленской губ., батарея, по приказанию Верховного Главнокомандующего ген. Духонина, была разгружена со своими полками и дальнейшее ее движение отменено.

Батарея была расформирована в Гжатске в день своего праздника, 6 декабря, закончив

участвовала.

1828-1829: Турецкая война; сражение при Куртпе.

1830-1831: Усмирение польского восстания; сражение при Вавре и под Гроховым; штурм и взятие Воли и Варшавы.

1849: Венгерской поход; в боях батареи не участвовала.

1853-1855: Восточная война; в боях батареи не участвовала.

1853-1855: Восточная война; в боях батареи не участвовала.

1914-1917: Великая война.

1914: Выступление в поход в августе; выгрузка на границе Восточной Пруссии в составе 1-ой Гв. кавалерийской дивизии и переход государственной границы; участие в первом наступлении армии ген. Ренненкампа; бомбардировка с Цеппелина; бой под Каушеном; продолжение наступления до фортов Кенигсберга; при начавшемся отходе армии движение ее штаба прикрывалось 4-ой батареей; при втором наступлении в Восточную Пруссию в том же году батарея неоднократно удачно действовала против германской артиллерии и один ее взвод принял участие в рейде Иркутских гусар на г. Вилунен; 4-ая батарея чаще других выделялась из состава своей дивизии, получая специальные задачи, и в боях работала часто по-взводно, как, например, под Грабницей.

1915: В районе Свенцяны батарея была придана отряду ген. Крымова, получавшему особо ответственные задачи; в том же году одному из взводов батареи, приданному двум эскадронам Конного Полка, — единственный раз за всю войну, — пришлось стрелять картечью; на участке реки Дубиссы, притоке Немана, батарея участвовала в действиях Александрийских гусар.

1916: В течение этого года роль кавалерии сводилась зачастую к сидению в окопах на пассивных участках фронта; летом, после Брусилковского прорыва германского фронта, было решено развивать его при помощи гвардии, переброшенной на этот сектор; назначено было направление на Ковель, форсируя р. Стоход; Гвардейская пехота, потерявшая в этих боях до 60 % своего состава, была смещена гвардейской кавалерией, и 4-ая батарея заняла позицию около Рай-Места, продолжая вести боевую деятельность.

1917: Как и для других батарей, этот роковой год, запечатленный вспыхнувшей революцией, положил конец славному прошлому 4-ой батареи. Но следует отметить, что создавшаяся за время войны крепкая спайка и взаимное доверие между офицерами и солдатами не были нарушены ни пресловутым приказом №1, ни общим развалом Российской Армии.

5-ая Е.И.В. Вел. Кн. Михаила Александровича батарея

Год основания: 17 августа 1875 г.

Формирование: Того же числа, из четвертых взводов 1-ой, 2-ой и 3-ей батарей Гвардейской Конно-Артиллерийской Бригады.

Старшинство: Определено посему то же, что и вышеуказанных старших батарей, а именно 9 ноября 1796 г.

Знаки стиличия:

Георгиевские серебряные трубы с надписью: « За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года », Высочайше присвоенные в 1875 г. в уважение того, что батарея сформирована из частей, имевших такое отличие (Прик. по Военн. Ведомству 1875 г. № 232).

Юбилейная Георгиевская серебряная труба с надписью: « За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года » и « 1796-1875-1896 » с бантом из Андреевской ленты (Выс. Прик. 9 ноября 1896 г.).

Знаки на головных уборах с надписью: « За Телиш 12 октября 1877 года » (Выс. Прик. 28 марта 1896 г.).

Батарейный праздник: 8 ноября ст. ст.

Стоянка: гор. Павловск.

Масть лошадей: караовая.

С 1916 г. батарея, войдя во второй дивизи-



Великий Князь Андрей Владимирович, последний командир лейб-гвардии Конной Артиллерии

он, состояла при Л.-Гв. Уланском Ее Вел. и Л.-Гв. Гусарском Его Вел. полках.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1877-1878: Турецкая война; бои под Телишем, Горным-Бугоровом, Самоковом и Дермендере; переход через Балканы.

1914-1917: Великая война.

1914: Выступление в поход при 2-й Гв. Кавалерийском дивизии; участие в тяжелых боях в Вост. Пруссии и в Литве; в августе под Ширвиндтом, Пилькален, Каушен, Тапиау, Бартен, Гольпад, Кассубинен; с сентября по ноябрь под Владиславовым, Гута, Велиполем; конец года сражения в Польше: сначала под Петроковом и у Рокшицы, потом в районе р. Пилицы.

1915: В марте операции в районе Сувалки-Мариамполь; в мае под Козлово-Рудской Пуще, западнее Ковно; в июле и августе у Джары-Заболотцы и в районе р. Буга у дер. Солтыс и Корытнице и у Ужежели; сражение под Брест-Литовском и Кобрином; в сентябре у Речки, Вулька-Лисовской, Логишина и Гортоли; с октября действия у Огинского канала.

1916: В апреле в районе Режицы, на Северном фронте; переброска в направлении Луцка, на р. Стоход, принимая участие в различных сражениях этой позиционной войны.

1917: Революция; отход в район Шепетовки; в октябре выражение недоверия солдат своему офицерскому составу и замена его новым, взятым из 1-ой, 3-ей и 4-ой батарей; переход в район Сбаража, на Сев.-Зап. фронте; декабрь — распад батареи.

6-ая Л.-Гв. Донская Казачья Его Величества батарея

Год основания и старшинство: 6 апреля 1830 г.

Формирование: Того же числа, из 1-ой, 2-ой и 3-ей Донских казачьих конно-артиллерийских рот в одну легкую роту, с причислением к Гвардии.

Изменения в наименовании: 1834 — Л.-Гв. Донская легкая конно-артиллерийская батарея; 1875 — 6-ая Л.-Гв. Донская казачья батарея, и включение ее в состав Гвардейской Конно-Артиллерийской Бригады; 1878 — 6-ая Л.-Гв. Донская казачья Е.И.В. Государя Наследника батарея; 1881 — 6-ая Л.-Гв. Донская Казачья Его Величества батарея.

Знаки отличия:

Серебряные трубы с надписью: «За отличие в войне с Турцией 1828 и 1829 годов».

17 апреля 1878 г. пожалованы права Старой Гвардии за боевые подвиги.

Батареинный праздник: 23 апреля ст. ст.

Стоянка: гор. Павловск.

Масть лошадей: гнедая.

С 1916 г. батарея, войдя в третий дивизион, состояла при Л.-Гв. Казачьем Его Вел. и Л.-

Гв. Атаманском Е.И.В. Наследника Цесаревича полках.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1828-1829: Турецкая война; сражение при Куртепе.

1877-1878: Турецкая война; обложение Плевны; бои под Горным Дубняком, Телишем, Новочином, Филиппополем и у Правецких Высот; переход через Балканы.

1914-1917: Великая война.

1914: Выступление в поход при Гв. Казачьей Бригаде; короткое пребывание на охране Балтийского Залива; переброска к Варшаве; стычки в районе Ново-Радомска; бои под Ловичем, Бржезинами и Иловом и в районе Лодзи и Варшавы; отход в район Ново-Минска.

1915: В конце января движение походным порядком к Ломже; столкновение у Корытка; в феврале бои у р. Бобра; в апреле противовоздушная оборона в Чернощине; в июне-сентябре операции под Вильно-Свеняны, бои у Ганска, Ужежели, Кришени, Нугары, Буды и Соли.

1916: Весной сосредоточение в районе Волочиска; противовоздушная оборона; переброска в район Режицы; стоянка в резерве; в середине лета переброска на Стоход; у д. Наморе первая газовая атака противника; начало позиционного периода войны.

1917: Продолжение позиционного состояния до конца года, когда батарея в полном составе прибывает на Дон.

(Окончание следует)

К. Киселевский



Отдельные Гардемариные классы

(Окончание)

ЗАНЯТИЯ В ПЕТРОГРАДЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА ПЛАВАНИЕ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ И НА АМУРЕ



После двухнедельного отпуска мы вернулись в Петроград в конце мая 1916 г. Начались теоретические занятия, но не забывались и строевые учения, гимнастика, легкая атлетика, стрельба в цель.

Преподаватели у нас были частью свои, частью из Морского

Корпуса, который нам дал отличных специалистов. Я помню ген.-майоров по адмиралтейству Лосева и Гроссмана. Лосевское «Вот вам раз, вот вам два, вот вам три» — при съемке без инструментов сохранилось у меня на всю жизнь.

Из наших преподавателей хочу упомянуть г-на Холодецкого, так преподававшего высшую математику и теоретическую механику, что большинство гардемаринов стало действительно интересоваться этими предметами. Затем лейт. Докушевский, штурман, пришедший с действующего флота, тоже очень толково преподавал навигацию и мореходную астрономию. Не помню, когда он стал нашим ротным командиром вместо лейт. Петрова, вернувшегося на флот.

Артиллерию преподавал лейт. Шмидт, энтузиаст своего дела, правивший с нами на «Орле» и заражавший нас своим энтузиазмом, особенно когда дело дошло до аппарата Длусского. Он же с нами проходил в 1917 году учебные стрельбы на Амуре.

Раз в месяц по всем предметам происходили репетиции, за результат которых выставлялись баллы по 12-бальной системе. Весьма быстро образовалась группа гардемаринов, в которой был и пишущий эти строки, нормально сдававшая репетиции на 12 баллов. Если иногда случалось, что кто-либо из этой группы получал 11 баллов, то вся рота встречала его: «У-у-у-у, Червинский провалился!!»

Так мы жили и работали весь 1916 год. По субботам уходили в отпуск. По дудке: «Уходящие в отпуск — во фронт» все выстраивались в одну шеренгу в ротном помещении в отпуск-

ной форме и лейт. Петров начинал избивание младенцев. Сначала производил общий осмотр: надраены ли пуговицы, бляха на поясе, ботинки (правда, такие недочеты бывали редко, т. к. «шпана», как назывались дневальные, обслуживавшие гардемаринов, драили и чистили все не за страх, а за совесть), не слишком ли изменена форма фуражки, не звенит ли денежка в палаше. Затем ротный командовал: «Фуражки долой» и шел по фронту и только говорил тому или иному гардемариному: «Постричься!»

В результате осмотра, за фуражку и денежку гардемарины оставались без отпуска, остальные теряли несколько часов отпуска, особенно отосланные постричься, ибо парикмахеров было всего двое, и очередь иногда набиралась довольно большая.

В мороз мы ужасно не любили приказа одевать башлыки стоймя, и особенно из-за того, что по приказу о форме одежды мы должны были возвращаться из отпуска одетыми так, как мы ушли, а очень часто вместо мороза была уже оттепель.

В сентябре 1916 года был новый прием и новая 3-ья рота ушла в плавание на восток, а в октябре 1916 г. приказом № 527 наша рота была переведена во 2-ую роту.

Осенью, из вернувшейся из летнего плавания 1-ой роты к нам в роту были назначены фельдфебель Захарченко и отделенные и сменные унтер-офицеры. Не помню, чтобы это в чем-либо изменило уклад нашей жизни. По принятой первым выпускником О.Г.К. традиции никакого цука не существовало и со многими из унтер-офицеров у нас были самые приятельские отношения, что совершенно не мешало проводить в жизнь поговорку: «Дружба — дружбой, а служба — службой».

Затем, сколько мне помнится, ближе к Рождеству состоялось производство в мл. унтер-офицеры в нашей роте. Было произведено человек 15, к сожалению, всех, кто получил нашивки, назвать не могу, помню только Моисеева, Червинского, Вирена, Уткина, Панафидина, Тархова.

Должен честно сказать, что было очень приятно получить нашивку.

На Рождество опять почти все поехали в отпуск, встретили Новый 1917 год и вернулись после Крещения. Вернувшись, приступили к занятиям. Все казалось совершенно нормальным, и ничто в О.Г.К. не предвещало надвига-

ющихся страшных событий. Так прошел январь, наступил февраль. Во второй половине февраля поползли слухи о каких-то волнениях среди рабочих, о недостатке хлеба, об очередях за ним и о возмущении хозяек по этому поводу. Однако жизнь текла своим чередом, все действовало, как всегда, Наступило 25 февраля ст. ст., суббота. Как всегда, гардемарины уволились в отпуск. Я с Уткиным поехал в Царское Село к его родителям, которых я знал еще мальчиком. Трамвай шли нормально, поездка тоже, и вообще ничего необычного в городе на всем пути от О.Г.К. до Царскоесельского вокзала мы не заметили. На следующий день в Царском Селе пошли слухи, что в Петрограде рабочие объявили забастовку и даже частью вышли на улицы и что вызванные войска стреляли по ним. Однако нам это не помешало благополучно вернуться в Петроград, но тут выяснилось, что трамвай действительно не ходит и весь город в страшном возбуждении. В результате всего этого нам пришлось отправиться пешком в О.Г.К., конец не малый. По дороге мы зашли к моему двоюродному брату, жившему на Екатеринбургском канале. Он был профессором университета довольно либеральных взглядов. Там мы застали целую группу гостей, тоже профессоров и студентов в радостно-приподнятом настроении и страшно возмущавшихся, что солдаты стреляли в толпу. Мы сразу почувствовали отрицательное отношение к нам как представителям «гнилого режима» и, в общем не узнав ничего нового, поспешили уйти. Дальнейший наш путь прошел безо всяких событий. В Классах все было спокойно. Конечно, возвратившиеся из отпуска делились слухами и своими впечатлениями, но ничего нового или определенного не было. Так мы пошли спать.

На следующее утро, 27 февраля ст. ст. пробудка была нормально в 7 часов. Мы выпили утренний чай и собирались идти по классам, но из спален увидели, что громадная толпа заперла весь Большой проспект перед нашим зданием, а затем услышали, что стараются сломать запертые ворота, и действительно вскоре небольшая толпа проникла во двор, бросилась к гаражу и стала выводить автомобиль Начальника О.Г.К. Мы все это наблюдали из окон, тут же с нами был дежурный офицер, не помню точно кто, лейт. Ежов или лейт. Краев. Мы просили разрешения взять винтовки и отбить автомобиль, разогнав толпу, но разрешения не получили.

Забрав автомобиль, толпа стала медленно уходить в сторону центра города безо всяких дальнейших посягательств. Конечно, ни о каких уроках не было и речи. Так прошел понедельник. Во вторник утром опять вся улица была запружена народом, но тут уже было

довольно много солдат и матросов, обещанных пулеметными лентами, изредка слышались выстрелы, но, видимо, не по нашему зданию; только один выстрел пробил окно в спальне 2-ой вахты. Нам было приказано разобрать винтовки и получить патроны. Затем нас поставили в вестибюле и на парадной лестнице, но никаких попыток со стороны толпы прорваться внутрь не было. Однако какой-то группе удалось проникнуть через восточные ворота в кухню и съесть котлеты, предназначенные нам на завтрак, что нас всех очень обозлило.

Вело ли начальство какие-либо переговоры с кем-нибудь из толпы, мне неизвестно, но в всяком случае толпа, как и накануне, рассеялась. Охрана парадного входа была снята, но винтовки и патронажи было приказано иметь при себе. Вечером было приказано ложиться спать не раздеваясь, с винтовками и патронажами у изголовья кроватей. Несмотря на все события, мы все, конечно, погрузились в сон, но среди ночи я проснулся от какого-то шороха и к моему большому удивлению увидел, что матросы нашей команды убирают винтовки в козлы. На мой вопрос, в чем дело, мне ответили, что таков приказ начальства.

Утром перед нашим зданием опять была толпа, ведшая себя мирно, и какая-то делегация от нее вела переговоры с нашим начальством. В результате нам было объявлено, что мы все увольняемся в отпуск на три дня. Мы быстро оделись и в полной форме при палахах стали попарно выходить из парадного выхода. Толпа стояла совершенно молча, образовав узкий проход через улицу. Я шел с гард. Бехли, оба высокие, со строгими лицами, в ногу, и кто-то из толпы заметил: « Вот это да, моряки ! »... Дальше толпа поредела и шумела; какие-то типы стали было на нашем пути, громогласно спрашивая: « Вы за кого ? », но мы продолжали идти, ничего не отвечая и не сворачивая со своего пути, и таким образом прошли мимо них.

Дальше нигде никаких инцидентов не было, кроме одного, на 12-ой линии. Проходя по ней, мы были обстреляны из винтовки с крыши дома на 13-ой линии. Выстрелы сейчас же привлекли внимание солдат и матросов, бывших поблизости и начавших охоту на стрелявших, мы же продолжали наш путь. Вскоре мы расстались. Бехли пошел своим путем, а же пошел к друзьям моих родителей, жившим на Офицерской за Мариинским театром. Стрельба шла тут со всех сторон, но я благополучно добрался до знакомых. Там тоже, к моему удивлению, я увидел повышено-радостное настроение и услышал восторженные слова, что все теперь будет отлично, что все обрывается и т. д. Я усиленно спорил, хотя не имел никаких данных, кроме какого-то предчувст-

вия, и говорил, что они еще наплачутся.

Спустя некоторое время я решил пойти посмотреть, что делается в городе, но далеко пройти мне не удалось, ибо, выйдя на Марининскую площадь, я попал под такой перекрестный огонь, что решил без толку не рисковать.

Три дня отпуска прошли во всяких слухах и рассказах об убийстве полицейских, об убийстве офицеров их солдатами, о разгроме винных погребов и сплошном пьянстве толпы.

Не помню, каким способом я добрался до О.Г.К. из отпуска. Там внешне все было спокойно и в порядке. Начались нормальные классные занятия, не было и помина о каком-либо нарушении дисциплины ни нашими дневальными — «шпаной», ни командой, не говоря уже о гардемаринах.

3 марта ст. ст. мы были совершенно уничтожены известием об отречении Государя. Ни о каких занятиях, конечно, не могло быть и речи. Перед всеми встал вопрос: «Что дальше и как быть?»

Вскоре пришло известие, что в Думе образовалось Временное Правительство и через день-два нас повели в десантной форме пешим строем в Таврический дворец. Не помню, кто нас вел, знаю только одно, что ни у кого из гардемарин не было никаких красных лент. Зачем нас заставили туда ходить, мне до сих пор неясно, ибо, придя туда, мы разбрелись по всему дворцу, смотрели на разнузданную и ликующую толпу, одобрявшую всякого оратора независимо от того, что он говорил, потому что ничего из речей из-за страшного шума нельзя было разобрать. Навешись бутербродов, которые выдавали всем желающим какие-то революционные девицы, мы отправились к себе в Классы.

Через несколько дней вышел пресловутый приказ № 1. Было приказано собраться всем в гимнастическом зале. Построили нас в порядке, ясно указавшем нам, что все ожидает: на первом месте стояли дневальные — «шпана», затем стояла команда Классов и только на третьем месте стояли гардемарини. Опять-таки не помню, кто из офицеров прочел перед фронтом приказ № 1. Внешне он не произвел никакого впечатления, все спокойно разошлись по команде «Разойтись!», но внутренне гардемарини были совершенно убиты.

Вскоре были сняты погони, а нашивки нашивки на рукавах. Помню, как мне было и больно и досадно, что при производстве в старшие унтер-офицеры добавочная нашивка была не на погоне, а на рукаве.

Спустя некоторое время нам приказали одеться в отпускную форму и затем сообщили, что мы идем опять пешим строем на Дворцовую площадь, где ген. Корнилов будет принимать парад войск. На площади нас построили в две

шеренги как раз против трибуны, на которой находился ген. Корнилов и разные штатские, очевидно члены Временного правительства.

Проходила масса каких-то войск, так что нам пришлось ждать очереди три часа. Погода была морозная, и мы порядком продрогли.

Наконец пошли военно-учебные заведения, мы тоже включились в общий порядок и, пройдя церемониальным маршем, отправились в Классы.

Все это время занятия шли не очень аккуратно, но никаких нарушений дисциплины не было. Команда, конечно, подняла голову, но все же держала себя в рамках приличия, а дневальные как-то незаметно исчезли.

На Пасху нас уловили в отпуску на две недели. Я уехал к родителям, где собралась вся наша семья, кроме старшего брата, бывшего ревизором в Учебном Отряде Подводного Плаванья в Порту Александра III.

У меня на душе все время было невероятно тяжело, настолько тяжело, что во время розговенья после заутрени я не выдержал и, к своему большому стыду, расплакался.

После Пасхи занятия в Классах продолжались до июня месяца. За это время предыдущая рота была произведена в мичманы, а мы переведены в 1-ую роту и произведены в старшие гардемарини.

В середине июня мы отправились во второе плавание во Владивосток и на Амур. Все шло тем же порядком, как и в первое плавание; ехали мы таким же поездом, как и в первый раз, только в поезде никаких занятий не было и наш ротный командир, лейт. Докушевский, ехал со своей женой. Как и в первый раз с нами ехали лейтенанты Ежов и Краев. В остальном, — ни в смысле дисциплины, ни в смысле отношений с офицерами, революции никаких изменений не принесла. Единственно, что было ново — это караул, чья обязанность была не впускать на станциях в вагоны «товарищей», да еще то, что нам не возбранялось при проходе Байкала ехать на паровозе. Я этого не делал, но как-то раз я был начальником караула, когда мы очень рано утром подошли к туннелю, делавшему петлю в горе и в входе с европейской стороны которого было написано: «К Тихому океану», а с другой стороны: «К Атлантическому океану». Весь поезд еще спал, и я решил проехать туннель на передке паровоза. Сначала было довольно темно, только изредка горели фонари, иногда на меня капала какая-то вода, было очень сыро, но затем я увидел впереди зеленый свет, который по мере нашего приближения все увеличивался и становился ярче и вскоре мы вылетели из туннеля. Оказалось, что зеленым светом было просто отражение зелени вокруг туннеля.

Наконец мы пришли во Владивосток и пря-

мо с вокзала нас отправили на Русский Остров, в бухту Новик, где мы заняли пустующие казармы одного из полков, — все полки были отправлены на фронт в Европу.

Сразу же начались усиленные занятия с секстаном на искусственном горизонте, что нам принесло большую пользу, параллельно мы занялись промером бухты Новик — от места, промеренного старшей ротой, до входа в бухту. Таким образом, карта глубин бухты Новик была создана гардемаринами О.Г.К. Занимались еще мы астрономией, знакомясь с созвездиями и решая задачи по определению места по небесным светилам. Стреляли в цель из винтовок. Кроме того, было несколько походов на миноносцах для практики эскадренного плавания, во время которых мы несли самостоятельные вахты вахтенных начальников. Раз как-то, кажется у о. Аскольд, флагман поднял сигнал отряду стать на якорь. Я как раз нес вахту, подал все нужные команды и якорь пошел, но «товарищи» не потрудились зажать стопор, канат стало сучить, и в миг вся установка вместе со жвако-галсом ушла на дно. После этого мы довольно долго утюжили вероятное место пропажи якоря кошками, но ничего не нашли. В старое время это грозило большими неприятностями, теперь же это обошлось только записью в вахтенном журнале.

Был один поход, когда мы стреляли минами Уайтхеда по транспорту, но ни с одного миноносца не было попаданий. Мы также занимались радиопередачами, в чем нам очень помогли наши занятия пищиком на «Орле». Незадолго до нашего прихода во Владивосток недалеко от него была пущена в ход 500-киловатная радиостанция, и как-то раз мы пошли туда походом и осмотрели станцию. Это было очень интересно, так как радиотелеграфная была еще в зачаточном состоянии и таких мощных станций почти нигде не было.

Надо признать, что, несмотря на революцию, команда вела себя достаточно прилично, не было никаких слушаний приказов или отказов выполнять их, но разнuzданность выражалась, главным образом, в невообразимой ругани, причем присутствие офицеров и нас совершенно не стесняло матросов.

Как раз против казармы, в которой мы жили, находилась минная пристрелочная станция, и мы туда тоже ходили на катерах и знакомились там на практике с минным делом.

Не помню, когда, каким образом и почему я был назначен лейт. Докушевским заведовать денежными и хозяйственными делами роты и стал, так сказать, ревизором роты, но так как это не была официально утвержденная должность, лейт. Докушевский, да и другие офицеры звали меня «ревизорчик». В общем, обязанности мои не были сложными или обремени-

тельными, ибо питал нас, как и на «Орле», ресторатор за определенную сумму, которая поглощала почти все наше жалованье. Оставшуюся разницу в размере 4 - 5 рублей на человека в месяц я получал на руки и, сложив все деньги в небольшой чемоданчик, отправлялся во Владивосток, к Кокину, куда приходили все гардемарины и получали деньги. Не помню теперь, почему выплата производилась во Владивостоке, а не на месте, на Русском Острове, но, вероятно, на то были технические причины.

Затем, за все это плавание сахар нам выдавался почему-то на руки и мне приходилось заниматься его раздачей. Сахар этот был с заводов Вел. Князя Михаила Александровича, пыльный, в фунтовых пакетах и производился только для флота. Он был синего цвета и такой крепкий, что раскусить его было невозможно.

Все это было не трудно и случалось раз в месяц, но уже незадолго до окончания плавания мне пришлось действительно потрудиться.

Приближался выпуск, надо было подумывать об офицерском обмундировании, было известно, что материалы почти исчезли из магазинов в Петрограде. Вероятно, лейт. Докушевский каким-то образом получил ордер в интендантство Владивостокского порта на выдачу на всю нашу роту сукна на тушурки, брюки и пальто, и кожи на ботинки. И вот тут-то мне и пришлось потрудиться. Был назначен день приема всего этого из складов, и я отправился один с первым парходом во Владивосток. День был горячий, на складах жара, приходилось бегать из одного здания в другое, следить, чтобы все точно отпускалось и грузилось на грузовики; затем все оформить в канцелярии интендантства, потом ехать на пристань, перегрузить при помощи нескольких матросов на парход и привезти в Новик. Там уже было легче, ибо гардемарины быстро все сгрузили с пархода и перенесли в казарму. В последующие дни началось распределение всего привезенного. Сукно разделить было нетрудно — каждый получал отрез в столько-то аршин, но вот с кожей было хуже. Это были целые шевровые кожи и надо было рассчитать, сколько нужно на пару ботинок, да еще следить, чтобы по качеству каждый получил елико возможно одинаково. Все это я, конечно, делал не один, многие добровольно взялись мне помогать и, должен сказать, мы справились с этой задачей вполне благополучно. Не помню ни одной претензии. Впоследствии, в Петербурге, нам удалось без больших хлопот и за сравнительно небольшие деньги сшить вполне приличную форму у всегдаших морских портных, — фамилий их не помню.

Занятия ежедневно кончались в 4 часа, и после этого мы могли ехать во Владивосток или

заниматься чем угодно на острове, но, конечно, большинство уезжало во Владивосток, где были старые знакомства и заводились новые, что очень не нравилось гимназистам, реалистам и коммерсантам, иногда выражавшим свое недовольство швырянием из-за угла тяжелых предметов, вплоть до поленьев.

На острове кое-кто из гардемарин ходил в гости к лейт. Докушевскому, жившему с женой и лейт. Ежовым, к которому тоже приехала жена, в глубине бухты Новик, в доме одного из полковых командиров. Там обыкновенно играли в теннис, устав, садились за бридж, иногда танцевали. Так незаметно настал день нашего отъезда на Амур.

По прибытии в Хабаровск мы сразу же были переведены в Затон, где стояли мониторы, и были по-отделенно расписаны на 4 монитора. Наше 3-ье отделение попало на «Шторм», где мы и провели все плавание на Амуре. Как известно, четыре новых монитора, к которым принадлежал и «Шторм», представляли собой в отношении управления артиллерийским огнем самые современные броненосцы в миниатюре, что и было главной причиной и целью посылки нас на Амур. Затем мы изучали башенную установку 6-дюймовых орудий и военно-вспомогательные судовые механизмы. Конечно, мы несли регулярно вахты и караул, но шлюпочных учений больше не было.

По субботам мы уезжали в отпуск до вечера воскресенья в Хабаровск, отстоявший в семи верстах от Затона. Тут начинались вольности, которых до революции не было. Мы брали комнату в гостинице и оттуда отправлялись в кафе или ресторан, что раньше не разрешалось. Во всех кафе и ресторанах играли хорошие оркестры из пленных австрийцев, были танцы, что приводило к знакомству с барышнями, которые явно отдавали предпочтение гардемаринам. Это обстоятельство вызывало ревность местных гимназистов и реалистов. Нередко мы посещали Яхт-Клуб, расположенный очень красиво в парке имени Муравьева-Амурского, на высоком, совершенно отвесном утесе над Амуром. Что было замечательно в Хабаровске, так это розы, вернее их аромат. На главной улице их не было, но все улицы прямо благоухали розами.

Настал день идти на артиллерийские стрельбы на Болонское озеро, находившееся в двух днях перехода от Затона вниз по течению. Пошли «Шторм», «Смерч» и еще один старый монитор. Весь поход мы усиленно обучались плаванию по створам и все время несли вахты у дизелей и других вспомогательных двигателей внутреннего сгорания.

Подойдя к Болонскому озеру, мы стали на якорь у впадения Амура в озеро. Строго говоря,

Болонское озеро является расширением Амура длиной, если память мне не изменяет, в 20 верст и шириной в 4 версты. Особенностью его является то, что оно весьма мелководное, что заставляет плавать по нему очень осторожно. На берегу против нашей стоянки была деревушка местных жителей монгольского типа, куда мы один раз ходили в отпуск. Ничего интересного там не было, кроме того, что можно было купить разные изделия из рыбьей кожи, костей и дерева. Я купил высокие мягкие сапоги из нерпы, которые мне позже очень пригодились в Петрограде, когда пришлось жить зимой в нетопленной квартире.

Стрельбы начались на следующий день после прихода; стреляли поменно «воробьями» из 6-дюймовых орудий, пользуясь центральным управлением огня, по движущимся щитам, которые буксировала одна из смен отделения. Однажды как раз наша смена была буксирующей, когда кто-то из стрелявших дал такой целик, что выстрел пришелся по нашей шлюпке. К счастью, это был перелет и все обошлось благополучно.

Не помню, на какой день стрельб у гардемарина Веселкина образовалось острое воспаление аппендикса (аппендицит) и врач определил, что ему необходимо сделать самую срочную операцию.

Решили отправить Веселкина на «Шторме» в Хабаровск, и тут единственный раз команда стала весьма сильно выражать свое неудовольствие, что, мол, из-за одного гардемарина хотят посылать обратно целый корабль, были и угрозы, что надо всех перестрелять, что это все враги революции и т. д. Однако в конечном результате «Шторм» срочно ушел в Хабаровск. Наше отделение, бывшее на «Шторме», было переведено на старый монитор, где мы провели довольно беспокойную ночь. Спали мы из-за жары на верхней палубе и, помню, кто-то из гардемарин настаивал, чтобы мы все имели при себе оружие, но, в общем, ночь прошла спокойно, а на следующий день волнение среди команд совсем улеглось.

Стрельбы продолжались: досталось лейт. Шмидту, так как ему одному пришлось пропустить почти всю роту с одного монитора. Все же стрельбы были окончены почти в срок и лучшим стрелком в смене или в отделении, точно не помню, в виде награды было разрешено произвести по выстрелу настоящим 6-дюймовым снарядом. Не помню всех имен, знаю только, что одним из них был Уткин.

Тут хочу рассказать об одном интересном явлении. В Болонском озере водится рыба весом в 8-10 фунтов, которая не двигается с места, если мимо нее проходит корабль, но при выстреле 6-тидюймового орудия она пугается и выпрыгивает из воды, а так как борт

монитора не очень высокий, попадает на палубу. Матросы знают особенность этой рыбы и стоят наготове, чтобы сразу броситься на нее, и обычно им удается удержать рыбу, хотя она и очень скользкая.

Закончив стрельбы, мы вернулись в Затон, причем поход длился много дольше, так как шли против течения; и благодаря этому все имело больше возможности практиковаться в дневном и ночном плавании по створам.

В Затоне мы долго не задержались и поехали в Петроград. Обратный путь ничем особенным не отличался, кроме того, что на всех станциях была масса возвращающихся разнужданных «товарищей», ломившихся в вагоны вследствие чего караул был уже делом не шуточным и не раз пришлось применять приклады.

На одной из станций мы встретили нашего бодманмата Скворцова — помню его и отчасти наше замечательство, как быть, здороваться с ним за руку или нет, хотя мы были рады его увидеть, а с его стороны — он, видимо, тоже не знал, как ему быть — наши отношения с ним на «Орле» были очень хорошими. Но все же мы были теперь враги революции.

В Петроград мы приехали после октябрьского переворота и сразу же были отпущены в отпуск. Спустя некоторое время я решил узнать, что делается в Классах. Приехав туда и войдя в вестибюль, я увидел часового, явно охранявшего выход из Классов. Все же я о чем-то спросил, не помню о чем. Из его ответа мне стало ясно, что, войдя, я окажусь под арестом, как и все находящиеся в Классах гардемарины. Совершенно не думая, а по какому-то наитию, я сказал часовому: «Мой отпуск еще не кончился», повернулся и быстро вышел из здания. Никто не пытался меня удержать. Затем стало известно, что арест снят и по окончании отпуска все гардемарины явились в Классы.

Начались занятия и повседневная жизнь наладилась. Через несколько дней появились 4-ая рота Морского Корпуса, произведенная в 3-ью роту О.Г.К., и вновь принятые со стороны, влившиеся в эту 3-ью роту, образовавшую так наз. Китицкий выпуск. Эта рота ушла в плавание на Восток чуть ли не в тот же день.

Рота приема 1916 года была в Петрограде и в нее были назначены от нашей роты фельдфебелем Уткин и несколько унтер-офицеров.

Как-то раз нам стало известно, каким образом не помню, что к вечеру придут 2 комиссара флота забирать у нас кровати и бельё. К тому времени у нас уже не было каптенармуса, мы сами распорядились сменой и выдачей белья.

Узнав о приятном визите, мы решили ничего не давать и я предложил разобрать все бельё и спрятать где кто может, оставив для вида небольшое количество на полках.

Вскоре явились комиссары, как полагается, при наганах и весьма нахального вида. Это были Гуркало и Дажин, принятые в Китицкий выпуск и быстро оттуда списанные за их поведение и большевицкую пропаганду.

На требование выдачи кроватей и белья им было, во-первых, показано, что белья у нас очень мало, а во-вторых, сказано, что ничего лишнего у нас нет и что они ничего не получат. Они начали настаивать и грозить, гардемарины стали стеной, я почему-то оказался возражающим, спор становился все горячее, товарищи вытащили даже наганы, но в конце концов, видя что дело приобретает для них не очень приятный оборот, ретировались, пообещав явиться с матросами и забрать все, что им надо. Однако мы о них никогда больше ничего не слышали. Других каких-либо инцидентов я не помню. Время за занятиями шло быстро, на Рождество мы разъехались в отпуск, после которого закончили все курсы, но выпускных экзаменов не держали.

В феврале 1918 года нам были выданы аттестаты и сказано, что мы можем демобилизоваться или продолжать службу на флоте. Большинство ушло в отставку, в том числе и пишущий эти строки, но, как оказалось, ненадолго, но это уже не имеет никакого отношения к О.Г.К.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этим я заканчиваю мои воспоминания о самых лучших годах моей жизни. Как я сказал в предисловии, я все написал по памяти и совершенно уверен, что многое пропустил или неверно записал. Поэтому буду очень благодарен, если кто-нибудь внесет поправки, но считаю, что даже в таком виде все написанное мной оставит след об Отдельных Гардемаринских Классах. Выпущено из них было небольшое количество офицеров, но репутация их на флоте, по мнению их сослуживцев, стояла высоко.

Наш выпуск в целом никогда не был произведен в мичманы, ибо чинов в то время не существовало. Отдельные же гардемарины, попавшие к белым, производились командующими Белых армий или начальниками морских отделов. В частности, я был произведен в мичманы адм. Пилкиным, Начальником Военно-Морского Отдела Северо-Западной Армии.

В. Тархов

Библиотека Первого Кадетского корпуса



На берегу царственной реки Невы, на Васильевском Острове в Петербурге стоит старейший великолепный архитектурный памятник XVIII столетия - дворец Меншикова, построенный между 1710 и 1716 гг. по проекту Д. Фонтана, проведенному в жизнь и законченному Г. Шеделем. Здание это исключительно красиво

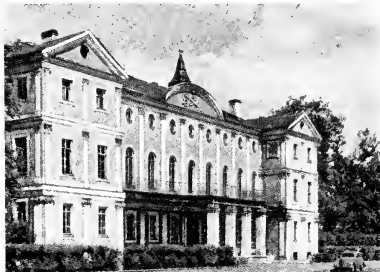
своей благородной простотой. Фасад его декорирован пилястрами, над центральной частью возвышается балкон и над ним арка со скульптурным украшением — гербом тогда Меншикова, а впоследствии Первого кадетского корпуса. Дворец этот в свое время был обширнее и великолепнее дворца Императора Петра, и потому все официальные торжества и приемы происходили в нем.

Позади дворца располагалась огромнейшая усадьба с домовою церковью, хозяйственными постройками, ветряной мельницей и большим парком, некоторая часть которого дожила еще до наших времен.

В 1732 году, при основании первого в России кадетского корпуса — Императорского Шляхетного (впоследствии Первого кадетского) — вся усадьба вместе с дворцом была отдана в его распоряжение. К этому времени относится и постройка длинейших зданий по Кадетской линии, где размещались классы, спальни и ротные залы нового учебного заведения.

В здании дворца в наше время помещался музей, церковь, квартиры директора и инспектора классов. Там же помещалась и громадная корпусная фундаментальная библиотека, состоявшая как из русских книг, так и из книг на французском и немецком языках. После революции библиотека эта надолго бесследно исчезла и только теперь, как нам удалось узнать, она была найдена и передана в фонды Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Петербурге.

К великому нашему сожалению, русская часть этой библиотеки, состоявшая из 848 томов, очень пострадала и полностью ее восстановить оказалось невозможно, но иностранная часть уцелела вся. Эта часть заключает в себе 7640 томов на французском и немецком языках. Там же находится и 365 томов рукописей



Дворец Меншикова в 1972 году.

самых кадет корпуса. Эта рукописная библиотека была создана во время просвещенного директора графа Ангальта, (1786-1794 гг.). Материал ее « столь огромен и разнообразен, что понадобится не один год глубокого и тщательного его исследования ».

ЭТИ 369 томов, из которых сейчас спасено 365, писали сами кадеты, записывая в них ежедневно в течение шести лет « то, что встречали примечательного в книгах, которые читали. Кому удавалось сделать хороший выбор мыслей, изречений, отрывков, тетрадь того удавалась переплетать ». Это писал бывший кадет корпуса Сергей Глинка.

Собрание сочинений Вольтера издания 1761-64 гг., « Об общественном договоре » Руссо — 1762 г., сочинения Лессинга издания 1784 г. и Франклина — 1773. « Энциклопедия или словарь наук, искусств и ремесел », издававшаяся Дидеро и д'Аламбером в 1751-1780 гг., при участии Вольтера, Руссо, Монтескье, Бюффона и других. Даем выдержку: « и, что особенно интересно, книги хранят на своих страницах следы работы над ними, пометки читателей. Какая возможность проследить за ходом мысли людей, державших эти книги в руках 200 лет назад! »

По этой маленькой заметке мы предоставляем читателям судить о степени умственного и душевного развития кадет нашего корпуса того времени и о драгоценности находки этой замечательной библиотеки.

Извлек и сообщил Алексей Геринг кадет 165 выпуска Первого кадетского корпуса

Смотр российских войск под Вертю 26 и 29 августа 1815 года

Перед возвращением русской армии на родину, Государю Императору Александру I было угодно сделать общий смотр русским войскам, находившимся во Франции в числе более 150 тысяч человек. Для смотра избрали необозримую равнину, прилегающую к городу Вертю, в Шампани, среди которой возвышалась небольшая гора, как бы нарочно насыпанная для того, чтобы с нее лучше можно было видеть движения многочисленной армии.

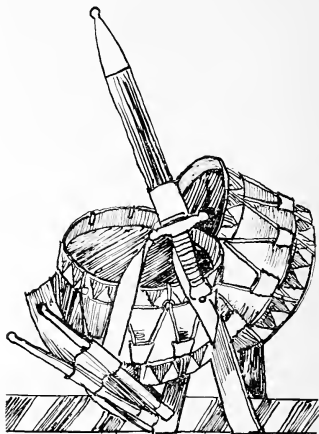
Войска наши собрались на этой равнине к 20 августа 1815 года, а 25-го в Вертю приехал Государь Император. Смотр был назначен на 29-е число, после которого должны были совершиться молебствия и церковный парад перед походом домой.

По строевому рапорту к 25 августа в рядах русских войск, собранных для смотра, было: 87 генералов, 4.413 штаб и обер-офицеров и 146.054 унтер-офицеров и солдат, при 540 орудиях. Командовать такими массами для одновременности действия было невозможно, почему сигналы для исполнения команд подавались пушечными выстрелами.

Император Александр I, освободивший Европу от Наполеона, хотел представить свою победоносную армию своим союзникам. Все государи, главнокомандующие союзными армиями и масса всяких иностранцев были приглашены к смотру, а потому, желая, чтобы войска показали себя молодцами, Государь назначил на 26 августа репетицию парада, где сам подавал команды. С восходом солнца в этот день войска выстроились на назначенных им местах: 3-й корпус ген. Дохтурова, 4-й корпус ген. Сакена и 5-й корпус ген. Раевского с их кавалерией стали в первой линии, за серединой их поместились гренадерский корпус генер.-лейт. Ермолова и 7-й пехотный корпус, имея кавалерию по флангам, а артиллерия стала при своих дивизиях.

В 6 часов утра на горе собрались уже все русские начальники, не бывшие в строю. Вид громадного поля, на несколько верст покрытого густым строем войск, был так грандиозен, что все невольно молчали, как бы боясь нарушить и мертвую неподвижность всего окружающего.

Но вот раздался выстрел, возвестивший войскам прибытие Государя на гору. Яркое солнце мгновенно блеснуло на штыках ружей, и, как один человек, вся армия взяла ружья «на-плечо». Грянул второй выстрел, войска



сделали «на-караул», и громкое, протяжное и раскатистое «ура» полилось по рядам и на далекое пространство огласило всю окрестность. Заиграла музыка и трубы, загремели барабаны.

По третьему выстрелу полки вновь взяли «на-плечо» и построили батальонные колонны, а по четвертому — вся масса войск начала строить одно необозримо-громадное каре, три стороны которого состояли из пехоты, а четвертая из конницы. Перед одним фасом каре выстроились 10 батарей конной артиллерии. Государь в это время спустился с горы, обехал при громких, радостных кликах «ура» все каре и, остановясь посредине его, стал пропускать войска церемониальным маршем.

Впереди всех шли гренадеры, причем оба батальона каждого полка, построенные в густую взводную колонну, следовали один возле другого, имея знамена впереди. За каждой пехотной бригадой шла принадлежащая ей артиллерия, за гренадерами проходили армейские пехотные полки, конница и резервная артиллерия. Первою бригадой 3-й гренадерской дивизии — Астраханский и Суворовский полки — командовал Его Императорское Высочество Ве-

ликий Князь Николай Павлович, впоследствии Император Николай I. После церемониального марша Государь возвратился опять на гору, а войска стали в тот же порядок, как и для встречи Его Величества. По новому пушечному выстрелу они опять сделали «на караул» и снова загрели музыка и барабаны, и снова радостное «ура» наполнило воздух.

Этот смотр, по количеству войск в нем участвовавших, остается и до нашего времени, когда команды подаются через громкоговорители, а вертолеты управляют расположением войск на парадном поле, единственным во всей военной истории. Можно сказать, что ни ранее того, ни позже ничего подобного не было и количество участвовавших войск в последующих парадах 19-го века, а так же и нашего столетия никогда не достигало 150.000 человек. Очевидцы единогласно писали в своих воспоминаниях, что точность, с которою выполнялись ружейные приемы и все построения, опрятность и щеголеватость одежды, блеск оружия были поразительны и превзошли самые смелые ожидания. При построении каре некоторым полкам приходилось проходить до 3, и даже 4 верст, кавалерия неслась в карьер, но порядок ни в чем не был нарушен. На церемониальном марше из 107.000 пехоты ни одна часть не сбился с ноги!

Государь был так доволен репетицией, что промолвил: «Я вижу, что моя армия первая в свете. Для нее нет ничего невозможного и по самому наружному ее виду никакие войска не могут с нею сравниться». Слезы гордости выступили у генералов и офицеров, окружавших Государя, при этих словах, и многим невольно припомнилось, что в этот день — 26 августа — исполнилось ровно три года со дня Бородинского сражения. Тогда села и города русские от Немана и до берегов Москвы-реки пылали в зареве пожаров и кровь русских воинов текла ручьями. Франция, победившая всю Европу, взяла ее с собою и привела в Бородино. При Бородине состоялась битва народов. Россия не сокрушилась под ударами соединенной Европы. И вот русские в годовщину Бородина торжествовали славу своей победы на французской земле, знамена русские развевались на равнинах Шампани и эхо французских гор — за нашими полками вслед — кричало наше русское победное и радостное «ура»...

29 августа смотр происходил в том же порядке, как и 26-го, с тою лишь разницею, что

в числе зрителей были император австрийский, король прусский, все главнокомандующие союзными армиями и много, много заслуженных боевых генералов. На церемониальном марше Государь лично предводительствовал армией, салютуя союзным монархам. Когда, после церемониала, монархи и все присутствовавшие вновь взъехали на гору, открылась пушечная и ружейная пальба. В течение 12 минут сотни пушек и тысячи ружей изрыгали гром и молнию, воздух наполнялся дымом, армия малопомалу скрывалась и, наконец, совершенно исчезла в густых облаках его.

Иностранцы с изумлением смотрели на густые ряды войск, проходивших мимо них в замечательном порядке, и Веллингтон, один из лучших полководцев того времени, говорил, что он «никогда не воображал, что армию можно довести до такого громадного совершенства». Хвалил безукоризненную дисциплину русских войск и Шатобриан, писавший, что Франция ожидала увидеть варваров, но варвары эти дали Европе пример дисциплины, опрятности, а в поступках их Императора и благородства.

Веллингтон с таким напряженным вниманием следил за всем происходившим на параде, что заметил даже, что в одном кавалерийском полку не хватало эскадрона. Видя в Париже 3-ю гренадерскую дивизию, он думал, что люди в ней подобраны со всей армии. Другой генерал говорил, что смотр в Верту, это «урок, данный российский Императором прочим народам».

30 августа, в день Александра Невского, тезоименитства Государя, на том же самом поле высилось, по числу корпусов, семь походных церквей-палаток, конница без лошадей и пехота без ружей окружили их. Туман закрывал войска. В 8 часов прибыл Государь. В то же время туман рассеялся. Началось молебствие. Государь и все воины преклонили колена.

Когда иностранцы разъехались из Верту, Государь лично выбирал людей в гвардию и гренадеры, награждал и благодарил войска за мужество в кровопролитных битвах многотрудных походов 1812, 13, 14 и 15-го годов и затем приказом своим, повелел им выступить из Франции в Россию.

В первых числах сентября российская армия тронулась в обратный поход к пределам своего отечества.

Юрий Солдаков

Бутырское знамя в Брюсселе

Перед нами старая уже расписка:

«По доверенности от капитана Ергина получил знамя, хранившееся у российского военного агента в г. Рима, капитана 1 ранга фон Дена, принадлежавшее мушкетерскому полку, попавшее в плен после Аустерлицкого боя и возвращенное в Русскую Армию в 1815 году.

город Париж
21 октября 1938 г.

Рустан Мурза
Тайганский»



Подпись неразборчива и за верность ее мы не ручаемся. Содержание расписки не совсем соответствует действительности. Знамя это никогда не было в руках у неприятеля и 1815 г. совсем не причем. Оно находится теперь в Брюссельском Военном Музее, переданное туда на хранение, как сообщила дирекция, старыми русскими офицерами. Это белое (полковое) знамя Бутырского пехотного полка, спасенное в Аустерлицком сражении и переданное в 1905 г. Государем Императором в 66-й пех. Бутырский полк «на вечное хранение». Как попало оно за границу нам не известно, но нахождение в иностранном музее знамени, побывавшего в Аустерлицком сражении, где, как известно, было утрачено несколько русских знамен, может со временем ввести в заблуждение. Вот почему нам кажется необходимым зафиксировать, пока не поздно, все, что относится к истории этого знамени.

К расписке приложена копия записки, прикрепленной к полотнищу знамени. Вот она:

«Белое знамя Бутырского мушкетерского полка, спасенное во время Аустерлицкой баталии того же полка португей-прапорщиком Николаем Кокуриным, который, находясь уже во Франции пленным в городе Бурже, в госпитале умер, а после его хранения было сие знамя онагож полка унтер-офицером Михайлою ... (1) и представлено по команде уже по прибытии в город Люневиль при формировании временных батальонов генерал-майор барон Меллер-Закомельский».

По потерям в Аустерлицком сражении Бутырский полк занял первое место. С поля боя

не вернулось 56 офицеров из 60, 91 унтер-офицер из 120 и 1.755 н. чинов из 1.972. По французским данным, из этого числа в плен попало 30 офицеров и 761 унт.-офицеров и н. чинов. Только ничтожные остатки вышли из боя.

В те времена каждый мушкетерский полк имел 6 знамен. Одно белое, считающееся полковым, и 5 цветных, ротных. Из этих 6 знамен налицо оставалось только одно, ротное. Казалось, что в Аустерлицком сражении Бутырский полк был не только разгромлен, но и обесчещен потерей 5 знамен, вероятно попавших в руки неприятеля. В действительности это оказалось не так.

15 декабря 1805 г. Кутузов доносил Императору Александру:

«После сражения, бывшего в 20-е число ноября, нижние чины из плену французоз спаслись бегством и вынесли четыре знамя, ими с древок сорванные, а именно: Бутырского мушкетерского полка португей-прапорщик Измайлов 1-й и Галицкого мушкетерского ... О сем их отличном поступке Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу».

На рапорте Государь поставил резолюцию: «Дать чины».

Интересны подробности спасения этого знамени, кои следуют из рапорта Кутузову генерал-лейтенанта Эссена 1-го от 30 ноября:

«Бутырского мушкетерского полку португей-прапорщик Измайлов 1-й, явсья у меня, представил знамя своего полку, объявляя, что во время бывшего с французами сражения, когда не предстояло никакой надежды спасти знамя, то он оторвал от древка, спрятав оное в шапку, а потом был взят французами в плен, из которого удалось ему в скором времени бежать, сохраняя знамя в его шапке и имея обвязанную голову, представлял себя будто раненым, почему, хотя несколько раз французские партии на него нападали и по обыскам, имевшиеся у него деньги и тесак отобрали, но из уважения к мнимым ранам, шапки не тронули и, таким образом, знамя сохранено. Предписав Московскому гренадерскому полку португей-прапорщика Измайлова 1-го прикомандировать к полку, а представленное им знамя хранить вперед до предписания, я имею честь о всем том донести Вашему Высокопревосходительству».

(1) Мостовским.

Португей-прапорщик Алексей Измайлов 1-й

происходил из дворян, в службе с 13 мая 1803 г. 30 января 1806 г. произведен в прапорщики.

Через 9 дней, 24 декабря, Кутузов доносил Государю о спасении другого ротного знамени Бутырского полка рядовым Яковом Шанаиным. Шанаин тоже был взят в плен, но бежал и представил спасенное им знамя.

16 января 1806 г. Кутузов обращался к Государю :

« Вынесенные разными чинами знамена, о коих я Вашему Императорскому Величеству доносил, при полках остаются без древков, а именно : в Курском мушкетерском — 1, Галицком — 3, Бутырском — 2 Всеподданейше испрашиваю позволения о прибытии их по-прежнему к древкам, как оные не были в руках неприятельских ».

На это последовала резолюция : « Позволить ».

Таким образом два знамени, считавшихся потерянными, вернулись в строй полка. Оставалось еще три. Через несколько месяцев, а именно 27 июля 1806 г. Министр иностранных дел доносил Государю, что им получено от российского посла в Вене еще одно знамя Бутырского полка, спасенное портупей-прапорщиком Садыковым 1-м и поручиком Иваном Романовичем Лаптевым. Об обстоятельствах спасения знамени Лаптев доносил :

« Ноября 20-го 1805 года, будучи в сражении при местечке Аустерлице, когда Бутырский мушкетерский полк, по усиленному на оный нападению неприятеля, начал отступать и портупей-прапорщик Садыков 1-й того же полку, был ранен и обезсилевши не мог более держать знамени Вашего Императорского Величества и сохранить оное, я, по обязанности моей, опасаясь, дабы оное не попало в руки французоз, оторвав оное от древка, обернул себя по телу и захвачен с оным в плен, также и упомянутый Садыков, который в неподолжительном времени во французском лазарете помер.

Исполненный усердием к службе Вашего Императорского Величества, быв в руках неприятеля, сберегал то знамя при себе тайным образом в продолжении 7 месяцев. Воспользуясь случаем, по прибытии надворного советника Званкова в Люневиль, по возвращении из Парижа, опасаясь дабы неприятель внезапно каким для меня случаем не усмотрел оное, признал за лучшее отдать сие для всеподданейшего вручения Вашему Императорскому Величеству, которое и отдал в 1-й день июля 1806 г. в присутствии господ генерал-лейтенантов Пржибышевского, барона Вимфена и при полковниках князе Сибирском и Бибикове, о принятии коего от меня получил от господина Званкова,

с засвидетельством вышеозначенных господ, свидетельство ».

Ровно через неделю, 3 августа 1806 г. министр вновь препроводил Государю Императору еще одно ротное знамя Бутырского полка. Оно было привезено из Франции статским советником Убри. Во время посещения последним лагеря русских военнопленных в Люневиле знамя это было передано ему капитаном Яновским. По заявлению Яновского, знамя было спасено портупей-прапорщиком Измайловым 2-м.

14 августа по Высочайшему повелению знамена были переданы генералу Михельсону для доставления в полк. Таким образом в строю восстановленного полка находилось уже 5 знамен. Однако самого из них ценного, а именно белого, все еще не хватало. Но и это знамя в руки неприятеля не попало. Как мы уже отмечали, оно было спасено портупей-прапорщиком Николаем Кокуриным, который скончался в плену, в Бурже. После него знамя хранил унтер-офицер Михаил Мостовский. После заключения мира в 1807 г., для вывода из Франции русских военнопленных был назначен генерал-майор барон Меллер-Закомельский. По его приезде в Люневиль ему были представлены еще пять знамен, хранившихся в плену полтора года. Среди них было белое знамя Бутырского полка, спасенное Мостовским. О Мостовском известно, что он происходил из « церковников », в службе рядовым с 1788 г., унтер-офицером с 1800 г. В 1799 г. был в разных сражениях и за храбрость награжден знаком отличия св. Анны. 13 августа 1808 г. по Высочайшему повелению Мостовский за спасение знамени был произведен в прапорщики.

Однако знамя это в полк возвращено не было. Оно оставалось вместе с другими в военно-походной канцелярии Его Величества. В 1810 г. генерал Дохтуров возбудил ходатайство о возвращении этих знамен в полки, но Государь просьбу эту отклонил, заявив, « чтобы полки заслужили себе в деле потерянные знамена ». Решение это было несправедливым, так как знамена эти были не потеряны, а спасены. По упразднении канцелярии в 1816 г. знамена были переданы в архив Главного Штаба, и там были забыты. Обнаружены они были только в 1898 году, во время разбора архива. Ко всем были пришиты ярлыки, подписанные 90 лет назад ген. Меллером-Закомельским.

К столетию Аустерлицкого сражения, 21 ноября 1905 г. Государь Император исправил несправедливость Императора Александра I. Знамена были возвращены в полки « для вечного хранения », а спасшие их чины занесены в полковые списки. Так, портупей-прапорщик Нико-

лай Кокурин был зачислен в списки 66-го пехотного Бутырского генерала Дохтурова полка, а знамя доставлено в Замостье, где стоял полк. Почему Кокурин, а не Мостовский? Возможно потому, что Мостовский был уже награжден офицерским чином, а Кокурин остался без награждения.

Следует добавить, что, кроме своих знамен, Бутырцы приняли деятельное участие в спасении знамени Азовского полка. В рапорте Куртузова от 15 января 1806 г. находим следующее:

«Бутырского мушкетерского полка подполковник Трескин, размененный из плена от французов, представил знамя Азовского мушкетерского полка и при том донес, что получил оное, при выезде из Брюна, Бутырского ж полка, роты его имени, от рядового Чайки, ко-

торый, вручая оное, объявил: Азовского полка унтер-офицер Старичков, бывший в плену, покрытый ранами, умирая, отдал оному рядовому сие знамя, умоляя сберечь его, и скоро после сего умер. Рядовой Чайка, приняв оное с благовоением, сохранил при себе».

По повелению Императора Александра I Чайка был произведен в унтер-офицеры и ему была выдана денежная награда.

Таким образом честь Бутырского полка была спасена. Несмотря на полный разгром полка, все его знамена были спасены. Этим он был обязан поручику Лаптеву, португей-прапорщику Чаю Измайлову 1-му, Измайлову 2-му, Кокурину и Садыкову, унтер-офицер Мостовскому и рядовому Шанаину.

Имена эти достойны памяти.

С. Андоленко

Об изображении св. Георгия на орденских крестах

В собрании автора хранится Георгиевское навершие царствования Императора Александра II с крестом, на котором Св. Георгий изображен скачущим не слева направо, но, наоборот, справа налево. Подобные кресты противозаконны и о них в архиве Главного Интенданта, Управления имелось целое дело⁽¹⁾. Мое же навершие как-то просмотрели.

Высочайшим указом от 11 апреля 1857 года Московский герб был изменен и Св. Георгия повелено было изображать на нем скачущим не слева направо, но справа налево⁽²⁾. Ввиду того, что по Георгиевскому Статуту в середине креста изображался «Царства Московского Герб», Капитул Орденов стал изготовлять и выдавать кресты с соответствующим новому гербу изображением.

Оказалось, однако, что Император Александр II не имел намерения менять изображение Св. Георгия на орденских крестах, о чем им и было сделано своевременно соответствующее повеление, Капитулу просмотренное.

Обычно весьма зоркий, Государь не заметил крестов со Св. Георгием «налево кругом» до 100-летнего юбилея учреждения Ордена 26 ноября 1869 года, когда им были возложены на себя орденские знаки 1-й степени.

Расследование дела было поручено военному министру Милютину, по приказу которого управляющим Музеем Главного Интенданта Управления была составлена справка с указанием на Георгиевский Статут и пр., на основании которой Милютиным был сделан всеподданнейший доклад. Касающаяся сего до-

клада собственноручная записка Милютина приложена к делу:

«По всеподданнейшему докладу Государю Императору прилагаемой при сем справки относительно знака ордена Св. Георгия, Его Величество изволил разъяснить возникшее недоразумение тем, что хотя в 1857 году и было сделано изменение в Московском гербе, но вместе с тем было повелено в орденских знаках Св. Георгия не делать никакого изменения, т. е. оставить попрежнему всадника обращенным слева направо. На этом основании, на всех знаках ордена Св. Георгия, как офицерских, так и солдатских, изображение Св. Георгия должно быть одинаковое, т. е. всадник должен быть обращен слева направо⁽³⁾. Если же на каких либо знаках, выдаваемых из Капитула Орденов, изображено иначе, то следует считать это ошибкой. Поэтому, если-б подобная ошибка действительно была замечена, то следует войти по этому предмету в сношение с Капитулом Орденов».

Д. Милютин

На этом дело не стало — Главное Интендантское Управление запросило Капитул Орденов о доставке в Музей комплекта знаков, изготовленных на основе объявленного Военным Министром Высочайшего разъяснения. В Музеем были доставлены звезда, кресты четырех степеней и четыре степени Знаков Отличия Военного Ордена, которые по осмотру были возвращены в Капитул при следующих замечаниях:

« 1. На всех офицерских крестах Св. Георгия изображен на поле розового цвета, тогда как оно должно быть красное.

2. Рисунок звезды ордена Св. Георгия не сходен с рисунком звезды, которая была изготовлена фабрикантом Скосыревым для Государя и удостоилась Высочайшего одобрения. Несходство звезды состоит в следующем :

а) Внутренний кружок на звезде, доставленной Капитулом Орденов, золотой, что совершенно согласно с описанием знаков ордена Св. Георгия, помещенным в подлинном Статуте, на звезде же, изготовленной Скосыревым, кружок эмалевый красный, что также соответствует Высочайше утвержденному образцу звезд на каски бывшего кирасирского, ныне драгунского Военного Ордена полка.

б) На черном ободке звезды Капитула надпись « ЗА СЛУЖБУ И ХРАБРОСТЬ » соединяется сверху Императорскою короною и идет от короны вправо и вниз. В описании знаков ордена в Статуте о короне и о том, как должна быть расположена надпись, ничего не упомянуто. Между тем на рисунке ордена, приложенном к « Историческому Описанию Одежды и Вооружения Российских Войск », который в свое время был представлен на Высочайшее утверждение Императора Николая I, короны вовсе не имеется, а надпись идет от середины снизу влево, подобно расположению надписей на звездах прочих Российских орденов (4). На звезде же, представленной Скосыревым, надпись также начинается снизу и идет влево вверх, но между буквами « З » и « Ь » помещены пять золотых точек, крестообразно расположенных (5).

Из вышеозначенного управляющий Музеем Главного Интендантского Управления генерал-лейтенант барон Штейнгель пришел к заключению, что « насчет образца знаков ордена Св. Георгия до сего времени не существует по-

ложительных указаний », ввиду чего ему представлялось необходимым чтобы по сему предмету Капитулом Орденов представлен был всеподданнейший доклад. Представлен ли был таковой, автору не известно.

В заключение скажем, что касательно изображения Св. Георгия на орденских крестах имеется точное повеление Императора Александра II : Св. Георгий должен изображаться на них скачущим справа налево. О крестах же, на которых « изображено иначе », повелено входить в сношение с Капитулом Орденов, очевидно, с целью обмена таковых на кресты утвержденного образца. Возвращенные в Капитул забракованные кресты либо переделывались, либо шли на слом. Уцелевшие же кресты со Св. Георгием, скачущим справа налево, ныне большая редкость.

Касательно же надписи на Георгиевских звездах, по-видимому, точных указаний дано не было, ибо на весьма немногих дошедших до нас звездах надпись расположена и сверху вправо, и снизу влево. Также и внутренний кружок на одних звездах покрыт красной эмалью, а на других оставлен золотым.

Евгений Молло

(1) Дело 1869 года № 85/706.

(2) II-е Полное Собрание Законов Российской Империи, № 31 720.

(3) Знаков Отличия Военного Ордена со Св. Георгием, скачущим справа на лево не выбивалось.

(4) Надпись на звездах ордена Св. Анны идет сверху вправо и вниз.

(5) На хранящейся в собрании автора лядунке 13-го драгунского Военного Ордена полка царствования Императора Александра II надпись идет снизу влево и вверх, а между буквами « З » и « Ь » помещена пятиконечная звездочка. Центр же звезды покрыт красной эмалью.



На Двине в 1915-1917 гг.

(Окончание)

20. 8. С 2 часов ночи начался наш отход на 2-ю укрепленную полосу, в 9-10 верстах к югу от Торенсберга. Части, занимавшие 1-ую линию, тронулись с места в 5 часов утра. Мне, понятно, пришлось отложить свой отъезд из дивизии в разрешенный мне отпуск.

21. 8. В 5 часов утра начался отход за Западную Двину. В арьергарде шел 17-й полк, на командира которого была возложена задача взорвать мост через Двину. В его распоряжение поступил и 14-й саперный батальон. Дивизия отошла за реку Егель. Штаб — во дворе Машан.

В 6 ч. вечера начался новый отход дивизии в район Хинценберга. С наступлением темноты в тылу послышался артиллерийский огонь. Стрелял, по-видимому, бронированный поезд. Артиллерийский огонь был слышен и на востоке, где должны были отходить наши войска из района Икскюля.

Шоссе было перегружено обозами, шедшими в несколько рядов. Готова была начаться паника. Я выехал из Риги с начальником штаба в автомобиле, отправив вперед верховых лошадей. Наш автомобиль с трудом подвигался вперед, а больше стоял на месте. Мы вышли из него и пошли пешком, захватив с собой лишь портфели и карты, и на рассвете прибыли в Эпенберг (не доходя Хинценберга).

22. 8. В 3 ч. дня начался отход на Венденскую позицию. Ввиду угрозы нашему левому флангу, где пролегли кратчайшие пути от Икскюля к Венденской позиции, и постоянной стрельбы, слышной в этом направлении, движение колонны главных сил дивизии обеспечивалось выдвиганием на восток боковых арьергардов, располагавшихся на позициях и сменяемых в зависимости от продвижения дивизии. Это сильно замедляло движение.

Штабу дивизии было указано быть на мызе Кемпенгоф. Я с начальником штаба прошел пешком на станцию Хинценберг. Там сели в поезд, проехали на станцию Лигат, а потом, опять пешком, прошли в Кемпенгоф, куда прибыли в полночь. О нашем автомобиле не было ни слуху, ни духу. Он появился только 25. 8.

23. 8. Дивизия занимала назначенный ей участок.

26. 8. Детальный осмотр позиции. Она произвела на меня отличное впечатление. В первый раз за всю войну пришлось занять такую

позицию! И направления были правильные, и работа была очень хорошая. Предстояли, понятно, еще дополнительные работы, и я сделал на месте необходимые указания командирам полков.

27. 8. Штаб корпуса перешел на фабрику Лигат, 38-й отряд Красного Креста прибыл в Кемпенгоф.

Председатель солдатского комитета дивизии, артиллерийский подпрапорщик, имел дерзость обратиться к начальнику штаба с требованием, чтобы все приказы по дивизии перед их рассылкой в части войск показывались ему на одобрение! Я сказал начальнику штаба, что, пока я команду дивизией, этого не будет!

Из донесений командиров полков я видел, что стрелки стали бояться выходить на разведку за проволочные заграждения. А между тем ко мне стали поступать жалобы латышской, живущих именно за проволочными заграждениями, что по ночам стрелки крадут у них кур, поросят, баранов... Что можно было против этого предпринять?

Видя, что наступает полная разруха и никакого улучшения ожидать нельзя, я отправился к командиру корпуса и просил его разрешение сдать командование дивизией командиру бригады и уехать в разрешенный мне командующим армией отпуск.

31 августа я получил отпускной билет и 1 сентября 1917 г. рано утром уехал в Венден. Я ехал в Кисловодск, где находилась моя жена с обеими дочерьми.

Е. А. Милоданович

Дополнения и примечания к статье «На Двине в 1917 году».

I. К 23. 3. 1917: Генерал-лейтенант Гандурин: Порт-Артурец, в чине подполковника был награжден орденом св. Георгия 4-й ст., что по Статуту ордена обеспечивало будущую карьеру.

В Великую войну вышел генерал-майором, командиром бригады 28-ой пех. дивизии. В первом же бою, под Гумбиненом, дивизия понесла жестокое поражение и была рассеяна. Последовали отрешения от должностей. Был отрешен и Гандурин. Потом был реабилитирован и через 14 месяцев войны был назначен командиром 2-го сибирского корпуса.

Мой отец считал его неспособным для такой

должности и, что называется, терпеть его не мог! Гандурин отвечал тем же и сделал попытку избавиться от неприятного подчиненного. Но так как по части службы не мог к нему «придраться», то представил его к увольнению «в резерв чинов по расстроенному здоровью».

Узнав об этом, мой отец поехал к ген. Рузскому, тогдашнему Главнокомандующему Северным фронтом. «Я был поражен рапортом Гандурина, — сказал Рузский, — и подумал — неужели Вы вдруг так внезапно одряхтели? Но теперь, видя вас в добром здоровье, я, конечно, оставляю рапорт у себя».

Что Гандурин был неправ, видно и из того, что в эмиграции мой отец служил «геометром» (землемером) в условиях чрезвычайно тяжелых: жизнь в примитивных сербских селах, балканский климат, работа, по распоряжению Генеральной Дирекции Кадастра в Белграде, «от излаза до залаза солнца» (от восхода, до захода солнца), по субботам и воскресеньям — как в будний день, в году только 5 праздников и 2-недельный отпуск. Отец выдержал это 20 лет и только в возрасте 74 лет был уволен в отставку.

2/ К 27. 3. 1917: Генерал-лейтенант Триковский: Окончил 2 курса Академии Ген. штаба, что сопровождалось в пехоте (и коннице) движением по службе «вне очереди». Как Георгиевский кавалер японской войны получил дальнейшее ускорение. После войны был автором книги «Обучение батальона». В 1908-

1913 гг., когда мой отец командовал полком, полковник Триковский был в течение некоторого времени старшим штаб-офицером полка, а затем получил полк (вне 27-ой пех. дивизии). В полку моего отца он был руководителем тактических занятий офицеров. Мой отец его очень ценил. В Великую войну Триковский получил орден св. Георгия 3-й степени. Перед назначением командиром 2-го сибирского корпуса командовал 4-ой сиб. стрелковой дивизией.

Когда летом 1917 г. мой отец попытался (безуспешно) перевестись на юг, где развал армии шел медленнее, ген. Триковский приложил к рапорту аттестацию моего отца, упомянув в ней, что знает его с двух сторон: как начальника и как подчиненного. Аттестацию эту впоследствии прислал отцу начальник штаба (в Кисловодск). Отец, по-видимому, считал ее верной (я — тоже, и, даже, во многом относящейся и ко мне!). В настоящее время она находится у меня.

3/ К 14. 8. 1917: Отец пропустил имя командовавшего отрядом. Насколько помню из его рассказа, им был ген. Иуон, командовавший 4-ой сиб. стр. див. Непрямо это видно и из следующего абзаца того же дня.

4/ Отец не упоминает, как было поступлено с явившимися? По-видимому, дело кончилось поцелуями ген. Иуона.

В. Е. Милоданович

Вдоль персидской границы

Из воспоминаний Ген. штаба
генерал-лейтенанта Масловского

Весной 1909 года командир 6-го округа Пограничной стражи просил штаб Кавказского военного округа «освежить» производством тактических занятий знания офицеров Пограничной стражи, расположенной вдоль всей турецкой и персидской границы. Для этой цели штабом округа были командированы два офицера Генерального штаба, подполковник Андреевский и я. Подполковник Андреевский должен был объехать расположенные Пограничной стражи вдоль турецкой границы, а мне было приказано выполнить ту же задачу на границе с Персией. Кроме того, штаб округа предлагал нам обоим подробно ознакомиться с пограничным районом в военном отношении вообще.

Мой участок начинался от горы Арарат, где сходились границы трех государств: России, Турции и Персии. Так как вдоль границы путями связи между постами были только тропы, которые допускали движение лишь вер-

хом, то командир 6-го округа Пограничной стражи, по требованию начальника штаба Кавказского военного округа, разослал по всем участкам Пограничной стражи распоряжение, чтобы нам повсюду предоставлялись для передвижения верховые лошади и соответствующий конвой, а для удобства ведения занятий нам было дано право собирать для этого всех офицеров данного отдела в центральный пункт по нашему выбору, о чем было также сообщено командирам отделов.

Сразу же после Пасхи я и выехал в эту командировку, доехав сначала до местечка Игдырь. Там я явился в штаб отдела Пограничной стражи, где уже были предупреждены о моем приезде, и отсюда начал свою поездку по всей персидской границе, посещая каждый пост. Как правило, на каждом посту мне давалась верховая лошадь и конвой в шесть человек. Обычно, во всю поездку на границе каж-

дого отдела меня встречал командир крайнего отряда, ротмистр, а иной раз и командир отдела, подполковник. Я заранее давал знать, на каком посту отдела будут производиться занятия и куда к определенному времени должны были съехаться офицеры отдела с командиром отдела во главе. По пути ко мне присоединялись офицеры отрядов, мимо которых приходилось проезжать до назначенного пункта.

Как общее правило, все, без исключения, командиры отрядов встречали меня чрезвычайно гостеприимно, окружали меня большим вниманием и старались сделать мое пребывание у них возможно более приятным, и это не из-за каких-либо служебных соображений, а исключительно из радости увидеть свежего человека в их диких, пустынных и лишенных всяких признаков какого-либо общества местах. Делалось все с открытой душой и замечательным вниманием.

Офицеры, собранные со всего отдела, после дневных занятий со мною и обязательного затем ужина, если занятия не предполагались и на следующий день, тотчас же после ужина развезжались по своим постам, несмотря ни на какое состояние погоды, так как почти всегда тревожная обстановка в ночное время требовала их присутствия у себя на участке.

К самим занятиям все офицеры относились с большим интересом, возможно — благодаря манере, принятой мною для ведения этих занятий. Я не изображал из себя какого-то преподавателя, с видом собственного превосходства преподающего слушателям непреложные истины, а вел занятия в виде бесед, наталкивая присутствующих на них на ряд вопросов, возбуждал интерес и рассказывал, как подойти к вопросу, предлагая каждому принять участие в творческой работе мысли, незаметно и не задевая их самолюбия направлял ход их мысли в желаемом направлении. Благодаря этому пробуждался интерес, начинался живой обмен мнений среди участников занятий, незаметно мною руководимых. Все начинали чувствовать себя не учениками, а участниками исследования поднятого вопроса. И всегда все меня очень благодарили.

После занятий, довольно продолжительных, хозяин поста, на котором были собраны офицеры всего отдела, предлагал всем обед, на устройство которого хозяин прилагал все усилия. И это широкое гостеприимство оказывалось, повторяю, не мне, экзаменатору их познаний, а было обычным здесь явлением, главным образом потому, что жизнь офицеров Пограничной стражи на Кавказе на их постах на границе дикой горной страны, вдали от всяких населенных пунктов, была тяжела. Кроме тяжелой и беспокойной ежедневно службы, они не имели никаких развлечений,

подолгу не видели нового лица, отрезанные в плохое время года от всего мира. Зимой, когда снег в горах заносил все дороги, эта связь надолго прерывалась совсем. Весной же, при разливе горных речек, весьма здесь многочисленных и обращавшихся в бурные, опасные потоки, прерывалась не только связь с тылом, но сильно затруднялась и делалась опасной и связь по фронту между постами, сообщавшимися между собой лишь горными узкими и ненадежными тропами.

Вот почему все были рады появлению свежего человека, все хотели узнать от него новости с далекой родины. Через приезжего получалась связь с внешним миром, и каждый лез из кожи вон, чтобы окружить желанного гостя вниманием и угостить его, ничего не жалея.

Наши посты Пограничной стражи вдоль персидской границы располагались почти на всем протяжении в дикой, зачастую ненаселенной местности. Первоначально, от Арарата, — по высшим точкам его восточного отрога до реки Аракса, далее, на протяжении многих сотен километров вдоль левого берега реки Аракс, — до мест. Джульфы, в южном направлении, а от последнего пункта — в общем направлении на восток, до поста Карадулинского, все — вдоль левого берега Аракса. От последнего пункта посты располагались вдоль искусственной, совершенно прямой пограничной линии, проходящей поперек Муганской безводной степи, от реки Аракс на юг, к мстечку и посту Белясувар. От Белясувара посты опять построены на высших точках водораздельного хребта Тальшинских гор до мест. Астары, на Каспийском море, и наконец оттуда, вдоль низменного берега последнего, до гор. Ленкорань, на север.

Посты были связаны между собой, как уже говорилось, не колесной дорогой, а тропой, местами очень трудной. Все посты были расположены вдоль самой государственной границы, вне населенных пунктов, а от Джульфы — в совсем дикой местности. Вся персидская граница была разделена на четыре отдела; каждый отдел включал в себя 3-4 отряда, а отряд состоял из 3-5 постов. Штаб отдела располагался приблизительно за серединой фронта, занимаемого его отрядами. Отряд представлял собою как бы роту, и во главе его находился командир отряда, ротмистр или штабс-ротмистр, имея чаще всего, одного младшего офицера, поручика или корнета. Посты соответствовали взводам, и во главе их находились: на наиболее ответственном — сам командир отряда, а на остальных — младший офицер, вахмистр или унтер-офицер. Пост состоял обычно из взвода в 40-50 человек, из которых 12-15 было конных. Командир отдела был подполковник, соответ-

ственно должности командира батальона. Несколько отделов составляли бригаду.

Так как наша граница с Персией прилегала к стране малокультурной и со слабой центральной властью, не пользовавшейся большим авторитетом, особенно — на периферии государства, и так как вдоль значительной части этой нашей границы были земли воинственных кочевников — «шахсевен», не признававших над собой никакой вообще власти, то спокойствие на границе постоянно нарушалось: партии, иногда очень сильные, с персидской стороны стремились пройти через границу для провоза контрабанды или же для грабежа приграничного населения. Это вызывало постоянные столкновения с нашей Пограничной стражей, охранявшей границу. Большие партии шахсевен производили нападения и на самые посты, поэтому все посты были построены в виде небольшого укрепления, обычно — в форме квадрата, с одними воротами, над которыми возвышалась сторожевая вышка поста. Казармы и вообще все постройки поста были возведены внутри этого квадрата, вдоль внешней стены, с узкими бойницами в поле и с окнами, обращенными во внутренний двор. Дежурная часть почти всегда находилась в полной боевой готовности на случай тревоги, и каждую ночь в обе стороны поста выставлялись «секреты» в шесть человек. Каждую ночь место выставляемых секретов менялось, и эти места назначал сам начальник поста. Секреты занимались пехими людьми; в случае нападения или при попытке провоза контрабанды секрет открывал огонь, и по этой тревоге, переданной часовым на вышке, через несколько минут из открытых ворот поста вылетала конная часть поста с его начальником, спеша на помощь секрету. Ни буря, ни дождь, ни полнейшая темнота грозовой ночи, ни существование лишь одной узкой и опасной горной тропы не уменьшали хода скачущих полным карьером на помощь пограничников. Сней по опыту знали, как важна была их скорейшая помощь как для захвата или не пропуска контрабанды, так и для спасения от возможной гибели своих товарищей в немногочисленном секрете.

Контрабанда шла из Персии круглый год, особенно усиливаясь с весны до глубокой осени. Предметами контрабанды были ковры, шелка, шерсть, сабза (изюм без косточек), скот и другое. Провоз производили в глухую, темную ночь, часто в бурную, большими вооруженными партиями, в случае надобности пробираясь через границу силой и стараясь уничтожить встретившийся на пути секрет. На Муганской степи, кроме провоза контрабанды, с наступлением зимнего периода, когда на персидскую Мугань возвращались с их летних кочевков племена шахсевен с их громадными ста-

дами, производились частые нападения шахсевен для пргона скота на зимние пастбища русской половины Мугани, за недостатком пастбищ у себя, в персидских пределах. В этих случаях происходили форменные бои с пограничными частями и с выслаемыми им на усиление на этот период частями Кавказской армии. Нападающие старались вызвать тревогу в одном месте, чтобы в это время скрытно прогнать скот в другом. О такой деятельности шахсевен я буду говорить далее, когда затрону период моего пребывания в Персии.

Крупные партии контрабандистов при провозе контрабанды применяли такую же тактику, поэтому было необходимо проявлять на постах много бдительности, опыта, быстроты действий и отваги, чтобы успешно выполнять трудную задачу охраны границы чрезвычайно малыми силами. Эта служба в постоянной тревоге, сопрягавшаяся почти ежедневной опасностью, вырабатывала в личном составе Пограничной стражи отличных одиночных бойцов, полных смелости, быстроты соображения, умеющих хорошо разбираться на местности, опытных и вместе с тем, когда было нужно, осторожных разведчиков, хорошо знавших местность и противника. Среди офицеров, сверх того, вырабатывались смелые, сообразительные и привыкшие к самостоятельным действиям и решениям начальники. Они и были в войну 1914 года, особенно в начале ее, использованы в соответствии с этими их качествами.

Но продолжительная жизнь офицеров на границе, жизнь, полная опасностей и совершенной неизвестности для каждого за завтрашний день, жизнь в глуши, почти вне всякой связи с внешним миром, вдали от разумных развлечений, накладывала на некоторых из них и другой отпечаток: иные любили покутить сверх меры, и были, правда редкие и исключительные случаи, когда эта тяжелая, монотонно-тоскливая жизнь наталкивала человека с слишком большим избытком энергии на поступок, выходящий из рамок законности. Это бывали, конечно, очень редкие случаи.

Первое уклонение от патрульной дороги я сделал, чтобы посетить гор. Нахичевань, значительная часть окрестностей которого составляла владения ханов Нахичеванских, родственных полунезависимым ханам Макинским в Персии и оказавшихся в России при присоединении к ней восточной части Макинского ханства по договору с Персией в 1828 году.

Верст через двадцать пять после Джульфы, — нашего наиболее важного таможенного пункта на границе с Персией на пути из Эривани в Тавриз, столицу персидского Азербайджана, — я снова уклонился в сторону от па-

трульной тропы, чтобы посетить в городе Ордубад один из отделов Пограничной стражи. Свернув с патрульной дороги, я ехал на протяжении верст четырех-пяти по голой, совершенно безлесной местности, густо покрытой крупными камнями, среди которых и вилась тропа. И тем более оградное впечатление произвел на меня сам город Ордубад, лежащий среди огромных садов. Он показался мне оазисом среди бесплодной, каменистой пустыни, населенной лишь скорпионами, фалангами да змеями.

Самый Ордубад — небольшой городок, жители которого занимаются по преимуществу шелководством и плодоводством. Я посетил там крупные плантации тутовых деревьев для разведения шелковичного червя и фабричные помещения, где их выводили и потом собирали коконы.

Замечателен искусственно выводимый в Ордубаде плод, который местные жители называли «шарали-тарали» и «тарали-шарали». Один из них был результатом прививки персика к сливе, другой, наоборот, — сливы к персику. Помните, что оба они были чрезвычайно сочные, вкусны и приятны.

В этом же городе командир отдела, показывая мне достопримечательности, привел меня на площадь, кажется единственную в городе, посреди которой стояло тысячелетнее ореховое дерево такого колоссального обхвата, что в дупле его было устроено одним из духанчиков (содержателей туземного бара-ресторана) нечто вроде столовой: посредине дупла стоял стол и кругом него несколько стульев. В этой оригинальной столовой я с командиром отдела и позавтракали.

Выезжая из Ордубада, я сообщил через командира отдела во все посты отдела о сборе всех офицеров этого отдела на посту Новады, почти на конце длинного Мигринского ущелья. Но по дороге, около 12 часов дня, я остановился на два часа на посту Худоферинском, где командир отряда, уже молодой ротмистр Степанов предложил, прежде чем отправиться в долгий еще путь, у него пообедать, так как уже и подошло время и обед был уже готов. Пост этот интересен тем, что построен он при самом входе в длинное, протяжением в 23-24 клм., Мигринское ущелье, вернее — в узкую трещину в высоких горах, по дну которой бурным потоком и с громадным шумом протекает стесненный в своем течении уже широкий и полноводный, пенящийся Аркас. Высокие, почти отвесные горы вплотную подходят к реке, не оставляя ни пяди береговой полосы. По обеим сторонам Аракса, на русской и на персидской территории, вьется по крутым склонам горная тропа шириной около метра, то высоко, на сотни метров, поднимаясь над рекой, то

спускаясь почти до уровня воды в реке; на подъемах и спусках эта тропа представляла собой лестницу с неровной ширины, высоты и формы ступеньками; тропа не имела и признаков какого-либо парапета, и у человека, непривычного к горам, могла легко закружиться голова. Только мулы и привычные горные лошади могли уверенно проходить по таким тропам.

Мне рассказывали потом пограничники, что года за два-три до этого моего посещения в их бригаду был переведен с западной границы, из Польши, один подполковник на должность командира отдела в этот район и он должен был, по обязанности, периодически посещать свои отряды и все их посты, принужденный при этом непременно проезжать по этой тропе длиннейшего Мигринского ущелья. Непривычный к горам, этот подполковник никак не мог привыкнуть к проезду по этому участку патрульной дороги, не мог избавиться от головокружения при виде открывающейся у ног его лошади бездны, не мог побороть в себе это ощущение, между тем как обязанности службы принуждали его, хоть и не очень часто, непременно проезжать по этому ущелью. В этом случае он приказывал перед входом в ущелье завязывать ему глаза платком, чтобы ничего не видеть, а спешивший пограничник вел за повод его лошадь. Этот подполковник, так неудачно попавший на Кавказ, сам чувствовал свое неудобное положение перед своими подчиненными и поспешил выхлопотать себе обратный перевод в Польшу, куда вскоре и уехал.

У Худоферинского поста, перед входом в Мигринское ущелье, имелся прочный каменный мост, на обоих концах которого были поставлены деревянные ворота, всегда закрытые, у которых всегда стояли часовые: на левом берегу русский, на правом — персидский. Пост был каменной кладки, в виде квадратного укрепления, с бойницами, того общего типа, который был мною описан ранее.

На противоположной стороне, персидской, по крутым склонам высоких гор персидского Карадага, также вплотную подходящих к реке, вилась такая же тропа, как и на нашей стороне. Эта тропа была лучшей связью Карадага с Тавризом, столицей всего Азербейджана, и по ней постоянно шли караваны с товарами, направлявшиеся в Тавриз.

К концу обильного обеда, сопровождавшегося хорошим кавказским вином, ротмистр Степанов, пришедший, очевидно, в хорошее настроение, просил меня уделить небольшое время перед отправлением в дальнейший путь и позволить ему продемонстрировать передо мной свое искусство стрельбы. Он говорил, что считает себя лучшим стрелком в России, и просил меня, когда я убежусь в этом, по возвращении в Тифлис доложить об этом Намест-

нику. Улыбаясь, я сказал ему, что хотя я и командирован по приказанию Наместника, но по возвращении должен буду представить доклад о поездке не ему, а лишь начальнику штаба округа. Ротмистр Степанов просил тогда рассказать о его стрельбе этому последнему. Я не мог отказать любезному хозяину в его просьбе после предложенного мне обеда, и он тотчас же приказал вестовому подать его карабин и патроны и принести на площадку снаружи поста пустые небольшие лимонадные бутылки.

Нужно сказать, что я часто слышал, что много пограничных офицеров — отличные стрелки. Условия службы и всей обстановки способствовали этому, и мне было любопытно посмотреть образец такой стрельбы.

Отмерив хороших сто шагов, ротмистр Степанов приказал вестовому поставить на плоский камень лимонадную бутылку, и на этой дистанции, взяв карабин и зарядив его одним патроном, что показывало его уверенность в результате стрельбы, произвел, почти не целясь, выстрел. При этом он держал карабин лишь одной правой рукой и приложил его не как обычно, к плечу и щеке, а к локтю, в расстоянии одного фута вправо от головы, почему он, конечно, не мог целиться глазом через прицел и мушку. Бутылка была разбита. Затем он произвел несколько выстрелов, каждый раз по новой бутылке, держа все время карабин в стороне, у локтя, и поворачивая его то боком, то вниз затвором. Потом он сделал выстрел, повернувшись спиной к цели, наклонившись и смотря промеж ног. И каждый раз, без единого промаха, пуля разбивала бутылку. Наконец он положил на этот плоский камень два патрона, один в затылок другому, и, отойдя почти на то же расстояние, выстрелил в первый патрон, который разбил второй. Я был поражен такой исключительной стрельбой, но спеша ехать дальше, просил закончить стрельбу. Возвращаясь на пост и проходя мимо громадного орехового дерева, росшего у самого моста, ротмистр Степанов указал мне на его вершину и спросил, вижу ли я там, высоко над землей, среди густой листвы, воробья. Я, по близорукости, не мог, конечно, его видеть. Сказав, что он собьет его пулей, ротмистр Степанов, опять приложившись одной рукой, быстро выстрелил и, воробей, пронзенный в туловище пулей, упал к подножию дерева. Выстрел был действительно изумительный.

Часа в два, в сопровождении ротмистра Степанова и конвоя в шесть пограничников я отправился в дальнейший путь по этой трудной и опасной тропе. Шли на хвосту, дав поводья лошадям, чтобы не стеснять их движений. Проехали благополучно, только с двумя лошадьми, везшей мой багаж, сорвался, зацепившись за

скалу, мой новенький, хороший кожаный несесер с умывальными принадлежностями и полетел вниз, в бурливший на дне ущелья Аракс. Как я уже говорил, шли мы гуском и молча, так как от шума быстро катившего свои бурные воды Аракса нельзя было слышать и соседа, ехавшего впереди или сзади. Так в молчании и проехали это грозное и величественное ущелье и уже под самый вечер, в сумерки, прибыли на офицерский пост Новады, где уже ожидали собравшиеся там офицеры с командиром отдела во главе.

Дня через два, под вечер, я прибыл на пост Бартазский, где меня тоже уже ждали офицеры отдела с его командиром. После вечерних занятий командир отряда ротмистр Герман сообщил мне, что один крупный персидский хан Карадага, богатый владетель двадцати восьми деревень, живущий в своем поместье, и с которым установились добрососедские отношения, узнав о моем приезде, просил передать мне его убедительную просьбу посетить его, приняв приглашение на обед. Сначала я отказывался, ссылаясь на необходимость на следующий день, после утренних занятий с офицерами, продолжать свой путь по намеченному маршруту, не обременяя излишне хозяина поста своим длительным пребыванием. Но командир отряда, поддержанный командиром отдела, убедительно просил меня остаться у них и на следующий день, приняв приглашение хана. Они говорили, что мое пребывание их нисколько не стеснит и эта поездка на персидскую сторону может представить для меня интерес, а для них тоже может быть полезна. Они рассказывали, что этот хан, крупный карадагский владетель, влиятельный у себя, как феодал, имея свой собственный значительный конный отряд нукуров (всадников), хорошо вооруженный. Ранее, в своей молодости, хан был отчаянным разбойником (конечно, — по нашим понятиям), производил постоянные налеты на нашу приграничную полосу, грабя население находившихся там сел, или же занимался провозом контрабанды на нашу сторону, почему был в то время беспокойным и опасным нашим соседом. Состарившись, он отказался от этой своей деятельности, приносившей нам большой вред, перешел к спокойной, мирной жизни и установил дружеские отношения с находящимися против его владений нашими пограничными частями, стараясь быть им полезным. Он не только не допускал во всем ближайшем районе никаких набегов персов на нашу сторону, но часто, в трудные минуты, когда в зимнюю пору снега, а весной — сильные разливы горных речек, прекращали на некоторое время всякое сообщение постов Пограничной стражи с населенными районами, помогал отрядам приобретать продовольствие

на персидской стороне. Имея у себя хорошо вооруженный отряд в 200 всадников, он действительно мог поддерживать спокойствие в значительном районе прилегающей к нашей границе персидской полосы. Поэтому-то командирам отдела и отряда было бы неприятно, если бы я своим отказом обидел самолюбивого старика. Эти объяснения и доводы были достаточно убедительными, чтобы я согласился остаться и принять приглашение хана.

На следующий день, после непродолжительных занятий, мы все, собравшиеся на посту для занятий офицеры, оставив на посту одного офицера в качестве дежурного, группой в 8-9 человек направились к берегу Аракса, где, как мне сказали, уже ожидал нас сам хан, прибывший на наш берег, чтобы лично руководить переправой всех нас на персидскую сторону через широкий и бурливый Аракс. В этом месте, после выхода из горных теснин, Аракс был широк и полноводен, а весенний разлив (дело было в апреле), совпавший с моим проездом по границе, увеличил ширину реки почти до километра. Главного фарватера проходил близ русского берега, где воды стремительно катились, так что переправа через реку далеко не была легким делом. Вследствие стремительного и бурного течения обыкновенную лодку перевернуло бы сразу же по отходе от берега, почему у персов здесь был особый способ переправы на плотях.

На берегу нас встретил с группой персов хан, — высокий, сухоощавый, бодрый старик.

Переправа была произведена на чрезвычайных легких, ажурных плотях, на бычачьих пузырях. Плоты были квадратные, около метра с четвертью на полтора метра в стороне, и состояли из ряда толстых древесных прутьев, около трех сантиметров в диаметре, расположенных на некотором расстоянии один от другого и прочно связанных накрест друг с другом, образуя прочную клетчатую площадку, снизу которой были густо подвязаны бычачьи надутые пузыри, длиной около 35 сантиметров и в диаметре около 25 сантиметров, так что сквозь плот видна была пенная вода. Плоты были так легки, что на берегу каждый из них переносился свободно одним человеком. Плот поднимал четырех человек, считая в их числе и грёбца. Все они должны были осторожно рассаживаться по четырем углам, плота, чтобы плот сохранял равновесие и не перевернулся бы, и при этом рассаживании концы плота прочно держали предварительно вошедшие в воду люди, чтобы плот не перевернулся пока люди не рассядутся по всем его углам. Гребец сидел лицом не вовнутрь, как остальные, а снаружу, и имел в руках весло вроде лопаты с короткой рукояткой.

На первых плотях были отправлены все

младшие офицеры, а на последний сели хан, командир отдела и я. Вслед за нашим плотом был пущен искусный пловец с подвязанными у него на спине пузырями, вероятно на случай аварии.

Как только наш плот оттолкнули от берега, его сильно завертело в быстром течении реки. Гребец все время бил по воде своей короткой лопаткой, вроде того как сбивают в горшке тесто. Кругом нас все было покрыто пеной. Нас с плотом, который кружился вокруг своей оси, быстро несло вниз по течению, а мы смиренно сидели по своим углам, поджав ноги по-турецки, держась руками за прутья и все время обдаваемые брызгами пены. Гребец неумоимо бил лопаточкой по пенящейся воде, и через некоторое время мы начали постепенно, но все еще кружась, выбиваться из бурливого фарватера, попали в более спокойное течение и наконец, уже медленно кружась, подошли к противоположному равнинному берегу, но почти на километр ниже того места, где мы сели на плоты. По-видимому, опытным персам было известно, насколько нас несет вниз по течению, так как на ровном, широком лугу, где мы высадились, были выстроены в две шеренги около двухсот всадников, хорошо одетых в черкески, с папахами на голове, большими кинжалами у пояса и с русскими трехлинейными винтовками за спиной. Хан попросил меня с ними поздороваться, что я и исполнил, произнес приветствие по-русски, на которое всадники ответили по-персидски.

После того, как мы все прошли по фронту, хан предложил мне посмотреть их стрельбу с коня на карьере, на что я охотно согласился. Мы отошли в сторону, всадники были отведены далеко влево от нас, а против нас по приказанию хана бросили на землю одну папаху и по очереди, один после другого, они начали проходить карьером мимо нас. Приближаясь к папахе, всадник, не сдерживая коня, быстро, на ходу, выхватывал одной правой рукой винтовку из-за спины, переносил ее через голову и не задев при этом своей папахи, прикладывался все так же, одной рукой, и производил выстрел, в папаху в ту минуту, когда равнялся с нею на карьере. При этом было особым искусством и шиком не касаться винтовки до последней возможности и только тогда с поразительной скоростью перенести винтовку через голову, приложиться и выстрелить.

Первым начал испытание зять хана, молодой, красивый хан, встречавший нас во главе всадников. Лишь почти поравнявшись с папкой, лежавшей против нас, он на полном карьере коснулся винтовки, перенес ее через плечо и выстрелил, и все это с такой быстротой, положительно удивительной, что нельзя было уловить его движения для выстрела отдельно

и много скорее, чем я сейчас говорю. С таким же искусством проскакал и выстрелил, также попав в папаху, следовавший за ним уже пожилой, с седой бородой, перс, которого называли вахмистром и который был фактическим начальником всадников хана. Таким порядком проделали это упражнение все по очереди всадники отряда, стреляя, в общем, все с большим искусством. Шапку каждый раз приносили и показывали нам и часто меняли. Почти все всадники, попадали в шапку, но с особым искусством и шиком проделали это, конечно, зять хана и вахмистр. В общем искусство стрельбы было поразительно, да и подбор всадников был замечательный: все они были, как на подбор, молодец к молодцу, высокие, стройные и ловкие.

По окончании стрельбы все мы пошли пешком к недалекому дому хана. Дом был обширный, двухэтажный и с обычным в Персии расположением комнат.

В большой столовой, где пол, как и в других комнатах, был покрыт прекрасным, точно по размеру комнаты ковром, по приглашению хозяйки сели мы за стол, накрытый по-европейски, с фарфоровой посудой и серебряным прибором. Обед был обильный и хорошо приготовленный. Меню его я уже не помню, но хорошо помню, что перемен было бесконечное количество и что главной составной частью его были плов (из риса), баранина и куры в различных видах и комбинациях. Сладостей, которых было также множество, я не ел, так они, по виду разнообразные и аппетитные, приготавливаются в Персии всегда на бараньем сале. Фрукты были отличные. Обед сопровождали водка, коньяк, которые персы пили в большом количестве, вино и под конец обеда — шампанское, которых персы не пили.

За столом сидели лишь мы, русские, с хозяином и его близким родственниками, а остальные присутствовавшие персы расселись прямо на полу, по-турецки, и туда прислуга им подавала и ставила блюда. За обедом играла персидская музыка, для нас, европейцев, малоприятная. По окончании весьма продолжительного обеда любезный хозяин со всеми своими родственниками, гостями, и слугами, несшими вино, стаканы и разные сласти, музыкантами и всем своим конвоем пошел проводить нас до места посадки на плоты, которое было, конечно, другое и значительно выше по реке, намеченное с таким расчетом, чтобы мы могли пристать у пограничного поста.

Естественно, что после обеда с обильными возлияниями и русские и персы были в веселом, приподнятом настроении. Когда мы подошли к берегу, собираясь садиться на плоты, хан неожиданно предложил нам устроить состязание в искусстве стрельбы из винтовки

между русскими и персами. Зная, какое большое значение придают искусству стрельбы эти близкие к природе люди и боясь, что персы, уже доказавшие до обеда свое умение, окажутся более искусными, чем наши офицеры, случайно оказавшиеся здесь, а это может оставить неблагоприятное впечатление о стрельбе русских, я начал стговариваться, ссылаясь на позднее уже время, так как нам еще предстоит длительная и опасная переправа. При этом я добавил, что для правильной оценки искусства стрельбы необходимо, чтобы каждый стрелок пользовался бы своей личной винтовкой, свойства которой ему хорошо известны, а у наших офицеров своих винтовок здесь нет. Но здесь командир отряда шеннул мне, что я могу безбоязненно согласиться на такое состязание, так как среди присутствующих офицеров есть выдающийся стрелок, который и будет состязаться. Поэтому, видя на лице хана при моем отказе лукавую улыбку, я сказал, что хотя и поздно, но чтобы доставить удовольствие любезному хозяину, я соглашусь, чтобы один из офицеров принял вызов на состязание. Тотчас же приготовились к стрельбе. Решено было стрелять по маленькой лимонадной бутылке, поставленной на плоском камне в ста шагах. Вызвавшийся состязаться ротмистр Герман, очень высокого роста, отмерил своими большими ногами сто шагов, где и поставил бутылку. Затем он предложил персам, сделавшим вызов, начать состязание первыми. По приказу хана вышел старик-вахмистр, очевидно считавшийся у них лучшим стрелком. Так как было договорено, что каждый может выпустить не более пяти патронов, вахмистр вложил в винтовку обойму в пять патронов и, тщательно прицелившись, выстрелил. Бутылка осталась целой. Он выпустил так все пять своих патронов, но ни одна из них не попала в цель. Было видно (не для меня, сильно близорукого) по пыли, поднимаемой пулями, что ложились все они очень близко к бутылке, но ее не задели. Хан покраснел от досады и что-то шеннул своему зятю. Тот сейчас же вышел, взяв свою винтовку, так же вложил обойму и приготовился стрелять. Все напряженно ждали, зная, что он отличный стрелок. Хан повеселел. Но против ожидания зять хана, так же как и вахмистр, выпустил поочередно все пять пуль, но с таким же успехом, как и вахмистр. Видно было, что все пули опять ложились близко от бутылки, но ни одна ее не коснулась. В крайнем возбуждении хан крикнул, чтобы ему принесли его собственную винтовку, решив стрелять сам. Тщательно осмотрев принесенную винтовку, он вложил обойму, прицелился и выстрелил. Пуля черкнула землю возле самой бутылки. Хана передернуло. Он снова выстрелил, но с таким же результатом. Так были вы-

пущены все пять пуль. На лице хана было написано крайнее отгорчение и волнение, но, овладев собой, он обратился к ротмистру Герману и с лукавой улыбкой предложил ему свою винтовку, приглашая показать теперь свое искусство. Взяв винтовку, ротмистр Герман обратил внимание хана на то обстоятельство, что он будет стрелять из винтовки, чьи свойства ему неизвестны. Хан снисходительно кивнул головой. Герману подали обойму, но он взял из нее один только патрон и, вложив его в затвор, быстро прицелился и выстрелил. Верхняя половина бутылки разлетелась мелкими осколками. Персы были явно поражены, а хан, что-то быстро сообразив и сказав Герману какую-то любезность, попросил его повторить такой блестящий выстрел, надеясь, очевидно, что такой счастливый выстрел не повторится. Поняв, конечно, мысль хана, Герман тотчас же согласился и взял, как и в первый раз, из обоймы лишь один патрон. Но когда хотели заменить наполовину разбитую бутылку новой, он сказал, чтобы этого не делали, так как ему будет достаточно и той половины бутылки, которая осталась после первого выстрела. Напряжение достигло своей высшей степени. Герман спокойно подошел к черте, приложилась, выстрелил... и оставшая половина бутылки разлетелась, разбитая вдрызги. Восторгу и овациям персов не было конца, и сопровождаемые ими, мы тем же порядком переехали обратно через Аракс к посту, только хан на этот раз с нами не переезжал. Перед отъездом мы его, конечно, благодарили за прием и доставленное удовольствие.

Дальнейшему моему следованию вдоль левого берега Аракса явилось серьезное препятствие вследствие весеннего разлива многочисленных речек, впадавших в Аракс и пересекавших мой путь. Никаких мостов на них не было. В обычное время они не были очень полноводны и не представляли собой серьезного препятствия для перехода через них вброд. Но в краткие периоды разлива, особенно серьезного и большого весной, эти речки сильно разливались, делались полноводными у их устья, представляя собой быстрые и буйные многосводные потоки. Бурные волны этих разлившихся горных речек, в порожистых местах норовящего дна покрытые пеной, стремительно несли к Араксу, сбивая с ног всякого пытающегося переправиться через них в это время. В своем быстром течении волны влекли большие камни, которые, катясь с грохотом, увеличивали опасность переправы. В такой период сообщение вдоль самой границы вообще прекращалось. Командиры отдела и отряда советовали мне переждать, пока воды не спадут, но так как весенние разливы всегда были продолжительные и нельзя было предвидеть, сколько

дней мне придется потерять в ожидании окончания разлива, а я должен был выполнить возложенную на меня задачу без замедления, то я решил продолжать путь.

До поста Шарафанского я удачно перешел вброд все встреченные на пути разливающиеся речки, чему, конечно, способствовали искусство, спытность, знание местности и бродов сопровождавших меня пограничников. При переправе все сближались, и я шел на хвосту за идущим впереди меня пограничником, наиболее опытным и знакомым с бродом и его свойствами, так как зачастую он уже в самой речке менял несколько раз направление.

На посту Шарафан его начальник, командир отряда, положительно отсоветовал мне пытаться переправляться через реку Бургумет, впадавшую в Аракс почти сейчас же за постом, расположенным на выступе гор, подходящих к Араксу. Сильно разлившаяся река Бургумет бурно катила свои воды, ширина ее была не меньше 150-160 метров (70-80 сажен), а брод, по рассказам пограничников, был не прямой, а изломанный, и вследствие быстрого, полноводного течения, наносившего песок и камни, часто изменял свое направление, что делало переправу еще опаснее. Поэтому командир отряда пограничников настаивал, чтобы я подождал на посту несколько дней, пока вода хотя бы несколько спадет. Но я был тогда молод и не отдавал себе отчета в том, что одновременно с собой я подвергал большому риску тех пограничников, которые должны будут следовать со мной по долгу службы и из-за моего упорства лишний раз подвергнутся опасности вдвойне, так как должны будут, доставив меня на следующий пост, возвращаться назад на свой пост через тот же поток. Вследствие моего упорства командир отряда вынужден был исполнить мое желание, но категорически настоял на том, что я выступлю только на следующий день на рассвете, когда уровень воды в потоках всегда несколько ниже, так как прибыв воды увеличивается днем по мере возвышения солнца над горизонтом. На этом своем требовании он настаивал потому, что не хотел напрасно рисковать жизнью подчиненных ему безответных пограничников.

Я с этим, конечно, согласился, и на рассвете следующего дня выступил с поста в сопровождении шести пограничников, назначенных из числа наиболее опытных. Должен сказать, что переправа была действительно тяжелой. Брод был глубокий, человеку по грудь, значит нам, всадникам, — по седло; вода была у колена. Брод был извилистый, течение быстрое, сбивавшее лошадь с пути, почему все лошади инстинктивно шли боком к направлению пути и головой к верховьям реки. Все время казалось, что сбиваешься с пути идущего впереди погра-

ничника, так как идешь не в затылок за ним, а боком, все время принимая вправо. Вследствие большого погружения кругозор был ничтожный, и кругом себя повсюду далеко видишь лишь бурно катящиеся волны и пену. От шума воды ничего не слышно и нельзя переговариваться.

Несмотря на то, что я родился на Кавказе, привык к горам и горным речкам и, служа первые годы офицерства в батарее, не раз переправлялся вброд, теперь все-таки минутами мне казалось, что вот-вот поток снесет меня и лошадей. В глазах рябило от текущей быстро воды. Я старался все время отдавать свободный повод коню, привыкшему на долгой пограничной службе к такого рода переправам, и не смотреть вниз, на воду.

К счастью, переправа, которая, казалось, тянулась бесконечно, закончилась благополучно. Лошади начали все более и более выходить из воды, потом они пошли уже увереннее и в затылок идущему впереди. Их больше не слышно, копыта застучали о булыжник дна и наконец все вышли на другой берег реки Бургу-мет.

Удачной переправе способствовали, конечно, главным образом опытность и хладнокровие ведущего пограничника, который по какому-то, ему одному знакомым признакам уверенно вел нас по броду, на пути два раза меня направле-ние.

Дальнейшее мое путешествие вдоль Аракса шло без приключений и задержек. Только вскоре посел поста Асландузского, расположенного против известного по истории брода через реку Аракс, по которому генерал Котляревский в 1828 году со своим небольшим отрядом внезапно переправился через Аракс и наголову разбил 30-тысячную персидскую армию, когда мы втянулись в небольшое дефиле, старший конвой просил меня перейти в хорошую рысь, объяснив, что в этом месте, на протяжении нескольких верст, они всегда проходят быстрым аллюром, так как на этом участке они постоянно подвергаются обстрелу со стороны персидского берега.

После Асландузского брода и значительной речки Кара-су, берущей начало на хребте Савелан и у этого берега впадающей в Аракс с юга, речки, служащей границей между персидской провинцией Карадаг и землями 45 племен шахсевен, начинаются владения этих воинственных кочевников, а около Асландузского брода — зимние пастбища одного из самых крупных племен шахсевен — Ходжа-Ходжалу.

Здесь мне впервые пришлось услышать об этих воинственных кочевниках, с которыми впоследствии пришлось очень близко познакомиться и о которых я буду говорить тогда подробно.

Как предвидел старший моего конвоя, на этом участке мы действительно были обстреляны с правого берега Аракса, густо покрытого камышами, в которых, вероятно, и скрывались шахсевены. Не вдаваясь в бесполезную перестрелку, мы быстро и благополучно прошли широкой рысью обстреливаемый участок.

У поста Карадулинского, расположенного против селения Тазакенд на правом берегу Аракса, наша граница круто поворачивает на юго-восток, под прямым углом к течению реки Аракс и нашей границы до этого пункта. В новом направлении граница идет по совершенно прямой, трасированной по нивелиру линии, на протяжении около 5 верст до селения и пограничного поста Белясувар, пересекая поперек и разделяя на русскую, меньшую, и персидскую, большую, части знаменитую Муганскую степь, протяжением с юго-запада на северо-восток, вдоль правого берега Аракса, около 110-120 верст. Эта пустынная, безводная, с очень редкими колодцами степь только в зимний период покрывается травой и служит пастбищем для многочисленных стад кочевников-шахсевен. Летом же она представляет собой унылую, голую и безводную степь, через которую пробегает лишь быстроногие джейраны (род антилопы), а кочевники уходят далеко на юг, на летние кочевки.

Граница наша, совершенно искусственная, не сообразенная ни с местными условиями, ни с государственными интересами, служила постоянной причиной набегов шахсевен на наши приграничные села и деревни и прорывов их на нашу Мугань, о чем я скажу подробно далее, когда буду описывать нашу борьбу с шахсевенами, начатую в 1909 году и закончившуюся в 1912 году.

За 2.000 лет до нашего времени нынешняя безводная Муганская степь являлась цветущим и густо населенным районом и около селения Тазакенд, где наша граница, перейдя Аракс, пересекает степь, на правом берегу Аракса существовал многолюдный город с населением свыше 200 тысяч человек, названия которого я, к сожалению, сейчас уже не помню. Следы его сохранились до сих пор, и сейчас еще видны остатки грандиозной ирригационной системы, бороздившей всю степь во всех направлениях. В 1912 году, во время большой экспедиции против шахсевен, я лично, пересекая персидскую Мугань, видел остатки так называемого местных жителями «Алтанского канала», который, отходя от Аракса около развалин кр. Алтан, имел общее направление на юго-восток. По-видимому, он был магистральным каналом. Если бы в 1828 году граница была бы преведена таким образом, что в наши пределы входил Алтанский канал, было бы легче создать ирригационную систему для орошения

русской Мугани и потом — для заселения ее. Грандиозные остатки Алтанского канала, сохранившиеся до нашего времени, указывали, что он являлся в свое время главнейшей артерией для орошения всей восточной части обширной Мугани. И если бы люди компетентные и вдумчивые были привлечены тогда к работе по проведению новой границы, то, конечно, Алтанский канал был бы включен в территорию, отходящую к нам.

На подробном изучении вопроса о проведении этой границы через Мугань по Туркменчайскому договору я не останавливался, но, помню, мне рассказывали, возможно как легенду, что когда дошла очередь для проведения ее через степь, был для этой цели послан топограф с приказанием провести границу через эту малопривлекательную, безводную степь. Топограф этот, малокомпетентный в вопросах вне прямого его ремесла, не задумываясь ни над чем и не мудрствуя лукаво, взял по нивелиру прямое направление на какую-то точку у с. Белясувар и протрасировал границу. Так ли это было, не знаю, но что граница была проведена здесь прескверно, было ясно для каждого знакомого с районом.

В 1912 году, после шахсевенской экспедиции, я подал начальнику штаба Кавказского военного округа генералу Юденичу докладную записку с изложением мысли о необходимости изменения нашей границы с Персией, от Асландузского брода до Белясувара. В этой записке я подробно мотивировал необходимость такого исправления и указывал, что особых препятствий к этому не встретится. Как было встречено мое предложение, я не знаю. Возможно, что начавшаяся вскоре война, а потом революция были причиной того, что изложенная в записке мысль канула в вечность.

При проезде моем по Муганской степи, когда я достиг офицерского поста Аллаутского, я был свидетелем одной из постоянно повторяющихся ночных тревог: среди ночи часовым на вышке поста были услышаны выстрелы со стороны заложенных в степи секретов. Тотчас же была поднята тревога, и не прошло и 5-6 минут, как из отворенных ворот поста карьером вынеслись пятнадцать пограничников с командиром отряда во главе. Часа через два-три они вернулись и командир отряда рассказал мне, что секрет поднял тревогу, заметив попытку большой группы шахсевен перебраться через границу свой скот. Обнаруженные секретом шахсевены спешились и повели наступление против малочисленного секрета, имея целью окружить его и уничтожить, чтобы затем прогнать свой скот. Вовремя прискакавшие с поста пограничники освободили секрет из опасного положения, отбили нападение шахсевен и, отогнав их, заставили отказаться от попытки

прорыва через границу. Переместив секрет на другое место, начальник отряда со своими конными пограничниками уже тихим аллюром вернулся на пост. По счастью, на этот раз никто из пограничников не был ранен, а шахсевены, как обычно, своих раненых увезли с собой. Благодаря скорости, с которой пост реагировал на поднятую секретом тревогу, и своевременному прибытию помощи секрет не пострадал, и попытка шахсевен на этот раз не удалась. Все действия во время тревоги показывали, как образцово была поставлена служба охраны границы, а если принять во внимание, что попытки прогона скота или провоза контрабанды, особенно в период с конца сентября по апрель, становятся почти непрерывными то в одном, то в другом пункте границы, нужно отметить, насколько трудна, беспокойна, опасна и вместе с тем ответственна служба пограничника, требующая от него непрерывной бдительности, смелости и большого мужества.

Не все тревоги кончаются так благополучно. зачастую имеют раненые и убитые и бывают случаи, когда секрет погибает до прибытия помощи, мужественно борясь с многочисленными нападающими и не помышляя об отступлении. Иной раз, весной и летом, когда семьи и стада шахсевен находятся на летних коневьях, в безопасности, далеко от нашей границы, крупные партии шахсевен производят нападения на наши приграничные села с целью грабежа, и тогда на границе происходят настоящие бои. Вот почему кавказским командованием было принято за правило ежегодно с началом весны посылать на все участки персидской границы, в помощь малочисленной Пограничной страже, от пехотных и казачьих полков роты, сотни казаков и команды разведчиков, а в некоторых случаях и целые конные и пехиные части.

Муганскую степь я проезжал с командиром отряда на линейке, но с конным конвоем, и во время этого проезда мне удалось наблюдать два интересных явления: вперые в жизни я наблюдал мираж, увиденный нами к востоку от пути нашего движения. Довольно отчетливо были видны группы деревьев, вода какой-то широкой реки, между тем как на многие версты вокруг нигде не было признаков ни того, ни другого. В тот же день, несколько позже, когда мы спокойно ехали на линейке, командир отряда обратил мое внимание на появившуюся на краю горизонта точку. В бинокль я увидел далеко от нас группу джейранов в 6-7 голов, быстро несшихся в нашем направлении. Приблизившись на 600-700 шагов, они внезапно остановились и с любовью смотрели в нашу сторону. Командир отряда хотел подстрелить одного из них, но пока мы остановились, а командир отряда с двумя спешившимися

пограничниками пытался продвинуться несколько ближе к группе джейранов, самец-вожак, видимо, почувяв опасность, бросился стремглав назад, а за ним и все стадо и через несколько минут они виднелись, как точки, уже далеко на горизонте.

Командир отряда рассказывал, что джейраны чрезвычайно любопытны и, если заметят какой-либо необычный предмет, стараются к нему приблизиться, чтобы с ним ознакомиться, становясь иногда жертвами своего любопытства.

Я закончил свое путешествие по Муганской степи у поста Белясуварского, от которого наша граница проходит по весьма гористой местности, все время повышающейся. Граница идет по высшим точкам Тальшинских гор, служащих водоразделом речек, текущих в сторону Каспийского моря и вовнутрь страны. Пограничная тропа, чрезвычайно извилистая, идет или по самому водоразделу, или по перидским склонам его. Горы в сторону Каспийского моря сплошь покрыты дремучими лесами с вековыми деревьями и постепенно, террасами, понижаются к морю. Склоны же в сторону Персии абсолютно безлесны и круто обрываются. Пограничная тропа, очень слабо разработанная, вьется над глубокими пропастями на большой высоте и проходима, конечно, лишь верхом или пешком, да то и во многих местах весьма опасна, почему многие места носят у пограничников названия: скала «Пронеси, Господи!», «Чертова пропасть» и т. д.

Помню, как однажды, направляясь к одному из офицерских постов на самом трудном участке, к посту Ишнаварскому, я запоздал с прибытием на пост из-за очень трудного пути по плохой тропе и ночь застала меня в дороге. До поста было еще далеко, о возвращении назад не приходилось и думать прежде всего потому, что и проиденный уже путь был труден, особенно при движении ночью, и значительно более длинен, чем оставшийся участок пути. Кроме того, на посту были извещены о моем прибытии и неудобно было бы заставлять их ждать меня напрасно в долгие ночные часы.

Так как совершенно ничего не было видно в эту безлунную и облачную ночь, а для меня, близорукого, в особенности, то передовой пограничник не отделился вперед как дозор, а ехал впереди меня, все же остальные ехали на хвосте. Было так темно, что я не только не видел идущей впереди меня лошади, но не видел даже и ушей своего собственного коня. Поэтому я, как и все, отдал совершенно повод своей лошади, предоставив себя ее инстинкту. Продвигались мы медленно, так как лошади ступали осторожно, и лишь к полуночи подошли к посту. Оказывается там нас уже не ждали в этот день, считая, что в темную ночь рискован-

но проезжать на этом участке. Конечно, по тревоге часового на вышке пост быстро проснулся и меня встретили чрезвычайно гостеприимно. Там мне рассказали, что в темноте я незаметно проехал два трудных места: одно, под названием «Пронеси, Господи!», где узкая тропа проходит под нависшей скалой, над пропастью, а другое — где на довольно большом протяжении очень узкая и неровная тропа с сыпучим песком вьется над глубокой бездной и где и днем жутко проезжать даже привычным людям.

Так как местность глухая и малонаселенная, то так бывают не только частые попытки провоза контрабанды, но и нападения воинственных шахсевен на самые посты. От пограничников требуется чрезвычайная бдительность, и на всех постах имелись, кроме часового на вышке, еще и сторожевые собаки, громадные, сильные и смелые, не боящиеся не только волков, но и медведей, и хорошо дрессированные. Такую особую породу громадных овчарок я увидел впервые на посту Шарафан, на берегу Аракса, перед описанной мною переправой вброд. Здесь же, в Тальшинских горах, эти собаки были на каждом посту и оказывали пограничникам большую помощь. Командир отряда на Дыманском посту, наиболее выдвинутом в сторону земель шахсевен, рассказывал мне, что у них есть четыре такие дрессированные овчарки. Весь день они проводят на дворе поста, отдыхая, хорошо накормленные, а с наступлением сумерек эти овчарки выпускались из ворот поста и самостоятельно направлялись: одна — на север, другая — на запад, третья — на юг и четвертая — на восток от поста, против соответствующих его фасов. Отойдя от поста примерно на версту, собаки залегали. Чрезвычайно чуткие, они слышали уже издали малейшее движение, каждый подозрительный шум и при его приближении оповещали пост громким лаем. Ни пеший, ни конный не могли подойти к посту ночью, незамеченный собаками. Так и я, подлезая к посту уже поздно вечером, был открыт сторожевой собакой своевременно.

Эта помощь овчарок была особенно полезна пограничникам на этом участке Тальшинских гор, так как здесь шахсевены производили частые нападения на посты. И у постов, особенно у Дыманского, я видел довольно большие кладбища с крестами на могилах погибших в борьбе с шахсевенами, по большей части при нападениях их на посты, из которых Дыманский они несколько раз держали в осаде.

Уже несколько раз я говорил о племенах шахсевен, причинявших столько беспокойства нашему населению приграничной полосы. Я предполагаю сказать о них подробнее далее, при описании пребывания моего в Персии.

Теперь же скажу только, что это 45 племен, скорее крупных родов, воинственных кочевников, родственных между собой, но независимых друг от друга, и от степени воинственности племени и от характера его главы зависела большая или меньшая безопасность участка границы. Так, два наиболее сильных и воинственных племени, Ходжа-Беклу и Ходжа-Ходжалу, обитали вдоль Аракса, ближе к персидскому Карадагу; в юго-восточной Мугани, в районе Белясувара проживало большое племя Талыш-Микейло, которое является потомками некогда переселенных сюда грузин; оно одно из самых робких и мирных среди шахсевен. Южнее них, в магале (уезде) Уджаруд, живет племя Аларлу; оно несколько меньше численностью, но чрезвычайно воинственное. Как раз в описываемый мною период во главе этого племени стоял старик Мамед-кули-хан. Он был настолько смел и решителен, настолько не боялся центрального персидского правительства и считал себя независимым, что величал себя «Мамед-кули-ШАХ». Он доставлял много беспокойства персидским властям, не признавая их и производя постоянные набеги на персидские села под самым Ардебилем, резиденцией персидского генерал-губернатора. В конце 1910 года, между первым и вторым пребыванием моим в Персии, этого Мамед-кули-шаха под каким-то заманчивым предлогом генерал-губернатор заманил в Арdebиль, где его тотчас же схватили и повесили.

При проезде моем, после Белясувара, вдоль магала (уезда) Уджаруд, где обитает это племя Аларлу, сын отсутствовавшего в это время Мамед-кули-хана молодой хан, прослышав о моем проезде, просил меня через командира одного пограничного отряда посетить его человека. Я, конечно, с удовольствием согласился, так как это могло мне позволить хотя бы немного познакомиться с представителями беспокойных наших соседей. С конвоем в 15-20 казачков, бывших здесь на усилении пограничников, и с их офицером я пересек границу и несколько углубился в персидскую территорию, направляемый присланным ханом проводником-шахсевеном.

Хотя в этих местах зимних кочевков шахсевены и имеют дома и целые большие селения, живут они в них лишь в зимнее время, с наступлением же весны сейчас же переходят в юрты, периодически перемещаясь с одного места на другое. Ставка молодого хана также помещалась в юртах. Хан встретил меня и сейчас же провел в одну из них, где мы расположились на полу, так как никакой мебели в юрте не было. Весь пол юрты был покрыт коврами, а на них, вдоль стен, было набросано много ковровых подушек и мутак (подушек в виде цилиндров). Любезный хозяин предложил нам

незатейливый, с точки зрения европейской, но обильный завтрак, главными составными частями которого были баранина во всех видах, рис и персидские сласти. Особенно был замечателен шашлык (кусочки баранины, поджаренные на вертеле над углями); он был так нежен, как будто это были котлеты из тонко рубленого мяса. Мне потом сказали, что нежность этого шашлыка была такова потому, что для его изготовления резали десятка два двухнедельных молочных ягнят, и только из спинки каждого из них вырезали по пяти-шести кусочков мяса. Остальное пошло на шашлык конвою. Такого шашлыка я, конечно, никогда больше не ел, так как подобную роскошь мог позволить себе только такой богатый кочевник, как мой хан. Во время завтрака нам прислуживали, и это было выражением особого внимания, четыре жены молодого хана. Старшая из них казалась пожилой и отцветшей, хотя ей не было более 23-26 лет, а младшей было всего 10 лет; она была очень миловидна и уже хорошо развита физически.

Проезжая далее по пограничной тропе вдоль персидского магала Аршаг, я мог наблюдать величественное зрелище, которое навсегда запечатлелось в моей памяти. В этом районе граница проходит по самым высоким точкам Талышских гор, на высоте около 7 1/2 тысяч фут. (около 2.100 метров). На участке между постами Шунун-Келекским и Карабах-Юрдинским, на протяжении нескольких верст, горы в сторону Персии, сейчас же от узкого гребня хребта, по которому пролегал пограничная тропа, чрезвычайно круто обрывались и спускались до самого Ардебильского плато, высотой около 4 1/2 тысяч фут., и взором проезжающего представлялась вся прилегающая к границе местность Персии на многие десятки верст, как рельефная карта, на которой ясно выступали горы и блестящими нитями извивались речки. Выехав с поста, как всегда, рано, я проезжал это место около 9 часов утра, когда солнце, еще не высоко поднимаясь над горизонтом, косыми лучами освещало местность, отчего все неровности почвы особенно отчетливо отенялись. В бинокль я собственно видел и невысокую цепь гор, тянувшихся в широтном направлении, от магала Аршаг на запад, к персидскому Карадагу, а южнее и параллельно ему — высокий хребет Савелан, заканчивающийся на востоке покрытой вечными снегами сахарообразной вершиной Савелан, высотой около 15.000 фут. (около 4.300 метров) над уровнем моря, с пологими, сравнительно, скатами, восточные края которых на 6-8 верст подходят к городу Ардебилю. Этот высокий и длинный хребет служит южной границей владений шахсевен, и на высоких, богатых альпийских пастбищах его, служащих летними кочевками всех

племен шахсевен, пасутся их многочисленные стада. Еще далее к югу, в дымке тумана вырисовывался на горизонте хребет Богуш, естественная граница между провинциями Ардебильской и Халхалом.

Постепенно продвигаясь вдоль границы, я начал приближаться к Каспийскому морю. Верстах в 20 от моря тропа резко свернула на восток и после тяжелого, крутого спуска я оказался у берега небольшой пограничной речки Астара-чай, недалеко от нашего пограничного поста Бахеристан. На этом спуске узкая, слабо обозначенная пограничная тропа, все время, на протяжении нескольких верст, проходит, извиваясь, между выступающими корнями старого, высокого и густого леса. Большие углубления, выбитые между корнями копытами проезжавших по ней в течение годов лошадей, сделали спуск по тропе на этом участке положительно опасным, особенно во время дождя, как тогда, когда мне пришлось по ней проезжать. Копыта лошади скользили по мокрому, усеянному опавшими листьями грунту, ноги лошади глубоко входили в узкие промежутки между корнями, и достаточно было поскользнуться или спотыкнуться, задев за корень, чтобы полететь вместе с лошадыю.

Зато, как только спуск по этой тропе был окончен и я достиг поста Бахеристан, обстановка сразу изменилась: от этого поста дорога была разработана для будущего шоссе и, хотя последнего еще не было, полотно дороги было широко и удобно даже для колесного движения. Дорога шла вдоль левого берега реки Астара-чай, без сколько-нибудь значительных подъемов и спусков. Она пролегла в красивом лесистом узком ущелье среди леса мимозы — «не тронь меня», с крупными, величиной в грецкий орех, розовыми или желтыми пушканти-цветами, распространявшими нежный, приятный аромат. Быстро продвигаясь по этому легкому пути, я с конвоем к вечеру достиг нашего поста Астара, на берегу Каспийского моря.

Здесь я сделал дневку, чтобы дать возможность сообщить командиру отдела в город Ленкорань о моем приезде с просьбой собрать в нем офицеров отдела для офицерских занятий.

На посту Астара командир отряда, немолодой уже ротмистр, холостой и страстный охотник, показал мне шкуру громадного тигра, убитого им накануне в девственных лесах Талышинских гор. Тигры в этих местах не водятся, но изредка забредают сюда по такому же лесистому хребту Богров-даг, который является продолжением Талышинских гор в персидских пределах и тянется далеко на юг параллельно берегу моря. Этот высокий, до 8-9 тысяч фут. над уровнем моря, хребет идет на протяжении всего Гиляна параллельно Каспийскому морю,

соединяясь на юге с горами Зенджана. Восточные его склоны, обращенные в сторону моря, покрыты девственными лесами с высокими, вековыми деревьями, которых топор касался лишь на их окраинах, подходящих к узкой полосе прикаспийской низменности.

Хребт Богров-даг продолжается, не прерываясь, на севере, в наших пределах под названием Талышинских гор. И здесь восточные его склоны, постепенно спускась и подходя к широкой и болотистой, покрытой кустарником прикаспийской низменности, покрыты таким же дремучим, девственным лесом. Весь этот район Ленкоранского уезда — один из богатейших по обилию в нем всякого рода дичи. На низменности, в болотистой, покрытой кустарником местности водятся самые разнообразные породы птиц: в бесконечном разнообразии имеются утки, гуси, цапли, аисты, розовые фламинго, важно стоящие на одной ноге, фазаны и множество других птиц, все — в громадном количестве. Они никуда не улетают на зиму, которой здесь и нет. В предгорьях и кустарниках низменности водится большое количество кабанов, привлекаемых в эти места имеющимися здесь во множестве трюфельами и другими привлекательными для них корнями. Большие пространства изрыты этими стадами кабанов в поисках корней; много, различной величины и видов, черепах и ящериц ползают по земле, и на ней же встречаются малоприятные для людей фаланги, скорпионы и тарантулы. На лужайках, покрытых сочной травой, мирно пасутся буйволы и быки и коровы с горбом на загривке из породы зебу.

В постоянных сумерках дремучих лесов водится много самой разнообразной дичи: несколько пород диких коз, лисицы, рыси, дикие кошки, барсы, медведи, а временами, как я уже говорил, с юга заходят сюда и тигры.

Поездка моя вдоль всей персидской границы заканчивалась. Оставался, как последний этап более чем месячного путешествия, уездный городок Ленкорань, где я должен был заняться со всеми офицерами Ленкоранского отдела, что я и сделал в ближайший день.

Поездка от Астары до Ленкорань была приятной увеселительной прогулкой по хорошей прибрежной дороге, где красивой декорацией служили с одной стороны лесистые горы, а с другой — уходящее вдаль море.

В Ленкорани я пробыл несколько дней до прихода парохода, идущего в Баку, проживая в собрании пограничников, в котором с чрезвычайной любезностью поместили меня хозяева. Накануне моего отъезда они устроили мне великоленные проводы, и далеко за полночь засиделись мы за обильным ужином, от которого я никак не мог отказаться не обидев gostепримимых офицеров отдела.

На другой день, сев на пароход «Князь Ба-
рятинский», я доехал до Баку, откуда в тот

же вечер выехал поездом в Тифлис.

Генерал Масловский

Весна и лето 1915 года

(из писем ген. от инфантерии М.В. Алексева)

Из германской военной литературы, опубликованной после первой мировой войны, известно, что в декабре 1914 года германским Главным Командованием был разработан и принят новый план кампании на 1915 год, по которому было решено, в первую очередь, в течение 1915 года покончить с Россией, окончательно вывести ее из войны, чтобы иметь возможность вслед за этим все германские силы обратить на Запад.

Гинденбург, «Главнокомандующий на Востоке», оценивая боеспособность русской армии, требовал переброски на Восток огромных сил, но Ставка императора Вильгельма, зная, как по агентурным данным, так и по тому, что наша артиллерия «замолчала», о снарядном голоде в России, сильно сократила требования Гинденбурга. Но, тем не менее, на Восточный фронт были направлены все свободные германские корпуса и дивизии, частично вновь сформированные, частично снятые с Западного фронта, так же как и тяжелая артиллерия. Туда же пошли бесконечные поезда с боевыми припасами.

Первый «сокрушительный» или, как немцы его называли, «судьбоносный» удар Гинденбург решил нанести по двум крайним русским флангам: из Восточной Пруссии и в Галиции, из-за Карпат. Об этом первом ударе генерал Алексеев 8 февраля 1915 года пишет своему сыну: «Работы снова у меня много. Но это было бы, конечно, ничего, к этому я привык, а скверно то, что на душе тревожно и тяжело. Наш сосед, генерал Рузский (Главнокомандующий Северо-Западным фронтом. В.Б.), действует неладно, дела у него неважные, тревожные; это сильно отражается на нас (то есть на Юго-Западном фронте. В.Б.). Приходится думать много, но из границ возможного не выйдем. Будем надеяться на Господнюю помощь и милость; будем сами тверды, настойчивы, будем добиваться даже в тяжелых условиях успеха».

На следующий день, 9 февраля, генерал Алексеев опять посылает письмо сыну через едущего с бумагами фельдъегерского офицера: «...Бригада ваша (Отдельная гвардейская кавалерийская. В.Б.) идет пока к Хмырову, а потом что Бог даст. Неудача наша в Восточной Пруссии, где похаживали не особенно искусно Рузский и Сиверс. И это сильно отрази-

лось на нас. Теперь нужно выколотить то, что идет на Станиславов — Галич, забить их опять в горы и только тогда думать о том, для чего перебрасывать вашу бригаду...» «Через Мармарош-Сигет на Станиславов — Черновицы вышло 4-5 австрийских дивизий, туда же, вероятно, отправляются немцы, которые разбили себе морду на путях от Хуста и Мункача к Стрыю и от Ужгорода к Самбору. Там все время шли упорные, кровавые бои. Ничего они там не добились, кроме больших потерь. Теперь думают выиграть у Станиславова. Сюда они вышли благополучно, потому что силы у нас там были малые и остановить наступление четырех-пяти дивизий не могли». «Нужно выиграть время чтобы собрать силы пехоты, задержать, замедлить; вы у Хмырова постерегите и, в случае надобности, помогите тем, кто стерегут Перемышльский гарнизон, а потом — Бог приведет — нужно сбросить немцев с гор и идти в Венгрию. Вот тебе схема; письмо сожги. Помолится Господу, чтобы помог эту схему осуществить».

После взятия Перемышля генерал Алексеев был назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта и 14 марта, уже из Седлеца, пишет сыну: «...Состоялось назначение меня Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Тяжелое и трудное наследство принимаю я. Позади — ряд неудач; подорванный дух войск, большой некомплект. Дарует ли Господь силу, уменья, разума, воли привести в порядок материальный, пополнить ряды, вдохнуть иной дух и веру в успех над врагом?! Вот вопросы, которыми полна моя мысль, чем живет сейчас моя душа. Ты поймешь, конечно, мое состояние ввиду той громадной ответственности, которая ложится теперь исключительно на одного меня». «Велика была ответственность здесь, но она делилась между двумя и большая доля ее формально, внешне по крайней мере, ложилась на Николая Иудовича (ген.-адъют. Иванова. В.Б.)».

18 апреля 1915 года на нашем Юго-Западном фронте немцы четырьмя корпусами с невиданной дотоле массой тяжелой артиллерии прорвали наш фронт у м. Горлицы, на участке в 35 км., на котором были тонкой ниткой растянуты два наших корпуса. Генерал Алексеев уже не был на Юго-Западном фронте, его заменил в должности начальника штаба фронта гене-

рал-лейтенант Владимир Драгомиров. По этому поводу, 30 апреля генерал Алексеев пишет сыну: « У Иванова, в сотрудничестве с Драгомировым, дела не пошли. Кто виноват, судить не мне и не теперь, но и в армии Радко-Дмитриева дела приняли тяжелый, нехороший оборот, что отразилось на всем фронте неблагоприятно. Шесть месяцев трудов, усилий, жертв пошли на смарку. Плохо работал Радко еще хуже Доборольский, оказавшийся негодным начальником штаба. Иванов обратился за это время совсем в мокрую курицу. Драгомиров изнервничался и заменен другим. Но все это личное. Скверно, что совокупными усилиями они постепенно портили дело, ухудшали его и довели до нехорошего результата на всем протяжении. Только у вас, на левом фланге, придержат еще пощипать этих негодяев. Все это задержит ход и течение борьбы ».

« У меня эти мерзавцы довольно значительными силами, при содействии флота, заняли Либаву и вторглись в совершенно почти обнаженный край, к Риге. Понемногу собрал войска, отжимаю их к Неману. Мне не легко, потому что много войск я должен был передать и отправить Иванову. Моя судьба, знать, такая: куда появлюсь и где работаю, оттуда тянут войска к соседу. Это затрудняет работу и решение; нелегко составить какой либо план для нанесения удара этим мерзавцам. Только так или иначе намереваешься собрать силы, получаешь повеление: отправить генералу Иванову столько-то. И немало таких повелений за свое короткое командование получил я и выполнил ».

« Но думается и верится мне, что и теперешние затруднения временные, что устанут и исчерпают свои усилия враги и начнется, наконец, поворот, когда все наши недочеты будут покрыты и мы одержим верх ».

В мае-июне немцы повторили свой двойной удар еще большими силами, но все же не вполне удовлетворив требования Гинденбурга, зато сила их огня была колоссальной, и особенно поражала их тяжелая артиллерия. Полковник Сергеевский в своей статье « Тяжелый, но славный 1915 год » так описывает это время: « На юге мы потеряли почти всю Галицию, несмотря на отчаянное сопротивление временами почти безоружных войск, да даже и пополнения приходили весьма мало подготовленные, были даже такие, которые прибывали буквально в ночь перед боем. Во многих случаях они боролись выше всякой похвалы, чуть ли не до последнего человека. Но нельзя не отметить, что в высшем руководстве здесь (на Юго-Западном фронте. В. Б.) генерала Алексеева уже не было (он был назначен на место Русского) и происходили между штабом генерала Иванова и командующим наиболее атакван-

ной 3-й армией непрерывные споры ». « На вереве шли кровопролитные бои, но противнику почти не удалось продвинуться. Играла ли здесь роль смена Главнокомандующего Северо-Западным фронтом ? »

« Период с 22 июня по 13 июля вместе с переменной главным руководителем, с Русского на Алексеева, — пишет Зайончковский (« Мирная война » стр. 327), — совершенно изменил свой облик. Он потерял характер какого-либо бессистемного цеплянья на каждую пядь земли и вел к достижению ясно поставленной цели — отвода армий на определенные рубежи, с ослаблением центра и усилением флангов... ». « В задачу Алексеева не входила идея наступления, а только идея вывода армий из ненормального положения, поэтому и контрманевр его не имел пока активного характера, а сводился к предугадыванию любого маневра немцев — двойного охвата и противодействия ему путем группировки кулаков против немецких охватных ударов ». « Что Алексеев предугадал своими маневрами намерение противника, лучше всего доказывается тем, что за истекший период Макензен фактически топтал на месте... Это дало Алексееву возможность выиграть несколько столь необходимых ему дней перед началом совместного удара Гинденбурга на Прасныш и Макензена на Люблин — Холм ».

Во время первого немецкого удара по Юго-Западному фронту у генерала Алексеева с его фронта отбирались части войск, чтобы заткнуть дыры и подкрепить войска генерала Иванова в Галиции. Теперь после крупнейшей неудач Алексееву стали возвращать войска и к лету 1915 года в состав армий Северо-Западного фронта вошло 37 корпусов, а на Юго-Западном оставалось всего 12.

Генерал Данилов пишет (« Россия в мировой войне » стр. 356), что в это время свыше двух третей всех сил перешло в подчинение генералу Алексееву, на которого таким образом выпала роль не только непосредственно руководить большей частью наших вооруженных сил, но и выполнить наиболее ответственную часть задачи.

К этому времени наши войска были истощены двухмесячными боями кроме недохвата вооружения и « при таких условиях, — пишет Зайончковский (стр. 205), — силы сторон для борьбы были совершенно неодинаковы и вся задача Алексеева должна была свестись к выводу русских армий из-под того удара (из « польского мешка » В. Б.), который нацелило на них немецкое командование ».

Это-то и была великая задача, которую Бог помог Алексееву выполнить с честью, ибо пока цела армия — война не проиграна.

В эти дни, 27 июня 1915 года Алексеев пи-

сал сыну: «Тяжелое время переживаю, как результат неудач на Юго-Западном фронте. Передали мне от Иванов две армии, в которых вместо дивизий и корпусов были лишь жалкие остатки. Мерзавцы заняли часть наших территорий южнее Люблина и Холма. Собрав все, что мог, приостановил их движение, но со злобой смотрю на то, что 11 месяцев войны пошли на смарку. И опять мы около Красника, опять около Ополе. Повторение прошлого года и даже похожие тяжелые дни, которые отражались паникой и в Варшаве. Немного улеглось там, но еще не вполне. Но 11 месяцев назад все было впереди, а теперь... много пережито, и отдавать назад этим мерзавцам было тяжело. Трудно судить, кто виноват, но дел

натворили неладных, как кажется, немало общими усилиями старших начальников. Войска расстроены сильно и починаль все это нелегко... Быть может за все время войны не было для меня таких тяжелых дней и недель, как теперь переживаемые. Ведь мое хозяйство тянется от Риги через Августов, Прасныш, Сохачев, Раву, Радом, Юзефов, Красник, Красновстав, Грубешов до Сокаля. 1000 почти верст. Не везде люди прочные и толковые... Живу верою в лучшее и хорошее впереди...»

А впереди ждало еще несравнимо более тяжелое.

Комментарии к письмам — Веры Михайловны Борель, дочери покойного Верховного Главнокомандующего

Служба в Донской артиллерии

Июль 1914 года. 10-я кавалерийская дивизия генерал-лейтенанта графа Келлера, полки: 10-й драгунский Новгородский, 10-й уланский Одесский, 10-й гусарский Ингерманландский, 1-й Оренбургский казачий; артиллерия: 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион полковника Персианова, Андрея Андреевича, в составе 2-й Донской казачьей батареи, войсковой старшина Рыковский, Митрофан Константинович, и 3-й Донской казачьей батареи, войсковой старшина Лекарев, Михаил Васильевич, — собрана на кавалерийские сборы в гор. Ахтырка, Харьковской губернии.

Командир 3-го взвода 3-й Донской казачьей батареи сотник Чернявский, Михаил Тимофеевич, с вестовым и двумя казаками команды разведчиков рыскает по Полтавской губернии в поисках больших пространств свободной от посевов земли, удобных для осенних маневров крупных соединений конницы: 9-й, 10-й, 12-й и, предположительно, 2-й сводной казачьей и 11-й кавалерийских дивизий. В разных направлениях, верстах в 30-40 работают такие же партии обследователей от наших драгун, улан, гусар и оренбуржцев.

Где-то сгущаются политические тучи, где-то интригуют дипломаты (министр Сазонов с гордостью говорил потом: «Это моя война!»), у нас же — малороссийское добродушие, широчайшее хлебосолюбство и восторженное любопытство женского населения: «Ах! Будут большие кавалерийские маневры!».

И вдруг — летят вестовые по всем партиям от главы нашей экспедиции, ротмистра Н.: немедленно прервать работу и вернуться к частям кратчайшим и ближайшим путем. Я грузюсь

со своим «отрядом» на железнодорожной станции Ромодан, и вот мы снова в Ахтырке. Все взбудоражено, — может быть война! Большой подъем и большая уверенность в себе. Действительно, дивизия обучена прекрасно, крепко спаяна дружной частей, и граф Келлер пользуется всеобщим уважением и полным доверием.

«Ну что ж, казаки! Постреляем по немцам, — довольно нам разбивать деревяшки на полигоне!»

«Еще как! На то казак и родился, чтоб Царю пригодился!»

События идут быстро: приказ возвратиться по зимним квартирам, мобилизация, война! Спешно прибывают офицеры из разных командировок и излишние против штата получают новые назначения. Я — в их числе, и это приводит меня в отчаяние: — уходить из такой дивизии! Но ничего не поделаешь, — я только в январе этого года пришел со льготы и еще не вошел в «кадр» 3-й батареи, а потому — в Новочеркасск, на формирование 14-й Донской казачьей батареи. Перед этим — два дня работы в комиссии по приему лошадей для дивизии, — по военно-конской повинности от населения...

...14-я Донская казачья батарея. В предвоенное время, на «льготе», ею командовал есаул (а, может быть, уже и войсковой старшина) Мухин, Александр? Это был худощавый, высокий бронет, несколько мрачного, по первому взгляду, вида. Но при знакомстве — был он, скорей, добродушен и симпатичен. Любил называть собеседника: «кабаллеро», поэтому и сам имел прозвище: «кабаллеро Мухин». Бы-

вал за границей, был хорошим карикатуристом, но, по-видимому, не очень хорошим артиллеристом. Мы, молодые, слышали как-то, краем уха, что не все было ладно в Офицерской артиллерийской школе и что до полевой батареи дело не дойдет.

Поэтому, получив назначение в 14-ую батарею, я был весьма обескуражен. Однако в Новочеркаске меня ждала новость: Мухин уволен в отставку, и командующим батареей назначен есаул Филиппов, Илья Федорович, старший офицер моей же 3-й Донской казачьей батареи, но которого я в Чугуеве не знал, так как он был в командировке в Офицерской школе.

Нам был отведен квартирный район по Баклановскому проспекту, от Гл. бассейна и до кадетского корпуса.

Наш офицерский состав: командующий батареей — есаул Филиппов, Илья Федорович, — из 3-й Донской казачьей батареи, старший офицер — подесаул Дубовсков, Анатолий Анатольевич, — кадра 14-й Донской казачьей батареи, командир 1-го взвода — подесаул Урюпинский, Григорий Павлович, — из Управления Донской артиллерии, командир 2-го взвода — сотник Сулацкий, Иван Федорович, — со льготы, командир 3-го взвода сотник Чернявский, Михаил Тимофеевич, — из 3-й Донской казачьей батареи.

Прибывающие на формирование казаки-конным образом Донецкого округа: каменские, митякинские, усть-белокалитвенские. Частично и из других станиц и округов.

С 15-й Донской казачьей батареей мы составляем 7-й Донской казачий артиллерийский дивизион, командир — полковник Греков, Вениамин Алексеевич.

Командир живет в районе расквартирования, он холостяк и имеет только дальних родственников где-то в станице. Мы — по своим домам в городе, но, конечно, с утра и до позднего вечера в батарее.

Проверка по описям казачьих лошадей, приемка и составление описей артиллерийских коней, присылаемых сотником Сулацким из Ростова на Дону по военно-конской повинности. Немного увлекся наш приемщик ростовскими рысаками, — подбирал вороных красавцев, но пушки возить было им не так легко, как мчаться на дутых шинах по торцовым мостовым нарядным барыням; однако — ничего, обошлось. Зато артиллерийские лошади кадра батареи были великолепны. К сожалению, их полагалось по мирному времени лишь 16. Дальше — разбивка по взводам, назначение всяких должностных, ученье при орудиях, запряжка... Дня не хватало...

Наше выступление было назначено на 12 августа (старого стиля, как и дальнейшие да-

ты). Кажется, мы были последними. Объяснялось это тем, что мы должны были войти в состав Уральской казачьей дивизии (второочередной), а ей ехать было далеко. Немного досадно было, — пожалуй, без нас война кончится! Зато у нас было время лучше подготовиться!

Работа кипела. Расположение батареи напоминало бивак какого-то древнего кочевого племени: понаехали родственники, деды и бабы на возах с провизией, с курами, поросятами, кипят котлы, в которых варится всякая еднь, кругом — волы, упряжные лошади, верховые, батареиные артиллерийские, на которых пригоняется амуниция, идет ковка... Прямо картина из Гоголя: казаки идут в поход, старики, дети, бабы и кибитки остаются...

Порядок все же держали. Батарея быстро сколачивалась. Прodelали несколько конных учений, батареиных и дивизионных, в степи, за Краснокутской рошей; походным порядком ходили в Персиановский лагерь и провели стрельбы на полигоне.

И вот — молебен в соборе, маленький парад на площади, вокзал и погрузка.

Приподнятое настроение, плач и рев, песни и « ура », и снова — слезы и прощанье, — все перемешалось.

Дорога однообразная и утомительная. Продолжительные остановки, иногда — на полустанках. Путь сильно занят. На третий день — встречные поезда, — с пленными, санитарные, платформы с трофейными орудиями. Война приближается, мы мужаем, — лица серьезные, но спокойные.

Долгая остановка в Брест-Литовске, разгворы с ранеными и с пленными: большие бои были под Люблином. Ползем дальше. Ивангород — разгрузка, закончить которую удалось только к ночи. Спали приткнувшись как попало, в каком-то сарае недалеко от станции.

Утром — переход по шоссе, верст в 40, в деревушку в районе Люблина, там должна была собраться вся Уральская дивизия. На походе, идя длиннейшей кишкой, вдруг заметили немецкий аэроплан. Что делать? Штука новая... Приняли с шоссе вбок, под деревья, и остановились. Откуда-то поднялась разрозненная ружейная стрельба без всякого толка и результата. Аэроплан покружил еще — сколько хотел — и улетел. Все успокоилось.

Мы уже на месте, а полки, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й, запаздывают. Начальник дивизии и штаб оказались, к нашему смущению, не очень казачьими: Свиты Его Величества генерал-майор Алексей Михайлович фон Кауфман (через несколько месяцев получил прибавку к фамилии « Туркестанский », — за дела отцов), командир бригады — генерал-майор граф Стенбок, начальник штаба Генерального штаба полковник

Егоров. Масса офицеров — ординарцев: Арцишевский, Феодосий, граф Милорадович, Дерфельден, впоследствии — Раевский, все — бывшая гвардейская кавалерия, и только один казак — «оперативный» адъютант штабс-капитан Денисов, Святослав Варламович, наш донской артиллерист. Но и этот недолго продержался.

Простояли несколько дней, знакомились, снабжались, — в Люблине был вагон Гвардейского экономического общества. Но вот и выступление, даже не дождавшись одного полка (6-го).

Идем преследовать разбитых и отступающих на юг австрийцев. Чтобы догнать линию фронта, проходим ускоренными маршами места, где совсем недавно были бои (м. Красник). Ужасное впечатление: окопы, разрытые снарядами, исковерканное, разбитое оружие и снаряжение, убитые лошади, часто — с дико задранными, застывшими ногами. И запахи!!! Трупы погребены, но, вероятно, наспех, очень мелко, и сколько еще осталось незамеченных; мы их видим иногда. Наши лошади храпят и бочат, мы — в подавленном настроении, многие крестятся. Дальше стало легче, здесь были только арьергардные столкновения, да и мы немного освоились.

30 августа. Опять длиннейшей кишкой идем всей дивизией. Недалеко гор. Янов, впереди кое-где редкая ружейная стрельба. Вдруг приказ: как можно быстрее дивизиону стать на позицию и обстрелять Янов, там противник. Мы находились на середине пологого и очень длинного ската, доходившего до самого Янова, и втягивались в какую-то деревушку. Рысью выскочили на опушку и вправо от дороги всеми двенадцатью пушками заняли открытую позицию. И сейчас же, не успев еще зарядить, получили очередь шрапнели австрийской батареи. Направление и дистанция были взяты ими прекрасно, но разрывы были высоки. У нас было ранено несколько казаков и лошадей, главным образом из группы разведчиков командира дивизии и командиров батарей, которые еще оставались верхом. В свою очередь мы открыли огонь по Янову, австрийцы деятельно отвечали, но у них было только четыре орудия. Скоро из Янова полным ходом начали удирать какие-то повозки. Наши полки подошли к городу и бросились в преследование. Мы снялись с позиции и ушли в какой-то овражек. каждая батарея отдельно, и никогда больше я не помню, чтобы наши две батареи занимали бы дивизионную позицию. В боях мы бывали близко, держали связь, но каждый имел свои цели и вел стрельбу самостоятельно. Обычно 15-я открывала огонь немедленно, к великому удовольствию начальника дивизии, старого (увы, слишком старого!) кавалериста.

И как часто им приходилось менять сейчас же свои установки и даже позиции! Когда же наш командир начинал стрелять, это означало, что кто-то действительно взят «мертвой хваткой» и — горе ему!

Эта австрийская батарея из Янова пустила также несколько шрапнелей и по нашему длиннейшему хвосту на дороге. Конные части быстро свернули в сторону, прямо по полю. Нашим же зарядным ящикам 2-го эшелона и повозкам обоза это было сделать не так-то легко и все сбилось в кучу. Но вахмистра и волноопределяющийся 15-й батареей Абрамов (Петр Павлович) быстро навели там порядок и благополучно отвели их за закрытие. Абрамов получил за это солдатский Георгиевский крест 4-й степени.

Уральцы заняли Янов, забрав много повозок; пленные обозники улыбаются и были, кажется, довольны. Убитых австрийцев было не много; батарея же, обстрелявшая нас, успела уйти. Ее положение было, конечно, выгоднее нашего: она стояла на закрытой позиции, дистанция все была ей точно известна, и она нас ждала. И все-таки прозевала! Ведь она могла рассеять всю нашу колонну, не дать нам стать на позицию, перебить наши запяжки и т. д.

Прошли Янов. Всюду были видны следы отступления, вокруг догорали какие-то дома и сараи. В мирное время здесь стоял наш 9-й Донской казачий полк, а вот только что здесь были австрийцы! Как-то обидно стало; вспомнился наш Прокуроров, — мой первый гарнизон после производства в офицеры в 4-ую Донскую казачью батарею, — тоже ведь пограничный город, возможно что и там хозяйничают австрияки.

Остановка, и затем — перемена направления движения почти под прямым углом, вместо юго-запада — на юго-восток. По-видимому, мы увлеклись и влезли на чужой участок. Вскоре встретили какую-то нашу Донскую дивизию кажется 3-ую, она шла нам наперерез. Создавалось впечатление какой-то путаницы. Перед вечером вошли в большой лес и ночевали под деревьями.

Наш первый боевой день, боевое крещение! Но ведь это было преследование не нами разбитого противника; дело маленькое, и тем не уютней было ощущать, что нами как-то не так уж очень умело управляли. К сожалению, этому ощущению не было суждено никогда рассеяться, у меня, по крайней мере! Части как-то всегда предоставлялось самим выкручиваться из тяжелых и трудных положений. Мы любили больше, когда дивизией временно командовал граф Стенбок, или когда работали в отделе с одним из полков. Нам часто приходилось работать и с пехотой, и кажется, начальство наше

любило время от времени от нас освободиться, — мы были немного обузой.

Бивак наш был в Таневском лесу. Получив здесь дневку, мы все следующий день довольно медленным маршем шли по этому лесу. Разведка рыскала где-то впереди, изредка слышались отдельные ружейные выстрелы. Двигаться приходилось по узкой, достаточно болотистой дороге, корни, ямы, настил из наскоро срубленных деревьев, тишина лесная, — чувство такое, будто, кроме нас, никого во всем свете нет... Тихий осенний день, не жаркий, иногда — солнце, иногда небольшой теплый дождь как бы обволакивал нас...

И вот — какое-то оживление и движение волной прошли по колонне: австрийская граница, пограничный столб, небольшие постройки. Лес начал редеть, появились полянки по сторонам дороги. Снова движение, — пропустить пушки вперед, там неприятельские загоны. Постреляли немного прямо с дороги, — у них же артиллерии не было, — и скоро путь был свободен. Вышли из лесов. Вдалеке, по сторонам видны отдельные фермы и деревни. Когда мы их проходим, там загорается какой-нибудь стожок сена, и густой дым поднимается высоко в тихом воздухе. При осмотре оказывается, что дома покинуты, жители все ушли.

Еще через два дня марша — Сенява, или, по-уральски, «Шинява». Большое местечко. Австрийцы здесь зацепились. Чтобы их выбить, пришлось очень энергично поддерживать артиллерийским огнем наши полки. Более активная задача выпала здесь 15-й батарее. После взятия Сенявы снова пошли вправо, на запад, не встречая больше противника. Вскоре обнаружилось, что несмотря на сравнительно небольшое, по верстам, пройденное пространство, наши лошади пришли в очень скверное состояние: вымотались, не будучи хорошо втянутыми в работу. Многие подбились, — результат лесных дорог и болот. Поэтому начальник дивизии разрешил оставить на поправку и лечение по одному взводу от каждой батареи, свезти туда самых пострадавших лошадей. Нечаянно, это оказалось прообразом 23-й Донской казачьей батареи, сформированной впоследствии, в апреле 1916 года, из наших двух батарей. С этой командой должен был, конечно, остаться офицер, и выбор начальства пал на меня. Ощущение двойственное: с одной стороны, — доверено самостоятельное служебное поручение, достаточно важное, с другой, — приходилось становиться чем-то вроде обозников.

Дивизия наша ушла, и мы, просторно размявшись в деревушке, начали лечить своих ростовских рысаков. Жители постепенно возвращались из лесов, где они прятались, и с ними установились хорошие отношения. Фураж удавалось покупать легко, но уже дня че-

рез два и до конца приходилось ездить объясняться в штабы подошедшей и расположившейся здесь пехоты, — доходило и до начальников дивизий: как я смею забирать фураж в их районе, и почему я, собственно говоря, здесь нахожусь и что делаю? Пехоты проходило много, район передавался от одной части в другую, так что в недоразумениях недостатка не было. Как это ни странно, никто ни разу не остановился в нашей деревне, хоть это было хорошо!

Дней через пять вдали загремели пушки, и продолжалось это и сегодня, и завтра, и послезавтра... Я гулял по лесу вокруг деревни, прислушивался и ждал приказаний. Фронт ведь мог подвигаться только вперед...

Стало трудно с солью, — послал казака в Сеняву. Он привез немного, — и там нет. Жители уверяют, что жида спрятали все запасы. Прошел слух: в Сеняве был небольшой погром, и соли оказалось, сколько хочешь. Послал опять. Казак привез и новости: наша дивизия перешла с боем реку Сан, а затем и Вислу, и действует где-то на левом берегу. Что же нам делать? Прошло уже больше двух недель, лошади несколько поправились, подбои поджили. Погода установилась дождливая. Теплеет я уже сам стал ездить в пехоту, узнавать новости. И вот в одном штабе мне сказали, что Уральская дивизия имеет задачи, которые приближают ее к Ивангороду. Я прождал еще два дня и решил двигаться, на свой страх и риск, к Люблину, а там, в штабе 4-й армии мне скажут, что нужно делать.

Пошли, частично — по прежней дороге, но, Боже мой! на что она стала похожей... Мы то проваливались в ямы, то вылезали на беспорядочно набросанные бревна, и тогда — еще хуже: один конец бревна утопает под колесом, а другой бьет лошадей по ногам. Приходилось постоянно подпрыгивать и перепрыгивать. Шестые наше было очень жалким и медленным. Хорошо было хоть то, что дорога не была загромождена другими частями.

Скоро нас догнал казак с приказанием, — он был на нашей стоянке и потом двигался по нашим следам. Приказание гласило: двигаться на Люблин и там ждать дальнейших приказаний о присоединении к дивизиону.

Уже почти под Люблином неожиданная встреча: два верховонных донских артиллериста, — сотник Голицын, Василий Александрович, и сотник Упорников, Александр Алексеевич, — рвутся в бой и едут в неизвестную даль в поисках не то «резерва артиллерии», не то еще чего-то сходного, но вряд ли существующего в природе, куда им было дано предписание от Управления Донской артиллерии.

Упустить такой случай пополнения было совершенно невозможно. Голицына я знал по

3-й батарее как очень хорошего офицера. Так же как и я, он не попал при мобилизации в штат и был откомандирован в Новочеркасск. Их поиски почти наверняка привели бы их в пешую артиллерию, как бывало в японскую войну, и, конечно, я всеми силами стал звать их в наш дивизион, обещая свое содействие не только у нас, но и в штабе 4-й армии, где у меня был знакомый, старый сослуживец по 12-й кавалерийской дивизии, оренбуржец подполковник Печенкин, пошедший по штабной части. Молодые не знали, как им быть, и поехали все же вперед, но недалеко и не надолго: в Люблине они меня отыскали, а их водил по разным штабам, и в результате Голицын оказался в нашей, 14-й батарее, а Упорников в 15-й.

Из Люблина мне с моей «частью» было приказано идти в Ивангород. там дивизии будет дан маленький отдых и ожидается пополнение лошадьми.

Встретились радостно. Наши воевали за Вислой, — переправы через Сан, Сянок и Вислу были трудными, но больших боев все же не было, трупки же — сколько угодно.

Сейчас идут большие перегруппировки и у нас и у противника, — что-то готовится.

В Ивангороде мы передохнули, починились, почистились, получили конское пополнение, что было крайне необходимо. Из-за эвакуации заболевших и раненых, (этих, к счастью, было немного), казаков нам стало не хватать и тогда к нам прикомандировали уральцев, человек по 12 на батарею, из самых психичных, 3-й очереди. Их сделали вестовыми у офицеров и коноводами. Все они были очень симпатичные дяди; говор их значительно отличался от нашего, а главное — вместо «с» они говорят «ш». Когда приблизительно через полгода их снова откомандировали в их полки, мы расстались друзьями. Один из этих бородачей неизменно приветствовал Дубовского, иногда даже в боевой обстановке, под огнем, проскакивая мимо батареи: «Швату — мое поощрение!». Почему «швату»? Оказалось, было что-то между их лошадьми, жеребец и кобылка, — вот Дубовский и стал шватом.

Противник наступает большими силами. Варшава и наша переправа в Ивангороде — его первые, главные цели. Несколько наших сотен, оставленных для разведки и наблюдения по ту сторону Вислы, попали в тяжелое положение, были прижаты к берегу и переправлялись вплавь, понеся большие потери офицерами, казаками и лошадьми убитыми, ранеными и утонувшими. Одна же сотня 5-го полка под командой есаула Толстова (последний Атаман Уральского войска в 1920 г.) оставалась всю операцию в тылу противника, скрываясь в лесах и болотах и ведя партизанские действия,

сколько позволяли истощенные силы людей и лошадей, не имеющих достаточного продовольствия и фуража.

В последних числах сентября начались ожесточенные бои пехоты против наших предместных укреплений. Кавалерии пока делать было нечего, и мы оставались в резерве, в леске в полуверсте за мостом. Снаряды тяжелой артиллерии изредка долетали и до нас. Главный объект боя — мост, австрийцам не удается ни взять его, ни разбить. Прибывающая наша пехота переходит на ту сторону и в свою очередь атакует сильно укрепленную австрийцами деревню Козенице. Сотни нашей дивизии сопровождают пехоту для разведки и связи. Наш же дивизион ставят на позицию на берегу Вислы, побатарейно. 15-я батарея — верстах в двух от моста по течению реки, наша — в таком же расстоянии еще ниже. Батарея — на полуболоте, а командир — на наблюдательном пункте почти на самом берегу, в какой-то яме с водой, хотя и под деревом. Наша задача — не позволять противнику пользоваться дорогой, идущей по тому берегу на дер. Козенице, где кипит, не умолкая, и днем и ночью ужасный огневой бой. Там сражаются части 25-го и Гренадерского корпусов.

Наш огонь сделал шоссе для австрийцев непроходимым, мы бьем и разгоняем их пехотные колонны, батареи в запряхках, обозы. Мы им надоели, и за нами начинается охота. Шоссе — почти на нашем пределе, — они поставили свою артиллерию глубже, так что мы не могли ее достать, и открыли очень энергичный огонь... по болоту между нами и командиром. Нашим молодцам-телефонистам приходилось все время лазить под огнем по воронкам, соединяя постоянно перебиваемые провода, но мы свое дело продолжали, не позволяя никому появиться на шоссе.

Наконец, на третий или четвертый день прилетел «орелик», так мы называли немецкие аэропланы, видом похожие на птицу, кажется это был тип «альбатрос». Они вообще летали постоянно по всему району, разведывая передвижение частей. Наша позиция была замаскирована ветвями и целыми срубленными деревьями, упряжки же находились в деревне сзади, верстах в полутора, куда мы ходили ночевать, и все сходило благополучно. Но этот прилетел специально для нас. Не остереглись ли мы, продолжая стрельбу при нем, или был ли он такой уж зоркий, но он нас нашел. Спущался он очень низко и пунктуально исследовал наш участок. А найдя, поднялся и сделал несколько кругов над нами, потом бросил штук пять маленьких ракеток, которые разрывались высоко в воздухе и давали дымок, долго державшийся в виде небольшого облачка. Очень скоро после этого нас накрыла дальнобойная

тяжелая батарея. У нас были вырыты маленькие, насколько позволяла почва, окопчики, над окопами стояли зарядные ящики с бронированной стенкой, орудийные щиты тоже служили прикрытием. Пришлось замолчать, влипнуть поглубже в свои ямы... и молиться. Тут я услышал и «Живой в помощи Вышнего» и узнал, что в Каменской станице как раз в эти дни престольный праздник, 1 октября, — Покров Пресвятой Богородицы, и она, Заступница, нас сохранила. Было просто страшно, но ни одного прямого попадания немцы не дали, пули и осколки исцарапали наши щиты и орудия, вся земля вокруг была изрыта, и едкий запах разрывов захватывал дыхание и заставлял нас чихать. Хорошо, что с нами не было лошадей. Наблюдательный пункт был тоже обнаружен, и выбили оттуда нашего Илью Федоровича, но он нашел себе другой, а на прежнем оставил удачную маскировку, по которой еще два дня была австрийская легкая батарея. Через час мы снова громили какую-то колонну и сами получали «подарки». Так продолжалось до вечера и весь следующий день, а потом тяжелая нас уже не тревожила и ушла, получив, очевидно, другую задачу.

Это был перелом. Наша пехота, подошедший 3-й Кавказский корпус генерала Ирмана, взяла штурмом Козенице и началось отжимание противника от Вислы. Скоро и мы снялись с позиции, передохнули немного в нашей деревне, и вст дивизия переходит мост на той стороне мы были приданы 3-му Кавказскому корпусу и служили на его правом фланге связью с Гренадерским корпусом. Но это было на бумаге, фактически же мы оказались в пустоте, не видя ни одних, ни других.

Идем на запад, но скоро начинаем кружить, останавливаемся, почти возвращаемся назад. При выходе из какой-то деревушки нас обгоняет наш штаб дивизии. Главное начальство, с короткой трубочкой во рту, — спокойный или ко всему безразличный. Зато начальник штаба полковник Егоров, лихо, по-лехотному, висящий на лошади, наоборот — явно взволнован. Светик Денисов, — коротышка, горячо его в чем-то убеждает. Дальше — свита без конца, молчаливо-понурая. Что-то неясно, что-то не так. И вдруг ружейная стрельба из соседнего леса, свистят пули, но как-то поверху. Живо — батарея на позицию и — огонь! Ломят какие-то огорожи, снимаемся с передков и бьем по лесу. Противник скрылся, вероятно это был какой-нибудь разведывательный эскадрон. Снова тащимся по лесным дорогам, описывая петли. Мы ничего не понимаем, ничего не знаем, — штаб, нужно думать, знает.

Поздним вечером останавливаемся на длинной поляне, здесь проведем ночь. Полки же — прямо в лесу. Не распрягать, не расседлывать,

не шуметь, не разводить огней, не курить! Окружены!

Утром двигаемся не сразу, очевидно — выясняется обстановка. Пошли в направлении назад, к Висле. Через час приказание: по первой приличной дороге свернуть по прямым углам и пешать на север. Противник получил большие подкрепления и вновь наступает... На север так на север! Это называется фланговый марш, — а пешать трудно, лошади совсем не отдохнули за ночь. Но вот дорога вышла из леса и пешать пришлось: несколько очередей шрапнели нас очень подогнали. Пришлись они главным образом по нашим хвостам и по поднятым нами огромным облакам пыли. Стреляла, судя по разрывам, немецкая легкая батарея, — это была новость! Мы высочили за ее предел и скоро встретили наконец нашу пехоту Гренадерского корпуса. Мы были ей очень рады, она нам тоже.

Дивизия становится в резерв, но полки, конечно, несут обычную службу связи, а артиллерия высылается на позицию, в помощь гренадерам. Мы, на правофланговом участке, — стоим впереди деревни Новый Грабов, в лощинке. Еще впереди нас есть две такие же складки местности, и это затрудняет противнику определить точно нашу позицию и «накрыть» нас. Средства для этого у него имеются: по крайней мере две тяжелые батареи и несколько легких.

Бой завязался очень ожесточенный, противник атакует и, по-видимому, это немцы, а не австрийцы. Нам приходится много работать, и здесь наш командир показал все свои качества прекрасного артиллериста. Его наблюдательный пункт находился впереди позиций нашей пехоты, и он видел оттуда все расположение противника и три дня грошил его, как хотел. Видя цели, неуязвимые для нашего собственного огня, он связался с другими батареями, на его пункт провели телефон от какой-то пешей батареи, а у нас на позиции около подъесаула Дубовскова поставили телефон от гаубичной, так что есаул Филиппов вел комбинированный огонь трех батарей. Гаубичной и нашими гранатами он разбивал блиндажи и окопы, потом поливал открытую пехоту шрапнелью. Чувствуя себя хозяином поля, позволял им выходить и начинать атаку и затем сметал их. И все эти дни он не позволял артиллерии противника проявлять себя должным образом. Конечно, мы не могли заставить ее замолчать совсем и главной целью была неприятельская атакующая пехота.

Никогда раньше, ни позже, во все время войны нам не приходилось выпускать ежедневно такого большого количества снарядов. В непрерывной стрельбе день проходил быстро, мы были в каком-то полуопьянении, в нервном

подъеме от сознания, что — это очень важный бой и что у нас все идет отлично. Можно без преувеличения сказать, что на этом участке успех был вырван у противника благодаря артиллерийскому огню под управлением командира 14-й Донской казачьей батареи есаула Филиппова.

15-я батарея была на левом фланге гренадер и тоже работала хорошо.

Все же немецкая артиллерия, особенно когда мы занимались ее пехотой, энергично нас обстреливала. Но ни наблюдательный пункт, ни батарею открыть им не удалось. Опять очень много работы было нашим телефонистам-разведчикам держать связь непрерывно, но они блестяще с этим справились, потеряв несколько человек ранеными. Особенного напряжения бой достиг во второй половине дня 13 октября. Поднявшись на пригорок впереди батареи, откуда была видна небольшая часть позиции немцев, можно было видеть в бинокль, как от нашего комбинированного огня взлетали вверх бревна, столбы земли, металась люди... Немцы непрерывно ствечали, обстреливая нашу пехоту, бросая снаряды повсюду в поисках наших батарей, захватывая иногда и деревню. Там были только штаб дивизии и наши передки, укрытые в дальнем конце. Потери наши были ничтожны. Даже в темноте, когда мы уже прекратили стрельбу, одно время от времени пускали несколько очередей. «Злятся! — говорили мы. — Значит, здорово мы им насыпали!»

Все это время мы ночевали на позиции, было неудобно и даже слегка беспокойно, так как Гренадерский корпус был очень ослаблен огромными потерями после трехмесячных боев. Противник же, наоборот, был очень стойкий и энергичный, — австрийцы не могли бы выдержать такого напряжения.

Утром — сюрприз: немцы ушли! Вчерашнее их поведение было не только злостью, они прикрывали ночные свои передвижения. Путь был свободен, и дивизия двинулась вперед. Мы проходили краем немецкой позиции и видели, частично, результаты нашего огня. Это было жуткое зрелище. Лежали еще неубранные убитые, хотя большая часть их была уже похоронена. Все вокруг было исковеркано, — разбитые блиндажи, повозки, кухни, передки, масса окровавленного рваного белья и обмундирования, немецкие каски лакированной черной кожи с металлическим гербом и медным острым шпилем наверху, бляхи с надписью: «Mit Gott für Kaiser und Vaterland». Мы брали их на память.

Дальше, в тылу, в стороне от дороги, в небольшой рощиче мы увидели свежесыпанный курган, это была братская могила. Снизу, через вершину, и снова — донизу положены

крестом гордые немецкие каски. Доска с краткой надписью: «640 солдат». Тоже наша работа! Было невыразимо грустно, все крестится и так остро чувствовался ужас войны. Повсюду на земле были разбросаны письма и конверты, по-видимому, здесь как раз получили почту. Мы читали адреса: «Гвардейский резервный прусский корпус». Так вот кто был нашим противником! Слово «резервный» в данном случае не имело никакого значения, это был камуфляж еще мирного времени: года за три до войны немцы увеличили число своих полевых корпусов, но прикрыли их более успокоительными наименованиями как «резервный», «местный» и т. п. В действительности же это был перволинейный, прекрасный 2-й гвардейский прусский корпус. Его прислали сюда вместе с другими спасти австрийцев, но вот и гвардейские пруссаки отступают...

Командир пехотного полка, на участке которого мы находились, горячо благодарил нашего командира и сказал, что непременно представит его к награждению орденом св. Георгия. Наш же штаб дивизии остался совершенно равнодушным, и теперь и впоследствии.

Уральцы схватываются с арбергардами, иногда просят нашей помощи, тогда мы становимся на позицию и даем несколько выстрелов. Раз, выйдя на широкое, открытое поле, видим блеск с полуоборота вправо из-под дальнего леска, слышим: «бах-бах», два выстрела и два разрыва над нашей колонной. Австрийский взвод стоит на открытой позиции. Карьером снимаемся и мы, но австрийцы тем же аллюром берутся в передки. Послали по ним очередь, другую — вслед им, по лесу, но результат неизвестен.

Наше движение идет облически, склоняясь к юго-западу, через Кельцы на Мехов и дальше на Краков. Небольшие бои бывали ежедневно по два-три раза. Порядочно нас окропили шрапнелью на лесном шоссе, поднимающемся в гору около Хенцин. Другой раз, уже после Келец, мы оказались перед сильным заслоном противника и нам пришлось снова много поработать, помогая уральцам. Нас тоже обстреливала артиллерия, и очень не плохо, так что нужно было прятаться за шиты и рыть окопы. И даже нашим отчаянным телефонистам невозможно было беспрерывно чинить рвущиеся провода. Тогда поставили, вернее — положили, передатчики, взяв для этого уральцев из прикрития, ненужного в данном случае, ибо вся дивизия была тут же, в кулаке. Ведя интенсивный огонь и израсходовав наличные снаряды, мы спросили у командира, что делать, ибо подводить упряжки было очень опасно. Ответ получили через этих передатчиков, — на «уральском» языке: «Нешти на шебе передки». Передки не передки, а,

значит, начали носить снаряды на руках из передков. Штаб дивизии был здесь же, недалеко от нас, впереди, по другую сторону шоссе. Им тоже досталось, был ранен подбесаул Феодосий, который уже больше в дивизию не вернулся.

В конце концов мы встретились с пехотой 3-го Кавказского корпуса, и началось некое мешание друг другу, в походе и на ночлегах. Движение наше после дер. Гравово продолжалось уже больше недели. Но вот фронт как-то останавливается, действия затихают, и нас ставят в резерв. Подтягиваются тылы: обозы, интенданство, казначейство. Идет всеобщая чистка, починка, приведение в порядок отчетности, пополнение деньгами, продуктами, снарядами. За спину 3-го Кавказского корпуса мы чувствуем себя, как в лагере на Персиановке.

Однако не так уж долго продолжалось это спокойствие. В начале ноября — спешный форсированный поход вдоль фронта, на северо-восток, верст за 200, к Лодзи. Там положение обострилось. Придя на место, все кого-то временно «подпирали». Наконец установились верстах в 10 западней Петрокова. Теоретически мы подчинились генералу князю Туманову, командовавшему конницей, но на самом деле никого около нас не было. Мы составляли самый правый фланг нашей 4-й армии, но до 5-ой мы не дотянулись, и к северу от нас было пусто и прикрыто только разрезами. С 16 по 19 ноября мы отбивали все атаки противника, но было очень трудно и вряд ли мы выдержали бы еще долго. К счастью, подошли обе гвардейские кавалерийские дивизии (без казачьей бригады) и расположились на позиции правей нас, прикрывая Петроков. Вместе с ними мы составили гвардейский конный корпус под командой генерала Гилленшмидта, начальника 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Группа образовалась достаточно сильная, чтобы активно обеспечивать фланг дерущейся под Лодзью 5-й армии. Там идут многодневные бои чрезвычайного напряжения, и мы стараемся помочь, как можем, многократно пытаясь наступать. Каждый день на позиции и каждый день бой с большим расходом снарядов. Вначале против нас была немецкая спешенная кавалерия, усиленная самокатчиками и мотоциклистами. Их задача была, по-видимому, аналогична нашей, и они так же широко пользуются своей артиллерией. 15-я батарея попала им в переплет, и есаул Кучеров должен был поджечь стог соломы (или сарай с сеном), чтобы под прикрытием дыма подвезти передки и переменить позицию. Этот случай описан генералом Герцо-Виноградским (гвардейской конной артиллерии), бывшим тогда у нас начальником артиллерии, в газете «Возрождение». Мы также получали хорошие порции немецких шрапнелей и гранат,

но это было в общем порядке, а не в индивидуальном.

Однажды ночью наша батарея ходила с одним гвардейским полком, кажется — с одним из кирасирских, в «набег» или в «обход», для нас было не очень ясно. Так же неясна была и наша роль в предполагавшемся ночном маневренном бою. Впрочем, имелось, может быть, в виду использовать нас утром. Так или иначе, пробродив ночь, мы вернулись в свою деревню, получили полдня отдыха, а затем стали снова на позицию и вели огонь по немцам. Есаул Филиппов со своего опять прекрасного выбранного наблюдательного пункта посылал разведчиков к командирам гвардейских конных батарей (с нами были, если не ошибаюсь, 1-я, 2-я и 5-я), чтобы согласовать стрельбу, указать цели, видимые только от него и т. д., но здесь это принималось довольно прохладно.

Дрались мы здесь дней восемь. Усилившись пехотой и тяжелой артиллерией, противник вел сильные повторные атаки, и нам приходилось маневрировать и медленно отступать. Петроков был под прямой угрозой. Спаса положение пехота, — к нам подошли из 4-й армии части 3-го Кавказского корпуса, а северней — пехота 5-й армии, которые влились в бой под самым уже городом, остановили немцев и заставили их отступить на их исходную линию. Нас поставили на несколько дней в ближайший резерв, а затем вдруг было приказано, в первых числах декабря, отойти на реку Пилицу, оставив Петроков. Это была, вероятно, общая перегруппировка. Наша дивизия прикрывала отход 3-го Кавказского корпуса. Когда же фронт установился прочно, наш гвардейский конный корпус был расформирован, и мы походом вернулись в резерв своей 4-й армии.

Когда говорят об этой весьма важной Лодзинской операции, употребляют обычно выражение, что там получился «слоеный пирог», как следствие взаимных обходов. Так вот, наша скромная работа под Петроковым помешала этому «пирогу» получить лишней немецкий слой и тем способствовала общему успеху 5-й армии, которой командовал генерал Павел Адатович Плеве, наш бывший начальник Войскового штаба войска Донского.

Снова стали недалеко от гор. Кельцы, в том самом районе, где была наша позиция при преследовании австрийцев: «нешти на шебе передки». Расположились широко, по квартирам, отдыхали, чинились, подправляли и лечили лошадей. Наши офицеры ездили в гости в 15-ую батарею и в полки. Командиром «шаштой шотни шаштого полка» был есаул Сладков, Тимофей Ипполитович, уралец, но служивший раньше лейб-гвардии в Атаманском полку и женатый на сестре нашего донского артиллериста, Генерального штаба капитана Денисова.

К нему ездили особенно часто.

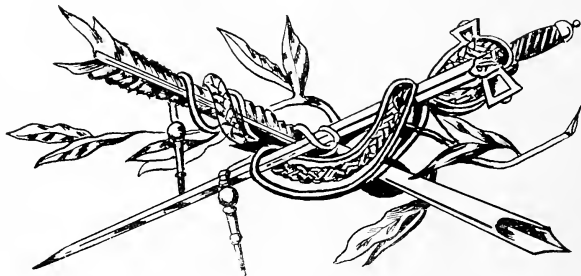
Подходило Рождество. Для разных хозяйственных закупок и с целью попытаться достать что-либо из артиллерийских складов Киева, начальство решило послать туда офицера с несколькими казаками. Особого желания ехать не оказалось ни у кого, и командир дивизиона «попросил» меня. Движение было еще очень плохо налажено, и поездка оказалась утомительной. Часть казаков с покупками я отправил уже через несколько дней, а сам с остальными, получив постромки, брезенты, подковы и т. п., вернулся сейчас же после Крещенья. В киевских складах удивлялись, почему какой-то донской дивизион лезет к ним непосредственно со своими требованиями, но кончали все же тем, что, ругаясь, все же давали. Привез я также и «Кодак»: мы уговорились с есаулом Филиповым так: я куплю аппарат на свой счет, а снимки из боевой и походной

жизни будут делаться на батарейные суммы. Фотографий было сделано много, и очень удачных, но, к сожалению, решительно ничего не сохранилось.

В середине января 1915 года мы снова в походе, и снова — на север. После нескольких кратковременных пребываний на чужих позициях, наша дивизия получила свой участок на реке Пилице, недалеко от Ново-Място, приблизительно на середине расстояния между г. Петроковом и рекой Вислой. Тут впервые почувствовался намет на позиционную войну, были сплошные окопы, кое-какие проволочные заграждения, землянки. Стрелять приходилось не много, — для пристрелки и чтобы мешать работам противника по укреплению его позиций.

(Продолжение следует)

М.Т. Чернявский



Хроника «Военной Были»

О НОШЕНИИ ОФИЦЕРАМИ ОРУЖИЯ

Все офицеры Русской армии и флота, находясь вне своего дома, обязаны были носить холодное оружие (шашку, саблю, кортик и проч.), кроме некоторых исключительных случаев, предусмотренных Уставом, когда оружие снималось.

Случаи эти были следующие: при прикладывании к Святой Плащанице, при причастии и исповеди, при крещении (восприемники от купели), при брачной церемонии (жених и шафера), при выносе Плащаницы (офицеры, несущие ее) и при приглашении на бал.

Офицеры, приглашенные к обеду или завтраку или делающие визиты, снимали оружие лишь по приглашению хозяйки дома.

Офицеры, несущие наряды (дежурства или караулы), кроме шашки, были вооружены и револьверами системы Наган, которые носились в особой кожаной кобуре с правой стороны. Эти револьверы во время несения службы, были заряжены семью патронами и для выстрела необходимо было взвести курок, таким образом у офицера было время обдумать и взвесить обстоятельства, перед тем как применить это оружие.

В мое время в пехотных частях эфес шаш-

ки продевался через особую прорезь в пальто, рядом с карманом, что облегчало и застегивать пальто и, в случае необходимости, быстро вынуть шашку.

сообщил В. Каменский

ФЕЙЕРВЕРКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Значение фейерверков рассматривалось Петром не только как увеселительное средство. В своем объяснении прусскому послу барону фон Мардефельду Император отметил две стороны: во-первых, русские фейерверки стоили в четыре-пять раз дешевле таковых же, устраиваемых в Европе, а во-вторых, — прибавил монарх — « а естли бы, они мне и больше стоили, то весьма же нужно приучить подданных чрез потешный огонь к другому огню и их в том упражнять. Ибо я узнал опытом, что тем меньше страшатся важного огня, чем более приобыкли упражняться в потешном ».

Из книги « Подлинные анекдоты Петра Великого, изданные в свет Яковом фон Штелиным » 1787 г.

извлечение М.З.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ

К семидесятым годам прошлого столетия русская армия продолжала быть вооруженной кремневыми ружьями, заряжавшимися с дула. В эту пору австрийский изобретатель Крнк продал русскому правительству патент на изобретенное им пистонное ружье. Заводу Людвигу Нобеля было предложено заняться переделкой старых ружей на ружья Крнка. Но не успел завод как следует заняться этим заказом, как он был отменен, ибо русскому правительству были представлены составленные бельгийцем Берданом чертежи нарезной винтовки, заряжающейся с казны, со скользящим затвором, с унитарным патроном, подобной винтовкам — французской Гра и немецкой Маузера, очень хорошо себя показавшим во время франко-прусской войны 1870 года.

Русское правительство приобрело у Бердана права на изготовление его винтовок и решило приступить к перевооружению армии. Людвигу Нобелю было поручено изготовление некоторого количества пробных берданок, — они оказались вполне отвечающими требованиям военных властей.

Вслед за этим Людвиг Нобель, в компании с двумя артиллерийскими полковниками Бильдерлингом и Стандершельдом, заключил с правительством договор на изготовление всего нужного количества берданок. Одним из усло-

вий было то, что после того как Людвиг Нобель разработает метод выделки всех деталей на своем заводе, самое производство будет им перенесено на казенный Ижевский оружейный завод который был предоставлен в его, Нобеля, полное распоряжение. Нобель должен был переоборудовать этот завод новыми станками для выделки ружья, а после сдачи заказа передать завод на ходу обратно Военному Ведомству. Душой всего дела был Людвиг Нобель, его же компаньоны финансировали выполнение заказа ввиду того, что у Нобеля в то время средств бы не хватило. Сталь для поделок, главным образом, болванки для стволов, получалась из Швеции, орех или дуб для выработки прочных лож нашли на Кавказе.

КАРТА М.Д. СКОБЕЛЕВА

Около станции в городе Мерв расположен военный музей. Я посетил его и видел под стеклом карту, которой пользовался генерал Скобелев при завоевании Туркестана. На карте было множество его карандашных пометок. Но интереснее всего, пожалуй, было то, что карта эта была английского происхождения. Хотя и имела она много белых мест, все же, очевидно, Туркестан был известен англичанам раньше русских.

НЕЧТО О СКОБЕЛЕВЕ

Исходным пунктом одной операции был назначен русский пост почти на границе Персии — Чикишляр. Он стоял у речки Пир-Базар, вдоль которой можно было довольно долго идти. Берег был совершенно отлогий, — « моряна » (прилив) выносила воду далеко на сухое место, а « выгон » (отлив) сметал воду в море. Пароходы, доставлявшие войска и снаряжение в Чикишляр, сидевшие в воде около двух метров, останавливались так далеко, что их не было видно с берега. На берегу — солончак и песок — построены войска. Ждут Скобелева. На правом фланге, по старшинству, стали офицеры штаба. Наконец прибыл Скобелев и пошел вдоль фронта.

— Вы что же, капитан? — спросил вдруг сн, останавливаясь против офицера, не совсем твердо стоявшего на ногах.

— Виноват, Ваше Превосходительство!

— Генерал вступил на берег, а вы в таком виде!

— Тоже и берег, Ваше превосходительство...

Скобелев рассмеялся, махнул рукой и пошел дальше.

Действительно был: « тоже и берег! »

Из воспоминаний К.В. Хагелина извлечение А.Г.

Обзор военной печати

СЕРГЕЙ ШПАКОВСКИЙ — «Женщина — воин» Буэнос-Айрес, 1969 г. 256 стр. на меловой бумаге. Иллюстрир. фотографиями.

Я получил отлично изданную книгу с многими фотографиями С. Шпаковского — «Женщина — воин». В предисловии полковник И. Эйхенбаум дает характеристику автора и воздает должное женщинам, боровшимся в рядах Добровольческой армии. Женский батальон Бочкаревой доблестно сражался на фронте Великой войны и потерял там 40% своего состава. Не ограничиваясь русскими женщинами, автор дает обзор всех женщин-воинов, начиная с амазонок. Особо подробно он останавливается на участии женщин в Белых армиях и достаточно подробно перечисляет принесенные ими жертвы.

Книга затрагивает тему, довольно необычную даже в военной литературе, и мы рекомендуем каждому военному прочесть ее.

Георгий Гутсерович

С.П. АНДОЛЕНКО — Сто крат священ союз меча и лиры» Париж, 1972 г. Издание Общества Ревнителей Русской военной старины, под редакцией С.П. Андоленко, 40 стр. Фотографии и иллюстрации.

Сергей Павлович Андоленко возымел прекрасную мысль — напомнить о вечной связи военной службы с поэзией и музыкой. Связь

эта особенно ярко сказывалась в армии русской, плоти от плоти и крови от крови русского народа, пожалуй самого музыкального в мире. Следует всегда помнить, что нигде в мире литература, поэзия и музыка так не сливались и не оказывали такого влияния на военный быт, как в России. Нигде в армиях и на кораблях не пели так стройно, согласно и красиво, как пели русские солдаты и матросы. К великому сожалению, в старые времена как-то не думали об этом, а теперь, когда спохватились, нет тех возможностей да и материал теперь собирать исключительно трудно. За всю эмиграцию, можно отметить только два сборника с нотами Мантулина и Гайрабетова, да два выпуска «Сборников русской военной поэзии», издания «ВОЕННАЯ БЫЛЬ». Нельзя поэтому не приветствовать труд генерала Андоленко, который хотя бы в отрывках ,отдельных куплетах, напоминает нам и идущим за нами, как откликалась русская литература, русская народная душа на славные деяния Императорской армии.

Внешне книга издана прекрасно, в красивой оранжевой обложке и составит украшение каждого военного книгохранилища. Очень хороши и разнообразны виньетки, украшающие многие страницы книги.

А.

Письма в Редакцию

Покорнейшая просьба ко всем, кто имеет какой бы то ни было материал (фотографии, записки, официальные документы), относящийся к частям Заамурского Округа Пограничной Стражи, сообщить об этом или в редакцию журнала, или же непосредственно мне, по адресу 40, бульвар Александр III, 06400 Канны Франция. Всякий материал, хотя бы для временного использования, будет принят с благодарностью и послужит для издания сборника, долженствующего отметить доблестную службу этих пионеров Дальнего Востока.

Сергей Байкалов-Латышев

В добавление к моей заметки в «Военной Были», должен отметить что в Крыму была Отдельная конная бригада полковника Морозова, в составе 1-го и 42-го Донских казачьих полков. Она блестяще действовала, преследуя и добывая отступавшего врага, попадавшего с фланга под удар пехоты Крымского кор-

пуса. Из-за недостатка резервов генерал Слащев вынужден был вызвать на фронт батальон Киевского Константиновского военного училища, стоявшего в Феодосии, и Сергиевское артиллерийское училище, из Одессы в январе 1920 года эвакуированное в Севастополь.

В Крыму (в тылу) было еще много мелких частей и штабов, насчитывавших ничтожное количество бойцов. Командование Крымского корпуса безнадежно пыталось их расформировать и их остатками пополнить воинские части корпуса на фронте. Все они были расформированы только приказом нового Главнокомандующего генерала Врангеля.

Вообще, в гражданской войне у нас очень легко орудовали словами «корпус», «дивизия», «бригада», когда на самом деле это были всего-навсего кадры тех дивизий и полков, которые когда-то существовали в Императорской армии.

И. Горайнов



Visite de St. Petersbourg par le sculpteur allemand Schadow en 1791 et dessins des guerriers russes de la guerre patriotique 1812-1813

En Janvier 1791 FREDERIC GUILLAUME II de PRUSSE ordonna la construction d'un monument équestre de son grand ancêtre FREDERIC II. Dans ce but, l'Académie des Beaux Arts de Berlin ordonna un concours et au mois de Mai de la même année se tint une exposition des divers projets et modèles de ce monument.

Le choix royal tomba sur le projet de SCHADOW (1764-1850) qui, après un séjour de 3 ans à Rome, avait été nommé en 1788 membre ordinaire de l'Académie des Beaux Arts et s'était déjà fait remarquer par son œuvre.

Le monument devait être en bronze et la statue coulée à Berlin. SCHADOW connaissait très peu la technique du coulage du métal et le roi FREDERIC GUILLAUME II proposa au sculpteur de faire un voyage d'études à Stockholm et à St Pétersbourg pour mieux connaître cette technique.

En Août 1791 SCHADOW partit pour Stockholm et, sur le conseil de l'Ambassadeur de PRUSSE von BROCKHAUS, se rendit à St Pétersbourg où l'on était en train de couler quelques grandes statues de bronze.

C'est en 1849 que SCHADOW publia les impressions de son séjour sur les rives de la Néva.

Ce berlinois, quasiment provincial, fut frappé par la beauté de la St Pétersbourg de CATHERINE. Le coût de la vie effraie cet allemand économe et il se plaint dans ses lettres à sa

femme sur la nécessité de faire des écarts de budget.

Il se voit obligé d'utiliser continuellement une voiture pour aller d'un point à un autre dans cette ville si étendue et où un étranger se déplaçant à pieds serait mal vu.

Malgré son désir de vivre économiquement, il est obligé, sur le conseil du diplomate von WEGENER, de louer les services d'un équipage à deux chevaux pour se déplacer entre les ateliers de fonte ou faire les visites obligatoires.

SCHADOW souligne dans ses lettres la large hospitalité russe et dit à sa famille qu'il est quasiment tous les jours invité à dîner.

Se trouvant face à face avec le problème de créer un monument grandiose, le sculpteur est très impressionné par la statue équestre de PIERRE LE GRAND faite par le sculpteur FALCONET. SCHADOW écrit : « Ce n'est que dans le métal que l'on peut, sans prendre de risques, réaliser une entreprise aussi courageuse ».

SCHADOW visite les palais impériaux proches de St Pétersbourg et est frappé par le luxe de Péterhof. Il est étonné de retrouver de nombreuses copies de statues connues dressées dans le parc de Tzarskoïé-Sélo, témoignages de l'amour qu'avait pour l'art l'Impératrice CATHERINE, mais il est particulièrement frappé de la facilité avec laquelle la cour dépensait pour faire ériger ces monuments.



L'académicien berlinois fit aussi de nombreuses rencontres, il fut aimablement reçu par le vénérable président de l'Académie des Beaux-Arts I.I. BETSKY ainsi que par le comte A.S. STROGNOFF qui lui fit visiter sa galerie de peinture.

Il connut aussi les palais du Prince BEZBODKO et du Comte OSTERMANN.

SCHADOW fut aussi très bien reçu par les peintres étrangers résidant à St Pétersbourg, notamment par GUARRENGHI qui l'appelle : « un second Palladio » et auquel il trouve cet agréable mélange de l'italien riche et bienveillant de la « nobilita moscovita ».

Avec l'aide du Consul de PRUSSE MASS, SCHADOW peut assister à un lever de CATHERINE II ainsi qu'à la cérémonie religieuse où il vit l'Impératrice prier à genoux. Il assista aussi à la cérémonie de présentation des vœux à l'Impératrice et à la présentation des diplomates étrangers par le Comte OSTERMANN.

Ayant obtenu tous les renseignements concernant l'érection du monument à PIERRE LE GRAND et le coût de cette opération, SCHADOW

quitta St Pétersbourg pour revenir à Stockholm.

Les relations entre SCHADOW et la RUSSIE ne se limitèrent pas à cette courte visite de St Pétersbourg et, dans ses Mémoires, il cite souvent les visites faites chaque année par les Empereur ALEXANDRE 1er et NICOLAS 1er aux expositions académiques en citant leurs appréciations de certaines œuvres d'art exposées.

En 1808 SCHADOW reçoit une commande du Prince KOURAKINE, Ambassadeur à Paris, pour l'exécution d'un monument funéraire sur la tombe d'un des valets du Prince décédé durant le voyage de Tilsit.

SCHADOW décrit avec beaucoup de détails l'entrée des troupes russes à Berlin en 1813, les cosaques étant la grande curiosité du défilé militaire.

Il fut très intéressé par ces cavaliers ainsi que par d'autres guerriers des régions orientales de la RUSSIE, ayant toujours pensé réaliser un album des races différentes.

Il s'adressa au Prince REPNINE, gouverneur désigné de Berlin, le priant de lui présenter quelques modèles pour cette série de croquis,



ce à quoi le Prince donna son consentement.

Le résultat artistique de cette présence des troupes russes à Berlin se trouve à l'Académie des Beaux-Arts de Berlin, où sur 10 feuilles l'on peut voir des croquis faits au crayon des différents types de soldats de l'armée impériale.

C'est à la même époque que l'on peut attribuer son croquis fait à la plume et gravé par INGEL sous le nom de « l'Ataman PLATOFF et ses cosaques » et qui appartient au Prince IOHANNES GEORG DE SAXE à Dresde.

C'est une rare représentation des cosaques de 1812 qui a paru en 1962 dans le recueil des œuvres de Deniss DAVYDOFF, publié par la Maison d'Édition artistique de Moscou sous la direction et la rédaction de Vladimir ORLOFF.

Cette publication soviétique donne l'information suivante concernant le graveur : « Ataman PLATOFF et ses cosaques » gravure de F. TUGEL d'après le dessin de SCHADEL, l'on se demande pourquoi le nom de SCHADOW a été transformé en SCHADEL, mais ceci reste un mystère total.

De cette série des soldats de 1812 croquée par SCHADOW nous reproduisons le dessin d'un

cosaque du Don en tenue de campagne, la pique à la main, le sabre sur le côté pendant de la large ceinture avec un étui pour le pistolet et dans le dos sur sa courroie une giberne réglementaire. D'après le cordeau du couvre-chef et la giberne l'on peut conclure que ce cosaque fait partie de la Sotnia (centurie) de la garde.

Un autre cosaque est représenté à la lance à la main et porte le chapeau dit « de fourrage », c'est-à-dire de campagne, ayant la forme d'un bonnet que nous retrouvons d'ailleurs sur la tête des cosaques du dessin - Ataman PLATOFF et ses cosaques ». Dans cette dernière œuvre le centre d'intérêt n'est pas l'Ataman PLATOFF lui-même dont la représentation et l'uniforme tiennent plutôt de l'imaginaire; mais le cosaque Plastoun portant son fusil sur l'épaule et tenant une lance dans la main droite, la tête bandée d'un chiffon sanglant. Ce cosaque a été certainement croqué par SCHADOW d'après nature. A l'arrière-plan de ce dessin nous voyons les restes de la Grande Armée Napoléonienne se rendant aux cosaques.

G. Solodkoff

Quelques notes sur les uniformes des hussards en général et sur celui du 12 régiment Akhtyrsky en particulier

L'amour de l'histoire est souvent étroitement lié à celui de l'uniforme ou à celui d'une unité, oh combien particulière, celle dans laquelle on a servi, « son régiment ». On trouve souvent dans l'uniforme militaire un nombre considérable de symboles retraçant l'histoire et les traditions d'un régiment et c'est ainsi que l'uniformologue voit s'ouvrir devant lui un vaste champ d'études lui permettant de retrouver, à travers descriptions et illustrations des vêtements ou attributs portés par ce régiments, son histoire et les divers changements qui, à travers les siècles on pu modifier l'apparence extérieure de ses ancêtres.

Je ne vais point imposer au lecteur les petits détails dans le genre de l'introduction ou de la suppression des capuchons à shako, ou bien la disparition des numéros sur les boutons régimentaires, ou bien encore à quel moment les chiffres ont été remplacés par l'aigle impérial. Je vais me contenter de tracer l'image de l'évolution et des changements apportés à l'uniforme d'un régiment, ce qui facilitera à l'amateur d'uniformologie l'étude de n'importe quel autre régiment de hussards de l'armée impériale russe, étant donné que cette évolution et ces modifications se faisaient en même temps dans toutes les unités d'une même arme.

Le 12ème hussard AKHTYRSKY portait le nom du régiment du Général Denis DAVIDOW modifié sous le dernier Empire en « Régiment de son Altesse Impériale la Grande Duchesse Olga Alexandrovna » et fut créé en 1651 en tant que régiment cosaque attaché à la forteresse d'AKHTYRKA et destiné à en surveiller les approches. A l'époque, ces cosaques portaient un costume national sans uniformité vestimentaire, mais nous possédons des informations qui nous disent que le haut de leur bonnet à poils (papakha) était de couleur jaune et que leur Kaftan était bleu. Il a été rapporté qu'à l'époque de Pierre le Grand ce Kaftan devint vert.

C'est en 1765 que le régiment reçoit le nom de Hussard AKHTYRSKY. Nous savons tous que l'habit de hussard est d'origine hongroise et qu'il fut utilisé dans sa forme folklorique par tous les pays qui après n'avoir possédé que des unités de cavalerie lourde avaient soudain découvert tous les avantages que l'on pouvait tirer des régiments « volants » hongrois. En ce qui concerne la RUSSIE qui avait toujours connu les cosaques et les tatars, la cavalerie légère n'était donc pas une innovation et la fondation des unités de hussards sous le règne de l'Impératrice CATHERINE n'était qu'une transformation des unités de cava-

lerie légère déjà existantes en troupes régulières et disciplinées qui garderaient toutes les qualités nécessaires à une rapidité d'action.

Le premier commandant chargé d'inculquer à cette troupe les qualités nécessaires à une unité de hussards fut un officier des forces armées austro-hongroises aux qualités exceptionnelles le Comte PODHORICANY d'origine serbe ou monténégrine. Il sut créer des bases solides et insuffler le courage militaire qui devint le caractère même des hussards du régiment AKHTYRSKY.

Le premier uniforme de cette unité se composait d'un Dolman et de culottes d'un vert vif avec des parements et des revers noirs. La pelisse était noire bordée de fourrure blanche et parée de cordons verts. Le mirliton noir avait une flamme verte et un petit plumet blanc. La chabraque était noire bordée de vert. Les officiers avaient les brandebourgs et les parements dorés et portaient des demi-bottes de couleur rouge.

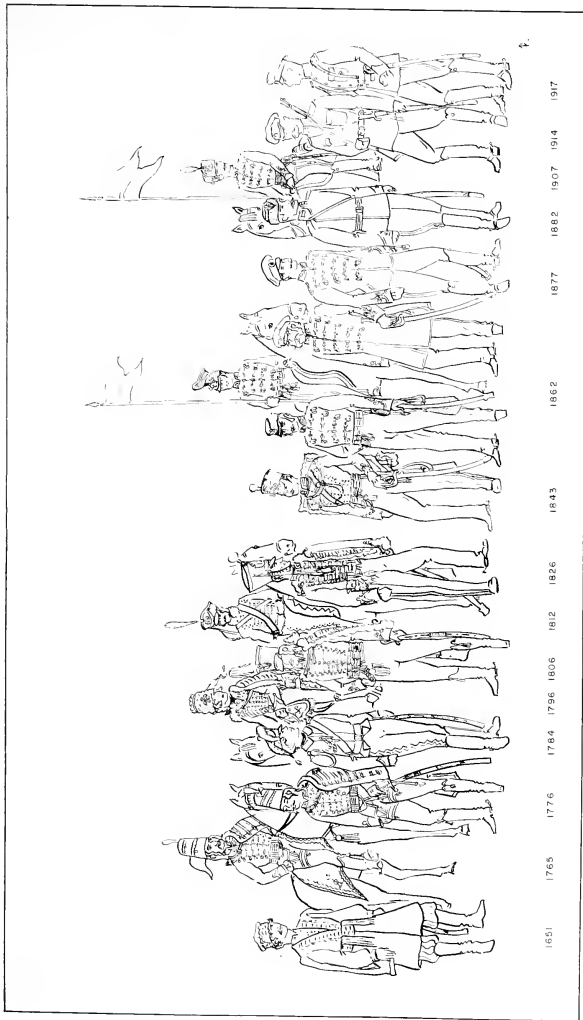
En 1776 les uniformes restent toujours verts avec une pelisse noire mais tous les parements et les revers deviennent jaunes ainsi que le mirliton.

C'est en 1784 qu'intervient la réforme du Général Prince POTECHKINE dont l'idée maîtresse était de rendre l'uniforme pratique et moins coûteux, et ce fut la fin momentanée de la tenue de hussard.

Ce régiment changea de nom et devint les cheval-légers AKHTYRSKY. Il fut coiffé du casque de cuir noir avec une chenille transversale en fourrure blanche et une flamme noire retombant sur la nuque. Les tresses, les queues poudrées disparaissaient et les soldats furent coiffés de la même façon que le peuple, c'est à dire « sous-le-pot ».

L'uniforme devint un habit bleu avec un col et des revers rouges, des pattes d'épaule et une fourragère blanches, la culotte fut remplacée par le pantalon dit « Charovari » de couleur rouge avec une bande de pantalon dentellée de couleur blanche, les demi-bottes sont larges et de couleur noire. Bien qu'en ayant perdu toute l'apparence, les régiments de cheval-légers ukrainiens continuent, malgré tout à se faire appeler hussards.

Vers la fin du 18ème siècle, tant en EUROPE qu'aux ETATS-UNIS, l'uniforme « à la hussarde » devient la tenue militaire à la mode. En y apportant certaines variantes on en affuble des artilleurs, les dragons légers du Royaume de Grande Bretagne, les chasseurs à pied et à cheval et même les bataillons de skieurs norvégiens qui portaient des pelisses fourrées de lapin blanc se



coiffèrent de colbacks de fourrure de la même couleur.

Ceci explique pourquoi l'Empereur PAUL 1er pensait dans sa réforme de l'armée à recréer des unités de hussards en RUSSIE. En 1796, le régiment prit le nom de régiment de hussards du Lieutenant général LINDENER et reçut un colback à poils longs de chien noir avec une flamme marron foncé, un dolman marron avec un col et des revers jaune clair. La pelisse était marron, les brandebourgs et les parements jaunes. Le pantalon de cheval était blanc et la ceinture classique de hussard devint marron et jaune avec des glands de couleur blanche.

En 1806 le colback est remplacé par un shako cylindrique étroit avec visière amovible et à la fin de cette même année les tresses qui avaient été rétablies furent, une fois pour toutes, abolies.

Il faut dire à ce sujet que si POTECHKINE avait supprimé cette façon de se coiffer déjà en 1784, dans les autres pays les perruques, les tresses et les queues avaient été maintenues ce qui posait parfois un problème de toilette inutile aux gens de guerre.

Les troupes révolutionnaires françaises avaient simplement défait leur tresse mais maintenu les cheveux longs ce qui n'était ni pratique ni hygiénique.

L'Empereur PAUL 1er avait rétabli, pour une période heureusement courte, l'utilisation des tresses par un certain désir de retour en arrière aux traditions pré-révolutionnaires.

Les anglais toujours conservateurs, ne coupèrent leurs tresses qu'en 1808, ce qui n'empêcha pas les autorités militaires de donner un contre-ordre le lendemain pour empêcher l'exécution capillaire, mais les troupes n'attendaient que cette occasion et ce fut une hécatombe des cheveux longs aussi générale qu'enthousiaste.

Le commandant de l'armée dut s'accommoder du fait accompli et seul le 22ème régiment d'infanterie le ROYAL WELCH FUSILIERS, guerryant en ESPAGNE ou dans les colonies, reçut l'ordre et le contre-ordre en même temps et maintint les tresses plus longtemps que les autres unités de l'armée de Sa Majesté Britannique. En souvenir de ce fait, les officiers de ce régiment portent à ce jour attachés au col de leur veste d'uniforme, deux rubans de soie noire descendant de 15 à 20 cm dans le dos, en mémoire de ces mêmes rubans qui jadis protégeaient l'uniforme contre la crasse et la poudre des queues.

C'est en 1807 que les Tchaktchiris (culottes de hussard) prirent la couleur bleue, par la même occasion les cannes portées par les sous-officiers et officiers furent supprimées.

En Janvier 1812, les hussards recurent enfin le shako typique de l'armée russe, plus large en haut qu'à sa base avec un fond incurvé et qui portait le nom de « Kiever ». Néanmoins, certains

régiments ne le portèrent qu'en 1813.

Pendant les guerres napoléoniennes les hussards AKHTYRSKY portaient le dolman et la pelisse marron, les parements et les brandebourgs jaunes, la carabine de cavalerie pendait sur une courroie blanche qui passait par l'épaule gauche et la giberne rouge, sur un baudrier de la même couleur. Les culottes étaient bleues avec de retroussis jaunes et se portaient rentrées dans les bottines de hussards.

En campagne la tenue diffère par les longues culottes de cheval grises avec des gros boutons tout le long de la bande du pantalon qui est retenu aux chaussures par un sous-pied. La chabraque était bleue avec une bordure dentellée jaune, la fourrure de la pelisse grise pour les officiers, noire pour les sous-officiers et blanche pour les hussards.

Durant la campagne de FRANCE en 1814, le régiment reçoit un insigne d'honneur métallique en forme de banderole ou de croissant inversé, qui se fixait sur le haut du kiever, pour le courage que le régiment avait montré lors de la bataille de Katzbach, elle portait l'inscription : « Pour faits accomplis le 14 Août 1813 ».

A la même époque, l'Empereur ALEXANDRE 1er accorde au régiment des hussards AKHTYRSKY le droit de porter à vie des dolmans de couleur marron.

Il est à remarquer que la couleur du dolman a bien souvent varié dans les autres régiments de hussards; ainsi le régiment KLASTISKY le portait bleu foncé avec col et revers bleu clair en 1812, en 1826 il reçoit un dolman blanc et un kiever bleu tandis qu'en 1882, habillé d'un nouvel uniforme de dragons vert foncé, il se voit octroyer des pattes d'épaule et des cordons lilas, ce qui n'empêcha pas de changer en 1907 cet uniforme pour un dolman bleu foncé à parements blancs et une flamme bleue claire au colback.

En même temps que le dolman marron le régiment AKHTYRSKY reçoit de longs pantalons de cheval de couleur grise à large bande jaune.

En 1819 la giberne devient noire sur baudrier blanc, la carabine est portée sur un baudrier de la même couleur passant par l'épaule gauche.

En 1820 les officiers voient les franges de leurs dolmans et pelisses supprimées et remplacées par 5 rangs de boutons.

En 1826 le kiever devient plus haut que précédemment, c'est à dire qu'il prend la forme des shakos de dragon mais garde la même couleur jaune que celle du col des dolmans.

Plus tard, le col et les parements redeviennent marron, c'est à dire de la même couleur que le dolman. La fourrure des pelisses devient noire, tant pour les officiers que pour les hommes de troupe, 3 rangs de boutons sont cousus sur la poitrine, tandis que les culottes de cheval « Tchaktchiris » et les bottes sont remplacées

par de longs pantalons gris-beu à passepoil jaune.

Dès 1835 l'étoffe des pantalons gris supprimés est utilisée pour confectionner des gants pour les hommes de troupe, tandis que les sous-officiers continuent à porter les gants blancs en peau de daim.

C'est à partir de 1835 que les pelisses commencèrent à être portées à la « Russe », c'est à dire attachées aux deux épaules et tombant dans le dos au lieu d'être accrochées à l'épaule gauche selon l'ancienne tradition hongroise.

En 1843 l'on introduit les nouveaux kieviers, plus bas que les précédents (20,9 cm) et l'on remplace les pattes d'épaule par des cordons à la hussarde. En 1844 pour la première fois les officiers reçoivent des cocardes sur les casquettes. Jusqu'en 1845 les officiers de hussards portaient en petite tenue de ville le « vice-moundir » (redingote). A partir de cette date, la petite tenue comprend :

— une « Kourtka », veste courte ornée de 5 brandebourgs sur la poitrine et de longues « venguerka » nom donné au dolman à la hongroise qui, à l'époque, descendait jusqu'aux genoux.

La sabretache était recouverte d'un étui noir quand l'officier mettait sa Kourtka; par contre, elle n'était pas portée avec la venguerka. Dans cette dernière tenue, le baudrier passé sous la venguerka devenait apparent à la hauteur de la taille, le sabre étant bien entendu à l'extérieur.

Les dolmans continuaient à être portés par le régiment en tenue de sortie et de parade.

La campagne de Crimée fut l'origine de mesures économiques en tout ce qui avait trait aux uniformes militaires.

En 1855, les hommes de troupe et les sous-officiers reçoivent des tuniques d'été, tandis que les pelisses sont supprimées. La même réforme touche les officiers en 1886 et seuls les généraux la gardent en tenue de parade.

En 1858 la sabretache est supprimée et en 1862 le kiever jaune, qui a d'ailleurs perdu sa forme originale et s'est retroussé vers le haut depuis 1858, est remplacé par un petit képi jaune du type hongrois avec l'aigle impérial au-dessus de la visière et une petite queue de cheval retombant sur le devant.

En même temps, on ajoute à la tenue de campagne le « bachlik » sorte de capuchon en poil de chameau avec des côtés allongés se rabattant en croix sur la poitrine. Il faut remarquer que tous ces changements apportés à l'uniforme des hussards de ligne ne touchèrent pas les régiments de hussards de la garde impériale qui gardèrent leurs pelisses, sabretaches et colbacks à flamme multicolore.

En 1866, la venguerka reçoit le nom officiel de dolman, tandis qu'en 1869 on introduit les culottes de cheval carmin (KRAPOVIE TCHAK-

TCHIRIS) et les bottes à la hussarde, c'est à dire avec la découpe en V dans le haut. Les pantalons longs étaient supprimés, mais les officiers pouvaient porter de larges culottes bouffantes « charovari » gris-bleu, qui pouvaient être glissées par dessus les bottes.

C'est en 1872 que fut institué un nouveau genre de kiever qui ressemblait plutôt à un képi haut de 12 cm, avec un extérieur en cuir laqué et le haut en laine jaune portant des broderies dorées qui variaient selon le rang de l'officier. La casquette à bandeau jaune et à la carre marron, souvent portée hors service, devient le couvre-chef habituel surtout pendant et après la guerre russo-turque de 1877-1878.

Pour cette dernière campagne les officiers reçoivent en récompense de leurs hauts faits, des brandebourgs dorés similaires à ceux des hussards de la garde.

Le règne de l'Empereur ALEXANDRE III voit une réforme visant à simplifier et russifier l'uniforme. Tous les régiments de cavalerie, la garde et les cosaques exceptés, furent transformés en régiments de dragons. Ces régiments portèrent une veste d'uniforme vert foncé et des culottes de cheval gris-bleu telles que l'Empereur PIERRE LE GRAND les avait instituées pour ses premières troupes régulières. Néanmoins, selon la volonté de l'Empereur ALEXANDRE 1er appelé « le béni », le régiment AKHTYRSKY maintient la couleur marron pour l'uniforme coupé à la nouvelle mode.

Les brandebourgs de la garde furent remplacés par des pattes de col aux couleurs de l'ordre de St GEORGES (orange et noir), le haut des couvre-chefs, les pattes d'épaule et les ceintures restent toujours jaune et la casquette n'est soumise à aucun changement.

En 1885 la chabraque fut supprimée et remplacé par une celle faite en peau blanche glacée. L'Empereur NICOLAS II redonna aux régiments de cavalerie de son armée les anciennes dénominations et c'est ainsi qu'en 1907 le régiment AKHTYRSKY redevient régiment de hussards. Tout comme les régiments de la garde, le couvre-chef devint un colback de dimensions légèrement plus petites, en astrakan noir avec un plumet blanc qui vient remplacer la queue de cheval.

Le flamme reste toujours jaune, pendant sur le côté droit du colback. Les trompettes avaient un plumet rouge et les généraux un plumet aux 3 couleurs des ROMANOW, noir à la base, jaune orangé au dessus et blanc dans sa partie supérieure.

Le dolman reste marron, les culottes « Tchakichiris » carmin et les brandebourgs rouge chez les hommes de troupe et or pour les officiers, tout comme dans les régiments de la garde. Ces brandebourgs prennent une forme nouvelle, ils sont au nombre de 5, un peu plus larges qu'au-

paravant et se terminant sur les côtés par 3 boucles dites « en feuilles de trèfle », au lieu des 2 boucles portées précédemment et qui sont d'ailleurs maintenues dans la garde.

Les flammes de lance étaient bicolores, jaune au dessus et marron au dessous; la moitié du régiment était sur des chevaux isabelle et l'autre sur des chevaux aubère.

Durant la 1ère guerre mondiale, les hussards reçoivent une tenue de campagne qui comprend une casquette gris-vert, une chemise kaki, des pantalons de cheval gris-bleu et une capote gris-marron. En hiver la casquette était remplacée par la papakha ou chapeau de fourrure grise en astrakan.

La guerre civile vit des officiers du régiment AKHTYRSKY combattre les troupes bolchéviques en casquette traditionnelle, c'est-à-dire à bandeau jaune et à carre marron, ils aiment aussi porter les pantalons de cheval « Tchaktichiris » carmin.

En parlant des uniformes du régiment des hussards AKHTYRSKY, il nous faut conter une légende qui a même servie de base à un provocateur soviétique pour accuser les armées de l'Empereur d'avoir eu recours au vol et à la maraude dans les couvents et selon lequel les hussards AKHTYRSKY auraient utilisé des stocks de bure monacale pour confectionner leurs uniformes.

Cette légende naquit durant la campagne d'Europe de 1814 pendant laquelle les hussards AKHTYRSKY poursuivaient sans relâche les troupes françaises. Leurs uniformes étaient usés jusqu'à la corde et une fois arrivés à Paris et casernés dans un grand monastère catholique, le célèbre partisan et poète Denis DAVIDOW fit réquisitionner la bure destinée aux habits des moines pour habiller en marron son régiment. Lors d'un défilé, l'Empereur ALEXANDRE 1er « le béni » ayant remarqué ce régiment dont la

tenue lui paraissait étrangère demanda d'où venaient ces uniformes flambant neuf et de couleur assez extraordinaire. Ayant reçu la réponse du colonel en chef, il donna l'ordre que le régiment AKHTYRSKY conserve la tenue marron durant toute son existence.

Il a été même dit que certains officiers du régiment faisaient venir de FRANCE la bure de l'ordre monastique qui, soi-disant, servait de base à la confection des dolmans.

Il reste, toutefois, possible que durant les guerres napoléoniennes, une telle chose se soit passée avec un régiment étranger, ce qui a donné naissance à une mode qui, jusqu'à la fin de la première guerre mondiale, existait dans certains pays et qui consistait à habiller un des régiments de hussards en tenue marron.

En RUSSIE, à l'époque de PAUL 1er c'est le régiment LINDENER, plus tard appelé AKHTYRSKY, qui hérita de cette mode, les allemands, comme les français, avaient des régiments de Hussards en tenue marron, le régiment prussien de Silésie la porta jusqu'en 1914 et les hussards hongrois d'ESTERHAZY la portaient en FRANCE jusqu'en 1871 quand ils prirent le nom de 2ème régiment de Hussards.

Il reste vrai que le régiment AKHTYRSKY a gardé la couleur marron dans son uniforme depuis les campagnes napoléoniennes jusqu'à l'arrêt momentané de l'existence de cette unité.

Manquant d'informations complètes dans les conditions actuelles de notre vie d'émigrant, il m'a été fort difficile de trouver tous les éléments nécessaires à la rédaction de cet article; je tiens par conséquent à remercier tous ceux qui m'ont aidé à ce faire et si j'ai péché par inadvertance, je serai très heureux de recevoir les critiques qui me permettront de corriger mon texte. Après tout, je ne suis qu'un chercheur toujours en quête d'information et de vérité.

T. Kulikovskiy

« LE PASSE MILITAIRE »

Revue illustrée, paraissant tous les deux mois, et traitant de l'Armée et traitant de l'Armée et de la Marine Russe.

Abonnement pour 1973 : 40.00 Francs.

Adresse de la Rédaction : 61, rue Chardon-Lagache, 75016 — PARIS. Tél. : 647 72-55
C.C.P. Paris 3910-12

ARMES ET UNIFORMES DE L'HISTOIRE

Redacteur en chef: Christian de LAURENDE

DIRECTION - ADMINISTRATION - REDACTION: 11 rue de Valenciennes, 105, 75013 Paris, France

ABONNEMENT: N° pour 6 numéros annuels: 5 FF. (1980) (1981) (1982) (1983) (1984) (1985)
Allemagne 25 DM, Pays-Bas 25 FF, Italie 5.000 L, Espagne 25.000 Ptas, Portugal 150 Esc, Grèce 150 Dr.

PRINX 100 - 11 RUE DE VALENCIENNES - FRANCE - 75013

S. ANDOLENKO

« INSIGNES RÉGIMENTAIRES DE L'ARMÉE IMPÉRIALE RUSSE »

Editions Laitas - Paris 1984

Manuel à l'usage des amateurs et collectionneurs de médailles, insigne de troupe et de écoles militaires. Texte russe, présentation et 200 illustrations.

Volume 17 - 24, relié, 230 pages, 400 photos, 200 francs

TIRAGE: TRES LIMITED

Adresser commande avec montant à: M. GUERIN, 11 RUE DE VALENCIENNES

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

- № 2 — Евгений Молло Русское холодное оружие XIX в. 5 фр
№ 3 — В.Н. Ягелло Книжечки танкистов 3 фр
№ 5 — Евгений Молло Русское холодное оружие эпохи Императора Николая II. Книж. И.С. Трубецкой — Нижегородская пашка — 5 фр
№ 6 — П.А. Печасов Алекеевское военное училище 5 фр
№ 9 — К.М. Перенелювский Киевской Великой Княгини Константины Константиновны военное училище 3 фр
№ 10 — Письма Суворова к Принцу Пассау. Зипер — 10 фр
№ 11 — П.К. Ковалевский В Станько Верхонного 9 фр
№ 13 — Алексей Геринг Материалы к биографии русской военной печати за рубежом 15 фр
№ 14 — И.П. Солодков Морские расказы 10 фр
№ 15 — П.В. Пашков Воспоминания полка Александра Алексеевича 3 фр
№ 16 — Странствований Христофора Лемана 10 фр
№ 17 — В.Г. фон Рихтер Собрание сочинений по русской военной медицине и истории 80 фр
№№ 1, 4, 7, 8 и 12 распространяются

СЛОВНИКИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

мануалы 1 и 2 на ротаторе
1 том — 5 фр
1 том — 2 фр
1 том — 3 фр
1 том — 4 фр
1 том — 5 фр
1 том — 6 фр
1 том — 7 фр
1 том — 8 фр
1 том — 9 фр
1 том — 10 фр
1 том — 11 фр
1 том — 12 фр
1 том — 13 фр
1 том — 14 фр
1 том — 15 фр
1 том — 16 фр
1 том — 17 фр
1 том — 18 фр
1 том — 19 фр
1 том — 20 фр
1 том — 21 фр
1 том — 22 фр
1 том — 23 фр
1 том — 24 фр
1 том — 25 фр
1 том — 26 фр
1 том — 27 фр
1 том — 28 фр
1 том — 29 фр
1 том — 30 фр

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТАНАИС»

Издательство находится в городе Таганрог

С.М.Ю. ПИКО Народные знаки Русской армии 200 стр. свыше 500 илл. - 24 фр.

В.Н. ЗВЕЗДИЦОВ Книга геральдика в военное и гражданское время 1916 20 гг. 206 стр. - 18 фр.

М. КАРАТЕВ Железные Хромы и железные 212 стр. - 21 фр.

М. КАРАТЕВ Возвращение истории 1-я и 2-я стр. 21 фр.

Ген. лейтенант А.В. фон ШВАРЦ Извещения в 1914-1915 гг. по воспоминаниям. 166 стр. с портретами. - 15 фр.

Ген. штаба генерал-майор Б.В. ПЕРВА — 1-я и 2-я стр. 21 фр.

Ген. штаба генерал-майор Т.В. ПЕРВА — 1-я и 2-я стр. 21 фр.

Ген. штаба генерал-майор Т.В. ПЕРВА — 1-я и 2-я стр. 21 фр.

Ген. штаба генерал-майор Т.В. ПЕРВА — 1-я и 2-я стр. 21 фр.

LE BRIQUET

«Le Brique» est un mensuel français de Eguine, du Centre Europe fait paraître, chaque trimestre, un brique «LE BRIQUET» contenant des articles rédigés par une équipe de spécialistes de l'épée.

Chaque brique comporte en outre 6 planches d'uniforme imprimées sur bristol, par exemple de l'époque et de nos jours, peints par les peintres militaires et collectionneurs de l'épée, sept pages de BEAULIEU, FORTPOFFER, FLEURYRE, NORTH, RIGO, etc. et un grand article de fond consacré aux armées du bon empire.

Les commandes sont envoyées dans chaque numéro par lettre ou par mandat postal en francs suisses, en dollars américains ou en francs belges.

Les commandes sont envoyées par lettre recommandée par avion même! Dan Taffel - 1000 Avenue of the Americas - New York - New York - 10018 - Téléphone: (212) 675-4000. Nous vous remercions de votre intérêt.

Справки по адресу: Париж, rue de Valenciennes, 16, 75019

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Г. ГИМАНОВ — Михаил Гиманов. Армия
и война. 150 лет основания — 6 фр
Г. Г. ВАНДИЦ — В море и на суше — 12 фр
В. Н. фон-ДРЕИЕР — На лавках Империи
15 фр
А. ГАМИРАУЛЛОВ — Сборник военных по-
весей — 20 фр
Князь П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого
10 фр
КИРАСИРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — По-
следние дни мирной жизни — 10 фр
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера —
20 фр
П. МАНГУЛИН — Бельшик русскоко-
ровца — 25 фр
РАЗЫТКА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕ-
РИИ КОГО УЧИЛИЦА — 25 фр
О. И. ПАНТЮХОВ — О днях былых
35 фр
Ф. П. РЕЙЕРТ — Исторические главы
30 фр
С. П. РИСИЯНСКИЙ — О Российском во-
енстве — 12 фр.
К. Р. — Полное собрание сочинений тома
I III — 60 фр
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КНЯЗИ КОН-
СТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е
издание — 15 фр
П. ТУРЬЯНИ (Л. П. Липович) — По старому
сряду — Сборник рассказов — 15 фр
А. И. ШЕЛОУМОВ — Память о 20-ти летнем
маг. репродукциями баталий, картин
(размер 24 x 31 см) — 30 фр
СЕРГИЙ ШНАКОРСКИЙ — В память о 14
летях — О польского — Королев — Сербского
Сербия — 5 фр

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

- П. риж — в Конторе журнала — 61, rue
Chardon Lagache, Paris 16 и в русских
книжных магазинах
- Брюссель — у Б. П. Мижевского —
175, rue Prevôt, Bruxelles 5.
- Лондон — у Д. К. Краснопольского — 115,
Cromwell Road, London S. W 1
- Германия — у И. Н. Горяинова — Ham-
burg-Postamt 33, Deutschland. Postla-
gend
- Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bred-
gade 53, Copenhagen
- Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemoren-
se 86, Roma
- Сев. Ам. С. Ш. — в Общ. - Кадетском
Объединении у Г. А. Кургорга — 272,
2 Avenue San-Francisco 18, Cal.
- Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 52,
Albert Rd Stratfield 2135 N.S.W. Aus-
tralia
б) у В. П. Тихомирова
3, Fuller Str F. 12
Walkerville S. Australia 5081
- Аргентина — у Г. Г. Бордокова
Buenos Aires 2768 BUENOS - AIRES Argentina

№ 123
Июль 1973 года

ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ВОЕННАЯ СЛАВА

LE PASSÉ MILITAIRE



ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, сообщает о кончине своего друга и многолетнего представителя на Англию артиллерии капитана
ДМИТРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА КРАСНОПОЛЬСКОГО
последовавшей в Лондоне. Панихида отслужена у Кадетской Лампады в Париже.

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и Объединение кадет Киевского кадетского корпуса, с глубокой скорбью, извещают о кончине их сотрудника и одноклассника 11-го гусарского Изюмского полка штабс-ротмистра

ПЕТРА ПАВЛОВИЧА ШОСТАК

последовавшей в Ментоне. Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Париже.

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Черноморский флот в войну 1914-17 гг. — <i>Г. фон Гельмерсен</i>	1
Киевские гусары в войну 1914-17 гг. (оконч.) — ротмистр <i>Протопопов</i>	10
О военной доблести — <i>П. Ф. Волошин</i>	15
Артиллерийский эпизод Башкадыклярского сражения — <i>А. Кульгачев</i>	21
Последнее отступление 1917 г. (оконч.) — <i>В.Е. Милоданович</i>	23
Кто придумал боевые для ношения медали? — <i>Евгений Молло</i>	27
Картина художника Г.К. Бакмансона «Измайловский Досуг» — <i>Юрий Солодков</i>	28
Совпадение ли? — <i>И.И. Бобарыков</i>	29
Действия Уланского Цесаревича полка в бою под Фридландом — полковник <i>Вучич</i>	31
Начало русско-японской войны — <i>М.Н. Шереметев</i>	35
Конная атака 14 августа 1915 г. — князь <i>Игорь Черкасский</i>	38
Военно-историческая комиссия при Гвардейском Объединении — <i>В.А. Каменский</i>	39
Гримасы гражданской войны — князь <i>Игорь Черкасский</i>	40
Хроника «ВОЕННОЙ БЫЛИ»	41
Письма в Редакцию	43
Les drapeaux et étendards de l'armée russe pendant la guerre 1757-1761 — <i>G.A. Gorokhoff</i>	45
Insignes des ordres « avec glaives » — <i>Eugène Mollo</i>	48
Décorations et uniformes russes représentés sur porcelaine — <i>Vladimir von Richter</i>	51
Un camp perdu — <i>A. Levitzky</i>	53
Ochansky — <i>W.N. Zwequintzoff</i>	
Notes explicatives	56

От Издательства

Подписка на цикл №№ 119-124 принимается по цене: 40 фр. фр., зона доллара — 10 дол. на ШЕСТЬ номеров. Подписную плату просьба отправлять, как всегда, на почтовый счет журнала «LE PASSE MILITAIRE» — 391012 PARIS, или нашим представителям заграницей.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

XXII Год издания

№ 123 ИЮЛЬ 1973 г.

BIMESTRIEL. Prix — 7,-Frs

Черноморский Флот в войну 1914-1917 гг

(Окончание)

1915 ГОД. ЯНВАРЬ — МАЙ

С самого начала 1915 года была усилена блокада анатолийского побережья. Для этого адмирал Эбергарт систематически посылал нефтяные миноносцы. Только что вступившая в строй подводная лодка «Нерпа» служила для этой же цели.

Флот почти непрерывно искал неприятельские крейсера до самого конца января. «Гебен» чинился после того, как подорвался 25 декабря на русских минах у Босфора. Это облегчило работу линейным кораблям, но не сократило почти непрерывного «утюжения» ими моря.

Крейсер «Кагул» в начале января встретил у Синопа турецкий крейсер «Гамидие», конвоировавший турецкий транспорт «Мария Ризотта» с грузом снабжения для турецких войск. «Кагул» атаковал «Гамидие», но тот бросил транспорт и убежал полным ходом. «Марию Ризотту» потопили русские миноносцы.

Через два дня «Бреслау» и «Гамидие» ночью встретились с Черноморской эскадрой, возвращавшейся из Анатолии. Неприятельские крейсера после нескольких выстрелов скрылись. Еще до этой встречи, 5 января, «Бреслау» пришел к Батуму с целью обстрелять русские позиции. Но незадолго до его прихода окопы были нами оставлены и заняты турками. Не зная этого, «Бреслау» открыл интенсивный огонь по окопам и нанес туркам большие потери. Взятие Сарыкамыша значительно ослабило положение Кавказской армии и ей в помощь были отправлены в Батум несколько миноносцев, две канонерки и броненосец «Ростислав». Интенсивно обстреливая турецкие траншеи, «Ростислав» наносил туркам большие потери.



Командующий Черноморским Флотом Адмирал
Андрей Августович Эбергарт

Береговые турецкие посты почти непрерывно обстреливались русскими судами. Маленькие угольные миноносцы типа «Ж», несмотря на их слабость в вооружении (1 — 75-мм), обстреливали побережья Трeбизунда, Платаны, Хероса и т. д., несмотря на их отдаленность от базы — Батума. Только один раз, 6 февраля неожиданно появился «Бреслау». В это время шесть этих миноносцев обстреливали Хопу. Приблизившись к миноносцам, «Бреслау» открыл огонь по ним, но миноносцы успели уйти под прикрытие русских береговых батарей. Войдя в поле действительного огня их, вооруженных старыми пушками и всего двумя орудиями в 254-мм., «Бреслау» прекратил огонь и ушел. Встретив в море дивизион русских миноносцев-нефтяников, он их избежал и пошел бомбардировать беззащитный городок Ялту. В это же время русские суда потопили много парусников и четыре турецких парохода возле анатолийского побережья. Уничтожение турецкого транспорта очень помогло нашей Кавказской армии.

В марте, в 60 милях от Ялты «Бреслау» встретил крейсера «Кагул» и «Память Меркурия». С обеих сторон открыли огонь. Несмотря на преимущество в дальности и скорострельности орудий «Бреслау», пользуясь скоростью хода, уклонился от боя и ушел.

В это же время турецкая канонерка «Берк» подорвалась на русской mine у Босфора, но успела добраться до берега и не затонула.

Активность Черноморского флота за январь, февраль и март 1915 года состояла из крейсирования, вдоль неприятельских берегов, где он топил встречные турецкие транспорты. С турецко-немецкой стороны было несколько незначительных и редких походов в море.

В марте вступили в строй две новых подводных лодки типа «Нерпа»^{*)}, что очень помогло усилить надзор за Босфором. В этот же период времени, до событий в Дарданеллах, Черноморский флот получил новое задание — бомбардировать Босфор.

19 февраля 1915 года адмирал Эбергард получил из Ставки следующее извещение:

«...В скором времени англо-французский флот предполагает высадить армейский корпус и предпринять комбинированные действия против Дарданелл. Русский флот будет ему содействовать демонстрациями в Босфоре, параллельно продвижению союзников. Эта операция будет, возможно, продолжена до самого занятия Босфора Черноморским флотом, что даст контакт с союзным флотом».

В Одессе был создан экспедиционный корпус и подготовлены транспорты для десантных

операций в Босфоре. Но вследствие поражения союзников в Дарданеллах десант был оставлен. Черноморскому флоту было все же приказано бомбардировать Босфор и усилить, насколько возможно, блокирование турецкого угольного района. Была установлена связь между английским адмиралом Карден и адмиралом Эбергардом для совместной операции. 5 марта Черчилль сообщил в Ставку: «Британское правительство твердо надеется, что как только английский флот войдет в Мраморное море, русский флот приступит к непрерывной бомбардировке фортов у входа в Босфор, что будет иметь огромное значение»...

14 марта русский офицер для связи телеграфировал Эбергарду: «Английский адмирал мне сообщил, что согласно решению, принятому его правительством, русскому флоту предстоит начать бомбардировку за четыре дня до начала атаки и продлить ее до самого взятия Дарданелл».

Недавние опыты с гидропланами в качестве разведчиков и корректировщиков артиллерийской стрельбы показали их большую помощь Черноморскому флоту. Проблема доставки их к Босфору была быстро решена. Пароход «Император Николай 1-ый» был переделан в авианосец и брал 5 гидропланов. Вспомогательный крейсер «Алмаз» мог нести два гидро. Необходимо было иметь также тралящики дальнего следования, которые могли бы сопровождать эскадру в любую погоду. Для этого была организована дивизия из 8 пароходов, вооруженных противоподлодочной артиллерией и снабженных тралями.

Когда главный британский штаб уведомил адмирала Эбергарда о дне атаки Дарданелл, русская эскадра уже подготовилась к бомбардировке батарей Босфора.

27 марта Черноморский флот в составе пяти лин. кор. трех крейсеров, девяти миноносцев, одного авианосца и шести тралящиков дальнего плавания вышел к Босфору. 28 марта утром эта эскадра в 24 судна подошла к Босфору и адмирал Эбергард выделил отряд из линейных кораблей «Три Святителя» и «Ростислав», вспомогательного крейсера «Алмаз» и авианосца «Император Николай 1-й». Впереди них шли три пары тралеров под охраной миноносцев. Главная же часть эскадры осталась крейсировать уменьшенным ходом в 15 мор. милях от Босфора. Погода была очень благоприятной для стрельбы, и берег пролива был ясно виден. Дул легкий ветер с NW. В 10 милях от Босфора авианосец «Император Николай 1-й» и вспомогательный крейсер «Алмаз» спустили на воду гидропланы, а тралящики, «Ростислав» и «Три Святителя» продолжали идти тем же курсом. В 7 час. 20 мин. утра они подошли к Босфору на дистанцию в

^{*)} 650 тонн, 12 мин. тубов и одно орудие 75-мм.

8.000 метров. Турецкие береговые батареи открыли огонь по тралерам, и их залпы легли недолетами. Гидропланы кружились над проливом и были также обстреляны. Они сообщили о присутствии в Босфоре военных судов, по всей вероятности — турецких миноносцев. Линейные корабли «Ростислав» и «Три Святителя» заметили у мыса Элмас большой парход, шедший полным ходом к Босфору. Навстречу ему неслись два турецких миноносца, все время издав сигнализирова прожектором. «Три Святителя» открыли огонь по транспорту на дистанции в 6.500 метров и сразу же попал в него. Транспорт повернул к берегу, выбросился и загорелся. «Ростислав» погнался за миноносцами, но им удалось полным ходом уйти в Босфор.

Подойдя возможно ближе к берегу и обнаружив на транспорте военный груз, «Три Святителя» уничтожил его. Затем «Три Святителя» и «Ростислав» пошли на запад и на расстоянии в 7.000 метров от берега и со скоростью хода в 6 узлов обстреливали на мысе Элмас неприятельские батареи в 305-мм., а также и другие, на азиатском берегу. Бомбардировка длилась до 11 час. 50 мин. дня. Гидропланы корректировали стрельбу и наблюдали за «Гебеном». По их донесениям много снарядов попала в батареи.

Бомбардировка лин. кор. была продлена на 40 минут (до 12 час. 30 мин.), и на румелийском побережье, начиная с Панас-Бурну. «Три Святителя» и «Ростислав» выпустили разного калибра общим числом 100 снарядов.

Прекратив огонь, они по приказу адмирала Эбергарда присоединились в море к эскадре линейных кораблей. Там, в ожидании выхода «Гебена» и «Бреслау» они провели остаток дня и ночь. Не дождавшись их, утром 29 марта эскадра опять подошла к Босфору и те же два линейных корабля ушли с приказом возобновить бомбардировку фортов. Когда они подошли к берегу, то из-за густого тумана не могли вести интенсивного обстрела. Гидропланы сообщили, что видят в Босфоре множество судов и предполагают, что турецкий флот направляется в Черное море. Адмирал Эбергард с эскадрой прождал у Босфора целый день, но турецкий флот так и не показался. Ночью эскадра пошла вдоль анатолийского берега для разведки.

Пасха 3 апреля 1915 года

Бомбардировка босфорских укреплений Черноморским флотом до крайности возбудила турецкую общественность против немецкого командования и вызвала панику среди населения Константинополя. Турецкое общественное мнение считало, что количество угля, сожженного германскими крейсерами в их боевых походах в Черном море, не было оправдано их

действиями при встречах с русскими кораблями и при обстреле крымского и кавказского побережий. Лучшим примером было 18 марта, когда «Бреслау» отказался вступить в бой с крейсерами «Кагул» и «Память Меркурия» более старой конструкции, более слабо вооруженными и менее быстроходными. Он предпочел бомбардировать беззащитный городок Феодосию! Тогда как периодическая бомбардировка угольного района Турции и почти беспрепятственное присутствие русского флота у ее берегов не только остановило снабжение турецкой армии, но и изнуряло ее.

Для успокоения и удовлетворения турецкой общественности адмирал Сушон решил атаковать Одессу в Святую ночь, когда русские на кораблях, в море и на суше, славили Христа! Крейсера «Гамидие» и «Меджидие» в сопровождении четырех миноносцев он отправил к Одессе, а сам на «Гебене» вместе с «Бреслау» отправился к Крыму.

В Святую ночь 3 апреля, во время заутрени «Меджидие» подошел к Одессе и приготовился бомбардировать город, но взорвался на мине. Сопровождавшие его турецкие миноносцы подобрали экипаж, а крейсер затопили. «Гамидие» же бежал без оглядки.

Кошунственный замысел адмирала Сушона не удался и вместо подарка туркам он лишил их крейсера. Через два месяца «Меджидие» был поднят русскими, отремонтирован и немного позже вступил в строй под именем «Прут».

«Гебен» и «Бреслау» встретили в тот же день русскую эскадру в 30 милях к западу от Севастополя. Оба крейсера уклонились от боя и ограничились потоплением встретившихся им двух русских пароходов. Адмиралу Эбергарду, бросившемуся за ними в погоню, как всегда — из-за слабого хода «стариков» — броненосцев, не удалось догнать их.

Май 1915 года

Операции союзников в Дарданеллах снова требовали поддержки Черноморского флота. Англичане и французы дорого расплачивались за пропуск «Гебена» и «Бреслау» в Константинополь!

Черноморский флот в третий раз отправился 2 мая к Босфору бомбардировать его форты. Задания флота оставались теми же, что и 28 марта. Несмотря на появившиеся немецкие подводные лодки, адмирал Эбергард приказал линейным кораблям «Три Святителя» и «Пантелеймон» обстрелять форты. В 9 час. 47 мин., на дистанции в 10.000 метров, идя со скоростью в 6 узлов, они начали бомбардировать форты как на азиатском, так и на румелийском побережье, идя сзади тральщиков. Около 11 часов был замечен перископ атакующей подводной лодки. Ей было послано несколько 152-мм. сна-

рядов. Миноносцы эскорта пошли ее разыскивать, но так и не нашли. На обратном следовании вдоль берегов «Три Святителя» и «Пантелеймон» были обстреляны с турецких фортов, но они шли вне досягаемости их.

Бомбардировка длилась 2 часа 50 минут. Броненосцы «Три Святителя» и «Пантелеймон» выпустили 170 снарядов 305-мм. и 538 — 152-мм. В продолжение всей бомбардировки гидропланы летали над фортами, корректируя стрельбу кораблей. Были видны взрывы и пожар на фортах. Крейсера «Кагул» и «Память Меркурия» в это же время обстреливали Зунгулдак, потопив несколько парусников и один пароход.

3 мая утром эскадра возвратилась к Босфору. «Ростислав» заменил «Пантелеймона». Из-за плохой погоды обстрел начался только после полудня. Гидропланы корректировали стрельбу броненосцев и наблюдали за движением неприятельских кораблей в Босфоре. 4 мая флот обстреливал залив Инадна. После бомбардировки гидропланы летали над Константинополем и вызвали там панику, так как в те времена это было неожиданно и необычно. В начале мая флот и отдельные корабли бомбардировали турецкий угольный район много раз. В составе Черноморского флота уже находились три подводные лодки, обладающие большим районом действий и способные блокировать Босфор. Они явились большой помощью флоту, так как блокада пролива стала более длительной и действительной.

6 мая адмирал Эбергард вышел с флотом в море и в это время был извещен, что неприятельские крейсера находятся в море. Подойдя к анатолийскому берегу, адмирал отправил к Зунгулдаку крейсера и миноносцы для обстрела угольного центра. В Эрекли был высажен маленький отряд, который уничтожил электрическую станцию и все военные сооружения. Эскадра линейных кораблей держалась в это время в море и стерегла «Гебена», а у Босфора на позицию была впервые поставлена подводная лодка.

9 мая утром эскадра приблизилась к Босфору и линейные корабли «Три Святителя» и «Пантелеймон» были отправлены для обстрела фортов. Остальная часть эскадры держалась в море, в 25 морских милях севернее. Едва эти два линейных корабля, подойдя на 8.000 метров, приготовились открыть огонь, как получили сигнал командующего флотом: «Немедленно вернуться и вступить в строй эскадры!».

На востоке был обнаружен «Гебен», шедший полным ходом на Босфор. Взяв курс на сближение с русской эскадрой, он с дистанции в 13.000 метров открыл по ней огонь.

Линейные корабли «Три Святителя» и

«Пантелеймон» к этому времени уже присоединились к эскадре и заняли свои места для боя. Через 25 минут «Гебен» увеличил ход и, прекратив огонь, пошел на север. Ни один его снаряд не попал в цель, он же получил несколько попаданий, взрывы которых были видны со всех кораблей эскадры.

Во время боя радиотелеграфисты русских кораблей обнаружили в море другие неприятельские корабли. Поведение «Гебена» подтвердило их присутствие: до полудня он шел на север, затем взял курс на «SW» и потом на юг, к Босфору. Русская эскадра пыталась его нагнать до 14 часов. Но из-за ее медленного хода так и не удалось заставить его продлить бой. Эта встреча с «Гебеном» лишний раз показала, насколько его стрельба менее точна, чем стрельба старых русских броненосцев. Опять, уже во второй раз, он не мог выдержать артиллерийского огня черноморцев и вынужден был бежать, воспользовавшись своим преимуществом в ходе.

Он выпустил (благодаря скорострельности его орудий) в общей сложности 200 снарядов, и безрезультатно! Русская же эскадра успела выпустить только 50 снарядов 305-мм., из которых четыре попали в цель.

Туман и дождь не позволили адмиралу Эбергарду идти бомбардировать форты Босфора.

1915 год. Июнь — декабрь Сражение «Бреслау» с «Дерзким» и «Гневным» 11 июня 1915 г.

Действия у турецких берегов русских миноносцев и подводных лодок, топивших в большом количестве турецкие пароходы и парусники, очень раздражали, конечно, турецко-германского адмирала Сушона. И все же он сравнительно редко посылал в Черное море свои миноносцы и крейсера отомстить русским. Некоторым исключением был крейсер «Бреслау», возможно — из-за его преимущества в ходе и в артиллерии.

В ночь на 11 июня 1915 года миноносцы — нефтяники «Дерзкий» и «Гневный» крейсировали в дозоре перед Босфором. Примерно в 2 часа ночи головной миноносец «Дерзкий», идя к западу, параллельно турецкому берегу, заметил справа по носу подозрительную точку, слабый свет, что могло быть, вероятнее всего, неприятельским кораблем, идущим к Босфору. Пробив боевую тревогу и известив «Гневный», «Дерзкий» склонился влево, предполагая, что неприятель будет стремиться пересечь его путь. Почти тотчас же выяснилось, что замеченная точка перемещается вправо, начиная расхожиться с русскими миноносцами на контркурсах, почему потребовалось переложить руль направо, чтобы привести миноносец на курсо-

вой угол, нужный для минной атаки в этих условиях.

Но неприятель перемещался вправо все быстрее и, когда минуты через 3-4 после боевой тревоги он открыл прожектор и был спознан как «Бреслау», «Дерзкий» еще не дошел до нужного курсового угла для выпуска мин. Луч прожектора скользнул по рангоуту «Дерзкого» и остановился на «Гневном», по которому «Бреслау» тотчас открыл огонь. По существовавшим правилам миноносцам при ночной атаке не рекомендовалось стрелять из орудий до выпуска мин.

Несмотря на это и не ожидая распоряжения с командного мостика, артиллерийский офицер «Дерзкого» лейтенант Н.Б. Федосеев, находившийся на кормовом мостике между двумя 100-милл. орудиями, с первым же залпом «Бреслау» по «Гневному» открыл огонь по «Бреслау». Стрельба «Бреслау» по «Гневному» и «Дерзкого» по «Бреслау» продолжалась одну минуту 45 секунд, после чего свет прожектора с «Бреслау» потух внезапно, очевидно от повреждения снарядом. Наводчики потеряли цель, на «Дерзком» больше не видели «Бреслау» и в то же время обнаружили, что «Гневный» не следует в кильватер «Дерзкому». «Гневному» удалось выпустить мины.

Капитан 2 ранга Анатолий Федорович Ульянов, бывший штурманом на «Гневном», рассказывает: «С "Гневного" видели ясно, как снаряд первого же выстрела "Дерзкого" разорвался на "Бреслау", но так как тот продолжал стрелять, то командир "Гневного", капитан 2 ранга Черкасов, решил атаковать "Бреслау" минами. Он круто повернул на противника и, дойдя до дистанции 6-8 кабельтов, сделал залп пяти мин. В этот момент впервые "Гневный" попадает в луч света прожектора "Бреслау", который резко повернув на Норд, то есть показав корму "Гневному" и этим избежав минного залпа, открыл беглый огонь по миноносцу, держа его в луче прожектора. На "Гневном" мичман Краченко сделал еще два или три выстрела из кормового орудия. Первые снаряды "Бреслау" ложились большими перелетами, затем на корабле были сбиты обе стены, и снаряды стали рваться в воде, за левым бортом. Первое попадание было в полубак. Был перебит канат левого якоря, который высучило в воду. Этот разрыв вызвал пожар в носовом отсеке, ослепил всех на мостике и вывел из строя прислугу носового орудия. Второй снаряд попал в правую машину, не разорвался, но перебил главный паропровод, обжег старшего инженер-механика и всю смену машинистов правой машины. Всего 7 человек экипажа было тяжело ранено и обожжено 29. Атака и бой продолжались приблизительно 8 минут. Весь пар из котлов ушел в правую машину. Корабль

остановился, и жизнь на нем замерла в злой тишине и в темноте! Человек, посланный на марс для наблюдения за морем, когда на горизонте застелилась утренняя заря, доложил, что видит дым со стороны Босфора. Командир решил в случае встречи с "Гневном" сразиться до последней возможности и затем затопить "Гневный". Старший офицер заложил подрывные патроны в машинах и котелгарках. Еще до восхода солнца увидели, что это был дым "Дерзкого"».

По свидетельству капитана 2 ранга Глеба Николаевича Никитенко, на «Дерзком» после боя некоторое время не знали, где «Гневный» и что с ним. Но затем с трудом были приняты шифрованные телеграммы, сделанные очень слабым током. «По голосу» телеграфист узнал «Гневного», расшифровать же телеграмму было трудно, ввиду ошибок и пропусков в принятых цифрах. Потребовалось больше часа усилий и применение различных комбинаций, раньше чем удалось что-то понять и определить слово, похожее на «машины», что позволило догадаться, что машины повреждены и что, следовательно, «Гневный» должен находиться недалеко от места боя...

Рассвет приближался, и для помощи «Гневному» «Дерзкий» должен был вернуться в эту точку как можно раньше. Вскоре он его нашел. Подача перлиней и якорного каната поврежденного миноносца для буксировки, затем надежное крепление буксиров на юте «Дерзкого» заняли несколько часов, и миноносцы пошли в Севастополь в 9 ч. утра, ходом, по началу, в 13 узлов.

Как вспоминает капитан 2 ранга Ульянов, старший механик «Гневного» инженер-механик лейтенант М.А. Гофман умело и успешно руководил работами и в несколько часов переключил паропровод, поднял пар в котлах, включил динамо и вспомогательные механизмы, и, когда заработала левая машина, то на буксире у «Дерзкого» ход дошел до 16 узлов. За доблесть и приведение в порядок машин корабля у вражеских берегов, раненый, но оставшийся в строю инженер-механик лейтенант Михаил Александрович Гофман по постановлению Георгиевской Думы был награжден Георгиевским оружием.

Артиллерийский офицер «Дерзкого» лейтенант Николай Борисович Федосеев за проявленную инициативу и считается с результативности его стрельбы, был также награжден Георгиевским оружием по представлению своего командира.

Г. Копп в своей книге на немецком языке: «На борту "Гебена"» рассказывает, что среди поврежденных «Бреслау», на котром он был в этом бою, была выведена из строя радиостанция и зажжен пожар в офицерском поме-

щении. Имелось также значительное количество убитых и раненых на верхней палубе, где спала часть команды.

Бой «**Бреслау**» с двумя русскими миноносцами показал инициативу решительность и присутствие духа таких командиров, как капитаны 2 ранга Гадд и Черкасов, и таких офицеров и команды, как бывшие на наших двух миноносцах.

Через семь дней, 18 июня, «**Бреслау**» подорвался на русских минах и долгое время не появлялся потом в Черном море.

9 июля 1915 года

Весь Черноморский флот в волнении и радостном ожидании: «**Императрица Мария**» — первый дредноут, построенный в Николаеве, вступает в ряды Черноморского флота.

Все меры предосторожности на пути ее следования из Николаева в Севастополь приняты. Подводный минный заградитель «**Краб**», только недавно вступивший в строй, ушел к Босфору ставить мины. Весь старенький Черноморский флот пошел встречать «**Императрицу**». Буксиры вывели ее из Буга и в лимане дали ей свободу действий. «**Императрица**» пошла самостоятельно. Но «**первые шаги**» ее были неуверенны и шатки, ее швырнуло вправо, а потом влево — влево: рулевые еще не освоились с новой системой рулевого управления — вместо традиционного штурвала маленькая ручка (как на трамвае). Все суда, встречавшие ее, шарахнулись от нее во все стороны.

Но вот «**Императрица**» пошла своим курсом... На всей эскадре ликование! Какая мощь — 12 орудий 305-мм. и 23 узла! Наконец-то старикам-броненосцам пришла смена и они смогут отдохнуть. За 8 месяцев войны им пришлось прожить 12.000 морских миль без ремонта и аварий.

Вступление в Черноморский флот почти одновременно первого дредноута в 22.435 тонн водоизмещения, с 12 орудиями 305-мм., и 18 — 130-мм., с ходом до 23 узлов; первого минного подводного заградителя «**Краб**» и пяти нефтяных миноносцев с водоизмещением в 1.100 тонн, тремя орудиями в 100-мм., четырьмя двойными минными аппаратами и со скоростью в 34 узла, значительно усилило его.

После боя 9 мая с эскадрой броненосцев «**Гебен**» снова появился в Черном море только 11 августа. Атакованный подводной лодкой «**Морж**», он, увернувшись от ее мин, скрылся в Босфоре.

6 сентября 1915 года

Действия эскадренных миноносцев «**Пронзительный**» и «**Быстрый**» у Зунгулдака и атака «**Гебена**» у Босфора подводной лодкой «**Нерпа**».

Нефтяные миноносцы «**Пронзительный**» и

«**Быстрый**» в первых числах сентября 1915 года крейсировали перед Зунгулдаком, а подводная лодка «**Нерпа**» стерегла обычный путь турецких угольных транспортов в окрестности Кафкан, в 45 морских милях к востоку от Босфора.

6 сентября на востоке появился дым. Командиры миноносцев и подводной лодки сговорились идти навстречу дыму. Вскоре им открылись крейсер «**Гамидие**» и два турецких миноносца, конвоировавшие четыре угольных транспорта. Как только они заметили русские миноносцы и подводную лодку, то сейчас же увеличили ход и взяли курс на запад. «**Пронзительный**» и «**Быстрый**» открыли огонь по «**Гамидие**» на дистанции в 16.000 метров. Он им отвечал, пока не получил несколько русских снарядов. Тогда, бросив свой отряд, «**Гамидие**» помчался, что было сил к Босфору. Турецкие миноносцы последовали за ним.

«**Пронзительный**» и «**Быстрый**» преследовали их до зоны обстрела береговыми батареями. Затем они легли на обратный курс и, нашли турецкие транспорта приткнувшимися к берегу и брошенными командой. Артиллерийским огнем миноносцы зажгли их и разбили. «**Гебен**», находившийся где-то в море по соседству, не успел прийти своим на помощь. Во время его входа в Босфор «**Нерпа**» его атаковала. «**Гебен**» успел ее обнаружить и уклонился от ее мин.

АТАКА «Гебена» МИНОНОСЦАМИ КОНТРАДМИРАЛА САБЛИНА

11 сентября 1915 г. нефтяные миноносцы «**Счастливый**», «**Гневный**» и «**Дерзкий**» под флагом контр-адмирала Саблина крейсировали около Ерегли. Как только они заметили дым у Босфора, они тотчас же направились полным ходом к проливу.

То был сам крейсер-дредноут «**Гебен**»! «**Гебен**», воспользовавшись дальностью своих орудий, уже на дистанции в 18.000 метров открыл по ним убийственный огонь из всех своих калибров. Русские же миноносцы еще не дошли до предельной дистанции обстрела их 100-мм. орудий и из девяти орудий (по три на миноносец) на курсовом углу могли действовать только три баковых орудия.

«**Гебен**» развернулся и вел огонь всем бортом залпами из своих 10 орудий 280-мм. и 10 — 150-мм., то есть из двадцати орудий значительно большего калибра. Ураган неприятельских снарядов и огромные водяные столбы от их разрывов стали быстро приближаться к миноносцам. Контр-адмирал Саблин поднимает сигнал: «**Иди зигзагами!**» и сбивает наводку «**Гебена**».

Хладнокровие Саблина, лихость командиров

и команд и прекрасные мореходные качества новых эскадренных миноносцев спасли их от смертельных объятий «Гебена».

**

Первые немецкие подводные лодки появились в Черном море в сентябре 1915 года. Они потопили в этом месяце два русских торговых парохода и несколько парусников. Русский торговый транспорт с самого начала войны не прекращался, но действовал без охраны военных судов. Теперь понадобился их охрана.

9 октября отряд русских крейсеров и миноносцев обстрелял Зунгулдак. Потоплены были два турецких торговых транспорта и один был поврежден.

В октябре немецкая подводная лодка потопила русский транспорт «Апшерон». Болгария вступила в войну против России, и было необходимо обстрелять Варну. Утром 27 октября эскадра линейных кораблей «Рестислав» и «Пантелеймон» в сопровождении миноносцев и тральщиков вошла в залив Варны и с дистанции в 18.500 метров открыла огонь. Во время этой бомбардировки линейные корабли были атакованы двумя немецкими подводными лодками. Их мины прошли мимо цели, но одна из них так близко от «Пантелеймона», что ему пришлось маневрировать. Затем он опять вступил в строй и продолжал стрельбу.

Командир же немецкой подводной лодки радостно сообщил адмиралу Сушону, что он потопил «Пантелеймона».

Атака «Гебена» подводной лодкой «Морж»

В начале ноября подводная лодка «Морж» атаковала у Босфора «Гебен», шедший в сопровождении двух турецких миноносцев. Это была уже вторичная атака «Гебена» этой подводной лодкой. Первая имела место тоже у Босфора 11 августа 1915 года.

Вот текст рапорта старшего лейтенанта Погорецкого, командира «Моржа»:

«Секретный рапорт № 625. Поход «Моржа» от 28 октября по 5 ноября 1915 г. (ст. ст.).

1 ноября в полночь я взял курс на плавающий босфорский маяк и в 5 час. утра на «NE» были замечены вспышки прожектора, короткие и длинные, как знаки Морзе. В 5 час. 40 мин. на траверзе правого борта из темноты ночи выходила темная масса. Один или два корабля шли параллельно моему курсу. «Морж» еще не был в позиции атаки, и в этот момент корабль резко изменил курс и пошел к Босфору. Я погнался за ним, но к моему огорчению скоро убедился, что дистанция все увеличивается — он уходил от меня. В 7 час. 30 мин. я всплыл. Был уже день.

Определившись, я констатировал, что мы

находимся близко от русских мин и, переменяя курс, я отошел от них. В 10 час. 45 мин. мы подошли к плававшему маяку и в 12 час. 15 мин. легли на курс «S», чтобы стать на позицию. Как вдруг на северо-западе (ENE), был замечен быстро подвигавшийся дым. В это же время два турецких миноносца типа «Миллет» выходили из Босфора. Солнце светило в глаза, и спокойное море очень затрудняло атаку крейсера, охраняемого двумя миноносцами. Я шел на сближение со скоростью в 7 1/2 узлов. Чтобы уменьшить след от перископа, я сократил скорость до трех узлов, что в свою очередь затрудняло держаться горизонтально при помощи рулей глубины. В 15 час. 45 мин. мне удалось подойти к «Гебену» на 2.000 метров. Когда я поднял перископ, то увидел неприятельский миноносец, мчавшийся на меня и стрелявший из носового орудия. Я остался на моей позиции для атаки, впереди него, и на углу в 35° пустил первую мину. Миноносец быстро приближался, продолжая стрелять по мне. Подпустив его на 800 метров, я изменил курс и снова вышел на угол в 30° впереди крейсера. У меня имелись еще две мины. Выпустив их из носового тюба, я быстро погрузился на 15 метров, чтобы избежать таранного удара турецкого миноносца, уже настигавшего меня. Через минуту — характерный шум винтов и... миноносец промчался над нами. Еще через минуту слышен был шум, похожий на взрыв мины Уайтхеда.

Через 1 4 часа я всплыл, чтобы осмотреться в перископ. Я увидел «Гебена», идущего слабым ходом на Румели Фенар. Миноносцев я больше не видел, но возле берега неясный силуэт судна был окружен столбами пара. Можно предположить, что одна из моих мин попала либо в «Гебена», либо в миноносец. Ночь наступала, и я не мог подойти ближе к берегу, чтобы узнать результат моей атаки.

5 ноября в 10 час. 35 мин. я вошел на Севастопольский рейд. В течение патрулирования от 28 октября по 5 ноября мною пройдено 911,5 морских миль на поверхности и 20,5 морских миль под водой.

Старший лейтенант Погорецкий

**

29 ноября отряд русских миноносцев, крейсировавший перед Сакари, в 75 милях на восток от Босфора, обнаружил у турецкого берега немецкую подводную лодку «UC 13» и ее потопил. Эта лодка до этого потопила у кавказских берегов русский пароход «Украина».

Вступление в строй дредноута Императрица Екатерина II»

В конце октября 1915 г., вступив в строй Черноморского флота, «Имп. Екатерина II» уве-

личила силы его втрое против турецкого. Но это не могло прекратить набеги немецких крейсеров на русское побережье. Большое преимущество в ходе обеспечивало им их «корсарство». Максимальная скорость русского дредноута была 23 узла, то есть на 4-6 узлов меньше скорости неприятельских крейсеров. Только случайно они могли быть настигнуты русскими дредноутами, либо в случае небрежности с их стороны в наблюдении за морем, либо в случае аварии в машинах. Английский флот, несмотря на огромное численное превосходство и с большим напряжением своих сил, не мог поймав немецких корсаров в Средиземном море, а также абсолютно запретить им бомбардировать свои берега в Англии и ее колониях. Черноморский флот тем более не мог своими двумя дредноутами обезвредить немецкие кресера. И все же «Гебен» и «Бреслау» в течение октября, ноября и декабря 1915 года в море не показались. В течение 1915 года в «Гебен» был атакован русскими подводными лодками три раза, а «Бреслау» — два раза, и безрезультатно. В сентябре появились в Черном море первые немецкие подводные лодки «UB 7» и «UB 8». До конца года, то есть за четыре месяца, они потопили один пароход, двух заставили выброситься на берег и уничтожили десять парусников. Немецким подводным лодкам не удалось остановить русское транспортное движение. Девять их атак на русские военные корабли были безрезультатны, несмотря на то, что русские военные корабли находились все время в море и во всех направлениях Черного моря и поэтому являлись постоянной целью.

Русские подводные лодки, находясь по 14-21 день в крейсировании, не встречали неприятельских военных судов.

1916 год

Сражение линейного корабля

«Императрица Екатерина II» с «Гебеном»
Заключение

В ночь на 8 ноября 1916 года, дредноут «Императрица Екатерина II» с эскортом из двух миноносцев крейсировали в районе Эрегли. Оба миноносца ночью были отправлены командиром «Екатерины» в дозор и в случае встречи с неприятельскими транспортом с снабжением для турецкой армии им было приказано уничтожить их. Перед рассветом миноносцы обнаружили «Гебена», шедшего между их курсом и берегом.

Предупредив командира «Императрицы Екатерины II» и искусно маневрируя, они навели погнавшегося за ними «Гебена» на русский дредноут, который полным ходом спешил им навстречу. На курсе «SE» с «Екатерины» вскоре увидели миноносцы и гнавшегося за ними «Гебена». На дистанции в 18.500 метров

открыли огонь и первый же залп лег близко от «Гебена». Он сейчас же меняет курс, в 9 час. 45 мин. ложится на правый галс и уходит на «SW», уклоняясь от боя. «Императрица Екатерина II» гонится за ним во все свои 23 узла, не прекращая огня. Возможно, что «Гебен» получил повреждения от первого же залпа и поэтому обратился в бегство. У «Екатерины» же это было ее боевое крещение. Произошли мелкие аварии в башнях, что помешало интенсивности огня.

Бой длился с 9 час. 45 мин. до 10 час. 13 мин., то есть всего 28 минут, на самом полном ходу, на дистанциях от 20.000 до 22.500 метров. Самая малая дистанция после первого залпа была 19.750 метров. Аварии в башнях дали «Гебену» возможность уйти после первого залпа на 1.250 метров.

«Императрица Екатерина II» выпустила 90 снарядов 305-мм., стреляя на носовых курсах, то есть почти одной башней. Стрельба «Гебена» была плоха, снаряды ложились очень разбросанно. Ни одного снаряда не упало поблизости «Екатерины». В 10 час. 15 мин. уходивший полным ходом «Гебен» был уже вне досягаемости орудий русского дредноута.

4 июля 1916 года «Гебен» и «Бреслау» показались еще раз у берегов Кавказа. Они обстреляли Туапсе и потопили два торговых парохода и несколько парусников.

Со вступлением в строй второго дредноута в октябре 1915 года Черноморский флот насчитывал действующими: 9 новых миноносцев — нефтяников, 6 новых подводных лодок: «Морж», «Нерпа», «Тюлень», «Кашалот», «Кит» и «Нарвал» водоизмещением надвод. 460 тн., подвод. 550 тн., с ходом в надвод. положении в 15 узлов, в подвод. — 11,5 узл., с 9 минными тубами и с районом действий в надвод. — 1.000 морских миль 15 узлов и 2.000 миль 11 узлов, в подвод. 55 м. миль 6 узлов и 30 м. миль — 9 узлов. Подводный загорадитель «Краб» — 500 700 тн. 16 8 узлов с нагрузкой в 60 донных мин и 2 туба Уайтхеда. Все эти суда, как надводные, так и подводные, были построены в Николаеве и Херсоне (миноносцы).

Это позволяло непрерывно блокировать турецкое побережье и постоянно патрулировать у Босфора подводным лодкам.

Встречи с неприятельскими судами стали чрезвычайно редки.

В середине лета 1916 года адмирал Эбергард был заменен адмиралом Колчаком.

План операций на Черном море, выработанный адмиралом Эбергардом: блокирование турецкого угольного района, Босфора и овладение Черным морем был уже почти выполнен. Адмиралом Эбергардом был очищен восток Черного моря, адмирал Колчак принялся за его запад. Он блокировал турецкий флот в Босфо-

ре. Всего перед Босфором было поставлено более 5.000 мин. С августа 1916 года и весь 1917 год «Гебен» и «Бреслау» больше не появлялись в Черном море. С начала 1917 года, несмотря на революцию, русский флот был полным хозяином в Черном море до самого Брест-Литовского мира в марте 1918 года.

Черное море было в центре русского фронта. На него одновременно опирались левое крыло русской армии в Европе и правое крыло Кавказской армии в Малой Азии. Черноморскому Императорскому флоту пришлось охранять 3.000 километров фронта. Как с начала войны, когда с появлением в Босфоре «Гебена» и «Бреслау», он тактически был слабее флота противника, так и до момента, когда он стал в три раза сильнее германо-турецкого и болгарского флотов, он свободно плавал в море, блокируя неприятельские берега и осуществляя большие воинские перевозки.

Императорский Черноморский флот и Кавказская армия к 1917 году бесспорно были победителями Турции. Флот господствовал на море, а Кавказская армия держала большую часть турецкой территории.

Судьба крейсера-дредноута «Гебен» и крейсера «Бреслау»

В нью-йоркской газете (европейского выпуска) «Herald Tribune» от 17 августа 1965 года турецким министерством финансов было дано следующее объявление:

« «Yawuz» («Гебен») — броненосный крейсер тоннажа приблизительно в 22.350 тонн (пустым), оцененный в 25.199.170 турецких лир (около 28 миллионов долларов), будет продаваться с торгов 30 сентября 1965 года в 4 часа дня ».

В ноябрьском номере морского журнала «U. S. Naval Institute Proceeding» 1966 года американский консул в Константинополе V. Lansing Collins в статье «Последний крейсер-дредноут» рассказывает о судьбе «Гебена» после окончания 1-й Великой войны:

20 января 1918 года в 5 час. 55 мин. утра «Гебен» в сопровождении «Бреслау» вышел из Дарданелл в Эгейское море для действий против неприятельских судов и военных пунктов. Согласно записям в его вахтенном журнале он потопил два английских монитора «Raglad» и «N 28», но атакованный подводными лодками, миноносцами и аэрсланнами и несколько раз подорвавшись на минах, был вынужден вернуться в Дарданеллы, где сел на мель у банки Nagara.

22 января его удалось снять с мели, и он стал на якорь против дворца Долма-Бахчи. «Бреслау» погиб на минных заграждениях 9 декабря 1918 года.

После заключения перемирия «Гебен» — «Yawuz» под конвоем двух английских мино-

носцев был отведен в Исмид, где простоял на «мертвом» якоре несколько лет. В 1926 году он был отправлен для ремонта в St. Nazaire, после чего в 1929 году вернулся в Турцию. В 1954 году он был исключен из списков турецкого флота.

За последние годы он выполнил ряд дипломатических миссий. Ему была оказана честь в торжественной обстановке перевезти тело Ата-турка (Кемаль-Паши) из Истамбула в Ямит под эскортом турецкого флота, английского дредноута «Malaya» и военных судов французского, греческого и румынского флотов. Вахтенный журнал его закончен 14 октября 1954 года записью: «Сел на мель».

Купить «Гебена» никто не пожелал, и в настоящее время он стоит на «мертвом» якоре напротив дворца Долма-Бахчи как музей.

Приход «Гебена» в Дарданеллы окончательно закрепил германо-турецкий союз. Он вынудил Турцию на войну, разорвал связь России с союзниками и имел неисчислимые последствия. Американский посол в Турции Morgenthau, переживший на месте все фазы событий, в своих «Morgenthau Memoires» (Payot et Cie, Edit.) утверждает, что вход германских крейсеров в Дарданеллы имел следствием то, что «война длилась столько лет, ибо это было событие решающее, которое отделило Россию от ее союзников и которое менее чем в год повлекло ее поражение и разрушение».

Людендорф в «Мои воспоминания о войне 1914-18 гг.» пишет, что «выступление Турции позволило Германии продолжить войну на два лишних года».

Над всем 1915 годом, великим отступлением русской армии, лишенной материальной помощи союзников вследствие закрытия Дарданелл, над кровавыми боями в Закавказье, над изолированным положением России и ее конечным поражением витает мрачная тень крейсера-дредноута «Гебен».

Г. фон Гельмерсен Библиография

«На трех морях». Капитан 2 ранга Монастырев.

«The Guns of August» by Barbara Tuchman, 1962.

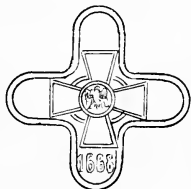
«La guerre navale 1914-15. Fautes et responsabilités» par le vice-amiral Bienaimé, Paris. 1920.

Приношу мою большую благодарность участникам боя 11 июня 1915 г. А.Ф. Ульянову и Г.Н. Никитенко за их помощь мне при описании этого сражения. П.А. Варнека сердечно благодарю за его более точные, документальные поправки.

Г. фон Гельмерсен

Киевские гусары в войну 1914-17 гг.

(Окончание)



В 18 часов, когда наша пехота развернулась на указанном фронте, командующий дивизией собрал всю дивизию к головной части, уланскому полку, а в 19 часов, когда главные силы подошли к северо-западной опушке леса Лобувка для разворачивания в боевой порядок, передовые эскадроны уланского полка уже двинулись к высоте 371. Для атаки были выдвинуты три полка: уланский, при самом начале наступления нашей пехоты бросившийся в атаку на высоту 371 и загнувший потом левым плечом к селу Зубжец; драгунский, шедший непосредственно за уланами на высоту 402, а затем загнувший правым плечом у урочища Ярув на село Зубжец, и Уральский казачий полк, атаковавший левее улан и подошедший к селу Зубжец с юго-запада, по течению реки Зубжанка. На фланги, для их обеспечения и для морального воздействия на противника, были выдвинуты: на правый — 17-я конная батарея, занимавшая карьером открытую позицию и открывшая губительный огонь по австрийцам, находившимся севернее реки Зубжанка и угрожавшим атакующей коннице из-за непреодолимой для конницы преграды; на левый — полковая пулеметная команда Бугского уланского полка под начальством штабс-ротмистра Крупенского 2-го.

Уланский полк под командой генерал-майора Савельева шел в атаку тремя эшелонами: в первом — 3-й эскадрон ротмистра Кравченко; во втором — 2-й эскадрон штабс-ротмистра Наместника; в третьем — 4-й эскадрон подполковника Белогрудова, все три — под общим командованием гвардии ротмистра Родова. В резерве оставались 1-й эскадрон ротмистра Михайлова и 6-й эскадрон ротмистра Кобякова, объединенные под командованием полковника Кузина и двигавшиеся непосредственно за передовыми эшелонами. С резервом шел и командующий полком генерал-майор Савельев.

Драгунский полк под командой полковника Лосьева атаковал в два эшелона: 3-й эскадрон ротмистра Попова, часть 2-го и 5-й эскадрон ротмистра Приходько были объединены под командой полковника Лосьева. Во втором эшелоне — 4-й эскадрон штабс-ротмистра Алферова и 6-й эскадрон поручика Мейера, объединенные под командой полковника Непокойчицкого. Командир полка вел первый эшелон. Полковая конно-пулеметная команда поручика Энгеля подготовила атаку, открыв действительный и очень губительный огонь с опушки роши, что южнее высоты 402.

Уральский казачий полк под командой полковника Акутина по приказанию командующего 2-й бригадой генерал-майора Третилова атаковал в два эшелона: первый эшелон под командой есаула Солдатова состоял из 3-й сотни подьесаула Аничкина; второй — под командой есаула Смирнова состоял из 1-й сотни хорунжего Торбина и 2-й сотни сотника Лифанова. Под сильным огнем противника полк повел в атаку командующий бригадой генерал-майор Третилов.

17-я конная батарея полковника Саблина располагалась в резервной колонне в лесу у дороги на юго-восток от дер. Порхово. Когда полкам дивизии было приказано атаковать в конном строю, полковник Саблин, по собственной инициативе испросив разрешения командующего дивизией, произвел рекогносцировку, чтобы выехать на позицию способствовать атаке. Батарея под командой штабс-капитана Станюковича выехала на открытую позицию. Полковник Саблин находился на наблюдательном пункте на высоте 402, откуда корректировал стрельбу батареи. На этом же наблюдательном пункте находился и командир дивизиона полковник князь Кантакузен.

Когда полки дивизии, атакуя, подошли к речке Зубжанке, они оказались под перекрестным огнем противника: сзади — тех австрийцев, которые были только что смяты конной атакой в трех линиях своих окопов, но уже успели прийти в себя и спереди и с фланга — под огнем противника из окопов между речками Зубжанкой и Барышкой. Наблюдая за ходом атаки из рошицы, что южнее высоты 402, командующий дивизией решил в это время нанести противнику решительный удар, атакуя его резервом, состоявшим из гусар под командой полковника Поплавского.

Получив приказание об атаке, полковник

Поплавский развернул полк в боевой порядок : в первую линию были назначены 5-й эскадрон ротмистра Пушина и 6-й ротмистра Никифорова 2-го под общей командой подполковника Апсеитова; вторую линию составляли 1-й и 3-й эскадроны. Объединение действий эскадронов второй линии было вверено подполковнику Фомицкому. Фланг обеспечивала полковая конно-пулеметная команда поручика Матвеенко. 2-й эскадрон ротмистра Орлова был временно оставлен в прикрытии к штабдарту и в конвое командующего дивизией. Полковник Поплавский лично повел первую линию, причем его сопровождал и. д. начальника штаба дивизии штабс-ротмистр Аметистов, только что произведший рекогносцировку местности и указавший гусарам цель атаки. Дойдя с гусарами до удара холодным оружием, штабс-ротмистр Аметистов остановился лишь тогда, когда под ним была убита лошадь. 4-й эскадрон гусар, бывший с утра разведывательным, окончил свою работу и находился теперь в районе высоты 332, что на дороге Соколув-Зубжец. Увидя атакующих драгун, штабс-ротмистр Жуков ударил по собственному почину во фланг австрийской пехоты, занимавшей лес на урочище Ярув, чем содействовал атаке драгун.

Быстрое продвижение вперед полков дивизии обнажило наш левый фланг (от дер. Порхово), и для его обеспечения командующий дивизией направил последний свой резерв — 2-й эскадрон гусар ротмистра Орлова, — оставив при себе лишь одно отделение.

Тем временем отдельные партии улан и казаков преодолевали в различных местах речку Зубжанку и атаковали австрийскую батарею, стоявшую на левом берегу реки Барышки, в двух верстах севернее села Порхова. Первыми доскакали до батареи прапорщик Чистоблинников, казачьего полка, и корнет Валбашевский, уланского полка. За ними было лишь около 30 казаков и улан, которые частью изрубили прислугу у орудий, частью обратили ее в бегство. Однако подоспелее прикрытие батареи заставило оторвавшихся от своих частей улан и казаков оставить захваченные орудия и стойти за речку Зубжанку. Корнет Валбашевский успел все же привести в негодность одно из орудий, сняв с него панораму и вынув замок.

В это же время к реке Зубжанка подоспели гусары. Подполковник Апсеитов, командовавший первой линией, увидев орудия, направил в атаку на прикрытие полузэскадрон 1-го эскадрона под командой поручика Берестовского, но под последним на реке Зубжанка была убита лошадь, и его гусары, неся большие потери, с трудом преодолевали речку. Несколько южнее удачно переправился через реку ротмистр Пушин с 5-м эскадронном. Впереди эскадрона

шел поручик Протопопов. Врсившись на прикрытие, гусары изрубили его и захватили два орудия. Прапорщик Бондырев со сборной командой 6-го и 1-го эскадронов содействовал захвату орудий, врубившись в пехоту противника. Для того чтобы не дать возможности ближайшим пехотным частям противника перейти в контратаку, ротмистр Пушин продвинулся вперед и, поставив на позицию пулемет, огнем обратил отступающие партии австрийцев в бегство, чем дал возможность поручику Протопопову удержаться при орудиях и вывезти их с помощью передков 17-й конной батареи. Кроме двух орудий (10-см. гаубицы) поручиком Протопоповым было захвачено еще 9 зарядных ящиков, из которых 5 удалось вывезти при помощи пулеметных запяжек и строевых лошадей.

Наступившая темнота не позволила преследовать противника, и полки дивизии были собраны. Таким образом своими атаками, в которых принимали участие одновременно 22 эскадрона и сотни, поддержанные дивизионом артиллерии, 9-я кавалерийская дивизия отвлекла силы противника от гор. Бучача, чем способствовала его падению. Путь к Барышу был нашей пехоте открыт, так как, овладев высотами 371 и 402, дивизия заставила противника отойти за реку Барышку.

Трофеи дивизии: драгунский полк взял пленными 472 солдата при 11 офицерах; уланский полк взял 181 солдата при 2 офицерах. Был захвачен орудийный замок и панорама от 10-см. гаубицы и один пулемет; гусарским полком было взято в плен 1.459 австрийцев при 15 офицерах. Были захвачены 2 10-см. гаубицы, 9 зарядных ящиков, из которых вывезено и сдано пехоте пять: Уральский казачий полк взял пленными 479 австрийцев при 9 офицерах.

Итого — две гаубицы, пять зарядных ящиков, один пулемет и 2.591 пленных при 37 офицерах.

Дивизия понесла следующие потери : в драгунском полку убит корнет Тарасов, ранены подполковник Вергелец, поручик Торский и корнет Штырев. Выбыло из строя 198 драгун; в уланском полку убиты полковник Кузин и поручик Эггерт, ранены ротмистр Кобяков, корнет Давыдов и прапорщик Гудим-Левкович. Выбыло из строя 93 улана; в гусарском полку убиты поручик Глотов, корнет Нахтман и прапорщик Ушаков, ранены ротмистр Скрипников, поручики Протопопов и Савич, контужен ротмистр Пушин, пропал без вести корнет Верланд-Фагер. Выбыло из строя 179 гусар; в казачьем полку убиты есаул Солдатов и прапорщик Половов, ранены подесаул Быков, сотник Лифанов и прапорщики Кораблев и Филиппов, контужен прапорщик Фролов, пропал без вести

есаул Смирнов. Выбыло из строя 107 казаков.

Итого — убито 8 офицеров, ранено 13 и пропало без вести 2. Нижних чинов выбыло из строя 507.

30 мая 1916 года последовал приказ по 9-й кавалерийской дивизии за № 170, выдержка из которого здесь приводится:

« 27 мая дивизия в полном своем составе в 7 с половиной часов вечера по моему приказанию пошла в атаку на стойкую пехоту противника, залегшую в окопах восточнее дер. Порхово. Полки дивизии и дивизион конной артиллерии лихо вынеслись вперед и понесли смерть и поражение противнику, засевшему в окопах, и вынудили его очистить позицию, что дало возможность нашей пехоте занять ее. Тысячи убитых и раненых лежали на поле сражения, свыше тысячи шестисот нижних чинов и свыше двадцати пяти офицеров взяты в плен, захвачены два орудия и один пулемет, и лишь темнота ночи остановила дальнейшее преследование противника. Бесконечно счастливы, что судьбе угодно было поставить меня во главе такой дивизии, которая беспримерной атакой увековечила себя на страницах истории дорогой нам конницы во славу Царя и защиты Родины ».

Приказ подписан командующим дивизией генерал-майором Мошным.

За подвиги мужества и храбрости, явленные 27 мая 1916 года в бою под Порховым, командовавший полком Киевских гусар полковник Поплавский был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, подполковник Фомицкий и ротмистр Скрышников — Георгиевским оружием, штабс-ротмистр Жуков, штабс-ротмистр Аметистов, под которым в атаке была тяжело ранена ружейной пулей в живот лошадь, и штабс-ротмистр Иванов были награждены производством в чин ротмистра « за боевые отличия ». Кроме того, последовало награждение ряда офицеров орденами с мечами. Нижним чином — гусарам было пожаловано 96 знаков отличия Военного Ордена (крестов различных степеней) и 75 Георгиевских медалей, также различных степеней.

По инициативе Киевских гусар части 9-й кавалерийской дивизии выразили желание увековечить временным памятником поле атаки полков дивизии 27 мая 1916 года между дер. Порхово-Зубжец. Возведение этого памятника было поручено начальником дивизии Киевского гусарского полка подполковнику Фомицкому и поручику Жолкевскому на месте, выбранном комиссией от всех полков и батарей дивизии. 1 июля памятник был уже вполне закончен. Он представлял собой курган в четыре с половиной аршина вышиной, на нем водружен на постаменте камень с выточенным крестом.

В основание кургана, сложенное из отдельных камней в виде треугольной пирамиды, сделаны три дубовые доски с выжженными на них надписями: « Живые — павшим », « В память памяти тем, кто своею кровью купили вечную славу 9-й кавалерийской дивизии ».

Памятник сооружен у высоты 371 южнее дер. Зубжец. Он производил очень хорошее впечатление и был виден со всех сторон за много верст. Уцелел ли памятник сейчас и сохранились ли на нем крепкие дубовые доски с надписями, — сведений не имеется.

2 июня 1916 года дивизион Киевского гусарского полка, состоявший из 1-го, 2-го и 3-го эскадронов, под командой подполковника Апсеитова участвовал в бою в районе дер. Котузovo-Гниловоды и у села Висневчик. Гусары захватили здесь более 1.500 пленных, австрийцев и германцев, два пулемета и большую военную добычу. Подполковник Апсеитов, штабс-ротмистр Берестовский Георгий и корнеты Материкин 1-й, Лисенков и Пожидаев Петр были награждены Георгиевским оружием. В этом бою были ранены корнет Пожидаев Петр и Косткевич и прапорщик Смит, убито 10 гусар и ранено 31.

В официальном описании боевых действий частей 9-й кавалерийской дивизии за 2 июня боевая работа Киевского гусарского полка изложена так:

« Ночью с 1 на 2 июня от командира 22-го армейского корпуса было получено приказание выделить в дер. Висневчик три эскадрона в распоряжение начальника 3-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Волкобая. Командующий дивизией приказал трем эскадронам гусар, 1-му, 2-му и 3-му, под командой подполковника Апсеитова в два часа ночи двинуться в дер. Висневчик. 2 июня, в три часа ночи, подполковник Апсеитов с тремя эскадронами гусар прибыл в дер. Висневчик в распоряжение генерала Волкобая и получил следующую задачу: когда стрелки выбьют противника из окопов западнее леса, что у дер. Висневчик, и из дер. Котузovo, то ему с его тремя эскадронами прорваться далее и, расширяя прорыв, действовать в направлении на станцию Подгайцы, правым флангом на дер. Михалувка, а левым на дер. Модзелевка.

В 19 часов, находясь с дивизионом при центральной телефонной станции 11-го Финляндского стрелкового полка, подполковник Апсеитов получил письменное приказание генерала Волкобая от 18 час. 30 мин. 2 июня за № 206: « Немедленно выступить для преследования противника ».

В 19 часов, под сильным огнем трех батарей, пулеметов и винтовок эскадроны двинулись через лес по большой дороге. Выскочив на за-

падную сплушку вырубленного леса в строю по три гусары увидели окопы 11-го Финляндского стрелкового полка, в 250-300 шагах от которых находились австрийские окопы с проволочными заграждениями перед ними. Противник вел сильный ружейный и пулеметный огонь, поддерживаемый тремя батареями, одна из которых была тяжелая. Подполковник Апсеитов приказал командующему 2-м эскадронном корнету Лисенкову немедленно идти в атаку через окопы. Корнет Лисенков бросился на проволочные заграждения, а следом за ним, справа по три, рассыпаясь в цепь, ринулись гусары 2-го эскадрона, которые и ворвались в австрийские окопы. За 2-м эскадронном скакал третий под командой поручика Кирсанова, которого подполковник Апсеитов направил правее второго эскадрона, через окопы противника с проволочными заграждениями, на село Котузово. За третьим эскадронном, во второй линии шел первый эскадрон под командой штабс-ротмистра Берестовского.

Неожиданная атака заставила австрийцев первой линии сразу положить оружие. Наши стрелки, увидев успех конницы, ринулись вперед и заняли неприятельские окопы. Расширяя фронт, гусары рассыпались в одну жидкую линию, взяли дер. Котузово, но далее продвинуться не могли. Появление за этой деревней резервов противника, потери в конском составе, наступающая темнота и масса пленных австрийцев, оставшихся сзади, все это вынудило подполковника Апсеитова, сдав захваченную позицию стрелкам, отойти в лес. Собирая пленных и трофеи, гусары отошли в лес, к дер. Висневчик.

Трофеями, захваченными в атаке, были: один пулемет, взятый 2-м эскадронном в начале атаки, что очень способствовало уменьшению потерь, понесенных дивизионом; другой пулемет был захвачен 3-м эскадронном, взводом корнета Материкина 1-го; 1.050 пленных, в том числе 25 офицеров; два телефонных аппарата. Кроме того, восемь брошенных пулеметов, много бомбометов и другого сружия было подобрано финляндскими стрелками».

С 6 по 23 июня Киевский полк спешенными частями участвовал в обороне позиции на линии Порхово-Суянка. Превосходство противника в артиллерии давало себя серьезно чувствовать. Ночью, производя разведки и захватывая пленных, и днем, сидя в окопах, Киевцы несли потери от артиллерийского огня австрийцев.

15 июня, за подвиг, совершенный в бою под гор. Коломоя, состоявший в прикомандировании к 293-му пехотному Ижорскому полку Киевского гусарского полка подполковник Стельмах был награжден Георгиевским оружием.

23 июня Киевский полк производил разведку с боем в направлении деревни Коропец.

С 24 июня по 25 июля спешенными частями полк оборонял позицию по восточному берегу реки Коропец.

15 июля Киевцы — в усиленной разведке с боем позиции противника на той же реке. Смертельно раненный в этом бою, в день своего Ангела, корнет Владимир Бондырев скончался от раны в ту же ночь. Начало войны застало Владимира Бондырева на школьной скамье. С согласия своего отца, бывшего Киевца, кадет Владимирского Киевского корпуса Владимир Бондырев идет на фронт, разыскивает «свой» полк, где в это время служили два его старших брата, штабс-ротмистры С.С. и Н.С. Бондыревы и затем, находясь в рядах полка как охотник, обращает на себя внимание своей исключительной храбростью и производится в первый офицерский чин «за боевые отличия». Кроме офицерских боевых орденов, корнет Бондырев имел и знаки отличия Военного Ордена.

15 июля, за подвиг в бою у гор. Станиславов, командовавший батальоном 293-го пехотного Ижорского полка Киевского гусарского полка подполковник Стельмах был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

26 июля Киевский полк участвовал в захвате с боем моста через реку Днестр у города Нижниува. За подвиг, совершенный в этом бою, поручик Берестовский Владимир был награжден Георгиевским оружием.

27 июля полк участвовал в бою у деревень Петрилув и Луки.

28 июля Киевцы преследовали противника у мест. Усце-Зелене. При преследовании полк подвергся жестокому обстрелу австрийских батарей. Одной шрапнельной пулей был пробит полковой Георгиевский штандарт: пуля, пробив кожаный чехол, замшевую обмотку и свитый штандарт, ударились в шляпку гвоздя, прикрепляющего полотнище к деревку, и застреляла в складках штандарта. Вынутая по окончании боя пуля была передана хранителю полкового музея подполковнику Фомицелю. В этом же бою был ранен доблестный командир 4-го эскадрона гусар подполковник А.В. Катеринич.

29 июля Киевский полк вел бой спешенными частями у села Медзичуже и в направлении на мест. Мариамполь.

С 1 по 24 августа полк участвовал в активной обороне позиции, также спешенными эскадронами, к северу от Мариамполя против гор. Галича, на левом берегу Днестра, на высоте мест. Езуполь. В период этих боев был убит корнет 4-го эскадрона А. Даттан.

24 августа Киевский полк участвовал в наступлении на Галич в бою у дер. Дубровце-Семиковце.

25 и 26 августа Киевцы были в тяжелых

боях под Галичем, где был убит поручик Чевачевский и контунжер полковник Поплавский.

С 8 сентября по 11 октября Киевцы на позиции по правому берегу реки Быстрицы против мест. Езуполь.

С 12 октября по 13 ноября 1916 года полк занимал участок позиции 41-го армейского корпуса в районе дер. Ханусовце. К этому времени относится сформирование при дивизии стрелкового дивизиона, развернутого впоследствии в стрелковый полк 9-й кавалерийской дивизии. Первым командиром дивизиона, на долю которого выпала тяжесть его формирования, был Киевского гусарского полка ротмистр Пушин. Целью образования таких частей при кавалерийских дивизиях являлась необходимость придания большей устойчивости действиям конницы вообще и, в особенности, в условиях постоянного спешивания конницы для боя на широком фронте. Кроме того, являлась возможность быстрого использования безлошадного элемента в полках включением его в организованную и сплоченную боевую часть, какой являлся стрелковый дивизион. Позже, при возвращении стрелкового дивизиона в полк, на его укомплектование пошли по жребию полностью по два эскадрона от каждого полка дивизии.

От Киевского гусарского полка в стрелковый полк 9-й кавалерийской дивизии пошли 3-й и 6-й эскадроны без лошадей, которые были распределены поровну между оставшимися в полку эскадронами. Командиром стрелкового полка был назначен полковник Фомицкий, Киевского гусарского полка. Киевский полк был приведен в четырехэскадронный состав с полным числом рядов в эскадронах. С выбытием 3-го эскадрона гусар в стрелковый полк дивизии оставшийся конным 5-й эскадрон ротмистра Аристова был переименован в 3-й эскадрон.

С 19 ноября 1916 г. по 27 января 1917 г. Киевский гусарский полк занимал спешенными эскадронами оборонительную позицию в Карпатских горах и лесах, сменив стоявшую там до того времени пехоту на линии Манява-Рафайлов. Полковая база находилась в дер. Биткув. В этой же деревне находился и штаб 2-й бригады. Позиция полка шла по вершинам гор: Боярин-Сивуля-Негрова-Горб-Рипно. Служба была исключительно тяжелая: спешенные эскадроны оставались в окопах по девяти суток, отрезанными от тыла. Зима стояла суровая, высокие горы (более 6.000 фут.) и дикая природа усиливали суровость условий боевой жизни. Питались эскадроны, экономно расходуя взятый каждым гусаром на себе запас консервов, а воду заменял растопленный снег. Объединявшему боевую работу двух эскадронов, 3-го, ротмистра Аристова, и 4-го, ротмистра

Жукова, полковнику Катериничу нужно было побывать на позициях дивизиона. Расстояние между эскадронами по воздушной линии не превышало 400-450 шагов, однако полковнику Катериничу и его ординарцам удалось, выйдя с участка 4-го эскадрона около 10 часов утра, взойти на участок 3-го эскадрона лишь очень поздно вечером. Двигаясь, конечно без троп, по пути приходилось пробираться через мелкий и густой кустарник и густой ельник, спускаясь с одной горы и в таких же условиях поднимаясь на другую гору, соседнюю с предыдущей. Обход участка 3-го эскадрона ввиду полной темноты и крайнего утомления приходивших был отложен на следующее утро, после чего полковник Катеринич и его спутники двинулись в обратный путь на участок 4-го эскадрона.

Позиционное сидение полка в течение 2½ месяцев в лесистых и снежных Карпатах, когда эскадронами производилось усиленное, вернее — максимальное спешивание, привело к тому, что конский состав, оставаясь подолгу в зимнюю стужу без должного ухода и почти без движения в дер. Биткув, был в конце подорван и требовал длительной поправки. Ввиду этого, по сдаче позиции прибывшим на смену частям, Киевский гусарский полк, как и прочие полки дивизии, был отведен в армейский резерв на поправку конского состава, неся в то же время службу по обслуживанию всего армейского района. На этой работе и застала Киевский полк февральская революция 1917 года.

С 23 по 28 июня Киевский полк в составе 2-го кавалерийского корпуса занимал позицию в районе гор. Бжезан, входя в группу войск 7-й армии, предназначенную для прорыва фронта противника.

С 28 июня по 5 июля полк принимал участие в операции в районе гор. Станиславова и в направлении на Калуш-Новице. В этот и последующие периоды боевая работа полка протекала в совершенно особенной обстановке, неся характер недоверия к соседним частям. Всего пять месяцев прошло со времени февральской революции, но печальные ее результаты были уже полностью налицо: боеспособность, наступательный порыв, жертвенность, стойкость и дисциплина в подавляющем большинстве частей нашей пехоты были в корне поклеблены. Вчерашний чудо — богатырь, русский солдат интересовался теперь не судьбами своей родины, а массовым грабежом и погромами мирного населения прифронтовой полосы. Киевскому гусарскому полку неоднократно приходилось подавлять эти погромы и быть очевидцем насилий и грабежей, производимых распушенной солдатней.

С 6 по 9 июля 1917 года Киевский полк занимал спешенными эскадронами оборонительные позиции в районе дер. Ясень на реке Лом-

нице в Карпатских горах.

С 10 по 15 июля полк участвовал в прикрытии отхода армий Юго-Западного фронта из Галиции (так называемая «Тарнопольская катастрофа») в районе Прислуп-Надворная-Бучач-Чертков-Гусятин и далее, к старой русско-австрийской государственной границе. Все эти шесть дней Киевский полк, как и прочие полки 9-й кавалерийской дивизии, передвигаясь вдоль фронта отходивших в беспорядке наших пехотных частей, задерживался в тех местах, где противник, не встречая сопротивления, энергично наседали на охваченную паникой нашу пехоту. В таких случаях Киевцы завязывали с противником бой, заставляли его разворачиваться и, выигрывая таким образом время, давали возможность нашим пехотным частям если и не задерживаться для боя, но хотя бы для того, чтобы превратить их беспорядочный отход в планомерное отступление. Во всех этих случаях полк с честью выполнял свою задачу и часто одного появления стройной кавалерийской части среди бежавших и отходивших пехотинцев бывало достаточно, чтобы к этим еще не окончательно разложившимся частям возвращались утраченные ими спокойствие и некоторое чувство долга.

Передвигаясь почти все время резвыми аллюрами, полк покрывал с юга на север большое пространство, захватывая в своем движении зоны нескольких наших корпусов, и чем дальше на север, тем картина на его пути была безотраднее. Особенно печально обстояло дело на переправах, где для быстрого наведения по-

рядка гусарам приходилось иногда прибегать к применению оружия.

Серьезный бой Киевский гусарский полк должен был выдержать с наседавшими в значительных силах австрийцами у сел. Кочубинцы и Котувка.

14 июля Киевский полк под командой полковника Фомицкого, сдерживая натиск противника, вел упорный и тяжелый бой с превосходящими силами австрийцев у сел. Васильковце и Копычинцы. Отойдя к вечеру к гор. Гусятин, Киевцы снова задержались, задерживая противника еще на австрийской территории. Затем, перейдя реку Збруч у Гусятина, полковник Фомицкий, убедившись в том, что наша пехота заняла оборонительные позиции на восточном берегу реки, то есть на русской стороне, расположил полк на отдых, в котором до крайности нуждался конский состав, изнуренный в предшествующих арьергардных боях, длившихся без перерыва пять дней и четыре ночи.

С 16 по 19 июля Киевский полк в составе 2-го кавалерийского корпуса занимал позиции на реке Збруч в районе гор. Гусятин.

С 24 июля по 27 декабря 1917 года вся 9-я кавалерийская дивизия, переброшенная на румынскую территорию, составляла армейский резерв 8-й армии, и Киевский гусарский полк, как и прочие полки дивизии, имел задачей обслуживать армейский район. Меняя места стоянок, части полка провели продолжительное время в деревнях в районе города Дорогого.

Здесь и закончилось участие Киевского гусарского полка в войне 1914-17 гг.

Ротмистр Протопопов

О военной доблести

« Храбр не тот, кто ничего не боится, а тот, кто знает, чего нужно бояться »

Платон

« Я видел его (Печорин о Грушницком) в бою: он кричит, носится с места на место, машет саблём! Что-то не русская это храбрость! »

Лермонтов

Трудно, конечно, установить нормы и меры, поставить барьер, разделяющий настоящую храбрость от бесшабашности и ненужной суетливости.

Из старых романов до нас докатились эпитеты: « старый рубака », « отчаянная голова », « лихой вояка » и т. п. Много воды утекло с тех далеких времен. Изменился и характер бо-

ев, и весь стиль боевой обстановки. Переменился, отчасти, и взгляд на военную доблесть, в основе оставшийся, конечно, неизменным. Вернее сказать — переменялись требования, которые в нашу эпоху предъявляются к начальнику, к офицеру. Все бывшее в боях, конечно, помянут к счастью в русской армии нераспространенный тип вояки « а ля Грушницкий ». В большинстве случаев это были люди бесполезные: эффектные позы, какая-то ненужная « аффектация » делала из них людей, вносящих в нашу эпоху тяжелое, опасное, неприятное, но НУЖНОЕ дело ненужную суматоху и бесполое.

Повторяю, что по моим наблюдениям в русской армии таких было мало. Но были... На память приходит рапорт одного поручика артиллерии с просьбой перевода с юго-западного фронта (австрийского) на северный (герман-

ский), где он с «его» военными талантами найдёт больше применения своим талантам, чем на «легком» австрийском фронте. Дальше следовали высокопарные слова о яростном желании сцепиться «грудь с грудью» с наиболее опасным для России врагом — «немцами». Борьбу на «австрийском фронте» он великодушно оставлял воинам второго сорта. О его карьере можно было бы рассказать много интересного. И это вовсе не анекдот.

Уже в первую мировую войну автоматически выработался устойчивый и гармонирующий с русской натурой тип начальника: спокойного, рассудительного, умеющего держать себя в руках и сохраняющего хладнокровие в трудные минуты.

Воины стали затажными, бои за несколько десятков метров земли велись иногда месяцами. Тут не до эффектных театральных поз: нужно чутко спать, следить за бойцами, заботиться об их пище, одежде, состоянии окопов и пр., и пр.. Короче — будничная, «повседневная» боевая жизнь, выматывающая силы, треплющая нервы и разрушающая здоровье. В окопах появились крысы, трупы неубраны, уборные загрязнены, бойцы приуныли... За всем нужно следить, обо всем подумать!

Наш статут ордена святого Георгия написан еще под некоторым влиянием давних времен. Чтобы его получить, нужна прежде всего победа. Всякая иная доблесть, проявленная начальником, но сопровождающаяся отступлением или поражением, не давала права на получение ордена. По существу, это, конечно, правильно. Стимул победы должен быть доминирующим, иначе можно запутаться в таких дебрях, из которых никакая комиссия не вытащит... Но сколько, сколько (особенно в нашей многострадальной пехоте) было малоописанных, оставшихся забытыми эпизодов боевой жизни, которые заставляют благоговейно склонить голову в память этих скромнейших и достойнейших воинов. И эта доблесть требовалась от начальника ежеминутно, ежечасно, иногда недели и месяцы подряд.

Откровенный молодой пехотный офицерик, почти мальчик, на вопрос артиллериста: «Тяжело вам, беднягам?» наивно и чистосердечно ответил: «Ах, все бы ничего... Вот бы только ранили, чтобы хоть вздохнуть немножко, пообчиститься, помыться, привести себя в порядок, перестать быть полуживотными, а потом опять воевать сколько угодно». Этот наивный ответ юнши как-то помнится мне до сих пор.

И вот эта казалось бы малозаметная, не эффектная, не «парадная» боевая стража и является темой настоящей статьи. Доблесть очень часто нужно было проявлять даже во время «отсидивания» в окопах, во время от-

ступлений, то есть тогда, когда, казалось бы, никакой активности и проявить-то нельзя. О всех незаметных и скромных героях не пишут в репортажах, имена их большей частью неизвестны, но о них следует помнить хотя бы для того, чтобы память о них докатилась до нашего потомства.

В моей памяти сохранилось несколько эпизодов из боевой жизни русских артиллеристов, «батарейки», — как дружески называли нас наши пехотные братья. Повторю еще раз: наши братья — пехотинцы могли бы рассказать тысячи таких случаев (сами условия их боевой работы требовали от них гораздо большего напряжения, усилий), но эти эпизоды характерны именно как проявление инстинкта настоящего начальника, понимающего задачу, возложенную на его плечи единой. Все три участника изложенных эпизодов волею Божией до сих пор живы, и мне будет большой отрадой если эти строки докатятся до них. Они сами себя в них узнают. Не называю поэтому имен.

Эпизод первый

Период относительного затишья. 1916 год, глубокая осень. Сидим на одном месте с июля. Батарея на позиции перед Барановичами, которые в немецких руках. Сзади позиции маленький фольварк, кое-как своими средствами приведенный в жилой вид. Там расположен батарейный резерв, кухни и небольшая комната для офицеров, где можно почиститься, помыться, сменить белье, а изредка и попариться в собственной баньке.

В общем — тихо. Разведки с той и другой стороны, поддерживаемые иногда артиллерийским огнем, редкая стрельба (снарядов не так еще много) по вновь открывающимся целям, дожди со снегом, шлепанье по мокрому, грязным окопам, сиденье в сырых ямах и пр. и пр.

Командир батареи подполковник Л. несколько дней тому назад был ранен на наблюдательном пункте осколком снаряда в голову. Рана не тяжелая, но голова у него побаливала. Несмотря на советы доктора он отказался уехать в тыл и лечился домашними средствами. Это был офицер мягкий, даже застенчивый, никогда не прибегавший к резким выговорам, лишнему подтягиванию подчиненных. Надо сказать правду, офицеры его батареи частенько злоупотребляли его добротой, правда не переходя за границу распушенности. Всех молодых он ласково называл по именам Петя, Сережа и т. п., в ответ они величали его по имени и отчеству. Это были отголоски тех отношений которые установились в артиллерии с давних пор и еще держались в некоторых частях и на фронте.

Утро 2 ноября было противное на редкость.

Насколько в Полесье очаровательна весна, настолько отвратительна осень. Дождь — не дождь, снег — не снег, изморозь — не изморозь... В такое утро особенно дорога чашка чая с клюквенным морсом, который мы все очень любили. Но этот кислый и унылый день неожиданно оказался для всех нас драматическим.

Неожиданный грохот нарушил мирно начавшийся день. На нашей позиции, видной из фольварка во всех деталях, вспыхнули тучи разрывов. Все бывшие в хатке выскочили наружу. Сомнений никаких не было. Именно наша батарея подверглась неожиданно жесточайшему обстрелу. Залпы следовали один за другим, и черные тучи, не расходясь, стлались над нашими орудиями. Что явилось причиной такой неожиданной ярости немцев выяснилось лишь на следующий день.

Подполковник Л. был, как я сказал выше, простым, немудрящим и скромным офицером, из тех, что всякую задачу, на них возложенную, исполнят до мельчайших деталей, с каким-то даже упрямством и настойчивостью.

С батареей непрерывно доносились разрывы неприятельских гранат. Первая мысль Л. была — есть ли на батарее офицер?

— Кто должен быть дежурным на батарее? — крикнул он.

— Поручик К.

— Где он?

— Да здесь же, в хатке.

— Коля! Почему вы здесь, когда ваше место на батарее?...

Кля сконфуженно молчит.

— Да я... господин полковник... утро тихое... вижу все спокойно... я и приехал выпить чайку да побриться...

— Так, так... А ребята одни, без офицера, в такую минуту... Вам сейчас же необходимо пробраться на батарею всеми способами и какие возможны...

— Но посмотрите, Андрей Петрович, что творится... Вот будет хоть минута затишья... и через пять минут я буду на батарее...

Из-за бесконечной доброты Л. такие разговоры в его батарее были возможны.

Л. прекрасно понимал обстановку. Что думают солдаты — «Вот, — мол, — господа распиивают чаек, а нас-то тут кроют, и никого с нами нет». Он не колебался ни одной секунды. Схватив бинокль, он бегом бросился к батарее. Кто-то пытался его удержать, но он, злобно стрыснувшись, только ускорил свой бег.

Вся батарея и площадь за ней кипели, как в котле. Маленькая и хрупкая фигурка Л. то падала, то вновь поднималась, но неуклонно держала свой курс. Иногда казалось, что вот он, приземлившись, так уже и не встанет никогда... но проходила минута, две и опять его маленькая фигурка каким-то чудом поднималась

и двигалась. Телефонная связь, прерванная с началом стрельбы, восстановилась и по телефону передали, что он благополучно добежал до батарейных окопов.

Между прочим, поручик К. вовсе не был плохим или небрежным офицером. Он иногда только немного «раскисал» и пройди еще несколько минут он, вероятно, опомнился бы и исполнил свой долг.

Присутствие офицера на батарее не спасало ее, конечно, от обстрела но психологически оно играло огромную роль, — это Л. отлично понял и учел. В трудную минуту офицер должен быть со своими солдатами. Хочется верить, что оставшиеся еще в живых бывшие воины Императорской армии, вспоминая былые годы, помнят добрым словом и подполковника Л.

Эпизод второй

Начало 17-го года. Революция прогремела. Армия пока спокойна. Дисциплина, особенно в частях, сохранивших много кадровых солдат, не упала и по инерции держится, несмотря на введение комитетов, отмену титулования и т.п. Боевая жизнь идет по прежнему руслу. За три года батарейцы сжились, стали одной семьей, пришлых агитаторов нет, все как будто бы идет по-старому. Снаряды поступают в изобилии. На вагонах надписи мелом: «Снарядов не жалеть». Армия хорошо питается, отлично одета, враг как будто бы ослабел, какое-то подсознательное чувство, что вот-вот колесо фортуны обернется в нашу сторону.

В конце 16-го года и начале 17-го немцы пустили впервые газы. Начали с пехотных окопов, перенесли на нашу артиллерию. Нашу батарею пока Бог миловал, но со дня на день мы ждали, что придет и наш черед.

Несмотря на конец марта погода стояла почти весенняя. Светило солнце, снег таял, потекли ручейки, начиналась та совершенно очаровательная пора, которую мне приходилось наблюдать только в Полесье. Уже с глубокой осени прошлого года и наша и немецкая армии зарылись в траншеи, и кроме вспыхивавших неожиданно перестрелок, сопровождавших, обычно, разведки с обеих сторон, жизнь текла без особых «событий». Изредка немецкая артиллерия со злобой накидывалась на какую-либо из наших батарей и доставляла ей немало неприятностей.

Заведующий хозяйством батареей, он же и старший офицер, штабс-капитан С., сговорившись накануне с командиром батареей и приготовив нужные бумаги, собрался ехать в казначейство (штаб корпуса) за деньгами и по другим делам.

Ежедневный порядок жизни в батарее в этот период затишья был таков: один или два

офицера на батарее, один на наблюдательном пункте, один на передовом, с пехотой. Командир — вольная птица, если нужно был на пункте, а то и в хатке, в батарейном резерве, где мог отдохнуть, так же как и единственный из оставшихся свободным офицеров. Помыться, почиститься, выпить чашку чая и почитать запоздалые газеты. Если принять во внимание, что всего-то офицеров в батарее было 5, максимум, — то можно сказать, что большей частью офицер не вылезал из землянки, — то ли на пункте, то ли на батарее.

Поездка в штаб корпуса соединяла в себе приятное с полезным. Штаб был расположен в тылу, в маленьком полусельце, полугородишке. Их в России называли уменьшенно-ласковым названием «местечко». Когда же война затянулась на одном месте на долгие месяцы, в местечке появились разные юркие предприниматели и иудейского и не-иудейского вероисповедания, «Чайная Русский Воин» купца Попова, «Цукерня и кавьярня» Станислава Шшерядского, пользовавшаяся большим успехом, так как кофе и пирожные подавали молоденькие польки в кокетливых наколках. Появились маленькие ресторанчики, где можно было вкусно подкашусить, позабыв традиционную окопную «борщ-кашу», выпить чашку кофе с пирожным и вообще потолкаться и повидать «свет», то есть офицеров с других участков фронта, узнать «новости» и пр. По местечку разгуливали появившиеся откуда-то «барышни», создававшие «мирный» ландшафт и готовые посмеяться и «мило провести время» с проезжими офицерами.

Иными словами, было так, как было и в далекие годы в немецких городках, описанных в «Войне и Мире», где Николай Ростов, Васяка Денисов и другие ели сосиски, пили вино и спорили об обидном заключении мира с французами в 1807 году.

Вероятно, разные приятные мысли приходили в голову и штабс-капитану С., когда окончательно выяснилась его поездка. Он подчитал накопившиеся за шесть месяцев окопного сидения, скромные капиталы, позвонил фельдфебелю, приказал к восьми утра подать бричку к резервной халупе и в самом прекрасном настроении лег спать.

День так благополучно и начался. Утренний заморозок бодрил. Солнце еще не всходило, но денек обещал быть, по всему видно, прекрасный. Проехав около трех верст в гору, уходящую в тыл наших позиций, штабс-капитан С., в самом благодушном настроении, поглядывая по сторонам, как вдруг какая-то тайная тревога заползла в его сердце... Началось с того, что русский наблюдатель-аэропат, так называемая «колбаса», мимо которой он ехал, неожиданно подвергся нападению трех немецких истребите-

лей. «Колбаса» запылала и стала медленно падать на землю. Затем на нашем участке фронта началась сильная артиллерийская стрельба и, самое главное, — клубы черного с желто-красными полосами дыма появились как раз в том месте, где была батарея С.

— Ваше Благородие (кучер был старый солдат и никак не мог привыкнуть к новому титулованию), а ведь это никак по нашей батарее начал немец садить...

По-видимому, это так и было. Ряд мыслей промелькнул в голове С. В сущности, он должен ехать в штаб, нужно получить деньги. Это такая же служба, как и сидеть на батарее... Формально, нет никаких оснований поворачивать назад... Все, конечно, так... Но на батарее остался лишь один молодой офицер подпоручик, только что соскочивший со школьной скамьи. Правда, «прислуга», старые обстрелянные солдаты, не растеряются... но желтые полосы... это ведь снаряды с газами... в первый раз...

С. задумался только на минуту:

— Поворачивай назад! Гони полным ходом! — Бричка круто повернула и покатила в обратную сторону.

Через десять минут С. был уже около резервной хатки и, захватив бинокль и противогаз, бежал в направлении своей батареи. Теперь сомнений никаких не было... Именно на нашу батарею навалилась немецкая артиллерия и стреляла удушливыми газами. Уже на расстоянии 500 метров, подбегая к батарее, он ощутил удушливую и отвратительную вонь, — это несло из воронок, появлявшихся то справа, то слева.

На батарее он застал довольно печальную картину. Ребята попрятались в окопы и с надетыми масками сидели молча, с трудом, видимо, дыша. В первом окопчике сидел и молодой подпоручик, видимо не зная, что ему предпринять. Появление С. вызвало большое волнение. Кто-то выскочил из окопа и весть о возвращении разнеслась по батарее. Через минуту прибежал телефонист с нацарапанной кое-как запиской: «Пехота просит поддержать огонь, так как немцы ведут сильную разведку».

Что делать? С. колебался недолго. С двумя номерами он выскочил из окопа и прежде всего бросился к кучам хвороста, сложенного между орудиями. Запылал костер... Перекрестившись, С. сорвал маску. Дышать было можно, хотя все чихали и кашляли. Один из номеров зашатался и свалился без чувств. Но уже все остальные бежали к орудиям и, ободренные примером первых выскочивших, срывали маски и, как на ученье, открыли огонь.

Для немцев этот сильный огонь был, очевидно, столь неожиданным, что их гранаты временно перестали шипеть над нашей позицией. Но через небольшой промежуток времени они

запели вновь. Батарея мужественно стреляла еще в течение трех часов. Четыре солдата, потерявших сознание, были оттащены в соседнюю рощу, но стрельба не прекращалась ни на минуту. Только к самым сумеркам стало легче. Энергично начали заливать воронки специальной жидкостью, хранившейся на батарее в особых бочках, усиленно жгли костры. Штабс-капитан С., довольно слабого телосложения, почти месяц кашлял и плакал кровью, но бригадный врач, талантливый медик, его выхаживал.

— И чего вам было лезть в эту историю? — шутили офицеры потом над С., — ехали бы себе в штаб со спокойной совестью, были бы теперь здоровы...

— Да, да, — серьезно отвечал С., — если бы поехал, то вот именно этой-то «спокойной совести» у меня не было бы. А теперь эта-то совесть и спокойна.

Штабс-капитан С. после этой истории стал подлинным любимцем солдат. Все они знали, что он мог и не прибежать на батарею, а спокойно уехать в штаб, но русское сердце его не выдержало. В трудную минуту нужно было быть с младшими братьями, и он вернулся. Русский солдат этого никогда не забывал.

Эпизд третий

Тот же, печальной памяти, семнадцатый год, с начавшимися трагическими событиями. Я писал уже выше, что конец 16-го и начало 17-го ознаменовались на фронте появлением со стороны немцев снарядов с удушливыми газами, становившимися, с течением времени, технически все совершеннее. Появились такие снаряды и в нашей армии и в большом количестве.

Огромный пробел в нашей военной промышленности в начале войны начал заметно уменьшаться, сравниваясь с немецкой, а иногда и превосходя ее. Нужно, однако, отметить один печальный факт, легший темным пятном на это время. Ввиду спешного переоборудования многих фабрик, заводов, мастерских и отдельных маленьких предприятий, качество материала снизилось. В иной области это могло остаться и не очень заметным, но в области артиллерийской техники оно вписало несколько трагических страниц в историю и жизнь доблестных «батарейцев».

Я вспоминаю гранаты с маркой «З Г.Т.» Не могу точно сказать, какой организацией они изготовлялись. Кажется это был Земский Союз. Со стрельбой этими гранатами у меня связано кошмарное воспоминание.

В один из скучных зимних дней мне было поручено пристрелять несколько пунктов неприятельских позиций. Ведя пристрелку одним только орудием, я уже собирался закончить порученную мне задачу, как вдруг страшный

грохот со стороны находившейся впереди пункта батареи долетел до моих ушей. Одновременно, высоко к небу поднялся столб черного дыма как раз в том месте, где находилось стреляющее орудие.

Прискывая на батарею, я увидел ужасающую картину: исковерканное до неузнаваемости орудие и рядом — прикрытые каким-то веретем пять изуродованных (в большинстве с оторванными головами) трупов прислуги этого орудия. Убит был самый лучший наводчик батареи Кольцов, весельчак, смуглый, как цыган, с вечной серьгой в ухе. Похоронили мы всех бедных ребят на следующий день на деревенском кладбище тыловой деревушки. Была искренняя грусть, печаль и досада.

Ударное приспособление, требующее особой тщательной обработки было сделано так, что ударная игла сдвигалась не при ударе гранаты в землю, а не успевало преодолеть инерцию при сдвигении снаряда в самом начале. Получался взрыв в канале орудия, разнесивший все вздрезги и сметавший всех людей, находившихся около. Имея до сих пор гранаты совершенно идеальной обработки казенных заводов, мы, конечно, не принимали никаких мер предосторожности, что и привело к катастрофе.

Наш случай был, кажется, первым на всем фронте, но за ним последовало еще несколько в других батареях, пока наконец не была прислана запоздавшая инструкция пользования гранатами «З Г.Т.». По это инструкции рекомендовалось иметь длиннейший шнур, при выстреле всем скрываться в окопах и этим длинным шнуром дергать в момент команды. Нечего и говорить, как плохо, с моральной стороны, действовало это не только на солдат, но и на офицеров.

Уже здесь в эмиграции я встретился с русским инженером, который был отчасти причастен к изготовлению снарядов этой марки. Изготовляла их шоколадная фабрика, переоборудованная для изготовления военных подрывов. Контроль осуществлялся только что соскочившим со школьной скамьи молодым инженером.

Возвращаюсь к прерванному рассказу.

Старший офицер батареи, закончив свой не очень трудный день, с наслаждением мечтал погрузиться в «объятия Морфея», выпив предварительно несколько стаканов чая с лимоном, заботливо приготовленных его верным Лепорелло — денщиком. Кроме того, стопка столичных журналов лежала на походной кровати его окончика. Было любопытно узнать, что творится нового на нашей многогосударственной, бурно кипящей родине. Приятные его мечты были неожиданно прерваны сильной артиллерийской канонадой, раздавшейся на участке справа. Прошло несколько минут, канонада не прекращалась. По телефону ничего путного добиться было нельзя. «Нежные объятия

Морфея» уже не показались столь приятными штабс-капитану. «Что за черт. Чего они там взбесились?» — подумал он и в ту же минуту загудел телефон. Звонил командир батареи.

— Андрей Петрович, я сейчас приеду на батарею. Нужно сделать экстренное распоряжение и не очень приятное. Предполагаю сделать его лично, а не по телефону. Пусть люди не ложатся в землянках. Предупредите!

Командир батареи не принадлежал к числу очень любимых и «обожаемых» начальников. Некоторые из офицеров его недолюбливали и называли «сухарем», «педантом». Но он был хладнокровен, строг и справедлив. Этого от него отнять было нельзя.

Через десять минут зацокали копыта, и командир, соскочив с лошади, вошел в землянку старшего офицера.

— Соберите всех номеров в самой большой землянке, — приказал он.

Когда все были собраны, он обвел всех своими внимательными глазами и сказал:

— Вот что, ребята. Вы слышите пальбу направо. Немцы навалились на соседнюю дивизию, их крайняя и самая близкая к нам батарея сбстреливается снарядами с удушливыми газами. Она понесла большие потери и стрелять почти не может. Приказано выслать им расчет (то есть полный комплект) номеров на орудие — 7 человек. От первой батареи уже 7 человек отправлены. Сейчас будет подвода, которая полным ходом вас довезет сколь можно ближе. Возьмите противогазы и что-либо поест. Не хочу никого выбирать и назначать, бросьте жребий, какое орудие пойдет целиком. Немцы ведут наступление на наше передовое укрепление.

При гробовом молчании стали тащить жребий. Вышло 4-е орудие.

— Живо одеваться! — скомандовал старший офицер.

Солдаты хранили молчание. Лица их были нахмурены и непроницаемы.

— Что? Страшно? — спросил я бойко-го ярославца — наводчика.

— Да оно как сказать... — тихо ответил он. — Со своими-то и смерть наполовину нестрашна, а тут люди чужие (это была батарея Гренадерского корпуса)... Оно как-то скучно... — добавил он.

— Ну, ничего. Господь милостив, может быть все и пройдет хорошо. Да и люди... какие же это «чужие»? Такие же как и все русские солдаты.

— Так то оно так, а все же...

В темноте зафыркали лошади. Это приехала подвода.

Прочли молитву и молча пошли садиться на подводу. До гренадерской батареи было все-таки около 3 с половиной верст. Когда все усе-лись, командир подошел к подводе и сказал:

— Штабс-капитан Р., — примите батарею. Я отправляюсь с орудием вместе... — и он пошел в повозку.

Этого никто из солдат не ожидал. Какой-то шорох и оживление пробежали по группе... Если бы было светло, можно было бы, без сомнения, увидеть их оживившиеся и посветлевшие лица.

Потом он объяснил свое движение так: «Все они ведь почти дети... В трудную минуту им все же нужна нянька!»

О последовавшем мы узнали лишь по позднейшим рассказам солдат. Сам командир хмуро молчал.

Прибыв на батарею, кое-как перебегая и залегая, наши ребята нашли ее в полном разгроме. Номеров почти не было, половина была отравлена и свезена в тыл. Остальные были деморализованы и в самом угрюмом состоянии духа. Полковник Н. быстро оценил обстановку и принял сразу решительные меры: длинными веревками, лавируя между воронками с газами, он оттянул в сторону сначала два, а потом и еще два орудия, быстро ввел поправки на отход и через несколько минут открыл огонь уже с новой позиции. Мало того, для введения немцев в заблуждение, он сам с двумя-тремя смельчаками бегал к оставшимся двум орудиям и вел стрельбу из них, чтобы не дать возможности противнику обнаружить сделанную кадриль.

С рассветом пришло успокоение...

Вот эти три эпизода, о которых мне хотелось сказать несколько слов. Вернее, о тех, что и не только свой долг, но понял психологию наших младших, доверенных нам братьев.

Эти офицеры еще живы. По крайней мере — двое из них, и может быть, они по скромности позабыли свои нехитрые подвиги. Думаю, однако, что эти строки смогут воскресить в их душах теплое чувство того, что жизнь их не прожита бесцельно, что в их боевой жизни были страницы, достойные занесения на память потомству.

П.Ф. Волошин

От Редакции: Статья эта была написана в тридцатых годах нашего столетия.

Артиллерийский эпизод Башкадыклярского сражения

Беспримерная в всенной истории атака конной артиллерии



В Башкадыклярском бою нашей небольшой по численности, десяти тысячной Кавказской армии пришлось атаковать вдвое сильнейшую турецкую армию, расположившуюся на ранее выбранной и подготовленной позиции, занимавшей высоты. Местность представлялась в виде громадной котловины.

По причине своей малочисленности армии нашей нужно было вести лобовые атаки и потому нести крупные потери. В самый разгар битвы мы были отбиты по всей линии, и ввиду малых пехотных резервов положение наше становилось очень серьезным и с каждой минутой могло стать критическим.

Ключом турецкой позиции являлась командовавшая над всем полем битвы самая большая высота, находившаяся на турецком правом фланге, на которой турки поставили две батареи. Наше командование сразу это учло и направило для атаки этой высоты лучшие пехотные части: Грузинский гренадерский и Эриванский полки. Полки шли в атаку с музыкой и развернутыми знаменами. Первым атаковал Грузинский гренадерский полк. Встреченный ураганным огнем турецких батарей, полк не прошел и половины расстояния, потеряв убитым командира полка и выбывшими большую часть своего состава.

Тогда двинулся в атаку Эриванский полк. Он дошел до высоты, но поднятия на нее не мог и залег в мертвом пространстве.

Против этих двух пехот турецких батарей наш левый фланг прикрывала 7-я Донская батарея, в свою очередь прикрываемая эскадронном нижегородцев. С нашей батарее командир 3-го взвода хорунжий Кульгачев в бинокль наблюдал за ходом атаки. Он заметил, что турецкий батальон, стоявший сперва сзади, в прикрытии батарей, теперь занял гребень высоты и, лежа, расстреливал с края высоты лежащих внизу Эриванцев, чье зномя то падало, то поднималось вновь, чтобы снова упасть.

Не долго думая, Кульгачев подошел к командиру батареи войсковому старшине Долотину: «Господин полковник, разрешите мне их атаковать». Долотин ему ответил, что «дать такое разрешение он не может, но раз вам явилась такая мысль, то берите на свою ответственность, и дай вам Бог

успеха!» Он благословил и перекрестил Кульгачева и поцеловал его.

«Пятое и шестое орудия — в передки, марш-марш!» Турецкий правый фланг был защищен горным потоком в крутых, обрывистых берегах, почему турки, считая его недоступным, мало за ним наблюдали. Тем не менее движение наших двух орудий не осталось незамеченным и крайнее к нам орудие, фланговое, успело повернуть хобот, и в тот момент, когда переднее, пятое орудие подсакало к пропасти, картечный выстрел угодил под ноги лошадям, не задев их, но испугав. На карьере лошади сделали невероятный прыжок, и орудие по воздуху перелетело за ними.

Подскакав на картечный выстрел к вытнувшемуся по гребню батальону, пятое орудие сналось с передков и, прежде чем его заметили, раздалась команда Кульгачева: «Пятое!... Пятое!... Пятое!»

Обстреливаемый продольно картечью, батальон побежал, бросая ружья. Теперь все внимание Кульгачева сосредоточилось на том, чтобы не дать туркам остановиться и залечь в кустах, и когда подскакало наконец застрявшее в обрабе шестое орудие, то стало легче: «Шестое!... Пятое!... Шестое!... Пятое!...» Орудия, одно за другим меняя свои позиции, преследовали турок, не давая им остановиться.

Турецкая батарея, слыша у себя в тылу артиллерийскую канонаду, видя бегство прикрытия и очутившись перед штыковой атакой Эриванцев, спешно потребовала передки, чтобы спасти орудия. Увидев это, эскадрон Нижегородцев, составлявший прикрытия 7-й Донской батареи, налетел с фланга на турецкие батареи и рубил прислугу и построики. Почти одновременно подоспели и Эриванцы.

Турецкая армия, потерявшая свои главные фланговые батареи, боясь обхода, начала общее отступление по всему фронту. Так было выиграно нами Башкадыклярское сражение. Но армия турецкая уцелела. Вследствие нашей малочисленности, переутомления войск и отсутствия свежих резервов мы турок не преследовали.

Командовавший в этом сражении кавалерийский генерал Баговут присвоил себе лавры победы, написав в рапортах, что хорунжий Кульгачев атаковал по его приказанию. За это он получил Георгия на шею, а истинный герой Башкадыклярского сражения удостоился Владимира 4-й степени. Но в армии хорошо знали, как досталась нам победа, и генералу Баговуту стало неудобно: по возвращении из Петербурга

Баговут позвал к себе Кульгачева: «...Вышло недоразумение... Неправильно написали реляцию... Но все равно, в следующем деле ты получишь Георгия...» Так это и случилось в сражении при Курюк-Дара.

В двадцатипятилетний юбилей Башкадыклярского сражения, будучи уже генерал-лейтенантом и командой 13-й кавалерийской дивизией в Москве, Кульгачев был пожалован Императором Александром 2-м мундиром 7-й Донской батареи, с которым никогда не расставался.

В дальнейшем, в чине генерала от кавалерии, команда 6-м армейским корпусом в Варшаве, Кульгачев всегда ездил на казачьем седле, в артиллерийском чекмене, с Георгием в петлице и с погонами 7-й Донской батареи, получившей за это дело Георгиевские серебряные трубы.

На лекциях по тактике в военных училищах и в Академии Генерального штаба, когда профессора говорят о действиях в бою всех трех родов войск, что атакует пехота и кавалерия, а артиллерия служит для подготовки атаки, они добавляют, что во всей военной истории был только один случай атаки конной артиллерии — это в сражении при Башкадыкляре, где взвод 7-й Донской батареи под командой Кульгачева атаковал и преследовал турок, благодаря чему сражение это было нами выиграно.

Действия 7-й Донской батареи в сражении при Курюк-Дара

Наша Кавказская армия, получив подкрепления, двинулась к Карсу. На своем пути она столкнулась с турками раньше, чем ожидалось, и нам пришлось на марше развертываться в боевой порядок под огнем турок, чем турки не преминули воспользоваться. Намного превосходя нас численностью, они не дали нам закончить перестроения и бросили громадные массы своей пехоты на наш левый фланг. Как тучи, стал спускаться слева турецкий низам с целью отрезать нас от нашей демаркационной линии.

Первой понеслась им навстречу 7-я Донская батарея, состоявшая при бригаде Нижегородцев и Северцев. По условиям местности, а также и потому, что турки повели глубокий обход нашего фланга, батарее пришлось сняться с передков перед самыми линиями пехоты и сразу открыть картечный огонь, как наиболее действительный, для того чтобы во что бы то ни стало задержать наступление противника до тех пор, пока мы не закончим свои перестроения.

Батарея несла от ружейного огня турок большие потери и несмотря на то, что в бою офицеры были одеты в солдатские шинели, под Кульгачевым была убита лошадь, а шинель

пробита тремя пулями, хотя он и был единственным из офицеров, оставшимся не раненым в этом деле. Вскоре вся прислуга батареи была перебита или переранена. Зарядные ящики оставались без взодых, сами понесли в сторону турок и вернуть их было некому.

Видя это, два еврея, состоявшие при батарее маркигантами и накануне боя приговоренные военнo-полевым судом к смертной казни за шпионаж (они были уличены нашей контрразведкой в передаче турецким лазутчикам из туземцев сведений о составе нашей армии, о количестве полученных подкреплений и пушек, о командном составе и пр. Приговор еще не был приведен в исполнение), сели на лошадей, поспали наперез ящикам и в нескольких шагах от турок, схватив лошадей за повод, повернули ящики назад, к батарее, за что, после нашей победы, получили помилование.

Батарея расстреляла все снаряды, прислуга была перебита и переранена, и турки уже подходили, чтобы взять батарею. Кульгачев поспкал к Нижегородцам: «Нижегородцы, турки берут ваши пушки, спасайте батарею!» Нижегородцы и Северцы делают одиннадцать атак и отбивают батарею, но туркам удалось все же увезти два орудия. Атаки Нижегородцев и Северцев на турецкие каре были настолько упорны, что сбили турок и обратили их в бегство.

То же самое происходило и на нашем правом фланге охваченном турками. Там героически отличилась 6-я Донская, впоследствии гвардейская батарея, тоже потерявшая два орудия. Ее выручили и отбили турок Тверской и Переяславский полки. Турки отступили к Карсу и заперлись в крепости. За это дело Кульгачев получил Георгия 4-й ст.

Первый, неудачный штурм Карса

Шла осада Карса. Однажды рано поутру Кульгачев, выйдя из своей палатки, увидел группу офицеров. Он подошел к ним. Командовавший армией граф Муравьев заметил его: «А, Кульгачев, вот ты-то мне и нужен! На завтра я назначаю штурм крепости. Не хочешь ли ты командовать охотниками?» Кульгачев согласился. Желаящих охотников нашлось больше, чем было нужно, и предпочтение отдавали пластунам.

Ночью охотники незаметно подползли к крепостным бастионам и залегли во рвах. Повсюду на батареях слышалась английская речь: батареями командовали английские офицеры.

В условленный час, по сигналу, охотники, как один, бросились на батарею, перебили прислугу, захватили оружейные замки и, приведя орудия в негодность, спустились обратно во рвы, ожидая общего штурма. Орудийная паль-

ба шла сильнейшая с обеих сторон, а штурма все не было. Начиная уже светать. Оставаться далее во рвах было невозможно, и охотникам был подан сигнал уходить. Тут Кульгачев наткнулся на линии нашей атаки. Под градом снарядов войска залегли и поднять их не было никакой возможности. Офицеры выбивались из сил, но ничего не могли поделывать с солдатами. Кульгачев тоже было попробовал, но ничего не мог поделывать с людьми даже шашкой.

Что же оказалось? Незадолго до штурма к нам прибыли новые осадные орудия. Не желая раньше времени открывать туркам свои новые батареи, Муравьев не пристрелял их по крепости. Орудия в то время не были дальнобойными, и их расположили слишком далеко от крепости.

Снаряды, не долетая, попадали в свои же войска и служили заградительной завесой против своей же атаки.

Кульгачев был контужен снарядом в голову, и его унесли. Штурм не удался. Впоследствии крепость была взята вторым штурмом.

После смерти члена Военного Совета генерала от кавалерии Алексея Петровича Кульгачева я получил от Военно-Исторического музея города Тифлиса письмо, где меня просили прислать его портрет, что я и исполнил.

Второй портрет его находится в Донском Военно-Историческом музее города Новочеркаска.

А. Кульгачев

Последнее отступление

(Окончание)

Скажу несколько слов об этом офицере. Сын крестьянина-землепашца, он проделал трудный путь: сельская школа, городское училище, реальное училище, политехнический институт в Петербурге, откуда, как студент, он окончил ускоренный курс Михайловского Артиллерийского училища и прибыл в нашу бригаду в 1917 г. уже женатым (на Лариссе Ивановне Иогансон, 17-летней дочке аптекаря, не то в Верхне-, не то в Нижне-Петровске. Как иногда запминаются совершенно бесполезные факты!!!). В 23 года он был очаровательным мальчиком, общим любимцем и офицеров и солдат. Конец его был печальный: в 1920 г. он командовал красной батареей, которая была атакована конницей Врангеля. На своем наблюдательном пункте он был взят в плен (бывают же такие случайности!) упомянутым выше штабс-ротмистром Судаковым, который его узнал и поставил в строй своего полка. Это продолжила жизнь «Панаса» (так его звали в 32-ой бригаде) только на три дня: в следующей атаке он был убит.

Но теперь, 15 июля, он стрелял, находясь перед хатой, в которой все прочие слушали его команды. — «Ого!» сказал поручик Мущкет-Игнатков (из военноопределяющихся мирного времени): «Панас знает шаг уломера!» Экзамен Панас выдержал! Но наблюдательный пункт сам был неудовлетворительным, и я перенес его на край сел на Черемоше, улучшив его лишь тем, что видел все в большем масштабе и был перед батареей, но наблюдать мог все тот же участок, — от села на север: Я сделал при этом ошибку, не полав офицера-наблюдателя на южный берег Черемоша, но, все равно, и в этом случае я не имел бы поня-

тия о том, что делается в поясе сел передо мной. Вообще, в течение войны (кроме Окны, весной 1916 г.) позиции выбирались без участия артиллериста, и в результате поддержка пехоты была почти всегда ограничена.

Не помню, когда я узнал, что моя роль «начальника артиллерии 165-й дивизии» окончилась. Теперь эта дивизия имела у себя также I/II дивизион полковника В.В. Мацкевича, со штабом в Вашкоуде. Я соединился с ним телефоном.

16 июля я обнаружил, что имею соседом по наблюдательному пункту своего большого приятеля в мирное время полковника К.М. Перевалова, теперь — командующего 1-го батареей 11-ой арт. бригады. Это было для меня большой моральной поддержкой, как и доказательством, что мой наблюдательный пункт находится на должном месте.

День начался нормально. Мы стреляли по тому, что видели на видимом участке, т. е. в направлении на село Карлув, и вдруг мы заметили в поле наших отступающих пехотинцев! Сперва их были десятки, потом сотни, и все поле покрылось ими. Я бросился к телефону вызвать полк. Мацкевича, но, как всегда бывало в критических случаях, Мацкевич с кем-то говорил. Я пришел к Перевалову, который тчтно старался сделать то же. Затем я увидел, что ему ведут коня. Уже сидя на коне Перевалов сделал мне приглашительный жест, приглашающий последовать его примеру.

Тогда я вызвал по телефону своего коня, дал команду «Передки на батарею!» а батарея — «Назад-ки!» и построиться в колонне на шоссе за батареей, головой к мосту!» Когда я подъехал, она уже стояла так. Мост обстре-

ливался неприятельской батареей, по нему ка-
рьером, на больших дистанциях между орудия-
ми, проходила батарея Перевалова. В обратном
направлении ко мне прискакал разведчик с за-
пиской Мацкевича: «Оставаться на позиции!»
Я прочел записку вслух. «Неужели мы опять
вернемся на эту позицию», разочарованным го-
лосом сказал стоявший возле меня канонир. Но
я такого намерения не имел: исполнить при-
казание, конечно, было нужно, но с такой пози-
ции, откуда бы было видно по сторонам, и
повел батарее на поле за селом, где и занял
позицию в формации «ближнего отъезда» (пе-
редки за своими орудиями и зарядными ящи-
ками в направлении к ним, на дистанции 24
шага).

Отсюда я послал приказание Русинову:
«Перейти по броду через Черемош и распо-
ложиться при шоссе, ведущем в Вашкоуц!»
Старший телефонист спросил меня, где новый
наблюдательный пункт? Я показал на наш
первый, но добавил, что линию ставить пока
не нужно. Прискакал второй разведчик от Ма-
цкевича: «Перейти через мост к костелу в Ваш-
коуце!» Я этого и ожидал, но приказание в
такой форме мне не понравилось: 1) через мост
и 2) к костелу! К п. 1): противник теперь уже
престрелялся по мосту, а к п. 2): костелы были
всегда любимой целью для австрийской артил-
лерии калибром от 6 до 12 дюймов. Поэтому я
исправил приказание: взялся еще раз в пере-
дки, отвел батарею немного назад, где нашелся
брод через Черемош, вошел в Вашкоуц сзади
и, пройдя к костелу, остановился на улице,
которая вела на площадь, на приличной от ко-
стела дистанции. Сзади меня, на поперечной
улице стояла батарея Перевалова. Затем я по-
ехал к Мацкевичу в дом на площади, на про-
тивоположной костелу стороне, и застал у него
командиров батареи его дивизиона.

Мацкевич прежде всего выразил нам свое
неудовольствие по поводу оставления позиций,
на что один из командиров батарей заметил,
что из Вашкоуца, конечно, нельзя было видеть
того, что происходило! Однако, здесь, с южной
стороны Черемоша, не было никаких признаков
отступления и можно было предполагать (Ма-
цкевич нам этого не сказал), что фронт удер-
жался, что бегущие на противоположной сто-
роне реки были остановлены, а потому мы сбе-
жали действительно преждевременно! Мацке-
вич, однако, не приказал нам ничего, моя бата-
рея и 1/11 остались стоять на улицах.

Тут противник наконец вспомнил, что костел
подлежит уничтожению, и начал бомбарди-
ровать его 6-дм. батареей. Одно время снаряды
рвались и на нашей улице, при ее выходе на
площадь, но осколки к нам не долетали. Это
продолжалось не больше получаса, а затем
батарея замолчала. Потом Мацкевич приказал

мне (не знаю, как другим) поставить на пози-
цию взвод, а прочим расположиться в местечке
на отдых. Я отвел батарею в восточную часть
местечка, позиций там было сколько угодно, но
наблюдательного пункта ни одного!

Потом я увидел довольно высокую мельни-
цу, возможно, пригодную для набл. пункта и
пошел туда. Хозяин встретил меня криком:
«Что Вы делаете? Вы хотите уничтожить мою
мельницу!» Напрасно я убеждал его, что со-
хранение этой мельницы интересует меня, по-
жалуй, даже больше, чем его. Он впал в такую
истеричку, что я приказал разведчикам удалить
его. Но и с верхнего этажа мельницы не было
видно ни своих, ни чужих, а только некоторые
пустые пространства, и я оставил ее, как на-
блюдательный пункт.

Отключись в сторону одного вредного обы-
чая, заведенного в бригаде со дня выступления
на войну: **никогда не есть из котла!** Сперва
в дивизионе, а от октября 1914 года — в каж-
дой батарее, был офицерский повар, который
готовил пищу для офицеров. Но, к сожалению,
офицеры могли поесть только через 2 часа
после того, когда батарее куда-нибудь пришли,
и то часто, если пришли уже ночью, то давали
преимущество сну. Хотя старые полковники
и подполковники потом покинули нашу брига-
ду, младшие, по инерции, оставили эту систему.
Таким образом, проглотив утром чай с хлебом
(и то не всегда) мы питались целый день только
папиросами, что отражалось и на нашей боевой
деятельности: не всегда мы были способны
сделать то, что было желательным, полезным
для дела. В данном случае, 16 июля в Вашкоу-
це, у меня разболелась голова и было ясно,
что мне надо чего-нибудь съесть. К сожалению,
у хозяйки нашлись только один стакан молока
и одно яйцо. Но я был удивлен, что даже такое
ничтожное количество пищи извобило меня от
головной боли. Забыл я и поставил связь к
Мацкевичу и надеялся, что он меня не забудет.

Мацкевич был очень давний знакомый. Ко-
гда на Шубовском полигоне я ему официально
представился, он воскликнул с напускным воз-
мущением, обращаясь к присутствовавшим
офицерам: «Я был на его крестинах, а он
притворяется, что меня не узнает!» Но все-
таки я не мог заснуть и прислушивался. И
вдруг, около полуночи услышал стук колес по
шоссе. Я вышел сейчас же на шоссе и (бывают
и такие случаи!) наткнулся прямо на Мацке-
вича, ведущего свой дивизион! Мацкевич от-
несся к этому так, как будто бы он ничего
иного не ожидал, и приказал мне идти с бата-
реей в Зеленеу и занять там позицию.

Расстояние было пустынное, каких-нибудь
10-12 км. У села Бербешти к батарее присоеди-
нился наш резерв и обоз, и на рассвете мы
были на месте. Наблюдательный пункт был

ясен без разведки, позиция — тоже. Я сразу завалился спать, проснулся, поел и поехал на наблюдательный пункт, где занялся ориентацией на местности. Ни наших, ни противника еще не было, одним словом этот день я провел (и батарея тоже) нормальным образом. Я также получил копию приказа, в котором говорилось, что нашим соседом за Прутом является XVI корпус, и Прут является границей между корпусами. 163-я дивизия оставалась на правом фланге XI корпуса, примыкая к Пруту. Этот день, по части сна, еды и отсутствию противника, прошел приятно.

18 июля за моей батареей оказалась горная (кажется саамурская). Командовал ею подполковник Карпенко. Я представился ему и пошел на свой наблюдательный пункт, который находился на куполообразной горе над потоком Брусница с рядом сел внизу на потоке: Плешница, Берешти, Калинешти и др., которые, находясь у подножия горы, наблюдению не мешали. По восмьюм гребню горы проходил незапятаный пехотой окоп, — очевидно эта позиция была укреплена заранее. Я поместился в нем. Наблюдательного пункта с таким горизонтом я, пожалуй, еще никогда не имел.

Влево, километрах в 20-25, горизонт ограничивала цепь высоких гор (вероятно, уже за рекой Серет), прямо впереди виднелся вчера нами оставленный Вашкоуц, а все пространство перед ним, вплоть до нашей позиции, представляло собой море высокой кукурузы (минус!). Направо, за Прутом, местность была открытая, постепенно возвышавшаяся к горизонту, и позволяла наблюдать километров на 10-15. Но ничто в этих полях не напоминало о присутствии нашего соседа, XVI А.К. Вопросом было: его еще нет, или — уже нет?

В селах на потоке Брусница, под моим наблюдательным пунктом, я тоже не мог обнаружить никакого шевеления, которое подтверждал бы о присутствии нашей пехоты. Даже если бы она была в кукурузе перед селами, в них все-таки должно было быть кое-что, но я не видел абсолютно ничего. Желая убедиться на все 100%, что пехоты там нет, я послал прапорщика Русинова с двумя разведчиками, дав ему задачу: осматреть ближайшее к нам село на северном берегу Прута, нет ли там какой-нибудь части XVI А.К., потом вернуться на наш берег и проверить селения перед нами и ближайшую к ним кукурузу. Русинов уехал.

В самом скором времени по его отъезде, на горизонте за рекой появились колонны явно XVI корпуса, которые затем разворачивались и занимали позицию уступом впереди нас. Еще немного погодя, на ближайшей видимой части шоссе в Вашкоуц появились три взвода, которые неслись каьером к нам. Затем, на наблюдательном пункте появился Русинов, без фуражки и

так запыхавшийся, что не мог сказать ни слова.

Отдыхавшись, он доложил, что XVI корпус подошел (это уже не было новостью), что в селах перед нами нашей пехоты нет и что, когда он поехал вперед, в кукурузу, то наехал на австрийцев, занятых постройкой окопа. Он бы их даже не заметил, если бы разведчик, схвативший, конечно, за ним, не крикнул: «Австрийцы!», и только тогда он их увидел и повернул коня. Австрийцы, вероятно были поражены неожиданной встречей не менее Русинова, открыли огонь с опозданием, и нашим удалось ускользнуть с потерей всего лишь фуражки!

Теперь все было окончательно ясным. Я вызвал к телефону Мацкевича (он был, насколько помню, в Глинице), доложил ему всю историю и просил позаботиться, чтобы образовавшийся промежуток между правым флангом дивизии и Прутом, был прикрыт пехотой. Минут через 20 Мацкевич мне сообщил, что туда послан резерв дивизии. Через каких-нибудь полчаса я уже увидел пехоту на месте. Но все-таки в течение нескольких часов моя и горная батарея простояла без пехотного прикрытия!

Наблюдательный пункт посетил командир XI А.К. генерал-лейтенант Гильчевский в сопровождении одного офицера. Не сходя в окоп, он остановился во весь рост шагах в 10 от меня и стал «обзирать окрестности» в бинокль (некоторые высшие начальники имели такую вредную привычку привлекать внимание противника на те места, которые в интересах общего дела и находящихся там лиц должны были бы оставаться для него незамеченными). Я подошел к генералу и сказал: «Г-н генерал! Покорнейше прошу вас сойти в окоп!»

Генерал покосился на меня одним глазом и продолжал стоять. Через 2-3 минуты я снова подошел к нему со словами: «Г-н генерал! Я должен настоятельно просить вас сойти в окоп!» Генерал посмотрел на меня внимательнее, но опять ничего не сказал и, простояв еще минуту для приличия, ушел в направлении к Зеленеу. Прошло еще 2-3 минуты, и неприятельская батарея открыла огонь в том же направлении. Я не думаю, чтобы она охотилась именно за ним, но моя солдатская свита пожелала вслух, чтобы генерал получил возмездие за свое поведение. Выпустив десяток шрапнелей, батарея умолкла.

Не помню точно, но кажется, что в этот день, по неимению целей, я не стрелял, а если и стрелял, то только по ориентирам. Присвинок так и не показавшись из кукурузы. Но 111 дивизии, стоявший южнее и имевший перед собой холмистую местность, стрелял немного. Когда дело клонилось уже к вечеру, я стоял с северной стороны шоссе возле горной батареи и разговаривал с ее командиром. В это

время с юга приехали командиры батарей 11-ой бригады и сошли с коней. Я оставил командира горной батареи, чтобы поговорить с ними, и тут произошел комический случай.

Подполковник Скоритовский заметил, что я разговаривал с Карпенко и спросил меня: «Вы, кажется, знаете командира горной батареи? Кто он?» «Подполковник Карпенко», ответил я. — «В жизни своей я не встречал такого идиота! — сказал Скоритовский. — Я попросил его давать мне свои наблюдения — цель была очень важна — и думал, что он мне поможет, а он надавал мне таких наблюдений, что я должен был прекратить стрельбу!»

Поговорив, я вернулся к Карпенко. — «Вы знаете командиров батарей 11-ой бригады, — сказал он: — Покажите мне командира 3-ей батареи». Я показал. «Даже с Георгиевским крестом! Удивляюсь, как такой дурак мог его получить?» Мне хотелось смеяться.

Причиной недоразумения между подполковниками было то, что в наших «Правилах стрельбы» глава о стрельбе с двухсторонним наблюдением была очень слабо разработана и если вообще годилась для практического употребления, то только на полигонах, а не на войне. Например, летом 1916 г., на фронте Делатын-Ланчин капитан Курзеньев и я были на разных набл. пунктах. Курзеньев заметил вспышки неприятельской батареи. Он даже вызвал меня к себе и показал мне домик с зеленой крышей (я вспышек не видел), относительно которого я должен был давать ему наблюдения. Я вернулся на свой пункт, и стрельба началась. После 4-го выстрела К. сказал мне: «Прекратим стрельбу!» И больше никогда мы этим способом не стреляли! «Какая здесь причина, и где же корень зла» — мы не задумывались, хоть «ларчик просто открывался!» Я лично узнал об этом только через семь лет!

«Ссорой» двух подполковников кончатся мои воспоминания о дне 18 июля. Я даже не помню, ночевала ли батарея в Зеленеу и когда мы выступили дальше? Смутно мерещится, что командиры батарей были у Мацкевича (в Глинце?) и что 1/11 дивизион ушел к своей дивизии.

19 июля я вел свою батарею по шоссе вдоль южного берега Прута, через Черновицы и Маморницю в румынское село Орофтеанка-де-Сус. Переход — 55 верст и страшная жара! Уже в сумерках мы добрались до Орофтеанки. Штаб 165-ой дивизии должен был быть в селе между Маморницей и Орофтеанкой (название села не помню).

Квартирьеры рассказывали, что, когда они появились в виду села, жители сбегались на околицу, вооруженные вилами и топорами (вероятно, они уже имели опыт с «сознательными товарищами»), но когда старший квартирьер

подал команду: «Шашки вон!», разбежались и, очень скоро увидев, что грабить их никто не собирается, переменили гнев на милость. Мы предвкушали столь нужный нам отдых и сон, но часа через два всего лишь приехал ординарец штаба дивизии и вручил мне приказание:

«С получением сего, немедленно» перейти в село, где находился штаб дивизии (т. е. к 55 верстам прибавить еще 10-15!). Приказание было подписано начальником штаба штабс-капитаном Радзеиовским.

Против исполнения приказаания было еще одно обстоятельство: на нас надвигалась огромная черная туча, угрожавшая потопом в самом ближайшем будущем.

Конечно, на революционных правах, я мог бы приказаания не исполнить, но это «с получением сего» и «немедленно» заставляло думать, что там что-то случилось и присутствие батареи необходимо. И это соображение победило. Мы выступили и через полчаса промокли до нитки и были забрызганы грязью (шоссейная дорога осталась в Австрии!).

Когда мы подошли к указанному селу, квартирьеры доложили, что места для нас нет — все занято. Дождь уже прекратился, но грязь всюду была отчаянная. Взбешенный, я вошел в хату начальника штаба. Он спал. Резким движением я сдернул с него одеяло.

Проснувшись и увидев меня, он пробормотал: «А, это вы. Располагайтесь на ночлег, а завтра пойдете к своей дивизии». «А где квартиры для батареи?» спросил я. — «Все село занято, и квартиры для вас нет!» ответил он. Тут уж я, не стесняясь и только-только не упоминая «родственников в колоне восходящем», сказал ему свое мнение о нем, упирая в особенности на возмутительный текст приказаания.

Но «располагаться» как-нибудь было надо. Вестовой растелил мне на грязь, перед фронтом батареи, мой брезентовый спальный мешок, я лег на него, накрылся буркой (доставшейся мне в наследство от члена Государственной Думы прапорщика К.М. Струкова, который в начале 1915 г. приехал к нам в батарею на 6 месяцев «посмотреть на войну») и сейчас же заснул. Проснулся я от нестерпимой жары и зубной боли. Солнце стояло уже высоко. Когда я явился откланяться начальнику дивизии, генерал спросил: «Что у вас вышло с начальником штаба?» Я рассказал всю историю. Генерал молчал. Вообще этот генерал-майор Чернявский казался мне все время самым несчастным человеком в дивизии, и на его лице я никогда не видел следов улыбки. И так мы распрощались навсегда!

Зубная боль становилась нестерпимой. Проходя мимо озера 126-го Рылского полка, я вспомнил, что там есть классный фельдшер, весьма искусный по зубной части, и остано

батарею. Он показал себя, действительно, артистом: через 5 минут я (минус 3 зуба) вел батарею дальше. Когда я явился своему командиру бригады, генерал сказал мне: «165-я дивизия, наверное, измотала батарею. Ставлю вас

на отдых!» Мы отдыхали 5 дней, а затем заняли позицию между селами Могошешти и Буда-Маре, западнее города Герца. Началась позиционная война.

В.Е. Милоданович

Кто придумал боевые для ношения медали?

Подобный вопрос может показаться странным, однако в среде старых русских нумизматов крепко держалось мнение, что боевые для ношения медали были придуманы Петром Великим и что до него ни в России, ни в каком-либо ином государстве таковые не учреждались и войскам не раздавались*). Мнение это от упорного повторения стало аксиомой, не требовавшей документальных доказательств, да и как доказать документально, что чего-то прежде не было?

Как бы то ни было, мнение это ложно: боевые для ношения медали и в России, и в иных государствах и учреждались, и раздавались войскам задолго до Петра Великого.

Что касается России, то боевые для ношения медали, именуемые тогда «золотыми», жаловались за ратную службу уже при Иоанне III. Правда, что сперва то были случившиеся в великокняжеской казне иноземные золотые монеты, но затем они были выгеснены «золотыми московского дела», бывшими, несомненно, медалями, ибо золотого денежного обращения тогда на Руси не было, и выбивали их лишь для раздачи войску, да и изображался на них лишь Государственный герб да царский титул, но никак не цена.

Пожалование «золотыми» продолжалось и при Петре Великом, и лишь постепенно они были выгеснены медалями западного образца. Тут, как и во всем прочем, Петр предпочел западный стиль отечественному**).

Да, скажут нам, вот в том-то и новизна — Петр применил западно-европейскую памятную медаль для раздачи войску, чего на Западе не делалось, а стало делаться лет на сто позже. Увы, читатель, и на Западе медали раздавались войскам задолго до Петра.

Доказать документально, что что-то уже было, легче, чем, что чего-то не было, и нам достаточно привести один лишь указ Английского короля Карла I, данный ровно за 29 лет до рождения Петра Великого.

Высочайший указ Карла I от 18 мая 1643 года сэру Вильяму Паркхорсту и Томасу Бушеллу, Блустителям Корслевского Монетного Двора в Оксфорде.

«Дошло до Нас, что те солдаты, которые Нам усердно в Штурмовых колоннах***) слу-

жили, не почитаются соответственно их достохвальной храбрости и верной Нам службе. Посему повелеваем Мы, дабы отныне Главные Командиры, кавалерийские и пехотные, которые те колонны на штурм ведут, на коих Мы также намерены возложить знаки Нашего Монаршего благоволения, письменно означали имена тех солдат, которых они усерднейшими в службе Нам и Отечеству найдут, дабы повод был те их заслуги наградить, и их самих знатными всем Нашим верноподанным сотворить.

Для сего почли Мы за благо повелеть сэру Вильяму Паркхорсту и Томасу Бушеллу, Блустителям Нашего Монетного Двора, своевременно заготовлять особые Знаки из серебра, с изображением Нашей монаршей Персоны, и с таковым же Нашего возлюбленного сына, Принца Карла, и доставлять для ношения на груди каждого солдата, который своим Главным Командиром собственноручно удостоверен будет, что он Нам в Штурмовых колоннах верно служил.

Засим же Мы строжайше повелеваем, дабы ни один солдат ни в кое время означенный Знак не продавал, и ни один из наших верноподанных таковой не дерзал покупать и паче носить, кроме тех, коим Мы таковой дадим, и сие под страхом наказания, кое Наш Военный Совет рассудит назначить, буде найдутся дерзнувшие сие Наше Монаршее повеление преступить.

Также вменяем Мы в обязанность означенным Командирам, а также и Блустителям Нашего Монетного Двора вести особые Реестры таковым именам и откуда они родом, и выдавать им на то грамоты.

Дан при Нашем Дворе в Оксфорде, Мая семнадцатого дня 1643 года».

Евгений Молло

*) Примером такового мнения могут служить нижеследующие выдержки из «Собрания Трудов по Русской Военной Медальстике и Истории» В.Г. фон Рихтера, «Военно-Историческая Библиотека "Военной Были"», Париж 1972 г.

«Награждение знаками отличия или медалями всех участников отдельного боевого эпизода или всей кампании впервые было введено в России еще Царем Петром I, опередившим в этом отношении Западную Европу на 70, а Англию — более чем на 100 лет...» Стр. 63.

«Более чем за 100 лет ранее прочих европейских монархов, Царь Петр I изобретает и вводит новый

вид боевых отличий, весьма демократический, а именно — наградные, специально чеканенные медали для рядовых бойцов, солдат и матросов, и для офицеров — в память одержанных побед и завоеваний...» Стр. 103.

*) См. статью автора «Боевые Знаки Отличия Петра Великого» в № 120 «Военной Были».

**) Штурмовые колонны в Англии именовались тогда «форлорн Хоп», т. е. «Потерявшие Надежду» — «Отчаянные».



Художник Г. К. Бакланов, Великий Князь Константин Константинович среди членов «Измайловского Десуга». Поэт А. Н. Майков читает свои стихи к 10-летию юбилею «Десуга» в 1894 году

Картина художника Г. К. Бакмансона «Измайловский досуг»



В № 116 «Военной Были» г-н Г. Др. опубликовал интересную статью о так называемом «Измайловском Досуге». На странице 15 автор статьи упоминает художника и офицера полка Гуго Карловича Бакмансона, финляндца по происхождению.

Так как в моем архиве хранится репродукция его картины «Измайловский Досуг», о которой сообщил нам уважаемый г-н Г. Др., то я пользуюсь случаем и прошу напечатать ее.

Картина была на XI выставке С.-Петербургского общества художников в 1903 году в Петербурге и пользовалась большим успехом. Вот что тогда о ней писали в журналах и газетах критики:

«Талантливая картина Г.К. Бакмансона изображает интересную сцену из жизни Измайловского полка — одно из собраний существующего с 1884 года при полку товарищеского кружка «Измайловский Досуг». «В этих собраниях принимают участие все офицеры полка, как ныне состоящие в полку, так и бывшие, и в числе их Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович. На этих собраниях выступают приглашаемые литераторы и артисты, и вечер проходит в оживленной и дружной беседе. Собрания бывают два раза в месяц». (из журнала «Нива» № 17, апрель 1903 года).

На картине Бакмансона мы видим поэта Майкова, читающего свои стихотворения. В числе слушателей, центральной фигурой, сидя в кресле-качалке Великий Князь Константин Константинович, рядом с ним генералы Евренцов и Косач и 40 других лиц.

На небольшом пространстве картина дает множество превосходно написанных портретов, изображая юбилейное собрание «Досуга» в 1894 году, состоявшееся по случаю десятилетия его существования.

После громадного успеха на выставке «Общества Художников» 1903 года картина висела в библиотечном зале офицерского собрания лейб-гв. Измайловского полка, а после революции попала в фонды Государственного Русского Музея (бывший Музей Императора Александра III), где и хранится по сей день.

Юрий Солодков

Совпадение ли?

Волею судьбы мне пришлось чуть ли не в 1919 год провести в тесном общении с военнопленными русскими офицерами, большинство которых попало в плен при гибели 2-й армии генерала Самсонова и при падении Ново-георгиевска. Я был командирован представителем Добровольческой армии в Берлине, генералом Поттоким, в Междусоюзную комиссию о военнопленных, работавшую в английской зоне оккупации. После расформирования этой комиссии большинство из нас было направлено в Англию, в английскую офицерскую школу, в которой офицеры военного времени проходили специальный курс, для перевода в кадры мирного времени.

Во время службы в Международной комиссии, а затем, помещаясь в одном бараке во время пребывания в школе, мы хорошо познакомились между собой и, конечно, много говорили и рассказывали о минувших годах. Для этих военнопленных офицеров, я представлял особый интерес, так как был интернирован в Германии только после падения Гетмана и, следовательно, пережил в России главные этапы революции. Они же описывали свою жизнь в плену и взаимоотношения как с немцами, так и с пленными офицерами союзных армий.

Один из рассказов, который я слышал от нескольких лиц, меня поразил. Они рассказывали, что немецкие офицеры караульных ко-

манд восхищались ловкостью русских разведчиков довоенного времени и, в особенности, одного, произведшего перед самой войной своего рода « инспекторский смотр » крепости Кенигсберг.

Немцы рассказывали, что однажды вечером в середине июня комендант этой крепости получил оповещение из Берлина, что Император Вильгельм II, в виду натянутого международного положения, грозящего войной, счел нужным проверить готовность крепости и для этого командует своего генерал-адъютанта. Комендант должен оказать этому генералу полное содействие и сообщить все необходимые для доклада сведения.

Действительно, на следующий день, с первым берлинским скорым поездом прибывает в Кенигсберг ожидаемый генерал. Почти целый день ему показывают укрепления и батареи крепости. Некоторые вопросы особенно интересуют приехавшего генерала, и он спрашивает подробных объяснений. Некоторые копии документов он откладывает, чтобы иллюстрировать свой доклад Кайзеру. После осмотра генерал обедает в гарнизонном собрании и отбывает с первым поездом в Берлин.

Приблизительно через час после его отъезда комендант, донесший по начальству о состоявшемся осмотре, получает из Берлина телеграмму: « Немедленно арестовать инспектора, так как никакого генерала для осмотра крепости не посылалось ». Но все поиски генерала оказались тщетны.

Прошло два года после слышанного мною рассказа. В один прекрасный летний вечер я прогуливался по Галлиполи с одним знакомым ротмистром Пограничной Стражи. Ротмистр вспоминал пограничную службу и особенно подчеркивал, что на этой службе нужно быть особо находчивым, так как часто попадаешь в такие стечения обстоятельств, которых никакой устав предусмотреть не может. Чтобы пояснить это утверждение, он рассказал случай, бывший с ним перед самой первой мировой войной.

Однажды в середине июня 1914 года, около двух часов ночи, дежурный унтер-офицер будит его и докладывает: « Ваше Благородие, так что в караульное помещение явился вольный и требует вас разбудить ». Делать нечего, пришлось одеваться и спускаться вниз, в караульное помещение.

— При моем входе, — продолжал ротмистр, — некий штатский встает со стула и говорит: « Господин поручик, потрудитесь арестовать меня и, поставив унтер-офицерский караул с приказом никого ко мне не допускать. О моем аресте сообщите в Петербург по следующему адресу... ». Все это было сказано таким тоном что у меня не появилось никакого сомнения в том, что все, что требовал незнакомец, нужно исполнить... На следующее утро из Петербурга пришла ответная телеграмма с приказом: « Арестованного вами человека под офицерским караулом доставить в Петербург и сдать в Петропавловскую крепость ».

— Конечно, — говорит ротмистр, — я повез его сам. От Вержолова по железной дороге это было несколько часов, а поверстный срок был около трех суток, что позволяло мне провести у родных двое суток... В Вержолове для моей команды прицепили отдельный вагон, и мы благополучно прибыли в Питер.

Сдав арестованного в Петропавловскую крепость, я отправил команду с вахмистром домой, на кордон, а сам на два дня остался у родных. Под вечер второго дня пребывания в Петербурге я иду по Невскому проспекту и вижу, что навстречу мне идет подполковник Генерального штаба, лицо которого мне кажется необыкновенно знакомым, но я никак не могу припомнить, где я его видел — Когда мы поравнялись и отдали честь друг другу, подполковник подошел ко мне и говорит: « Поручик, узнаете ли меня? Ведь это меня вы вчера привезли в Петербург. Если вы свободны, я приглашаю вас пообедать в ресторане, и там мы поговорим ».

И вот в ресторане « Контан », во время обеда он рассказал, что был в Германии в секретной командировке и, кроме сведений, достал ряд чрезвычайно важных документов. Возвращаясь в Россию, он заметил, что за ним как будто бы следят и, опасаясь немецкой контрразведки даже на русской территории, нашел, что единственная возможность без большого риска доставить в Генеральный штаб собранные им сведения и документы, была — это потребовать своего ареста.

Оба приведенные рассказа совпадают во времени, так что возможно, что вместе они составляют одно целое. Но так ли это — трудно сказать.

сообщил **И.И. Гобарьков**

Действия уланского Цесаревича полка в бою под Фридландом

1 и 2 июня 1807 г.

Полк является родоначальником полков: лейб-гвардии Уланского Ее Величества, лейб-гвардии Конно-Гренадерского (1809) и лейб-гвардии Уланского Его Величества (1817).

1 июня 1807 года, когда армия находилась на позиции при Шипенбеле, генерал-лейтенант Кологривов получил приказание Главнокомандующего барона Беннигсена командировать в отряд генерал-лейтенанта князя Голицына 5-го Уланский Цесаревича полк, один эскадрон Лейб-Казачьего полка и 4 орудия Гвардейской конно-артиллерийской роты для занятия города Фридланда, самому же с кавалерийской колонной следовать туда же, куда выступала и вся армия.

Уланы выступили ровно в полдень, а в 4 часа дня, вместе с Орденским Кирасирским полком и артиллерией подходили к Фридланду, к этому времени уже занятому неприятелем, не только успевшим захватить находившиеся там в большом количестве наши армейские магазины с фуражирями, но и зажечь сенной магазин, бывший на нашей стороне реки Алле.

Генерал князь Голицын приказал командующему Уланским полком полковнику Чаликову овладеть городом. Полковник Чаликов двинул вперед эскадрон майора Фридерича (№ 3) под командой ротмистра князя Манвелова, за ним два эскадрона (№№ 2 и 4) майора Мезенцова и ротмистра Владимирова, под командой майора Мезенцова. В подкреплении шли эскадроны полковника Чаликова (№ 5) под командой ротмистра Вуича 1-го и Его Высочества (№ 1) под командой ротмистра Меллера. Непосредственно за 1-м батальоном следовал 2-й батальон с тремя пушками под командой подполковника Шульгина.

Приближаясь к мосту и невзирая на то, что он местами был уже разобран и подожжен французами, уланы под сильнейшим ружейным огнем с неприятельской стороны, по команде: «Марш-марш!» неустрасливо бросились вперед. Первым вскопил на мост корнет Старжинский с трубачем Сопляковым и уланом Яроменко и бросился на неприятеля, закрыв поднятые затворы, за ним корнеты Глазенап 2-й и Вуич 2-й. В это время спешившиеся уланы (вахмистр Бондарец, унтер-офицер Гирич, уланы Квашин, Алексеев и Герасимов), под непре-

кращающимся ружейным огнем набросав доски, так быстро мостили разобранный мост, по которому скакали остальные уланы, что эскадроны могли, не останавливаясь, броситься на неприятеля. Моментально его смяв, уланы погнали французов сквозь город. В то же время наши пушки наносили ему вред. Майор Мезенцов, преследуя с Лейб-батальоном неприятеля, гнал его за лес. Между тем подполковник Шульгин со 2-м батальоном очищал город и его окраины от засевшего в строениях и отчаянно защищавшегося неприятеля, часть коего была уничтожена, а часть взята в плен. Особенно упорны были стычки на правом фланге батальона, где неприятель неоднократно получал подкрепления, но и здесь подполковник Шульгин, врубившись в неприятеля, опрокинул его и гнал, после чего, выставив пикеты, уже легко отразил все дальнейшие покушения противника.

После атаки, по приказу генерала князя Голицына полковник Чаликов, собрав полк, расставил эскадроны по пикетам верстах в 2 за городом и выслал разъезды, где и происходили в течение остатка дня мелкие стычки, все благоприятные для полка.

К тому времени подошла к Фридланду кавалерийская колонна генерала Кологривова. Вскоре за тем прибыл и сам Главнокомандующий и, лично осмотрев местоположение, приказал главным силам армии начать переправу для занятия боевой позиции.

В этой блестящей атаке 1 июня на несообразно сильнейшего противника, подкрепляемого из находившегося неподалеку неприятельского корпуса, уланы оказали чудеса храбрости. Во время атаки командир эскадрона ротмистр князь Манвелов был ранен в руку; его спасли унтер-офицер Гемних и улан Афанасьев, вынеся его из сечи. Вахмистр Заровчанский лично взял в плен французского эскадронного командира; вахмистр Коваша, эскадрона ротмистра Ржевского, взял в плен другого французского офицера. Унтер-офицер Марченко, эскадрона ротмистра Владимирова, и уланы Первертало, Подольский и Дудка, захватив в плен нескольких офицеров, бросились вторично, несмотря на сильный отпор, поскакали на французов и, не дав им времени устроиться, увлекли за собой остальных улан, после чего неприятель был окончательно выгнан из города. Унтер-офицер

Гомза, эскадрона майора Мезенцова, способствовал взятию в плен французских гусар; унтер-офицеры Сергеев и Калистой, эскадрона Его Высочества, вызвавшись в охотники, особенно храбро атаковали засеянных по домам французских, и, наконец, улан Воронцов, после того, как у него была убита лошадь, с саблем в руке рубил спешившихся в городе конных французских егерей.

Всего в этот день полком было взято в плен 2 штаб- и 3 обер-офицера и 76 рядовых. В полку же было убито 8 улан, ранены: ротмистр князь Манвелов, 20 улан и 30 строевых лошадей.

На другой день 2 июня, к рассвету, неприятель, подойдя к многочисленной пехоте, артиллерии и коннице, пытался сбить уланские пикеты, но всюду был отражен посланными фланкерами, атаками расставленных эскадронов и выстрелами конной артиллерии. При этих действиях особенно отличился полковой адъютант погучик Жакс с фланкерами эскадрона полковника Чаликова, отрезав и взяв в плен 7 человек егерей. Между тем, дабы прекратить сильный ружейный огонь из леса, открытый с 2 часов утра французскими стрелками по нашим разведчикам, генерал-лейтенант Кологривов распорядился выслать охотников лейб-гвардии Измайловского полка под командою полковника графа Тышкевича, кои и выгнали окончательно французоз из леса. Уланы продолжали прочно занимать позицию до самого подхода лейб-гвардии Измайловского и лейб-гвардии Семеновского полков, а за ними и всей армии. Началось генеральное сражение.

В это время генерал-лейтенант Дохтуров, командовавший правым флангом армии, донес, что неприятель усиливает против него свои войска, и Главнокомандующий приказал генералу Кологривову спешить на помощь к генералу Дохтурову с Уланским Его Высочества полком и тремя эскадронами лейб-гвардии Гусарского полка.

Между тем, видимо еще раньше, эскадроны майора Мезенцова и полковника Чаликова, под общей командой майора Мезенцова, были посланы с левого фланга, где эскадрон полковника Чаликова был в деятельной перестрелке с егерями и в подкреплении двух батарей, — в центр армии. Там эти два эскадрона, оставаясь некоторое время в подкреплении батарей, имели случай поддержать Московский драгунский полк, дав ему возможность устроиться после неудачной атаки. Надо думать, что именно теперь, идя с уланами и лейб-гусарами на правый фланг, генерал Кологривов послал с своей стороны приказание майору Мезенцову следовать с дивизионом на крайний правый фланг, за лес, к отделенным эскадронам Гродненского гу-

сарского полка, под командой подполковника Кульнева.

Придя на правый фланг армии, Уланский полк и три эскадрона лейб-гусар тотчас же поддержали теснимые французами войска Дохтурова, бросившись в атаку на неприятельскую конницу; опрокинув ее, они преследовали французоз до деревни, после чего, отойдя за деревню, соединились с прибывшими туда же одним батальоном Александрийских гусар и Гродненским гусарским полком. Тут они были атакованы четырьмя кавалерийскими колоннами, из коих три напали прямо из деревни, а одна с правого фланга. В первую минуту уланы и гусары трех полков были опрокинуты превосходящими силами противника, состоявшими, по уверению пленных, из 32 кавалерийских полков, большую часть отборных. Но примером начальников, которые сами бросились вперед, противник был опрокинут вторично. Здесь исключительное присутствие духа выказали командиры двух уланских эскадронов 2-го батальона, майор Лорер и ротмистр Радулович, в самый разгар боя остановившие свои эскадроны и составившие резерв. Между тем майор Мезенцов, придя на назначенное ему место и найдя, что наш крайний правый фланг и без него хорошо обеспечен подполковником Кульневым, увидел в то же время, как несколько полков нашей кавалерии преследуют неприятельской ксницей; воспользовавшись удобным случаем майор Мезенцов отделил с эскадроном ротмистра Вуича 1-го, котрый, бросившись во фланг неприятеля, совершенно его смешал и опрокинул, чем дал возможность нашей коннице устроиться, после чего вместе с ней, невзирая на полученную им рану палашом вдоль колена, собрав некоторые части улан, гусар и казаков, неустрашимо бросался еще несколько раз на неприятеля, опрокидывая его. Епоследствии полковник Чаликов, донсся генералу Кологривову об этом подвиге ротмистра Вуича 1-го, писал между прочим следующее: «Господин ротмистр Вуич 1-й в дни действия против неприятеля 1 и 2 числа июня, хотя мною и был в осбенное уважение Вашего Превосходительства его храбрости и заслуги предствлен, но сверх сего он же с эскадроном имени моего содействовал отлично во время генеральной атаки во фланг неприятеля сзади леса. Ваше Превосходительство самоперсонально изволили видеть расстроенного неприятеля и поражение его».

Разъяренные уланы, увлекаемые бывшим во всех атаках впереди своим доблестным командиром пслковником Чаликовым, колели, рубили без лошады, наводя ужас в рядах французоз своими пиками; много раз опрокидывали фронт неприятельских кирасир, подкрепляли другие полки и батареи. Полком в этих атаках

было взято пленными 2 обер-офицера и 46 кирасир, гусар и драгун.

Под вечер полковник Чаликов получил приказание полку следовать к переправе. Не доходя до города, полк был встречен сильными картечными залпами и ружейным батальным огнем во фланг. Несмотря на трудности положения, полковник Чаликов построил фронт полка, но, видя невозможность одолеть неприятеля, принял влево, под гору, и левой стороной обошел город. Подойдя к реке, где мосты уже горели, полковник Чаликов решил переправиться с полком вплавь, что ему и удалось блестяще, причем уланы спасли многих тонувших пехотных солдат, хватавшихся за хвосты уланских коней.

Собрав полк на другом берегу, полковник Чаликов встретил адъютанта Цесаревича, полковника Олсуфьева, передавшего ему приказание Главнокомандующего следовать к г. Алленбургу, где и составить голову колонны. Фридляндское сражение закончилось.

Как и в первый день боя, сражение 2 июня было богато примерами доблести отдельных улан; обстановка грандиозного сражения дала возможность особенно ярко вывить чувство взаимной поддержки и любви улан к своему начальнику. Еще утром улан Лиходей спасает своего взводного офицера поручика Бельского, окруженного неприятельскими егерями. Затем в дневной атаке унтер-офицер Култенко спасает своего эскадронного командира ротмистра Владимирова; уланы Федоренко и Костенко спасают находящихся в опасном положении корнетов Старжинского и Вуича; улан Пуриков, эскадрона командира полка, спасает своего раненого взводного командира корнета Жеребцова; улан Горенчук отражает неприятельский удар, направленный на его взводного офицера, раненого поручика Гудовича; улан Васильев спасает своего офицера Янова; штаб-трубач Лобода спасает жизнь одного офицера; наконец, бывший на ординарцах при генерал-лейтенанте Эссене 1-м унтер-офицер Дураков (эскадрона майора Мезенцова), с помощью унтер-офицера Косенко выносит из боя на плаще раненого генерала Эссена.

Улан Кислый, быв в охотниках, и улан Веселов берут каждый по французскому офицеру в плен. Уланы Рябчук, Чевсюк, Пресняков, Цынцуж, Чечин, Елениченко и Палашенко, будучи всегда в охотниках, показывали перед всеми неустранимость, поразившую многих; взяли в плен офицера и рядовых гусар. Унтер-офицеры Лаврушка и Брусик и улан Попович берут в плен нескольких человек гусар и саксонских кирасир. Унтер-офицер Борисов берет трех французских солдат и представляет их генералу Кологривову. Уланы Гурьянов и Ковалев со взводом преследуют неприятеля и

многих берут в плен; унтер-офицеры Ляшев и Гадыцкой и улан Лахтин защищают наши заставы в грязи пушки; улан, разжалованный из вахмистров, Кречмар зарубливает французского вахмистра; наконец, юнкер Иоселиан, в эскадроне, командующем ротмистром Вуичем, поощря товарищей, храбро сражается и берет в плен, отрезавши, трех егерей, причем сам тяжело ранен пулею в грудь и под колено левой ноги палашом; впоследствии — это доблестный офицер полка.

2 июня полк потерял убитыми, ранеными и без вести пропавшими около 150 нижних чинов и 232 убитых лошадей. Из офицеров в этот день тяжело ранены: поручик Боасье, корнеты Жеребцов и граф Людольф; кроме того, ранены и остались при полку: ротмистр Вуич 1-й (несмотря на ранение переплывает на коне Алле, таща за собою пехотного солдата, уцепившегося за хвост лошади, но «добрый конь вынес на берег обоих» — подлинные слова ротмистра Вуича), корнет Катаржи и Гудович.

Все чины полка были достойно награждены за блестящие действия полка. 5 Георгиевских крестов 4-го класса (полковник Чаликов, подполковник Шульгин, майор Мезенцов, ротмистр Владимиров, ротмистр Вуич 1-й), святого Владимира 3-го класса: полковник Чаликов, 8 Владимирских крестов 4-го класса (майор Лорер, ротмистры Меллер, князь Манвелов, Оленин, Ржевский, Щеголов, Радулович и корнет Старжинский), 31 крест св. Анны 3-го класса и 12 золотых сабель (штабс-ротмистр Гундиус, поручики Кершелей, Фаш, Вевер, Мейер 1-й, Колчевский, Жаке, Глазенап 1-й, корнет Жеребцов, Глазенап 2-й, Вуич 2-й и князь Енгальчев). Нижним чинам было пожаловано 150 знаков отличия Военного Ордена, кои получили в числе других все упомянутые выше отличившиеся.

Настоящий очерк составил в 1930-х годах
полковник Вуич 1-й

Материалы по составлению этого очерка
Московский отдел архива Главного Штаба,
опись 160, связка 124-я.

- 1) Рапорт полковника Чаликова генерал-лейтенанту Кологривову от 10 июня 1807 г.
 - 2) Список гг. штаб- и обер-офицеров, отличившихся в сражении под Фридляндом.
 - 3) Рапорт генерал-лейтенанта Кологривова Цесаревичу от 15 июня 1807 г.
 - 4) Рапорт майора Мезенцова полковнику Чаликову от 17 июня 1807 г.
 - 5) Рапорт полковника Чаликова генерал-лейтенанту Кологривову от 19 июня 1807 г.
- Московский отдел архива Главного Штаба,
опись 152, св. 563, дело № 75.
- 1) Список генералитету, штаб- и обер-офи-

церам, отличившимся в сражениях против неприятеля 29 мая при городе Гельзберге и 2 июня при городе Фридланде, а также и в другие числа.

Московское стделение общего архива Главного Штаба, опись 58, св. 414-я.

1) Первоначальный список о нижних чинах полка, пожалованных знаками отличия Военного Ордена до 23 января 1809 г.

(Смотреть приложения к 1-му тому Истории лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка стр. 242-258 и стр. 353-372).



Приложение: **Краткая хронология Уланского Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича полка**



16 мая 1803 г. Высочайшим Приказом из эскадронов Сумского, Ахтырского, Изюмского и Мариупольского гусарских полков сформирован **ОДЕССКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК**.

11 сентября 1803 г. Высочайшим Приказом Одесский гусарский полк наименован **УЛАНСКИМ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА ПОЛКОМ**.

20 ноября 1805 г. — первый бой улан Цесаревича под Аустерлицем. Историческая фраза Августейшего Шефа полка: «Уланы, помните, Чье имя носите. Не выдавай!» Полк не выдал!

12 декабря 1809 г. Уланскому Его Императорского Высочества Константина Павловича полку даруются права **СТАРОЙ ГВАРДИИ** с наименованием его **ЛЕЙБ-ГВАРДИИ УЛАНСКИМ ПОЛКОМ**, от которого отделяется 2-й батальон (пять эскадронов) для составления лейб-гвардии Драгунского полка (впоследствии лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк).

7 декабря 1817 г. Высочайше повелено двум эскадронам лейб-гвардии Уланского полка (1-й дивизион), находящимся в г. Варшаве при Августейшем Шефе, именоваться лейб-гвардии Уланским Его Императорского Высочества Цесаревича полком, с предписанием всех чинов, находящихся в Варшаве в эскадронах, **выключить из списочного состояния лейб-гвардии Уланского полка для сформирования нового вышеуказанного полка** (впоследствии лейб-гвардии Уланского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полка, Наследника Цесаревича Александра Николаевича и Его Величества).

Коренной ЛЕЙБ-ГВАРДИИ УЛАНСКИЙ ПОЛК сохранил своим Шефом Цесаревича Константина Павловича до Его кончины в 1831 году, после чего, в том же году получил нового Шефа в лице Великого Князя Николая Николаевича Старшего, не изменяя своего первоначального наименования в рядах Императорской гвардии вплоть до 14 ноября 1894 г., когда Высочайшим Приказом стал именоваться **ЛЕЙБ-ГВАРДИИ УЛАНСКИМ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ ПОЛКОМ**.

Начало русско-японской войны

(Воспоминания кадета Пелтаевского корпуса)



День 5 мая выдался солнечный, яркий, исключительно удачный. Обедали скоро и кое-как, хотя времени было достаточно. Потом переоделись в парадную форму и строились в своих залах для осмотра.

Волновались. При виде Государя сразу кричать « ура » или ждуть, пока он поздоровается? Едва ли. Шум будет такой, что отдельных слов никто не услышит. Да и как здороваться с « одиночным порядком », растянутым на всю улицу? А потому — кричать сразу же, первым, кто увидит. А первыми увидит, конечно, 1-я рота. Она всегда и везде первая!...

Народа не толкать, не хватать и вообще полицейских обязанностей на себя не брать. Но в просьбах быть твердыми и настойчивыми. Самое трудное будет собраться из растянутых шеренг в колонну для выхода на площадь. Ведь там будет Государь и выйти нужно как следует. На репетициях это легко, а вот среди тысяч народа!...

Для более быстрого и одновременного занятия всей улицы выходили не все вместе, а по-ротно, и подходили с разных сторон. Для этого и из корпуса вышли в разные двери. По странному совпадению нас вывели именно по той черной лестнице, по которой мы бежали, ломая двери, во время зимней манифестации. Но теперь было, конечно, совсем другое дело.

Назначенная нам улица была черна от массы народа. Большой частью это были крестьяне, родители и родственники призванных на войну. Многие были с медалями « За перепись », « За коронацию » и « За усердие », но встречались и « Не нам, не нам, а Имени Твоему », — это за Шипку, за Плевну, за Зеленые Горы...

Народ, видимо, сам ждал порядка, и когда мы начали расчищать проезд, для этого не потребовалось никаких усилий. И тут не было ничего странного: уже в Тунисе я видел, как

во время евхаристического конгресса три мальчика бой-скаутов преградили дорогу многотысячной массе народа. Масса послушно остановилась и повернула в другом направлении. И меня это нисколько не удивило, потому что значительно раньше, в Полтаве, я уже видел это.

Послушно и даже благодаря, народ отошел на указанные места, и на улице очистился широкий свободный проезд. Мы разомкнулись, начали подравниваться и еще раз осматривать самих себя.

Из того, что для охраны Царского проезда в том месте, где ожидалось наибольшее скопление народа, были поставлены мальчики от 10 лет, что они стояли на три шага один от другого, что они не только не были вооружены, но что им даже предлагалось не принимать на себя полицейских обязанностей, из всего этого можно заключить, что наш Государь зачастую совсем не охранялся, и что нынешние рассказы об « армиях сыщиков », об охранниках и т. д., к сожалению, весьма далеки от истины.

Очень скоро от 1-й роты передан волнующий шопот: « Уже прибыл... Уже в соборе... »

Действительно, издалека доносился тяжелый гул соборных колоколов. Какие-то верховые чины крупной рысью прошли по улице, тревожно и озабоченно оглядываясь назад... Едет!... Сильный трезвон ближайших церквей и все растущий и ширящийся гул толпы подтвердили это.

Из-за поворота вынеслась пролетка полицеймейстера в одну, с пристяжной. С круто оттянутой головой, с глазами, налитыми кровью, пристяжная скакала, отбрасывая хлопья пены. Полицейстер, стоя во весь рост, держался за пояс кучера и, оборотясь лицом назад, бросал налево и направо: « Государь Император! »

Вслед за ним пронеслось еще несколько экипажей с городскими властями, и вдруг вся улица, точно расколотившись, грянула « ура! »

Царская тройка крупных серых лошадей, коренник под дугой, в блестящей металлической сбруе, с кистями, спадающими до копыт, размахистой рысью вынеслась из-за поворота. Народ сразу, всей массой, навалился вперед. Нас не прорвали, но сильно потеснили, и тройка перешла почти на шаг. Вся улица была ох-

вачена криком. Многие падали на колени и кричали что-то слитное, нераздельное:

« Царь-батюшка !.. Отец !.. Спаси, Господи ! »

Но все пскрывалось и тонуло в одном общем, ликующем и бьющем по нервам « ура »...

Я издали увидел Государя (он сидел в экипаже с моей стороны) и сразу, безошибочно узнал его. Только он был лучше, чем на множестве виденных мною портретов. Общий его облик был мягкий, добрый, а взгляд глубокий и ласковый. Улыбаясь в усы, он медленно отдавал честь и всем смотрел в глаза тем особенным взглядом, который каждый может принять на свой счет.

Когда я увидел его приближающимся и смотрящим на меня (казалось, что только на меня), то неудержима дрожь охватила все мое существо и, взяв под козырек, я закричал вместе со всеми, сам не слыша своего голоса.

Он ответил мне (казалось, что только мне !) и повернулся в другую сторону, к другим, и только тогда я заметил сидящего рядом с ним Наследника. Они оба были два брата, сыновья Императора Александра 3-го... Наследник выглядел молодо. Он смотрел перед собой рассеянным, как бы безразличным взглядом. А Государь уже опять повернулся в нашу сторону, мелкокнуло обручальное кольцо на руке из-под полуснятой перчатки, но взгляд уже скользил по следующим рядам, откуда несло навстречу ему все то же радостное, ликующее « ура ».

Государь проезжал мимо меня так близко, что мне неудобно было кричать прямо в лицо ему, и я в этот момент замолчал. Но и после проезда что-то давило горло и мешало закрывать свсна. И с другими было то же самое. У многих текли по щекам слезы. Общее впечатление было : « Как он красив !... И как он грустен... Он очень грустен ! » Впервые мелькнула мысль, что во все эти дни мы слишком отдавались чувству восторга, видя во всем лишь праздник, а между тем мы уже не так малы, чтобы не могли увидеть и кое-что другое. Гулкие удары барабанов, донесшиеся с площади, напомнили нам, что собравшиеся там тысячи людей собраны не для праздника.

Мы смешались с народом и очень долго не могли прорваться сквозь его массу. Когда наконец, порядочно помятые, мы всей колонной вышли на площадь, Государь верхом на коне уже объезжал вторую линию войск. Его фигура, в белой фуражке и черном военном сюртуке, четко выделялась над общей массой зеленых рубашек. Оркестры играли гимн, и по линии войск волнами перекачивалось « ура ».

Государь делал объезд медленно, часто останавливаясь и сбачиваясь назад, к тем, мимо

кого уже проехал. Это не был обычный для парадов « генеральский » объезд, и мы имели достаточно времени подравняться и привести себя в порядок после толкотни на улице.

Окончив объезд войск, Государь направился к нам. Он приближался также медленно, то разбирая поводья, то поправляя усы. Теперь мы долго, сотнями глаз смотрели на него, и было ясно всем, что он действительно грустен, непроизвольной, мешающей ему грустью.

Подъехав в нам и стараясь улыбнуться, Государь тихо спросил : « Это кадеты ? » и, не ожидая ответа, добавил : « Здравствуйте, Полтавцы ! » Мы дружно крикнули в ответ : « Здравия желаем, Ваше Императорское Величество ! » и затем, как требовал обычай, закричали « ура ».

Проехав по фронту, Государь стал у нас на правом фланге, несколько выдвинувшись вперед, и церемониальный марш начался.

Тридцать шесть барабанщиков отбили первые такты марша, которые сильно и звучно подхватил соединенный оркестр полков. Играла четкий, удобный для ноги марш « Охотник ».

Пехота проходила по-батальонно. Шел 33-й пехотный Елецкий полк, за ним 36-й Орловский и 9-я артиллерийская бригада. В Елецком полку служил когда-то мой отец (к тому времени уже умерший), в турецкую войну бывший с полком на Балканах. Это был « мой » полк, потому что там еще оставались многие офицеры, помнившие и моего отца и меня, еще совсем маленьким. В Орловском полку и в артиллерийской бригаде тоже было много знакомых из числа наших бывших кадет и родителей моих нынешних товарищей. Словом, все это было свое, близкое, давно и хорошо знакомое. Но теперь полки имели новый, мобилизованный состав, удивляя непривычной для глаза своей громадностью.

Под командиром Орловского полка заупрямилась лошадь и начала крутиться и « танцевать » в самый неподходящий момент, когда полквснику нужно было салютовать. Было больно за него, тем более, что это был пожилой и довольно грузный человек. Я невольно посмотрел на Государя и увидел, что он первым стал честь полковнику... Но и полковник уже справился с упрямой лошадью и отсалютовал Государю.

Пехота проходила очень хорошо, но артиллерия еще лучше. Вид катящихся батарей сам по себе уже производит большое впечатление, но теперь, когда их катилась сразу по три (проходили по-дивизионно), в идеальном порядке, во всем новом, с новыми скорострельными пушками, — вид был исключительный.

Оркестр оборвал марш и тогда, в топоте копья, в металлическом лязге орудий и зарядных ящиков, грозно и внушительно, волна за волна

ной, катились линии батарей. Звуки батарейных труб с нежной певучестью вырывались из общего грохота и шума и повторяли вековую песню о доблести, о славе, о победе и ...о смерти.

В числе проходивших тогда был дивизион полковника Смоленского. Сейчас это мало что говорит, но тогда — сколько слез, истерик и паники было в Полтаве! Это было, когда с фронта пришла весть о гибели дивизиона, который погиб почти полностью... Японцы атаковали ночью прикрытие, располагавшееся впереди дивизиона. В прикрытии была рота Козловского полка (белые околыши). Неизвестно, что там произошло, во всяком случае, на батареях не слышали ни одного выстрела, ни крика, и никто из Козловцев не прибежал предупредить об опасности. Появление японцев перед батареями казалось невероятным, и их приняли за Козловцев. В этом сыграли роль белые околыши, так как светло-желтые околыши японцев ночью были приняты за козловские. Было, впрочем, предположение, что японцы, переколов роту, надели на себя русские фуражки...

Батареи еще могли открыть огонь, но спор о том, кто это, — свои или чужие, был прерван криками: «Банзай!» Произошла кровавая рукопашная схватка... От дивизиона остались в живых лишь одиночные люди...

В топоте копыт, в металлическом лязге, внушительно и грозно катили батареи. Всем проходившим Государь одинаково говорил: «Отлично!»

За бригадой двинулся обоз: патронные двуколки, санитарные линейки, походные кухни, провиантские повозки... Согласно нашей программе мы, с началом прохождения обоза, должны были уйти опять для подготовки проезда. Но уйти было трудно. Замелькали ряды санитаров, с красным крестом, на лазаретных фурах белели косынки сестер милосердия, за колесным шел выючный обоз... Всеми этому множеству предстояло совершить путь в семь тысяч верст. Поезд нормальной скорости совершал этот путь около четырех недель. И теперь отвернуться от них и уйти было просто немыслимо. Доктора, полковые батюшки, кузнецы в кожаных фартуках, чины канцелярий, все это шло, ехало, равняясь и глядя на своего Государя...

Но нам все-таки нужно было уйти. И когда был подан сигнал к вызову офицеров перед началом благословения, мы отступили назад и, повернувшись, быстро ушли. На этот раз мы должны были занять другую улицу, проходившую как раз перед корпусом. Неизвестно было, что мы там застанем, а мы уже запоздали, и

нам было торопиться. Поэтому мы пошли сокращенной дорогой, через чужие сквозные дворы. Мы не шли, а почти бежали. На площади мы несколько остепенились, но теперь прежняя наша ревность вернулась снова.

Смешно было бежать через чужие дворы, видеть чужие лоханки и метлы. Какая-то девочка выглянула на шум из окна, ей крикнули: «Спрячься!... Государь!» Бедняжка так и шлепнулась на пол. Пробежав узкий переулок, достигли своих владений. Корпус представлял собой целый город со своими дворами, садами и улицами. Все это было замкнуто зданиями или высокой каменной стеной. Мы вбежали через маленькую калитку, специально для нас открытую, и оказались в районе нашей электрической станции. В обычное время здесь бывать не разрешалось, но сегодня все было позволено. Мы наконец добежали до ворот, выходящих на городскую улицу, и здесь нас задержали. Мы привели себя в порядок, подравнялись и ровным шагом вышли строем на улицу. Нас ждала здесь большая неприятность: оказалось, что вся улица занята воспитанницами женских учебных заведений. Для нас не было места. Воспитанницы, смеясь, говорили нам: «Уходите, уходите, здесь проезд!» «Куда же мы уйдем?» «А нам какое дело! Не мешайте, уходите!»

Явилось подозрение, что и наша прежняя улица тоже занята воспитанницами гражданских учебных заведений. Пропев в соборе «Спаси, Господи...», они нашли, что этого им недостаточно, и было ясно, что в церемониал были внесены изменения. Гордость наша была ущемлена. Мы думали, что мы — самые главные и что без нас нельзя обойтись, а оказалось, что мы нисколько не нужны и нам даже не оставили места.

«Уходите же, не мешайте! Здесь проезд!» Становилось положительно неловко... Начальство вело переговоры, мы стояли. Кругом, точно снег, белели пелеринки, делали глазки, смеялись...

Наконец раздалась команда. Переговоры привели к успешному результату. Белые пелеринки немного подвинулись, и для нас нашлось место, но уже не «сдиночным порядком», а сокращенными шеренгами. А через несколько минут послышалось отдаленное «ура», — ехал Государь.

И опять, в ряде промелькнувших лиц выделялось одно, несколько грустное, со сдержанной улыбкой, с глазами, смотрящими на всех вообще и как будто на каждого в отдельности.

М.Н. Шереметев

Конная атака 14 августа 1915 г. под господским двором «Жмуйдки»



Вернувшись 13 августа по исполнению задачи и без потерь из крайне беспокойного сучюного разезда, в течение которого я трижды сталкивался с конными и пешими частями противника, я присоединился к своему 2-му эскадрону, находившемуся под временным командованием штабс-ротмистра Шапрон-дю-Ларре.

Утром 14 августа офицеры эскадрона были разбужены докладом вахмистра, что наблюдателем обнаружено движение в нашем направлении из господского двора Жмуйдки разезда противника силой в 20 коней.

Под впечатлением малой действительности нашего ружейного огня, проявившейся накануне в прекрасно устроенной мною засаде, из которой, в условиях полной для себя безопасности, я безрезультатно обстрелял немецкий разезд на ничтожной дистанции, я просил временно командующего эскадроном разрешить мне собрать нескольких кирасир для преследования немцев в конном строю, после обстрела их нашими стрелками.

Получив разрешение, я быстро собрал 11 кирасир и, сосредоточив их за первыми домами, у выхода из деревни, в направлении господского двора Жмуйдки, стал ждать событий.

Тем временем неприятельский разезд все приближался, но не дойдя несколько сот шагов, остановился, почуяв, по-видимому, опасность, и стал поворачивать назад.

Эскадрон открыл огонь, и я, скомандовав: «С Богом, за мной!», галопом вынесся с моими всадниками из деревни и поскакал по дороге, ведущей на господский двор.

Немцы стали уходить полем вправо, и мне, чтобы свернуть с дорсги, пришлось преодолеть широкую канаву, тянущуюся вдоль нее, причем я сразу потерял двух кирасир, перекувырнувшихся с лошадьми и выбивших из строя. С остальными я продолжал преследование.

С радостью я заметил, что нагоняю противника, но вскочив на возвышенность, я неожиданно сбнаружил перед собою два небольших озера, разделенных узким перешейком. Немцы, знакомые с местностью, взяли направ-

ление на этот перешеек, тогда как мои кирасиры, рассыпавшиеся по полю, потеряли несколько драгоценных секунд, чтобы переменить направление. Случайно я оказался перед самым перешейком, благодаря чему и совершенно свежей лошади, стал быстро нагонять отстающих всадников противника. В это время один из немцев упал с лошади, но тотчас же вскочил на ноги и, не выпустив поводья из рук, побежал за лошадыю, пытаясь на ходу вскочить в седло. Чтобы не дать противнику опомниться и перейти в контратаку, так как в непосредственной близости за мной скакал всего лишь один кирасир, доблестный унтер-офицер Тарасов, да еще двое было несколько дальше, тогда как остальные все были далеко позади, я на ходу разрядил мой револьвер в ближайших ко мне немцев, ранив одного из них, как потом оказалось, в руку, и заставил остальных прищипорить своих лошадей...

Через несколько мгновений я нагнал спешенного немца, успешного скинув свой карабин, и, угрожая ему шашкой, заставил сдаться, после чего, передав пленного ближайшему кирасиру, поскакал дальше. Следующий немец, которого я нагнал, был вооружен пикой и несмотря на мои окрики: «Die Armen Hoch!», не хотел сдаваться и вступил со мною в бой, но в последнюю минуту все же бросил оружие и сдался мне в плен.

Вслед за этим немцы, достигшие опушки леса, остановились и открыли огонь, а я, прекратив ставшее невозможным преследование и собрав своих всадников, повернул обратно.

Атакованный мною разезд оказался 23-го гвардейского Гессенского драгунского Великого Герцога Эрнста-Людвига полка. Один из взятых мною в плен немцев оказался добровольцем и горько плакал, говоря мне по-французски: «Je suis deshonoré!». Я постарался его утешить, сказав, что виноват не он, а его товарищи, не оказавшие ему никакой помощи в беде.

Взятые нами лошади были в очень скверном виде, как, по-видимому, и у всего разезда.

Некоторое время спустя был обнаружен и захвачен и третий драгун, сильно разбившийся при падении с лошади и пытавшийся, прячась в высокой траве, укрыться в ближайшем лесу.

Князь Игорь Черкасский

Военно-историческая комиссия при Гвардейском Объединении

Перед войной 1939-1945 гг. в Париже, при Гвардейском Объединении, которое возглавляла в то время генерал Гулевич, была учреждена особая Военно-Историческая комиссия, вложившая много ценного материала в историю гвардейской пехоты в войну 1914-1917 гг.

Комиссия эта, которой руководил л. гв. Кирасирского Ее Величества полка полковник Георгий Адамович Гоштвот, собиралась сначала в небольшом кафе около Пале-Руаля, а затем в помещении на рю де л'Юниверсите.

Собирались мы по дивизиям, в пятницу вечером, таким образом, каждая комиссия собиралась каждую третью пятницу. Припоминаю, что в нашей дивизии от преобразенцев был капитан В.Н. Тимченко-Рубан, от семеновцев — полковник А.В. Попов, от измайловцев — полковник Б.Ф. Фомин и капитан К.В. Хвольсон, от егерей — полковник Бурман и я и от л. гв. 1-й артиллерийской бригады — полковник В. Г. Евреинов.

Г.А. Гоштвот отлично и живо вел все заседания, мы, члены комиссии, приходили на собрания со всеми имевшимися в нашем распоряжении картами, дневниками и прочими материалами, а Гоштвот приготавливал на каждое собрание описание того или иного боя или перехода, пользуясь исключительно германскими источниками. Для этой цели ему приходилось списываться не только с уцелевшими после войны учреждениями германского Генерального штаба, но и с отдельными Объединениями германских частей, находившихся во время войны против нашей гвардейской пехоты. Таким образом, день за днем, с самого начала войны, сопоставляя данные как с нашей стороны, так и со стороны противника, мы составляли краткий дневник с перечнем, что делала та или другая часть и что делал в это же время противник. Приложенные к журналам схемы боев и переходов очень помогут будущему историку разобраться во всех действиях того или другого полка и как бы по готовой канве составить историю своей части.

К сожалению, начавшаяся в 1939 г. война прервала наши собрания, но все же мы успели довести нашу работу до 31 декабря 1914 года, и таким образом вся Ковельская и Гарнопольская операции остались неразработанными.

После второй войны Г.А. Гоштвот тяжело заболел и вскоре скончался. Думается, что у некоторых чинов гвардии сохранились эти ценные журналы, которые издавались по годам и по дивизиям.

Насколько у всех нас было в то время сил и здоровья, а, главное, желания увековечить

славу наших дорогих полков, показывает то обстоятельство, что все мы после тяжелого служебного дня вновь собирались в 8 часов вечера, зачастую, как, например, я, приезжая в третий раз из пригорода и часто возвращаясь домой с последним поездом.

Помимо этих заседаний, Гвардейское Объединение часто устраивало лекции и доклады о различных боях гвардии, знакомило чинов гвардейской кавалерии с действиями гвардейской пехоты, и наоборот, с тем, что было во многих случаях неизвестно ни той, ни другой стороне. На этих докладах лекторами были: полковник Зайцов (л. гв. Семеновского полка), полковник Хитрово (л. гв. Конной Артиллерии), полковник Зубов (л. гв. Преображенского полка), капитан Хвольсон (л. гв. Измайловского полка) и другие, фамилии которых, к сожалению не могу вспомнить.

Вечная память Георгию Адамовичу Гоштвоту, оставившему нашему потомству ценный вклад, который пригодится ему для составления истории российской гвардейской пехоты.

Покойный В.К. Абданк-Косовский талантливо описывает деятельность этой комиссии. Он останавливается главным образом на ежемесячных докладах, которые были сделаны: генералом Гулевичем, а затем Г.А. Гоштвотом, — «Гвардия на подступах к Петрокову», В.П. Глиндский — «Гвардия в бою под Опатовым», В.П. Сияльским — «Гибель л.-гвардии Кексгольмского полка под Сольдау», А.А. Зайцовым — «О сражении под Люблином» в августе 1914 года, когда части 1-й гвардейской пехотной дивизии под Владиславом, по словам австрийцев, шли стремительно вперед во весь рост и атаковали части Х австрийского корпуса, врезавшиеся между нашими 4-й и 5-й армиями и перерезавшие железную дорогу Люблин-Холм. Двинутый на поддержку этого корпуса германский корпус генерала Войрша был атакован частями 2-й гвардейской пехотной дивизии. Все помнят знаменитый бой под Тарнавкой, где лейб-гвардии Московский полк, прорвав неприступную позицию, захватил 42 орудия и, несмотря на яростные атаки германцев, длившиеся всю ночь, в кольцевых окопах, при поддержке других полков дивизии, отбил все атаки. В момент, когда перед усталыми москвочами и гренадерами немцы очистили окопы и стали отходить, одна из рот полка скинула фуражки и запела «Спаси, Господи, люди твоя...» Соседи подхватили. После этой молитвы, из

тысячи грудей двинувшихся вперед офицеров и солдат, среди Тарнавских холмов и перелесков грянул и полился русский национальный гимн...

« Много интересного, трогательного и полезного можно было вынести из докладов Гвардейского Объединения, — добавляет В.К., — тому, кому дорога Императорская Российская армия, ковавшая величие России. Посещать эти доклады рекомендовалось и тем, кто не хотел знать, что русский офицер был не только командир, но и учитель — воспитатель чудо-богатырей, лышедших пстом на Великую войну и удивив-

ших весь мир своими подвигами ».

От себя лично добавлю, что досадно, что многие гвардейские части не записали в свое время все герсйские действия своих полков и, в частности, отдельные подвиги своих однополчан. Частью это можно объяснить тем, что после больших боев гвардия несла такие большие потери, что записывать все эти подвиги было просто некому, и тем более ценно теперь каждое правдивое слово, найденное среди архивов, о действиях русской гвардии.

сообщил **В.А. Каменский**

Гримасы гражданской войны

Наряду с жуткими картинами беспредельной жестокости, порождаемой небывалым ожесточением бьющихся на жизнь и смерть противников, гражданская война породила немало и комичных, конечно в старой армии невиданных и невозможных, эпизодов.

В конце июня — начале июля 1919 года, лейб-эскадрон Кирасир Его Величества в составе каких-нибудь 30-35 всадников держит охранение по Днепру, на протяжении более 30 верст. В колонии Сергеевка — расположении главной заставы — приходилось ставить на посты по наблюдению даже эскадронных фельдшера и кузнецов. Один из последних, доброволец Миллер, всего недели с две как поступил в эскадрон и сразу же был применен по своей специальности, в какой-то оказался весьма полезен.

Сднажды с поста раздались выстрелы, и мне прибежали доложить, что замечена лодка с вооруженными красными, пытающаяся незаметно пробраться на нашу сторону. Я приказал приготовить пулемет и побежал на наблюдательный пункт.

Там я был поражен представившейся картиной. На земле лежал неизвестный рабочий местного завода и усердно палил по удалявшейся лодке, а рядом с ним стоял Миллер и, не отрывая глаз от бинокля, корректировал

стрельбу. На мой вопрос, что это за стреляющий рабочий, Миллер мне доложил, что это он его позвал и, передав винтовку, приказал стрелять по большевикам, потому что он, Миллер, стрелять не умеет!

Сию однажды в эскадронной канцелярии и работаю с писарем. Открывается дверь и входит недавно поступивший доброволец — породный адвокат. До поры до времени я его с места назначил пребывать при обозе, в то время мы не выходили почти из боя. К его полуштатской одежде прицепили погонны, на фуражку — кокарду, и вот он уже кирасир. Увы, нечем было ему заменить его теннисные туфли, и он щеголял еще в них.

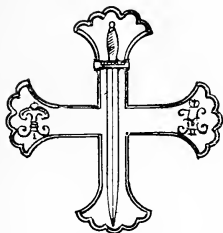
Войдя в комнату и увидев меня, он на мое приветствие грациозно поклонился. Желая получить от него установленный свет, я вторично поздоровался и улыбнулся. Он ничего не понял, сконфузился и произнес:

« Виноват, я здесь, кажется, лишний? » Давясь от смеха, учу его уму — разуму. Этот, кажется, из « безнадеежных », — вряд ли из толстого адвоката в теннисных туфлях удастся когда-либо сделать настоящего бойца — кирасира...

Впрочем, и он пригодится!

сообщил **Князь И.М. Черкасский**

Хроника « Военной Были »



ЭПИТАФИЯ

Убитым в Бородинском сражении Гг. Офицерам
лейб-гвардии Семеновского полку :
Чем в надписи почтить героев боле :
Они легли на Бородинском поле !..

Писарев

О ПОЛКОВНИКЕ ПИСАРЕВЕ

Из « ВОЕННОГО ЖУРНАЛА », издаваемого
капитаном Рахмановым 1811 года № XIII

Лейб-гвардии Семеновского полка полковник, Российской Академии Художеств, Московского Исторического и других ученых обществ член, Александр Александрович Писарев. Он занимается сочинением истории Императорской Гвардии, со дня учреждения оной до наших времен. Историю же Семеновского полка написал особенно оттого, что служил в оном и имел более удобства пользоваться его архивом. Весьма желательно, чтобы А.А. Писарев имел последователей в столь полезном труде. Многие полки в своих летописях нашли бы подвиги, которыми могли бы гордиться, удовлетворять ими своему честолюбию, и были бы ими воспламенены к поддержанию своей славы. Например: Грузинский гренадерский и Староингерманландский пехотный, называясь во времена Великого Петра Астраханским и Ингерманландским, были тогда примерными в боях. Лейб-Гвардейский полк решил Егердорфское сражение, отличил себя под Цорндорфом, Франкфуртом и под личным предводительством героя Задунайского спас у Кагула Племянниково карэ от истребления. Кабардинский пехотный полк под Силистриею один без всякого подкрепления взял тот окоп, от которого

был отбит князь Потемкин с целым корпусом. Рижский, драгунский полк, подоспев тогда на подкрепление того корпуса, спас его, прогнав преследовавших его турков; а за три дня перед тем с Рязанским драгунским полком подошел на подкрепление к тому же генералу и решил то упорное сражение, в котором он находился уже несколько часов. Воронежский мускетерский и Фанагорийский гренадерский полки помянули бы, что герои Задунайский и Итальянский были их полковниками и что тогда они были примерными как по устройству, так и по мужеству своему. Малороссийский гренадерский полк узнал бы, что в состав его поступил батальон, который был назван Румянцовским, в честь великого сего победителя. Наконец, лейб-Гусарский, лейб-Кирасирский Ее Величества, Александрийский гусарский, Псковский и Московский мускетерские, Павловский и Московский гренадерские и почти все егерские полки передали бы потомству славную службу свою в 1806 и 1807 годах.

Нельзя не надеяться великих последствий, еслиб каждого полку вышла бы история, подобная той, каковую полковник Писарев здесь сообщает читателям. Пример его не только что заслуживает похвалу всякого истинного россиянина, но еще достоин подражания. Желательно, чтобы обещанная нам история всей императорской гвардии вообще скорее была приведена к окончанию. Мы поместили бы ее в сем журнале с тем большим удовольствием, с каковым без сомнения она будет принята нашими читателями.

Издатели « Военного Журнала »

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья эта напечатана в № XIII « Военного Журнала » от 1811 года, по поводу помещения в этом номере статьи « Подробнее известие о лейб-гвардии Семеновском полку полковника оного полка Писарева ». Полтора года тому назад у русского офицера уже зародилась мысль о необходимости создания истории Российской армии, насколько же современны предложения издателей журнала и теперь в наше время, когда последние следы существования этих полков и самой армии Российской рискуют погибнуть в пучине времени и событий.

А.Г.

ПЕРВЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР ВОЙНЫ 1914-1917 гг.



Насколько нам известно, до сих пор не поднимался вопрос о том, кто из офицеров Императорской армии в войну 1914/17 гг. был ПЕРВЫМ награжден Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия?

Нам удалось установить достаточно точные данные

о награждении первых кавалеров, которые мы здесь и приводим.

Награждения за август месяц 1914 года:

1) Командир 2-й Донской казачьей батареи полковник Митрофан **Рыковский** за то, что в бою шестнадцатого августа 1914 года у деревни Янчин, при форсировании переправы 10-й кавалерийской дивизией, занял указанную батарею позицию, сгнем батареи заставил замолчать превосходную в силах артиллерию противника, сдерживал наступление неприятельской пехоты и содействовал общему наступлению, во время которого было взято знамя одного из неприятельских полков» («Русский Инвалид» 10 марта 1915 года, номер 32).

За ним следуют: командир 3-й Донской казачьей батареи полковник Михаил **Лекарев** (17 августа 1914 г.), командир 6-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона полковник **Иван Астахов** (18 августа 1914 г.), 13-й Донской казачьей батареи подесаул **Афанасий Грузинов** (18 августа 1914 года), 1 Донского казачьего полка хорунжий **Сергей Белдырев** (20 августа 1914 года).

Таким образом, первым из награжденных офицеров следует считать полковника Митрофана Константиновича **Рыковского**, получившего награждение за бой 16 августа 1914 года.

сообщил **Максим Бугураев**

ОТ РЕДАКЦИИ

К сожалению, редакция не имеет данных о награждениях за тот же период времени офи-

церов частей регулярной армии и была бы очень благодарна за сообщение ей этих данных.

О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ Что русские должны помнить

Вне всяких иных соображений, будем просто справедливы.

Идея создания Лиги Наций была впервые выдвинута Российским Императором Николаем II. Это было 75 лет тому назад, 12 августа 1898 года он обратился ко всем державам мира с предложением приступить к общему разоружению и установить порядок мирного разрешения спорных вопросов. Предложение русского Царя вызвало весьма слабый отклик держав. Все свелось к установлению Гаагского международного суда и запрещению применения на войне разрывных пуль. Но уже на войне 1914-1918 гг. их с успехом заменили газом, танками, беспощадной подводной войной и воздушными бомбардировками.

И только 9 ноября 1921 года, то есть почти четверть века (23 года) спустя, когда в Вашингтоне собралась конференция по вопросу о морских вооружениях, Президент С.А.С.Ш. Гардинг в своей вступительной речи при открытии конференции напомнил, кому принадлежал первый почин в этом деле. Он выразился так:

«Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами не ново! В данном случае, быть может, уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года тому назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского».

Прочтя целиком, как он выразился, «ясные и выразительные слова русской ноты 12 августа 1898 года», президент сказал:

«С таким сознанием своего долга Его Императорское Величество Император Всероссийский предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой».

сообщил **Г. фон Гельмерсен**



Письма в Редакцию

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ, глубокоуважаемый Алексей Алексеевич, от имени военных инвалидов в Бразилии поздравляю вас и всех соотрудников с Великим Праздником и от души желаю Вам сил духовных и физических для продолжения той большой работы, которую делаете вы, издавая журнал «**ВОЕННАЯ БЫЛЬ**». Примите наши наилучшие пожелания.

Искренне вас уважающий Председатель Военных Инвалидов в Бразилии

Есаул Мылъников

Напечатанная в №120 журнала, на французском языке, статья «ПЛАСТУНЫ» и приложенный к ней рисунок имеют некоторые ошибки, которые, полагаю, следовало бы исправить.

На Кавказскую линию запорожцы попали сравнительно поздно. После занятия генералом Текели в 1775 году Запорожской Сечи, часть запорожцев бежала в Турцию, а из остальных было сформировано Черноморское казачье войско, сперва поселенное между Бугом и Днестром и лишь в 1788 году переселенное на Кавказскую линию. Касательно их одежды и вооружения, Висковатов пишет: «18 ноября отряду казаков из упраздненного в 1775 году Запорожского войска, послужившему основанием войска Черноморского даны: кафтаны синие, шапки красные, по карабину и пистолету». Совершенно очевидно, что в первые годы своего расселения по линии, да и в течение многих лет после того запорожцы не имели того вида, в каком они изображены на приложенном рисунке, помеченном 1790 годом.

В 1802 году Черноморскому казачьему войску, кроме конных полков, повелено было содержать еще и пешие. Касательно их обмундирования, Висковатов пишет: «До конца 1816 года одежда и оружие черноморских казаков не были подчинены каким-либо непременным правилам и первая сохранилась почти в том же виде, в каком существовала в 18-м столетии и ранее у запорожских казаков. Обыкновенно, одеяние их состояло из алого, или, по их выражению, червоного кунтуша с откидными назад рукавами, из шаровар, красных сапог и черной (из смушек) шапки с красной тульей, причем каждый казак имел бритую голову, исключая длинной, за ухо завернутой чуприны, и длинные усы».

Затем, в Черноморском войске начинает вводиться обмундирование по образцу войска

Донского, с прибавлением только на спине двух рукавов и без выкладки на шароварах. Вооружение и аммуниция черноморским казакам были присвоены одинаковые с донскими.

В 1842 году 8-й пеший полк Черноморского казачьего войска был переформирован в четырехсотенный батальон, при котором была образована Отдельная пластунская команда. В Российской Императорской армии это была первая воинская часть, носившая наименование «пластунской». С этого же времени в конных полках Черноморского казачьего войска начинает вводиться обмундирование кавказского образца. В пеших же частях перемена эта сводилась к прибавлению на груди «патронников», во всем же остальном оно мало чем отличалось от обмундирования регулярных пехотных частей Отдельного Кавказского корпуса и состояло из: темно-синего мундира с алой скантовкой и с нагрудными патронниками, из темно-синих же шаровар, шапки из черного косматого курпеля с алой тульей, а также обычных солдатской шинели и бескозырки. Рядовые казаки носили ранцы и были вооружены пехотными ружьями со штыком, который носился спереди на поясе, надобное кинжала. Шашки же и кинжалы полагались только офицерам. Это описание Висковатова не соответствует рисунку, датированному 1945 годом.

При преобразовании Черноморского казачьего войска в 1861 году в Кубанское, были переименованы и соответственные пехотные батальоны. В 1870 году пешим батальонам было присвоено наименование «пластунов».

В 1871 году было введено новое обмундирование для чинов Кубанского и Терского казачьих войск. Обмундирование пластунов батальонов Кубанского казачьего войска состояло из: папахи с околышем из черного курпеля и с черной же с малиновой выпушкой тульей, мундира черкесского покроя с патронниками и с малиновой по борту выпушкой, бешмета и черных, забранных в сапоги, шаровар. Офицерам полагался плащ общестрелкового образца, нижним чином — черная бурка. Прибор был золотой, приборное сукно — малиновое. На эполетах и погонах полагался номер батальона. Шашки и кинжалы полагались лишь офицерам, а у нижних чинов на поясе полагался штык в штыковых ножнах.

Итак, обмундирование кавказского образца дано было пластунам лишь в 1871 году.

Евгений Молло

Сообщаю Вам о некоторых, замеченных мною, ошибках в номере 121 «**ВОЕННОЙ БЫЛИ**»: «**О ношении офицерами оружия**» — автор ошибается, говоря об офицерском нагана. Револьвер этот был «самовзвод» и курок подымался автоматически при нажмие на спуск.

«**Из истории перевооружения Русской армии**». Я думаю что русская армия уже за несколько лет до семидесятих годов, была вооружена пистонным, а не кремневым оружием. Это было, наверное, во время польского восстания, а может даже и во время Восточной войны 1854-56 гг. Автор этой статьи ошибается говоря об употреблении винтовок Гра и Маузера в войну 1870/71 гг. В эту войну французская армия была вооружена знаменитой винтовкой системы «Шассепю», а прусская, значительно худшей — «Дрейзе Цинандель гевер М. 1857». Винтовки Гра во Франции и Маузер в Германии были введены только в семидесятих годах, после войны 1870/71 гг. Подпись под рисунком фон Шадова неправильна. Это изображен НЕ пласту́н, а какой то спешенный степовой казак, **вероятно донец**. Пластуны нискогда не были вооружены пиками, и до 1914 года были исключительно кубанцы.

майор И. Белицкий

Считаю своим долгом указать на ошибку в статье генерала Е.А. Милодановича «На Двине в 1915-1917 гг.» в номере 120 журнала.

Генерал-майор Лахтионов принял 4-ую Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду только в первой половине декабря 1915 года, от генерал-майора К.Е. Мунтянова, получившего назначение на должность Инспектора артиллерии корпуса, не помню какого.

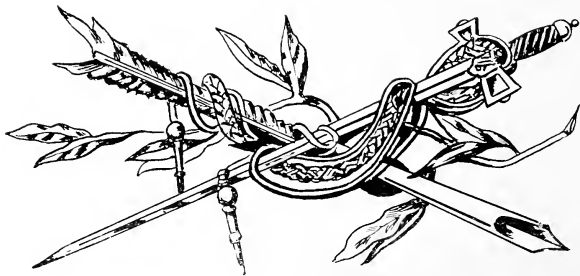
Поручик 4-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады **В. Бельский**

Да позволено будет нам внести некоторые добавления к статье в № 122 «**ВОЕННОЙ БЫЛИ**».

Кроме взятого под Красным полковско знамени 18-го линейного пехотного полка полками Карачаровым и бароном Большвингом и уланом Дарченко, лейб-улань взяли еще: 12 сентября, под м. Селиц, 22 баварских знамени. В этот день эскадрон поручика Глазенапа атаковал и отбил обоз 6-го (Баварского) корпуса. В одном из фуругонов были найдены знамена всех 11 баварских пехотных полков, бывших в России, то есть 22; 3 ноября, под Красным, — орла, на подставке которого стояла цифра «4». Орел был взят у кавалерийского офицера, укырвшегося в колонне пехоты. Взят его эскадрона имени полковника Мезенцева, взвода корнета Хвостова, унтер-офицер Федор Васильевич Гомза, получивший за это знак отличия Военного Ордена № 1275. «Ноября 3-го 1812 года, при городе Красном, первый врезался в неприятельскую пехотную колонну, где у кавалерийского офицера и взял штандарт». Орел этот, ошибочно приписанный русскими историками 4-му линейному пехотному полку, в действительности как будто принадлежал 4-му Кенно-егерскому полку.

С. Андоленко

Просьба исправить ошибку в статье Евгения Молло «**Об изображении Св. Георгия на орденских крестах**» в № 121 журнала: на стр. 21 в правой колонке строчка 10 сверху «...скачущим слева направо», а не «справа налево».





Drapeaux et étendards de l'armée russe pendant la guerre de sept ans 1757-1761

Lors de l'entrée en guerre de la Russie, sous le règne de l'Impératrice Elisabeth Petrovna, une grande partie des drapeaux et étendards en service, sont eux remis aux troupes sous l'Impératrice Anne Ivanovna.

En ce qui concerne la Ligne, un certain nombre de points obscurs subsistent, notamment en ce qui concerne les couleurs des drapeaux de bataillons et étendards.

1) *La Garde.*

a) Infanterie. Chaque régiment a un drapeau blanc et les autres de couleurs distinctives, à raison de deux drapeaux par bataillon.

Le 31 décembre 1742, la première compagnie de grenadiers du L.G. Preobrajenski reçoit un étendard blanc en damas. (rappelons que ce fut grâce à ce régiment que la future Impératrice réussit son coup d'état).

En 1742 les trois régiments reçoivent des drapeaux identiques différenciés par leur seule bordure.

Préobrajenski	1 blanc	7 couleurs
Séménovski	1 blanc	5 couleurs
Izmaïlovski	1 blanc	5 couleurs

Descriptions.

Etoffe du drapeau blanc : blanche; celle des drapeaux de couleurs : orange (pointillé sur le dessin).

Bordure selon le régiment : P. : rouge, S. : bleu céleste, I. : vert clair. Le long de la bordure : ornements bleus, dont les plus grands ont la partie centrale verte (++ sur le dessin); feuillage vert).

Aigle bicéphale brun, couronnes, ruban, becs et liseré : or. Sur sa poitrine : monogramme Impérial d'argent sur fond rouge bordé d'or, le tout sur un écusson orange clair avec des raies plus foncées; ornements liserés et chaîne de St André : or, de chaque côté croissant brun clair à hachures plus foncées. A gauche de l'aigle, l'œil de Dieu entouré d'un ornement vert, avec parties bleues au-dessus et au-dessous. A droite épée à garde d'or, lame argent. Au dessous de l'aigle feuillage vert. Fourreau de la couleur de la bordure. Franges d'or. Fer de lance doré. Cordons et glands argent.

Etendard de la Leib-Compagnie.

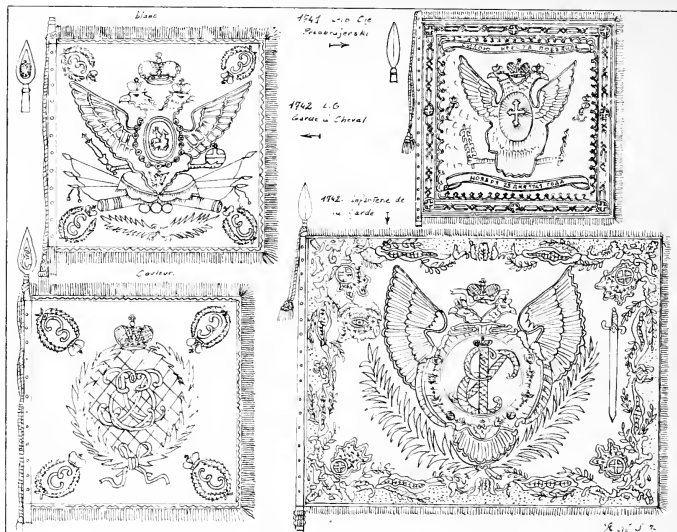
Etoffe de damas blanc. Aigle brun foncé; couronnes, becs, pattes et attributs, contour des plumes : d'or. Sur la poitrine croix d'argent dans un halo d'or. En haut et en bas banderoles rouges avec inscriptions en lettres d'or : « Par la force de la croix elle a vaincu » et « 25 Novembre 1741 ». Tous ornements, monogrammes, franges, clous : d'or.

b) *Cavalerie.* Régiment des Gardes à Cheval.

En 1742 remise d'un étendard blanc et de quatre de couleurs. Ces drapeaux et étendards seront conservés jusqu'en 1762.

Description.

Etendard blanc : Aigle bicéphale brun; couronnes, becs, pattes sceptre, orbe et liseré des plumes : d'or. Sur sa poitrine, les armes de Moscou (fond rouge, St Georges sur un cheval blanc, cape bleue céleste dragon vert) encadrement d'or, chaîne d'or avec sur chaque disque une des lettres de



la devise: «Pour la Foi et la Fidélité». Au-dessous de l'aigle, trophées brodés en or, branches vertes, ruban bleu céleste. Aux angles, monogramme impérial d'or ainsi que les branches. Galon et franges d'or. Fer de lance doré, cordons et glands d'argent.

Etendard de couleur: Etoffe rouge. Au centre monogramme et couronne d'or, sur fond orange, branches vertes, ruban bleu céleste. Aux angles, monogrammes, couronnes et feuillages d'or sur fond orange. Galon et franges d'or. Fer de lance doré. Cordons et glands argent.

2) L'Infanterie de Ligne.

En ce qui concerne l'Infanterie de Ligne, certains points restent mal connus quant aux drapeaux en service et leurs couleurs.

A cette époque on peut distinguer deux types de drapeaux selon les régiments: 1) ceux possédant un blason propre que l'on retrouve sur les drapeaux de couleurs et blancs, et 2) ceux n'en possédant pas, le monogramme impérial remplaçant ce dernier.

On suppose que les drapeaux blancs sont

restés ceux remis sous le règne de l'Impératrice Anna Ivanovna (fig. I et II).

Pour les drapeaux de couleurs des régiments sans blason, un modèle est donné en 1741 (fig. III), ceux des régiments ayant un blason doivent rester ceux du règne précédent (fig. IV).

Dimensions: Largeur : 2 A; 9 V.
Longueur: 3 A; 12 V.
Hampe : 5 A

A: archine = 0,711 m V: Verchok = 4,45 cm.

1) Drapeau blanc. Régiment sans blason.

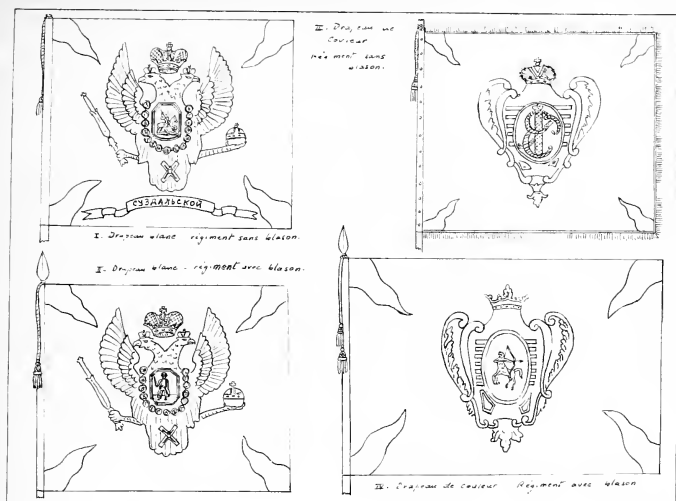
Les drapeaux blancs ont tous les flammes de couleur pourpre ou ponceau Aigle brun, couronnes, becs, pattes, sceptre, orbe, chaîne et croix de St André: or.

Blason de Moscou = fond rouge, cheval blanc, manteau bleu, dragon vert, encadrement d'or.

Banderole argent avec le nom du régiment en noir.

II) Drapeau blanc de régiment avec blason.

Flammes également pourpres ou ponceau. Aigle comme au N° 1; au centre, le blason du régi-



ment, (ici : rég. Riazanski, écusson argent, fond jaune, terre verte, prince à cape rouge, vêtement, bottes, bonnet, bordé de fourrure, tous : verts, glaive et fourreau : métal).

Les drapeaux de couleurs sont moins bien connus, leurs couleurs étant au choix du Chef de corps, seuls certains principes sont posés.

a) Pas de vert et de bleu à la fois.

b) Pas de noir, ce dernier étant à l'origine réservé à la Garde.

Les combinaisons suivantes sont réalisées :

Etoffe	Flammes
A Vert	Rouge
B Bleu	Jaune
C Bleu céleste	Rouge
D Rouge	Jaune
E Orange	Vert
F Jaune	Rouge

III) Drapeau de couleurs, régiment sans blason.

Écusson or, ainsi que le monogramme sur fond rouge. Franges or.

IV) Drapeau de couleurs de régiment ayant un blason.

Ici : Boutyrski. Écusson or, fond rouge, centaure au naturel, arc et flèche : or.

Pour ce modèle de drapeau la longueur est bien plus grande que la largeur, et ce sans explication.

Tous les drapeaux blancs et de couleurs ont la hampe rouge, pique dorée, cordons et glands argent.

Un tableau (non officiel) des couleurs utilisées en 1730 et certainement maintenues en 1741 est connu :

- A : Arkhanguelogorodski, Boutyrski, Wladimirski, Vyborgski, Ingermanlandski, Kazanski, Koporski, Ladojski, Mouronski, Nevski, Permski, St Petersburg, Sibirski, Souzoalski, Tobolski, Troïtski.
- B : Vologodski, Viatski, 1 Moskovski, 2 Moskovski, Riazanski.
- C : Velikolutski, Voronejski, Narvski, Nijégorodski, Smolenski, Ouglitski, Iaroslavski.
- D : Azovski, Astrakhanski, Kievski, Schlüsselburgski.
- E : Bélozerski, Novgorodski, Pskovski.
- F : Kexholmski, Rostovski, Tchernigovski. (à suivre)

G.A. Gorokhoff

Sources : « Drapeaux et Etendars de l'Armée Russe », de W.W. Zwegintzow.

Insignes des ordres « avec glaives » au-dessus de l'insigne

Dans la collection de l'auteur se trouvent la croix et l'étoile de l'Ordre de Saint Vladimir d'un modèle quelque peu inhabituel et qui parfois fait douter les visiteurs de leur authenticité. Ces insignes se distinguent par la position des glaives qui, au lieu de leur place habituelle, se trouvent au-dessus de l'insigne. Les insignes des ordres de ce modèle sont extrêmement rares, car ils n'ont été conférés que pendant une période de quinze années — années de paix relative, pendant laquelle il y a eu peu d'ordres conférés pour faits d'armes contre ennemi. L'institution et ensuite la suppression des insignes de ce modèle sont liées à une législation relativement peu connue, à savoir, l'Ukase Impérial concernant l'obligation de porter les insignes des classes inférieures en présence de l'insigne de classe supérieure du même Ordre.

Les insignes des ordres « avec glaives au-dessus de l'insigne » ont été institués en même temps que les insignes « avec glaives » par l'Ukase Impérial du 5 août 1855 au Chapitre des Ordres Impériaux et Royaux Russes. Citons le texte entier de cet Ukase :

« Reconnaissant la nécessité d'établir une différence entre les ordres, qui sont conférés pour faits d'armes contre l'ennemi et ceux, conférés pour d'autres mérites, Nous ordonnons :

A. Adjoindre à tous les ordres Russes, conférés pour faits d'armes contre ennemi (sauf l'Ordre de Saint Georges) deux glaives croisés conformément aux modèles par Nous établis et dans l'ordre défini par les règles suivantes :

1. Sur les insignes de l'Ordre de Saint André le Premier Elu et celui de l'Aigle Blanc avoir les glaives sur l'insigne en dessous de la couronne, et, sur l'étoile, de façon à ce que le bouclier central soit recouvert par les glaives croisés.

2. Sur tous les autres insignes d'ordres conférés pour les faits d'armes avoir les glaives au milieu de la croix ou de l'étoile.

3. Sur tous les insignes d'ordres conférés pour d'autres mérites et lorsque la classe inférieure du même Ordre a été conférée pour le fait d'armes, avoir les glaives sur la branche supérieure de la croix et la partie supérieure de l'étoile.

4. Comme l'Ordre de Sainte Anne de quatrième classe conféré pour faits d'armes se porte d'une façon permanente, l'insigne de la classe supérieure du même Ordre, conféré pour d'autres mérites, ne doit pas avoir des glaives.

B. Dorénavant, l'attribution pour faits d'armes des ordres de Saint Vladimir de quatrième classe et celui de Sainte Anne de troisième classe est abrogée, le ruban étant conservé uniquement dans les cas suivants :

1. Pour l'Ordre de Saint Georges de quatrième

classe reçu pour le fait d'armes, après son attribution pour les 25 années de service ou pour les 18 ou 20 campagnes navales.

2. Pour l'insigne de distinction de l'Ordre Militaire qui, d'après l'article 115 du Statut de l'Ordre de Saint Georges est conféré aux soldats qui ont déjà reçu cet insigne et reçoivent le traitement intégral de la solde complémentaire attribuée pour les faits d'armes réitérés et

3. Pour l'Ordre de Saint Vladimir de quatrième classe pour les 25 années de service ou pour les 18 ou 20 campagnes navales.

C. A tous les Chevaliers, qui ont antérieurement reçu des ordres pour faits d'armes, à ceux également qui ayant reçu les ordres d'une classe inférieure pour un fait d'armes reçoivent ensuite la classe supérieure du même Ordre accorder le droit d'adjoindre les glaives aux ordres déjà reçus, selon les règles indiquées dans le présent Ukase.

D. Dans les documents et les instructions relatives à l'attribution des ordres soumis à Notre signature indiquer quels insignes le Chapitre doit fournir aux Chevaliers décorés.

De tout ceci le Chapitre doit l'exécution en bon ordre.

Signé sur l'original de la main propre de Sa Majesté l'Empereur

"ALEXANDRE" »

Certains additifs à cet Ukase ont été communiqués dans l'Instruction du Ministre de la Guerre du 20 août 1855 sous le N° 172.

« Le Ministre de la Cour Impériale m'a transmis la copie de l'Ukase Impérial adressé au Chapitre des Ordres Impériaux au sujet de l'adjonction de glaives à tous les ordres conférés pour faits d'armes contre ennemi en ajoutant, que Sa Majesté l'Empereur, en signant cet Ukase, a daigné ordonner ce qui suit : porter la désignation « avec glaives » dans tous les documents et ukases d'attribution des ordres pour faits d'armes; — la désignation « avec glaives au-dessus de l'insigne » pour les personnes ayant déjà obtenu la classe inférieure pour faits d'armes et laisser tel que cela a été précédemment défini la désignation de l'ordre conféré pour d'autres mérites.

Cette volonté du Monarque est communiquée au Département Militaire pour information et sa gouverne et une copie de l'Ukase Personnel est jointe à la présente.

Signé : Gén.-Adjudant Prince Dolgoroukov 1er »

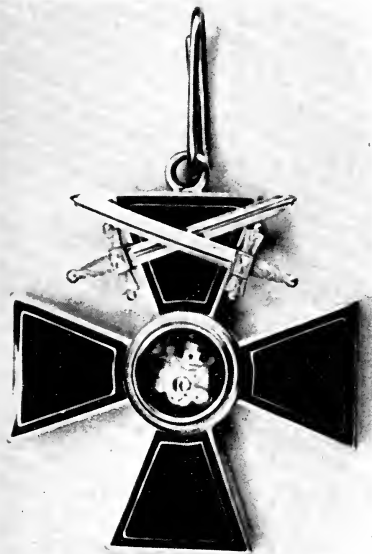
C'est depuis ce temps qu'a commencée l'attribution des ordres « avec glaives » et « avec glaives au-dessus de l'insigne ». L'attribution des ordres de ce modèle s'étendait également au clergé. Citons l'Instruction correspondante du 11 janvier 1854 sous le N° 4 donnée par le Général-Amiral :

« Sa Majesté l'Empereur a bien voulu ordonner ce qui suit : le droit pour l'obtention des ordres avec glaives, accordé aux médecins par ma décision du 31 août 1855 sous le № 1371, est étendu aux membres du clergé qui, lors de la dernière guerre se trouvaient aux postes de secours pour assurer le service religieux chrétien, à condition que ces services aient été accomplis sous le feu d'ennemi.

Signé : Général-Amiral le Grand Duc Constantin Nicolaïevitch ».

L'attribution des insignes des ordres « avec glaives » s'est poursuivie jusqu'au 3 décembre 1870, quand un Ukase Personnel au Chapitre des Ordres Impériaux a été promulgué :

« A propos de la façon de porter les insignes des ordres, conférés pour faits d'armes contre ennemi et au sujet de la suppression de l'adjonction des glaives sur la branche et la partie supérieure de la croix et de l'étoile pour les insignes des ordres conférés aux personnes non pas pour



faits d'armes, mais possédant les classes inférieures du même ordre pour les faits d'armes.

Dans Notre Ukase, adressé au Chapitre des Ordres le jour 5 du mois d'août 1855 au sujet de l'adjonction aux insignes de tous les Ordres conférés pour faits d'armes contre ennemi des deux glaives croisés au milieu de la croix et de l'étoile, sont également données des règles introduites dans les articles 170, 292, 332, 345, 473, 560 et 631 du Code d'Institution des Ordres (édition de 1857) et de l'Additif (Annexe) correspondant, précisant que pour la désignation de l'attribution des ordres des classes inférieures pour faits d'armes, lors de l'attribution de la classe supérieure du même ordre pour d'autres mérites non militaires, on adjointra les glaives aux insignes de classe supérieure sur la branche et la partie supérieure de la croix et de l'étoile.

Reconnaissant qu'il est plus juste de désigner l'attribution des ordres avec glaives pour faits d'armes par le port de ces mêmes ordres en présence d'autres ordres supérieurs ou du même ordre de classe supérieure, Nous ordonnons de ne pas adjointre dorénavant les glaives sur la branche et la partie supérieure de la croix et de l'étoile, attribuées pour des mérites non militaires aux personnes ayant déjà les classes inférieures du même Ordre pour les faits d'armes, en conservant une telle disposition des glaives uniquement pour les insignes avec diamants des ordres de Saint André le Premier élu et celui de Saint Alexandre Newski, conférés pour des mérites non militaires aux personnes ayant déjà l'un de ces ordres avec glaives pour faits d'armes; au lieu

et place de cela, en additif aux articles 173, 294, 334, 340, 347, 407, 563, 564 et 633 du Code d'Institution des Ordres (édition 1857) Nous établissons les règles suivantes concernant le port d'insignes des ordres conférés pour faits d'armes contre ennemi :

1. Les croix de l'Ordre Militaire de Saint Georges de deuxième et de troisième classe, ainsi que celle de quatrième classe conférées pour faits d'armes et également les croix de l'Ordre de Saint Vladimir de deuxième, troisième et quatrième classe conférées avec glaives pour faits d'armes sont portées par les Chevaliers même en présence de la classe supérieure du même Ordre; toutefois les étoiles de l'Ordre de deuxième classe ne sont pas portées en présence de la première.

2. Les insignes de l'Ordre de Saint Anne et de Saint Stanislas de troisième classe avec glaives conférés pour faits d'armes sont portés en présence des classes supérieures du même ordre.

3. La croix de l'Ordre de Saint Anne de deuxième classe avec glaives conférée pour faits d'armes n'est pas portée en présence de la croix du même Ordre de deuxième classe avec la couronne Impériale, si cette dernière est conférée également avec glaives pour faits d'armes; l'une et l'autre s'enlèvent en présence de l'Ordre de Saint Anne de première classe avec glaives conférés pour faits d'armes, lorsque ce dernier conformément à la règle établie doit être en cravate. Cette règle s'applique au port des insignes de l'Ordre de Saint Stanislas de deuxième classe avec ou sans couronne Impériale, mais avec glaives pour faits d'armes.

4. La croix de l'Ordre de Sainte Anne de première classe avec glaives conférée pour faits d'armes s'enlève en présence de l'Ordre de Sainte Anne de première classe avec la couronne Impériale conférée également pour faits d'armes, mais se porte en cravate, si la croix de première classe est conférée pour d'autres mérites non militaires; dans tel cas cette dernière croix s'enlève en présence d'autres ordres supérieurs.

5. En présence d'autres ordres supérieurs, les croix des ordres de l'Aigle Blanc de Sainte Anne de première classe avec ou sans la couronne Impériale et de Saint Stanislas de première classe, conférées avec glaives pour faits d'armes, se por-

tent en cravate avec le ruban étroit attribué à chacun de ces ordres, mais les étoiles de ces ordres s'enlèvent.

6. Les règles existant actuellement à propos de la façon de porter les ordres inférieurs en présence des ordres supérieurs, restent valables en ce qui concerne les ordres conférés pour faits non militaires avec, par dérogation, qu'en présence d'autres ordres supérieurs les Chevaliers des ordres de Sainte Anne de première classe avec ou sans la couronne Impériale et de Saint Stanislas de première classe, reçus pour des mérites non militaires, ne portent pas dans la boutonnière les insignes de ces ordres si, ils ont en même temps la croix de troisième classe avec glaives du même ordre pour faits d'armes, mais portent cette dernière à la boutonnière.

et 7. Toutes les décisions exposées ci-dessus à propos de la façon de porter les insignes des ordres avec glaives conférés pour faits d'armes et à propos de la suppression de l'adjonction des glaives sur la branche et la partie supérieure de la croix et de l'étoile des insignes d'ordres conférés pour des mérites non militaires s'étendent également aux personnes à qui les ordres ont été conférés avant la parution de cet Ukase.

Signé sur l'original de la main propre de Sa Majesté l'Empereur

"ALEXANDRE" »

Cet Ukase est le commencement de l'introduction des règles précisant la façon de porter les insignes des ordres qui, avec quelques modifications ont été appliquées de nos jours. Auparavant, lors de l'attribution des ordres des classes supérieures, les insignes de classes inférieures s'enlevaient et n'étaient renvoyées au Chapitre des Ordres Impériaux où ils étaient, suivant leur état, soit distribués de nouveaux, soit envoyés à la casse. C'est ainsi qu'un grand nombre d'insignes d'ordres très anciens ont disparu car s'ils arrivaient à passer à travers la première inspection du Chapitre, ils étaient irrémédiablement rejetés à la deuxième ou troisième inspection.

La nouvelle façon de porter les insignes des ordres a éliminé les insignes des ordres « avec glaives au-dessus de l'insigne » et leur attribution a pris fin.

Eugène Mollo



Decorations et uniformes militaires russes représentés sur porcelaine

« Aucune armée européenne n'a été aussi souvent glorifiée et sous des formes aussi diverses, sur des objets en porcelaine comme le fut la vaillante armée russe ».

Cette phrase figure dans le beau livre édité à Paris en 1947 par le Cercle des Amateurs du Passé Militaire Russe au moment où je prenais connaissance à Londres des collectoins de Monsieur E.S. Mollo.

Eugène Mollo est né en Russie dans la province d'Oufa en 1904, fut élevé à l'école de Ténichev à St Pétersbourg et a terminé ses études supérieures en Angleterre après la révolution. Il y a environ 30 ans il commença à collectionner les objets illustrant le passé militaire russe et grâce à d'incessants efforts il put réunir une collection constituée en majeure partie d'articles militaires russes de grande valeur artistique, souvent uniques dans leur genre.

Les objets en porcelaine russes dépassent la centaine et nous pouvons commencer par décrire 4 assiettes faisant partie d'un magnifique service destiné à représenter les insignes d'un ordre.

Voici leur brève histoire : c'est vers le milieu du 18ème siècle qu'apparurent en Russie plusieurs commerçants anglais portant le nom de Gardner. L'un d'eux Franz Yakovlevitch, possédait à Moscou un bureau bancaire mais était vraiment spécialisé dans la fabrication de la porcelaine dont il avait acquis des connaissances très étendues au sein de la fameuse usine de Crown Darby en Angleterre. Avec persévérance Gardner rechercha en Russie l'argile qui conviendrait le mieux à la production de la porcelaine et après avoir inspecté la région de Moscou, l'Ukraine et la Sibérie il s'en fut jusque dans la province d'Olonetz pour y trouver l'argile contenant suffisamment de kaolin pour la fabrication de la porcelaine.

En 1766, il reçut l'autorisation de construire une petite usine près du village de Verbilsk situé dans le district de Dimitriev, dans la province de Moscou. Ayant pour concurrents tant l'usine impériale de porcelaine que des usines privées, il éprouvait beaucoup de difficultés dans ses débuts et en 1777 un de ses collaborateurs s'étant lancé dans quelques opérations frauduleuses, l'usine faillit être fermée, mais elle fut sauvée par l'émission de ses magnifiques services de table ornés des ordres de l'Empire.

L'Impératrice Catherine II de Russie possédait déjà un service dédié à l'ordre de St André

peint dans un style baroque et offert en 1743 à Elisabeth, fille de Pierre 1er par le roi de Saxe. Catherine désirant posséder les services illustrant tous les 4 ordres de l'Empire exécutés dans les entreprises nationales dans de l'argile russe, par des ouvriers russes mais préférant à la manufacture impériale le travail de Gardner, elle les lui commanda à un prix qui, pour l'époque était fort élevé.

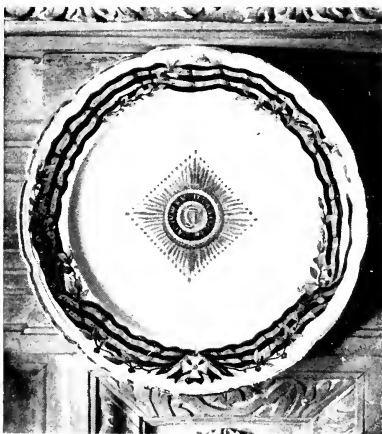
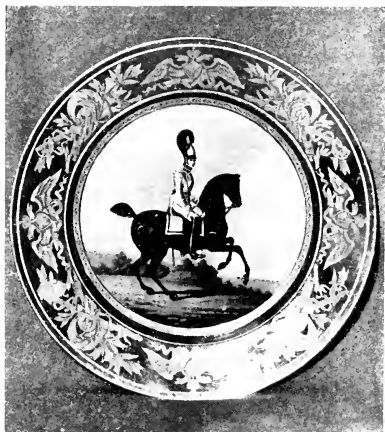
Le premier service de l'ordre de St Georges pour 60 personnes fut terminé en Novembre 1778 et coûta 6.000 roubles. Il suscita l'admiration générale ce qui provoqua l'immédiate commande de 3 autres services, d'abord celui de l'ordre de St André et de St Alexandre Nevsky pour 30 personnes au prix de 9.000 roubles les deux, enfin celui de l'ordre de St Vladimir pour 140 personnes au prix de 15.000 roubles. En effet, l'ordre de St Vladimir n'ayant été créé que le 22 Septembre 1782, ce fut le dernier à être représenté sur les services de porcelaine, l'ordre de St Georges ayant été institué le 25 Novembre 1769, celui de St Alexandre Nevsky le 21 Mai 1725 et celui de St André le 30 Novembre 1698.

Les sommes reçues pour la fabrication de ces services de table ont littéralement sauvé la fabrique de Gardner, mais c'est au centuple qu'elle a rendu ce service à la Russie : jusqu'aux années 40 du siècle dernier, cette fabrique produisait de remarquables œuvres d'art en porcelaine, simultanément d'ailleurs avec d'autres usines russes (Popov, Miklachevsky, Baténiev, etc...) leur production ne cédant en rien à celles des meilleurs usines étrangères. Les Gardner complètement russifiés gardèrent la propriété de l'usine jusqu'en 1892 quand ils la revendirent aux marchands en gros Kouznetzov qui, lui, ne produisit rien d'artistique.

Sur tous les objets entrant dans la composition des services de table dits « des ordres » on retrouve l'ancienne et célèbre marque des usines Gardner, le « G » latin peint en bleu sous glaçage.

Ces services n'étaient utilisés qu'aux solennités organisées en l'honneur de fêtes d'anniversaires de l'institution de l'ordre lorsque tous les chevaliers de cet ordre étaient conviés au Palais d'Hiver où, après la célébration d'un TE DEUM à l'église du Palais ils se retrouvaient autour de la magnifique table garnie de mets pour le moins impériaux. Pendant que l'on portait des toasts et que l'on vidait les coupes de cristal le canon tonna sur les remparts de la forteresse Sts Pierre et Paul.

Nos photos représentent deux assiettes des ser-



vices de l'ordre de St André et de St Georges ainsi que deux échantillons des services fabriqués dans les années 30 du siècle dernier à la manufacture nationale de porcelaine pendant le règne de l'Empereur Nicolas 1er. On reste surpris de voir sur ces assiettes la scrupuleuse reproduction des dessins du célèbre L.A. Bieloussov dont le nom a été perpétué par une imposante série de lithographies représentant les uniformes de l'armée impériale. Les habiles artisans de cette manufacture ont réussi à reproduire toute la complexité des couleurs sur les assiettes qui sont, comme on le sait, soumises à des cuissons répétées.

Ces assiettes ont été fabriquées non seulement pour servir à table mais aussi dans un but décoratif. Il est plus rare de rencontrer des uniformes militaires représentés sur des services à thé ou sur des tasses destinées à être offertes en cadeaux ainsi que sur des vases.

A l'envers de tous ces objets, véritables œuvres d'art figure la marque bleue reproduisant l'initiale « H » de l'Empereur Nicolas 1er ainsi que la mention suivante : « d'après la lithographie de Bieloussov », ainsi que l'indication de l'unité militaire dont l'uniforme était représenté sur l'assiette. Très souvent ces inscriptions étaient faites en français.

1 — Officier supérieur du Régiment de la Garde des Cuirassiers de Podolie 1828 (en 1831 ce régiment est inclus dans celui des cuirassiers de la garde de Sa Majesté Impériale).

2 — Porte-enseigne et tambour du Régiment de la garde Pavlovsky 1830. D'après P. Chtchetinine, les bords de l'assiette sont ornés par une alternance des aigles impériales de l'Empereur Nicolas 1er et des mitres de grenadiers, de sabres et de demi-sabres entrecroisés, le tout sur fond doré.

Vladimir von Richter

Un camp perdu

(Souvenirs de la vie courante d'un régiment de cavalerie)

L'ancienne société russe qui s'intitulait « d'avant-garde » ou « intellectuelle » professait à l'égard des milieux militaires un concept absolument erroné sur leur mode de vie et sur leurs mœurs. Il me paraît donc extrêmement utile, en tant que contribution à « la petite histoire », de présenter ici une image, donnée par l'historien du Régiment de la Garde des Hussards de Grodno, de la vie courante de ce régiment lorsqu'il stationnait dans un coin perdu.

Le séjour du régiment, qui dura plus de 30 ans, sur les rives du Volkhoff, dans les casernes de Selistchensk dans la province de Novgorod, se trouva être un stationnement exceptionnel qui possédait bien des avantages. Cette époque de l'histoire du régiment paraît intéressante sous bien des rapports. La position du régiment était fort originale, très différente des stationnements normaux de notre cavalerie. Il s'agissait vraiment d'un monastère de hussards...

Les hussards s'implantèrent rapidement dans leur nouvelle demeure et non seulement s'y familiarisèrent, mais se prirent d'affection pour ce camp qui leur fut certainement bénéfique. Ce stationnement développa chez eux un esprit parfait de camaraderie, tandis que l'absence de distractions urbaines contraignit les officiers à se consacrer plus entièrement à leur service.

D'autre part, les conditions d'une existence

éloignée des grandes villes contribuèrent au développement chez les officiers de nombreux dons qui auraient probablement été étouffés dans le tourbillon des distractions de la capitale et des grandes villes.

Ainsi, un des officiers, N.N. Zeidler, se révéla être un sculpteur de talent — certaines de ses œuvres furent exposées à Londres. A.I. Arnold peignait des aquarelles ravissantes et les exposait dans les capitales. Le lieutenant G. possédait un talent remarquable de caricaturiste. N.A. Krasnokoutsky, homme fort instruit et connaissant de nombreuses langues étrangères, jouait parfaitement du cornet. De nombreux officiers étaient de bons pianistes; l'un d'eux — Pauffer — était compositeur et ses romances furent à l'époque connues de toute la Russie. Besobrasoff et Guerliach se consacrèrent à la guitare, Litinsky — au violon. Si sur toute cette liste Lermontoff ne fut cité qu'en dernier, c'est en raison de son séjour très court au régiment.

Lorsqu'en 1840 le Prince Héritier Alexandre Nicolaievitch (le futur Empereur Alexandre II) vint rendre visite au régiment, il fit cette remarque au cours du déjeuner : « Eh bien, messieurs, vous devez drôlement vous ennuyer ici ! ». Le Général commandant la division répondit à ces paroles que, les membres du régiment possédant de nombreux dons, cette circonstance rendait la

vie courante attrayante.

Pendant longtemps le régiment publia un journal humoristique paraissant tous les samedis. Sa bibliothèque était bien fournie et, d'après des catalogues retrouvés, une appréciation flatteuse pourrait être émise sur les goûts littéraires des officiers de l'époque, ceux-ci préférant les œuvres sérieuses historiques à la littérature légère.

Parmi les colonels du régiment, les généraux Strandman et Essen furent les meilleurs animateurs; l'épouse du dernier y apportait toute sa gaieté. Des présentations de carrousels furent souvent organisées ainsi que des spectacles et des bals. Les répétitions de carrousels avec la participation d'amazones ravissaient les officiers malgré le courroux du Général Essen, homme fort méthodique. Il n'y eut jamais plus de 16 dames du régiment, certaines furent remarquées par leur beauté, leur esprit et leurs dons de femmes du monde, ce qui apportait aux officiers une influence éducative.

En dehors de ces distractions, de nombreux officiers s'adonnaient à la chasse à courre, à des chasses avec des borzoï; des chasses à l'ours étaient aussi organisées; le Prince Héritier assista à l'une de ces battues en 1859.

L'impulsion donnée à la littérature par Pouchkine et Lermontoff influença vivement les milieux

militaires qui donnèrent des représentants à la littérature et aux beaux arts.

L'année 1858 marqua la Russie par les premières mesures prises en vue de l'abolition du servage. Des comités furent créés en ce but dans toutes les régions; des officiers de la Garde furent appelés à y coopérer. Le premier délégué du régiment de Grodno fut le lieutenant Borovkoff qui demeura membre du comité pendant toute la période d'activité de celui-ci; deux autres officiers du régiment furent affectés aux affaires paysannes.

Les hussards accueillirent la néfaste année 1863 dans les préparatifs de départ. Ils quittaient leur calme refuge. Une nouvelle étape de leur existence commençait.

« Devant sa coupe, le vieux hussard,
Tout en frisant sa blanche moustache,
Se tourne pensivement vers le jeune :
Demain, mon frère, nous serons au feu »...

Dans mon récit, sans suivre le texte exact de l'histoire du régiment, j'en ai présenté néanmoins un résumé succinct.

A. Levitzky

O C H A N S K Y

(Souvenirs de la vie des Chevaliers de la Garde)

Un grand nombre de commandants du Régiment des Chevaliers de la Garde se succédèrent au cours des 36 années, entre 1863 et 1899, qui précédèrent le centenaire du régiment. De nombreux économes et caporaux furent également remplacés pendant cette période. De jeunes officiers et de nouvelles recrues entrèrent au service et le quittèrent, les uns pour d'autres affectations, les autres pour quitter le service actif et être versés dans la réserve. Seul Ochansky, immuable, demeurerait constamment fidèle à son poste... Mais qui était donc cet homme et quel était son emploi pendant toutes ces années?..

Juif, natif de Vilno, fumiste de profession, Abel-Aaron Itzkovitch Ochansky fut recruté sous le règne le l'Empereur Nicolas I (1796-1855) et affecté en tant qu'homme de troupe dans différents ateliers militaires.

En 1863 il fut incorporé dans le régiment des Chevaliers de la Garde au titre de maréchal-ferant. Toujours consciencieux dans son service,

sachant bien lire et écrire, absolument sobre, il se fit aussitôt remarquer par ses chefs et fut promu sous-officier dans une compagnie auxiliaire.

Les poêles et les cheminées du régiment étaient mal construits, dégageant constamment de la fumée et provoquant des feux de cheminée. Fumiste expérimenté, Ochansky fut chargé de les remettre en état. Et, peu à peu, sans que l'on sut comment, tout l'entretien des bâtiments militaires passa aux mains d'Ochansky.

En 1874 il fut promu au grade d'adjudant-chef de compagnie axiliaire et, lorsque cette compagnie fut supprimée en 1881 et remplacée par un détachement auxiliaire, Ochansky passa maréchal des logis.

Au fur et à mesure de son ascension hiérarchique, Ochansky voyait sa situation au régiment se modifier. Il n'était plus Ochansky tout court. Tous, à partir du commandant du régiment jusqu'aux recrues, l'appelaient cérémonieusement

Alexandre Ivanovitch — russification de son prénom juif Abel et du prénom de son père Itzk. Le caporal, l'économe, et enfin le commandant du régiment lui-même, le consultaient au besoin, aucune mesure concernant l'économie du régiment n'étant prise sans l'avis de cet homme universel, de ce « Gérant des casernes militaires » occulte.

La manche d'Ochansky s'orna successivement de chevrons argent et or marquant son rengagement au service. Sa poitrine se couvrit d'une rangée de médailles pour ancienneté d'un service irréprochable. De jour et de nuit il pouvait être vu faisant la ronde des casernes et dardant son regard vigilant sur tous les détails.

Ochansky vécut jusqu'au centenaire du régiment en 1899. La plupart des démarches pour la préparation de ces journées mémorables lui échurent. Il s'occupa des moindres détails et pendant les journées solennelles de fête du régiment, il assista à la réception de l'Empereur et de l'Impératrice, Chef du régiment, devant le grand manège, devant le quartier des officiers et sur le parvis de l'église du régiment.

A une année du centenaire, Ochansky tomba malade. Les médecins lui prescrivirent un repos complet et prolongé. Mais il n'en fut rien. « Les médecins sont tous des menteurs, mon Général », déclara-t-il au Général Nicolaïeff, commandant du régiment. « D'autre part, si je me couche, j'en mourrai »... Et il reprit son service avec la même énergie inlassable.

Mais le 31 Janvier, vingt jours seulement après la fin des solennités du centenaire, Ochansky s'éteignit.

Sur autorisation de l'Empereur, les obsèques d'Ochansky eurent lieu dans le grand manège. Le 1-er Février le cercueil fut transporté du quartier militaire du défunt par les officiers du régiment et précédé du chœur complet de la grande synagogue de St Pétersbourg, fut placé dans le manège

sur un catafalque. La grande entrée du manège donnait sur la rue Zakhariévskaja. Mais, afin de respecter la demande des organisateurs israélites qui voulaient éviter de passer devant l'église orthodoxe du régiment, le cortège dut effectuer un grand détour en suivant les rues Chpalernaïa et Tavritcheskaïa. La majorité du régiment ignorait que, de nombreuses années, Ochansky présidait la communauté israélite de St Pétersbourg.

Enfin, le 3 Février, les obsèques du maréchal des logis Ochansky, du régiment des Chevaliers de la Garde de Sa Majesté l'Impératrice Marie Fedorovna, qui, pendant 73 ans, servit fidèlement quatre Empereurs, furent célébrées en présence de tout l'effectif du régiment, de tous les anciens commandants et de nombreux anciens officiers, tous en grande tenue, avec brassards noirs et casques surmontés d'aigles.

Vers midi le manège prit un aspect tout à fait inaccoutumé. Les représentants de l'aristocratie militaire de la capitale, ceux des hauts milieux financiers juifs, aussi bien que de simples artisans juifs, se réunirent devant la dépouille d'Alexandre Ivanovitch. Après le service religieux, le cercueil fut sorti du manège par les anciens commandants du régiment qui l'accompagnèrent jusqu'à la gare du chemin de fer Nicolas.

Un chœur de clairons et un peloton à pied sous le commandement d'un maréchal des logis — pair du défunt en grade — rendirent les derniers honneurs militaires.

Ces funérailles solennelles juives paraissaient tellement extraordinaires et surtout tellement en contraste avec le bla-bla de la propagande étrangère antirusse, qui accusait à tout bout de champ la Russie de phobie antisémite générale, que cet événement fut mentionné dans la presse étrangère.

V.N. Zvequintzeff



NOTES EXPLICATIVES

DESCRIPTION DES ILLUSTRATIONS PARAISSANT DANS LA PARTIE EN LANGUE RUSSE DE CETTE REVUE

— Page 1 : L'Amiral Eberhardt, commandant en chef de la flotte de la Mer Noire, 1911-1916.

— Page 10 : Insigne du régiment des hussards de Kiev (voir description parue dans le № 122 de la revue).

— Page 11 : Insigne de l'artillerie du Voïsko des cosaques du Don (voir description parue dans le № 122 de la revue).

— Page 28 : Le Grand Duc Constantin entouré des officiers du régiment de la garde impériale Izmailovsky réunis lors d'une soirée littéraire.

— Page 29 : Sigle du cercle littéraire du régiment de la garde impériale Izmailovsky.

— Page 34 : Cavalier du régiment des lanciers de la garde impériale du Tzessarevitch (1803-1806).

— Page 35 : Insigne du corps des cadets de Poltava (Petrovsky-Poltavsky) ce dernier représente un aigle impérial d'argent couronné de 2 couronnes de Tsar surmontées de la couronne impé-

riale la poitrine frappée d'une croix blanche similaire à celle figurant sur les premiers drapeaux régimentaires de l'époque de l'Empereur Pierre 1er le Grand. Cette croix porte en son centre un écusson bleu avec le chiffre de l'Empereur Pierre 1er.

— Page 38 : Insigne du régiment des cuirassiers de la garde de Sa Majesté l'Empereur : Croix dite de Preussisch-Eylau en or présentant en son centre l'inscription « Victoire de Preussisch-Eylau le 27 Janvier 1897. Sur les deux branches latérales de la croix le chiffre en argent de l'Empereur Alexandre 1er à gauche et de l'Empereur Nicolas II à droite.

Cette croix-insigne rappelle les services rendus par le régiment durant la bataille qu'elle commémore.

— Page 41 : Insigne du régiment de la Garde Impériale Semionovsky, croix d'émail blanc de la forme adoptée par Pierre le Grand. Sur les branches latérales de cette croix figurent les chiffres en or des Empereurs Pierre 1er et Nicolas II, un glaive en argent est posé sur la croix, la poignée étant vers le haut et la pointe tournée vers le bas.

LE BRIQUET

L'Amicale des Collectionneurs de Figurines du Centre Loire fait paraître, chaque trimestre, un bulletin « LE BRIQUET », contenant des articles rédigés par une équipe de collectionneurs chevronnés.

Chaque bulletin comporte en outre 6 planches d'uniformes imprimées sur « bristol » permettant de les peindre et dessinées spécialement par les peintres militaires et collectionneurs les plus compétents : de BEAUFORT, FORTHOFFER, LELIEPVRE, NORTH, RIGO, etc.

La plupart des articles sont consacrés aux armées du 1er empire.

De plus, vous trouverez dans chaque numéro un article accompagné d'une planche sur les Têtes de colonnes d'Infanterie ou de Cavalerie.

Si vous êtes intéressé, voulez-vous juger notre bulletin par vous-même ? Dans l'affirmative faites-nous parvenir 8 F. en timbres ou à notre compte chèque postal. Nous vous enverrons un numéro spécimen.

A.C.F.H.C.L., 19, rue de la République — 45 - ORLEANS, C.C.P. ORLEANS 1016-42

« LE PASSE MILITAIRE »

Revue illustrée, bilingue paraissant tous les deux mois, et traitant de l'Armée et de la Marine Russe. Abonnement pour 1973 : 40.00 francs.

Adresse de la rédaction : 61, rue Chardon-Lagache — 75016 — PARIS ☎ 647 72-55
C.C.P. Paris 3910-12

ARMES ET UNIFORMES DE L'HISTOIRE

Rédacteur en chef : Christian-Henry TAVARD

DIRECTION - ADMINISTRATION - REDACTION - DIFFUSION : Rémanences, 2, rue Malus
75005 — Paris

ABONNEMENT pour 6 numéros annuels : 35 FF — Etranger : Belgique 350 FB, Suisse 32 FS,
Allemagne 25 DM, Pays-Bas 25 Fl, Italie 5 000 Li, Grande-Bretagne 3 L, Etats-Unis 8 \$

PRIX 48U NUMERO EN FRANCE : 7 F

S. ANDOLENKO

« INSIGNES RÉGIMENTAIRES DE L'ARMÉE IMPÉRIALE RUSSE »

Editions « Tanaïs » Paris 1966

Manuel à l'usage des amateurs et collectionneurs. Insignes des corps de troupe et des écoles militaires. Texte russe, présentation et sous-titres en français. Préface en 4 langues.
Volume 17 × 25, relié, 230 pages, 48U clichés, 24 francs.

TIRAGE TRÈS LIMITE

Adresser commande avec montant à : M. GUERING, « LE PASSE MILITAIRE »

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА « ВОЕННОЙ БЫЛИ »

- № 2 — Евгений Молло — Русское холодное оружие XIX в. — 5 фр.
№ 3 — В.П. Ягелло — Княжеконстантиновцы — 3 фр.
№ 5 — Евгений Молло — Русское холодное оружие эпохи Императора Николая II. Князь Н.С. Трубецкой — Нижегородская шашка — 5 фр.
№ 6 — П.А. Неचाев — Алексеевское военное училище — 5 фр.
№ 9 — К.М. Перепеловский — Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище — 3 фр.
№ 10 — Письма Суворова к Принцу Нассау-Зиген — 10 фр.
№ 11 — П.К. Кондзеровский — В Ставке Верховного — 9 фр.
№ 13 — Алексей Геринг — Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом — 15 фр.
№ 14 — Н.П. Солодков — Морские рассказы — 10 фр.
№ 15 — П.В. Пашков — Воспоминания юнкера Алексеевца — 3 фр.
№ 16 — Странствования Христофора Гасмана — 10 фр.
№ 17 — В.Г. фон Рихтер — Собрание сочинений по русской военной медальстике и истории — 80 фр.
№№ 1, 4, 7, 8 и 12 распроданы.

« СБОРНИКИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ »

выпуски 1 и 2 на ротаторе
цена — 5 фр. фр.
1 амер. дол. в странах заокеанских
Изд. « Военная Быль » 50 стр.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО « ТАНАИС »

- Вышли из печати и находятся в продаже следующие книги :
- С. АНДОЛЕНКО — Нагрудные знаки Русской армии 230 стр. свыше 500 илл. — 24 фр.
В. Н. ЗВЕГИНЦОВ — Кавалергарды в великую и гражданскую войну 1916-20 гг. 206 стр. — 18 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Железный Хромец истор. роман 242 стр. — 21 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Возвращение историч. роман 258 стр. 21 фр.
Ген. Лейтен. А. В. фон-ШВАРЦ — Ивангород в 1914-1915. Из воспоминаний. 166 стр. с портр. и карт — 15 фр.
Ген. штаба генерал-майор В. В. ГЕРУА — Воспоминания о моей жизни. Том первый 277 стр. с портретом и иллюстр. автора — 27 фр. Том второй — 218 стр. с портретом, многими фотогр. и схемами боев — 27 фр.

Кирасиры Его Величества

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МИРНОГО ВРЕМЕНИ 1902-1914

Издание полковников князя ДЕВЛЕТ-КИЛЬДЕЕВА и ДОЛЕНГА - КОВАЛЕВСКОГО. 188 страниц с портретами и маршем Кирасир Его Величества.

Тираж книги изданной в С. А. С. Ш. был 555 экземпляров.

Оставшиеся экземпляры продаются в пользу журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ».

Цена — 10,00 фр. фр. без пересылки.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- БУГУРАЕВ — Михайловское артиллерийское училище 150 лет основания — 8 фр.
Г. Р. ВАНТЦ — В море и на суше — 12 фр.
В. Н. фон-ДРЕЙЕР — На закате Империи. — 15 фр.
А. ГАЙРАБЕТОВ — Сборник военных песен — 20 фр.
Князь П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 10 фр.
КИРАСИРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — Последние дни мирной жизни 10 фр.
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.
Н. МАНТУЛИН — Песенник русского воина — 25 фр.
ПАМЯТКА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА — 25 фр.
О. И. ПАНТЮХОВ — О днях былых — 35 фр.
Ф. П. РЕРБЕРГ — Исторические тайны — 40 фр.
С. Н. РЯСНЯНСКИЙ — О Российском воинстве — 12 фр.
К. Р. — Полное собрание сочинений тома I-III — 60 фр.
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КНЯЗИ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.
Н. ТУРВИН (Л. П. Линевиц) — По старому следу: Сборник рассказов — 15 фр.
А. И. ШЕЛОУМОВ — Папка с 20-ю цветными репродукциями батальных картин (размер 24 x 31 см.) 30 фр.
СЕРГЕЙ ШПАКОВСКИЙ — Памятка 14 пехот. Олонцкого Короля Сербского полка — 6 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

- Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.
- Брюссель — у Б. П. Мижевского — 125, rue Prevôt, Bruxelles 5.
- Германия — у И. Н. Горьникова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.
- Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.
- Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.
- Сев. Ам. С. Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторта — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, Cal.
- Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 52, Albert Rd. Stratfield 2135 N.S.W. Australia.
б) у В. П. Тихомирова: 5, Fuller Str. F. 12 Walkerville S. Australia 5081
- Аргентина — у Г. Г. Бордокова — Ibera 2768 BUENOS - AIRES Argentina

№ 124

Сентябрь 1973 года

ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого друга и сотрудника, французской службы генерала
СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА АНДОЛЕНКО
последовавшей во Франции.

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с искренней печалью, извещает о кончине своего дорогого и верного друга, вдовы генерал-лейтенанта
АНТОНИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ФОН ШВАРЦ
последовавшей в Буэнос-Айресе.

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубоким горем извещает о кончине своего верного друга и сотрудника, 93 пехотного Иркутского полка капитана
ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА НЕЧАЕВА
последовавшей во Франции 3 августа 1973 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

Михаил Илларионович Кутузов и Сухопутный Шляхетный корпус — Юрий Солодков	1
На мирном положении — Н. Голевский	6
Боевые знаки отличия второй половины XVIII века — Евгений Молло	16
О конной артиллерии в Российской армии — К.В. Киселевский	17
Из воспоминаний гардемарина — Н. Кулябко-Корецкий	18
Русские военные оркестры — Князь П. Ишеев	20
Воспоминания об Александровском кадетском корпусе — В. Каменский	22
Ночь под Рождество — Н. Вдовкин	26
Боевая деятельность М.Ю. Лермонтова на Кавказе — Князь Н.С. Трубецкой	28
Памяти генерала Андоленко — Алексей Геринг	30
13-й пехотный Белозерский полк в гражданскую войну — И. Горяйлов	31
Воспоминания об Александровском военном училище — К.Р.Т.	32
Хроника «ВОЕННОЙ БЫЛИ»	43
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	45
Письма в Редакцию	46
Drapeaux, et étandards de l'armée russe pendant la guerre de 7 ans (suite) — G.A. Gorokhoff	48
Sentinelles vigilantes aux confins de la Terre Russe — Constantin Leiman	50
La dénaturation du passé — A. Levitzky	52
La prestation de serment dans l'armée Impériale Russe — Nicolas Rerberg	53
Les chasseurs à cheval de la Garde — D. Dewitte	54
Notes explicatives	54
A la mémoire du Général Andolenko — Alexis Guering	55
Ordres et Décorations de la Guerre Civile 1917-1922 — F. Pachkoff	55
Avis de la Direction	55

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

XXII Год издания

№ 124 — СЕНТЯБРЬ 1973 г.

BIMESTRIEL. Prix — 7,-Frs

Михаил Илларионович Кутузов и Сухопутный Шляхетный кадетский корпус



После смерти графа Федора Евстафьевича Ангальта, который с 1787 по 1794 г. управлял Императорским Сухопутным Шляхетным Кадетским Корпусом, место его занял генерал-поручик М.И. Голенищев-Кутузов, впоследствии знаменитый фельдмаршал.

Стоит отметить, что только с 10 марта 1800 г. Корпусу было повелено именоваться Первым Кадетским, в отличие от второго, получившего это наименование вместо прежнего «Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса», основанного 25 окт. 1762 года. Сухопутный Кадетский корпус, с 1766 г. начавший по уставу называться «Императорским Сухопутным Шляхетным Кадетским», и впоследствии Первым Кадетским, был основан 17 февраля 1732 года, в царствование Императрицы Анны Иоанновны.

Назначение М.И. Кутузова на пост директора не было случайным. Его методы обучения и воспитания войск в период, когда он командовал Бугским егерским корпусом, прославили его незаурядным военным педагогом, а его «Примечания о военной службе вообще и о егерской особенно», напечатанные в 1786 г., выдвинули Кутузова из числа кандидатов на пост директора Кадетского Корпуса, в котором тогда, по словам современников, заключался «цвет молодого русского дворянства». Корпус с 7 марта 1765 года состоял под непосредственным ведением самой Императрицы, которая называла его лестным названием «рассадника великих людей».

Чтобы познакомить читателя с высоким уровнем состояния Корпуса при вступлении на свой пост М.И. Голенищева-Кутузова, мы дол-

жны вкратце списать время управления Корпусом графом Ангальтом, когда период с 1787 по 1794 г. при графе Ангальте считался одной из блистательных эпох истории Корпуса. Современники ему питомцы время это называли золотым веком истории их alma mater.

Граф Ф.Е. Ангальт был сыном наследного принца Ангальт-Дессауского и приходился родственником Императрице Екатерине II. Сперва он служил у Фридриха Великого, принимал участие в Семилетней войне, во время которой был ранен. Назначение его главным начальником Корпуса вполне соответствовало его душевным качествам. Посвятив себя исключительно Корпусу и проводя большую часть своего времени среди кадет, он обратил внимание на улучшение их нравственного воспитания. Он не только доставлял им средства читать разные полезные книги, но даже, как пишут составители истории Корпуса в начале 19-го века, приказал каменную стену, окружавшую корпусный сад, расписать поучительными изречениями на русском и иностранных языках, хронологию важнейших событий, разными эмблемами, изображениями и проч. Подобным же образом были расписаны и стены рекреационного зала. Потом все это было напечатано в двух отдельных книжках под заглавием «La Muraille parlante» и «La Salle de récréation». Книжки эти выдавали каждому выпускному кадету в воспоминание о лучших днях детства, проведенных в стенах Корпуса. От этого времени в музее Корпуса сохранилось 369 рукописных томов на русском, немецком и французском языках, — все упражнения кадет IV и V возрастов по части литературы.

Во время войны со Швецией в 1788 и 1789 гг. при директоре графе Ангальте — Дессауском, значительное число воспитанников было выпущено из Корпуса во флот, большею частью в гребную флотилию, которая успешно действовала в эту войну в Финском и Вотниче-

ским заливах. Кадеты, выпущенные во флот, заслужили похвалу на новой для них стихии, а некоторые из них в конце концов были даже флагаманами.

Военно-педагогическая деятельность М.И. Кутузова в отечественной исторической литературе освещалась довольно скупо. Об этой стороне деятельности великого полководца его биографы лишь в кратких заметках приводили в сжатой форме кое-какие факты. А.И. Антонов писал: «Он, Кутузов, учредил при Корпусе класс тактики не только для кадет, но и для офицеров. Сам занимался преподаванием ее, а чертежи поручал делать кадетам, преимущественно, Толу прославившемуся в 1812 г.».

Упомянутое нами «Примечание о пехотной службе вообще и егерской особенно», напечатанное в 1786 г., было найдено Ю.Н. Яблочкиным в Военном архиве и издано в 1955 году в Москве. Главная же работа, посвященная военно-педагогической деятельности Кутузова принадлежит Л.Г. Бескровному. Этот автор отмечает, что взгляды Кутузова на подготовку воинов имели важное значение не только в свое время, но и для последующего развития русского военного искусства. Бескровный характеризует Кутузова как последователя П.А. Румянцева и А.В. Суворова, наиболее ярких представителей русской военной школы XVIII века. Вышедший в свет в 1951 году многотомный труд Л.Г. Бескровного: «М.И. Кутузов. Сборник документов и материалы по истории русских полководцев», Москва, Воен. Издат., дает исследователям возможность осветить деятельность Кутузова как педагога.

«В процессе подготовки сборника, — пишет Р.Е. Альшгюллер в сборнике «Вопросы военной истории России», Москва, изд. Наука, 1969, — были обнаружены ранее неизвестные материалы, в частности приказы Кутузова по «Сухопутному кадетскому корпусу», и другие документы, связанные с управлением Корпусом». Выдающиеся качества Кутузова-педагога в крупном масштабе проявились во время его управления Корпусом, но его склонность к педагогической деятельности была замечена уже при окончании им Артиллерийской и инженерной школы. В декабре 1759 года выпускник Арт. и инж. школы Кутузов был оставлен «при школе к вспоможению офицерам для обучения прочих». В его формулярном списке за 1763 г. отмечалось: «...подкомандных своих содержит, воинской экзерциции обучает порядочно и к сему тщание имеет...» («М.И. Кутузов». Документы, том V, стр. 597).

Многие методы воспитания будущих офицеров Кутузов перенес в Корпус из своего обширного опыта войскового командира. Противник формализма, особенно в обучении солдат, он еще в Бугском егерском корпусе в 1788 г.

требовал: «Приемами много не заниматься, учить без пустого стуку...». По уставу Кадетского корпуса 1766 года, составленному тогда генерал-поручиком Иваном Ивановичем Бецким, велись занятия по военным дисциплинам под общим названием «военное искусство». Нововведением Кутузова было включение в число дисциплин специального курса военной тактики. Класс тактики был учрежден не только для кадет, но и для офицеров — преподавателей. Стремясь усилить математическую подготовку будущих офицеров, Кутузов писал в одном из приказов: «Кадетам, которые не окажут твердое знание в арифметике, положить в лагерное время удобные часы для скорейшего окончания одной». Он сознавал, что без овладения основами точных наук, в особенности математики, невозможно решить задачи общего образования, что знание математики — это одно из важнейших условий развития и правильного использования вооружения. Кутузов неоднократно подчеркивал, что математика является теоретической основой военной практики.

Кутузов, несмотря на то, что преподавательский состав Корпуса был довольно сильным, сам нередко читал тактические лекции. При Кутузове в Корпусе преподавали математику Л. Ю. Крафт, сын известного академика И.В. Крафта, и академик Н.И. Фус, ранее, в течение 10 лет работавший помощником знаменитого немецкого математика Л. Эйлера. Фус был автором учебников алгебры и геометрии.

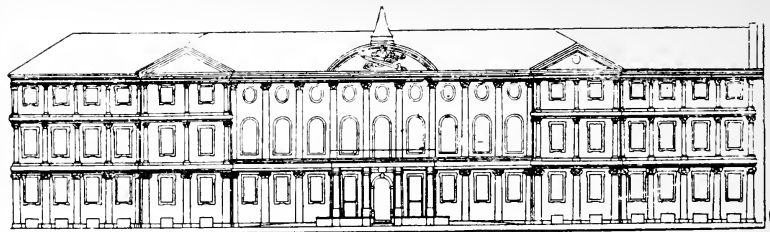
При Кутузове Корпус приобрел географические карты, «печатные оригиналы для рисовальных классов», так называемое «Руководство о машинах» Крафта, таблицы логарифмов, тесаки, разборные учебные гранаты, которые по специальному заказу Корпуса изготовлялись на Сестрорецком заводе.

Ко времени своего назначения на пост директора Кутузов прошел уже более чем 30-летнюю службу в армии. А.И. Михайловский-Данилевский писал: «Он, Кутузов, имел полные сведения как в теории, так и в практике каждого рода военной службы, ибо находился во всех из них». Блестящий ум и широта интересов сочетались в Кутузове с большими знаниями. Он был глубоко верующим человеком и честно преданным своей Государыне Императрице офицером.

Кутузов предпринял организационную перестройку Корпуса в сторону превращения его в профессиональное учебное заведение. По этому поводу он в ноябре 1796 г., тотчас по воцарении Императора Павла I, подал Государю доклад о необходимости ввести в Корпусе военную организацию и вместо разделения кадет по возрастам разделить их на роты. По уставу Корпуса, составленному в 1766 году И.И. Бецким, кадеты были разделены на пять возрастов. К приему



Фельдмаршал князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский
директор Имп. Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса с 1794-1797 г.
с гравюры Боллинга по картине Смита.



Главный фасад Первого кадетского корпуса на Васильевском острове в Санкт-Петербурге.
Бывший дворец Меншикова 1710 г.

Сравнительно хорошо сохранившееся до нашего времени это здание является ценнейшим памятником архитектуры петровского времени. Постройка дворца была начата в 1710 году по проекту архитектора Д. Фонтана и продолжена архитектором Г. Шеделем. В 1731 году граф фон Миних исходатайствовал у Императрицы Анны Иоанновны Меншиковский дворец для учреждения в нем «Корпуса кадетов», называвшегося с 1766 года «Императорским Сухонутным Шляхетным Кадетским Корпусом», а с 1800 года «Первым Кадетским Корпусом». Открытие Корпуса состоялось в Меншиковском дворце 17 февраля 1732 года. Первым поступившим в Корпусе кадетом был Новосильцев, сын сенатора. Вскоре после передачи дворца в ведение Кадетского Корпуса были внесены новые изменения во внешний облик здания. В 1744 году Корпусную церковь перенесли в большой зал

допускались только маленькие дети, начиная с 5-6 летнего возраста, и пребывание их в Корпусе должно было длиться 15 лет, до 21 года. Кадеты самого младшего возраста, первого, подчинены были женскому надзору. При переходе в четвертый возраст предоставлялось, по желанию или по склонности, право выбора готовить себя или для военной, или для гражданской службы. Кроме того, каждый возраст делился на камеры, по 20 человек в каждой. При них, начиная со второго возраста, состояли гувернеры из иностранцев, так называемые «аббаты», французы и немцы. Они постоянно были с кадетами и даже спали вместе с ними, когда дежурили по две недели подряд. Какой национальности были дежурный аббат, на том языке должны были все говорить.

Новое административное деление Кутузов начал вводить постепенно, еще при Императрице Екатерине II, вскоре после прихода в Корпус. Уже в документах начала 1795 г. мы встречаем наряду с упоминанием «кадетов военных возрастов» и упоминание рот. Новая организация подготовлялась и введением в летних лагерях воинского распорядка, и серьезным обучением кадет «военной экзерциции». Новая организация была оформлена Императором

центральное здания с окнами на Неву. В царствование Имп. Екатерины II, по введению нового устава 1766 года, начали увеличивать помещение Корпуса возведением новых и больших построек. При перedelке церкви во второй половине 18-го века окна второго этажа дворца были расширены и получили полуциркульное завершение, а окна третьего этажа были превращены в овальные. Изменениям подверглись и помещения, но часть из них сохранила отделку петровского времени. Так, например, осталась изразцовая облицовка стен в некоторых комнатах второго этажа, голландские изразцовые печи и живописный плафон в бывшем кабинете Меншикова. С 1967 года ведутся археологические и реставрационные изыскания и работы по восстановлению здания Первого Кадетского Корпуса, бывшего дворца сподвижника Петра Великого, князя Меншикова.

Павлом I 16 января 1797 года. Аббаты были уволены, и их заменили офицерами. Кадеты младших возрастов составили малолетнее отделение, а всех прочих разделили на пять рот, из которых одна была гренадерской, а четыре мушкетерских. Такая организация, хотя и с некоторыми изменениями, просуществовала до 1863 года. Главнейшие изменения в ней заключались в том, что число мушкетерских рот было уменьшено до трех, одно время существовала еще резервная рота, а малолетнее отделение с 1830 года было переименовано в неранжированную роту. Кроме того, с 1811 года в гренадерскую роту стали переводить не по росту, как раньше, а по нравственному достоинству и по успехам в науках.

Введение воинской организации Кутузовым отразилось на всех сторонах жизни Корпуса. Современники отмечали, что Кутузову «Корпус обязан учреждением строгой дисциплины, сообразной с воинскими правилами». Соблюдением крепкой дисциплины, основанной на субординации, служило в глазах Кутузова одним из главных залогов нравственного воспитания. «Дисциплина и субординация есть душа службы», говорил он и перед строем кадет добавлял: «Граф Ангальт обходился с вами, как с



**Портрет Имп. Екатерины II,
которая изволила принять Кадетский корпус под свое непосредственное ведение
7-го марта 1765 года.**

детьми, а я буду обходиться с вами, как с солдатами». Однако, напоминая о значении дисциплины, он никогда не поддерживал ее жестокостью.

Требовательность директора к своим воспитанникам отражалась в его аттестациях выпускников. В одном из списков выпускников из 80 человек 7 получили следующую характеристику: «В науках пред прочими весьма сттали, а потому наравне с другими и не аттестуются. Представляются в унтер-офицеры». В своем рапорте Императору Павлу I Кутузов писал, представляя выпускников Корпуса: «В списке поставлены они не по какому другому старшинству, как по наукам и поведению». («М.И. Кутузов». Документы, том I, стр 371).

В своих воспоминаниях о Кадетском Корпусе Сергей Николаевич Глинка отмечает объективность директора и там, где склонности его

учеников не были связаны с военной специальностью. Сднажды, присутствуя при чтении сочинений выпускников Корпуса, он заинтересовался сочинением Глинки и, когда тот кончил, обнял его и сказал: «Нет, брат! Ты не будешь служить, ты будешь писателем!»

Современники отмечали беспримерную «почетительность Кутузова о благе вверенного ему юношества». Для него не существовало мелочей. Особое внимание уделял он качеству питания воспитанников и требовал подавать ему «ежедневно записки, какое прошедшего дня для господ воспитаников было кушанье, и объяснить во оных о доброте припасов» (Документы», том I).

14 декабря 1798 года, после Кутузова, главным начальником Корпуса был назначен Великий Князь и впоследствии Цесаревич Константин Павлович, который до 1812 года был

почти всегда неразлучен с Корпусом. Однако методы и нововведения Кутузова-педагога и воспитателя оставили свой отпечаток еще на десятилетия в Корпусе и оправдали себя блестящими подвигами бывших воспитанников Кутузова в Отечественную войну 1812 года.

Юрий Солодков

Материалы к статье: 1. А.И. Михайловский-Данилевский «Отечественные записки» СПб 1820. 2. А.Н. Антонов «1-й Кадетский корпус» СПб. 1906. 3. Л.Г. Бескровный «М.И. Кутузов». Документы. Москва, 1951. 4. «Записки Сергея Николаевича Глинки» СПб. 1895. 5. Л.Г. Бескровный «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно». Москва. 1955.

На мирном положении

(КОНЕЦ БЕЛОГО ПРИМОРЬЯ, ЛЕТО 1922 г.)

После окончания Хабаровского похода, не принеся белогожданам ничего, кроме славы, уставшие и потерявшие больше половины своего состава их отряды разошлись, за немногими исключениями, по своим старым стоянкам.

Поволжской бригаде генерала Сахарова, в которой я имел честь служить, постоять на своих старых квартирах долго не удалось. Она, для сбора налогов и борьбы с красными партизанами, была в первых числах мая из Владивостока перебросена в село Владимиро-Александровское, находившееся на левом берегу реки Сучан, в десяти верстах от ее впадения в море. В нем Поволжская бригада сменила оренбургских казаков генерала Бородина.

Находясь вдали от центра и происходивших там событий, бригада с приданным ей Анненковским пешим дивизионом питалась главным образом слухами и рыбой, которой река изобиловала. Продукты питания доставлялись из Владивостока судами флотилии адмирала Старка сравнительно регулярно, но в весьма ограниченном количестве и были очень однообразны, — соленая кета. Закупок на местном рынке не производилось, потому что, как нам говорили наше начальство, не было денег. По этой же причине не выдавалось чинам бригады и жалованье, но к этому все давно привыкли и молчали.

В обложенном со всех сторон красными партизанами и опутанном ключочей проволокой селе бригада, как на даче, просидела все лето, делая из него время от времени вылазки на скопившихся в какой-нибудь деревне партизан. «Гоняли кота по Монголии», острили офицеры. Партизаны, заблаговременно предупрежденные о нашем движении сочувствовавшим им местным населением, немедленно из нее исчезали,

чтобы снова в ней появиться после нашего ухода. Иногда по шествовавшей отважно по дороге колонне волжан и анненковцев партизаны с вдоль лежавших сопкок открывали сильный огонь из винтовок. Обыкновенно пули где-то высоко свистели над головами или падали недолетами в стороне, подымая маленькие клубки пыли на сухой земле. Сверху неслись громкие команды начальников партизан, которые, вероятно для собственного подбадривания, во все горло кричали: «Рота, пли! Батальон, пли!»

Стоило только снять с передка пушку и пустить по вершинам две или три шрапнели, как все моментально смолкло, и колонна продолжала победоносно двигаться дальше. Как-то из деревни, к которой беспечно подошла наша колонна, раздалось несколько выстрелов. Шедшие впереди анненковцы, обстреляв деревню, бросились в атаку, и она была быстро занята. Красных партизан в ней не нашли. Потерь с нашей стороны не было; у противной стороны оказалась убитой одна корова. Генералу Сахарову пришлось раскошелиться и заплатить. Бригада, к своему большому удовольствию, съела два или три дня мясной обеды. Не знаю, как другие части, а батареи были в восторге от меткой стрельбы анненковцев.

Проделав одну, редко двухдневную, прогулку по живописной долине реки Сучан, мы всегда почти без потерь возвращались к себе домой за проволокой, чтобы быть разбуженными очередным налетом партизан. Беспокоили они нас не совсем регулярно, но очень часто.

На каком — нибудь участке села подымалась среди ночи стрельба. Разбуженные по тревоге батареи, наскоро одевшись, неслись на позицию, на которой стояли два орудия. Она находилась на небольшой полянке недалеко от

школы, служившей казармой для чинов Волжской батареи. Успевали обычно только добежать до пушек, как все прекращалось, и батареи, чертыхаясь, шли обратно досыпать прерванную ночь. Встреченные сильным огнем застав, партизаны, вероятно, считая, что им тут больше делать нечего, куда-то исчезали в темноте. Больше одного раза в ночь они нас не тревожили и никогда не нападали с нескольких сторон. Партизаны, по-видимому, находили, что для нас и этого достаточно, но нам и это сильно надоело.

Генерал Сахаров, чтобы прекратить их безобразное поведение, передал через местных жителей, с которыми партизаны были в самых приятельских отношениях, что в случае дальнейших их ночных атак его пушки будут палить по близлежащей деревне, со стороны которой будет произведен налет. Батарея пристрелки днем не делала, но по карте определилась и на всякий случай приготовила все установки для орудий. Партизаны, вероятно, решили проверить, и на следующую ночь напали со стороны Уношей. Только затрещали их винтовки, сейчас же прогремели и две пушки Волжской батареи, выпустив четыре гранаты по поскотине этой деревни. Партизаны моментально, как обычно, исчезли, а мы на утро проверили результат стрельбы: прицел был взят точно.

Все же на партизан это большого впечатления не произвело, и через два дня они атаковали нас с другой стороны села. В этой стороне деревни близко не было, но, чтобы поддержать свой авторитет, мы выпустили четыре гранаты по поскотине Екатериновки, лежавшей недалеко от Владимиро-Александровки на другой стороне реки, вниз по течению. Результат был точно такой же, как и первый раз, и генерал Сахаров вторично их предупредил, что в дальнейшем стрельба будет производиться по домам.

Крестьяне близлежащих деревень, за малым исключением, сочувствовали партизанам, а некоторые даже находились в их рядах. Увидев, что с ними особенно церемониться не собираются, партизаны прекратили свои ночные визиты. Белый гарнизон села Владимиро-Александровского с этого дня зажил совсем однообразно, продолжая изредка гоняться за ними, но с прежним успехом.

Поволжская бригада, стоявшая во Владимиро-Александровском, состояла из 8-го Камского имени адмирала А.В. Колчака и Волжского имени генерала В.О. Каппеля пехотных полков, 1-го кавалерийского полка, Волжской имени генерала Каппеля батареи и временно приданной ей Анненковского пешего дивизиона. 4-й Уфимский имени генерала Корнилова пехотный полк, входивший в состав бригады, был в

отделе в бухте Святой Ольги. Численность гарнизона села была немногим больше 800 штюков и сабель, при двух трехдюймовых орудиях.

Каждая часть бригады жила своею собственной жизнью и довольно замкнуто, за исключением старших начальников, которые иногда, но не особенно часто, устраивали в штабах полков дружеские встречи — ужины. Один раз я имел удовольствие присутствовать на ужине в штабе Волжского пехотного полка. Кемандир батареи, идя туда, сказал: «Пойдемте со мной, вы будете у меня за адъютанта», и притащил меня с собою. Ему, вероятно, очень хотелось не отставать от других начальников. Но никто на его адъютанта никакого внимания не обратил, и он, не проронив ни одного слова, просидел весь вечер в самом дальнем углу стола. Конечно, адъютанту было приятно провести время в штаб — офицерской компании, да и ужин резко отличался от обер — офицерского, которых кормили из солдатского котла, но ничего особенно вкусного и обильного, кроме разведенного спирта, не было.

Остальных чинов гарнизона немножко объединял спорт, — устраивали состязания в городки, в которые почти все с увлечением играли. Больше играть было не во что. В карты — было не на что. В каждой части были команды отборных игроков. Первенство держали волжане, но не помню сейчас, — батарейцы или стрелки. У нас в батарее особенно ревностно готовились к состязаниям. Лучших игроков освобождали от нарядов. Занятиями себя почти не утомляли; считали, что все и так все знают.

Рядом с батареями, по крестьянским избам был размещен Волжский пехотный полк, и с ним батарейцы имели кой-какое соприкосновение. Три младших офицера батареи проходили через его расположение, идя на наблюдательный пункт. Он находился близко от школы, на одиноко стоявшей недалеко от края села небольшой сопке. На ней всегда находился, сидя на скамейке, караул из четырех чинов Волжского полка. Офицер — наблюдатель, взобравшись на сопку и немного осмотревшись, присаживался на скамейку рядышком с караулом. Перед ним открывался прекрасный вид на долину реки Сучан. Приятно лаская глаза свежестью своей зелени, растиались поля и луга. Между ними, под яркими лучами солнца, извиваясь змейкой, поблескивала река. Далеко в ее устах, сквозь легкую туманную пелену, силуэтами вырисовывались две невысокие сопки — «Брат» и «Сестра»; между ними река прорывалась в море. Слева тянулись поросшие густым лесом сопки а вдали, справа, переливаясь разными оттенками своих камней, огораживая, как стеной, долину, стоял длинный огромный утес.

Позади сидевшего офицера, спустившись с

лежавшей рядом возвышенности, вплотную к селу подходил смешанный лес, в котором водилось много разнообразных ягод. Некоторые отважные чины Поволжской бригады и анненковцев, взяв с собою винтовки, небольшими партиями ходили их собирать. Из леса, пересекая все село, бежал журча большой, с кристально чистой водой, ручей. В нем солдаты, да и офицеры батареи стирали свое белье. Пить воду из него строго воспрещалось. Боялись, что красные партизаны могли его отравить.

Перекинувшись несколькими словами с чинами караула, артиллерийский офицер-наблюдатель углублялся в свои размышления, уходя на время от мрачной действительности. Он вспоминал недалекое, но невозвратное прошлое или просто мечтал о несбыточном будущем. Из раздумья его иногда пробуждали раздавшиеся где-то на лугах ружейные выстрелы. Со скамейки все разом вскакивали и, напрягая зрение, всматривались туда, откуда они доносились. На лугах были видны, мелькая среди зелени, бежавшие наперегонки к селу два или три бравых кавалериста, любители подкосить добавки сена для своих коней. Посылать вырубку было бесполезно, потому что партизаны, произведя несколько выстрелов, сами спешили скорее убраться на лодке на другую сторону реки, где найти их было невозможно.

Глубокая, но не широкая, с песчаными берегами и чистой водой, река Сучан представляла хорошее место для купанья. Анненковский дивизион, лихо заломив фуражки, из-под которых по ветру развеивались огромные разноцветные чубы, в белых нижних рубашках, с песнями, четко отбивая шаг, каждое утро по улицам села маршировал на реку купаться. Батарейцы искося на него поглядывали, и часто приходилось слышать реплики солдат: «Эх, здорово идут!» Кто-то как-то об этом заметил генералу Сахарову, но он, сделав кислое лицо, только ответил: «Зато мои выносилнее на походе». Все же эти прогулки и особенно отчетливость во всем анненковцев имела некоторое влияние на чины Поволжской бригады, и они значительно подтянулись и чаще стали при встрече отдавать честь офицерам не своей части.

Кавалеристы и камцы стояли в другой части села, и мы их редко встречали. Командир Камского полка, полковник, изредка заглядывал в батарею, проведать нашего командира, с которым я часто играл в канцелярии в шахматы. Застав нас за ними, полковник обыкновенно становился около стола и стоя следил за игрой, подтрунивая над моим командиром, когда тот слишком задерживался с ходом. Он всегда его спрашивал: «Ты что, спишь или думаешь?» Командир батареи невероятно сердился и, нервничая, проигрывал партию, но, проиграв, тут

же предлагал полковнику сыграть со мною. Полковник всегда благосклонно соглашался и, говоря: «Ну что, молодой человек, сыграем?», садился за стол. Когда он тоже проигрывал, то мой командир оставался очень доволен, вероятно потому, что артиллерия все же победила, и они обычно куда-то уходили.

Больше всех радовался я, что доказал двум полковникам, но мое торжество продолжалось недолго. Дверь в канцелярию открывалась и, как бы невзначай, появлялся старший фейерверкер, с которым я тоже часто играл в шахматы. Мы принимались за игру. Я, успев ему похвастаться своим успехом, очень часто проигрывал партию и в смущении что-то бормотал в свое оправдание, а он только снисходительно улыбался.

Самым большим событием белого гарнизона села Владимиро-Александровского был приход из Владивостока одного из кораблей флотилии адмирала Старка. Обыкновенно немного реже, чем два раза в месяц, в заливе недалеко от устья реки Сучан становилось на якорь посыльное судно, вооруженное двумя орудиями и несколькими пулеметами, чаще всего «Магнит» или «Батарея». Оно привозило для нас огнеприпасы, продовольствие, почту, и на нем, с последними новостями, возвращались из командировок и уезжали во Владивосток чины Поволжской бригады. С корабля, как громко величали его наши моряки, все выгружалось на китайские шаланды, которым, чтобы они не попали в лапы красным, устраивалась грандиозная встреча. Почти вся бригада выходила из села и располагалась заставами вниз по левой стороне реки, почти до самого устья. На противоположной стороне, удобно раскинувшись среди полей, лежали недалеко одна от другой две небольшие деревни — Екатериновка и Голубовка. В них почти всегда присутствовали партизаны. Чтобы они не осмелились нарушить свободное судоходство по реке, Волжская батарея становилась на позицию против этих деревень, готовая при первом подозрительном движении открыть по ним огонь из орудий. Ждать шаланд долго не приходилось. Они скоро появлялись и, лавируя, медленно подымались вверх по Сучану. По мере прохода шаланд заставы снимались и двигались по берегу домой. Батарея снималась с позиции, когда шаланды приходили во Владимиро-Александровское; тогда вся бригада забиралась обратно к себе за проволочку.

Из всего привезенного трех младших офицеров Волжской батареи, из которых я был самым младшим, интересовали только сигареты и сахар; сами они ни от кого не получали, а к новостям относились безразлично. Жили младшие офицеры в небольшой комнате того же дома, где помещались все остальные

чины батареи, кроме ее командира и заведующего хозяйством. После парадной встречи шалауд, на другой день всем чинам гарнизона выдавали по несколько пачек сигарет «Пират» и весьма ограниченную порцию сахара. Он был темно-коричневого цвета и слегка горчил. Но, несмотря на столь незавидные качества, его, при большой экономии, хватало только на несколько дней, и у младших офицеров быстро назревал вопрос: где бы достать что-нибудь сладкое к чаю? Купить — не было денег, а очень хотелось. Незирая на все преграды, они в конце концов, не выдержав, вынесли постановление, что каждый, по очереди, к вечернему чаю должен обязательно что-нибудь достать. Откуда и каким путем, — об этом вопрос не подымался.

Командир с заведующим хозяйством занимали отдельную комнату, недалеко от батареи, в частной крестьянской избе. Их интересы младшим офицерам были мало известны, но зато было точно известно, что у них на столе всегда стояла пятифунтовая банка с монпансье. После заключенного соглашения у младших офицеров тоже к вечернему чаю на столе всегда лежало 10-15 конфет. Каждый из них выполнял принятые на себя обязательства с безукоризненной точностью. Как и где доставали мои сослуживцы, я не пытался узнать. Из приличия мы никогда об этом не говорили, хотя было ясно, что источник, вероятно, был один и тот же. Я же сам, нисколько не смущаясь, брал книгу приказов, которую вел и ведал и, зная, что сейчас командира нет дома, а захвоз вообще целые дни проводил в батарее, нес ее ему на подпись. Смело входил в командирскую комнату и, отсыпав из банки немного конфет, с чувством исполненного долга возвращался в канцелярию. Замечал ли командир батареи быстрое опустошение своей банки, младшие офицеры так никогда и не узнали. Он был настолько благодарен, что исчезновение конфет переносил с удивительной стойкостью и хладнокровием.

К концу лета, совершенно для нас неожиданно старший офицер батареи, живший рядом с нами в маленькой комнате, уехал во Владивосток. Он особенного общения с младшими офицерами не пытался иметь, проводил время больше среди солдат. Причину его спешного отбытия мы постарались узнать у командира батареи, который нам буркнул в ответ, что у жены старшего офицера должна была родиться дочь. Почему именно дочь, он не потрудился объяснить, да мы и не спрашивали, но, как ни странно, он угадал.

Отъезд старшего офицера действовал на командира батареи почему-то очень скверно: он все время был не в духе и ворчал. Может быть, будучи сильно недоволен, он и сказал

нам, что дочь: тот хотел иметь сына.

После его отъезда командир, приходя в канцелярию, беспрестанно нам твердил, что офицер женатый для него совсем не офицер, и в батарее он таких больше не потерпит; хватит и одного. Возможно, он хотел предостеречь нас от рискованного шага. Но мы ему не возражали, да и в селе не на кого было обратить благосклонного внимания. Правда, была молоденькая учительница, но командир нас раньше успел предупредить, что она — очень опасная женщина и обладает какими-то таинственными чарами. В селе Владимиро-Александровском побывали, по очереди, много белоповстанческие части, и чары учительницы, кажется, имели кое-какой успех. Несколько доверчивых белоповстанцев ушло в сопки к красным партизанам. Эту чародейку почему-то никто не трогал, и она спокойно продолжала жить в селе.

Солдаты Волжской батареи, из которых только двое были рядовые, а все остальные — фейерверкеры или подпрапорщики, кроме обычных внутренних нарядов, несли караул у стоявших на позиции орудий. Единственным фортификационным сооружением этой позиции были ровики, вырытые под хоботами пушек. Фельдфебель батареи при назначении караульного начальника, чтобы никого не обидеть, всегда имел несколько неприятных минут. Особенно, когда в караул попадали вместе два подпрапорщика. Как выкручивался фельдфебель, младших офицеров мало трогало, но он часто приходил к командиру батареи жаловаться на свою тяжелую участь.

Не считая этих мелких неурядиц, солдаты батареи жили дружно и за редким исключением все были славные ребята. Между собою они в шутку себя делили на добровольцев и колчаковских подводчиков. Во время отхода Белой армии через Сибирь, некоторые случайно попавшие с подводами крестьяне, жалея бросить собственных лошадей, так далеко ушли от своих сел и деревень, что навсегда остались в забравших их воинских частях. Постепенно сжившися, они стали прекрасными белыми бойцами, и многие благополучно добрались до Приморья. В Волжской батарее таких было чуть не одна четверть.

Свободного времени у солдат было достаточно, а развлечением были городки да рыбная ловля. На реку ходили чуть не всей батареей, за исключением офицеров, ловить рыбу бреднем. Ловилась главным образом горбуша (разновидность кеты), которую мы почти каждый день и ели. Очень часто на рыбалку солдаты отправлялись под предводительством «Сахар-Паши», как они между собою называли генерала Сахарова, который специально для этого заходил в батарею. Как-то после отъезда старшего офицера батареи, воспользовавшись боль-

шой благосклонностью к ним Паши, солдаты, жалуясь на свою тяжелую жизнь, ему сказали, что младшие офицеры в батарее ничего не делают и зря пропадают: хорошо бы их назначать караульными начальниками.

Совет был не плохой. Фельдфебелю стало бы много легче вести наряд. Генерал Сахаров не поинтересовался узнать, что именно вообще младшие офицеры делают в батарее. Он, для укрепления своей и без того стоявшей на недосягаемой высоте среди рыболовов популярности, поспешил удовлетворить их просьбу и предложил командиру батарее немедленно провести эту блестящую идею в жизнь. Командир, благоговейно его выслушав, сразу же сообщил нам. Младшие офицеры от такого приятного предложения в восторг не пришли и первый раз за всю свою службу в батарее вышли из повиновения, объявив, что они подадут рапорта об их отчислении. Собственно, высказался по этому вопросу старший из них, а два другие только его поддержали.

Младшие офицеры несли днем по очереди дежурство на наблюдательном пункте, — ночью с него ничего не было видно. Один из них после отъезда старшего офицера остался за него, другой был командиром взвода, а самый младший — начальником связи и, как полагается в приличной батарее, исполнял обязанности делопроизводителя. Командир от своих подчиненных офицеров такой прыги никак не ожидал и, немного растерявшись, начал оправдываться, что, собственно говоря, он тут не причем. Все затеял, по подсказке солдат, генерал Сахаров, и он ничего не может сделать.

Однако имя Паши должного влияния на младших офицеров не произвело, и они остались при своем мнении. Пораженный и огорченный такой дерзостью, командир батарее, ничего не решив, ушел к себе домой. Но, вероятно, немного подумав, командир понял, что на этот раз Паша хватил слегка через край, потому что он очень скоро вернулся обратно в канцелярию и с честью вышел из щекотливого положения. Он велел отдать в приказе начать с завтрашнего дня регулярно производить занятия с чинами батарее. Распределил обязанности между младшими офицерами и отдал распоряжение прочесть приказ на вечерней переписке.

На следующее утро, как было указано в приказе, в 8 часов два младших офицера (третий ушел на сонку) появились в помещении, занимаемом солдатами батарее, но, кроме бывших в наряде и нескольких ездовых, только что пришедших с коновязи, никого в нем не нашли. Дежурный по батарее фейерверкер, заметив удивление господ офицеров, подошел и с улыбкой объяснял, что еще не было шести часов утра пришел генерал Сахаров и, всех

подняв, увел ловить рыбу. Офицеры тоже тарае в канцелярию, где, удобно рассевшись, улыбулись и ушли поджидать командира ба-приступили к обсуждению не совсем удачного выступления Паши.

Скоро пришел командир, по-видимому, горя желанием проверить действие своего приказа, и, застав двух благодушествовавших офицеров, которые при его появлении поднялись со своих мест, он в недоумении посмотрел на них. Старший из двух младших поторопился сообщить командиру батарее причину задержки точного выполнения его приказа и совсем прозрачно намекнул, что даже генералу, хотя бы из вежливости, следовало предупредить. Командир не нашел нужным присоединиться к расследованию происшествия; он только поморщился и ушел.

Занятий в этот день так и не было. В дальнейшем они производились почти без перерывов. Особенного рвения солдаты к ним не проявляли, но и не пытались от них уклоняться. Даже, изредка, на словесности и артиллерии выказывали поразительную любознательность, наперебой задавая ведомму занятию офицеру каверзные вопросы, стараясь поймать его на чем-нибудь, чего он не знает. И если это им удавалось, то восторгам не было конца, и было видно, что потраченное ими время для них прошло совсем не зря. Больше половины солдат батарее имели среднее образование и, прослужив почти пять лет в артиллерии, успели много чего нахвататься. Приходилось всегда быть на чеку. Я занимался, главным образом, пешим строем и гимнастикой, и ловить меня им было не на чем. Только когда приходилось иметь дело с телефонными аппаратами, которые телефонисты знали лучше меня, я чувствовал себя, как на выпускном экзамене. К счастью, экзаменаторов было только четыре человека.

После сделанного партизанам предупреждения, они продолжали все время вести себя совсем прилично и нас не беспокоили. Чтобы им напомнить о нашем присутствии, генерал Сахаров не прекращал изредка посылать в окрестные села и деревни небольшие отряды, без артиллерии. Они всегда благополучно возвращались обратно. Батарейцы, утомленные непривычными регулярными занятиями, пораньше ложились спать. В районе батарее быстро наступала тишина. Прошло немного больше недели, как уехал старший офицер. В 10 часов вечера батарее спала крепким сном. Неожиданно в половине двенадцатого дежурный начал всех будить: «Скорей вставайте, выступаем в поход!» «Приказано соблюдать полнейшую тишину, не курить и не зажигать света».

Быстро, без шума, поднялась батарее, приготовилась к походу и, вытянувшись на дороге

в колонну, остановилась в ожидании дальнейших приказаний. Была очень темная ночь, и кругом стояла тишина. Командир батареи, собрав всех офицеров, тихонько, чтобы никто не слышал, по секрету сообщил, что в Ново-Литовске, по сведениям разведки, скопились крупные силы красных партизан. Чтобы никто не мог их предупредить, генерал Сахаров решил: незаметно выйти из Владимиро-Александровского и, разделив свой отряд на две части, внезапно с двух сторон атаковать их в Ново-Литовске и уничтожить. Кавалерия — 1-й кавалерийский полк с приданным ему одним орудием батареи, которое, продолжал командир с улыбкой, будет изображать конную артиллерию, пойдет горною дорогою в обход. Сам генерал Сахаров с пехотой — камыч и анненковцы, и другим орудием батареи двинется по прямой кратчайшей дороге.

Прошло минут двадцать. Батарея все стояла, соблюдая полную таинственность. Никаких распоряжений не приходило. Вдруг со стороны реки до нас стали доноситься какие-то крики. Мы все невольно переполошились, но продолжали соблюдать тишину. Крики все усиливались. На улицах села появились скакавшие по разным направлениям всадники с зажженными факелами. Один из них подскочил к батарее и громко крикнул: «Приказано искать брод и переправляться на другую сторону реки!» Узнать причину переполоха у него не удалось, он, не задерживаясь, куда-то ускакал.

От батареи были сразу посланы разведчики, которые быстро вернулись и сообщили, что брод найден. Батарея двинулась к реке и начала ее переходить. Брод был глубокий, и, чтобы не подмочить снаряды, которые везли на крестьянских подводах, пришлось перевозить их верхом, по одному в каждой руке. Это отняло много времени. Поднявшаяся неожиданно суматоха постепенно улеглась. Наступила сравнительная тишина, нарушавшаяся плеском воды от переходивших вброд повозок и лошадей.

От переправлявшихся рядом с нами кавалеристов мы узнали причину, испортившую план генерала Сахарова. Первым через реку переезжать на пароме было приказано камча. Что там произошло, мы так и не смогли толком выяснить. Поговаривали, что кто-то был навеселе, но это были только разговоры. Они не то нагрузили паром сильно на одну сторону, не то просто его перегрузили. Паром, не выдержав такого натиска, перевернулся, и все очутилось в воде. С берега бросились спасать. В темноте ничего не было видно. Поднялась шумиха и крики попавших в воду. Два человека утонуло, и утопили два пулемета. За все время пребывания 1-й Волжской бригады в долине реки Сучан это, кажется, были самые большие потери, ко-

торые она понесла.

Перевалившись на другую сторону реки, бригада быстро привела себя в порядок и, построившись в походную колонну, выполняла все положенные предосторожности, двинулась в Екатериновку. Впереди пошел 1-й кавалерийский полк с приданной ему пушкой Волжской батареи, в которой конных, не считая трех орудийных ездовых, были еще два разведчика и два офицера — поручик Коршенков за старшего и я за младшего. Сам командир батареи остался с другим орудием в пехотной колонне, которую повел генерал Сахаров. Сахаров был бравадный генерал, но ему почему-то последнее время не везло, — его преследовали неудачи.

Быстро прошла конница через Екатериновку. Село спало мертвым сном. Ничего подозрительного в темноте не было видно, только на улицах вдоль домов для чего-то стояли нераспряженные крестьянские телеги. Особенного внимания на них никто не обратил, хотя, кажется, все же несколько из них прихватили с собою. Так же ничего не заметив, прошли спавшую Голубовку и повернули в сторону едва видневшихся в темноте, лежавших на краю долины сопек.

Двигавшийся за кавалерией генерал Сахаров с пехотой, торопясь поскорее разделиться с красными партизанами в Ново-Литовске, тоже своего благосклонного внимания ни на что не обратил, хотя анненковцы, шедшие в голове его колонны, выходя из деревни и зайдя за чем-то в крайнюю избу, наткнулись в ней на партизан. Переколов всех в избе, анненковцы, не задерживаясь, спокойно проследовали дальше, а за ними и остальная часть отряда с генералом Сахаровым. Благополучно, больше без всяких приключений пройдя через лежавшие им на пути деревни Михайловку и Кириловку, генерал Сахаров с пехотой в 10 часов утра торжественно вступил в Ново-Литовск, радостно приветствуемый местным населением. Красных партизан в селе не оказалось: они за сутки до его прихода ушли в Екатериновку и Голубовку выбивать белых из Владимиро-Александровского.

Крестьяне села Ново-Литовск и рядом лежавших деревень, в большинстве староверы, были очень рады приходу белых; им красные партизаны давно изрядно осточертели. Они предлагали генералу Сахарову остаться у них, обещая всякую поддержку, и даже готовы были подкармливать его отряд. Но ему было не до них. Он волновался за Владимиро-Александровское, которое предвкусывая легким разгром красных в Ново-Литовске, он оставил почти без охраны. В нем остался малочисленный Волжский пехотный полк (меньше 200 штыков), который, при всей его отваге, мог попасть в очень серьезное положение. Генерал Сахаров

торопился скорее уходить обратно. Его задерживала только обходная колонна, которая куда-то девалась.

Было совсем светло, когда обходная колонна пересекла долину и, подойдя к сопкам, начала на них взбираться по узкой извилистой дороге, скорее даже тропе. Она шла по небольшой впадине, лежавшей между двух почти сросшихся сопкок, склоны которых, поросшие редким лесом и густой, ярко-зеленой невысокой травой, прямо от дороги полого подымались вверх. В то время, как мы с пушкой медленно ползли в гору, недалеко справа, параллельно с нами по склону сопки на дровнях, запряженных одной лошадыю, быстро ехал какой-то крестьянин. На него все моментально обратили внимание. Никому из нас раньше не приходило видеть, чтобы летом по траве ездили на санях. Из недоумения всех вывел крестьянин-подводчик, который объяснил, что такой способ передвижения здесь обыкновенное явление. Покрытые травой сырые склоны сопкок очень вязкие, но достаточно твердые, чтобы пройти лошади. Колеса сразу увязают, а полозья саней легко скользят по траве.

«Конная артиллерия» с остановками, задерживая движение легкой кавалерии, с большим трудом добралась наконец до самого перевала. Оставалось не больше созока шажен, но с этого места дорога круто пошла вверх. Мы сделали несколько попыток подняться. Сильно вымотавшиеся кони только рвались вперед: сдвинуть пушку с места они никак не могли. Пытались помочь им людьми, накатывая колеса. Нас было слишком мало, и ничего не вышло. Еще немного без толку провозившись, бросили все попытки и стали обсуждать создавшееся положение; всем было жаль продолжать дальше мучить коней. В разгар нашей дискуссии, в которой принимали участие и солдаты, к нам подъехал командир кавалерийского полка. Грустно посмотрев на нас, полковник спросил: «Ну что, безнадежно застряли?» «Так точно!» чуть не хором ответили оба офицера. «Своими силами подняться не сможем».

Конечно, отцепив от пушки передок, было бы не трудно его поднять одними лошадьми на перевал, а потом людьми затащить туда и пушку. Но полковник не нашел нужным предложить услуги своих улан или драгун; он по-видимому, не допускал мысли, чтобы благородная кавалерия унизилась до такого близкого соприкосновения с полевою легкой артиллерией, а может быть у него были и другие соображения. Поставив еще немного, он приказал всем поворачивать назад, и мы легко на тормозах скатились вниз. Найдя быстро другую дорогу (кажется, шли по неправильной), обходная колонна, опоздав на четыре часа, наконец тоже прибыла в Ново-Литовск.

Генерал Сахаров дал нам только время накормить коней и людям пообедать. Оставив гостеприимное село, бригада, теперь уже в полном составе, пошла форсированным маршем по прямой близкой дороге к себе обратно во Владимиро-Александровское, куда прибыла вечером, когда уже стемнело. Ни в Екатеринове ни в Голубовке красных партизан уже не было. Почему они не рискнули напасть на очень большое село с оставленным в нем малочисленным гарнизоном, так и осталось невыясненным.

На следующий день после приятной прогулки по сопкам Сучана командир батареи, оставив за себя поручика Коршенюка и не объяснив нам причину, тоже уехал во Владивосток. Батарея осталась на попечении трех младших офицеров и заведующего хозяйством, который по чину был самым младшим. С отъездом командира, уехала и банка с монпансье. Младшим сфигерам пришлось расторгнуть так недолго просуществовавшее соглашение. Сладкого достать больше было неоткуда.

Простояла Поволжская бригада во Владимиро-Александровском еще недолго. В середине августа, неожиданно только для младших офицеров и солдат, в море показались корабли адмирала Старка и стали на якорь в заливе против маленькой китайской деревушки Чень-ю-вей, лежавшей на берегу недалеко от устья реки Сучан. Нам было приказано спешно приготовиться к походу. На другой день после обеда, в четыре часа, Поволжская бригада, оставив село красным партизанам и забрав с собою всех, кому не следовало в нем оставаться, пошла в деревню Чень-ю-вей.

Перевалив окружавшую залив гряду сопкок, части бригады приступили к погрузке на прибывшие корабли, перевоза все с берега на китайских шаландах. Прикрывать погрузку, на сопках, в заставах, остался Анненковский дивизион и одно орудие Волжской батареи, которое на верху перевала, прямо на дороге, стало на позицию. Наблюдательного пункта выбирать не пытались. С сильно заросших сопкок ничего не было видно, да и скоро начало темнеть.

С моря несло свежестью, и чувствовалась прохлада. Очень хотелось немножко вздремнуть, но негде было пристроиться, Сырая трава, росшая близ дороги, мало прельщала. Кругом стояла тишина, только надоедливо жужжали комары. Батарейцы бесцельно бродили около пушки и повозок со снарядами, иногда присаживаясь на лафет. Но долго никому не сиделось. Сколько уже прошло времени, как мы поднялись на перевал, определить было невозможно, — ни у кого не имелось часов.

Вдруг справа от нас раздалась ружейная стрельба. Коротко прозвучало «ура», и все опять стихло. Мы все насторожились, ожидая, что будет дальше, но тишина больше не нару-

шалась. Через несколько минут солдатский телефон принес все новости.

Красные партизаны все-таки решили с нами попрощаться и произвели ночную атаку. Нарвавшись на анненковские заставы, которые бросились на них в штыки, они показали пятки. Потеря у анненковцев не было. Понесли ли потери партизаны? В стоявшей темноте разобрать не удалось. Все же был один трофей — какая-то засаленная фуражка, которую сумели подобрать анненковцы. Торопясь поскорей убраться прочь, какой-то партизан ее потерял. Остальная часть ночи прошла спокойно. Партизаны, после устроенной им анненковцами: хорошей встречи, вероятно решили, что можно и подождать: все равно белые скоро сами уйдут.

Когда начало светать, мы с душкой спустились вниз и погрузились на шаланду. За нами, немного спустя, начали грузиться и анненковцы. К 10 часам утра все уже были на кораблях, и флотилия вышла в море. Волжская батарея попала на «Магнит». Стояла чудная погода, ярко светило солнце. Море было, как зеркало, только шла небольшая мертвая зыбь. Плавно покачиваясь шел «Магнит». Я со вчерашнего дня ничего не ел, и меня начало сильно мутить. Чувствовал я себя прескверно. В 12 часов дня роздали обед — прекрасные мясные щи, после которых у меня все как рукой сняло.

Было темно, когда корабли, придя во Владивосток, ошвартовались у пристаней Гнилого Угла бухты Золотой Рог. Поволжская бригада сразу начала перегружаться в стоявшие напротив пристаней специально приготовленные эшелоны. Бригаду перебрасывали в Никольск-Уссурийский.

Появился и наш командир, но пронесся, как метеор, и куда-то исчез. Выгрузилась батарея с «Магнита» очень быстро, но погрузка в эшелон шла медленно. Кой-что нужно было взять с базы, которая находилась и оставалась во Владивостоке. Только после полуночи все было готово, и мы залегли спать. Командир так больше и не показывался, а старший офицер, который присутствовал на погрузке, ушел домой к своей жене.

Утром, часов в восемь, эшелон тронулся в путь. На пассажирской станции Владивосток он задержался на очень короткое время как раз против вокзала. Выходить на перрон из вагонов было запрещено. Я стоял в дверях товарного вагона и рассматривал ходившую по перрону публику. Меня кто-то окликнул по имени. Я оглянулся. Мимо проходил мой приятель по ручику Злобин, который, увидев, что я его заметил, громко крикнул мне: «Поздравляю, ваш командир женился на Лелечке! Несколько дней тому назад была свадьба...» Я сделал удивленное лицо и переспросил: «Что?» Он, думая, что я забыл Лелечку, начал мне припо-

минать: «Да помнишь, на площадке девятнадцатой версты 1) мы с ней танцевали?» Лелечку я помнил, но меня сильно смутило: женился, после всего того, что командир нам наговорил! Узнать подробности не удалось, поезд тронулся, и мы поехали в Никольск-Уссурийский. Тут только я сообразил, почему командир батареи был так расстроен отъездом старшего офицера. Он сам хотел ехать жениться и испугался, что генерал Сахаров не разрешит ему оставить батарею с одними младшими офицерами.

За время нашего отсутствия во Владивостоке произошли большие перемены. Во главе правительства и армии стал генерал Дитерихс, который довольно энергично приводил все в порядок и усиленно всех подтягивал. Японцы уходили к себе домой, на острова, а регулярная красная армия под предводительством главнокомандующего Уборевича группировалась в районе станции Усури (граница нейтральной зоны), готовая при первой возможности вторгнуться в Приморье.

В Никольске-Уссурийском Волжская батарея разместилась в одной из казарм какого-то Сибирского стрелкового полка, находившихся на краю города. Через несколько дней приехал командир батареи, и в этот же день вечером генерал Сахаров, выполняя строгие приказы генерала Дитерихса о приведении в надлежащий вид и в полную боевую готовность бригады, посадил нашего заведующего хозяйством на гауптвахту. Он появился в штабе бригады не совсем по форме одетым. Командир батареи приказал мне принять его должность, а сам на другой день опять уехал во Владивосток. Я начал хозяйничать; собственно, особо большого дела не было, — все получали из интендантства.

Солдаты, узнав о моем назначении, сразу приняли меня терпеть с сапогами: у всех они развалились. Достать и заменить их было неоткуда. Починить — у нового заведующего хозяйством не имелось ни копейки денег. Совершенно неожиданно и на мою бедную голову из штаба бригады прислали аванс на кошку и лечение лошадей, что-то немного больше тридцати иен. Лошадей ковали сами, а больных ни одной не было. Чтобы успокоить солдат, которые на меня уж очень сильно наседали, я нанял четырех китайцев-сапожников, и они быстро починили всей батарее сапоги. Аванса едва только хватило, чтобы с ними расплатиться, — пришлось долго торговаться. Уходя, один из них, приятно улыбаясь, мне заметил на прощанье: «Ваша капитана все равно, что хухуза» 2). Он, вероятно, хотел, как умел, выразить

1) Дачное место недалеко от Владивостока.

2) По-китайски разбойник.

свое восхищение моему осторожному обращению с казенными деньгами.

Довольный, что привел одну отрасль батареиного хозяйства в порядок, я успокоился. Солдаты были в восторге от моих хозяйственных способностей, но быстро и неожиданно вернувшийся из Владивостока командир батареи, узнав, что от аванса остались только починенные сапоги, пришел в невероятную ярость: как я посмел истратить его не по назначению? Я, как мог, оправдывался, но он ничего не хотел слышать, ругал меня на чем свет стоит и грозился посадить на «губу» за самоуправство. Командир имел, по-видимому, другие виды на аванс: он привез с собою свою молодую жену.

Молодожены поселились в городе, недалеко от батареи, в небольшой комнате частного дома, заранее снятой командиром. Сходив после обеда в штаб бригады, командир немного успокоился. С гауптвахты ранее срока выпустили заведующего хозяйством, и меня немедленно освободили от занимаемой временно должности. Два дня я находился под обстрелом командирских гневных взглядов. На третий, придя утром в канцелярию, командир пригласил всех офицеров батареи пожаловать к нему в четыре часа на чашку чая.

Начистив сапоги и вычистив все пятна с далеко не парадного обмундирования, четыре офицера точно в четыре часа прибыли по приглашению. Командир встретил всех очень радушно и начал представлять своих офицеров молодой жене. Каждый, галантно звякнув шпорами, подходил прикладываться к ручке новой командирши. Лелечка от такой неожиданной чести вся сияла. Когда очередь дошла до меня, — я из скромности был последним, — она очень обрадовалась, что встретила старого знакомого, и усадила меня за стол рядом с собою. На столе, занимавшем чуть не половину комнаты, все было сладкое и ничего горького — только чай, если пить его без сахара. Приглашенные офицеры слегка поморщились и перелгянулись между собою. Ожидали большего. Лелечкиному восторгу не было границ, она все время весело болтала, не давая почти никому сказать ни слова. Узнав, что все офицеры холостые, она окончательно пришла в экстаз и громко объявила, что для всех найдет невест и все обязательно должны жениться. Командир, глядя на свою жену, только слегка улыбался и в разговор почти не вмешивался; по-видимому, уже успел переменить свое мнение.

Мне же Лелечка просто заявила, что я могу не беспокоиться, для меня уже есть ее подруга, которую я знаю, и назвала имя и фамилию. Я что-то такой не помнил, но, чтобы не портить Лелечке настроение, молчал. Она, приняв мое молчание за знак согласия, занялась мной одним. Командир начал бросать в нашу сторону

не особенно приветливые взгляды, но Лелечка их не замечала и продолжала жужжать мне над ухом: как все прекрасно, она будет вместе со своей лучшей подругой, и все будет чудесно.

Собственно, какое будет чудо, если я женюсь на ее подруге, которой совсем не знал, я никак не мог сообразить; разве только что тогда она будет чистить пятна на моих единственных английского образца бриджах. Больше ничего молодой поручик ее подруге предложить не мог. Жалование продолжали нам не платить и даже не обещали, как делали раньше. Просидев часа полтора и из приличия мало к чему притронувшись, гости, к большому удовольствию командира батареи, раскланялись и ушли к себе в казарму.

Приведение в образцовый вид всех воинских частей шло быстрым порядком, готовились к неизбежному, к обороне Приморья. В Волжской батарее обновлялся конский состав. Каждое утро заведующий хозяйством и я — командир, по-видимому, все-таки признал за мной блестящие хозяйственные способности — с двумя солдатами верхами ездили в город на базар: продавать своих бракованных и покупать взамен новых лошадей. Дело приходилось иметь с барышниками, среди которых было много цыган. Требовалась большая осторожность, чтобы не купить коня еще хуже бракованного. На базаре всегда находился специально присланный ветеринарный врач, который всегда к нам подходил. Коней тщательно осматривали, по несколько раз проезжали и, только убедившись, что большого подвоха нет, начинали торговаться. Неважно, купив или продав коня, наши солдаты выпрашивали у барышников могоарыч и шли в ближайший трактир закусить, а мы с заведующим хозяйством довольствовались тем, что нам дарили арбуз, и возвращались в батарею.

Однажды, отправив солдат на базар вперед, мы, проезжая мимо дома командира, встретили около него нашу молодую командиршу. Она, узнав, куда мы едем, пригласила нас на обратном пути заехать к ней «на пирожки». Мы поблагодарили и пообещали привезти ей в подарок большой арбуз. Не найдя на этот раз на базаре подходящих лошадей, заведующему хозяйством пришлось самому купить арбуз, без него возвращаться было неудобно, а стоил он гроши; отдав своих верховых коней солдатам, мы явились к командирше.

Встретила она нас, как родных, усадила за стол, на котором на большом блюде лежала гора пирожков. Шутя и весело болтая, мы принялись их уничтожать. Лелечка оказалась неплохой хозяйкой, пирожки были изумительные, и, угощая ими нас, она весело смеялась. Я уже соглашался немедленно жениться на ее подруге, только при условии, если она умеет

делать такие же вкусные пирожки. Давно так хорошо я не проводил время. От горы на блюде уже оставался небольшой холмик. Еще бы полчаса, и мы, пожалуй, разделались бы и с ним.

Дверь в комнату внезапно отворилась, и на пороге появился командир батареи. Увидев такую веселую компанию, он так и застыл на месте. Когда я взглянул на него, у меня замерло сердце: лицо у него было какое-то серое и скривилось на одну сторону. Возможно, он хотел улыбнуться, да у него ничего не вышло. Лелечка бросилась к нему и начала что-то быстро говорить ему, а мы, вскочив со своих мест и не попрощавшись, бочком, скорей к дверям и выбежали наружу. Немного приди в себя, быстрым шагом пошли домой, не понимая толком, что произошло.

К вечеру причина такого не совсем дружелюбного поведения командира нам стала известна и все разъяснилось. Узнал ее заведующий хозяйством у ездового парной фурманки.

С утренним поездом из Владивостока должна была приехать погостить мать Лелечки с какими-то вещами, и молодые жены собрались ее встречать. В батарее выездных средств, кроме парных фурманок и двуколок, никаких не имелось. Командир приказал подать себе фурманку и, усадив в нее свою молодую жену, поехал с ней на вокзал. Дороги в Никольске-Уссурийском или совсем не мощные, или мощные булыжником. Торопясь, чтобы не опоздать к поезду, поехали рысцей. Фурманку на ухабах и камнях изрядно потряхивало. Лелечке такая поездка по вкусу не пришлась, и она предложила супругу ехать одному вперед, заявив, что она пойдет на вокзал пешком. Фурманку остановили. Лелечка из нее вылезла, и командир поехал один. Пройдя немного по пыльной дороге, как только фурманка скрылась из глаз, Лелечка раздумала идти на вокзал и повернула обратно. Подходя к своему дому, она так удачно встретила нас.

Командир к поезду поспел и его встретил, но тещи, как он ни носился по перрону, нигде найти не мог: она почему-то не приехала, хотя писала, что обязательно будет. Такое несерьезное отношение тещи немножко покорило командира, но ничего не оставалось делать, и пришлось остаться на вокзале поджидать свою молоденькую, хорошенькую жену. Время шло, а Лелечка не приходила. Он стал на нее злиться и волноваться: куда она пропала? Прождав часа два и окончательно расстроившись, — не случилось ли чего с Лелечкой, он помчался скорей домой и приехал вовремя. Задержись еще немного, он бы мог нас не застать. Нам давно было пора возвращаться в батарею.

Рассказывая своим сослуживцам о нашем колоссальном успехе у командирши, хотя мы

и смеялись, но в душе тревожились, ждали, что будет завтра. Но наши опасения не оправдались. Придя утром в канцелярию, командир не только не подал никакого вида, но и не обратил на нас ни малейшего внимания: вероятно, Лелечка его чем-то успокоила, да ему и было не до нас. Срочно пришло распоряжение: батарее произвести учебную стрельбу из срудий. Из штаба генерала Дитерихса приехала инспекционная комиссия, состоявшая, кажется, из трех неизвестных нам артиллерийских полковников, проверять знания младших офицеров и самого командира батареи. Все заметно заволновались.

Стрельба была произведена на артиллерийском полигоне, находившемся не очень далеко от стоек батареи, за городом. Не знаю, существовал ли он раньше, или его специально подготовили, но он был в сравнительно образцовом порядке. Вдали, верстах в трех, виднелись разбросанные и хорошо сделанные мишени пехотных целей, пулеметных гнезд и даже кавалерии, которые, на наше счастье, не двигались, а прочно стояли на месте. Каждому офицеру были даны два задачи: шрапнелью по цели или кавалерии и гранатой по пулеметному гнезду.

Наблюдательный пункт находился сравнительно далеко справа, впереди от позиции батареи. Стрелять пришлось раздельной наводкой и брать поправку на смещение, — вычислять шаг угламера. Все приготовили себе параллелограммы «Пашенки», по которым и стреляли. Экзамен прошел удачно. Три младших офицера, по очереди, быстро пристрелялись и перешли на поражение.

Командир стрелял последним, и я видел, как полетела в воздух мишень пулеметного гнезда от его гранаты. Его стрельбу шрапнелью определить не мог, потому что в батарее имелись только один бинокль, а простым глазом было трудно рассмотреть. Заведующий хозяйством не стрелял, его почему-то оставили в покое, а старший офицер все еще находился во Владивостоке. Он никак не мог оторваться от жены с новорожденной дочкой.

Прибывшие инспектировать артиллерийские полковники, по-видимому, результатами стрельбы удовлетворились, потому что никаких изменений в офицерском составе батареи не произошло. Через несколько дней после проверочной стрельбы пришел приказ приготовиться к походу и грузиться в эшелоны. Приехал, наконец, в батарею и старший офицер, а командир батареи, после так счастливо проведенного мелового месца, отправил свою молодую жену к ее родителям во Владивосток. Поволжскую бригаду перебрасывали по железной дороге в район

станции Усури, навстречу регулярной красной армии.

Мирная жизнь окончилась. Начались бое-

вые действия, — защита Белого Приморья от красных полчищ.

Н. Голевский

Боевые знаки отличия второй половины восемнадцатого века

Со смертью Петра Великого прекратилась и старая наградная система. В последующие четыре царствования боевые знаки отличия не учреждались, хотя и были многочисленны к такому учреждению поводы. Когда же, в конце пятого по счету царствования Елизаветы Петровны и была учреждена боевая медаль в память победы, одержанной 1 августа 1759 года над прусскими войсками под Куннерсдорфом, то выбита она была лишь в серебре и роздана только «бывшим на той баталии солдатам». Указывалось также, что «...у 30.000 числа имеют приделаны быть ушки для ношения на ленте». На какой ленте, однако, не указывалось, но принято считать, что то была лента Андреевская.

В среде старых наших нумизматов существовало мнение, что выбиты были также и золотые медали для пожалования офицерам, но в учредительном указе о таковых не упоминается и никаких других документальных доказательств тому представлено не было.

В кратковременное царствование Петра III боевые знаки отличия не учреждались.

Боевые знаки отличия царствования Екатерины II учреждались Именными Указами. Боевые медали выбивались лишь в серебре и раздавались только нижним чинам, для награждения же офицеров учреждались особые боевые знаки отличия, имеющие форму крестов и выбиваемые лишь в золоте. И те, и другие носились в петлице кафтанов на указанных орденских лентах.

До нас не дошло ни одного достоверного изображения нижнего чина, украшенного меда-

лями царствования Екатерины II, но дошли многочисленны изображения офицеров с орденскими и боевыми знаками в петлице. Носились они тогда следующим образом: в ушко знака продевалось довольно пространное колечко, в которое продевалась орденская лента, шире современных и произвольной длины, концы которой продевались в петлицу мундира. Лента сама собою складывалась крест накрест, правый ли конец покрывал левый, или левый — правый, безразлично. Неясным, однако, остается, как носили свои медали нижние чины, украшенные многими, медалями, что при почти пожизненной службе и при непрерывных войнах, несомненно, случалось.

В царствование Павла I боевые знаки отличия не учреждались, но им были впервые учреждены сопричисленные к орденам знаки отличия для пожалования нижним чинам за двадцатилетнюю беспорочную службу: сперва Знак Отличия Ордена Св. Анны, а затем Донатский Знак Ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

В обнародованном Павлом I 5 апреля 1797 года Статуте Четырех Российских Орденов имеется изображение нижнего чина, украшенного Знаком Отличия Св. Анны, и поскольку автору известно, — это первое официальное изображение ношения знаков отличия нижними чинами.

Во второй половине восемнадцатого века образовалась в России та наградная система, которая с некоторыми дополнениями продолжала действовать до конца Империи.

Евгений Молло



О конной артиллерии в Российской армии



« Было время, красую блистая,
Ты царицей сражений была,
И орлов твоих храбрая стая
Высоко твое имя несла ».

Окончив наш очерк об истории лейб-гвардии Конной Артиллерии в двух предыдущих номерах журнала, нам хочется вспомнить и наших « сестер » — всех 27 славных конно-артиллерийских батарея, состоявших в наших армейских кавалерийских дивизиях. Все приводимые ниже данные почерпнуты нами из архива нашего Объединения.

С момента своего вступления в управление артиллерией, в 1794 году, граф Зубов пожелал « видеть опыт конной артиллерии, которой донныне еще введено не было », и в феврале того же года уже состоялся указ « Канцелярии главной артиллерии и фортификации » об отпуске всего необходимого для образования новой конной артиллерии. В сентябре того же года граф Зубов уже вошел в Кабинет Государыни с обширным представленным и составленным им « Мнением о пользе конной артиллерии ». Доклад этот Императрица утвердила и 7 февраля 1795 года закрепила его Указом по Военной коллегии, а 28 июля были уже установлены штаты конных артиллерийских рот, которые велено было именовать : №№ 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я. Роты состояли из 14 орудий каждая : семь 6-фунтовых пушек и семь 6-пудовых единорогов.

Нужно отметить, что еще раньше, в 1792 году, Цесаревичем Павлом Петровичем в его Гатчинских войсках была сформирована « Особая конно-артиллерийская рота », лавшая начало лейб-гвардии Конной Артиллерии.

Полная самостоятельность действий кавалерии могла быть достигнута только придачей ей соответственной артиллерии, но без опасности стеснить тем самым подвижности конницы. Этими соображениями и руководствовались при создании особого вида артиллерии — конной,



подвижность которой достигалась впряжением большего числа лошадей в передки и посадкой всей прислуги на коней.

Полевая « ездящая » артиллерия не в состоянии, конечно, была заменить собою конную, подвижность которой достигает своего крайнего предела при бьезде на позицию и которая при больших переходах, идя переменными аллюрами, не отстает от кавалерии. Поэтому в конной артиллерии всегда воспитывался « кавалерийский » дух беззаветной лихости, отваги и задора, вырабатывавшийся только при совершенно особых условиях воспитания и обучения личного состава в лоне родной ей кавалерии. Когда-то, в « Русском Инвалиде » 1911 года Н. Н. Богаевский писал : « что для чужих — самовосхваление, то для своих только одно из средств развития в своей среде любви к своему делу и гордости носить любимым мундир ».

Дело подготовки успеха конницы лежит исключительно на конной артиллерии. Стратегическая роль кавалерии требует от нее прежде всего способности вести бой в отделе, на флангах и в тылу у противника. При столкновении конниц громадное значение имело наличие конной артиллерии.

В Европе постоянная конная артиллерия стала применяться сколо половины XVIII века. У нас в России первые следы ее появились еще при Петре Великом, который в 1701 году ввел полковую артиллерию в драгунских полках. При Елисавете Петровне прислугу при легких единорогах повелено было сажать на лошадей, а в 1794 году, как уже было сказано, конная артиллерия была окончательно учреждена в нашей армии. Со второй половины XVIII века этот подвижный и действенный род оружия стали заводить во всех европейских государствах.

При учреждении нашей конной артиллерии были введены пушки облегченного образца, на 9 пудов легче и на 8 дюймов короче.

К началу войны 1914 года в Российской ар-

мии числилось 23 конных батареи, находившихся при 15 кавалерийских дивизиях. Во время войны к ним были добавлены еще 4 батареи, 24-я, 25-я, 26-я и 27-я. Наши армейские конные батареи были основаны постепенно в годах: 1794, 1803, 1806, 1807, 1812, 1875 и 1914 и закончили свое славное существование с началом революции.

Конная артиллерия пережила теперь самое себя. Наступившая эпоха механизации всех армий мира пропела ей отходную, но память о ее славном прошлом остается нерушимой и должна свято храниться в будущих поколениях, чьи предки — конно-артиллеристы своим знанием дела, беззаветной храбростью, лихостью

и отвагой на протяжении своего сравнительно недолгого, но блестящего существования, вплели неуязвимые лавры в венец Российской армии.

К.В. Киселевский

Добавление: подробные сведения о хронологии и полученных отличиях наших конных батарей находятся в трудах В.В. Звегинцова:

- 1) «Русская армия 1914 года», Париж, 1959 год
- 2) «Хронология русской армии 1700-1917 гг.» в двух тт.

Париж, 1961 и Париж 1962 гг.

К.В.К.

Из воспоминаний гардемарина



По окончании Морского корпуса в Бизерте Михаил вышел на линейный корабль «Генерал Алексеев» (бывший «Император Александр III»).

Жизнь на корабле понравилась ему с первых же дней. Да и как могло быть иначе? После усиленной зубрежки

перед экзаменами, бесконечных нарядов, строевых учений и прочего попасть на настоящий военный корабль, почти на офицерское положение... Это все не могло не понравиться молодому гардемарину. Корабль был приведен в состояние долговременного хранения, то есть все было почищено, смазано, обернуто, а кое-что и заперто. Утром шли корабельные работы — починка, чистка и приборка, после же обеда — свободное «от строя и занятий» время. Никаких вахт на корабле уже не несло, да и стоять-то их было некому. Вместо положенных по штату 1.200 человек команды, на нем было всего сорок человек. Ночью выставлялся дневальный, но и то один на весь корабль.

Гардемарины были приняты в кают-компанию, но получили строгое внушение от старшего офицера: «Вы, так сказать, приняты в кают-компанию, но помните, что вы, так сказать, еще нижние чины, поэтому, так сказать, прошу себя держать соответственно, так сказать»...

В первый раз в жизни Михаил получил в свое обладание одну из отдельных офицерских кают. Когда он внимательно осмотрелся, то весьма довольная улыбка появилась на его лице, и он сказал своему приятелю: «В общем — это не рай земной, но все же отличней...» После обеда он первое время главным образом отсыпался, а по утрам купался и прыгал с высокого

борта; еще в Николаеве, в школе плавания, он получил значок за прыжки «ласточкой» с десяти метров.

«Генерал Алексеев» стоял на якоре посреди естественного широкого канала, соединявшего Бизертский внешний порт с озером, на котором находился французский арсенал, морской госпиталь и прочие портовые учреждения.

Через несколько времени Михаил отоспался, наигрался по вечерам в шахматы в большой и уютной кают-компании и решил что «надо что-то придумать». Нельзя же целый день прыгать в воду, не имея иных забот и занятий? Естественно, взоры его обратились к парусному спорту, то есть к имевшемуся на корабле спасательному боту.

Всякий раз, когда представлялась возможность идти на берег, или за провизией в бухту Каруба, или за почтой на Минную бригаду, Михаил вызывался охотником и сидел на руле бота. Эта любовь к парусному спорту осталась у него на всю жизнь.

По воскресеньям, после церковной службы на корабле, старший офицер приглашал командира в кают-компанию к обеду. Этот обычно скромный обед в такие дни приобретал сразу какой-то торжественный характер. Наш командир был молодой боевой офицер. Этот блестящий капитан 1 ранга казался нам достойным преемником наших славных адмиралов. Он много плавал за границей, знал иностранные языки, во время войны привел «Чесму» с Дальнего Востока в Белое море, был на ней старшим штурманом, имел боевые награды, даже французский офицерский крест Почетного Легиона. Словом, имел целый ряд качеств, высоко ставивших его в наших глазах, но не только этим привлекал нас командир: это был настоящий русский барин по натуре. Всякий

раз, когда он обращался к Михаилу с вопросом, тому по старой кадетской привычке хотелось встать и вытануться.

Уже пятнадцать дней как ежедневно Михаил ходит после обеда на боте под парусами. Часто один, а иногда берет себе помощника на шкоты. В это воскресенье после обедни, отслуженной отцом Николаем, прямо из церкви Михаил отправился к старшему офицеру.

— Господин Старший лейтенант разрешите взять бот?

На какой, так сказать, предмет?

— На предмет катания под парусами.

— Отлично, возвращайтесь к спуску флага. Вы куда идете?

— Во внешний порт, господин Старший лейтенант.

— Ну, хорошо. В море не выходить. Во внешнем порту, так сказать, повернете.

— Есть!

Миша повернулся кругом и вышел на палубу. «Слава Богу, — бормотал он про себя, — забыл сказать — не заходите на «Георгий». У меня не первый срок, а рабочая роба. Как только войду в бот, все снимаю и останусь в трусиках».

Бот №1 был в починке. Его чинил отец Николай, отличный плотник. Бот №2 стоял у левого трапа, словно ожидая кого-то. Он назывался «спасательным», потому что имел под банки железные воздушные ксробки, не позволявшие ему затонуть, если он наполнится даже полностью водой. Бот был некрасив, тяжелый, скорее короткий и довольно неуклюжий на вид, но зато под парусами ходил, как птица. Упряжняясь каждый день, Миша сделал большие успехи, свободно и хорошо делал оба поворота и оверштаг, и через фордевинд, совсем прилично подходил к трапу.

Хоршая и красива Бизерта во все времена года... Летом, возможно, там немного жарко на суше, но на воде всегда есть легкий бриз. Медленно проплывают красивые берега, всюду видны кактусы, агавы, оливковые деревья, пальмы и олеандры. Действительно — страна света и солнца. Слегка легши на борт, бот проходит мимо большой и красивой виллы морского Префекта. Гладкая, как стекло, поверхность моря легко режется шлюпкой, вода расступается под острым углом в обе стороны. По поверхности расходятся то темносиние, почти черные гребешки, то белые и опаловые струйки воды. Как только ветер начинает немного крепчать, сейчас же всем своим телом вздрагивает бот и быстрее подается вперед. При быстром полете шлюпки, вдоль по борту начинается совершенно своеобразно журчать или даже, скорее, напевать свою песню уходящая назад вода. Стихает... Медленнее движется вперед бот. Вот и траверз «Георгия Победоносца», на котором живут

офицерские семьи. На верхней палубе ни души. Все спрятались от палящих лучей солнца.

«В полуденный жар, в долине Дагестана...», бормочет себе под нос Михаил. Вот он выходит в аванпорт. Через несколько минут он у выхода в море. Здесь ветер чуточку свежее и шлюпка движется хорошо и легко. «А не выйти ли нам в море?» Сам себе говорит Михаил. «А почему бы и нет? Я ничем не рискую. Меня никто не увидит». Сказано — сделано. Почти сразу, после выхода в открытое море, повстречался рыбацкий ялик. Он возвращался под парусом в Бизерту, и один из рыбаков махал фуражкой и что-то кричал. Ответив на приветствие, Михаил продолжал свой путь. Бот шел отлично, и большая волна приятно покачивала шлюпку.

Через несколько минут Михаил повернулся и посмотрел на удаляющийся мол. То, что он увидел, его сразу же поразило и даже испугало. Громкая туча шла ст Феривилиа и уже почти закрывала полнеба. Она была почти черного цвета, а края по бокам были какие-то рыжие или даже красноватые. Нужно было срочно возвращаться. Сделав поворот, Михаил быстро пошел в крутой бейдевинд. Туча надвигалась быстро, и неизвестно по какой причине направление ветра изменилось. Теперь он был явно противным и, чтобы войти в порт, надо было лавировать. Черная туча все приближалась и уже покрывала почти все небо. Сразу стало темно, как в сумерки. Бот шел, легко меняя галсы, и до входа оставалось уже совсем недалеко. И вот в каких-нибудь двухстах или трехстах метрах ветер совершенно спал и парус заполоскал. Наступила зловещая тишина. Михаил испугался и немедленно спустил парус. Не успел он его закрепить как следует, как налетел первый шквал. Казалось, что можно было видеть как со страшной быстротой двигался ветер по поверхности воды. Быстрота его движения подымала почти половину каждой волны на воздух. Бот бросало во все стороны и стало заливать. Не теряя ни минуты, Михаил стал откачивать воду своей парусиновой шлюпки. Отданный якорь не достал до дна, но дело было в том, что он сильно тормозил ход шлюпки и не позволял ей стать лагом к волне.

К счастью, вихрь спал также быстро, как и налетел. Откачав почти всю воду, Михаил стал подымать парус. Сначала он думал, что никогда не сможет справиться с мокрым, тяжелым парусом, но все обошлось, и мокрый парус был поднят на достаточную высоту. Бот снова пошел к порту, который был теперь от него очень далеко, — мили три. Но через два часа бот уже проходил мимо «Георгия Победоносца». Парус почти просох, полегчал, и удалось выбрать фал до места.

Когда бот подходил к трапу «Генерала

Алексеева», на корабле играли повестку.

— Ну что? — спросил старший офицер, — все благополучно?

— Так точно.

— А где вас застал ветер?

— Во внешнем порту, господин Старший лейтенант.

— Аварий нет?

— Никак нет.

— Ну идите.

После ужина Михаил рассказывал приятелю свою эпопею. «А все — таки старший офицер ничего не заметил. Паруса-то были мокрые, а ведь дождя не было...»

Гардемарин Н. Кулябко-Корецкий

Русские военные оркестры

Употребление музыкальных инструментов в русских войсках восходит к 14-му веку. В летописях его сказано: «И начала мнози гласы ратных труб трубити и варганы теут (звучат) и связи ревут невольчены». А в «Слове Игоре-ву»: «Они же князем славу рокогаху».

У некоторых русских князей, при знаменах, имелось до 140 труб и бубнов. При царе Алексее Михайловиче применялись литавры и наркры, известные теперь под названием «Бубны». Эти бубны доходили иногда до огромных размеров; везли их несколько лошадей и ударили по ним до 8-ми человек.

Военные реформы императора Петра положили начало оркестровым единицам. При полках российской армии инструменты стали множиться и к музыкантам стали предъявлять больше требований.

Первоначальные инструменты состояли из трех групп: 1) дудки и барабаны; 2) трубы и литавры и 3) гобои и фоготы. Постепенно к ним прибавлялись валторны, тромбсы и «турецкие инструменты»: барабаны, тарелки и треугольники. В царствование Анны Иоанновны оркестровое исполнение поднялось на большую высоту. Учителя музыки, главным образом итальянцы, высоко подняли технику исполнения.

Все выдающиеся военные полководцы: Петр I, Суворов, Кутузов, Багратион и др. придавали, участию музыки в сражениях большое значение. Суворов говорил: «Музыка в бою нужна и полезна, надобно чтобы она была самая громкая. С распушенными знаменами и громогласной музыкой я взял Измаил». Скобелев высоко ценил то значение, которое приобрела музыка в боях. Шли времена, менялись эпохи, характеры боев, но музыка сохранила свое значение и по сие время.

Первыми учителями, организовавшими военные оркестры, были иностранцы. Они и наложили определенный стиль на репертуар. Тем не менее талантливые русские музыканты, постепенно захватывали командные посты. Уже на конкурсе военных оркестров, в 1867 году в Париже, оркестр Кавалергардского полка занял

первое место. Известные деятели той эпохи дали целый ряд выдающихся военных дирижеров: Раль, Вурм, Главач, Владимиров и др.

Огромную роль сыграло открытие Рубинштейном Петербургской и Московской консерваторий и целой сети императорских музыкальных училищ в провинции. Добрым словом следует помянуть Н. А. Римского-Корсакова, больше чем десятилетняя деятельность которого в качестве главы всех военных оркестров русского флота, останется навсегда одной из славных страниц истории русской военной музыки. Он с присущей ему «достойностью» сам выучился игре на всех, почти, военных инструментах, включая и такие труднейшие, как кларнет. Николай Андреевич очень увлекался этой стороной своей деятельности, хотя в своих произведениях он нигде не дает самостоятельной роли военному оркестру.

Зато целый ряд русских композиторов отдали дань военным оркестрам. Алябьеву принадлежит первая русская симфония (1830 г.) для военного оркестра. У Глинки военный оркестр фигурирует в обеих его операх («Жизнь за Царя» и «Руслан»).

Приложили руку к этому виду творчества: Чайковский, Рубинштейн, Балакирев и Глазунов. Последним его произведением был концерт для группы саксофонов, великолепно исполненный в Париже музыкантами французской национальной гвардии.

Само название **хоров трубачей** происходило оттого, что по штатам кавалерийских полков оркестров не полагалось и создавали духовые оркестры из трубачей-сигналистов, приобретаая инструменты и оплачивая, неизбежных вольнонаемных музыкантов, из полковых хозяйственных сумм. Хоры трубачей, как правило, сводились из расчета трех трубачей на эскадрон, плюс трубачи штаба полка, что составляло 19-22 человека, со штаб-трубачом. Выделялись они из эскадрона в нештатную трубаческую команду, на серых лошадях, подчиненную полковому адъютанту.

Оркестры пехотных полков были многочис-

сленны и прекрасно составлены, да зачастую, в полках было и по несколько таких.

Вспоминается фамилия Ружек, капельмейстера л. гв. Конного полка, стяжавшего со своими трубами всероссийскую известность своими грамофонными пластинками.

В мое время был сборник (три тома) партитур 189 «Полковых и исторических маршей Российской армии», издание О. фон Фреймана. Приведенные в сборнике марши заимствованы из Германии. Под эту музыку удобно было маршировать. Не то были марши французские. Один из них, в 1912 году, был допущен в число 12 маршей, игравшихся во время церемониального марша в Высочайшем присутствии. Его играли впервые на параде 10 июля 1914 года, открыв им церемониальный марш в честь присутствовавшего президента французской республики Р. Пуанкаре. Но более неудобного и негритичного марша для маршировки я не встречал.

Большинство полковых маршей являются присвением офицеров тех же полков (семевцы, харьковские уланы, украинские и нежинские гусары). Многие марши приняты из опер: «Жизнь за Царя» (лейб-гв. Сводно-Казачий), «Руслан и Людмила», «Кармен», «Белая дама», «Норма» и др. Немало полков имеет марши на мелодии немецких опереток. Некоторые полки имеют один и тот же, по своему «родству» на основании их зарождения, при формировании из более старых полков. Напр., драгуны Военного ордена, одесские уланы и конная артиллерия, имеют немецкий марш Фридриха Великого, как награду, связанную с боевой историей этих частей.

Я уже здесь, в эмиграции, видел редкое издание (два тома) партитур — «Полковые марши полков Российской императорской армии», вплоть до марша 222-го Лебединского резервного батальона. Большинство произведений скудно по мелодии и убого по содержанию.

Были, конечно, исключения: не касаюсь марша Преображенского полка, который для нас является символом былой России и потому не подлежит критике. В большинстве полков, даже гвардии, выбор маршей носил какой-то, почти хаотический характер. Напр., полковым маршем л. гв. Казачьего полка был «Свадебный марш» Мендельсона, не имевший ни русского характера и ничего общего со всем стилем прекрасных напевов вольного Дона и его истории.

Как я сказал выше, были исключения. В некоторых полках капельмейстеры написали несколько прекрасных маршей. Итальянец Сабателли — восхитительный марш 20-го пех. Галицкого полка. Он вскоре был переведен на службу в Гвардию и был первым дирижером Инвалидных концертов. А также марш 3-го

уланского Смоленского императора Александра III полка написал, в 1858 году, капельмейстер того же полка Иван Ридель и посвятил его шефу полка наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, старшему брату императора Александра III, скончавшемуся в 1865 году в Ницце. В кавалерии этот полковий («Николай») марш имели только смоленские уланы. Но он был настолько красив, что его «присваивали» себе пехотные полки и другие воинские части.

В этом я лично убедился, когда приехал в 1905 году в отпуск домой в гор. Николаев, где мой отец был градначальником и начальником гарнизона. В один из царских дней там, после службы в Адмиралтейском соборе, состоялся церковный парад. Перед церемониальным маршем, при обходе фронта стцом, оркестры всех частей исполняли свой марш.

Слышу марш Флотского экипажа, затем 58-го пех. Прагского полка и вдруг, перед Казачьим, раздаются чудные звуки марша моего полка. Я даже ушам своим не поверил. Но я не ошибся, — это был действительно марш смоленских улан.

Как полковой адъютант, после церемониального марша, я отправился к капельмейстеру резервного батальона и спросил его:

— Почему вы играли марш Смоленского полка?

— Да потому, что он очень красивый, — был его ответ.

Конечно, на это я ничего ему возразить не мог. Да, к тому же, и не знал толком, имеет ли батальон на это право.

Старший капельмейстер Московского военного скрута Крейнбриг, имея под своим управлением прекрасный оркестр Александровского военного училища, в 1902 году, передал свое место известному капельмейстеру 1-го гусар. Сумского полка Августу Карловичу Маркварту. Трубачи этого полка вплоть до Великой войны выступали в положенных операх в Большом театре. Также в Петербурге, начиная с 1817 года, в оперных и балетных спектаклях всегда участвовали, от л. гв. Финляндского полка — оркестр музыки, когда по ходу действия, на сцене должны были быть «трубачи», а также солдаты-статисты.

Военные инструменты изготовлялись, главным образом, двумя большими фабриками: «Юлий Генрих Циммерман» в Петербурге и фабрикой Червенного в Киеве. Иногда инструменты покупались и за границей. Инструменты фабрики Червенного отличались точностью отделки и очень приятным «бархатным тенем». Но и Циммермана были также хороши. Считалось однако, что смешивать, в одном и том же оркестре, инструменты разных фабрик нехорошо.

шо. Какая-то, едва уловимая разница существовала.

Военные оркестры играли в жизни нашей родины огромную культурно-просветительную роль. Не было в России ни одного захолустного городишки, где стояли войска, чтобы военные оркестры их не играли в скверах, садах и бульварах. Не давали бы публичных концертов и не принимали бы участия в постановке опер. Капельмейстеры были разные, но в последние годы их квалификация поднялась на должную высоту и одновременно выросло качество и выбор исполняемых вещей.

Вспоминается майский парад. Как прекрасен в этот день был Санкт-Петербург, когда вместо осенних дождей и колючего рождественского мороза появлялось солнце и яркая зелень садов.

Перед церемониальным маршем напротив трибуны, собирались музыканты всех полков, образуя один грандиозный оркестр под дирижерством капельмейстера Оглоблина, писавшего ежегодно к этому дню, свой марш.

Это уже был не французский марш, а русский, под который маршировать было — одно удовольствие.

Судя по дошедшим до нас граммофонным записям, всенная музыка в Советском Союзе поставлена на должную высоту. Есть чисто «медные» оркестры, есть смешанные, где барабаны и тарелки не бьют так оглушительно по барабанным перепонкам уха, как это принято за границей.

Кн. П. Ишеев

Воспоминания об Александровском кадетском корпусе



Я провел в Александровском кадетском корпусе, переименованном в мое время в корпус Императора Александра 2-го, всего лишь 4 года, с 1901 по 1905 г., будучи затем переведенным в Пажеский Е.И.В. корпус, который и окончил в 1911 году.

Весной 1901 года мой отец отвез меня в корпус держать вступительные экзамены, которые были сравнительно нетрудные — диктовка, начало арифметики и несколько молитв. Я как сейчас помню небольшую группу скромных мальчиков, съехавшихся со всех концов России со своими родителями, в самых разнообразных курточках. Учебный год начинался лишь 5 августа, когда опять те же мальчики, за исключением провалившихся на вступительных экзаменах, опять съехались в корпус, чтобы начать свою новую жизнь на военный лад.

Александровский кадетский корпус в то время был самым молодым корпусом. Он был основан Императором Александром 2-м и находился в самом центре Петербурга, на Садовой улице, угол Итальянской. Он производил прекрасное впечатление своей чистой, большими залами, прекрасным лазаретом, о котором я уже писал на страницах «Военной Были», и очень хорошим учительским и воспитательским

персоналом. В мое время директором корпуса был генерал Захарий Андреевич Махшеев, брат редактора «Русского Инвалида», небольшого роста, прекрасно одетый очень вежливый со всеми, с умными и выразительными глазами. Впоследствии мои родители ближе познакомились с семьей Макшеевых на Кавказе и наша семья имела с ними совместную ложу в абонемент Маринского театра, получить которую было очень трудно. Инспектор классов — полковник Михневич — полный старик с большой бородой. Ротой командовал полк. Бибинов, которого за его высокий рост кадеты прозвали каланчей. Старик любил детей и по вечерам в ротном зале вел с ними беседы на самые разнообразные темы. Моим воспитателем был поручик Борис Николаевич Егорьев, довольно строгий и вспыльчивый, но очень входивший в детали воспитания каждого кадета, поступавшего в его класс.

Мои одноклассники были очень симпатичные мальчики, большинство из них были дети из военных семей, которые еще до поступления в корпус, у себя дома, были знакомы с некоторыми деталями военной жизни и теперь, будучи собранными в корпусе в новорожденную военную семью и познакомившись друг с другом, вели бесконечные беседы, делясь воспоминаниями детских лет, проведенных ими в самых различных городах России.

Учительский состав, как это было сказано выше, был подобран очень удачно. К сожалению, я не запомнил всех своих учителей, но некоторые остались в памяти и по сие время. Учителем арифметики был спокойный и вы-

держанный Михаил Васильевич Соболев, заочником — отец Николай Рудинский, который впоследствии, благодаря своему дару речи и величавой внешности, был переведен в Казанский собор. Он заставлял нас знать все богослужения наизусть, и в более старших классах мы по памяти писали всю обедню и всенощную. Помню учителя немецкого языка, строгого старика Лютера Карловича Ризенкамфа, который относился к своему предмету крайне педантично. Вызванный к доске ученик, слабо усвоивший спряжения и всякие приставки, предупреждался нервным немцем фразой: «Еще одна ошибка и — неудовлетворительный балл», следствием чего была суббота без отпуска. Учитель рисования Александр Иванович Русанов болезненно боялся, чтобы кто-нибудь из нас не сломал бы орнамента. Александр Александрович Пыльцев преподавал русский язык, и его уроки были очень интересны. Я помню, какое трогательное впечатление произвел на нас талантливо прочитанный рассказ Тургенева «Муму».

Учение начиналось в 8 часов утра и продолжалось с перерывами по 10 мин. до завтрака, затем с 2 до 4 снова уроки. Кадеты вставали в 6 часов утра. В 5 час. 45 мин. дежурный барабанщик или горнист играли «повестку», по которой в спальне кадет зажигался свет. В 6 час. те же музыканты с своими сигналами приглашали всех вставать. Дежурный офицер-воспитатель, ночевавший в спальне на диване (не раздеваясь), обходил все кровати и понуждал особо ленивых вставать, прибегая иногда к крайней мере — сбрасыванию со спящего кадета одеяла. В 6½ час. роты строились в ротном зале и дежурный кадет читал положенные молитвы, а затем дежурный офицер обходил строй и налагал взыскания за неряшливость и небрежность в одежде. После этого роты строем шли через т. н. проходной зал в столовую. К утреннему чаю полагалась ½ французской булочки или (2 раза в неделю) ½ вкусного калача, а также черный хлеб. Перед тем как идти в столовую, дежурный кадет (или вице-фельдфебель) командовал: «На столы рассчитайтесь!». По этой команде прапорщановый кадет поворачивал голову налево и кричал своему соседу: «Первый!», затем этот сосед таким же манером кричал: «Второй!» и т. д. до шестого, который прибавлял «стол». Это означало, что первый стол на 12 человек заполнен, (кадеты стояли в две шеренги). Такая же процедура шла и на второй и на последующие столы, доходя до самого левофанганового. Таким образом по приходе в столовую не было никакого беспорядка и все усаживались по своим столам, из расчета, что по обеим сторонам стола, на длинной скамейке помещалось по 5 кадет и по одному в начале и в конце стола. Кадет, шед-

ший в голове своего стола, проходя на свое место, старался стащить первым горбушку черного хлеба, которая исчезала тут же в кармане и съедалась, посыпанная солью, во время урока, побывав до этого в парте наряду с кусками сахара. Перед завтраком и обедом и после них кадеты хором пели положенные молитвы, для чего один из кадет рукой руководил стройностью хора. По окончании молитвы до трапезы дежурный офицер командовал: «Садись!» Окончание трапезы сопровождалось также барабанной дробью или звуками трубы горниста, по которой кадеты вставали со своих мест и по команде: «Шагм марш!» строем шли в свои роты.

После обеда давался час времени для приготовления уроков. То же самое имело место и утром, после чая, и в это время вызывались в ротную залу больные на прием к доктору. Легко больные получали тут же лекарства и в случае надобности освобождались от гимнастики или от прогулки. Более серьезных отправляли в лазарет, описание которого мною уже было помещено в №41 журнала «Военная Бель».

Два раза в неделю в гимнастическом зале под руководством капитана Копейщикова происходил урок гимнастики. Нас заставляли прыгать с высокой лестницы на мягкую подушку, постепенно увеличивая высоту, ходить по бревну, взбираться по скользкой наклонной горке, лазить по шестам и по канатам, и проч. Кроме этого как. Копейчиков устраивал общие игры, как, например «хромая коза», в которой все участники были вооружены жгутами, которыми и били эту несчастную козу.

Кроме того, нас обучали ручному труду, для чего было отведено специальное помещение, в котором мы стругали, пилили и выделывали всякие деревянные вещи. Нас также обучали танцам и пению, учителем которого был К.К. Вах. Раз в год в корпус устраивался концерт с духовым и со струнным оркестром и с хором, и я всепомню, как мы пели трогательную песню: «Был у Христа младенец сал...»

Два раза в неделю, по вторникам и по четвергам, от 6 до 7 час. вечера, были приемные часы. Для этого отводились портретный и гимнастический залы, где родственники ожидали, пока вызванный на прием кадет не спустится вниз, если он не был наказан «без приема». С офицер-воспитатель, а иногда и сам директор корпуса, обходил залы и знакомился с родственниками кадет. С приема не разрешалось уносить ничего съедобного, все приносимое полагалось съедать тут же, вперемежку с рассказами из кадетской жизни, но все же часть контрабандным образом уносилась в классы и делилась между теми, к кому никто не приходил.

По субботам и накануне праздников и царских дней кадет отпускали в отпуск до 8 час вech. воскресенья. За малолетними приезжали их мамы, которые старались зимою надеть на своих сыновей башлыки, калоши или теплый шарф, что, впрочем, не поощрялось начальством. Если температура падала до -5° , то разрешалось надевать наушники при температуре -10° и ниже полагалось надевать и наушники, и башлык, который обвизывал шею поверх поднятого воротника. В остальное время башлык своими концами продевался под погоны и спереди, в скрепленном виде, зажимался поясом. Перед уходом в отпуск, кадеты являлись дежурному воспитателю, который осматривал каждого уходящего и в случае исправности в одежде выдавал ему спусковой билет, который надлежало принести обратно подписанным, с проставленным часом ухода, лицом, к которому кадет шел в отпуск. На Рождество и на Пасху кадет отпускали на две недели. Этого времени, конечно, особенно ожидали иногородние, мечтавшие после 4-месячной разлуки, поскорее попасть в свой отчий дом и поделиться подробностями их новой жизни. К сожалению, в корпусе были круглые сироты, некоторых из них брали к себе на праздники свои-же одноклассники, конечно с согласия своих родителей и воспитателя. Оставшихся на время каникул кадет, кроме наказанных (были и таковые), корпусное начальство сводило в одну полуроту и старалось их как-то развлечь: их возили в театры, в цирк, давали улучшенную еду и на Рождество устраивали им елку с подарками. Остальное время они проводили в чтении и в играх. В мое время большим успехом пользовалась игра в облатки или в перышки. Она была совершенно невинного характера, но была очень заразительна, и в эти игры играли всуду и как только для этого оставалось свободное время, т. е. во время перемен и даже во время приготовления уроков, что было строжайше запрещено. Игра заключалась в том, чтобы путем известного нажима на облатку облаткой же или перышком заставить ее накрыть такую же, принадлежащую противнику, и таким образом сна делалась добычей выигравшего.

Весной происходили экзамены по всем предметам и кадеты, провалившиеся на них, т. е. получившие неудовлетворительный балл, получали переэкзаменовку и были принуждены готовиться к ним в течение всего лета, чтобы в августе, за несколько дней до начала учебного года, явиться в корпус держать эту переэкзаменовку. Кадет, провалившийся на ней, оставался в классе на второй год и считался старичком. Эти старички с важностью держались среди своих молодых одноклассников, к урокам относились крайне небрежно и, вместо того, чтобы идти в первом десятке по учению, плелись в конце

списка.

Каждую четверть года кадет получал особую карточку с проставленными баллами за четверть года и с оценкой своего воспитателя. Эту карточку надлежало также представить на подпись лицу, к которому кадет ходил в отпуск.

После экзаменов кадет отпускали на летние каникулы, во время которых кадеты были обязаны быть всегда одетыми строго по форме, не курить, не посещать частных театров и синама, придерживаться всех правил чинопочитания и вообще правил, указанных на увольнительном билете.

Александровский кадетский корпус оставил во мне самое хорошее воспоминание не только со стороны начальствующих лиц, но и со стороны моих одноклассников, среди которых самым большим проступком считалось фискальство, т. е. донес или жалоба начальству на своих же товарищей. Это фискальство одинаково порицалось как начальством, так и своими же кадетами. Провинившийся в этом подвергался особому наказанию: его ставили на так называемое «сугубое положение», которое выражалось в том, что в течение определенного срока с ним никто не разговаривал, не отвечал на его вопросы, и он чувствовал себя совершенно отчужденным.

Я не застал в корпусе эпохи телесных наказаний, но память о них еще была свежа в воспоминаниях старших кадет.

Но зато в памяти осталось другое, тяжелое воспоминание о наказании, носившем скорее моральный характер и налагавшемся за проступки, связанные с нарушением понятия о чести и долге. Эти проступки карались снятием пстон с провинившегося на определенный срок. За время, что кадет был без погон, он был на исключительном положении: когда рота шла в столовую, он шел один сзади всех, сидел за отдельным столом, ему не полагалось сладкого блюда и он, конечно, не пользовался отпусками.

Сама процедура снятия погон была суровая. Перед выстроенной ротой ротный командир вызывал провинившегося вперед, напоминал во всеуслышание его провинность и решение педагогического комитета и затем большими ножницами, а иногда и просто руками, грубо срывал с него погоны, и опозоренный кадет шел на левый фланг своей роты.

Среди других наказаний были: стояние «на штрафу» в ротном зале во время перемен и, в случае высылки учителем из класса, — карцер, но им пользовались в исключительных случаях.

Весь корпус делился на 3 роты, из коих первая (6 и 7 классы) считалась строевой. Остальные 2 роты вменяли в себя все классы до 5-го включительно. Каждая рота имела свои дор-

туфы. Над каждой кроватью, на металлическом шесте, на котором также привешивалась иконка — благословение из дому, стояла фамилия и имя кадета, а также его порядковый номер, начинающийся с правого фланга до левого. Этот номер стоял на его мундире и на бушлате (повседневная курточка). На каждые 2 кровати полагалась конторка, в которую кадеты складывали свои некоторые носильные вещи. Вечером дежурный офицер обходил всю спальню и наблюдал, чтобы белье было бы аккуратно сложено на тумбочке у ног.

Вспоминается шутка, которая практиковалась во всех корпусах и на которую попадались почти все новички. Шутка заключалась в том, что ее несчастной жертве делали т. н. мешок, в который он и попадал, когда вечером укладывался в постель и мечтал сладко заснуть. Устраивалось это следующим образом: одна из простынь, а именно верхняя подкладывалась одним концом под подушку, а другая, будучи сложена пополам, небинно вылезала из-под одеяла, и кровать имела совершенно нормальный вид. Но когда усталый новичок, раздевшись, нырял в кровать, он никак не мог протянуть ноги и, натягивая на себя простыню, еще более ухудшал свое положение. На следующее утро такой новичок не решался сознаться, что он провел ночь согнувшись и лишь спустя некоторое время эта шутка раскрывалась.

Во время большой перемены кадет вывodiли на большой плац, часть которого зимою отводилась под каток, вдоль которого желаяющиеся, а их было много, спускались с ледяной горы на салазках. Летом на том же плацу играли в лапту, « казаки-разбойники », в футбол и в проч. игры.

Во время плохой погоды и по вечерам игры происходили в ротном зале и носили другой характер: делали напр. « верблюда » — 3-4 кадета становились друг другу в затылок и клали руки на плечи впереди стоявших. На эти руки садились еще 2 или 3 кадета и на их руки вскарабкивался еще один. Вся эта группа пыталась под улюлюканье зрителей пройти по залу, но это почти никогда не удавалось. Игра « мала куча » была опасна — она заключалась в том, что кучку кадет валили на пол и на них наваливались еще нескольких и на них еще. Из более невинных помню, что стоило кому-нибудь крикнуть « Томашевский толкается! », как этого несчастного Томашевского кидали от одной собравшейся группы к другой, пока он, совершенно обалделый, не вырывался из неприятельского круга.

К сожалеению, во время моего пребывания в корпусе (4 года) Государь Император не посетил корпус, хотя к этому приезду усиленно готовились, — днем наши постели покрывались

новыми одеялами, на лестнице клали новый ковер и все начальство было какое-то ервное.

Зато Главный Начальник Военно-учебных заведений Великий Князь Константин Константинович посещал корпус раза 3-4 в год. Великий Князь появлялся в корпусе совершенно неожиданно, в форме Императорских стрелков, в свитской или в форме Л.Гв. Измайловского полка и своей высокой фигурой, изысканными манерами, слегка надушенный и прекрасно одетый производил на кадет большое впечатление. Обычно Великий Князь, сняв пальто в швейцарской, поднимался в роты и входил в первый попавшийся класс. Выслушав рапорт дежурного по классу кадета, Великий Князь садился за свободную парту и предлагал учителю продолжать урок. Сам же Великий Князь поднимал крышку парты и знакомился с ее содержанием. Особенно ему доставляло удовольствие найти горбушку хлеба, сахар или портрет какой-нибудь гимназистки. Ко всем кадетам Великий Князь был исключительно добр. Он любил детей, особенно маленьких. Нередко он брал из и сажал к себе на плечи самого маленького и еще надевал на него свою фуражку. Память у него, как у всех членов Императорской Фамилии, была изумительная и, обращаясь к какому-нибудь кадету он говорил: « Твоя фамилия на Т., скажи вторую букву... » и часто уже со второй буквы угадывал фамилию кадета. При нахождении брата какого-нибудь кадета, воспитывающегося в другом корпусе, Великий Князь передавал ему привет от этого брата. Посещения Великим Князем корпуса всегда оставляли самое отрадное впечатление, никаких разговоров ни нам, ни начальству не было. Не забывал он и больных, навещая их в лазарете. Покидая корпус, Великий Князь строго запрещал кадетам бежать за его экипажем, что, впрочем, несмотря на запрещение и корпусного начальства, почти никогда не исполнялось.

Я воспитывался, как и большинство кадет, на казенный счет. Все обмундирование, учебники, учение и лечение, все было даром. Своекостных, т. е. тех, кто воспитывался на свой счет, было очень мало.

Два раза в месяц кадет водили в баню, для чего было необходимо пройти ряд помещений и лестниц. Баня — это было, пожалуй, единственное место в корпусе, куда не заглядывал глаз воспитателей и, вероятно это было не без оснований, т. к. трудно себе представить, во что обращалась в бане группа юношей. только что соблюдавших дисциплину и порядок и стоявшая в строю. И если бы постороннему лицу удалось войти в баню, он мог бы подумать, что спал в какое-то преддверие ада: крики, шум, обливание друг друга холодной водой, вытаскивание у соседа деревянных шаек, перебарыва-

ние мочалками, — и все это в каком-то пару. И среди этих голых кадет топтались в холщевых передниках наши служителя, в обязанность которых входило не только омовение кадетских спин, но и призывание к порядку, что было не так легко. Особое оживление царило у водопроводных кранов, но все эти шалости и шутки происходили без всякой злобы, и подкладка ко всему этому была чисто мальчишеская.

В начале каждого учебного года нам выдавали целую кипу учебников, которые мы были обязаны вернуть в том виде, в котором мы их получили. Весной, при сдаче учебников бывали неприятные сюрпризы в виде счета за испорченные книги, предъявляемого помощником инспектора классов. Эти счета оплачивались родителями кадет и были источниками неприятных разговоров между ними и их небрежными наследниками.

Кадеты, как сказано выше, должны были всюду и всегда быть одетыми по форме. В здании корпуса они носили черные, длинные брюки и бушлат (подобие мундира, но без штыря). Стпусная форма — однобортный, черный мундир, воротник с золотым галуном, погоны белые с красным кантом и с вензелем «А 2», пояс лакированный с бляхой, на которой был изображен Императорский герб в сиянии. Строевая 1-я рота носила на пояс штык, и кадеты 1-й роты были этим очень горды. Фуражка у всех

была с красным околышем, черным верхом и белым кантом, кокарда солдатская. Кадет Александровского корпуса называлось почему-то «хабатами». Это название было дано фуражке, верх которой сзади, как и спереди, был иногда поднят. Летом носили парусиновые рубашки с поясом, в жару разрешалось одевать парусиновые брюки. Зимой — черная шинель с погонами, пояс на шинели. При дождливой и переменной погоде шинель надевалась в накидку и застегивалась лишь на одну верхнюю пуговицу, что очень затрудняло отдание чести.

Закваска, полученная мною в корпусе, осталась у меня на всю жизнь и, наблюдая современную молодежь и юношей, которые своим видом так далеки от выправленных кадет того времени, становится особенно грустно на душе оттого, что улетело навсегда все чистое, дисциплинированное, которое давал нам наш корпус и наши воспитатели. И да простят они нам все наши выходы и шалости, а мы будем беречь их заветы и сохранять о них вечную и добрую память.

С тех пор прошло более 70 лет, и за это время было столько переживаний, что, естественно, многое пережигое в те годы уже изгладилось из памяти, и я порою сам удивлялся, что мог вспомнить так много подробностей и деталей того времени.

В. Каменский

Ночь под Рождество

Наступил католический сочельник 1914 года. По имевшимся сведениям противник производил перегруппировку сил на полях Галиции, и наша дивизия, имея задачей уточнить эти сведения, выслала ряд офицерских разъездов. Одним из них довелось командовать мне, тогда офицере Оренбургского казачьего полка. В мою обязанность входила разведка расположения противника в направлении местечка Рима-нов, лежащего верстах в сорока на запад от расположения штаба дивизии.

Я выступил часов в 16 со взводом казаков в 26 всадников в указанном мне направлении. Впереди и по бокам двигаются дозоры. Первая попавшаяся по пути деревня свободна от противника, но по выходе из нее взвод был встречен беглым ружейным огнем с лежащей впереди высоты. Пришлось отвести его в только что оставленную деревню. Выждав там наступления темноты и оставив для наблюдения пост из двух казаков, я повел разведку в обход высоты, занятой противником. На линии, на которой лежала эта высота, я спешил взвод и с

одинадцатью казаками (прочих я оставил в коноводах) круто повернул и двинулся вдоль железнодорожного полотна к видневшейся впереди путевой будке.

Где согнувшись, где ползком мы приблизились к ней. Проходит какое-то время, мы ползем под шум ветерка и видим совсем близко будку и двух часовых перед нею. Миг, и часовые лежат на земле со скрученными руками. Сквозь неплотно прикрытую ставню пробивается свет. Я припадаю к щели. В будке — десятка три австрийцев, винтовки их прислонены к стене. Убаюканный моим отходом в деревню дремлет, облокотившись на стол, офицер. Я перехожу к двери. Рывок, она распахивается, и я влетаю в будку с револьвером в руке, а казаки за мной, с винтовками наперевес. Австрийцы вскакивают, офицер протирает сонные глаза, пытается сопротивляться и замертво валится на пол. Солдаты покорно оставляют будку и идут, куда им велют казаки.

Снятие заставы потребовало не больше пяти-шести минут времени. Доставляем пленных

в только что оставленную деревню, и взвод останавливается там на кормежку лошадей. Разместив пленных в одной из хат под надежным караулом, я захожу в соседнюю избу. Через некоторое время появляется старший из охраны и докладывает, что пленный фельдфебель просит ко мне о чем-то переговорить. Велю привести его. Порог избы переступает высокий, плечистый, с хорошей выправкой красавец и просит... отпустить его домой.

— Домой? — удивляюсь я.

— Так. До дому!

— Ты в своем уме?

— В своем, пане офицер, — лопочет он на галицком наречии. — Та воно ж и близьенько тут.

— Что «близенько тут?» — спрашиваю.

— Хата моя, а в ей и ридна маты, так стара, та добра. Отпустить, бо завтра ж Риздво.

— Риздво? Это, стало быть, Рождество?

— Так, так! Рождество!

Необычайная обстановка и такая же просьба заставляют меня на миг задуматься. Пленный падает на колени и продолжает просить.

— Да ты, брат, видно действительно рехнулся от всего пережитого, — говорю ему.

— Нияк не рехнуся, — отвечает он и смотрит на меня наполненными слезами добрыми серыми глазами, божится и клянется, что хата его совсем недалеко, тут рядом, и что к рассвету он вернется назад.

— Войдите в положение, — лопочет он. —

Хата моя рядом, маты-стара, я — пленный, пойду в Россию, а она помрет без меня. Отпустить! Клянусь Богом и Его святым Риздвом, вернусь досвиту. А як пан офицер захочет выйти в огород, так з видгиля и хату мою побачит.

Мы вышли. На дворе стоит морозная ночь, на небе висят крупные, ясные рождественские звезды, совсем такие же, как и у нас над Илецкой Защитою.

— Бачите оту купу? — говорит пленный, показывая на что-то темное, лежащее впереди, между нашим и австрийским расположением.

— «Бачу», — говорю.

— То моя хата и в ей ридна маты. Маты, яка думае обо мне и просит Бога, чтобы Он помог ей побачить хочь ще раз сына своего.

Пленный поворачивается в мою сторону, молитвенно складывает руки, падает на колени и снова молит отпустить его на несколько часов домой.

Что было мне делать? Просьба его вызывает на поверхность моей души воспоминание о моей собственной матери и о том, что мать эта, гдето в далеком Оренбургском крае, ежедневно, а может быть и ежечасно думает о нас, находящихся на фронте трех своих сыновьях, молится о них, ждет — не дожидается, когда сможет

вновь взглянуть на них, прижать к истосковавшемуся материнскому сердцу. В то время был я молод и, как это свойственно молодости, склонен был жить больше сердцем, нежели рас-судком.

— Ну так як же, пане офицер? — продолжает «подогревать» мое сердце пленный.

— Как тебя зовут? — спрашиваю его.

— Иосифсм, — отвечает он, ломая руки. — Так как звали и Обручника Пресвятой Девы Марии.

— Ступай! — велю ему. — Ступай, но знай, пан Иосиф, если обманешь, — подведешь меня. Да и Дева Мария прогневаться может за обман. Пленный козыряет, стучит каблуками и скрывается в ночной темноте.

Позднее, размышляя обо всем этом, я думал, что безопаснее было бы отпустить его на свидание с матерью в сопровождении конвоя. Но мысль эта явилась уже позже, когда решения переменить было уже нельзя.

Ночь была для меня на этот раз не отдыхом. До рассвета я не сомкнул глаз ни на минуту. Лежал на сене и думал, обманет меня пленный или не обманет? Когда я вспоминал его ясные, правдивые, наполненные слезами глаза и молитвенно сложенные руки, я думал, что не обманет, но когда на ум приходили статьи уставов, сердце начинало биться быстрее, учащенней.

Проворочавшись с боку на бок до рассвета, я встал. В оконную раму раздался стук. Я — к ней: через посветлевшее стекло виднеется знакомая физиономия пленного и за его спиной — фигура казака..

**
*

Прошел 1914 год, и близился к концу и 1915-й. Война стала принимать позиционные формы. Сопровождая как-то в качестве командира конвойной сотни командовавшего 3-им конным корпусом графа Келлера с позиций в штаб, я не выдержал и чистосердечно рассказал ему случай с пленным австрийским фельдфебелем. Рассказал и подумал: «Ну теперь жди, есаул, порядочного разгона», ибо граф умел это делать. Он, однако, ехал молча. Подъехали к штабу. Я выскочил из машины и открыл дверь в штаб. Граф Келлер вышел из машины, посмотрел на меня, протянул на прощанье руку, задержав ее на мгновение, и проговорил:

— А знаете что, Вдовкин?

— Что, Ваше сиятельство?

— Поступок ваш с пленным шел, разумеется, в разрез с уставом. Но, пожалуй, и я не выдержал был и поступил так же. Благодарю за признание!

Прошло еще несколько лет. Во время граж-

данской войны, в поисках железа дляковки лошадей мне привелось попасть в одно торговое село нашей Таврии. В нем было три церкви, около сорока тысяч жителей, много лавок. Село это лежало в стороне от железной дороги, и его как-то миновали передвратии революционного времени. Захожу в одну лавку, в другую. В третьей чувствую на себе чей-то пристальный взгляд и оборачиваюсь. Человек в гражданском платке сидит на прилавке и пристально смотрит на меня.

— Что смотрите? — спрашиваю я его.

Человек соскакивает с прилавка, приподнимает шляпу и говорит:

— Простите, вы — не ротмистр Вдовкин?

— Вдовкин, только не ротмистр, а есаул, — отвечаю ему.

— А пана Иосифа помните?

— « Пана Иосифа »?

— Пленного австрийского фельдфебеля, которого вы отпустили в ночь под Рождество попрощаться с матерью?

— Как же! — восклицаю я. — Сколько лет, сколько зим, пан Иосиф!

Пан Иосиф выпрашивает посетителя из магазина, запирает его и обращается к кому-то невидимому:

— Наташа!

С верхнего этажа спускается по лестнице, ведя за руку девочку лет четырех, молодая женщина.

— Моя жена, — представляет ее Иосиф, — и дочь, тоже Наташа, — продолжает он. — А это, — обращается он к ним, — тот господин офицер, который взял меня в плен.

Завязывается разговор и в нем выясняется, что по прибытии в качестве пленного в Россию Иосиф попадает сначала работником к одному зажиточному крестьянину, потом, как хорошо грамотный, оказывается бухгалтером у местного торговца и, в конце концов, мужем его дочери, а после смерти хозяина и владельцем лавки.

— А как же домой, к матери? — спрашиваю его.

— Мать померла, царство ей небесное, — отвечает он грустно, — хозяйства не было у нее, кроме хаты, никакого, ну и ехать мне туда оказалось незачем. А тут вот — милая жена, дочь! Ну а матерью станет мне Россия. Переболев она недугом своим и обласкает, как блудного сына. Блудного потому, что я ведь, по сути, русский, ополченный только, но русский... А вас, — продолжал он через минуту, — я вспоминаю добрым словом часто и в каждый сочельник молюсь, с женой и дочкой, за вас Богу.

Прожил я в этом милом семействе три дня, познакомился с ними всеми и особенно с маленькой Наташей, чей образ не изгладился из моей памяти и по сей день.

Н. Вдовкин

Боевая деятельность М. Ю. Лермонтова на Кавказе

27 февраля 1837 года Высочайшим Приказом корнет Лермонтов был переведен из лейб-гвардии Гусарского полка в Нижегородский драгунский, стоявший в Кахетии, в местечке Карагачи.

Сменив блестящий, расшитый золотом ментик на боевую куртку Нижегородского полка, Лермонтов, выехав из Петербурга вместе со своим приятелем и двоюродным дядей, однополчанином А.А. Столыпиным, командированным для принятия участия в очередной экспедиции. По пути он заехал в Пятигорск и провел там некоторое время.

Природа Кавказа, знакомая ему с детства, не потеряла и теперь над ним своего чарующего обаяния. « У меня здесь хорошее помещение », пишет он из Пятигорска, « каждое утро из своего окна смотрю я на всю цепь снежных гор и Эльбрус; вот и теперь, сидя за письмом к вам, я по временам кладу перо, чтобы взглянуть на этих великанов: они прекрасны и величественны... »

Рассчитывая попасть еще в осеннюю экспедицию, готовившуюся на берегу Черного моря, он выхлопотал себе прикомандирование к действующему отряду, но военных действий во все это время не было. Ожидали приезда Государя Николая Павловича, и экспедиции были на время приостановлены. Он воспользовался этим для своих поездок по краю. « С тех пор, как выехал из России », писал он одному из своих товарищей, « поверишь ли, я находился в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; извездил линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крики шакалов, ел чужек, пил кахетинское. Здесь, кроме войны, службы нету, я приехал в отряд слишком поздно и слышал только два-три выстрела, зато два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью, мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и черкес (мирный, разу-

меется) и чуть не попались шайке лезгин... Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе... Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посетил и везу с собой порядочную коллекцию» и т. д.

Между прочим, в музее Нижегородского пслка хранились несколько его рисунков. Они были отлично исполнены и представляли особую ценность, ибо были им подписаны.

Пребывание Лермонтова в Нижегородском полку совпало с Высочайшим смотром войск в Тифлисе, и есть некоторое основание думать, что царский смотр имел косвенное влияние на судьбу поэта. Государь нашел Нижегородский полк «в отличном виде», за что изъявил особое свое удовольствие командиру полка полковнику С.Д. Безобразову, наградив всех офицеров, а драгунам было выдано по 2 рубля серебром, по 2 фунта мяса и по 2 чарки водки. Смотр состоялся в Дидубе, под Тифлисом, 10 октября 1837 года, а 11-го уже состоялся приказ об обратном переводе Лермонтова в гвардию, сперва в Гродненский гусарский, а вскоре и обратно в лейб-Гусарский.

Но в гвардии он прослужил недолго и 18 февраля 1840 года, за дуэль с сыном французского посланника Барантом был снова переведен на Кавказ, но не в драгуны, а в Тенгинский пехотный полк, расположенный на Черноморье. С ним опять поехал А.А. Столыпин, бывший у него секундантом. Будучи в отставке, он был вновь назначен на службу, по воле Государя, капитаном в Нижегородский драгунский полк.

10 июня 1840 года Лермонтов приехал в Ставрополь, главную квартиру командующего войсками Кавказской линии. Здесь он встретился со многими петербургскими знакомыми, преимущественно гвардейскими офицерами, приехавшими сюда для участия в военных действиях и в ожидании последних весело проводившими время. Лермонтов сейчас же окупился в эту жизнь и участвовал в ежедневных шумных обедах и ужинах, устраиваемых в роскошной по тому времени гостинице Наитаки. Сбирщица обыкновенно переходили в кутеж, после которого расходились с музыкой.

Лермонтову предстояло ехать на Черноморскую береговую линию, где стоял его Тенгинский полк, но перспектива попасть в гарнизон одного из укреплений не убавилась пылкому молодому человеку, жаждавшему испытать новые боевые впечатления. Поэтому он постарался выхлопотать себе командировку на левый фланг, где готовилась экспедиция против горцев. Действительно, в июле месяце, в крепости Грозной был сформирован отряд генерала Галафеева в составе 2 батальонов Ширванского пехотного, 3 батальонов Куринского и 1 батальона Мингрельского егерских полков, 14 ору-

дий и 1.500 казаков. Вот к этому-то Чеченскому отряду и был прикомандирован поручик Лермонтов, в числе нескольких других гвардейских офицеров.

6 июля войска выступили из Грозной, а уже 11-го произошел кровавый бой на берегу реки Валерик, так бесподобно описанный самим Лермонтовым. Донося об этом бое, генерал Галафеев писал: «Успеху сего дела я обязан порядительности и мужеству полковых командиров, офицеров Генеральнго штаба, а также Тенгинского пехотного полка поручику Лермонтову. Офицер сей имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны, это было сопряжено для него с величайшими опасностями от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами, но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством, хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельский завал». За это дело Лермонтов был представлен генералом Галафеевым к ордену святого Владимира 4-й степени с бантом, но корпусный командир заменил награду святым Станиславом 3-й степени, ввиду того, что «поручик ордена не имеет».

Осенью того же года Лермонтов был вторично в экспедиции и во все время похода состоял в прикомандировании к кавалерии действующего отряда и 10 октября, когда выбыл раненным из строя Малороссийского казачьего № 1 полка известный своей храбростью юнкер Рудим Дрохов (три раза уже разжалованный в рядовые за «шалости»), Лермонтов принял от него начальство над охотниками, выбранными в числе сорока человек из всей кавалерии. Эта команда головорезов, именовавшаяся «лермонтовским отрядом», рыскала впереди главной колонны войск, открывала присутствие неприятеля и, действуя исключительно холодным оружием, не давала никому пощады.

Лихо залюбив белую холщевую шапку, в всегда растегнутом и без погон сюртуке, изпод которого выглядывала красная канусовая рубашка, Лермонтов на белом коне не раз бросался в атаку на завалы. Минуты отдыха он проводил среди своих головорезов, ел с ними из одного котла, отвергал излишнюю роскошь, служа лучшим примером воздержания для своих подчиненных.

Начальник отряда был весьма доволен действиями партизанской команды и вот в каких выражениях доносил начальству о неудержимой удали поэта: «Он обратил на себя особое внимание мое, поручив его начальство команде из охотников состоящую. Невозможно было сделать выбора удачнее, всегда поручик Лермонтов первым подвергался выстрелам и, во главе строя, оказывал самоотвержение выше

всякой похвалы» и т. д. и в награду спрашивал ему перевод в гвардию тем же чином и старшинством.

В конце октября Лермонтов опять был в экспедиции и, как и прежде, с отрядом своего имени проявлял чудеса храбрости, за что и был представлен к награждению Золотым оружием с надписью «за храбрость».

По окончании военных действий в этом году Лермонтов провел некоторое время в Пятигорске, откуда отправился к месту своей службы, в станицу Ивановскую, и по прибытии в полк, в конце декабря был зачислен в 12-ю мушкетерскую роту. В полку он пробыл недолго и, по словам майора Тенгинского полка Белевича, произвел на сослуживцев неприятное впечатление своей холодностью, желчностью и раздражительностью. Слишком много говорил он о своей храбрости, хотя на Кавказе этим нельзя было удивить и, в общем, и тут в полку он не приобрел друзей.

Побывав в двухмесячном отпуску, он в мае 1841 года был в Ставрополе и, по его просьбе, был снова прикомандирован к штабу войск левого фланга, но в отряд не попал, заболев по дороге лихорадкой, и по совету докторов и с разрешения коменданта остался в Пятигорске на все лето 1841 года. Тут он весело проводил

время в обществе гвардейцев, принимал участие в постоянных пикниках, кавалькадах и прогулках в горы верхом. Тут в доме генерала Визилина, Атамана Кавказского Линейного Войска произошла роковая его ссора с майором Мартыновым. 15 июля была их дуэль, на которой Лермонтов был убит наповал.

18 июля состоялись его похороны, и случайно на водах сказались представители всех полков, в которых Лермонтов, волею или неволею, служил в продолжение своей короткой жизни. На погребение, почтить память товарища явились: лейб-гусар Тиран, от нижегородцев сам командир полка полковник С.Д. Безобразов, проводивший лето на водах и своим влиянием много способствовавший тому, чтобы погребение было совершено по христианскому обряду, гродненский гусар А. Ариольди, от тенгинцев был прапорщик Лорер (декабрист); «На плечах наших, — говорит Лорер, — вынесли мы гроб из дома и донесли до уединенной могилы кладбища, на покатоости Машука, куда опустили прах поэта в мундире Тенгинского полка».

Вот какова была краткая боевая деятельность Михаила Юрьевича Лермонтова в рядах славных Кавказских войск.

князь Н.С. Трубецкой

Памяти генерала Андоленко

Сергей Павлович Андоленко закончил свой жизненный путь...

Мальчиком выехав из России, он начал и закончил во Франции свое военное образование, честно служил приютившей его стране, достиг чина бригадного генерала, доблестно откомандовав полком Иностранного Легиона.

Была и другая сторона его жизни, сторона нам ценная, дорогая — он не забывал своей Родины, постоянно изучал историю Российской армии, писал и издавал о ней книги на русском и французском языках. Здесь, во Франции, он был постоянным представителем и защитником чести нашей армии при всех случаях, когда она бывала затронута. С его уходом из жизни

нанесен тяжелый удар всему русскому военно-истерическому делу за рубежом. Бывают потери незаменимые, и вот перед могилой Сергея Павловича мы стоим перед одной из таковых.

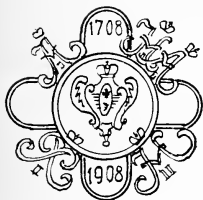
«ВОЕННАЯ БЫЛЬ» потеряла в его лице ценнейшего сотрудника и друга. Десятки его статей украсили страницы нашего журнала и просто не верится, что ушел сравнительно еще молодой, столь полезный и нужный в нашем деле человек.

Имя его уже внесено на страницы русской военной истории.

Мир его праху...

Алексей Геринг

13-й пехотный Белозерский Генерал-фельдмаршала князя Волконского полк в гражданскую войну



надписью «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года».

Старый полк возродился в гражданскую войну, во время боев за Донецкий бассейн. Как и другие формирования Добровольческой Армии, полк вырос из небольшой группы офицеров полка и, постепенно впитывая в себя офицеров-однополчан и однодивизионков (4-й пехотной дивизии) Олонецкого, Шлиссельбургского и Ладожского полков и усиливаясь пополнением из добровольцев, мобилизованных и пленных, разворачивался в роту, батальон и полк, входя в состав 3-й пехотной дивизии, начальником которой был генерал-майор Витковский (кадровый офицер лейб-гвардии Кексгольмского полка), содействовавший организации и укреплению полка. Затрудняла формирование вопиющая нужда в вооружении, снаряжении и обмундировании, что было общим явлением для всей Добровольческой Армии. В то время все добывалось у врага ценой крови.

В январе-феврале 1919 года полк насчитывал 62 штыка.

Первым командиром полка был полковник Радченко, молодой, энергичный кадровый офицер Белозерского полка, служивший в полку еще в мирное время и всю великую войну. В Харькове полковник Радченко сдал полк новому командиру полковнику Генерального штаба Борису Александровичу Штейфону (кадровый офицер 124-го пехотного Воронежского полка), который был до этого начальником штаба 3-й пехотной дивизии и сдал свою должность полковнику Генерального штаба Федору Эмильевичу Бредову.

В Харькове полк пополнился офицерами и добровольцами и в его составе было уже около 100 офицеров. В полку было два батальона, в

ротах по 70-80 штыков. Третий батальон был сформирован в Харькове из учащейся молодежи освобожденного города. Создавались кадры Олонецкого и Ладожского полков.

Едва окрепнув и сформировавшись, полк в составе 3-й пехотной дивизии был двинут на фронт в составе 800 штыков при 15 пулеметах. В начале июля 1919 г. полк принял участие в боях, заканчивая одновременно свое формирование на походе и в боях (как и большинство частей Добровольческой Армии). Полк участвовал в тяжелых оборонительных боях в районе Грайворона, в 40 верстах от Харькова.

Совместно с Дроздовской батареей и приданным ему дивизионом Иркутских гусар полк наступал на север. Упорные бои происходили за обладание железной дорогой Белгород-Сумы. В это время полк сформировал свой собственный запасный батальон, который комплектовался мобилизованными и главным образом пленными красноармейцами. Таким образом каждый батальон полка имел свою запасную роту, которая пополняла его проверенными и обученными солдатами.

По овладении линией Белгород-Сумы полк продолжал наступление к северу и, форсировав реку Псел, занял г. Суджу.

На ст. Готья полку был придан сводный батальон 31-й пехотной дивизии, сформированный в Харькове. Там же действовал Олонский пехотный полк, едва достигавший численности в 250 штыков.

После тяжелых боев у Мирополья полк принял участие в наступлении на Курскском направлении, на участке Коренево-Льгов, где ему было приказано прикрыть Льгов со стороны Брянска.

В штабе 1-го армейского корпуса на ст. Льгов генерал Кутепов сообщил полковнику Штейфону, что полк входит отныне вместе с Олонским полком во вновь создаваемую 4-ю пехотную дивизию и таким образом выходит из состава Дроздовской дивизии. К этому времени, в результате тяжких потерь, полк насчитывал всего 215 штыков.

4-я пехотная дивизия, временным начальником которой был назначен полковник Штейфон, направлялась в состав Полтавского отряда генерал-лейтенанта Ф.Э. Бредова, входившего в состав войск Киевской области, командующим которыми был генерал от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров.

Полковник Штейфон произвел частную мо-

биллизацию в прифронтовой полсе, что дало полку около 2.000 солдат.

Белозерский полк прославился штурмом Чернигова, в котором было захвачено несколько тысяч пленных, много пулеметов и другой военной добычи. В районе Яновки было захвачено 16 орудий. Особенно отличились 9-я и 10-я роты, все солдаты которых были награждены Георгиевскими медалями. Командир 3-го батальона полковник Гаус получил благодарность от генерала Бредова. Тяжело раненный командир 10-й роты поручик Радченко был произведен в следующий чин.

Славный штурм Чернигова был последним победным делом полка. По всему фронту Вооруженных Сил Юга России наступили неудачи.

Сдав 4-ю пехотную дивизию генералу Шевченко, полковник Штейфон сдал затем и 13-й

пехотный Белозерский полк, будучи назначен начальником штаба генерала Бредова. Полк отступал на Одессу, а затем в составе отряда генерала Бредова, на север, вдоль реки Днестр, до соприкосновения с польскими войсками. В Польше отряд был интернирован, и полк до августа 1920 г. пребывал в лагерях. Затем остатки полка вместе с другими частями отряда были переброшены через Румынию в Крым.

Чтобы представить себе жертвенный путь полка, следует вспомнить, что с момента выхода из Харькова и до начала Бредовского похода через его ряды прошло около 10 тысяч офицеров и солдат. Не столько боевые потери, сколько тиф косил ряды полка... Тиф был тогда союзником красных и жестоким врагом белых.

И. Горяйнов

Воспоминания об Александровском военном училище

Первый ускерненный выпуск 1 декабря 1914 г.



15 28 июня в Сараеве был убит Наследник престола Австро-Венгрии Эрцгерцог Франц-Фердинанд с супругой, и это событие всколыхнуло всю Европу. Мы, мальчишки, я и мой закадычный друг Менька Радчул, так же как и

взрослые с нетерпением ждали свежие газеты и прислушивались к разговорам старших. Все наши симпатии были на стороне убийцы, студента Гаврилы Принципа. Каждый день приносил новые слухи и новые волнения, и все были уверены, что Россия вступится и не даст в обиду братьев-славян.

В воздухе пахло неизбежной войной, и мы, только что сдавшие выпускные экзамены и окончившие Оренбургский-Неплюевский кадетский корпус, боялись, что не успеваем принять

в ней участие, так как по разговорам старших считалось, что если война начнется, то будет «скоротечной», не более трех-четырех месяцев. Всех очень занимало, какую позицию займет Англия? С Францией был союз, только что закрепленный визитом Президента Рузвельта. Участие в войне Англии на нашей стороне, естественно, расценивалось как крупный козырь, уравновешивающий силы сторон. Однако Англия не торопилась вывить свои намерения.

12 июля пришло известие о зачислении меня в Александровское военное училище, что меня очень огорчило, так как я просился в Константиновское артиллерийское, в Петербурге, но, увы, не хватило нескольких десятых в среднем балле по математике, который выводился как среднее арифметическое из суммы отметок по арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, анализа бесконечно малых и физики.

В тот же день, досрочно, были произведены

в офицеры юнкера и пришли в город из Тощких лагерей полки Оренбургского гарнизона — 191 Ларго-Кагульский и 192 Рымникский. Они лихо прошли по улицам от вокзала до своих казарм с пением «Варяга», сопровождаемые толпою народа. Наступил конец обычному течению жизни, все пришло в движение, и события развертывались с головокружительной быстротой. Неизвестное будущее волновало и страшило.

20 июля была объявлена война. 21-го мы с Мунькой, как и обычно, отправились рыбачить на реку Сакмару и забрались далеко на другой берег. Вдруг видим, что по другому берегу реки идет солдат нестройной команды корпуса, кричит нам что-то и размахивает бумажкой. Окажется, это была мобилизационная телеграмма, вызывавшая нас к 1 августа в военное училище. Кроме меня, в Александровское училище были назначены Рацул, Недельский и Громаковский.

24 июля наша семья (я и тетка) переехали из лагерей на горе Маяк в городскую квартиру. В оставшиеся до отъезда дни мы ходили в город, гуляли на бульваре реки Урал. Улицы кишели, как муравейник, — везде масса всенных, офицеров «качают», кинематографы и городской театр заняты формирующимися второочередными полками. Издан «сухой» закон, запрещающий торговлю спиртными напитками на все время войны. Однако любители выпить сейчас же пустили в ход разные суррогаты, как «киндербальзам», политуру, денатурат и тому подобное, что незамедлительно вызвало появление сатирических открыток, получивших впоследствии название «пьяной серии».

28 июля мы уезжали. Руководил нашей отправкой наш ротный командир полковник Рацул. Кроме нас четверых, назначенных в Александровское училище, ехали: в Павловское училище — Жакмон, в Николаевское кавалерийское — Каймашинов (уральский казак) и уфимский князь Кудашев — в Михайловское артиллерийское училище.

Надо сказать, что с началом войны развернулась кампания по замене всех немецких названий на русские и, в частности, на страницах оренбургских газет шел спор, как переименовать Оренбург: одни предлагали назвать город «Ухоградом», переведа с немецкого и «орен» и «бург»; другое доказывали, что название города происходит от реки Орь, что и соответствовало действительности. Было предложение назвать город «Гесргиевском». Вся эта полемика окончилась ничем, и город сохранил свое название.

Вернусь к отъезду. Провожать нас пришли и все бывшие в лагере кадеты, а их бывало обычно не более десятка, преимущественно из

числа круглых сирот, которым некуда было ехать на каникулы. Мы гуляли по перрону вокзала и в последний раз, как мы тогда говорили, «неплювец густо пошел», «гуднули». Третий звонок, садимся в вагоны, прощаемся, поезд трогается, оставшиеся бегут за поездом и кричат «ура». Все мы взволнованы разлукой с товарищами, с которыми пережили много и веселых и печальных минут, и долго стоим у окон и на площадке. Оренбург скрылся из вида, и мы пошли устриваться в вагоне. Нам была отведена треть вагона третьего класса, остальную часть занимали жандармы, командиремые в Москву «на усиление», а также и кадеты других корпусов, ехавшие в военные училища. Среди них были кадеты Симбирского корпуса и из Ташкентского корпуса Николай Цветков, назначенный в Александровское училище. С Цветковым я потом не раз встречался на дорогах войны. Ехали весело. Перед отъездом отец повел меня в магазин и купил мне медный чайник и эмалированную кружку, прослужившие мне всю мою военную службу и побывавшие со мною на фронтах большой и гражданской войн, на басмачском фронте и в мирное время, вплоть до 1935 года. Кружка моя была емкостью в два стакана и вызывала веселое возмущение товарищей, так как бывало, что кому-нибудь из-за нее не хватало кипятка для чая. Было решено пить чай из моей «бады» по очереди. В Самаре в наш вагон посадили каких-то девиц, с которыми мы быстро перезнакомились, но за ними следили какие-то типы, которые после Сызрани предложили нам оставить барышню, так как это немки, немецкие шпионки, а шпиономанией были тогда заражены все. Сначала мы запротестовали, но «типы» сказали, что дадут в Рязань телеграмму о нашем задержании. Пришлось расстаться с барышнями.

31 июля мы приехали в Москву и распрощались с ехавшими в Петербург. Нанимаем извозчика. Тот кружит и везет нас через Кремль; тут впервые мы увидели и Царь-пушку и Царь-колокол и Ивана Великого. Заходим в училище. Дежурный унтер-офицер говорит нам, что училище в лагерях на Ходынке, во Всевятской роше, куда нам и нужно явиться. Садимся опять на извозчика и отправляемся. В черту лагеря извозчик нас не повез (видимо, знал военные правила), а остановился на дороге, рядом. Случайно здесь прогуливались юнкера, наши бывшие кадеты, Черторогов и Фирсов. Они сейчас же позвали моего старшего брата Колю, юнкера 1-й роты. Эта встреча имела свои последствия, так как мы не блистали военной выправкой, и наши старшие товарищи нас несколько «подрепертили», как нужно рапортовать дежурному по училищу офицеру о

прибытии. Подходя с рапортом, нужно было «печатать шаг» и правильно, по уставу, взять под козырек. В корпусе нас так не обрабатывали, и Муньке Рацулу, наиболее из нас неповаговотливому, пришлось рапортовать три раза, пока дежурный офицер не признал его рапорта терпимым. Мой рапорт был принят с первого раза, но я все же получил замечание, что хотя я и унтер-офицер, а чести отдавать как следует не умею. Все это происходило утром. Кроме нас прибыло еще человек до 30 кадет из разных корпусов, почему нас скоро построили на плацу для разбивки по ротам. Училище представляло собой батальон пятиротного состава и, как во всех военных училищах, срок обучения в мирное время был двухгодичный. Юнкерские училища имели трехгодичный срок обучения за счет первого, общеобразовательного курса, а в военные училища принимались лица с законченным средним образованием. Разбивка происходила так: самые высшие отбирались в 1-ю роту, «роту Его Величества», — шефем роты был Император Николай 2-й, и на погонах носился накладной вензель Царя. В эту роту попали Рацул и Цветков, бывшие высокого роста. Я с Недельским попал в 5-ю роту, а Громаковский, как самый маленький, в 4-ю. 2-я и 3-я роты комплектовались в порядке убывания роста, а 5-я, как сверхштатная (в армии батальоны были четырехротные), людьми разного роста. Как мы потом узнали, каждая рота имела свое прозвище: первая — ишаки, — за большой рост, пятая — петухи-шантеклеры, по созвучию: пять-петух. Другие роты имели совершенно нецензурные прозвища.

После разбивки нас повели в «каптерку», где мы сдали кадетскую форму и получили училищную, солдатскую, от которой нас немного покорило, так как в корпусах кадеты привыкли носить новое обмундирование, сшитое по мерке, а тут мы получили ношеное и стираное: защитную летнюю гимнастерку и черные суконные брюки-шаровары с напуском, по форме того времени. Мне трудно было подобрать сапги (тоже ношенные и чиненые) по ноге из-за малого размера ног. Правда, сапоги по фасону были немного лучше настоящих солдатских.

В роте, по росту, я попал в 3-й взвод. Взводным командиром был старший портупей-юнкер Модестов, сн же был «нянькой» младшего курса, то есть наблюдающим и обязанным вводить нас в курс жизни училища. Командиром роты были капитан Магеровский, с которым за время обучения сталкиваться непосредственно приходилось очень редко. Нашим курсовым офицером был штабс-капитан Красовский, отличный строевик и весьма требовательный учитель. Курсовым офицером старшего курса

был штабс-капитан Червяковский, светский человек и интеллигент, соответственно этому всегда и державшийся. Хотя для будущих офицеров Червяковский мог служить примером, — прозвище у него было самое неприличное и обидное. Начальником училища был генерал-лейтенант Геништа, инспектором классов — генерал-майор Зелитинкевич, прозванный юнкерами «зелитинпуп». Училищный священник, фамилию которого я забыл, имел прозвище «каракат» за свой малый рост и подобие каракатице. Каждая рота размещалась в бараке, где каждый юнкер имел кровать с постельными принадлежностями и при кровати тумбочку на двоих. В бараках всех рот, кроме нашей, полы были деревянные, у нас же был глинобитный. Пол этот приносил нам всем много неприятного: пыль оседала на всем — наволочки были желты, винтовки, стоявшие в пирамидах вдоль стен, покрывались пылью и требовали постоянного протирания, начиненные с вечера сапоги за ночь становились серыми.

Рота строилась по росту и в таком же порядке, в два ряда, стояли кровати. Требовалось идеальное равнение спинки кровати и искусная их заправка. Подушки так же «равнялись», как и спинки кровати. На стенах были вешалки для шинелей, по одной на взвод. Обучение производилось по курсам, старший курс занимался отдельно, по своей программе, младший отдельно, и по своей. В связи с войной срок обучения были сокращен до 4 месяцев за счет исключения всех гуманитарных предметов и удлинения рабочего дня. В открытом бараке-павильоне была общая столовая, в которую ходили строем, по-ротно, в порядке номеров рот, причем очень скоро после строевых занятий, и тут дежурный офицер пропускал роты мимо себя, и беда была тому юнкеру, который не успел почистить после занятий сапоги. В лучшем случае таковой получал замечание, о котором был обязан доложить своему взводному, а иногда, в зависимости от дежурного офицера и его настроения, наряд без очереди или «без отпуска». Надо отметить, что кормили довольно вкусно, но после строевых занятий большинство досыта не наедалось. Обычно рота, от которой был дежурный по кухне, получала добавки, чаще — первое блюдо и немного третьего.

Умывальники (на открытом воздухе) были на четыре первые роты, как и уборная, имевшая четыре отделения, поэтому наша, пятая рота пользовалась умывальником и уборной «на свободные места». Для чистки сапог в аллее были врыты в землю четыре длинные скамьи, на которых лежали щетки и стояли огромные сковороды с разведенной ваксой. В 6 часов утра раздавался сигнал барабана или горниста, — «подъем», и тут нужно было моментально

одеться, так как обычно к дверям барака вместе с дежурным барабанщиком или горничным подходил дежурный офицер или его помощник и, едва кончался сигнал, он входил в барак. Дежурный по роте, уже заранее вставший у дверей внутри барака, кричал: «Встать, смирно!» и рапортовал дежурному офицеру. В этот момент нужно было успеть надеть хотя бы брюки, иначе можно было заработать «без отпуска» или наряд, а то и «под ружье». Юнкера младшего курса назывались «фараонами», и существовала насмешливая песенка, на мотив солдатской песни «Соловей, соловей, пташечка», высмеивавшая юнкеров, путающих названия частей винтовки: «Если юнкер по ошибке назовет затвор замком, — каждый скажет без ошибки: «Этот юнкер — фараон». Если юнкер по ошибке примет гильзу за патрон, всякий скажет без ошибки: «Этот юнкер — фараон» и т. д.

В нашем училище не было «цука», процветавшего в самых тяжелых формах в кавалерийских училищах, и взаимоотношения с юнкерами старшего курса были хорошие, тем более, что почти в каждом взводе были старшекурсники из одних корпусов с юнкерами младшего курса, обычно покровительствовавшие своим однокашникам. В нашей роте Неплещев в старшем курсе не было, а были из 2-го Оренбургского, наш взводный, старший портупей-юнкер Модестов и юнкер Лысов, и оба они ко мне благоволили, как к земляку-Оренбуржцу. Надо сказать, что устав внутренней службы давал большие права как портупей-юнкерам, взводным и отделенным командирам, так и старшекурсникам, и злая воля могла причинять большие неприятности младшекурсникам, да и рядовым юнкерам старшего курса.

Два раза в неделю, по вечерам, на площадке посередине лагеря играл оркестр училища и играл хорошо, так как среди музыкантов были окончившие консерваторию, отбывавшие воинскую повинность. Особенно мы любили наблюдать виртуозную игру на большом барабане. Репертуар заранее объявлялся раздачей небольших программ, напечатанных на гектографе, но иногда принимались и заказы слушателей. Иногда по вечерам музыканты из юнкеров брали инструменты, обычно-корнет, кларнет и большой барабан, и кавказцы, которых было не мало, показывали свое искусство, танцуя лезгинку. Лучшим танцором был Самойлов. Отец его отличился в русско-японскую войну, и Самойлов привез с собою отцовскую шашку, которую он берег, как зеницу ока, как святыню и память об отце. Хорошо танцевал и юнкер нашей роты старшего курса князь Чичуа. Князья-кавказцы были в каждой роте, но все это были «князья» в кавычках, так как все из давно обедневших родов, все состоя-

ние которых заключалось в княжеском титуле. Почти все юнкера были из бедных дворянских родов, источником существования которых была военная служба отцов.

В начале августа ожидался приезд в Москву Государя, и все внимание начальства было обращено на подготовку к царскому смотру и параду. Из юнкеров, окончивших гражданские учебные заведения и не имеющих поэтому военной подготовки, была сформирована сводная шестая рота, без винтовок, так как за несколько дней этих штатских, «шпаков», как их презрительно называли, нужно было научить многому, начиная от одиночного обучения, до церемониального марша во взводной колонне. Все юнкера из кадет обучались вместе со старшекурсниками, хотя их подготовка была далеко не на высоте. После подъема и завтрака, с 7 часов утра, начиналась наша военная «страда», в полной мере отражавшая службу солдата, когда небо казалось с обинку и в голову приходили слова песни о старом капрале: «Вот она, — служба солдата!»

Обучение производилось с необыкновенной требовательностью, буквально каждого обрабатывали индивидуально. С непривычки было очень тяжело, но все к обучению относились с большим рвением. Строевая подготовка давалась мне легко и скоро я уже выделялся своей подготовкой. Меня подхлестывало то, что, окончив корпус вице-унтер-офицером, мне никак не к лицу было отставать. Утро начиналось с одиночного обучения с винтовкой, — стойка, повороты, шаг и ружейные приемы, потом — шеренжное обучение: равнение, перестроения, шаг и ружейные приемы, которые отработывались без конца, до достижения одновременно, отрывистости и быстроты. Из-за отставания некоторых нам приходилось повторять приемы раз по десять подряд. После обеда производилось ротное учение и к вечеру — батальонное. Без конца отработывалась идеальное равнение, прохождение церемониальным маршем в колонне по-отделениям и по-взводно, ответы на приветствия на месте и на марше. Затем все роты сводились в батальон и все повторялось под духовой оркестр. Так продолжалось ежедневно до приезда Государя. Надо сказать, что цель была достигнута и мы, младшекурсники, уже не отличались от юнкеров старшего курса.

Требовалось и искусно скатать шинель в скатку (занимались в скатках), что делалось ежедневно по утрам, до занятий. После занятий скатка раскатывалась, так как вечера были уже прохладные и приходилось пользоваться шинелью. Вещевые мешки были довоенного образца, — сумка из серой парусины, носившаяся на левом боку на широкой лямке через правое плечо. Эта вещевая сумка носилась

символически, ибо она всегда была пустой. Однако она имела большое значение при сбучении рассыпному строю, — при перебежках требовалось стремительно падать на землю, не обращая внимания на состояние почвы (трава ли, сырой посев, грязь и т. д.), поэтому, чтобы не пачкаться, все лопачились падать на левое бедро, на вещевую сумку, ссхраняя брюки в чистоте. У каждого был один кожаный подсумок с обоймой учебных патронов. Из носимого шанцевого инструмента все предпочитали иметь лопатку, носимую с левой стороны, в кожаном чехле. Однако на взвод полагалось иметь топоры и кирко-мотыги, цеплявшиеся концами за все и очень мешавшиеся быстроте и ловкости действий. Топоры были более удобны, но все же получились как-то само собой, что топоры и кирко-мотыги достались «шпакамо», а им и без того было трудно постигать военную науку.

«Шпаков» на нашем курсе было немного: Ган, Горбачев, Егоров, Лебедев, Толбузин, Трифонов, Хлюстин и Черкавский. Последний был чрезвычайно близорук и был принят в училище по чьей-то протекции, так как по зрению был негоден к военной службе. По окончании училища Черкавский попал в 103-й Петрозаводский полк и, по словам моего брата, служившего в этом же полку, Черкавский отличался своим спокойствием в боях, возможно по причине своей близорукости. Не спасали его и очки. Я проверял Черкавского, когда он проходил мимо, не узнавая меня и меня не видя. Кек он ни разу не попал враспри при встречах с офицерами, — непонятно, но распространять его об этом мы считали не деликатным. Черкавский был помешан всем всей готы, как самый отстающий по строевой подготовке. Открыто никто над ним смеяться не осмеливался, так как все отдавали ему должное за его настойчивость в преодолении трудностей. Особенно не лезло Черкавскому в полевой гимнастике.

Всех обер-офицеров было принято титуловать, как в гвардии, «Ваше Высокоблагородие». К юнкерам было обращение на «вы», в остальном же юнкер был на правах солдата согласно уставу внутренней службы и дисциплинарному. Если офицеру нельзя было обругать юнкера, как ругали солдат, то замечание делалось в вежливой-эхидной форме, которую сбжаловать было нельзя, но которая больно задевала. Иногда такие замечания равнялись прямому оскорблению. К счастью, подобное случалось крайне редко и вызывалось заслуженно. За двухмесячное пребывание в лагерях ни разу не было церковной службы, зато и баня нам была только раз, хотя и существовал отдельный специальный барак-баня. В бане мы не отмылись, у каждого на шее была черная полоска вьвешней в поры грязи. Также редко

менялось постельное и нижнее белье. Причин этого я не знаю, но нам, привыкшим в корпусах к смене белья два раза в неделю и к еженедельной бане, это обстоятельство было неприятно, и мы чувствовали себя всегда грязными. Причесок, бород и усов носить не разрешалось. Головы стригли под машинку, но все же некоторые щеголи ухитрялись иметь нечто вроде бобрика, насколько это позволяли коротко остриженные волосы. При училище был и парикмахер, не казенный, и за его услуги приходилось платить. Прозвище было дано ему: «маркиз» за его парикмахерско-французскую вежливость. Чтобы носить бороду, надо было подать рапорт по ксманде и получить разрешение. К этому прибегали только именные буйную растительность, заставлявшую часто бриться. В нашей роте бороду носил один только юнкер, Демьентов, но и он скоро спясть начал бриться из-за насмешек над его «бородой». При нашем возрасте в 18-19 лет о бородо и думать не приходилось, и многие только-только начинали брить свой юношеский пушок.

Не помню теперь точно, когда, но в первых числах августа Государь должен был приехать в Москву. Накануне его приезда училище было выведено из лагерей в город. Этот переход в несколько верст, от Всевятской до Знаменки, был нашим первым испытанием. Винтовки носились «на плечо», да еще на гвардейский манер, то есть почти отвесно, отчего левая рука очень уставала и немела, а на вооружении были винтовки пехотного образца, бесившие 12 с половиной фунтов. Примерно уже в районе Петровской сельскохозяйственной академии левая рука стала ныть в локте, а разогнуть локоть было нельзя, так как за правильностью положения винтовки велось неусыпное наблюдение. Когда остановились на малый привал, юнкера старшего курса смеясь говорили нам: «Попробуй, поднеси левую руку к носу!» и ничего не получалось: левая рука была как чужая. Хотя ежедневно нам приходилось много маршировать на занятиях, но за этот переход многие сильно натерли себе ноги (все носили носки). Когда мы вошли в город, идти по мостовой, вымощенной скользким булыжником, было очень больно.

По приходе в училище нам были выданы матрасы для сна на полу. Кровати, по обычаю того времени, на лето выставлялись на двор, где они и стсыли в строгом строю. Когда я снял сапоги, то не мог сразу снять и носки, — подошвы были стертые в кровь и носки прилипли к ногам.

К царскому смотру нам выдали новое обмундирование, — защитные гимнастерки. Все тщательно начистились и пригнали снаряжение. Тогда вместо фуражек носили бескозырки: черный верх, красный околыш (обшеар-

мейская форма). Надеть бескозырку надо было умеючи, немного на бок, и чтобы кокарда была на одной линии с носом. Вот все и вертелось перед трюмо. Обычно бескозырка надевалась на голову, расправленная ладонь прикладывалась к гребню носа указательным пальцем, а вертикальный диаметр кокарды должен был совпасть с линией носа, то есть с указательным пальцем.

Задолго до прибытия царского поезда училище, как и все другие воинские части гарнизона, было выведено в Кремль и поставлено на Царской площади, лицом к дворцу. Эта площадь была вымощена торцами и посыпана желтым песком. Мы стояли на самом почетном месте, на фланге, упираясь в железные ажурные ворота дворцового двора. За нами, по старшинству, стояло Алексеевское военное училище и пеший эскадрон Творского кавалерийского училища, специально командированный на парад и смотр. Далее стояли запасные батальоны гренадерских полков московского гарнизона. В Кремле народа не было, но на улицах, сзади выстроенных войск стояли толпы народа. Пока мы стояли и ждали, прошел небесный дождик, намочивший нас, но выглянувшее затем солнце вскоре нас высушило. Курить разрешалось, но при неперемном условии окурков не бросать, а класть их в подсумки. Когда царский поезд прибыл на вокзал, на колокольне Ивана Великого раздался удар колокола и за ним зазвонили все сорок сороков московских церквей. По мере приближения царского кортежа гул криков « ура » и звуки оркестров, исполнявших гимн, звучали все громче и яснее. Впечатление было потрясающее.

Никто из нас никогда не видел Царя, и наше нетерпение и любопытство достигли предела, ведь по нашим представлениям Царь был каким-то полубогом, сверхчеловеком. Наконец кортеж приближается к нам. Подается команда: « Слушай на караул! », оркестр играет гимн. Как только кортеж подъехал к флангу училища, мы закричали « ура » и кричали всю силу своих легких. Царь, Царица и Наследник престола ехали шагом в открытом ландо, все царские дочери за ними следом, тоже в ландо, а затем автомобиль с матросом-нянкой Царевича и с царским черным пуделем. Далее следовали экипажи со свитой, и заключал кортеж небольшой конвой казаков конвоя Его Величества в расшитых позументом красных черкесах. Кортеж въехал во двор дворца, подается команда: « К ноге! », стоим по-прежнему, по команде « смирно ». К одному из открытых окон нижнего этажа дворца подходит Николай 2-й и подает команду: « Вольно! Можно курить! » В это же время у окна рядом сели все царские дочери с

Наследником, который отламывал от рам окна кусочки замазки и бросал их в наш строй. Выйти из строя было нельзя, но долетавшие до нас кусочки были моментально подхвачены некоторыми юнкерами как « сувениры ».

На другой день был парад на той же Царской площади. Наше училище, как старшее из воинских частей, проходило первым. Мы шли в колонне по-отделению, я же был в своем отделении правофланговым и мне предстояло пройти очень близко от Царя, почти рядом. Прежде чем прсйти мимо Царя, нам предстояло проходить мимо многочисленных высших военных начальников, и каждый из них делал вполголоса какое-нибудь замечание, вроде: « Штыки не на одной линии! », « равнение! », « нога! » и т. д. По установленному порядку, наш оркестр играл « Старый егерский » марш, хорошо известный и любимый юнкерами, так как этот марш часто игрался на учениях, под него проходили репетиции к параду, и все юнкера наизусть знали его мстив. По строевому уставу полагалось, когда ротный командир возьмет шапку « под-бысь », а затем опустит ее к ноге, — повернуть голову направо и начать печатать шаг, что мы и делали с таким азартом, что и не чувствовали никакой боли в натертых накануне ногах. Правой рукой следовало махать « вперед — до приклада, назад — до отказа » и, проходя так близко от Царя, я боялся, что ударю его рукой. После парада Царь благодарил нас « за службу ».

Интересно было наблюдать, как кинооператоры производили съемку парада, стоя за углом дворца и держа шляпы под мышкой (в царском присутствии штатские снимали головные уборы). Полусогнувшись, они крутили ручки аппаратов, а московский полицеймейстер махал им рукой, чтобы они не особенно показывались из-за угла дворца. На другой день уже можно было посмотреть этот парад в кино.

В городе был оставлен наряд юнкеров старшего курса для несения почетных караулов во дворец, остальные же вернулись в лагерь. Вот теперь и началась систематическая учеба. Кроме строевых занятий, ежедневно производились классные занятия, для чего в бараках были поставлены школьные черные доски и столы для преподавателей, а юнкера сидели на кроватях. Учебников было мало, один на двоих-троих. После строевых занятий многие на этих лекциях клевали носом. Изучались уставы, которые преподавал наш курсовой офицер Красовский, причем множество параграфов заучивалось наизусть: дисциплинарные права начальников, обязанности дневального и дежурного по роте, обязанности часового и караула, стрелка в цепи и часового в полевом карауле и т. д.

Военную топографию преподавал очень симпатичный человек, — полковник Казачок (в советское время он выпустил свой учебник топографии). Артиллерию читал полковник Смысловский, известный ученый артиллерист, старичек небольшого роста. На первой же репетиции, как назывались периодические сдачи зачетов, я с треском провалился, показав на чертеже горизонт оружия не горизонтальным, а наклонным. Смысловский сказал, что впервые видит юнкера, у которого горизонт не горизонтален. Пришлось просить у Инспектора классов «индульгенцию», так называлось его письменное разрешение на передачу зачета. Фортификацию преподавал полковник Тулаев. Несмотря на его справедливость в оценках и ровное обращение, его все не любили, так как к нему невольно возникала антипатия. Капитан Александров преподавал тактику (учебник известного Бонч-Бруевича). Его прозвали «сероштан». Александров же преподавал и верховую езду. Хотя почти все мы никогда и близко к лошади не подходили и, понятно, верхом ездить не умели, урок верховой езды был всего один раз, никакой пользы нам не принес и походил более на балаганщину. Уроки верховой езды были предлогом поиздеваться над юнкерами. Александров стоял в центре круга с бичом в руке и подавал команды, причем лошади были настолько приучены к командам, что выполняли их независимо от воли всадника. Александров позволял себе шелкнуть бичом по мягкому месту юнкера, казавшегося ему «мешком на заборе», и извиниться затем, что якобы он промахнулся, хотев подогнать лошадь. Этот единственный урок верховой езды был настоящим посмешищем, так как мы представляли из себя действительно жалкие фигуры и, особенно Ган, выпучивший от страха глаза, растопыривший руки и державший поводья, как возжи, обеими руками. Конечно, бич «ошибочно» проехался по Гану.

Тактические занятия проводились на прилегающей к лагерю части Ходынского поля, называемой юнкерами «Зеленка», так как она была покрыта травой. Местами были песчаные плешины. Всякие выходы использовались для отработки шага, и часто подавалась команда: «Ногу!», по которой нужно было «печатать». На траве же и на песке никакой «ноги» слышно не было, хотя команда: «Тверже ногу!» подавалась неоднократно. Юнкеру Чекулаеву, всегда стоявшему в средних рядах, пришла в голову идея бить рукой по подсымку, и эта хитрость удалась как нельзя лучше, — мы «давали ногу» даже на песке.

Возле нашего барака были сделаны препятствия для занятий полевой гимнастикой. Первым был забор трех высот, за ним «болото». Цементные квадраты изображали кочки. Пры-

гая с одной на другую, надо было преодолеть «болото», ни разу не оступившись. «Кочки» были расставлены в беспорядке и не ближе метра одна от другой. Нужно было на бегу сосбрызнуть, с какой на какую кочку прыгать, да еще на одной ноге и с винтовкой в руке. За «болотом» было бревно, за ним — окоп, правда не в рост человека, но все же достаточно глубокий. Требовалось с разбега прыгнуть на дно окопа, согнуться, чтобы не быть видимым сбоку, и, быстро пробежав, вылезти и бежать дальше, прыгая в длину (земля была вскопана метра на три). Дальше шло проволочное заграждение, но оно не преодолевалось, так как ни перепрыгнуть через него, ни подлезть под него было совершенно невозможно. Последним и самым трудным препятствием была горка, представлявшая из себя пологий склон-подъем и оканчивавшаяся ствесным обрывом, обшитым досками. Вместо матраса подножие горки было вскопано, для пружинистости заложен фашинник, присыпанный слоем земли. Бежать на горку требовалось стремительно, пологая аппарель не обещала как будто ничего страшного, но подбегая к обрыву, сразу обнаружился обман зрения: прыгнуть надо было с высоты чуть чуть ли не в 4-5 метров, и многие невольно останавливались перед прыжком вниз.

В корпусе я занимался гимнастикой, особенно прыжками, лазаньем по шести и канату, да еще и в тепле, когда играли в «пятнашки» на гимнастическом городке, поэтому для меня не представляло большого труда преодоление всех этих препятствий. Кроме того, в свободное время я еще и тренировался с большой охотой по преодолению самых трудных из них, — забора, «болота» и горки. Я так натренировался, что брал забор в самой высокой его части с первого раза, а нужно было пользоваться только одной рукой, так как в другой была винтовка.

Всем нам очень нравилась «заря с церемонией»: как обычно, на вечернюю поверку роты выстраивались на передней линейке около свских барakov, и после поверки училищный оркестр, стоявший около барака дежурного офицера, играл зарю и гимн. Обычно же пелись молитва «Отче наш» и гимн. Я, как любитель пения, часто запевал.

Иногда по вечерам собиралась группа юнкеров, любивших пение. Песни пелись самые разные, но одной из любимых была «Алла-верды». Князь Чичуа был настоящим организатором хора и сам пел с большой душой. Пелись и специально юнкерские песни, например — куплеты про все военные училища, которые все имели свои прозвища, зачастую неприличные.

Наступила моя очередь быть дневальным по роте. Накануне вечером Модестов проверил мои знания и проинструктировал меня, я же начистил сапоги и пуговицы на шинели. Кто-то сыграл со мной злую шутку: утром, когда я стал собираться на развод, то обнаружил, что шинель мою стащили. Не теряя времени на поиски, я надел чужую, протер рукавом пуговицы и побежал к бараку дежурного офицера. Как ни «наярены» были мои сапоги, пока я бежал, они запылились, и я не успел их оберечь полой шинели. Так как на внешний вид обращалось исключительное внимание, я получил первое и единственное за все пребывание в училище замечание за мой «вид». Получил замечание и Модестов, что ему было очень обидно, но я ему объяснил, как все это произошло, помимо моей воли. Я был очень удручен тем, что «подвел» так хорошо ко мне относившегося Модестова.

В конце сентября училище перешло из лагерей в город. Наша рота помещалась в пристройке к главному зданию, как бы отдельно от других рот, на втором этаже. Вход в роту был по длинному коридору, мимо столовой, из которого маленькая, темная лестница, вела в гимнастический зал, а другая, рядом сбоку, вела наверх, в другие роты, классы, домовую церковь, сборный зал и другие помещения. Из гимнастического зала маленькая лестница вела в ротный цейхгауз, в первой комнате которого стояли скамьи для чистки сапог со щетками и сквородами с ваксой, вторая же комната, темная, с ячейками-шкафами на двоих человек, в которых вешались шинели и имелись полки для киверов, ношение которых в праздничные дни еще не было отменено. Пехотные кивера были некрасивые и заслуженно назывались юнкерами «самоварами». Спереди был медный двуглавый орел на фоне лучей, и эта пластинка занимала всю переднюю часть кивера. Медная же чешуя прикреплялась медными запонками, концы которых проходили вовнутрь кивера и там загибались. С боков висели темляки, и сверху, над эмблемой, вставлялся султан, маленький, в виде темляка, спереди которого прикреплялась обыкновенная солдатская жестяная кокарда. Верх и бока кивера были из черной лакированной клеенки.

Из гимнастического зала была дверь в помещение роты, которое состояло из четырех комнат, по одной на каждый взвод, расположенных в два ряда и разделенных коридором, в котором был умывальник, а в конце — уборная. В свободное время разрешалось ходить в помещении других рот для встречи с друзьями и в чайную, бывшую своего рода клубом, где можно было пить чай, подававшийся в двух чайниках, один, маленький, для заварки, и большой, никелированный медный — для

кипятка. Заварка чая стоила две копейки, — были такие маленькие фирменные пачки, а кипяток был бесплатный. Особенно славились Калининские ситро и квас клюквенный. Часто устраивались пари: выпить без отрыва из горлышка бутылку этого кваса, причем расход за «нарезку», как называлось угощение в чайной, принимал на себя проигравший. Квас был настолько газирован, что выпить бутылку, не стравывая, было трудно, однако я усвоил это искусство вполне. К чаю можно было купить печенье разных сортов, конфеты, но наибольшим успехом пользовались «рожки», — маленькие плюшки, ежедневно доставлявшиеся от знаменитого Филиппова. Обычно в чайной «нарезались» компаниями, собирались кадеты одного корпуса, и так получалось и у нас, Неплюевцев, собирались я, Раууд, Недельский и Громаковский. Часто к нам присоединялся и Цветков. В чайной знакомились с юнкерами других рот, приятелями своих друзей. Отбой ко сну давался в 10 часов вечера. Отец присылал мне ежемесячно 8 рублей, которых вполне хватало на папиросы, на расходы по чайной и на другие необходимые мелочи. Переподавал я и все сорта туалетного мыла, предававшегося в чайной.

После лагерей неудобства с умываньем и с уборной отпали и уже не приходилось бегать и занимать очередь, все обстояло проще, тем более, что за время пребывания в лагере мы сошлись ближе с юнкерами старшего курса, и все «домашние» дела решались дружно и к взаимному удовольствию.

1 октября старший курс был произведен, как проучившийся более года, в подпоручики, мы же перешли на старший курс. Нашим курсовым офицером стал штабс-капитан Червяковский. Вернусь к киверам: нам пришлось надеть их только один раз, когда училище было назначено на похороны одного убитого офицера, бывшего воспитанника училища, тело которого было привезено в Москву для погребения. Действительно, вид строя в киверах был очень красив, но некоторые юнкера растерли себе до крови виски концами кнопок чешуи, а когда была подана команда «вольно», почти весь батальон моментально снял кивера, хотя погода и была холодной. Дав на кладбище три залпа, училище вернулось в казарму.

Если училище выводилось в город, то по возвращении оркестр останавливался около парадного входа, роты входили в помещение под звуки маршей. Обычно игрались «марш с фанфарами и «кавалерийский». Исключен был старинный марш «Под двуглавым орлом», как австрийский. Все эти марши музыкальны и исполняются артистически.

Первым учеником нашего курса был Горба-

чев (он же был и самым старшим по возрасту) и ему бы и быть фельдфебелем роты, но произведен был в фельдфебели Неелов, кадет 1-го Московского корпуса, имевший прстекиню и собиравшийся выходить в гвардию, несколько самоуверенный и заносчивый парень. Звания фельдфебеля и портупей-юнкеров давали все права по уставам и преимуществу при разборе вакансий в полки, поэтому они имели большое значение и во взаимоотношениях с рядвыми юнкерами, так как вчерашний товарищ становился начальником, обязанным командовать и следить за поведением и несением службы тех, с кем он вчера был на «ты». Теперь к нему уже были обязаны обращаться на «вы», называя «господин фельдфебель» или «господин портупей-юнкер». Власть портит человека, почему, хотя и редко, находились все же некоторые, совершенно изменившиеся, будучи произведенными в портупей-юнкера или фельдфебели. В мирное время, при строгом исполнении уставов, это было бы особенно заметно, но теперь этому не придавалось особого значения, и в нашей роте отношения между юнкерами не изменились, оставшись прежними, товарищескими, вне службы. Я учился хорошо и был произведен в старшие портупей-юнкера, став для своих друзей «господином взводным». Никто не соблюдал этого чинопочитания, кроме как во время занятий, и все оставались по-прежнему «Кольками», «Жорками», с прежним обращением на «ты».

Прибывшие на новый младший курс не были уже окончившими кадетские корпуса, а имевшими среднее образование и направленными в училище из полков. Тут были люди разных профессий, разночинцы, и как-то само собой организовалась самодеятельность: выступления чтецов, рассказчиков, фокусников, имитаторов и т. д. Местом представлений была уборная 1-й роты, огромная комната, имевшая две части; первая была умывальной, а во второй половине имелся камин, имевший плоский верх и служивший сценой-эстрадой. «Места» зрителей были на унитазах, большинство же стояло. На эти представления иногда собиралось до 100 человек из разных рот. Большим успехом пользовался имитатор, артистически подражавший разным звукам, — полету шмеля, пisku комара, звуку пилы и т. д. Он же, закрыв лицо руками, так менял его, что превращался в настоящую обезьяну. Декламатор, став на камине и заложив руки за спину, декламировал какое-нибудь трогательное стихотворение, в то время как его помощник, спрятавшись за ним, выставлял вперед свои руки и ими жестикулировал. Жесты совершенно не соответствовали словам стихотворения, особенно в трагических местах, и вызвали гомерический смех. Чаще всего исполнялось «Белое по-

крывало». Декламация была чудесной.

В отпуск, в субботу вечером и днем в воскресенье, ходили одни москвичи. Остальные, оставаясь в ротах, развлекались то во что был горазд: «нарезкой» в чайной, пением, стрельбой дробинкой из окон по воробьям, гимнастикой, благо гимнастический зал был рядом с ротой. За все время пребывания в училище я ходил в отпуск всего два раза, причем один раз по приказанию штабс-капитана Червяковского, который обратил внимание на то, что я не хожу в отпуск, и дал мне и кому-то другому билеты в театр Корша на «Горе от ума». Не помню, кто играл главные роли, но игра была великолепна и в пьесе участвовала какая-то знаменитая актриса. Второй раз я ходил в отпуск с кем-то в музей восковых фигур «Паноптикум». Считалось почти обязательным посетить этот музей и, для назидания, посмотреть отдел муляжей — «венерические болезни».

Неелов, как москвич, всегда в субботу уходил в отпуск, а я оставался за фельдфебеля роты, и надо сказать, что мое влияние в роте было больше, чем у Неелова. Я выстраивал роту, рапортовал ротному командиру, вел роту в церковь, в столовую, делал вечернюю поверку и был заводилой разных развлечений, как хоровое пение, или же гимнастических игр. Гимнастический зал был рядом. Еще в лагере Сокольскому младшему было приказано тренировать Черкавского, а я принадлежал к числу лучших гимнастов роты, почему постоянно проводил время в гимнастическом зале. Братья Сокольские. Львов, я и некоторые другие юнкера играли в пятнашки, лазая и прыгая по гимнастическим снарядам, делая все в быстром темпе и восхищая зрителей. Наклонную лестницу устанавливали горизонтально, с нее прыгали на площадку для прыжков с высоты, а с нее на печку, с печки на пол, на огромный гимнастический матрас. Любимым нашим занятием были прыжки через деревянную лошадь. Этим занимались я, младший Сокольский и Львов. Лошадь мы поднимали на самую большую высоту, ставили ее в разных комбинациях с «козлом», спортивный матрас подвешивали на стену, так как при прыжке «рыбкой» можно было легко удариться об стену. Трамплин был подающий, на пружинах, и мы отскакивали от него, как мячики. В те времена спортивных костюмов не было, и мы все проделывали в обычной солдатской форме, в сапогах, и только один Львов, имевший туфли, прыгал в них. Скоро мы прославились на все училище, и любители приходили посмотреть на наши упражнения, пытаясь подражать нам, но скоро отказались от своего намерения. Однажды нас застал штабс-капитан Червяковский, посмотрел и назначил меня инструктором

по гимнастике. Я был специалистом по наклонной лестнице и прыжкам, а на турнике и параллельных брусьях работал неважно.

Классные занятия происходили в классном коридоре. Я был старшим в классе и отвечал за порядок. Народ же был крайне подвижной и шумный, огорчавший меня своей несерьезностью. В классе всегда стоял шум.

Одним из наших любимых развлечений, как я уже упоминал, было пение песен. Наш хор любителей пел обычно военные песни, и любимыми были «Бородино», на слова Лермонтова, и особенно «Алла-Верды». Последняя была чрезвычайно распространена среди юнкеров всех военных училищ, а поэтому и среди офицерства в армии.

В помещениях каждого взвода висели на стенах, в рамках, напечатанные крупным шрифтом стихотворения военного характера, и у нас, прямо перед моими глазами, против моей кровати висело стихотворение «К.Р.», — Великого Князя Константина Константиновича, — «Наш полк». Будучи постоянно у меня перед глазами, это стихотворение незаметно запомнилось наизусть. Между прочим «К.Р.» был автором до сих пор исполняемого романа «Растворил я окно» и ставшего солдатской песней стихотворения «Умер, бедняга, в больнице военной». Однажды штабс-капитан Червяковский обратил наше внимание на повешенные на стенах стихотворения и спросил, читаем ли мы их, а может быть кто-нибудь и заучил что-либо. Наступило молчание, никто ничего сказать не может, а Глебка Самойлов толкает меня, чтобы я сказал. Пришлось спастись чьей-то взвода и я продекламировал это стихотворение.

Червяковский иногда сочетал выходы на занятия, — а занимались мы строевыми занятиями в Кремле, — с ознакомлением с памятниками старины и русской славы, как, например, Кутафья башня, Кремлевские соборы и т. п. Так мы познакомились со многими достопримечательностями Кремля, правда — только по наружному виду, так как сводить нас, например, в Грановитую палату или в один из соборов в служебное время Червяковский не имел права.

Для глазмерной съемки Червяковский водил нас в Фили, где мы посетили Кутузовскую избу. По дороге через город Червяковский несколькоми словами обращал наше внимание на архитектурные памятники. Таким образом мы многое увидели воочию. Вид кремлевских стен и башен, носивших кое-где следы пожара 1812 года, произвел на меня неизгладимое впечатление. Даже находясь в госпитале в 1915 году или будучи в Москве в командировке в 1941 году, я был способен подолгу стоять на одном месте и созерцать какую-нибудь башню или кусок стены. Мне приходило на память

наше историческое прошлое и связанные с Кремлем события. Казалось, что века говорят со мной!

Червяковский умышленно водил нас мимо собора Василия Блаженного, мимо Лобного места, мимо памятника Минину и Пожарскому. Мысль о том, что следует пойти в отпуск и осмотреть московские достопримечательности как-то не приходила в голову, и только через много лет я понял, что совершил огромную глупость, упустив, не использовавши, эту возможность.

Обязательное посещение церковных служб в субботу и воскресенье было очень тяжелой обязанностью, а избежать это было просто невозможно. Мне, как остававшемуся за фельдфебеля роты, приходилось всю долгую службу стоять навытяжку, так как сзади меня были места начальника училища и инспектора классов. Конечно, я выстаивал терпеливо, но все же посещение церкви мне никак не улыбалось. В церкви юнкера стяли по-ротно, шеренгами в 10-12 человек, первые роты стояли ближе к алтарю, а наша пятая — позади всех и поэтому была на виду у начальства.

Одним из курсовых офицеров 4-й роты был гвардии поручик Линевиц, сын известного по русско-японской войне генерала Линевица. Этот Линевиц пользовался большой популярностью во всех ротях и иначе как «тонняга» его не называли. «Тонняга» — это означало человека образцового во всех отношениях и считалось высшей похвалой.

Все училище пришло в необыкновенное движение, когда юнкер 4-й роты Дебагорий Мокриевич доложил по команде о каком-то проступке юнкера, за что тот был отчислен от училища. Все только и обсуждали на все лады поступок Дебагория, считая его недостойным предательством. Несколько дней училище буквально бурлило, а наиболее рьяные, да и просто любопытные, толпами стояли около сидевшего на своей кровати Дебагория, всячески его поносили, требуя, чтобы он подал рапорт об отчислении его от училища. Ему совали в лицо написанные от его имени рапорта об отчислении и требовали, чтобы он подписался. По букве устава Дебагорий был прав, но, конечно, перестарался. Дебагорий все же был вынужден подать рапорт об отчислении, но впоследствии сочло за лучшее оставить все без последствий: рапорт Дебагорию вернули, а провинившегося юнкера оставили в училище. В результате Дебагорий подвергся почти полному бойкоту.

Примечателен своей строгостью и некоторым самодурством был второй преподаватель артиллерии полковник Александр. Он любил поиздеваться над незнакомыми, и его присказки

знало все училище: например, Александр говорил: «Снаряд летит, и сила РО его врашает, а юнкер у доски стоит и ни черта не понимает. Садитесь, юнкер, я вам ставлю кол!» Если кто-нибудь дремал на его лекциях, он потихоньку подходил к нему и восклицал: «Пронситесь, юнкер! Перед вами полковник Александр!»

Наступила половина ноября, а нам все еще было неизвестно, какой чин нам дадут при выпуске, — ведь чин прапорщика был упряднен еще при Александре Третьем и в армии были только прапорщики запаса. Нас стали водить в магазин Гвардейского экономического общества для снятия мерок на пошив обмундирования и затем на примерки. Одновременно началось обучение приемам с шашкой. Таким образом приближался день производства в офицеры. Наступил торжественный день разборки вакансий. Выпускники всех рот были собраны в сборном зале, для чего туда были принесены скамьи из столовой и поставлены столы для комиссии. Предварительно комиссия объявила список вакансий. В связи с войной вакансий непосредственно в полки не было, а были вакансии на пополнение корпусов и дивизий и в запасные батальоны Московского военного округа. Но были и две вакансии в Казанский военный округ, которые мы с Громаковским и решили взять, если они нам достанутся. Разбор вакансий происходил в порядке успеваемости, в очередности по всему училищу. Комиссия вызывала очередного юнкера к столу, тот подходил и говорил свое желание, записываемое в список для дальнейшего оформления нужных документов. Будучи по успехам в числе первых двух десятков, точно уже не помню, как и забыл выпускной средний балл, что-то около 10 с десятыми, я легко взял вакансию в Казанский военный округ. Громаковский, бывший далеко позади меня, взял вторую вакансию, и мы уже мечтали, что скоро поедем домой, в Оренбург.

Последние дни ноября проходили в примерках обмундирования, в сдаче учебников и винтовок. Сдача винтовок была чистойшей профанацией: винтовки были старые, пережившие не один выпуск юнкеров, а следовательно с дефектами. Однако прием их происходил чрезвычайно строго и почти каждому записывалось расширение входа канала ствола, раковины в канале, и за это вычиталась полная стоимость ствола, что давало большой доход училищу, так как, конечно, ствол не заменялся, и следующий по выпуску юнкер опять расплачивался за тот же ствол.

По прибытии на место службы полагалось делать визиты всем офицерам полка, о чем нам напоминал и наставлял нас Червяковский. Особенно он настаивал на том, чтобы в обращении

с будущими сослуживцами избегать «амикошности», то есть грубо-фамильярного обращения между собой. Все это было хорошо, но ни одного слова не было сказано о том, с кем мы будем иметь дело, о солдате, ни одного практического совета, как обучать солдат и что за солдаты в запасных частях и что эти части из себя представляют.

К 1 декабря мы получили все обмундирование: серую каракулевую папаху, защитного сукна фуражку, шинель из солдатского сукна, китель и шаровары (еще не отмененные, с напуском) защитного сукна, две пары белья, перчатки, чемодан, спальный мешок, походные сапоги. Снаряжение и вооружение состояло из поясного ремня с наплетными ремнями, — «шляя», — как их метко называли, роговой свисток для подачи сигналов в бою, полевая сумка с планшетом для карт и компасом, револьвер наган с патронами и кобуруй, шашка и нагрудный училищный значок. Стоимость всего этого высчитывалась из суммы, отпускаемой на «обзаведение» (сколько, именно, мы не имели и представления, да и не интересовались этим, не допуская и мысли об обчете). Остальные деньги, около 210 рублей, выдавались на руки. Для нас это была огромная сумма, которой мы никогда не держали в руках.

1 декабря выпускников построили во дворе училища и прочитали Высочайший указ с производестве нас в прапорщики. После поздравлений начальства и групповых снимков на память, никем не полученных за неимением времени, — 2-го мы должны были уезжать на места службы, — роты отправились в столовую, где был приготовлен торжественный обед, мало чем отличавшийся от обычного. Играл оркестр, капельмейстер продавал ноты сочиненного им для нашего выпуска марша. Платили по рублю, но это была определенная «липа», ибо марш мог преподноситься каждому выпуску. Тут появились разные капитанармусы и прочие обслуживающие лица, которых мы и в глаза никогда не видели, и каждый из них, стоя в коридоре, поздравлял каждого проходившего и получал за это минимум 50 копеек, набирая в этот день изрядную сумму.

Ротный командир капитан Магеровский усиленно предлагал мне остаться при училище в качестве курсового офицера, так как увеличивали штаты и была потребность в офицерском составе. Был я тогда неопытен до полной беспомощности, думал только о доме и, несмотря на заманчивость предложения, отказался, представив себе, что у меня нет ни квартиры, ни знакомых, никого, кто мог бы мне помочь, посоветовать. Отказались и другие, но причин их отказа не знаю. В этот же день почти все уехали по местам назначения. Многие побросали свои спальные мешки, так как мы слышали,

что на фронте они не прижились, а таскать их притороченными к чемодану было неудобно. Свой спальный мешок я привез домой, и он лежал свернутым до 1921 года, а потом использовался как подстилка под матрас, в каком-то назначении он и сейчас.

Распростились мы все очень быстро, и, кроме Громоковского и Рацула, назначенного в Полтаву, я никого не встречал. Мы, трое, решили сначала ехать домой, в Оренбург, а потом уж ехать к местам назначения. Вот какой был у нас тогда ветер в голове! Купили билеты и поехали. В одном с нами купе ехал один капитан, раненый, с фронта. Он расспрашивал нас и, узнав наши намерения, по-отечески посоветовал нам сейчас же ехать к местам службы, во избежание могущих быть весьма печальных последствий. Мы его послушались и в Рузаевке сошли с поезда, купили новые билеты и отправились по местам. Последний раз я видел своего друга детства Муньку Рацул, — он был убит на фронте весной 1915 года.

Так началась наша самостоятельная жизнь, к которой мы совершенно не были подготовлены. Мечта сбылась, и я был, как и все, в упоении от своего нового полжения. Немного омрачало то, что мы получили чин прапорщика, давно упраздненный, но хорошо известный по старинному сердцепипательному романсу:

Хроника « Военной Были »

« ПЛЕННЫХ КАШЕВАРОВ НЕ ЛОВЛЮ »

В одном из полков 4-й стрелковой « железной » дивизии ротный командир поручик Казанецкий, из прапорщиков военного времени, Георгиевский кавалер, попал в положение « слоеного пирога »: с телефонистами и связными он засел в только что очищенном от немцев ходе сообщения. Вдруг появляются два немца с котелками. Увидели русских и подняли руки. Поглядел Казанецкий на хлеб и консервы, « Кому несли? » « Нашему ротному ». « Не хочешь, чтобы ваш хауптман постался сегодня. Несите ему обратно и пожелайте от меня, русского ротного командира, доброго аппетита ». Не прошло и десяти минут, снова шаги. Солдаты подняли ружья... Немец без ружья шелкнул окованными пятками и протянул бутылку коньяку. « Наш хауптман просит выпить за его здоровье ». Отдал честь, повернулся и исчез.

При опросе начальства и следователя, поручик дал ответ: « Я — железный стрелок. В бою побеждаю, пленных кашеваров не ловлю ».

М. фон Рейтлингер

« Бедный прапорщик армейский стал ухаживать за мной... », частично напевавшемуся мимотомом, и, кроме того, по поговорке: « курица — не птица, прапорщик — не офицер ». Хотя бы прошли двухлетнее обучение за четыре месяца благодаря уплотнению времени, исклечению общеобразовательных предметов и большому напряжению, то обстоятельство, что шла война, заставляло нас напрягать все силы и сознавать, что эта, на наш взгляд, непопленность чина прапорщика вызвана суровой необходимостью защиты Родины.

Об училище и о моих товарищах, юнкерах, у меня остались самые хорошие воспоминания, и я попробую восстановить в памяти список юнкеров нашей роты, конечно не полный. С каждым из них было что-то связано, поэтому они остались в памяти до сих пор:

Акишев, Анников, Астафев, Акимов, Белов, Берлов, Бокун, Вахнин, Ган, Гиршфельд, Горбачев, Дебиль, Дементьев, Джелалбеков, Егоров, Зубрицкий, Кавтарадзе, Калугин, Крузе, Кульчицкий, Ладо-Богдановский, Лебедев, Львов, Морозов, Недельский, Неелов, Ослин, Пигарев, Самойлов, Сокольский 1-й, Сокольский 2-й, Толбузин, Трифионов, Хлюстин, Чекулаев и Черкавский.

К.Р.Т.

ЦЕРКОВЬ НА КОЛЕСАХ

Кроме обычных пассажирских и товарных вагонов, железнодорожные компании располагали и вагонами специального назначения. Бельшею частью это были вагоны, служащие для представительства как-то в России императорские поезда или министерские вагоны. Но были и вагоны совершенно другого сорта. Так, например, в России железная дорога имела вагон-церковь. Этот вагон был изготовлен по заказу Российской духовной власти и сдан в эксплуатацию в 1897 г.

Ходил он в Западной Сибири, по линии Челябинск-Кривотченко, предоставляя возможность жителям отдаленных деревень от времени до времени посещать церковную службу. Вместимость вагона была на 70 молящихся. Задняя часть вагона предоставлена была для алтаря, стены украшены коврами и иконами. Для входа служили несколько дверей. Были и три колокола, которые, как и в обычных церквях, благовествовали во время богослужения. Извлечено из современного немецкого журнала

**МНЕНИЕ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА
ОБ ОБМУНДИРОВАНИИ РУССКИХ ВОЙСК,
ПРЕДСТАВЛЕННОЕ ИМ ИМПЕРАТРИЦЕ
ЕКАТЕРИНЕ II В 1783 году**

« В России, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранцы с педанством тогдашнего времени, а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почти все священным и как будто таинственным считают. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, ружейных приемах и прочее.

Занимая же себя такой дрянью и до сего еще времени, не знают хорошо самых важных вещей как-то: марширования, разных построений и оборотов. А что касается до исправности ружья, тут полирование и лощенье предпочтено доброте. Стрелять же почти не умеют. Словом, одежда войск наших и аммуниция таковы, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в тридцать почти лет возраста узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и прспасть вещей, век сокращающих.

Красота одежды военной состоит в равенстве и соответствии вещей с их употреблением. Платье чтобы было солдату одеждой, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждевения и слуг, чего у солдата быть не может...

Завивать, пудриться, плести косы, солдатские ли сие дело? На что ж пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукой, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то готов. Если можно было бы счастье, сколько выдано в пол-

ках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет!

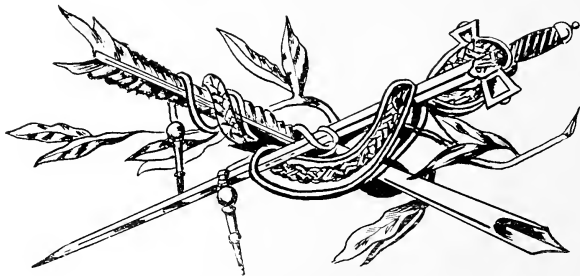
Простительно ли, чтобы страж Отечества удручен был прихотями, происходящими от вертопрахов, а часто и от безрассудных? »
« Военно-Исторический Вестник » Париж № 41.

ПРОИЗВОДСТВО В ОФИЦЕРЫ

Насколько мне известно, производство в офицеры в других странах лишено всякого специального торжества — ритуала. Молодые люди разбирают вакансии по полкам, одевают штатское платье и едут в отпуск, в ожидании приказа в « Журналь Офисиель » о назначении подпоручиком в такие-то части. И все...

У нас, в Императорской России была другая идея: производство юнкера или гардемарина в первый офицерский чин не исчерпывалось только успешным экзаменом и объявлением о назначении в полк приказом по Военному или Морскому Ведомству. Речь Государя и его поздравление мы воспринимали как символ, своего рода, посвящение в рыцари. Офицерское звание мы принимали как нечто почетное, священное даже и неотъемлемое (иначе, как по суду) на всю грядущую службу, на ВСЮ жизнь и до гробовой доски. Нам давались права и преимущества, но одновременно накладывались и тяжкие обязанности чести, верности и совести... Не зря в грустный период рассеяния по пяти частям света в офицерской семье Зарубежья рсдилась мысль о необходимости союзов и полковых Объединений. И главное, что сохранила зарубежная русская масса в изгнании, потеряв Родину, — единственные осколки настоящей Великой и Славной встарь России — это ее воинские организации.

штабс-капитан Адриан Борцов



От Издательства

Настоящим номером (124) заканчивается ваша подписка на журнал «ВОЕННАЯ МЫСЛЬ».

Благодаря дружной и дружеской поддержке наших друзей и подписчиков, журналу удалось закончить этот год без дефицита. На призыв Редакции поддержать журнал добровольным увеличением подписки отозвалось 186 друзей и было ими внесено 8522,00 фр. фр.

Следует сказать при этом, что наша обычная подписка покрывает примерно две трети расходов по выпуску журнала. Таким образом эта дружеская поддержка покрывала как раз недостающее и дала возможность журналу «передохнуть» и подготовиться к дальнейшему развитию дела.

Редакция благодарит от всего сердца всех отозвавшихся на ее призыв, как и всех наших верных подписчиков и друзей. Будем надеяться, что с общей вашей помощью нам удастся и впредь нести этот тяжелый, но необходимый труд по увековечению наших доблестных армии и флота.

Подписная цена на 1974 год цикл №№ 125-130 — остается та же: 40 фр. фр. и 10 амер. долл. в странах закеанских.

Как и в прошлом году, мы обращаемся к каждому подписчику нашего журнала, к каждому другу нашего Издательства, с предложением прибавить к своей подписной плате, любую сумму, которую он найдет для себя возможной, на поддержку журнала. Повторяем, что мы обращаемся ТОЛЬКО К ТЕМ, для кого некая добавочная сумма в виде «ПОДПИСКИ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА» не составит чрезмерно обременительного расхода.

Свыше ста экземпляров рассылается бесплатно нашим немущим друзьям и это, конечно, будет продолжаться до последнего дня издания журнала.

Редакция журнала считает своим долгом искренне поблагодарить редакцию газеты «РУССКАЯ МЫСЛЬ» за постоянную любезную отзывчивость ко всем нашим пожеланиям и регулярное помещение рецензий на каждый выходящий номер нашего журнала.

АЛЕКСЕЙ ГЕРИНГ

Покорнейшая просьба, по возможности, уплатить новую подписную плату до 1 декабря сего года.

“Русский Инвалид”

Военно-научная литературная газета, основанная в 1813 году. За границей — Орган Главного Правления Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов. В этом номере помещены нижеследующие статьи:

Полковник **Н. Артабалеvский** — Царь Благочестивый, **Анатолий Михайловский** — Святая Русь — душа России, **Епископ Александр** — Икона Казанской Божией Матери, **Аркадий Слизкий** — Прошлое и настоящее, **Из полкового бюллетеня** — Государь у семеновцев в 1913 году, **Княгиня Куракина** — О былом. **Д.Д. Кузьмин-Караваев** — К столетию взятия Хивы, **Н.В. Оноприенко** — В первое плавание, **А.А. Танеева** — Возвращение Государя после отре-

чение, **С. Позднышев** — Крушение монархии, **Голгофа России**, **Акт расследования**, **М. Волошин** — Террор, **М.И. Ракитина** — Воспоминания сестры милосердия, **Памятка** о нашем историческом прошлом, **Во имя России** — к 160-летию «Русского Инвалида» **В.А. Каменский** — Наш долг, **полковник М.В. Голубев** — У инвалидов, **А.И. Дурново** — Список жертвователей.

В номере — 16 больших страниц меловой бумаги. В тексте фотографии Государя с Наследником Престола, Иконы Казанской Божией Матери и похорон жертв в Пятигорске в 1918 году.

Председатель Союза **С. Позднышев**

Письма в Редакцию

В № 121 журнала, в отделе хроники «ВОЕННОЙ БЫЛИ» помещена заметка об истории перевооружения русской армии. Заметка эта требует небольшой поправки.

Берданка, винтовка, принятая в русской армии с 1870 года, не была «заказана по чертежам бельгийца Бердана», как указывает заметка, а явилась результатом секретной миссии в САСШ полковника А.П. Горлова и капитана И.К. Гуниуса, которые, в 1868 году познакомились с генералом американской армии Хайрам Берданом (1823-1893) и дали ему первый заказ на 30.000 винтовок, им изобретенных. К марту 1870 года первая партия винтовок — «берданок» была доставлена в Россию. Генерал Бердан был большой друг России, он никогда не забывал о помощи, оказанной Россией САСШ во время гражданской войны 1860-х годов. Интересно добавить, что генерал был женат на русской, а их дочь впоследствии вышла замуж за русского посла во Франции барона Моренгейма, одного из творцов франко-русского союза 1890-х годов.

Более подробные сведения о «берданке» читатель может найти в моей статье (по-английски) в журнале «Решен Ревью» за январь 1950 г., издаваемом ныне в Калифорнии под редакцией нашего соотечественника Д.С. фон Мореншильда.

А. Тарсаидзе

На странице 90-й книги вашего Издательства «Страствования Гассмана» говорится о том, что русские обитатели считали речку Казанку Исрданом. Возможно, что тому объяснение может быть следующее: татары весьма часто называли праздник Крещения и Водосвятия Иорданом. В этот день, когда русские православные шли крестным ходом к Казанке, татары говорили: «Русские идут на Иордан». В другое же время реку звали ее настоящим именем — Казанка. День праздника Крещения — 6/19 января татары тоже часто называли «Иорданом». Возможно, что это и ввело в заблуждение Христофора Гассмана.

М. Тахир

Необходимо отметить несколько ошибок и дополнить статью о корпусе принца Конде. На знаменах, данных корпусу Конде, королевские лилии вовсе не заменяли российского двуглавого орла, который на них фигурировал на своем месте, то есть в центре полотнища, а были помещены на углах. Полотнища всех этих знамен разделялись белым крестом на четыре равных стороны, в память того, что такой крест всегда находился на знаменах французской королевской пехоты. Но, за исключением этих особенностей, знамена и по российскому орлу на полотнище и по такому же орлу в верхней части оставались русскими.

Интересно отметить, что в бою у Констан французский гренадерский Бурбона полк отбил одно знамя 53-й республиканской полубригады и в награду получил от Императора Павла новые знамена с надписью: «За взятие знамени у французов при Констансе в 1799 году». Эти знамена были чисто российские и не носили на себе никаких французских атрибутов. Не лишено интереса и то, что этот французский полк получил одним из первых впервые установленные в русской армии наградные знамена, то есть знамена, на которых стояла надпись отличия. Эти знамена некоторые историки ошибочно называют «мальтийскими», а другие даже «Георгиевскими». Кроме французов, это отличие было дано Императором Павлом только пяти русским полкам: Таврическому и Московскому гренадерским и Архангелогородскому, Смоленскому и Кабардинскому пехотным.

Автор статьи пишет о «неповиновении» принца Конде и гневе на него Императора Павла. Создается впечатление, что французский корпус был как бы выгнан с русской службы, что совершенно не соответствует действительности. На английскую службу принц Конде перешел с согласия русского Императора. При уходе корпуса с русской службы князь Горчаков потребовал было возвращения русских знамен, чем навлек на себя гнев Павла. В архивах Шантийи мы нашли письмо Государя принцу Конде, в котором он пишет, что Горчаков поступил вопреки Его воле.

Все эти знамена по сей день бережно хранятся во Франции.

С. Андоленко

О БАРАБАНАХ И ТЕСАКАХ В РУССКОЙ АРМИИ

(по поводу рисунка на стр. 16 № 121 «Военной Были»)

Мечообразный тесак появляется в нашей армии только при Императоре Александре II. В эпоху же Императоров Александра I и Николая I тесак был саблевидный, в виде короткой кривой полушашки с медным эфесом. Носился он на белой перевязи (у стрелков и артиллеристов, кажется, на черной) через плечо, тогда как тесак царствования Императора Александра II, в виде римского меча, дошедший в гвардии, у армейских барабанщиков и пехотных портупей-юнкеров (с офицерскими темляками) до наших дней, носился на **поясной лопасти**; в гвардии — белой, исключая четвертых рот и всех четвертых батальонов. Гнезда для палочек были медные, перевязь в армии — черная (Мне кажется, что после мобилизации видел их коричневой кожи и с коричневыми же кожаными гнездами). Затылка перехватов веревочного зигзага по кожаным муфточкам — неверна. На медном цилиндре был штампованный орел. Было ли гравировано название полка, как на кавалерийских трубах, не знаю.

Было очень внушительно, когда на парадах движение каждого батальона начиналось барабанным боем, врывавшимся в музыку марша. Только первый батальон начинал движение, нарушая тишину грохотом барабанов, затем подхваченным оркестром. Некоторые полки имели «за отличие» так называемый «гренадерский бой». Для предохранения шаровар и пол мундира часть барабана покрывалась телячьей шкурой, иногда легой, у Дворцовых Гренадер — леопардовой. Стрелковые полки барабанов не имели и вместо них трубили в рожки. Лейб-гвардии Егерский полк с конца 1912 года имел волторны.

Дойдя до уровня оркестра, барабанщики кончали бой и поворачивали налево, к нему.

М. фон Рейтлингер



С большим вниманием прочел статью о подвиге Гродненского гусарского полка в кампанию 1808 года. Но тут вкралась ошибка: помещен полковой знак лейб-гвардии Гродненского полка. В заметке описывается подвиг АРМЕЙСКОГО Гродненского гусарского полка, с 17 февраля получившего наименование Клястицкого гусарского полка, коего знак и следовало бы поместить. Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк был только восстановлен 19 февраля 1824 года. Кстати сказать, литовский всадник на знаке Гродненского гусарского полка не герб города Гродно, а всего Великого Княжества Литовского.

На стр. 29-й того же № 122, к статье «Киевские гусары», должно сказать, что 9 кавалерийская дивизия НЕ ПРИНИМАЛА участия в сражении 8/21 августа 1914 г. у с. Ярославцы. Она находилась севернее, у м. Залозьны, где и бездействовала. Генерал граф Келлер, получив поздравление «с победой» от генерала князя Бегильдеева, начальника 9-й кавалерийской дивизии, ответил ему: «Спасибс, князь но вместо поздравления лучше бы вы меня поддержали».

М. Белицкий

В рисунке к статье на французском языке «Пластуны» в № 120 журнала, вкралась несколько ошибок: у рядовых кавказских казаков темляков не было и дырочки в головке эфеса также не было, в противность остальным казачьим войскам, которые оную имели. Кожард на папахах не было. Темляк был только у офицеров и завязывался по черенку.

М. фон Рейтлингер



Drapeaux et étendards de l'armée russe pendant la guerre de sept ans 1757-1761

(suite)

● GRENADIERS

En 1756 les quatre régiments de grenadiers reçoivent chacun des drapeaux d'un modèle spécial, à raison d'un drapeau blanc et trois de couleurs.

Drapeau blanc : étoffe blanche, flammes rouges.

Drapeaux de couleurs : étoffe rouge, flammes blanches. Motifs identiques au centre.

Aigle bicéphale brun, couronnes, becs, pattes, sceptre, orbe et liseré des plumes : or. Sur la poitrine, blason de Moscou encadré d'or, chaîne d'or. Sous l'aigle, trophées brodés d'or, les grenades, cartouchières et couvre nuque des mitres de grenadiers sont plus foncées. Fumée des mèches blanche avec des ombres. Les lettres entrelacées (signifiant « premier grenadiers ») sont rouges. Sous les trophées, nuage blanc avec ombres. Aux angles, grenades noires à flamme d'or. Dans le haut, nuage blanc avec des ombres et monogramme d'or sur fond blanc, encadré d'or. Fer de lance doré, glands argent.

Les drapeaux des 4 régiments sont identiques sauf les lettres en rouge sous l'aigle qui doivent être : 2e — « B.F », 3e — « T.F », 4e — « Ч.F » sans que le dessin exact en soit connu.

● CORPS D'OBSERVATION

En 1757 un corps d'observation est créé à 5 régiments de mousquetaires et un de grenadiers.

Régiments de mousquetaires. (1 blanc et 7 de couleurs).

Les couleurs laissées au choix des chefs de corps sont inconnues. Aigle brun, couronnes, becs, monogramme Impérial, rayons de soleil, pattes, sceptre, orbe, encadrement des armes de Moscou et trophées : or. Nuage blanc avec des ombres.

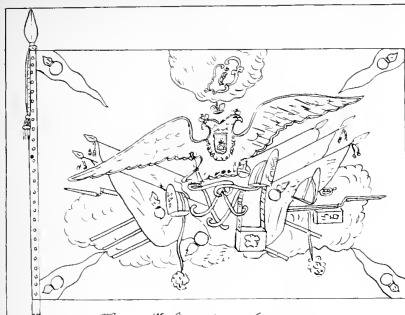
Le régiment de grenadiers a reçu certainement des drapeaux du même modèle.

● ARTILLERIE

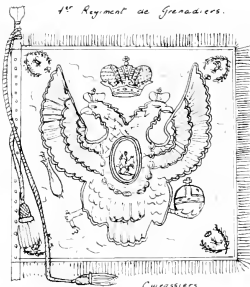
Le 11 janvier, les 2 régiments d'artillerie reçoivent chacun un drapeau blanc. Etoffe de damas blanc. Dans les angles supérieurs, des bombes noires enflammées. Sur une banderole d'or, les mots : « TUETUR ET TERRET ». Aigle brun, couronnes, becs, pattes, éclairs, et liseré des plumes d'or. Canon or avec affût et roues rouges ombrées. Terre verte à deux tons (en pointillé : plus sombre), tonneau brun avec cercles brun clair, la poudre qui s'en échappe est brune (pointillé) à raies blanches. Ecouvillon et refouloir croisés : bruns. Fer de lance doré, cordons et glands argent.

● CAVALERIE

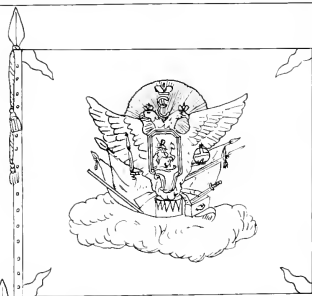
Là aussi, on ne peut que supposer que les « drapeaux » de dragons et étendards de cuirassiers soient restés ceux donnés sous le règne précédent.



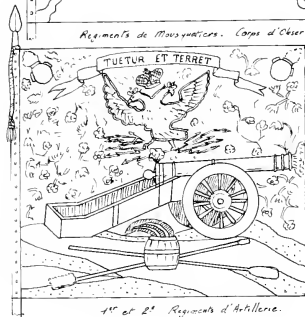
1^{er} Régiment de Grenadiers.



Cuirassiers.



Régiments de Mousquetaires. Corps d'Observation.



1^{er} et 2^e Régiments d'Artillerie.

Quant aux emblèmes des Hussards et des Pandours ils ne sont pas connus à ce jour.

Toutes les hampes des drapeaux de cavalerie sont bleues, fer de lance doré, cordons et glands or.

1) *Dragons*. Chaque compagnie (ainsi étaient divisés les régiments à l'époque) possède un drapeau, semblable à celui de l'infanterie. Longueur : 2 A. largeur 1 A. 12 V. Hampe : 4 A $\frac{1}{2}$. Franges : $\frac{1}{2}$ V.

Drapeau blanc (1^{ère} Compagnie) identique à ceux de l'infanterie, avec flammes pourpres ou ponceau pour tous.

Drapeaux de couleurs. Ils sont sans flammes, les couleurs du fond sont : *Drap vert* : Arkhanguelorodski, Vladimirski, Ingermanlandski, Kazanski, Kargopolski, Novotroïtski, Permski, Revelski, St. Peterbourgski, Sibirski, Tobolski, Troïtski.

Drap bleu : Vologodski, Viatski, Moscovski, Riazanski, Tverski.

Drap bleu céleste : Loutski, Narvski, Nijegorodski, Iaroslavski.

Drap rouge : Leib-régiment, Azovski, Astrakhaniski, Kievski, Olonetski, Iambourgski.

Drap orange : Novgorodski, Pskovski.

Drap jaune : Rijski, Rostovski.

Les blasons des différents régiments seront indiqués ultérieurement.

2) *Cuirassiers*.

L'étendard de la première compagnie est blanc, ceux des autres sont bleus. Larg. et long. : 10 V. Hampe : 4 A $\frac{1}{2}$, franges : 1 V $\frac{1}{2}$. Au centre aigle bicéphale brun, liserés, médaillons et couronnes — or, sur la poitrine le blason de Moscou en couleurs (déjà indiqué). Monogrammes d'or ainsi que les couronnes et le feuillage aux angles. Fourreau de la couleur du fond.

Dans un prochain article seront décrits les blasons des différents régiments.

G.A. Gorokhoff

Sentinelle vigilante aux confins de la Terre Russe

En vue de la protection des frontières, ou plutôt des confins méridionaux de l'Etat Moscovite, soumis aux incursions incessantes des Tartares, des nomades sauvages et des hordes impétueuses turques, le Tsar Jean IV faisait s'implanter dans le Sud les éléments peu stables, nomades et urbains. S'unissant aux cosaques petits-russiens qui fuyaient le joug abhorré polonais, dont ils n'apercevaient pas la fin, et qui avaient gagné les steppes méridionales de la Terre Russe, ces colons fondaient des bourgs qu'ils fortifiaient en les entourant de remparts, de fossés et de palissades. Les hommes d'armes de ces bourgs fortifiés formaient des unités en élisant des chefs dans leur milieu et, sous les ordres de ces derniers, repoussaient tout ennemi, protégeant ainsi l'Etat Moscovite, leurs propres familles et leurs biens. Au cours de longues années ces unités (« droujina ») des bourgs fortifiés se transformèrent en régiments réguliers commandés par des colonels.

Quant aux frontières occidentales, elles étaient protégées contre les attaques des polonais, des lithuaniens, des chevaliers Porte-Claives de Livonie et des suédois par des unités constituées d'hommes d'armes de Moscovie, de Smolensk et de Novgorod qui assiégeaient les châteaux des chevaliers et qui entretenaient des fiançailles sur les cours d'eau navigables et sur les routes commerciales.

Au début ces unités ne portaient pas de tenue spéciale, chacun était vêtu selon son goût, mais avec le temps, lorsque les régiments reçurent des noms correspondant à ceux des bourgs fortifiés, un uniforme fut imposé. La tenue des régiments garde-frontières comportait une grande toque en peau de mouton, avec le fond en drap, une tunique courte en drap noir, un large pantalon bleu et des bottes luisantes. Ces régiments comportaient des détachements équestres et pédestres. Leurs effectifs étaient composés des fils des « anciens » et des cosaques-fuyards de Petite-Russie.

A mesure des guerres de la Russie contre la Turquie et contre ses voisins occidentaux ses frontières s'avançaient toujours vers les mers Caspienne, Noire et Baltique, ce qui nécessitait un accroissement de sa protectoin qui incombait, à l'époque, aux régiments cosaques.

L'Empereur Alexandre I écrivit de constituer un corps d'armée permanent de garde-frontières, subordonné au Ministre des Finances. Ce corps des garde-frontières se recrutait sur le modèle des unités de l'Armée régulière, le service durait 5 ans. Les cadres se recrutaient parmi les meilleurs officiers de la Garde et de l'Armée.

Le corps des garde-frontières fut partagé en brigades, les brigades en sections, les sections en

détachements. Un détachement comprenait 4 ou 5 postes appelés « cordons ». Deux ou trois brigades furent subordonnées aux chefs des secteurs douaniers appartenant à l'Administration civile, ce qui entraînait bon nombre de malentendus.

La protection des frontières s'effectuait par des troupes du Corps des garde-frontières montées et à pied; chaque poste comptait de 15 à 20 hommes. Pour citer un exemple : la brigade garde-frontière de Riga était subordonnée au Chef du secteur douanier de Riga, Tverdiansky, haut fonctionnaire de l'Administration qui était essentiellement un civil, absolument ignorant dans l'art militaire, fait qui entraînait souvent de graves malentendus lors de ses passages à la brigade.

Pour seconder les membres de ces corps aux frontières navales, les commandants des brigades disposaient de yachts et de goëlettes (la brigade de Riga disposait des goëlettes « Sentinelle » = « Tchassovoï » et « le Gardien » = « Straj »); les postes possédaient également des vedettes à voile avec des pilotes volontaires, engagés parmi les habitants locaux.

Dès la formation du Corps des garde-frontières la tenue suivante fut instituée : Pour les officiers : casquette noire avec 3 liserés verts et cocarde du modèle courant; bonnet en astrakan noir avec un fond en drap garni d'un galon or et d'une cocarde; veste courte croisée en drap noir avec liserés verts, pattes de col or avec boutons or, galons or aux revers des manches; culotte bleue clair avec liseré or; bottes avec éperons; manteau d'officiers du modèle courant, avec pattes de col vertes et étoiles argent; épaulettes or avec dépassant vert et étoiles argent; bandoulières et écharpe du modèle courant; sabretache du modèle cosaque en cuir verni noir avec aigle bicéphale et galon. La tenue d'été comportait une tunique blanche croisée; housse blanche sur le carré de la casquette; aux frontières méridionales — casquette blanche. Les promotions des officiers s'effectuaient d'après les règlements des promotions dans l'infanterie de l'Armée; ce système fut supprimé en 1884 et remplacé par le système des promotions dans la cavalerie.

La tenue suivante fut instituée pour les soldats-gardes : Casquette noire à visière avec 3 liserés verts et cocarde; bonnet en mouton noir avec fond en drap, liserés verts et cocarde; veste croisée en drap noir avec liserés verts, pattes de col et épaulettes; col rabattu; culotte gris-bleu et bottes; capote du modèle cavalerie avec pattes de col vertes et épaulettes. La tenue d'été comportait : vareuse blanche; casquette recouverte d'une housse blanche, enlevée la nuit aux sentinelles.

Les officiers et les maréchaux-de-logis et adjoints étaient armés de sabres et de revolvers; les soldats — de sabres et de fusils. Le harnachement des chevaux (selle et équipement) était du modèle courant dans la cavalerie. L'effectif des chevaux était disparate, mais se caractérisait par sa résistance et sa rapidité d'allure.

A quelques rares exceptions, les officiers et les hommes campant aux postes étaient bien logés, qu'il s'agisse de locaux administratifs ou privés. La nourriture y était excellente.

Les maréchaux-des-logis rengagés, très expérimentés, ayant passé de longues années dans les détachements et sachant y maintenir la discipline, étaient de précieux auxiliaires pour les commandants des détachements et, étant issus du même milieu que leurs hommes, étaient pour ces derniers des maîtres, des chefs et, le cas échéant, des protecteurs excellents.

En 1894, par ordre de l'Empereur Alexandre III, le Corps des garde-frontières fut réorganisé, soustrait à la dépendance de l'Administration des Douanes et rebaptisé Corps spécial des garde-frontières; son effectif était à ce moment de 31 brigades et de 2 sections. Le premier Commandant de ce Corps Détaché fut le Général d'Artillerie Svignine. Le Ministre des Finances S.Y. Witté fut nommé par l'Empereur Chef de ce Corps. Dès 1895, deux ou trois hommes de chacune des brigades se rendaient au printemps à St Pétersbourg pour y participer à la grande parade militaire du mois de Mai.

Au cours des mois d'été, un tiers des hommes montés et à pied, formés en escadrons et compagnies étaient retirés des frontières pour participer aux manœuvres théoriques et pratiques en même temps que les autres unités militaires.

En 1896 la sabretache du modèle cosaque fut remplacée chez les officiers par le modèle courant de la cavalerie; les revers des manches du type infanterie furent remplacés par le type cavalerie.

En 1908 une nouvelle tenue fut instituée dans tous les rangs sur le modèle de l'uniforme des lanciers, avec des liserés noirs; les hommes reçurent le sabre des officiers et une casquette avec carré et un bonnet avec fond vert.

En raison de la situation politique en Extrême-Orient, un Corps Détaché des garde-frontières

fut institué pour la Région Militaire d'au-delà de l'Amour dont le Général Tchitchagov fut nommé chef. Les unités de ce secteur étaient tenues de protéger la ligne de chemin de fer Sino-Orientale et certaines compagnies formaient les garnisons des villes et des localités de la Sibérie Orientale et de la Mandchourie. Dès le début de la guerre Russo-Japonaise, les régiments et les batteries de la Région Militaire d'au-delà de l'Amour, complétés par des officiers-volontaires du corps des garde-frontières de la Russie d'Europe, furent versés dans l'armée active et, par leur participation aux attaques sur les arrières de l'ennemi, couvrirent de gloire le corps spécial des garde-frontières. C'est uniquement grâce au service vigilant, consciencieux et scrupuleux de ce dernier que la ligne de chemin de fer Sino-Orientale pouvait acheminer des renforts sur les champs de batailles de la Mandchourie.

Dès la déclaration de la Première Guerre Mondiale et trois heures plus tard, les officiers et leurs hommes se trouvaient déjà au-delà des frontières, qui s'étendaient de la ville de Khotine à la Baltique, sur le territoire ennemi, effectuant des reconnaissances, livrant des combats aux avant-gardes allemandes et autrichiennes et retenant la poussée des divisions de cavalerie de ces derniers. A l'arrivée des régiments russes, les détachements isolés des garde-frontières furent ramenés vers l'arrière-front où ils furent rapidement formés en régiments et versés, pour la durée de la guerre, dans l'armée active, subordonnés non plus au Ministère des Finances, mais au Haut Commandement des Forces Armées. Ils étaient toujours les bienvenus, en tant que remarquables unités, dans tous les corps de cavalerie et sur tout les fronts. Les pittoresques hussards Hongrois eurent à subir de lourdes pertes provoquées par les hardis cavaliers d'au-delà de l'Amour.

La révolution de 1917 interrompit la dure et loyale activité de ce corps d'élite, qui avait si bien servi son Tsar et sa Patrie, et laissa dans l'ombre tous les glorieux et héroïques exploits accomplis par les unités des garde-frontières.

Constantin Leiman



LA DENATURATION DU PASSÉ

Une revue illustrée paraissant à Paris, a publié il y a quelques années un article très intéressant, sur la diffusion de l'instruction élémentaire dans la Russie d'autrefois.

Lénine et l'Encyclopédie Soviétique évaluaient à 27 % en 1917, le nombre de citoyens sachant lire et écrire. La fausseté de cette statistique est évidente rien que par le fait qu'il n'est tenu compte que des certificats des écoles primaires (4 années d'étude) du « Zemstvo » (administrations rurales et locales) et que les diplômés des écoles paroissiales sont passés sous silence.

T.K. Tchoukovsky compte en 1917 64 % de citoyens sachant lire et écrire, ce pourcentage ne concernant que la Russie d'Europe et ne comprenant ni les élèves des petites écoles rurales, ni ceux qui suivaient des études chez soi, ni les soldats rentrés de leur service. Ce seront ces derniers qui feront l'objet de cet article.

L'auteur de ces lignes fut nommé en 1898 adjoint à l'officier, chef des recrues de la 18^{ème} Batterie de l'artillerie montée. Il n'en rentrait pas beaucoup par an, soit environ 35-40 hommes. A l'époque le service dans l'artillerie montée durait cinq ans. Il faut remarquer que ces conscrits venaient des districts qui n'en fournissaient point, à la Garde. Ils étaient tous des hommes d'élite et le pourcentage des illettrés n'était pas important pour ces temps-là, mais atteignait toutefois 50 %. Les cours d'instruction générale s'effectuaient dans les écoles des batteries. La batterie dans laquelle débuta l'auteur de l'article, possédait deux écoles : l'une pour les canoniers ayant déjà fait du service, l'autre pour les jeunes recrues. Les aptitudes pédagogiques de l'officier chef des conscrits, étaient remarquables. Plus tard, diplômé de l'Ecole Supérieure de Droit, il se consacra entièrement à l'enseignement. Dans ces conditions, aucun des soldats qui terminaient son service n'étaient plus illettrés. Un pourcentage élevé atteignait même de fort bons résultats; tous pouvaient lire, écrire, connaissaient les 4 règles d'arithmétique et pouvaient résoudre des problèmes.

La batterie tenait une statistique précise des hommes alphabétisés; leur pourcentage s'éleva en 1903 de 50 % à 65 %, ce qui confirme la croissance rapide de l'alphabétisation en Russie.

Empêché pendant 6 ans par les obligations de son service (participation à la guerre russo-japonaise, études aux Ecoles spéciales d'Officiers de Cavalerie et d'Artillerie) de poursuivre l'enseignement des recrues, l'auteur de cet article fut nommé en 1913 commandant de la 13^{ème} batterie de l'artillerie montée. Il s'aperçut alors que le besoin

d'école primaire dans la batterie était dépassé : il n'y avait plus que des cas uniques d'illettrés parmi les conscrits; ces cas étaient confiés à des « mentors » (on désignait sous ce nom les professeurs des jeunes soldats).

Le poste de l'officier, chef des recrues était occupé dans cette batterie par un officier qui avait choisi cette fonction par vocation et qui le conserva à partir du grade de sous-lieutenant à celui de capitaine inclusivement. Il ne s'agissait plus du tout d'alphabétisation, mais de l'éducation morale du soldat...

Voici le régime qui s'était établi dans la 13^{ème} Batterie. Pendant le premier mois de leur service les conscrits n'étaient pas répartis par sections (sauf pour les soins des chevaux), mais réunis en équipe isolée. Le chef des recrues, dès les premiers jours de leur arrivée, les appelait séparément pour un entretien et enregistrait dans un cahier toute la « biographie » de chacun, notamment sa situation de famille, sa condition etc., de façon à pouvoir créer un rapprochement individuel avec chacun des jeunes soldats.

Le vieil adjudant-chef, Afanassii Pétrovitch, savait instaurer dans la batterie un régime patriarcal. Ainsi, lorsqu'un des hommes se montrait négligent dans son service et devenait « cafardeux », il était convié à « venir prendre une tasse de thé » chez le brave adjudant qui s'entretenait avec lui de son village, de sa famille etc. Cela suffisait pour que l'invité se corrige, ne désirant pas chagriner Afanassii Petrovitch.

La batterie ne comptait aucun élément délinquant; tous ses hommes étaient des paysans des départements de la Petite-Russie et l'adjudant-chef — petit propriétaire rural du département de Kherson.

Cette batterie suivait encore une autre tradition digne d'imitation : au moment des fêtes de Pâques, le commandant de la batterie et tous ses officiers venaient en premier lieu rendre visite à leur adjudant-chef; toute « l'aristocratie » de la batterie s'y présentait également, notamment les chefs des sections, les sous-officiers, les scribes, le fourrier. L'épouse de l'adjudant-chef savait bien régaler son monde...

Le corps des officiers surpassait tous les éloges. Le destin valut à l'auteur de ces lignes de demeurer leur unique survivant *) et il gardera toujours pieusement en sa mémoire leur souvenir. De tels rapports entre les cadres, l'adjudant-chef et les hommes permirent de n'avoir recours à des sanctions disciplinaires que dans de très rares occasions (il se trouvait parfois quand même quelques fainéants). Le général venu inspecter la Batterie

(jusqu'en 1910 l'artillerie était subordonnée au commandant d'artillerie du corps d'armée) n'arrivait pas à concevoir la raison pour laquelle presque aucune sanction ne se trouvait enregistrée dans le journal et semblait assez incrédule devant le rapport de l'auteur signalant qu'aucune sanction n'avait jamais été prise sans avoir au préalable été enregistrée.

Voici la petite illustration d'une revue effectuée par le général Broussilov, commandant du XIVème Corps d'Armée (ensuite commandant du XIIème Corps d'Armée). Le général passe en revue les recrues de la batterie : « Ton nom ? » — « Tkatchouk, mon général » — « De quel département viens-tu ? » — « Sauf votre respect, sans m'en vanter, du département de Vitebsk ». Le général poursuit son chemin et s'arrête devant un

très beau gaillard : « Est-ce bon de servir sous les drapeaux ? » — « C'est exact, mon général, on s'amuse bien »... Appréciation du général Broussilov : « Comme il est important que les yeux des soldats soient pleins de bonne humeur, comme chez tous vos gaillards »...

En conclusion — Que les mérites de l'Armée Impériale peuvent être immense devant la Russie encore en temps de paix, puisqu'en dehors de l'instruction spéciale donnée au soldat, elle réalisait également une œuvre culturelle grandiose !

A. Levitzky

*) Malheureusement décédé aussi depuis la publication de cet article en russe. Réd.

La prestation de serment dans l'armée russe

Le Colonel Rerberg fait défiler son régiment sur la place d'armes et les spectateurs assistent à un spectacle unique par sa grandeur : la prestation de serment par les recrues du 3-ème Régiment des Grenadiers de Pernov du Roi Frédéric-Guillaume IV.

Six petites tables symétriques, recouvertes de napperons blancs, sont disposées au centre de la place. Le porte-drapeau, Arthur Stepine, se tient à quelque distance en face de ces tables, avec le drapeau du régiment; un assistant est à ses côtés. Peu à peu, après quelques manœuvres, des carrés bien alignés, d'une tenue impeccable, de grenadiers de Pernov se forment de l'autre côté de chacune des tables.

Ensuite apparaissent devant chaque table les serviteurs des différents cultes. L'aumônier du régiment se place avec la Sainte Croix et l'Evangile en face de la première table devant laquelle s'aligne le carré le plus important des recrues. Le prêtre catholique se place en face de la seconde table, le pasteur luthérien — en face de la troisième, le mulla musulman — en face de la quatrième, le rabbin juif — en face de la cinquième, alors qu'il n'y a personne en face de la sixième table, à l'exception de deux grenadiers.

La cérémonie de prestation de serment commence... Arthur Stepine s'avance avec son drapeau vers la table des grenadiers orthodoxes; il faut remarquer que son véritable nom était Stopping; il est finnois et luthérien, mais il exécute néanmoins avec brio sa fonction de porte-drapeau.

Entre-temps, le Colonel s'avance vers la sixième table et l'on assiste à une cérémonie extraordinaire qui ne pouvait se produire que dans la Russie d'autrefois. Les deux grenadiers de religion païenne sortent de leurs poches des petits rouleaux et défont méticuleusement les chiffons qui les entourent. L'on voit alors apparaître deux petites « idoles » sculptées dans du bois et enduites de graisse. Les deux « dieux-idoles » en bois sont installés sur la table entre les deux recrues et le Colonel et c'est alors que ce dernier, en tant que chef suprême aux yeux de ces deux hommes, fait prêter serment aux deux grenadiers de servir le Tsar et la Russie « selon les principes du droit divin et de la loyauté ».

La cérémonie terminée, les serviteurs des cultes se retirèrent, les recrues rentrèrent dans leurs rangs et le régiment regagna ses casernes en un repli onduleux.

Nicolas Rerberg

Les chasseurs à cheval de la garde - en 1814 devenus dragons de la garde en 1833

En commémoration de la fin de la Guerre de 1812-1814 et de la prise de la capitale de la France, l'Empereur Alexandre I prescrivit de former dans les effectifs du Corps de la Garde le Régiment des Chasseurs à Cheval.

La formation de cette nouvelle unité fut confiée au Chef de Division, le Général-Aide-de-Camp Wassiltchikov, sous le contrôle direct du Prince Héritier Constantin Pavlovitch (frère d'Alexandre I). Les officiers et les hommes de troupe affectés au nouveau régiment étaient triés parmi les chevaliers de l'Ordre Militaire de St Georges qui s'étaient le plus distingués aux combats.

Les premiers effectifs du régiment furent choisis dans onze régiments de hussards : Hussards de Soumy, de Pavlograd, d'Alexandrie, de Grodno (plus tard de Kliastiz), de Beloroussie, de Loubno, d'Izume, d'Akhtyrka et d'Olviopol (dissous plus tard) et dans quatre régiments de chasseurs à cheval (de Seversk, de Tchernigov, de Derpt et d'Arzamas, tous les quatre dissous en 1833.

Cette cérémonie eut lieu à Versailles et la date de la fête du régiment fut fixée au 19 Mars, date de l'entrée des armées russes à Paris.

Le 30 Avril 1814, une ordonnance Impériale octroyait au régiment tous les droits de la Jeune Garde; le Régiment des Chasseurs à Cheval de la Garde se vit donc décerner, dès sa création, une prérogative que d'autres unités n'obtenaient qu'en récompense de hauts faits au combat. Les premiers effectifs du régiment avaient pleinement mérité cette faveur de l'Empereur, puisqu'ils ne comprenaient que des hommes qui avaient glorieusement traversé des épreuves au feu des combats et qui permettaient à la nouvelle unité de servir de monument vivant à la gloire de la cavalerie russe.

En 1833 tous les régiments de Chasseurs à Cheval furent rebaptisés en régiments de Dragons de la Garde.

Communiqué par D. Dewitte

NOTES EXPLICATIVES

Description des illustrations paraissant dans la partie en langue russe de cette revue

Page 1 — Insigne du Premier Corps des Cadets. — Tout en argent, avec l'aigle noir, l'armature en or.

Page 3 — Maréchal Prince M.I. Golenistcheff-Koutousoff-Smolensky. Directeur du Corps Impérial des Cadets 1794-1797.

La gravure de Bolling d'après le tableau de Smitte.

Page 4 — La façade du bâtiment du Premier Corps des Cadets à St Petersburg. Ancien palais de Menchikoff 1710.

Page 5 — Portrait de l'Impératrice Catherine II, Chef du Premier Corps des Cadets.

Page 17 — Les insignes des 1ère et 23ème Batteries de l'Artillerie à cheval. 1ère — Sur la couronne en feuillage un rond avec le chiffre I au centre et le nom de la Batterie avec les dates 1806-1906. Le tout couronné par un Aigle bicéphale. Sous la couronne deux canons et les initiales de l'Empereur Nicolas II.

23ème — Croix sous la couronne Impériale montée sur deux canons entrecroisés. Inscriptions

sur la croix : Initiales de l'Empereur Nicolas II dates 1807-1907, lettre C. Sur les canons : Chiffres des Empereurs AI, AII, AIII.

Page 18 — Pavillon de St André, de la Marine Impériale Russe.

Page 22 — Insigne du Corps des Cadets de l'Empereur Alexandre II. Chiffre de l'Empereur tout en or.

Page 31 — Insigne du 13-ème Régiment d'Infanterie Bélozersky.

Croix d'Izmail en or. Au milieu — le blason du régiment. Entre les branches de la croix quatre chiffres des Empereurs : Pierre I et Nicolas II. En bas : AI, NI et AII; en haut : les dates 1708 et 1908. Les couleurs sont inconnues pour nous en ce moment.

Page 32 — Insigne de l'Ecole d'Infanterie Alexandre. Croix en émail blanc. Entre les branches des blasons de Cadets en or. Au centre un rond rouge, entouré d'un ruban blanc, avec l'inscription du nom de l'Ecole et les dates : 1830-1851-1863.

Au milieu du rond — le blason de l'Ecole. Sur les trois branches de la croix les chiffres AII, AIII et NII; en bas — l'épaulette de l'Ecole.

A la memoire du général Serge Andolenko

Le Général Andolenko n'est plus...

Tout jeune garçon il a quitté la Russie pour la France où il a grandi, a été élevé et qu'il a depuis, tout au long de sa vie, loyalement et fidèlement servi, en particulier — dans les rangs de la troupe d'élite de l'armée française — la Légion Etrangère — dont il avait commandé un régiment, en quittant le service actif avec le grade de Général de Brigade.

Mais il y avait un aspect de sa vie qui nous a été particulièrement cher et précieux : c'est qu'il n'avait jamais oublié sa vraie patrie. Russe dans l'âme, soldat par vocation, c'est tout naturellement qu'il fut amené à s'intéresser spécialement à l'armée russe, dont il connaissait parfaitement l'histoire à laquelle il a consacré la plupart de ses ouvrages édités en français et en russe.

Ici, en France, il fut toujours l'ardent défenseur de l'honneur de l'armée russe en intervenant chaque fois que cet honneur se trouvait menacé.

Et maintenant, devant sa tombe, nous nous rendons clairement compte de la perte cruelle qu'éprouvent tous ceux qui se sont donnés pour tâche de perpétuer le glorieux souvenir et transmettre aux générations futures le vrai visage de l'ancienne armée et marine russes, fidèles et dévoués serviteurs de la patrie.

En la personne du Général Serge Andolenko « Le Passé Militaire » a perdu non seulement un ami mais aussi un collaborateur des plus prestigieux dont la signature a toujours fait honneur à nos colonnes et il nous est vraiment difficile de réaliser que jamais plus nous ne verrons cet homme si jeune encore et tellement indispensable à notre cause commune.

Mais nous pouvons tous être sûrs que le nom du Général Serge Andolenko sera à jamais présent dans les annales de l'histoire militaire russe.

Paix à son âme !..

Alexis Guering

Ordres et decorations de la guerre civile 1917-1922

NOTE DE LA REDACTION

A partir de ce fascicule nous commençons la publication de l'importante étude de notre éminent historien et collectionneur P.V. Pachkoff, étude concernant les décorations militaires, — croix et médailles commémoratives, — instituées et décernées dans l'Armée Russe durant la période de la guerre civile russe (1917-1922).

Cette étude, illustrée de nombreuses photographies, a été publiée d'abord en russe en 1961 dans les fascicules 49 et 50 de notre revue et

ensuite fut publiée en édition spéciale dans la série de « La bibliothèque de l'histoire militaire du "Passé Militaire" » sous le N°1 dont le tirage est actuellement entièrement épuisé.

Cette œuvre de M. Pachkoff sera, nous en sommes persuadés, l'auxiliaire nécessaire et précieux aussi bien pour les collectionneurs français des décorations russes comme également pour tous ceux qui se consacrent à l'étude de cette période de l'histoire militaire russe.

Nous proposons à l'attention du lecteur une étude historique des distinctions russes de l'époque de la guerre civile 1917-1920 ainsi que les insignes créés dans l'émigration qui a suivi cette guerre.

Le manque d'espace ne m'a pas permis de traiter d'une façon détaillée la description de chaque insigne ou médaille et de dire à leur sujet tout ce que j'aurais voulu. J'ai toutefois essayé de donner une description très poussée en y ajoutant quelques renseignements historiques concernant les faits d'armes qui ont été la cause de leur création. Les faits les plus importants sont traités d'une façon un peu plus étendue et les événements de moindre importance n'ont été présentés qu'en quelques mots.

Les personnes intéressées par le mouvement de résistance à la révolution communiste, dit « le Mouvement Blanc », sa naissance et les actions militaires des diverses armées blanches trouveront certainement tous les détails historiques dans la littérature qui traite de ce sujet.

La guerre civile 1917-1922 fait maintenant partie de l'histoire, ceux qui y ont participé disparaissent peu à peu de ce monde et l'on peut craindre que les faits héroïques dont ils ont été acteurs ou témoins ne s'effacent dans l'oubli, si l'on ne publiait au moins une partie du matériel contenu dans les « archives personnelles » qui vont peut-être finir dans les poubelles à la mort de ceux qui les ont rassemblées.

Mis à part le caractère purement numismatique de la description de ces croix et de ces médailles, nous poursuivons un but parallèle, celui de montrer à quel point ces petites croix et rondelles de métal sont les mementos d'événements sanglants durant lesquels les armées blanches se sont couvertes de gloire. Ces objets doivent être considérés comme des trophées permanents de notre armée et les générations à venir doivent voir dans ces objets un héritage acquis par le sang de leurs ancêtres sur les champs de combat pour l'honneur, la dignité et la grandeur de la Patrie.

Une remarque s'impose : la majorité des insignes du « Mouvement Blanc » est composée de croix blanches ou noires de formes différentes, très souvent liées à des couronnes d'épines, et c'est là tout le symbole d'un chemin de croix, d'une route pleine de sacrifices des guerriers blancs, chemin plein d'obstacles, d'embûches et de difficultés.

Tous les insignes des différents fronts des armées blanches ne peuvent être indiqués dans ce travail. Il en existe certainement un certain nombre inconnu et dont la description n'a jamais pu être retrouvée, mais nous pensons que ces insignes doivent se trouver en très petites quantités.

Il ne nous a pas été possible d'indiquer les dates exactes ou les numéros des citations et des ordres du jour par lesquels ces décorations ont été instituées, beaucoup d'archives ont disparues et ne seront jamais reconstituées.

Tous ces insignes et médailles n'ont pu être créés durant les années de la guerre civile et sur le territoire russe, certains d'entre eux, commémoratifs ou bien régimentaires, n'ont été institués que durant les années de l'émigration, mais ils sont eux aussi intimement liés aux événements de la guerre blanche et servent de monument à l'action des diverses unités créées durant les combats de cette époque.

Une page spéciale est réservée à ce qui a été appelé « La croix de Galipoli » ainsi que les croix des autres camps militaires. Ils ont été créés en mémoire de la présence des troupes russes dans des camps en territoire étranger et doivent être par conséquent considérés comme se référant uniquement à l'émigration, mais il faut quand même les considérer comme une suite logique à tous ces insignes créés de 1918 à 1920 sur le territoire russe.

L'émigration russe avait donné naissance à de nombreux insignes de caractère militaire; des nombreuses associations d'ex-combattants furent créées selon l'appartenance à tel ou tel corps de troupe ou à des unités de choc.

Il y en eu d'autres pour ceux qui sortaient des différentes écoles militaires ou corps de cadets. Ces insignes représentaient les originaux portés encore en Russie mais d'un format miniaturisé et se portaient à la boutonnière des vêtements civils.

En 1924 la majorité de ces unions et associations fut rassemblée sous l'égide de « L'association générale des anciens combattants russes » dont le président avait le pouvoir de sanctionner les projets de nouveaux insignes propres à diverses associations, membres de l'union.

Les insignes miniaturisés étaient probablement créés avant 1924 sans qu'ils aient été approuvés par une autorité supérieure. Parmi ces insignes nouveaux nous pouvons compter celui de « l'union des anciens combattants » de « l'union des invalides militaires », des corps de cadets russes ayant existé en Yougoslavie et en France.

Pour conclure cette introduction, je ne puis dire que : « Feci quod potui faciant meliora potentes » et je tiens à remercier très cordialement tous ceux qui m'ont aidé à préparer ce travail.

P. Pachkoff

(à suivre)

AVIS DE LA DIRECTION

Le présent numéro (124) est le dernier de votre abonnement. Pour le renouvellement de celui-ci, veuillez avoir l'obligeance d'envoyer 40 frs. à l'adresse :

« LE PASSE MILITAIRE »
C.C.P. 3910 12 — PARIS

« LE PASSE MILITAIRE »

Revue illustrée, bilingue paraissant tous les deux mois, et traitant de l'Armée et de la Marine Russe. Abonnement pour 1973 : 40.00 francs.

Adresse de la rédaction : 61, rue Chardon-Lagache — 75016 — PARIS ☎ 647 72-55
C.C.P. Paris 3910-12

S. ANDOLENKO

« INSIGNES RÉGIMENTAIRES DE L'ARMÉE IMPÉRIALE RUSSE »

Editions « Tanais » Paris 1966

Manuel à l'usage des amateurs et collectionneurs. Insignes des corps de troupe et des écoles militaires. Texte russe, présentation et sous-titres en français. Préface en 4 langues.
Volume 17 × 25, relié, 230 pages, 487 clichés, 32 francs.

TIRAGE TRES LIMITE.

Adresser commande avec montant à : « LE PASSE MILITAIRE »

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА « ВОЕННОЙ БЫЛИ »

- № 2 — Евгений Молло — Русское холодное оружие XIX в. — 5 фр.
№ 3 — В.П. Ягелло — Княжескоконстантиновцы — 5 фр.
№ 5 — Евгений Молло — Русское холодное оружие эпохи Императора Николая II. Князь П.С. Трубецкой — Нижегородская пашка — 5 фр.
№ 6 — П.А. Нечаев — Алексеевское военное училище — 5 фр.
№ 9 — К.М. Перепеловский — Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище — 5 фр.
№ 10 — Письма Суворова к Принцу Нассау-Зиген — 10 фр.
№ 11 — П.К. Кондзеровский — В Ставке Верховного — 10 фр.
№ 13 — Алексей Геринг — Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом — 15 фр.
№ 14 — Н.П. Солодков — Морские рассказы — 10 фр.
№ 15 — П.В. Пашков — Воспоминания конкера Алексея — 5 фр.
№ 16 — Странствования Христофора Гасмана — 10 фр.
№ 17 — В.Г. фон Рихтер — Собрание сочинений по русской военной медальстике и истории — 80 фр.
№№ 1, 4, 7, 8 и 12 распроданы.

« СБОРНИКИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ »

выпуски 1 и 2 на ротаторе
цена — 5 фр. фр.

1 амер. дол. в странах заокеанских
Изд. « Военная Быль » 50 стр.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО « ТАНАИС »

Вышли из печати и находятся в продаже следующие книги:

- С. АНДОЛЕНКО — Нагрудные знаки Русской армии 230 стр. свыше 500 илл. — 32 фр.
В. Н. ЗВЕГИНЦОВ — Кавалергарды в великую и гражданскую войну 1916-20 гг. 206 стр. — 18 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Железный Хромец истор. роман 242 стр. — 21 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Возвращение историч. роман 258 стр. 21 фр.
Ген. Лейтен. А. В. фон-ШВАРЦ — Ивановгород в 1914-1915. Из воспоминаний. 166 стр. с портр. и карт — 15 фр.
Ген. штаба генерал-майор Б. В. ГЕРВА — Воспоминания о моей жизни. Том первый 277 стр. с портретом и иллюстр. автора — 27 фр. Том второй — 218 стр. с портретом, многими фотогр. и схемами боев — 27 фр.

« Военно-Историческая Библиотека « ВОЕННОЙ БЫЛИ »

Книга № 13

А. А. ГЕРИНГ

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ ЗА РУБЕЖОМ

Изд. Париж, 1968 г. 140 стр. Цена — 15 фр. В странах заокеанских — 5 долл.

«... собрание некоторого количества материалов, которые, как я надеюсь, несколько помогут будущему русскому военному историку, который займется изучением жизни русских военных людей в эмиграции...»

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ
КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

- БУГУРАЕВ — Михайловское артиллерийское училище 150 лет основания — 8 фр.
Г. Р. ВАНТЦ — В море и на суше — 12 фр.
В. Н. фон-ДРЕЙЕР — На закате Империи. — 15 фр.
А. ГАЙРАБЕТОВ — Сборник военных песен — 20 фр.
Князь П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 10 фр.
КИРАСИРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — Последние дни мирной жизни 10 фр.
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.
Н. МАНТУЛИН — Песенник русского воина — 25 фр.
ПАМЯТКА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА — 25 фр.
О. И. ПАНТЮХОВ — О днях былых — 35 фр.
С. Н. РЯСНЯНСКИЙ — О Российском воинстве — 12 фр.
К. Р. — Полное собрание сочинений тома I-III — 60 фр.
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.
Н. ТУРВИН (Л. П. Линевич) — По старому следу: Сборник рассказов — 15 фр.
А. И. ШЕЛОУМОВ — Папка с 20-ю цветными репродукциями батальных картин (размер 24 x 31 см.) 30 фр.
СЕРГЕЙ ШПАКОВСКИЙ — Памятка 14 пехот. Олонедского Короля Сербского полка — 6 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»
МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

- Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.
Брюссель — у Б. П. Мижевского — 125, rue Prevôt, Bruxelles 5.
Германия — у И. Н. Горькина — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.
Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.
Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemozene 86, Roma.
Сев. Ам. С. Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, Cal.
Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 52, Albert Rd. Stratfield 2135 N.S.W. Australia.
б) у В. П. Тихомирова: 5, Fuller Str. F. 12 Walkerville S. Australia 5081
Аргентина — у Г. Г. Бордокова — Ibero 2768 BUENOS - AIRES Argentina

№ 125

Ноябрь 1973 года

ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

LE PASSÉ MILITAIRE



ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубоким горем извещает о кончине своих друзей
и сотрудников Войска Донского генерала-лейтенанта

ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА БАЛАБИНА

и 2-го Особого пехотного полка поручика

ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА РЫХЛИНСКОГО

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Воспоминания — Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин	1
Балтийский флот в войну 1914-17 гг. — Н.П. Солодков	8
« Крейсерок » (из далекого прошлого) — Леонид Павлов	14
Памяти капитана 2 ранга Н.С. Чирикова — В.М. Федоровский	19
« Гебен » был на русских минах — « Алексей Н. Пестов	21
Вооруженные силы Рижского залива в конце 1917 г. — В.Б.	23
Последние дни Порт-Артура — из архива кап. 2 р. Пилсудского	25
Линейный корабль « Три Святителя » — В.В. Скрябин	33
Кисмет — лейтенант Вавилов	38
Отпуск — В.	39
Учебное судно « Вел. Княгиня Ксения Александровна »	
— Г.А. Усаров	41
Следы старой катастрофы — П.А. Варнек	42
Хроника « ВОЕННОЙ БЫЛИ »	42
Письма в редакцию	44
Les uniformes de la Marine au cours du règne d'Alexandre I	
— Youri Solodkoff	45
Ordres et décorations de la guerre civile (suite) — P.V. Pachkoff	48
Plaques régimentaires et insignes de l'armée Russe — S. Andolenko	51
Histoire du pavillon de Saint André — G. von Guelmersen	54
A bord du « Dimitri Donskoi » — N. Ieniche	55
Décoration militaire à une petite fille de 12 ans — N. Scriabine	56
Notes explicatives	III

От Издательства

Подписка на цикл №№ 125-130 принимается по цене : 40 фр. фр., зона доллара — 10 дол. на ШЕСТЬ номеров. Подписную плату просьба отправлять, как всегда, на почтовый счет журнала « LE PASSE MILITAIRE » — 391012 PARIS, или нашим представителям за границей.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

XXII Год издания

№ 125 — НОЯБРЬ 1973 г.

BIMESTRIEL. Prix — 7,-Frs

ВОСПОМИНАНИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Воспоминания эти охватывают период времени 1773-1780 гг. и принадлежат перу великого русского флотоводца адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, победителя турок у Дарданелл, у Святой Горы, у острова Смотраки и во многих прочих сражениях.

Я из рода тех Сенявиных (1), которого предки в царствование Государя Императора Петра Великого, славно служили в гвардии и во флоте.

Я родился 1763 года августа шестого в полдень, в селе Комлеве, Боровского уезда. Священник прихода сего учил меня грамоте, а на 8-м году я читал хорошо и писал изрядно. На 9-м году матушка ездила в Петербург затем только, чтобы определить меня в сухопутный корпус. Матушка имела хорошую протекцию, но принят я не был, а по какой причине — не знаю; одно то справедливо, кому где определено, тому там и быть. Матушка в большом от сего огорчении тем же временем возвратилась со мною в Комлево. В это время не было еще у нас ни публичных училищ, ни наемных учителей, а чтобы мне не быть в деревне праздно, я отдан был для изучения арифметики в городскую школу, состоявшую из солдатских детей, под сособым присмотром смотрителя той школы гарнизонного поручика Наследова. Выучил я в одно лето первые четыре правила, несколько дробей и деление квадратное и кубическое.

Матушка зимнее время проводила обыкновенно в Москве. В это время дядюшка мой, адмирал Алексей Наумович Сенявин (2), проезжая из Таганрога в Петербург, остановился в Москве. Батюшка (3) мой находился при нем генеральс-адъютантом. Перед самым выездом их из Москвы, батюшка представил меня дядюшке, я ему очень понравился, взяли меня с собой, привезли в Петербург и очень скоро

спределили в Морской корпус. Это было в 1773 году, в начале февраля, батюшка сам отвез меня в корпус, прямо к майору Голостенову, они скоро познакомились скоро подгуляли. Тогда было время такое: без хмельного ничего не делалось. Распростившись меж собою, батюшка сажился в сани, я целовал его руку, он, перекрестя меня, сказал: « Прости, Митюха, спущен корабль на воду, отдан Богу на руки. Пошел, ямщик!» и в миг он из глаз сокрылся.

Корпус Морской находился тогда в Кронштадте (4) весьма в плохом состоянии. Директор жил в Петербурге и в корпусе бывал редко, по нем старший полковник жил в Кронштадте, но вне корпуса, бывал в корпусе почти каждый день, для того только, что был в корпусе. За ним управлял по всем частям майор Голостенов и жил в корпусе, человек средственных познаний, весьма крутого нрава и притом любил хорошо утуть, а больше выпить.

Кадет учили математическим и всем прочим касательно до мореплавания наукам очень хорошо и весьма достаточно, чтобы быть исправным морским офицером, но нравственности и присмотра за детьми не было никаких, а потому из 200 или 250 кадет ежегодно десятками выпускались в морские батальоны и артиллерию за леность и дурное поведение. Вот и я, пользуясь таким благоприятным временем, в короткое время сделался ленивец и резвец чрезвычайный. За леность нас только стыдили, а за резвость секли розгами, о первом я и ухом не вел, а другое несколько удерживало меня, да как особого присмотра за мною не было и напоминать было некому, то сегодня высекут, а завтра опять за то же.

Три года прошло, но я все в одних и тех же классах; наконец наскучило, я стал думать, как бы поскорее выбраться на свою волю. Притворился непонятым, дело пошло на лад и я был почти признан таковым, но к счастью мо-

ему был тогда в Кронштадте дядя у меня капитан 1 ранга Сенявин (5). Узнав о намерении моем, залучил меня к себе в гости, сперва рассказал мне все мои шалости, представил их в самом пагубном для меня виде, потом говорил мне наилучшие вещи, которых я убегаю по глупости моей, а потом в заключение кликнул людей с розгами, положил меня на скамейку и высек препорядочно, прямо как родной, право, и теперь то помню, вечная ему память и вечная мся ему за то благодарность. После обласкал меня по-прежнему, надарил конфетами, сам проводил меня в корпус и на прощание подтвердил решительно, чтобы я выбирал себе любое, то есть или бы учился или каждую неделю будут мне такие же секанцы.

Возвратясь в корпус, я призадумался, уж и ревность на ум не идет, пришел в классы, выучил скоро мои уроки, память я имел хорошую, и, прибавив к тому прилежание, дело пошло изрядно. В самое это время возвратился из похода старший брат мой родной (6), часто рассказывал мне в шабашное время красоты корабля и все прелести морской службы. Это сильно подействовало на меня, я принялся учиться вправду и не с большим в три года кончил науки и был готов в офицеры...

Гардемарином я сделал на море две кампании. Первая — в 1778 году на корабле «Преслава», от Кронштадта до Ревеля и обратно. Будучи в Ревеле в ожидании корабля от города Архангельска, чтобы с ним соединиться и вместе следовать в Кронштадт, случилось в первых числах сентября время дождливое и холодное. После просушки парусов и прикрепления их упал у нас матрос в воду с грот-брам-рея. В тот самый миг офицеры и матросы бросились все на борт, кто кричит: «Давайте катер!», другой кричит: «Хватайся, хватайся!», а человек еще и не вынырнул. Суматоха сделалась великая, упавший матрос был из рекрут, тепло одет, в новом косматом полушубке, крепко запонсан, что и препятствовало ему углубиться далеко. Он скоро вынырнул, но робея несколько, отдуваясь от воды и утираясь, кричал на салинг: «Добро, Петруха, дай только мне дойти на шханцы, я все расскажу: эку штуку нашел дурак, откуда толкаться». Мы тогда почти все захохотали. Вот что бывает с людьми. Несколько секунд назад все почти были от ужаса в беспамятстве, а потом — хохочут.

Матрос скоро взшел на корабль, повторяя те же слова на шханцах. Позвали Петруху с салинга, спрашивали его, но Петруха божился, что не толкал его, а сказал ему только: «Экой мешок, ступай на нок проворней, а не то я тебя спихну», а он, дурак, взявши и полетел с рея». Тут мы больше еще смеялись и помирили их. Чудно, что падая с грот-брам-рея, нигде

он не зацепился и даже ни за что не дотронулся и после был здоров совершенно. Множество я видел подобных ему примеров.

Другая кампания была до Норкапа и обратно в Кронштадт и считалась за две. 1779 года в январе месяце отправили нас, гардемарин 33 человека, в Ревель. При нас были капитан корпуса Федоров (7) (небольшой был охотник заниматься нами, а любил больше сам повеселиться) и учитель астрономии, который учил нас поутру два да после обеда два часа и то не всякий день, прочее время мы резвились и гуляли, где кто хотел, только бы ночевали дома. Бани была у нас вещь важная и необходимая, каждую субботу мы в нее ходили не столько мыться, как от безделья резвиться: например: несколько человек выбежит из бани, ляжем в снег и кто долее всех пробудет в снегу, тот выигрывает с каждого по бутылке меду и угощал, кого хотел.

Вместо слова «честолюбие» употребляли мы «молодечество». Были у нас еще в употреблении разные пословицы, самые варварские, как то, «ухе режь, кровь не капнет», «смерть — копейка», к тому же похвала сверстников, когда говорят: «Этот хват, славный околотено». Все это делало нас некоторым образом стечанными, смелыми и даже дерзкими. Я был крепкого здоровья и часто, иногда с горем пополам, оставался победителем товарищей и бутылоч с медом. Бутылка меду самого лучшего стоила тогда 3 копейки.

Лед в гавани был еще крепок, как началось вооружение пяти кораблей и одного фрегата, тогда-то сделалась наша волошка, только обеды да ночевали дома, в корпусе, прочее время кто на корабле, кто в трактире, кто разгуливает по городу. На другой день как эскадра стала вооружаться, в ночи 3-го числа загорелся корабль «Всеволод». Сперва показался густой дым из форд-люка, а потом вскоре и пламя; сделалась тревога, команда вся сбежалась, проломил лед, выхватили корабль из середины кораблей, поставили на мель, и корабль горел до подводной части без всякого другим судам приключения. Причина пожара сего не открылась и осталась неизвестна.

На место сего сгоревшего корабля назначен корабль «Дерись» из Кронштадта. 19 апреля эскадра наша была на рейде и к походу готова; 23-го числа против Ревеля показался корабль «Дерись», мы снялись с якоря, соединились и пшли в море. Вот как расторопно в наше время делались дела. Правда, старики, как говорят, мало знали, однако видно, что знали хорошо распорядиться, нонича знают много, только под носом не видят ничего.

В начале 1780 года нас экзаменовали. 1 мая я был произведен в мичмана и написан на корабль «Князь Владимир». Чины явлены нам в

Адмиралтейств-Коллегии в присутствии всех членов. Вместе с тем дано каждому на экипировку жалования вперед на полтрети, то есть двадцать рублей, да сукна на мундир с вычетом в год, да дядюшка Алексей Наумович подарил мне двадцать пять рублей.

Итак, я при помощи мундира и сорока пяти рублей, оделся очень исправно; у меня были шелковые чулки (это был парад наш), пряжки башмачные серебряные превеликие, темляк и эполеты золотые, шляпа с широким золотым галуном. Как теперь помню — шляпа стоила мне семь рублей. У меня осталось еще достаточно на прожиток. Время тогда было благодатное, во всем изобилие и дешевизна чрезвычайные. Правда, лаковых вещей было мало, но зато мы были сыты, румяны и хорошо одеты; сдним словом, — ни в чем не нуждались. Я могу сказать — будучи мичманом и далее капитаном, получал жалования в год в первом чине сто двадцать рублей, а капитаном — четыреста пятьдесят, а жил, право, богаче, как теперь в генеральском чине.

В этом лете три наших эскадры вышли из Кронштадта. Одна — пять кораблей и один фрегат — до Англии; другая — семь кораблей и один фрегат — в Средиземное море и зимовала в Ливорно; третья — пять кораблей и один фрегат — до Португалии и зимовала в Лиссабоне. Тут и я находился на корабле «Князь Владимир». В Кронштадт возвратились на другой год.

В Лиссабон пришли мы скоро и тут расположились на зимовку. У нас на корабле капитан был князь Леонтий Никитич Шаховской (8), а эскадрой командовал бригадир Никифор Львович Палибин (в то время во флоте были бригадирские чины). В наше время мы, молодые, скоро и хорошо росли, но не скоро старелись. До двадцати лет называли нас: «ребенок», «молокосос». Старики наши как будто нарочно более заботились о здоровье нашем, чем изнурять оное различными науками. Я был тогда на восемнадцатом году и резв до беспамяту.

Случилось капитану моему послать меня к бригадиру просить позволения шести офицерам съездить в Цинтру. Я приехал на флагманский корабль. Тотчас меня окружил мичмана. Сперва, как водится, поздоровались, а потом принялись, по обыкновению, болтать всякие глупости, хохотать. Я тороплюсь к бригадиру — меня не пускают. Я к каюте, — меня держат за полы. Наконец я растолкал, вырвался, подбежал к каюте и только занес ногу за порог, как мичман Лызлов (9), отличный мой приятель, так искусно подставил мне ножку, что я упал и чуть нос себе не разбил.

Бригадир играл в карты, сидя спиной к двери.

— Болван! Ты никогда порядочно не войдешь. Только и дело за тобой, что беситься!

Я подошел, поклонился и начал говорить:

— Князь свидетельствует свое почтение Вашему Высокоородию и просит позволения... — и вдруг я позабыл о чем. Никифор Львович погода немного спросил:

— Ну о чем же? Я молчу и только краснею.

— Ну, дурак, поди вон. Вспомни и приди!

Я вышел на шханцы. Мичмана меня опять обступили, хохочут. А мне не до того. Решаюсь всзвращаться на корабль и хоть с большим стыдом да переспросить капитана. Как вдруг вспомнил, обрадовался и иду докладывать.

— Хорошо, ответил бригадир, офицеров отпустить. А ты, друг мой, знаешь ли то, что я могу тебя розгами сечь. Отец твой и дядя дали мне на то полную доверенность и если ты не перестанешь беситься — я тебя отдеру на обе корки. Ступай и помни!

Бригадир наш был настоящий русский господин, свободного времени не тратил напрасно — любил повеселиться. А как кто любит что, — тот обыкновенно желает, чтобы и все любил то. И мы все на эскадре были свободны, весело и время провели, — не видали, как прошло. Два дня в неделю были в городе ассамблеи, которые составляли все иностранные министры, консула, богатейшие негодяи и вельможи португальские. Один день имел консул голландский Гильдемейстер. Два дня было собрание у Стеца, а остальные два — бригадир имел у себя на корабле.

В этих собраниях были всякий раз две сестры англичанки, по фамилии Плиус. Меньшая называлась Нанси. Ей было около 15 лет. Мы один другому очень нравились, я всегда просил ее танцевать, она ни с кем почти не танцевала, кроме как со мною. К столу идти — я к ней подхожу или она ко мне подбежит, и всегда вместе. Мы так свыклись, что в последний раз на прощание очень, очень скучали и чуть ли не плакали.

Капитан мой, князь Шаховской, был лет под пятьдесят, весьма кроткого нрава, так что за всю кампанию, то есть около полутора года, никто не слышал громкого или гневного его приказания. Время проводил он каждый день одинаково. Поутру вставал в шесть часов, пил две чашки чаю, а третью с прибавлением рома и лимона (что называлось тогда «адвокат»), потом, причесавши голову и завивши длинную косу, надевал колпак, на шею навязывал розовый платок, потом надевал форменный белый сюртук и всегда в туфлях, вышитых золотом, торжковой работы. В восемь утра выходил в этом наряде на шханцы и очень скоро возвращался в каюту. В десять часов всегда был на молитве, после полудня обедал, а после обеда раздевался до рубашки и ложился спать. Чтобы

скорее и приятнее заснуть, старики имели привычку — заставляли искать себе в голове или рассказывать сказки. Вот и князь наш после обеда искался в голове, а вечером сказывали ему сказки. Соснувши час, другой, а иногда и третий, вставал, одевался снова точно так, как был одет поутру, только наместо сюртука надевал белый байковый халат с подноскою, пил кофе, потом чай таким же манером, как и поутру. Около шести пополдни приходил в кают-компанию, садился за стол и закладывал банк в рубль медных денег. Тут мы, мичмана, пустимся рвать. Если один банк не устоит, — князь делает другой и третий, а потом оставляет играть. А когда выигрывает, то играет до девяти, потом уходит к себе ужинать и в десять ложится спать.

Возвращаясь в 1781 году из Лиссабона в Кронштадт, в июле месяце встретили на Копенгагенском рейде эскадру нашу в девять кораблей и три фрегата, идущих в Средиземное море. Вот в царствование Императрицы Екатерины сколько кораблей ежегодно плавало в дальних морях, чтобы офицеры и матросы приобретали лучшие познания. Тогда флот Балтийский состоял из более сорока кораблей. Разом бывало в море тридцать два корабля, в том числе пять 100-пушечных с медной артиллерией. Можно сказать — флот был славный. Шведы и турки везде и всегда были биты и истребляемы. И сами англичане не осмеливались согрubitъ Ее Величеству и, стиснувши зубы, старались лишь угодить.

В 1782 году, по именному повелению командировали в Таганрог пятнадцать старших мичманов, в чиле которых был и я. В это время назначено было спустить один корабль и два заложить. Государыня изволила посетить Адмиралтейство, присутствовала при закладке и потом взошла на приготвленный к спуску. Когда Императрица входила на корабль — я с товарищами был у фалрепа. Она часто изволила останавливаться для отдохновения и случилось остановиться ей противу меня. Я потянулся через поручень поцеловать руку. Государыня милостиво изволила пожаловать мне ее.

— Не резвись, смотри, — указала она вниз. — сорвешься и пропал.

Точно мать родная...

В Петербурге дали мне партию, одного квартирмейстера и двенадцать матросов, и отправили на почтовых. Я пустился прямо в Москву, потом на Боровки и в Кололево, увидевшись с матушкой. Пробыл два дня. За прощальным обедом собралось много гостей посмотреть на приехавшего из Петербурга, побывавшего за морями. Матушка рассказывала гостям, что буду непременно в чинах больших

В Таганрог я приехал в первых числах ию-

ля. Посадили меня с товарищами на галиот и отправили в Керчь, на Азовский флот. Флот сей составляли в то время одна корвета 22 пушечная и называлась корабль «Хотин». Он был флагманским. Шесть кораблей бомбардирских, вооруженных мортирами и гаубицами, один бриг, три шхуны и три палубных бата.

Я определен был на «Хотин». Вскоре прибыл в Керчь владетель Крыма Хан Шагин-Гирей. При нем находился министр наш Веселицкий и Главнокомандующий войсками в Крыму генерал-майор Самойлов, впоследствии граф и генерал-прокурор Сената. Хан пробыл в Керчи три дня. Посадили его с тремя преданными ему муразами на «Хотин», прочих девятнадцать человек свиты разместили на иные суда. Снялись с якоря и на другой день прибыли к Петровской крепости. Тут принял Хана генерал Потемкин, который потом был Светлейший князь Таврический. Хан при съезде одарил нас разными подарками, мне достались серебряные часы, стоющие 50 рублей. Эскадра снялась с якоря и ушла в Керчь.

В октябре прибыл 32-пушечный корабль «Крым», построенный в Хоперской крепости. Командующий флотом Тимофей Гаврилович Козлянинов (10) поднял на нем свой брейд-вымпел и меня перевели на сей фрегат. В последних числах октября мы пришли в Кафу (11), ездили на берег, делали покупки без всякой осторожности от заразительной болезни.

Первого ноября оказалась у нас на фрегате чума. Бригадир тот же час переехал на «Хотин» и приказал нам всех заразившихся свезти на берег и устроить им палатки из парусов. Около 15-го числа чума вовсе прекратилась, похитив за две недели сто десять человек. К счастью нашему, случился у нас искусный лекарь Мелярд. Он служил прежде у Хана и знал чумную болезнь. Пересматривая команду четыре раза в день, он весьма редко ошибался во времени, кто из заразившихся сколько проживет.

В 1783 году пришли в Ахтиар (12). Командиры собрались на обед к адмиралу.

— Господа, здесь мы будем зимовать, — объявил он распоряжение Главнокомандующего. — Старайтесь каждый для себя что-нибудь выстроить. Я буду помогать Вам. Идите кушать.

Сели за стол. обедали хорошо, встали веселы, а вечером допили и на шанцах танцевали. Около полуночи бал кончился.

На другой день принялись за дело. Первым делом выстроили пристань и баню. Потом начали строить домики для себя и казармы для людей. Третьего июля адмирал заложил часовню во имя Николая Чудотворца (13), где и ныне церковь морская существует. Вот откуда начало города Севастополя.

Зиму провели весело. Адмирал назначил для благородного собрания большую пустую магазейну. В свободное время занимались разными охотами, все имели хороших борзых собак, ловили рыбу неводом, а так как Севастополь издавна не был никем обитаем, то заливы его сделалась наилучшим убежищем рыбам и плавучим птицам. Адмирал наш любил давать празднества. Ни одна свадьба, крестины и даже похороны не обходились без него.

В начале 1784 года князь Потемкин-Таврический был назначен Главнокомандующим Черноморским флотом. Светлейший часто посещал Крым и Севастополь. Я всегда назначался к нему в ординарцы. В сентябре прибыл к нам из Херсона первый построенный там 70-пушечный корабль. «**Слава Екатерины**», под командой капитана 1 ранга графа Войновича.

В 1786 году я заболел лихорадкою. Всякое старание лекарей было мне бесполезно. Граф Войнович, сделавшийся к тому времени главным командиром флота, искренне заботился о моем здоровье и назначил меня командиром пассаж-бота (14), которое беспрепятственно ходило к Константинополю с депешами к посланнику, предполагая, что с переменою климата лихорадка меня оставит.

Я скоро пришел в Константинополь и представил себя посланнику Я.И. Булгакову и обедал у него. За столом случился доктор Жароти (славился в Константинополе). Подавали макароны, приготовленные на сливках в паштете. Мне они очень понравились и я наложил себе полную тарелку и даже с верхом. Посланник приметил и сказал:

— Как вы думаете, доктор, хорошо ли лихорадочному кушать эти макароны и такую же огромную порцию?

Доктор Жароти, как итальянец, прежде сделал приличную ужимку, а потом отвечал, что если такую порцию скушает здоровый, то непременно приключится ему лихорадка и даром никак это не пройдет. Однако после этой порции лихорадка меня оставила и с тех самых пор как будто никогда ее и не было.

В 1787 году я был произведен в капитан-лейтенанты. Граф послал меня с важными депешами к Светлейшему. По приезде в Кременчуг, тут была уже Императрица. Князь приказал мне отдохнуть, это было под вечер, когда дворство делало великолепный бал в галлерее, нарочно построенной.

Я был тогда молод, здоров и, несмотря на то, что два дня проскакал триста верст верхом по летучей казачьей почте и столько же верст на перекладных, рассудил, что высплюсь обратной дорогой, а теперь лучше останусь во дворце позвать (на бале не мог быть, потому что не было со мною из платья ничего, кроме дорожного).

В половине июня Государыня прибыла в Инкерман, тут кушала и скоро потом изволила ехать на катере мимо флота в Севастополь. При вступлении на катер Императрица, милостиво приветствуя людей, сказала:

— Здравствуйте, друзья мои.

Гребцы разом ответили:

— Здравствуйте, Матушка Царица наша.

Потом ей угодно было сказать:

— Как далеко я ехала, чтобы только увидеть вас!

Тут, загребной матрос Жаров (который был после лучший шхипер во флоте) ответил ей:

— От евдакой Матушки Царицы чего не может статься (как хотите теперь так и разбирайте ответ матроса).

Государыня, обратясь к графу Войновичу, сказала по-французски, с большим, как показалось, удовольствием:

— Какие ораторы твои матросы...

Гребцы были подобраны молодец к молодцу, росту не менее десяти вершков, прекрасные лица. На правой стороне все были блондины, на левой — брюнеты. Одежда их была: оранжевые атласные широкие брюки, шелковые чулки в башмаках, тонкие полотняные рубашки, галстук тафтяной, пышно завязанный, а когда люди гребли, тогда узел галстука с концами был закинут на спину, фуфайка оранжевого тонкого сукна выложена узорами черного шнура, шляпа круглая, с широким галуном с кистями и с султаном страусовых перьев. Катер блестел от позолоты и лака.

На флоте люди поставлены были на реях в летних платьях, фуфайках и широких белых брюках, шелковых галстуках, кушаки были разных цветов по кораблям на подобие лент георгиевских и владимирских.

На другой день Государыня изволила посещать флот. С нею был австрийский Император Иосиф II. Он обращение имел весьма свободное и очень часто позволял себе говорить итальянские полуматерные термины, которые введены там в такое употребление, что даже первоклассные дамы говорят их без всякого зазрения совести.

На третий день поутру Государыня изволила отправиться в обратный путь. Кушала в Байдарках.

В это время шведы затевали великие проекты на зло России. Они убедили турок объявить нам войну, обещали им возратить Крым. Шведы так были уверены в успехе, что был уже назначен командант нашего Петербурга. В августе турки сделали требование: Крым возратить, Кинбурн срыть. Посланник наш отверг глупости их. Война возгорелась. Турки посадили посланника в Семибашенный замок, назначили семь кораблей и пять фрегатов к Варне и там сжидать столько же кораблей, под пред-

водительством известного славного капитана-наши Гассан-Паши. Светлейший незамедлительно уведомил графа Войновича о войне с турками, предложив со всем флотом пуститься на турок. Повеление это получено, как теперь помню, 30 августа в субботу после обеда. На другой день все капитаны обедали у графа и упростили его в понедельник не уходить в море, ибо это день несчастный. Вот совершенное невежество и глупость русского предрассудка. Если бы мы вышли в море в понедельник, то непременно были бы в Варне и сделали бы сражение, а так целые сутки промедлили и потеряли ужасное бедствие.

2 сентября, с добрым попутняком вступили под паруса: три 70-пушечных корабля, два 50-пушечных и шесть 40-пушечных фрегатов. Проплыв половину расстояния, четвертого числа случились нам ветры тихие, 8-го в полдень мы были от Варны в сорока милях, ввечеру ветер стал крепчать, а к полуночи сделался ужасный шторм от норд-веста. 9-го на рассвете мы видели только один корвет и два фрегата без мачт. В девятом часу у нас на корабле все три мачты сломались разом, сделалась большая течь. В полдень никого от нас не было видно. Десятого течь прибавилась, а 11-го так увеличилась, что мы были на краю гибели. Шторм продолжался трое суток, потом стих и время сделалось прекрасное.

В наше время, в старину, в командах бывали иногда два весельчака для забавы людей. Их звали «коты-бахари». У нас был такой, — слесарь корабельный. Играл на дудке с приваивами, шутил. Когда во время шторма, я сошел на палубу покуражить людей, вижу слесарь сидит покойно на пушке, обрезая кость солонины и кушает равнодушно.

— Скотина, то ли теперь время наедаться, — кричал я ему.

Бахарь сосочил и вытянулся.

— А я думал, Ваше Высокоблагородие. теперь то и поест солененького, может доведется пить много будем.

Все захохотали. «Ура, бахарь, ура!» Все оживились, и работа сделалась в два раза спешнее.

21-го числа вернулись в Севастополь. Из числа эскадры наш фрегат «Крым» (15) пропал без вести, а корабль «Мария Магдалина» унесло без мачт в Константинополь, и он достался туркам со всем экипажем.

Сентября 29-го рано поутру у острова Ад (что ныне Березань), показались турецкие 11 кораблей, 8 фрегатов и мелкие военные суда. Подошли к Очакову и установились на якорь. Турки пришли взять Кинбурн, и у кого же брать? — у графа Суворова, который сам поставлял себе священным долгом за веру свою и

у врагов Государя своего, где и как возможно побольше приколот.

1 октября турки начали высаживать десант на оконечность косы. Граф Суворов приказал всей артиллерии зарядить одним ядром с картечью, полевые орудия поставить перед стеною крепости, прикрыть турами и также зарядить картечью. Но не палить, пока турки не подойдут на картечный выстрел. Турки пустились на приступ. Крепость не палил. Они остановились, изумленные, думали и рассуждали, почему не стреляют по ним. Решили — пушки не заряжены, а, быть может, их и нет. Только подбежали — наши сделали залп. Турки дрогнули назад. Три раза подступали, даже вскакивали на наши пушки. После четвертого отбоя граф Суворов вывел войска из крепости, бросился на турок. Их гнали, кололи беспощадно, топили суда. Граф Суворов при сражении был ранен. По окончании дела, обмывал раненую шею на взморье и, конечно, не без намерения позволял отличным гренадерам драть себя за ухо и поздравлять с обновкою.

20 мая 1788 года, рано поутру, турецкие корабли, шесть фрегатов, десять корветов и 40 лансон, показались у Кинбурна. Здесь находилась наша дубель-шлюпка, под командою капитан-лейтенанта Сакена, славного морского офицера (16). По точным обстоятельствам он должен был идти на соединение с нашей флотилией. Откланиваясь за завтраком графу Суворову, он сказал:

— Меня турки даром не возьмут.

Около полудня он снялся с якоря, поставил все паруса. Ветер ему благосприствал. Турки бросились в погоню. К несчастью Сакена, ветер стал стихать. К сумеркам заштилело. Турки приблизились на пушечный выстрел. Сакен храбро отпаливался, наносил большой вред, но отбиться не мог. Тогда Сакен послал всех людей на бак, вошел в свою каюту, под полом которой была кройчат-камера, взорвал свое судно, и сам с ним взлетел на воздух.

Сей поступок Сакена остается на произвол судить каждому. Сколько голов, столько умов. Я знаю только, что поступок Сакена не был чужд сердцу Императрицы. Она щедро наградила его старую мать и двух сестер...

На этом обрывается рукопись нашего славного адмирала.

Подлинная его рукопись хранилась в Архиве Морского Генерального штаба в Петербурге. Покойный адмирал писал эту рукопись уже в чине адмирала, в начале прошлого столетия.

Из архивов капитана 2 ранга Н.С. Чирикова

ПРИМЕЧАНИЯ :

1) Первыми представителями рода Сенявиных во флоте были братья Иван, Наум и Ульян Акимовичи Сенявины, начавшие службу при Петре I. Из них Наум Сенявин, командуя корабельным флотом, одержал победу над шведами у острова Эзель в 1719 году. О нем смотри статью фон Гельмерсена «**Военная Быль**» № 88 стр. 43.

2) Это сын Наума Сенявина, создатель Азовской флотилии при Императрице Екатерине II. Со смертью Петра, в 1725 году, несколько лет не интересовались судостроением на юге, пока в 1729 году граф А.И. Остерман не возобновил работ по достройке начатых Змаевичем судов. В кампанию 1735 года, при вторичном взятии Азова, флотилия Бредала, построенная на донских верфях, (Воронеж — Тавров), сильно содействовала падению крепости своей бомбардировкой и блокадой. Это было единственное пробуждение от мертвой спячки, которую при ближайших преемниках Великого Петра переживал флот. Только с воцарением Екатерины началось возрождение флота и одним из первых указов явился указ о создании на старых Петровских верфях на Дону и его притоках флотилии, получившей название «Азовской» или «Донской». Вес 1769 и 1770 года прошли в упорной работе по восстановлению и оборудованию верфей, портов и постройке судов. Флотилия эта, созданная руками талантливого моряка контр-адмирала Алексея Наумовича Сенявина, приняла деятельное участие, под его же командованием, в завоевании Крыма и положила начало русскому господству в Черном море. Эта постройка и кадры Алексея Наумовича Сенявина были лебединою песней донского судостроения. Азовское море, к которому так упорно пробивался Петр Великий, отходило на второй план и превращалось во внутреннее озеро.

3) Николай Федорович Сенявин в чине армии подпоручика состоял генеральс-адъютантом до 1784 года, когда был уволен в отставку.

4) Директором был адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов. Случившийся 23 мая 1771 года сильный пожар на Васильевском острове, причем сгорел Морской Шляхетный кадетский корпус, побудил Адмиралтейств-Коллегию перевести его в Кронштадт и поместить в так называемом Итальянском дворе, где позже помещалось Техническое училище Императора Николая I, сделав ранее исправления и переделки в здании, на что было израсходовано почти 12 тысяч рублей. «Теоретические сведения сообщались в корпусе в то время хорошо. В числе преподавателей был замечательный человек Н.Г. Курганов. Ученик Навигационной Школы, попавший в помощники учителей в Морскую Академию, он, будучи в математических классах, не только образовался дальше в математических и морских науках, но сам узнал хорошо французский и немецкий языки и мог читать

английские и латинские книги.

5) Иван Федорович Сенявин выпуска из Морского Шляхетного кадетского корпуса 18 февраля 1760 года. Служил во флоте до 1782 г.

6) Сергей Николаевич Сенявин, выпуска из Морского Шляхетного кадетского корпуса 1 мая 1779 года. Служил во флоте до 1791 года, когда после шведской кампании 1788-90 гг. был уволен в отставку за ранениями, с чином капитана 2 ранга и сохранением получаемого содержания по смерти.

7) Капитан 1 ранга Николай Семенович Федоров, выпуска из Морского Шляхетного кадетского корпуса 1 мая 1766 года, произведен в мичманы из капралов. Состоял в этой должности «полковника».

8) По общему Морскому Списку, в XVIII веке среди Шаховских было 4 моряка; среди них три брата: Федор, Леонтий и Филипп Никитичи, младшие сыновья князя Никиты Ефимовича. Мне кажется, что в данном случае адмирал спутал Леонтия с его старшим братом — Федором, так как служебные данные Сенявина совпадают с теми которые имеются в Общем Морском Списке о князе Федоре.

— 1780 г. — Командуя кораблем «Князь Владимир», плавал в Средиземном море, в эскадре капитана бригадирского ранга Палибина. 1781 г. — Командуя тем же кораблем, возвратился с эскадрой в Кронштадт. 1782 г. — Уволен от службы.

(справка дана князем **Д.М. Шаховским**)

9) Дмитрий Лызлов, выпуска из Морского Шляхетного кадетского корпуса 21 апреля 1777 года, произведен в мичмана из капралов.

10) Тимофей Гаврилович Козлянинов, выпуска из Морского Шляхетного кадетского корпуса 18 февраля 1760 года.

11) Кафа — впоследствии Феодосия.

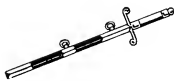
12) Ахтиар, название татарского селения на берегу бухты. Впоследствии — Севастополь.

13) Никольский Морской Собор, на Екатерининской улице между Графской пристанью и Минной башней.

14) Пассаж-бот — курьерское судно.

15) На серых мраморных досках, находившихся в церкви Морского корпуса в Петербурге. На первой доске — Погибшие при крушениях. Третья строка — Фрегата «**Крым**», пропавшего без вести в Черном море в 1787 году; капитан-лейтенант Николай Селиверстов, мичманы Иван Рыдин, Василий Рубец.

16) Фон Сакен Рейнгольд, выпуска из Морского Шляхетного корпуса 8 марта 1772 года. Произведен из капралов в мичмана. Черная доска в церкви Морского корпуса в Петербурге. На второй доске: На войне с Турцией 20 мая 1788 года капитан 2 ранга Рейнгольд фон Сакен, команда дубель-шлюпки с 9 орудиями и был преследуем неприятельскою гребною флотилией, на высоте Кинбурна свалился с 4 галерами и вместе с ними взорвался.



Балтийский флот в войну 1914-1917 гг.

Напряженное политическое положение, создавшееся к июлю 1914 года, еще более сгустилось к середине месяца, и весь Балтийский флот понял, что война неизбежна, когда 14 июля все суда приняли по радио условный сигнал: «Дым, дым, дым», обозначивший объявление мобилизации. Все суда устремились в свои порты. Работа закипела, и в трехдневный срок мобилизация была закончена. Списали на берег все ненужное, погрузили уголь и полные боевые запасы, на резервные корабли доприняли недостающих по комплекту матросов и офицеров, после чего сосредоточились в середине Финского залива, у острва Нарген.

Война еще не была объявлена, но маленький, хорошо сплавившийся и обученный молодой состав возродившегося после русско-японской войны флота, вполне сознавал всю ответственность и предьявляемые к нему требования.

Балтийскому флоту вменялось в обязанность дать решительный бой в начале Финского залива, на линии Ревель-Гельсингфорс и, если не воспрепятствовать, из-за своего незначительного количества (3 линейных корабля устаревшего типа — четвертый, «**Андрей Первозванный**», находившийся в ремонте подводной части в Кронштадте; — 1 броненосный крейсер «**Рюрик**», 5 устаревших тяжелых крейсеров, 4 устаревших крейсера, постройки до японской войны; 1 новейший нефтяной миноносец «**Новик**», 36 угольных миноносцев и 5 подлодок старого типа), то хотя бы задержать на несколько дней проникновение неприятеля вглубь залива до сосредоточения русских сухопутных сил в угрожаемом месте, на подступах к столице.

Настроение и подъем духа у личного состава были блестящи. Все готовились к, казалось, неизбежному и скорому сражению. Офицеры, находившиеся на берегу, стремились попасть на суда действующего флота; многие старшие специалисты просились на должности младших офицеров, чтобы принять участие в действительной защите родины и не опоздать к решительному моменту, так как были убеждены в молниеносности войны.

Иллюстрацией к общему настроению могут служить слова командующего флотом, адмирала Н.О. Эссена, сказанные в этот период и концентрирующие чувства всех его подчиненных:

— Готовлюсь вступить в бой, может быть последний в моей жизни. Иду со спокойной совестью, ибо сознаю, что сделал все, от меня зависящее, чтобы использовать данные мне средства. Мы выполним долг до конца!

Вышереприведенные чувства не являются

только домыслом, почерпнутым из архивных материалов. Автору сего очерка пришлось лично пережить настроение высокого подъема того времени, выходя 17 июля, после мобилизации, в составе экипажа одного из старых крейсеров в Кронштадт к Наргену. Бригада крейсеров подняла свои реликвии, старые кормовые флаги, простреленные десять лет назад, — 28 июля, 1 августа и в Цусиме, — японскими снарядами, и уходила, провскаемая громкими криками: « ура » населения Кронштадта со всех набережных, стенок и фортов. Уходила, как и все корабли из других портов, « чтобы выполнить долг до конца ».

По тяжелому опыту русско-японской войны ожидалось, что первым ударом неприятеля будет попытка уничтожить слабые силы русского флота, чтобы обладать не только свободой действий в Балтийском море, но и безнаказанно иметь возможность проникнуть в любое время в Рижский и Финский заливы.

Береговые батареи новой Ревельской крепости, обслуживающиеся морскими командами (крепость Имп. Петра Великого), находились в зачаточном состоянии. Предполагаемых 12-дюймовых батарей на островах Нарген, Вульф, Реншер, перекрывающих своим огнем Финский залив, не существовало. Новые дредноуты находились в стадии постройки и только два из них могли вступить в строй поздней осенью. Легкие крейсера типа «**Адмирал Невельский**» строились в Германии и, очевидно, поступали на усиление флота противника, нефтяные миноносцы типа «**Новик**» должны были быть готовы только в 15-м и 16-м годах. Таким образом для ничтожных, по сравнению с германскими, сил флота создавалось угрожающее положение. Командующему флотом после настойчивых просьб удалось добиться разрешения, до фактического объявления войны, поставить так называемое центральное минное заграждение поперек залива, на линии Нарген-Поркалауд.

Сигналом по радио: « Огонь, огонь, огонь » флот был извещен 17 июля о производстве этой операции. Стряд минных заградителей, под флагом кснтр-адмирала В.А. Канина, в составе «**Ладоги**», «**Наровы**», «**Енисея**», «**Амура**» и «**Волги**», вышел на постановку под охраной различных 3 линейных кораблей: «**Иши Павла I**», «**Цесаревича**», «**Славы**», крейсеров: — «**Рюрика**», (флаг командующего флотом), «**Грэмсея**», «**Адм. Макарова**», «**Паллады**», «**Баяна**» и миноносцев, то есть почти всего флота. Операция постановки прошла безукоризненно. В этот день отряд поставил больше 2.200 мин. У всех вырвался невольно вздох



Командующий Балтийским Флотом Адмирал
Николай Оттевич фон Эссен

облегчения. Заграждение страховало от всяких неожиданностей со стороны неприятеля.

19 июля 1914 года Адмиралтейство из Петербурга дало сигнал: «Мслния, молния, молния», что означало: война объявлена.

Война началась.

Приказ командующего флотом был встречен с энтузиазмом всем личным составом. Он начинался словами:

— «Волею Государя Императора сегодня съявлена война. Поздравляю Балтийский флот с великим днем, для которого мы живем, которого мы ждали и к которому готовились...» и заканчивался призывом:

— «Да исполнит каждый из нас величайший долг перед Родиной — жизнью своей защитит Ее неприкосновенность — и да последует примеру тех, которые, вести лет назад, с Великим Императором, своими подвигами и кровью положили в этих водах начало нашему флоту.

Адмирал фон Эссен». (19 июля 1914 года. Приказ командующего флотом Балтийского моря №2).

Самые тревожные, первые дни войны прошли благополучно. Немцы, занятые сосредоточением своих сил против сильнейшего противника, англичан, сделали крупную стратегическую ошибку, не предприняв даже своими резервными силами, то есть устаревшими судами, превышавшими больше чем в два раза состав русского флота, никаких операций в Балтийском море.

Русский флот усиленно ставил мины, под-

крепляя центральное заграждение, и загрудняя подступы к нему, постановкой передового заграждения в устье Финского залива, между Ганге и Оденсхольмом. Ставили мины как с заградителей, так и с больших угольных миноносцев, бравших 30-35 шаровых мин на верхнюю палубу. Все постановки, несмотря на некоторую нервность работы и не втянувшийся еще полностью в военную обстановку личный состав, происходили без всяких аварий. Последнее указывает на хорошую подготовку личного состава и самоотверженную работу офицеров, подчас рисковавших своей жизнью, спасая положение при неизбежных случайностях, зависящих от внешних условий. Иллюстрацией к последнему может послужить случай, происшедший на миноносце «Генерал Кондратенко» (750 тонн) 1 августа 1914 года, при постановке добавочного заграждения. Одна из очередных сбрасываемых мин во время паления в воду зацепилась своим минрепом (веревка из проволоки, связывающая мину с ее якорем) за срез фальшборта и стала тащиться за миноносцем, временно псказывая свои смятые свинцовые копки. Мина должна была через три-четыре минуты взорваться, как только растает кусок сахара, вставленного предохранителем в контакт, и неизбежно оторвать корму миноносца. Минный офицер, лейтенант Э., отослал всех людей бегом на нос судна, а сам с кондуктором спешно стал перерезать острогубцами стальные проволоки минрепа. Момент критический, время на исходе, проволок много и перекусываются они с трудом. Наконец работа закончена.

но не успела мина отплыть на несколько футов, как раздался взрыв, поднялся огромный столб воды и обрушился на корму. «**Ген. Кондратенко**» остался невредимым, и лейтенант Э. рискуя жизнью, спас судно и всех на нем находившихся от верной гибели.

В первый, очень короткий период пассивной обороны, 2 крейсера несли суточный дневной дозор в устье Финского залива у первого заграждения. Этот дозор был снят после появления в наших водах немецких подлодок, взорвавших крейсер «**Палладу**» (28.9.14), возвращавшуюся совместно с «**Баяном**» из дозора.

Для наблюдения за противником оказалось вполне достаточным донесений с постов службы связи, раскинутых непрерывной сетью по побережью, и сообщений начальни службы связи капитана 1-го ранга А.И. Неленина после обработки им сведений, регулярно получаемых от противника.

Только 4 августа к вечеру, впервые у входа в Финский залив появились неприятельские силы, которые держались очень далеко. Оказалось, что ночью крейсера и находившийся при них заградитель поставили большое минное поле впереди нашего заграждения. Это только укрепило нашу позицию и показывало, что неприятель не собирается вести наступление, придерживаясь принципа активной обороны.

Но вскоре такой метод действий заставил немцев убедиться в небезопасности плавания в наших водах: 13 августа ночью, в тумане, сел на рифы острова Оденсхольм германский новейший легкий крейсер «**Магдебург**» (командир, 2 офицера и часть команды утром были взяты в плен, другая часть команды ушла ночью на двух находившихся при нем миноносцах), и, кроме того, их легкие силы неоднократно подвергались обстрелу крупнокалиберной артиллерией крейсеров («**Адм. Макарев**», «**Паллада**», «**Баян**», «**Громобей**») и атакам миноносцев в частности «**Новиком**».

После этого крейсера — разведчики, неприятеля не рисковали заходить дальше параллели острова Даго, а наш командующий флотом счел возможным сам перейти к активной обороне, которая и продолжалась на протяжении всей войны, до революции 1917 года.

Она состояла в регулярных выходах крейсеров (флаг контр-адмирала М.К. Бахирева) и миноносцев для «уничтожения разведчиков» до южной оконечности острова Готланд; в постановке заграждений у берегов противника; в защите Рижского залива и поддержке фланга 12-ой армии генерала Радко-Дмитриева и высылке подводных лодок на пути сообщения противника.

В краткой заметке-памятке совершенно невозможно разобрать все эти операции и выя-

вить всю доблесть команд, неустанно и энергично борющихся в продолжение 3 лет за честь и славу своей Родины и Андреевского флага. Крупные и мелкие суда выходили в море в любое время года и состояние погоды. В шторм и мороз, поздней осенью и ранней весной, обледенелые, похожие на призраки, они ходили по заграждениям, подвергались атакам подлодок, ставили мины, тралили фарватеры, подвергались почти ежедневным (в Рижском заливе) бомбежкам с воздуха прилетающими неприятельскими гидросамолетами и Цепеллинами, а при встречах с противником атаковывали торпедami и вступали в артиллерийский бой, нанося ему ощутительные удары.

Ничтожное количество устарелых судов, но с личным составом, обладающим знаниями и проникнутым духом мужества и предприимчивости, заставило сильного противника считаться с их существованием.

Приводимый ниже очень краткий и весьма неполный перечень операций может служить доказательством размера (по времени и пространству) произведенной работы и перевыполненных заданий, поставленных флоту в начале войны.

Всю осень 1914 года командующий флотом адмирал Эссен держал свой флаг на «**Рюрик**» и лично производил разведку в Балтийском море. (19 и 20 августа с крейсерами «**Россия**», «**Олег**», «**Богатырь**» и миноносцами; 26 августа с линейными кораблями «**Адм. Макаров**», «**Паллада**», «**Баян**», 14-18 сентября на одном «**Рюрик**» находился в сильный шторм, в районе Данциг-Борнхольм).

24 сентября «**Новик**» и 4 миноносца типа «**Сибирский стрелок**» поставили заграждение, первый у Пиллау в Данцигской бухте, вторые — на очень большой волне, при качке в 35 гр., на фарватере Мемель — Малый Бельт. На этом заграждении 4 ноября взорвался и погиб немецкий броненосный крейсер «**Фридрих-Карл**».

11 ноября «**Новик**» поставил заграждение у банки Штолпе, на фарватере Данциг-Штеттин.

Весь ноябрь и декабрь, до 24-го числа, крейсера «**Россия**» и «**Аврора**» находились в Оландских шхерах, проверяя стратегические шхерные фарватеры и выходя в Ботнический залив для наблюдения.

В ночь на 1 января 1915 года крейсер «**Россия**» (флаг контр-адмирала Канина), при участии капитана 1-го ранга А.В. Колчака (зав. оперативным отд. штаба ком. флотом) поставил 200 мин заграждения у маяка Аркона, в 3 милях от берега острова Рюгена, на котором через два дня подорвался немецкий крейсер «**Газелле**» и, взорвавшись, погиб еще пароход. Неприятель объявил, что ввиду появления в районе Арконы подлодок временно движение судов прекращается.

В тот же день, находясь под тем же командованием, крейсера «**Олег**» и «**Богатырь**» поставили второе заграждение у банки Штолпе.

1 февраля 1915 года эскадренный миноносец «**Новик**» (бейд-вымпел капитана 1-го ранга А.В. Колчака) с миноносцами «**Сибирский Стрелок**», «**Ген. Кодратенко**», «**Охетник**» и «**Пограничник**» в туман и мороз поставили заграждение в 15 милях южнее входа в Данигскую бухту.

В 1915 году началась борьба за Рижский залив, так как сухопутные силы неприятеля стали продвигаться к Виндаве, а впоследствии и к Риге.

19 апреля был впервые загражден минами вход в Рижский залив через Ирбенский пролив. В ночь на 24 апреля «**Новик**» с 4 миноносцами типа «**Сибирский Стрелок**», в сопровождении 8 миноносцев типа «**Стерегающий**», поставили заграждение против и южнее Либавы. В море, для прикрытия, находился отряд крейсеров («**Макаров**», «**Баян**», «**Олег**», «**Богатырь**») под флагом контр-адмирала Бахирева. Он обнаружил легкие силы противника, которые после обстрела быстро скрылись в южном направлении.

Весь май укрепляли Ирбенскую позицию. 23 мая подлодкой у Готска-Сандз потоплен немецкий миноносец и транспорт. В ночь на 7 июня миноносцы под прикрытием «**Новика**», произведшего глубокую разведку, поставили заграждение южнее Виндавы, в трех милях от берега. Та же операция повторена в ночь на 17 июня.

18 июля 1915 года крейсера контр-адмирала Бахирева вместе с броненосным крейсером «**Рюрик**» вышли в море на бомбардировку Мемеля и уничтожение неприятельских разведчиков. Вечером, в сильный туман «**Рюрик**», шедший концевым, оторвался от крейсеров и продолжал идти самостоятельно. Ночью контр-адмирал Бахирев получил извещение от начальника службы связи, что на параллели острова Даго, то есть значительно севернее наших крейсеров, находятся немецкие легкие крейсера. Контр-адмирал Бахирев, оставив бомбардировку Мемеля, решил встретиться с неприятелем к 8 часам утра, и лег на курс в направлении северо-восточной оконечности острова Готланд. «**Рюрик**», уйдя значительно вперед и ближе к мемельскому берегу, получил извещение своего адмирала, тоже повернул на север, но находился на большем от него расстоянии и гораздо южнее. В 8.30 с крейсеров адмирала Бахирева увидели во мгле 5-6 неприятельских судов крейсерского типа. После короткого боя на высоте шведского маяка Эстергарн неприятель, круто повернув на северо-запад, скрылся за северной оконечностью острова Готланд, оставив в сильно поврежденном состоянии свой минный заградитель «**Альбатрос**», который под огнем наших крей-

серов, имея пожар на корме, сбитую фок-мачту и сильно паря, вошел в нейтральные воды и выкинулся на берег у шведского маяка Эстергарн (остров Готланд). Было 10 часов утра 19 июня. Крейсера адмирала Бахирева, подвергшись атаке трех германских миноносцев, бывших до последнего момента при «**Альбатросе**» (атака — с носа, мины выпущены с расстояния 20 кабельтовых, — прошли под носом у «**Макарова**», миноносцы, закрывшись дымовой завесой, проскочили между крейсерами и берегом и ушли на юг) — продолжали идти на север. В это время германский броненосный тяжелый крейсер «**Росн**», бывший в поддержке, спешил с юго-востока, совместно с крейсером «**Бремен**» на выручку своих. Но было уже поздно, он мог обменяться только несколькими выстрелами с концевым «**Баяном**» и повернул на юг. «**Рюрик**», находившийся еще южнее, тоже спешил к месту боя. В 10 ч. 25 м. он увидел «**Бремен**», а за ним «**Роон**». В 10.42 открыл огонь. «**Роон**» принял бой, но через 8-10 минут, получив последовательные попадания за кормовой трубой 8-дюймовым снарядом, за кормовой башней и вслед за тем целый залп, — резко повернул к югу и стал уходить, отстреливаясь только из одной пушки. «**Рюрик**» стал преследовать; подвергся атаке подлодки, что значительно увеличило расстояние до «**Росна**». Погоня продолжалась до 11.50 и прекратилась после приказа адм. Бахирева «**возвратиться**».

В этот же день 19 июня, у входа в Данигский залив подводная лодка атаковала германский линкор «**Поммерн**» и серьезно его повредила.

Третьего августа эскадренный миноносец «**Новик**» у Михайловского маяка имел бой с двумя новейшими эскадренными миноносцами противника, «**Фау 99**» и «**100**». Бой длился 17 минут, после чего тяжело поврежденные германские суда закрылись дымской завесой. Первый миноносец выкинулся на берег и был взорван своей командой, второму удалось дойти до своих сил. (6 орудий у немцев, против 4 на «**Новике**»).

11 октября 1915 года подводн. лодкой у Либавы, взорван и погиб германский броненосный крейсер «**Принц Адальберт**», спаслось 2 человека.

26 октября около острова Рюген, между Засницем и Троллеборгом, подводной лодкой взорван и погиб германский крейсер «**Ундин**».

29 октября крейсера адм. Бахирева, с полным грузом шаровых мин на верхних палубах, ходили в южную часть Балтийского моря, где все, включая и «**Рюрика**» поставили большое минное заграждение южнее острова Готланд. Поддержкой и заслоном при постановке служили спустившиеся еще южнее, линейные корабли-дредноуты «**Петрсаповск**» и «**Гангут**»,

с эскадренным миноносцем «Новик» в разведке.

В ночь с 7 на 8 ноября наши миноносцы «Охотник» (брейд-вымпел начальника минной дивизии кап. 1 ранга Колчака) и «Страшный», при поддержке «Новика», потопили германское сторожевое судно у банки Спаун, в 45 милях от Виндавы. Взятые в плен подобранные с воды офицер и 21 человек команды.

22 ноября крейсера с дреднотами, в том же составе, как и 9 октября, повторили поход в южную часть Балтийского моря, продолжив поставленное ранее заграждение общей длиной в 31 милю, на котором впоследствии взорвался неприятельский крейсер.

В ночь на 4 декабря «Новик» и вошедшие в строй новые нефтяные миноносцы «Победитель» и «Забяка» поставили большое заграждение у Виндавы, на месте уничтоженного перед тем сторожевого судна. Через несколько часов, ранним утром 4 декабря на нем взорвались и погибли, германский крейсер «Бремен» и большой эскадренный миноносец, спасено лишь 100 человек.

13 мая 1916 года в 30 милях от Либавы взорван подводной лодкой германский большой миноносец.

В ночь на 1 июля 1916 года нефтяные миноносцы «Победитель», «Грем» и «Новик» (флаг начальника дивизии контр-адмирала А. В. Колчака) разгромили около маяка Ландсорт на шведском берегу караван пароходов с рудой, шедших из Швеции в Германию. Южнее, в за-сло-не, находились крейсера «Рюрик», «Олег», «Бегатьер». Потоплен 2 вспомогательных крейсера, взяты пленные, подобранные с воды со вспомогательного крейсера «Герман». Пс-врежденные суда укрылись в нейтральных шведских водах.

16 июня крейсера «Громобой» (флаг вице-адмирала П. Куроша) и «Диана» были посланы опять, при участии нефтяных миноносцев «Победителя», «Грома» и «Орфей», на путь следования германского каравана с рудой. Перед рассветом 17 июня, находясь между Швецией и островом Готланд, тихоходные крейсера были достигнуты флотилией неприятельских миноносцев и атакованы ею. Атака отбита с уроном для противника, который, не выдержав губительного огня крейсеров, выпустил торпеды с дистанции 40 кабельтовых, закрылся дымовой завесой для исправления аварий и прекратил преследование.

4 октября 1916 года «Новик» и човые нефтяные миноносцы «Летун», «Десна», «Кап. Изьяльметьев», «Орфей» поставили заграждение в 200 милях у мыса Стейнорт (район Либавы). В ближайшие дни на заграждении взорвались германская подводка «У32» три парохода и три тральщика.

В этой краткой и скучной своей сухостью календарной выписке упомянуты чисто морские операции и совершенно опущены труды, — вернее подвиги — личного состава, проявленные в Рижском заливе, где вся тяжесть обороны легла главным образом на лин. кор. «Славу», дивизию миноносцев, тральщиков, плоскодонные мелкие заградители и сторожевые суда. Даже белго просмотрев эту памятку, каждый согласится, что Германия в первую мировую войну была очень далека от «владения» Балтийским морем, а также, что офицерский состав и морские начальники последних лет был совсем уж не так плохи, как это все еще временами утверждается некоторыми кругами.

Достаточно напомнить, что в течение войны неприятель только два раза произвел попытки наступательных операций флотом. Обе они обошлись ему дорого, и германцы до революции 17 года больше их не рещались повторить.

Первая попытка произошла 5 августа 1915 года, когда немецкие морские силы при участии своих линейных кораблей, новейших крейсеров и миноносцев, после длительной, упорной и трудной для них подготовки, проникли в Рижский залив. Результатом этого «прорыва» было потопление, после короткого, героического ночного боя, маленькой русской канонерской лодки «Сивуч». Немецкие суда, вошедшие в залив, чувствовали себя весьма плохо — Мины, дневные атаки подлодок, сетевые заграждения, путающиеся в винтах, возможные ночные атаки миноносцев, — чудились им со всех сторон. И на самом деле подлодки были атакован крейсер типа «Шиллау», подорван новейший линейный крейсер — дреднот «Мольтке», потоплен один из легких крейсеров; на заграждениях взорвались три миноносца, крейсер типа «Тэтис» один вспомогательный крейсер и несколько тральщиков, артиллерийским огнем сильно повреждены два больших миноносца и много еще мелких потерь. Неприятель не выдержал опасности и риска, которым он подвергался и, пробыв неполных трое суток в заливе, совершенно его очистил к 8 августа 1915 г.

Вторая попытка, граничащая с безумием, была предпринята в конце октября 1916 года, когда боками своих новейших эскадренных миноносцев германское командование убедилось в действительности и силе заграждения, поставленного в устье Финского залива, по которому с налета и без подготовки пройти невозможно. Произошло следующее: в ночь с 27 на 28 октября немецкие легкие крейсера во главе с крейсером «Кольберг» (флаг контр-адмирала Лангемак) и миноносцами подошли к Финскому заливу. 10-ая флотилия новых тридцатизловых эскадренных миноносцев в составе «С56» (брейд вымпел кап. цур-зее Виттинга), «С67», «С58», «С59», «Фау 72», «75», «76», «77»,

« 78 », « Г89 » и « Г90 », — была послана в залив « для уничтожения неприятельских кораблей и бомбардировки Балтийского Порта » (последний, со времен Петра 1-го, носил это громкое название, но представлял из себя рыбацкий поселок, не имеющий военного значения).

В этой операции флстилия полным ходом, меняя курсы, прошла туда и обратно по минным заграждениям, потеряв по очереди взорвавшимися и утонувшими 7 первоклассных миноносцев. Кап. Виттинг в конце описания своего похода пишет: — « Скорее, как можно скорее прочь из этих злых вод! »

« ...Неприятеля мы так и не видели... Проклятая, злая ночь была позади нас! Из 11 миноносцев осталось только четыре: « С56 », « Фау77 », « Фау78 » и « Г89 ». (« Ауф Зеунбегит » стр. 68).

Вспоминая ту войну, нельзя не отметить, что 8 мая 1915 года Балтийский флот понес страшную и невзнаградимую утрату. Внезапно скончался от воспаления легких командующий флотом адмирал Н.О. Эссен, всего 54 лет от роду. Всем известен его высокий ум, военный талант, проявленный еще в русско-японскую войну, и организаторские способности, возродившие русский флот и вдохнувшие в личный состав энергию и предприимчивость. Но, уйдя в вечность, он, оставил после себя достойных помощников и молдых командиров своей славной школы. Имена Непенина, Бахирева, Колчака, М. Беренса, Развозова и многих других вошли в историю русского флота.

Командующим флотом, вместо адмирала Эссена, был назначен вице-адмирал В.А. Канин, которсго сменил 7 сентября 1916 года вице-адмирал А.И. Непенин, убитый 4 марта 17 г. выстрелом в спину, когда он шел на Вскзальную площадь в Гельсингфорсе встречать членов Временного правительства.

За три года войны флот пространственно не уступил ни одной позиции неприятелю и к 1917 году был во мнсто раз сильнее чем в 1914.

Флот и побережье к 1917 году были доведены до высокой степени обороноспособности. В его составе находились уже 4 современных линейных корабля — дредноута типа «Петропавлевск». Вошли в строй 13 нефтяных больших миноносцев улучшенного типа «Новик», с ходом в 33 узла, и 12 больших подводок. Сильно разрослись отряды мелких судов (сторожевые катеры, тральщики, сетевые заградители и пр.). Вся артиллерия на старых крейсерах и миноносцах заменена более дальнобойной и в увеличенном количестве.

Защита Рижского залива была настолько усилена, что могла бороться даже с линейными ксраблями противника (12-дюймовая батарея у мыса Церель, при входе в Ирбенский пролив, крупнокалиберные батареи на островах Даго, Эзеле, Мооне и Вердере; углубление моснзундского фарватера до 30, а позднее, и 40 фут, что позволяло вводить в любое время в Рижский залив все крейсера и линейные корабли старого типа).

В отношении Финского залива средства обороны увеличились в еще более мощном масштабе. На островах Наргене, Вульфе, Реншере, Руссарз, Эрз и Утз выросли морские батареи с орудиями 12", 10" и 8" калибров, превратив в совокупности вход в Финский залив в сплошную, сильную крепость.

Елагодаря мероприятиям Императорского правительства и энергичной работе личного состава флота, оборона на Балтийском море становилась действительнс грозной и, кто знает, может быть флот мог начать к концу войны наступательные операции против флота противника?

Личный состав флота вполне оправдал слова своего поксйного командующего, сказанные им в начале войны, исполнив свой долг перед Родиной и сделав неизмерно больше того, что казалось, было в его силах.

Н.П. Сслодков



«Крейсерок»

(Из далекого прошлого)

Кто жил и служил до революции в Владивостоке и посещал Морское Собрание, тот, вероятно, не раз проходил мимо скромного памятника, — кусок гранита, четыре якоря по углам, все обнесено угловой цепью. Скромна и надпись на памятнике: «Памяти офицеров и команд шхуны «Крейсерок», погибшей при исполнении долга в 188 (?) году».

Теперь это все — далекое прошлое. Может быть, и памятник больше нет. Может быть, и Морской Архив частично уничтожен и все следы трагедии исчезли в потоке быстро текущих дней жизни. Но все-таки за рубежом кой-что сохранилось, как рассказы, воспоминания, записки теперь ушедших в лучший мир моряков, когда-то служивших на Дальнем Востоке. К сожалению, нет имен экипажа «Крейсерка», кроме единственно спасшегося матроса Антонова. Сама же история является славной страницей из жизни нашего флота, в цепи его подвигов и исполнения служебного долга.

В 188 (?) году клипер «Крейсер», как обычно, вышел в летнее рейсство вдоль наших Дальневосточных берегов и, пройдя в Северный Ледовитый Океан, выполнив поставленную ему задачу по описи берегов, измерении глубин и произведении метеорологических наблюдений, с наступлением осени возвращался в Владивосток. Зайдя в залив Анадьрь, он поймал на месте преступления американскую шхуну, ловившую рыбу и бившую морского зверя в наших водах. Шхуна была приведена в Владивосток. По решению суда она была конфискована, передана в Владивостокский порт и названа в честь захватившего ее клипера «Крейсер» — «Крейсерок».

Это было прекрасное суденышко, только что недавно сошедшее со стапеля в г. Сياتле (Западное побережье Америки), водоизмещением, приблизительно, 500 регистровых тонн. «Крейсерок» был подвергнут полной перестройке, парусному перевооружению и, кроме того, на нем были поставлены 4-9-фунтовых орудия и 2 скорострельных пятиствольных Гочкиса. «Крейсерок» вошел в состав флота как охранный судно для защиты котиковых промыслов на острове Тюлений, находящемся в 15 милях на восток от острова Сахалин. Экипаж состоял из командира, старшего офицера, трех вахтенных на-

чалников, доктора, боцмана, 4 боцманматов и 50 человек матросов. Никакого двигателя на корабле не было. Не было и никаких вспомогательных механизмов. Это был вероломный, крепкий и мореходный парусник, способный выдержать долгое, шестимесячное рейсство в далеких и суровых водах океана. Был он обильно снабжен всем необходимым: провиантом, запасными парусами, запасными частями такелажа и всем, что по тем временам считалось необходимым для жизни экипажа. Помещения не отапливались, огонь разводили только на камбузе для приготовления пищи. В рейсство уходили в середине мая месяца, а возвращались в Владивосток в конце октября.

Одинок, угрюм и неприветлив остров Тюлений. В те далекие времена он был совершенно пустынем. Вероятно, эта уединенность, тишина, большое количество отмелей и низменный берег отвечали условиям летнего времяпрепровождения морского зверя. Особенно облюбовали о. Тюлений морские котики. Сюда весной они приплывали из более теплых вод Тихого Океана и на берегах острова, в водах омывающих его, проводили лето, а осенью, с наступлением холодов, уходили опять на юг. Приплывали они большими стадами и, повинуясь могучему велению природы, заключали браки, основывали семьи, размножались, выращивали, воспитывали потомство. Кипела своя шумная, следующая непреложным законом бытия жизнь.

Но жизнь морского котика омрачена с незапамятных времен. Природа подарила ему необыкновенно красивую, нежную и теплую шкурку. К этой шкурке протянул свою вечно жаждную, ненасытную руку человек и стал злейшим врагом беззащитного зверя, его истребителем. Шкурки морского котика ценились на мировом рынке всегда очень высоко. Охота на него принесла большие барыши, но не все государства обладали водами, в которых он водился и размножался. Русское правительство ревниво охраняло свои воды и промыслы, что было чрезвычайно сложно, принимая во внимание протяжение линии наших берегов и морские просторы, омывающие их.

Так и в тот злополучный год «Крейсерок» вышел в полсезонное время из Владивостока и направился к о. Тюлений. Подойдя к острову, высадили на баркасе охранную команду, снабженную оружием и припасами, для пребывания в течение известного срока в непосредственной охране лежбища котиков, если бы хищникам

удалось проскользнуть через блокаду «Крейсерка».

Шли дни, шли недели, шли месяцы. «Крейсерск», выполняя задачу, крейсировал в определенном районе, менял курсы, появлялся и исчезал в разных местах и разных направлениях, создавая обстановку внезапности, стараясь помешать планам возможных нападений. Противные ветры, безветрие, туманы и бури все время держали экипаж в большем или меньшем напряжении, а однообразная и скучная жизнь в сырых и неуютных помещениях, надоевшая пища, — консервы и солонина, отсутствие фруктов и овощей, все это утомляло морально и физически. Под ногами вечно качающаяся палуба, казалось, что тверди никогда и не было, только этот злополучный, голый остров Тюлений, серое небо и взлохмаченый океан.

Настал конец октября. Ледяной, пронизывающий ветер. Большая волна. С глухо зарифленными парусами, опорошенная снегом шхуна медленно и плавно всползала на вершину огромной океанской волны, задержавшись немного на вершине, быстро проваливалась в открывающуюся бездну и вновь, собравшись с силами, начинала подъем. Маленький остров Тюлений то появлялся, то исчезал, и тогда был виден лишь клочок серого неба и несущиеся, как от погони, рваные клочья облаков, прижимающиеся к свинцовым волнам. Скучно. Тоскливо. Вот уже две недели прошло с того времени, когда обычно снималась охрана и «Крейсерск» шел в Владивосток на заслуженный отдых. Почему командир продолжал крейсерство, никто не знал.

Вахтенный начальник, молодой мичман, поживаясь от холода, старательно следил за парусами, за курсом и рулевым. Когда «Крейсерск», ныряя среди волн, внезапно бросался к ветру, терял ветер или сходил с курса, мичман кричал молодым, срывающимся голосом рулевому:

— На руле, не зевать!

— Есть, не зевать! — слышался ответ рулевого.

Приближался момент подъема флага, восемь часов утра. Утренняя приборка, несмотря на сильную качку, была закончена. На палубе, в сопровождении боцмана, появилась приземистая, крепкая фигура старшего офицера, еще раз забойливо осматривающего свое хозяйство. Без пяти восемь утра были вызваны наверх горнист, барабанщики и обе вахты матросов. По звонку в кают-компанию поднялись на палубу офицеры. Все быстро заняли свои места. Вслед за тем посланный с вахты матрос доложил командиру:

«Ваше высокоблагородие, без трех минут подъем флага».

Высокий, худощавый командир, появившийся без замедления, быстро оглядел паруса, волнующийся океан, принял рапорты, пожал руки офицерам, отдельно приветствовал боцмана и громко пздоровался с командой.

«На флаг. Смирно!», —скомандовал вахтенный начальник. «Время вышло», доложил он командиру, кивнувшему головой в знак разрешения.

«Флаг поднять!»

Все обнажили головы, и под звуки горна и треск барабанов белый, с синим крестом, флаг св. Андрея медленно поднялся к ноку гафеля. День на корабле Его Императорского Величества начался.

После подъема флага командир, как бы еще раз что-то старательно обдумывая, обратился к старшему офицеру:

— Я думаю, что мы сегодня снимем охрану с острова и пойдем домой. Погода быстро портится, барометр падает, как бы нам не застрять здесь, если нагрянет шторм. Да и котики начали уходить с острова, слышите, как они режут, даже сюда ветер донссит, это они собираются в группы для далекого плавания на юг. Итак, начинайте снимать охрану.

— Есть! — обрадованно светил старший офицер и не удержался прибавить: — Мы и так в этот раз задержались недельки на две дольше.

— На это были у меня причины, — коротко ответил командир, спускаясь в свое помещение.

Весь «Крейсерск» закипел жизнью. Радостная весть о возвращении домой охватила корабль. В кают-компанию воцарилось исключительно хорошее расположение духа. Команда быстро и охотно взялась за работу. Тяжелые условия непрерывного шестимесячного крейсерства в безлюдных, мрачных и холодных водах, утомили всех. Каждый стремился скорее вернуться домой и хотя бы на время забыть холод, сырость, оторванность и тяжесть труда моряка в подобных условиях. С трудом спустились баркас и, борясь с сильными волнением, под командой лейтенанта, приступили к перевозке охраны с острова на корабль. Заменяли потрепавшиеся паруса запасными, осматрели и подтянули такелаж, проверили рулевое управление, все приготовили к долгому и тяжелому переходу.

Командир в своем помещении открыл ящик бюро и просматривал секретные инструкции, донесения и другие служебные бумаги. Главное его внимание привлекла копия письма русского генерального консула в г. Сеатле (западный берег Америки), который сообщал, что в конце августа воды Пуджет Соунда оставила шхуна под американским флагом. По сведениям разведки, назначение шхуны — набег на русские Командорские острова и на остров Тю-

лений. Цель — подгнав свой набег к времени оставления судами русской охраны охраняемых ими вод, захватить еще не ушедших на юг котиков на острове, перебить их и продать добычу с большой прибылью в портах Японии. Поздний уход этой шхуны подтвердили и агентурные сведения, было известно, что частные промышленные суда покидают воды Пуджэт Соунда в апреле месяце. Те же агенты установили, что шхуна называется «Рози» и что экипаж состоит из подонков, готовых на всякое грязное дело.

Перечитав не раз это донесение, командир углубился в изучение карты района, в котором могли произойти события. Ему стало ясно, что «Рози» опоздала для набега на Командорские острова т. к. неделю тому назад проходившее русское охранное судно сигналом сообщило об уходе животных на юг. Да и вооруженные алеуты дали бы надлежащий отпор. «Если бы не приближающийся шторм, я бы не ушел отсюда, пока не поймал бы этого хищного пса», — рассуждал командир. — Но этот «пес» придет сюда, в этом я уверен, и почему эти чертовы котики так задержались с своим отплытием на юг? Поднявшись, он надел пальто, постучал по барометру, покачал головой и поднялся наверх.

К четырем часам дня старший офицер доложил о готовности к походу. Под марселями и триселями побегал «Крейсерок» домой, временами доводя скорость до 10 узлов.

В это же время, опоздав с налетом на острова Беринга, американская шхуна «Рози», форсируя паруса, легла курсом на юг, рассчитывая на следующий день с рассветом появиться в видимости о. Тюлений. Была полная уверенность, что охрана острова снята и «Крейсерок» прекратил крейсерство. Это было промышленное, трехмачтовое судно, водсизмещением, приблизительно, в 250 регистровых тонн. Среднюю часть судна занимал трюм с пустыми бочками, бочками с солью и всем необходимым снаряжением для охоты. Экипаж состоял из шкипера, его помощника, трех матросов, 12 охотников и кука-повара. На верхней палубе были размещены 8 вельботов, по два вставленных один в другой.

Вечером в помещении охотников собрался весь свободный от вахты экипаж. Шкипер, огромный, обезьяноподобный швед, не выпуская трубку из плотно сжатых губ, цедил:

— Так как, ребята, мы опоздали с набегом на Командорские острова и наш трюм пуст, то это наша последняя возможность на о. Тюленьем захватить зверей, перебить их, этим оправдать наш поход и хорошо заработать. С

рассветом все вельботы должны быть готовы. Первое — отрезать всех зверей от воды, не дать им возможности бежать, а потом приступить к поголовному уничтожению, не щадя ни маток, ни молодежь. Все, что нам нужно сейчас, — это доллары. Пусть русские потом, с весны, опять выводят и охраняют свое добро. Я уверен, что они ушли.

— А если не ушли? — задал вопрос один охотник.

— Тогда наши дела плохи, придется держаться вне трехмильной полосы и бить котиков в воде, но на этом денег не сделаешь, много не убить, да и тонут они.

— А если попадемся к русским в лапы?

— Не беда, только делайте вид, что слушаетесь, они чудaki, их легко провести. Если нас арестуют, они возьмут меня к себе, как и половину вас. Потом они посадят к нам свою команду и поведут в свой порт. Оставшись, помните, что вот здесь, за обшивкой, в тайнике спрятано оружие и припасы. Старший из оставшихся пусть испортит компас, оторвется от русского судна, потом достаньте оружие и захватите «Рози» и идите к нашим берегам. Я же как-то вывернусь.

Между тем «Крейсерок» резво бежал, потонул во мгле окутавшей его ночи. Все свободные от службы мирно спали. Не спалось только командиру. Он не мог отделаться от странно охватившей его уверенности, что хищник придет завтра, с рассветом, к острову. И тогда он не сможет простить себе, что не дождал еще пару дней и снял охрану. В полночь он принял решение, поднялся на мостик и приказал вахтенному начальнику:

— Вызовите людей наверх, к повороту, ляжем на обратный курс.

«Рози», как и предполагали, подошла к о. Тюлений с рассветом. Горизонт был чист, и не было признака охранного судна. Русские ушли. Часть животных все еще на острове. Наконец повезло. Экипаж лихорадочно заработал. Все восемь вельботов были быстро сброшены на воду, все охотники, вооруженные ружьями, специальными дубинами и ножами, под командой подшкипера, сильно наваливаясь на весла, устремились к берегу. На шхуне остались лишь шкипер, три матроса и повар. Под малыми парусами, шхуна вышла на наветренную сторону острова и крейсировала в расстоянии 2-3 миль от него.

Вельботы подошли к подветренной части острова. Высадившись, охотники начали осторожно приближаться к стаду, все еще многочисленному, в тысячу пять голов и, рассчитав расстояние, быстро бросились вперед, образовали

кольцо и отрезали животным отступление к воде. Вслед за тем они с криком и гиком погнаги их на плато, возвышение недалеко от берега. Несколько человек остались у берега и расстреливали тех животных, которым удалось прогнать цепь загонщиков. Предпочтительно убивали страшным ударом дубины по черепу, таким образом сохраняя ценную шкуру. Выстрелами убивали больших самцов, от ужаса перед смертью переходивших в нападение. Настал дикий, кровавый хаос истребления. Звуки лопающихся черепов, рев животных, не менее дикий рев истребляющих их людей, выстрелы. Кровь, море крови, слезы на глазах умирающих зверей и дикий огонь удовлетворения в глазах их убийц.

В 9 часов утра все было кончено. Лишь немногим котикам удалось проскользнуть в море. Приступили к снятию шкур, сворачивали их и отправляли на двух вельботах на шхуну. С шхуны внезапно раздались выстрелы, и пришедший вельбот привез приказание все оставить и немедленно возвращаться. Но было уже поздно. Увлеченные разбоем, просмотрели опасность. Стройный силуэт «Крейсерка», несущего полные паруса, показался на горизонте.

На «Крейсерке» блеснула вспышка выстрела, клубок белос дима и всплеск воды от упавшего близко от «Рози» снаряда убедительно доказали, что игра проиграна. «Рози» привела к ветру и легла в дрейф. Все вельботы были подняты на палубу и добыча выгружена. Хищник был пойман на месте преступления. Вскоре с «Крейсерка» пошелел к борту шхуны баркас с десятью вооруженными матросами под командой лейтенанта. На палубе шхуны их встретили мрачные, злобные взгляды.

— Кто шкипер шхуны?, — спросил лейтенант.

— Это я, — назвав свое имя, выступил вперед шкипер.

— Вы нарушили международный закон, зашли в русские воды, высадили ваших людей на остров и истребляли животных на берегу.

— Да это так.

— Подобное действие приравнивается к пиратству, а потому, командир охранного судна Его Императорского Величества Императора России, объявляет вас и вашу команду арестованной, а шхуну конфискованной.

— Ваше право.

— Это хорошо, что вы признаете вину. Прикажете выстрелиться всей вашей команде, дайте список всех находящихся на борту и принесите судовые бумаги. Сами приготовьтесь покинуть корабль.

Вслед за тем лейтенант приказал боцманма-

тру присвести полный обыск на шхуне, не оставив ни одного угла, а все найденное оружие снести на баркас.

— Сколько у вас оружия? — спросил он шкипера.

— Должно быть 18 ружей и 4 револьвера. Все у меня в каюте, теперь на вельботах. Больше оружия нет.

С «Крейсерка» последовал сигнал: «Поторопиться с арестом!»

Лейтенант вызвал подшкипера, трех матросов, негра повара и четырех охотников. Им было приказано остаться на шхуне. Остальные были перевезены на «Крейсерок». В командование «Рози» вступил лейтенант, имея десять вооруженных русских матросов. Их он разделил на две вахты. Подшкипер и его люди были собраны в среднем помещении (как раз, где были спрятаны оружие, запасной компас и припасы), с целью иметь их под надзором. В общих работах по управлению судном они охотно участвовали.

А шторм приближался. Ветер зашел к норду, волна увеличилась, пшел снег. На «Крейсерке» взвился сигнал: «Следовать за мной!» Взять «Рози» на буксир не позволяла погода. За час до наступления темноты оба корабля, неся все возможные паруса, повернули на юг, направляясь в Лаперузов пролив. «Рози» держалась в кильватер «Крейсерку», стараясь не потерять его гакабортный (задний, на корме) огонь. Жизнь на шхуне налаживалась. Арестованные хищники вели себя смирно, охотно помогали при судовых работах, никакой враждебности не проявляли, в свободное время на палубе не показывались, сидели у себя в помещении, у дверей которого стоял вооруженный матрос. На камбузе усердно работал негр-кук, весело скалил зубы и вступил в приятельские отношения с русскими матросами, никогда не выдавшими черного человека. Лейтенант приказал рулевому держаться в кильватер «Крейсерку», яркий огонь которого был виден. Курс по компасу он рулевому не дал. Когда, освободившись от ряда неотложных дел, он взял карты и проложил курсы следования, то решил сверить курс, которым идет сейчас шхуна, с показанием компаса. Он сразу убедился, что компас неисправен. Тщательный осмотр показал, что игла, на которой лежит катушка компаса, сломана и сама катушка повреждена. Исправить эти недочеты не было возможности. Вызванный подшкипер отговарился незнанием и подтвердил, что запасного компаса на корабле нет.

Между тем погода быстро портилась. Барометр падал, ветер усиливался, снег стал падать гуще и рулевой с трудом улавливал огонь впереди идущего «Крейсерка». Через час большого напряжения он совсем потерял его. Без

компыа шхуна оказалась в опасном положении. Лейтенант, зная о подводном рифе, выступающем мили на две на восток от мыса Терпения, и зная, что курс проложен мористее рифа миль на шесть и что это опасное место придется проходить ночью, решил изменить курс, привести шхуну к ветру, дожидаясь рассвета и затем править в видимости берегов. Случай с компасом возбудил подозрение у лейтенанта, и он усилил наблюдение за всем происходящим на корабле. Посменно с боцманоматом, он нес вахту на корме у рулевого управления, тут же был и подручный рулевого, один матрос стоял на носу впередсмотрящим, а два, по очереди, охраняли помещения арестованных. Сменялись каждые четыре часа.

В полночь рулевой Антонов вступил на вахту у руля. Лейтенант был тут же на корме. Востер продолжал усиливаться, но снег перестал падать. Волнение росло, и шхуна принимала много воды с подветренной стороны. Около часа ночи Антонов видел, как матрос, охранявший рубку, в которой содержались арестованные, подошел к лейтенанту и доложил, что все они спят. После доклада лейтенант спустился вниз в каюту. Шхуна сильно вылила, стремясь броситься к ветру, и Антонов с подручными с трудом ее удерживали. Еще не было 2 часов ночи (Антонов точно не мог вспомнить), как раздался выстрелы и крики. Почти тотчас же выскочил на палубу лейтенант, к которому бежали, стреляя, несколько арестованных. К лейтенанту бросился подручный-рулевой, и Антонов видел, как лейтенант и матрос упали, обливаясь кровью. Теперь нападающие начали стрелять в Антонова, который под влиянием моментального решения круто положил руля на ветер, паруса заполоскали и он, прикрываясь бизанью (кормовой парус), бросился за борт. Ледяная вода на момент сковала его движения, но когда над его головой оказался нос шхуны, он, собрав все силы, схватился за штаг бушприта, вскарабкался на бак и зарылся в лежавшие на палубе спущенные паруса. Что происходило дальше, он не помнил т. к. потерял сознание.

Очнулся Антонов от сильного толчка, потом еще более сильного удара. Шхуна вылетела на риф. Вся одежда Антонова представляла из себя корку льда, так как бак шхуны все время сильно окатывало водой. Выглянув из своего убежища он увидел, как разбойники спустили два вельбота и покинули шхуну. Русских среди них не было, видимо все были перебиты. «Рози билась о риф, мачты упали, корпус трещал и ломался, Антонов вновь потерял сознание.

Пришел он в себя в юрте туземца-гиляка. Как он туда попал, — вспомнить он не мог. Был он весь избит, в ранах и обе ноги его отможены. Старик-гиляк старательно заботился о нем, лечил его всеми ему доступными и известными средствами, не забыл пригласить и шамана, но спасти ноги не удалось, они были позже ампутированы. При первой возможности Антонова доставили на русский пост в южной части Сахалина и там он рассказал, как погибла «Рози» и арестовавший ее русский экипаж.

«Крейсерок» во Владивосток не вернулся. Беспоясы о нем, выждали некоторое время, а потом выслали специальную экспедицию для его розысков. На южной оконечности Сахалина нашли матроса Антонова и от него узнали историю захвата «Рози», историю гибели шхуны и о трагедии, разыгравшейся на ней. Экспедиция тщательно обследовала о. Тюлений и все побережье о. Сахалина. На рифе мыса Терпения нашли остатки корпуса «Рози». Миль двадцать к югу, в заливе Терпения, приткнувшись левым бортом к песчаной отмели, лежал с сломанными мачтами «Крейсерок». Никаких данных, дающих возможность установить, что случилось с ним, не нашли. На корабле все было на своих местах. Все шлюпки были целы и закреплены по-походному. Видимо, ими не пытались воспользоваться. Только в салоне командира лежал замерзший труп его любимой собаки. Куда девались люди? Куда они ушли? Почему ушли? Как страшно закончилась их жизнь? Никто, никогда, ничего не узнал.

Прошли годы и годы, лицо земли изменилось, но шкурки котиков продолжают быть в большой цене, и богатые, избалованные модницы ласкаются о нежный, шелковистый их мех. Котики были одно время почти истреблены. Теперь их разводят и тщательно охраняют, не из гуманных побуждений, конечно, но в чисто коммерческих интересах. Холодный, неприветливый северный Тихий океан по-прежнему катит свои огромные волны, омывает берега островов Тюлений и Сахалин и поет свои песни. Тайн своих он не любит выдавать. Иногда вспоминает былое и сам себе рассказывает грустную повесть о том, как погибли здесь «Крейсерок» и «Рози», а с ними и русские морски, жертвы долга, имена же их, Ты, Господи, веши.

Леснид Павлов

Памяти капитана 2-го ранга Н.С. Чирикова

(Вместо некролога)

3 марта с. г. скончался в Париже один из последних оставшихся в живых старших офицеров Российского Императорского флота, капитан 2-го ранга Николай Сергеевич Чириков. Как ни странно, в зарубежной печати до сих пор еще не появились некролога этого выдающегося морского офицера.

Живя на юге Испании, вдали от русских центров, я узнал об этом горестном событии с очень большим запозданием. Строки, которые я сейчас пишу, не могут рассматриваться как некролог из-за отсутствия необходимых документов, а являются лишь личными воспоминаниями об ушедшем в невозвратное плавание боевом соплавателе и долголетнем друге.

Николай Сергеевич принадлежал к древнему дворянскому роду, судьба многих членов которого в последние столетия была неразрывно связана с Императорским флотом со времени его создания. К таковым принадлежал и далекий предок Николая Сергеевича — капитан-командор А.И. Чириков, известный мореплаватель, сотрудник Беринга, окончивший Навигационную школу при Петре Великом и бывший впоследствии директором Морской Академии.

Следуя семейной традиции, Николай Сергеевич по окончании общих классов Пажеского Е.И.В. корпуса в 1905 году переходит в младший специальный класс Морского кадетского корпуса. В одном из своих писем, тепло вспоминая свое пребывание в стенах Пажеского корпуса, он писал мне: «Будучи резв до невозможности, я продельвал тогда невероятные шалости, частенько бывал наказываем и посиживал даже в карцере, чего со мной не случалось в Морском корпусе. В декабре 1900 года меня неожиданно вызвали к директору, и я решил, что пришел последний час моего пребывания в стенах этого благородного учебного заведения. Однако это оказалось напрасным, ибо директор предназначал меня в делегацию для поднесения адреса Морскому корпусу к празднованию его 200-летия, имевшему состояться 14 января 1901 года. Из младшего специального класса был назначен паж Крузенштерн, потомок нашего знаменитого мореплавателя адмирала И. Ф. Крузенштерна. Осталось у меня в памяти, как мы с директором, генерал-майором Епанчиним, корпусным подполковником Фену и Крузенштерном подносили адрес от Пажеского корпуса. Музей Морского корпуса был открыт, и мы прошли через него, в порядке следования многочисленных делегаций, в гигантский Сто-

ловый зал, переполненный гардемаринами, кадетами и публикой. В том месте, где потом стоял памятник Императору Петру Великому, работы скульптора Антокольского, у огромных окон была устроена высокая эстрада с длинным столом, покрытым зеленым сукном. За этим столом заседали сплошь покрытые лентами, звездами и орденами адмиралы. В середине стола сидел Генерал-Адмирал Великий Князь Алексей Александрович. Когда генерал Епанчин поднес адрес, произнося приветствие. Великий Князь, посмотрев на меня, заметил, улыбаясь: «Ах, какой маленький паж!» Я в ту пору был весьма невелик ростом, да и шел мне 13-й год!»

В этом же письме Николай Сергеевич вспоминал празднование 100-летия Пажеского корпуса в 1902 году и связанные с этим торжеством парад в корпусе, прием делегаций, вечерний бал, а на другой день обед в Зимнем дворце, где Государь сидел за столом старших камер-паже и пажей. Будучи пажом, Николаю Сергеевичу часто приходилось принимать участие в различных парадах и торжествах, из которых наиболее яркое впечатление оставили майские парады на Марсовом поле, которое во время парадов буквально дрожало от топота тысяч и тысяч шагов солдат Императорской гвардии, проходивших церемониальным маршем, и несущихся коней. Какая красота седых штандартов и знамен, мундирсв, лат, касок и оружия!

По окончании Морского корпуса в 1908 году Николай Сергеевич ушел в заграничное плавание с Гардемаринским отрядом. Его выпуск стал известен под названием «Мессинского», так как когда отряд находился у берегов Италии, произошло страшное землетрясение и вулканические извержения в Сицилии и Калабрии. Гардемаринский отряд судов пошел немедленно в Мессину для оказания помощи пострадавшему населению, и в течение почти двух недель весь личный состав русских кораблей самоотверженно, с опасностью для жизни, работал, зачастую выходясь из сил, раскапывая развалины и извлекая оттуда раненых, умирающих и убитых. Условия работы были по временам невыносимы из-за смрада, исходящего от массы разлагающихся трупов. Корабли отряда перевозили пострадавших в Неаполь, где местное население с необычайным энтузиазмом встречало русских моряков. Весь личный состав отряда был награжден итальянским ко-

ролем серебряными медалями на бело-зеленой ленте. По возвращении на родину после окончания плавания начальник отряда контр-адмирал В.И. Литвинов был зачислен в Свиту Его Величества и услышал слова Государа: « Вы, адмирал, со своими моряками в несколько дней сделали больше, чем мои дипломаты за все мое царствование ».

После производства в мичмана Николай Сергеевич проплавал одну кампанию на миноносце минной дивизии Балтийского моря и после этого почти вся его дальнейшая служба протекла в Черноморском флоте. Окончив Штурманские офицерские классы, он по их окончании плавая на различных кораблях, приобрел заслуженную репутацию одного из лучших штурманов на Черном море. Во время 1-й мировой войны Николай Сергеевич участвовал во многих делах против герmano-турецкого флота, в боях с «Гебеном» и «Бреслау», обстрелах побережья, стычках, в надводной и подводной блокадах. Большую часть войны он провел на эскадренном миноносце « « Громкий » в качестве штурманского офицера. Плавая на этом же миноносце, я был свидетелем того, что никогда, даже в труднейших обстоятельствах, он не допустил ни одной ошибки в своем штурманском деле и поистине мог считаться выдающимся специалистом в этой ответственной области.

В 1916 году он плавал короткое время старшим офицером на эскадренном миноносце « **Быстрый** » и, будучи назначен захватить вблизи Босфора турецкий товаро-пассажирский пароход « **Итихад** », блестяще выполнил данное ему поручение и привел плененный пароход в Одессу, где он позже поступил в Транспортную флотилию под русским названием « **Добыча** ». За это дело его матросы награждаются Георгиевскими крестами, а Николай Сергеевич производится в чин старшего лейтенанта за отличие в делах против неприятеля. В том же 1916 году, будучи короткое время флагманским штурманским офицером бригады подводных лодок и старшим офицером подводной лодки « **Тюлень** », он участвует под командой доблестного старшего лейтенанта М.А. Китицына в отважных действиях этой подводной лодки у Босфора и награждается орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, имея до этого очередные боевые ордена.

В конце 1916 года он получает в командование эскадренный миноносец « **Жуткий** », куда вскоре, с моего согласия, устраивает и мой перевод с « **Громкого** ». В это время « **Жуткий** » находился в ремонте в гор. Николаеве, где мы, живя на берегу в совместно снятой квартире, пережили тяжелые дни начала « великой, бескровной ». В конце мая 1917 года « **Жуткий** » входит в состав Восточного отряда судов, ба-

зировавшегося на Батум. Оторванность Батума от революционного центра, каким становился Севастополь, частые боевые походы вдоль Анатолийского побережья, не располагали матросов к митингованию, и на отряде царил почти до-революционная дисциплина. Только после идиотского (вернее — преступного) приказа Временного правительства об увольнении всех кондукторов и сверхсрочнослужащих матросов дисциплина несколько пошатнулась, — выпало звено, служившее связью между офицерами и матросами, но на « **Жутком** » и тогда не было заметно никаких революционных выступлений, что надо в значительной степени приписать уважению матросов к их командиру.

К концу лета у Николая Сергеевича появились признаки опасной местной лихорадки, известной под названием « трапезундской хавы ». Требовалась срочная перемена климата, и Николай Сергеевич был принужден передать командование миноносцем и уехать в Севастополь. За время командования « **Жутким** » он проявил себя лихим командиром, спокойным и находчивым во все критические моменты, а они бывали. Все ответственные и сложные операции проводились им смело и решительно, включая частые высадки десанта в глубоком тылу неприятеля. В июле 1917 года он был представлен к Георгиевскому оружию, но из-за начавшейся анархии представление пропало.

Вспоминая Батумский период, Николай Сергеевич писал мне: « Вспомнилось мне, как мы под гул разрастающейся « великой, бескровной » пошаливали, тревсажа набегами противника в его тылах, вдоль цветущих, дышащих пряным ароматом таинственного Востока берегов Лазистана. Сялял страх и трепет среди правверных поклонников Ислама... Пограничный порт — Батум с его пышной, почти тропической растительностью, живописный, провинциальный городок с нависшими над долиной Чороха, тянущимися вдаль отрогами горных цепей... Шумящий разноплеменной толпой батумский приморский бульвар, где, как ты помнишь, под сенью чинар, в дружном кругу юных и веселых боевых друзей, иногда лилось в бокалы веселящее кахетинское вино под звуки местных мелодий... Все это отошло в вечность... Но довольно лирики! В наш век летающих крепостей, самодвижущихся роботов, снабженных электронной душой и подобных людям, и людей, подобных роботам, но лишенных всякой души, в век атомной бомбы и прочих достижений современной « цивилизации », сам понимаешь, — лирике не место! »

В гражданскую войну, в январе 1918 года, Николай Сергеевич — рядовой в пулеметной команде 1-го эскадрона Крымского конного полка; в начале 1919 года — на фронте войск генерала Май-Маевского, а в марте того же года

— короткое плавание на транспорте «**Дунай**» (куда Николай Сергеевич устроил и меня) под командой капитана 2-го ранга А.П. Лукина (впоследствии, в эмиграции, известного военноморского писателя). Были и другие кратковременные назначения, включая командование вспомогательным крейсером «**Цесаревич Георгий**» и крейсером «**Алмаз**», уже в чине капитана 2-го ранга.

После эвакуации из Крыма Николай Сергеевич попал во Францию, где работал много лет в различных французских торговых предприятиях. Жизнь в эмиграции не была легкой, и Николай Сергеевич писал: «Чую, что жизнь — в прошлом, а именно — в 15-летней службе во флоте, где была возможность жить полной, яркой жизнью и наслаждаться применением своих сил на пользу любимому, родному делу. Одним словом, — то была жизнь, а ныне лишь одно жалкое прозябание... Жить приходится только воспоминаниями о славном прошлом и благодарить Всевышнего, что сподобил нас захватить хотя бы небольшой кусочек яркой, полной и многогранной жизни».

Однако, невзирая на эти, казалось бы, печальные мысли, Николай Сергеевич продолжал и в трудных условиях эмигрантской жизни живо интересоваться мнгим, включая историю, и особенно историю русского флота. По приглашению различных обществ и организаций он

читает множество лекций на эти темы, сотрудничает в военных и морских журналах, является одним из главных вкладчиков в объемистый тсм «**Колыбель флота**» (история Морского корпуса) и в течение примерно 12 лет работает над трудом: «**Материалы для истории войны в Черном море в 1914-18 гг.**». Этот серьезный труд, богато иллюстрированный множеством фотографий, с огромным количеством чертежей и карт, являясь научным изложением событий, списанием походов, боевых столкновений и постановок минных заграждений, составленный на основании не только малоизвестных русских источников, но и работ австро-германской комиссии, имеет огромную историческую ценность. К сожалению, этот труд никогда не был издан по условиям трудной эмигрантской жизни.

В последние годы здоровье Николая Сергеевича сильно ухудшилось и, судя по его письмам, он чувствовал приближение конца своей жизни. Физические мучения последних месяцев значительно облегчались заботой его близких. С кончиной Николая Сергеевича от нас ушел образованный и доблестный морской офицер, хранитель лучших традиций Императорского флота и верный друг. Вечная ему память!

В.М. Федоровский

«Гебен» был на русских минах 16 октября 1914 года

Я был произведен в подпоручики в 1-ую Севастопольскую крепостную минную роту 6 августа (ст. ст.) 1913 г. вместе с моим другом Виктором Апитовым. Виктора назначили знакомиться с устройством и постановкой мин, а меня — заведующим делопроизводством по строевой части (адъютантов тогда не было в крепостных ротах). С самого начала 1-ой мировой войны я был назначен заведующим 2-ой минной станцией (в Карантинной бухте).

Еще до объявления России войны (16-17 июля 1914 г.) согласно мобилизационному плану Одесского военного округа, началась постановка инженерных минных полей в Черном море вокруг крепости-военного порта Севастополя. Инженерные мины были соединены кабелями с батареями минных станций на суше. Батареи были двух типов: 1) мирного назначения (безопасные), при замыкании тока которых, в случае если судно наткнется на мину, раздавался

электрический звонок на минной станции с указанием номера замкнутой мины. Но сила тока безопасной батареи не была достаточна, чтобы взорвать запал и вслед за ним мину. Если же надо было взорвать мину и повредить или потопить неприятельский корабль, то по приказанию командира минной роты (впоследствии минного батальона) начальники минных станций (офицеры) включали в кабельную сеть боевые батареи, которые имели достаточную силу тока, чтобы взорвать запал и мину.

В Севастопольской крепости было четыре (4) такие инженерные минные станции: 1) первая — в бухте, ближайшей к самому городу, но в крепости, недалеко от дома-квартиры, где жил жандармский подполковник П.К. Полянский. Начальником этой станции был назначен штабс-капитан Сакаррия; 2) вторая станция — в Карантинной бухте, начальником которой с самого начала войны был ваш покорный слу-

га, подпоручик Алексей Николаевич Пестов; 3) третья станция была в Камышевой бухте, начальником которой был подпоручик Виктор Иванович Аполитов и 4) четвертая — в Балаклавской бухте начальником которой был назначен поручик Гусельников, Керченской крепостной минной роты, прибывшей в Севастополь во время мобилизации и подчиненной командиру 1-й Севастопольской крепостной минной роты подполковнику Николаю Ксенофонтовичу Широгорскому. Ему же была подчинена с самого начала войны и 2-ая минная рота.

В конце сентября 1914 г. командир снова взял меня в помощь себе в канцелярию. Тишина в крепости мне не нравилась и, хотя мы все время ожидали открытия военных действий Турцией, я решил проситься отпустить меня на фронт (на театр военных действий). Комендант крепости ген.-лейтенант Ананьин не разрешил, тогда через неделю я снова попросился на фронт и снова г.-л. Ананьин отказал указывая на близкую возможность открытия военных действий с Турцией. Я все же не успокоился и попросил еще в третий раз. Тогда, г.-л. Ананьин рассердился и велел посадить меня под домашний арест на одну неделю. Пришлось успокоиться.

15-го октября 1914 г. поздно вечером я отправился спать на свою квартиру, которая находилась в 200 шагах от канцелярии нашей минной роты. Ничто не предвещало ужасных событий предстоящего утра 16 октября (ст. ст.) 1914 г. Вдруг в 4 ч.30 минут утра дежурный писарь постучался ко мне на квартиру и принес телефонограмму, записанную в дежурную книгу, с объявлением о начале войны с Турцией. Я накинул пальто и побегал с книгой в квартиру полк. Широгорского (50 шагов). На улице стоял густой туман, он выглядел, как разлитое в воздухе молоко. Я никогда еще в моей жизни не встречал такого густого тумана. Добежав до квартиры командира, я разбудил его и, прочитав телефонограмму, мы вдвоем отправились в канцелярию. Там командир вызвал Начальника Охраны рейдов в Севастополе капитана 1-го ранга Виктора Захаровича Бурхановского и запросил нужно ли вводить боевые батареи на минных станциях, но это было запрещено, так как ожидалось возвращение из Ялты минного заградителя «Прута». Разочарованные, мы с командиром вышли из канцелярии, остановились на пороге и стали смотреть на море.

С моря показались огни, потом вспышки и стрельба с «Гебена» по нашим крепостным батареям и по городу. Вскоре командира вызвали к телефону и передали приказ адмирала Эбергарда вооружить наши инженерные мины (т. е. на нашем минном жаргоне: «вести боевые батареи»). Приказ адмирала Эбергарда

был отдан в 6 ч. 23 м. у., но на передачу этого приказа и его исполнение ушло 20 минут. В результате, крепостное минное заграждение было приведено в боевое положение уже после того, как «Гебен» вышел из него. (Стр. 338, «Флот в первой мировой войне, том I. Под ред. к-адм. Н.Б. Павловича. Воен. Издат. М.О. СССР Москва, 1961; стр. 40, «Военная Белья» №119 Ноябрь 1972 г. изд. Париж).

Уже после того, как «Гебен» ушел от Севастополя, пол. Широгорский начал звонить на минные станции и спрашивать, были ли звонки на станциях. К нашему ужасу и разочарованию мы узнали, что на первой минной станции, на mine №12 был электрический звонок еще до того, как батареи были заряжены (были на сильных боевых батареях). Это означало, что какая-то сила наклонила эту мину, она замкнулась и слабый ток прошел по этому кабелю на станцию и раздался звонок на минной станции на mine №12.

Полковник Широгорский доложил об этом Бурхановскому, а тот адмиралу Эбергарду. Началось расследование. Были назначены комиссии по флоту и по крепости. Из Петрограда Инженерное ведомство прислало для расследования ген.-м. Мгеброва. Я помню, что я много и поздно работал над этим вопросом, чертя всякие графики. Морское начальство чертило всякие траектории полета снарядов от наших Севастопольских батарей по направлению к «Гебену», доказывая, что вес и сила наших снарядов могла ударить мину в воде и наклонить ее и замкнуть ток, таким образом произведя звонок на mine от первой минной станции.

Разрешение загадки мы получили много позже. В 1916 и в 1917 г. наш флот пополнился двумя линейными кораблями и потребность в инженерных минах (управляемых с береговых минных станций) перестала существовать. Мины начали выбирать из моря. Тогда мы также вытянули мину №12 с первой минной станции. Осмотревши детально эту мину, официально никто из начальников ничего не сделал. Я же был отправлен на Румынский фронт в декабре 1916 г. в район Сулина.

В 1917 году, по возвращении с фронта в Севастопольский минный батальон я был назначен заведующим складами взрывчатых веществ и мин. Как-то в середине лета 1917 г. к нам в батальон прислали от Временного правительства следователя по особо важным делам. Он приехал расследовать дело об атаке «Гебена» на Севастополь 16 октября 1914 г. Следователь потребовал показать ему мину №12. Мы ее осмотрели и составили протокол. Во всю длину продолговатой части мины были ясно видны большие царапины и соскребаемые части металла корпуса мины. Выглядело это так, что как будто каким-то твердым металли-

ческим предметом что-то прошло по поверхности мины, сильно ее поцарапало, поскребло и наклонило ее. Когда мина наклонилась, то в mine получился электрический контакт и послышался звонок на минной станции. Царапины, соскреbanные части мины и толчок для наклона мины могли быть произведены лишь рулем большого судна: — в данном случае крейсера «Гебена». Наши мины были заражены 5 пудами (200 фунтов) тринитротолуола.

Протокол был подписан мной, поручиком Алексеем Николаевичем Пестовым, и старшим унтер-офицером при складах взрывчатых припасов и мин Вишняковым. Следовательно засви-

детельствовал протокол и отvez подлинник в Петроград. Командир батальона полковник Шигорский подписать протокол отказался.

По немецким сведениям (архив войны на море в 1914 г.) «Гебен» не был на минных полях, но по причине тумана-молока, немцы легко могли ошибиться. Звонок же на 12-й mine на 1-й минной станции и царапины на mine дсказывают противное немецким источникам, т. е., что «Гебен» был на Севастопольских инженерных минных полях и наткнулся на нашу мину, но мина не взорвалась.

Алексей Н. Пестов

Вооруженные силы Рижского залива перед боем на Кассарском плесе

С декабря 1915 г. я состоял первым флагманским артиллерийским офицером в штабе начальника минной дивизии, летом же, когда минная дивизия до глубокой осени пребывала в Рижском заливе и Моонзунде, в мое ведение, в артиллерийском отношении, входили все морские силы Рижского залива. Ввиду этого обе кампании 1916 и 1917 гг. я целиком провел в Моонзунде и вся операция, длившаяся с 29 сентября по 6 октября 1917 г. мне очень хорошо известна. Кроме того, во время этой операции и в предыдущий период я записывал наиболее характерные положения и боевые действия, как и некоторые случаи, которые могли бы представить в будущем известный интерес.

Прежде чем перейти к отдельным деталям, я должен отметить полную распушенность, недисциплинированность а иногда и просто трусость, выказываемую как морскими, так и сухопутными командами (особенно последними), причем нужно сказать, что эти проявления имели прямую связь с поведением немцев. То есть если последние вели себя тихо и никакой активности не проявляли, то недисциплинированность команд увеличивалась, но стоило только немцам зашевелиться — под Ригой, у Цереля, или их аппаратам появиться над Куйвостом, как команды сразу подтягивались. Они хорошо понимали, что немцы с ними не поцеремонятся, а без своих офицеров они все равно ничего поделать не могут. Вообще корабли морских сил Рижского залива, по своим настроениям и дисциплине были неодинаковы. Главная причина лежала в составе судового комитета — если в таковой попадали элементы более левые, как-овые отличались большей активностью, то

это сразу сказывалось на настроении всей команды корабля.

Относительно распушенности команды именно в один из спокойных периодов у меня записано два случая, но, в действительности, конечно их было гораздо больше.

При входе на рейд Куйвост было раз и навсегда приказано уменьшать ход до малого, так как миноносцы часто стояли ошвартовавшись попарно и при большой волне неизбежно происходили поломки. При неисполнении этого, на флагмане «Новике» поднимался сигнал: «Такому-то адмирал изьявляет свое неудовольствие». Однажды на рейд вернулся «Победитель» под брейд-вымпелом начальника дивизии и еще другой миноносец. Оба вошли довольно большим ходом и раскачали всех и вся. На «Новике», как обычно, был поднят вышеупомнутый сигнал, а через десять минут на «Псбедителе» взвился сигнал: «Флот извещается, что начальник морских сил страдает от качки». На «Новик» вскоре приехали с извинениями начальник дивизии и командир, но с настоящими виновниками все равно ничего нельзя было поделать.

Другой раз на миноносце «Изяслав», только что вернувшемся из дозора, собрался митинг для обсуждения вопроса — чадо ли ставить оба трапа и вызывается ли это «боевой необходимостью» или достаточно поставить только левый для общего пользования. Решено было поставить только левый, но обсуждение этого вопроса взяло около получаса времени, а поставить трап взяло бы работу трех человек и не более пяти минут.

Псмню еще: однажды к нам в штаб при-

ехали представители береговых батарей Моонзунда и пожелали говорить с командующим адмиралом Бахиревым. Последний согласился к ним выйти. Надо сказать, что покойный Михаил Коронатович совершенно не обладал ораторскими способностями и потому никогда ни на каких митингах не присутствовал. В описываемом случае начались самые бессмысленные, пошлые, квазиполитические вопросы, ничего общего с войной не имевшие. Бахирев мрачно слушал и, ни на кого не глядя, подавал односложные реплики. Наконец из задних рядов выступил какой-то, по одежде вообще на матроса мало похожий и обратился с вопросом: «А вы имеете, господин адмирал, какое-либо стратегическое понятие?» Бахирев поднял глаза на говорившего и, ничего не ответив, ушел в свое помещение.

Затем, не говоря уже о том, что настроение и дисциплина ухудшались с каждым днем, в начале июля произошло одно обстоятельство, ускорившее развал и падение дисциплины на кораблях Рижского залива.

После мартовской революции начальником минной дивизии был назначен капитан 1 ранга Александр Владимирович Развозов. Не говоря уже о том, что Александр Владимирович являлся исключительно достойным человеком и выдающимся флотским офицером и начальником, у него было качество, крайне ценное в наступившее безвременье: он прекрасно умел говорить и обращаться с командой. Часто лично выступая на всякого рода собраниях и митингах, он ясным простым языком, понятным команде, почти всегда проводил постановления в желаемом для себя смысле. Команды его слушали, верили, и ему почти всегда удавалось забить своими доводами наиболее левых крикунов. Мне известно, что в начале революции, когда на некоторых миноносцах команды пожелали списать своих офицеров, Александр Владимирович несколько раз своими доводами изменял решения команды. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что именно благодаря Развозову, минная дивизия дольше всех других частей флота сохранила некоторую дисциплину

и свой славный дух, привитый еще первым ее начальником покойным адмиралом Николаем Оттовичем Эсенном.

Но в начале июля, после выступления большевиков в Петрограде, тогдашний командующий флотом контр-адмирал Дмитрий Николаевич Вердеревский был смнен и командующим был назначен наш Александр Владимирович Развозов, вместо которого дивизию принял капитан 1 ранга Юрий Карлович Старк, достойный человек и офицер, но по своим качествам, особенно в то время, совершенно не подходивший к этой должности. Помню, как многие на дивизии были удивлены этим назначением Юрия Карловича на такое ответственное место. По условиям того времени начальнику дивизии невольно приходилось выступать на разного рода собраниях, — Юрий Карлович говорить не умел, начинал волноваться и тогда заикался, недостаток крайне неподходящий для проведения желаемого решения.

Хорошо помню собрание представителей судовых комитетов, собравшихся решать вопрос: возможно ли теперь, летом, увольнять команды в отпуск (конечно в ограниченном количестве). Этот же вопрос уже обсуждался раньше, при Развозове, и, благодаря ему отпуска были запрещены. На описываемом собрании первым говорил Юрий Карлович, говорил неудачно, и чувствовалось, что он никого не убедил. Вероятно, он и сам это понял и в конце речи заявил, что он, как начальник дивизии, отпуска запрещает. Затем говорили матросы, почти все против решения начальника дивизии, и большинством голосов было постановлено: «Команду в отпуска увольнять». Начальник дивизии, только что приказавший не увольнять, оказался в неловком положении, так как на другой же день матросы поехали в отпуска.

Таково было моральное состояние офицеров и команды морских сил Рижского залива, которым под командой адмирала Бахирева, предстояло защищать последние остатки Рижского залива. Как мне кажется, — результат был предрешен заранее.

В.В.



Последние дни Порт-Артура

(из дневника молодого офицера)

7 декабря 1904 г. — Приказом командира порта я назначен командиром батареи на Голубинской Горке, что между Пятым фортом и Литерой Д. Итак, и до меня дошла очередь идти на защиту Порт-Артура с суши. Только странно, что убрали с «Бобра» последнего офицера. Я думаю, что теперь там пойдет страшный развал.

Пошел на Литеру Д, к командиру батареи капитану Солодовникову. Он — начальник сектора, так что я ему явился. Видел мичмана Кангера, который там с морскими орудиями. Так как жить на моей батарее негде, то Солодовников предложил поселиться на Д, в одном каземате с механиком Багрин-Каменским. С этим я старый знакомый, вместе плавали в 1901 году на «Сенявине». Пошел на свою батарею. Состоит она из двух 75-м/м, одной 47-м/м и одной 37-м/м пушек. Совсем не устроена. Придется много работать над приведением ее в порядок. Японцы совсем близко. Слева сны на Центральной Горке, в пятистах саженях, и обстреливают мою батарею из ружей. Справа же они на плоской и длинной горе и из своих орудий шрапнелью стреляют по батарее и одиночным людям. Так что работать днем нельзя. Сегодня, пока я осматривал батарею, сны по мне выпустили три шрапнели. Предполагаю ночью же начать работы, — рыть ход к орудиям.

Сегодня ночью думаю спать еще на «Бобре». Команды у меня на батарее 16 человек. Вчера «Амур» поставили в док, но японцы там его потопили 11-дм. снарядами, так что теперь он лежит совсем на боку.

8 декабря 1904 г. — Японцы сегодня взорвали мины под 3-м фортом, но довольно для них неудачно. Сделали в бруствере брешь и сразу же повели атаку. Пять человек вскопили на форт, но все были сбиты, и японцы отошли. По слухам, японцы собираются на левом фланге. Вместо меня на «Бобр» назначен временно лейтенант Драхенфельс. Вечером ходил вниз, где живут три ротных командира, из которых один назначен командантом Голубиной Горки. Весь день японцы обстреливали из 11-дюймовок Промежуточную Горку, что впереди форта 5. Дostal для своей батареи сто мешков. Ночью у меня команда работала. Рыли ход из блиндажа к орудиям. По просьбе подполковника Романовского мое 37-м/м орудие всю ночь обстреливало Центральную Горку. Сегодня ночью на

Литере Д. Перетащил часть своих вещей. К ночи слышна ружейная стрельба.

9 декабря 1904 г. — Утром, сколо шести часов, проснулся от сильного ружейного огня. Побегал на батарею. Пули так и коют. Очевидно перелеты. Японцы ведут наступление под 5-м фортом, а самый форт обстреливают из 11-дюймовок. Страшные разрывы, и осколки летят через нас. 11-дюймовые снаряды летят по очереди то в форт № 5, то в укрепление № 5. Соседние батареи стреляют так, что пальба повсюду. В меня пустили два 120-мм., но не попали. Пули жужжат все время. К 11 часам ружейный огонь затих, но обстреливаются форт № 5 и укрепление. Я сделал за утро 3 75-мм., 53 47-мм. и 30 37-мм. Когда затихло, пошел завтракать на «Бобр».

Сегодня японцы заняли Промежуточную Горку и наши отошли под самый форт.

12 декабря 1904 г. Встал около 10 часов. Ночью совсем тихо, утром тоже. Изредка в форт № 5 попадает снаряд, но небольшой. Пальба слышится на правом фланге. Ночью японцы пускали снаряды в Новый Город. Пошел завтракать на «Бобр». Там все спокойно, но развал уже начался, — видно нет челвека, который бы следил за всем. Командир приказал отправить серебро доктору Обезьянину. Окколо 2 часов пошел к себе на батарею. Там все благополучно. В прошлую ночь сделали бруствер у 75-мм. орудий. Укрепление № 5 стреляет из своих мелких орудий под форт № 5, куда — не видно, и в ответ получает изредка то гранату, то шрапнель. Стреляет батарея с Промежуточной, от меня не видно, но с Д можно разобрать.

Для блиндажа команды достал с «Бобра» фонарь. Сделал распоряжение о ночных работах. Кв. Ушаков у меня, кажется, молодчина.

Пшшел на Д. Там 6-дм. Кане сделала 5 выстрелов по орудью, стрелявшему по укрепление № 5. Сегодня вечером темно, светят прожектора. У Голубиной слышна ружейная стрельба.

13 декабря 1904 г. Встал около 10 часов, ужасно поздно. По фортам тихо, легкий мороз. Завтракать пошел на «Бобр». Там жалуются, что команда стала пьянствовать. Около 2 часов пошел к себе на батарею. Там благополучно. Весь день заметно передвижение японцев к деревне Гоундзятунь. Пс ним стреляют Д, форт № 5 и укрепление. Я думаю дать японцам собраться, а в сумерки пострелять по одной из

деревень. Укрепление № 5 все время постреливает под форт № 5 из 37-мм. Когда стемнело, дал три выстрела из 75-мм. по Гоундзягуну и десять из 47-мм. по Шаньянгу, что у Голубиной бухты. Стрелял из 47-мм., когда луч прожектора останавливался на этой деревне.

Ночь прошла совсем тихо. Команда ночью работала, из мешков делали защиту для подачи.

14 декабря 1904 г. Встал около 10 часов. Проснулся от выстрелов, — стреляет по кому-то Д. Японцы сразу же послали несколько штук в ответ. По бюллетеням японцев под Артуром всего 12 тысяч, остальные ушли на север. Сегодня японцы стреляют куда-то в центр из 11-дюймовок. Завтрак пошел на «**Бобр**», благо стрельба затихла. Около 2 часов пошел к себе на батарею. Думаю начать делать себе блиндаж размером примерно 7 на 8 фут.

Около 3 часов завязалась перестрелка. Форт № 5 стал стрелять по Седловой и тотчас же стал получать в ответ. Я заметил, что за Дивизионной Горой стоят два орудия, которые и стреляют. Стал к ним пристреливаться и после третьего выстрела они замолчали. После чего сделал 4 выстрела по орудия на Плоской и в ответ не получил. Участие в перестрелке приняли также Д и укрепление № 5 и кажется, что первыми замолчали японцы. Наш был последний выстрел. Потом укрепление № 5 стало обстреливать Центральную Горку, но от меня там ничего не было видно.

15 декабря 1904 г. С утра сильно обстреливается форт № 3, и там был какой-то взрыв, наверное японцы взорвали свою мину. К 10 часам над фортом № 3 от разрывов снарядов стит и не проходит пелена дыма. Пошел к себе на батарею. Она утром стреляла и сделала 12 выстрелов из 75-мм. и 20 — из 47-мм. Стреляли по Длинной и по батарее за Дивизионной, которая обстреливала форт № 4, так что обратили часть огня на нас. Попало в нас около 6 снарядов, из которых два в новосделанный траверс. Обошлось все благополучно и шишло только с ног кв. Ушакова. С утра на дамбе, ведущей к пристани, где стоит «**Бобр**», было очень большое движение как вагонок, так и людей. Японцы это, очевидно, заметили и стали обстреливать дамбу, пристань и «**Бобр**», в который попало 9 снарядов, все подводные. Вся публика успела уже сойти на берег. Лейтенант Долгобородов, шедший по дамбе на берег, ранен в обе ноги, матрос, бывший дневальным на барже, убит, и часть рельс для дековильки разрушена. Итак, мои слова оправдались, когда я вставал, еще в бытность на «**Бобре**», против движения по дамбе, говоря, что иначе «**Бобр**» и пристань будут расстреляны.

Наши офицеры сидят пока в госпитале, в комнате Черная и едят консервированное мясо,

так как весь завтрак остался на «**Бобре**». На форту № 4 убит мичман Пеликан. Весь день около форта № 3 прямо ад. Днем опять сделал 5 выстрелов по батарее, сбстреливающей форт № 4. Моментально получил в ответ несколько шрапнелей и гранат, одна из которых упала у самого дула 75-мм. орудия в бруствер, и камнем немного хватило меня по голове. К 5 часам стрельба стала стихать. Результаты неизвестны. Я пошел на Д. Вечером совсем тихо.

16 декабря 1904 г. С утра сильный ветер. По фортам тихо. Изредка японцы пускают снаряды по Новому Городу и по «**Бобру**», который загорелся, но горит тихо. Больно мне смотреть на гибнущий «**Бобр**», все же я на нем провел без малого два года.

С Д сделали 5 выстрелов по показавшемуся обозу за Гоундзягуну. Ветер такой, что сбивает с ног. Сколо форта № 3 тихо, но по слухам часть форта занята японцами. Точно не известно. Сегодня обед мне не принесли, и я питался весь день чаем с хлебом. Просил Коллюбакина, если можно, снять с «**Бобра**» телефоны и прислать мне на батарею. Для команды моей батареи достал от Подушкина 9 пар сапог. Яма для моего блиндажа почти готова. К вечеру японцы снарядами произвели пожар в Новом Городе, зарево громадное, освещен весь Порт-Артур. Горит, кажется, второй склад Чурина. Картина замечательно эффектная, совсем как в театре. Вечером сижу на Д, один в каземате, у стола, покрытого скатертью, на котором тарелка с хлебом, с сахаром, одна свеча, и я пишу эти заметки в ожидании самовара, который ставит Мартин.

17 декабря 1904 г. Известно, что с форта № 3 наши отступили 15-го. Японцы его заняли. С утра по фортам довольно тихо. Д сделала несколько выстрелов по работающим японцам. «**Бобр**» горел всю ночь и горит еще и теперь. Вероятно, уголь, служивший защитой и наложенный в жилой палубе.

Пользуясь тишиной, пошел в госпиталь, в комнату Черная, поразузнать, как и что с моими вещами. Там застал всю публику: Коллюбакина, Нордмана, Гляссера и Шельтинга. Все довольно расстроены и в угнетенном состоянии духа. Из моих вещей пропали книги, а остальное снесено пока в экипаж, даже японское ружье. Ужасно жаль, что пропали все вахтенные журналы, но это вина только Гляссера, как их было не захватить! Утром под фортом № 3 был какой-то взрыв. Пока я был в госпитале, японцы стреляли по Золотой Горе и со второго снаряда стали попадать в самую батарею. Вообще они изумительно хорошо стреляют. Говорят, что вчера был у Стесселя всенный совет. Дня два тому назад командир «**Севастополя**» Эссен назначен начальником Ляотешаньского участка. Относительно «**Севастопо-**

поля» не имею сведений. Говорят, что вчера на «Орле» ушли лейтенант Караваяв и мичман Поливанов, но достоверно ли это, не знаю. За день не стрелял. Для блиндажа яма почти готова и привезли брус и доски. Жалуются на недостаток подвод. Пил чай на Д, у Солодовникова. К вечеру горит арсенал, японцы его зажгли снарядами и все время там видны взрывы. Не знаю, много ли там запасов.

18 декабря 1904 г. Около 9 часов утра взрыв у укрепления № 3, а затем сильная стрельба. Само укрепление из-за дыма от разрывов шрапнелей и гранат не видно. Одно время с Д были видны какие-то развевающиеся там флаги. Днем стало известно, что японцы заняли укрепление № 3 и лезут на Курганную. Весь день в центре адский огонь. У нас на левом фланге совсем тихо. Я не стрелял. К вечеру орудийная стрельба затихла, но ружейная и пулеметная еще слышна. Видно, что наши и японцы устали. Ранен ксмандр 25-го полка подковник флигель-адъютант Семенов. На «Бобре» пожар потух, но видно, что он сильно обгорел. Ходит слух, что ушедший на бобровском гр. катере капитан 2 ранга Цвингман достиг благополучно Чифу. Я не понимаю, что думает начальство. Мне кажется совершенно ясно, что на наших позициях долго держаться уже нельзя, и не сегодня, так завтра японцы прорвутся, а между прочим ничего не предпринимается. По-моему, Артура теперь не удержат и остается или сдача, или же подготовиться и отступить на Ляотешань, пока есть время туда все подвезти, как орудия, и снаряды, так и провиант. Неужели кто-нибудь еще верит в освобождение? Если японцы сделают усилие, они могут в два-три дня взять Артур, и выйдет напрасное, никому не нужное кровопролитие.

Ночь стихло, но изредка в Новсм Городе падают снаряды.

19 декабря 1904 г. Проснулся около 9 часов от треска разорвавшегося 11-дм. снаряда. При мне их погало в Д 6 штук. Пошел к себе на батарею. 11-дюймовые блямбы летят по очереди: форт № 5, укрепление и Д. Меня начали обстреливать 6-дюймовыми, но откуда — не видеть, должно быть с Волчьих Гор. У Голубиной заметно движение и видны разрывы снарядов. Должно быть японцы перешли в наступление. Сделал несколько выстрелов из 47-мм., так как берегу 75-мм. снаряды и стрелять по отдельным людям не стоит. Известно, что вчера на укреплении № 3 наши три роты сдались. После взрыва все бывшие там наверху были выведены из строя, а остальные сидели по блиндажам. Японцы быстро пробежали все укрепление с нашими мешками и пулеметом и загородили нас одним путем отступления. Тогда бывшие в блиндажах выкинули белый флаг. Официально сообщают, что весь гарнизон укре-

пления № 3 погиб.

За весь день в мою батарею попало 6 снарядов, разворочен бруствер (три ряда мешков), но не пробит, и два снаряда попали в погреб, но тоже не пробили. Около 5 часов стрельба затихла. Наши посты с Голубиной отступили к Ляотешаню. Я пошел на Д, там прибавилось несколько воронок и три человека ранено. Несколько самых малых осколков попало в Капгера, но пробили только кожу. Солодовникова зафраншивали, имеет ли он на весь сектор подравные патроны.

Около 7 часов на Золотой Горе показали позывные, а затем ряд вспышек, что по приказу адмирала значит начать взрывать корабли. Вскоре послышался ряд глухих взрывов. Очевидно, гвали суда и док. Взрывы были также и в Минном Городке, где что-то после взрывов загорелось. Взорвали и «Бобра». Осколки, говорят, летели до госпиталя. Итак, наш флот на Востоке фактически уже не существует. Японцы исполнили свою задачу. Мне кажется, что это подготовка к сдаче. По телефону передали из штаба приказание по артиллерии: действовать пассивно, то есть первыми не начинать стрельбу. Посмотрим, что скажет нам завтра.

В центре наши отошли за Китайскую стену, то есть на 2-ю линию обороны. Хорошо, что взорвали корабли, иначе не успели бы это сделать в общей сумятице.

20 декабря 1904 г. Начались переговоры о сдаче. Ни одного выстрела. По всем фортам высыпало масса народа на бруствер и глазеют. Со стороны японцев то же самое. Получил приказание от Солодовникова утопить или зарыть снаряды, оставив только по 20 каждого сорта. Исполнили это, воспользовавшись ямой, начатой для моего блиндажа.

Пришел на форт № 5 японец с пригласением офицеров на завтрак. Начались переговоры о капитуляции. Итак, японцы добились своего — Артур сдается. Хвалю Стесселя за решимость. Все равно, иначе японцы взяли бы через несколько дней и произошла бы резня. Держаться больше нельзя, — люди страшно устали, да и цыган. Здоровых осталось не больше 4-5 тысяч. Как это ни печально, приходится с этим считаться.

22 декабря 1904 г. Получил приказание к 8 часам утра очистить батарею, что и было исполнено. С литерой Д и фортом № 5 то же самое. Интересно, что все физиономии заметно повеселели, особенно у солдат. Видимо, все довольны, что так или иначе вся эта грязная история кончилась. Говорят, что на совете против сдачи были наши блиндажные адмиралы, которые говорили: «Мы еще можем сражаться». Вот подлецы, — все время не выходили из блиндажа. Мне было приказано команду отправить по своим частям, а самому идти, куда хочу. Я и

пошел сначала на Д, где полный развал и остается сдавать батарею. С ними попрощался. Вещи мои временно снесли вниз, в саперные казармы, где и сложили в квартире Солодовникова. Приказано на всех фортах и укреплениях остаться одним комендантам.

Пил чай в собрании, а потом пошел в казармы Кв. экипажа, где помещаются наши офицеры. Капитуляция подписана. Крепость сдается со всем, команды выводятся послезавтра без оружия, а офицерам разрешено быть при оружии. Характер всей капитуляции не особенно почетный. Говорят, что завтра всем нам надо быть у укрепления № 5 к 9 часам утра. По улицам заметны уже японцы. Масса наших пьяных, которые страшно безобразят. У Соловья полиция днем била бутылки с водкой, но часть, конечно, перехватывалась, и много матросов и солдат перепились.

23 декабря 1904 г. Поднялись мы все в экипаже в 5 часов и начали собираться. По обыкновению — ни от кого никаких приказаний. Послали в блиндаж за бобровской командой, а затем вслед за ней пошли к месту сбора, которое оказалось в саперных казармах. Из морских команд мы пришли одними из первых. Прошел слух о телеграмме Государя, где говорится, что офицеры могут воспользоваться данной японцами льготой или же разделить участь команд. Во всяком случае мне кажется, что подобная телеграмма нами не заслужена. Между офицерами большие разговоры о том, куда ехать. Лично я еще не решил, куда. Ждали у казарм целый день, и ни от кого никаких указаний. Наши звезды-адмиралы несколько раз проехали в коляске. Одна из казарм вдруг запылала, неверное зажженная одним из уходящих стрелков. Какая дикость! После этого появились японские часовые и патрули. В горевшем здании стали лопаться очевидно спрятавшиеся там патроны. В казармах этих помещался 27-й полк. Конечно, японцы воспользуются этим и проищут про спрятанные и уничтоженные патроны и снаряды, а также и про нашу дикость. Наши вещи переложили на японские подводы, которые и уехали, так что мы остались без вещей и без еды. Поехали верхом их стыковать, но не нашли. Вся наша компания пошла искать приюта в госпитале, где нас встретили очень любезно. Меня поместили в первой палате, на койке посередине комнаты. Сегодня днем также было несколько пожаров в городе при оставлении войсками казарм, японцы, говорят, убили 6 человек солдат. За прошлую ночь в городе японскими часовыми были застрелены 22 человека.

24 декабря 1904 г. Разбудили меня в 6 часов, но я еще провалился до 8, когда и встал. Говорят, морские команды еще не двинулись. Около 10 часов пошел к своей команде в са-

перные казармы, но там еще шевеления не видно и все по-старому. Пошел в квартиру Солодовникова, где съел несколько блинов. Шельтинг объявил, что мы раньше завтрашнего дня не тронемся. Почти все офицеры пошли обратно в город, я же думаю ночевать с Капгером у Солодовникова. Артиллерия уже ушла, так что остались одни моряки и остальные вольные. Видно, что у многих решение ехать в Японию. Японцы ведут себя вообще очень хорошо, но довольно-таки обидно, что японцы тебя караулят. Сижу я в одной комнате, входят несколько японских солдат и начинают осматривать все комнаты, — что же, они ведь не могут быть гарантированы, что я тоже не подожгу что-нибудь. Скорее все это кончилось бы и уехать бы куда-нибудь, все равно куда.

Вчера я наблюдал, как 2 офицера и человек 10 нижних чинов проводили от укрепления № 5 к литере Д телефон... б е г о м. Вот это молодцы!

С сегодняшнего дня все госпитали переходят на иждивение японцев и они уже навезли массу провизии в город. Вчера проезжал комендант Смирнов и здоровался с войсками, но Стеселя никто и нигде не видел. Вот так всегда, как и раньше: где оно нужно, там начальства нет, и никто ничего не указывает. Все войска сегодня остались почти что без пищи. Били мулов и лошадей. Для нашей команды достали немного консервов в госпитале, да и то частным образом. Кажется, я склоняюсь тоже на то, чтобы ехать в Японию. Наше начальство тоже отличилось: за последние два дня из всех госпиталей выписали всех мало-мальски здоровых, что-то около 8 тысяч, и со всеми нестроевыми, которые не считались за защитников, вместо указанных 9 тысяч вышло гарнизона что-то вдвое или втрое больше. Вот скандал!.. И действительно, народу уйма, все идут и идут. Как японцы, наверно, злорадствуют. Мне кажется, нужно было сделать наоборот, как можно больше принять в госпитали, а затем, после нас, их выписать, тогда бы и японцам было бы легче отправлять, не всех сразу, да и нам было бы меньше сраму и меньше трофеев Японии.

Наш состав офицеров «**Бобра**» и приписанных к нему: капитан 2 ранга Шельтинг, капитан 2 ранга Колюбакин, лейтенант Нордман, лейтенант барон Драхенфельс, мичманы Пилсудский, Капгер, Круссер, Александров, Войтка, Шафров, Мурашов, Баранов, лейтенант Непенин, прапорщик волонтер Гляссер и лейтенант Кованько; всего 15 человек.

25 декабря 1904 г. К 8 часам утра все собрались опять и готовы к выступлению. Наконец-то началось движение. Приказано каждому офицеру и матросу иметь листок — «записка пленника». Все бросились писать. Дошла и до нас очередь пройти перед палаткой. Какой-то

офицер осматривал книги «Севастополя». Нас, бобровцев, никто не задерживал, спросили только, есть ли желающие дать клятвенное обещание не предпринимать ничего против Японии. На это японцы получили ответ, что желающих нет, после чего нас пропустили дальше. Вещей не осматривали. Отошли немного за укрепление № 5, где и остановились. Здесь стояли уже ранее пришедшие команды и наши вещи с вестовыми на японских подводах. Постояли немного, rozdali пищу, консервы и галеты, командам и то же самое офицерам. Мы пошли к подводам, где и закусили. К нашей команде прикомандировалась команда со «Сторожево» с лейтенантом Непениным. Немного времени спустя пришел Шенснович с японским офицером, взял по офицеру с каждого судна и пошел искать помещений в первую деревню. Погода чудная, — это наше счастье. Пить хочется страшно, но достать негде. Нашли где-то ящик, на который и сели, так как на земле страшно пыльно. Кто-то из командья принес кружку чая, — выпил с удовольствием, но что это был за чай! Одна бурда. Пришел японский офицер и сказал, что надо идти дальше. Дошли до деревянн верстах в трех, где сказано остановиться на ночевку. Встретили Нордмана, который занял нам фанзу, а около, на дворе, разместили команду. Фанза отчаянная и очень грязная. Думаю спать на дворе, у костра. Провизии ничего не достали, кроме яиц, по 10 рублей сотня.

Победали тем, что было, да яйцами. Команда делала суп из японских консервов. Ругань с китайцами из-за дров. Часть наших офицеров спала в фанзе, а другие и я устроились у костра. Было очень холодно, особенно ногам. Несколько раз вставал ночью греть их.

26 декабря 1904 г. Утром из-за холода встали около 5 часов. Объяснено, что сегодня дальше не пойдем, а тронемся завтра утром. Обед варили на костре. Никакой посуды, кроме 7 ножей. Вилки мы с собой не взяли. Обед варили в жестянке из-под галет. Питались консервами и галетами. Удивительно, что японцы успевают доставить на такую массу людей пищу, но все-таки есть некоторые, которые на них в претензии. Мне кажется, что будь мы на месте японцев, все пленные ушли бы голодными.

Ночью спал на гаюлине на полу в фанзе, — у костра больно холодно. Залегли спать очень рано, что-то около 9 часов. Сказано, что завтра в 9 часов утра выступаем дальше. Шенснович, который что-то вроде посредника между японцами и нами, все время ужасно пугает и только портит. Пользы нам от него никакой.

27 декабря 1904 г. Чудно спал ночь. Около 10 часов выступили, но уже между нашими колоннами шли японцы с ружьями и есть и

их начальник, офицер. Никак нельзя добиться, куда мы идем и где нас посадят на железную дорогу. Прошли перевал через Волчьи Горы. По дороге на Лузу видны следы разрывов наших снарядов, очевидно судовых, и недалеко от самой дороги. После перевала имели минут 15 привала, немного закусили и тронулись дальше. Погода чудная и тепло. Около 2 часов дошли до раскинутых прямо в поле палаток. Ночевка. Офицеров разместили по палаткам, а нижних чинов прямо в поле. Мы все, 15 человек, поместились в одной палатке. Прошли сегодня что-то около 15 верст. Завтра тронемся дальше. Сравнительно с фанзой поместились лучше. К ночи стало холодно, так что вестовых поместили тоже у нас. Всего ночевало 30 человек, как селедки в бочке. По дороге купили трех кур и утку, из которых и был обед. Ели в жестянках из-под консервов.

28 декабря 1904 г. Под утро не хватило угля, и мы здорово промерзли. Тронулись дальше по дороге на Инчендзы. Прошли верст 9, когда увидели станцию железной дороги и палатки. Когда подошли ближе, увидели немного солдат. Оказывается, что наше пешее хождение окончилось и отсюда нас будут отправлять по железной дороге. Каждый день отправляют около 2.000 человек. Для офицеров поставлены палатки, а нижние чины — на воздухе. Пошел с Нордманом в ближнюю деревню, где купили свинины, яиц и еще чего-то. Японцы раздавали спать консервы и галеты. Наша палатка оказалась с камельком, но немного меньше. Разместились так же. Говорят, что придется прожить здесь дня два. На станции железной дороги большое движение наших отправляемых, а также масса зрителей-японцев. В палатке спали на цыновках.

29 декабря 1904 г. День прошел без новых приключений. Уехали ретивзанские и, конечно, Шенснович, который бросил свое посредничество. Говорят, завтра мы трогаемся, а также едут генералы. Много разговоров и пересудов о том, кто едет в Японию или в Россию. Мы, бобровцы, все решили идти в плен.

30 декабря 1904 г. С утра собрались со всеми пожитками и бобровской командой на станции. На платформе масса народа, а также иностранные агенты и корреспонденты, которые записывают и снимают. Много комичных картинок и эпизодов с нашими. Иностранцы и японцы хохочут. Приехали на станцию мирные жители Артура, бабы с узлами, картонками и плащущими ребятами. Совсем русский вокзал. Появились вещи Стесселя, а затем и он сам со съезтой и адмиралами. Вид сконфуженный и далеко не победоносный. Японцы для него приготовили и убрали комнату. Вирен скрывается от фотографов под навес, Лощинский гуляет с гнусным видом. Подали поезд, и началась по-

сидка. Сели и мы. Только три крытых вагона. куда посадили генералов и дам, а мы взобрались на открытую платформу вместе с командой. Каким-то вещам не хватило места и нас высадили. Ругань, Шеллинг кричит во-всю и обращает на себя общее внимание. Утешают нас, что повезут вечером. Пошли назад в палатку. Снова развели печь, а потом перешли в палатку на самой платформе. Шеллинг ругается с японцами, волнуется и гуляет по платформе. Становится холодно и морозно. Около 11 часов пришел поезд, и после выгрузки вагонов пошли садиться. Команда разместилась на двух платформах, а мы с вещами и вестовыми на третьей. Взяли с собой хибач, который поставили в ноги. Поезд свистнул, и мы тронулись. До Дальнего ехали 4 часа и здорово промерзли. В Дальнем нас повели в сарай на платформу, где и просили подождать. Пришел японский офицер и пригласил идти за ним для осмотра в карантин, где нас всех пропустили по одному мимо доктора, который щупал у каждого из нас пульс и смотрел язык и десны. После этого команду нашу совсем отделили от офицеров и куда-то повели, а мы остались ждать. Сидели в дощатом балагане около большого хибача. Пришел переводчик и сказал, что можно идти. Повел нас всех гурьбой японский солдат. Пошли от вокзала направо, через мост, в новый город. Дошли до строящегося здания, где остановились. На улице, за столом с бумажным фонарем сидел японский офицер и переводчик. У них каждый из нас писал свое имя и звание, после чего, продержав полчаса на морозе, повели нас внутрь здания, в котором, как оказалось, мы будем помещаться. Переходчик открыл дверь в большую и очень грязную комнату с циновками на полу, без всякой мебели и где уже лежали по одной стене спящие люди. В общем отвратительно, но я так устал, что, разложив на полу нальто, на нем и заснул.

31 декабря 1904 г. С утра проснулся рано и, к счастью, кто-то из наших нашел освободившееся помещение после уехавших уже дальше артиллерийских офицеров, куда мы и переехали. Сравнительно сносно. Две комнаты, в одной вестовые, а в другой мы. Дверей между ними нет. Есть тюфяки. Я сплю на тюфяке, который пскрываю одеялом, и накрываю пальто. Днем все залегли спать. Провизии японцы дают вдоволь. Встречали Новый год, доставили окорок и шампанского.

1-го января 1905 г. Здание, в котором мы живем, предназначалось, оказывается, женской гимназии и реальному училищу. Пользуемся относительной свободой гулять перед домом, по дороге, но в город никого не пускают. Все едущие в Россию несут на рукаве цветную повязку. Видимо, японцы очень недовольны, что

много едущих в плен. Каждый день приходит переводчик и спрашивает, нет ли еще желающих присягнуть, и они достигают цели, так как публики с повязками все прибавляется. Мы, бобровцы, твердо решили всем ехать в Японию, кроме Шафрова, который едет с женой и свояченицей в Россию. Дал ему поручение зайти к бабушке.

Дом, в котором мы живем, называется японским «Мацубара». Каждый день отправляют команду и офицеров на пароходы, а 5-го числа стравили до 200 офицеров. Всех их поставили во фронт перед зданием, по четыре в ряд, и японские солдаты без всякой церемонии выравнивали их и осаживали назад. В строю стояли, между прочим, Щеннович, Зацаренный и Эссен. Продержав их так довольно долго на улице, несколько раз пересчитывали, а потом пришел японский доктор и у всех по очереди начал щупать пульс и смотреть язык. Картина: Щеннович и Зацаренный — старые капитаны 1 ранга — стоят на улице в строю и показывают язык! Я думаю, что в таком положении русские офицеры еще не бывали. Жаль, что нет аппарата, чтобы снять это. Наконец пришел какой-то японский солдат и всех их повели строем на пароход.

Каждый день утром, перед завтраком, кожу гулять. Погода стоит все время чудная. В гавани большое движение, пароходы приходят и уходят. Видны также две Шимы.

Днем играем в винт или в фараон, а вечером почти всегда — макао. Капитан 2 ранга Спиридон Иванов напился, вышел на двор и вступил в драку с японским часовым, его задержали и привели в растерзанном виде в его комнату. После этого японцы прекратили продажу русским спиртных напитков.

В общем офицеры помещаются отвратительно, наша комната единственная, где есть тюфяки, а в остальных офицеры спят прямо на циновках. Каждый день к нам приходит Бек Джевагиров, который только думает и говорит о том, где и как достать коньяка, но безуспешно. Каждый день отправляют наших дальше, но понемногу. Теперь осталось нас до 400 офицеров и 600 нижних чинов.

8-го вечером принесли билеты и нам. Едем завтра на пароходе «*Нагата-Мару*», куда — неизвестно. Настроение у всех заметно улучшилось. Надоело немного жить 9 дней в такой обстановке. Собак на пароход не берут, так что их хозяевам придется с ними проститься. Вчера, 7-го, уехали едущие в Россию Шафров и Бек Джевагиров. С Шафровым послали мы от кают-компании телеграмму в «Новое Время», а я свою — бабушке, чтобы передала домой. Интересно, что у Пепы Иванова, тоже теперь записавшегося ехать в Россию, вестовой не по-

желал туда ехать и ему пришлось с ним расстаться.

9 января 1905 г. Утром пронулись все довольно рано, говорят, что в 8 часов пойдем на пароход. Началась обычная в таких случаях суетола. Пьют чай и куриный бульон. Говорят, что на пароходе кормить не будут, почему зажарено 6 кур и свинина. Нордман хлопочет, чтобы не забыли взять пиво. Вышли на двор, где уже стоят едущие команды и офицеры с «Ретвизана». Из командиров едут Сарнавский и Шельтинг. Простояли около часа, в продолжение которого нас ставили во фронт, по четыре в ряд, осматривали и несколько раз пересчитывали, после чего наконец повели. Сбоку шли японец с ружьем и переводчик. Шли весело, смех и шутки. Немного не дойдя до парохода, нас опять остановили, опять пересчитывали, наконец, перестроили по старшинству. Опять ждали. Вышла, конечно, путаница. Наконец пошли на пароход, стоящий у мола. Пароход большой. Разместились по каютам, в 1-м и 2-м классах, мне пришлось поместиться во 2-м классе, впятером, но есть надо ходить в 1-й класс. В общем все очень чисто и хорошо. С нами поедет в Японию японский генерал, которого теперь и ждем. Генерал приехал верхом, со свитой.

В Дальнем видно в гавани громадное движение. Все молы заняты пароходами, которые разгружаются, а я насчитал на рейде до 10 пароходов, 2 «Шимы», «Фузо», 2 миноносца, посыльное судно и еще несколько пароходов, переделанных в военные. На «Фузо» поднят адмиральский флаг. По широкому молу вагоны подходят к самым пароходам. На берегу навалены громадные кучи припасов, которые китайцы увозят куда-то на дековильке. Весь железнодорожный путь переделан на узкоколейный, под японский состав.

Генерал попросился с провожавшими, и наш пароход стал отдавать швартовы и около 1 часа мы тронулись. Пошли, держась Талиенванского берега, по фарватеру, обставленному буями, не чета нашим вешкам, очевидно протрагелному, и вышли в море северным проходом. На пароходе, на палубе, бидны трое часовых с ружьями, а внизу есть, вероятно, караул до 20 человек, так что устроить возмущение очень легко и почти наверно с успехом, но, по-моему, мы ничего не выиграем. Не все ли равно сидеть в Японии или в Киао-чао... О возможности этого мы поговаривали: к ночи овладеть караулом и, пройдя Шантунг, идти в Киао-чао. Идем мы теперь узлов 14, а пароход может дать до 18. Две машины.

В 3 часа дали чай, а в 6^{1/2} обед. Стол очень хорший, на манер английских пароходов. Обращение с нами в высшей степени вежливое, даже не чувствуешь, что в плену. Днем играли

в винт, а вечером некоторые — в макао. Достали несколько английских газет, но все старые.

10 января 1905 г. День прошел без особых приключений. Погода тихая и теплая. Шли корейскими шхерами. Играем в винт и макао. На некоторых из проходимых островов были зажжены огни, вероятно японцами, для удобства сообщения.

11 января 1905 г. От морского воздуха или от артурского воздержания все мы страшно много едим. Японцы, вероятно, удивляются. Утром подошли к островам Японии и около 12 часов дня проходили Симоносэки, где стояло до 20 пароходов, одна лодка и 1 миноносец. На берегу заметно несколько батарей, хорошо замаскированных. Чудные места, не хочется сходить с палубы. Пройдя пролив, вошли в Средиземное море. Интересно, что когда опять вступили в шхеры, с темнотой — луны не было — пароход не уменьшал ход и маневрировал совсем как днем. Лоцмана не брали. Играли в винт. Часам к 10 пришли мы к Ниссимо. Направо — ряд электрических фонарей. Отдали якорь. Оказалось, что пришли на место и завтра в 8 часов утра нас свезут с парохода на берег. Генерал сразу же уехал, обещал на прощание сказать про нас микадо. Приехало несколько докторов и переводчик, — какой-то подозрительный субъект.

12 января 1905 г. Встали все рано, около 6 часов, и в 7 часов все уже сидели за столом в салоне. Пришли к борту несколько фунушек, очевидно за нами, и вскоре сказано было садиться. Всех офицеров — на одну, а вестовых с вещами на другую. Тут сказали, что всех нас будут дезинфекцировать. Повели в одну длинную комнату, где было предложено раздеться, а вещи собрать в один пакет и навязать на него номерок. Драгоценности, если у кого есть, — то в отдельный вязанный мешочек и сдать в контору. Было довольно прохладно. Потом повели нас в ванную, где стояло четыре большие деревянные ванны, в которые нужно было садиться. Вода была очень горячая и с легким запахом. В каждой ванне сидело по пяти человек, а в мойе — 8. В общем было страшно комично видеть, как пожилые, плешивые и бородатые господа купаются в общих баках, а японские санитары за ними присматривают. Было масса смеха и острот. Продержали нас так, в горячей воде, минут 10, затем раздался свисток и сказали, что можно выходить. По выходе из ванной дали ватным киримоны и повели в комнату с большим хибачом, куда уже было принесено наше платье, и мы стали одеваться. Платье наше не дезинфекцировалось, как и багаж. После нас то же самое было сделано и с вестовыми. Оделись и пошли мимо конторы, где были выданы мешочки с драго-

ценностями, все в полном порядке. Повели нас мимо бараков, где уже жили команды между прочими и наша, бобровская. На плацу стояла тоже команда, рядовые на коленях, а унтер-офицеры стоя. В середине стоял японский офицер и переводчик, читавший какую-то бумагу, как потом оказалось, — правила, как себя вести. Нас повели на другую сторону плаца, в такой же барак, где стояли койки, но было очень холодно. Там стояло два хибача. Штаб-офицеров поместили отдельно. Пришел переводчик и сказал, что мы поедем дальше или сегодня в 4 часа, или же завтра утром.

13 января 1905 г. С утра начали собираться дальше и в 8 часов, после завтрака, где каждый из нас получил по пакету на дорогу и кусок белого хлеба, нас повели на пристань и посадили на два паровых катера и мы поехали на Матсуяму. Погода испортилась, пошел дождь, и все набились в маленькую каюту. Шли часа четыре. По дороге проходили порт Куре, где стояла Миказа и какой-то трехтрубный крейсерок небольшой. К 4 часам подошли к острову Сикок, где и есть Матсуяма. Подошли к пристани и ошвартовались. Все вышли и пошли на вокзал, недалеко от пристани. На станции вывешено объявление от жителей этого местечка — Такахама — в котором они приветствуют русских пленников и просят потом их навещать. Погода разгулялась, но все-таки холодно. Подали поезд с маленькими вагонами и паровозом. Мы сели по вагонам, нас пересчитали и повезли дальше До Матсуямы езды минут 20. По дороге было две станции. Мнго деревьев, и скрестности недурны. Названия станций на японском языке латинскими буквами.

Наконец поезд остановился, — мы приехали. На платформе масса народу, а также кучи наших солдат северной армии, но странно, что почти все жиды. Матсуяма — обыкновенный японский городок. Улицы грязные. Сели мы на рикшей, которые нас куда-то повезли. Впереди ехал японский солдат с ружьем. Везли нас через весь город и привезли к забору, ограждающему бараки с соломенными крышами, госпиталю, где временно, как говорят, будем помещены и мы. Во дворе нас уже ждала толпа наших русских больных и ранее приехавших артурцев. Были также офицеры с «Рюрика», которые в числе 9 человек были спасены японцами после гибели крейсера. Они живут в от-

дельном доме в городе уже шестой месяц, надеясь на скорый обмен пленными. Оказывается, что нас здесь в госпитале поселят, в бараке по 30-40 человек, временно. Вся Матсуяма расположена на громадной равнине и кругом горы, теперь покрытые снегом. В конце города построен госпиталь, состоящий из 50 бараков, человек на 50 каждый. Бараки дощатые, с соломенной крышей и построены в два ряда. Впечатление хорошее, очень чисто, но только холодно. В госпитале находятся теперь только раненые русские и несколько пленных артурских офицеров. В нашем бараке поместились мы, ретвиганские, палладские и несколько артиллеристов. Достали хибач. Кормить всех взялся какой-то штабе-ротмистр, выздоровевший раненый, из куропаткинской армии. Слим на матрасах, но на полу, кроме того — два одеяла и перина. Я сплю рядом с Бергенем и Круссером. Наши штаб-офицеры помещены отдельно, в маленькой комнате. В общем живем неважно, я ожидал не такого помещения.

К вечеру пришел здешний начальник, полковник Коно, с нами познакомиться, и прочел нам через переводчика правила, как себя вести. Затем он сказал, что по приказу военного министра он должен отобрать у нас оружие, которое мы отдали, но оставили протест.

15 января 1905 г. Жизнь в бараках в госпитале. Один из офицеров заболел какой-то сыпной болезнью и всех нас засадили в карантин, так что ходить можно не дальше следующего барака. Играем для мочиона в лапту и в городки. Японцы устроили в соседнем бараке лавочку. Вещи дешевы, но нет выбора.

29 января 1905 г. С утра стали собираться переезжать, собирали вещи и купленную посуду. Сбываленс, что обер-офицерам брать на двух одного вестового. Оно и правильно. Часа два прошло, пока Сарнавский разобрался, кто и кого берет вестовым, и все у него не выходило, — то лишний вестовой, то не хватает. Я с Капгером взяли вестовым Жарикова. Наконец списки были составлены и вручены японцам. Вещи погужены на тележки, и мы тронулись. Всех нас разделили на две партии, первая в 60 человек, вторая около 40.

Из архива капитана 2 ранга

Г.С. Пилсудского

Линейный корабль «Три Святителя»

1908-1909 гг.

(из неизданной книги «Двенадцать кораблей»)
См. № 88 журнала — «На Финие»

Отплавая два с половиной месяца на «Финие», я получил назначение в Черное море, куда и отправился после трехнедельного отпуска.

Получив все нужные бумаги в Главном Морском штабе, я выехал из Петербурга на несколько дней ранее, чтобы иметь время повидать родных, проживавших тогда в Москве. Как и всегда, быстро пролетели эти дни, и я сел в скорый поезд прямого сообщения на Севастополь.

Никогда не забуду того исключительного впечатления, которое произвел на меня этот славный исторический городок. Весь беленый, на темной синеве моря он как-то особенно был ярок и красив. Невольно нахлынули воспоминания о войне 1854-55 годов, героическая защита Севастополя, удивившая мир. Имена Нахимова, Корнилова, Лазарева навеки связаны с этой землей, пропитанной русской кровью...

На вокзале я встретил матроса, ст которого узнал, что вся эскадра в море и вернется только через неделю. Пришлось ожидать возвращения эскадры в отеле. Я воспользовался этим временем, чтобы осмотреть город и познакомиться с ним поближе. Через три дня эскадра пришла с моря и я явился в штаб командующего флотом, где меня приняли весьма любезно и немедленно выдали уже заготовленный приказ о моем назначении вахтенным офицером на линейный корабль «Три Святителя». В связи с этим приходят в голову некоторые вещи, природа которых нам не совсем понятна. Когда я был еще в Петербурге и как-то рассматривал фотографии кораблей Черноморского флота, силуэт «Трех Святителей» привлек мое особое внимание, его низкий корпус и симметрия надстроек придавали ему какую-то особо приятную, я бы сказал «грациозную» форму. И я еще подумал тогда: «Недурно было бы поплавать на таком корабле». И вот, выйдя из штаба и сев на Графской пристани в трехсвятительскую очередную шлюпку, я невольно улыбнулся и поблагодарил судьбу, которая выполнила мое желание.

Сухопутный офицер обыкновенно редкий гость на корабле. И когда мы подходили на шестерке к левому трапу корабля, то, кроме фалрепных матросов, немало любопытных из «матрози» собралось у левого борта на палубе. Поднявшись по трапу, я снял по обычаю фуражку, что вызвало немало удивленных

взглядов по моему адресу. Я представился вахтенному начальнику, который приказал реальному провести меня к старшему офицеру.

Александр Леонтьевич Лятошинский, моряк еще старого, парусного закала, среднего роста, худощавый, немного сутулый, немного нервный и чрезвычайно подвижный, встретил меня как родного. По его глазам я отгадал бесконечно добрую и открытую душу. С первого же момента я почувствовал к нему невольную симпатию. Мне это особенно было приятно, так как с сего дня я поступал под особую опеку старшего офицера как моего дальнейшего воспитателя в морском деле. Благодаря ему я сумел быстро войти в распорядок корабельной жизни и службы, благодаря ему я избежал массы неприятностей, мелочей, которые неизбежны в жизни новичка, и до сих пор я храню в своем сердце чувство бесконечной благодарности к этому светлому, ныне уже покойному и многим, к сожалению, непонятому, человеку. К нему я вернулся еще не раз.

Командиром «Трех Святителей» был в то время капитан 1 ранга Иван Григорьевич Васильев, воплощение спокойствия и доброты. Небольшого роста, довольно полный, с большими светлыми глазами, с неразлучной трубкой во рту, он производил впечатление ленивого, заспанного помещика. Но наружность часто бывает обманчива. Потом я не раз видел Ивана Григорьевича не в каюте, не в кают-компании, но на мостике, на походе. Здесь он, сохраняя внешнее спокойствие, выявлял высокие и ценные качества опытного моряка.

К сожалению, он скоро получил другое назначение и к нам был назначен командиром капитан 1 ранга Зражевский, с которым у меня связаны иные, менее красивые воспоминания.

На «Трех Святителях» мне пришлось плавать два раза. Вторично, уже будучи мичманом, я плавал на нем в 1910 году вахтенным начальником, будучи назначен на него по просьбе кают-компании, с которой я очень сжился и подружился.

С того времени прошло уже больше сорока лет. Сейчас почти невозможно восстановить в памяти лица и факты, которые играли роль в моей жизни в 1908 или 1910 годах, но это не важно. Я больше уделяю внимания истории, ссылаясь, чем хронологию, не представляющей большого интереса. В то время линейный ко-

рабль «Три Святителя» представлял собою довольно внушительную силу. Его артиллерийское вооружение состояло из четырех 12-дюймовых и четырнадцати 6-дюймовых пушек. Позже, четыре 6-дюймовые были заменены четырьмя 8-дюймовыми. Водоизмещения он имел 13.300 тонн. После маленького «Финна» (см. № 88 журнала), этот корабль показался мне совершенством роскоши, простора и уюта. Офицерская кают-компания помещалась в кормовой части корабля, во всю его ширину, и не оставяла желать лучшего. Чудная отделка красного дерева, прекрасная мебель, библиотека и пианино, — она отличалась своей необыкновенной уютностью. Особенно я ее любил вечером, когда при электрическом освещении она приобретала особенный уют. Большой обеденный стол стоял ближе к носовой части и приходился под светлым люком верхней палубы. В левом кормовом углу стояло пианино, а в правом — библиотека и нечто вроде маленькой гостиной, с круглым столиком и большими, уютными кожаными креслами. Моя каюта была распложена по левому борту и выходила в коридор около кают-компаний. Она была небольшая, но очень уютная, и со всеми удобствами.

Как и всегда, меня очень стесняла и смущала моя сухопутная форма, выделявшая меня из всего экипажа. С кают-компанией я быстро сжился и был со всеми ее членами в дружеских отношениях, а вст команда долго не могла ко мне привыкнуть и ей всегда казалось диким и непонятным пребывание сухопутного офицера на корабле. К счастью, мои обязанности вахтенного офицера были чрезвычайно скромны и почти избавляли меня от необходимости повышать голос и применять особую строгость в обращении с командой. Видя во мне желание войти в их семью моряков, матросы в конце концов привыкли ко мне и даже сблизились, особенно после одного случая, который дал мне возможность выявить мои взгляды и отношение к так называемому «нижнему чину».

Произошло это в самом начале моего плавания на корабле. Во время одной из учебных стрельб я был назначен на паровой катер, буксировавший щит, по которому стрелял корабль. Моя обязанность заключалась в том, чтобы катер сдерживал определенные курсы, а я же должен был вести и подсчет попаданий в щит. После же стрельбы я должен был отбуксировать щит в Севастополь. Стрельба начиналась с утра, с перерывом на завтрак, и продолжалась часов до 5-6 вечера. По окончании стрельбы корабль тотчас же уходил в свою базу, а паровому катеру, принужденному возиться с уборкой полотнищ на щите и с буксировкой его в порт, болей или неволей приходилось возвращаться в Севастополь в 8-9 часов вечера, в за-

висимости от погоды и многих привходящих обстоятельств. В первый раз я забыл старое морское правило: «если выходишь в море на два дня, — бери провизию на пять». Итак, стрельба кончилась, и «Святители» полным ходом пошел в Севастополь. Пока моя команда возилась со щитом, ветер засвежел. Взяв щит на буксир, я понял, что в Севастополь мы попадем нескоро. Идти пришлось против ветра и волны, которая успела уже разгуляться. И здесь только я сообразил, что мои молодцы обречены остаться без еды в течение, по крайней мере, двенадцати часов. К счастью, я захватил с собой две банки мясных консервов, которые приказал открыть и разделить, сам же, ввиду ограниченного запаса, решил довольствоваться табачком. Такое маленькое внимание с моей стороны произвело, видимо хорошее впечатление на моих шестерых матросов, и они трогательно стали уговаривать меня разделить с ними эту скромную трапезу. Но я категорически отказался и даже роздал им папиросы, которые имел с собой. Вот этот, на первый взгляд незначительный случай связал нас больше, чем годы совместной службы. Матрос всегда особенно ценил всякую о нем заботу и внимание со стороны офицера.

Мы пришли в Севастополь только к 11 часам вечера. На корабле нас ожидал ужин с двойными порциями и с чаркой водки, которой я наградил мой бравый экипаж. Между прочим, этот старый обычай в нашем флоте мне особенно нравился. Словесная благодарность хороша, но недостаточна. А вот если офицер награждает матроса «чаркой вина», так тот это очень и очень ценит. Эти чарки, то есть их стоимость, конечно вычитались в конце месяца из жалованья офицера, но в то старое доброе время цена чарки была 8 копеек и расход на нее не особенно обременял офицерский карман. А если матрос видит и убеждается во внимании к нему офицера, то он готов за него псйт в огонь и в воду. Я в этом не раз убеждался, особенно во время войны, когда приходилось и офицеру, и матросу переносить особые тяготы морской службы.

На следующее утро наш «старшой» Александр Леонтьевич Лятошинский испытующе посптрел на меня и с улыбки спросил:

— Ну как, Владимир Владимирович, еще не отбילו отхогу служить во флоте?, — на что я ему ответил:

— Наоборот, Александр Леонтьевич, я еще больше оценил прелести морской службы.

— Очень приятно! Значит Вы, по природе, немного авантюрист?

— Да, есть грешок.

При подъеме флага командир пожал мне руку и спросил:

— Справляется?



Линейный корабль «Три Святителя»

— Так точно, господин капитан 1 ранга, по мере сил и способности.

У каждого человека есть свои особенности, которые его выделяют из среды. Некоторые манеры, любимые словечки, какие-либо привычки, выходящие из рамок жизненного кода. Так у Александра Леонтьевича была особенная страсть к сбережению чистого русского языка и правописания. Нужно сказать, что, действительно, язык и грамматику он знал замечательно. Где бы он ни был, что бы он ни делал на корабле, он никогда не расставался с маленькой книжонкой, которую всегда держал подмышкой — «Грамматика русского языка». И имел он привычку придирается к господам офицерам. За всякую грамматическую или стилистическую ошибку в рапорте или докладе он долго распекал провинившегося, перед лицом всей кают-компании.

— Хотя вы и офицер, батенька, но совершенно безграмотны.

Молодые мичмана иногда обижались, но позже начинали понимать и сохраняли искреннее чувство благодарности к своему требовательному педагогу. Будучи холостым и, что называется, «принципиальным женоненавистником», он почти не съезжал с корабля.

Нужно сказать, что должность старшего офицера на большом корабле самая сложная и самая трудная. Вставая ежедневно в одно время с командой, ответственный за чистоту и порядок на корабле, старший офицер, кроме того, составлял еженедельные расписания службы, различных учений и тревог. Он командовал всяким авралом на корабле, единолично и самостоятельно. В отсутствие командира он его заменял, облеченный полной властью. Уже не говоря о том, что, как старший и председатель

кают-компании, он совмещал в себе тысячи обязанностей, в связи с необходимостью быть и воспитателем и начальником своих офицеров. Даже во время дружеских бесед в кают-компании он должен был быть всегда на-чеку. В то время всякие разговоры на политические и религиозные темы в кают-компании запрещались. Вместе с тем старший офицер являлся естественным посредником между командиром корабля и офицерами. Особенно было тяжело для старшего офицера, если он был женат и имел семью на берегу. По уставу командир и старший офицер не имели права съезжать с корабля одновременно. Так что в этом отношении он зависел от командира, который пользовался в данном случае неограниченными правами. Бывали случаи, когда старшему офицеру удавалось побывать на берегу раз в месяц. Но бывали случаи и обратные, когда командир отпускал старшего офицера не менее одного раза в неделю. Александр Леонтьевич чувствовал себя дома на корабле и берег его не прельщал. Поэтому он съезжал, аккуратно, раз в месяц.

Первое время я довольно часто во время стоянок съезжал на берег. Севастополь с его памятниками представлял из себя настоящий музей. По воскресным и праздничным дням мы устраивали небольшие экскурсии и знакомились с окрестностями, которые представляли двойной интерес, и с точки зрения красоты и с точки зрения истории. Но позже я все чаще и чаще оставался вечерами на корабле, где скучать не приходилось. Обычно три-четыре офицера оставались вечером на корабле. В кают-компании была неплохая библиотека, шахматы, шахматы, трик-трак, пианино, домино. Словом, каждый, если он не отдыхал в своей каюте и не писал писем, мог найти в кают-ком-

пани и беседу и развлечение. Особенно я любил вечера, когда прекращался рабочий день и на корабле воцарялась приятная тишина. Когда бывало настроение, я садился за пианино и увлекался всякими импровизациями.

Помню хорошо один такой вечер, когда в кают-компанию никого не было и в ней царил приятный полумрак. Лишние лампочки обыкновенно выключались. Я был в особенном «ударе» и из-под моих пальцев лилась бесконечно грустная и нежная мелодия. В один из моментов, я поднял глаза и увидел... крысу, которая сидела на крышке пианино и, видимо, внимательно слушала музыку. Только когда я сделал заключительный аккорд, она, не спеша, тихонько сплзла вниз и скрылась из глаз.

Настал день первой учебной артиллерийской стрельбы боевыми снарядами. Помню, с каким чувством страха я к ней готовился. До сего времени я ни разу не слышал 12-дюймовых пушек и мне казалось, что самый сильный гром не может, по силе звука, сравниться с грохотом этого орудия. В день стрельбы я уже заранее напихал себе возможно больше ваты в оба уха. На время стрельбы я был назначен в кормовую 12-дюймовую башню. Я волновался, как маленький мальчик, и мне казалось, что все замечают мой страх и смотрят на меня. Перед первым выстрелом я невольно закрыл глаза... Как все это теперь кажется наивным и смешным. Единственный, действительный звуковой эффект, который мне пришлось испытать много позже. — Это при стрельбе залпами всем бортом корабля.

Чем больше калибр орудия, тем, конечно, сильнее звук его выстрела, но и тем длиннее и мягче волна этого звука. Чем меньше калибр, тем слабее, но резче звук выстрела. Самыми неприятными, в смысле звуковых ощущений, были 8-дюймовки. Но обобщать ничего нельзя. В конце концов, это вещь индивидуальная.

Во время артиллерийской стрельбы, таким специалистам, как минные офицеры, обычно делать нечего и если электрическая часть действует без отказа, то минеры могут располагать свободным временем. Так вот, наш минный офицер Константин Владимирович Сантанеев во время артиллерийской стрельбы обычно забирался в кают-компанию и погружался в объятия Морфея, то есть крепко спал, не обращая никакого внимания на стрельбу. Нужно при этом прибавить, что световой люк кают-компании приходился как раз под дулами 12-дюймовых пушек кормовой башни. Этот люк, как и все другие, всегда открывался во время стрельбы, дабы не перелопатил бы его стекла.

В воскресные и праздничные дни часто бывало, что на корабли приезжала посторонняя публика, которой разрешалось их осматривать.

Обычно кто-нибудь из свободных офицеров принимал на себя обязанности гида и показывал все, что могло заинтересовать гостей. Иногда их пригласили в кают-компанию и таким образом завязывались знакомства.

Из моего первого плавания на «Трех Святителях» вспоминаю один незабываемый день, когда кают-компания единогласно решила отпраздновать день рождения командира. Дело было летом, стояла солнечная, жаркая погода. Это было в один из воскресных дней. На юте, под тентом были расставлены столы и стулья и все вокруг украшено флагами и цветами. К началу обеда приехали жена и дочь командира. После обеда вся команда, без всякого приказания, выстроилась по-вахтенно на верхней палубе и, когда командир с семьей и все офицеры вышли наверх, к командиру подошел боцман и от имени команды поздравил командира с днем его рождения и просил принять в подарок от команды икону его святого. Этот трогательный поступок не мог не вызвать слез у нашего командира. Он обнял боцмана и сказал:

— В твоем лице я целую всю команду.

Затем он прошел по фронту обеих вахт и дрогнувшим от волнения голосом поблагодарил «своих молодцов» за их подарок.

— По царю всем! — крикнул он, и громкое «ура» было ему ответом.

Это посказательно как один из случаев, когда команда действительно любила своего командира и готова была идти за него «в огонь и в воду».

Раздалась команда вахтенного начальника: «Свистать к вину, обедать!» Поданная в этот день проба была прежде всех поднесена жене и дочери командира, которые громко похвалили вкусный флотский борщ. Супруге Ивана Григорьевича было предложено занять за столом председательское место, и после обычных тостов пошел пир горой и только к шести часам вечера командир приказал подать вельбот и съехал со своими на берег.

Кроме обычных выходов в море, устраивались более или менее продолжительные походы к берегам Кавказа. Это, пожалуй, была самая интересная часть нашей морской службы. После частых и малоразданных пребываний на Тендре, почти без берега и без всяких развлечений, псход к кавказским берегам казался чарующей сказкой. Поти, Сочи, Батум, Новый Афон и другие порты кавказского побережья, кроме своей дивной природы, давали то разнообразие впечатлений, которого сильно не хватало черноморским морякам. И офицеры, и матросы одинаково ценили и переживали эти интересные походы. Польза службы от этого не страдала. Расписание жизни на корабле почти не изменялось, но вместо нудных стрельб, которые исключались на время таких походов,

повылялись иные возможности и цели.

Эскадренное плавание давало большую практику командующему флотом в области управления эскадрой в море. Иногда эти походы совмещались с двухсторонними маневрами, польза и необходимость которых неоспоримы. Почти ежедневно совершались эволюции эскадры. Здесь выказывались знания и опыт отдельных командиров. Разнообразие типов судов усложняло все эти маневры, но давало огромную практику для личного состава и в большой степени развивало глаз и находчивость. Последствием какой-нибудь небольшой оплошности в управлении являлся просто вопрос командующего по семафору, но при более или менее грубой ошибке на флагманском корабле взвывались позывные корабля, вместе с сигналом: «Адмирал изъясляет свое неудовольствие» или даже «особое неудовольствие».

Из всех портов кавказского побережья наиболее живописными и интересными были Гагры, Новый Афон, Сочи и Батум. Новый Афон произвел на меня особо сильное впечатление. Белый монастырь, расположенный на ближайшей к берегу горе, утопавший в богатой южной зелени, был виден издалека. В мое время там было 30 монахов со своим игуменом, которые всегда радостно нас встречали. Несмотря на крайнюю бедность и отсутствие каких бы то ни было доходов, монастырь производил прекрасное впечатление. Монахи занимались огородни-

чеством, куроводством, всякими ремеслами и имели вид досюльных своей судьбой людей. Эскадра всякий раз привозила какие-либо полезные вещи и провiant в подарок монастырю, и за это моряки пользовались там особой симпатией.

В Гаграх было имение Принца Ольденбургского, блестящего начальника Военно-санитарной части в последовавшую войну. Про его властную и кипучую натуру рассказывали много историй и анекдотов.

Батум, самый крупный порт на кавказском берегу, был конечным пунктом нашего похода. Здесь эскадра стояла несколько дней и весь личный состав мог насладиться южными прелестями Кавказа. Чудные, живописные окрестности бывали целью наших многочисленных экскурсий. Чаква, Пицунда, Циходзири, с их роскошной природой, чайными плантациями, апельсинами и бананами, придавали особый тропический шарм здешним местам, особый колорит давали и многочисленные пальмы.

Один из самых живописных садов Кавказа был в бывшем имении Великого Князя Александра Михайловича «Синоп», около Сухума. Там произрастали редкие породы пальм и других южных растений.

По окончании летней кампании, я был спущен с корабля и переведен в Петербург на предмет сдачи последних экзаменов по курсу Морского корпуса.

В.В. Скрябин

“Архивы Русской эмиграции”

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ТОМ ВТОРОЙ

Редакторы-издатели Алексей Геринг и Александр Пренин

Содержание тома второго: **Т.В. Пархоменко** — Воспоминания (1880-1962 гг.)

М.А. Бочарникова — 1-й Петроградский женский батальон — 1917 год.

Н.Н. Голеевский — Лето на Волге — 1918 год.

Н.Н. Голеевский — Хабаровский поход — 1922 год.

содержание следующего третьего тома:

генерал-лейтенант фон Шварц — Жизнь, мысли, дела и встречи. Воспоминания — от детства до революции.

За всеми справками обращаться к А.А. Герингу, 61, rue Chardon-Lagache, 75016 PARIS

«Кисмет»

Война с германо-турками в полном разгаре.

В осеннюю нясбрьскую ночь пара нефтяных миноносцев крейсеровала у Анатолийский берегов, в районе Зунгулдака. Погода стояла на редкость омерзительная, ночь была темная, мрачная, над морем нависла мгла, нечто вроде тумана, сверху морсила какая-то гадость, помалроссийски — «мигичка». Сырость пронизывала буквально до костей, через пять минут пребывания наверху с козырька фуражки сперва падали капли, а затем постоянная струйка воды текла мимо носа. В довершение всех несчастий холод был «собачий». «Править вахтой» в такую погоду было одно наказанье, руки отказывались держать бинокль и заменительно коченели, мокро до противного. Дождик и тот не спасал от предприимчивых капелек, которые забирались за шиворот и текли по телу, заставляя вздрагивать и ежиться. На мостике «страдал» очередной вахтенный начальник, стбывая свою вахту и оправдывая получаемое «морское довольствие», — содержание, полагающееся только плавающему составу флота.

Командир отдыхал на кожаном диване в рубке, тут же под мостиком, и читал французский роман с пикантными картинками. На столе лежала карта с прокладкой, зажатая от качки двумя медными планками, штурманские принадлежности: транспортир, циркуль, линейка и остро зачиненный карандаш. Тут же стоял небуранный вестовым стакан недопитого чаю с пожелтевшим окурком на блюдечке.

На верхней палубе никого, кроме вахтенных, не было. Команда, так любящая в хорошую погоду «псточить лясы», сидя на кочегарном кожухе под открытым небом, вся попряталась по своим кубрикам. Из 170 человек экипажа наверху служило не больше 15 человек: прислуга минных аппаратов, дремлющая в своих тяжелых овчинных тулупах на специальных сиденьях с правой стороны аппаратов, комедоры, расположившиеся у своих пушек, рулевой, пара сигнальщиков и вахтенный, вот и все. «Духи», машинные и кочегарные, работали внизу, и непогода их мало трогала.

Входной трап в офицерское помещение, так же как и самая дверь в кают-компанию, были завешаны черным сукном, в который свет не проникал наверх. Коридор, в который выходили двери из кают, тускло освещался одинокой лампочкой, завешанной синим флагом. В кают-компанию было светло как днем, тепло и уютно. Человек восемь офицеров убивали время перед сном. В углу, на мягком кожаном ди-

ване восседал доктор и вел оживленный разговор с волонтером охотником, помещиком средней руки, на сельско-хозяйственные темы. «Дотя» предполагал по окончании войны сделаться «хлеборобом». Минный офицер, отличный музыкант, наигрывал на пианино то оперетки, то шансонетки, попеременно, зная игровые вкусы своих соплавателей. Остальная публика разместились за большим обеденным столом и была занята игрой в скачки «на интерес», который состоял преимущественно из плиток шоколада и ситро. Было шумно и весело, особенно когда кто-нибудь из заканчивающих игру, из-за неудачно выброшенных очков, скатывался со своей пешкой вниз и бывал принужден начинать игру почти снова. Взрыв смеха остальных партнеров свидетельствовал о неудаче, и минер менял мотив на «туш», по этому случаю. Временами из-за занавески появлялся полусонная физиономия вестового-буфетчика со сладостями и чековой книжкой, в которую пострадавший заносил проигранное и свою фамилию, чтобы ревизор «первого» мог «удержать».

Миноносцы в это время малым ходом, экономя топливо, «утожили» море, защищая интересы своей родины, готовые в любой момент броситься на врага, и только монотонный шум работающих винтов напоминал сидением в кают-компании о действительности.

Резкий, звонок громкого боя с мостика, означавший боевую тревогу, нарушил веселую жизнь кают-компаний. Все моментально было забыто и брошено, каждый хватал первую попавшуюся под руку фуражку, разыскивать свою не позволяло время, и выметался наверх. Слышался только топот ног по трапу, и через какие-нибудь десять секунд кают-компания была пуста. Верхняя палуба, до звонка мертвая, теперь представляла из себя редкое зрелище: десятки людей торопились не за страх, а за совесть привести себя из сонного состояния в боевое. Каждый сознавал, что «либо ты его, либо он тебя», зевая в этом деле не приходилось. Самый людный проспект большого города никогда не был так оживлен, как палуба миноносца в этот момент... Через 40-45 секунд люди заняли свои места и наступила тишина, жуткая и зловещая.

С мостика подошедшего миноносца в рупор передали: «Справа за кормой остался силуэт». Прибавив ход, сперва гольсовой, а за ним и концевой, стали склоняться в сторону оставшегося где-то в темноте силуэта.

— Аппараты на левый борт! — бодрим,

уверенным голосом командовал минный офицер, две минуты тому назад так же бодро наигрывавший шансонетки в кают-компании. Минные машинисты, старательно исполняя команду, быстро перебросили аппараты на указанный борт. Добрых два десятка глаз на мостике пристально гляделись в темноту, стараясь вовремя заметить неприятеля.

— Ваше Высокоблагородие, слева по носу видать, — сдавленным шопотом доложил один из сигнальщиков, не отрывая глаз от ночного бинокля.

— На аппаратах товсь! — была подана последняя перед выстрелом команда.

Дело близилось к развязке, нервы достигли крайнего напряжения. Миноносцы слегка уклонились вправо, приводя противника под минный залп.

— Лайба! — уже громким голосом кричит тот же сигнальщик, указывая рукой в темноту. Еще момент и все убедились, что враг слишком безобидный.

— Отставить товсь! Только зря волновались и портили себе нервы из-за какой-то корявой лайбы... Всеобщее разочарование и досада.

Уменьшив ход, оба миноносца направились к беспомощно болтавшейся на маленькой зыби лайбе, спустившей уже паруса, и привела ее почти на траверз, застопорили машины. Перепуганные турки что-то кричали на своем языке, гоняло их несколько человек сразу и разсбрать этот галдеж даже при знании языка было трудно. «У, чертовы банабаки!» слышались эпитеты по адресу турок среди команды. Командир приказал спустить мотор, людей, снять, а лайбу облить керосином и поджечь. Пока спускали на воду мотор, маленький и шустрый мичман, но долю которого выпало исполнение приказа командира, раздобывал керосин и собирал прислугу катера. Человек

пять матросов, а за ними и мичман, спустились по талям в мотор. Две-три вспышки, мотор заработал, и катер, отделившись от миноносца, пошел к лайбе, оставая за собой фосфоресцирующий след.

Вот он подошел к ней, «банабаки» перешли на катер, а три матроса с офицером вскарабкались на лайбу. Прошло не больше пяти минут, мотор возвратился, подошел под тали и был поднят. Турки вышли на палубу. Пламя сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее стало расплзаться по паруснику, прорезая окружающую темноту красноватым заревом пожара.

Миноносцы дали ход, покидая место происшествия.

Хозяин лайбы, старый, седой турок, оборванный, в грязной, засаленной феске на голове, глазами, полными слез смотрел на свое горящее суденышко, которое тонуло во мраке ночи, а вспыхивающее временами от легкого ветерка пламя как будто посылало прощальный привет своему капитану.

Крупная слеза выкатилась из глаза старика, потекла по загорелому, обветренному непогодой лицу и скрылась в белой, как луна, бороде. Последний яркий отблеск горячей лайбы осветил его лицо: сколько горя, тоски и отчаяния было в этой фигуре бедного труженика моря!

Мне стало жаль старика и, желая выразить ему свое участие в постигшем его горе, я подошел к нему и ласково, как бы утешая, похлопал его по плечу. Он перевел на меня свои глаза, понял, видимо, мой взгляд, через силу улыбнулся, как будто благодаря меня за сочувствие и внимание, и пожав плечами, едва слышно проговорил:

— Кисмет, эфенди! (Судьба, господин!).

Лейтенант Вавилов

Отпуск

«Караул вниз!» командовал вахтенный начальник.

Корабельный гардемарин Васильев, начальник сменившегося караула, повернулся налево кругом и со вздохом облегчения отдал краткое приказание молодцеватому караульному унтер-офицеру: «Бондарчук, распусти караул!»

Провести двадцать четыре часа в туго затянутом мундире, не расставаясь ни с палашом, ни с револьвером, ни с туго затянутой портупеей, утомительно даже и в двадцать лет. Спу-

саясь по трапу в гардемаринскую кают-компанию, Васильев с наслаждением растегнул крючок воротника, успевшего за сутки изрядно натереть ему шею.

В кают-компании было еще совсем светло. На кожаном диване, между двумя открытыми иллюминаторами полулежал гардемарин Олег Праслов, поглощенный чтением только что полученного письма. Другой соплаватель Васильева, Бересневич, сидел у стола, занимавшего центр каюты, и писал. Перед принаготовлен-

ным к поперечной переборке пианино Иван Комаров, которого в шутку прозвали: «Jean le Bel», навел вполголоса цыганский романс.

— Вестовой! Китель! — крикнул Васильев, бросая на диван мундир, палаш и португалью с револьвером. — И давай скорей обедать!

— Есть, господин гардемарин! — отозвался голос за переборкой.

Прасолов поднял голову:

— Послушай, сэр, ты подал рапорт об отпуске?

— Нет, не подал. Белецкий говорит, что есть новый циркуляр штаба, запрещающий увольнение в отпуск, кроме как по случаю серьезной болезни или смерти ближайших родственников. Ввиду того, что ты и я здоровы, как быки, и что наши родители тоже, слава Богу, здоровы, придется ждать конца кампании или даже производства.

— Черт знает, что такое, — возмутился Прасолов, — а я-то, как нарочно, не просился в мае, когда еще не было этого океанного циркуляра!

— И когда La Belle Nina была в Крыму, а не в соседнем с твоим имением, — вполголоса вмешался Jean le Bel, лучший друг Прасолова.

— Это тебя не касается! — резко огрызнулся последний. — И, кроме того, я попросил бы тебя не принимать насмешливый тон, когда ты говоришь о моей невесте.

— Прости, пожалуйста, но я говорил о моей кухне, и мне кажется...

— А я тебе повторяю, — перебил его Прасолов, повышая голос и поднимаясь с дивана, — что я не могу допустить...

— Господа, господа, не кричите, — вмешался Бересневич.

Прасолов раздраженно повернулся и, бросившись на диван, вновь погрузился в свое письмо. Несколько минут молчания были прерваны Бересневичем.

— Это твой браунинг, сэр?

— Да, мой, — ответил Васильев, не поднимая головы от аппетитной глазуньи с ветчиной, поданной ему вестовым.

— Ты его разрядил? — продолжал Бересневич.

— Ну конечно, сразу же после смены, я буду его сейчас чистить.

В этот момент Прасолов, вскочив с дивана, решительными шагами направился к выходу.

— Ты куда, Олег?

— Пойду поговорить с Белецким.

— Не стоит, все равно ничего не выйдет.

— Иди к черту!

— Ни с места! Руки вверх! — скомандовал театральным тоном Бересневич.

— Отстань от меня!..

Резкий, негромкий выстрел.. Все в кают-компании как бы оцепенели.

У дверей Прасолов круто остановился и начал медленно покачиваться взад и вперед. «Сейчас упадет», мелкнуло в голове Васильева.. Бересневич застыл в своей театральной позе, с протянутой рукой. Из дула браунинга подымалась тонкая струйка прозрачного голубоватого дыма.

Прасолов перестал качаться и повернулся к Бересневичу:

— Надо быть полным кретином, чтобы стрелять мне в спину!..

— Васильев сказал, что револьвер разряжен, — ответил слегка дрожащим голосом Бересневич.

Левой рукой Прасолов старался найти место, куда попала пуля.

— Ты мне испрстил новый китель, — продолжал он, нащупав под правой лопаткой круглое отверстие. — Это уже свинство!..

И он пошел к выходу.

— Олег, ты куда? — бросились к нему Васильев и Комаров.

— В лазарет, конечно, а то куда же? Что за нелепый вопрос! ответил, не поворачиваясь, Прасолов и хлопнул за собой дверь.

В кают-компании царило молчание. Все смотрели друг на друга, как бы не понимая, что случилось.

Резкий толчок в дверь, и сияющее радостью лицо Прасолова:

— Мечеслав, — крикнул он Бересневичу, — спасибо, дружище! Теперь-то я уже наверно попадаю в отпуск!..

Приказ командира броненосного крейсера «Рюрик». Рейд Ревельский, ... июня 1913 года, № 563.

«Корабельный гардемарин Олег Прасолов увольняется в отпуск внутри Империи сроком на две недели от сего числа на предмет отдыха после полученного им нервного потрясения.

Освещение: рапорт старшего судебного врача коллежского советника Н... от ... июня».

Подписал: капитан 1 ранга Бахирев
за ревизора

В.

Учебное судно «Великая Княгиня Ксения Александровна»

(« Свобода » — « Моряк »)

Случайно, роюсь в старых книгах, я наткнулся и приобрел интересную книгу на французском языке: « Материалы по профессиональному морскому образованию в России », изданную для Международной морской выставки в Бордо в 1907 году Отделом торгового мореплавания русского министерства торговли и промышленности.

Книга снабжена картой с географическим распределением всех мореходных училищ России к 1 января 1907 года, с указанием, к какому разряду они принадлежат, а также с многочисленными фотографиями зданий училищ, групп учеников на занятиях и учебных кораблей.

Там я нашел краткие, мне еще неизвестные сведения об учебном корабле « **Великая Княгиня Ксения Александровна** », хорошо знакомом бывшим воспитанникам Морского корпуса в Бизерте, на котором они проходили свои учебные плавания. Думаю что для многих будет не безынтересно узнать полученные мною сведения.

В 1904 году, по заказу Отдела торгового флота и портов, была построена на Сормовском заводе баркентина (иначе — шхуна-барк) с железным корпусом в 697 тонн водоизмещения, вспомогательной паровой машиной и двумя котлами различной системы, для практики учеников. Постройка обошлась в 190.000 рублей. По окончании работ корабль получил имя « **Великая Княгиня Ксения Александровна** » и был причислен к Мореходному училищу в Баку.

Он плавал с учениками по Каспийскому морю с 15 мая по 15 сентября между Баку, Петровском, Астраханью, Фортм Александровск, Красноводском, Ленкоранью, Энзели и Астрабадом. На нем плавали ученики не только Бакинского мореходного училища но и других, так как корабль был рассчитан на размещение на нем ста учеников.

Во время плавания ученики несли вахтенную службу, занимались приборкой корабля, морской практикой, стояли на руле, а также проходили занятия по навигации и мореходной астрономии.

К сожалению, на этом в книге заканчиваются сведения об этом корабле. Таким образом, с достоверностью можно сказать, что оно было построено для Каспийского моря и плавало на нем.

Когда, как и каким образом было оно переведено в Черное море, почему этот перевод произошел и к какому училищу этот корабль был

причислен, — мы не знаем. Из-за отсутствия материалов ответить на эти вопросы трудно. Говорилось и даже писалось (см. « Кольбель флота »), что он принадлежал Мариупольскому мореходному училищу, но так ли это ?

Из упомянутой выше книги видно, что в Мариуполе, по крайней мере до 1908 года, Мореходного училища не было; принимая же во внимание, что район Азовского моря и северо-западное побережье Черного моря имели большое количество мореходных школ, кажется довольно странным, что в Мариуполе могла быть открыта еще одна новая школа.

В самом деле, в Ростове на Дону было мореходное училище дальнего плавания с przygotowательным классом и с отделением для подготовки механиков. В Херсоне также было мореходное училище дальнего плавания. В Сдессе — большое училище как дальнего плавания, так и механиков, к которому было придано парусное учебное судно « **Великая Княгиня Мария Николаевна** » в 1859 тонн, приобретенное в 1899 году министерством финансов за 9.000 фунтов стерлингов. Кроме этих училищ, в Таганроге было трехклассное училище, имевшее свое учебное судно, трехмачтовую баркентину в 168 тонн, постройки 1893 года, « **Святой Ипполит** ». Затем были двухклассные училища в Николаеве, Голой Пристаней, Алешках, Керчи и Бердянске.

Вот почему, как мы указывали выше, кажется немного странным, чтобы в Мариуполе было открыто еще одно училище. Вернее будет предположить, что « **Великая Княгиня Ксения Александровна** » была придана одному из уже существовавших училищ, — Херсонскому, у которого не было своего учебного корабля, или даже Одесскому, у которого « **Великая Княгиня Мария Николаевна** » была без машин и довольно стара.

Остается также вопрос, — каким образом наш корабль попал в Средиземное море ? Можно предположить, что его перевод из Каспийского моря был сделан перед самой войной, которая и застала его в Средиземном море. Ведь учебное судно Одесского мореходного училища плавало с учениками с 25 мая по 24 октября между русскими и турецкими портами Черного моря. На все эти вопросы пока что нет ответа. Может быть, среди читателей « **ВОЕННОЙ БЫЛИ** » найдется кто-нибудь, смогуший дополнить наши сведения ?

Г.А. Усаров

Следы старой катастрофы

9 сентября 1780 года (все числа по старому стилю) шедший из Архангельска в Кронштадт пинк «**Евстафий**» штормом был выброшен на скалы пустынного острова Графскерри, группы Шотландских островов.

Набегавшие огромные волны разрушили его надстройки и разбили все шлюпки. Вскоре течение и волны оттащили корпус пинка на глубокое место и он затонул. Попытавшиеся вплыть достигнуть острова люди погибли на прибрежных скалах, об которые их побили волны. Из всей команды и пассажиров спаслось лишь пять человек, которые, держась за обломки корабля, были отнесены течением к отстоявшему на три мили от места крушения острову Вальсай, где им оказали помощь местные рыбаки.

Командир пинка капитан-лейтенант Марков, четыре офицера, 176 человек команды, включая в это число несколько пассажиров, 6 женщин и трое детей погибли в этой катастрофе.

Пинк (по современной терминологии — вооруженный транспорт) был построен в Архангельске и спущен на воду в сентябре 1773 года. Он был назван «**Евстафием**» в память погибшего в 1770 году, в первый день Чесменского боя, флагманского корабля адмирала Спиридова. Это было трехмачтовое судно, длиной в 40 метров и 9 1/2 метров в ширину.

Ввиду того, что в те времена англо-французских войн моря кишели корсарами, которые без разбору нападали и на нейтральные суда, пртив чего протестовала Императрица Екатерина, выдвинувшая лозунг «свободы морей»,

пинк получил на вооружение 38 пушек, — артиллерия равная малому фрегату.

Летом 1972 года, почти через два века после происшедшей трагедии, группа бельгийских легких водолазов под предводительством господина R. Stenait, пользуясь передававшимся из поколения в поколение рассказом рыбаков, нашла остатки «**Евстафия**». Они обнаружили 18 пушек, вероятно ранее стоявших на верхней палубе, много ядер, чугунные болванки, возможно служившие балластом, и подняли со дна моря еще какие-то мелкие вещи: свинцовый лот, оловянную трубу, серебряную медаль, пожалованную всем участникам Чесменского боя, один из которых, возможно спасшийся при взрыве первого «**Евстафия**», погиб на втором — десять лет спустя. Кроме того, было найдено несколько старообрядческих медных иконок, причем по два и три одинаковых экземпляра, что вызывает предположение, что какой-то старообрядец взял с собой, более или менее скрытно от начальства, сделанные на севере, в скитах, иконки для передачи их старообрядцам в центральной России.

После этого случая в русском флоте долгое время не было корабля, носившего имя «**Евстафий**», и лишь в 1904 году в Николаеве был заложен эскадренный броненосец в 12.840 тонн, получивший это имя. В 1914 и 1915 гг. он был флагманским кораблем Черноморского флота и отличился в боях против германо-турецкого корабля «**Гебен**».

П.А. Варнек

Хроника « Военной Были »

НЕЧТО О ЯХТЕ « КОЛХИДА »

Русский посол в Константинополе письмом от 30 октября 1886 года, сообщил, что пароход «**Тамань**» по своей ветхости совершенно более не пригоден для того, чтобы служить стационаром в Константинополе, и просил его заменить.

Были два проекта его замены: 1) Послать крейсер «**Забияку**» или одну из черноморских канонерских лодок, но посол ответил, что это неудобно, так как суда эти боевые и это может

послужить прецедентом для других держав. 2) Приобрести у Русского Общества пароходства и торговли («**РОПИТ**») пароход «**Князь Потемкин**», но правление РОПИТА шло на это дело неохотно и запросило 20.800 фунтов стерлингов, что было признано невыгодным.

10 марта 1888 года предписано было послать в Константинополь вместо «**Тамани**» шхуну «**Пезуане**», но уже через два года было принято решение о покупке яхты «**Катрена**»; 25 марта 1890 года яхта вышла по назначению и 19 апреля прибыла в Николаев.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИКАЗ № 47 31 марта 1890 года

...Приобретенную покупкой в Англии яхту наименовать «Колхида» и включить в списки судов Черноморского флота.

Адмирал АЛЕКСЕЙ

Генерал-Адмирал, Генерал-Адъютант

сообщил В.К.

«ЛАЗАРЕВСКИЙ ЧЕМОДАН»

У моряков давалось это прозвище морякам, много плававшим, но мало из этих плаваний вынесшим.

Существовал анекдот из жизни адмирала М. П. Лазарева: один из старших офицеров Черноморского флота назойливо просил его дать ему в командование линейный корабль, указывая на то что он достаточно много плавал, чтобы иметь право на это, Лазарев же считал его недостойным такой ответственной должности и раздраженно ему ответил: «мои чемоданы плавали со мною всю жизнь и все-таки я не могу вручить им командование судами моего флота.

сообщил Г.М. фон Гельмерсен

**

Морской министр адмирал Григорович установил, необычный для других русских ведомств, порядок докладов по Главным Управлениям Морского министерства.

В назначенное время для доклада данного Управления, в кабинете министра собирались все возглавители управлений, но непосредственными докладчиками являлись не они, а начальники отделов, от которых исходили доклады и которые могли, конечно, лучше тут же дать необходимую справку. Такими начальниками отделов нередко являлись офицеры в скромных чинах, что не мешало им иногда вступать в споры с почтенными адмиралами. Адмирал Григорович выслушав стороны, по большей части, тут же, клал свою резолюцию и доклад в тот же день возвращался в его учреждение и без задержки оттуда же в копиях рассылался по всем заинтересованным инстанциям для исполнения.

Так например, командированный Штабом флота от Службы Связи в Морской Генеральный штаб, для работ по организации морской авиации, офицер представил на утверждение министра технические требования качества для авиационного бензина. Товарищ министра контр-адмирал Б. категорически заявил что такого качества бензина не существует, когда

же этим офицером ему были представлены спецификации бензина, принятые во французской авиации, то он ответил что может быть там он и есть, но в России не выделяется и Нобель отказывается выделку его установить. Покупать же материалы за границей, Государственная Дума не разрешает.

Выслушав их спор, Григорович неожиданно обратился к контр-адмиралу Б.: «А скажите, вы сами летать собираетесь?» товарищ министра опешил — «нет не собираюсь», удивленно ответил он. «Ну вот! А они будут летать и мы обязаны дать им все лучшее. А если Нобель откажется выделять — закажите, где возможно. Дума не может воспрепятствовать покупать за границей то, чего у нас нет». Нобель быстро эту выделку установил и отличный бензин получила не только морская но и сухопутная авиация.

сообщил Г.М. фон Гельмерсен

Копия

ПРИКАЗЪ

И.Д. Командующаго Русской Эскадрой
22 Октября 1922 года.

№ 261

Портъ Бизерта

Недавно Французское Правительство для возмѣщенія расходовъ, связанныхъ съ эвакуаціей Крыма, продало Эстоніи часть нашего боевого запаса, находящагося на храненіи въ береговыхъ складахъ.

Маклеромъ при этомъ дѣлѣ былъ Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ ЗАНКЕВИЧЪ.

По имѣющимъ у меня свѣдѣніямъ, вышеозначенный Генераль, собираетъ данныя о нашихъ судахъ, съ цѣлью предложенія ихъ къ продажѣ.

Цѣль нашего пребыванія на эскадрѣ, — стараться всячески сохранить національное Русское достояніе для его законнаго владѣтеля совершенно противоположна стремленіямъ Генераль-Лейтенанта ЗАНКЕВИЧА.

Предлагаю чинамъ Эскадры, не оказывать никакого содѣйствія Генераль-Лейтенанту ЗАНКЕВИЧУ и Командирамъ запретить входъ Генералу на корабли безъ особаго на то моего письменнаго разрѣшенія.

Контр-Адмираль

М. Беренъ 2-ей

(см. Морской Сборникъ Бизерта № 10
сть Октября 1922 года).

Письма в Редакцию

Дорогой Алексей Алексеевич поздравляю Вас и сотрудников морских номеров «ВОЕН-НСИ БЫЛИ» с праздником Шестого Ноября, праздником всего морского зарубежья, памятным днем КОЛЫБЕЛИ ФЛОТА, днем, Св. Павла Исповедника.

Желаю вам всем бодрости и прежней энергии на служении за рубежом нашему флоту, под стягом Андрея Первозванного.

Шлю Вам мои наилучшие пожелания. Помогай Вам Бог.

Бузнос-Айрес

А. Штром

В 1921 году я жил в Константинополе, в парке Буюк-Дере. Перед нашими окнами было маленькое кладбище, 4-5 могил с крестами. Все без надписей. Местные рыбаки-турки говорили, что это были останки русских моряков, погибших при постановке мин в проливе Босфор, в мае 1917 года. Немцы похоронили их с музыкой и отдадим воинских почестей. Что теперь с этим кладбищем?...

Георгий фон Гельмерсен

Как всегда, с большим интересом прочитал очередной №123 нашего журнала. Особенно заинтересовал меня статья Г. фон Гельмерсена. Автор хорошо сделал описание боевых действий флота, но почему-то не упомянул ни об одном случае гибели наших военных кораблей. Я не говорю уже о потере лин. кор. «Императрица Мария», происшедшей не в бою, а на Севастопольском рейде, но, говоря о действиях подводной лодки «Мерз», можно было бы отметить, что этот корабль пропал без вести со всем своим экипажем во время боевого похода в 1916 году. Не говорит автор и о гибели эскадр. минон. «Лейтенант Пушин», который в 1914 году атаковал «Гибена», подорвавшегося на mine у болгарских берегов против Варны. Остатки экипажа были подобраны болгарями и

прислали в плену до конца войны.

Эскадр. минон. «Живучий» погиб на болгарской mine, сопровождая лин. кор. «Императрица Екатерина II», возвращавшийся из похода, при проходе фарватером в минных полях перед Севастополем. Немецкой подводной лодкой было потоплено госпитальное судно «Португаль», совершавшее рейсы между Трапезундом и Батумом. Судно это было окрашено в белый цвет, несло все знаки Красног Креста и ночью шло при полном освещении.

Что же касается крейсера «Меджидие», переименованного в «Прут», то он окончательно отремонтирован не был, простоял всю войну у стенки Пертового завода в Южной бухте, где стоял и транспорт «Родесто», захваченный подвод. лодкой «Тюлень» под командой кап. 2 ранга Китицына. Оба эти корабля были уведены в Турцию, после занятия Севастополя немцами в мае 1918 года.

В. Аристов

В статье «Отдельные Гардемарины классы» в №120 журнала В. Тархов, описывая поход «Орла» в 1915-16 гг., пишет, что, придя в Сингапур, он узнал что «... несколько времени тому назад русский десантный отряд с какого-то русского корабля участвовал... в подавлении какой-то небольшого восстания».

«Какой-то русский корабль...» это тот же вспомогательный крейсер «Орел», команда которого действительно участвовала в подавлении восстания сипаев. Ксмандовал десантом тот же старший лейтенант С.Н. Петров (вып. 1903 г.), старший офицер «Орла».

Что интересно, это то, что «Морской Сборник» в №12 за 1915 год напечатал статью за подписью В.В.: «Первое практическое плавание гардемаринов Морского Е.И.В. Наследника Цесаревича корпуса на Дальнем Востоке летом 1915 года», где все это подробно описано.

Я полагаю, что подробные сведения об этом «восстании сипаев» можно было бы получить и сейчас в английском морском штабе.

А. Тарсаидзе



Les uniformes de la marine au cours du règne de l'empereur Alexandre I

Après la mort tragique de l'Empereur Paul I (1754-1801), l'Empereur Alexandre I monta sur le trône le 11 mars 1801. Tout en se promettant de marcher sur les pas de sa « Grande Aïeule », Catherine II, cette décision ne concerna aucunement la Marine; Alexandre I fut bien le fils de son père en ce qui concerne son admiration pour le service armé et les exercices militaires. Mais la structure de la Marine demeura-t-elle identique au passé. La Marine russe fut, au cours de la première moitié du règne d'Alexandre I, par son apparence extérieure, la prolongation directe de celle du règne de Paul I.

A l'époque où il n'était encore que Prince-Héritier, Paul I fut nommé contre-amiral; il fut très attaché à la Marine, lui porta une grande admiration et connaissait bien l'art marin. Les victoires de l'amiral Ouchakoff justififièrent sa confiance en la Marine. Ennemi du luxe, Paul I adoptait partout des mesures d'économie; il établit pour les officiers de la Marine un uniforme plus pratique et moins coûteux. Les « kaftans » blancs brodés d'or furent supprimés et « la petite tenue » fut adoptée pour toutes les circonstances. Les officiers furent contraints à porter des « kaftans » vert-bouteille, sans revers, avec doublure et parements du même coloris, col, camisole et pantalon blancs.

Alexandre I innova pendant les premières années de son règne des épaulettes pour tous les équipages de la marine et pour les bataillons de marine. Déjà sous Paul I, en 1797, la Marine fut répartie, selon les ordres de Pierre le Grand, en trois divisions arborant respectivement un drapeau blanc, bleu et rouge; les divisions se répar-

tissaient en trois escadres. Un bataillon de soldats de marine était attaché à chacune des escadres.

Les bataillons de marine n'existèrent que jusqu'en 1803 et furent remplacés par des régiments de marine. La flotte de la mer Baltique possédait 3 régiments de marine dont une partie se trouvait constamment en navigation et exerçait un service de garde sur les navires.

Dès 1802, les bataillons de marine furent astreints au port de tuniques en drap bleu-marine. d'après le modèle des armées de terre, avec un col montant blanc, des parements, des pattes et des basques; pantalons blancs et bottes courtes. Les épaulettes étaient rouges pour le 1er bataillon blanches pour le 2ème, jaunes pour le 3ème, framboise-clairs pour le 4ème, turquoises pour le 5ème. roses pour le 6ème, verts-clairs pour le 7ème, gris pour le 8ème, violets pour le 9ème. Le fond des coiffures était blanc pour tous les bataillons, le reste était de la couleur des épaulettes. Les capotes étaient grises à col blanc avec des épaulettes du même coloris que les uniformes. Les matelots des équipages (la mer Baltique comprenait 52 équipages de navires et 8 à rames, la mer Noire — 31 équipages de navires et 4 à rames, la flotte Caspienne — 3 équipages de navires) portaient à partir de 1802 une veste croisée en drap vert-bouteille avec des épaulettes du coloris attribué à chaque division: blanches pour la première division, bleues pour la deuxième, rouges pour la troisième; le numéro de l'équipage était gravé sur les épaulettes (pour la mer Baltique de 1 à 52, pour la mer Noire de 53 à 83, pour la flotte Caspienne de 84 à 86). Les cols des tuniques étaient montants, blancs, avec manches à découpes, des

parements et des pattes en drap vert-bouteille, avec liseré blanc. La camisole fut remplacée par une vareuse en drap blanc à manches. Dès 1810 un gilet non croisé fut porté sous la veste, vert-bouteille également, sans manches, avec des boutons recouverts. Les mêmes boutons furent portés jusqu'à 1811 sur la veste remplacés ensuite par des boutons de cuivre jaune.

Jusqu'en 1811 les matelots portaient en service et aux parades des coiffures noires, hautes et rondes ; celles des sous-officiers étaient en feutre, avec un bord relevé portant un nœud de ruban noir à liserés oranges et attaché par un bouton jaune. Après 1810 les matelots reçurent pour le service sur les navires des cravates en drap noir et des « toques-casquettes ». Ces coiffures, appelées plus tard « casquettes », ne furent « officialisées » dans la marine, aussi bien que dans l'armée, que dans le courant du règne de l'Empereur Nicolas I (à la régné de 1825 à 1855). La tenue d'été des matelots non en service comprenait une veste non croisée à boutons recouverts et un pantalon en coutil rayé (blanc et bleu).

Les sous-officiers se distinguaient par un galon doré au col et aux parements de leurs vestes en drap. Ils portaient jusqu'en 1811 des gants et une canne. Leur tenue d'été n'était pas rayée, comme celle des matelots, mais blanche.

Les détachements d'artillerie étaient habillés sur le modèle des matelots, mais avec col et parements noirs. Les bombardiers se distinguaient par un galon doré aux parements (les sous-officiers portaient ce galon au col également) : ils portaient gants, canne et sabre à fourreau en vernis noir, sur bandoulière en même matière d'une largeur de 9 cm environ. Les tambours, les flûtistes et les musiciens avaient des passements jaunes incrustés sur le devant, aux manches et au col montant.

De 1810 à 1813 les soldats des régiments de marine furent peu à peu versés dans l'armée, leurs obligations furent confiées aux matelots qui reçurent des fusils et un équipement militaire. C'est alors que fut constitué « l'Équipage de la Garde » trié parmi les équipes des rameurs de la Cour et des yachts impériaux. L'Équipage fut intégré dans le corps de la garde et se vit attribuer l'uniforme et les accessoires des troupes de combat terrestres. Seules les armoiries, sur le modèle de la garde, portées d'abord sur la coiffure ronde des matelots et, après 1811, sur le shako, différaient par l'addition de deux ancrs croisés. Les cartouchières portaient des ancrs en cuivre. De 1810 à 1811, les hommes de troupe de l'Équipage de la Garde, notamment les cadets et les matelots se distinguaient des autres équipages par leurs cols montants de vestes qui n'étaient pas blancs, mais en drap vert-bouteille passepoilés de blanc. Les cols et les pattes étaient garnis de pas-

sementerie quadrillée appelée « passementerie de la garde ».

Le 18 mai 1901 la tenue suivante fut instaurée pour les officiers : tunique croisée en drap vert-bouteille, avec 6 boutons métalliques jaunes de chaque côté du devant, parements garnis de galon blanc, camisole et pantalon long en drap blanc. La camisole fut transformée plus tard en gilet blanc porté jusqu'en 1917. La coiffure était haute, triangulaire, avec, pour les amiraux et officiers supérieurs, un plumet en plumes d'autruche, et pour les autres officiers un plumet en plumes ordinaires.

Les différents grades des amiraux se distinguaient par des galons or au col, en plus des deux galons pour tous les officiers sur les pattes des parements.

En 1803 les plumets furent supprimés, les coiffures portées avec un ruban en boutonnière ; les amiraux reçurent un plumage en plumes d'autruche, supprimé en 1809. Une étroite bande de broderie or garnit les bords des cols et des parements des amiraux.

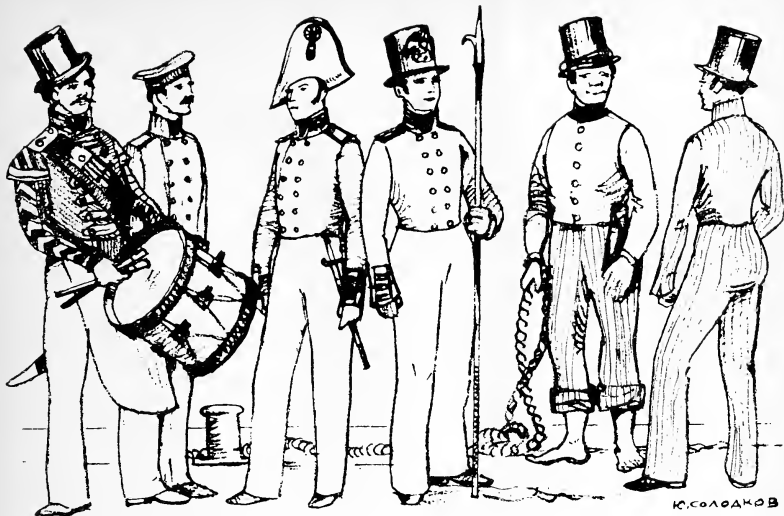
Tous les officiers, y compris les amiraux, portèrent de chaque côté du col, incrustée horizontalement, une ancre brodée or enroulée d'un câble et de chaînes et, aux parements de chacune des manches, trois ancrs plus petites. Les cols blancs furent supprimés et remplacés par des cols en drap vert avec un liseré blanc. Les épaulettes furent arrondies du côté col.

Les amiraux reçurent des épaulettes dorées avec des aigles bicéphales noirs incrustés dont le nombre variait selon le grade : un aigle pour les contre-amiraux, deux pour les vice-amiraux, trois pour les amiraux. Les officiers supérieurs avaient les mêmes épaulettes, mais sans aigles. Les lieutenants de vaisseaux n'en avaient que sur l'épaule droite ; les lieutenants avaient des épaulettes en drap vert foncé garnies aux bords d'un galon or ; les enseignes ne portaient pas d'épaulette.

En plus des tuniques, les officiers avaient une redingote, en drap vert foncé également, à parements non rabattus, arrondis, à découpes, avec des basques droites ou en biais et des boutons comme sur les tuniques : col montant. Plus tard des tuniques de petite tenue furent instituées, sur le même modèle, mais sans garnitures. Pendant le service sur les navires, le port de pantalons vert-foncé était autorisé, avec une épée courte, appelée dague, et sans canne. Les cabans furent remplacés par des capotes serrées à la taille, à col montant, de la couleur de la tunique.

L'uniforme des officiers d'artillerie était identique à celui des officiers de marine et ne se distinguait que par un col noir et des revers noirs aux parements des tuniques.

Les marins attachés à l'amirauté se distinguaient de ceux des navires de ligne par des garnitures argent et des boutons blancs.



Légendes dessins :

1) Armes sur shako de l'équipage de la garde, 1810-1825.

2) Uniformes de la Marine russe : de gauche à droite :

1. Tambour d'équipage de marine, 1810

2. Matelot en uniforme de service auxiliaire, 1811

3. Lieutenant, 1802-1807

4. Matelot de l'équipage de la garde, 1810-1811

5. Matelot en vareuse de travail avec gilet, 1810

6. Matelot en uniforme d'été en coutil rayé, du service auxiliaire.

En 1807 les pattes d'épaule des officiers d'artillerie et de marine furent remplacées par des épaulettes à franges. Les amiraux portaient des cannetilles et des aigles, les capitaines, commandants de navires, rien que des cannetilles, les officiers supérieurs une frange, les lieutenants et les enseignes des « contre-épaulettes ». Tous les attachés à l'amirauté portaient, comme par le passé, des pattes d'épaule (épaulettes sans franges).

En 1810 le port des dagues fut autorisé exclusivement en petite tenue ; les tuniques devaient être accompagnées d'épées.

En 1811 les officiers ayant droit à l'épaulette sur une épaule furent autorisés à en porter aussi sur l'autre épaule.

Les officiers de l'équipage de la garde, comme tous les officiers supérieurs de la garde, portaient des épaulettes doublées de drap rouge. La tunique devait être brodée, la petite tenue à boutons brodés or sur col montant et sur les pattes devait être accompagnée de la dague à pommeau en corne.

Au début du règne d'Alexandre I, lors de l'institution d'un uniforme, toute dérogation à la tenue imposée était sévèrement poursuivie. En 1804 une ordonnance Impériale interdit le port de gilets multicolores et d'« épaulettes non réglementaires ». Les coupables étaient mis aux arrêts pour 24 heures et les tenues non réglementaires devaient être « détruites ». Peu à peu cette rigueur faiblit et de nombreuses dérogations à la tenue furent légitimées par la coutume. Ainsi, vers les années 1820, au lieu du pantalon réglementaire pour la petite tenue, des « reithose », culottes de cheval, furent portées ; ces culottes étaient collantes, en drap gris avec de larges bandes noires au milieu desquelles se trouvaient parfois incrusté un cordon argent.

Ce n'est qu'après la mort d'Alexandre I, vers les années 1830, que la casquette à bandeau blanc fut adoptée, avec visière pour les officiers, sans visière pour les matelots, mais avec, sur le bandeau, le numéro de leur compagnie.

Youri SOLODKOFF

Ordres et decorations de la guerre civile 1917-1922

(suite)

I. Russie meridionale

ARMEE DES VOLONTAIRES
GENERAL KORNILOV
FORCES ARMEES
DE LA RUSSIE MERIDIONALE
GENERAL DENIKINE
ARMEE BLANCHE RUSSE
GENERAL WRANGEL

1. INSIGNE DE LA PREMIERE CAMPAGNE DU KOUBAN (*Campagne Glaciale*)



Description de l'insigne

Couronne d'épines de 30 mm de diamètre en argent oxydé, traversée de bas en haut et de gauche à droite par une épée en même métal de 50 mm de long ; l'envers est uni avec inscription du numéro d'ordre du décoré.

Pour les militaires de tous grades ayant pris part aux combats contre les bolchevistes — ruban de l'ordre de St Georges sur lequel sont portées en rosette les couleurs nationales (blanc, bleu, rouge).

Pour les auxiliaires et les civils n'ayant pas pris directement part aux combats — ruban de l'ordre de St Vladimir (rouge avec deux rayures noires), avec en rosette les mêmes couleurs nationales.

Ordre du Jour de l'armée des volontaires № 499. 1918.

Arrivé le 15 novembre 1917 à Novotcherkassk, le général Alexeïev, ancien généralissime, procéda aussitôt à la formation d'unités de volontaires anti-bolchevistes. Le 19 décembre, un autre ancien généralissime, le général Kornilov, le

rejoignit et fut chargé du commandement de ces unités qui reçurent le nom d'armée des volontaires.

Vers la fin janvier 1918, cette armée, dont le nombre à l'époque ne dépassait pas 2.000 hommes, fut transférée à Rostov. En février, d'importantes forces de l'armée rouge, venant du nord, attaquèrent violemment la région du Don. Ne comptant plus sur l'appui des cosaques du Don, le général Kornilov traversa le Don dans la nuit du 20 au 21 février et concentra ses troupes dans la stanitza (village de cosaques) Olguinskaïa. Ces dernières comprenaient trois régiments : régiment d'infanterie d'officiers, du général Markov, régiment de choc Kornilov, du colonel Nejentzev, régiment d'infanterie de partisans, du général Bogaïevsky ; un bataillon d'élèves des Ecoles Militaires et un bataillon de génie ; quatre batteries de deux pièces et quatre groupes de cavalerie, sous le commandement respectif du colonel Guerschelmann, du colonel Glasenapp et du lieutenant-colonel Kornilov. Cette armée comptait alors 4.000 combattants.

Poussée par l'amour pour sa patrie et par la confiance en son chef, cette poignée d'hommes à peine armés, sans l'espoir de secours, sans renforts, sans armements, affronta la vague rouge dans une campagne qui représentait un exploit sans pareil. Les grandes épreuves d'un grand pays engendrèrent cette poignée de héros au grand courage.

Le 28 février, l'armée se dirigea vers la région du Kouban où, vers la fin de mars, s'effectua sa jonction avec le détachement du Kouban du général Pokrovsky, ce qui éleva ses effectifs à 6.000 hommes. Avancant toujours en combats incessants les volontaires assiégèrent Ekaterinodar ; le général Korniloff fut tué le 13 avril devant cette ville et son successeur, le général Denikine fut forcé de lever le siège et de retirer ses troupes. Ayant atteint le village Ilynska les volontaires apprirent que l'insurrection avait éclaté dans la région du Don. Le 4 mai 1919, sous le commandement du général Denikine, l'armée se regroupa

à nouveau auprès de la station Metchetinsky ; assurée de posséder enfin des arrières elle put évacuer ses blessés vers Novotcherkassk et se regrouper en unités de combat.

Pour commémorer le courage et la vaillance manifestés par les volontaires au cours de cette campagne (qui dura 80 jours) « l'Insigne de la Première Campagne (Glaciale) du Kouban » fut institué pour tous les grades de l'armée par l'Ordre du Jour № 499 (1918) signé par le commandant en chef des Forces armées, le général Denikine.

Voici un extrait de l'Ordre du Jour № 23 de l'Association des combattants des armées russes signé à Bruxelles le 19 août 1939 :

« Afin de conserver à jamais pour les générations futures le souvenir de la Première Campagne du Kouban, — le droit de porter l'insigne commémorant cette campagne est transmis, après la mort du décoré, à l'aîné de ses descendants directs, ce droit n'étant pas accordé automatiquement, mais devant être confirmé par décision du Conseil de l'Association des combattants de cette campagne »...

2. PLAQUE ET INSIGNE DU REGIMENT DE CHOC KORNILOV.



Description de la plaque

Plaque estampée en argent représentant la copie de la brassière-emblème portée par les combattants de ce régiment, sur la manche gauche, à l'épaule. Plaque en forme d'écu représentant au centre un crâne surmontant deux os entrelacés, avec au-dessus une inscription en arc « Kornilovtsy » et en dessous deux épées croisées entre lesquelles une grenade fumante apparaît. Tout en bas — une inscription « 1917-18 » ; l'envers est uni ; la plaque de 21 2 sur 31 2 cm se porte sur une chaîne.



Description de l'insigne

Croix équilatérale en argent recouverte d'émail noir avec, tout autour, une bordure blanche. La croix est posée sur une couronne d'épines en argent oxydé, traversée en dessous par une épée en argent à manche doré (de gauche à droite). Au centre de la croix — un écu bleu-ciel (emblème du régiment) avec les mêmes dessins que sur la plaque, mais avec les épées baissées et sans date. Tous les dessins sont dorés.

Il ne paraît pas possible d'établir par qui et à quel moment cet insigne a-t-il été instauré.

La formation du régiment date encore de la Grande Guerre de 1914-1917, lorsque fut inaugurée sur le projet du capitaine Nejentzev, en juin 1917, au sein de la 8ème armée commandée par le général Kornilov, cette unité qui s'était brillamment signalée dans les combats fut déployée en un régiment de 4 bataillons nommé régiment de choc Kornilov. Le 16 août 1917, tout le régiment, en récompense de ses succès sur le front sud-ouest, fut décoré de la croix de St Georges. Après l'assassinat par les bolchevistes du généralissime, le général Doukhonine, et la débâcle complète au front, près de 600 hommes faisant partie du régiment Kornilov se rendirent par petits groupes dans la région du Don où ils reconstituèrent leur régiment sous les ordres du colonel Nejentzev et devinrent le noyau initial de l'armée des volontaires. En juin 1919 ils constituèrent la division Kornilov, comprenant déjà 3 régiments auxquels vint se joindre au cours de l'hiver de 1919 le 4ème régiment de choc Kornilov, constitué à Azov et composé en majorité de mineurs de la région du Don. Après l'évacuation de la Crimée pour le camp de Gallipoli la division fut réduite à un seul régiment — le régiment de choc Kornilov.

3. INSIGNE DU PREMIER REGIMENT D'INFANTERIE D'OFFICIERS DU GENERAL MARKOV.



Description de l'insigne

Croix de Malte en argent, recouverte d'émail noir, avec une bordure blanche étroite tout autour. Au centre de la croix — un rectangle noir traversé de 2 diagonales croisées et entouré d'une couronne d'épines. Aux extrémités de la croix des dates en argent : à l'extrémité supérieure « 12 », à l'extrémité inférieure « Fev. », aux extrémités latérales — « 19 », « 18 », c'est-à-dire 12 février 1918.

L'insigne a sans doute été instauré après l'émigration.

Le régiment d'infanterie d'officiers fut formé sous le commandement du général Markov le 23 février 1918 et fut nommé le 27 mai 1918 : 1er régiment d'infanterie d'officiers. Le 12 juin de la même année le général Markov fut tué au combat et, en commémoration de son souvenir, le régiment reçut le nom de 1er régiment d'infanterie d'officiers du général Markov. En juin 1919 le régiment constitua la division Markov, comprenant le 1er, le 2ème et le 3ème régiments d'infanterie du général Markov. Après l'évacuation de la Crimée pour le camp de Gallipoli la division fut réduite à un seul régiment : le 1er régiment d'infanterie d'officiers du général Markov.

4. INSIGNE DU GROUPE DE BATTERIES MARKOV



Description de l'insigne

Croix de Malte dorée en émail noir, bordée tout autour d'un étroit liseré rouge ; la croix est posée sur une couronne d'épines en argent oxydé ; les côtés horizontaux de la croix passent par-dessus la couronne, les côtés verticaux par-dessous. Au centre de la croix : une lettre dorée « M » capitale, du nom du parrain du régiment.

(L'insigne est validée par le généralissime de l'armée russe, le général Wrangel, le 30 août 1920).

Le 22 novembre 1917 une compagnie d'artillerie fut instituée dans la région du Don composée des élèves-officiers des Ecoles d'Artillerie Michel et Constantin qui s'y étaient repliés. Elle reçut le nom de « 1ère batterie de marche Michel-Constantin » et, lors de la campagne du Kouban, fut rebaptisée en 1ère batterie.

Le 11 juin 1918, la 1ère batterie se décomposa d'abord en deux batteries et le 3 août en trois batteries, faisant ainsi partie du groupe détaché des batteries. Le 6 août 1918 la batterie fut mise sous le parrainage du général Markov et reçut le nom de 1ère batterie du général Markov. Le 4 avril 1919 le groupe de batteries constitua la 1ère brigade d'artillerie. En août 1919 elle devint brigade d'artillerie du général Markov. En 1920 en Crimée elle se dénomma brigade d'artillerie Markov et, après le repli au camp de Gallipoli, elle fut réduite à un seul groupe de batteries Markov.

5. INSIGNE DU RÉGIMENT D'INFANTRIE D'ALEXEIEV



Description de l'insigne

Croix en métal blanc, avec les côtés verticaux allongés, partagée sur sa ligne horizontale en deux parties : supérieure en émail blanc, inférieure en

émail bleu ciel ; au centre de la croix : en ligature slave un « A » doré ciselé, capitale, du nom du parrain du régiment, le général Alexeïev ; au bas de la croix « 1917 », date de la création du régiment. Dimension de la croix : 4 cm sur 6 cm.

(L'insigne est validée par l'Ordre du Jour № 28 de l'Association des combattants des armées russes le 22 décembre 1939).

Le régiment de partisans fut formé vers la fin de février 1918 dans la stanitza Olguinskaïa, de plusieurs détachements de partisans composés presque exclusivement d'étudiants, et de lycéens. Le régiment de cette jeunesse arbora les couleurs blanche et bleue. Le général Alexeïev mourut le 26 septembre 1918 et le régiment fut dénommé régiment de partisans du général Alexeïev. En juin 1919 le régiment aurait dû former une division ; cependant cette division n'arriva jamais à plus de deux régiments. En 1920, en Crimée, le régiment reçut son appellation définitive : régiment d'infanterie Alexeïev.

(à suivre)

P. V. PACHKOFF

Plaques regimentaires et insignes de l'armée russe

Le régiment tenait une place immense dans les mœurs de l'ancienne armée russe. Il représentait pour l'officier et bien souvent pour le soldat, une seconde famille. « Camarade de régiment » — terme qui en disait long. Les camarades de régiment se considéraient comme des frères et des amis, unis par des liens parfois plus solides que les liens familiaux. L'honneur du régiment, l'honneur de l'uniforme faisaient partie des principes profondément incrustés dans les cœurs militaires. Tout le passé lointain de chaque régiment constituait pour l'officier un patrimoine transmis par ses prédécesseurs. Il était bien rare qu'un officier se fasse muter de son régiment pour rejoindre un autre. Il y servait depuis son premier grade jusqu'à celui de colonel. Une fois son service terminé, l'officier ne perdait jamais contact avec son régiment et demeurait jusqu'à sa mort membre de la famille régimentaire. Dans les régiments de la Garde le service se passait du père au fils, du grand-père au petit-fils. Chaque régiment possédait ses légendes, ses traditions, sa personnalité bien définie qui laissait son empreinte sur toute la vie de l'officier. Tout ce qu'un cœur humain peut apporter de radieux et de beau était déposé avec une piété émouvante aux pieds du régiment.

L'émigration militaire russe accomplit dans

ce sens une œuvre impérissable. Ses membres fondèrent des musées, publièrent de nombreux ouvrages historiques importants, des mémoires, des journaux militaires. Tous ces matériaux seront un jour d'un grand secours pour les historiens. Malgré la révolution, la chute de l'Empire russe, le long séjour loin de la Russie, malgré les conditions pénibles dans lesquelles se trouvèrent les anciens officiers dont la majorité se transforma en prolétariat de l'Europe Occidentale, les régiments continuèrent néanmoins leur existence. Même en devenant prolétaires en apparence, leurs membres restèrent tous des officiers par le cœur. C'est là que réside le dernier mérite des régiments.

Hélas, les régiments s'éteignent actuellement. Les « camarades de régiment » vieillissent et usés quittent ce monde l'un après l'autre. Leurs dernières pensées vont à leurs régiments. Ils sont souvent inhumés revêtus des uniformes qu'ils ont pu conserver, avec les insignes du régiment qui paraissent décorer aussi leurs tombeaux.

Car l'insigne d'un régiment est le symbole le plus éclatant de celui-ci.

Il existe actuellement de nombreuses collections d'insignes militaires de l'armée russe et des autres armées aussi. Il semble toutefois que ces collections n'atteindront leur juste valeur que

lorsque pourra être jugée l'immense valeur morale de ces « jetons » qu'adore littéralement la dernière génération de l'armée russe.

La Russie est la patrie des médailles militaires et, sauf erreur, la fondatrice des insignes régimentaires. Les armées allemande et autrichienne ignoraient ces insignes ; ils apparurent en France après la guerre de 1914-1918. Seule l'armée anglaise possède depuis longtemps sur les couvre-chefs des « badges » en cuivre.

Presque tout ce qui concerne l'armée russe vient de Pierre le Grand (1672-1725) ; c'est à lui que revient également l'idée de créer pour chaque régiment un symbole personnel, lui appartenant en propre. C'est sous son règne que furent institués les blasons régimentaires, ratifiés sous le règne de sa nièce Anna Ivanovna (1693-1740). Ces blasons figuraient sur les étendards, sur les sceaux régimentaires et parfois sur les mitres des grenadiers.

Les prédécesseurs directs des insignes étaient des plaques commémoratives conservées aussi après l'institution des insignes. Les plaques apparurent dans la seconde moitié du XIX^{ème} siècle ; elles étaient souvent des œuvres d'art de la joaillerie, en argent ou en or, richement décorées d'émail, de cet ancien émail russe qui émerveille les joailliers modernes.

Ces plaques étaient innombrables, officialisées ou non ; tous les événements de la vie militaire devenaient prétexte pour frapper une plaque, que ce fut la fête d'un corps de troupe, de son Chef Auguste, la commémoration d'un événement historique, la promotion d'un corps de cadets ou d'une école militaire, le souvenir d'un commandant, la fin d'un long service d'un officier, un cadeau du Chef Auguste au régiment ou du régiment à ce dernier, enfin tout bonnement un cadeau à un officier ou à une dame du régiment. Les plaques étaient frappées en nombre réduit, presque exclusivement pour les officiers. Certaines plaques étaient uniques, à l'intention d'une seule personne. Il paraît absolument impossible de reconstituer toute leur liste interminable.

Comme règle générale les plaques commémoratives des unités étaient ratifiées par l'Empereur et leur port sévèrement réglementé. Leur ratification et leur description étaient publiées dans la presse militaire officielle ; en ce qui concerne les plaques frappées à titre personnel aucune documentation n'était évidemment publiée à leur égard.

En dehors des plaques qui se portaient suspendues sur chaînette ou sur épingle, apparurent un peu plus tard des insignes attachés à la poitrine par une épingle et, plus tard, par une agrafe soudée. Il semble que le premier de ces insignes fut « La Croix du Caucase », instituée par décret paru dans le « Messenger du Gouvernement » N^o 192 de 1864. Cette croix était en fait « un insi-

gne de service au Caucase » qui suivait la série des distinctions russes — médailles et croix — du XIX^{ème} siècle. Contrairement à ses prédécesseurs, les croix de distinction du XVIII^{ème} et du XIX^{ème} siècles, cet insigne se portait sur ruban et non sur épingle.

En 1866 apparurent les insignes des Ecoles Supérieures Militaires Impériales : de l'Ecole Supérieure de Guerre, de l'Ecole Supérieure d'Artillerie, de l'Ecole Supérieure de Génie, de l'Ecole Supérieure de Droit Militaire et de l'Ecole Supérieure de Marine. Il semble que le premier insigne d'une unité militaire fut « l'insigne en mémoire du service dans l'Escorte d'honneur du détachement de la Garde au cours de la guerre 1877-1878 » institué le 1^{er} mai 1878. Depuis, des insignes furent institués de plus en plus souvent pour des institutions d'enseignement militaire et pour des corps de troupe. Ils atteignirent leur plus grande popularité après 1900 lorsque de nombreuses unités célébrèrent leurs centennaires et bi-centennaires. Les insignes militaires des régiments d'infanterie de l'armée apparurent seulement depuis 1907. En même temps les insignes régimentaires attribués d'abord uniquement aux officiers le furent également aux soldats. Ainsi, l'insigne commémoratif, institué uniquement pour les officiers faisant partie de l'unité le jour de la commémoration, devint l'insigne régimentaire pour tous les militaires de cette unité.

Etant donné que l'insigne régimentaire était attribué lors de la commémoration du centenaire du régiment, les régiments, bataillons et batteries dont la date de création se trouvait être inférieure à 100 ans ne possédaient pas d'insignes.

Vers 1914, presque tous les premiers régiments formés dépassaient 100 ans d'existence et possédaient donc leurs insignes, mais il existait des unités qui ne réussirent pas ou ne désirèrent pas s'en pourvoir.

Tous les insignes étaient présentés à l'approbation de l'Empereur et leur port confirmé par un certificat du chef de l'unité.

Les insignes se portaient à droite et à gauche de la poitrine. A droite les insignes des Ecoles Supérieures, de la suite de l'Empereur, des Ecoles de perfectionnement d'officiers et certains insignes commémoratifs ; à gauche, les insignes des corps de cadets, des Ecoles militaires et des régiments. L'insigne se portait sur une agrafe soudée traversant une fente perforée à cet effet dans l'uniforme et vissée à l'intérieur. Entre l'insigne et la vis se logeait parfois un rond métallique portant la marque de fabrique ou le nom gravé de son propriétaire. Dans certaines unités les insignes des officiers étaient numérotés.

Les dessins des insignes étaient fort variés. Les attributs qui y étaient représentés rappelaient des événements du passé historique du régiment ou de la batterie. L'on peut dire que, lors de l'exa-

men de tous ces insignes, l'on assiste au défilé de l'histoire militaire entière de la période impériale de la Russie.

Il y avait deux types de fonds sur lesquels se montaient les insignes : une couronne de feuilles de chêne et de lauriers et une croix. Les croix étaient celles de Saint André, de Saint Georges, d'Izmail, de Bazardjik, d'Otchakov, de Malte, du Caucase, croix de fer de Prusse, Virtuti Militari de Pologne, etc.

Les vieux régiments disposaient souvent sur leurs insignes leur blason respectif, ceux qui n'en possédaient point se servaient des blasons du département ou de la ville dont le régiment portait le nom. Presque tous les insignes des régiments des grenadiers portaient une grenade enflammée. Parfois aussi les insignes portaient les armes de la Russie — l'aigle bicéphale — du modèle correspondant à la date de la formation du régiment. Parfois les insignes portaient les décorations gagnées par le régiment, comme la croix de Saint Georges ou le ruban des couleurs de celle-ci, des trompettes, des décorations de couvre-chefs. En tant que règle générale, presque tous les insignes portaient l'année de la création de l'unité et de sa date commémorative, les chiffres de l'Empereur fondateur de l'unité et de celui sous le règne duquel datait l'institution de l'insigne. L'exécution de ces derniers était très artistique et leur conception symbolique; il y en avait évidemment de plus ou moins réussis.

Les insignes des régiments d'infanterie de la Garde étaient particulièrement typiques. L'insigne du régiment Preobrajensky reproduisait exactement le projet de la décoration instituée par Pierre le Grand lui-même pour la bataille de Poltava (1709). La croix surmontant la couronne fut remplacée par un chas, étant donné qu'en 1709 l'insigne se portait sur un ruban. Les régiments Semenovsky et Izmaïlovsky prirent les attributs figurant sur leurs premiers étendards : le régiment Semenovsky — une croix blanche avec glaive, reproduction de celle figurant en haut de la hampe sur le panneau de son premier étendard, avec adjonction sur cette croix des chiffres des Empereurs Pierre I et Nicolas II ; le régiment Izmaïlovsky -- un chiffre doré de l'Impératrice Anna, placé sur les signes entrecroisés « I » (Impératrice) et « I » (Première), tous deux en émail bleu, soit le dessin exact du premier étendard, avec en plus l'année de formation (1730) et le chiffre de l'Empereur. Le régiment Eguersky (des chasseurs) s'était couvert de gloire dans le combat de Kulm, où tous les combattants russes furent décorés de la croix prussienne de Kulm, ressemblant à « la croix de fer » ; cette croix devint l'insigne du régiment avec les chiffres entrecroisés des Empereurs Paul I (1754-1801) et Nicolas II.

Le régiment Moskovsky s'attribua pour insigne : sur la croix de St André en bleu, symbole de la Garde de Pierre I (le régiment fut formé d'un bataillon de Preobrajensky), un St Georges en argent à cheval, c'est-à-dire les armes de Moscou. Le régiment des Grenadiers choisit la croix polonaise « Virtuti Militari » dont furent décorés tous les officiers et soldats du régiment en 1831, pour l'assaut de Varsovie. Le régiment Pavlovsky, qui conquit la gloire à Preussisch-Eylau, obtint pour son insigne la croix de Preussisch-Eylau. Le régiment de Finlande, en mémoire de sa formation jadis par des troupes populaires levées, -- l'aigle russe sur la croix de ces troupes. Le régiment de Litovsky -- les armes sur le shako de l'époque de la formation du régiment, sur la poitrine -- un écusson avec les armes de Lituanie. Le régiment de Kegsholmsky -- une croix d'un modèle particulier, copie de celle érigée sur la tombe commune des soldats de ce régiment de l'époque de Pierre I. Le régiment de Saint Pétersbourg, appelé « Prussien », -- croix de fer prussienne avec l'aigle russe de l'époque de Catherine I (1684-1727), avec les chiffres de la fondatrice du régiment et celui de l'Empereur et la date de formation (1726). Le régiment de Volynsky, descendant du régiment de Finlande, s'attribua la même croix des troupes populaires levées, en y montant en plus ses armes de shako de 1817, avec les armes de la province de Volynie.

Les tirailleurs du 1er et du 2ème régiments, n'ayant pas atteint le centenaire, ne possédaient pas d'insignes, mais des plaques. Le 4ème régiment des tirailleurs, de la Famille Impériale, de formation récente, ne portait pas d'insigne, mais sur son shako la Croix des troupes populaires levées de l'époque de sa formation avec le chiffre de l'Empereur Nicolas I et la devise « Pour la Foi et le Tsar ».

Seul le 3ème régiment des tirailleurs possédait un insigne, la croix St Georges en argent, rappelant que de nombreux chevaliers de cet ordre y avaient servi et que, pour cette raison, il lui avait été attribué l'étendard de l'ordre de Saint Georges. La croix portait un aigle russe de l'époque de Paul I et sur la poitrine, sur un écusson framboise, la croix de Malte blanche.

En suivant à peu près les mêmes principes, les insignes des autres unités de la Garde, des unités d'infanterie et de cavalerie de l'armée, de même que des batteries d'artillerie, s'instituaient également.

Il serait injuste de ne pas citer, en parlant d'insignes, le plus important de leurs collectionneurs, Paul Vassilievitch Pachkoff, auteur d'une sérieuse monographie sur les insignes russes, œuvre qui malheureusement n'existe qu'en manuscrit.

S. ANDOLENKO

Histoire du pavillon de Saint André



En instituant une flotte permanente, l'Empereur Pierre le Grand ne parvint pas à concevoir d'emblée un modèle des couleurs hissees à la proue des navires.

Son père, le Tsar Alexis Mikhaïlovitch, avait déjà décidé de se pourvoir d'une flotte, afin de protéger les caravanes de la marine marchande remontant et descendant la Volga. Il fit ériger un chantier naval à Dednov, village situé à 15 verstes (environ 16 km) de l'embouchure de la Moscova et de l'Oka (affluent de la Volga); un yacht et ensuite un premier navire militaire, la frégate « Orel » (Aigle) y furent construits. Ce dernier fut pavoisé de l'aigle bicéphale; puis, en 1645, un pavillon blanc, bleu, rouge, surmonté de l'aigle bicéphale, y fut hissé. La frégate « Orel », sous les ordres du commandant Boutler, et le yacht, sous ceux du commandant Guelt, reçurent l'ordre de descendre la Volga et de gagner Astrakhan; les navires étaient accompagnés des constructeurs hollandais avec tout l'équipement nécessaire pour des constructions navales.

A ce moment éclata la révolte du célèbre brigand Stéphane Razine. Ce dernier s'empara d'Astrakhan, les Hollandais prirent la fuite dans une chaloupe et gagnèrent la Perse; la frégate « Orel », le yacht et tous les navires qui les environnaient furent brûlés par les mutins. Razine fut capturé et exécuté, mais les espoirs du Tsar Alexis Mikhaïlovitch de créer une flotte furent déçus...

Le 21 juillet 1694, Pierre le Grand fit hisser le pavillon bleu-blanc-rouge (c'est-à-dire les couleurs hollandaises inversées) sur son premier navire de guerre « Les Saints Prophètes ».

A partir de 1696, tous les bâtiments de sa flotte du Don qui assiégeaient Azov arboraient sur la drisse le pavillon blanc orné de la croix bleue grecque.

En 1701, Pierre I se borna à ajouter la croix de St André sur la bande blanche du pavillon hollandais inversé (bâtiment « *Predestination* »), afin de distinguer le pavillon russe du signal de détresse marin (drapeau national inversé).

En 1703, après la prise de la Néva, Pierre le Grand attribua à la flotte russe son pavillon authentique — la Croix de l'Ordre de St André sur un champ blanc. L'Empereur traça de sa main sur le dessin de ce drapeau les paroles suivantes: « C'est l'Apôtre St André, le Premier Elu, qui, le premier, a répandu la lueur de l'enseignement du Christ sur la Terre Russe ».

Le premier bâtiment, construit à Olonetz, ville conquise de la Suède, et lancé le 29 août 1703, fut la frégate « *L'Etendard* » (Shtandart), armée de 28 canons, arborait déjà fièrement ce pavillon.

Les premiers aspirants de la Marine russe qui prirent la mer sur les navires de la jeune flotte russe eurent le privilège de devenir les témoins d'un événement notable — la reconnaissance du pavillon de St André par l'ombrageuse souveraine des flots, l'Angleterre. Le 5 août 1716, au large de l'île de Bornholm, les escadres de 4 puissances navales se trouvèrent réunies (celles de la Russie, comprenant 22 flammes, de l'Angleterre, de la Hollande et du Danemark). A midi, l'Empereur Pierre I fit hisser son pavillon, acclamé par les salves des bâtiments de toutes les escadres. Par ce geste symbolique, les amiraux commandant les escadres des Grandes Puissances Navales, conféraient à l'Empereur de Russie le commandement des flottes alliées.

D'après le code des traditions internationales navales, les salves des bâtiments étrangers confirmaient la reconnaissance du pavillon de St André en tant que symbole de l'Etat russe.

Communiqué par G. VON GUELMERSEN



A bord du « Dimitri Donskoi »

Vers la fin du XIX^{ème} siècle, au cours d'un dîner animé en compagnie des capitaines des navires de l'escadre britannique en rade de Hong-Kong, l'amiral Skrydloff, qui n'était à l'époque que capitaine de la frégate cuirassée « Dimitri Donskoi », engagea une discussion sur le rôle de l'infanterie de marine à bord des navires. Il considérait ce corps en tant qu'élément étranger pour les marins et il en vint à affirmer que le service des quarts à bord des navires britanniques était inférieur à celui des navires russes, ce que d'ailleurs il se déclara prêt à justifier au cours du séjour en rade du « Dimitri Donskoi ». Skrydloff proposa un pari dont les conditions ne comprendraient aucune sanction pour les personnages engagés ; après maintes libations le pari fut accepté, mais, en remontant à bord de son navire, Skrydloff ignorait encore comment il tiendrait cette gageure.

Une idée lumineuse l'enflamma soudain... Et pourquoi pas — capturer une des sentinelles en faction... Se proposant de réaliser personnellement cet exploit Skrydloff s'en ouvrit au commandant des baleinières Miakicheff en lui confiant tous les préparatifs de l'enlèvement.

Miakicheff protesta vigoureusement en faisant valoir qu'un capitaine de navire en rade d'un port représentait l'Empire russe et ne saurait figurer dans une aventure pouvant se terminer tragiquement ou tout au moins provoquer un scandale sensationnel. Skrydloff se laissa convaincre, mais insista sur l'exécution de son projet par des « gars hardis », rameurs d'élite des baleinières.

Miakicheff fut encore plus catégorique en soutenant qu'un capitaine ne pouvait confier cette mission à des matelots subalternes irresponsables et qu'après tout ce serait lui-même, officier de bord, qui s'en chargerait, mais en plein jour, après le repas de midi, quand les navires sont recouverts de toiles les protégeant de la chaleur tropicale si épouvante et limitant ainsi toute surveillance...

Après une mise au point essentielle, tout en effleurant à peine la mer de ses rames, Miakicheff monta à midi à bord d'une baleinière et se mit à manœuvrer lentement parmi les nombreux navires en rade. Après plusieurs circuits effectuée par la chaloupe, aucun des navires présents ne presta plus attention à son manège... Miakicheff déposa alors à l'arrière une frégate britannique, la contourna par trois fois et, certain que ni les hommes du quart, ni aucun matelot en faction ne s'in-

téressaient plus du tout à lui, fit halte sous la poupe.

En un clin d'œil il se déchaussa, grimpa comme un félin le long de l'échelle de corde vers la dunette, lança un sac sur la tête de l'Anglais en faction abasourdi, le précipita en bas où les gars de la baleinière s'en saisirent en le ficelant et en le recouvrant d'une bâche ; son fusil le suivit... Miakicheff se glissa à bord de la chaloupe qui repartit au même rythme vers le « Dimitri Donskoi », où l'Anglais fut caché dans le sein du cuirassé...

Vers 2 heures une certaine animation s'empara de la frégate britannique, des chaloupes furent mises à la mer... Vers le soir un officier britannique se présenta au capitaine Skrydloff en lui annonçant la disparition de leur homme de quart et en s'enquérant si le « Dimitri Donskoi » n'avait par hasard perçu quelque chose d'anormal. En guise de réponse Skrydloff remit à l'officier un pli pour le capitaine de la frégate... Tard dans la nuit une chaloupe britannique vint chercher l'infortuné anglais, copieusement restauré et arrosé, ne se rendant plus compte de rien...

Le lendemain Skrydloff fut invité par le capitaine britannique à un dîner au club... Avec leur sens inné du « fair play » les Anglais lui réservèrent un accueil triomphal. Les détails de l'enlèvement suscitèrent un enthousiasme délirant et des propos animés qui, avec l'appui de vins fins et de champagne, se prolongèrent tard dans la nuit...

N. IENICHE

NOTES EXPLICATIVES

- Description des illustrations paraissant dans la partie en langue russe de cette revue.
- Couverture : Le blason de l'Ecole Navale Russe.
 - Pages 9 : L'Amiral Essen, Commandant en Chef de la Flotte de la Mer Baltique, 1911-1915.
 - Page 35 : Vaisseau de ligne « Les Trois Saints » (1909).

Decoration militaire à une petite fille de douze ans



Le cap Saint s'avance en pointe longue et fine tout en haut du nord-ouest de la mer Blanche. Pour les navires se dirigeant vers l'océan ce cap représente la dernière étape de la rive occidentale. Grâce à ce cap les navigateurs peuvent définir le cours de l'océan vers l'autre de la mer

Blanche. Durant la première guerre mondiale ce cap devint un point stratégique fort important : des navires britanniques, français et américains le longeaient avec des armements pour l'armée russe. Tout à la pointe du cap Saint se dressait un phare possédant un mât de signalisation et une sirène à vapeur pour lancer des signaux dans le brouillard ; il était relié par fil direct à Arkhangelsk.

Dès l'automne de 1915 les transports militaires s'organisèrent vers Arkhangelsk et les navires étrangers y accostèrent en nombre important.

A Arkhangelsk, l'amiral commandant en chef et son état-major se débattaient dans un flot de dépêches urgentes réclamant telle ou autre livraison. Des dépêches radio non moins urgentes arrivaient de mer ainsi que des messages téléphoniques des services de liaison. Il s'agissait tantôt de l'explosion d'un navire sauté sur une mine ennemie auprès du phare Orloff, tantôt de dragueurs russes ou britanniques ayant découvert un champ de mines, ou de sous-marins allemands dans les fjords norvégiens. Enfin, les appels affluaient journellement pour l'envoi de caravanes de dragueurs en direction du cap Saint afin d'escorter des navires de chargement qui attendaient depuis plusieurs jours en rade de Iokang.

Une fois, en pleine nuit l'Etat-Major Général de la Marine lança un appel sur sa ligne directe pour s'informer sur la position d'un navire britannique transportant un chargement militaire important. L'appel spécifiait que l'Amirauté britannique considérait que ce navire était parvenu à Arkhangelsk. Un officier de l'Etat-Major téléphona aussitôt au cap Saint.

— Cap Saint écoute, — répondit une voix enfantine.

— Qui êtes-vous ? Où est le gardien ? — demanda sévèrement l'officier.

— Il est malade. Je prends le message, — reprit la même voix.

— Qui est à l'appareil ? — riposta l'officier exaspéré.

— Ici Maroussia Bagrentzova, la fille du gardien,

— répondit-on.

— Informez-moi d'urgence, si tel navire est bien arrivé et donnez-nous la liste complète des navires en rade de Iokang.

Il y eut quelques minutes de silence après lesquelles la ligne téléphonique nasilla à nouveau : — Allô, allô !..

— Ici le secteur opérationnel de l'Etat-Major. Le lieutenant N. à l'appareil..

— Prenez message : navire arrivé 22 heures. Transmis au service liaison. En rade (suit énumération des navires). Le phare Orloff annonce : première section dragueurs passé phare, se dirige vers nous. Caravane se dirige Arkhangelsk demain. Message N° 25367, ici cap Saint. Message téléphonique terminé, — débita toujours la même voix enfantine.

Les informations obtenues permirent de répondre à Pétrograd, au chef de l'Etat-Major Général. D'autre part, il apparut que, malgré la maladie du gardien, le service du phare cap Saint fonctionnait parfaitement.

Quelques jours plus tard un officier fut délégué d'Arkhangelsk au cap Saint pour examiner la situation en raison de la maladie du gardien. L'examen conclut que la fille du gardien avait non seulement maintenu le phare en ordre parfait et transmis tous les signaux adéquats, mais qu'elle avait aussi sauvé plusieurs navires portant de précieux chargements en leur transmettant de son propre chef des instructions par signaux pour se rendre en rade de Iokang et y attendre la caravane de dragueurs ; sans cette escorte ces navires auraient certainement péri en pénétrant en mer Blanche.

Quelques semaines plus tard un nouveau gardien fut nommé au cap Saint et un poste de suppléant fut créé. Un service de liaison fut établi auprès du phare avec un poste de signalisation ; il fut décidé de monter une station radio. Sur ordonnance Impériale le gardien du phare fut mis à la retraite pour maladie avec conservation de son plein traitement. Quant à sa fille « en récompense de sa vaillance exceptionnelle, de son sang-froid et de son service consciencieux et courageux dans des conditions difficiles en pleines hostilités, la nommée Marie Bagrentzova était décorée de la médaille de St Georges en argent »...

Ce fut la première décoration militaire décernée sur la mer Blanche. La décorée n'avait que 12 ans..

Transmis par N. SCRIBINE

ARMES ET UNIFORMES DE L'HISTOIRE

Rédaction : Bruno MANUEL
C.-H. TAVARD (fondateur)

DIRECTION - ADMINISTRATION - REDACTION - DIFFUSION : S.G.P.D. 2, rue Malus
75005 — Paris

ABONNEMENT pour 6 numéros annuels : 35 FF — Etranger : Belgique 350 FB, Suisse 32 FS,
Allemagne 25 DM, Pays-Bas 25 Fl. Italie 5 000 Li, Grande-Bretagne 3,50 £ Etats-Unis 10 \$

PRIX DU NUMERO EN FRANCE : 7 F

« LE PASSÉ MILITAIRE »

Revue illustrée, bilingue paraissant tous les deux mois, et traitant de l'Armée et de la Marine Russe.

Abonnement pour 1974, №№ 125-130 : 40.00 francs. Amérique, Australie — 10 \$
Adresse de la rédaction : 61, rue Chardon-Lagache — 75016 — PARIS ☎ 647 72-55
C.C.P. Paris 3910-12

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА « ВОЕННОЙ БЫЛИ »

- № 2 — Евгений Молло — Русское холодное оружие XIX в. — 5 фр.
№ 3 — В.П. Ягелло — Княжеконстантиновцы — 5 фр.
№ 5 — Евгений Молло — Русское холодное оружие эпохи Императора Николая II. Князь Н.С. Трубецкой — Нижегородская шашка — 5 фр.
№ 6 — П.А. Нечаев — Алексеевское военное училище — 5 фр.
№ 9 — К.М. Перепеловский — Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище — 5 фр.
№ 10 — Письма Суворова к Принцу Нассау-Зиген — 10 фр.
№ 11 — П.К. Кондзеровский — В Ставке Верховного — 10 фр.
№ 13 — Алексей Геринг — Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом — 15 фр.
№ 14 — Н.П. Солодков — Морские рассказы — 10 фр.
№ 15 — П.В. Пашков — Воспоминания юнкера Алексеевца — 5 фр.
№ 16 — Странствования Христофора Гасмана — 10 фр.
№ 17 — В.Г. фон Рихтер — Собрание сочинений по русской военной медальстике и истории — 80 фр.
№№ 1, 4, 7, 8 и 12 распроданы.

« СБОРНИКИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ »

- выпуски 1 и 2 на ротаторе
цена — 5 фр. фр.
1 амер. дол. в странах заокеанских
Изд. « Военная Белья » 50 стр.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО « ТАНАИС »

Бышли из печати и находятся в продаже следующие книги :

- С. АНДОЛЕНКО — Нагрудные знаки Русской армии 230 стр. свыше 500 илл. — 32 фр.
В. Н. ЗВЕГИНЦОВ — Кавалергарды в великую и гражданскую войну 1916-20 гг. 206 стр. — 18 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Железный Хромец истор. роман 242 стр. — 21 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Возвращение историч. роман 258 стр. 21 фр.
Ген. Лейтен. А. В. фон-ШВАРЦ — Ивангород в 1914-1915. Из воспоминаний. 166 стр. с портр. и карт — 15 фр.
Ген. штаба генерал-майор Б. В. ГЕРУА — Воспоминания о моей жизни. Том первый 277 стр. с портретом и иллюстр. автора — 27 фр. Том второй — 218 стр. с портретом, многими фотогр. и схемами боев — 27 фр.

EXPOSITION DU LIVRE RUSSE

publié à l'étranger
Le Salon de 1973
du Vendredi 23 au Lundi 26 Novembre
de 11 heures à 20 heures
44, rue de Rennes, PARIS 6^{me}
Visitez le Stand du « PASSE MILITAIRE »

С ПЯТНИЦЫ 23 ноября по ПОНЕДЕЛЬНИК 26 ноября
ВЫСТАВКА РУССКОЙ КНИГИ ИЗДАННОЙ
ЗА РУБЕЖОМ
БОЛЬШОЙ СТАНД ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- БУГУРАЕВ — Михайловское артиллерийское училище 150 лет основания — 8 фр.
Г. Р. ВАНТЦ — В море и на суше — 12 фр.
В. Н. фон-ДРЕЙЕР — На закате Империи. — 15 фр.
А. ГАЙРАБЕТОВ — Сборник военных песен — 20 фр.
Князь П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 10 фр.
КИРАСИРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — Последние дни мирной жизни 10 фр.
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.
Н. МАНТУЛИН — Песенник русского воина — 25 фр.
ПАМЯТКА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА — 25 фр.
О. И. ПАНТЮХОВ — О днях былых — 35 фр.
С. Н. РЯСНЯНСКИЙ — О Российском воистве — 12 фр.
К. Р. — Полное собрание сочинений тома I-III — 60 фр.
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.
Н. ТУРБИН (Л. П. Линевиц) — По старому следу : Сборник рассказов — 15 фр.
А. И. ШЕЛОУМОВ — Папка с 20-ю цветными репродукциями батальных картин (размер 24 x 31 см.) 30 фр.
СЕРГЕЙ ШПАКОВСКИЙ — Памятка 14 пехот. Олонецкого Короля Сербского полка — 6 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 125, rue Prevôt, Bruxelles 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — в Обще - Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, Cal.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 52, Albert Rd. Stratfield 2135 N.S.W. Australia.

б) у В. П. Тихомирова:
5, Fuller Str. F. 12
Walkerville S. Australia 5081

Аргентина — у Г. Г. Бордокова — Ibero 2768 BUENOS - AIRES Argentina

№ 126

Январь 1974 года

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

ВОЕННАЯ СЛАВА

LE PASSÉ MILITAIRE



ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Друзья, Редакция журнала и Издательство «Военная Быль», Общество Друзей «ВОЕННОЙ БЫЛИ», Правление Российского Военно-Исторического АРХИВА-МУЗЕЯ в Париже и Обще-Кадетское объединение во Франции с глубоким горем извещают о кончине своего дорогого друга, сотрудника и участника в деле организации АРХИВА-МУЗЕЯ поручика 17-го стрелкового Туркестанского полка

ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ПАШКОВА

Общество бывших кадет Первого кадетского корпуса и Обще-Кадетское Объединение во Франции с глубоким горем извещают о кончине своего дорогого друга и однокашника, лейб-гвардии Гренадерского полка полковника

ЮСИФА ЮСИФОВИЧА КОНОНОВИЧА

Погребение состоялось на кладбище города Монморанси (Франция)

Кадеты — Хабаровцы с глубоким горем извещают о кончине их дорогого друга и однокашника выпуска 1913 года капитана

ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГЛУХОВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Русские памятки за рубежом. Сообщил — А.С.	1
От издательства.	3
Для истории Государства Российского. Роковая ночь в Зимнем дворце 27 февр. 1917 г. — Полк. Данильченко	3
Воспоминания о полковом комитете. — Кн. И. Черкасский.	9
С Амура на Дунай. Трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кад. корпуса. — П. Гаттенбергер	13
Смотры в Чугуеве 1900-1904 г. — Г.Т.	19
К статье «Нумизматические памятники русской Америки» — Евгений Молло	20
К статье в хронике «Военной Были» № 121, стр. 46. — Ф.Р.	21
Исторический Архив : «Высочайшая Грамота». Сообщил — М. Бузураев	21
19 декабря 1928 г. в Русском отряде Шанхайского волонтерского корпуса. — В.А. Соколов	22
Письмо в Редакцию. — Полковник Г.А. Алеев	25
Запасный батальон. — К.Р.Т.	26
42-й пех. Якутский полк в гражданской войне. — Подполковник Чернышский	41
О нашем долге перед родиной. — Шт.-кап. А. Боршов	44
Обзор военной печати : К.С. Попов «Воспоминания кавказского гренадера», Париж, 1925 г. — Генерал Головин	45
Письма в редакцию	46
Ordres et décorations de la guerre civile. — P.V. Pachkoff	47
«Voïskovoï Kroug» («Rassemblement Cosaque») — Princesse V.E.	56

От Издательства

Подписка на цикл №№ 125-130 принимается по цене : 40 фр. фр., зона доллара — 10 дол. на ШЕСТЬ номеров. Подписную плату просьба отправлять, как всегда, на почтовый счет журнала «LE PASSE MILITAIRE» — 391012 PARIS, или нашим представителям за границей.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

XXIII Год издания

№ 126 ЯНВАРЬ 1974 г.

BIMESTRIEL. Prix — 7,-Frs

Русские памятки за рубежом

ГОЛЛАНДИЯ

Большая Княжна Анна Павловна, сестра Императора Александра I была с 1816 года замужем за Наследным Принцем Голландским Вильгельмом (из Оранского Дома).

В 1840 году принц Вильгельм вступил на престол Голландии. В его правление производились огромные работы по осушке обмелевших и заболоченных прибрежных частей моря. Среди выросших здесь населенных пунктов и доныне имеется село Анна Павловна Полдер, названное в честь королевы, которая пожертвовала в храм этого села серебряную чашу.

В Гааге королева Анна Павловна соорудила православный храм и ее именем названа одна из улиц столицы.

Королева скончалась, окруженная общей любовью своего народа, в 1865 году и погребена в г. Делфт, в Королевской усыпальнице.

Близ города Бергена (Северная Голландия) имеется крест-памятник на могиле погребенных там пятисот русских воинов из состава русских войск, боровшихся здесь в 1799 году за свободу Голландии.

ВЮРТЕМБЕРГ

Близ города Равенсбург, у села Вейнгартен, на покрытом молодым лесом перевале с дивным видом на цветущую долину реки Шуссен,

видны остатки кладбища суворовских чудо-богатырей. В Вейнгартене осенью 1799 года были госпиталя вышедшей из Альп и отдохавшей севернее Боденского озера, после знаменитого швейцарского похода, суворовской армии.

Несколько лет тому назад русские эмигранты соорудили здесь крест-памятник, перед которым в 150-летие похода была отслужена панихида по воине Александре и его чудо-богатырям. Русская молодежь, разведчики и сокола, прошли перед памятником церемониальным маршем.

БАВАРИЯ

В маленьком средневековом городке Линдау, расположенном на полуострове среди Боденского озера, имеется дом, на стене которого сохранилась вырезанная надпись о проживании в этом доме после окончания швейцарского похода 1799 года русского фельдмаршала Александра Суворова, графа Рымникского.

ЛЮНЕБУРГ близ Гамбурга

В городе Люнебурге имеется мост через протекающую по болотистому луку речку Ильменау, который носит название «Козакенбрюкке» в память победы на этой переправе казачьей бригады над французской кавалерией в 1813 или 1814 году.

Сообщил А.С.



1913 год. 1-й Конный ЗАМУРСКИЙ полк. Снимок сделан по случаю получения полком Георгиевского штандарта.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Алексей Алексеевич Геринг, по болезни на целый месяц вышедший из строя, сердечно благодарит своего помощника К.М. Перепеловского и типографию, в лице Владимира Васильевича, за неоценимую помощь, оказанную ему в выпуске этого номера. Без их любезной помощи совершенно нельзя сказать, насколько затянулся бы его выход в свет.

Для истории государства российского. Роковая ночь в Зимнем Дворце 27 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА

Событиям в Петрограде до февраля 1917 года предшествовало одно распоряжение, которое по-моему послужило началом катастрофы.

Еще в 1916 году я был приглашен на собрание командиров гвардейских запасных частей к командовавшему этими частями генералу Чебыкину, и следовательно, как участник этого собрания, могу дать правдивое мое историческое показание.

Генерал Чебыкин объявил нам: «По соглашению военного министра с министром внутренних дел на наши запасные батальоны, находящиеся в Петрограде, возложена задача по охране Петрограда, подобно тому, как это было в 1905 году. Сейчас адъютант раздаст вам отрезки от плана Петрограда с обозначением для каждого командира запасного батальона его района. Я несколько изменил прежние районы по той причине, что в 1905 году охрану несли только гвардейские полки 1-й и 2-й дивизий, а теперь у нас прибавились еще и полки 3-й дивизии, прибывшие из Варшавы. Быть может кто-либо из вас желает высказаться по этому поводу?»

Пожелали высказаться три командира: Преображенец — полковник Павленков, Измайловец — я, полковник Данильченко, и лейб-гвардии Московского полка полковник Михайличенко.

Полковник Павленков доложил: «В 1905 го-

ду я еще не был в Петербурге и подробностей не знаю, но полагаю, что нельзя равнять состав кадровых полков с их семьдесятю опытными офицерами и такими же опытными нижними чинами 1905 года с тем составом, который ныне имеется в нашем распоряжении, командиров запасных батальонов. Наша главная задача — подготовка пополнения для фронта».

Следующее слово было предоставлено мне, и я сказал: «В 1905 году я участвовал в охране Петербурга и знаю, что наш Измайловский район включал около 16 квадратных верст, начиная с пригорода, где расположен Путиловский завод с его 85 тысячами рабочих. Кроме того, у нас было еще около 60 учреждений, куда мы должны были давать войска в случае требования полиции. В их число входили Экспедиция заготовления государственных бумаг на реке Фонтанке, два железнодорожных вокзала, Варшавский и Балтийский. Эти главные вскзалы требовали ежедневного наряда пяти рот, а на Путиловском заводе в течение почти трех месяцев мы давали до трех рот, а иногда до двух батальонов. Присоединяясь к должному командиром Преображенцев и считаю задачу для запасных батальонов непосильной, а главное — в 1905 году у нас был резерв, на случай усиления...»

Генерал Чебыкин прервал меня и сказал:

« Я собрал вас не для критики мер охраны 1905 года, а для того, чтобы передать вам приказание, основанное на постановлении министров, военного и внутренних дел. Ваше дело исполнить приказание. Адьютант, — раздайте всем командирам их районы! »

Пока адъютант раздавал нам районы, генерал Чебыкин обратился ко мне, сказав: « Я знаю тебя, Петр Васильевич, и знаю, что Путиловский район наиболее трудный, поэтому я поручаю этот район тебе, но в несколько сокращенном виде, а именно — Экспедицию заготовления государственных бумаг и оба вокзала я передал лейб-гвардии Петроградскому батальону. Надеюсь, что ты сохранишь у себя полный порядок ».

На этом наше заседание и окончилось. Спорить, особенно во время войны, мы права не имели и перешли к исполнению приказа.

Через некоторое время, когда я находился в нашем офицерском собрании и завтракал там одновременно со всеми офицерами, дежурный офицер доложил, что командующий войсками округа просит меня к телефону. Я подошел к телефону и вот наш разговор:

— Командир запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка полковник Данильченко у телефона.

— С вами говорит командующий войсками округа. Мне стало известно, что в центре Путиловского завода находится электрическая станция, которая обслуживается немцами. Немедленно отправьте туда роту и сами, лично, узнайте детали у помощника главного директора. Заарестуйте район электрической станции и учредите там от Измайловцев постоянный караул впредь до отмены. Об исполнении телефонуйте мне ».

— Будет исполнено, Ваше Превосходительство.

Я подозревал к себе начальника учебной команды и приказал ему немедленно выделить роту в 48 рядов при трех офицерах. Выдать нижним чинам по 30 боевых патронов и роте быстро следовать на Путиловский завод, где я ее встречу.

Мой автомобиль постоянно находился там же, где был и я, и минут через двадцать я был на заводе и получил планы и необходимые сведения.

Путь от Измайловских казарм до Путиловского завода около пяти верст, и рота прибыла туда быстро.

Операция была выполнена и, учредив там караул, я телефонировал командующему войсками округа о выполнении приказа.

Через несколько дней после эпизода с электрической станцией мне было приказано « дать по вызову » на Путиловский завод две роты, каковой наряд неся Измайловцами до самых

последних дней. Порядок там не нарушался до вечера 27 февраля, когда было приказано генералом Хабаловым о снятии этого наряда и о возвращении рот в казармы.

При несении службы « по вызову » у нас предусматривалось три положения: первое — когда войска вызваны из казарм и прибывают по назначению; второе — когда полицейские власти и местная администрация не могут справиться с водворением порядка, то войска выходят к месту скопления толпы и « содействуют полиции и гражданским властям » как резерв; наконец, третье положение — когда полиция сама справиться не может, то власть переходит к войскам и ротный или полуротный командир распоряжается самостоятельно, а полиция уже « содействует ».

Ошибка высшего командования при сравнении гарнизона Петрограда в 1917 году с 1905 годом видна из нижеследующего:

В мирное время каждая из 16 рот в полку имела во главе опытного ротного командира, капитана, и у него было по два опытных младших офицера, при 14 окончивших учебную команду начальниках из нижних чинов на роту. Винтовка была у каждого нижнего чина. Четыре таких роты объединялись полковником, командиром батальона, а всем полком из четырех батальонов командовал командир полка, — генерал.

Во время войны, в 1916 году, в запасных батальонах было не 16 рот, а только четыре, и состав в ротах был не 100 человек мирного времени, а по 1.500 человек, в огромном большинстве еще не вполне обученных, и одна винтовка приходилась на шесть нижних чинов. Опытного кадра унтер-офицеров в ротах было очень мало, да и сами командиры рот из 1.500 нижних чинов, конечно, не могли знать находящихся в их ведении нижних чинов. Все ротные командиры в запасных батальонах были из числа тех, кто получил увечья на фронте, а после излечения в госпиталях несли службу временно, меняясь через четыре месца и отбывая опять на фронт, в свой действующий полк. Это огромные роты по 1.500 человек подразделялись каждая на « литерные » роты, формируя для фронта за семь недель, по вызову телеграммами « маршевые роты » по 250 человек, поручаемые молодым прапорщикам.

Кадр запасного батальона считался в 7 офицеров кадровых и 8 тысяч нижних чинов, а офицерские обязанности несли, кроме эвакуированных с фронта, прапорщики, окончившие ускоренные курсы при военных училищах.

При 50 % убитых и раненых офицеров действующий полк требовал для фронта поименно самых драгоценных кадровых офицеров, оставшая в запасном батальоне еще не вполне излечившихся и то на короткое время.

Подготовка нижних чинов к должности унтер-офицеров длилась в мирное время почти два года, давая в год на полк около 100 человек, а в запасном батальоне время 2 лет заменялось семью неделями, при числе 800 вместо ста. Телеграммами с фронта требовалось иногда в один день 8 маршевых рот, в которые входило окончивших учебную команду 160 человек.

При мне было отправлено на фронт, в свой полк, 34 роты, каждая в 250 человек. Кроме отбывших, ожидали своей очереди вызова еще роты от № 35-го по 45-й и готовились с № 46-го по 54-й роты.

Надо было еще готовить «специальные команды»: пулеметчиков, минометчиков, бомбометчиков, разведчиков, как конных, так и пеших, телефонистов.

Запасные батальоны несли службу караульную, как свою, внутреннюю, так и в городских караулах. Кроме того, комендант города требовал наряды войск для регулирования трамвайного движения.

И в это время надо было запасным батальонам давать «по вызову» наряды для охраны столицы.

Почитаю долгом упомянуть об эвакуированных с фронта за ранением нижних чинах. В гвардейских полках они после госпитального лечения направлялись в запасные батальоны своих полков для формирования из них маршевых рот по 250 человек. Часть из них, правда, нашими батальонными медицинскими комиссиями увольнялась домой, но большая часть и шла на формирование маршевых рот. При требовании на фронт пополнений в первую очередь шли роты, сформированные из эвакуированных. Обращаю внимание на то, что в госпиталях и лазаретах нижние чины теряли дисциплину, и нередко наблюдалось, что эти эвакуированные возвращались в запасные батальоны уже пропагандированными, а иногда даже агитаторами. Командиры обратили на это внимание начальства, и генерал Чебыкин приказал эвакуированных назначать в четвертую роту. События 1917 года показали, что везде неповиновение и отказ выходить «по вызову» начались именно в четвертых ротах батальонов.

Утром 26 февраля командующий войсками округа генерал Хабалов телефонировал мне: «Я вызвал из города Стрельна артиллерию. Она должна следовать походным порядком по шоссе через Сергиево и Лигово и будет проходить через Измайловский район, мимо Путиловского завода. Прикажете двум сотням казаков, которых я отправил к Путиловскому заводу, встретить артиллерию на шоссе и конвоировать ее до расположения в ваших казармах

при маневре лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады».

Исполняя это приказание, я, сам правя автомобилем, прибыл на Путиловский завод и там предупредил старшего из командиров моих рот. Но ротный командир заявил мне, что казаки хотя и прибыли, но ненадежны, и с их стороны идет пропаганда, а поэтому они изолированы. Когда 6 часов поверстного срока для артиллерии прошли и она не прибыла, я телефонировал в штаб округа, сообщив о казаках. Генерал Хабалов ответил, что артиллеристы из Стрельно отказались следовать походным порядком и орудия их грузятся на платформы воинского поезда. Казаков он заменяет драгунами 9-го запасного кавалерийского полка и они явятся в мое распоряжение. Мне же надлежит встретить артиллерию на товарной станции Балтийской железной дороги, а кавалерия должна конвоировать артиллерию до Измайловских казарм. Действительно, дивизион 9-го запасного кавалерийского полка под начальством подполковника Ржевского явился ко мне и по моему приказанию доставил артиллерию в наши казармы.

27 февраля в Петрограде начались в некоторых частях неповиновения, даже бунты, но у меня, в Измайловском районе, был полный порядок, часть офицеров, по сносному, находилась в своих казармах. Лично я несколько раз объезжал Измайловский район и нигде нарушения порядка не было.

Еще 20 февраля я был приглашен Государем Императором в Царскосельский дворец, и аудиенция эта продолжалась 25 минут. Все это было мной опубликовано в журнале «Однокашник» за март 1929 года в Нью-Йорке.

21 февраля Главный Штаб телеграммой известил меня о повышении по службе, с назначением меня командиром 7-го пехотного Ревельского полка, находившегося тогда на Румынском фронте, и тогда же я начал сдавать батальон полковнику Уманец. Новый командир уже вступил в командование батальоном, а я с 25 февраля носил форму Ревельского полка, но прежне начало обращалось не к новому командиру, а ко мне. Мой отъезд на фронт задержался, и я охотно помогал.

27 февраля я объезжал район с полицеймейстером генералом Григорьевым и начальником кавалерии подполковником Ржевским, а новый командир Измайловцев находился все время в канцелярии батальона и распоряжался там, войдя в курс командования. Мы не имели полной информации о том, что делалось в других районах города, а слухи были разноречивы.

Около 6 или 7 часов вечера 27 февраля мне было сообщено моим начальником полковником Павленковым, что он заболел и его заменяет лейб-гвардии Московского полка полковник

Михайличенко. Было сообщено, что неповиновение начальству обнаружено почти во всех частях и что единственная воинская часть осталась в руках начальства, — это Измайловцы, а поэтому мне приказывалось сформировать отряд из рот, не занятых охраной на заводах и в учреждениях особой важности и, придав отряду кавалерию подполковника Ржевского и артиллерию, находящихся в Измайловских казармах, привести этот отряд в Градоначальство, где находился командующий войсками округа. Тогда я переспросил: «Кому вести отряд, полковнику Уманец, как командиру, или мне?» Ответ был, — именно мне, полковнику Данильченко. Я предупредил, что надо накормить людей ужином, а кавалерии и артиллерии еще и накормить лошадей, на что уйдет около часа, прежде чем я смогу выступить из казарм.

Точно через час вся колонна моего отряда была выстроена в походной колонне на Измайловском проспекте, имея голову колонны у Измайловского моста. Измайловцы дали три роты, бывшие тогда дежурными «по вызову» на случай тревоги, и я взял из нашей учебной команды два наличных пулемета. Артиллерии я указал место в колонне между 2-й и 3-й ротами, а кавалерии в хвосте колонны. Командование батальоном из трех рот я передал полковнику Фомину.

Когда я был при отряде, полковник Павленков телефонировал в нашу канцелярию, что произошло изменение: отряд надлежит прибыть не в Градоначальство, а в Адмиралтейство, куда перешло все высшее начальство с генералом Хабаловым.

Далее мне было сообщено, что на первоначально намеченном мною пути по Вознесенскому проспекту, на углу Садовой улицы находится «засада». Я тогда приказал взять такой маршрут: Измайловский мост, затем налево, по набережной реки Фонтанки, и до первого Никольского переулка, там свернуть вправо и следовать мимо Никольского собора, затем по улице Глинки, мимо Марининского театра, далее через Поцелуев мост, по Конногвардейской улице к Адмиралтейскому проезду. Таким образом, минуя «засаду», я быстро привел отряд к воротам Адмиралтейства. Там, у ворот, я увидел группу офицеров, среди которых находился генерал в форме лейб-гвардии Павловского полка, которого я раньше не знал и не видал. Остановив отряд, я подошел к группе офицеров и спросил, кому я должен явиться. Генерал ответил: «Мне». Увидав здесь полковника Михайличенко, я переспросил его, и он подтвердил, что генерал Занкевич является нашим начальником, замещающим генерала Чебыкина. Тогда я рапортовал генералу, перечислив состав моего отряда.

Генерал Занкевич стал отдавать приказания, не объявив общей задачи: «Два орудия немедленно отправьте на Миллионную улицу, фронтом к Марсову полю, два орудия — на Певческий мост, два орудия — на Невский проспект, фронтом к Лавре, два орудия — на угол Невского проспекта и Морской улицы, на реке Неве — два орудия против биржи и два орудия — на Набережной, у Зимней Канавки».

Начальником артиллерии был у меня лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады полковник, если не ошибаюсь, Потехин, но помню только, что он был верхом и имел одну ногу ампутированной. Следуя в походной колонне при мне, он предупредил меня, что при погрузке орудий на платформы в Стрельне нижние чины ушли с вокзала и их спешно заменили новыми, из учебной команды, но он не ругается за их благонадежность. Следовательно генерал Занкевич, делая распоряжение о разброске моей артиллерии без офицеров по всем позициям, мог причинить моему отряду вред, доставляя возможность нижним чинам «вернуть орудия» против нас же. Кроме того, я должен был по уставу дать от пехоты «пехотное прикрытие к этим орудиям. Я понимал, что мой отряд «пока» в руках начальства, генерал Занкевич этого не считал, а потому я решил войти внутрь Адмиралтейства и явиться лично генералу Хабалову.

Являясь командующему войсками округа генералу Хабалову, я перечислил состав моего отряда, дополнив мой доклад сообщением о неблагонадежности нижних чинов артиллерии, и сообщил о том, что на орудия взято только по пять снарядов. Закончил я мой доклад генералу Хабалову заявлением, что приказание генерала Занкевича надо исполнить уже после того, как мы узнаем задачу отряда.

Хабалов вполне согласился со мною, что разбрасывать артиллерию нельзя, и сказал, что задача отряда — оборона Зимнего дворца.

Мне казалось странным — оборонять Зимний дворец, не находясь внутри дворца, а делая это из отдаленного Адмиралтейства, и я просил Хабалова дать мне разрешение на перевод всего отряда внутрь дворца.

Командующий войсками согласился со мною. Чтобы не держать пехоту на улице, я приказал ввести роты внутрь Адмиралтейства, где им пока построиться в коридоре. После этого, когда роты были введены внутрь здания, генерал Хабалов вышел к строю и, поздравившись с ротами, поблагодарил нижних чинов за верность Государю Императору. Затем я собрал старших начальников пехоты, артиллерии и кавалерии и в присутствии командиров рот объяснил им обстановку и задачу отряда. Конечно, я получил подтверждение об артиллерии. Потом я отдал приказ о переходе в Зим-

ний дворец, имея на то разрешение генерала Хабалова.

Из Адмиралтейства в Зимний дворец мой отряд следовал в прежнем порядке походной колонны. Перед выходом из Адмиралтейства мне сообщили, что там имеется 7 пулеметов, доставленных Кексгольмцами, но сами пулеметчики ушли и все пулеметы они успели испортить.

Когда мой отряд стал выходить на Дворцовую площадь, то я следовал за головной ротой капитана Есимантовского 2-го, а сейчас же за мною были все чины штаба генерала Хабалова с ним самим во главе. Там были: градоначальник, полицеймейстеры, генерал Занкевич и много других, всего человек около 60. Дух и спокойствие моих войск были образцовыми. Проходя мимо Александровской колонны, как памятника Императору Александру Первому, я громко поддал команду для отдания чести: «Господа офицеры!» Все повернули головы к стороне памятника, нижние чины, твердо ставя ноги на землю, отбивали шаг, а мы, офицеры, все, включая генерала Хабалова и его штаб, как и я, держали правую руку у головного убора. Чувствовалось, что отряд верных Государю Императору войск идет в его дворец.

Главные ворота дворца были открыты, и я ввел отряд внутрь.

Каравл на Главной гауптвахте, внутри дворца, был вызван для отдания чести командующему войсками округа.

Подойдя к платформе караульного района, я остановил мой отряд. Здесь же, около платформы, находилось много верховых, оседланных лошадей с коноводами, жандармами и конными полицейскими.

Караульный начальник, подпоручик лейб-гвардии Петроградского полка запасного батальона, подошел с рапортом к генералу Хабалову, рядом с которым был и я. Устав гарнизонной службы требовал от караульного начальника не впускать внутрь дворца вооруженную команду без особого приказа коменданта или высшего над ним начальника, поэтому я в присутствии генерала Хабалова передал караульному начальнику, что «ввозку отряд внутрь дворца по распоряжению командующего войсками округа для обороны дворца».

За 20 лет моей службы в лейб-гвардии Измайловском полку я по несколько раз в году бывал в карауле Зимнего дворца и хорошо знал расположение помещений нижнего этажа, а потому приказал пехоте временно расположиться в нижнем коридоре, около караульного помещения. Артиллерии мною было указано оставить против главных ворот два орудия «на позиции», а остальные орудия сохранить в резерве. Кавалерии — продвигнуться к второму дворику, где имелись прекрасные конюшни, и

быть тоже пока в резерве.

Затем мне предстояло разместить внутри дворца командующего войсками округа и его штаб в 60 человек. Из многочисленных придворных чинов дворца нашлся только один, придворный лакей, который меня встретил. Я приказал ему дать покои для высших чинов, и лакей повел нас во второй этаж и доложил, что имеется два больших покоя: один с отделкой «бордо», а другой — «голубой». Я ответил, что мне надо — где побольше телефонов и — быстро. Оказалось, что в «бордо» — 4, а в «голубом» — 3 телефона, и я занял оба покоя с 7 телефонами.

Затем я созвал высших чинов моего отряда и всех ротных командиров, приказав пехоте занять позицию во втором этаже, у окон, выходящих на Александровскую площадь. В это время мне сообщили, что прибыли войска, рота военного состава от лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка, под командой штабс-капитана Нарбут, который по собственной инициативе, видя в Царском Селе переход гарнизона на сторону революционеров, поездом доставил в Зимний дворец верных Государю Императору стрелков. Я вышел к этой роте, поблагодарил их за верную службу Государю и включил эту роту в мою оборону. Потом я пошел к главным воротам проверить расположение двух орудий на позиции, а затем вошел в самые ворота, чтобы предупредить часового на посту «у ворот», чтобы он звонком и телефоном докладывал о вновь прибывающих, но до моего разрешения никого не впускал бы.

Еще до моего выхода к воротам генерал Хабалов назначил меня комендантом обороны, о чем я сообщил караульному начальнику.

Выйдя из ворот, я увидел на Дворцовой площади два подтхавших автомобиля. Из первого вышел Великий Князь Михаил Александрович. Я встретил Великого Князя, доложил ему о моей задаче и проводил его внутрь. Великий Князь сообщил мне, что он хотел выехать за город, в Гатчину, но революционеры его не выпустили. Потом мне предстояло обойти наружные посты караула и там несколько постов перевести внутрь, так как, по заявлению караульного начальника, на двух наружных постах часовые были ранены.

Закончив поверку обороны, я приказал телефонировать в Измайловские казармы о доставке в Зимний дворец нашей патронной двучколки и походных кухонь. Одновременно я приказал, по другим телефонам, сообщить всем особам Императорской Фамилии и министрам, что я приглашаю их в Зимний дворец под мою охрану. Сам я пробовал соединиться дворцовым проводом с Царским Селом для предложения Государыне Императрице защиты, но этот про-

лод мне не соединили, так как революционеры им уже завладели.

Генерал Занкевич, являясь начальником штаба генерала Хабалова, торопил меня написать «диспозицию обороны» и только после окончания обхода мною всех позиций я смог продиктовать диспозицию Измайловцу поручику Толстому. После объяснения обстановки и задачи отряда, я перешел на перечисление моих главных сил: пехота — полковник Фомин, командир батальона. Состав: три роты лейб-гвардии Измайловского полка и одна рота лейб-гвардии 2-го Царскосельского стрелкового полка и 2 пулемета лейб-гвардии Измайловского полка. Задача — оборона на позициях, мною указанных. Артиллерия: 2 орудия на позиции против главных ворот. Кавалерия — в резерве. Но генерал Занкевич советовал мне разместить эскадроны у ворот «Проезда», высылая эскадроны галопом наружу для рассеяния толпы, убеждая меня, что это будет «очень эффективно». Тогда я переспросил генерала: «А что же дальше?» На это он ответил: «Пусть рассеиваются, вернее — расплывются». Я сказал, что толпы нет.

Затем я диктовал в диспозиции: резерв: сюда я поместил всю мою кавалерию и от артиллерии те орудия, которые не были на позиции. В это время мне было сообщено по телефону, что ротный командир лейб-гвардии Егерского полка просит разрешения прибыть ко мне с его ротой в Зимний дворец. Я ответил, что буду ожидать его, зачисляю роту в «резерв» и числю «в ожидании». Полковник Павленков сообщил мне, что ему телефонировал лейб-гвардии Преображенского полка полковник Кутепов, который с батальоном Преображенцев следует ко мне, пробиваясь на углу Литейного проспекта и Кировой улицы. Тогда я приказал поручику Толстому показать в моем резерве еще и батальон лейб-гвардии Преображенского полка под начальством полковника Кутспова, но пока числить его не прибывшим.

В это же время мне сообщили, что только что телефонировал из Государственной думы Родзянко, приглашая меня в думу. Я приказал ответить, что я туда не поеду, и чтобы он сам явился ко мне.

С наружного поста «у ворот» мне телефонировали, что прибыл военный министр генерал-лейтенант Беляев, и я пошел его встретить. Генерал Беляев, еще будучи полковником Генерального штаба, «для ценза» командовал 4 месяца в Измайловском полк батальоном, а потом бывал в полку и знал меня лично, как секретаря «Измайловского досуга». Министра я встретил в воротах и, провожая его внутрь дворца, услышал от него: «Вы, Петр Васильевич, были у Государя Императора, и Его Величество повелел исполнить ваше ходатайство о

спасении от разрушения полкового собора Измайловцев».

После того как генерал Беляев встретился во дворце с генералом Хабаловым, оба они отправились наверх, в помещение, где находился Великий Князь Михаил Александрович. Когда же генерал Хабалов вернулся от Великого Князя, я просил его разрешения вызвать к нам юнкеров Константиновского артиллерийского училища для замены артиллеристов из Стрельно и батальон от 1-го военного Павловского училища, но Хабалов отказал, ссылаясь на запрещение Государя Императора вызывать военных училища.

Пока все шло благополучно, но генерал Хабалов передал мне странное приказание: «увести из Зимнего дворца все мои войска и опять вернуться в Адмиралтейство». Я был настолько ошеломлен этим приказом генерала Хабалова, считая это преступным, что переспросил: «Как — в Адмиралтейство?!» Командующий войсками округа добавил: «Да, Великий Князь Михаил Александрович не хочет допустить кровопролития здесь, во дворце». Тогда я задал вопрос Хабалову: «Как же нам продолжать оборону дворца, не находясь в нем?» Генерал, вероятно, понял меня и сконфуженно пояснил, что распоряжение Великого Князя — для него повеление. Я был вполне спокоен и заявил, что это — капитуляция перед революционерами, добавив, что мы, Измайловцы, пришли сюда для защиты Государя Императора, и вы же назначили меня комендантом обороны для собирания верных Государю войск.

Хабалов замолк и ушел.

Потом, вероятно посоветовавшись с генералами Беляевым и Занкевичем, он вернулся и задал мне вопрос:

«Можете ли вы взять Петропавловскую крепость?»

Это вопрос удивил меня еще больше: зачем нам в такой момент, с крошечными силами пехоты, имеющей только по 15 патронов на винтовку, и без артиллерии, штурмовать Петропавловскую крепость, бросив ту «цигадель», куда должны стекаться верные Государю Императору войска? Я спросил Хабалова: «Какие у вас сведения о положении в Петропавловской крепости?» Командующий войсками округа ответил мне: «В крепости свыше 10 тысяч воставших и арсенал разграблен».

На это я доложил, что от боевой задачи я не отказываюсь и поведу войска по льду реки Невы, но имея на винтовку по 15 патронов и без помощи артиллерии, крепости мы не возьмем, придется всем умереть, не принеся никакой пользы родине. А главное мы лишимся «штадели», куда я ожидаю прибытия войск».

Генерал настаивал, и я решил воспользовать-

ся законным правом созыва « Военного совета ». Хабалов согласился.

На Военный совет я пригласил трех генералов: военного министра генерала Беляева, генерала Хабалова, как командующего войсками округа, и генерала Занкевича, как начальника штаба генерала Хабалова. Конечно, и я, как комендант обороны Зимнего дворца, тоже вошел в состав Военного совета.

На заседании Военного совета я доказал неспособность задачи штурмовать Петропавловскую крепость, и штурм Военным советом был отменен.

После этого генералы Беляев и Хабалов спать пошли к Великому Князю с докладом.

Вернувшись от Великого Князя генерал Хабалов подтвердил требование перевести войска обратно в Адмиралтейство, и я должен был подчиниться этому распоряжению, приказав полковнику Фомину вести войска.

Еще до отдачи этого приказа я спросил генерала Хабалова: « Как объявить офицерам и нижним чинам наш уход из Зимнего дворца? » На это он ответил: « Скажите им, что там больше выходов ». Я возразил: « Мы пришли сюда готовые умереть, а не искать большого количества выходов ».

Исполняя повеление Великого Князя, войска начали уходить, и вид у всех, у офицеров и у

нижних чинов, ранее бывший бодрым, сменился на грустный...

Я сел на диван, чувствуя полное переутомление. На минуту я забылся, а потом мне пришла в голову преступная мысль: остановить мои роты, вызвать генералов Беляева, Хабалова и Занкевича и арестовать их, а самому встать во главе войск... Но тогда пришлось бы арестовать и Великого Князя Михаила Александровича, родного брата Государя Императора... Этого выполнить я не смел, ибо во дворце он являлся представителем Императорской власти.

Я обратился к генералу Хабалову с последним вопросом:

« Ваш приказ об оставлении дворца исполняется. Следовательно, моя должность коменданта обороны закончилась. Разрешите мне сдать командование отрядом лейб-гвардии Измайловского полка полковнику Фомину, а самому пойти в лазарет для медицинской помощи ». « Да, идите », — ответил генерал Хабалов, и я передал отряд полковнику Фомину.

Как я узнал потом, в Адмиралтействе никакой обороны не проявлялось, а по приказанию военного министра на следующее утро было отдано распоряжение, — оставить оружие в Адмиралтействе и одиночным порядком расходиться по своим казармам.

Полковник Данильченко

Воспоминания о полковом комитете



Одним из первых « завоеваний революции » в области военной было учреждение полковых и высших комитетов, состоящих из представителей офицерского и солдатского состава. В принципе, эти комитеты имели сравнительно узкую сферу деятель-

ности, которая ограничивалась наблюдением за хозяйственным управлением полка и регулированием взаимоотношений между офицерским и солдатским составом части, на практике же

эти комитеты часто вмешивались в иные, вовсе их не касающиеся области, и зачастую приносили немалый вред.

Смотря объективно на вещи и исходя из положения, что с существованием комитета нужно было считаться, как с печальным, но реальным фактом, надо признать, что полковой комитет Кирасир Его Величества держал себя почти до самого конца существования полка в границах дозволенного и даже неоднократно проявлял полковой патриотизм, решительно становясь за офицером полка, когда командному составу грозили неприятности за решительные действия по разоружению бунтующих украинских частей и эшелонов в Киеве и на пригородных станциях и по поддержанию порядка

на станции Киев. И в многих других случаях полковым комитетом было проявлено полное понимание своей ответственности и приняты благие меры по поддержанию порядка.

Так было, например, при появлении в полку отъявленнейшего негодяя-агитатора, бывшего кирасира 4-го эскадрона, присланного в полк комитетом команды, состоящей при слабосильных лошадях в Луге. Этот субъект явился в комитет передать «товарищеский привет» совершенно распропагандированной Лужской команды и стал говорить зажигательные речи, восстанавливая кирасир против командного состава и призывая их к неповиновению.

Выступления эти были встречены комитетом неодобрительно, что привело агитатора в ярость, и он, зарвавшись, начал поносить и самый комитет, говоря, что не признает его, а признает лишь «волю народа 4-го эскадрона», к каковому пригрозил непосредственно обратиться. Я, разумеется, не преминул воспользоваться этой оплошностью опасного, но глупого агитатора, и заявил, что пользующийся доверием полка, им избранный полковой комитет не может допустить оскорблять себя и тем самым весь полк каким-то представителем тыла и предложил принять немедленные и энергичные меры к его обузданию. А так как взбешенный агитатор не унимался и грозил расправой с комитетом при помощи «народа 4-го эскадрона», я внес предложение немедленно арестовать его и под конвоем доставить обратно в Лугу, что было комитетом одобрено и тотчас же приведено в исполнение, лишив таким образом этого негодяя возможности войти в столь желанный им контакт с «народом».

Как и нужно было ожидать, в председатели полкового комитета был избран не офицер, а простой кирасир, что было лестно для солдатской массы. Характерно, что это не был какой-либо боевой старый кирасир, а ничем с полком не связанный, только что, за две недели до того зачисленный в полк какой-то говорун из писарей, некий Васильев. В помощники же председателя, как того нужно было ожидать, был избран, что тоже было лестно для солдатской массы, офицер, — ротмистр Шапрон-дю Ларре.

Это определенное желание иметь председателем полкового комитета солдата, а его помощником офицера, подтвердилось и впоследствии. По отъезде ротмистра Шапрона, на его должность был тотчас же избран я, и если впоследствии я же оказался избранным и в председатели, то это избрание носило случайный характер и, как это будет видно, против общего желания комитета, который меня из председателей выжил, но тотчас же, и единогласно, избрал снова на должность помощника председателя.

Первый председатель полкового комитета — Васильев, человек был в общем чепухой, но малосимпатичный, и главное — абсолютно чуждый кирасирской среде, никогда не воевавший, настоящий статский, с явными демократическими замашками, и было тягостно видеть такого постороннего, чужого человека, что-то решающего в полковой семье, которую всегда представлял собой Кирасирский Его Величества полк. К сожалению, падение этого председателя произошло при обстоятельствах, в которых этот чуждый и скорее враждебный элемент встал открыто на поддержку офицера полка, против которого неожиданно началось глупейшая, ни на чем не основанная травля.

Совершенно невероятно, из-за какого вздора может возникнуть инцидент и какую глупость может проявить масса, нормально спокойная, разумная и дисциплинированная, но выбитая из обывденной колеи обстоятельствами. На этот раз сыр-бор разгорелся из-за того, что вызванный в район гор. Киева для поддержания порядка полк имел ежесдневный наряд на вокзал, и командир полка отдал распоряжение, чтобы дежурные части на вокзале носили бы, для опознания их публикой, нарукавную повязку, и предложил заведующему хозяйством полковнику князю Абамелику озоботиться покупкой материи для таковых. Материя была куплена и повязки сделаны, но... кирасиры не только отказались их надеть, но и потребовали удаления полковника князя Абамелика, обвиняя его в контрреволюционной деятельности.

Повязки оказались сделанными из зеленой материи, а по сведениям кирасир, зеленый цвет был цветом... кадетской партии, в каковую их якобы таким способом, злонамеренно и против их воли, записывали. Сделано же это было якобы князьями полковника князя Абамелика, удаления которого и требовала соответствующе распропагандированная солдатская масса.

Как все это ни было нелепо, как ни был сам князь Абамелик ни при чем в самой покупке материи, так как чины хозяйственной части подтвердили, что князь, посылая покупать материю, предоставил на усмотрение покупателей выбор цвета таковой, ничто не могло подействовать на тупую, враждебно настроенную массу, стоявшую на своем и требовавшую, чтобы дело было бы разобрано полковым комитетом. Тут-то председатель Васильев, возмущенный вздорностью и нечестностью предъявленных обвинений, решительно восстал против них и стал на защиту князя Абамелика, сыграв решающую роль в полном обелении комитетом действий князя. Но тем самым Васильев восстановил против себя часть полкового комитета, потребовавшую немедленных перевыборов председателя. Я тогда заявил, что полностью поддерживаю образ действий председателя, от-

казываюсь от должности помощника председателя и от выставления своей кандидатуры, в дальнейшем, на какую-либо должность в комитете. Но так как раздался голоса, что такое мое уклонение является демонстрацией нежелания совместной работы офицеров с полковым комитетом, мне пришлось свой отказ взять обратно.

Возник вопрос, каким способом произвести выборы президиума?

Не мудрствуя лукаво и без малейшей задней мысли, желая по возможности сократить церемонию баллотировки, так как я спешил на поезд для поездки в Петроград, я предложил, чтобы каждый написал записку с тремя именами. Лицо, получившее, таким образом, наибольшее число голосов, являлось бы председателем, двое же следующих по числу голосов стали бы, соответственно, первым и вторым товарищами, председателя. Предложение было принято единогласно. И тут произошла вещь, ясно доказывающая, чего стоят выборы вообще: кандидатами в председатели фактически были два лица: старый председатель Васильев, за которого стояла еще приблизительно половина членов полкового комитета, и отвратительнейшая личность, некий Симонов, тоже, конечно, ничего общего с боевыми кирасирами не имеющий, представляющий из себя революционный элемент, который все мучил и был во главе членов комитета, действовавших против князя Абабелюка, и потребовавший смещения Васильева. И голоса членов комитета разделились почти поровну между этими двумя кандидатами с небольшим преимуществом в пользу Васильева. Все же члены полкового комитета желали переизбрания в помощники председателя меня, хотя абсолютно никто не согласился бы видеть меня своим председателем.

Что же получилось? Каждая записка несла в себе имя либо Васильева, либо Симонова, но зато КАЖДАЯ, БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ, несла и мое имя. Результатом чего было то, что в председатели полкового комитета был ЕДИНОГЛАСНО (кроме моего голоса) избран я, НИКОМУ НЕ УГОДНЫЙ, в первые помощники — бывший председатель Васильев и вторым помощником — революционный вожак Симонов. Оглашение результатов баллотировки, как ушатом холодной воды, обдало весь полковый комитет.

Но дело было сделано, и я поспешил закрыть заседание, торопясь в Киев, на поезд, который должен был везти меня в Петроград, куда я ехал, чтобы принять участие в выступлении против правительства Керенского совместно с корпусом генерала Крымова, который должен был наступать на столицу из района станции Дно. Как известно, крайне слабо подготовленное выступление Верховного Главнокомандую-

щего генерала Корнилова окончилось полной неудачей. Сам генерал Корнилов был арестован, части генерала Крымова, направлявшиеся в Петроград по железной дороге, были остановлены в пути революционно настроенными железнодорожниками и рассыпались, в то время, как генерал Крымов, потрясенный постигшей его неудачей, не то застрелился, не то был застрелен одним из адъютантов Керенского. По всем этим причинам всоруженного выступления в Петрограде, в котором я должен был принять участие, не произошло, и я поспешил обратно в полк.

Приехав туда, я узнал, что моя поездка в Петроград ставилась членами полкового комитета в связь с выступлением генерала Корнилова, и говорилось, что я ездил не в столицу по делам полка, а в Ставку, принять там должность адъютанта Верховного Главнокомандующего. На заданный мною, смеясь, одному из членов комитета вопрос, правда ли, что меня обвиняют в поездке в Ставку с контрреволюционными намерениями, я получил ответ: «Никак нет, не обвиняют, а только подозревают».

Ложному положению, усугубляемому тем обстоятельством, что я был председателем полкового комитета, нужно было положить конец, а потому, собрав комитет, я заявил, что до меня дошли слухи, распускаемые по поводу моей поездки якобы в Ставку, но я должен сказать, что в Ставке я не был, и это может быть подтверждено одним кирасиром, состоящим при Ставке, которого я видел проездом через Могилев на вокзале и с которым разговаривал, почему я и предлагаю желающим задавать мне вопросы, касающиеся моей поездки, на которые я готов с удовольствием ответить. Так как все обвинение заключалось исключительно в моем пребывании в Ставке, при генерале Корнилове, мне ничего не стоило его опровергнуть, и полковой комитет единогласно постановил: «считать инцидент исчерпанным».

Можно было думать, что в должности председателя полкового комитета мне будет легче, чем прежде, направлять деятельность комитета по правильному пути, но не тут-то было! Любое мое выступление неизбежно нарывалось на немедленное возражение и противодействие со стороны моих помощников, в особенности Симонова, который оспаривал любое мое предложение и подрывал любое начинание, как бы невинно и полезно оно ни было. Ясно чувствовалось, что почти все члены полкового комитета, личные отношения коих ко мне были в большинстве случаев прекрасными и благожелательными, тем не менее относятся неодобрительно и недоверчиво ко мне, как к председателю комитета.

В один прекрасный день, явившись в комитет на назначенное заседание, я был удивлен,

не найдя в «зале заседаний» ни одного кирасира. Выяснилось, что они все собрались самостоятельно, в другом помещении и что-то там решают, в отсутствие членов комитета — офицеров. Было ясно, что что-то затевалось... Не долго пришлось предаваться догадкам, так как вскоре все отсутствующие явились скопом и по открытии заседания сразу же подали заявления о желательности перевыборов президиума. На этот раз, разумеется, стали выбирать на каждую должность в отдельности. Результат не замедлил сказаться: значительным большинством голосов оказался избранным председателем демагог Симонов, тогда как я, помимо офицерских голосов, получил всего лишь ОДИН единственный голос. Выборы первого товарища председателя дали... меня, избранным ЕДИНОГЛАСНО. Вторым товарищем председателя был избран бывший председатель Васильев.

Стало вполне очевидным, что со стороны членов полкового комитета не было ни малейшего недоброжелательства ко мне лично, но налицо было общее нежелание иметь меня во главе комитета, на месте, которое «по праву» (!) принадлежало представителю от нижних чинов.

Передав председательствование вновь избранному Симонову, я стал ждать событий. Очень скоро мне пришлось удивиться: среди бумаг, находившихся в председательской папке, имелась клеузническая бумаженка, присланная каким-то железнодорожным комитетом. Дойдя до этой бумаги и прочитав ее, Симонов вдруг спросил у меня, как с нею поступить. — Решать вам, — получил он от меня в ответ.

— Но если бы вы были председателем комитета, — настаивал Симонов, — как бы вы поступили?

— Если это вас интересует, пожалуйста, — ответил я. — Я бы ее порвал и бросил в корзину.

Ни слова ни говоря, Симонов порвал бумагу и отправил на дно корзины. И так продолжалось и дальше: при обсуждении любого вопроса, представлявшего малейшее сомнение, Симонов неизменно спрашивал мое мнение и поступал образно с таковым.

Налицо был форменный парадокс: во время моего председательствования я буквально не мог открыть рта, не нарываясь сразу же на злонамеренную, принципиальную оппозицию; давши же таковое и оставаясь лично в тени, я начал в полном смысле слова управлять комитетом. Объяснялось это очень просто: новый председатель комитета и его второй помощник ненавидели друг друга и ждали только удобного случая, чтобы свернуть один другому шею. Второй помощник председателя прекрасно понимал, что при создавшемся положении

вещей малейшего к нему недоброжелательства с моей стороны будет достаточно, чтобы позволить председателю его точно же ликвидировать. Но положение и самого председателя не было достаточно прочно, чтобы устоять против совместных усилий своих обоих «товарищей», и он, как человек не глупый, понимал, что из чувства самосохранения ему необходимо заручиться моим благорасположением. Таким образом, совершенно неожиданно для самого себя я явился полным хозяином положения и фактическим руководителем комитета.

Нужно сказать, что состав полкового комитета был умеренный и вполне терпимый. Помимо безусловно отрицательного элемента в лице Симонова, был еще один чрезвычайно вредный, злобный и явно настроенный против офицеров один из представителей 4-го эскадрона и приходилось все время опасаться каких-либо выходов с его стороны. Остальные же, если и не могли, конечно, быть причислены к «элите» полка, далеко до этого, не могли все же считаться вредными и с ними была полная возможность сговориться.

Заседая также и в дивизионном комитете, в котором собирались представители всех полков дивизии, я мог на деле убедиться, что представители кирасир Его Величества, даже являющиеся худшим элементом полкового комитета, все же держали себя много тише и приличнее представителей других частей. На одном из заседаний дивизионного комитета представители одного из полков резко выступили против своих офицеров, обвиняя некоторых из них в посябничестве противнику, выразившемся в запрещении стрелять по немецкому аэроплану, который должен был бы иначе быть неминуемо сбит. Одного из своих офицеров «оратор» не постеснялся при этом обозвать «идиотом».

Чаща моего терпения была переполнена! Вскочив и ударив отстегнутой шашкой по поплицу (заседание происходило в одном из классов Киевского университета), я потребовал, чтобы председатель (солдат) немедленно лишил бы обнаглевшего «оратора» слова и принес бы извинение за допущенное им оскорбление офицерского имени, пригрозив в противном случае немедленно покинуть заседание и заявив, что впредь ноги представителя офицеров кирасир Его Величества здесь не будет.

Ввиду того, что председатель, оторопев, не принимал никакого решения, я, а за мною и представитель офицеров затронутого полка, немедленно направились к двери при необычайном возбуждении и гвалте всех присутствующих. Среди общего шума мне запомнился выкрик: «Придется напомнить господам офицерам, что такое Варфоломеева ночь!» Чего больше, чтобы охарактеризовать обстановку!!!

Не успев еще дойти до выхода, мы бинуем

остановлены председателем комитета, который принес требуемое извинение и заверил, что повторения подобной выходки он не допустит.

Но чего можно было ожидать при переживаемых условиях, когда разруха и разъединение были всюду и во всем? При происшедшем инциденте представители двух полков дивизии, оба — доблестные офицеры, не последовали моему примеру, оставшись на своих местах, сочтя, очевидно, несвоевременным создавать возможные осложнения в своих собственных полках...

Наш полковой комитет еще долго не поддавался разложению, но события шли своим чередом, все рассыпалось, и однажды комитет дошел до обсуждения и осуждения действий временно командующего полком полковника Сахновского.

Я тотчас же вышел из состава комитета и несмотря на все уговоры остался при своем решении. А короткое время спустя был конец...

Полк расформировался...

Князь Игорь Черкасский

С Амура на Дунай

Трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса

Выдержки из записок ротного командира корпуса полковника Николая Цесаревича Груздинского

«Дальний Восток был присоединен к России в 1860-61 гг. По границе с Китаем врезались в тайгу, раскинулись казачьи станицы по левому берегу Амура, по правому — Усури, по узкой и глубокой, утонувшей в своих берегах и притихшей в болотах, извилистой, как змея, Сунгаче, что из озера Ханка вытекает. На другой стороне этого громадного озера вырос поселок Камень-Рыболов, возле широкой, плоской скалы с впадиной, в которую волны забрасывали рыбу. Каменное дно у озера, не очень оно глубоко, и если на пути буря захватит караван груженных барж, они, как орехи, разбиваются об дно. Во всех местах богатого края строились кирпичные казармы и другие военные и казенные здания, прибывали войска, просекались дороги. Хабаровск и Владивосток (около 600 верст связала Усурийская железная дорога. Край развивался и богател. «Вот здесь, где эта лестница спускается к воде, — говорил мне, малышу, двоюродный дед, брат бабушки со стороны матери, гуляя со мной по высокому берегу Амура и указывая на деревянные ступени крутой, длинной лестницы, — здесь, недалеко от базара и был стан Хабарова. Тут он валы насыпал, пушки поставил, из бревен кедровых стены сложил. По его имени и город назвали Хабаровском».

Двоюродный дед мой, Виктор Федосеевич

Скольников, брат моей бабушки со стороны матери, весь север сибирский исходил и изъездил на оленях и на собаках. Мамонта искал, золотоносные жилы, карты чертил для Географического общества, коллекции собирал для естествоиспытателей. Один его мамонт стоит в Корслевском британском музее. Слышал я маленьким, что мамонтово мясо можно было есть, так хорошо оно сохранилось во льдах тундры. У бабушки, в Хабаровске, в скромной гостиной стоял большой клык мамонта и возле него лежал причудливый самородок. Дед мой, муж бабушки, в 1880-х годах служил в Якутске в казенной палате, а через Якутск все пути проходили, водные и оленьи, отсюда на перевал к Охотскому морю и Хабаров проходил. Здесь он снаряжался, пушки получал и матерьял военный. В архивах палаты хранились грамоты разные и документы того времени. У нас в Архангельске все знают дом Хабарова. Его жене Царь содержание от казны приказал выдавать, чтобы безбедно жила. Хабаров на Амуре город построил. Царь благодарил, сдсдал его своим полковником и приказал воеводам всякую помощь ему оказывать».

Так рассказывал уже в Аргентине некто Проня, сын раскулаченного помора, баркасы которого ходили и за промыслом, и по торговым делам в самую Печору. Спасаясь от преследования чекистов, Проня «втерся», благодаря своему сильному тенору, в группу украинских артистов, с ними два раза побывал в городах Дальнего Востока и два раза в Хабаров-

ске. Во время войны Проня удачно «смылся» с немцами.

В 1888 году, распоряжением генерал-губернатора Приамурской области, командующего войсками округа генерала Гродекова, в Хабаровске была основана подготовительная для Омского кадетского корпуса Хабаровская школа для детей военнослужащих. За отсутствием в то время дороги школьники возили в Омск сначала на почтовых и только от Иркутска ехали поездами.

Хабаровская школа фактически зародилась в семье офицера штаба округа Дмитрия Павловича Мартьянова. Жена его, Анна Цезариевна, урожденная Грудзинская, московская институтка, видя безвыходное положение родителей, обремененных заботами о детворе, стала давать уроки у себя на квартире. Детвора собиралась с радостью, родители вздохнули свободнее. «Школа» разрасталась, Анне Цезариевне стала помогать Серафима Ивановна Крузе, имевшая высшее образование. Обе они вошли затем преподавательницами в основанную Хабаровскую школу. Командующий войсками генерал Гродеков, задумав основать школу, обратил внимание на семью Мартьяновых, обменивался своими мыслями с Дмитрием Павловичем, обсуждал детали. В чине подполковника Д.П. Мартьянов был назначен директором Хабаровской школы, из которой и вырос Хабаровский кадетский корпус.

В списках педагогического персонала школы мы находим фамилии Мартьянова, Крузе (преподавательница). Среди офицеров-воспитателей, они же и преподаватели, были Крузе, Плешков, Грудзинский. Законоучителем был протоиерей Аркадий Прозоров, в революцию замученный большевиками в Николаевске на Амуре. Евгений Борисович Крузе, в чине генерал-майора бывший потом начальником штаба Уссурийского казачьего войска, замучен большевиками в 1922 году.

30 апреля 1900 года школа была переименована в Хабаровский кадетский корпус. У нас говорили: «Царь за 10 тысяч верст отсюда о нас думает, нам верит». Корпус просуществовал до 1 мая 1918 года, дав России многих носителей здоровых основ, верных и честных офицеров, чтущих Царя, церковь и родину. После 1 мая 1918 года местный совдеп постановил закрыть корпус окончательно, детей отослать к родителям, а сирот передать в местный приют для беспризорных. Нужно вздуматься в душевную трагедию, которую должны были пережить эти сироты, чьи отцы сложили свои головы в японскую и мировую войны... Царь приказал принять их в корпус, где они воспитывались в здоровой обстановке. Потом, когда атаман Калмыков занял город и приказал возобновить занятия в корпусе, неумудрено, что

некоторые из наших кадет вернулись в корпус из приюта с приобретенными там недостатками и привычками, недопустимыми в корпусе. Некоторые счастливицы, взятые сердоложными жителями города в свои семьи, были тем самым спасены от дурных влияний приюта. Были и такие, которые бежали и превратились в искателей приключений.

Войска атамана Калмыкова заняли город неожиданно, причем часть его отряда подошла к городу в вагонах, которые остановились в поле, и сибирские лошади (маштаки) прямо из вагонов прыгали на дорогу. Сотник Михайловский с несколькими вагонами подошел к самой станции и открыл пулеметный огонь по стоящим там красным эшелонам. Большевики в панике бежали, а утром жители увидели на улицах города пикеты казаков. Затем подошли японцы. Выдвинув заставы за Амур, атаман Калмыков принял за устройство дел в городе, и деректору корпуса было приказано немедленно собрать воспитанников и приступить к занятиям. Для окончивших корпус атаман Калмыков решил открыть при корпусе военное училище, начальником которого был назначен директор корпуса, а его помощником Н.П. Грудзинский. За недостатком места в училище было принято всего 22 человека, и 20 октября 1918 года были начаты занятия. В апреле 1919 г. училище посетил для инспекции генерал Соколов, начальник штаба командующего войсками генерала Хорвата. Осенью 1919 года все конкера по окончании курса были произведены адмиралом Колчаком в хорунжие, и училище развернулось в сотню.

13 февраля 1920 года, в 4 часа утра, отряд атамана Калмыкова покинул город, идя навстречу своей гибели.

Русский Остров. Эвакуация в Шанхай

В октябре 1920 года все хабаровцы были собраны в казармах 35-го полка, на Русском Острове. 150 человек уже находились там с инспектором классов генералом Корниловым, а полковнику Мартьянову удалось вырваться из Хабаровска с последним эшелонном уходящих японцев. Он привез во Владивосток кадет и некоторое корпусное имущество.

Во Владивостоке корпус замаскировался под «школу». В левом тогдашнем правительстве Владивостока был сначала командующим войсками эс-эр генерал Болдырев. Он помог корпусу. Но вскоре красная Чита назначила на его место матроса Лепехина, и для корпуса начались тяжелые дни.

26 мая 1921 года Каппелевцы произвели переворот, к власти пришло правительство во главе с Меркуловым, а командующим войсками стал генерал Вержбицкий. Наша «школа 2-й

ступени» опять стала корпусом. Для удобства размещения корпус был переведен в бухту, в казармы 36-го полка. Над зданием был поднят национальный флаг.

Летом 1922 года в правительстве начались налады. Произошел раскол и в военных кругах: генерал Глебов и моряки, то есть вице-адмирал Старк, стояли за Меркулова, вернее — не соглашались на смену власти революционным путем, а Каппелевцы требовали немедленной отставки братьев Меркуловых. Само правительство тоже раскололось: Еремеев, Адерсн и Марков вышли из его состава. Можно было ожидать столкновения обеих белых групп.

Тем временем бои с красными продолжались и в лазарет корпуса были доставлены раненые наши кадеты. Всем им были предоставлены все удобства и обеспечен отличный уход. Все они поправились.

Преобразованное правительство по главе с генералом Дидерихсом, принявшим титул «воеводы», назвало вооруженные силы «народной ратью». Воевода отдал приказ, в котором говорил, что японцы решили эвакуироваться и что местность от Имана до Никольска-Уссурийска ими уже оставлена и там стоит на страже «народная русская рать», готовая лечь костями, но не пустить красных в наш цветущий Южно-Уссурийский край.

К концу сентября выяснилось, что «народная рать» не выдержала напора красных и начались разговоры о возможной эвакуации. При штабе существовал тогда отдел, ведавший учебными заведениями, во главе которого стоял генерал Шаловин. Судьба корпусов генералу Шаловину была, по-видимому, безразлична, как и начальнику штаба воеводе, да и самому воеводе. Числа 16-17 октября прибыл в нашу бухту 36-го полка вице-адмирал Старк. Когда все кадеты и служащие были собраны в столовой, он сказал им: «По ходу военных действий и как следствие неожиданной позиции японцев, наша армия должна будет отойти к границе. На Владивосток она не пойдет, но я приму все меры, чтобы эвакуировать на судах все военные учреждения и кадетские корпуса». К сожалению, адмирал Старк решительно отказался взять младшую роту корпуса, которая, как сказал он, будет передана в Омский корпус до разбора детей родителями.

Было указано, что 22 октября мы должны со всем своим имуществом быть на берегу и ждать прихода судна, которое нас заберет. Мы принялись готовиться к отъезду. Генерал Корнилов говорил нам, что возможно мы пойдем на судах в Посет, а оттуда дальше, походным порядком, в Хунчун, в Китай. Нам сказали, что надо рассчитывать только на свои силы, ибо подвод не будет, а потому рекомендуется брать только ручной багаж. Решили все же брать

все, так как выбросить можно будет и в Посете. Кадетам было роздано по две смены белья, третья на себе, были пригнаны шинели, розданы одеяла, взяты лучшие сапоги. Были взяты и учебники из расчета по две книги на каждого, так чтобы для класса получился бы полный комплект. Вещи из цейхаузов были затюканы, взяты были и матрасы, и все имущество было свезено, а большей частью перенесено кадетами на берег к указанному сроку.

Оставались во Владивостоке подполковник князь Чегодаев, подполковник Манковецкий, секретарь Снопов, бухгалтер Супранович, преподаватель Городеув, священник Козловский и библиотекарь Карпенко. Оставались все они в силу семейного положения, по старости или по болезни и ожидали всяких ужасов.

Тем временем Владивосток забастовал и связь с ним прервалась. 23 октября 3-я рота была передана в Омский корпус. Остальные все сидели на берегу и ждали. В первую ночь моросил дождь.

24 октября (11-го по старому стилю) отместили храмовой праздник корпуса молебном под открытым небом. Праздник был грустным, с нетерпением ждали обещанных спасительных кораблей. Раннее утро 25-го не принесло ничего нового. Вдруг около 9-10 часов показались верхушки мачт. Громкое «ура» вырвалось из груди кадет.

Три судна прошли мимо нас в бухту 35-го полка. Директор корпуса генерал Корнилов поплыл туда на лодке. Оказалось, что контр-адмирал Безуар был смущен количеством людей и вещей. Он считал, что суда его и так уже перегружены, и поэтому отказался взять всех. Возмущенный генерал Корнилов крикнул ему: «Корпус ожидает выполнения обещаний адмирала Старка!» «Здесь я распоряжаюсь, а не вы! Я не могу взять всех!» в рупор отвечал Безуар. «Берите всех или никого! Если вы не возьмете нас, в истории будут записаны позорные строки: «Адмирал Безуар бросил хабаровских кадет на растерзание красным бандам». Это проняло. Безуар крикнул, что он пришлет катер «Воеводу» и что не позже, чем через полчаса, все должны погрузиться на корабли.

Это было выполнено. Сначала перевезли кадет и служащих, потом часть вещей. Многие были брошены. Через полчаса, последним рейсом, «Воевода» подошел к кораблям, но оттуда последовало распоряжение: «Не выгружать ни пассажиров, ни вещей!» На «Воеводе» оказались директор с женой и сыном, подполковник Яковлев с женой, доктор Цеханович с тремя ранеными юнкерами, священник Никольский, полковник Грудзинский с женой и несколько оставшихся кадет, деятельно помогавших при погрузке.

С кораблей с нами разговаривали неприветливо, грубо начальственно, с криками и бранью. Особенно выделялся мичман Михайлов, перешедший впоследствии к большевикам. Суда были действительно перегружены, а наш ничтожный «Воевода» казался простой лодкой в сравнении с другими кораблями. Обогнув остров, мы увидели всю эскадру, шедшую вместе. Погода нам благоприятствовала, и мы благополучно пришли в Посьет, где должны были ждать дальнейших распоряжений относительно эвакуации.

Размещены мы были на судах плохо. 2-я рота попала на «Взрыватель», 1-я тоже на военный корабль. Отношение к нам было до удивления грубое. На «Воеводе» команда морской пехоты и конвой заняли все диваны в каюте, и нашим раненым было предоставлено только сидеть в каюте на палубе. Каждый устраивался как мог. Толстый доктор Пеханович забирался спать под стол. В Посьете начальствовавший над войсками отряда генерал Молчанов запретил какие-либо высадки, но пользуясь стонкой мы все же снабдили роты провiantом.

Затем последовало распоряжение: «Всем судам следовать за кораблем адмирала!» и мы тронулись. Вскоре выяснилось, что суда имеют различную скорость хода и поэтому было приказано идти самостоятельно в бухту Гашкевича. Как только мы пришли в эту бухту, как около нас появились два японских миноносца и прибывшие с них офицеры сказали нам, что бухта эта — военная, для иностранных кораблей она закрыта и что нам нужно отсюда уйти. Японцы все же снабдили нас пресной водой, и утром мы пошли в Гензан.

В Гензане японцы отправили 2-ю роту в Мукден. Здесь выяснилась и другая неприятность: пришедшие ранее нас войские части держали себя на берегу, мягко выражаясь, «не в рамках приличия», и японская полиция отдала распоряжение не пускать вновь прибывающих на берег. Мы стояли далеко от берега, томясь от духоты и жары. Чтобы держать парь, тратили уголь, за который японцы драли с нас немилосердно.

В конце концов был организован комитет Красного Креста, в который вошли: уполномоченный Красного Креста, санитарный инспектор армии Петников, оба директора корпусов и представитель от Сибирского казачьего войска. Японцы пошли на соглашение. Для частных лиц дали бараки, но войскам съехать на берег не разрешили. Наше начальство приступило к разделению эскадры на две части, так как все военные корабли уходили в Шанхай, намереваясь потом идти на Филиппины. Так как японцы не позволяли высадить на берег кадетские корпуса, причисляя их к составу армии, надо было разместить кадет на воен-

ных судах. Весь гражданский элемент высидел на берег, сухопутные войска переместились на транспорты, а кадет распределили по военным судам в качестве матросов, кочегаров и т. д. Директор корпуса и другие офицеры были также устроены на военных судах, а полковника Грудзинского оставили с группой кадет, служивших на транспортах, в надежде, что японцы согласятся отправить нас в Мукден, ко 2-й роте. Оставили им некоторый запас муки, бобового масла, соли...

Военные корабли ушли. Переход их был очень тяжел, и в налетевшем тайфуне погиб старенький «Дыдымов» со всем своим экипажем. На нем погибли лучшие наши кадеты, чьи имена и фамилии были занесены в синодик. К сожалению, синодик этот с именами всех умерших с основания школы погиб впоследствии в Югославии.

Наконец разбросанные по морю суда добрались кое-как до Шанхая. Но китайские власти остановили корабли в Вузунге и в Шанхай не пускали, а европейцы не хотели пустить кадет на свои концисии. Консул наш, г. Гроссе, отмахивался от корпусов руками и ногами. Адмиралу удалось спустить частями «морскую пехоту», а некоторые предприниматели и купцы выдали кадетам 25 удостоверений, что берут их на работу или на службу и что они таким образом не будут обременять общество. С этими двадцатью пятью удостоверениями все и съехали на берег: первая сошедшая на берег партия сейчас же вернула удостоверения обратно на корабль, с ними сошла вторая партия и так сошли все.

Оба корпуса оказались в городе и расположились на вилле отсутствовавшего иностранца. Суда ушли на Маниллу. Иностранцы же оказались перед совершившимся фактом. Всего выгрузилось около 350 кадет и до 70 человек служащих. В городе был образован международный комитет, взявший корпуса на свое иждивение. Разместились корпуса на вилле, как говорилось выше, одного отсутствовавшего иностранца, как оказалось — португальца, на Джесфильд. На довольствие международный комитет отпущал ежедневно по 20 центов на человека. Кухней заведовал капитан Косенко, и кормили кадет сносно. Но износилась одежда, а средств на обновление ее не было. Спали на голых нарах и хорошо еще, что была бьян.

Группа кадет в Мукдене попала в более тяжелые условия. Всех поместили в общем бараке, вместе с другими беженцами, в тесноте. Кормили плохо, бани не было, а умывались во дворе, под краном, в любую погоду. В кадетках принял участие наш военный агент в Китае полковник Блонский. Там тоже был организован комитет помощи, вместе с японцами снабжавший кадет провизией. Кадетам отвели по-

тсм отдельный барак. Но было все же плохо, и шанхайцы, в сравнении с мукденцами и гензанами, жили в роскоши.

Еще перед эвакуацией из Владивостока некоторые старшие кадеты устроились матросами и коچهарами на военных судах, а некоторые на частных. И вот в Гензане выяснилось, что кадет, служивших на частных судах, безжалостно эксплуатируют. Кадеты обратились за помощью к оставшемуся в Гензане полковнику Грудзинскому, которому удалось снять их с кораблей и поместить в барак вместе с остальными кадетами. Вскоре японцы заявили, что они начнут вывозить русских из Гензана и что первый эшелон двинется в Шанхай. Кадеты обоих корпусов и служащие, оставшиеся в Гензане, получили от генерала Лебедева, являвшегося русским представителем в Гензане, приказание отправиться всем в Шанхай. Японцы оплатили проезд и, кроме того, выдали на человека по 10 иен, которые должны были быть выданы на руки лишь по прибытии в Шанхай. Все отправились на пассажирском парходе, где кадет очень хорошо кормили и относились к ним весьма вежливо.

Когда пароход пришел в Симоносеки, явились японские власти, смотрели документы, долго переговаривались между собой и в конце концов заявили, что пароход, идущий в Шанхай, придет дня через три и в ожидании его нам следует отправиться в Моджи, где о нас позаботятся. Нас перегрузили на баржу, и катер перетащил ее на другую сторону пролива, в Моджи. Мы высадились и стали ждать появления властей. Но никто не приходил, а время подходило к 12 часам дня, все были голодные. Среди нас были и дети. Тогда старший группы полковник Грудзинский пошел разыскивать властей. У первого встречного он спросил, где помещается полиция. С обычной для японцев вежливостью и приветливостью тот довел полковника Грудзинского до самого дома, где находилось полицейское управление. Там приняли полковника вежливо и внимательно выслушали. Выслушав, засуетились: оказывается, нас не ждали, мы должны были оставаться в Симоносеки. Теперь же нас надо было устраивать здесь, дать спешно помещение и накормить. Какой-то японец, хорошо одетый по европейски, молча вынул бумажник и передал секретарю полиции сто иен, прося его немедленно заказать для нас обед.

Обед обещали подать через час и сейчас же пошли устраивать для нас помещение. Одиноких взрослых поместили на барже, приспособленной для жилья, а остальных отвели хоры в помещении местного музыкального общества. Были быстро поданы тележки для перевозки багажа, и в сопровождении приветливо нам улыбавшихся жителей города мы направились

в отведенное нам помещение. Появились сотрудники газет, которым полковник Грудзинский объяснил, кто мы, и просил выразить нашу благодарность господину, давшему деньги на обед, и администрации города за теплый прием. На другой день в газетах появились статьи о нашем прибытии и к нам стали приходить люди самого различного общественного положения и все они несли подарки: деньги, вещи, фрукты, сласти... Видя печальное состояние нашей обуви, одна фирма прислала кадетам 40 пар обуви на резиновой подошве. Детям присылали игрушки. Вечером все это было строго учтено и роздано поровну, а деньги были выданы при высадке в Шанхае.

На другой день дамы и дети высшего общества устроили музыкально-вокальное утро, а вечером дал концерт симфонический оркестр. После концерта, обращаясь к публике, распорядитель произнес речь, сказав о тяжелом положении людей, вынужденных революцией оставить свое отечество под давлением насильников и убийц. После речи он прошел в публику с подносом, на который посыпались деньги.

В кратком слове полковник Грудзинский благодарил японцев за отзывчивость, а на следующий день поместил в местной газете на английском языке нашу общую благодарность всему городу.

Шанхай

В Шанхай мы прибыли в скверный, дождливый день. Высадка наша, производившаяся под японским флагом, прошла беспрепятственно, никто нас не задерживал. На грузовике кадет перевезли в корпус.

Вскоре двумя партиями прибыли мукденцы и уже совершенно неожиданно — юнкера Корнилевского училища и их офицеры. Их надо было занять каким-то делом, так как кадеты, несмотря на тяжелые условия, учились и занятия были уже налажены. 7-й класс закончил курс и был произведен выпуск. Какая громадная работа была проделана педагогическим персоналом, может оценить только тот, кто знал, в каких тяжелых условиях она производилась.

Международный комитет сокращал между тем паек и настаивал на отъезде корпусов из Шанхая. Была послана просьба о разрешении на отъезд в Сербию. Члены международного комитета во главе с его председателем генералом Вольтером торопились развязаться с корпусами и были готовы распылить их. Но тут судьба корпусов перешла в руки другого комитета, председателем которого был директор французской гимназии г. Гробуа, человек энергичный, с широким кругозором и, главное, сердечный. При нем был получен ответ из

Сербии, куда разрешалось везти 500 человек. Ответ определенно указывал на невозможность сохранения корпусов в их целом, но говорил, что кадеты будут обеспечены и смогут продолжить образование. Часть педагогического персонала могла рассчитывать на получение службы, но указывалось также, что сербское правительство слагает с себя всякую заботу о лицах, не состоящих в корпусах.

Телеграмма эта была получена французским консулом, которому предлагалось снабдить нас вещами. Французы рьяно взялись за мысль отправить корпуса в Сербию и стали изыскивать средства. От китайцев было получено разрешение на устройство выигрышной лотереи, и на полученные таким путем средства корпуса и были отправлены.

Г. Гробуа обратился к обоим директорам с запросом, сколько человек поедет в Сербию. Так подошло время к нашему корпусному празднику (11 октября по ст. ст.). Состоялся парад и производство кадет 7 класса в вице-унтер-офицеры. В 8 часов вечера начался бал в Полицейском клубе, Танцевали до 3 часов ночи, а на следующий день встали только к обеду.

Директор корпуса и часть педагогического персонала хотели ехать в США, хотя на въезд туда и не было разрешения, но они предлагали хлопотать о таком разрешении. Другая часть педагогов склонялась к переезду в Сербию, на въезд куда разрешение уже было получено. Тут поднялся вопрос, как поступить с имуществом корпуса и, в частности, с музыкальными инструментами, которые музыканты хотели оставить себе, в личную собственность, мотивируя это тем, что трубы покупались на деньги, заработанные игрой. Тогда директор приказал создать два оркестра и инструменты поделить между ними.

Остающиеся в Шанхае пришли protestиться с отъезжающими. Они смотрели на все сборы хлодно, не веря в лучшее будущее. Плыли кадеты на французском пароходе «Портос», где условия были отвратительными: по неосмотрительности и доверию к бывшим союзникам не взяли копии заключенного с компанией контракта, и французы делали, что хотели. Кормили плохо и давали хлеб с червями.

Дунай

Высадившись на сербский берег в Сплите,

генерал Корнилов отправил телеграммы королю Александру, нашему посланнику Штрандману, для Великого Князя Николая Николаевича, и генералу Врангелю. Все прибывшие поступили в распоряжение Державной Комиссии в лице ее представителя г. Охотина. Кадет и семьи корпусных служащих разместили в казарме пехотного полка, зачислили на солдатский паек и накормили. Помню, что обед мы едва смогли есть, так как все было с перцем, а мы еще не привыкли к такой острой приправе. Лица, не состоявшие в списках корпуса, были отправлены в Белград, откуда разъехались по разным местам. Выбор воспитателей для продолжения службы в корпусах был предоставлен директору корпуса.

Первую партию кадет повез в Донской кадетский корпус подполковник Магденко, вторую — подполковник Никифоров.

Все кадеты были распределены по следующим корпусам: большая часть — в Донской Императора Александра Третьего кадетский корпус, потом — в Первый русский кадетский корпус и меньше всего — в Крымский кадетский корпус. Многие наши кадеты были во всех этих корпусах в числе лучших учеников. Пройдя тяжелые испытания и оставшись без родины, все они стремились лучше учиться, чтобы потом, окончив университеты или поступив на военную службу, поскорее встать на ноги. Никто из нас не думал никогда, что нам придется покинуть родные места. Путь с Амура на Дунай был долг и полон приключений, но директор наш, генерал Корнилов, был для всех нас настоящим отцом, всегда думал и заботился о нас. Он навещал нас и в Донском корпусе и находил небольшие средства, чтобы побаловать своих бывших воспитанников. Мы, хабаровцы, всегда будем с благодарностью вспоминать генерала Корнилова, так же как и весь персонал корпуса, не оставивший нас в тяжелые дни.

Но кадетские сердца с благодарностью вспоминают и короля Александра, протянувшего нам руку помощи и давшего нам приют в своей стране. Пройдут года, эти воспоминания о былом прочтут наши дети и внуки, и нет сомнения в том, что у нас, на нашей многострадальной родине будет в будущем поставлен памятник кадету-королю от всех, когда-то проживавших в Югославии.

П. Гаттенберг

Смотры в Чугуеве 1900-1904 гг

Вспоминаю смотры в Чугуеве командующего войсками Киевского военного округа генерала Драгомирова. Его все боялись. Я был у него ординарцем дважды, — сошло благополучно.

Бывали случаи, когда командующий войсками, приезжая в Чугуев, отменял смотр по нездоровью и вместо смотра вызывал на вокзал Чугуева где стоял его вагон, офицеров одного или двух последних выпусков из всех военных училищ и тут же, на платформе вокзала, производил поверку знания ими устава гарнизонной службы. Это был его конек, причем самым большим местом был призыв войск для содействия гражданским властям и действие оружием.

На этом спотыкались многие и не редки бывали случаи, когда офицер прямо с вокзала отправлялся на городскую гауптвахту « за незнание устава и его духа »...

Генерал Драгомиров требовал от войск действий решительных. Он говорил : « Предупреди раз, — не послушались — заставь повиноваться силой, только в этом случае толпа тебе подчинится. Но действуй решительно, мгновенно, без колебаний ». Как глубоко был он прав !

Помню смотр в 1903 году Великого Князя Николая Николаевича. Я имел большую честь быть на этом смотре ординарцем у Великого Князя. Всех нас, ординарцев, было четверо, по одному офицеру от каждого полка дивизии.

Наша славная 10-я кавалерийская дивизия построилась на учебном плацу, впереди лехотного лагеря. Великий Князь был тогда Генерал-Инспектором всей кавалерии и... ее грозой. Начальство сильно его побаивалось, он был требователен, резок и не стеснялся в выражениях.

Великий Князь остановился в своем вагоне на разъезде, в 6-8 верстах от Чугуевского вокзала. Туда ему была подана тройка серых лошадей от Ингерманландского полка. Сбруя в серебре, белые вожжи, кучер в белой шелковой губашке, в черной бархатной безрукавке и в шляпе с павлиньими перьями. Красота !..

В версте от места, где построилась наша дивизия, собрались мы, четверо ординарцев, и сюда же была приведена для Великого Князя

лошадь, тоже от Ингерманландского полка. Дивизия было приказано садиться только тогда, когда Великий Князь сам сядет на коня.

Издали мы увидели облако пыли на дороге и услышали бубенцы тройки. Через несколько минут тройка подъехала и остановилась. Великий Князь сейчас же сел на поданную ему лошадь, и в это же время, согласно заранее полученному приказанию, мы, ординарцы, подъезжали по очереди к нему с рапортом. С Великим Князем были его начальник штаба генерал Палицын и личный адъютант, ротмистр Ростовцев, друг его детства, которого он называл просто : « Саша ».

С места Великий Князь пошел полевым галопом, за ним скакали мы, ординарцы. Дивизия села на коней, выравнялась и замерла.. Навстречу Великому Князю шел широким галопом с рапортом начальник дивизии генерал Сергей Ильич Бибилов, наш общий любимец.

Великий Князь здоровался с полками, потом начался смотр, продолжавшийся часа три.

После смотра Великий Князь собрал командиров полков и командиров эскадронов и сотен и обратился к ним с такими словами :

« Господа, в последнее время я стал мягок в своих требованиях, но я не допущу, чтобы кавалерийская часть превратилась бы в обоз. Я требую и буду требовать широких аллюров и втянутости в работу и конского состава, и людей ! »

Обратившись к нам, Великий Князь сказав : « Гг. ординарцы, благодарю вас ! »

Давно все это было, а вот помнится так, будто бы это было на днях. Да и как забыть то, что было так дорого сердцу, как забыть наше славное прошлое ! Разве не славной была наша кавалерия, разве не была она лучшей в мире и в мирное и в военное время ? Разве не наша славная конница атаквала проволочные заграждения, брала германские батареи, сидела, замняя пехоту, в окопах по целым месяцам ?

Честь ей и слава, честь и слава ее вождю и учителю Великому Князю Николаю Николаевичу !

Г.Т.

К статье «Нумизматические памятники русской Америки»

В № 31 Военно-Исторического Вестника была напечатана весьма обстоятельная статья А.Ф. Долгополова «Нумизматические Памятники Русской Америки», в которой между прочим сообщается, что в 1788 году Екатерине II была представлена группа купцов-путешественников и что она «подробно расспрашивала об Америке и трудностях снаряжения экспедиции, о новых землях и о диких народах их населяющих» и что «Купцы Голиков и Шелехов были награждены специально отчеканенными золотыми медалями».

Ныне, собирая материалы для нашего труда «Русские Наградные Для Ношения Медали», нами был обнаружен в Полном Собрании Законов Российской Империи Сенатский, в следствии Именного, Указ: «О Пожаловании Золотыми Медалями и Серебряными Шпагами Купцов Голикова и Шелехова за Открытие Островов в Восточном Море», из коего явствует, с какой продуманной осторожностью Государыня блюла интересы России. Приводим этот в высшей степени интересный указ полностью:

«Правительствующему Сенату Господин Генерал-Прокурор и Кавалер письменно объявил, что Ея Императорское Величество, рассмотрев поднесенный от Комиссии о Коммерции доклад, препровождаемый притом в оригинале со всеми приложениями, касательно плаванья и торговли на Восточном море и берегах Северной Америки, производимых Головою Курска и купцом Иваном Голиковым и купцом Рыльска Григорием Шелеховым, и учинении последним из их открытия в тех местах многих неизвестных островов, и приведения жителей тамошних в подданство Ея Величества, Высочайше указать соизволила:

1. В прошении сих купцов о подкреплении упоминаемых тут новых их заведений и дальнейших деений судою им из казны 200.000 рублей, отказать.

2. Исключительное дозволение им дать на сии плаванья и торговлю Ея Величество не признает за благо, ибо сие исключительное дозволение не сходствовало бы отнюдь принятым от Ея Величества правилам об истреблении всякого рода монополии.

3. Невозможно также снабдить их военною командою до 100 человек и артиллерийскими служителями, в разсуждении надобности и без того в войсках в том краю, где оных едва для сущей надобности доставать может.

4. Но в награждение усердия помянутых купцов, к пользе Государственной оказанного пространением открытия неизвестных земель и народов и заведением с ними торговых промыслов, Ея Величество Всемилоостивейше жалует им обоим шпаги и золотые медали для ношения на шею, с портретом Ея Величества на одной стороне, а на другой с изъяснением за что даны, соизволяя притом, чтоб даны им были из Правительствующего Сената похвальные грамоты, с изображением всех их к добру общему подвигов и благонамеренных деяний.

Сверх того угодно Ея Величеству иметь сведение, по какому указу положен ясак на Алеутские острова? Буде оно не было, то и запретить купцам собирать поборы, законною властью неустановленные.

Подтвердить накрепко вообще промышленникам касательно Курильских островов, чтоб с Китайцами не заводили о владении споров, и равномерно не касались островов, под владением других держав находящихся, и чтоб от них истребованы были карты и записки подробные всех открытых ими мест, с означением откуда островские жители получают железо, медь и другие нужные для них вещи, також с пространнейшими объяснениями о твердой Американской земле.

В следствие чего Правительствующий Сенат Приказали:

1. Купцов Голикова и Шелехова призвав в Сенат, объявить им о Высочайшей Ея Императорского Величества оказанной милости, при чем истребовать от них карты и записки подробные всех открытых ими мест, с означением, откуда островские жители получают железо, медь и другие нужные для них вещи, також с пространнейшими объяснениями о твердой Американской земле.

2. Похвальные грамоты изготовить от Герольдии, коим сочиня формуляр, предоставить на апробацию Правительствующего Сената.

3. О сделании золотых медалей предписать С.-Петербургскому Монетному Департаменту, с тем чтоб оные изготовлены были, равняясь прежним, в таких случаях бывшим примерам и согласно с 4-м пунктом Высочайшего Указа. 1-е Полное Собрание Законов Российской Империи, № 16709, 12 Сентября 1788 года».

Евгений Молло

К статье в Хронике «Военной Были» № 121, стр 46 и 47

1) Револьвер системы Наган был образцом 1895 года. По лицензии бельгийского инженера Нагана, его конструктора. В русской армии имелось на вооружении два типа Нагана: офицерский, самовзвод, и солдатский — без самовзвода.

2) Тип гладкоствольного, с дула заряжаемого ружья с кремневым зажиганием оставался основным образцом до 40-х годов XIX века. Дальность стрельбы 300 шагов (около 213 метров), скорострельность — 1 выстрел в минуту. Низкая меткость, отказ в дождливую погоду. Штуцеров с дальностью около 900 метров было на вооружении очень мало — 12 штук на роту. Их имелось 11 различных калибров.

В 40-х годах XIX века появилось нарезное оружие с дальностью до 1000 метров. В крымскую войну имелось нарезного оружия у англичан — 100%, французов — 50% и у русских — 5%. Со второй половины XIX века (1850-1900 гг.) устанавливается нарезное оружие с дальностью в 800 метров. С 1870 г. — казнозаряжаемое. С 1884 г. изобретается бездымный порох, магазинные винтовки с дальностью в 2500 м. и 12 выстрелов в минуту.

Перевооружение Российской армии началось в 60-70-х годах XIX в. В 1856 г. принят новый образец 6-лин. винтовки (15.24 мм.) для стрелковых батальонов и команд пехотных частей. В 1858 г. — усовершенствуется винтовка для всех пехотных частей. В 1860 г. вводится 6-лин. казачья винтовка. Все эти образцы все еще с дула заряжаемые, нарезные, ударные (капсюля). В 1866 г. на вооружение русской армии поступает 6-лин. капсюльная винтовка Герри-Нормана (Тульский оружейный завод). Переделана для заряжания с казны бумажным патроном с капсюлем отдельно насаживаемым (перкуSSIONное зажигание). Затвор скользящий. 6 выстрелов в минуту. В 1867 г. вводится 6-лин. игольчатая винтовка англичанина Карле. Унитарный бумажный патрон с капсюлем.

В 1869 г. — 6 лин. винтовка Крнка и 6-лин. винтовка Баранова. В 1870 г. — 6-лин. переделанная драгунская винтовка Крнка, казнозарядная, патрон металлический. Дальн. — 1200 шагов (854 м.), 8 выстрелов в минуту. В 1868 г. — винтовка американца Бердана (русского офицера Горлова и Гунюса) Калибр 4,2 лин. (10,67 мм.). Образец № 1 с откидным затвором Бердана и № 2 со скользящим затвором. Дальн. 1500 шагсв (1087 м.) — 9 выстрелов в минуту. 1 января 1877 г. на вооружении Русской армии имелись следующие образцы винтовок: пехотные винтовки Карде и Крнка и винтовки Бердана № 1 и № 2.

Ф.Р.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

Божией Милостью Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая...

Нашей лейб-гвардии Донской Легкой Конно-артиллерийской роте.

Отличные мужество и храбрость, оказанные лейб-гвардии Донской Легкой Конно-артиллерийской ротой в минушщую против турок войну, обратили на оную особенное Наше благоволение, в ознаменованье коего Всемилостивейше жалуя ей препровождаемые у сего серебряные трубы, Повелеваем, по прочтении сей Нашей грамоты перед ротой, употребить оные на службу Нам и Отечеству с верностью, усердием и храбростью, толико Российскому воинству свойственными.

Препываем Императорскою Нашей милостью к сей роте благосклонны

НИКОЛАЙ

Дана в г. Полтава
Сентября 11-го дня 1832 года.

сообщил М. Бугураев



19 декабря 1928 года в Русском отряде Шанхайского волонтерского корпуса

Шанхай состоял из трех частей: грязной, китайской, нарядной, французской, и главной, - международного поселения, управляемого на английский лад международным муниципалитетом.

В 1927 году под Шанхай подкатилась китайская междоусобная война и международный муниципалитет, ожидая беспорядков, стал искать подкрепления своим полицейским силам и волонтерскому корпусу, который мобилизовался только в критическое время.

Несколькими мильями ниже Шанхая на реке Вампу, на транспорте «Охотск» уже пятый год стояла дальневосточная казачья группа, ушедшая из Владивостока в 1922 году. Подкрепление было найдено, и из этой группы 17 января 1927 года было сформировано ядро Русского отряда Шанхайского волонтерского корпуса в составе двух рот.

Винтовки были английские, форма вроде английской, устав и дух чисто русские, с отрядным праздником на Николу Зимнего, 19 декабря нового стиля, с молебном, парадом и праздничным обедом. Вот об этом параде и предупреждал дежурный, обходя взводы: «Через пятнадцать минут строятся на парад. Троцкого запереть в карцер».

Их было два брата — щенка: Троцкий и Ленин. Ленин, к сожалению, подох в ранней молодости, а Троцкий стал отрядной собачкой Русского отряда, носил ошейник с соответственной надписью и считал своим долгом быть всегда с отрядом, что не всегда было удобно. Поэтому и последовало распоряжение запереть его в карцер.

Обычная суета перед выходом. Докуривали сигареты, друг другу оправляли снаряжение. Несколько человек торопливо облачались неизбежного в каждом взводе растяпу Троцкий скулил в карцере.

«Выходи строиться!» «Становись!» «Равняйся! Полюенко, — чуть вперед, Кожуховский, — назад! Левый фланг завалил!»

«Смирно!» «Вольно!» «Доложить командиру отряда!»

Подошла группа офицеров с командиром отряда, майором Тиме (лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка).

«Смирно! Равнение на середину!»

Командир отряда поздоровался со строем и поздравил с праздником.

«Господ офицеров прошу стать в строй! От-

ряд направо! Ряды вздвой! На плечо! Шагом марш!»

Пошли к месту парада, на ипподром. Он от нас был не очень далеко, тут же, в центре города. Конечно, своего оркестра у нас не было, но на ипподроме нас ожидал оркестр, да какой! шотландского гвардейского полка. На нашем пути прохожие остановились сплошными шпалерами вдоль тротуаров, полицейские заранее включали зеленые огни на перекрестках. Неожиданно отряд догнал Троцкий: хвост по ветру, язык до земли, вид довольный — перехитрил дневального!

На место парада пришли, как всегда, во всех армиях, намного раньше назначенного времени. Выстроились развернутым фронтом. Долго равнялись, левый фланг мотало то вперед, то назад. Наконец выравнялись.

«Вольно, оправиться! Можно курить. С мест не сходить!»

Офицеры собрались группой. Там же была видна черная, массивная фигура отрядного священника. Троцкий прилег впереди строя, отдохнуть после побега. Время подошло к призыву командира корпуса.

«Бросать курить! Господ офицеров прошу стать в строй!»

Фельдфебеля, с безукоризненно-правильными, но немного ленивыми и степенными движениями, свойственными их важному званию, стали позади рот.

Наконец (конечно, вовремя) подъехал на автомобиле с малиновым флажком командир волонтерского корпуса, полковник английской армии, с адъютантом и пошел к строю.

«Отряд, смирно! Для встречи справа, слушай, на кра-у-и!»

Шотландский оркестр заиграл марш, если не ошибаюсь, лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, и командиры пошли навстречу друг другу. У майора Тиме за бортом мундира белела рапортничка. Блеснул палаш при салюте. Командир корпуса принял рапорт и начал обход фронта. Здорваться со строем по-русски он в то время еще не умел.

Штыки — как по ниточке. Чуть на бекрень надеты фуражки. Головы повернуты направо до отказа, подбородки вздернуты, правое ухо чуть выше лезвия, лица веселье, но без улыбки. «Знай наших!»

Впереди командира корпуса, конечно, гарцевал Троцкий, одобрительно оглядываясь через

плечо. Командиры делали вид, что его не замечают. Строй в душе улыбался. Обход фронта был довольно продолжительным, так как по английскому обычаю каждую шеренгу осматривали не только с фронта, но и сзади, предварительно разведя шеренги на 10 шагов. Осмотрели.

«К но-ге!»

Подбеди на место вторую шеренгу. Офицеры и певчие вышли из строя. Шотландские барабанщики составили аналог из барабанов. Троцкий сразу же направился к ним, но сейчас же получил от нашего офицера шлепок ножной по мягкому месту.

«За что бьешь? Я же их только понохать хотел!»

Один из унтер-офицеров помогал облачаться священнику. Странно было видеть его неустанные, медленные движения; голова без фуражки, ярко блестят густо напомаженные волосы с линией пробора, блестит солнце на пуговицах и на красно-коричневой коже снаряжения.

«На молитву, шапки — долой!» Строй потерял свою однородность, косо стоящие винтовки кажутся неуместными.

«Благословен Господь Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков», и вместе с возгласом священника слышно, как старший певчий, подняв руки, задает тон, и затем, чуть с запозданием, хор отвечает: «Аминь!» Молебен простой, неторопливый и кажется очень уместным под открытым небом, на зеленом поле. Хорошо поет наш хор, да и немудрено — хоровое пение в душе русского человека.

«Святителю отче Николае, моли Бога о нас» — раздается под шанхайским небом, — «яко мы усердно к тебе прибегаем...» «Знаменитые барабаны, — думал в то же время священник, смотря на них. — Ходили, наверное по Индии, были под Ватерло, возможно, что и с нашими встречались в Крыму... Вот и опять встретились».

Как всегда, молебен казался очень длинным, но и он приблизился к концу. «Многая лета, многая лета!» — священник с прислужником обошли строй, кропя святой водой. Леофланговый второй шеренги держал Троцкого за ошейник, и на него попала святая вода.

«На — кройся!»

Офицеры и певчие возвратились в строй*). Побежали на свои места линейные с флажками на штыках.

«Отряд, напра-во! На пле-чо! Шагом марш!» и через несколько десятков шагов: «Полуроты, стройся влево, марш! Прямо!»

Подожли к первому линейному и останови-

лись в полуротной колонне. Оправились, подравнялись.

«Отряд, на пле-чо!» И дальше — уже давно неслышанное, но не забытое:

«К церемониальному маршу! По-полуротно, на одного линейного дистанции, равнение направо, первая полурота!»

На тон выше подхватил командир первой роты:

«Первая полурота, шагом марш!»

Грянул шотландский оркестр старый егерский марш. Я, правофланговый первой роты, чуть слышу сзади:

«На месте!... Прямо!» — это вторая полурота дошла до линейного и начинала марш... Пошел осколок русской армии и как пошел! Хоть на Марсово поле.

Линейный около принимающего парад все ближе и ближе.

«Первая полурота, смирно! Равнение направо!»

Командир отряда зашел направо и встал в двух шагах сзади и справа от командира корпуса. «Хорошо, хорошо идут, — думал командир отряда. — Тянут носок, печатают всей ступней, равнение хорошее. Рука — до приклада, назад — до отказа. А кто там штык опустил? Жаль, что не видно!»

Прошла первая полурота, прошла и вторая. А позади роты — фельдфебель, каптенармус и фельдшер.

Вторая рота шла не хуже первой, — второй она была только по номеру. Левый флаг шаг растягивал до отказа, старался, зато и выглядел бойчее первой роты.

Прошли полуроты, — их так мало, — только четыре. Перестроились на ходу и прошли второй раз вздвоенными рядами и остановились развернутым фронтом. Конечно, по количеству участников парад был очень скромный, но по месту и времени — исключительный.

Опять — «Смирно!» Командир корпуса уехал, отдав строю честь исключительно аккуратно и четко, так, как отдают честь, пожалуй, только одни английские офицеры.

Вскоре, перекурив, пошли домой и мы. Вышли на улицу.

«Буря, запевай!»

Буря (хорошая фамилия!) запел: «Скажика, дядя, ведь недаром...». Каждый из нас пел «Бородино» сотни раз и в строю, и за рюмкой водки, и сейчас еще поет по всем частям мира на удивление иностранным соседям. Уж такая живая песня, с запевалой, хором и перехватами. «Москва, спале... Москва, спаленная пожаром, француз у отдана» — подхватили две роты. «Фра-а-нцуз...» — режет запевало, — француз у отдана... — потоком заливают улицу хор. Особенно красив момент: «Не будь на то Господня воля...» когда басы с запозданием

*) Парад описан по памяти. Да простят мне история и сослуживцы возможные неточности.

вступают низко, другие подхватывают выше и все завершается звонким подголоском: « Не отдали б Москвы ». Толпа замерла, — того пения они никогда не слыхали.

« Бородино » сменяется трудным « В шапке золота литого, старый русский великан... » « ...великан! » гаркнуло двести голосов, — « Полжидал к себе другого из далеких чуждых стран ». « Чуждых стран! » — повторяет строй. Как дальше поется, пером не описать. Вспомните! Распелось воинство...

Дальше пошла музыка полегче: « Пойдем, Дуня, во лесок, во лесок, сорвем, Дуня, лопушок, лопушок! » Стукнули в середине строя ложки, старые, деревянные, и пошли трещать сухо и дробно. « Эх жаль, что котелка нет, можно было бы вдарить! » — думает ротный потешало, из тех, кто в старину плясал перед ротой весь поход. Пели весело, с присвистом и гиканьем и многое еще услышала бы почтенная публика, однако пришли к баракам. Оторвал, как говорится, « на караул » часовой у ворот. Улыбка до ушей, не по уставу, да разве ее удержишь в такой момент. Выскочили из дежурки дежурный по роте и дневальный, вытянулись, руки под козырек. Тоже улыбаются.

« Отряд, стой! »

Брякнули винтовки на перехватах, но на землю приклады опустили беззвучно: мастерство! Его понимать нужно!

« Благодарю за отличный парад! » — « Рады стараться, господин майор! » — « Разойтись! » Первое — это растегнуть воротник...

Время подходило к обеду. Съехались начальство поменьше и гости. Почетный караул ждал на дворе командиры корпуса. Вскоре подъехал и он, осмотрел караул, и вся группа офицеров прошла в офицерскую столовую обедать.

Для волонтеров (так у нас называли рядовых) и для унтер-офицеров был очень хороший кантин со стойкой, столиками, закусками, пивом, вином и водками всякого настоя — в положенное время. В Николин день, конечно, время было « положенное » и перед стойками толпилось немало народу. Выпивали, кто чистую (у нас « Нега » славилась), кто зубровку, а некоторые даже и перцовку. Была и лимонная, и на вишневых косточках. Закуски — на любой вкус: от малороссийского сала до балыка и икры, правда — немного пересохойшей. В этот день хозяин кантина особо старался улаживать своих посетителей, но все же смотрел зорко и не продавал напитков тем, кто выпил уже достаточно.

« Бери ложку, бери бак, нету хлеба — иди так! Жуй, жуй, жуй! » — звучит сигнал на обед. Строем идем в столовую. Торопливое « Очи всех на тя, Господи, уповают... » — « садитесь! »

Готовила, накрывала столы и разносила еду

наемная китайская прислуга, так как она стояла дешевле. Кормили нас хорошо. Отобедав, уходили из столовой поодиночке. Троечки стоял снаружи, у дверей столовой и принимал угощения с разбором.

После обеда время тянулось лениво. Одни ушли в отпуск, другие в кантин, выпить чаю с пирожными, третьи — поспать или сыграть в шашки или же в преферанс.

После ужина опять заработала стойка в кантине, но уже пошире. Компания волонтеров человек в двадцать, и я в том числе, составила столики вместе и, заказав закуски и напитки, как говорится, закутила, с тостами, песнями и рассказами. А для того, чтобы понять то, что произошло дальше, нужно кое-что рассказать. В отряде, под руководством нашего сибирского кадета Кожуховского (вечная ему память!), был комический хор « братьев Зайцевых ». Время было беспокойное, и в Шанхае стояло много иностранных военных кораблей и сухопутных войск, включая полк шотландской гвардии. С этим полком приходилось встречаться по службе, и таким образом завязалось официальное знакомство, и на одном из их праздников выступил наш хор « братьев Зайцевых ». Шотландцы в долгу у нас не остались. Я думаю, что все знают роскошную форму шотландских волынщиков, с пледом, серебряными пражками, белыми гетрами. Сама игра волынок многим нравится, но в бою она незаменима — враг от нее бежит. Возвращаюся опять к кутежу в кантине: тосты, шум, звон рюмок — хорошо знакомая нам вся картина до сего времени... Вдруг в кантин заскочил дневальный. Он отомкнул вторую половину двери и широко распахнул ее всю. За дверью раздались пронзительные звуки волынок и из темноты на свет, блестя серебром, вышли три волынщика шотландской гвардии и пошли, играя, вокруг столов, как принято у них во время пиров. Все замолкло от такого явления, и мы, хорошо знакомые с военной выправкой, с пригонкой обмундирования и снаряжения, с шагом и тактом в движениях, так и впились в них глазами. Невозможно описать, как они шли. Для того, чтобы выработать такой шаг, нужны столетние традиции. Обойдя вокруг столов три раза, волынщики вышли из кантина. Вот тут-то и началось то, что еще не скоро кончилось. Нельзя же было отпустить таких гостей, не угостивши, и мы бросились за ними во двор, отобрали у них шапки и волынки, усадили их за стол и принялись угощать.

Наше русское угощение, мы все хорошо знаем, обильнее его и не придумаемь. Выпили они и закусили хорошо, посидели, сколько требовало приличие, поблагодарили и по знаку старшего вышли из кантина на двор. Там они

надели шапки, взяли волынки и, приняв сержанский вид, опять с музыкой пошли вокруг столов, в благодушие с хорошей прием. На этот раз в их походке была заметна некоторая легкость, а левофланговый не сразу попал в ногу. Сбоядя стелы три раза, они опять вышли. Мы опять бросились за ними, опять отобрали шапки и волынки, опять усадили за стол и принялись угощать. Шотландцы не сопротивлялись, да и не нужно сопротивляться хорошему. Снова выпили и закусили. Их шапки и волынки мы для ссхранности положили в пустой карцер. Неудобно было шотландцам уйти, не поблагодарив еще раз за такое угощение. Снова вышли они, взяли шапки и волынки и снова пошли, играя, вокруг стола. Но на этот раз их было только двое. Третий, сраженный нашим угщеньем, лег рядом со своей волынокой.

Отходили два волынщика вокруг стола далеко не твердым шагом, отыграли музыку не совсем стройно и опять были любезно усажены за стол. Обе стороны понимали, что иначе и быть не может. Волынщики еще улыбались, но в их улыбке проступало чувство какой-то обреченности. Выход был только один: пасть, но не сдаваться.

Опять оба шотландца, еле держась на ногах, вышли. Назад вернулся только один. То раскачиваясь из стороны в сторону, то стремительно нагибаясь вперед или внезапно пятясь назад, он все-таки двигался с напряженным видом вперед и что-то еще играл. Но конец его был уже близок. Смеха вокруг не было, все понимали всю важность момента. Мы затолпили стодвигали стулья с дороги волынщика, направляли его на правильный путь, когда его несло боком в сторону, поддерживали, когда он гнулся назад или стремительно нырнул вперед, помогая ему завершить путь. Сбрав последние силы, волынщик обошел столы, вышел на двор и медленно осел на землю. Мы бережно подхватили его и его волынку и унесли к павшим ранее его товарищам. На протяжном затихающем звуке замолкла волынка в неопытных руках волынтера. Сражение окончилось, — старая гвардия не сдалась.

Не мало жертв было и на нашей стороне, и вскоре и мы разошлись не без некоторого угрызения совести. Начальство наше через посыльного сообщило в шотландский полк о геройстве волынщиков и приняло всю вину на себя. Дежурный обошел взводы и погасил свет. Наступила тишина. Часовой у ворот медленно ходил взад и вперед, пытаясь сосбратить, сколько времени осталось до смены. Бессменный подча-

сок — Троицкий — спал в постовой будке. Праздник кончился.

Посреди ночи, в помещении 1-го взвода 1-й роты вдруг раздался пьяный крик:

«Первый взвод — в ружье! наших гостей арестовали!»

Дальше зарычал голос взводного сержанта: «Отставить! Из нарядов у меня не вылезешь! Опять надрался! Поставь винтовку на место. Кого арестовали?»

«Я, господин сержант, сам видел, как наших шотландцев английская комендантская команда к себе потащила (эта команда помещалась рядом с нами и для удобства перенесла волынщиков к себе). Выручать, за мной!»

«Молчи, тебе говорят!»

«Нельзя молчать: гостей наших арестовали!»

В диалог вступил еще чей-то голос:

«Можно его сапогом стукнуть, господин сержант?»

«Только попробуй! Сбегай лучше к фельдшеру за нашатырным спиртом».

«Зачем бегать, он у меня припасен, — вот!»

«Выручать гостей! Снимем их часового, не пикнет! Ты мне вонючую бутылку в нос не суй!»

Нашатырный спирт действовал, и оскорбленный «хозяин» затих. Наконец, все успокоилось. Но для верности, недалеко от английского часового около комендантской команды мы все же поставили свой секрет. Кто его знает, — в русском уставе не сказано, что иностранной часовой есть тоже лицо неприкосновенное.

В.А. Соколов

Хочу несколько дополнить статью Е. Молло в №116 журнала. Медаль 19 марта 1828 года является нашим полковым знаком с 19 марта 1914 года, со дня празднования столетия полка в Старом Петергофе, в присутствии Государя Императора и Шефа полка, Великой Княгини Марии Павловны. К сожалению, мой значок остался в России, но он имеется на всех фотографиях офицеров и драгун. На одной стороне изображение в профиль Императора Александра I с венком на голсе, на другой — надпись: л-тв. Конно-Егерский в память взятия Парижа 1814 г. л-тв. Драгунский 1864-1914.

полковник Г.А. Алеев

Запасный батальон

(см. № 124 стр. 32)

Приехав в Казань, мы с Громаковским остановились в гостинице Щетинкина на Большой Проломной улице, сняв номер. Тут же мы и столовались, заказывая обеды, которые нам подавали в номер. Названия блюд французской кухни нам, как и многое другое, были неизвестны, и мы ежедневно заказывали что-нибудь новое, для ознакомления. Одно загадочное блюдо: «Гата Пурталес» очень меня заинтересовало, и я ежедневно его заказывал, но неизменно получал ответ: «Этого блюда уже нет». Я возмутился и сказал, что не следует тогда помещать ежедневно в меню, и мне принесли чайное блюдо холодной манной каши, политой вишневым вареньем. Для меня так и осталось тайной, действительно ли это было «Гата Пурталес» или же повар решил просто от меня отделаться.

Мы явились в штаб округа и сдали свои предписания и документы. Не очень нам понравилось, что пришлось иметь дело с писарем, который вопреки уставу даже не вставал, когда мы к нему обращались. Но мы махнули на это рукой, так как наше дальнейшее назначение задерживалось и мы ежедневно посещали штаб безрезультатно и видели, что писарь играет там не последнюю роль. Принимал нас прапорщик запаса князь Голуховский, изредка появлявшийся в приемной. Каждый день утром мы ехали на извозчике в штаб, ожидали выхода Голуховского и ежедневно получали один и тот же ответ: «Подождите!» Мы не понимали, в чем дело, и решили попробовать величать Голуховского «Ваше сиятельство», согласно его титулу, но и это не помогло. Мы написали письма домой, получили ответ, а дело не сдвинулось с места. Оказывается, что штаб заявку в училище не давал, и наводились справки, не самозванцы ли мы. Времени свободного было много, делать весь день было нечего, и мы бродили по городу, осматривая его, перепробовали массу фруктовых консервов, в изобилии продававшихся в многочисленных лавках. Побывали и в славившемся на всю Россию городском театре, — здание и внутреннее устройство соответствовали славе, и слушали модную тогда оперетту «Жрица огня» с участием известной артистки Шварц-Сабо. Вечера проходили очень скучно. Громаковский, решив, что он «вполне взрослый», вдобавок еще и офицер, начал уговаривать меня поехать «к девочкам», но я категорически отказался, считая, что это

как-то запачкает меня.

Наконец необходимые справки были получены в штабе округа и нас, по первой же просьбе, назначили в Оренбург, в 104-й пехотный запасный батальон, сформированный на базе 191-го Ларго-Кагульского полка.

Командиром батальона был полковник Иванов, отец моей барышни, Маруси, и отец учившихся со мной трех братьев, кадет. Отец Громаковского, подполковник, был помощником командира по хозяйственной части. Наша мечта попасть домой исполнилась. Я был назначен младшим офицером в 1-ю роту (батальоны были 8-ротного состава), которая размещалась в Александровских казармах. Командиром роты был капитан Бельчук, и установленный визит на дом, к моей великой радости, — (я очень стеснялся, представляя себе эти визиты тяжелой и даже страшной необходимостью, например — целование ручек полковых дам, чему, так же как и ведению «светских» разговоров, нас никто не учил), — ограничился визитом к капитану Бельчуку, которого я застал дома одного, и все обошлось к моему удовольствию. О визите к командиру батальона и говорить нечего, — его я занес с большой охотой, ведь Маруса была моей симпатией и блеснуть перед нею офицерскими погонами было заманчиво.

Надо сказать, что запасный батальон представлял жалкий вид: рот было восемь, а офицеров 12-15, по одному на роту, в качестве командиров рот, а остальные — штабные работники, причем кадровых офицеров было всего пять: командир батальона полковник Иванов, его помощник по хозяйственной части подполковник Громаковский, капитан Бельчук и поручики Головань и Леонов. Остальные были прапорщиками запаса. В унтер-офицерском составе был вопиющий некомплект, после отправки маршевых рот в ротам было человек по 20-30 переменного состава, — пополнения не было до очередного призыва. Винтовок было так мало, что не с чем было учить людей. Помещения были оборудованы по военному времени двухъярусными нарами, и не только одеял, но и матрасов не было и в помине. Винтовок было по 40 на роту. В общем был период какого-то безделья, и роты были предоставлены фельдфебелям. Придя в помещение роты в первый раз, я увидел безрадостную картину ничегонеделания. Один из унтеров сидел на табуретке и один солдат по его команде зани-

мался упражнениями штыкового боя, и то это был «желающий». Остальные солдаты занимались своими делами. Я, как вошел, так и остановился. Наконец меня заметили и подали команду «Смирно!» Я поздоровался и сказал, что назначен в роту младшим офицером. Занятия в роте производились больше для «отвода глаз», а капитан Бельчук появлялся в роте на считанные минуты и потом исчезал на весь день. Я тоже был предоставлен самому себе, поэтому мне пришлось знакомиться с положением дел и программами обучения через унтер-офицеров, и, надо сказать, что это послужило к установлению хороших взаимоотношений. Причиной безделья было и то, что оставшиеся по разным причинам люди уже прошли установленную программу обучения.

После нас с Громаковским стали прибывать прапорщики, выпущенные из других военных училищ: Гончаров, Приходько и Ленц, получившие казенную квартиру в офицерском собрании 191-го Ларго-Кагульского полка, рядом с горским театром, Гравовский и Слизской, жившие на частных квартирах. Мы быстро подружились и часто вместе проводили свободное время. В театре гастролировала оперетта, и мы всей командой посещали все премьеры, а в те времена репертуар менялся почти ежедневно. Собирались обычно у Приходько с Ленцем, что было очень удобно: театр был рядом. Еще не был занят под лазарет кафе-шантан и ресторан «Декаданс» и бывшие старше по летам и знавшие жизнь Приходько и Ленц ходили туда и приводили домой шансонеток. Они же вели довольно крупную карточную игру, в которой я никогда не участвовал, но все же пострадал, не играя. Гончаров, постоянно проигрывавший, занимал у меня деньги, задолжав мне 300 рублей, сумма по тому времени большая, и уехал на фронт, не погасив своего долга. Не помогло и мое обращение к командиру полка, в который попал Гончаров. Вскоре Приходько и Ленц были назначены командирами рот, а связь их с шансонетками кончилась тем, что Приходько попался в сети и женился на своей шансонетке, бабе сварливой и даже поколачавшей Приходько, о чем знали даже солдаты. Из-за войны на это смотрели сквозь пальцы, в мирное же время ему пришлось бы просить согласия на брак у общества офицеров, которое, безусловно, отвергло бы такой «мезальянс».

Наступило Рождество, и капитан Бельчук приказал мне присутствовать на солдатской елке в нашей роте. Елка была хорошо убрана. Я сидел за маленьким столиком с унтер-офицерами и смотрел на выступления солдат, которые показывали свои номера около елки, на свободном от нар месте. Унтера раздобыли где-то несколько бутылок пива, и я выпил с ними несколько стаканов. Чудовищное нарушение

всех уставов и субординации!!! Среди номеров был танец «матлот», исполненный бывшим циркачом, и сверхскорое зарядание винтовки солдатом Амброжеком. От выпитого пива я захмелел, поблагодарил солдат и поехал на извозчике домой. Ради Рождества я дал извозчику 50 копеек вместо 20, по установленной ночной таксе. Извозчик, видя меня «под хмельком», сказал мне: «Мало дали, барин», но когда я ему сказал, что вовсе не мало и поэтому надо дать мне сдачу, поспешил отъехать, рассыпаясь в благодарности.

Жалованье мы получали по установленной еще Петром Первым «табели о рангах» — 50 рублей жалования и 21 рубль квартирных. В карты я не играл, и денег мне девать было некуда, так как отец еле согласился брать с меня 25 рублей за стол. Ежемесячно я покупал несколько грамофонных пластинок, а стоили они, в среднем, по два рубля, то есть дорого, а такие как записи Шалляпина, Смирнова, Собиннова, Карузо, Эльмана и других корифеев стоили 6-8 рублей, односторонние — гигант. Качество этих пластинок было отличным и слушание этих пластинок доставляло мне и всем большое удовольствие. Со своих вечерних прогулок я обычно возвращался на извозчике, садясь всегда на одной и той же бирже, около Собачьего садика. Платил я всегда 20 копеек вместо установленных 15, скоро все извозчики узнали меня, и садился я в экипаж ничего не гсворя, они знали мой адрес. При НЭП-е один из извозчиков узнал меня и вспоминал с признательностью, что я хорошо платил.

Надо сказать, что при мобилизации была допущена вопиющая ошибка в отношении младшего командного состава, унтер-офицеров, которых отправляли на фронт с маршевскими ротами рядовыми, в то время как в запасных частях их не хватало до штата. Это сказывалось на обучении призываемых, которых бывало так много, что состав рот доходил до 500-700 человек. Для удобства такие роты разбивали в свою очередь на роты, давая им «внутреннюю нумерацию» 7 А, 7 Б, 7 В и т. д. Во взводах было до 70 человек, почти штат роты мирного времени. Трудности были огромные, и они вынудили в январе 1915 года сформировать учебные команды с двухмесячным обучением. Учебные команды комплектовались грамотными солдатами и лицами, имевшими среднее или 4-классное образование. Эти последние, по окончании учебных команд, направлялись в школы прапорщиков, к этому времени имевшиеся почти в каждом городе. Начальником нашей учебной команды был назначен капитан Бельчук, и взводными офицерами — я — 1-го взвода, Слизской — 2-го, Гравовский — 3-го и Громаковский — 4-го. Команда была размещена в духовном училище (ныне тюрьма), в пер-

вом этаже. Во втором располагалась рота поручика Леонова. Фельдфебелем команды был Потапов, с которым мы все скоро сдружились, относились к нему с уважением и научились у него многому полезному. С Потаповым я встретился в Оренбурге вплоть до его смерти накануне второй мировой войны. Поньше живет в Оренбурге один из моих солдат, Горбенко, а в Москве — Миронов, Николай Антипович. Миронов был правофланговым и на строевых занятиях часто не мог или не хотел соизмерять свой шаг с остальными, почему он «тянул ногу» и мне приходилось из-за матерщины капитана Бельчука постоянно командовать: «Миронов, не тяни ногу!» Летом 1961 года, сидя в Ленинском садике, я вдруг увидел хорошо знакомую мне фигуру с характерной походкой, и я сразу узнал Миронова. Я окликнул: «Миронов!» Ноль внимания! Тогда я командую: «Миронов, не тяни ногу!», и Миронов сразу встрепенулся, узнал меня, очень обрадовался встрече, и мы провели с ним много вечеров за самыми задушевными беседами.

Строевые занятия зимой проводились в помещении или на улице, а летом за полотном железной дороги, в районе овчинного городка, классные, — изучение уставов и прочей «словесности», — в первом городском училище (ныне школа, угол Советской и Горького). За недостаточностью помещения — одна полурота до обеда проводила строевые занятия, а другая классные. Затем они менялись местами. Обучение велось очень интенсивно и по всем правилам военной науки. Каждый из нас старался вывести свой взвод на первое место, и солдаты тоже были охвачены духом соревнования. Поэтому дело у нас шло дружно и хорошо. Бельчук и тут манкировал службой, появляясь только для подписания необходимых документов. Он дал нам распоряжение говорить, если появится кто-либо из высшего начальства, что он на классных занятиях, если начальство придет в занимающуюся строевой подготовкой полуроту, и наоборот. Лично мне пришлось так докладывать начальнику запасной бригады генерал-майору Золотареву. Был у меня во взводе солдат Купин, Пантелеймон, житель Оренбурга. Увольнения солдат в отпуск в город были запрещены, однако, гуляя по Николаевской улице вечерами, я часто встречал Купина, рисковавшего появляться в оживленном центре города, вместо того, чтобы возвращаться в команду по более глухим улицам. Я здоровался с Купиным и никогда не допытывался, кто его отпускает, несмотря на строгое запрещение, считая Купина хорошим парнем.

Однажды летом, в воскресенье, будучи дежурным по батальону, я сидел в штабе батальона (ныне магазин № 4, на углу Советской и Горького, старое здание снесено), когда пат-

руль привел ко мне задержанного старшего унтер-офицера 3-го взвода команды Карачкова, переодетого в штатское платье. Он был одет в красную сатиновую рубашку подпоясан пояском с кистями и вид у него был очень смущенный. Я принял Карачкова и отпустил патрулю. Было еще светло, и в помещении штаба работало несколько писарей. Я спросил Карачкова, как он отлучился и как он попался патрулю, и он откровенно мне во всем признался. Я велел ему сидеть и ждать, пока не стемнеет, а когда стало темно, я спросил его, сумеет ли он незаметно вернуться в казарму. Он ответил мне, что сумеет, и я тогда сказал ему: «Лезь в окно во двор и беги, да больше не попадайся патрулям. Забудь, что ты меня видел и что я тебя отпустил». Карачков горячо поблагодарил меня и, не дожидаясь повторений, выскочил в окно, перелез через забор в соседний двор и был таков... В 1920 году Карачков командовал караульной ротой, и мы с ним встретились как старые друзья и вспомнили этот случай, причем Карачков сознался, что тогда он здорово струснул.

В апреле 1915 года в Оренбург были доставлены австрийские офицеры из крепости Перемышль. Им было сохранено оружие и денщики и помещены они были в школе (улица Кирова 40 или 42). Мы со Слизким, знавшим пару слов по-польски, пошли к ним, и Слизкой спросил австрийцев, как они думают, долго ли еще продлится война. Австрийцы ответили, — еще год. Скоро эти австрийцы надели штатскую одежду и стали совершенно незаметны.

В Оренбурге было много германских и австрийских подданных, интернированных и высланных сюда на жительство. Это были выложенные господа, прекрасно одевавшиеся и, как всякая новинка, они пользовались большим успехом у местных дам. Было просто оскорбительно смотреть, как они прогуливались по Николаевской улице, подчеркнуто любезничая со своими дамами. Особенно возмущала всех дочь барона Тизенгаузена, губернатора Тургайского края, имевшая свою резиденцию в Оренбурге (угол Советской и Горького, нарсуд). Это увлечение немцами продолжалось до тех пор, пока в местной газете не была помещена патристическая статья, задевавшая самого Тизенгаузена.

Слизкой носил золотые очки и фуражку мирного времени, — красный околыш и синий верх, надевая ее набекрень, за что оренбургские барышни прозвали его: «фик-фок, на один бок». Я переделал слова популярной оперетки «Пулсик», описывая в них Слизкого как «фикфока». Он только улыбался. Это был хороший человек и товарищ, попавший затем в 267-й Духовщинский полк. Я с ним переписывался, но в конце 1916 года потерял его из вида. Фельдфебелем Потапов был настоящим

« дядькой » для всех нас. Небольшого роста, призванный из запаса, он не забыл военной службы, часто давал нам практические советы, учил нас рубить шашкой (сам он рубил артистически). Однажды Потапов показал нам настоящий « трюк »: взял правой рукой винтовку за шейку ложа, выгнул руки и упер винтовку штыком в пол, затем выгнутой же рукой поднял винтовку на уровень плеча и вставил пракилад в плечо для прицеливания. Все мы пробовали сделать то же самое, но было трудно и ничего не получалось, требовалась тренировка. Потапов и стрелял отлично, а так как была полная возможность для стрельбы дробинкой в помещении, то Потапов показал нам « класс » стрельбы. К стене был прикреплен деревянный щит, а перед ним была сделана стойка с поперечной планкой, на которую ставились чурбачки, — уменьшенные изображения мишеней, в рост, с колена и головной. Мишени были прибиты на ремешках к планке и при попадании в них падали. Ремешок был для того, чтобы они не падали на пол, а повисали бы на ремешках и не надо было их поднимать с пола. Расстояние до мишеней было не более 12-15 шагов. В комнате стояли в два ряда кровати и стреляли над кроватями с линии огня, бывшей в проходе. Обычно занимались, когда команда обедала и помещение было пустым. Потапов вытаскивал в планку спичку и сбивал ее с первого же выстрела. Нас очень соблазнила такая меткость и мы с Громаковским попробовали, но безуспешно. Тогда Громаковский говорит мне: « Ставлю на ребро полтинник. Попадешь — твой, промахнешься — плати полтинник! » Я согласился и с первого выстрела сбил полтинник. Тут нас ододел азарт, и мы стали ежедневно заниматься стрельбой « на деньги ». Полтинник был большой целью, поэтому мы ставили двухкопеечную монету и начинали стрельбу. Скоро я достиг настоящей виртуозности и научился с первого выстрела сбивать спички, чем всегда и начинал стрельбу, как проверку своих способностей. Затем я надевал на спичку патронный капсюль и сбивал и его. Один раз Громаковский предложил попасть в капсюль заряженного холостого патрона и положил патрон на стойку, шляпкой к стрелку. Я выстрелил, раздался взрыв и звон разбитого оконного стекла. Сбивая с первого выстрела две копейки, мы « мазали » по крупным целям как полтинник. Во дворе водилось много диких голубей, и однажды я увидел, как оружейный каптенармус их стрелял патронами с уменьшенным зарядом. Кокосовые пули дробили голубей, которых каптенармус стрелял для еды. Я попробовал и эту охоту, причем бил исключительно в голову, снимая голубей даже с креста домовой церкви. Но голубей было мне жалко. И я стрелял в них только один раз.

Скоро мы расстались с капитаном Бельчук, уехавшим в полк. Я был назначен временно исполняющим должность начальника команды. 30 мая случилось чрезвычайное происшествие: застрелился солдат 3-го взвода, как сообщил мне прибежавший ко мне на дом вестовой. Придя в команду, я увидел застрелившегося, лежащего на полу в луже уже застывшей крови. Он достал где-то боевой патрон, взял винтовку, снял с нее штык, снял сапог с правой ноги, подставил дуло под подбородок и большим пальцем ноги нажал на спусковой крючок. Конечно, я сильно волновался, — о подобных чрезвычайных происшествиях докладывалось « на Высочайшее имя », и мне грозили большие неприятности. Тотчас же я пошел с докладом на квартиру командира батальона. Как говорили солдаты, — товарищи самоубийцы, — причиной был страх перед отправкой на фронт, оставленное же письмо было прощанием с родными с просьбой простить за содеянное. На причины, толкнувшие на самоубийство, никаких указаний не было. Быстро и очень тщательно было произведено следствие, так как основным вопросом было, откуда человек достал боевой патрон, чем ставился под сомнение правильность хранения и расхода боевых патронов в команде. Были тщательно проверены приемные и сдаточные документы, пересчитаны патроны и стреляные гильзы и оставалось только предположить, что патрон был подобран на гарнизонном стрельбище во время учебной стрельбы. Я пережил несколько полных волнений дней, пока командир батальона не успокоил меня тем, что ввиду военного времени и отсутствия доказательств военного хранения боевых патронов дело было прекращено штабом округа.

Почти каждый день я заходил к Грабовскому, жившему на квартире в доме судейского чиновника Тузикова (бывшая Тюремная площадь), откуда мы заходили за живущей рядом, во втором доме Тузикова, Марусей Ивановой и шли гулять на бульвар. Там мы всегда встречались с Громаковским и его « симпатией », Лелей Кормилицыной, подругой Маруси. Бульвар был всегда полон гуляющими, играл оркестр, лотшники торговали апельсинами и мандаринами, работал павильон фруктовых вод и мороженого. Лодочная станция на Урале имела много лодок и от желающих кататься не было отбоя. Пожилые люди развлекались в Беловском ресторане (откуда и бульвар назывался « Беловкой ») или в ресторане « Поплавок ». Урал в те времена был глубокий, и терасса « Поплавка » была почти над водой. Купальные костюмы тогда распространены не были, пляжей — песчаных отелей почти не было, и желающие купались в мужских и женских купальнях. Надо и учесть, что нравственность в те

времена у молодежи соблюдалась чрезвычайно строго. К лету 1915 года в запасных батальонах стало много прапорщиков, первых кавалеров местных барышень. Вообще военной молодежи было в городе очень много: юнкера казачьего училища, школы прапорщиков, кадеты старших классов двух кадетских корпусов и прапорщики, прапорщички...

Грабовский, окончивший Виленское военное училище, поляк по происхождению, был года на три старше нас с Громаковским и уже «умудренным» жизнью. Он начинал уже лысеть, прбывалась и седина на висках, что служило нам поводом подсмеиваться над ним, напевая ему шансонетку: «Миленский мой лысый, без волос остался, верно чрезмерно по ночам старался. Но вы не смущайтесь, я скажу со вздохом — продолжайте дальше — обростете мохом». Грабовский в нашей компании был без «пары», зато он наверстывал свое, таинственно наведываясь к многочисленным «соломенным» вдовам, чьи мужья были на войне. Потом он познакомился с гимназисткой, дочерью местного купца Катей Черноусовой, очень милой и хорошей девушкой. Она безумно влюбилась в Эдуарда Ивановича, а тот частенько ночевал на дачах в Зауральной роще, у «соломенных» вдов, за что мы его поругивали. В конце 1917 года Грабовский женился на Кате и увез ее в Польшу.

В начале июля начальником учебной команды был назначен поручик Головань, Савелий Кондратьевич, и я сдал ему команду. Он начал сразу с грубых выходов: резко оборвал меня, матерился, швырял «в морду» унтер-офицерам взводные списки и вещевые ведомости, и нам, взводным офицерам, было невыносимо стыдно за его поведение, так как ничего подобного мы раньше не видели и никогда себе не позволяли. Головань заявил, что он подтянет команду, но это было неверно, — подтягивать было некого и нечего, все несли службу добросовестно и старательно, и слова эти были крайне обидны. Если капитан Бельчук позволял себе материться, то это выходило у него как-то безобидно, и солдаты не обижались и нас, офицеров это не коробило, так как Бельчук ругался «вообще», не обзывая никого персонально. С назначением Голованя дух команды упал, все поняли, что он из себя представляет и что добра от него ждать нельзя.

Новшества и подтягивания, введенные Голованем, были ничем иным, как совершенно не нужной «нудой», портившей настроение всем. Стояла жара, занятия начинались в 5 часов утра, Головань на рыжем жеребце вел команду на Форштадтскую площадь или в район кладбища (теперь все застроено), где была страшная пыль, и начинал муштру, подавая команду: «Господам офицерам взять винтовки

и стать в строй на места взводных командиров!» После этого он подавал команду: «На пле-чо!» и «Справа по отделениям, шагом марш!» Барабанчик бил «поход», Головань, сидя на лошади, командовал, ругался, кричал: «Ногу!», пыль поднималась выше штыков, мы «печатали» ногу в облаках пыли, из которой виднелась голова лошади да грузная фигура Голованя. Трудно и неприятно было с ним служить... Много позже мы снова встретились с Голованем и более дружелюбно, ибо сам Головань «перекрасился», побывав на фронте, получив ранение в обе ноги и будучи взят в плен раненым и, как инвалид, отправленный в Россию через шведский Красный Крест. Вернувшись в Оренбург, Головань возглавлял в 1917-18 гг. городской союз увечных воинов, членом которого был и я. В 1937 году Головань, как и почти все офицеры старой армии — оренбуржцы, стал жертвой Сталина.

Занятия кончались в 11 часов утра, и после такой маршировки стоило большого труда, придя домой, очиститься с ног до головы от глинистой пыли, а каково было солдатам, которым нужно было еще и чистить винтовку. Приведа себя в порядок, я ложился и спал как убитый, пока меня не будил отец, чтобы я шел на послеобеденные занятия, начинавшиеся в 3 часа дня.

Командованием батальона было проведено нечто вроде неофициальных состязаний по боевой стрельбе среди офицеров. Сделано это было одновременно с боевыми стрельбами рот. Предстояло выполнить упражнения: на время, с перебежкой и по появляющимся мишеням. Стреляя я отлично, сказала постоянная стрельба дробинкой, стрелял быстро и попеременно с обеих рук, хватаясь своей лихостью перед стоящим около меня командиром батальона, руководившим стрельбой. В результате я занял первое место, превысив по числу очков рекорд дивизионных состязаний, проведенных в Тоцких лагерях до начала войны.

В августе я был переведен в распоряжение командира 105-го запасного батальона на формирование 238-го запасного батальона, в который я был назначен командиром 7-й роты. Грабовский тоже был назначен командиром роты, а Слизкой отправлен на фронт, и наша дружная четверка почти распалась. До прибытия командира батальона формированием руководил полковник Жадановский, командир 105-го батальона. Жадановский был небольшого роста и носил расчесанную надвое бородку. С сыном Жадановского, поручиком, я почти дружил, постоянно с ним встречался, гулял и знакомство с этим человеком было приятно.

105-й батальон занимал Константиновские казармы, расположенные рядом с Александровскими, на Форштадтской площади. Теперь

от них нет и следа, они сгорели в 1918 году, а затем были разобраны на кирпичи, и на месте Александровских теперь городской фильтр. Казармы не вмещали весь личный состав батальона, поэтому на площади были выстроены бараки и вот в них-то и начал свое формирование 238-й, как мы его в шутку называли, «непромокаемый, с дула заряжаемый» запасный батальон. Первыми прибыли кадры: унтер-офицеры из Самарского гарнизона, запасных батальонов 189-го Измайловского и 190-го Очакковского полков. В ожидании прибытия постоянного состава, — предстоял призыв ратников ополчения 1-го разряда, последнего еще не тронутого людского ресурса страны, — работы никакой не было, ротные командиры приходили в роты, здоровались с людьми, отдавали незначительные распоряжения, и на этом служба кончалась. Все ротные собирались возле забора, грелись на солнышке и занимались бесконечными разговорами. Несмотря на то, что в 238-м батальоне я прослужил более полугода, фамилии офицеров и унтер-офицеров в памяти у меня не сохранились, за исключением моей роты. Это были: старший унтер-офицер Коновалов, лихой красавец-мужчина, Шостаков, наиболее бравый из всех, мой любимец и ротный заповед, младшие унтер-офицеры Хуртин, Мликос, каптенармус Кароченцев и два фельдфебеля, кадровый — Брагин и из запаса Сидоренко. Накануне прибытия пополнения рота была переведена в бараки, в Тюремном переулке. Здесь я и встречал прибывающих людей. Построенные перед бараком, они представляли большое смещение как по росту, так и по национальностям. В то время как большинство русских были среднего и высокого роста, было даже несколько человек ростом в два метра, чувашки отличались малорослостью. Много было башкир и мордвы. Все они были из северных, «мужицких» волостей Оренбургской губернии и южных — Уфимской губернии. Все они были крестьянами и почти все малограмотны, а то и совсем неграмотны, и многие чувашки и особенно башкиры плохо понимали и говорили по-русски.

С первого же дня была путаница с поверкой личного состава. Каждый был принят под фамилией, записанной в волости и у воинского начальника, и по талону, имевшемуся у каждого на руках. При приеме все сошлось, а на утро оказалось, что есть и лишние и отсутствующие. Все оказалось просто: башкиры числились по родовым фамилиям, а сами они по обычаю называли себя по фамилиям от имен отцов. Среди чувашей было много традиционных «Иванов Васильевичей» и «Василиев Ивановичей». При разбивке по взводам я никому не отказывал в просьбах о назначении в один взвод с односельчанами, зная по себе, как это

много значит. Эти первые 250 человек составили ядро роты и с ними же я и приправился по-том на фронт. В это же время прибыли и учителя из числа окончивших учебные команды, среди которых был ефрейтор Супрун, с которым у меня установились почти дружеские отношения. Он держался со мною свободно, часто обращался ко мне с разными вопросами, зачастую неслужебного порядка, и выделялся своим отношением к службе. Парень был, как говорится, «свой в доску», но без всякой аффектации своей удали. Все исполнял быстро, ловко и скромно. Писарями я назначил двух хорошо грамотных солдат, Тулинцева и Володько. Этот последний был где-то мелким чиновником, и с ним у меня установились очень хорошие отношения. В январе 1916 года я ему предложил ехать в Петроград, на пулеметно-самолетные курсы и после долгих обсуждений он согласился, был в Петрограде до 1917 года и принимал участие в февральской революции.

С прибытием нового пополнения в числе около 300 человек, рота была переведена в Михайловские артиллерийские казармы (существуют и поныне), в которых помещался лазарет. Этот лазарет был перемещен в реквизированное для него помещение ресторана и кафешантана «Декаданс» (ныне клуб им. Ленина). В новом помещении нам было гораздо удобнее, — тепло, меньше сырости, было помещение для ротной канцелярии, цейхгаузов, вещевого и оружейного, теплая уборная, во дворе хорошо оборудованная кухня и прачешная. Белье солдаты стирали сами. При сытном питании и хорошем обмундировании качество сапог было ниже всякой критики, очень скоро подошвы отставали и во всех ротах появилось значительное число «босых», так как, не имея сменных обуви, люди бывали вынуждены сидеть в казарме, ожидая, когда починят их обувь. Это приняло характер бедствия, и в ежедневных строевых записках указывалось число босых. Ежедневно производились проверки таких «босых», нет ли среди них ловчащихся от занятости. Но самым страшным был недостаток винтовок, их дали всего по 40 штук на роту, а роты доходили до 500-700 человек. С винтовками занимались по очереди, и очередь подходила через 7-10 дней. Из-за этого пополнение фронта шло, слабо зная материальную часть винтовки и совсем не умея стрелять, особенно летом 1915 года, когда в связи с неудачами на фронтах и большими потерями, обучение продолжалось всего две недели, а иногда и меньше. Можно легко понять, что за бойцы прибывали в полки, как они бесцельно гибли в боях или массами сдавались в плен. Ведь среди призванных были и такие, которых стоило большого труда научить ходить в ногу, а уж о другом и говорить нечего.

Как и в других ротах, у меня было три литерных роты — А, Б и В. Рота литеры Б была укомплектована вернувшимися в строй ранеными и скоро была отправлена на фронт, так как эти люди были не только обучены, но уже и обстреляны. Скоро прибыл и командир батальона, полковник Кебадзе, и батальон вышел из-под опеки Жадановского. Штаб батальона помещался в «штабных казармах» на верхнем этаже, а в нижнем помещалась учебная команда, которой командовал прапорщик Цип, отличный строевик, влюбленный в свое дело и державший команду в блестящем состоянии. В 1950 году я познакомился с Николаевым, Иваном Васильевичем, оказавшимся бывшим солдатом учебной команды, который с большой похвалой вспоминал Ципа и учебную команду.

На мою долю выпало «довольствие» рот, расположенных в Михайловских казармах. Это означало, что на меня, или, как тогда выражались, на 7-ю роту возлагалось получение и хранение продуктов и хлеба, приготовление пищи, раздача ее ротам и вообще все заботы, связанные с питанием и заведением кухни. В военном училище нас этому не учили, и о хозяйственной части я не имел никакого понятия, но все шло хорошо, так как всем заворачивали фельдфебель, артельщик, каптенармус и повара, все кадровые солдаты, знающие свое дело, так что я, кроме подписи требований на продукты и отчетов, почти ни к чему не касался. Пища готовилась вкусно, и на кухне всегда была образцовая чистота.

Вичом казармы были клопы, размножившиеся в нарах, и с ними велась беспощадная борьба. Для этого были сделаны паровые машинки, нечто вроде кофейника — самовара, в них наливалась вода, в трубу закладывался горящий древесный уголь, вода кипела и из носочка довольно сильной струей бил пар. Держа этот прибор за деревянную ручку, направляли струю пара в нужные места — щели нар — и результаты были прекрасные. Это производилось в обязательном порядке, по субботам, в день уборки помещений, но не возбранялось пользоваться этими «клопомсрами» и в другие дни. Для улучшения быта солдат — одеял и матрасов не было — полковник Кебадзе приказал ротам собирать камыш и плести из него маты, что позволило людям спать в более сносных условиях. Кормили солдат хорошо. Когда я в первый раз вошел в столовую и увидел стоящие на столах солдатские бачки с налитыми щами, я удивился, почему нет пара и подумал, что не следует разливать пищу так рано, чтобы она не остывала до прихода людей. Но, подойдя ближе и присмотревшись, я увидел, что пар не идет потому, что щи покрыты толстым слоем жира, не дающего выхода пару. Вторым блюдом была обычно пшенная каша на бара-

ньем сала, и порция была большая. Хлеб выдавался по военной норме, — 3 фунта (1,200 граммов) в день и не поедался, лежал штабелями вдоль стен казармы и продавался жителям по дешевке. Хлеб был ржаной, своей выпечки, — была военная хлебопекарня. Надо отметить, что в нашем батальоне хлеб был по своим качествам лучше, чем в 104-м и в 105-м батальонах, и это было результатом деятельности и забот полковника Кебадзе, заставившего собирать в Зауральной роще хмель и варить из него дрожжи. То обстоятельство, что много хлеба пропадало, заставило вернуться к порядку мирного времени, получать хлеб не по нормам, а по потребности, и за недополученный по нормам хлеб получать его стоимостью деньгами, так называемые «хлебные деньги», которые в конце месяца раздавались солдатам. Каждый взвод давал заявку на нужный ему хлеб и так как учесть, кто сколько съел хлеба, было невозможно, то деньги делились поровну. Солдатский обед я очень любил и часто обеды, сидя в ротной канцелярии, съедая положенную мне по уставу «пробу». Делал я это и потому еще, что не хотел идти по какой-нибудь причине домой.

Полковник Кебадзе был великий хозяйственный и организатор, вникавший в каждую мелочь и не гнушавшийся показывать все сам. Так, он решил использовать прачешную для коллективной стирки белья, приказал собрать грязное белье, сам принимал участие в его сортировке на белое и цветное, замочил его в баках, развел мыло с керосином и сам произвел первую стирку, мешая палкой в баке, некое подобие стиральной машины. Все это было сделано в присутствии всех командиров рот и фельдфебелей. В определенные дни недели, по вечерам, Кебадзе собирал в батальонной канцелярии то командиров рот, то фельдфебелей, то артельщиков или каптенармусов, и проводил с ними инструктаж. В результате его забот батальон скоро стал выделяться во всех отношениях от 104-го и 105-го батальонов. Сам Кебадзе жил на квартире в доме того же Тузикова, то есть рядом с казармой. Кроме него и Грабовского, там же снимал квартиру и батальонный адъютант, прапорщик Ковалев, весьма симпатичная личность. Кебадзе ходил в перепшитой солдатской шинели, которую ему дали в госпитале лазарете, куда он был доставлен раненым. Он только перевернул солдатские защитные погоны и нарисовал химическим карандашом два полковничьих просвета. Держался Кебадзе, в какой-то мере подражая чудачествам Суворова, а может быть он и на самом деле был несколько чудаковат. Жил он с денщиком, который вел его домашнее хозяйство, и когда замечал за собою какое-либо упущение по службе, то наказывал сам себя, ставя себя «под шаш-

ку» и приказывая денщику подать команду: «На плечо!». Он появлялся на батальонной кухне, тщательно проверял закладку продуктов и вес порций. Однажды, в моем присутствии он взял у повара черпак и выловил из котла кусок мяса. Казалось, что по документам и по весу все было правильно, но мясо было налицо и было несомненно украдено от солдатского пайка. Кебадзе взял у немецкого от страха повара, державшего поднос с «пробой», деревянную ложку и основательно шелкнул ею повара по лысине, произнеся при этом очень резкую и сдобренную соответствующими словами речь о недопустимости обкрадывания солдат. Подобные случаи больше не повторялись, ибо повар рисковал потерять теплое местечко в тылу и быть отправленным на фронт. Кебадзе проявлял большую заботу о солдате и беспощадно требовал этого же от начальников всех степеней. Поскольку все офицеры были молодежь, выпускников военного времени, не имевшие никакого опыта, Кебадзе всех их научил очень многому, чего не было в уставах и что не преподавалось в военных училищах.

Ко мне в роту были назначены прапорщики Новиков и Розанов. Новикова, явившегося первым, я назначил командиром роты литеры А, а Розанова — литеры Б. Новиков был очень выдержан и ровен в обращении с солдатами, Розанов же часто «пылил» и его приходилось осаживать. При вербовке добровольцев в экспедиционный корпус во Францию Розанов изъявил желание и уехал вместе с одним из солдат моей роты, Сорокиным, к месту формирования части. При вербовке добровольцев было приказано подробно объяснить солдатам, куда они поедут, что придется совершить опасный переезд по морю и что нет гарантий на скорое возвращение на родину. Добровольцы нашлись во всех ротах и в достаточном числе. Зимой 1919 года, во время гражданской войны, на походе по дорогам Башкирии я повстречался с Сорокиным, возвращавшимся вместе с другими крестьянами с гужевой повинности для Красной армии. Наш полк шел походной колонной, а крестьянские сани навстречу, и для пропуска полка были вынуждены съехать в глубокий снег обочины дороги. Как Сорокин узнал меня, заросшего бородой, не знаю, но он подбежал ко мне с криком: «Ваше Благородие!», обращением, в те времена просто опасным для меня. Мы успели обменяться только несколькими словами, так как я не имел времени останавливаться.

Рожденный в военной семье и выпестованный нянькой-денщиком, я любил солдат, видя в них людей, призванных защищать родину, иногда — героев, верил в солдата и соответственно с этим и относился к нему. Поэтому солдаты, если не любил, то во всяком случае

уважали меня как человека и никогда и не в чем меня «не подвели» и не сделали ни малейшей обиды после революции, в то время как множество офицеров поплатились за свои ошибки. Я не бил на дешевую популярность, был далек от этой мысли, действуя по внутреннему убеждению и инстинктивно взяв правильную линию, что подтвердилось как в запасном батальоне, так и в полку, на фронте, хорошим отношением ко мне солдат и дружескими, теплыми встречами через много лет с бывшими моими солдатами, как упомянутые выше Карачков, Потапов, Миронов, Сорокин, другой Сорокин из 5-го стрелкового полка, Назаров, который обнял меня, встретив через 50 лет на улице Оренбурга. Эти встречи принесли мне большое удовлетворение тем более, что после революции офицерство было огульно охаяно «извергами, издевавшимися над солдатами», «контрреволюционерами» и всем, чем угодно, что всегда меня коробило, как явно несправедливое преувеличение.

Не только отпуска, но и увольнение солдат в город, были строго запрещены, однако я нарушил этот приказ несколько раз, когда в двух или трех солдат произошли дома несчастья. Мне было очень жаль людей и я не мог им отказать, однако уговариваясь, что я отпускаю их неофициально, без всяких документов и на самый короткий срок, который устанавливался по обоюдному расчету с учетом необходимого на дорогу времени туда и обратно и одного-двух дней пребывания дома. Чтобы гарантировать себя, я предупреждал солдат, что рискуя многим и если солдат в срок не вернется, я подаю о нем рапорт как о дезертире. Отпущенные люди вернулись в срок и никто меня не выдал, хотя об этом знали унтер-офицеры и солдаты взвода. Я думаю, что взводный унтер-офицер получал тут какую-то мзду, так как обращение ко мне солдат происходило по уставу, «по команде», и «договор» об отпуске заключался в присутствии взводного, который докладывал просьбу солдата и был его ходатаем. Попутно надо отметить, что за все время моей военной службы в моей роте не было случаев дезертирства, равно как я не слышал о таких явлениях в других ротах.

Военным министерством был объявлен приказ, категорически запрещающий рукоприкладство вилот до того, что при обучении ружейным приемам всему обучающему составу запрещалось делать поправки руками и вменялась в обязанность брать самому в руку винтовку и показывать правильность приема, не касаясь солдата руками. Конечно, палочная дисциплина, мордобойство и матерщина в армии существовали, но это было в далеком прошлом, и эти темные стороны проявлялись теперь в очень редких случаях и только среди редких офице-

ров и унтер-офицеров, как Голованг, например.

Пройдя хотя и короткую, но суровую школу в военном училище, я хорошо представлял себе « службу солдата » и никогда не увлеклся во время занятий, не доводил солдат до утомления, никогда не ругался сам и не позволял делать это другим. Один из моих любимцев, старший унтер-офицер Коновалов, однажды превысил свои дисциплинарные права, поставив « под ружье » одного солдата своего взвода-башкирина. По установившейся привычке, прежде чем зайти к Марусе Ивановой или к Грабовскому, жившим рядом с казармой, я зашел в роту и при обходе помещений увидел стоящего под ружьем солдата, да еще с « полной выкладкой », то есть с вещевым мешком, наполненным « для веса » кирпичами, как это практиковалось за отсутствием положенных по мирному времени предметов: второй пары сапог, белья, портянок и другой мелочи. Я был удивлен, так как никаких наказаний на солдат не налагал, и спросил : « Кто тебя поставил под винтовку ? » « Господин взводный Коновалов ». Я скомандовал наказанному : « К но-ге ! », приказал поставить винтовку в пирамиду и быть свободным, а затем отчитал Коновалова за самоуправство, запретив повторять подобные случаи.

Среди солдат-чувашей, отличавшихся какой-то заботливостью и плохо владевших русским языком, был один, уже не помню его фамилию, которого все называли « Василий Иванович », возбуждавший особую жалость своим безнадежным видом. Я приказал настрого ни в коем случае не потешаться над ним и не обижать, терпеливо к нему относиться, специально для этого вызвал и проинструктировал его учителя из ефрейторов. Плохое знание русского языка и неграмотность почти всех башкир и чувашей делали обучение их крайне затруднительным, особенно в том, что касалось пресловутой « словесности », так любимой начальством, и таким статьям устава как обязанности часового и караула в гарнизонной службе и в поле, обязанности стрелка в цепи и другим премудростям, которые требовалось знать наизусть. На различных смотрах и поверках начальство скидки на национальность и общее развитие солдат не делало и только терпеливое обучение без окриков, дергания и запугивания могло и принести блестящие результаты. Как я дошел до этого, я и сам не знаю, никто мне не подсказывал, но, как говорится, « попал в самую точку ». Вопреки шаблону и всяким правилам, я выделил в отдельные группы наиболее отстающих, приставил к ним учителей, которым я доверял, и вменил им в обязанность проводить занятия с этими людьми « тихим способом ». В своих расчетах я не ошибся.

Весна и лето 1915 года были периодом тяже-

лых поражений на фронте, были оставлены Польша и Галиция, фронт везде катился назад. Не было патронов и снарядов, не хватало винтовок. Кадровое офицерство было перебито и вышло из строя, как и весь рядовой состав. Огромная армия превратилась в плохо обученный, одетый в солдатские шинели народ. Кадровое офицерство смотрело на прапорщиков свысока, как на временное, на время войны, явление, между тем как на плечи этих прапорщиков легло все бремя войны, и не случайно Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич сказал как-то, что он воеет с одними только прапорщиками... Прапорщиками были все, кто имел 4-классное и выше образование, призвали и студентов, имевших по закону отсрочку от призыва и таким образом офицерский состав демократизировался и потерял свой замкнутый, классовый состав. Ни офицерский состав, — прапорщики, ни солдаты не блистали военными знаниями, оружия и боеприпасов не хватало, скольконибудь талантливых полководцев не было. Чего же можно было ожидать ? Все видели, что творится, и молчали. В памяти был еще свеж позор русско-японской войны, а один из ее « героев », генерал Куропаткин, был назначен командующим фронтом. Как пощечина прогремело дело полковника Мясоедова и военного министра Сухомлинова, брат которого, тоже генерал, был Оренбургским генерал-губернатором и Наказным Атаманом Оренбургского казачьего войска, Распутин, министерская чехарда, — было от чего сжиматься сердцу. Старый мир медленно, но верно разваливался на наших глазах, но сильно еще была, казалась несокрушимая, вера в « три кита » — « Вера, Царь и Отечество ». А на фронтах народ воевал « большой кровью », противопоставляя немецкой пресвосходящей технике свою грудь. Несмотря ни на что, русский солдат воевал с доблестью прославленных суворовских орлов. Слава русскому солдату !

Недостаток винтовок в запасных частях сводил обучение к шагистике и словесности. Во взводах было до 70 человек, и имевшиеся в роте 40 винтовок были каплей в море. Ими пользовались по очереди : сегодня один взвод, завтра другой и естественно, что обучение сводилось к умению отвечать на приветствие начальника, в то время как при нормальном положении с винтовками все это могло прорабатываться одновременно. Выхода, однако, не было. Во многих ротах винтовки заменили гимнастическими палками, в лучшем случае их заменяли трофейными австрийскими винтовками, но и они не были лучше палок, так как почти все они были без затворов и без штыков, то есть были простой бутафорией. На фронте целые дивизии тоже были вооружены трофей-

ными австрийскими винтовками.

Перегруженность рот личным составом задрядила «сколачивание», и много времени уходило на взводные и ротные учения, перестроения, равнения и соблюдение «ноги». Тут я применил свой метод обучения, давший прекрасные результаты и одновременно облегчивший муштровку. Когда занятия проводились на площади перед казармами по отделениям, то по окончании занятий я не стал собирать роту, строить и равнять ее, что занимало много времени, и после этого вести ее в казарму, до которой нужно было пройти не более 200 шагов, а становился на тротуаре и подавал команду: «Мимо меня, церемониальным маршем, по-отделением, в казарму шагом марш!». Каждый делал вел свое отделение развернутым фронтом (строй одной шеренги), подавая нужную команду. Я делал замечания, но не скупился и на похвалы. Сгорю мои солдаты научились соблюдать на ходу равнение и «печатать ногу» по-парадному. Это вызвало соревнование между учителями и солдатами: чье отделение лучше пройдет, а я играл роль главного судьи, окруженный болельщиками-взводными командирами, настолько увлекшимися, что иногда они нарушали дисциплину, вступая в спор между собой. В результате после небольшой подготовки и обучения в составе всей роты, на Георгиевском параде моя рота прошла церемониальным маршем прямо блестяще и получила особую похвалу командира батальона, а ведь прохождение роты во взводной колонне считалось трудным.

Наступила зима. Словесностью и подготовительными к стрельбе упражнениями занимались в казарме, а строевые занятия проводились на площади возле казармы. Несмотря на ужасающие потери на фронте, маршевые роты из нашего батальона не отправлялись, за исключением сформированных из выздоравливавших раненых, и наши солдаты прошли основательную подготовку за шесть месяцев пребывания в батальоне. В то же время из 104-го и 105-го батальонов маршевые роты особенно летом 1915 года отправлялись на фронт даже после двухнедельного обучения и, по сути дела, совершенно неподготовленными.

Начальником запасной бригады был назначен вместо добродушного генерала Золотарева генерал-майор Погорельский, известный своей жестокостью к солдатам по мирному времени, когда он был командиром бригады в 48-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в Оренбурге. Погорельский был крайне нелюбим офицерами, а тем более солдатами, к которым он относился по-зверски, будучи податливым командующему войсками Казанского военного округа генералу Сандецкому. В начале войны Сандецкий был переведен в Москву, но скоро был возвращен

на свою старую должность в Казань. Сандецкий славился самодурством и жестокостью, а Погорельский был его последователем. Оба они в революцию были арестованы солдатами.

По уставу внутренней службы солдат был обязан знать своих прямых начальников в лицо, и поэтому в помещениях рот в мирное время висели портреты Сандецкого, но, когда началась война, полки ушли на фронт, Сандецкого перевели в Москву, портреты его сняли и куда-то засунули за ненадобностью, и вдруг Сандецкий появляется вновь в Казани и приезжает в Оренбург инспектировать части гарнизона. Тут фельдфебеля 104-го батальона выкинули такой номер: помещения рот в Александровских казармах сообщались между собой внутренними дверями, и двери эти были забыты и заставлены с обеих сторон шкапами, а ход в каждую роту был отдельный, со двора, так что, осмотрев одно помещение, нужно было выйти во двор и зайти в следующую дверь. В одной из рот сохранился портрет Сандецкого, и его повесили в первой роте и, пока Сандецкий со свитой переходил из роты в роту через двор, шкаф отодвигался от двери, дверь открывалась и портрет вешался на новом месте, на заранее вбитый гвоздь. Так портрет пропутешествовал по всем ротам к удовольствию Сандецкого и недоумению командира батальона, полковника Иванова. Потом Иванов расспросил фельдфебелей, и те рассказали ему, в чем было дело. Это был факт, и его поведал мне сам Иванов, очень довольный выдумкой солдат.

Гарнизон в Оренбурге был большой, и для занятий использовались все площади. Летом 1915 года с солдатами стали происходить несчастные случаи: на местах учений стали находить разные металлические трубочки, якобы забытые землей и которые солдаты, курившие махерку (паек), пытались использовать как мундштуки, а когда начинали выковыривать из трубочек «землю», то происходили взрывы, осколками ранили солдатскую руку, а иногда и отрывали пальцы, и солдат, не бывавший на войне, выходил из строя. Безусловно, это была работа немецких диверсантов (кстати непойманых), и был издан приказ, строжайше запрещающий солдатам поднимать что-либо с земли и тем более ковыряться в найденном. Приказ был объявлен всему личному составу, и несчастные случаи прекратились.

До выпадения снега тактические занятия я проводил за полотном железной дороги, всегда уводя роту подальше от глаз начальства, так как боялся, по молодости, устроить что-нибудь, что могло не понравиться начальству. Я проводил двусторонние тактические учения: рота прапорщика Новикова против роты прапорщика Розанова, одна в обороне, другая в наступлении. За недостатком винтовок безоружные

имитировали стрельбу хлопками в ладоши. Было смешно, но еще более — печально, ведь такие хлопки раздавались по всей России! После занятий я произвождал разбор действий рот. Розанов всегда горячился, когда я давал ему слово, и спорил с Новиковым, который, всегда выдержанный, со спокойной улыбкой отвечал ему. Роты стояли «вольной», полукругом, а в центре всегда горел костер. Солдаты с интересом слушали разбор и сами иногда просили разрешения сказать свое мнение. Такие занятия, в других ротах практиковавшиеся редко и скорее по неопытности ротных командиров и отчасти из-за лени тащиться далеко за город, были очень показательны и нравились солдатам, вызывая критику действий своего подразделения и даже отдельных солдат. Кроме того, эти учения вносили какое-то живое разнообразие после ежедневной нудной муштры.

Занятия начинались в 7 часов утра, еще в сумерки, снега не было но земля замерзла и топот множества ног бывал громким. Как уже говорилось, на площадь выходили дома Тузикова, имевшего дочерей-барышень, и иногда мне в голову приходило желание пошалить и разбудить спавших еще девиц, имевших среди офицеров много знакомых и все же считавшихся второразрядными. Для этого, проводя роту под окнами дома, я подавал команду: «Ногу!» и пятьсот здоровых глоток, зная, к чему это делается, дружно и весело кричали: «Раз, два, три!», отбивая по мерзлой земле твердый шаг. Для разнообразия я отдавал иногда и другую команду: «Отвечать, как начальнику бригады!» и в этом случае на приветствие: «Здорово, молодцы!» рота громко отвечала: «Здравия желаем, Ваше Превосходительство!». На ходу пелись песни, — барабанщики и горнисты были упрзднены с объявлением войны. Запевал старший унтер-офицер Шестаков, обладавший приятным голосом, певуче-красиво он подавал и команды, в чем я ему подражал. Песенный репертуар был довольно обширным: кроме всем известных народных песен — «Коробейники», «Выйду ль я на реченьку», «Во кузнице», «Когда я на почте служил ямщиком», «Полосынька», «Вдоль да по речке», «Вдоль по улице метелица метет», украинских — «Копав, копав криниченьку», «Ой во лузи», пелись и чисто солдатские: «Соловей, соловей, пташечка», «Чубарики чубчики», «Поехал казак на чужбину», «Дуня, ягодка моя», «Гибель "Варяга"», «Плещут холодные волны», «Взвейтесь, соколы, орлами», «Умер, бедняга, в больнице военной», «Ночи темны, тучи грозны»... В этой последней песне мне очень нравились куплет:

«Эй вы, немцы (турки), басурманы, покоряйтеся вы нам!

Если вы нам не сдадитесь, пропадете, как трава
Наша матушка Россия всему свету голова!»

Разучивание песен происходило по вечерам под руководством какого-нибудь унтер-офицера, любителя пения. Особенно любимой была песня «Черные кудри», своим содержанием похожая на романс. Появились и новые песни как «Смело мы в бой пойдем за Русь святую» и оригинальная по исполнению «На взморье мы стояли»:

«...русский любит угостить,
угостить свинцовой пулей,
на закуску стальной штык...»

Исполнялись и старинные солдатские песни: «Вдоль по линии Кавказа», «Солдатушки, бравы ребятушки» и многие другие. Я знал слова всех песен и иногда пел с ротой. Самой полезной была песня об обязанностях стрелка в цепи. Она была чрезвычайно удачно составлена, охватывая все уставные положения, которые солдат должен был знать наизусть, и известное выражение Суворова: «Каждый воин должен понимать свой маневр»:

«Понимающий задачи
В роте, взводе и звене,
Не потерпит неудачи
В жарком деле на войне.

Если надо — окопайся,
Для ружья найди упор,
Ведь для этого дается
И лопата, и топор.

Связь всегда святое дело,
А в бою еще важней,
При поддержке лезь ты смело,
Да и драться веселей.

Помогай всегда, чем можешь,
Коль слышал товарищ твой,
Где огнем, штыком, лопатой,
Где и собственной спиной.

И так далее. Указывалось, что делать при ранении, о важности наблюдения за полем боя, об отобрании патронов у раненых и убитых, так же как и обязанности часового в полевом карауле. Все это было наиболее частыми вопросами инспектирующего начальства, и я учил солдат, что если его спросят про эти обязанности то вспоминай слова песни и отвечай своими словами. На фронте было широко распространено взятое из этой песни название связистов: «Святое дело».

Оказывается, мой отец не тратил уплачиваемые мною ему деньги за стол, а копил их и, не говоря мне ни слова, купил для меня выездную лошадь за 300 рублей, пролетку и приставил кучера, одного из солдат нестроевой команды корпуса. Лошадь стояла в конюшне с корпусными лошадьми вместе, а пролетка и санки — в каретнике. Нельзя сказать, что это меня очень обрадовало, — лошадей я не знал и не любил, ездить на службу нужды не было, это отдавало «шиком», но делать было нечего, воля родителя — закон. Утром я ехал в роту и к моему приезду рота была уже построена на площади и прапорщик Новиков подавал команду и рапортовал мне. Признаться, мне всегда было стыдно, что приезжаю я так «по-генеральски», поэтому я всегда поспешно слезал с пролетки и отпускал лошадь домой. Однажды, подъезжая к роте точно вовремя, я увидел полковника Кебадзе, который подал команду вместо прапорщика Новикова. Я не растерялся и попросил у полковника разрешения поздороваться с ротой. Кебадзе, не сделав мне никакого замечания, удалился в штаб. Новиков тоже объяснить мне ничего не мог. Домой, на обед, я ездил уже более спокойно. Катанье, модное в те времена, меня совершенно не интересовало, и я ни разу нигде, кроме как на службу, не выезжал и охотно ходил бы на службу пешком, но из уважения к отцу приходилось пользоваться лошадью. Кстати, у нее была скверная привычка, доехав до перекрестка Николаевской и Гостинодворской улиц (теперь-Советской и Кировской), она обязательно останавливалась, воротила оглобли, брыкалась, и мой кучер, татарин, промучившись несколько минут, просил городского: «Стражник, проводи лошадь!» Городовой брал лошадь под уздцы, проводил ее несколько шагов, и дальше лошадь шла без фокусов. Объяснить такое ее поведение было нечем.

Как я ни устал за день, все же ежедневно, приведя себя в порядок, отправлялся гулять в город, заходя либо за Грабовским, либо за Марусей Ивановой. Летом это было на бульваре, где особенно по субботам и в воскресные дни собиралось множество молодежи. Здесь было место знакомств и свиданий. В те далекие времена отношения кавалера к барышне были весьма целомудренны. Знакомства происходили преимущественно через посредников — товарищей или подруг знакомившихся — и главным образом в семейных домах, в театре или на бульваре, а балы бывали только раз в году, на Рождество или на Новый Год. На улице или в другом общественном месте попросту подойти к знакомой барышне было нельзя, — требовалось поздороваться и попросить разрешения подойти, а это разрешение не всегда, по каким-либо причинам,

давалось. О том, чтобы гулять с барышней «под ручку» или провоять ее домой тоже «под ручку», не могло быть и речи. Рука могла быть предложена только на балу, да и то после танца, для сопровождения барышни на ее место, обычно возле матери, тетки или замужней старшей сестры. Обращение между кавалером и барышней было неизменно на «вы», причем учащихся называли по именам, а кончивших гимназии или другие учебные заведения — только по имени и отчеству. Окончившая учебное заведение барышня могла дать своему кавалеру разрешение называть ее по-прежнему по имени, и это обычно делалось среди старых знакомых. Такое «милостивое» разрешение получал и я от Маруси. Разговоры велись самые высококравственные: о музыке, о театре, кино и т. п. В Оренбург «светила» не заглядывали, но все они были нам известны по грамофонным пластинкам, и любимцами публики были, конечно, в первую очередь, Шаллягин, тенора Смирнов и Собинов, сопрано Нежданова и Збруева и исполнительницы романсов Плевницкая, Вьяльцева и Варя Панина. Из иностранцев славились Энрико Карузо, Маттео Баттистини и Титто Руфо. Ради рекламы выпускались даже мужские и женские расчески с надписями на них: «Шаллягин» или, например, «Нежданова». Кинематографы были гораздо доступнее, и любимцами публики были артисты Вера Холодная, Малиновская, Полонский, Мозжухин и Лысенко. Кинофильмы с их участием выпускала московская фирма Ханжонкова. Обычно это была инсценировка какого-нибудь романа, вроде «Дитя, не таяния весною за розой» и «У камина», или «Вот вспыхнуло утро» и так далее. Шведская артистка Аста Нильсен тоже имела большой успех, и фильмы, в которых она играла, я не пропускал. Королями оперетты считались Монахов и Шувалова, певшие в московском театре «Зон». Успех и слава М. Горького были огромны, «На дне» шло во всех городах, не сходя со сцены, и песня «Солнце всходит и заходит» стала народной, как и «Быстры, как волны, все дни нашей жизни» из пьесы Л. Андреева «Дни нашей жизни». Так же не сходили со сцены пьесы Чехова. Особой славой пользовалась плодовитая писательница Вербицкая, которая в своих романах по-новому освещала любовь и брак. Вокруг ее произведений шла большая полемика, они были под запретом для учащейся молодежи, и все же «Ключи счастья», ее наиболее нашумевший роман, были экранизированы.

В Оренбурге были открыты местными богачами несколько маленьких лазаретов для раненых, содержавшихся на средства этих богачей. Был лазарет для офицеров коннозаводчика Шотта (на Ленинской улице). Там оказался на излечении мой друг по военному училищу Ни-

колай Цветков. Встреча наша была радостной, мы ежедневно проводили с ним время, и Цветков в знак дружбы подарил мне серебряный портсигар, стоивший 20 рублей, немалые по тем временам деньги. Этот портсигар прошел со мною первую мировую и гражданскую войны, побывал в руках австрийских офицеров, когда я, раненый, попал в плен и был в конце концов украден у меня соседом, когда я был в Бухаре, на басмачском фронте. Цветков познакомил меня с лежавшим с ним вместе раненым поручиком князем Енгальчевым. Енгальчев был ранен в руку, носил ее на черной повязке и, как представительный и красивый мужчина, пользовался необыкновенным успехом у женщин. Я часто гулял с Енгальчевым по бульвару, не подозревая, как и все прочие, что он — авантюрист и самозванец, что разоблачилось постом шумной, на весь Оренбург, скандальной историей. Енгальчев вдруг переселился в номер «Биржевой гостиницы» (ныне «Урал»), познакомился и начал ухаживать за дочерью одного генерала, вскружил девушке голову, влез в доверие отца, сделал предложение, на которое получил согласие. Для свадебных подарков невесте и ее отцу, пользуясь княжеским титулом (князья Енгальчевы существовали в действительности), взял у местного ювелира Вольфсон в кредит несколько ценных золотых вещей и скрылся с ними, не заплатив и за номер в гостинице.

Теперь я могу спокойно сказать, что в то время я пользовался большим успехом у барышень, преимущественно гимназисток старших классов, а было мне всего 17½ лет! Каждая хотела со мной познакомиться, я получал массу писем с предложениями знакомства или назначавших свидания. Ни на одно такое свидание я не пошел и обычно посылал своего друга, семинариста Колю Борисова, посмотреть, кто меня приглашает. Вращаясь исключительно в кругу молодежи, я не мог избежать знакомств, и число знакомых моих барышень достигало, наверное, сотни, и своего рода «именной список» которых я хранил несколько лет.

До середины лета 1915 года встречи прибывающих на излечение раненых солдат проходили в торжественной обстановке, с оркестром музыки, цветами, но затем постепенно все сошло на нет, став обычным явлением, на которое не обращали внимания. Правда, к санитарным поездам высылались извозчики, а потом и оркестр перестали высылать.

Отец знал, что я курю, но в его присутствии, я никогда не курил, даже тогда, когда женился (1921). Мне было очень дорого внимание отца, когда однажды, придя со службы, я увидел у себя на столе подаренную отцом пепельницу, и я берег ее, как память об отце до 1924 года, когда она так разбилась, что склеить

ее было уже невозможно.

От моей роты, как от одной из лучших, несколько раз назначалась рота по штату мирного времени для участия в параде в царские дни. Парад происходил на Водяной улице (теперь — «9 января»), у собора (на его месте Дом Советов). От каждого запасного батальона выделялась рота, и все три роты прибывали к собору, составляли винтовки в козлы, и люди вводились в собор на торжественное богослужение, после которого и происходил сам парад. Для парада я отбирал самых рослых, высоких солдат, а таких было немало, и было приятно смотреть на моих молодцов; правофланговому я был по плечо, а винтовки у них в руках казались игрушками. Затем на парады стали назначать только учебные команды, и блистать перед публичной командой и шашечными приемами больше не довелось.

Наступил 1916 год. 1 января полковник Кебадзе после парада собрал всех офицеров в батальонной канцелярии, поздравил нас с Новым Годом, поклонился в пояс и пожелал всем нам поскорее отправиться на фронт. «Засиделись», сказал он в заключение. В этот же день вечером, зайдя к Грабовскому, я был приглашен к нашему адъютанту, прапорщику Ковалеву, у которого уже сидел полковник Кебадзе. За столом мы выпили, что по тому времени было редкостью, и я попросил Кебадзе отправить меня на фронт. К этому решению я пришел потому, что избрав военную профессию, мне не было смысла находиться в запасном батальоне, так как производство в чины здесь не шло и в будущем это угрожало мне тем, что я останусь в хвосте, даже несмотря на то, что я окончил военное училище по первому разряду. Многие из моих учеников — солдат учебной команды, окончили уже школы прапорщиков и возвращались с фронта ранеными, обогнав меня в чинах, не говоря уже о боевых наградах. Все это было мне крайне зазорно. Конечно, я хорошо понимал, что я находился в кадрах запасного батальона только потому, что меня берегли по моей молодости, — мне к этому времени исполнилось 18 лет и я был самым младшим в батальоне. В разговоре с Кебадзе, под влиянием выпитой рюмки, я позволил себе поспорить с ним, говоря, что вернуться с фронта не иначе, как с офицерским Георгиевским крестом. Кебадзе посмеивался, но я ошибся не на много, будучи награжден Георгиевским оружием. Приехав раненым в Оренбург, я хотел напомнить Кебадзе этот наш разговор, но, к сожалению, Кебадзе уже уехал в свой полк, на фронт. Рапорт свой я всетаки подал и ждал результатов, неся службу по-прежнему.

Было намечено проведение бригадного двухстороннего учения, и место было выбрано для него за Уралом, между железнодорожным по-

лотном и Зауральной роцшей. Я производил реконструкцию, местности; проваливаясь чуть ли не по колено в снег, я обобщел место преподаваемого учения. Роты готовились к учению, делались трещетки, имитировались пулеметную стрельбу, обучались «сквозным атакам», вызывавшим много споров, так как во избежание несчастных случаев люди обучались, при встрече с условным противником и прохождении сквозь его цепи, брать винтовку «на себя», то есть держать ее почти вертикально, наклонив штык к себе. Противники этих атак говорили, что и в настоящем бою люди, заучив брать винтовку «на себя», будут машинально делать то же самое, вместо того, чтобы держать винтовку «на руку» и колоть врага штыком. Учение производилось в присутствии начальника бригады генерал-майора Погорецкого, была холодная погода, глубокий снег мешал передвижениям, и поэтому учение затянулось и было закончено благодаря инициативе Громаковского, поднявшего свою роту в атаку шагов за триста до нас, за что он получил на разборе замечание, так как с такого дальнего расстояния поднимать в атаку нельзя. Но Громаковский ловко вывернулся, сказав что-то об инициативе.

Между тем мой рапорт путешествовал по штабам, и во второй половине января пришло разрешение отправить меня на фронт. Роту я сдал прапорщику запаса Немцеву, очень симпатичному человеку, но сугубо штатскому, работавшему до войны в Волжском пароходстве, а я был назначен командиром роты литер А, вместо Новикова, уже отправленного на фронт. Люди мои были довольны, что поедут на фронт со мной. По всему чувствовалось, что отправка приближается с каждым днем. Рота получила походное снаряжение: полотнище палатки со стойкой и прикольшем, нагрудный брезентовый патронташ, вещевой мешок и стеклянную флягу в чехле (самое жалкое из всего нашего снаряжения, и обычно, отправляясь на фронт, солдаты, проходя по Николаевской улице, били эти фляги об землю). Было выдано и зимнее суконное обмундирование, причем гимнастерки были штыги не только хорошо, но и по входившей тогда моде, — с нагрудными карманами, поясной стяжкой и крючками для заправки поясного ремня, что очень нравилось солдатам. Жалко было только то, что часть гимнастерок была из желтоватого сукна верблюжьей шерсти. Зная, что при раздаче может быть много обид, — в этом отношении солдаты были большими детьми, — я засел в каптерке и присутствовал при раздаче обмундирования до самого конца. Каждый хотел обязательно получить защитную гимнастерку, поэтому приходилось кое-кого и поучивать взять светлую. Особенно хотел получить защитную чуваш Василий

Иванович. Он стоял у дверей цейхгауза, жадными глазами смотрел на гимнастерки и попросил меня выдать ему «синюю», как назвал он защитную гимнастерку. Я приказал каптенармусу выдать ему ее, и Василий Иванович ушел, сияющий от восторга. Надо сказать и отдать им должное, что среди солдат инородцев, как их тогда называли, большинство отличалось большой старательностью и исполнительностью, высокой порядочностью и терпеливостью, даже и на насмешки глупцов-русских. Обращаясь к офицерам, башкиры и чувашы, не знавшие обращения на «вы», говорили: «Ваше Благоудие, дай мне синюю рубаху», как сказал мне Василий Иванович. Был такой случай, когда на инспекторском смотре маршевых рот начальник бригады генерал-майор Погорецкий спросил солдата-башкирина: «Кто я такой?», и солдат, улыбаясь вопросу, ответил: «Сама бригадный и сама знаешь, а спрашиваешь».

Наступил установленный перед отправкой на фронт инспекторский смотр готовности маршевых рот. Эта церемония всегда проводилась на Форштадтской площади, от снега не расчищаемой и где местами были и сугробы по колено и участки голого льда. От трех запасных батальонов на смотр выводилось 14 рот, и среди них две от нашего батальона, моя и от 8-й роты. К смотру готовились очень тщательно, так как смотр производил сам командующий войсками округа Сандецкий. 7-й ротой вместо Немцева уже командовал поручик Андреев, прибывший с фронта и игравший в роте роль какого-то «шефа», относясь с прохладцей к своим обязанностям. Подготовкой роты я занимался сам, иначе и быть не могло, я роту учил, я ею командовал и с нею шел на фронт, и было делом чести представить роту образцово. Люди повторяли словесность и заучивали молитву перед боем, которую должны были знать и офицеры. Я тоже учил эту молитву, она была напечатана на маленьких зеленых бумажках, но выучить никак не мог, — так она мне не нравилась, и это было первой и единственной частью военной науки, которую я, считаясь блестящим офицером, не одолел.

Стоял трескучий мороз без ветра. Вечером накануне смотра я с фельдфебелем Сидоренко, которого я должен помянуть самым добрым словом за его бесценную для меня помощь по управлению ротой, сидели и договаривались о том, что еще нужно сделать для успеха смотра. Первым решением было — обязательно смазать затворы винтовок керосином, чтобы они не отказали на морозе. Но на морозе у солдат не будет боевого вида, придется им долго стоять на морозе, и пока дойдет очередь, люди замерзнут, потеряют бодрый вид и будут действовать бездушно, и поэтому мы решили кунить вазелина, чтобы люди смазали им носы, уши, паль-

цы ног и рук. Сейчас же я дал денег и послал в аптеку за вазелином, которого купили огромный полуведерный чайник. Затем стал вопрос, выводить ли на смотр всех людей. Сидоренко предложил оставить в казарме самых плохих по подготовке солдат. Я решительно от этого отказался, считая это недостойным обманом. Тогда Сидоренко предложил всех башкир и чувашей, плохо говорящих по-русски, поставить во вторую шеренгу в расчете на то, что начальство будет задавать вопросы стоящим в первой шеренге. На это я согласился.

В день сматра роты были выведены заранее на площадь, и моя рота была поставлена на правом фланге, как раз напротив Александровских казарм, тылом к жилым домам, возле которых, как и возле казарм, были большие сугробы снега. Рота была выстроена на чистом месте плонцади, но под ногами был настоящий каток, — ветер сдул снег со льда огромных луж, замерзших еще с осени. Сидоренко и тут проявил свой опыт: вынул из кармана клубок шпагата, один конец закрепил у носков ног правофлангового, протянул шпагат вдоль фронта строя и шашкой провел по линии шпагата черту на льду, а солдатам сказал, что, когда подадут команду: «Равняйся!», носки сапог следует поставить к черте и равнение будет хорошим. Ясно видную на льду черту Сидоренко замаскировал снегом, чтобы она не бросалась бы в глаза.

Смотр начался с моей роты, команду для встречи и рапорт подал поручик Андреев, я же стоял на своем месте в строю. Подошел Сандецкий, худой, высокий старик, тепло одетый, в оленьих сапогах, башлыке и фуражке с огромными козырьком. Сандецкого сопровождали начальник бригады Погорецкий, адъютант, командир нашего батальона Кебадзе и другое начальство. Сандецкий поздоровался с ротой и подал команду: «Командующий маршевой ротой, — ко мне!» Я подошел к нему по всем правилам устава. Сандецкий подает команды мне, я команду роте: «На пле-чо!» (только первый взвод был с винтовками) Справа по-зводно, шагом марш!» «Бегом марш!» Рота шла и бежала хорошо, но впереди были сугроб и я боюсь, что вот сейчас случится что-то непоправимое, — люди завязнут в глубоком снегу и потеряют не только ногу и равнение, но и весь строй смешается. Но Сандецкий допустил роту до предела и подал команду: «Кругом марш!» и я облегченно вздохнул. Рота пересекла всю площадь. Сандецкий командует: «Остановить роту!». Затем он подал несколько команд на перестроения и остановил роту, не подавая команды: «Кругом!». Потом он направился к четвертому взводу, а рота остановилась, имея

людей «на вторую шеренгу», то есть случилось как раз наоборот тому, на что мы с Сидоренко рассчитывали, наши башкиры и чувашки оказались впереди, и вот их-то и стал спрашивать Сандецкий, задавая самые существенные вопросы, как обязанности начальника полевого караула и обязанности стрелка в цепи. Первым спросил он солдата-башкирина об обязанностях начальника полевого караула, — тот ответил хорошо. Сандецкий задал вопрос рядом стоящему, и тот ответил так же хорошо. Тогда Сандецкий заходит внутрь строя и опять спрашивает людей. На все вопросы все спрашиваемые ответили хорошо. Довольно улыбаясь, Сандецкий выходит из строя, приказывает повернуть роту кругом и спрашивает полковника Кебадзе, кто обучал роту. Тот отвечает: «Прапорщик Кульничий». Тут, могу заслуженно похвалиться, настал момент небывалого в Оренбургском гарнизоне триумфа: Сандецкий вызывает меня к себе и благодарит за хорошее обучение роты, затем приказывает мне вызвать вперед всех учителей. Я подал команду, и все учителя вышли вперед и построились в одну шеренгу. Сандецкий в кратком слове похвалил их «за службу» и приказал выдать каждому из них по рублю наградным. Обратившись затем опять к роте, он поблагодарил и ее за службу и пожелал победы на фронте.

Все это было неслыханно до сего времени, и я внутренне ликовав. Успех превзошел всякие ожидания. Все поздравляли меня с неожиданным успехом. Вторая рота нашего батальона тоже не подкачала, и Сандецкий продолжал смотреть рот 104-го и 105-го батальонов. Против наших они были подготовлены несравненно хуже, а может быть «проваливались» нарочно, чтобы оттянуть время отправки на фронт. Одна из представляемых рот так безобразно держала равнение на марше, что Сандецкий кричал на всю площадь: «Роту в казарму, прапорщика — на фронт!» Отправка на фронт была в те времена высшим наказанием. То же самое произошло с другими ротами, которым Сандецкий махал рукой и кричал: «В казарму!»

Приведя свою роту обратно в казарму, я несколько раз и от души поблагодарил солдат и учителей за службу. Рота держала очень трудный экзамен и выдержала его блестяще, а я был чрезвычайно горд своими солдатами и доволен самим собой.

Служба моя в запасном батальоне закончилась, до отправки на фронт оставалось несколько дней, занятий больше не производилось, готовились именные списки, вещевые ведомости и т. п.

К.Р.Т.

42-й пехотный Якутский полк в гражданской войне



В некоторых военных журналах были напечатаны статьи, касавшиеся Якутского пехотного полка. Мой отец прослужил в этом полку до предельного возраста и ушел в отставку в 1913 году, а мое детство и моя юность все прошли среди офицеров и солдат этого полка. В 1914 году, по окончании Виленского военного училища я вышел в Казанский военный округ и тотчас

же подал рапорт о назначении меня в Якутский полк, указав мотивы этой моей просьбы. Просьба моя была удовлетворена, и таким образом я начал свою офицерскую службу в рядах этого славного полка.

Будучи одним из ближайших сотрудников полковника Антоновича, нашего командира полка, в его попытках сформировать полк в Добровольческой армии, я хочу рассказать о действиях нашего полка во время гражданской войны.

В октябре 1917 года я, как и многие другие офицеры, оставил мой родной 42-й пехотный Якутский полк и прожил у родителей в Волынской губернии. В июне месяце 1918 года я случайно вошел в связь с бывшим командиром полка полковником Антоновичем. Георгиевским кавалером ордена и оружия. Полк он принял в 1916 году, имея 45 лет от роду. Мы с ним встретились, и на этом свидании полковник Антонович сообщил мне о своем намерении сформировать Якутский полк на Дону. Для первой встречи он ограничился лишь этим, но сказал, что в Киеве он назначил полковника Лошакова руководить «центром связи» якутцев.

После встречи с полковником Антоновичем я вошел в контакт с полковником Лошаковым, моим командиром батальона во время войны, и от него узнал, что он занимается вербовкой и переброской якутцев на Дон. Система вербовки была такова: полковник Антонович устроился у гетманского правительства агентом по закупке скота в Херсонской губернии для оккупационных войск. Эта служба давала ему возможность набирать повсюду своих «представителей». Все эти «представители» были бывшими офицерами и были завербованы для ка-

дра будущего полка и должны были быть переправлены в Южную армию.

В это же самое время украинское правительство формировало кадры для украинской 11-й дивизии, полки которой носили названия бывших полков российской армии. При вторичной моей встрече с полковником Антоновичем я получил задание отправиться в гор. Луцк, где формировались кадры Якутского полка, чтобы узнать, кто там есть из якутцев и сообщить им о планах полковника Антоновича. В Луцке я нашел 4-5 офицеров-якутцев, чьи фамилии я говорю не буду. Штаб полковника Антоновича находился в гор. Балта, Херсонской губернии. Кажется, в конце июля я был вызван полковником Лошаковым в Киев, где получил распоряжение узнать, кто из офицеров согласен поехать на Дон. Из пяти человек согласилось трое. Приехав с ними в Киев, мы узнали от полковника Лошакова о том, что мы должны выехать на станцию Миллерово, в Южную армию, куда он уже отправил других офицеров. Мне было приказано явиться в штаб Южной армии и доложить там настоятельную просьбу полковника Антоновича о том, чтобы из прибывающих офицеров была бы сформирована рота 42-го пехотного Якутского полка. Начальник штаба (кажется, генерал Штейфон) в этом категорически отказал. Получив отказ, я поехал в Новочеркасск, в штаб Донской армии, где и получил согласие на такое формирование при 5-м или 6-м полку Саратовского корпуса. Явившись затем на станцию Белая Калитва, я показал предписание штаба армии командиру полка и получил и его согласие.

Вернувшись обратно на станцию Миллерово, я сообщил остававшимся там офицерам, что они могут ехать в полк, а сам с прапорщиком Бегловым возвратился в Киев для доклада полковнику Лошакову.

На станции Ромодан я узнал, что петлюровцы восстали против гетмана, и по прибытии в Киев нам стало известно, что бои идут на дальних подступах к Киеву. С прапорщиком Бегловым мы отправились к полковнику Лошакову, но его уже не было.

В это время в Киев формировался офицерский отряд генерала Келлера, в который мы и поступили, попав на бронепоезд, которым командовал генерал Багинский, мой бывший начальник дивизии.

После сдачи Киева мы очутились в чужом городе, без связи с кем-либо, без железнодорожного сообщения и без средств. К нашему

счастью здесь жила моя сестра, предоставившая нам временный приют.

Не помню уже, сколько времени прошло, во всяком случае больше месяца, когда пошли поезда на Одессу. У нас были документы, — мей — старшего писаря, а у прапорщика Белгова студенческий, и были воинские литеры на проезд по железной дороге. Мы и решили ехать в Одессу, но сначала заехать в Балту, где я думал найти полковника Антоновича. В Балте я узнал, что полковник Антонович скрылся, а в городе прочел расклеенный на стенах приказ петлюровского коменданта города, кажется капитана Садовского, в котором полковник Антонович объявлялся вне закона и с ним вместе и начальник полиции.

Решая, куда ехать дальше, мы узнали на вокзале, что на Одессу проехать нельзя, — идет бой. Решили пробираться на Таганрог или в Крым, чтобы затем попасть на Дон. Доехав поездом до станции Помощной, мы узнали, что ни на Таганрог, ни на Крым поездов нет. Добравшись в товарном поезде, переполненном солдатами, до Николаева, мы попали на паром, шедший как раз в Одессу.

На палубе парохода я случайно поднял с полу газету, в которой прочел приказ коменданта Одессы, подписанный... полковником Антоновичем. Сейчас же по приходе парохода в Одессу я помчался в комендантское управление. Спрашиваю: «Где комендант?» и говорю, кто я. Мне отвечают, что я могу найти коменданта в «Московской гостинице», на Дерибасовской. Мы оба мчимся туда и находим там нашего полковника...

С этого дня начинается вторая фаза формирования Якутского полка. На следующий день я явился к полковнику Антоновичу в комендантское управление, где полковник Антонович сообщил мне, что он получил от генерала Гришина-Алмазова разрешение сформировать при комендантском управлении роту 12-го пехотного Якутского полка, которая явится костяком будущего формирования. В данный момент была уже сформирована офицерская рота. В Одессе проживало много офицеров и сюда же пробирались офицеры из зоны, занятой войсками Петлюры. На командных должностях было несколько бывших курсовых офицеров Одесского училища, как полковник Карпов, братья Петровы, штабс-капитан Слиженков и другие. Но несмотря на присутствие многочисленных офицеров, запись добровольцев шла медленно.

Несколько позже началось формирование солдатской роты и пулеметного взвода. Никакого отпуска денег каким-либо командованием или организацией не было, но полковник Антонович сумел получить средства у некоторых заводчиков, и я должен отметить здесь

щедрость г. Анатра, владельца авиационного завода.

Наконец рота и пулеметный взвод были уже подготовлены, как в строевом, так и в боевом отношении. Я был назначен полковым адъютантом. Встал вопрос о зачислении роты в состав Добровольческой армии, о чем была подана докладная записка генералу Гришину-Алмазову для ходатайства перед Верховным командованием. Но тем временем генерал Гришин-Алмазов покинул Одессу, и на его место был назначен генерал Шиллинг. Рота, усиленного состава, и пулеметный взвод были ему представлены и произвели на него очень хорошее впечатление.

В это же время из Ставки Добровольческой армии приехал в Одессу генерал Тимановский, принявший командование стрелковой дивизией, а через некоторое время приказом Главного командования рота Якутского полка вошла в подчинение генералу Тимановскому.

В Одессе тогда находились французские войска, а на рейде стояли французские корабли. Петлюровцы занимали станцию Раздельную, а к востоку, к Николаеву и Херсону, гуляли отряды петлюровцев и Григорьева. Для прикрытия Одессы с севера были выдвинуты части стрелковой дивизии, а на восток — части французских войск, сенегальцы. Рота Якутского полка несла внутреннюю охрану города.

Петлюровцы и григорьевцы все больше и больше сжимали кольцо вокруг Одессы, тесня стрелков и французов, которые решили начать эвакуацию города. В самой Одессе, на Молдаванке и на Пересыпи, уже появились красные партизаны. Рота Якутского полка, поддержанная броневиком, обороняла сектор Преображенской улицы и вокзал, то есть центр города. Комендантское управление перешло в дом Лионского банка. Так прошло несколько дней, пока французы не погрузились. Затем был получен приказ командования оставить город и вдоль Фонтанов отойти на «Пески», к гор. Аккерману.

С наступлением темноты рота оставила Одессу и утром расположилась на «Песках». Простояв там несколько дней, рота была затем погружена на пароход, кажется в Аккермане, и прибыв в Тульчу (Румыния), разгрузилась, в ожидании дальнейших распоряжений. В Тульче я заболел тифом и лежал на соломе в полковом околке. Как только кризис болезни миновал и я стал быстро поправляться, был получен приказ о погружке роты на пароход для отправки в Новороссийск. По моей настойчивой просьбе я тоже был погружен на пароход и, быстро поправившись, в Новороссийске вступил в исполнение должности адъютанта.

Прибыв в Новороссийск, рота и пулеметная команда отдохнули, получили обмундирование

и были направлены в Таганрог, где мы получили пополнение из ставропольцев (800 человек) и пулеметы. Рота развернулась в два батальона с пулеметной командой и значилась уже как 42-й пехотный Якутский полк, который был представлен генералу Май-Маевскому.

После отдыха полк был переброшен на станцию Иловайская, где полку произвел смотр генерал Кутепов. Там мы простояли недолго в армейском резерве. Здесь же полковник Антонович сдал полк своему помощнику, полковнику Петрову, а я с должности адъютанта был переведен в пулеметную команду.

Затем, до самого конца боев полк оставался в двухбатальонном составе и только в Киеве был сформирован из пленных малочисленный 3-й батальон, но я думаю, что при лучшей организации, пройдя от Таганрога до Киева, можно было бы сделать больше.

После станции Иловайская полк двигался в направлении гор. Змиева и первый бой имел у дер. Балаклая, где был убит поручик Буткевич (старший). Подойдя к Змиеву, полк завязал бой с бронепоездом красных. Во время боя в полк приехал генерал Кутепов и после его отъезда через некоторое время полковник Петров сдал полк полковнику Почекаеву. После взятия Змиева полк был направлен на Харьков через Славянск и Изюм. У станции Мерефа, под Харьковом, полк получил задачу взорвать железнодорожную линию и занять станцию Жихор, куда отступали большевики. Задача была выполнена 2-м батальоном, и полк двинулся на ст. Основа и Новая Бавария, куда подошел и 2-й батальон Дроздовского полка. Харьков был взят Дроздовцами.

Из Новой Баварии полк был направлен на ст. Люботин, откуда после отдыха повел наступление на Богодухов и Гуты. Со стороны красных здесь действовал батальон матросов под командой «Маруси».

После боев за Богодухов полк был переброшен на Полтаво-Миргород-Киевское направление. После Богодухова полком последовательно командовали генерал Бернис, полковник Любомиров, полковник Иваненко и полковник Дехтерев. Подойдя с боями к Киеву, полк получил задачу перерезать шоссе Киев-Чернигов, по которому отступали большевики. Задача была выполнена, взяты пленные и броневик, и полк остановился на линии Козелец-Остер.

Период времени от Люботина до Киева я был в отпуску, а возвратясь в полк был назначен оперативным адъютантом. Полком в это время командовал полковник Любомиров. В сентябре 1919 года полк перешел в наступление на участке Козелец-Остер, сбил красных, взяв пленных, и продолжал наступление на Чернигов, который был взят 2-м батальоном и подошед-

шим Белозерским полком. В последних числах сентября 1919 года, тотчас после взятия Чернигова, полк был спешно вызван в Киев, куда ворвались красные, которые, сбив наши части, дошли до Крещатика.

Полк выступил на рассвете и форсированным маршем, частью на подводах, проделав под дождем за один день и ночь 130 верст, утром подошел к Цепному мосту, где был встречен генералом Драгомировым, генералом Бредовым и митрополитом Антонием. Пройдя мост, полк развернулся в боевой порядок и с хода перешел в наступление. Здесь завязался уличный бой, стреляли из окон, но к вечеру полк, сломив сопротивление большевиков, вышел на шоссе, ведущее на Святошино. На следующий день занял Святошино и окопался на реке Ирпень. Продвижению полка в городе способствовал броневик «Якуец» с пулеметчиком поручиком Тихомировым.

Через некоторое время, кажется в конце ноября, полк снова перешел в наступление, форсировал реку Ирпень и продвинулся на 20 км. по шоссе Киев-Житомир. Неожиданно был получен приказ отойти в исходное положение, на реку Ирпень. Штаб полка был в недоумении (полком командовал тогда Генерального штаба полковник Дехтерев). Вскоре выяснилось, что большевики сбили гвардейскую дивизию и Белозерский полк на Черниговско-Козелецком направлении и быстро продвигаются на Киев. Якутскому полку было приказано задержаться на реке Ирпень до отхода всех частей из Киева и идти в арьергарде. Это было в декабре 1919 года.

Так начался тяжелый отход войск генерала Бредова на Одессу. Дойти туда они уже не могли, так как Одесса была уже занята красными. Путь отступления проходил через Киев, Бездую Церковь, Шполу, Звенигород, Хмелевое и Голту. В Голте был получен приказ изменить направление движения и вместо Одессы идти на ст. Раздельная и Тирасполь, для перехода румынской границы.

В Тирасполе ночью было получено новое приказание — спешно отходить вдоль Днестра на север, к польской границе. Поход происходил зимой, в очень тяжелых условиях, люди устали, мораль была подавлена, и красная конница Котовского неустанно преследовала отряд.

На польской границе полк был разоружен и отправлен в лагерь для интернированных в дер. Пикупица, около Перемышля.

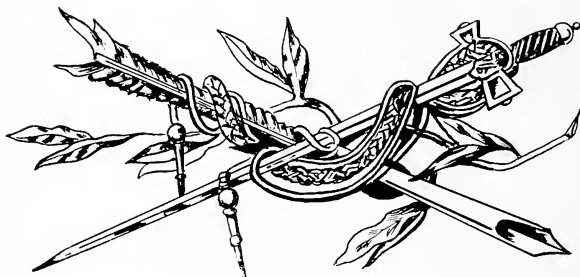
В 1920 году офицеры и солдаты, еще оставшиеся в лагере, были перевезены в Крым, где были влиты на пополнение Брестского пехотного полка.

Так кончил свою службу Родине 42-й пехотный Якутский полк, вписав имя полковника

Антоновича в историю полка. С Брестским полком бывшие якутцы прошли Крымскую кампанию, сражались под Каховкой, на Перекопе

и после эвакуации пережили еще и Галлиполи.

Подполковник Чернопыцкий



О нашем долге перед родиной

Маршалу Тюрению приписываются слова: «Я был разбит», в несчастном случае и «Мы победили» — в счастливом. Если это и апокриф, то все же он дает нам, военным, высокую идею: начальник всегда несет ответственность за всякое деяние подчиненных, буде оно удачно или неудачно.

Регулярная армия родилась в эпоху, когда рыцарские заветы не были еще пустым звуком. Командир был из «отбора», а отбор воспитывался в предвидении больших прав, но и не меньших обязанностей. С веками, аристократов крови понемногу сменяли аристократы духа.

Увы, многие теперь склонны считать, что к началу XX века наша старая Императорская Россия, волею судьбы и якобы неизбежного исторического процесса одряхления, не могла уже

дать того, что «во времена оны» составляло ее силу и опору, — людей сильных волей, бескорыстных, любящих свое дело и свою Родину паче себя самих...

Историю XX века будут писать только наши отдаленнейшие потомки, и только такая история будет иметь какую-то ценность. Но, для этой-то будущей истории, наши свидетельства, свидетельства очевидцев и участников будут иметь большую ценность и чем больше мы будем записывать, не мудрствуя лукаво, виденные и пережитые примеры, тем более мы, маленькие «Несторы», дадим материала будущим великим историкам для их всесторонней оценки эпохи.

Пусть наши памятки и субъективны, но что не субъективно в этом грешном мире?

штабс-капитан Андриан Борцов

Обзор военной печати

К.С. Попов — Воспоминания кавказского гренадера, Париж, 1925 год.

«...В крупных событиях войны я был маленькой песчинкой — обыкновенным рядовым офицером, каких были тысячи и каковые были похожи друг на друга. Я был тем офицером, который знал только то, что написано в приказе и слышно в телефон, видел ровно столько, насколько хватало зрение, я был «маленьким зубчиком» в сложной машине Великой Армии...»

Так начинает автор, скромно предупреждая читателя о «малой доле» его участия в мировых событиях. Но, когда читаешь эту книгу, поражает «духовная величина» пережитого автором. Классическая трагедия кажется бледною перед этим пережитым. Порою кажется что некоторые страницы начертаны кровью.

Толстой в «Войне и Мире» гениально раскрыл внутреннюю сторону войны, где малое оказывается великим. На поверхности военной истории творят Наполеоны, Кутузовы, генералы, командиры отдельных частей, а там, под этой поверхностью, делают свое малое, но великое дело Тимохины, Тушины и «неизвестные». Это — «молекулярная» работа армии.

Замечательная вещь : в природе мы видим, что крупнейшие явления ее обуславливаются именно «молекулярной» работой; разрушаются горы, сохнут моря, поднимаются материки, строятся острова. То же самое происходит на войне. Лучшие идеи и распоряжения превращаются в ничто, если в армии отсутствует «молекулярный» героизм.

Западно-европейские народы осознали это. Поклонение «Неизвестному Воину» и есть своего рода новый религиозный культ этого «молекулярного» героизма народа. Дальнейшее развитие военной науки зависит от того, насколько она сумеет познать эту «молекулярную» стихию армии. Без этого наука постоянно будет сбиваться на путь схоластики.

Автор «Воспоминаний кавказского гренадера», думая, что делает маленькое дело, сотво-

рил большое. Следя за иностранной литературой последнего времени, я не видел ни одного труда, который давал бы такую истинную картину внутренней стороны войны, как это сделал К.С. Попов.

Случилось это потому, что автор сумел соблюсти то основное правило, которое поставил для истории Тэн : «История никого не осуждает, никого не оправдывает, История только констатирует факты». Несомненно, что скромность, с которой подошел к своей работе автор, является первоисточником его истинно научно-объективизма : автор никого не собирался поучать.

Драматизм пережитого автором столь велик, что перед ним все, «с обывательской точки зрения» крупное, оказывается ничтожным и читатель не может не проникнуться глубоким уважением к автору за то философское спокойствие, которое он сохраняет и которое помогает ему не выходить из рамок, им самим себе поставленных : рассказать то, что сам видел и перечувствовал.

А видел он и близко видел внутреннюю сторону войны.

Конечно, автор не может претендовать, на художественную равноценность с «Войной и Миром» Толстого, но за то у него есть одно преимущество : Тимохины, Тушины — художественные образы, а Сабель, Хржановский, Пильберг, Кузнецов, Силаев, Гаттенбергер, Гранитов, Пивоваров, Четыркин, Белинский, Солнцец и другие жили в действительности.

И вот, когда читаешь книгу Попова, в душе растет и крепнет радостная мысль. Если такие люди и в таком числе были в одной маленькой частице великой Русской Армии, то, стало быть, они были не случайным явлением. Хочется вместе с автором повторить слова его полковой песни : «Эриванцев нас не мало, мертвых и живых, было есть и будет...»

«Военный Инвалид» Белград, № 15 — 1925 год

Генерал Головин



Письма в Редакцию

Статья «О германском шпионаже на севере России» очень заинтересовала моих коллег, профессоров истории нашего университета. Очень жаль, что в статье совершенно отсутствуют нужные данные. Например, — следовало бы уточнить, ГДЕ находилось немецкое генеральное консульство? При посольстве или в другом месте? Очень интересно было бы узнать фамилию консула? Неужели нет никаких данных о дальнейшей судьбе этого «мнимого» консула? Ведь после этого случая посольство Соединенных Штатов еще целый год находилось в Петрограде, и Временное правительство не могло не заинтересоваться таким довольно важным обстоятельством. Если бы возможно было получить эти данные или же напечатать их в журнале, мы были бы очень благодарны Вам и Вашему сотруднику.

Р.Г. Берман — Глазго

По поводу статьи «Последнее отступление» в № 122 журнала хочу внести некоторую поправку. В эти дни мой отец, полковник Сионский был командиром 459-го пехотного Черновицкого полка, а не 659-го Буковинского. Черновицкий полк был сформирован из батальонов 32-й пехотной дивизии. Добавлю еще несколько слов о судьбе моей семьи, которую вспоминает автор статьи. Отец, верный слуга России, — расстрелян. Мама и сестра, которую знали молодые офицеры 32-й бригады, как пишет В.Е. Милоданович, нашли вечное упокоение за полярным кругом. Прошу передать мой низкий поклон В.Е. Милодановичу.

А.А. Сионский



NOTES EXPLICATIVES

Déscriptions des illustrations paraissant dans la partie en langue russe de cette revue.

Page 2 — Un détachement du 1er régiment de cavalerie d'au-delà de l'Amour. Photo prise à l'occasion de la remise au Régiment du drapeau de l'ordre de St Georges.

Page 9 — Insigne du régiment des cuirassiers de la garde de S.M. l'Empereur : croix dite « de

Preussisch-Eylau » en or, présentant en son centre l'inscription : « Victoire de Preussisch-Eylau le 27 Janvier 1807 ». Sur les deux branches latérales de la croix le chiffre de l'Empereur Alexandre I et de l'Empereur Nicolas II.

Page 41 — Insigne du 42-me régiment d'infanterie de Yakoutsk, de l'armée impériale russe, commémorant le centenaire de la formation du régiment.



Ordres et decorations de la guerre civile 1917-1922

(suite)

I, Russie meridionale

ARMEE DES VOLONTAIRES
GENERAL KORNILOV

FORCES ARMEES
DE LA RUSSIE MERIDIONALE
GENERAL DENIKINE

ARMEE BLANCHE RUSSE
GENERAL WRANGEL

6. INSIGNE DU GROUPE DE BATTERIES ALEXEIEV



Description de l'insigne

Deux canons dorés entrecroisés posés sur une couronne d'épines en argent oxydé.

Au centre de l'entrecroisement des canons, en ligature slave, un « A » doré, capitale, du nom du parrain de la batterie, le Général Alexeïev.

(Insigne validé par l'Ordre du Jour de l'Association des Anciens Combattants des Armées Russes, du 17 janvier 1936).

Dessin de l'insigne — reproduction du projet du lieutenant-capitaine Voinarsky.

La Brigade d'Artillerie Alexeïev fut formée en même temps que la division du même nom comprenant 2 régiments, notamment en juin 1919. Cette brigade fut réduite en 1920 en Crimée au Groupe de Batteries Alexeïev.



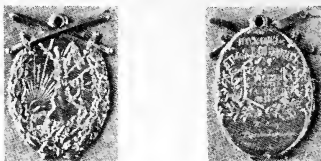
Description de l'insigne

Croix équilatérale recouverte d'émail noir, avec une large bordure blanche tout autour. Une épée en argent est appliquée dessus, dirigée de bas en haut, avec la poignée (dorée) à gauche. Au centre de la croix, en ligature slave, un « A » doré, capitale du nom du parrain du régiment.

Une couronne d'épines, du type de l'insigne pour la campagne du Kouban, se trouve pour ainsi dire « accrochée à la croix » ; elle est en argent oxydé. La branche supérieure de la croix se trouve par-dessus la couronne et porte, gravée en émail blanc, la date commémorative 1917 ; les trois autres branches de la croix se trouvent en-dessous de la couronne.

Dessin de l'insigne — reproduction du projet d'un officier du régiment, le sous-lieutenant S.G. Dvigoubsky.

Le 1^{er} Régiment de Cavalerie fut formé lors du retour de l'Armée des Volontaires de la 1^{ère} campagne du Kouban ; il comprenait les deux groupes de cavalerie des colonels Guerchelmann et Glasenapp. Le régiment, comptant jusqu'à 12 escadrons, prit part d'une manière indépendante à la 2^{ème} campagne du Kouban et ensuite, dans le Bassin du Donetz, jusqu'à la prise de Koursk. Au cours de l'automne 1919, alors qu'il se trouvait dans le département d'Orel, il fut inclus dans la 1^{ère} Brigade de la 10^{ème} Division de Cavalerie. Plus tard, à l'étranger, dans le camp de Gallipoli, il forma, avec les restes des groupes de cavalerie de Simféropol et de Vilno, le Groupe de Cavalerie Alexeïev.



Description de la Médaille

Médaille en argent mat, de forme ovale, avec tout en haut deux épées entrecroisées.

A l'endroit de la médaille, de chaque côté, deux branches : à droite, une branche de chêne, symbole d'une décision inébranlable ; à gauche, une branche de laurier, symbole de gloire ; sur le champ de la médaille un dessin bombé représentant la Russie, sous l'aspect d'une femme en costume russe ancien, debout devant un précipice, tenant de la main droite une épée allongée. Au fond du précipice et sur sa pente, un groupe de combattants russes, les armes à la main, grimpent vers les pieds de la femme, symbolisant ainsi la reconstitution de la Grande Russie unifiée et indivisible. Le fond du dessin représente le soleil levant.

A l'envers de la médaille, sur sa partie supérieure, les mots, gravés en demi-cercle, « CAM-PAGNE DROSDOVSKY » et, en travers, sur la première ligne « JASSY-DON », sur la seconde ligne « 1.200 verstes », ensuite la date : « 26/IV 1918 », enfin, à la dernière ligne, le nom du décoré avec les initiales de son prénom.

Largeur de la médaille — 1 pouce, longueur — 1 1/2 pouces. Dimension de chacune des épées — 1 pouce. Ruban aux couleurs nationales avec nœud.

Un groupe de volontaires russes se forma à la fin de 1917 à Jassy, auprès de l'état-major du front roumain et, sous le commandement du colonel d'Etat-Major Drosdovsky, se dirigea le 26 février 1918 vers le Don afin d'effectuer la jonction avec l'Armée des Volontaires du général Kornilov. Ce groupe, comprenant tout au plus 1.500 hommes, accomplit une marche légendaire de 1.200 verstes (environ 1.300 km) en se frayant un chemin à travers les lignes ennemies. Il prit d'assaut le 25 avril la ville de Novotcherkassk et effectua sa jonction le 27 mai avec l'Armée des Volontaires au sein de laquelle il constitua la 3^{ème} Division, sous le commandement du général Drosdovsky.

En récompense du courage et de la détermination dont firent preuve au cours de cette marche historiques tous les hommes du détachement, une médaille commémorative fut instituée par l'Ordre du Jour du 25 novembre 1917 du Généralissime de l'Armée des Volontaires ; portée sur un ruban aux couleurs nationales, cette médaille fut attribuée à tous les hommes du groupe, avec l'autorisation de la léguer (mais sans le droit de port) à tous leurs descendants.

9. INSIGNE DU REGIMENT D'OFFICIERS-TIRAILLEURS DU GENERAL DROSDOVSKY



Description de l'insigne

Une croix dorée, d'une longueur de 3 cm, et d'une largeur de 2 cm, avec les extrémités supérieures et droite recouvertes d'émail framboise, les extrémités inférieures et gauche d'émail blanc. Au centre de la croix la lettre « D », capitale du nom du parrain du régiment, le général Drosdovsky. Deux inscriptions dorées : en haut de la croix « JASSY », en bas - l'année « 1917 ».

Le détachement du colonel Drosdovsky comprenait le Régiment de Marche des Tirailleurs, formé à Jassy et nommé, après sa jonction avec l'Armée des Volontaires, Régiment de Tirailleurs-Officiers de la 3ème Division. Le général Drosdovsky décéda le 1er janvier 1919 des suites de ses blessures et, pour commémorer son souvenir, le régiment reçut le nom de Régiment d'Officiers-Tirailleurs du général Drosdovsky. Il fut déployé, en juin 1920 à Kharkov, en 1er, 2ème et 3ème Régiments d'Officiers-Tirailleurs du général Drosdovsky, formant une division. Enfin, après la retraite de Crimée de l'armée Russe pour le camp de Gallipoli, la division se trouva réduite à un seul régiment avec sa dénomination précédente, notamment Régiment d'Officiers-Tirailleurs du général Drosdovsky.

L'insigne régimentaire fut institué après l'émigration, d'après le projet de l'ancien chef de la division Drosdovsky, le général Tourkoul. Le même insigne, de dimension légèrement inférieure, fut l'œuvre du capitaine Bogoiavlensky.

10. INSIGNE DU 2ème REGIMENT D'OFFICIERS DE CAVALERIE DU GENERAL DROSDOVSKY



Description de l'insigne

L'insigne fut institué pour tous les membres du régiment, après son émigration à l'étranger, d'après le prototype du galon-brassard, notamment un écu porté comme emblème du régiment sur la manche gauche, à l'épaule.

L'écu est en argent recouvert d'émail noir avec en argent les lettres : « 2 », plus bas « oDk », et, plus bas encore « n », ce qui signifie: 2ème Régiment d'Officiers de Cavalerie du général Drosdovsky.

Le 2ème Régiment d'Officiers de Cavalerie fut formé du groupe d'escadrons du capitaine Gaïevsky faisant partie du détachement du colonel Drosdovsky. Après sa jonction avec l'Armée des Volontaires, en mai 1918, le groupe d'escadrons fut développé en 2ème Régiment d'Officiers de Cavalerie et, après la mort du général Drosdovsky, fut dénommé en sa mémoire 2ème Régiment d'Officiers de Cavalerie du général Drosdovsky.

11. CROIX DES PARTISANS DE TCHERNETZOFF

La croix du groupe des Partisans du colonel Tchernetzoff fut instituée, par l'Ordre du Jour de l'Ataman du Don en 1918, pour tous les membres du groupe qui avaient participé aux opérations dans la région du Don depuis la fin de 1917 à février 1918.

Description de la Croix

Croix estampée en argent oxydé, avec tous les côtés égaux (39 mm), croisée le long des diagonales d'un côté par un sabre de cosaque, à dragonne, de l'autre côté par une feuille de chêne. En haut et en bas de la croix les inscriptions : « 1917 » et « 1918 » ; au milieu — inscription en caractères slaves « Tchernetzoff ».

L'envers est uni et porte un numéro. La croix se portait vissée sur une rosette du ruban de l'ordre de St Georges, à droite de la poitrine. (Une commerçante de Rostov avait remis en don pour la fabrication de ces croix des roubles en argent).

Vers la fin de 1917, en dehors des formations de l'Armée des Volontaires, des groupes de partisans se formèrent sur le Don pour protéger la région de l'invasion bolchéviste. Un de ces groupes les plus audacieux, célèbre par ses incursions contre les postes punitifs des rouges stationnés aux abords des gares de la voie ferrée, était celui des partisans du Don, sous les ordres du capitaine des cosaques Tchernetzoff, composée principalement de tout jeunes cadets, d'élèves des écoles militaires, d'étudiants et de lycéens. Le capitaine Tchernetzoff fut promu colonel pour ses succès militaires, mais, trahi par le chef cosaque Golouboff, il périt le 21 janvier 1918. Le 21 février ce groupe, faisant partie des effectifs de l'Armée des Volontaires, entreprit la première campagne du Kouban.



12. CROIX POUR LA CAMPAGNE DES STEPPEES

Une croix commémorative, portée sur un ruban de l'Ordre de St Georges à gauche de la poitrine, fut instituée par l'Ordre du Jour № 696, signé par l'Ataman du Don le 26 avril 1918, pour tous les hommes ayant pris part, sous les ordres de l'Ataman Popoff, à la campagne des Steppes qui eut lieu du 12 février au 5 mai 1918, de Novotcherkassk aux steppes de Salsk et retour.



Description de la Croix

Croix de fer massive sans inscriptions à l'en-droit. Longueur des branches supérieures et latérales - 11 mm de la branche inférieure - 13 mm ; hauteur - 37 mm, largeur - 34 mm.

A l'envers, une inscription gravée : en haut — un numéro, plus bas le mot « POUR », au centre — « CAMPAGNE DES STEPPEES », tout en bas — « 1918 » et en-dessous « 12 II,5 V ».

Vers la fin de février 1918, le général Kornilov quitta Rostov à la tête de l'Armée des Volontaires et établit ses positions dans la stanitza (village cosaque) Olguinskaïa où il fut rejoint par le commandant des cosaques, le général Popoff, à la tête de 2.000 hommes. Ce dernier refusa de se joindre à l'armée des Volontaires qui voulait atteindre la région du Kouban ; ne désirant pas quitter la région du Don en prévision d'une révolte possible des cosaques contre les rouges, le général Popoff se dirigea vers les steppes de Salsk, riches en vivres et en fourrage et éloignées de la voie ferrée. Ses prévisions se réalisèrent : vers la fin du mois de mars les insurrections éclatèrent dans la région du Don et le général fut en mesure de prêter assistance aux cosaques révoltés.

13. CROIX DE « LA LIBERATION DU KOUBAN » ET MEDAILLE DE « LA DELIVRANCE DU KOUBAN »

Extrait de l'Arrêté du Conseil Extraordinaire du Territoire du Kouban validé le 7 décembre 1918 et concernant les récompenses décernées aux combattants ayant participé à la libération du territoire du Kouban du joug bolcheviste :

Article 1. - En commémoration des exploits héroïques et des privations subies lors de la libération du Territoire du Kouban du joug bolcheviste, les récompenses suivantes sont instituées : « Croix de la Libération du Kouban » et Médaille bronze-clair de « La Délivrance du Kouban ».

Art. 2. - La croix de « La Libération du Kouban » comprend 2 catégories :

1re catégorie : croix de fer noire avec les armoiries de l'Armée des Cosaques du Kouban. A l'endroit l'inscription : « Pour la Libération du Kouban 1918 » ; à l'envers : le numéro d'ordre et l'indication de la catégorie. La croix est portée sur un ruban aux couleurs réunies de la Croix St. Georges et de celles nationales du Kouban (un trait étroit bleu- pour les ressortissants d'autres régions ; un double large trait framboise - pour les cosaques du Kouban ; un trait étroit vert - pour les ressortissants du Caucase).

2ème catégorie : même croix sur un ruban aux couleurs réunies de la Croix St. Vladimir et de celles nationales du Kouban.

Art. 3 - La médaille « Pour la Délivrance du Kouban » comprend également deux catégories. La médaille est de dimension normale, bronze clair, avec les armoiries de l'Armée des Cosaques du Kouban et l'inscription à l'endroit : « Pour la Délivrance du Kouban 1918 » ; à l'envers - l'indication de la catégorie.

La médaille de 1ère catégorie est portée sur un ruban aux couleurs réunies de l'Ordre de St. Georges et de celles nationales du Kouban ; la médaille de 2ème catégorie - sur un ruban aux couleurs réunies de la Croix St. Vladimir et de celles nationales du Kouban.

Art. 5. - La Croix « Pour la Libération du Kouban » de 1ère catégorie est attribuée :

a) à tous les membres de l'Armée du Kouban, ayant participé à la campagne du Kouban et aux combats contre les bolchevistes, du 28 février au 1 avril 1918.

b) à tous les membres de l'Armée des Volontaires ayant participé aux combats contre les bolchevistes du 23 février (date du franchissement de la frontière du Kouban) au 1 avril 1918.

c) à tous les créateurs de détachements dont la lutte contre les bolchevistes poursuivait les intérêts de la région du Kouban.

Art. 6 - La Croix « Pour la Libération du Kouban » de 2ème catégorie est attribuée à tous les autres membres des Armées du Kouban et des Volontaires, ayant participé à la campagne au cours des périodes indiquées, mais n'ayant pas pris de part active dans les combats.

Art. 7 - En dehors des titulaires indiqués dans les art. 5 et 6, les croix de 1ère et de 2ème catégories sont attribuées à toutes les personnes s'étant particulièrement distinguées dans des exploits concernant la défense de la région du Kouban, ces récompenses étant ratifiées par le Conseil de « La Libération du Kouban ».

Art. 8 - La Croix « Pour la Libération du Kouban » doit être considérée en tant que décoration suprême pour la région du Kouban ».

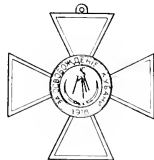
La médaille de « La Délivrance du Kouban » de 1ère catégorie était prévue pour tous les participants aux combats contre le bolchevisme, dans les rangs de l'Armée des Volontaires, au cours de la période depuis le 1er avril 1918 jusqu'au jour de la délivrance définitive de la région, ainsi que pour tous les membres des groupes de partisans et de tous les autres groupes ayant mené une lutte active contre le bolchevisme au cours de la période précitée.

La médaille de 2ème catégorie était prévue pour tous les membres de l'Armée des Volontaires s'étant enrôlés au cours de la période précitée, mais n'ayant pas participé aux combats, à toutes personnes ayant contribué par leur action à la libération du Kouban, à tous ceux ayant apporté un secours pécuniaire dans la formation des grou-

pes de partisans et enfin à tous les membres de ces groupes n'ayant pas participé aux combats.

Les articles suivants de l'arrêté précisent l'ordre de l'attribution de ces récompenses ainsi que les droits et les prérogatives des décorés. Ainsi, l'art. 16 précise qu'un Conseil de l'Ordre de la Croix pour la Libération du Kouban est chargé d'examiner les cas des personnes proposées pour l'attribution de cette décoration. Ce conseil comprend 5 décorés nommés par l'Ataman Suprême.

Ces deux décorations ne demeurèrent qu'une formalité « sur papier » et ne furent jamais exécutées dans la région du Kouban. Il faut supposer que « les décorés » ne reçurent que des attestations écrites. Plus tard, après l'émigration, un certain nombre de croix de 1ère catégorie « Pour la Libération du Kouban » furent exécutées à Paris, mais il n'a pas été possible d'établir leur nombre. Elles furent dispersées soit parmi les survivants de la campagne, soit parmi les collectionneurs. De toute façon leur nombre ne dépassa jamais deux ou trois dizaines.



14. CROIX POUR LA CAMPAGNE DE IÉKATERINOSLAV

La croix pour la campagne de Iékatérinoslav fut instituée par l'Ordre du Jour du général Wrangel, Généralissime de l'Armée Russe, du 6 juin 1920 (№ 3303), pour tous les membres du détachement du général Vassiltchenko ayant effectué la marche de Iékatérinoslav en Crimée (27 novembre 1918-2 janvier 1919) et en commémoration du courage manifesté tout au long de cette marche.

Description de la Croix

Croix en argent sur le modèle de la croix St. Georges recouverte d'émail noir avec tout autour une large lisière blanche. Les branches de la croix sont reliées par une couronne d'épines en argent ; au centre de la croix un écu avec les armes de la ville de Iékatérinoslav (sur un champ bleu le chiffre doré du nom de l'Impératrice Catherine II entouré de neuf étoiles dorées et surmontée de la couronne impériale dorée).

A l'envers de la croix le № du décoré. La croix se portait sur un ruban aux couleurs nationales (blanc-bleu-rouge) à gauche de la poitrine.

La campagne du détachement du général Vasilchenko débuta le 27 novembre 1918 en quittant Iékaterinoslav. Le détachement, comprenant près de 1.000 hommes, effectua cette marche de 500 verstes en 34 jours tout en livrant des combats acharnés. Malgré la supériorité numérique des rouges qui recevaient constamment des renforts du nord et du sud et malgré l'épuisement du détachement qui devait affronter le jour les forces de l'ennemi et effectuer la nuit des marches de 20 à 30 verstes, le détachement gagna néanmoins la Crimée le 2 janvier 1919 et forma le noyau de l'armée de Crimée et d'Azov comprenant la 34ème Division d'infanterie, la 34ème brigade d'artillerie, le 3ème régiment de Dragons de Novorossiisk, les groupes blindés et ceux du génie.



15. CROIX POUR LA CAMPAGNE DU GENERAL BREDOV

La croix pour la campagne du général Bredov fut instituée par l'Ordre du Jour № 206 du 25 février 1922 du général Wrangel, Généralissime des Armées Russes, à l'intention de tous les participants de cette campagne (qui dura du 30 janvier au 12 février 1920) « en récompense à tous les membres du détachement du général Bredov qui, malgré toutes les épreuves subies, sont demeurés fidèles à leur devoir tout au long de leur marche en plein hiver de Tiraspol jusqu'en Pologne sous le feu de l'ennemi ».



Description de l'insigne

Croix en argent recouverte des deux côtés d'émail blanc, avec tout autour un étroit liseré argent. Au centre de la croix un glaive abaissé en argent ; sur les branches horizontales la date « 19 » « 20 » (1920) et, à l'envers l'inscription en caractères slavons : « FIDELES AU DEVOIR ». La croix est portée sur un ruban aux couleurs nationales (blanc-bleu-rouge). Longueur des branches supérieures et latérales 1 cm, de la branche inférieure - 1 1/2 cm.

Au 19 janvier 1920 les positions tenues par le groupe du général Bredov furent percées par les troupes rouges, la liaison avec Odessa fut rompue et les troupes de la région de Novorossiisk étaient vouées à périr sans gloire. Le général Bredov effectua alors une opération de flanc et, à la vue de l'ennemi, le groupe se concentra à Tiraspol d'où les Roumains lui interdirent l'accès de leur territoire.

Dans la nuit du 30 janvier 1920 les troupes reçurent l'ordre d'avancer vers le nord, le long du Dniestr, dans l'étroite fente qui était présumée non occupée encore par l'ennemi. Le détachement se mit donc en marche le long de l'étroite bande de territoire entre la voie ferrée Odessa-Jmerinka et le Dniestr. La proximité de cette voie ferrée permettait aux bolchevistes d'amener rapidement leurs réserves et de repousser le détachement dans le Dniestr. Ce dernier passa de longues journées épuisantes dans ce cul de sac ; les malades et les réfugiés dont le nombre atteignait le chiffre de 7.000 génaient considérablement les opérations militaires. Le 12 février le groupe arriva enfin à Novaïa Ouchitza occupée par un bataillon polonais. Après un accord avec le commandement polonais, le général Bredov occupa un secteur du front tout en prenant les mesures nécessaires pour obtenir le passage de ses troupes en direction de la Crimée, ce qu'il réalisa enfin après de nombreuses difficultés. Après avoir rejoint par la Roumanie l'armée du général Wrangel en Crimée, la campagne du général Bredov fut terminée.

16. L'ORDRE DE SAINT NICOLAS

A toutes les époques et chez tous les peuples les récompenses militaires représentaient pour les combattants un stimulant qui les poussait vers des actes d'héroïsme. Il est évident qu'il en était de même au cours de la guerre civile malgré les motifs idéologiques et suprêmement humains qui la caractérisaient.

Aussi les chefs des armées « blanches », sur les quatre zones d'opérations de la guerre civile, voyaient surgir la nécessité de récompenser les hommes forts et courageux et de stimuler les faibles et les timides. Les soldats, aussi bien que les

officiers, étaient donc récompensés soit par des décorations, soit par des promotions à des grades supérieurs. Les décorations des officiers étaient attribuées sur les fronts de l'amiral Koltchak, du général Miller et du général Youdénitch ; le premier avait même institué l'attribution de l'Ordre de St. Georges, ce que les deux derniers n'avaient pas accepté.

Le secteur du général Denikine se différenciait quelque peu, les décorations n'y étant attribuées qu'aux combattants de l'Armée du Don*. Dans « l'Armée des Volontaires » et ensuite dans les « Forces Combattantes de la Russie Méridionale » ce problème fut résolu par l'adoption du principe stipulant l'impossibilité de l'attribution des anciennes décorations russes d'avant la révolution pour des faits d'armes de Russes contre Russes. Seules certaines périodes d'activités militaires particulièrement intenses sur ce front furent commémorées par l'institution de tel ou autre insigne qui ne représentaient plus un Ordre quelconque, puisqu'ils étaient attribués à tous les combattants de ces périodes de campagnes, comme d'ailleurs avait lieu l'attribution des médailles à l'époque Impériale pour la participation à telles ou autres campagnes.

Tels furent, dans le Midi de la Russie, les insignes « Pour la Première Campagne du Kouban du général Kornilov » (Campagne des Glaces), la médaille pour la campagne du général Drosdovsky, de Jassy au Don, et d'autres.

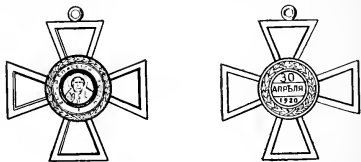
Le général Wrangel écrit dans ses mémoires : « Dans l'Armée du général Denikine les faits d'armes étaient récompensés uniquement par des promotions à des grades supérieurs. Lors de combats incessants il arrivait qu'en une période de deux années de tous jeunes gens se voyaient promus à des grades d'officiers supérieurs et parfois même de généraux. Devenant ainsi par leurs grades candidats à des postes de commandement supérieurs, ils ne possédaient, pour assumer ces responsabilités, ni la maturité, ni l'expérience indispensables. Il était donc nécessaire d'instaurer, en dehors des promotions, un autre genre de récompenses « au feu »... »

En se basant sur ce point de vue et en respectant le principe de non-attribution d'anciennes décorations Impériales, il ne restait par conséquent qu'une seule solution, notamment l'instauration de nouvelles décorations. La situation réclamait une décision précise ; aussi le général Wrangel, nouveau Généralissime en Crimée, toujours prompt et effectif dans ses actes, promulgua l'institution de l'Ordre de Saint Nicolas.

Par son règlement et son attribution, cet ordre fut assimilé à l'Ordre de St. Georges, quoique porté à la gauche de cette dernière. Une commission fut instituée pour l'examen des circonstances au cours desquelles l'action d'éclat avait eu lieu, ceci afin de garantir la régularité de l'attribution de la récompense. L'attribution appartenait à « l'Assemblée des Chevaliers » et était ratifiée par le Généralissime qui pouvait aussi attribuer la récompense sans l'avis du Conseil.

L'Ordre possédait deux classes : la première, pareille par son aspect extérieur à la croix de l'Ordre de St. Georges de 3ème classe et portée au cou ; la seconde, pareille à la croix de l'Ordre de St. Georges de 4ème classe et portée sur la poitrine, à gauche de cette dernière. Le ruban portait les couleurs nationales russes qui distinguaient d'ailleurs, au cours de la guerre civile en Russie, les combattants du front national blanc. A la place de l'émail, de l'or et de l'argent entrant dans la fabrication de la croix de l'Ordre de St. Georges, toutes les croix au cours de la guerre civile étaient exécutées en fer, cette fabrication étant bien plus pratique dans les conditions primitives de l'existence de l'armée en Crimée. (A titre indicatif, 50 insignes de cet Ordre furent exécutés par la Firme Godde à Berlin). Il n'y avait aucune différence dans l'aspect extérieur des décorations attribuées soit aux soldats, soit aux officiers.

La première « Assemblée des Chevaliers » était composée des chevaliers de la Croix de l'Ordre de St. Georges ; mais, lorsque les rangs des chevaliers du nouvel Ordre se complétèrent, l'Assemblée fut composée des chevaliers de ce dernier. Lors d'une de ses réunions à Gallipoli, où l'Armée Blanche se trouvait cantonnée, l'Assemblée des Chevaliers de l'Ordre, prenant en considération le courage manifesté par le général Wrangel, Généralissime, au cours de la période particulièrement pénible de son commandement, lui demanda de bien vouloir accepter pour lui la croix de l'Ordre de St. Nicolas de la seconde classe. Personne ne possédait la croix de la première classe qui n'avait jamais été frappée.



Il a été possible de conserver la liste officielle des chevaliers de la croix de la 2ème classe qui atteignaient le nombre de 337. Il est théoriquement possible qu'il existe un certain nombre de

* Sauf la croix et la médaille de St Georges (équivalent de la croix de guerre française), décernées seulement aux hommes de troupe et non aux officiers.

chevaliers auxquels les décorations n'ont pu être officiellement remises, mais leur chiffre ne doit pas être important.

Le premier chevalier de cet ordre fut le capitaine en second, Lubitch-Jarmolovitch ; la décoration lui fut remise en dehors de la décision du Conseil par le général Wrangel lui-même, en récompense de son courage, lorsque, aux commandes de son char de combat, il réussit à percer les barbelés ennemis et à s'emparer d'une pièce d'artillerie (Ordre du Jour du Généralissime N° 3241, du 26 mai 1920).

de l'Administration Militaire
(Administration Militaire
Section Générale)

*
*

« Validé »
Généralissime des Forces Combattantes de la
Russie Méridionale
Général Wrangel
Le 30 avril 1920

ORDRE DU JOUR DU GENERALISSIME
DES FORCES COMBATTANTES
DE LA RUSSIE MERIDIONALE

REGLEMENT PROVISOIRE CONCERNANT
L'ORDRE DE ST. NICOLAS

Sébastopol, le 30 avril 1920,

La lutte pénible pour la libération de la Russie du joug des agresseurs qui se sont emparés du pouvoir continue. Dans cette lutte les vaillants combattants des Forces Armées de la Russie Méridionale donnent constamment des preuves exceptionnelles de leur courage, de leur vaillance et de leur abnégation, renforcés par la pensée que « La Russie sera libérée par la Foi ».

Afin de couronner de gloire les héros et perpétuer chez leurs descendants le souvenir de leurs actes, j'institue l'Ordre de Saint Nicolas le Miraculeux, Patron et Protecteur de la Terre Russe. Je charge le « Conseil des Chevaliers » de déterminer les droits à l'attribution de l'Ordre de St. Nicolas. Je rappelle que l'Ordre de St. Nicolas ne peut être attribué qu'aux combattants, sans tenir compte de leurs grades, qui, au mépris de tout danger, exécuteront des faits d'armes couronnés de succès et étant d'utilité évidente.

Je souhaite que l'institution de cette décoration apporte à tous les combattants pour notre sainte cause de nouvelles forces, qu'elle récompense dignement leur bravoure et qu'elle vivifie notre espoir dans la libération prochaine de la Russie martyrisée et du peuple Russe.

Je porte ci-dessous à la connaissance le Règlement concernant l'Ordre de St. Nicolas. En récompense des actes de courage effectués par les combattants pour la libération de la Russie, je prescris de tenir compte de ce règlement dès le jour de l'institution de cet Ordre.

Afin de conserver à sa hauteur toute l'importance de l'Ordre de St. Georges, je prescris pour les chevaliers de cet ordre le maintien de tous les droits et de toutes les prérogatives établis sous le Régime Impérial.

Signé :
Généralissime général Wrangel
Contresigné :
Major-général Nikolsky
Faisant fonctions de Chef

1) L'Ordre de St. Nicolas, Patron et Protecteur de la Russie, est institué en récompense des hauts faits de courage et d'abnégation manifestés au cours des combats pour la libération de la Patrie de ses ennemis.

2) Devise de l'Ordre : « LA FOI SAUVERA LA RUSSIE »

3) L'Ordre de St. Nicolas se porte sur toutes les tenues.

4) L'Ordre de St. Nicolas comporte deux classes :
a) la 1ère classe se porte au cou, plus bas que la croix de l'Ordre de St. Georges, mais au-dessus de toutes les autres décorations.

b) la 2ème classe se porte à gauche de la croix St. Georges et à droite de toutes les autres décorations.

5) L'Ordre de St. Nicolas comprend une croix de fer foncée portée sur un ruban aux couleurs nationales (blanc-bleu-rouge).

La dimension de la croix de 1ère classe correspond à celle de la croix de l'Ordre de St. Georges de 3ème classe ; celle de la 2ème classe à celle de la croix de l'Ordre de St. Georges de 4ème classe. A l'endroit, dans le cercle autour de l'image de St. Nicolas, l'inscription : « LA FOI SAUVERA LA RUSSIE ». A l'envers se trouve gravée la date de l'institution de l'ordre. Pour les décorés n'appartenant pas à la religion chrétienne l'image de St. Nicolas est remplacée par les armoiries de l'Etat.

6) L'Ordre de St. Nicolas est attribué aux généraux, amiraux, tous officiers et aux soldats, ces derniers déjà décorés de la croix de St. Georges, de 3ème classe au moins.

7) L'Ordre de St. Nicolas est attribué pour des hauts faits d'armes, de courage et d'abnégation, par décision de l'Assemblée des Chevaliers de cet ordre, ratifiée par le Généralissime, et par décision personnelle du Généralissime.

8) L'Ordre de St. Nicolas ne pourra être attribué qu'aux combattants qui, au mépris de leur propre sécurité, présenteront un modèle de courage, de présence d'esprit et d'abnégation et accompliront

un fait d'armes couronné de plein succès et présentant un intérêt évident.

9) La fête des chevaliers de l'Ordre de St. Nicolas est fixée au 9 mai.

Suivent ensuite les statuts sur le règlement des attributions des récompenses et sur certains droits et prérogatives des décorés.

En dehors de l'attribution de l'Ordre de St. Nicolas aux combattants isolés, le général Wrangel établit également celle des distinctions de cet Ordre à des unités de l'Armée Russe qui luttèrent contre les rouges. Ces distinctions furent notamment : des trompettes en argent, avec les rubans aux couleurs de l'Ordre, des rubans ajoutés aux trompettes déjà existantes, aux drapeaux et aux étendards, une oriflamme pour l'aviation avec des rubans et l'insigne de l'Ordre et enfin, pour la Marine, le pavillon de Saint Nicolas.

L'institution de cette dernière distinction avait certainement dû être publiée dans l'ordre du jour des armées, mais il n'a été possible de retrouver que les listes des récompenses des troupes de l'armée de terre précitées et non celles de la Marine.

Il n'a pas été conservé de traces de dessins de ces distinctions ; il ne reste que des étendards de St. Nicolas de certains régiments que ces derniers détiennent dispersés dans différents pays (comme les régiments de Kornilov) ou bien qu'ils ont fait déposer à l'église russe de Belgrade, en Yougoslavie (comme les régiments de Markov et de Drosdovsky).

En ce qui concerne les distinctions de la Marine, il nous reste l'Ordre du Jour du Généralissime du 26 juin 1920 (N° 11 190) contresigné par le Vice-amiral Sabline, Chef de l'Administration de la Marine, ainsi que la description des pavillons des vaisseaux-amiraux de St. Nicolas. Cet ordre du jour fait mention de l'attribution du Pavillon de St. Nicolas pour tous les navires de la Marine Militaire en récompense de leurs exploits au cours des combats, cet ordre du jour devant compléter le Code des Décrets de la Marine publié en 1914. Annexé à l'ordre du jour : Description des pavil-

lons des vaisseaux-amiraux de St. Nicolas.

Le pavillon des vaisseaux-amiraux de St. Georges et de St. Nicolas comporte, autour de l'écusson avec l'image de St. Georges, une bande tricolore, la première étant rouge, la seconde bleue, la troisième blanche. Le pavillon habituel d'un vaisseau-amiral porte au centre une cocarde tricolore : blanc à l'extérieur, bleu au milieu, rouge à l'intérieur.

Les pavillons de St. Nicolas et « Breid » diffèrent des pavillons ordinaires par des flammes tricolores : blanche-supérieure, bleue — au centre, rouge — inférieure.

Le pavillon de l'Ordre fut attribué (par l'ordre du jour N° 118 du 26 juin 1920) aux vaisseaux suivants : aux canonnières « Straj » et « Grosny » ; aux canonnières fluviales « Altaï » et « Oural » ; aux brise-glaces armés « Vsadnik », « Gaïdamak » ; aux vedettes armées « Marie », « Azovetz », « Nicola Pachitz », « Dimitri », « Pantikopée » et « Meotida ». (Sources : A. von Lampé. Ordre de St. Nicolas. Youriev 1937).

INSIGNE SUR LES COIFFURES POUR LA DEFENSE DE LA CRIMEE

Sur l'ordre du général Wrangel, les détachements du corps du général Slastchev qui défendirent héroïquement la Crimée au cours de l'hiver 1919-1920 se virent attribuer des insignes sur leurs coiffures avec une inscription correspondante.

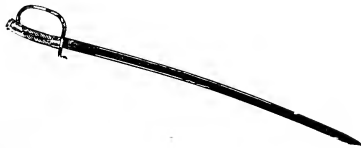
INSIGNE DU GROUPE DE BATTERIES KORNILOV

L'insigne du Groupe de Batteries Kornilov fut institué à l'étranger le 1er mai 1957 par l'ordre du jour N° 6 de l'Union Générale des Associations des Anciens Combattants Russes en France.

Il est regrettable qu'il n'ait pas été conservé ni de descriptions, ni de dessins de ces deux distinctions.

(à suivre)

P. V. PACHKOFF



Voïskovoï kroug

(« Rassemblement Cosaque »)

La ville de Iékatérinodar était, avant la révolution, le siège de l'état-major des Cosaques du Kouban. Trois fois par an les cosaques y célébraient leur « Voïskovoï Kroug », notamment par une parade militaire après un service religieux au cours duquel étaient présentées toutes les distinctions honorifiques obtenues par des unités de cosaques.

Ces cérémonies avaient lieu aux dates de l'anniversaire et de la fête de l'Empereur (6 mai et 6 décembre) ainsi qu'à la date de la fête annuelle de « Voïsko » du Kouban (le 30 août et, après 1906, le 5 octobre).

Ces jours-là l'on assistait, dans la prière et dans les solennités, à la commémoration du passé glorieux des régiments du Kouban, dont les distinctions servaient de témoins, et à celle de son présent, représenté par les autorités, les unités militaires, la jeunesse estudiantine, la Dynastie Régnante, l'Eglise et le peuple.

Le vieil étendard datant de 200 ans et les timbales de l'époque de Catherine II, conservés dans la salle de gala de la résidence de l'Ataman, étaient solennellement extraits, accompagnés d'un chœur de trompettes et d'une garde d'honneur, et portés vers le bâtiment de l'Etat-Major cosaque. De là, se joignant à la procession générale, ils étaient dirigés vers la Cathédrale de St. Alexandre Nevski.

Vêtus de leurs élégantes « tcherkessi » noires, les musiciens cosaques, précédés de leur chef de musique, ouvraient la procession en exécutant des marches. Puis, encadré de trois officiers, venait un magnifique cosaque de l'Escorte Impériale qui portait le drapeau. Derrière lui, deux sous-officiers barbues de l'Escorte Impériale tenaient par la bride un coursier gris sur le dos duquel se balançaient les timbales en argent de Catherine II qui avaient passé par toutes les campagnes anciennes. Un cordon rouge de cosaques géants de l'Escorte Personnelle de Sa Majesté, garde d'honneur des distinctions des unités cosaques, occupait toute la rue. Derrière la garde d'honneur suivaient les porteurs des lettres de créance Impériale assurant aux cosaques la possession de la région du Kouban, avec ses territoires, ses tréfonds et ses biens,

l'attribution de distinctions pour les services rendus dans les combats et pour le courage manifesté, la confirmation de leurs libertés et de leurs droits.

Le général chef de l'Etat-Major portait sur un coussin le sceau de « Voïsko ». Derrière lui des généraux et des colonels tenaient la massue d'Ataman et les anciens attributs de celui-ci. Ensuite, s'appuyant sur son bâton d'Ataman, avançait, la poitrine barrée de décorations, de constellations et de médailles, le général de cavalerie Malama, Ataman des cosaques, suivi de ses aides-de-camp et des officiers de son Etat-Major. Derrière lui marchaient en rang les atamans des « stanitza » (villages cosaques) portant avec précaution les massues des « kurens » (villages des Zaporojetz).

Toute une forêt d'étendards et de drapeaux de « Voïsko », des régiments, des bataillons frissonnaient soutenus par les poignets vigoureux cosaques. Les drapeaux : blanc de Catherine II, bleu de Paul I, rouge et blanc d'Alexandre II, des dizaines d'autres formaient un noyau encadré par les 40 insignes des villages des Zaporojetz.

Les témoins du glorieux passé de « Voïsko » du Kouban défilaient ainsi sous les regards de la foule et des unités militaires, aux sons majestueux de l'hymne « Kol Slaven ». Un peloton à cheval d'un régiment cosaque fermait la marche...

Au chant des chœurs de toutes les unités cosaques, les reliques de l'armée pénétrèrent sous le porche de la cathédrale. Après la messe, elles furent rangées en plein air formant cercle autour de l'Ataman ; les unités militaires, la jeunesse, le clergé, les autorités, les atamans et le peuple purent alors unir leurs prières « pour la prospérité de l'Auguste Maître de la Terre Russe, à la gloire des cosaques du Kouban et au maintien de la paix générale »...

Ayant rendu les honneurs à leurs distinctions, les troupes cosaques du Kouban, les écoles et le peuple rattachèrent suivant le même cérémonial leurs reliques militaires au lieu de leur dépôt.

Ce fut un tableau grandiose et émouvant... (Enregistré d'après le récit du général N. I. Malychenko).

Princesse V.E.

ARMES ET UNIFORMES DE L'HISTOIRE

Rédaction : Bruno MANUEL
C.-H. TAVARD (fondateur)

DIRECTION - ADMINISTRATION - REDACTION - DIFFUSION : S.G.P.D. 2, rue Malus
75005 — Paris

ABONNEMENT pour 6 numéros annuels : 35 FF — Etranger : Belgique 350 FB, Suisse 32 FS,
Allemagne 25 DM, Pays-Bas 25 Fl. Italie 5 000 Li, Grande-Bretagne 3,50 £ Etats-Unis 10 \$

ПРИХ ДУ НУМЕРО ЕН ФРАНЦЕ : 7 F

« LE PASSÉ MILITAIRE »

Revue illustrée, bilingue paraissant tous les deux mois, et traitant de l'Armée et de la Marine Russe.

Abonnement pour 1974, №№ 125-130 : 40.00 francs. Amérique, Australie — 10 \$
Adresse de la rédaction : 61, rue Chardon-Lagache — 75016 — PARIS ☎ 647 72-55
C.C.P. Paris 3910-12

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА « ВОЕННОЙ БЫЛИ »

- № 2 — Евгений Молло — Русское холодное
оружие XIX в. — 5 фр.
№ 3 — В.П. Ягелло — Княжеконстантинов-
цы — 5 фр.
№ 5 — Евгений Молло — Русское холодное
оружие эпохи Императора Нико-
лая II. Князь Н.С. Трубецкой —
Нижегородская шашка — 5 фр.
№ 6 — П.А. Нечаев — Алексеевское воен-
ное училище — 5 фр.
№ 9 — К.М. Перепеловский — Киевское
Великого Князя Константина Кон-
стантиновича военное училище —
5 фр.
№ 10 — Письма Суворова к Принцу Нассау-
Зиген — 10 фр.
№ 11 — П.К. Коцзеровский — В Ставке
Верховного — 10 фр.
№ 13 — Алексей Геринг — Материалы к
библиографии русской военной пе-
чати за рубежом — 15 фр.
№ 14 — Н.П. Солодков — Морские рассказы
— 10 фр.
№ 15 — П.В. Пашков — Воспоминания кон-
кера Алексея — 5 фр.
№ 16 — Странствования Христофора Гас-
смана — 10 фр.
№ 17 — В.Г. фон Рихтер — Собрание сочи-
нений по русской военной медали-
стике и истории — 80 фр.
№№ 1, 4, 7, 8 и 12 распроданы.

« СБОРНИКИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ »

выпуски 1 и 2 на ротаторе
цена — 5 фр. фр.

1 амер. дол. в странах заокеанских
Изд. « Военная Быль » 50 стр.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО « ТАНАИС »

Вышли из печати и находятся в про-
даже следующие книги :

- С. АНДОЛЕНКО — Нагрудные знаки Рус-
ской армии 230 стр. свыше 500 илл. —
32 фр.
В. Н. ЗВЕГИНЦОВ — Кавалергарды в вели-
кую и гражданскую войну 1916-20 гг.
206 стр. — 18 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Железный Хромец истор.
роман 242 стр. — 21 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Возвращение историч.
роман 258 стр. 21 фр.
Ген. лейтен. А. В. фон-ШВАРЦ — Иванго-
род в 1914-1915. Из воспоминаний. 166
стр. с портр. и карт — 15 фр.
Ген. штаба генерал-майор Б. В. ГЕРУА —
— Воспоминания о моей жизни. Том пер-
вый 277 стр. с портретом и иллюстр. ав-
тора — 27 фр. Том второй — 218 стр. с пор-
третом, многими фотогр. и схемами боев
— 27 фр.

« Военно-Историческая Библиотечка «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

Книга № 13

А. А. ГЕРИНГ

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ ЗА РУБЕЖОМ

Изд. Париж, 1968 г. 140 стр. Цена — 15 фр. В странах заокеанских — 5 долл.

«... собрание некоторого количества материалов, которые, как я надеюсь, несколько помогут будущему русскому военному историку, который займется изучением жизни русских военных людей в эмиграции»...

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ
КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

- БУГУРАЕВ — Михайловское артиллерийское училище 150 лет основания — 8 фр.
Г. Р. ВАНТЦ — В море и на суше — 12 фр.
В. Н. фон-ДРЕЙЕР — На закате Империи. — 15 фр.
А. ГАЙРАБЕТОВ — Сборник военных песен — 20 фр.
Князь П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 10 фр.
КИРАСИРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — Последние дни мирной жизни 10 фр.
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.
Н. МАНТУЛИН — Песенник русского воина — 25 фр.
ПАМЯТКА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА — 25 фр.
О. И. ПАНТЮХОВ — О днях былых — 35 фр.
С. Н. РЯСНЯНСКИЙ — О Российском воинстве — 12 фр.
К. Р. — Полное собрание сочинений тома I-III — 60 фр.
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.
Н. ТУРБИН (Л. П. Линевич) — По старому следу : Сборник рассказов — 15 фр.
А. И. ШЕЛОУМОВ — Папка с 20-ю цветными репродукциями батальных картин (размер 24 x 31 см.) 30 фр.
СЕРГЕЙ ШПАКОВСКИЙ — Памятка 14 пехот. Олонецкого Короля Сербского полка — 6 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»
МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

- Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.
- Брюссель — у Б. П. Мижевского — 125, rue Prevôt, Bruxelles 5.
- Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.
- Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.
- Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.
- Сев. Ам. С. Ш. — в Обще - Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, Cal.
- Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 52, Albert Rd. Stratfield 2135 N.S.W. Australia.
б) у В. П. Тихомирова: 5, Fuller Str. F. 12 Walkerville S. Australia 5081
- Аргентина — у Г. Г. Бордокова — Ibero 2768 BUENOS - AIRES Argentina

№ 127

Март 1974 года

ГОД ИЗДАНИЯ ХХІІІ

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

LE PASSÉ MILITAIRE



ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Объединение 4 Государского Мариупольского Императрица Елисаветы Петровны полка с глубокой скорбью сообщает о преждевременной кончине своего верного и преданного офицера-капитана корвета

ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СТАЦЕВИЧА

полковника и соратник 6 января с. г. в г. Твери

Кадеты Первого кадетского корпуса, флотские офицеры выпуска 1915 года, члены Общества Кадетского Объединения во Франции и Общества Друзей «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, выказывают о кончине их друга Российского Императорского Флота мичмана

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ХОХЛОВА

полковника в Гросс-оте 24 мая 1971 года

Подписью и редакцией журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубоким горем и печалью о кончине своего верного друга, сотрудника и помощника

баронесса МАРВИ БУРХАРДОВНЫ УПЕРН-ШТЕРНБЕРГ

полковника и Уланхене

Общество Друзей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и редакция журнала, с глубокой скорбью, выказывают о кончине вице-Председателя Общества и дорогого сотрудника журнала лейтенанта Кошвой Артиллерии поручика

КИРИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА КИСЕЛЕВСКОГО

полковника в Париже

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Отец телеграфа — Досуд кадета •	1
Бой бронепоезда • Иоанн Калита • — В Федоров	2
Щиповое • П В Шиловский	4
Практич стрельбы русской артиллерии близ Лондона	Н Г-В 6
Черноморский флот и Северо-Кавказ Военный Округ — Лептовд	7
К сиравке • Первый Георгиев кавалер	Ва. Бастуков 13
Россия и Швеция в войну 1914-17 гг. — И Бобарыков	14
Последние дни Первого кадетского корпуса — М С	16
Медаль «Поборнику православия» — Евгений Молло	18
Фронт (см. № 126)	22
ОТ РЕДАКЦИИ	42
Письма в Редакцию	43
Ordres et Decorations de la Guerre civile — P V Pachkoff (suite)	45
Notes de la Rédaction. Notes Explicatives.	50
Le feu d'artifice et sa presentation en gravure au XVIII siècle en Russie — Alexandre Solodkoff	51
Le Saumur russe — A Leitchky	53

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

XXIII Год издания

№ 127 МАРТ 1974 г.

BIMESTRIEL. Prix — 7,-Frs

Отец телеграфа

17 II — 2 III — праздник Первого кадетского корпуса



В истекшем 1973 году исполнилось 185 лет со дня рождения Шиллинга. Он родился в семье полковника Низовского мушкетерского полка, уроженца и жителя Ревеля, Льва Шиллинга фон Капштадт.

В 1798 году он был внесен в списки учеников Первого кадетского корпуса и в 1802 году выпущен подпоручиком в

который мог бы осуществить его удивительную мечту.

И вот, 23 января 1835 года Павел Львович Шиллинг фон Капштадт демонстрирует публично этот удивительный аппарат. Событие происходит в дни его пребывания за границей, в городе Мюнхене, и это обстоятельство сыграло роковую роль в деле изобретения. Его аппаратом заинтересовался англичанин Кук, прекрасно понимавший возможность громадного приложения нового изобретения к делу. Он немедленно заказал себе прибор Шиллинга и отправился с ним в Англию, к знаменитому, в то время, физику Уотстону.

Свиту Императора Александра I.

Пламенный, смелый и верный заветам своего боевого отца, молодой Павел Львович Шиллинг, в кампании 1812 года участвует в ряде кровопролитных сражений и получает все награды до ордена Святого Владимира и сабли «за храбрость». С русскими войсками он входит в Париж.

С заключением мира, спокойная и однообразная служба в войсках его не удовлетворяет. Вечно порывистая и любознательная натура ищет новых путей для своего развития и творчества. Павел Львович оставляет военную службу и, перейдя в министерство Иностранных дел, уезжает с особым поручением русского правительства в Монголию и на границы Китая. Здесь он изучает китайский язык близко знакомится с бытом монголов и оставляет немало трудов по изучению культуры восточных пограничных народов. Однако и эта работа не удовлетворяет его и он весь целиком уходит в изучение физики. Особо занимает его вопрос о передаче человеческой мысли на расстояние. Он начинает работать над созданием аппарата,

ознакомившись с новым изобретением и изменив кое-что в аппарате Шиллинга, Уотстон берет на него привилегию и, в компании с Куком, проводит близ Бирмингама первый телеграф. Событие это произвело сенсацию. Весь мир закричал о величии открытия и, конечно, всю заслугу приписали Куку и Уотстону.

И долго никто не знал, что подлинным то отцом первого телеграфа был талантливый офицер, дипломат, бывший воспитаник Первого кадетского корпуса, уроженец Ревеля, сын старого мушкетера.

Однако, это обстоятельство мало беспокоило самого Павла Львовича. Его интересовало и поглощало творчество, а не слава.

« Я горжусь достижением. Это мое... а больше мне ничего не надобно ».

Но по восшествии на престол императора Николая I, когда весть о применении в Англии аппарата Шиллинга дошла до императора, тот немедленно навещил изобретателя. Результатом этого свидания было ассигнование Шиллингу крупных сумм на устройство целого ряда

телеграфных линий, но смерть помешала ему исполнить до конца это царское задание. Он успел только создать линию между Зимним дворцом и министерством Путей Сообщения.

Он умер, не подозревая, какое огромное всемирное значение будет иметь его изобретение.

Вообще, это был человек удивительной скромности. Он прекрасно уживался с людьми, был остроумным и веселым собеседником в обществе. Любимым его развлечением были шахматы. Он славился прекрасной игрой и с ним часто играл император Николай I, как известно, большой любитель этой игры.

Как-то Шиллинг затеял партию с знаменитым ученым Ампером и выиграл партию, играя с завязанными глазами.

Ревель он называл «дорогой родиной» и крепко любил этот уютный городок, где в 1786 году он впервые увидел свет ревельского утра.

Первый кадетский корпус, старейшее военно-учебное заведение в России, с гордостью может назвать своим учеником великого изобретателя первого в мире телеграфа — Павла Львовича Шиллинга фон Капштадт.

«Досуг кадета» № 9, Сараево

Бой бронепоезда «Иоанн Калита» у ст. Волноваха 17 мая 1919 года

В статье «О бронепоездах Добровольческой Армии» А.А. Власова («Военная Белья» № 98) действия бронепоезда «Иоанн Калита» описаны не совсем точно. 17 мая 1919 года я был временно командующим бронепоездом «Иоанн Калита» (командир уехал вследствие полученного легкого ранения, взяв с собой бронированный паровоз и платформу с 42-линейной пушкой для починки). На станции Караванная я получил приказ генерала Кутепова немедленно отправиться на ст. Еленовка в распоряжение полковника Бочарова, командира 1-й Хоперской бригады отряда генерала Шкуро, для оказания помощи Сводно-гвардейскому батальону, испытывавшему сильное давление красных.

Бронепоезд состоял из (по порядку, начиная спереди): двух предохранительных платформ с починочным материалом и инструментом, одного бронированного вагона с тремя пулеметами, одной угольной платформы со снятыми щитами и поставленной на нее 6-дюймовой пушкой Кане (с двенадцатью снарядами), небронированного паровоза и одного блиндированного вагона вспомогательного поезда. Восемь вагонов вспомогательного поезда, указанных в статье А.А.В., не было.

Проехав от ст. Караванная до ст. Доля, я нашел там роту Самурского полка, занимавшую передовую позицию на левом фланге Добровольческой Армии. Дальше путь шел в перпендикулярном направлении к фронту. На следующей станции Еленовка, занятой частью 1-й Хоперской бригады, я получил от полковника Бочарова приказание пройти через следующую станцию Велико-Анадоль, где располагался казачий пост (10-12 человек), и двигаться на ст. Волноваха в распоряжение начальника

отряда гвардейских стрелков полковника М., который просил о поддержке ввиду начавшегося сильного давления красных.

Весь этот железнодорожный путь охранялся только казачьими разъездами, которых, я, не встретил ни одного. Войдя на разъездные пути станции Волноваха, я сразу вступил в перестрелку с бронепоездом красных (прямой наводкой), послав одновременно офицера для связи с гвардейским отрядом. После выпущенных мною десяти снарядов бронепоезд скрылся за холмами вместе с двумя поездами, которые выгрузили пехоту. У нас осталось два снаряда. Первая линия наступающей красной пехоты, высаженной из поездов, находилась от нас в 300-400 шагах, за нею шли две другие цепи. Красные открыли редкий ружейный огонь, а мы пулеметный. Одиночные гвардейские стрелки отходили на восток без выстрела, оставляя линию железной дороги. В это время вернулся офицер связи и доложил, что начальник боевого участка сообщает об уходе своего отряда, оставляющего станцию Волноваха, предоставляя мне действовать по своему усмотрению. Никаких других сведений об обстановке офицер связи мне не принес.

Приказания генерала Кутепова и полковника Бочарова были очень лаконичны: «Скорее ехать и спасать», без какого-либо указания на обстановку. Возможно, что они и сами ее не знали, и вообще почти всегда приходилось действовать так, как глаза видят.

Благодаря нашему прибытию и вступлению в перестрелку с бронепоездом красных, гвардейский отряд свободно оторвался от красных и отошел без выстрела. Положение бронепоезда «Иоанн Калита» оказалось теперь следую-

щим: дорога на Мариуполь, в лучшем для нас случае, не была занята никем, но город Мариуполь находился в руках красных. Дорога на запад, на Хлебодаровку и дальше, была вся занята противником. Дорога к левому флангу Добровольческой Армии, на Велико-Анадоль, были в руках красных так, как и сама станция Велико-Анадоль. Где находились другие наши войска, мне не было известно; посылать снова офицера для связи к начальнику отходящего отряда я считал вредной потерей времени. Поручик Курбас доложил мне, что по его сведениям станция Карань (в Мариупольском направлении) имеет воду и топливо для паровоза, предлагая там обождать, пока нас не вырвут. Никакого совещания, указанного в статье, не было.

Я решил, что ждать, пока нас окружают и подорвут пути с двух сторон, было бы неразумно и малодушно. Переместив один пулемет на вагон вспомогательного поезда, я повел бронепоезд на прорыв через занятую красными станцию Велико-Анадоль. Я рассчитывал на быстроту наших действий, на храбрость добровольцев, на моральное воздействие на неукрепившегося еще противника и, конечно, на Бога...

Находясь все время на верху паровоза, я видел все окружающее нас как на ладони. Начав движение, мы сразу же попали под ружейный и пулеметный огонь противника с двух сторон пути, сначала из леса, а затем — с насыпи сверху. Наши пулеметы вели огонь без остановки, причем один пулемет был поставлен на крышу вагона.

Войдя на развездные пути станции Велико-Анадоль, мы не вошли в тупик, уготовленный нам красными, так как шли по неправильному пути, но столкнулись с вагонеткой для перевозки рельс, которую красные бросили на наш путь в последнюю минуту. От удара о вагонетку передней (по ходу) скат нашего блиндированного вагона сошел с рельс и пошел по шпалам, но задний скат остался на рельсах под тяжестью вагона и также потому, что он был сцеплен с паровозом. Это произошло прямо перед вокзалом. Стрельба с обеих сторон усилилась до предела, но мы уже выехали на совершенно открытую местность. Красные прятались за деревья у станции, а найдящиеся на открытой местности побежали и поскакали в разные стороны. Из-за деревьев велся по бронепоезду огонь, но уже не такой сильный. Движение поезда продолжалось с подпрыгивающим вагоном, который начал тем временем разрушаться. Я спустился к машинисту и от него узнал, что тормозная трубка перебита пулей и что мы можем двигаться так, пока железнодорожный путь прямой, а при повороте сойдем с рельс. На наше счастье даль-

ше шел подъем, и мы, пройдя полторы версты, остановились как раз перед поворотом. Красные уже не стреляли, но цели, придя в порядок, приближались. Я приказал начать работу по выброске вагона, пришедшего в полную негодность.

В это время я увидел к востоку от железнодорожного пути казачий разъезд и послал к нему одного солдата, воспользовавшись пасущейся вблизи лошадью. Начальника разъезда (10-12 человек) я попросил сделать демонстративное движение в обход левого фланга противника, а пулеметчикам приказал открыть огонь. Цели остановились, а мы вскоре сбросили вагон с пути. Однако он упал таким образом, что я не был уверен в том, что платформа с 6-дюймовым орудием сможет пройти, но, к счастью, все обошлось благополучно и платформа прошла, только чуть зацепив сброшенный вагон.

Мы были спасены. Раненых у нас было только двое и то легко. Со станции Еленовка я послал донесение полковнику Бочарову (в деревню Еленовка) и получил приказание вернуться на базу. На ст. Караванная (наша база) мы были встречены торжественно. Через какой-нибудь час вернулся наш командир с 42-линейной пушкой и бронированным паровозом.

Хочу добавить в заключение, что генерал Кутепов, отдавая приказание, не был, очевидно, в курсе изменений в боевом составе бронепоезда (отсутствие 42-линейной пушки и бронированного паровоза), да и в боевой обстановке на этом участке фронта. Правда, в Добровольческой Армии это случалось часто.

Проходя через занятую красными станцию Велико-Анадоль, я не мог очистить себе путь стрельбой из 6-дюймовой пушки Кане на ходу по свойствам ее установки. Польза наших действий заключалась в том, что отряд сводно-гвардейского батальона смог спокойно и без потерь оторваться и уйти от противника, во много раз превышавшего отряд численностью.

Через несколько дней, когда бронепоезд «Иоанн Калита» под моей командой возвращался на базу, на одной из станций, названия которой я уже не помню, адъютант генерала Кутепова передал мне приказание выстроить команду на перроне. Подошедший к нам генерал Кутепов собственноручно наградил всех нижних чинов Георгиевскими крестами, приказав адъютанту записать их фамилии. Меня генерал Кутепов благодарил, крепко пожал руку.

Дальнейшая моя судьба сложилась следующим образом: когда после этого боя я был вызван в штаб генерала Иванова для получения нового назначения, генерал мне объяснил, что не назначает меня командиром бронепоезда «Иоанн Калита» (пост был вакантным), так

как я «слишком молод», чтобы командовать тяжелым бронепоездом, и назначил меня командиром бронепоезда «Пластун», вооруженным 57-мм. и 3-дюймовой пушками. Назначение это было для меня неожиданным, и на него я не претендовал.

Вступив в командование бронепоездом «Пластун» (на ст. Дарница), я через несколько дней был вызван для отправки меня в армию адмирала Колчака. Я давно просил об этом, желая побывать у себя на родине, в Оренбурге. Прибыв, кажется, в Новочеркасск или же в Таганрог, я уже не помню, так как у меня начинался сыпной тиф, я явился к генералу Иванову проститься и от него узнал, что армию адмирала Колчака надо считать погибшей. Генерал Иванов снабдил меня двумя документами: 1) копией представления меня к производству в чин полковника за выслугу времени и 2) подлинник представления меня к такому же производству за вышеописанный бой, и отправил меня в Ростов для того, чтобы «протолкнуть»

производство.

Там оказалось, что я уже произведен по первому представлению.

Получив справку, я почувствовал себя совсем уже больным, и вызванный фельдшер, расстегнув ворот моей рубашки, определил у меня сыпной тиф. Когда я пришел в сознание в госпитале в Екатеринодаре, было уже 4 января 1920 года, а через три дня я был эвакуирован в гор. Салоники, в Грецию, откуда через четыре месяца переехал в Египет. Вот почему у меня оказались в сохранности эти документы вместе со значком М.А.У., орденом св. Владимира 4-й степени, — все имущество, попавшее со мной за границу.

Мое описание боя несколько отличается от «бравурной» реляции представления к производству в чин полковника, но я постарался описать это в качестве очевидца и непосредственного участника боя.

В. Федоров

«ЩИПОНОС»

(моя последняя встреча с Великим Князем Константином Константиновичем)

6 августа 1913 года, то есть 60 лет тому назад, я был произведен в первый офицерский чин. Этот день мы, юнкера старшего класса Николаевского инженерного училища, ожидали с чрезвычайным нетерпением. С начала последнего учебного года на одной из классных досок обозначалось большими цифрами число дней, остающихся до производства. Цифра эта каждый день уменьшалась на единицу.

Наконец кончился учебный год, лагерный сбор в Усть-Ижорском лагере, юнкера среднего и младшего класса уехали в отпуск, и за несколько дней до производства юнкера старшего класса вернулись в Инженерный Замок. Разместились мы, юнкера 2-й роты, не на наших прежних, разбросанных местах, а все вместе, в большой камере. Целый день мы разъезжали по городу для покупки необходимых вещей и делая последние примерки у портных. Обmueндирование делал мне портной Каплун, магазин которого был на Невском проспекте. В доме того же Каплуна я снял и квартиру.

Наконец наступил долгожданный день 6 августа. После утреннего чая мы отправились в Красное Село.

Юнкера были выстроены против лагеря лейб-гвардии Пресображенского полка. Наше

училище — в одну шеренгу, на правом фланге стояли два фельдфебеля, затем шли по ранжиру портупей-юнкера и юнкера.

Ровно в 10 часов прибыл Государь Император и стал обходить фронт юнкеров. Когда Государь подошел к нашему училищу, он остановился только перед фельдфебелем 1-й роты Кохановичем и передо мною — фельдфебелем 2-й роты.

— Как твоя фамилия? — спросил меня Государь.

— Шилковский, Ваше Императорское Величество, — ответил я.

— В какую часть выходишь?

— По инженерным войскам, с прикомандированием лейб-гвардии к Саперному батальону, Ваше Императорское Величество.

После этого Государь пошел вдоль фронта наших юнкеров, не останавливаясь и ни к кому больше не обращаясь с вопросами.

Обойдя все училища, Государь Император остановился в центре построившихся училищ и обратился к нам с кратким словом, призывая нас верно служить ему и отечеству, быть строгими, но справедливыми к своим подчиненным и в заключение поздравил нас с производством в первый офицерский чин. Громкое «ура» бы-

ло ответом на его слова.

После отбытия Государя в лейб-гвардии Преображенский полк, который в этот день справлял свой полковой праздник, все юнкера получили печатный приказ о производстве и отправившись обратно в Петербург.

На кроватях нас уже ждало обмундирование, разложенное нашими служителями. Переодевшись в новенькую офицерскую форму, мы с ликующим сердцем покинули родное училище. Этот день я провел в Красном Селе у своей старшей сестры Александры, чей муж, генерал-майор Александр Александрович Михельсон, командовал в то время лейб-гвардии Московским полком. Следующие три дня я был занят покупкой и приемом в своей новой квартире самой необходимой обстановки. Все это заняло так много времени, что вместо обычного скорого поезда на Москву я взял место на курьерский Севастопольский поезд, отходивший из Петербурга в 12 часов ночи.

Приехав на вокзал, я по обыкновению купил в киоске очередную книжную новинку и, войдя в вагон, снял пальто, фуражку и шапку и уселся, чтобы начать чтение, как вдруг в купе вошел полковник в форме военно-учебных заведений. Я встал, чтобы представиться, и тогда полковник сказал, что в этом же поезде, в вагон-салоне, находится Великий Князь Константин Константинович, который приглашает к себе всех вновь произведенных офицеров.

Я нацепил шапку, взял фуражку и вышел на платформу. Через несколько минут появились тот же полковник в сопровождении четырех офицеров: трое лейб-гвардии Измайловского полка, а четвертый — в форме полевой легкой артиллерии, прикомандированный лейб-гвардии к 3-й артиллерийской бригаде.

Мы все пошли к концу поезда, в вагон-салон, где находился Великий Князь с сыном, Князем Олегом Константиновичем.

Великий Князь приветливо встретил нас и усадил на стулья вокруг накрытого чайного стола. Князь Олег Константинович остался стоять, разливая чай, и подносил нам чашки и печенье. Каждого из нас Великий Князь расспрашивал о корпусах, в которых мы обучались, о наших планах на будущее, о литературе, об искусстве.

В частности, разговаривал со мной, Великий Князь упомянул о памятнике Петру Великому против главного входа в Инженерный Замок, сказав, что этот памятник работы Растрелли. В памятной же книжке, которую получал в подарок каждый юнкер при поступлении в училище, было между прочим сказано, что памятник этот работы скульптора Мартелли. Сделан он был в царствование Императрицы Елизаветы Петровны, но сохранялся при одном из дворцов, в закрытом помещении. Толь-

ко при вступлении на престол Императора Павла Петровича, после постройки Михайловского (Инженерного) Замка, памятник этот был помещен перед главным входом, где и сохранился до настоящего времени. На постаменте памятника надпись: «Прадеду — правнук».

Когда Великий Князь назвал создателем памятника Растрелли, я, конечно, прикусил язык, так как поправлять слова Высочайших Особ не полагалось. К тому же Великий Князь был таким знатоком искусства, что, возможно, прав был он, а не автор памятника Инженерного Замка.

Опережая события, я хочу прибавить, что нечто подобное произошло и в начале 1919 года, когда я состоял в «отряде особого назначения» для охраны лиц Императорской фамилии, проживающих в Крыму. Когда представлялись Императрице Марии Федоровне, то Императрица, заметив мои серебряные погоны, спросила меня, не Кавалергардского ли я полка. Я ответил: «Так точно, Ваше Императорское Величество, — лейб-гвардии Саперного полка». Ответить «Никак нет» на вопрос Высочайших Особ не полагалось.

Наш разговор с Великим Князем и его сыном продолжался очень долго. Мы проехали Любань и только в Малой Вишере, на трети пути до Москвы, разошлись по своим вагонам. Кто из нас мог подумать, что через тринадцать месяцев после этого Князь Олег Константинович будет смертельно ранен, а в 1915 году умрет и сам Великий Князь Константин Константинович. Судьба смилостивилась над ними, не дав им дожить до трагических событий 1917-18 гг.

На следующий день после моего возвращения в Петербург после 28-дневного отпуска я с утра пошел в канцелярию лейб-гвардии Саперного батальона, чтобы представиться адъютанту батальона поручику Турбину, который приветливо меня встретил и просил остаться у него, пока он пойдет доложить о моем прибытии командиру батальона. Через несколько минут поручик Турбин вернулся и провел меня в кабинет командира батальона, Свиты Его Величества генерал-майора Бориса Александровича Подымова, который ожидал меня стоя спиной к своему письменному столу.

Страпортовал о своем прибытии к месту службы, я после этого доложил командиру батальона о своей встрече с Великим Князем. О всех встречах с лицами Императорской Фамилии офицеры должны были доводить до сведения своего прямого начальства.

— Так значит, после того, как Великий Князь спросил вас, не мешает ли вам ципанос, вы его сняли и положили в боковой карман. Вы очень хорошо нашли, что сделать, — замеслялся генерал Подымов, по своей привычке осмаливая зубы. После этого, опять приняв

свой обычный суровый вид, генерал Подымов сказал, что назначит меня в Его Высочества (3-ю саперную) роту и отпустил меня.

С этого дня началась моя строевая служба лейб-гвардии в Саперном батальоне.

П.В. Шиловский

Практические стрельбы Русских артиллерии на полигоне близ Лондона

(в дни первой мировой войны)

20 февраля 1916 года, по распоряжению Полевого Генерал-Инспектора артиллерии Великого Князя Сергея Михайловича, были командированы в Англию два штаб-офицера артиллерийских училищ*) и от мортирных дивизионов десять обер-офицеров и 42 солдата.

Командировка имела целью, не ожидая прибытия заказанных в Англию для русской артиллерии 45-лн. гаубиц, подготовить для будущих формирований новых батарей, на вооружение которых должны были стать эти гаубицы, инструкторский и кадровый личный состав.

Отправка в Англию во время войны столь значительной группы русских воинских чинов, должна была быть обставлена весьма секретно, тем более, что указанный маршрут лежал сначала через Финляндию, затем через нейтральные, но переполненные немецкими шпионами Швецию и Норвегию и наконец через Немецкое море, сферу действия германского флота, подводные лодки которого оставались в то время нейтральные суда, осматривали их и снимали подозрительных пассажиров.

Для большей осторожности при переезде все командированные должны были выезжать из Петрограда попарно, с промезжутками в два дня, в штатских, конечно, костюмах, имея с собой в ручном багаже военное обмундирование и холодное оружие.

Переезд прошел благополучно.

По прибытии в Лондон каждая пара передевалась в военную форму и распоряжением нашего военного представителя размещалась: офицеры — в частном госпитале, а солдаты в прекрасной гостинице для английских солдат, прибывающих с фронта.

*) Командир 1-й батареи Михайловского артиллерийского училища подполковник Новогребельский и командир 1-й батареи Константиновского артиллерийского училища подполковник Герцо-Виноградский.

Условия жизни в этой гостинице были настолько непривычны для наших солдат, что можно отметить, как курьез, следующее: когда проживавший в Лондоне Великий Князь Михаил Михайлович, пожелав увидеть команду солдат, посетил гостиницу и спросил одного из них, нравится ли ему жить в ней, спрошенный солдат ответил: « Так точно, Ваше Императорское Высочество, только только часто простыни меняют. Не успеешь обмять их, как дают новые ».

Когда все командированные съехались в Лондон, вся команда была отправлена в английскую артиллерийскую школу военного времени, расположенную часах в двух езды по железной дороге от Лондона, в местности, носившей название « Лардж Хилл ». В этот день жители Лондона имели случай видеть необычную картину: по городу шла с песнями чисто и опрятно одетая русская воинская часть. Это артиллерийская команда шла на вокзал. Аплодисменты сопровождали ее до посадки в вагоны.

В школе, в течение двух недель офицеры и солдаты основательно изучили материальную часть 45-лн. великобританской гаубицы, а на третью неделю был сложен и готов к практической стрельбе расчет на две батареи.

При этом выяснилось, что принятый англичанами способ деления угломера (на две полуокружности, на 180 делений каждая) для нас неудобен, что впоследствии, до отправки гаубиц в Россию, было исправлено. Угломеры были разделены на принятые у нас деления.

Практическая стрельба состоялась в присутствии всего состава школы и начальника ее, полковника Томсона, бывшего командира одной из конных батарей 1-й великобританской армии, понесшей большие потери в первых боях с немцами. Полковник Томсон был ранен в ногу, после чего не мог свободно ездить верхом.

Наши артиллеристы сменили у стоявших на позиции двух батарей англичан, и раздали привычные нам команды. Угломером пользо-

вались как русским (одной половиной), и батареи без всяких затруднений и задержек построили « веера » и открыли огонь.

Ввиду крайне ограниченного числа бомб, отпущенных англичанами на практическую стрельбу (шрапнелей не было вовсе), можно было выкострить для каждой батареи только по две пристрелки с переносом огня и выпустить несколько бомб на поражение.

Быстрота, с которой русские артиллеристы освоились с новой для них материальной частью, быстрота пристрелки и переносов огня, произвели на англичан великолепное впечатление, но наши артиллеристы не были довольны стрельбой. Большой процент бомб не дал результатов, на что и было обращено внимание англичан. Англичане объяснили это тем, что на практические стрельбы они отпускают бракованные снаряды. Однако впоследствии, в Галиции и на Румынском фронте, куда главным образом были направлены вновь сформированные батареи и дивизионы, вооруженные великобританскими гаубицами, оказалось, что стрельба шрапнелью не поддавалась никакой корректуре и шрапнель ввасалась, как ей самой заблагорасудится, а бомбы, в зависимости от твердости

грунта, на который они падали, давали неразрывов от одной четверти до одной трети, а иногда и более того.

Поднятая по этому поводу тревога вызвала приезд на фронт представителей английской военной миссии, которые, побывав на стрельбе одного из дивизионов, вооруженных их гаубицами, вынесли следующее, оправдывающее их заключение: русские требуют от артиллерии « кружевной » работы и экономят снаряды. Мы же снарядов не жалеем, чем и восполняем их недостатки.

На нашем фронте дивизионы, вооруженные великобританскими гаубицами, не имели и не могли иметь серьезного значения. Тяжелые на ходу, с малой предельной дистанцией огня (на одну версту меньше нашей 48-лн. гаубицы), с бездействующей шрапнелью и плохо рвущейся бомбой, они не могли выполнять ответственных задач. Таким образом в истории русской артиллерии появление у нас 45-лн. английской гаубицы едва ли может быть отмечено более интересным фактом, чем факт практической стрельбы русских артиллеристов на полигоне близ Лондона.

Н. Г-В.

Черноморский флот и северо-кавказский военный округ в мае и июне 1918 года

Записки старшего лейтенанта Романа Левговда

В конце апреля, 1918 года немецкая армия, прорвав без всякого труда ряд оборонительных линий на Перекопе и в других местах Крыма, стала на Северной стороне Севастопольской бухты. Обстреливаемые немецкой артиллерией: суда Черноморского флота первой линии, дредноуты и миноносцы, под флагом контр-адмирала Михаила Павловича Саблина, вышли из Севастополя и 1 мая н. ст. стали на Новороссийском рейде.

Первым делом флота на новом месте стоянки было: 1) Создание новой внутренней организации флота и 2) определение взаимоотношений между флотом и кавказскими советскими властями. Центрофлот, комитеты, комиссары и тому подобные большевистские детища достаточно себя скомпрометировали в Севастополе и там же развалились. Нужно было создать что-то новое. Морские команды просили адмирала Саблина остаться во главе флота.

Адмирал поставил следующие условия: 1)

Замена красных кормовых флагов на всех кораблях Андреевскими флагами, 2) упразднение Центрофлота и предоставление всей полноты власти командующему флотом, 3) решение этих первых двух вопросов всеобщим голосованием всего флота, 4) немедленное увольнение со службы всех не желающих подчиниться общему решению и 5) скорейшее восстановление дисциплины и приведение флота в боевую готовность.

Указанные условия были приняты командами почти единогласно. Из 3.500 матросов только около 300 человек не пожелали служить при новом порядке и уволились со службы. В первых числах мая на военных судах и транспортах взвились Андреевские флаги, начались учения, ремонты и, казалось, флот был на пути к выздоровлению после семи месяцев кошмара крови и преступлений.

Второй, весьма существенный вопрос остался неразрешенным до самого дня утопления фло-

та. На Северном Кавказе существовала особая советская республика со своим Центральным исполнительным комитетом, своей армией и своими денежными знаками. Правительство северо-кавказской республики всеми делами области ведало совершенно самостоятельно, по принципу «власть на местах», а с московским правительством считалось только тогда, когда нужно было добыть от него снаряды, патроны и «николаевские» деньги. Пришедший в Новороссийск флот это «самостоятельное» правительство считало своим собственным и с первого же дня старалось втянуть флот в войну с казаками и различными партизанскими организациями, борющимися против советской власти. Чуть ли не ежедневно флот получал из Екатеринодара приказы выйти в море и обстрелять побережье то Кубанской области, то Грузии, то еще других мест. Согласно же статье 5-й Брестского договора выступление Черноморского флота из базы давало немцам повод считать мирный договор нарушенным, что в свою очередь всегда могло служить им юридическим оправданием дальнейшего продвижения вглубь России. В самостоятельную республику флот превратиться не мог, и нужно было хотя бы временно подчиниться одной из существовавших в то время на Руси властей. А их было много, и каждая из них протягивала свои жадные руки к флоту. Подчиниться Украине или Грузии означало бы подчиниться той же Германии, да и команды на это никогда не согласились бы. Оставалось сделать выбор между московскими властями и властями Северного Кавказа. Опыт революции показал, что «власть на местах» служит главным питомником анархии и, ставя себе задачей сохранить для России хотя бы остатки флота, когда она освободится от большевиков, адмирал Саблин решил, что, только подчиняясь Москве, а не местным властям, можно будет сохранить хоть материальную часть флота. На все часто абсурдные требования и приказания северо-кавказского правительства адмирал неизменно отвечал, что он получает директивы только от московского правительства, которое ему предписывает оставаться в гавани и ни в коем случае не нарушать Брестского договора. Вместе с тем от Ленина было получено радио, в котором он предписывал флоту быть в полной боевой готовности на случай, если немцы сами нарушат договор. В этом случае, приказывал Ленин, флот должен защищаться до последней капли крови.

Позиция, занятая адмиралом Саблиным, дала повод северо-кавказскому правительству поднять против адмирала травлю в печати. Уклонение от участия в боях против партизан рассматривалось этим правительством как измена советской власти, о чем и посылались доносы в

Москву. Однако травля эта не изменила решения адмирала, и флот, стоящий в Новороссийске, ни разу не покидал гавани и не сделал ни одного выстрела, продолжая свою внутреннюю работу и ожидая со дня на день возобновления войны с Германией. Немцы же наполняли воздух радиотелеграммами о том, что Черноморский флот нарушает мирный договор, ходит по морю, обстреливает города и т. п. Трудно сказать, конечно, прикидывались ли немцы не понимающими истинного положения вещей или они действительно плохо разбирались в бытиях. Дело в том, что при эвакуации Крыма несколько местных мелких судов и транспортов, наполненных убегающими комиссарами и остатками красноармейских отрядов, ушли из Севастополя не в Новороссийск, а в Ейск. Там какой-то еврей коммунист Гириштейн, с благословения северо-кавказского правительства, организовал флотилию, которая и бесчинствовала по всему Азовскому морю, обстреливая Мариуполь, Таганрог и прибрежные станицы Кубанской области. Эта флотилия, совершившая с одобрения большевистского Главковерха Батийского фронта Калнина, много преступлений, не имела к флоту, стоящему в Новороссийске, никакого отношения и не была подчинена адмиралу Саблину. Флоту, стоявшему в новой, плохо оборудованной базе, нужна была нефть, нужны были снаряды и много других материалов, которые могли быть доставлены только при содействии московского правительства. Адмирал Саблин ежедневно бомбардировал Москву различными требованиями, которые исполнялись очень плохо из-за дальности расстояния и плохой связи. В конце мая в Новороссийске были получены сведения о том, что в Царицыне организовался штаб Северо-Кавказского военного округа, во главе которого стал генерал Генерального штаба Снесарев. Известие это было принято адмиралом Саблиным с большим удовлетворением. В лице генерала Снесарева сосредоточивалась высшая военная власть на Северном Кавказе, получающая директивы непосредственно из Москвы. Адмирал усматривал в новом порядке следующие выгоды для флота:

1) Через Царицын легче было сноситься с Москвой. Большинство материалов должно было доставляться по Волге, а в самом Царицыне была заготовлена для флота нефть в большом количестве.

2) При наличии столь близкого пребывания представителя центральной власти легче было игнорировать притязания на управление флотом со стороны безграмотных в военном деле заправил северо-кавказской республики.

3) Назначение на должность начальника округа генерала царской службы позволяло надеяться, что теперь военные и военно-морские

дела на Северном Кавказе пойдут с наименьшим возможным вредом для интересов будущей России. Можно было предполагать что угодно о причинах, побудивших Снесарева поступить на службу к большевикам, но наименее вероятным было бы предположение, что генерал сделался большевиком и борется за уничтожение частной собственности на землю.

Предполагалось, что через головы правителей и главковерхов северо-кавказской республики Черноморский флот установит тесные сношения со штабом вновь организованного округа, будет получать при его содействии все для себя необходимое и будет понемногу готовить себя к возобновлению военных действий с Германией, чего можно было ожидать со дня на день и что случилось бы несомненно, если бы в то время советская власть в Москве была бы свергнута. Сколько времени просуществует советская власть в России, месяц или годы, сказать никто не мог.

2 июня н. ст. не на вокзал, а прямо к самому морю, на каботажный мол Новороссийской гавани прибыл какой-то таинственный экстренный поезд из Москвы. Привез он члена Морской Коллегии Вахрамеева с большой личной охраной из балтийских матросов. Вахрамеев явился на линейный корабль «Воля» и передал адмиралу Саблину весьма секретное предписание Ленина и Троцкого: «К 19 июня утопить весь флот на Новороссийском рейде». Легко себе представить, как был поражен этим предписанием командующий флотом.

Оказалось, что немцы рассматривают бесчинства, творимые Азовской флотилией товарища Гринштейна, как нарушение Брестского договора всем Черноморским флотом. Поэтому, после нескольких протестов и предупреждений, германское командование предъявило советскому правительству ультиматум: «К 19 июня ВСЕМУ Черноморскому флоту прибыть в Севастополь и разоружиться. В случае неисполнения ультиматума немецкая армия начнет наступление на Кубань и Черноморскую губернию для захвата флота». Совет народных комиссаров, полагая, что советская армия не сможет защитить флот с суши, и опасаясь, что немцы, придя на Кубань для захвата флота, попутно выкачают с Кубанской области 150 миллионов пудов хлеба, решил, заверив немцев, что ультиматум будет исполнен, дать флоту секретное предписание УТОПИТЬСЯ.

Выслушав Вахрамеева, адмирал Саблин заявил ему, что приказание это исполнить он не может, во-первых, потому, что утопление флота нанесет непоправимый вред интересам будущей России, а во-вторых, если он, командующий флотом, и отдал бы подобное приказание, оно осталось бы неисполненным, так как мор-

ские команды изо дня в день приучались к мысли о необходимости сопротивляться немцам до последней капли крови, о чем имеется даже особая телеграмма самого Ленина.

Чтобы заставить командующего флотом исполнить приказание, Вахрамеев сообщил ему, что командующий Балтийским флотом адмирал Щастный тоже получил предписание утопить свой флот. Приказания он не исполнил и за это был арестован и заключен в Москве в тюрьму. Революционный трибунал, вероятно, приговорит его к расстрелу (адмирал Щастный, действительно, вскоре был расстрелян). Угроза не подействовала. Адмирал Саблин наотрез отказался исполнить кощунственный приказ и тотчас потребовал вызова в Москву для личных объяснений. Получив разрешение на выезд, адмирал Саблин выехал экстренным поездом в сопровождении и. д. штаб-офицера для поручений старшего лейтенанта Левговда, флаг-офицера мичмана Гурского, начальника конвой мичмана Штюрмера и специальной охраны из 40 матросов. Узнав, что командующий флотом едет в Москву для выяснения каких-то важных вопросов, команды кораблей пожелали сами выбрать для охраны адмирала надежнейших людей — НЕ БОЛЬШЕВИКОВ и, посылая их в дорогу, предупредили, что они ответят своей головой, если с адмиралом по дороге иил в Москве случится что-либо.

Ставку Главковерха северо-кавказских советских войск, латыша Калнина, расположенную на станции Тихорецкая, адмирал Саблин проехал без остановки. Не только говорить о флоте с Калниным адмирал не пожелал, но не считал даже нужным поставить его в известность о цели своей поездки в Москву. В Царицыне же поздно ночью адмирал приказал во что бы то ни стало найти генерала Снесарева и пригласить его в вагон для весьма важного совещания. На поиски штаба округа отправился старший лейтенант Левговд, причем с первых же слов ему стало ясно, что генерал Снесарев и генерал Носович, начальник штаба округа, обыкновенные русские офицеры, а не большевики, и он еще по дороге к вагону сообщил им с полной откровенностью о всех убийственных для флота и для интересов России мероприятиях большевиков.

Из разговоров выяснилось, что главной задачей штаба Северо-Кавказского военного округа была организация обороны от предполагаемого наступления немцев. Войска, стоявшие под Батайском, должны были воспрепятствовать проникновению немцев на Кубань сухим путем, а левый их фланг и берег моря защищались флотом. Утопление флота обнажало левый фланг армии и вообще сводило бы ее значение к нулю, так как немцам незачем было бы драться под Батайском. Проще было выса-

даться на Тамани, в Анапе или же в Новоросийске.

Здесь выяснилась вся глубина невежества народных комиссаров в военном деле: о таком важном факте как предполагаемое утопление флота, сводящем на нет весь смысл существования штаба округа, они даже не потрудились сообщить генералу Снесареву, как не сообщили о возможном наступлении немцев для производства необходимой перегруппировки войск.

Беседа в вагоне продолжалась до рассвета. Адмирал Саблин сообщил, что едет в Москву, чтобы как-нибудь спасти флот от гибели. Он подробно расспрашивал генерала Снесарева о численности и качестве советских войск и о том, что сможет сделать штаб округа в деле снабжения флота боевыми припасами и топливом в случае открытия военных действий.

Видя перед собой двух кадровых русских офицеров, адмирал Саблин, не боясь быть обвиненным в контрреволюционных замыслах, откровенно высказывал свое отрицательное отношение к большевизму и излагал свои взгляды и планы на будущее.

Здесь надо указать, что адмирал Саблин, как и весь флот, был весьма плохо осведомлен о ходе гражданской войны на Кубани. В первых числах мая в Новоросийск прибыл главнокомандующий советскими войсками Северного Кавказа бывший хорунжий Автономов. Он предлагал адмиралу всякие услуги флоту, много говорил о немцах, а о бесчисленных внутренних фронтах говорил мало и неохотно. С его слов выходило, что со смертью генерала Корнилова и после неудач его наступления на Екатеринодар Добровольческой Армии больше не существует. В разных углах Северного Кавказа якобы бродят разрозненные партизанские отряды, но трудно даже понять, во имя каких целей они сражаются. Одни говорят, что партизаны эти стремятся к реставрации монархии; другие, что они требуют созыва Учредительного собрания; третьи, — что предполагается создать самостоятельную казачью республику. Автономов рассказывал, что он посылал к партизанам делегацию для выяснения возможности прекращения междоусобицы, но делегация эта не вернулась. Возможно, что она была расстреляна.

К правительству северо-кавказской республики Автономов относился с величайшим презрением и говорил, что его солдаты Батайского фронта неоднократно сами грузились в вагоны, чтобы ехать громить Екатеринодар, разогнать правительство и Центральный исполнительный комитет, составленный из каких-то приезжих проходимцев, и организовать новую власть. тоже светскую, но составленную из местных людей, известных народу своей порядочностью. Словом, выходило так, что Автономов, вчера

еще сражавшийся с Корниловым, сам был недостаточно правоверным большевиком.

В конце концов, к маю месяцу подозрительное северо-кавказское правительство усмотрело в сношениях Автономова с адмиралом Саблиным контрреволюционный заговор, чуть ли не объявило его вне закона, сместило его и назначило на его место Калнина.

То, что красноармейцы на фронте, хотя и сражаются за советскую власть, но враждебно относятся к своему правительству, было отрадным явлением. Вспоминая теперь свой разговор с Автономовым, адмирал Саблин развивал перед генералом Снесаревым свой план на будущее.

В случае наступления немцев на Кубань, адмирал предполагал обратиться к населению с особым воззванием, призывая к прекращению братоубийственной войны и к повороту всех внутренних фронтов против общего врага, — немцев, для защиты родного края. В случае, если бы удалось хоть на время прекратить внутреннюю расприю и пробудить в народных массах патриотический энтузиазм, немцам пришлось бы уносить ноги не только с Кубани, но и со всей Украины, а там, кто знает, быть может вслед за немцами удалось бы прогнать и прислужников их, — большевиков.

Возмущенный тем, что столь важное распоряжение об утоплении флота было отдано Совнаркомом без его ведома и согласия, генерал Снесарев заявил, что он тотчас же пошлет энергичный протест и будет настаивать на том, чтобы это приказание, похожее на измену, было бы отменено. По его словам, стоящие под Батайском войска (около 80 тысяч) хоть и не очень боеспособны, могли бы все-таки оказать немцам серьезное сопротивление, а в случае осуществления надежд адмирала на прекращение междоусобицы открывались и еще более радужные перспективы. Кроме того, генерал заверил адмирала Саблина в том, что штаб округа приложит все старания, чтобы флот получил все необходимое по Волге, через Царицын. Готовность штаба округа всемерно содействовать сохранению флота и защите Кубани укрепила уверенность адмирала в том, что положение спасти еще можно: даже если флоту суждено погибнуть, пусть он гибнет в бою, зато немцам будет нанесен чувствительный урон и им придется отвлечь значительные силы с западного фронта на восток, что, несомненно, благоприятно отзовется на фронте союзников.

В Москве адмирала Саблина ожидало горькое разочарование. В первые четыре дня народный комиссар по военным и морским делам Троцкий не нашел и пяти свободных минут для приема командующего Черноморским флотом, отговариваясь тем, что он все время занят де-

лами чехословацкого фронта.

Адмирал, сопровождаемый старшим лейтенантом Левговдом, виделся с членами Морской Коллегии Ленинграда Раскольниковым и адмиралом Альтфатером и также с народным комиссаром по иностранным делам Чичериным. С напуской грустью, но вместе с тем убийственно спокойно выслушивали эти люди горячую речь взволнованного адмирала, смотрели, как он чуть не плакал перед ними, умоляя их найти какой-нибудь выход из положения, только бы не топить флот и не отдавать его немцам. Он развивал перед ними собственные планы и, как крайнее средство, предлагал умышленно допустить отделение северо-кавказской республики от советской России, чтобы дать ей возможность не считаться с Брестским договором и вместе с Украиной возобновить войну. Его собеседники оставались глухи ко всем его доводам и твердили только одно, что на требования немцев уже ответчено согласием, что сухопутная армия не сможет защитить флот и что Россия рискует потерять вместе с флотом еще и кубанский хлеб. Кроме того, Чичерин высказывал опасение, что в случае неисполнения ультиматума немцы могут предпринять наступление не только на Кубань, но и в центральную Россию.

Адмирал Саблин сейчас же послал в Новороссийск начальнику оперативной части старшему лейтенанту Паруцкому условную депешу: «До моего возвращения вещей не продавайте». В эти же дни адмирал Саблин получил из Новороссийска от своего заместителя капитана первого ранга Тихменева ряд телеграмм, ярко рисующих тот ужас, который творился на флоте. Узнав о существовании ДВУХ ПРИКАЗОВ, одного, ОТКРЫТОГО, — ИДИТИ В СЕВАСТОПОЛЬ, другого, ТАЙНОГО, — ТОПИТЬСЯ, матросы потеряли голову и чуть ли не каждый час меняли свои решения. То они соблазнялись скорым свиданием с женами и детьми в Севастополе, то, слушая уговоры комиссаров, собирались топить, то готовились к отчаянному сопротивлению. Большинство команд просто не верили подлинности приказаний, требовали неоднократных подтверждений, спрашивали, известно ли все это Всероссийскому Центральному комитету, спрашивали совета у адмирала Саблина. Что отвечал на эти телеграммы адмирал Саблин, нам неизвестно.

На четвертый день пребывания в Москве, убедившись в полной невозможности спасти флот легальными путями, старший лейтенант Левговд просил адмирала отпустить его в Новороссийск, где он предполагал ознакомить команды с московскими порядками и настроениями и попытаться поднять на флоте бунт против советской власти. Адмирал Саблин отнесся к этому плану скептически, считая, что кора-

бли, в конце концов, ни топиться, ни защищаться не будут, а просто пойдут в Севастополь. Старший лейтенант Левговд стоял на своем и указывал, что флот еще можно спасти, тем более что можно надеяться на энергичную поддержку генералов Снесарева и Носовича.

Так как положение самого адмирала становилось весьма неопределенным и можно было ожидать даже ареста не только его самого, но и сопровождавшего его конвоя и офицеров, адмирал дал, в конце концов, всем разрешение вернуться в Новороссийск и оставил при себе одного только флаг-офицера мичмана Гурского.

Никому ничего не говоря о своих планах, старший лейтенант Левговд воспользовался первой же оказией и тайно от большевиков уехал из Москвы. Проехать прямо на Царицын ему не удалось, так как около станции Поворино путь был перерван донскими казаками. Пришлось ехать на Камышин, а оттуда спускаться до Царицын по Волге, вследствие чего было потеряно более суток драгоценного времени.

Прямо с парохода старший лейтенант Левговд отправился на квартиру генерала Снесарева и доложил ему о целях поездки в Новороссийск. Так как флот не мог ничего предпринять, не имея топлива, а в Царицыне было заготовлено для морского ведомства 300 тысяч пудов нефти, то условились, что тотчас по приезде старшего лейтенанта Левговда в Новороссийск генерал Снесарев получит требование еще от имени правого советского флота о высылке нефти, что генерал и делает, не вдаваясь в то, зачем нужна флоту нефть. А чтобы в дороге нефть не была бы задержана несочувствующими флоту воинскими частями, из Новороссийска должны были выслать для встречи нефти хорошо вооруженный матросский отряд. Отправив таким образом нефть советскому флоту, генерал Снесарев должен были выжидать событий, чуть прислушиваясь к тому, как отнесется советская армия к бунту на флоте и можно ли будет склонить войска к поддержке флота и к оказанию сопротивления немцам, наступающим на Кубань. В благоприятном случае штаб округа должен был принять на себя руководство сухопутными операциями, не считаясь ни с какими громами из Москвы и с воплями о «предательстве» и т.п. Еще можно было надеяться и на то, что московское правительство, узнав о том, что флот и южная армия вышли из повиновения и не считаются более с Брестским договором, само возобновит войну с Германией, хоть на короткое время отрекшись от своего губительного, беспочвенного политиканства, и поднимется до понимания государственных, а не партийных задач, и тайно будет поддерживать взбунтовавшийся флот и армию, а для соблюдения дипломатического «приличия» объявит бунтовщиков вне

закона или еще что-нибудь в этом же роде.

Обсудив все вопросы только в общих чертах, генерал Снесарев отправился со старшим лейтенантом Левговдом и помещение штаба округа для решения ряда мелких вопросов. Прежде всего нужно было вызвать к прямому проводу упомянутого выше старшего лейтенанта Парущока и еще раз подтвердить настойчивое требование ничего не предпринимать с флотом до приезда в Новороссийск старшего лейтенанта Левговда.

С этой целью отправились на телеграф генерал Носович и старший лейтенант Левговд. Велико было их изумление и горе, когда из Новороссийска была принята телеграмма, сообщавшая, что половина флота, один дредноут и шесть миноносцев, уже лежит на дне моря, а другая половина ушла в Севастополь. Никто не знал, исчерпывались ли гибелью флота все предлоги для дальнейшего продвижения немцев вглубь России. Покончив с флотом, немцы могли предъявить еще какой-либо ультиматум, и в наказание за неисполнение его двинуться на Кубань за хлебом. Таким образом, с утратой флота задача, возложенная московским правительством на штаб Северо-Кавказского военного округа, оставалась прежней. Нужно было только произвести перегруппировку сил, чтобы организовать сухопутную защиту Черноморского побережья и тем самым прикрыть левый фланг войск, стоящих под Батумом. Для выполнения этой задачи генерал Снесарев отдал ряд соответствующих распоряжений главнокомандующему северо-кавказской советской армией.

Так как старший лейтенант Левговд предполагал в этот же день выехать из Царицына в Новороссийск только для ликвидации личных дел, то генерал Снесарев поручил ему ознакомиться на месте с тем, как будут исполнены его распоряжения о сухопутной обороне берега, и сообщить свои соображения, основываясь на личном ознакомлении с обстановкой, об организации охраны берега, службы связи, постройки укреплений и расположении войск. Для того, чтобы к старшему лейтенанту Левговду не было бы никаких придирок со стороны местных властей и в особенности всяких военных начальников, ему был выдан за подписью генерала Снесарева документ о том, что он «командируется штабом Северо-Кавказского военного округа в Новороссийск по делам службы».

В Новороссийске старший лейтенант Левговд застал полный хаос. На рейде стоял «Гебен». В городе оперировала шайка бандитов во главе с адъютантом главкома Калнина Хуриным. Эта шайка пьянствовала, грабила, производила обыски, реквизиции, аресты офицеров и т. д., и все это делалось под видом эвакуации Ново-

российска, на что у Хурина имелись обширные полномочия. Присланные для обороны берега войска бесчинствовали в Анапе, на ст. Тонельной и в других местах. Немецкий адмирал, державший флаг на «Гебене», заявил, что, если порядок не восстановится, он будет вынужден высадить десант. Перепуганные обыватели, в особенности представители крупной буржуазии, даже просили его об этом. Какие-то темные силы сеяли панику, будили кровавые инстинкты темного люда и делали все, чтобы дать немцам повод к высадке войск.

Прежде чем думать о войне с немцами, нужно было защитить жизнь и имущество граждан от своих собственных бандитов. Собрав все необходимые сведения, старший лейтенант Левговд отправился на телеграф. Прямой провод непосредственно с Царицыном установить не удалось, и приходилось говорить через Тихорецкую, где стоял штаб главкома Калнина. Старший лейтенант Левговд вызвал начальника штаба Балабина и, сообщив ему подробно все сведения о Новороссийске, просил передать депешу генералу Снесареву. Балабин ответил, что сообщение с Царицыном прервано партизанами и неизвестно, когда будет восстановлено, а потому он, не ожидая указаний генерала Снесарева, сам примет меры, к недопущению немцев на Кубань.

На этом закончились все сношения Черноморского флота со штабом Северо-Кавказского военного округа. Сейчас еще не время писать по затронутому вопросу исчерпывающий военно-исторический очерк, но если не собраны еще документы, разбросанные по разным концам России, как разбросаны и живые свидетели событий, тем не менее можно уже и теперь сделать кое-какие выводы.

Напомним, что в то время, в мае 1918 года, никто не думал, что так близок конец победного торжества Германии. Многие полагали, что немцы, заключив мир с большевиками, ограбив Украину и учредив там угодническое, буржуазное правительство Гетмана, не удовлетворятся этим, а будут продолжать всеми способами пользоваться плодами своих военных и дипломатических побед. Многие думали, что России придется уйти за Волгу, в Сибирь, и там, излечив свои раны и возродившись, готовиться к новой войне, к наступлению на Германию широким фронтом от Урала до Черного моря. Уже и тогда было видно, что большевизм изживает себя. Среди морских команд и фронтовых советских частей «правовенных» большевиков было мало. Советская власть держалась страхом и каким-то гипнозом.

Принимая все это во внимание и совершенно не касаясь здесь вопроса о том, что побуждало русских офицеров поступать на службу к большевикам, можно сказать, что лица, стояв-

шие во главе флота и Северо-Кавказского военного округа в мае и июне 1918 года, руководствовались в своей служебной деятельности исключительно пользой и интересами будущей России, стремясь к сохранению флота и к защите территории и населения от иноземного владычества. Если их усилия оставались тщетными, если их борьба с анархией внутри большевистских организаций оставались малозаметными, а подчас и бесплодными, если они ошибались в своих предположениях о ходе мировой войны и русской революции, то назовем это недалекновидностью, ошибкой, — как угод-

но, но только не предательством и не изменой Родине

Старший лейтенант **Роман Левговд**
5 сентября 1919 г.
Новороссийск.

Подлинную подпись на оригинале записок, полученных мною от старшего лейтенанта Романа Левговда, свидетельствую.

Генерал-майор **Носович**

К справке М. Бугураева «первый Георгиевский кавалер войны 1914-1917 гг.»

(«Военная Белья» № 123, 1973 г.)

Надеюсь, что М. Бугураев не посетует на меня за уточнения и исправления приводимых им данных. Считаю долгом сделать это во имя исторической правды, на основании имеющихся у меня документальных свидетельств — Высочайших приказов.

М. Бугураев не упоминает, что его справка касается только офицеров Войска Донского. Заголовок его статьи и первая фраза: «... кто из офицеров Императорской армии в войну 1914-17 гг. был первым награжден орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия?» создают у читающего впечатление, что автор говорит обо всей армии в целом, а не только о донских казаках, и что полковник Рыковский был первым офицером Императорской армии, удостоенным в войну 1914-17 гг. награждения орденом св. Георгия. В действительности же полковник Рыковский был, в порядке награждения этим орденом храбрых, не первым, а 219-м. Если же взять только донских казаков, то и среди них полковник Рыковский был не первым, а пятым, в порядке награждения.

Как явствует из приводимого М. Бугураевым списка, он считает первенство не в порядке награждений, а по датам совершения подвига: полковник Рыковский — за бой 16 августа 1914 г., полковник Лекарев — за 17-ое, полковник Астахов и подбесаул Грузинов — за 18-ое и хорунжий Болдырев — за 20-ое августа. Такой порядок исчисления старшинства никогда не применялся и не имеет никаких оснований. Сотник Болдырев стал кавалером ордена св. Георгия 4-й степени уже в октябре 1914 года, — награжден приказом по 1-й армии, утвержденным Высочайшим Приказом от 7 ноября 1914 г. Грудь полковника Рыковского украсилась заветным белым крестом только в январе 1915

года, — награжден приказом по 8-й армии 12 января 1915 г., утвержденным Высочайшим Приказом от 3 февраля 1915 г. Кто же должен идти впереди в порядковом списке Георгиевских кавалеров, сотник Болдырев или полковник Рыковский?

Но и сотник Болдырев не был первым офицером Донского казачьего войска, награжденным орденом св. Георгия в войну 1912-17 гг. По времени награждения они идут в таком порядке (на основании Высочайших Приказов):

1. Первым по времени награждения был в Донских казачьих частях командующий 5-й Донской казачьей дивизией генерал-майор **Глеб ВАННОВСКИЙ** (Высочайший Приказ от 25 сентября 1914 г., «Русский Инвалид» № от 7 октября). Во избежание возражений, что он, мол, не был донским казаком, ставлю первым в своем списке следующего по времени награждения. Это награжденный Высочайшим Приказом от 7 октября 1914 г. («Русский Инвалид» № 227 от 12 октября) начальник 12-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант **Алексей КАЛЕДИН** за бой 16 августа 1914 г. на реке Гнилая Липа у сс. Руда-Клещевка.

2. Высочайшим Приказом от 13 октября 1914 г. утверждено награждение командующим 1-й армией (приказ по армии № 72 от 30 августа, по удостоению Георгиевской Думы армии от 23 августа) 1-го Донского казачьего полка есаула **ПЛАТОНОВА**, Ивана Андреевича, — был смертельно ранен в чине войскового старшины год спустя, в августе 1915 г.

3. Высочайшим Приказом от 7 ноября («Русский Инвалид» № 255 от 9 ноября) утверждено пожалование командующим 1-й армией 1-го Донского казачьего полка сотнику **Сергею БОЛДЫРЕВУ** (выпуска 1911 г. из портупей-

юнкеров Николаевского кавалерийского училища; в сотники произведен за выслугу лет Высочайшим Приказом 5 октября 1914 г. со старшинством с 6 августа 1914 г.) — за разведку 20 августа под г. Алленштейн.

4. Поскольку награжденный был впоследствии Атаманом Всевеликого Войска Донского, включаю его в список, хотя он и не прирожденный казак. Это командующий 4-й Донской казачьей дивизией Свиты Его Величества генерал-майор граф Михаил Граббе. Награжден Высочайшим Приказом от 2 февраля 1915 г.

5 и 6. Указанные М. Бугураевым полковники Рыковский и Лекарев. Высочайший Приказ 3 февраля 1915 г. Опубликован этот Приказ в № 32 «Русского Инвалида», но номер этот не от 10 марта, как указывает М. Бугураев, а от 10 февраля.

7. Высочайшим Приказом от 11 марта 1915 г. (Русский Инвалид № 65 от 20 марта) — го Донского казачьего полка сотник Матвей КРИВОВ (номера второочередных пехотных и казачьих полков, сформированных при мобилизации, в «Русском Инвалиде» не указывались. Сотник Кривов к началу войны состоял в 15-м Донском казачьем полку и по мобилизации был выделен на формирование полка второй или третьей очереди).

8. Тем же Высочайшим Приказом утверждено награждение —го Донского казачьего полка сотника Павла НОМИКОСОВА, — награжден за конную атаку на германскую пехоту 6 октября 1914 г. под Лодзью. В атаке был смертельно ранен (Оба они награждены командующим 2-й армией, и награждены этим приказом исключительно офицеры 1-го и 4-го армейских корпусов. При корпусах этих состояли в это время в качестве корпусной конницы 35-й и 44-й (третьеочередные) Донские казачьи полки. Поэтому можно допустить, что сотники КРИВОВ и НОМИКОСОВ состояли в одном из этих полков).

9 и 10. Указанные М. Бугураевым полков-

ник АСТАХОВ и подъесаул ГРУЗИНОВ (Высочайший Приказ от 6 апреля, утверждается пожалование командующим 5-й армией).

11. Высочайший Приказ от 24 апреля 1915 г. («Правительственный Вестник» № 105 от 14 мая) — утверждается награждение командующим 9-й армией командующего 1-й Донской казачьей дивизией генерал-майора Григория (Ивановича) ЧОГЛОКОВА за то, что 8 ноября 1914 г. атаковал в пешем строю пехоту противника, обходящую правый фланг армии и задержал ее до прибытия нашей пехоты (по свидетельству генерала Головина, бывшего в то время генерал-квартирмейстером штаба 9-й армии, положение на правом фланге армии, ведшей 8 ноября тяжелый бой у северных фортов крепости Краков, создалось угрожающее по причине обхода противником правого фланга армии. В этот район был брошен единственный резерв армии — 1-я Донская казачья дивизия. Подоспев туда, донцы с ходу атаковали наступающего противника, с исключительным порывом, в пешем строю, но с пиками, и отбросив австрийцев, сдерживали их до подхода 1-й гвардейской пехотной дивизии, окончательно восстановившей положение).

12. Высочайшим Приказом от 24 апреля 1915 г. утверждается награждение командующую 8-й армией 16-го Донского казачьего полка сотника Ивана ПУШКАРЕВА за то, что в бою 11 декабря 1914 г., командуя 1-й сотней, в конной атаке на неприятельскую пехоту в окопах у Дуклинского перевала в Карпатах, первым ворвался в окопы противника и был убит в рукопашном бою.

13. Тем же Высочайшим Приказом награжден 3-й Донской казачьей батареей сотник Петр ГОЛИЦЫН за бой 5 ноября 1914 г.

На этом заканчиваю. Думал привести первых десять донских казаков, кавалеров ордена св. Георгия 4-й степени, но незаметно перешел намеченный предел.

Вл. Бастунов

Россия и Швеция в войну 1914-18 гг.

Когда началась первая мировая война 1914-18 гг., Швеция объявила, что она участия в войне не примет и останется нейтральной. Международное право, основываясь на практике многих войн, выработало целый ряд общепринятых норм, определяющих как права, так и обязанности нейтральных стран. Основной обязанностью каждого нейтрального государства является принятие всех необходимых мер для

того, чтобы воюющие стороны не могли бы так или иначе воспользоваться в интересах войны на территории нейтрального государства, ни его береговыми водами, ни воздушным пространством над ним.

Шведы, имевшие на протяжении 18-го и начала 19-го столетий ряд неудачных войн с Россией и потерявшие в это же время огромные территории на восточном и северном побере-

жье Балтийского моря, не могли забыть этих потерь и довольно враждебно относились ко всему русскому. Теперь они не обращали внимания на нарушения немцами нейтралитета их береговых вод, чем с самого начала войны стали широко пользоваться германцы.

Еще в мирное время экономика Германии была тесно связана с экономикой стран Скандинавского полуострова. С началом войны эта связь еще более усилилась и укрепилась. Ведь из Норвегии, Швеции и Дании товары как местного, так и транзитного происхождения, переадресованные в Германию, избегали контроля союзных флотов и это был единственный способ получить что-нибудь из других стран, так как другие морские пути были перерезаны союзниками. Между тем Германия нуждалась во многом для работы своей военной промышленности. Особенно важным являлся вопрос о снабжении германских металлургических заводов скандинавской железной рудой, в то время лучшей в Европе. Эта руда по своему составу наиболее подходила для изготовления качественных сталей, столь необходимых для военной промышленности.

До войны все скандинавские грузы шли морским путем, из Норвегии — Норвежским морем в Северное море, а из Швеции — Балтийским в германские порты. С началом войны положение изменилось. Норвежское море, так же как и Балтийское, оказались под контролем флотов Антанты и следовательно стали недоступными для тихоходных грузовых коммерческих судов. Немцы быстро нашли выход из положения: так как шведы не обращали внимания на нарушения нейтралитета их береговых вод, немцы направили весь транспорт всех необходимых для них грузов по Балтийскому морю, так как, следуя шведскими береговыми водами суда из глубины Ботнического залива до Готланда могли спускаться той полосой моря, где русские суда не имели права производить каких-либо операций. Да и немецкие военные суда не стеснялись, когда это было им удобно, двигаться территориальными водами Швеции.

Командующий русским Балтийским флотом вице-адмирал Н.О. фон Эссен неоднократно доносил о нарушениях немцами шведского нейтралитета и о том, что шведы не принимают никаких мер к предупреждению этих нарушений нейтралитета своих территориальных вод. Наше министерство иностранных дел несколько раз предъявляло шведскому посланнику в Петербурге соответствующие протесты, но шведы в своих ответах ограничивались отписками, и никаких мер к охране своей береговой полосы моря не предпринимали.

Наконец терпение нашего министра иностранных дел С.Д. Сазонова истощилось, и он

решил попытаться воздействовать на Швецию способом, не принятым в международных обычаях. В один прекрасный день поздней весны 1915 года товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов, ведавший иностранной политикой России, приглашает в свой кабинет начальника юрисконсультской части министерства заслуженного профессора международного права М.И. Догель.

А.А. Нератов рассказывает профессору Догелю о нарушениях немцами нейтралитета береговых вод Швеции и о явном попустительстве шведов, так же как и о просьбах вице-адмирала фон Эссена воздействовать на шведское правительство, чтобы оно серьезно сохраняло бы свой нейтралитет.

Осветив обстановку, А.А. Нератов продолжал:

— Ввиду того, что шведы не обращают внимания на наши протесты, мы с министром С.Д. Сазоновым решили осмелиться их припугнуть, до угрозы войной включительно. Для этого серьезного разговора приглашен завтра к четырем часам в министерство шведский посланник. Вы понимаете, конечно, что в данный момент эта угроза — чистейший блефф, так как сейчас наши войска очень заняты на австрийском и германском театрах войны и поэтому объявить войну Швеции мы не в состоянии. Мы, то есть министр и я, его помощник, ответственные за политику империи, по своему положению не можем провести этот разговор в желательном духе и поэтому мы решили поручить это вам.

Когда шведский посланник прибудет в министерство, вы примете его вместо нас и скажете шведу, что министр задержался в Царском Селе на личном докладе Государю Императору, а я, А.А. Нератов, заболел. Затем вы проведете разговор в намеченном нами духе. Если шведы заартачатся и заведут соответствующие переговоры, нам придется вас дезавуировать. Шведам будет сказано, что в этом разговоре вы превысили ваши полномочия и сказали больше, чем было вам поручено. Вам придется покинуть министерство, но как «заслуженный профессор» 1) вы ничего не теряете, а затем, в первый же награжденный период, вы получите ленту (очередной орден 1-й степени).

Нужно сказать, что для того чтобы придать известной вес этому разговору, в русской столичной прессе была проведена кампания нападок на Швецию за ее политику и действия, а в иностранных газетах появились даже сведения о сосредоточении в Финляндии, вблизи шведской границы, русских войск.

Профессор М.И. Догель принял посланника, умело провел весь порученный ему А.А. Нератовым разговор и произвел такое впечатление

на шведа, что последний поверил в действительную серьезность положения и в реальность угрозы войны. Очевидно, это сильно повлияло на соответствующее донесение его своему правительству в Стокгольм, так как шведы немедленно приняли серьезные меры для охраны нейтралитета своих территориальных вод и сильно сократили его нарушения немцами.

Профессор М.И. Догель оставался на своем посту в министерстве иностранных дел до боль-

шевистского переворота, когда вместе с другими чинами министерства его оставил.

Со слов профессора М.И. Догель сообщил

И. Бобарыков

1) Звание «заслуженного профессора» присваивало получившему его некоторые права и привилегии особ 1-го и 2-го классов табели о рангах, а именно: в отставку они не выходили и до самой смерти оставались как бы на службе в распоряжении правительства и получали полное жалование.

Последние дни Первого кадетского корпуса

В феврале 1918 года корпус наш еще существовал. Переименованный летом 1917 года Временным правительством в «гимназию Военного ведомства», он после захвата власти большевиками представлял собой странное соединение неизжитых и не исчезавших, твердо укоренившихся старых духовных основ кадетского бытия с новыми формами, данными нам «попечительной» советской властью вместе с проявленными в нашей внутренней жизни отражений и отголосков «народной стихии», а вернее — разнuzданной солдатской массы и городской черни, бушевавших вне наших стен.

В Сборном зале корпуса помещался в это время самокатный батальон, вызванный Временным правительством для защиты от возможного большевистского восстания. Считавшийся отборной частью и действительно имевший в своем составе лучший солдатский элемент, возможный по тому времени, этот батальон в критические дни октября 1917 года объявил «нейтралитет» и не сдвинулся с места на защиту власти, вызвавшей его именно для этой цели.

Соседство это было для нас, конечно, довольно стеснительным, но надо и признать, что за семимесячную нашу совместную жизнь у нас не произошло ни одного серьезного конфликта с нашими случайными гостями. Это надо, по-видимому, отнести к тому, что со стороны нашего начальства были приняты необходимые меры и даны нам нужные инструкции, которым мы, в общем, подчинились. С другой стороны, объясняется это, повторяю, и самим составом батальона, который действительно не был большевистски настроен (по тому времени) и вовсе не собирался «захватывать» корпус и изгонять нас из него, как он мог совершенно свободно и безнаказанно это сделать в то время.

«Попечение» о нас новой советской власти

проявилось в двух актах: во-первых, — к нам был назначен комиссар, унтер-офицер, кажется, лейб-гвардии Волынского полка по фамилии Ульянов, хохол огромного роста с черной бородой, к счастью абсолютно ничем себя не проявлявший и проводивший все свое время на кухне, поправляя свое здоровье, и, во-вторых, был визит к нам полномочного представителя нового начальника Военно-Учебных заведений капитана Дзевалтовского.

В день его визита мы были, по его желанию, собраны, не в строю, а толпой, на площадке перед комнатой дежурного офицера роты Его Величества и должны были выслушать его речь. Перед нами появился смуглый брюнет среднего роста, худощавый, с блестящими черными глазами, черными усами и бородкой, одетый в коричневый офицерский френч, гусарские чакчиры и сапоги. Речь произнес он типично митинговую, и из нее мы узнали, что отныне мы перестали быть представителями военно-дворянской касты и наследниками сословно-привилегированного класса и что долг наш теперь, когда в России утвердилась советская власть, стать на точку зрения служения народу. Начальству нашему даны, мол, соответствующие инструкции, и если оно не сумеет справиться с задачей, то понесет ответственность и будет заменено другим, а тех из нас, кто не подчинится новому духу времени, не только исключат из корпуса, но и заставят искупить их грехи перед народом. Вся речь была пересыпана хлесткими словечками и фразами, но впечатления произвела на нас мало. Наоборот, демагогия оратора и искусственность речи вызвали тихие замечания кадет, вроде: «Зем-гусар!», «цыган в гусарских штанах!» и т. д.

Однако почти год, прошедший со времени февральской революции, наложил все же свой отпечаток на уклад нашей жизни и на нашу

психологию. Нельзя забывать того, что Петроград к тому времени уже пережил не мало событий, как Корниловское выступление, последовавшее за ним падение и бегство Временного правительства, приход к власти большевиков, разгон Учредительного собрания, все сопровождавшиеся стрельбой на улицах, артиллерийским обстрелом, арестами, обысками, расстрелами и вообще буйством солдатских масс и городской черни, руководимой зачастую угловым элементом. Все это отразилось, конечно, и на нас. Но к чести кадет, особенно старших классов, надо отметить появившуюся в них серьезность и вдумчивость, сопровождавшиеся чувством ответственности за судьбу корпуса. Кадеты как бы осознали, что в наступившем «царстве массы» и они сами являлись тоже какой-то массой и, как таковая, могли проявлять, если сумеют, какие-то необходимые внешние формы, подходящие к текущему моменту и тем самым смогут, хотя бы на время, не слишком привлекать внимание власти к себе. Они чувствовали, конечно, что при существующем строе долго играть такую роль не смогут, но, как и все жители Петрограда того времени, считали, что большевики больше трех недель у власти не удержатся. С другой стороны, у всех было инстинктивное чувство необходимости продержаться до конца года, чтобы скорее выполнить намеченный план — влиться в ряды бойцов за родину, кто — на юге, в Корниловскую армию, как ее тогда называли, кто — в другие формирования, очень часто фантастические, но все стремились так или иначе присоединиться к тем, кто уже боролся с большевиками. И, как срок, все намечали весну, после окончания учебного года.

Это настроение сказалось в нескольких фактах, когда начальство как бы вверило кадетам двух старших классов (7-му, главным образом) наблюдение за всем внутренним укладом жизни корпуса. И старшие кадеты не только приняли на себя эту роль, но и выполнили ее с достоинством и честью, оказавшись опорой начальства, помогая ему и выступая вместо него в тех случаях, когда последнему это было невозможно. Одним словом, старшие кадеты взяли на себя роль помощников и заместителей гг. офицеров по отношению к младшим, зачастую не понимавшим серьезных последствий их детских шалостей, а порой и совершенно недопустимых проявлений характера. Кадетам роты Его Величества пришлось несколько раз «приводить в порядок» младших, устраивавших «бенефисы» своим офицерам-воспитателям. И порядок восстанавливался быстро и организованно, чем избегались скандалы, могущие привлечь к нам ненужное внимание новой власти. А причин для этого было более чем достаточно.



Прежде всего, со времени октябрьской революции в корпусе все время скрывались офицеры и юнкера разных частей и училищ, и не только бывшие наши кадеты. Скрывались они по разным причинам, одни в течение нескольких только дней, другие подолгу. Знал об этом начальство, но далеко не все, и небольшое число кадет старших классов. Этих «гостей» надо было прятать, кормить, предупреждать в случае возможного обиска. Все это требовало настороженности, а главное — внешнего спокойствия и порядка. Некоторые из наших случайных гостей уходили, исчезая на время, потом снова появлялись, иногда приводя с собой другого офицера или юнкера, такого же затравленного и искавшего убежища.

И вот среди них оказалось несколько человек, принесших нам новую «благу» весть: по их словам, разгромленное после октября офицерство начинало организовываться и формировать тайные, подпольные организации, конечной целью которых было свержение советской власти. Рассказывали о средствах, о числе участников и имевшемся оружии, о сети информаторов и агентов. Мы слушали их с затаенным дыханием, переживая все слышанное и гордясь тем, что с нами делаются столь значительными и серьезными известиями. Конечно, со стороны кадет сразу же поступили просьбы о зачислении в организацию, на какие было отвечено, что скоро мы все понадобится.

Действительно, в начале февраля 1918 года нам было сообщено, что в конце февраля большевистское правительство собирается переехать из Петрограда в Москву и что офицерская организация решила этим воспользоваться для того, чтобы взорвать поезд и захватить едущих в нем большевиков. Для этого требуется вооруженная сила, в какуюю нам и предлагалось вступить. Вербовка должна была производиться привлечением добровольцев из желающих.

Сообщение это вызвало энтузиазм. Опьяненные величием выпавшей на нас роли, ибо в результатах мы не сомневались, переживали

мы оказанное нам доверие. Произведенная вербовка дала 90 % добровольцев из роты Его Величества. С гордостью сообщили мы эти результаты нашим друзьям, которые благодарили нас за нашу готовность разделить с ними опасность, и мы стали готовиться к предстоящему выступлению, ожидая более подробных инструкций.

Наконец, приблизительно 25 февраля было получено подтверждение о скором выступлении и было передано распоряжение одному из нас явиться на конспиративную квартиру организации со списком добровольцев, для заготовки им солдатского обмундирования и вооружения. Таковым был избран кадет П-ий, которому и были вручены списки и инструкции. П-ий ушел после обеда и к вечеру не вернулся. Ждали мы его с нетерпением и беспокойством всю ночь и наконец утром пришел к нам один из офицеров для связи, весь грязный и оборванный, с сообщением, что П-ий со всеми списками попался в ловушку, устроенную на конспиративной квартире. Сам рассказчик едва спасся, уже будучи арестованным, бросившись бежать с набережной Невы по льду под обстрелом.

Обобщение это нас поразило, как громом!... Что было нам делать! После обсуждения решили доложить начальству. И в этот момент мы оценили все мужество наших старых офицеров корпуса, одним уже нашим безумным поступком подвергавшихся опасности быть расстрелянными: они не побоялись ухудшить свое положение еще больше и взять на себя ответственность, объявив учебный год оконченным

и распустив всех нас по домам. Всем нам были выданы свидетельства об окончании курса 6-го или 7-го класса корпуса, уезжавшим из Петрограда были даны специальные удостоверения и проездные билеты, подписанные директором и ничего не понимавшим из того, что произошло, комиссаром Ульяновко. Уезжавшим выдавались вещи, белье, паек на неделю, а ведь все это было неопровержимыми уликами против нашего начальства, уликами в соучастии в заговоре и в попытке нас спасти!

Мы уезжали, а им оставалось расхлебывать заваренную нами кашу!

Во всем пережитом в корпусе за этот год было много яркого и тяжелого, великого и грустного, но в дальнейшем, уже в эмиграции, все ярче и ярче вставало в сознании все величие духа наших офицеров, до конца оставшихся на своем посту для защиты вверенных им кадет и не уклонившихся, несмотря на угрозу им расстрелом, от выполнения своего долга.

28 февраля утром мы были на Николаевском вокзале для отъезда в Москву, а оттуда — на юг. Нам потом передавали, что тем же утром 28-го в корпусе был обыск, но никого из состоявших в списках уже не нашли. Несколько офицеров корпуса были арестованы и их куда-то возили на допрос, но на этот раз они благополучно вернулись в корпус.

Этими событиями история Первого кадетского корпуса, как военно-учебного заведения, окончилась, как окончился весь период Императорской России.

Кадет 170-го выпуска М.С.

Медаль “Поборнику православия”

На лицевой стороне медали изображена «юная» Екатерина II в короне и мантии с орденскою через плечо лентою. Надпись по окружности гласит: «Б.М. ЕКАТЕРИНА II. ИМП. И САМ. ВСЕР. ЗАСТУПНИЦА ВЪРНЫМЪ». На оборотной стороне изображена разрушаемая перунами, окруженная бушующим морем мечеть, а над нею, в грозовых тучах лучезарный крест. Круговая надпись гласит: слева — «ПОТЩИТЕСЯ», а справа — «И НИЗРИНЕТСЯ». Под обрезом надпись: «ПОБОРНИКУ ПРАВОСЛАВІЯ».

О первоначальном назначении этой необычной медали, о ее дальнейшей судьбе и даже о выбитых на ней изображениях и надписях, вот уже второе столетие идут споры.

Постараемся посему прежде всего собрать воедино все то, что нам доподлинно известно об этой медали.

Нам известно, во-первых, что в Государственном Эрмитаже хранятся образцы этой медали: золотые — весом в 20, 15, 12 и 5 червонцев, все с припаянными перпендикулярно к медалькам ушками, а также серебряные: «размером и весом в рублевик», с выбитым параллельно с медалью ушком.

Во-вторых, нам известно, что в составленном в 1908 году В.П. Смирновым описанием штемпелей медалей С.-Петербургского Монетного Двора указаны штемпеля оборотной стороны этой медали размером: в 2 1/2, 2 1/6, 1 7/8, 1 11/16, 1 1/4 и в 1 дюйм.



В-третьих, нам известно, что в делах архива С.-Петербургского Монетного Двора (погибшего во время революции) медали эти значились под 1769 годом, именовались медалями «НА НЫНЕШНИЙ ВОЕННЫЙ СЛУЧАЙ» и что приказано было чеканить их размером: золотые — 20 по 20 червонцев, 30 по 15 червонцев, 40 по 12 червонцев, 100 по 5 червонцев и 200 по 3 червонца, а серебряные: весом в 18, в 15, в 10, в 5 и в 2 золотника.

В — четвертых, нам известно, что в конце прошлого века в Чесменской бухте, на месте достопамятного сражения, велись водолазные работы, и что в 1900 году в Морской музей поступили предметы, найденные на месте потопления флагманского корабля «Св. Евстафий», в числе которых были церковная утварь и медали «ПОВОРОНИКУ ПРАВОСЛАВΙΑ» с указанием: «Найдена на дне Чесменской бухты в обломках затонувшего корабля "Св. Евстафий"».

Наконец, нам известно, что в двух письмах Екатерины II упоминаются медали, которые со значительной долей вероятности можно считать этими же медалями. Первое письмо, от 6 мая 1769 года, писано графу Алексею Орлову, возглавлявшему так называемую «АРХИПЕЛАГСКУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ», и содержит следующие строки: «...чаю и ревено приказала к вам отправить, также новосделанные медали (курсив мой. Е.М.) и панагеи, а с флотом отправлю церковную утварь, ризы и книги...». Второе письмо, от 6 июня 1798 года, писано к светлейшему князю Потемкину-Таврическому, и содержит следующие строки: «...для награждения заслуг медали золотые, из тех, что были заготовлены для архипелагской экспедиции (курсив мой. Е.М.), к вам уже посланы...».

Вот, кажется, и все — остальное же относится уже к области домыслов, начало которым положено было еще в 18-м веке, в изданной в Париже в 1796 году книге: «ПУТЕШЕСТВИЕ

ДВУХ ФРАНЦУЗОВ В ГЕРМАНИЮ, ДАНИЮ, ШВЕДИЮ, РОССИЮ И ПОЛЬШУ В 1790-1792 ГОДАХ». Анонимный автор повествует, что генерал Сухтелен показал ему медаль «изображающую разрушение Софийского храма в Константинополе, выбитую в память рождения великого князя Константина, которого Императрица хотела возвести на греческий престол».

Затем медаль эта нигде не упоминалась до выхода в свет в 1842 году каталога медалей Я.Я. Рейхеля, который считал ее «не получившим осуществления проектом медали за Турецкую войну 1769-1774 годов».

Спустя 32 года медаль эта вновь упомянута Ю.Б. Иверсеном в книге «НЕИЗДАННЫЕ И РЕДКИЕ МЕДАЛИ», который привел и указанные нами выдержки из дел архива С.-Петербургского Монетного Двора.

Вот и все, что имеется касательно этой медали в дореволюционной нумизматической литературе.

В Зарубежье медали этой посвящено лишь несколько строк в напечатанной в 9-14 номерах «ВОЕННОЙ БЫЛИ» статье В.Г. фон Рихтера «РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕДАЛИСТИКА». «На лицевой стороне, — пишет В.Г. — после титульной надписи значится: «ЗАСТУПИТЕЦА ВЕРНЫМ». На оборотной стороне — изображение обрушивающегося минарета мечети, в которую был превращен храм Св. Софии в Царьграде, и надпись: «ПОТЩИТЕСЯ И НИЗРИТЕСЯ. ПОВОРОНИКУ ПРАВОСЛАВΙΑ». Касательно назначения медали В.Г. пишет: «Не подлежит сомнению, что эти медали принадлежат к типу «преждевременных» и предположались жаловаться восставшим грекам после взятия Константинополя, в чем существовала уверенность в Петербурге в середине 1-й турецкой войны («греческий прожект»).

Наконец, медаль эта упомянута в весьма обстоятельной статье сотрудника нумизматического отдела Государственного Эрмитажа, Е.С.

Щукиной: «НАГРАДНЫЕ МЕДАЛИ АРХИ-ПЕЛАГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ». Ей, именно, принадлежит честь введения в научный обиход факта поступления в Эрмитаж поднятой с Чесменского дна медали. С касающимися этой медали предположениями Е.С. Щукиной мы, однако, не согласны и обсудим их в соответствующем месте.

Приступим теперь к изложению ведущих их учредению сей медали исторических событий, а затем и к нашим, касающимся ее соображениям.

В русско-турецкую войну 1768-1774 годов (как и во все предыдущие, и все последующие русско-турецкие войны) особые надежды возлагались на восстание христианских подданных султана в занимаемых русскими войсками областях. Предполагалось также возмутить греков и в самой Греции, и на островах Архипелага, посредством морской диверсии. С этой целью повелено было снарядить в Кронштадте две эскадры: 1-я — под начальством адмирала Спиридова, и 2-я — под начальством контр-адмирала Эльфинстона. Для дальнего путешествия из Балтийского моря в Средиземное корабли пришлось обшивать тесом и конопатить смоленным войлоком, почему вся флотилия получила наименование «обшивной». Спиридов вышел в море 25 июля 1769 года. На его кораблях находился десант из 8 рот Кексгольмского пехотного полка и двух рот артиллерии. Эльфинстон вышел в море лишь 9 октября и принужден был зазимовать в Портемуте. Главнo-командующий всеми отправленными в Архипелаг силами был назначен генерал-аншеф граф Алексей Орлов, который отправился к театру предстоящих военных действий сухим путем, через Италию. 17 февраля 1770 года 1-я эскадра прибыла к берегам Морей и высадилась десант. Как и ожидалось, греки восстали.

Подробное описание всех, впрочем весьма успешных, действий «обшивной» флотилии выходит за пределы нашей статьи, скажем только, что повсюду к русским присоединялись массы повстанцев, во много раз превосходящие наши десанты, а русские корабли шли окруженные целыми флотилиями греческих судов, среди которых было немало «дульциниотов» (архипелагских пиратов). Русское командование пыталось формировать из повстанцев греческие легионы, но в, основном, безуспешно. Одушевленные вековой ненавистью к своим поработителям, греки занялись резней мирного турецкого населения и избиением пленных турецких солдат, там же, где им оказывалось малейшее сопротивление, греки разбегались. Описем, для примера, действия русского десанта капитана Баркова, состоявшего из 12 солдат при одном унтер-офицере, и из «Спартанского» легиона, сформированного из греков «май-

нотов» (почитавших себя потомками спартанцев). В марте 1770 года Баркову сдалась на капитуляцию небольшая турецкая крепость Мизитра. Согласно условиям капитуляции, разоруженные турки отпустились в свое отечество, «но, едва лишь стали они выходить из крепости, как греки, чуждые понятия святости договора, бросились на турок и едва не поголовно их перерезали». Пытавшийся прекратить избиение беззащитных турок Барков едва сам не поплотился жизнью. Подобное поведение греков, помимо всего прочего, отбило у турок охоту сдаваться, и когда Барков, получивший подкрепление из 36 солдат при двух орудиях, и со «Спартанским» легионом, насчитывавшим от семи до восьми тысяч «майнотов», вновь осадил турецкую крепость Триполици, то на предложение капитуляции турки ответили смелой вылазкой. «Спартанцы» разбежались, а раненный и брошенный на произвол судьбы Барков был спасен горстью русских солдат. Вскоре после этого турецкие войска в Морее были усилены и восстание подавлено, причем турки, если это только возможно, превзошли своими зверствами греков. Как бы то ни было, об «Спартанских» или иных легионах мы уже более не слышим, но слышим лишь о сражениях русских с «дульциниотами», нападавшими на русские магазины.

Чесменский бой достаточно хорошо известен, дабы описывать его в нашей статье. Отметим только, что Спиридов и обер-прокурор Сената Федор Орлов находились на «Св. Евстафии» и, видя приближающийся к ним горящий турецкий корабль «Реал-Мустафа», они перешли на шлюпку, буквально за несколько минут до того, как оба корабля взлетели на воздух.

Закончим наш исторический обзор указанием, что в течение четырех лет, вплоть до заключения в 1774 году Кучук-Кайнарджийского мира, «обшивная» флотилия господствовала в Архипелаге, не делая, однако, попыток овладеть Константинополем.

Попробуем теперь сделать на основании собранных нами материалов соответствующие выводы.

Прежде всего постараемся определить истинное значение выбитых на медали изображений и надписей. Лицевая сторона медали отлична лишь добавлением к обычной надписи слов «ЗАСТУПИИЦА ВЪРНЫМЪ». Более спорными являются изображения и надписи оборотной стороны. С легкой руки анонимного автора изданной в Париже в 1796 году книги, у нас утвердилось мнение, что на медали изображена не просто мечеть, но превращенный в мечеть храм Св. Софии в Константинополе, и что все это имеет какое-то отношение к возве-

дению « на греческий престол великого князя Константина Павловича ».

Подобного же мнения придерживается и В.Г. фон Рихтер, указывающий на « изображение обрушивающегося минарета мечети, в которую был превращен храм Св. Софии в Царьграде » и ссылающийся на « греческий проект ». С этими мнениями автор настоящей статьи никак не согласен, и по следующим причинам: во-первых, потому, что изображенная на медали мечеть не имеет ни малейшего сходства с храмом Св. Софии, во-вторых, что гораздо важнее, нисходящими из увенчанных лучезарным крестом туч молниями разрушается не только минарет, но и все здание, от купола до основания, что в расцеты « поборников православия », конечно, не входило. Что же касается « греческого проекта », то последний был придуман Потемкиным позже, и включал « возложение короны восстановленного Византийского царства на одного из внуков Императрицы », которых в описываемое нами время и в помине не было. Что же касается надписей, то в них ясно выражен призыв « поборникам православия » потшиться и низринуть иго мусульман и обещающие заступничества.

Время учреждения медали можно с уверенностью отнести к 1769 году, т. е. ко времени отправки « Архипелагской экспедиции ». Также и упомянутые в письме от 6 мая 1769 года « **НОВОСДЕЛАННЫЕ МЕДАЛИ** », несомненно, они же, ибо, кроме них, в 1769 году были выбиты лишь медали в память учреждения ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. Итак, медали эти были учреждены и выбиты в золоте и в серебре и в весьма многих размерах в 1769 году, а затем отправлены к главнокомандующему « Архипелагской экспедицией » графу Алексею Орлову, но с какой целью? Единственной целью могла быть задача их восставшим грекам, о чем свидетельствуют и изображения, и надписи медали. Подобными же фразами изобилуют и Высочайшие Манифесты, разосланные агентам в Море, призывающие к борьбе с противниками и притеснителями христианства — турками: « Мы... разсудили воспользоваться настоящим случаем к облегчению жребия христианских в Греции на твердой земле и на Архипелагских островах под жестоким игом злосчастия магометанского страждущих народов ».

Выше нами сообщалось о находке одной

такой медали « в обломках затонувшего корабля Св. Евстафий ». Был ли это единственный случай нахождения медалей на кораблях? Едва ли так, автор считает более правдоподобным предположение, что некоторое количество медалей было роздано по кораблям для раздачи повстанцам. Были ли они, в конце концов, розданы? Автор считает такую задачу возможной, но в весьма ограниченном количестве, и по следующим соображениям: будь они розданы в значительном количестве, они были бы известны в нумизматическом мире и, возможно, находились бы в зарубежных собраниях, совместно с другими редчайшими русскими медалями, но сие не произошло, а затем медали эти вновь упомянуты в письме от 6 июля 1789 года, т. е. ровно через 20 лет после первого письма. Из письма следует, что медали эти все еще находились в распоряжении Екатерины II, которая искала им применения в течение уже последующей войны с Турцией.

Казалось бы, что соображения наши исторически обоснованы и не лишены логики, однако Е.С. Щукина придерживается иного мнения. Основывая свои соображения на обнаруженном ею факте передачи в Эрмитаж поднятой с Чесменского дна медали, Е.С. пишет: « Находка медали « поборнику православия » на борту « Св. Евстафия » позволяет высказать ряд предположений по поводу назначения всей группы памятников. Во время отправления « обшивной » эскадры экипаж был буквально осыпан монаршими милостями. Спиридов получил орден, 4 тысячи рублей подъемных, кроме 700 рублей ежемесячного жалования и 480 тысяч рублей на чрезвычайные расходы, все офицеры — « третье жалованье не в зачет ». Медали « поборнику православия », по-видимому, также были задуманы как своего рода напутствие в трудном и опасном деле... Золотая медаль « поборнику православия », найденная спустя 130 лет в обломках затонувшего корабля, могла принадлежать кому-либо из лиц, находившихся на нем в момент боя. Можно предполагать, что она принадлежала скорее всего Ф.Г. Орлову, который получил ее от брата не только в силу родства (что было вполне обычным явлением в то время), но и в качестве награды за услуги на войне... »

Предоставляем и сие мнение на суд читателей.

Евгений Молло

Ф р о н т

«Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в
строю»

К.Р.

Наступил день отправки. Я волновался, что было вполне естественно — ведь дело шло о жизни и смерти, тем более для пехоты, которая, хоть и не называлась «царицей полей», но несла огромные потери и всем было хорошо известно, что надежд уцелеть почти нет, а ранение почти обязательно и причем в лучшем случае, через 2-3 недели — «мясорубка войны» работала непрерывно и безотказно! Я приучал себя к мысли о неизбежном и старался подавить страх. Отправка происходила вечером 11 февраля 1916 года со станции военно-продовольственного пункта. Я тепло распрощался с остающимися унтер-офицерами, поблагодарил их за их помощь, построил роту и повел ее на станцию. Каждая маршевая рота шла на станцию отдельно. Никаких проводов и напутственных слов начальства не было. Вел я роту по Николаевской улице, в это время, как обычно, заполненной гуляющей молодежью и видевшие меня знакомые даже и не подумали, что я отправляюсь на фронт. Денщиком (до отправки у меня его не было, Сидоренко назначил Григория Гордеева, углежого из Кана-Никольского завода. Гриша, как я его с этого момента неизменно называл, при огромном росте — 202 сантиметра — был тихий и очень скромный человек. Гриша явился ко мне домой, забрал мой чемодан и отправился на моей лошади на станцию. Мой отец благословил Гришу и, просив его «беречь» меня на фронте, обнял и расцеловал как родного сына. Я просил отца не провозжать меня, так как и время было позднее и хлопот у меня, как у ротного, будет много и я не смогу уделить отцу времени. Кроме того, я считал, что проводы на станцию будут тяжелы и для него и для меня. Распрощался я с отцом и теткой дома без слез, по-мужски, хотя я понимал, что отец сильно переживает, отправляя второго сына на войну. На станции почти никого не было посторонних, кроме нескольких солдатских жен, невдомыми путями узнавших о нашей отправке и приехавших из ближайших деревень. Посадка всех 4-х рот прошла в большом порядке. Для офицеров и сопровождающего маршевый батальон начальника эшелона с несколькими унтер-офицерами был подан пассажирский вагон 3 класса, солдаты-же размещались в теплушках по написанному на всех товарных вагонах расче-

ту — «40 человек — 8 лошадей». Ехали мы очень медленно — 8 суток, но без всяких происшествий. Командирами других маршевых рот были прапорщики Воробьев Николай, Копылов и Саникидзе Климентий Мамукович. С последним я очень сдружился, хотя он был намного старше меня, отслужил действительную службу в кавалерии, во время войны окончил пехотную школу прапорщиков. Еще в Оренбурге я отпустил домой унтер-офицера Супруна и он был обязан догнать эшелон на Ст. Сырт, но его там задержал комендант и арестовал как дезертира. Супрун дал мне на эшелон телеграмму о случившемся, я сейчас-же дал коменданту станции ответную телеграмму с просьбой отправить Супруна вдолгонку и тот нагнал нас, сев на пассажирский поезд.

На восьмые сутки мы высадились в городе Новоград-Вольнск, из чего стало ясно что мы приблели на пополнение Юго-Западного или, как было принято говорить, Австрийского фронта. Мы влились в запасный батальон 8 армии, причем роты были отведены за несколько верст от города и расквартированы в деревнях. Здесь уже наступила весна, снег стаял и была и в городе и на дорогах непролазная грязь. Нас с Саникидзе поместили в городе на квартире к одному еврею. Дело было в пятницу и, приведший нас квартирьер долго барабанил кулаками в парадную дверь пока не вышел хозяин дома и извинился перед нами, — сегодня пятница и, по религиозным обычаям, грешно делать что либо самим и просил подождать, пока не придет русская девочка и зажжет нам лампу. Здесь мы прожили несколько дней в полном бездельствии — сдачу рот оформлял начальник эшелона и мы даже и не побывали в расположении своих рот. Гриша где-то разыскал старушку, отпускавшую на дом обеды, очень вкусные и дешевые. Мы с Саникидзе удивлялись дешевизне бывшей здесь несмотря на близость фронта и массу людей-яйца, напр. стояли 3 копейки десяток — каждое утро мы их покупали и истребляли в неограниченном количестве. Здесь-же мы повстречались и с местными выражениями, казавшимися нам испорченным русским языком, вроде «тудой» и «сюдой», «по над берегом». Город не представлял ничего интересного, кроме старой крепости на берегу реки, и населен

бы почти исключительно евреями. Большую часть дня мы с Саникидзе гадали, куда нас забросит судьба? Примерно через неделю мы получили приказ на погрузку и к вечеру прибыли в город Ровно, где и ночевали в казармах военного городка. Утром нас построили на разбивку и всех назначили на пополнение 40-го корпуса 8-й армии которой командовал ген. от кавалерии Брусилов. Мы выстроили роты на лесной поляне — кругом был прекрасный лес, было тепло, светило солнце. Принимавший пополнение капитан Вишневский назначил мою роту в 5-й стрелковый полк, а меня в 7-й, Воробьева с его ротой тоже в 5-й полк. Тогда мы стали просить капитана о назначении нас в один полк, при чем ввали, что мы двоюродные братья, а я добавлял, что не хочу расставаться со своими солдатами. Капитан долго не сдавался, но потом уступил и назначил меня в 5-й стрелковый полк. Саникидзе и Копылов со своими ротами попали в 4-ую стрелковую дивизию. Приемщики от полка — унтер офицеры повели нас в полк, занимавший окопы в районе станции и Местечка Оляка Волынской губернии. Шли по полотно железной дороги, проходившему по просеке прекрасного строевого хвойного леса. Везде заметны следы осенних боев 1915 года, когда противник подходил под самое Ровно и был затем отброшен немного на запад. Наш 40-й корпус, как все, состоял из двух дивизий — 2-й и 4-й стрелковых, неофициально называвшихся Российскими в отличие от стрелков Сибирских, Туркестанских и Финляндских, имевших свою нумерацию с первого номера. В мирное время стрелковые полки имели 2-х батальонный состав и, по сути дела, только этим и отличались от армейских частей. К 1916 году стрелковые полки были развернуты до 4 батальонного состава. Наши «Российские» стрелковые полки в мирное время стояли в Царстве Польском и наш полк в городе Радоме. Было 5 дивизий «российских» стрелков. Нашей дивизией командовал генерал-лейтенант Белозор, а 4-й, знаменитой по обороне Шипкинского перевала в Русско-Турецкую войну 1877/78 гг. — генерал Антон Иванович Деникин, тот самый Деникин, командовавший белыми армиями Юга России в гражданскую войну. В его дивизии полки были шефскими — например: 16-й стрелковый имп. Александра III полк и на погонах носили накладные медные вензеля своих шефов.

С наступлением темноты мой проводник-приемщик повел роту в окопы полка, люди мои уже были разбиты по ротам и каждую группу вел приемщик от роты унтер-офицер. В этот день я в последний раз командовал своей ротой, после чего с людьми почти не встречался так как они были рассеяны по всем 16 ротам полка. Проводник предупредил, что нельзя раз-

говаривать и курить, чтобы не вызвать огня противника, а мы были примерно за 4 версты от него и такая предосторожность была сомнительна, по крайней мере потом я держался гораздо беспечнее. Примерно за пол-версты до позиций пошли уже цепью, ночь была непроглядная, а грязь непролазна и идти в вязкой почве было трудно. Было и жутковато-ведь мы были на фронте и вблизи противника. Как я потом убедился, ничего особо опасного не было, но скрытность подхода нужно было соблюсти, поскольку наши окопы были на открытой местности и, если бы австрийцы осветили местность прожекторами или ракетами, наш подход был бы обнаружен, но австрийцы преспокойно сидели в своих окопах, уверенные, что мы ничего не можем против них предпринять, тем более при таких неприступных, как они считали, укреплениях. Невероятная грязь тоже не позволяла проявлять какую либо активность обеим сторонам. Я был назначен в распоряжение командира 2-го батальона капитана Ростиславского Тихона Семеновича, в землянке которого прожил несколько дней, после чего был назначен младшим офицером 8-й роты, которой командовал прапор. Барабанщиков, произведенный в офицеры за боевые отличия из подпрапорщиков. На участке царило полное спокойствие — ни одного выстрела. Окопы были в рост человека «полной профили» для стрельбы стоя со ступенки, были сделаны бойническими из дощечек, засыпанных с боков и с верха землей бруствера. Землянки представляли из себя очень примитивные укрытия, так как наката не имели и скорее были построены в расчете на русское «авось». Крыша была из тонких жердей, покрытых тонким слоем соломы и засыпана тоже тонким слоем земли. Такое «укрытие» могло быть пробито и ружейной пулей. Блиндажей не было совсем, кое-где были жиденькие козырьки. Глинистая, болотистая почва создавала много неудобств — на дне окопов стояли лужи и грязь, приходилось мостить подручным материалом, которого и не было под руками, материал постоянно уходил в почву. Перед окопами было проволочное заграждение в четыре ряда кольев. Роты занимали участки до 1000 шагов по фронту. Днем у бойниц стояли редкие часовые-наблюдатели, остальные люди сидели в землянках, занимаясь своими делами. На ночь выставлялся дежурный взвод. Как правило, все люди находились в боевой готовности — были одеты в шинели и спали не раздеваясь, не снимая снаряжения, и сапог.

Шагах в 500 примерно перед нами простиралась укрепленная линия окопов и перед нею полоса проволочных заграждений в 16 рядов кольев, последние ряды которых были на самом бруствере. Местами окопы были двухъя-

русские и укреплены железобетонными кубами, почти в метр по сторонам. В общем, австрийцы, будучи на чужой земле, не жалели на оборудование позиций ни русского леса, ни русских сел и использовали все максимально и для укрепления позиций и для удобного в них пребывания. Фронт остановился на этом месте осенью 1915 года и окопы отрывались осенью, поэтому даже простым глазом определялись насыпи и бруствера ходов сообщения и окопов 2-й и третьей линий, потому что маскировка за отсутствием дерна была не соблюдена выброшенная земля демаскировала всю сеть укреплений. Сравнение наших окопов и австрийских было далеко не в нашу пользу — австрийцы ничего не жалели, тем более чужого — рубили лес, разбирали хаты крестьян, а нам лес рубить запрещалось, а тем более разбирать хаты и без того почти нищенствующих украинских крестьян.

Окопным бичем были ВШИ, которыми заражены были все поголовно и они, как на свежего человека, безжалостно на меня набросились, — было (в начале) невероятно омерзительно ощущать на своем теле, белье и одежде этих паразитов. Потом я к ним привык, как к неизбежному злу. Вшивость была невероятной и у особо неряшливых они заводились даже в бровях. Борьбу с вшивостью было нечем — вода подвозилась в небольшом количестве и умываться по-настоящему было нечем. Как ни странно, а вшивость не вызывала заразных заболеваний вплоть до конца войны. Стрелки были хорошо одеты в зимнем обмундировании, сапоги исправны, за чем очень следилось. Каждый имел вполне исправную винтовку и по 250 боевых патронов, за сохранностью которых велось неустанное наблюдение — учитывался недостаток патронов в 1915 году. Недостатка винтовок не ощущался и разговоры о том, что нашему солдату приходилось «ждать» пока не убьют соседа, чтобы получить винтовку — оказались неправдоподобными (по крайней мере в наших частях такого явления не было). Я, наслышавшись о якобы страшном недостатке в винтовках на фронте, расспрашивал старых солдат участников боев 1915 года и ни один из них не подтвердил этого слуха, патронов было действительно маловато, «не в волю» и был большой недостаток в артиллерийских снарядах, почему вся тяжесть боев ложилась на пехоту, несущую от огня противника большие потери, тратившего боевые припасы безучетно. Стоявшая рядом с нашей, на правом фланге, второочередная 101-я пехотная див., сформированная из запасных и, как и все второочередные насмешливо называемая «бабушкиной гвардией Господа нашего Иисуса Христа», была вооружена, как и многие другие, полностью трофейными австрийскими винтовками и имела

в достаточном количестве к ним патронов. Прозвище «бабушкина гвардия Господа нашего Иисуса Христа» произошло от того, что все сформированные в начале войны ополченские дружины, впоследствии сведенные в пехотные полки и дивизии, на фуражках носили вместо кокарды медный крест и были вооружены берданками. Вот с такими, устаревшего образца однозарядными винтовками, эти дружины сражались против хорошо вооруженного противника. Весь соседний 39-й корпус был вооружен австрийскими винтовками. Эти винтовки, системы «Манлихер», были со съёмными ножами-штычками, в основном утерянными, были снабжены поделанными уже нашими оружейными мастерскими такого ж вида ножами-штычками, но со штыковой трубкой, дававшей возможность стрельбы с примкнутым штыком. Продовольственное снабжение было хорошим и стрелки имели бодрый и здоровый вид, и я не находил, что их боевой дух подорван неудачами 1915 года. Как и полагалось русскому солдату, стрелки были всегда выбриты, одеты по форме, подтянуты и имели молодецкаватый вид. Все это, возможно, было потому, что, как отмечает в своих воспоминаниях генерал Брусилев, 40-й корпус, куда входила и наша дивизия, был одним из лучших в 8-й армии и сохранил свою высокую боеспособность.

Днем не раздавалось ни одного выстрела. Редко, редко выстрелит полевая пушка — стрелять по противнику было совершенно бесполезно. Зато, ежедневно над нашими окопами появлялись по два-три аэроплана «Таубе», летевших в наши тылы на разведку. Наша артиллерия их обстреливала, специально зенитных орудий тогда не было. Зрелище было интересным и мы наблюдали за облачками разрывов шрапнелей, тянувшимися цепочкой за аэропланом. Слово «самолет» в ту пору не употреблялось. Нашей артиллерии не было видно и невольно закрадывалась мысль: — снабжена ли она снарядами и не придется ли нам, как и в 1915 году, отдуваться своими боками. Как показали дальнейшие события наша артиллерия была на должной высоте и оправдала себя полностью.

Газеты на фронте были редкостью даже среди офицеров, поэтому безотказно работал «Солдатский Вестник», как назывались быстро распространявшиеся слухи и новости, исходившие из довольно достоверных источников — как телефонные всех степеней, передающие и принимающие все распоряжения сверху вниз и обратно. Наступление на фронтовом языке называлось «Ломайло» и все ждали, что, как только земля подсохнет неизбежно будет «ломайло» тем более, что отступление прекратилось, за зиму люди хорошо отдохнули, освоились с окопной жизнью, появились в достатке

боевые припасы и « безделье » надоело.

Через две недели полк был сменен и отошел на отдых в Клеванский лес (близ станции Клевань). Лес был просто великолепен — высоченные строевые сосны, местами болота — ведь это была южная часть Полесья. Сразу, по прибытии в лес, все роты приступили к постройке землянок и был построен уже к вечеру, целый распланированный по уставу лагерь. Достоинно удивления, что при отсутствии инструментов и только при помощи носимого шанцевого инструмента да поперечных пил, бывших при ротных кухнях, землянки были окончены к вечеру. Огромные сосны валились, очищались от веток, а затем, при помощи клиньев, раскалывались вдоль на плахи, из которых над вырытым котлованом делалась крыша « коньком », закрывавшаяся ветками и присыпавшаяся земле. Почва была песчаной и сырой и, проспав первую ночь на подостланных на пол ветках, утром все встали совершенно сырые. Установленные в землянках складные, переносные печи и топливщики беспрерывно, благо дрова были рядом и в изобилии, скоро высушили песок пола почти на полметра. Началась всеобщая охота на вшей и их безжалостное ежедневное истребление. Я, второй младший офицер-прапорщик Куликов и ротный командир Барабанчиков помещались в землянке ротного командира. У нас тоже стояла постоянно топившаяся железная печка. Мы с Куликовым были новички и ужасно стеснялись искать и бить вшей при Барабанщикове и друг друга. Но когда Барабанчиков уходил, мы за них принимались, так как, при жаре царившей в землянке, вши начинали ползать и производили непереносимый зуд. Эти паразиты скоплялись у шиколоток, в пахах и под мышками. Мы с Куликовым потом стали соревноваться, кто больше набьет вшей. Число « трофеев » достигало до полусотни, даже если процедура производилась два-три раза в день.

Была построена офицерская столовая, вроде павильона, стены которого были из переплетенных жердей, столы врыты в землю и около них врыты скамьи. Обеденные столы такого же типа были установлены возле землянок каждой роты. Офицеры были обязаны приходить в столовую и, таким образом представлялась возможным ознакомиться со всеми. Кадровых офицеров было мало — человек 10, так же как и кадровых солдат, которых в некоторых ротах не было совсем, да и были они в ротах по одному из числа случайно уцелевших. Командиром полка был полковник Ильяшенко, другими кадровыми офицерами были: помошник по хозяйственной части подполковник Глотов, командир 3-го батальона подполковник Гаскевич, командир 1-го батальона поручик Гуммель Николай Иванович, командир 2-го ба-

тальона кап. Ростиславский, штабс-капитан Жадзилко, начальник команды разведчиков поручик Близер Владимир и полковой адъютант поручик Столярков. Остальные были прапорщики военного времени, прапорщики запаса и один капитан, призванный из запаса-командир 4-го батальона Демьянов.

Обеды в столовой проходили так: все собиравшись к назначенному часу, затем приходил командир полка, здоровался с нами и просил садиться, занимая свое постоянное место за столом. Начинался обед. Обслуживали солдаты. Обед проходил в чинном порядке, а после ухода командира полка желающие поболтать оставались, начинались разговоры, шутки, смех. Рассказывались анекдоты, в большинстве случаев нецензурные, и мастером их рассказывать был поручик Козаченко. Обязательным слушателем анекдотов был полковой священник отец Николай, личность крайне несимпатичная и не любимая и офицерами и солдатами, хотя его деятельность в полку по своей « специальности » была крайне ограничена. Во время обеда играл полковой оркестр:

Всех офицеров полка я быть может не помню, как и не помню их должностей и призового список по памяти:

1. Командир полка — полковник Ильяшенко,
2. Полковой адъютант поручик Столярков,
3. Начальник команды разведчиков — поручик Близер,
4. Командир 1 батальона — поручик Гуммель,
5. Командир 1 роты — прапорщик Воскресенский,
6. Командир 2 роты — поручик Буцевол,
7. Командир 3 роты — поручик Чашков Михаил,
8. Командир 4 роты — поручик Чижко,
9. Командир 2 батальона — капитан Ростиславский,
10. Командир 5 роты — прапорщик Массакровский Кирилл,
11. Командир 6 роты — прапорщик Тряпицын Михаил,
12. Командир 7 роты — прапорщик Беккаревич,
13. Командир 8 роты — прапорщик Барабанщиков,
14. Командир 2 батальона — подполковник Гаскевич,
15. Командир 4 батальона — капитан Демьянов,
16. Начальник пулеметной команды — штабс-капитан Черкасов,
17. Младший офицер пулеметной команды — прапорщик Хаскин,
18. Начальник обоза — он же командир нестроевой роты-штабс-капитан Лункин,
19. Младший офицер 8 роты — прапорщик Кудльицкий,

20. Младший офицер 8 роты — прапорщик Куликов,
21. Начальник связи полка — поручик Беляев Алексей,
22. Младший офицер роты — прапорщик Голиков,
23. Начальник Комендантской команды — прапорщик Малайчиков,
24. Помощник командира полка по хоз. части — подполковник Глотов,
Должности остальных я уже не помню и перечисляю их по фамилиям :
25. Штабс-капитан Жадзилко,
26. Поручик Наурузов,
27. Прапорщик Туголуков,
28. Прапорщик Фень,
29. Прапорщик Кобалевский,
30. Прапорщик Канский,
31. Прапорщик Воробьев,
32. Поручик Козаченко,
33. Прапорщик Володин,
34. Прапорщик Павленко Павел,
35. Прапорщик Подопригора,
36. Прапорщик Петрушевский,
37. Прапорщик Афонасьев,
38. Прапорщик Иконников,
39. Прапорщик Цибульский,
40. Прапорщик Кротков,
41. Старший врач Есков,
42. Капельмейстер Гзыль.

Фамилий казначея полка и делопроизводителя — военных чиновников я уже не помню.

Как и все пехотные полки, полк состоял из 4-х батальонов четырехротного состава — 16 рот, пулеметной команды (роты), команды пеших разведчиков (рота), саперной роты, команды конных разведчиков, команды связи, комендантского взвода, музыкантской команды — духового оркестра, команды траншейных орудий — минометы и бомбометы, обозов 1-го и 2-го разрядов, обслуживаемых нестроевой-хозяйственной ротой, при нестроевой роте были сапсжная мастерская и швальня, команды по сбору оружия, полкового околodka (санчасть) с санитарными двуколками, солдатской и офицерской лавочек и офицерской кухни. Каждая рота имела свою походную кухню и кипятильник. При санчасти была и прекрасная машина — вшивойка. По штату военного времени в ротах было по 250 (в среднем) «штыков» т. е. строевых солдат, и, в общей сложности, число людей в полку достигало до 5000 человек.

Настал март, стояла прекрасная погода. Полк по-прежнему стоял на отдыхе в Клеванском лесу. Пришло и извещение о производстве меня в подпоручики. Оказывается, никто из нас не знал, что было установлен стаж службы в запасных частях в один год для производства в следующий чин младших офицеров. Между

прочим, установленные сроки для производства в следующие чины — для обер-офицеров (от прапорщика до капитана) были установлены в 4, 6 и 12 месяцев пребывания на фронте, у нас не соблюдались - видимо командование - старшие офицеры из кадровых не желали давать хода офицерам военного времени, а может была и какая другая причина, вроде воли командира полка — не знаю, но даже наш герой Близер, к тому же кадровый офицер, давно выслуживший сроки, все ходил в старом чине. В других частях, особенно во второчередных где почти кадрового офицерства не было — закон о производстве соблюдался и чинопроизводство шло без задержки, в силу чего многие окончившие училища в 1915 году давно обогнали меня и в чинах и в орденах.

Выучил я и фронтовую песню, широко распространенную по всему фронту и певшуюся на мотив « Из за острова, на стрежень » которая мне очень нравилась, как отражающая фронтовую действительность :

Хорошо тебе на воле
сыпать ласковы слова —
посидел бы ты в окопе,
испытал бы то, что я.

Мы сидим в открытых ямах,
на нас дождик моросит,
как засыпят пулеметы —
так, поверьте, нельзя жить.

Вот пришло нам приказанье
из окопов вылезать —
только голову покажешь —
как шрапнели зажужжат.

И пойдем мы все в атаку,
крикнем громкое « Ура ! »
страшно видеть эту массу —
все убитые тела !

Там лежит товарищ, стонет,
просит помощи себе :
« приколи штыком, товарищ,
не дай мучиться ты мне ».

Вон там движутся фигуры —
санитары и сестра,
а за ними едет фура —
фура Красного креста.

Всех нашли, перевязали,
положили на возки,
боли страшные уняли,
в лазарет потом свезли.

Им теперь тепло и сыто,
смотрят радостней глаза

и одна у них защита — милосердная сестра.

У вас есть новые пластинки, Вы заведете граммофон — мы-ж трясемся как осинки, каждый час мы смерти ждем.

Господа ,меж вами много есть отцов и матерей, что недавно провожали на войну своих детей.

Меня назначили для прохождения дивизионных курсов минометного дела. В это время на вооружение поступил миномет системы капитана Лихонина. Миномет носился двумя людьми на вставляемых в пазы на станине палках, имел небольшой примитивный углемер и поршневой затвор, заряжание производилось путем вставления в казенник патрона, мина-же, имевшая вес 57 фунтов, вставлялась в ствол миномета имевшимся у нее хвостом — поршнем. Мина при выстреле делала довольно крутую траекторию, была видна во все время полета, взрыв давал эффект не меньше, чем тяжелый снаряд. По окончании курсов в районе лагерей было построено проволочное заграждение, открыт окоп и в нем поставлены мишени в рост. Был отрыт и сделан надежный блиндаж для собиравшегося сделать смотр нашей подготовки начальника дивизии. Стреляла я с открытой позиции, а начальство сидело в блиндаже, шагов на сто позади. Наводка была столь удачной, что одна мина попала в мишень, в которую и наводился миномет, а проволочные заграждения были сметены. Начальник дивизии остался доволен. Тут же присутствовал фотокорреспондент журнала «Огонек» снявший из блиндажа момент взрыва мины. Каково же было мое возмущение ,когда я увидел в журнале этот снимок с подписью... обстрел австрийских позиций! Тем временем в окопах первой линии было отрыто несколько площадок для стрельбы из миномета (один на полк) и мне было приказано ежедневно производить пристрелку по австрийским окопам. Негромкий выстрел сразу привлек внимание австрийских наблюдателей и они увидели летящую мину, открыв по ней ружейный огонь, но, как только мина начала склоняться вниз головкой, как, было видно в бинокль, австрийцы разбежались по окопам в сторону от предполагаемого места разрыва. Немедленно был и получен ответ в виде снаряда. Одну мину австрийцы подбили ружейным огнем, сбив одно из четырех крыльев хвостового оперения и мина не долетела, улав закурвавшись перед окопами. Сделав три-четыре выстрела, приходилось сниматься с огневой позиции и бегом тащить миномет в другое

место, так как немедленно начинался довольно точный обстрел полевой артиллерией противника. Обычно наше «бегство» с минометом сопровождалось руганью ротного командира, с участка которого производилась стрельба, а вызов обстрела ,поэтому, хотя действие миномета было хорошим, мое с ним появление встречалось ротными командирами не очень любезно.

В апреле при полку был создан учебный батальон для повышения подготовки слабообученных солдат, собранных со всего полка и в этот батальон я был назначен командиром роты. Ко мне попал и мой оренбургский солдатчувак — Василий Иванович, к которому я приказал относиться так же, как приказывал в Оренбурге. Обучали солдат самому необходимому: подготовительным к стрельбе упражнениям, стрельбе дробинкой, колке чуел, метанию ручных гранат и преодолению препятствий. Прапорщик Воробьев, назначенный ко мне в роту младшим офицером однажды получил письмо и был очень расстроен. Оказывается в Оренбурге он жил на квартире у Воробьевых, имевших дом на Форштадской площади, и с ним сбежала на фронт дочь хозяев дома, о чем никто не знал, хотя на фронт мы ехали вместе. В Ровно он ее оставил, и теперь она осталась без денег и в очень неудобном положении. Воробьев сказал мне, что не знает, что делать, я ему говорю « напиши письмо, чтобы ехала домой и пошли денег на дорогу ». Воробьев говорит ,что денег у него мало, я даю ему 25 рублей, застаивлю написать письмо и посылаю Гришу сдать на почту и деньги и письмо. Воробьева вернулась в Оренбург и о дальнейшей ее судьбе мне неизвестно.

В 1916 году православная пасха почти совпала с католической и, кому-то в полку пришла в голову мысль, что следует пойти к австрийцам христосоваться и что, по случаю такого большого христианского праздника они стрелять не будут и встреча между окопами состоится благополучно. На это, по тем временам тягчайшее воинское преступление и при том опасное, могли решиться только отчаянные головы и вот из окопов 6-й роты, которой командовал прапорщик Тряпицын, вышло до 50 человек, в большинстве георгиевских кавалеров во главе с младшим офицером роты прапорщиком Голиковым. Австрийцы тоже вышли из окопов и встретили наших приветливо, а офицеры стали приглашать наших солдат спуститься в окопы. Голиков, как он потом рассказывал, на это сказал, что если русские спустятся в окопы, то их уже не отпустят и заберут в плен ибо они увидев устройство австрийских окопов, узнают военную тайну. Австрийский офицер заверил честным словом, что ничего этого не будет и все русские будут отпущены. Люди поверили,

но едва спустились в окопы, как были схвачены в плен. Возмущение Голикова, конечно, не помогло. Это происшествие легло настоящим позором на полк и командир полка был в отчаянии — ведь и люди-то пропали из числа лучших. На всех это произвело тяжелое впечатление, вызвавшее и ненависть и жажду отмщения врагу за такое предательство. В это время я находился в тылу, ничего не знал и праздновал со своим учебным батальоном пасху. К празднику всем солдатам, независимо от религии, было выдано праздничное угощение состоявшее из половины кулича, яиц и колбасы причем в вполне достаточном количестве. Мои унтер-офицеры достали где-то «житневки», как назывались украинцами самогон из «жита», и явились ко мне в землянку с поздравлениями. С точки зрения устава я сделал вопиющее преступление, выпив с «нижними чинами». Конечно, унтера знали, что мне может изрядно попасть, и проделали вес это так, чтобы никто не знал. И вот, среди такого спокойного времяпрепровождения, я получаю приказ о назначении меня командиром 6-й роты, а прапорщик Тряпицын смещался в младшие офицеры. Я явился в штаб полка, а затем отправился в окопы и принял от Тряпицына роту, узнав попутно подробности пасхального братания. На утро четвертого дня австрийцы выставили в своих окопах против моего участка большой белый флаг, раздался сигнал на рожке и из окопов вылез прапорщик Голиков бегом пустившийся в сторону наших окопов. Голиков тотчас же, под конвоем был доставлен в штаб полка, а оттуда в штаб дивизии корпуса и армии, где его допрашивали о случившемся и обо всем, виденном им в тылу противника. Вернувшись в полк и роту, Голиков рассказывал мне и Тряпицыну свои приключения. Он сказал, что его сразу же, по взятию в плен, повезли на автомобиле в штаб Австрийской армии, где его стали допрашивать, а он, якобы, возмущался тем, что его захватили обманом, нарушив честное офицерское слово, и требовал чтобы его отпустили. Ему отвечали, что не может быть, чтобы офицер австрийской армии нарушил честное слово и предложили назвать этого офицера, дав Голикову на просмотр фотографические карточки офицеров стоявшего на позициях против нас австрийского пехотного полка. Голиков указал такового, после чего его привезли в окопы и выпустили, оставив в плену всех пришедших с ним наших солдат. Голиков рассказывал, что австрийские окопы хорошо укреплены и оборудованы лучше наших. В этот же день Голиков был переведен в другую роту и надо сказать, что Голиков дешево отделался, не понеся никакого наказания.

Стояние в окопах было попрежнему спокойным. Мой участок на правом фланге упирался

в глубокий овраг, обращенный устьем в сторону противника. В этом овраге мы с Тряпицыным расстреливали неразоровавшиеся австрийские снаряды, а их было порядочно, собирали маки, которые зацвели в это время, иногда мы выходили в поле шагов на 15-20 из оврага и нас почти никогда не обстреливали — было далеко, шагов 600. Однажды я вышел далеко вперед, чтобы сорвать маки, и даже стал к ним ползти, протянул руку к цветку, а он был срезан меткою пулей. После этого я перестал собирать маки. Кроме меня и Тряпицына в землянке вместе с нами жила «связь», по одному человеку от каждого взвода роты, в обязанность которых входило постоянно быть и дежурить при ротном командире. Все это были георгиевские кавалеры унтер-офицеры: Ключев, Квасов, Гаголкин и Захаров. Наиболее интересные из них были Ключев и Квасов, Гаголкин сыграл в моей жизни большую роль, но об этом речь будет дальше. Жили мы, как теперь бы сказали «по-демократически», проводя свободное время в бесконечных разговорах и чаепитии — основных развлечениях окопной жизни. Ключев происходил из крестьян Раменского уезда Воронежской губернии села Сосновки, скитался по Сибири и там, на одной из заимок в тайге научился у какого-то отшельника гадать на картах. Гадал Ключев просто уму непостижимо, прошло угадывал так точно, что поражал всех, и был широко известен среди офицеров полка и часто ротные командиры звонили мне по телефону, прося прислать Ключева «погадать». Ключев не отказывался, но выговаривал, что, например, если он точно угадает день получения посылки из дома, а такие вопросы ему задавались, то ему за это будет угощение, что и соблюдалось. Раскладывал Ключев точно так же как и все гадающие, но не говорил при этом ни слова, а делал какие-то записи, одному ему известными условными знаками. Закончив раскладку карт и записи, смотря на свою записи, он начинал говорить и выкладывал такие вещи, от которых слушатель иногда чувствовал себя не в своей тарелке. Я часто прибегал к этим услугам Ключева и он мне, гадая, сказал правду — что я уживал сразу за двумя барышнями, назвал их рост, цвет волос, глаз и любимых платьев и назвал их имена. Конечно, имена Ключев мог узнать по моим письмам, которые ему случалось сдавать на полевую почту, но остальное? Забегая вперед, скажу, что Ключев предсказал, что в одну из ночей, когда рота будет на работах впереди окопов он сам будет «нехорошо ранен»: и, действительно, когда рота устанавливала впереди вырытых апрошем окопов заготовленные заранее ротатки, Ключев был ранен низ туловища навывел и выходное отверстие раны было через задний проход. Мне он

предсказал, что тоже исполнилось, ранение в голову. С Ключевым я переписывался вплоть до 1918 года, когда связь, в связи с гражданской войной, прекратилась. Предсказал он и о революции и о том, что в гражданской войне победят большевики. Ключев лежал в госпитале в Воронеже, откуда прислал мне первое письмо, а затем был в отпуску по ранению у себя в Соновке и в полк более не вернулся.

Квасов, рыжеватый парень, отличился тем, что однажды ночью, по собственному почину отправился в австрийские окопы, залез там в землянку, выследив, когда из нее все вышли, стащил там окорок и буханку хлеба и вернулся невредимым, да еще с трофеями. Захаров был старше всех по возрасту и ничем особым не выделялся.

Землянка моя помещалась на краю оврага и по выброшенной наверх земле, конечно демаскировалась и была хорошо заметна австрийцам которые изредка выпускали по району землянки несколько снарядов, иногда с отвравляющими веществами, кроме того мы постоянно выходили в овраг прогуляться. В один из дней когда мы все улеглись на земляные нары после обеда — на нас вдруг упал огромный кусок земли прямо мне на ноги, мелкие же куски земли осыпали остальных. Это попал в крышу снаряд. Фельдфебелем роты был Васев, очень бойкий, маленького роста, одно ухо у него было почти наполовину отстрелено. Интересную личность представлял из себя подпрапорщик Турчинский, кавалер полного банта, имевший все четыре степени георгиевских медалей и георгиевских крестов и произведенный по статуту ордена за это в подпрапорщики. Турчинский был неграмотен и, поэтому не мог использоваться на должности фельдфебеля роты. Человек он был очень дельный и храбрый, был кадровым солдатом и, имея большой опыт, полученный в многочисленных боях был бы очень полезен, как младший офицер, но его неграмотность не «пускала» его в офицеры и, если бы не это, — он давно бы был прапорщиком, как его сослуживцы Варабанчиков и Чашков. Когда Турчинскому приходилось расписываться, то он ставил свой штамп-гриф, который вместе с маленькой штемпельной подушкой он всегда имел при себе. За недостатком офицеров в роте Турчинский фактически исполнял должность младшего офицера-командира второй полуроты.

В роте было около 250 солдат, из которых «штыков» в строю было 242 человека. Пища и кипяток для чая в установленные часы подвозились к ходу сообщения и по нему люди с котелками или чайниками ходили за пищей. Офицерам пища приносилась денщиками из офицерской кухни, довольствие в которой было платное, до 30 рублей в месяц. Готовил хоро-

ший повар и пища была разнообразна и вкусна. Так утром давалось к чаю два пирожка с мясом или с рисом и яйцами или булка «франзоля» собственной выпечки. Обед был из двух блюд и меню его зависело главным образом от того, что можно было купить у крестьян. На второе было обязательно какое нибудь жаркое, от котлет до жареных уток. Ужин — одно блюдо, тоже жаркое. Солдаты получали обед из двух блюд — первого с мясной порцией и второго — каши гречневой или пшенной. В 1915 году кормили хуже и каши и супы бывали из перловой крупы или чечевицы. Перловку солдаты иначе как «шрапнель» не называли и не любили приготовленные из нее блюда. Махорки было в избытки так как кроме пайковой, раздавалась из постоянно прибывающих из тыла подарков. Пачки махорки лежали на берме окопов, никем не тронутые и оставались там и при смене из окопов. Большим недостатком было отсутствие бань, что способствовало распространению вшивости и как следует вымыться можно было только во время стоянки в резерве на отдыхе в банно-прачешном отряде, во время чего солдатам менялось белье, а обмундирование обрабатывалось во вшивобойках паром. В клеванском лагере была построена специальная землянка-баня. Один раз к лагерю подошел поезд-баня Красного креста. Устроен он был очень хорошо. Когда я мылся, то еще при входе в моечный вагон был поражен массой мертвых вшей белевших на полу, как шелуха от семечек. От вшей не избавляли ни шелковое белье, ни сера, привязываемая в марлевых мешочках к телу, да и вообще спасения от них не было, ибо все обжитые землянки были ими заражены и ничего не стоило их снова набраться. Между прочим у меня лично вшей стало значительно меньше, а в 1917 г., можно сказать, и не было, хотя условия были прежние. Видимо, вши заедали главным образом новичков, как «свежее мясо».

В свободное время стрелки занимались и разными поделками из собираемых ими головок снарядов, пуль и гильз, отливая из них кольца, мундштуки, цифры на погоны, ложки для обеда и делая это весьма искусно, как настоящие кустари, причем не имея никакого специального инструмента. Удивляться не приходится — ведь тульский кузнец блоху подковал.

Однажды стрелки мне заявили, что австрийские снаряды часто не рвутся потому, что они начинены глиной и, в убеждение, приглашали к себе в землянку посмотреть самому. Войдя в землянку, я прямо обомлел — на полке возле печной трубы стоит ряд неразорвавшихся снарядов, изготовленных «впрок» для поделок, и обращение ребят с этими снарядами самое небрежное, как с поленьями дров. На столе стоял уже подготовленный для показа мне сна-

ряд с отвинченной головкой, и в нем копался ножом стрелок, затем зажегший спичку, поднесший ее к «глине» и сказал: «Смотрите только плавится». Я объяснил, что это не глина и причина, что снаряд не разорвался, не в ней, а во взрывателе, что взрыв происходит от детонации и что неразорвавшиеся снаряды очень опасны, так как могут взорваться от малейшего сотрясения, как и остаться целыми. Я приказал при мне же выбросить все снаряды за бруствер окопа, Австрийцы вопреки Женевской конвенции, употребляли и разрывные пули, которые от обыкновенных отличались — по виду — только тем что были несколько длиннее. Находились такие мастера, что распиливали эти пули вдоль, не повредив внутреннего устройства. Мне говорили, что один из стрелков даже раскусывал эти пули зубами — и ни одного несчастного случая!

Примерно в двух верстах, в тылу наших позиций находилось местечко Олыка, через которое шло шоссе на город Луцк, населенное евреями, деревни же, населенные крестьянами украинцами, своими околицами подходили почти вплотную к нему. Почти в каждом доме местечка была если не настоящая лавочка, то все равно можно было купить многое и, главным образом, бакалейные товары. В 1915 году австрийцы занимали Олыку и, отступая, оставили замаскированный телефон на чердаке одного из домов, обслуживаемый скрывавшимся на чердаке евреем. И вот, один из пристрелочных снарядов австрийцев попадает в этот дом, возникает пожар и бросившиеся тушить его стрелки обнаруживают еврея и телефон. Евреи прекрасно знали (и даже лучше, чем офицеры), какой полк стоит на позиции, какой на отдыхе, какой какого сменяет. Между прочим, в пулеметной команде был прапорщик Хаскин, которого и по наружности и по фамилии легко можно было принять за еврея и местные евреи постоянно добивались у стрелков «скажите, Ваш барин еврей?» и никак не хотели верить, что он русский, и Хаскин пользовался большим вниманием «как свой». В Олыке стоял старинный замок князей Радзивиллов — огромный дом находившийся в полном порядке и даже в специальной яме жил медведь. Управляющий князь жил при замке и наблюдал за его состоянием. Радзивиллы имели много поместий и замков в пограничных губерниях России, а так же и в Австрии. Осмотреть замок, при всем желании было нельзя, так как в нем размещался штаб дивизии, в расположение которого без разрешения или вызова т. е. без служебных причин попасть было запрещено. В апреле, когда полк стоял в резерве в местечке, я жил на квартире у одной молодой вдовы — еврейки вместе с другими офицерами. Среди них был прапорщик Фень, весьма веселый человек,

знавший множество опереточных арий и постоянно их распевавший для нашего и собственно его удовольствия. У хозяйки, в передней части дома была лавочка и вот однажды Фень захотел шоколадных конфет «Пьяная вишня», которых у хозяйки в продаже не было, Фень начал тогда смеяться над бедностью лавочки товарами и поспорил с хозяйкой, что та ни за что не достанет этих конфет, та же недолго думая тотчас отправилась в Киев и через два три дня привезла Феню фунт этих конфет.

Должен сказать, что несмотря на то что в окружении были одни мужчины — отношения к женщинам со стороны и офицеров и солдат были самые порядочные и никаких жалоб от населения не было. Если же и обделывались известные дела, то только по взаимному согласию и тайно.

Так же утверждаю, что не было распространено и мордобойство то ли потому, что мордобойца мог быть убит своими же солдатами в первом же бою и это прошло бы совершенно незамеченным, а вернее всего потому, что опичерский состав был преимущественно из числа трудовой интеллигенции и учащихся, совершенно чуждых подобных традиций, которые, кстати сказать уже перед войной все более и более уходили в область преданий.

Все лучшее кадровое строевое офицерство было на фронте и было истреблено в начале войны, вся нечисть сбегала в тылы, как среди офицерства, так и солдат зажиточные люди почти не встречались — их деньги и связи помогали им устраиваться в тылу как: Всероссийский союз Земства и городов, питательные пункты, санитарные и банные отряды и поезда — ведь тыл был огромен и обслуживающего армию персонала требовалось многие тысячи. Всех этих чиновников, которым дали право ношения военной формы, чем они очень тщеславились и щеголяли, презрительно и заслуженно называли «земгусарами». В большинстве это были юрки, пронрыдливые людишки, прекрасно одевавшиеся в пошитую из дорогих материалов форму. Редко они появлялись даже вблизи позиции. Никого не удивляло, что среди офицеров и солдат и даже в разговорах между теми и другими, с ненавистью говорилось об «окопавшихся» в тылу и что, после войны с них за все будет спрошено.

В начале мая полк был отведен на отдых и расположился в палаточном лагере в грабовом лесу близ Олыки. Местность была очень живописная, чистенькие лужайки, обрамленные молодыми елками и соснами радовали глаз. Походная палатка — не роскошь, мала и низка, поэтому палатки разбивались над вырытым ровиком, дно которого служило полом, а уровень почвы — нарами. Началась смена зимнего обмундирования на летнее, для чего роты, по оче-

реди, отправлялись в обоз 1-го разряда и там сдавали зимнее обмундирование и получали летнее. Как раз моя рота возвращалась из обоза, когда был подан сигнал построения по тревоге. Прибыл начальник дивизии, а было очень холодно и я слугил будучи в легнем обмундировании — не надев шинели, в то время, как сам начальник дивизии и другие офицеры были в шинелях. Я стоял и дрожал от холода, а стрелки не все успели надеть на гимнастерки погоны и расправить фуражки, измявшиеся в мешках. Вид у людей был не важный и начальник дивизии обрушился на меня, не давая мне возможности сказать и слово в оправдание людей, в это же время меня трясло от холода (что все принимали за страх перед начальством). Однако, после Сандецкого начальник дивизии был не так страшен и я все же перебил его и доложил, что в момент подачи сигнала «тревога» рота меняла обмундирование и люди не в состоянии были привести в порядок помятое обмундирование и пригнать его как следует. Начальник дивизии сразу утихомирился, сразу сбавил тон и посоветовал вкладывать в верх фуражек прутики, а когда он услышал от меня, что так и делается, и приказал, для проверки, нескольким стрелкам снять фуражки и показать, даже остался доволен.

Было приказано производить, до сего непрacticовавшиеся строевые и тактические занятия, что многие считали даже не нужным — мы воюем — к чему еще учиться? Взгляд безусловно вредный, так как пополнения приходили плохо обученные и, пробыв в полках долгое время, многие солдаты, считали себя солдатами запасных батальонов, номера которых и говорили, отвечая на вопрос «какого ты полка?». Почти анекдот, что попадая в плен, особенно в 1915 году, и называя вместо номеров полков, номера запасных батальонов из которых они прибыли на фронт, они дезориентировали противника, считавшего что на фронт прибыли новые части. Многие стрелки старались отлынивать от занятий и, в частности, мой связной Гаголкин. Я заметил, что несколько дней его не видно и, когда спросил и узнал, что с утра он уходит в лес и там прячется — я был вынужден, для примера, наказать его, поставив под ружье, что было одобрено всей ротой, ибо связные при ротном командире занимали несколько привилегированное положение и рядовые стрелки считали, что они такие же солдаты и должны заниматься наравне со всеми. Это наказание было первое и единственное, которое я наложил на солдата. Под ружье ставили, как правило, на два часа, но мне надоело смотреть на унылую фигуру Гаголкина и я досрочно освободил его от наказания. Занятия проводились гораздо разумнее чем в запасных батальонах: во первых, и это главное, у всех были винтов-

ки, а поэтому и учили практически нужною на войне, отбросив всякую словесность. Было проведено даже ночное полковое учение-наступление в лесу — прошедшее вполне удовлетворительно и вызвавшее среди стрелков обычные в таких случаях толки: какая рота и батальон действовали успешнее, с кем случилось какое нибудь смешное приключение (заблудился в лесу, попал в болото и промок, либо отличился как разведчик). Стрелки прекрасно понимали, что от действий соседа и его самого очень многое зависит в бою и, в первую очередь, его жизнь, и поэтому были очень строги к проявлявшим трусость в бою или какую другую небрежность по отношению к товарищам. Такой, товарищеский контроль «сколачивал» роту и высоко поднимал боевой дух. Между прочим в стрелковых частях был принят шаг по 135 шагов в минуту, вместо 120 уставных и мне было трудновато привыкнуть к такому быстрому шагу, даже на походах, когда, особенно выйдя на шоссе, стрелки сами ускоряли шаг и в полном смысле слова: «врезали во всю».

В свободное время мы азартно играли в городки. Я играл в одной команде, а прапорщик Трипичин в другой и это делалось потому, что по правилам игры, проигравшая команда возила на закорках выигравшую команду от кона до кона и было недопустимо, что бы солдат поехал на офицере, кроме того тут и было соперничество между полуротами так как ротный командир, за недостатком офицеров, выполнял и обязанности командира первой полуроты.

Еще с детства вера моя в русского солдата была безгранична, слыша постоянно от взрослых рассказы о подвигах русских солдат, о том, что, если кого обидят на улице, то стоит обратиться к любому солдату и он тебя защитит, я видел в солдате героя, защитника отечества. Любимыми моими рассказами были рассказы о подвигах солдат во время русско-турецкой войны 1877-78 года, память о которой была свежа чуть ли не до русско-японской войны: продававшиеся в те времена лубочные картинки, военного характера были моими любимыми картинками и ими была завешана вся стена у моей детской кровати. Их я берег очень долго и уничтожил только после переезда семьи из Курска в Оренбург, по новому месту службы отца. На всю жизнь в память врезалось описание боя крейсера Варяг, а любимейшей книжкой, я научился читать на 5-м году, была «Книжка рядового пехоты», подаренная мне отцом и содержавшая раздел о подвигах русских солдат во время прошедших войн, который я перечитывал бесчисленное число раз. Я был уверен, что солдат никогда и ни в чем не подкачает, чувствовал в лице солдата могучую и охраняющую силу и из всех сил старался быть достойным весту людей в бой и наравне с солдатами

разделять все трудности и лишения войны. К тому же все солдаты по летам были старше меня и поэтому у их уважал по привитому с детства чувству уважения к любому старшему человеку. Я старался не злоупотреблять и не выпячивать свое привилегированное положение как офицера, не унижал их достоинства и не считал зазорным спрашивать солдат и учиться у них тому, чего я не знал. Все это очень помогло мне и при командовании ротой в запасном батальоне и на фронте в полку, установив атмосферу взаимного доверия.

16 мая наступило внезапно такое похолодание, что прошел снег. Листья на деревьях свернулись и мы дня три изрядно мерзли, так как в палатках печей установить было нельзя. Такая погода, да еще в разгаре весны, была редким случаем в этих краях. Как раз к Тряпицыну приехала погостить его тетка-сестра милосердия одного из прифронтовых лазаретов. Вот мы и стились втроем в крошечной походной палатке на двоих — мы Тряпицыным спали на одной стороне палатки, а его тетка на другой. В роте было шесть солдат-евреев и когда выдавали летнее обмундирование, был сделан по ротам запрос на шапошников и все шестеро заявили, что они шапошники. Я их откомандировал в распоряжение полковой швальни, но уже на другой день все они были с позором возвращены в роту, так как они, чувствуя что предстоят бои, просто хотели хоть как-нибудь избежать их. Солдатский вестник уже упорно болтал, что в предстоящем наступлении, а в том, что это будет никто не сомневался. Вся Россия смотрит на 8-ю армию, армия смотрит на нашу дивизию, а дивизия на наш полк. В самом деле Солдатский вестник был прав, так высоко оценивая наш полк. Командовал фронтом генерал Брусиллов, сдавший 8-ю армию генералу Каледину. В своих «Воспоминаниях» (страница 196) он пишет: «Из 2-й и 4-й стрелковых дивизий был сформирован новый, 40-й корпус, который по составу своих войск был, несомненно, одним из ЛУЧШИХ во всей русской армии», а там же, на странице 215 Брусиллов говорит: «было решено нанести удар в 8-й армии, в направлении на Луцк», как раз наша дивизия и стояла в этом направлении. Брусиллов был популярен среди солдат, когда он еще командовал 8-й армией и солдаты пели песню: «С нами Брусиллов, с нами генерал», назначение же его командующим фронтом всеми было принято как вполне его достойное. Командующий 8-й армией генерал Каледин сделал нам смотр. Ввиду холодной погоды, о чем я говорил выше, полк был одет в шинели и построен недалеко от лагеря в колонне «по батальонно». Был у нас один прапорщик командир роты — Подопригора, так он опоздал к построению полка и появился когда его рота уже стояла на ме-

сте, без шинели и путаясь ногами в своей шапке. Командир полка сейчас же прогнал его, чтобы он оделся по форме, приказав ему бежать бегом, что он и выполнял на глазах всего полка. Полк наш выглядел не плохо, Каледин остался доволен и вызвал вперед всех офицеров. Мы вышли и выстроились перед полком, командир полка называл каждого офицера, Каледин здоровался за руку и благодарил за хороший вид стрелков, выражая надежду, что полк не подкачает в боях. В то время во Франции шли упорные бои под Верденом и нас заставили изучать французскую тактику наступления, якобы имевшую большой успех-атаку волнами. Для этого ударная часть сосредоточивалась на очень узком фронте и наступление велось по-полуротно, цепями, следовавшими одна за другой через 2-3 минуты, в расчете на то, что если первые волны будут уничтожены огнем противника, все же какая-нибудь из последующих дойдет до цели. Поскольку в полку было 16 рот, учения велось на участке 500-600 шагов, соответствующих участку, который отводился на поле боя. Это говорило так же и за то, что отвод полку такого малого по фронту участка, не что иное как назначение полку нанесения главного удара на прорыв, что и подтвердилось на деле. По сигналу: «атака» из окопов выскакивали первые полуроты передовых рот батальонов 1-й и 5-й; за ними вторые полуроты, а за ними полуроты следующих по номерам рот — за первой вторая, за пятой шестая. Третий и четвертый батальоны следовали в том же порядке третий за первым, четвертый за вторым. Для преодоления проволочных заграждений, полоса которых была в 16 рядов, а местами австрийцы их довели до 19-ти, было приказано плести плетни, чтобы при наступлении, если почему либо проволочные заграждения будут целы, набрасывать плетни поверх колючей проволоки и переходить ее по плетням. Плетни плелись из ветвей граба, получились очень тяжелые, каждый плетень были обязаны нести бегом два человека, которые имели одну свободную руку, так как в другой была винтовка — было и тяжело и очень неудобно. Стрелки говорили, что вернее и проще накинуть на проволочное заграждение шинель. Но приказ есть приказа и обсуждению не подлежал — продолжайте работу с плетнями. В каждой роте были созданы команды grenадер из числа стрелков, хорошо бросавших гранаты для этого им были выданы специальные мешки через плечо с запасом гранат. Назначением grenадеров была борьба с укрышками в убежищах и блиндажах противником — цепи не задерживаясь для захвата этих укрытий должны были следовать вперед, а grenадеры, идя за цепью, «очищать» все укрытия от гарнизонов. Действительно, один-два grenадера справля-

лись с противником, укравшимся в убежищах, бросив в них одну-две гранаты. Чаще всего австрийцы, видя неминуемую смерть, сдавались гранадерам в плен и толпами, без конвоя, бежали в наш тыл, радуясь, что остались живы при таком побоище. Были выданы ножницы для резки проволоки по несколько штук на взвод и каждому маленькие приборчики, надеваемые на ствол винтовки, для захвата колючей проволоки или телефонной, проволока оказывалась по диаметру канала ствола и выстрелом перебивалась. Особое внимание обращалось на необходимость, немедленного по овладению позициями противника, нарушения связи, для чего было приказано обязательно рвать любой провод, попавшийся на пути, а этих линий связи у австрийцев было очень много. В атаку, вернее назвать, штурм крепости, люди должны были идти с заряженными винтовками, люди учились стрелять из положения «на руку», так как в рукопашном бою это было вернее и скорее, чем стрельба с плеча и выпад штыком. Обучались и пользованию противогазом — были первые противогазы — марлевые маски, смачиваемые раствором гипосульфита из носимого в чехле через плечо шкалика, и очков и часть людей имела новые противогазы Кумманта — Зелинского. Стрелки не очень верили в смертоносное действие газов (хлор и фосген), пренебрегали противогазами и в бою многие их сразу же побросали, как помеху действию. Дивизионная химическая команда проводила ознакомление с газами, как тогда называли отравляющие вещества, для этого была установлена учебная газовая камера-палатка из баллона был выпущен хлор в учебной концентрации и каждый желающий входил в палатку в противогазе и без него, затем показывалось действие хлора на растительность — на выпущенном из баллона участке поражения трава погибла. Хотя русская армия в апреле 1915 года понесла большие потери от первой на нашем фронте газобаллонной атаки под Боржимовым и Болимовым, на других фронтах и австрийском в частности газовые атаки не применялись и солдаты, их не испытывавшие, — не особенно боялись этого нового оружия противника. Все же на нашем участке, австрийцы каждую ночь выпускали по нашим окопам несколько бомб с слезоточивыми газами (из бомбометов). Эти бомбы представляли из себя железную коробку, величиной с чайный стакан, в дно которой был смонтирован спиралью бикфордов шнур, загоравшийся при выстреле еще при прохождении канала ствола бомбомета и разрыв бомбы происходил не от удара, а при сгорании всего шнура. Ночью, при перелете, эти бомбы были заметны по огоньку горящего шнура, при падении звук разрыва был очень слаб и бомбы больше шинели, выпуская газ. На моем участке

подобный обстрел производился раза три, газ был слезоточивый, запаха которого долго держался в окопах и ходах сообщения. Я со связным Захаровым, моим постоянным спутником при обходе участка окопов роты, пытались преодолеть зараженный участок без противогаза, которого у меня и не было, но ни разу сделать этого не смогли — настолько сильно было слезотечение и спазма горла. Даже через день-два стенки окопов все еще пахли газом. Командир батальона послал меня и командира 5 роты Массакковского на рекогносцировку для ознакомления с местностью и участком соседнего с нами 6-го стрелкового полка. Поехали мы верхами на положенных по штату ротным командирам лошадях. Я, как неумеющий ездить верхом, подвергся жестокому насмешкам Массакковского. Итак, все что можно было сделать — было сделано, предусмотри все мелочи, — оставалось занять назначенный участок окопов и на месте изучить обстановку и сделать необходимые приготовления к штурму.

**« О, зная ветхое, краса полка родного,
ты, бранной славою венчанное в бою,
кто за твои лоскутья не готовый
иль победить, иль с честью пасть в бою? »**
К.Р.

20 мая полк занял окопы. Перед нашим полком был очень сильно укрепленный участок позиций противника: высота 113, 0, выступ с двухъярусными окопами, укрепленными железобетонными кубами, и называвшийся у нас « Фердинандов нос » в честь длинного носа болгарского царя Фердинанда. Каждому ротному командиру была выдана отчетная карточка австрийских позиций, снятая аэрофото съемкой, на ней была видна вся очень разветвленная сеть укреплений противника и было видно, что нам предстоит штурмовать укрепленную полосу, состоящую из трех линий окопов с массой ходов сообщений, лисьих нор, траншей. Были установлены цели для нашей артиллерии и пехота была обязана, ведя непрерывное наблюдение, помимо артиллерийских наблюдателей, подавать сигналы о действии обстрела, выставляя разноцветные транспаранты. Артиллеристы построили в 1-ой линии наблюдательный пункт-блиндаж с солидным накатом из толстых бревен, что каждое бревно катил чуть ли не целый взвод саперов. По ночам наши рыли еще одну передовую линию окопов с целью сближения с противником, вместо проволочных заграждений ставили рогатки и, в одну из ночей, при установке рогаток, был ранен мой связной Клочев и его гадание исполнилось. Наша артиллерия вела очень скрытную пристрелку, выпуская снаряды, как обыкновенно, в очень ограниченном количестве. Конечно, австрийцы не

могли не заметить наших приготовлений и по ночам усиленно освещали местность прожекторами и ракетами. Наши ракеты, против австрийских были просто дрянь, «пшикалки», тогда как те давали яркий свет и опускались на парашютиках. Один раз, при обходе окопов, я заметил на дне окопа какой-то клубок: оказалось, что это были кишки прикомандированного к роте сапера, разорванного прямым попаданием снаряда, мы не нашли больше ни каких кусков тела или обрывков обмундирования — человек прямо испарился. Было как-то странно, что австрийцы не ведут артиллерийского огня по местам наших работ. В ночь на 21 мая на участке соседа — нашего 4-го батальона, вдруг поднялась ружейно-пулеметная стрельба и командир батальона поручик (фамилию забыл) донес в штаб полка, что он отбил атаку. Утром мой командир батальона капитан Ростиславский приказал мне сходить в 4-й батальон узнать, что было ночью. На участке 4-го батальона не было никаких признаков, что австрийцы атаквали, впереди окопов не было никаких следов боя, не было ни одного трупа и брошенного снаряжения. Когда я доложил о виденном Ростиславскому, то тот заявил, что со стороны командира батальона было просто жульничество, чтобы заработать орденки. В этот же день в землянку командира 3-го батальона кап. Демьянова попал вражеский снаряд, начисто развалил землянку и засыпал Демьянова. Его быстро извлекли невредимого из под обломков и земли и он только чертыхался, стряхивая с себя землю. Стрелкам было приказано «помнить Пасху» т. е. злополучное христосование с австрийцами, и пленных не брать, сдающихся не трогать и без конвоя направлять в наш тыл. Приказ был воспринят стрелками и во время рукопашной схватки можно было слышать крики наших стрелков: «это тебе за Пасху». Правее нас действовала 101-я пехотная дивизия, окопы которой шли по опушке леса (наш участок была открытая местность), по ее участку проходила железная дорога Ровно-Луцк, на нейтральной земле, на пути, стоял подбитый в 1915 году наш бронепоезд, с которого было унесено все, что можно было снять и унести. Разграничительная линия проходила по шоссе Ровно-Луцк, бывшее не поврежденным, кроме мест, где проходили окопы. По этому шоссе должен был действовать бронеевтомобиль и прикомандированная для несения службы связи полусотня донских казаков, выпросивших у начальника дивизии позволения атаковать противника в конном строю. Полк имел приказ штурмовать позиции противника, не задерживаться во взятых линиях окопов и остановиться только по прохождению последней оборонительной линии. В тылу шла усиленная работа по подготовке тыловых дорог — вы-

гравнивалось полотно, чинились и строились мосты через канавы и овраги и эти работы выполнял сторительный батальон из женщин, по вольному найму, Командиром такого женского батальона был саперный унтер-офицер, чувствовавший себя, пожалуй, получше турецкого султана в гареме.

Слухи о зверствах по отношению к военнопленным и раненым считались стрелками агитацией, чтобы они не сдавались в плен, но эти слухи подтвердились, так как в бою австрийцы-мадяры главным образом, добивали наших раненых. Лучшими частями у австрийцев были мадярские части, в которых враждебность к русским поддерживалась напоминаниями о том, что русские подавили венгерскую революцию в 1848-49 гг. что было достойно примечания. Противник не брезговал никакими средствами, чтобы так или иначе вывести из строя наших солдат. Если в таком глубоком тылу как Оренбург подбрасывались мундштуки, рвавшие солдатам пальцы, то на фронте, на нашем участке, были переброшены через фронт парень и две девушки-украинцы, зараженные сифилисом и признавшиеся при задержании, что им в задачу ставилось распространение заразы среди русских солдат.

Я был счастлив служить в одном из лучших полков русской армии, сохранившим свою боееспособность до самой Октябрьской Революции. Боевой дух наших частей был высок, стрелки верили в Брусилова и только прямой отказ других командующих фронтами от участия в наступлении привел к тому, что знаменитое «Брусиловское» наступление имело только местный успех. В то время я не знал, что по обеспечению успеха наступления так близко в тылу работали и, возможно, и бывали в нашем расположении такие выдающиеся люди как инженер — генерал Величко.

Днем мы изучали вновь и вновь австрийские позиции, что особого труда не представляло, также и местность перед окопами, которую нам предстояло преодолеть под огнем противника.

Против моего участка один австриец по вечерам играл на баяне один и тот-же вальс из оперетты «Граф Люксембург» хорошо слышимый у нас. Одна землянка имела выход в нашу сторону и вместо двери, завешивалась полотнищем палатки и было видно, как из-за полотнища высывалась рука, ставившая на бруствер котелок. Я попробовал сбить этот котелок и сделал несколько выстрелов, попал в верх занавеси, Тряпицын стоял рядом и наблюдал в бинокль. Как только я вынул винтовку из бойницы и стал одной ногой на дно окопа — бойница была разрушена разрывной пулей. Казалось бы, что определить откуда я стреляю было трудно — бойницы были расположены часто, не более метра одна от другой, но понял я почему про-

изошел столь меткий выстрел, только тогда, когда мы взяли первую линию и я обернулся в сторону своих окопов — наши бойницы большую часть дня просвечивались на солнце и определить какая из них занята, можно было простым глазом — она не просвечивалась. Так же стало ясно почему был убит наповал в голову один мой стрелок, ведший наблюдение и устроивший себе бойницу из куска водосточной трубы, имевшей диаметр больше бойницы. Был у нас неведомо откуда пошавший журнал «Огонек», в каждом номере которого печатались портреты убитых и раненых офицеров и Тряпицын предложил погадать, что нам сулит будущий бой — ткнуть закрыв глаза пальцем в страницу журнала с портретами и в чей портрет попадешь, то такая судьба ждет и тебя — портреты были занумерованы и внизу стр. было примечание, поясняющее, кто ранен, кто убит. Я согласился и мы проделали это по три раза и каждый раз Тряпицыну выпадало, что он будет убит, а мне, что буду ранен. Кажется глупость, а случилось точно.

21 мая всех моих стрелков-евреев поразила какая-то болезнь, безусловно искусственная — их рвало и они были отправлены в околодок, но они ошиблись днем, и на другой день, как и в истории с фуражками, были возвращены в роту.

Иля в бой, обещавший быть грандиозным, я заменил, несмотря на протесты Тряпицына, зашитные погоны золотыми, говоря, что, впервых левое плечо будет закрыто скаткой пинели, а во вторых — офицера всегда можно узнать, потому что он не будет ложиться, командуя людьми во весь рост и будет без винтовки. Стрелки рекомендовали, как испытанный способ защиты, держать, идя в атаку, перед лицом шанцевую лопатку, так как пуля должна скользнуть по ней, если держать лопатку наискось. Самыми опасными ранениями, и не без оснований, считались раны в голову и живот, кроме того лопаткой можно было рубить колючую проволоку заграждений быстрее, чем резать ножницами, и к тому-же одной рукой. Все это было верно. Положенные офицерами шапки носились только на отдыхе, в тылу, в бой же шли обыкновенно с наганом в кобуре и с тросточкой или палочкой в руке. Этой палочкой иногда приходилось подгонять струсивших стрелков. Сделал и я себе палочку. Конечно, в рукопашном бою удобнее всего было быть вооруженным винтовкой, что можно было сделать в любой момент на поле боя, схватив первую попавшуюся из числа брошенных ранеными или убитыми.

Ни волнение, вполне естественное перед боем, ни неудобства землянки не мешали мне крепко спать и, как и Тряпицыну, ничего не слышать. Утром 22 мая нас разбудили стрелки со слова-

ми, «что вы спите, посмотрите, что делается, прямо как на Пасху». Мы вскочили и вышли из землянки, тотчас же поняв, что началась артиллерийская подготовка, грохота которой мы не слышали, крепко спав. На наш вопрос, «давно ли началось» стрелки ответили, что с 4-х часов утра — значит почти два часа мы сладко спали под грохот канонады. Видя огонь небывалой мощности стрелки радовались, что у нас так много снарядов и что огонь ведется так метко, поэтому и говорили «радостно, как на Пасху». Многие стрелки наблюдали обстрел сидя поверх окопов — австрийцы на наш огонь почти не отвечали и сидеть так открыто было совершенно безопасно. Моя рота стояла во второй линии окопов и капитан Ростиславский приказал мне пойти на наблюдательный артиллерийский пункт и наблюдать за работой артиллерии. В блиндаже был артиллерист-офицер наблюдатель и телефонист, передававший команды и поправки на батареи. Наблюдение велось в стереотрубу через щель в накате. По этому блиндажу артиллерия противника периодически стреляла беглым огнем и я попал в блиндаж как раз во время такого обстрела. Попадания были меткие, в смотровую щель летела земля, двери блиндажа хлопали, в воздухе пахло гарью и пороховыми газами, снаряды падали в окоп и справа и слева, почти вся земля, покрывавшая накат, была сброшена, накат обнажился и ни один снаряд не попал прямо в смотровую щель. Вот тут я впервые испытал, что значит быть под обстрелом, ожидая каждую минуту прямого попадания и смерти. В бою страх переносится гораздо легче, так как там занят делом, а не сидишь на месте, по которому безжалостно бьют. Примерно через полчаса огонь прекратился, я доложил командирку батальона о виденном и вернулся в роту. Через несколько часов можно было видеть интересную картину — над австрийскими окопами куда-то только хватал глаз, протанулось в виде ленты облако пыли и дыма. Простым глазом было видно, как при разрывах взлетают вверх куски земли, обломки бревен блиндажей, как взлетают колья проволочных заграждений и вокруг них свивается проволока, как вылетают из своих гнезд железобетонные кубы бруствера. Было ясно, что проволочные заграждения, препятствие наиболее трудноодолимое будут разрушены и намеченная цель-сделать в них по два прохода на роты перекрыты и одолеть его при атаке будет легко. В это время у нас заканчивалось отгрытие лисьих нор — глубоких до 5 метров, траншей для укрытия резервов от артиллерии противника, который так почти и не отвечал на наш огонь и не пытался подавить наши батареи. Обходя участок своей роты я и Захаров попали под обстрел и один снаряд разорвался прямо над нашими головами, взрыв-

ной волной Захарова свалило с ног, а меня резко ударило воздухом в лицо и, особенно, в правое ухо, так что я несколько мгновений стоял и ничего не видел и не соображал, задыхаясь от пороховых газов. Придя в себя мы отправились дальше по окопам. Голова у меня болела, шумело в ушах, я плохо слышал, вернувшись в землянку я пролежал до вечера, когда все прошло, но некоторая глухота на правое ухо осталась на всю жизнь. В околодок я не обратился, считая эту контузию пустяком, а между тем это имело большое значение для получения наград и производства в следующий чин — я получил бы свидетельство о контузии с отметкой «остался в строю». Взгляд у меня на это был несколько иным и я считал недостойным офицера воспользоваться этой контузией в целях получения наград и отличий, а еще больше и потому, чтобы получение свидетельства не сочли за желание склониться от боя, так как врач безусловно хоть на сутки задержал бы меня в околодке. Днем был небольшой перерыв в артподготовке и начальник команды разведчиков поручик Близнер с несколькими разведчиками отправился в австрийские окопы. Никем не обстрелянный он побывал в окопах противника, убедился в полном разрушении проволочных заграждений и принес с собой несколько стальных щитов. Уцелевший противник вероятно был отведен в свои убежища и не показался Близнеру. Стальной щит, на манер пулеметного; использовался одним человеком, имел откидную ножку для установки вертикально и глазок для вставления в него винтовки. От пуль такой щит защищал хорошо и годился только для обороны, так как был тяжел и неудобен для носки. После перерыва наш огонь велся так же методично и успешно, как и раньше. С наступлением темноты и ночью — почти прекратился.

Атака-штурм была назначена в 9.00 утра 23 мая. С рассветом возобновился артиллерийский обстрел, причем за ночь противник не произвел видимых исправлений своих окопов и по-прежнему почти не отвечал на наш огонь. Рота заняла свои исходные рубежи в атаке в первой линии окопов. Для быстрого выхода из окопов были в передней крутости рва открыты ступеньки и снято проволочное заграждение. Как ни было приподнято настроение и напряжены нервы перед таким значительным боем, мы с Трapiнцыным легли спать как обычно и крепко, без снов, проспали всю ночь.

В 9 часов утра вся наша артиллерия дала залп и первая волна наших стрелков, быстро выскочив из окопов, побежала вперед. Настала и очередь моей роты, стрелки стояли сосредоточенные, молча ожидая команды. Откровенно скажу, что поджилки у меня тряслись изрядно. Накануне подпрапорщик Турчинский попросил

меня взять всех евреев-стелков под свою «опеку», говоря, что иначе они постараются какнибудь во время боя увильнуть и спрятаться а он обещал поставить их перед собой и наблюдать за ними. Я разрешил, но эта мера не помогла так как, как только мы бросились вперед — евреи исчезли — проверять, каждого упавшего было некогда.

Взглянув на часы и видя что две минуты прошло я первым вылез из окопа и стал на его бруствере. Подал команду: «С Богом, вперед!» Многие стрелки перед тем как вылезти снимали фуражки и крестились. Я стоял на бруствере пока не вылезли все люди, а австрийцы открыли бешеный пулеметный огонь, но прицел был взят низко и пули попадали в бруствер в каком-нибудь шаге впереди меня. Я видел, как земля бруствера шевелится, как живая, было такое впечатление, что идет волна воды и я, невольно, переступил с ноги на ногу. Вперед бежали две волны 5-й роты и не было заметно, чтобы огонь противника причинял большие потери. Когда первые люди были шагах в 100 от австрийских окопов, раздалось «ура!» подхваченное всеми волнами и всех подхватило, как на крыльях, и мы догнали передовых. Перед проволочными заграждениями я остановился, удивляясь, как это можно было пробежать 600 шагов и не запыхаться. Злополучные плетни были брошены на землю в самом начале атаки. Добежав до проволоки я остановился как слепой, настолько твердо укоренилось представление о их непроходимости, я даже не видел, что целы одни колья, а оставшаяся проволока обрезана и лежит на земле. Это сделали сами австрийцы ночью, так как едва мы приблизились к их окопам, как они безоружные выжили к нам навстречу, сдаваясь в плен. Сначала мне показалось, что это контратака, но увидев, что они безоружны и многие бегут с поднятыми руками, я закричал, чтобы ободрить своих стрелков «они сдаются, вперед!» Одновременно по шоссе в конном строю мчался, размахивая клинками казаки и броневая машина, дошедший до проволочных заграждений, так как дальше путь ему преградили окопы, откуда он поддерживал нас пулеметным огнем. По цепи мне донесли, что казаки рубят сдающихся в плен австрийцев и я сам увидел, как казак одним взмахом срубил кисти обеих рук сдававшегося австрийца. Сдавались в первую очередь чехословаки и русины со словами: «пан я до горы стрелял» то есть вверх, в воздух. Я тотчас же приказал передать казакам, что если они будут рубить пленных — я открою по ним огонь.

Из моего отупения вывел меня Турчинский сказавший: «а ведь проволока порезана» и мы бросились дальше, перепрыгнув через окоп. Наши стрелки в окопы противника не спуска-

лись, а уцелевшие австрийцы из них не выходили, и бежали по ним и ходам сообщения гуськом — иначе не позволяла ширина рва окопа. Будучи наверху было легче действовать, но зато мы находились под непрерывным пулеметным обстрелом из уцелевших укрытий, в том числе и из уже пройденной нами первой линии окопов и в воздухе стояло непрерывное жужжание и свист пуль. Наши стрелки даже одной пулею сражали сразу двух бегущих в тыл по ходам сообщения, австрийцев, или, взяв винтовку за штык, били бегущих по головам, заваливая окопы и хода трупам и ранеными. Если укрывшиеся в землянке или убежище австрийцы не сдавались — одна граната, брошенная гранадером, выводила всех из строя. Сразу же за первой линией окопов противника тянулись во всех направлениях провода связи и я отдал приказ их резать и рвать. Попробовав перерезать провод перочинным ножом, я только сильно порезал себе палец.

По цепи мне донесли, что убит прапорщик Тряпицын и, посмотрев в сторону второй полуроты, которой он командовал, я увидел его лежащим в неестественной позе и стрелка, пытающегося его поднять. Я приказал фельдфебелю Басеву принять вторую полуроту и не задерживаясь продолжал двигаться вперед, тут мы уже шли шагом. Турчинский и связные Гаолкин и Захаров все время были около меня. Вдруг вижу своего денщика Горлеева, принесшего мне положенный завтрак — пирожки и железную коробку с папиросами — штук 150. Я ему и говорю: « Гриша, большое тебе спасибо, но разве сейчас до завтрака? папирос у меня полный портсигар, курить тоже некогда. Поэтому пирожки скушай сам, папиросы раздай стрелкам, а главное поскорее убирайся отсюда, ведь ты такой большой, что тебя легко ранят или убьют, а я не хочу отвечать перед твоей женой и детьми ». Гриша благополучно вернулся в тыл. Навстречу мне попадает прапорщик Хаскин на бегу хватающийся рукой за голеня ноги, увидев меня перед собою, он остановился в наелой позе, держась рукой за ногу, и говорит: « я ранен »; « Покажи » смотрим оба и видим, что попавшая на излете пуля торчит из голенища сапога и крови почти нет. Хаскин, носивший пенсне, сам вытаскивает пулю и говорит мне: « знаешь, когда пуля попала мне в ногу, я просто ошалел, спасибо, что ты привел меня в сознание, побегу догонять пулеметную команду » и умчался, так и не перевязав свою ранку. Порыв наступления был настолько велик, что первые две линии окопов мы взяли « с маху ». Назад я не оглядывался, вполне уверенный что тыл обеспечен наступающими за мною еще двумя ротами и резервным полком, Турчинский же вдруг обратил мое внимание, что на нас идет цепь австрийцев из остав-

шегося гарнизона их 1-й и 2-й линий и спросил « что будем делать? ». Решать надо было быстро и я сказал Турчинскому, чтобы он ничего не говорил солдатам, ибо может подняться паника и наступление будет сорвано, за нами еще идут роты, а нам нужно двигаться вперед. Действительно, идущие за нами резервные роты, в свою очередь наступающие в тыл австрийцами, ликвидировали опасность, рассеяв и взяв в плен эту австрийскую цепь ». Попался мне навстречу один стрелок из числа моих бывших солдат в запасном батальоне — идет и несет на голове тюк новых австрийских одеял, а из раны на груди течет кровь, и спрашивает меня: « Ваше благородие, не нужно ли Вам одеяло? », я говорю: « спасибо, голубчик, иди-ка скорее на перевязочный пункт ». Конечно, австрийцы в известной степени подготовились к нашему наступлению, так, между окопами, на каждом удобном огневом рубеже, были разложены открытые цинки с патронами, и даже целые ящики. Нам вооруженным русскими винтовками, это было безразлично, но для соседней 101-й пехотной див. вооруженной австрийскими винтовками — это было на руку, так как не требовалась подноскок патронов. Пока мы были « на ходу », мы не вели ружейного огня и стрелки больше работали штыком и прикладом. За второй линией — мы шли уже быстрым шагом — шагах в 200 впереди мы увидели двухорудийную австрийскую батарею, стоявшую на открытой позиции и совершенно без пехотного прикрытия, ее прислуга — человек шесть — открыла по нас беглый огонь « на картечь ». В то же время к батарее подскочила упряжка прекрасных серых лошадей, чтобы взять батарею на передки и вывезти. Увидев такую заманчивую цель, взятие которой обещивало мне награждение офицерским Георгиевским крестом т. е. высшей боевой наградой, и боясь ее выпустить, я кричал « стрелять по лошадям », после чего крикнул « ура » и бросился во главе стрелков в атаку. Нас было так много, что мы бежали настоящей кучей, а австрийцев было не больше десятка и они проявили удивительное героизм, стреляя в нас картечью до последнего момента. Шрапнельные пули неслись и жужжали вокруг меня, как рой пчел, рядом падали сраженные люди, а я думал — как это получается, что находясь в центре веера рассеивания меня не задевает ни одна пуля. Не успели австрийцы взять орудия на передки, как мы надели на них, и дело было кончено в два счета-защитники переколоты. Одно из ездовых сорвали за руку с передка и пока он падал, на лету, прикладом разозжили ему голову — она лопнула, как спелый арбуз. Тотчас-же я мелом написал на стволах орудий « 6-я рота 5-го стрелкового полка » и поставил часовых для охраны и закрепления таким

образом взятых трофеев, после чего продолжал движение вперед не останавливаясь и впереди было видно ржаное поле, рожь на котором было по колено. Первая укрепленная и считавшаяся австрийцами неприступной полоса была преодолена и впереди был оперативный простор. Я считал, что надо двигаться вперед, пока не встречается скольконибудь серьезное сопротивление и стрелки упоены победой и сами рвутся вперед. Сосед же мой, прапорщик, командир роты 6-го стрелкового полка, решил строго выполнить приказ и приказал своей роте залечь и размахивал красным флагом, подавая сигнал к остановке. Я подбежал к нему и закричал: « что вы делаете, надо идти вперед », но он, сказав мне, что имеет приказ остановиться за третьей линией окопов, продолжал размахивать флагом и был ранен в руку. Меня разобрала такая злость, что я ему грубо сказал: « Так тебе и надо, домахался! » и отошел к своей роте. Но этот прапорщик выполнил свое дело и мои стрелки, по примеру соседей тоже залегли. Вот тут и сказались результаты атаки « волнами », мало того, что роты перемешались, — люди и цепи лежали вплотную друг к другу, несмотря на значительные потери, понесенные при штурме первой линии и рукопашных схватках в последующих — так много было скучено людей на малом пространстве. Позиция была неудобной и лежавшим не было видно впередилежащей местности, а, следовательно, не было и обстрела. Я не видел ни одного офицера, по-видимому, оставался один почти на целый батальон. Я прилегло, но не видя ничего впереди, вынужден был встать (впереди проходил небольшой гребень, мешавший видимости, даже на 15-20 шагов) и увидел как из лежащего впереди нас ржаного поля выходит цепь австрийцев, делающая перебежки, как на учении, и люди обстреливают нас, стреляя « с колена ». Противник был очень близко, можно было различать лица солдат. Приказываю открывать огонь, кричу, без команды: « стреляйте же, черт возьми! », но как стрелять когда противника не видно из-за ничтожного гребня! Австрийцы приближаются и я жду, что вот-вот мы сойдемся « на штыки ». Схватив у одного стрелка винтовку, я быстро стал « с колена » и стал делиться в находящегося напротив меня австрийца, он был очень близко, менее сотни шагов, и вопрос решали секунды, кто первый выстрелит. Я выстрелил первый и австриец, выпустив из рук винтовку, ткнулся лицом в землю. Я встал опять, отдал винтовку стрелку, вынул из кобуры наган и стал стрелять в находившихся шагах в 50-70 австрийцев. Сделав два промаха, я почувствовал, что меня охватило какое-то полное безразличие, вспомнил как Портос из «Трех мушкетеров» всегда, когда ему угрожала смерть, испытывал слабость в ногах и

машинально стал вкладывать револьвер в кобуру, склонив для этого голову на право. В этот же момент я почувствовал страшный удар в голову, ослепительно белый свет в глазах, почувствовал, что меня перевернуло вокруг оси на 180 градусов и что я падаю на колени, и слышу крик стрелков: « ротный убит! » вижу, что стрелки один за другим вскакивают на ноги и бегут. Бегут, после такого успеха! Я закричал: « Куда? стойте! Я ранен! » не тут то было! Оставшись без офицера, люди убежали и скрылись в окопах противника. Потом мне говорили, что в этот момент командир полка полковник Ильяшенко, наблюдавший из первой линии наших окопов за ходом боя, схватился за голову и застонал от отчаяния. Захаров и Гаголкин кинулись ко мне с перевязочным пакетом, я стою на коленях, чувствую, что у меня по правой щеке, что-то течет, провожду рукой и смотрю — не кровь, а похожее на сырой яичный белок. Спрашиваю — « глаз цел? » « Никак нет ». Повязку мне как следует и не успели наложить — австрийцы встали и пошли в атаку, Гаголкин торопит: « скорее, скорее ». Не помню, как я очутился сидящим на лафете недавно взятой ротой пушки и Гаголкин с Захаровым пытаются закончить перевязку. Слетевшую с меня фуражку они заблужливо подняли и надели мне на голову. Времени нет, едва наложив на голову и рану подушечки бинта и обмотав их раз два бинтом, пришлось вставать и идти в тыл, конец бинта волочится по земле, сил идти нет, обнимаю за шею Гаголкина и Захарова и так плетемся с возможной скоростью, австрийцы бегут за нами, стреляют, каждую минуту я жду, что мне вот вот всадят штык в спину. Шедший справа Захаров падает сраженный насмерть пулей, я нагибаюсь, поднимая валяющуюся австрийскую винтовку без штыка, беру ее прикладом под мышку и пользуюсь ей, как костылем. Пуля срывает с меня фуражку, вдоль головы жгучий ожог от контузии. Гаголкин поднимает простреленную фуражку и надевает на меня. Почему австрийцы остановились и нас не взяли в плен — для меня до сих пор неизвестно. Я временами терл сознание и очулся уже лежа в прошлогодней меже, глубиной 15-20 сантиметров, подо мной растелена шинель, Гаголкин снял с меня и раскатал скатку, и сам лежит у меня в ногах. Мне хочется согнуть колени, но Гаголкин не дает — мы на ничейной земле, жесточенная перестрелка, с обеих сторон висят очереди пулеметных пуль, рвутся снаряды, и Гаголкин наваливается мне на ноги. Печет солнце, я закрываю лицо фуражкой, хочется пить, чувствую, как течет кровь по лицу и шее, что подомною уже сыро от крови. Потом я увидел, что моя гимнастерка черна от крови, шинель промокла и подо мною кровавая грязь. Свою про-

стреленную фуражку, залитую кровью я носил до 1925 года и храню, как реликвию до сих пор Гимнастерку отстирали в госпитале, с шинели кровь отчистили, но на ней осталось огромное, как сальное, пятно. Сколько прошло времени я определить не мог, часто терял сознание и, вероятно, наступил перелом в ходе боя, при том, не в нашу пользу. Огонь значительно ослаб. Гаголкин поднялся и стал кричать: «Санитер!» Я ему говорю «что ты делаешь, зовешь австрийцев, нас ведь возьмут в плен», а он говорит: «мы итак на земле австрийцев, вас надо скорей в лазарет, а то вы умрете». Гаголкин время от времени опять зовет санитаров. Долгое время никто не появляется, вдруг слышу над собой чужие голоса, снимаю с лица фуражку и вижу у себя в ногах австрийца, приложившегося для стрельбы, вижу, как он ведет стволом винтовку, и думаю: «Ну, конец, хорошо если убьет наповал, а если ранит — опять мучение!» Все же я прошу пить, говоря «Остеррайх, тринкен, вассер» — ноль внимания, ствол же винтовки медленно поднимается от моих ног к голове. Я говорю: «Доннерветтер, ихь бин кайн швайн, ихь бин руссише офицер». Раздается ответ: «А, офицера» и обращение со мною меняется, у Гаголкина отбирают винтовку, двое санитаров делают из рук кресло, я обнимаю их за шеи и меня несут в офицерскую землянку, Гаголкин остается стоять в дверях меня сажают на кровать. Землянка большая, с деревянным полом и окнами. Сейчас же австрийские офицеры обыскивают меня, вынимая все из карманов, берут из кобуры револьвер, снимают с меня поясной ремень, училишный значок и кокарду с фуражки — это все трофеи со взятого в плен офицера, — остальное — портсигар, перочинный нож, портмоне, фотокарточку Маруси возвращают мне и приказывают фельдшеру сделать мне настоящую перевязку, тот приступает к делу, говоря со мною на чисто русском языке и я спросил его, где он так хорошо научился говорить по-русски, он ответил, что долго жил в России, а мне страшно — вдруг идиом выжжет и другой глаз. В это же время два австрийских офицера начали меня опрашивать, ведя разговор по-французски: какого я полка и т. д., я, по-французски-же ответил, что я, как офицер отвечать не имею права и тем разглашать военные тайны, что я прекрасно понимаю по-французски, но я тяжело ранен и разговаривать с ними не могу, так как язык мой меня не слушается. На этом разговор закончился. Закончил и перевязку фельдшер, утешая меня, что меня повезут в Вену, там мне вставят искусственный глаз, ничего не будет заметно и «вы будете еще ухаживать за красивыми венскими дамами и иметь у них успех». Но, еще тогда я прекрасно понял, что дело будет об-

стоять совершенно по другому, «красота моя» пропала навсегда и, хотя изуродованное раной лицо и говорит о героизме, что ли, но в жизни я уже не полноценен в глазах женщин и вряд ли какая решится выходить замуж за инвалида (невесты были тогда очень разборчивы, а их мамы и тем более). С тех пор я все время чувствовал, что я, идя все время вперед и по освещенному солнцем пути, вдруг уперся в непреодолимую каменную стену и остановился перед ней — пути дальше нет! То, что я остался жив после такого тяжелого ранения с повреждением мозга, было некоторым утешением — ведь бывает и хуже — убивают, но не меняю положение вещей.

Меня отнесли, а может быть и я сам дошел, при помощи того же Гаголкина — не помню, в другую землянку, более плохую, и положили на кровать. Прямо передо мною было маленькое оконце, а в землянке, на другой кровати лежал раненый австрийский лейтенант и сидели, безжалостно дымя трубками, санитары. Гаголкин поставил свою винтовку у меня в ногах, снял скатку, положил ее на пол и сел на нее. Австрийцы угощали меня сигаретами с опиумом, чтобы облегчить боль, но курить я не смог, тогда мне предложили шоколадную конфекту с лекарственной начинкой, которую я съел и почувствовал некоторое облегчение. Особых болей я не испытывал, слышал и понимал все, мог и сам разговаривать, но был очень слаб от большой потери крови и часто терял сознание. Дверь землянки выходила в ход сообщения и мы, вероятно, находились в 3-й или 4-й линии окопов. Пришел тот же фельдшер и сказал мне, что скоро за мною придут санитары и тут же извинился, что, в первую очередь он отправит лейтенанта, как своего офицера, которому он обязан сделать предпочтение, а после него отправит меня. Этот лейтенант все время лежал молча. Как я уже сказал, боли я не чувствовал и находился все время в каком-то тумане, все видя и слыша и потеряв всякое представление о времени. Лежу и вижу, что пришли два санитары с носилками и поставили их на дно хода сообщения. Ну, думаю, пришли за лейтенантом и вдруг слышу могучее русское «ура», вижу, как в дверях мелькнули пятки убегающих санитаров и слышу, что бывшие в землянке австрийцы наперебой говорят: «пан офицер, выйди и скажи чтоб не бросали к нам в землянку гранат» — я им отвечаю, что я не могу, австрийцы продолжают свое, тогда я говорю Гаголкину: «Выйди и скажи». Гаголкин встает, а я, взглянув в окно, вижу, что на верху у входа в землянку стоит наш стрелок и уже замахнулся гранатой. Австрийцы завопили! а я говорю Гаголкину: «Связь, собирайся!». Гаголкин надевает свою скатку, берет винтовку и мою шинель и мы выходим из зем-

лянки. Стрелок спрашивает: « Ваше благородие, как вы здесь? » Я говорю, что был ранен и попал в плен. Прошу пить — стрелок отвечает: « воды нет — есть ром ». « Ну, давай ром » Попробовал — не идет. Я уже говорил о плохих по качеству русских флагах из бутылочного стекла (правда на фронте почти у всех были алюминийевые), поэтому наши стрелки всегда старались захватить в бою австрийскую флагу-эмалированную и в суконом чехле, кроме того вместе с флагой доставался и бывший в ней ром, который выдавался австрийцам перед боями. Кругом были уже наши. Это была атака резервов — 16 финляндского стрелкового полка, приданного нашему корпусу. Посмотрев на стрелков, я увидел, что многие из них увешаны австрийскими флагами, даже по две-три штуки. Я приказываю стрелкам ни в коем случае в землянку гранат не бросать, так как сидящие там австрийцы ко мне очень хорошо относились, что они чехи — наши братья славные и сдаются в плен, после чего мы с Гаголкиным отправились в тыл, в свой полк. Путь был не легкий. Санитаров нигде не было видно, бой продолжается, пули летают по всем направлениям. Гаголкин предлагает идти по ходу сообщения, пошли, но бой был настоящим побоищем, и ходы сообщения были завалены трупами австрийцев и идти было неприятно, вдобавок, когда я наступил на один труп-покойник открыл рот. Говорю Гаголкину: « я не могу ходить по убитым, давай вылезем на верх ». Гаголкин говорит, что это опасно, « ишь какая стрельба », но я настоял. Идем. вернее Гаголкин ведет меня « по верху » временами я останавливаюсь, чтобы передохнуть, и ложусь, чувствую себя все хуже и хуже, мне уже становится все равно и я кладу свою голову на убитого австрийца, как на подушку. Замечаю, что на поле боя валяются и пулеметы и бомбометы, не говорю уже об винтовках, которые никто не подобрал, и все это трофеи моей роты. Сейчас мне не до них. Очень запомнился мне убитый стрелок моей роты, его по фамилии никто не называл, а называли « Вольнец » как уроженца Вольнской губернии. Красивый, смуглый парень, он был ранен в руку и прилег, чтобы перевязаться, открыл перевязочный пакет и успел наложить на рану подушечки, бинт лежал рядом, и был добит австрийцами. исколовшими его штыками, что было видно по многочисленным следам на гимнастерке и брюках, а разрывы одежды « углом » говорили за то, что его кололи с « поворотом. Он лежал на левом боку, красивые, карие глаза были открыты и еще не потускнели, взгляд выражал не страх и муку, а был взглядом обиженного ребенка, вот готового заплакать от обиды. « Вот, — говорю Гоголкину, — и не верь, что раненых добивают ». Во время рукопашной схватки

я сам видел как в двух-трех шагах от меня давались в плен австрийские солдаты — одной рукой они отдавали свою винтовку, а другой всаживали штык-нож в грудь нашего стрелка. Таких « пленников » уничтожали на месте. Наконец Гаголкин увидел двух санитаров и позвал их, подойдя к нам, они были Финляндского стрелкового полка, и узнав, что я не их полка, категорически отказались нести меня в тыл, заявив, что у них и своих раненых много, наступают сумерки и надо к ночи, пока не стемнело всех вынести. Один с носилок палкой убежал, другого же с палкой и полотнищем, Гаголкин задержал, угрожая его застрелить. После такого « приглашения » санитар стал покладистей и остался. Вот с этого момента для меня и начались настоящие мучения. Стал вопрос, как нести, имея только одну палку? Решили положить меня на полотнище, завязать его узлом, просунуть под узел палку и нести на плечах. В этом узле я лежал скорчившись, головой бился о колени несущего и ежесекундно терял сознание. А что стоило переправляться через окопы и ходы сообщения, а тем более через места уцелевшие проволочные заграждения! Один носильщик слезет на дно окопа и узел скользит вниз по палке, я ударюсь о стенки и теряю сознание, то же и при выходе из окопов, а перелазя через проволочку мы все искололись. На счастье навстречу попались санитары моей роты — два брата башкиры Богоутдиновы, они очень обрадовались, что нашли меня — в штабе полка меня уже считали пропавшим без вести, уложили на носилки, а они были настоящими и с головником, и, чуть ли не бегом, понесли меня в тыл. Я потерял сознание и очень надолго, что меня сочли умершим от раны. Очнулся я уже совсем на закате солнца и от того, что кто-то ударил меня в затылок. Вижу, что я лежу на склоне небольшой лоцины между нашими и австрийским окопами, слева от меня длинная шеренга убитых наших стрелков, лежащих вплотную, а я, так сказать, правосторонний этой шеренги мертвецов, впереди слева огромная яма — братская могила, в которой уже лежит несколько рядов, один поперек другого, убитых. Значит, раз я фланговый, и моя очередь ложиться в могилу и меня уже хотели уложить в могилу — к ногам и голове подошли стрелки похоронной команды, и тот, который должен был вязать меня за плечи, нечаянно ударил носком сапога в затылок, что и привело меня в сознание. Последовало соответствующее « извинение ». Как я попал в Ольку и очутился в штабе, в Радзивилловском замке не помню, пришел в себя когда было совсем темно, я сидел на стуле возле стола, на нем горела 10-ти линейная керосиновая лампа и полковой врач Еськов делает мне перевязку и пишет свидетельство о

ранении (сохранилось до сих пор). Командир командантского взвода прапорщик Мальятович повел меня к себе в комнату. Помню, что шли по длинному корридору, выщощенному каменными плитами, поднялись на второй этаж и в маленькой комнате с двумя кроватями и столом Мальятович угостил меня чаем и я выпил стакан, рассказал, что меня считали пропавшим без вести, бой окончился полной победой, наши идут вперед, на Луцк и помог мне снять гимнастерку и лечь на кровать. Я поинтересовался судьбой взятых мною двух пушек — Мальятович ответил, что пушки взял командир 3-й роты прапорщик Барабаншиков. Так лопнул мой Георгиевский крест. Барабаншиков шел с ротой за мной и, как более опытный, просто вероятно прогнал моих часовых стер мои надписи, доказывать же, что пушки взяла моя рота — было некому, сам я был в таком состоянии, что мне это и не шло на ум. Мальятович сказал мне, что потери были очень большие — моя рота около 200 человек, что 5-й и 6-й ротами командует Массакровский, что среди убитых штабс-капитан Жадзилко, прапорщики Роскренсенский, Тряпичин и другие, Жадзилко был кадровым офицером, начальником учебной команды, но имел такие слабые нервы, что не переносил боя, и поэтому занимал тыловую должность. Поэтому же он не имел боевых наград и не произвождался в чин капитана. Все это было ему очень стыдно и он решил принять участие в бою, кончившемся для него смертью.

Спал ли я или был без сознания, тоже не помню, но утром я очнулся сам и за мною пришли санитары для отправки меня в дивизионный лазарет. Меня вынесли на носилках во двор замка, где уже стояла наготове санитарная двуколка, крытая брезентовым верхом и вмещавшая двое носилок с ранеными. Одни носилки с лежавшим на них человеком уже стояли в двуколке. Я спросил: «кого везете рядом со мной?» Мне ответили, что раненого австрийского лейтенанта, я повернул голову и увидел... того самого лейтенанта, с которым лежал, будучи в плену. Я говорю «ведь он меня удудит», а санитар отвечает «не беспокойтесь, он без сознания, у него оторваны ноги. Тут мне стало ясно, что стрелки не выполнили моей просьбы — приказания и бросили в землянку гранату. Двуколка — экипаж довольно тряский, к тому же мы лежали вперед ногами и головы приходились на самом тряском месте. и, как только тронулись, меня укачало и я надолго потерял сознание.

Привезли меня в дивизионный полевой лазарет. Это были огромные специальные палатки. За неимением мест меня положили на походную кровать в столовой лазарета — тоже большой палатке, что было — завтрак или обед — я не знаю, но столовая была полна ходячими

ранеными офицерами, стоял казавшийся мне невероятным, шум от разговоров, так все возбужденные боем и ранением оживленно разговаривали, а я отчаянно мерз и тщето зывал к сестрам милосердия, возможно, что и голоса у меня не было, чтобы меня потеплее укрыли. Закутанный в несколько одеял я по-прежнему мерз и постоянно терял сознание. На утро были поданы крестьянские телеги для доставки нас на станцию Клевань и погрузки в санитарный поезд. Телеги были очень узкие, застланы соломой и клали на каждую по два человека, лежать приходилось полуобком, наваливаясь все время на соседа. Об этом «пути» только и помню, как нас укладывали и тронулись, кто лежал рядом не знаю — он молчал, как и я. Очнулся я только в вагоне санитарного поезда, койки которого были все заняты, мне досталось боковое место внизу — вагон был обычный, не переоборудованный. На площадках вагона стояли легко раненные офицеры и весело болтали с сестрами. Приехали в Бердичев и мне захотелось, хоть в окно взглянуть на «Еврейскую столицу», как в шутку называли Бердичев. В те времена был закон, разрешавший проживание евреев только в западных губерниях России, и существовала так называемая «Черта оседлости», проживание за которой евреям разрешалось в особых случаях и были установлены определенные сроки пребывания за ней при поездках. Я сел, но ничего не видел, даже прижавшись носом к стеклу — начинали сказываться последствия ранения и зрение на левый глаз отказывало. Одновременно я заметил, что лицо мое опухло, но более я по-прежнему не ощущал. Не помню, как доехали до Киева, так как после Бердичева я все время пролежал без сознания. Очнулся я на перроне станции Киев 2-й товарный и увидел, что я лежу на носилках, на перроне возле меня стоят несколько военных врачей и, один из них, в шинели мирного времени (серого драпа), поставив ногу на носилки, покачивает ногой и трясет носилки. Слышу разговор идет обо мне «Этот не доедет, умерт», а я отвечаю «нет, не умру, везите меня в Оренбург». Врач говорит, что это очень далеко, я прошусь в Курск (там жили все родные) — тоже говорят, что невynesу дороги, ну «крыть нечем» и я смирился. Положили меня в бывший тут же на станции лазарет служащих Юго-западных железных дорог, в котором находились исключительно тяжело раненные и, преимущественно, головные которых дальше везти было нельзя, был первым раненым прибывшим с фронта. Первым делом меня отправили принять ванну и обрить голову для предстоящей операции. Я с удовольствием мылся, вернее мыл меня санитар, которого я попросил отмотать бинты, так как они присохли и отрывать их было очень больно. Когда-же са-

нитар принялся за бритье головы, я не терял сознание от боли когда бритва проходила возле раны и по месту контузии второй пулей. После этих процедур я очнулся уже на операционном столе — мне надели маску с хлороформом и предложили считать. Я скоро уснул и во время операции, как мне потом врачи ска-зали, пел окопную песню «Хорошо тебе на воле». После операции — трепанации черепа, удаления остатков глаза и извлечения из мозга осколков кости, меня положили в углу офицер-ской палаты, да еще загородили ширмой. Кроме меня в палате лежало несколько человек после операций аппендицита, грыжи и все они были накануне выписки. Очнулся я от нестер-пимой боли, кричал и визжал как поросенок, левым глазом я почти ничего не видел, да он еще и был забинтован к тому же. В минуту просветления я видел вокруг себя стены, мне казалось, что я лежу в братской могиле ия упорно кричал, что я живой. Ширму убрали, я понял где нахожусь и уже на третий день сидел, поджав ноги и раскачиваясь от боли из стороны в сторону. Весь обслуживающий пер-сонал был из служащих железной дороги, а почти все сестры милосердия — их жены. За мной ухаживала сестра Мария Георгиевна, ин-тересная дама лет под 30, фамилию ее забыл. Когда я немного пришел в себя, она подарила мне прекрасную розу, которую я заткнул, за неимением другого места, за свою чалмообраз-ную повязку и, осмеиваясь, сравнил себя с туземким султаном. Мне пришла прихоть, что-бы за мной ухаживали и я попросил остричь мне ногти на руках и ногах, затем я попросил дать телеграмму отцу о том, что я ранен и ле-жу в Киеве, попросил написать открытки о том же Саникидзе и Слизскому, а так же в полк командир 5 роты Масааковскому с про-сьбой представить младшего унтер офицер 6-й роты Гаголкина к Георгиевскому кресту за вынос своего раненого офицера — меня — из боя. Такой пункт был предусмотрен статутом ордена. Кушать давали мне в постель и, надо сказать, при моем аппетите мне не хватало по-

даваемых кушаний. Челюсти у меня были све-дены и между зуба — даже печенье проходило с большим трудом. Когда же Мария Георгиевна усторила меня яблоком, то съел я его, отрывая о нижние зубы, по маленьким кусочкам. Опе-рацию мне делал врач-железнодорожник из-вестный не только у себя в Киеве — Пивовон-ский. В один из дней вдруг слышу знакомый голос, правда слабеньки «Жоржик». Спраши-ваю «кто меня зовет?» Слышу «Это я, Па-вло». Оказалось, что это прапорщик Павленко, тоже раненый 23 мая. Я ему сказал, что завтра подойду к нему, так как мне разрешают поне-много вставать. На другой день я подсел к Па-вленко на кровать. Он был ранен в живот на вылет, чувствовал себя не плохо и, смеясь по-казывал, что его раны просто заклеены кру-жочками марли и залиты коллодиумом. Пав-ленко пробыл в лазарете несколько дней и был переведен в другой лазарет-ранение его было не столь тяжелое. Скоро все койки в палате были заняты ранеными. Я начинал уже ходить и перебрался на кровать рядом с Павленко. В ногах у моей кровати лежал прапорщик Фе-нога, раненный в темя с повреждением мозжеч-ка, ноги у него отянулись, но держался он хоро-шо, разговаривал, курил, но руки его тоже пло-хо повиновались и папироску он тыкал, то в подбородок, то в нос. Я оказывал ему мелкие услуги — вроде подачи воды, папиросы, при-еде. Фенога даже был весел до последнего дня. Была вызвана его мать для присутствия при последних днях сына. Им была отведена комна-та, в которой мать и прожила до смерти сына. Феноге становилось все хуже и хуже, он исху-дал и, накануне смерти, был положен в палату для умирающих. Ежедневно и по несколько раз я навещал Феногу пока он был еще в сознаний и, в последний раз, когда он скончался, обле-пленный тучей мух, с которыми никто не бо-ролся и не отгонял. а ведь в лазарете была неве-роятная чистота!

К.Р.Т.

(Продолжение следует)

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом году, наш журнал постигло два несчастья: Сначала, как вы уже знаете из № 126, заболел наш редактор А.А. Геринг, не успел он выйти из больницы и вступить в период медленного выздоровления как заболел и также был отправлен в госпиталь наш друг хозяин и главный производитель работ типографии. Вся работа остановилась и была прервана на неопределенное время. № 125 этого цикла вышел во время, в ноябре месяце, январьский № 126 разослан только в мар-

те № 127 сейчас перед вами, так что можно быть уверенными что, ежели не случится никакого нового непредвиденно-го несчастья, все номера этого цикла выйдут с опозданием но все же до ноября месяца.

— Щедрая поддержка нашими друзьями в прошлом году позволяет нам пока что не подымать подписной цены и на этой мы поддержимся во всяком случае, до конца этого года.

Письма в Редакцию

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

«...Усадьба принадлежала А.Н. Куропаткину, активному организатору и вдохновителю царской колониальной политики на Дальнем Востоке. Будучи главнокомандующим русской армией во время русско-японской войны 1905 года, он потерпел поражение в **Порт-Артуре** и был отстранен от командования. **Через несколько лет** А.Н. Куропаткин вновь выходит на политическую арену и осуществляет захватническую политику русского царизма в **Средней Азии**». (Курсив Редакции).

А. Галашевич — «Торопец и его окрестности» издательств. «Искусство» Москва 1972

ЕЩЕ О БАРАБАНАХ И ТЕСАКАХ

Военная Энциклопедия Леера говорит о них следующее: «Впервые искривленные тесаки появились в конце царствования Императрицы Елизаветы Петровны, в Обсервационном корпусе, и заменили собою бывшие до того у рядовых шпаги, а затем и в артиллерии, в 1759 году. В 1848 году введен Императором Николаем I, в подражание французскому тесаку, точной копией которого и является по наружному виду, за исключением формы самого клинка: у французов он был более изящной работы и расширялся к окончанию, потом резко сужаясь. При Александре II кривые тесаки с дужкой, бывшие на вооружении всех европейских армий, отменены. При Николае I был сначала введен только в артиллерии и инженерных войсках с рукояткой в виде креста, а для пехоты с прямым лезвием и защитной дужкой».

У меня есть оба образца: кривой тесак с гравированной надписью «Златоуст, Сентября 1832 года» и прямой; очень возможно, что он финской или другой иностранной работы, но с клеймом приемщика (двуглавый орел) и годом «1849».

Сообщил Г.И.

Мне бы хотелось чтобы Вы поместили в журнале мою мысль, связанную с Вашими словами «свыше ста экземпляров «ВОЕННОЙ БЫЛИ» рассылаются бесплатно». Считаю что тот кадет (бывший) который сам лишен возможности внести подписную плату, должен быть поддержан своим Объединением; этим будет оказана поддержка журналу. Интерес также было бы узнать насколько увеличилась подписка после прибавления отдела на французском языке?

П. Стефановский

ЕЩЕ «О БАРАБАНАХ И ТЕСАКАХ В РУССКОЙ АРМИИ»

М. фон Рейтлигер ошибается, считая, что «мечеобразный» тесак был впервые введен лишь в царствование Александра II. Тесаки, подобные изображенному на стр. 16 № 121 «Военной Были» (которому, между прочим, следовало бы висеть концом вниз), были впервые введены в Русской Армии в 1834 году, и сперва лишь в пешей артиллерии и саперных частях, от которых они и получили наименование «саперных ножей» (см. «Висковатов», часть 21, рис. 404). Приказом Военного Министра 1848 г. № 148 таковые были даны Гренадерскому Его Императорского Высочества Великому Князю Константину Николаевичу полку, а также и прочим пехотным частям Отдельного Кавказского Корпуса. Вот как передает слова приказа «Висковатов»: § 10 — «Вместо тесака саперный нож ввести на всех строевых нижних чинов без исключения, приделав к ножам онаго гнезда для штыка, по драгунскому образцу. Таковые же ножи дать Фуришату и тем нестроевым нижним чином, кои имеют ныне какое-либо оружие, но без штыковых ножен, ежели по вооружению ружья не положено». («Висковатов», часть 19, рис. 54). Добавим еще, что образец этот (как и большинство прочих образцов холодного оружия царствования Николая I) был заимствован от французской армии, в которой он был введен еще в 1816 году, и сперва также в пешей артиллерии, а затем и в других пехотных частях.

Евгений Молло

В № 123 «Военной Были» на стр. 43-ей помещено письмо Евгения Молло, в котором говорится, что Запорожская Сечь прекратила свое существование в 1775 году и оставшееся в России казачество было сперва поселено между Бугом и Днестром, а в 1788 году они были переселены на Северный Кавказ.

Есть ли сведения, в каком количестве Запорожские казаки были переселены сперва на Буг, а потом на Кавказ? Переселялись ли они с семьями и со всем скарбом? И что за казаки жили до наших дней в Полтавской губернии? Жили они обычно совершенно обособленно в больших селах, отбывали воинскую повинность как крестьяне, но были очень щепетильны к своему сословию «казак» и горячо протестовали, когда по ошибке их называли «крестьянин». Конечно, никогда они не были крепостными.

Петр Рерберг

С удовольствием прочел № 124 журнала и мне особенно понравилась статья К.В. Киселевского о Полевой Конной артиллерии. Позволю себе сделать к ней некоторое дополнение. Автор совершенно не упомянул о Конно-горной артиллерии. Следует упомянуть что 1-й Конно-горный дивизион (две батареи) стоял в Киеве, а с уходом его на постоянную стоянку на Дальний Восток, был сформирован в том же Киеве 2-й Конно-горный дивизион. В Туркестане стояла Отдельная Конно-горная батарея а в 1911 году, в городе Александрополе, был сформирован Кавказский Конно-горный дивизион, вошедший в состав Кавказской кавалерийской дивизии. Таким образом к числу конных батарей, указанных автором, следует прибавить еще 7 конно-горных.

Конной артиллерии полковник Гавликовский

В № 123 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», на стр. 34-й помещен улан Ее Величества в форме 1806 г. Офицер этот — брат моего отца, поручик лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка Андрей Платонович Стефанович, снят 1 июня 1903 года, в день празднования 250-летнего юбилея полка; в этот день были представлены 4 исторические формы полков — поручиком Курдюмовым, поручиком Скуратовым, поручиком Стефановичем 2-м и корнетом фон Крузенштерн.

Платон Стефанович

В Российской армии был полк 163-й пехотный Ленкоранско-Нашебугский. Во времена Екатерины II, он был просто Нашебугским. Что потом он получил прибавление «Ленкоранский», это понятно: за взятие Ленкорани, вероятно. Но откуда взялось его первое название — Нашебугский? Был ли такой город в России?

В.Е. Милоданович

В только что полученном № 119 журнала на стр. 36-й столбец 1 сверху, есть досадная опечатка. «... все форты были вооружены 11-дм (254 мм) орудиями старого типа». Должно быть «10-дм», чему и отвечает калибр 254 мм. Эти орудия были и на береговых батареях. Что касается 11-дм (280 мм), то до 1910 года такого калибра в русско-й артиллерии не было. Во время войны мортира Шнейдера этого калибра появилась в России из-за границы. Ею были вооружены батареи «А» так называемого ТАО НА (Тяжелая артиллерия особого назначения). Одна такая батарея была при дивизии моего отца на Двине. Для похода это «чудище», конечно, разбиралось на зное количество частей. У меня есть серия фотографий этого орудия.

В.Е. Милоданович

В № 121 нашего журнала напечатан «Исторический очерк лейб-гвардии Конной артиллерии» К. Киселевского. На стр. 8-й приведены данные, касающиеся 6-й лейб-гвардии Донской казачьей Его Величества батареи. Разрешите мне привести выписку из «Материалов к истории Донской артиллерии», собранных и изданных войсковым старшиной В.М. Нефедовым и есаулом Е.Е. Ковалевым. Эта выписка дает подробности пожалования батареи серебряными трубами.

«Две серебряные трубы, без надписи, пожалованные в 1829 году одной из конно-артиллерийских рот и переданные лейб-гвардии Донской батарее в 1830 году».

Примечание: при формировании лейб-гвардии Донской Легкой Конно-артиллерийской роты, награды были распределены между гвардейскими и прочими ротами, согласно Высочайшему повелению от 20 ноября 1830 г., следующим образом: Гвардейской роте — серебряные трубы, Роте № 1 — золотые петлицы на мундиры офицеров и серебряные трубы, Ротам № 2 и № 3 — золотые петлицы на мундиры офицеров и знаки отличия на шапки (часть 1-я, стр. 23-я).

М. Бугураев



Ordres et decorations de la guerre civile 1917-1922

(SUITE)

III. RUSSIE DU NORD ET DE L'EST

I. MEDAILLE ET INSIGNE DE L'ARMEE DES VOLONTAIRES DU NORD DU GENERAL MILLER

Le 30 juin 1919 le Gouvernement Provisoire de la Région du Nord publia son ordonnance du 18 Juin 1919 sur la ratification du règlement concernant l'attribution de la médaille « En commémoration de la libération de la région du Nord de l'occupation bolcheviste ».

Règlement

Copie

concernant la médaille « En commémoration de la libération de la région du Nord de l'occupation bolcheviste ».

I. En commémoration de la libération de la région du Nord de l'occupation bolcheviste il est institué une médaille en métal blanc portée sur la poitrine, suspendue à un ruban blanc et bleu-ciel. Le côté face de la médaille représente une image de soldats, en position de combat, de la jeune armée des volontaires russes et des armées alliées qui la secouraient. L'envers porte l'inscription, surmontée d'un aigle bicéphale : « Médaille en commémoration de la libération de la région du Nord de

l'occupation bolcheviste » ; en-dessous de l'inscription — l'image des soldats représentés sur le côté face. Cette médaille se portera conformément aux règles établies dans les administrations militaires, navales et civiles.

II. Le droit de port de cette médaille est réservé :

- a) A tous les militaires des unités, états-majors et institutions formant les effectifs des armées russe et alliées de la région du Nord.
- b) A tous les membres des détachements de partisans et de volontaires ayant combattu contre les bolchevistes.
- c) A tous les civils et les membres du clergé en service après le 2 Août 1918 dans les administrations civiles de la région du Nord.
- d) A toutes les personnes ayant pris une part active à la lutte contre le bolchevisme dans la région du Nord.
- e) A tous les membres de la Milice Populaire de la région du Nord.
- f) Aux pères et aux fils aînés des combattants faisant partie des unités et des détachements de la région du Nord et tombés dans la lutte contre les bolchevistes.

III. L'examen de l'attribution de la médaille « en commémoration de la libération de la région du Nord de l'occupation bolcheviste » est confié : pour les militaires — au commandant des armées de la région du Nord, pour les civils et les membres du clergé — au gouverneur général de la région du Nord.

IV. Les personnes ayant droit au port de la médaille sus-indiquée doivent s'adresser aux autorités nommées ci-dessus : les militaires et fonctionnaires par l'intermédiaire de leurs chefs, toutes les autres personnes directement en présentant les preuves à l'appui pour l'attribution de cette médaille.

V. Le droit au port de la médaille doit être certifié, selon la formule établie, par une attestation délivrée sous la signature des autorités indiquées plus haut.

VI. Les personnes auxquelles le droit de port de la médaille sera reconnu recevront celle-ci, après le règlement de son coût, au profit du Trésor de la région du Nord. Les soldats et les partisans recevront la médaille gracieusement.

VII. Les médailles seront adressées aux personnes y ayant droit par l'état-major des Armées Russes de la région du Nord et par le bureau civil du gouverneur général.

Signé par :

Le vice-président du Gouvernement
Provisoire de la région du Nord

Zoubov

Le chef du Service Administratif
du Gouvernement Provisoire

Maïmistrov

à Arkhangelsk.

Description de la Médaille

Médaille en métal blanc d'un diamètre de 30 mm. Le côté face représente une Victoire sous l'aspect d'une femme ailée levant de la main droite un glaive et de la gauche tenant un bouclier. A sa gauche — un soldat russe chargeant son arme ; autour de lui — des soldats des armées alliées : un Français, un Anglais, un Américain, un Italien et un Serbe, tirant au fusil, un genou à terre.

A l'envers de la médaille : tout en haut, un aigle bicéphale sans couronne, les ailes déployées, tenant dans ses griffes une couronne d'épines et un glaive ; représenté sur sa poitrine — un bouclier avec, au centre, l'image de St. Georges. Tout en bas — de buste, les soldats alliés entourant le soldat russe ; à droite, l'anglais et l'américain ; à gauche, le français, l'italien et le serbe. Au centre de médaille, sous l'aigle, l'inscription sur quatre lignes : « médaille en commémoration de la libération de la région du Nord de l'occupation bolcheviste ». A droite, sur la tranche de la médaille, le nom du graveur : « F. Kovalesvskaïa ».

Le ruban est formé de deux bandes égales blanches et bleu-ciel.

Devenus émigrés, les anciens membres de l'Armée des Volontaires du Nord fondèrent l'« Association du Nord » sous la présidence de leur ancien

commandant, le général Miller (*), lequel institua en 1920 à Paris pour les membres de cette association un insigne commémoratif. Il est malheureusement impossible de préciser la date exacte de son institution, le nom du fabricant qui l'avait exécuté et le nombre de ses reproductions ; il a été également impossible de retrouver un dessin de cet insigne.

Description de l'Insigne

L'insigne représente une croix de St. André en argent, recouverte d'émail blanc, avec un étroit liseré bleu-ciel sur tout le bord. Sur le côté supérieur gauche de la croix l'inscription « Arkhangelsk », sur le côté supérieur droit : « Mourmansk » ; sur le côté inférieur gauche : « 1 Août 1918 », sur le côté inférieur droit : « 19 Février 1920 ».

Au centre de la croix : un aigle bicéphale en argent, surmonté de trois couronnes en argent également.

Dimension de l'insigne : 29 mm sur 14 mm.

L'insigne se portait sur vis à la boutonnière du costume civil. Etant donné la perte de toutes les archives de l'« Association du Nord », il n'y a pas lieu de compter sur des détails plus complets.

BREVE HISTOIRE DE L'ARMÉE DU NORD

Le littoral du nord attirait beaucoup l'attention des Anglais ; ils redoutaient surtout la présence éventuelle des troupes allemandes et la formation avec leur concours en Finlande de « la Garde Blanche » du général Mannerheim. C'est pourquoi, le 27 Juin 1919, ils débarquèrent à Mourmansk environ 2.000 hommes d'infanterie, tout en augmentant en même temps le nombre de leurs navires de guerre dans les eaux territoriales russes de la Mer Blanche.

Dans le courant de Juillet, le général Pull réussit à occuper toute la région de Mourmansk sur une profondeur de 600 km de la côte ; néanmoins, les Anglais ne prirent pas la direction du sud-ouest vers la Finlande, mais celle du sud-est en direction d'Onega et d'Arkhangelsk préparant ainsi l'occupation des côtes méridionales de la Mer Blanche. Le 2 Août un débarquement fut opéré à Arkhangelsk.

Dès le débarquement anglais, une « Administration Suprême de la Région du Nord », de tendance socialiste, fut formée ; elle ne dura qu'un mois, puisque le 6 Septembre le Commandant des For-

(*) Enlevé en plein Paris avant la 2^{me} Guerre Mondiale et massacré en URSS.

ces Armées Russes sur le littoral de la Mer Blanche, le capitaine de frégate Tchaplina mit ce gouvernement en état d'arrestation et incarcéra ses membres dans les îles de Solovetzk. Libéré au bout de trois jours, ce gouvernement fut remplacé par le « Gouvernement Provisoire de la Région du Nord », de tendance non socialiste, mais avec le même socialiste Tchaïkovski à sa tête. Quant au commandement des Forces Armées Russes, il passa le 14 Septembre au colonel de l'Etat-Major Dourov et fut retiré au capitaine de frégate Tchaplina. En fait, le pouvoir était concentré dans les mains du général anglais Ironside qui avait remplacé le général Pull.

Les forces des interventionnistes représentaient vers la fin de 1918 23.000 hommes, dont 13.000 à Arkhangelsk et 10.000 à Mourmansk. Ce nombre comprenait 13.000 anglais, 5.200 américains, 2.300 français, 1.200 serbes et 1.200 italiens.

Les forces russes se trouvaient encore à l'état embryonnaire et ne dépassaient pas 7.000 hommes (3.000 à Mourmansk et 4.000 à Arkhangelsk). Ces Forces Armées Russes comprenaient des éléments douteux qui n'acceptaient que d'une manière conventionnelle les principes de la discipline et des règlements militaires.

Le 19 Novembre le commandement de l'armée fut confié au général Marouchevsky, le dernier Chef de l'Etat-Major Général du Gouvernement Provisoire à Pétrograd en 1917. Il exigeait aussitôt du gouvernement le rétablissement de la discipline militaire, des épaulettes, de l'uniforme et des grades, ce qu'il réussit à réaliser malgré certaines frictions. Mais les effectifs créés ne possédaient ni le nombre, ni la valeur combattive nécessaires; une réorganisation radicale et un recrutement de nouvelles forces s'imposaient.

Le premier pas vers une réorganisation fut effectué par le général Marouchevsky qui fut remplacé en Janvier 1919 par le général Miller, investi du commandement de l'armée et ensuite de la présidence du gouvernement.

En Septembre 1919 les unités alliées abandonnèrent la région du Nord. Après leur évacuation le général Miller réussit à se maintenir jusqu'en Février 1920, lorsque les unités de son armée furent partiellement évacuées par mer, partiellement, après avoir franchi la frontière finlandaise, internées en Finlande.

2. CROIX DE « L'ARCHANGE MICHEL » DE L'ARMEE COSAQUE DE L'OURAL

La croix de l'Archange Michel fut instituée en 1918 par le « Kroug » (Conseil cosaque de l'Armée des Cosaques de l'Oural), aussi bien pour les officiers que pour les simples cosaques, en récompense du courage manifesté dans la lutte contre les bolchevistes.

Croix en bronze foncé avec les quatre côtés équilatéraux. Au centre, dans un médaillon arrondi, l'image estampée de l'Archange Michel à cheval frappant de sa lance un dragon; sur les branches de la croix les inscriptions suivantes: en haut: « Pour la Foi »; sur les côtés transversaux: « Patrie » et « Yaïk » (ancien nom du fleuve Oural); en bas: « Et pour la Liberté ». L'envers est uni et ne porte qu'un numéro d'ordre. La croix qui avait été frappée à Omsk se portait sur un ruban framboise (couleur de l'Armée des Cosaques de l'Oural).

Une médaille avait également été instituée, laquelle avait été attribuée dans de nombreux cas; mais en fait, cette médaille ne fut jamais remise à personne étant donné qu'elle ne put jamais être frappée.

Il n'existe pas de détails plus amples sur ces récompenses, toutes les archives cosaques ayant disparu lors de la retraite, près du fort Alexandrovsk, et étant tombées dans les mains des rouges.

Le 29 Mars 1918, ayant destitué le « Soviet des députés ouvriers, paysans et kirghizes » établi à Oural, les cosaques de l'Oural instituèrent à sa place leur propre gouvernement cosaque. En Mai 1918 les rouges entreprirent une offensive sur Oural, mais furent repoussés jusqu'à Saratov. Vers le mois de Juin les cosaques réussirent, indépendamment de tout autre appui, à tenir un front d'une longueur de 100 km, à 150 km. de la Volga, sur la ligne Erchovo-Novouzensk. Des détachements séparés cosaques protégeaient le nord de la région en direction de Bouzoulouk. L'ardeur de la résistance cosaque favorisait la stabilité de leur front qui manquait au front de Samara; dès la chute de celui-ci sur la Volga, l'Armée de l'Oural s'effondra aussi et dut quitter, conduite par son Ataman (chef cosaque), le général Tolstov, son territoire national.

3. ORDRE DE « LA LIBERATION DE LA SIBERIE »

Les renseignements sur cette décoration sont peu abondants et contestables. Le collectionneur et grand connaisseur de décorations, l'Allemand K. G. Klitmann (qui publia il y a une quinzaine d'années son œuvre immense en 8 volumes sur les décorations) affirme, en s'appuyant sur les renseignements obtenus par le lieutenant-général K.V. Sakharov, que l'ordre de « La Libération de la Sibérie » avait bien existé et se composait d'une étoile dorée ornée de malachite verte, dont quelques personnes seulement furent décorées.

Cette décoration fut instituée par le « Gouver-

nement Provisoire de toutes les Russies», dit « Directoire » (de tendance socialiste), formé en Septembre 1918 et s'étant fixé en Octobre de la même année à Omsk. Ce « Directoire » ne dura pas longtemps et fut renversé en Novembre, l'Amiral Koltchak étant nommé Régent Suprême.

4. ORDRE MILITAIRE « POUR LA GRANDE CAMPAGNE DE SIBERIE »

L'ordre militaire « Pour la Grande Campagne de Sibérie » fut institué par le Régent Suprême en 1920, pour tous les participants de cette campagne légendaire depuis la Volga jusqu'à la région de Transbaïkalie. L'insigne de cette décoration représente une copie exacte de l'insigne de la première campagne du Kouban ; il est de la même dimension que ce dernier, et ne diffère que par un autre métal du glaive.

Description de l'Insigne

Couronne d'épines en argent oxydé, d'un diamètre de 30 mm, traversée du bas à gauche vers le haut à droite par un glaive en or, d'une longueur de 50 m. Le haut de la couronne est percé d'un chas. L'envers est uni, avec un numéro d'ordre frappé.

L'insigne possède deux classes : celui de la 1ère classe était porté sur le ruban de l'Ordre de St. Georges (sans la rosette aux couleurs nationales) et était attribué à tous les combattants ; celui de la 2ème classe, porté sur le ruban de l'Ordre de St. Vladimir (rouge, avec deux bandes noires aux bords, sans rosette également) était attribué à tous les participants de la campagne, mais n'ayant pas pris part aux combats.

Le droit de porter cette décoration était confirmé par un certificat dont le numéro d'ordre correspondait à celui de l'insigne. Les ayant-droits pouvaient soit acheter l'insigne, soit le commander ; en ce dernier cas une pièce d'or de 5 roubles était souvent remise pour l'exécution du glaive. Les insignes se fabriquaient à Tchita et à Kharbine.

Après la chute du « Directoire » en Novembre 1918 et l'arrivée au pouvoir de l'amiral Koltchak, ce dernier fut mis à la tête du « Front de la Volga », constitué à cette époque de différents secteurs militaires, notamment : des cosaques d'Orenbourg de l'Ataman Doutov, des cosaques de l'Oural, de l'Armée Populaire et de l'Armée de Sibérie formée à Omsk de volontaires et de cosaques de Sibérie. A ce moment le front n'était tenu que par des unités russes. Après la signature par les Alliés de l'armistice avec l'Allemagne, les Tchèques arrêtèrent toute leur participation aux opérations militaires et se dirigèrent vers les arrières ; toutes

les tentatives pour les faire combattre furent vaines.

Au début, les opérations se déroulèrent favorablement. Vers le printemps de 1919 une avance rapide se manifesta dans la direction de l'Ouest. Brusquement une partie des unités qui tenait le secteur sud du front massacra ses officiers et passa du côté des rouges ; les bolchevistes purent ainsi pénétrer dans la brèche qui s'était produite, en menaçant les arrières de l'Armée de Sibérie. Pendant la retraite générale, l'armée fondit peu à peu ; Omsk fut abandonné et le gouvernement Koltchak se fixa à Irkoutsk où, au mois de Décembre, une révolte éclata qui mit au pouvoir les socialistes... Ceux-ci firent aussitôt la paix avec les bolchevistes et déclarèrent la guerre civile terminée.

Le 15 Janvier 1920, sur les directives du général français Janin, commandant des Forces Alliées, les Tchèques livrèrent l'amiral Koltchak aux autorités locales d'Irkoutsk. Au début de Février des unités russes du général Voïtzechkovsky effectuèrent une tentative pour reprendre Irkoutsk, mais se heurtèrent à une forte résistance des Tchèques. Le 7 Février 1920 l'amiral Koltchak et son ministre Pepeliaïev furent fusillés dans la banlieue de la ville...

Sans l'anarchie causée dans les arrières par la trahison des Tchèques, les forces antibolchevistes qui, par des températures glaciales, avaient effectué la campagne légendaire de Sibérie jusqu'aux confins de la Transbaïkalie, auraient certainement pu résister plus ou moins à l'offensive des rouges. Ainsi, la 3ème armée du général Kappel avait effectué, sous une température de — 55°, avec un vent contraire, 120 km de route le long du fleuve. Pour affronter cet effroyable chemin de la mort l'armée avait réussi à percer le front des rouges, près de Krasnoïarsk.

Après la chute d'Omsk la tragédie se déroula tout le long du chemin de fer transsibérien, tragédie qui par son horreur se détache sur l'ensemble pourtant tellement sanglant de la révolution russe. Entre Omsk et Novo-Nikolaïevsk s'allongèrent en un cordon interminable des convois de réfugiés et des trains sanitaires auxquels les Tchèques avaient décroché et entraîné dans leur secteur les locomotives. Abandonnés sur les rails, les wagons, contenant leur atroce chargement — les corps de tous ceux qui avaient péri de faim ou de froid — attendaient dans un silence sinistre. Les principaux, sinon les seuls coupables de ces horreurs indiscibles furent certainement les Tchèques...

5. CROIX DU DETACHEMENT MONTE DES PARTISANS D'ATCHINSK

La croix du détachement monté des partisans d'Atchinsk fut institué le 10 Septembre 1918 par

l'ordre du jour № 108 du général Ivanov-Rinov pour récompenser les militaires de ce détachement de leur courage dans la lutte contre les bolchevistes.

Description de la Croix

Croix de Malte en argent recouverte d'émail blanc, posée sur une couronne d'épines en argent. Le centre de la croix porte un glaive en argent avec une poignée en or. Sur les côtés transversaux de la croix - une date commémorative : « 3.111 » et « 1918 », jour du premier combat du détachement contre les rouges. La croix se portait à gauche de la poitrine sur une rosette de rubans aux couleurs nationales.

En Février 1918, le capitaine Freyberg, du 14ème régiment des lanciers de Yambourg, forma à Krasnoïarsk un détachement à pied de partisans constitué uniquement d'élèves du 1er corps des cadets de Sibérie, de lycéens et d'élèves de l'école technique. Le 3 Mars de la même année, ce détachement, nommé Détachement de Partisans d'Atchinsk, opéra avec un si grand succès dans la région de Krasnoïarsk-Minousinsk-Atchinsk, réussissant à s'emparer chez l'adversaire de chevaux et de matériel de guerre, qu'il devint bientôt un détachement monté. Les audacieuses incursions du détachement qui durèrent jusqu'en Juin (révolte des Tchèques) semaient la panique chez les rouges ; ceux-ci envoyaient des forces assez importantes pour détruire ce détachement, mais, grâce au soutien de la population locale, il demeura

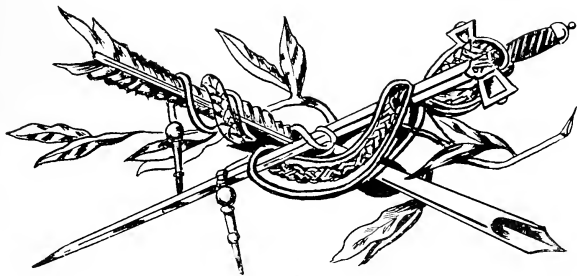
rait insaisissable. Réorganisé en escadron d'Atchinsk, le détachement prit part à des opérations dans la région de Marinsk, près d'Irkoutsk, sous le commandement du capitaine Popandopoulos, le capitaine Freyberg ayant reçu entre temps une autre affectation.

En Juin 1918, l'escadron d'Atchinsk entra dans les effectifs de l'Armée de Sibérie et la suivit jusqu'au Baïkal tout en prenant part à de nombreux combats et en se couvrant toujours de gloire. Sa devise était : « Au nom de la Foi, du Tsar, de la Patrie ». Il se distinguait de l'armée de Sibérie par le port d'épaulettes blanches, de pattes de col et de bandes de pantalon, ainsi que de cocardes d'autrefois, au lieu des rubans blanc-verts des autres unités. Considérant le détachement comme issu de son cher régiment des lanciers de Yambourg, le capitaine Freyberg, en présentant à l'acceptation des autorités la croix du détachement, avait pris pour modèle l'insigne régimentaire des lanciers en remplaçant seulement ses chiffres et ses dates par une nouvelle date et une couronne d'épines.

Il faut ajouter que tous les lanciers de Yambourg, actuellement émigrés à l'étranger, considèrent le détachement monté des Partisans d'Atchinsk, aussi bien que l'escadron d'Atchinsk, en tant que la continuation de leur régiment originel et terminent l'histoire de ce dernier par l'histoire de l'escadron d'Atchinsk.

P.V. Pachkoff

(à suivre)



NOTE DE LA REDACTION

Toutes les traductions en français des articles parus précédemment en russe dans notre revue sont gracieusement effectuées par Alexandra SEREBRIAKOFF, amie de notre journal.

NOTE DE LA REDACTION

Notre revue a été sérieusement éprouvée cette année.

Au début de Février, notre Directeur, Alexis GUERING, est tombé gravement malade et a dû être hospitalisé.

D'autre part, notre fidèle ami, le propriétaire de l'imprimerie, qui est notre seul et irremplaçable compositeur-typographe, a également subi de graves ennuis de santé entraînant une hospitalisation.

Tous les deux sont actuellement rentrés chez eux, leur état s'étant heureusement sensiblement amélioré.

Ces pénibles circonstances ont évidemment sérieusement retardé la parution de notre revue.

Le N^o 125 de notre cycle 125-130 est normalement sorti au mois de Novembre dernier; le N^o 126 de Janvier n'a pu paraître qu'à la fin Mars seulement; le N^o 127 est présent; enfin les N^{os} 128, 129 et 130 paraîtront avant la fin de l'année d'abonnement.

La Rédaction présente ses excuses à tous ses chers amis-abonnés pour ce retard, lequel est le premier depuis les 23 années d'existence du journal, causé par des circonstances absolument indépendantes de sa volonté.

NOTES EXPLICATIVES

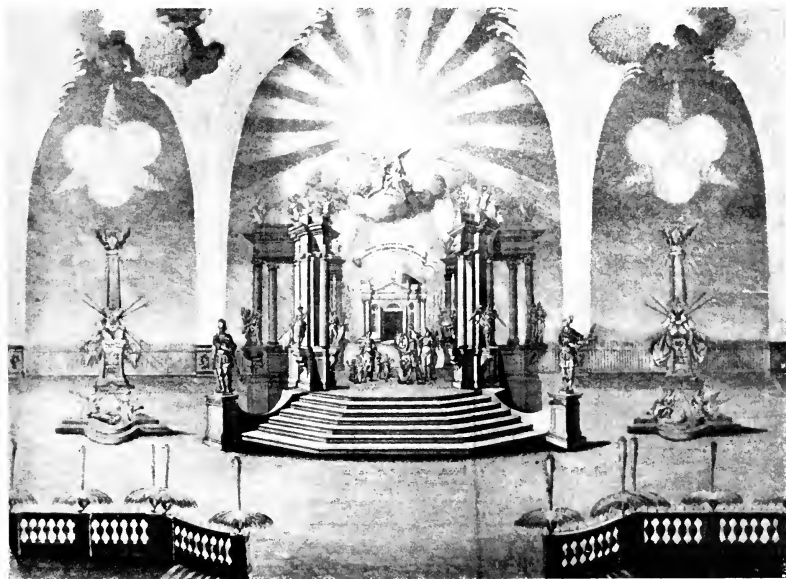
Déscriptions des illustrations paraissant dans la partie en langue russe de cette revue :

Page 1 — Insigne du Premier Corps des cadets — tout en argent, avec l'aigle noir, l'armature en or.

Page 17 — La grande salle de réception du Premier Corps des cadets.

Page 19 — Une médaille russe du XVIII^e siècle, très peu connue.

Le feu d'artifice et sa représentation en gravure au XVIII siècle en Russie



Le XVIIIème siècle a une renommée commune pour ses fêtes et bals grandioses et magnifiques. Ces fêtes avaient lieu à différentes occasions comme par exemple les célébrations de la Cour — l'avènement au trône, le couronnement, la naissance de l'héritier du trône, les fêtes d'une victoire ou de la conclusion d'une paix, les jours de fête, comme nouvel an.

On invitait aux tels bals souvent quelques centaines de personnes. Mais on se laissait aussi observer par une foule des spectateurs non-invités qui se rassemblaient à distance pour regarder la noblesse en gala. Ainsi toute la fête paraissait

même comme un spectacle, abstraction faite des divertissements comme concerts et loteries qu'on avait coutume de donner aux hôtes. Cet aspect du théâtre fut appuyé par la coulisse illuminée des jardins et parcs avec ses statues et jets d'eau (1).

Par suite des illuminations on eut bientôt l'idée de tirer des feux d'artifice qu'on composait des feux fixes — comme disques de soleil, étoiles, fontaines — et des feux mobiles ou tournants — comme fusées, balles à feu et tourbillons. C'était déjà à l'époque de Pierre le Grand qu'on remarqua, qu'il faisait un effet encore plus exceptionnel et aussi plus de plaisir aux invités et specta-

teurs d'enrichir un tel feu d'artifice des tableaux et spectacles allégoriques. Cette impression était rendue possible en profitant de l'atmosphère irréaliste de la lumière artificielle et miraculeuse.

Ainsi on construisit des arcs de triomphe et pavillons qu'on décora de panneaux peints et sculptures. Toutes ces images et statues représentaient des éloges allégoriques de la famille Impériale Russe, des victoires ou d'autres événements importants. La Russie par exemple y était personnifiée comme femme majestueuse vêtue d'une robe antique, la Suède comme lion. Toutes ces constructions et personnages qu'on illuminait par des lampions, fusées et feux de bengale (2).

Les metteurs en scène de ces feux d'artifice étaient au milieu du XVIIIème siècle en Russie des artistes et savants si renommés comme A. Persinotti, P. Gradizzi et même Lomonosoff. Mais en général les « Feuerwerker » — c'est le mot allemand pour pyrotechnicien et signifie aussi le rang militaire dans l'artillerie russe — s'occupaient de les projeter et organiser.

Tout le monde — après avoir regardé un tel spectacle coloré et grandiose, qui brûla en si peu de temps — fut tellement accablé d'impression qu'on désira d'avoir encore un souvenir en forme de gravure. Ainsi naquit un genre spécial de l'art graphique russe, la gravure des feux d'artifice. Mais ces gravures n'étaient pas seulement un sim-

ple souvenir pour les spectateurs. A cause du contenu politique du spectacle — voilé par l'allégorie — on les considéra bientôt comme moyen de glorification de la Russie et, si l'on peut dire, de propagande officielle pour montrer et expliquer la grandeur des événements politiques par l'art. Pour cela ces gravures n'étaient que rarement imprimées comme illustration pour un livre, mais surtout en grands formats pour les mettre au mur. Aussi on les présentait aux délégations étrangères ou on les envoyait aux princes d'autres pays après les avoir pourvues d'inscriptions latines, françaises ou allemandes (3).

Des artistes plus ou moins célèbres au 18ème siècle en Russie s'occupaient de graver les feux d'artifice : A. Souboff, Rostovtseff et après la fondation de l'Académie des Sciences et Arts en 1724 à St. Pétersbourg : Adolski, Sokoloff, Grekoff Katchaloff et Winogradoff. Comme genre typiquement russe de l'art graphique, les gravures des feux d'artifice étaient spécialement cultivées à l'Académie, dans la classe des graveurs — « gridovalny class ».

Le traitement artistique des gravures se changeait au cours du XVIIIème siècle : à l'époque de Pierre le Grand et peu après le feu paraît comme cascade, fusée, etc, comme ornement clair sur le fond foncé de la nuit.

Au milieu du siècle on changea l'aspect de l'éclairage de la nuit : maintenant — à l'égard du fait, que tout le ciel est illuminé par le feu — la gravure est surtout claire avec des gradations tendres du gris pour distinguer par ce moyen les lumières. Cet effet de l'éclairage on put obtenir aussi bien par la nouvelle technique de l'imprimerie : la mezzotinto.

C'est dans ce genre d'illumination qu'on faisait les gravures des feux d'artifice jusqu'à la fin du XVIIIème siècle, quand avec le classicisme, la pompe baroque disparut. Pour cette raison la gravure des feux d'artifice cessa d'exister après 1790.

Un exemple des gravures des feux d'artifice est publié ci-joint. Elle est intitulée :

Représentation allégorique du feu d'artifice tiré devant le palais d'hiver de Sa Majesté Impériale au jour de l'an 1759 à St. Pétersbourg.

Cette gravure — représentant la glorification des victoires de la Russie pendant la guerre de sept ans — fut dessinée par le lieutenant-colonel Martynoff et gravée à l'Académie de St. Pétersbourg.

C'est un document intéressant pour cette gravure que l'Impératrice Catherine II écrit dans ses mémoires (IVe partie, publiée à Londres en 1859) sur le temps quand elle était encore Grande-Duchesse : « Le 1er janvier 1759, les fêtes de la cour se terminèrent par un très grand feu d'artifice entre le bal et le souper ».

Néanmoins il est à remarquer que cette gravure ne veut pas donner seulement l'impression du feu



Траспарантъ на взятіе Нотебурга
для фейерверка, бывшаго въ Москвѣ.

d'artifice en réalité. Elle est plutôt — comme presque toutes les gravures des feux d'artifice — une composition de l'artiste, qui rend l'allégorie encore plus visible.

Alexandre SOLODKOFF

Supplément :

— Page 2, après le mot Lomonosoff : Annotation 2a.

— Annotation 2a : Lettre de Lomonosoff au comte M.I. Woronzoff du 19 janvier 1764 : Sous titre « Index des traités et des autres travaux du conseiller Lomonosoff » est marqué : « Il a fait beaucoup d'inventions pour des illuminations et des feux d'artifice et il a écrit des inscriptions pour eux ».

— Page 2, après le mot... allemands 3) :

Avec le temps il est passé en coutume d'imprimer encore des brochures explicatives, lesquelles on donna avec les gravures ou déjà aux spectateurs pour interpréter les allégories 4).

— Annotation 4 : Un exemple d'une telle explication se trouve — pour un feu d'artifice donné le 28 février 1735 en l'honneur de l'impératrice Anna Ioanovna — dans : Starye Gody, 1913, II, p. 29 s : « Le feu a sa source dans le soleil et il signifie le zèle de la gratitude, parce que sa flamme se lève toujours vers le haut, c.-à-d. dans cette direction d'où il obtient sa force. Ce feu d'artifice se compose de trois représentations, parmi lesquelles le soleil prend la place la plus importante. De chaque côté de lui — sur un piédestal — se trouvent deux figures du contente-

ment et de l'admiration, qui ne se montrent qu'à l'égard du soleil mais aussi bien en considération des augustes vertus de Sa Majesté Impériale ».

ANNOTATIONS :

1) Quelques concerts célèbres accompagnants les spectacles en plein air étaient par exemple ceux de Georges Frédéric Haendel : la Watermusic (1717) et la Firework Music (1748).

2) Adriaan Schoonebeek a gravé des panneaux et transparents allégoriques pour le feu d'artifice qu'on donna à Moscou le 7 janvier 1703 pour fêter la prise de Notebourg par Pierre I. cf. : И.Н. Божерянов : С.-Петербург в Петрово время, СПб 1903.

3) Un type de gravure comparable avec les gravures des feux d'artifice est celui des « Dîners publics » qu'on trouve — déjà au XVII^e siècle — dans toute l'Europe. Un bon exemple pour la Russie est la gravure faite par Alexei Souboff du dîner à l'occasion du mariage de Pierre I et Catherine I en 1712. On y voit l'Empereur et l'Impératrice avec les invités assis à la table dans une grande salle splendidement décorée. Pour identifier dans la gravure les personnalités les plus importantes elles y sont numérotées selon une liste des nom adjointe.

BIBLIOGRAPHIE :

1) М.А. Алексеева : Гравировальная палата Академии наук. Русское искусство XVII века; под редакцией Т.В. Алексеевой, Москва 1968.

2) М.В. Алпатов : Всеобщая история искусств, т. 5, Москва 1955.

3) Д.А. Ровинский : Обзорение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций, С. Петербург 1903.

4) А.А. Сидоров : История русского искусства, т. 5, Москва 1960; немецкое издание : А.А. Sidorow : Der Stich und die Zeichnung in der 1. Hälfte des XVIII. Jahrhunderts, Dresden 1970.

5) М. Холодовская — Е. Смирнова : Русская гравюра, Москва 1960.

LE SAUMUR RUSSE

En 1910 l'Ecole de Perfectionnement des Officiers de la Cavalerie célébrait son centenaire.

Réorganisée vers la fin du siècle dernier par l'Inspecteur Général de la Cavalerie, le Grand Duc Nicolas Nicolaïevitch, elle apporta une plus grande uniformité dans le système de dressage des chevaux ; d'autre part, les courses pratiquées à l'Ecole, avec le franchissement de sérieux obstacles et avec de sévères parcours, élaborèrent un point de vue qui avait été quelque peu erroné autrefois et qui devint plus correct en ce qui concerne la mise en valeur des chevaux de la cavalerie. L'Ecole avait grandement le droit d'admirer son œuvre et de célébrer solennellement son centième anniversaire. L'Empereur daigna

manifestar une extrême bienveillance à l'Ecole et assista personnellement à ses deux journées de fête.

Le premier jour des solennités, 9 mai, tous les effectifs des officiers, comprenant un escadron permanent, un escadron des stagiaires d'effectifs variables, une section de cosaques et un escadron d'écuyers, se rendirent à Tsarskoïe Selo (résidence de l'Empereur près de St. Pétersbourg) afin d'assister à la revue en présence de l'Empereur et à la remise du nouvel étendard.

L'escadron des stagiaires, dont faisaient partie des officiers de divers régiments de la Garde et de l'Armée et de batteries d'artillerie à cheval, avait l'air fort élégant, vêtu de riches uniformes et

monté sur des purs-sangs bien dressés ; à la droite de l'escadron se tenait le Grand Duc Dimitri Pavlovitch en uniforme du Régiment des Gardes à cheval ; lorsque cet escadron défila à un galop raccourci devant l'Empereur, tous ses chevaux alignés impeccablement et marchant sans changer de pas, il semblait que surgissait tout d'un coup le tableau de la Cavalerie de Nicolas I galopant à l'allure du pas d'un grenadier.

Le second jour des festivités se passa à St. Pétersbourg, au manège de l'Ecole. La fête débuta par une course à relais des instructeurs, avec des exercices de haute école. Les relais suivants composés des stagiaires frappaient la vue par l'extraordinaire harmonie des évolutions et la pureté des sauts d'obstacles. Puis vinrent la parfaite course à relais des écuyers (hommes de troupe, élèves de l'Ecole), les exercices de voltige et les exercices de « djiguites » de la section cosaque.

Deux numéros attirèrent surtout l'attention du public : deux groupes d'officiers escrimeurs à cheval, l'un portant des panaches blancs, l'autre des panaches rouges, se déployèrent à grande allure (ils étaient douze de chaque côté) et foncèrent l'un contre l'autre avec leurs espadons scintillants en s'efforçant mutuellement d'abattre les panaches adversaires. Le combat final se prolongea longtemps encore, un seul homme restant dans l'un des groupes assailli par trois hommes dans l'autre. A la fin de ce numéro un cheval fit irruption à vive allure dans le manège portant en selle un mannequin ; deux officiers à cheval l'attaquèrent, l'un armé d'une lance, l'autre d'un sabre dégainé, en essayant d'abattre le mannequin. Les sympathies des assistants s'adressaient au cheval galopant librement et évitant avec une grande présence d'esprit les cavaliers qui enfin réussirent à l'acculer dans un coin du manège et à porter au mannequin un coup de lance décisif.

Vers la fin de la saison d'hiver l'Ecole organisait à peu près sur ce même modèle ses fêtes annuelles, mais, à l'occasion des fêtes du centenaire, la présence de l'Empereur avait décuplé l'enthousiasme des participants. Ce n'est qu'à la fin du spectacle, lorsqu'apparut une meute de chiens entourés de veneurs en redingotes rouges — simulacre d'une chasse à courre — que l'Empereur se leva de son fauteuil, remercia tout le monde et se dirigea vers la sortie accompagné de « hourras » retentissants.

Le travail quotidien des officiers stagiaires se décomposait en cours d'équitation, de dressage (de 3 chevaux au cours élémentaire, de 4 chevaux au cours supérieur) et de voltige. Les officiers assistaient aussi à des cours sur l'histoire de la cavalerie, des cours de tactique, d'artillerie, de génie militaire, de théorie de l'équitation, d'hippologie, de ferrage.

Après la saison d'hiver l'Ecole se rendait au camp à Krasnoïe Selo (dans la région de Saint

Pétersbourg). Là avaient lieu un bref cours de topographie et, le reste du temps, des cours d'équitation sur des parcours accidentés, avec le franchissement de sérieux obstacles et des descentes d'une piste, aménagée sur un plan d'obstacles non loin du cantonnement, sur des pentes raides, ce qui représentait une préparation à la chasse à courre qui terminait le programme de la classe élémentaire et celui de la sortie de l'Ecole.

Les occasions favorables « pour enterrer le navet » étaient nombreuses : cela signifiait en jargon de cavaliers tomber de sa monture ou tomber avec elle. Les chutes étaient enregistrées par les élèves eux-mêmes et frappées d'amendes s'élevant à un rouble par chute. A la sortie de l'Ecole, ces revenus des « navets » servaient à l'achat de gobelets en argent sur lesquels se trouvaient gravés d'un côté le nom et le grade de leurs propriétaires et, de l'autre côté, un navet accompagné d'une fraction dont le numérateur indiquait le nombre de chutes de celui-ci et le dénominateur — le total des chutes de la classe au cours des 2 années d'études ; ce total dépassait souvent le chiffre de 300 étant donné que les conditions rendaient presque impossible d'éviter une chute avec sa monture. Les chutes avaient souvent lieu au stade préliminaire du dressage de jeunes chevaux inexpérimentés, surtout des chevaux à moitié sauvages d'Astrakhan (de race kalmouk) qui, pour se débarrasser de leurs cavaliers, exécutaient des courbettes dignes des mustangs et provoquaient des chutes qui n'étaient même pas notées. Le capital des « navets » grossissait surtout au cours des périodes passées au camp et de celles des chasses à courre dans l'immense propriété « Postavy » des comtes Pchezdetsyky, située dans le département de Vilno, où, pour un séjour de 3 semaines, se rendait d'abord la classe élémentaire et ensuite, pour un séjour de 6 semaines, la classe terminale accompagnés de leurs propres montures et de celles de l'Ecole.

La villa des « Postavy » où nous habitons s'intitulait château quoique son architecture n'avait rien de cet édifice ; à quelque distance de ce dernier se trouvaient les casernes, les écuries, les enclos pour les chiens et la ménagerie.

Le dressage des chiens s'effectuait sous la direction compétente d'un Anglais, Mr. Footer ; quelques soldats, surnommés « footers », étaient détachés pour le seconder. Il était curieux d'assister au repas des chiens courants. Mr. Footer appelait un des chiens de la meute qui arrivait aussitôt docilement en franchissant les barrières et se précipitait vers sa gamelle qu'il vidait, se laissant ensuite essuyer la gueule. Mr. Footer appelait parfois deux ou trois chiens à la fois, tandis que les autres attendaient patiemment leur tour.

Le gibier était entraîné dans des champs clôturés.

La chasse à courre, qui consiste à traquer le

gibrier jusqu'à son épuisement complet, nous arriva d'Angleterre. Tout en s'étant développée en Europe Orientale, elle ne se répandit pas trop en Russie.

Mais, en dehors de la chasse à course, l'École était entraînée dans un but d'enseignement à suivre une piste factice, tracée d'une manière particulière sur un itinéraire prémédité qui trompait les chiens. En plus des obstacles naturels, la piste était hérissée d'obstacles variés que les chasseurs devaient franchir. La combinaison de ces obstacles variait dans chacune des battues.

Un cérémonial particulier était établi. Le réveil s'effectuait au son de quatre cors de chasse qui jouaient un extrait mélodieux du « Freischütz ». Après le petit déjeuner, nous sortions du château et nous réunissions dans la cour où nous attendaient nos montures toutes sellées. L'ordonnance du Président de la chasse, le général Himetz, amenait alors la célèbre « Prima Donna », cadeau de l'École de Saumur, suivie de la meute des chiens accompagnés de Mr. Footer et de ses adjoints vêtus de redingotes rouges. Le Président saluait les officiers, nous montions en selle et le groupe de cavaliers, précédé de la meute, se dirigeait derrière son président vers un point fixé d'avance. Parmi nous se trouvaient des candidats au poste de commandants de régiments de cavalerie qui avaient à affronter cette épreuve d'endurance. Il est possible que certains ne se réjouissaient pas trop de participer à ce sport quelque peu risqué, car il faut prendre en considération que les colonels de l'Armée dépassaient souvent la cinquantaine ; quant à nous, ces expéditions nous réjouissaient follement. « Le bonheur terrestre se trouve sur le dos d'un cheval » disait P.N. Krasnov qui était avec nous aux « Postavy »*.

Certains de ces colonels se laissèrent gagner par la mauvaise humeur, l'un prétextant qu'un des airs du « Freischütz » ressemblait à une marche funèbre, un autre se vexant d'une plaisanterie que je me permis de faire en déclamant assez haut : « Bien de fringants cavaliers

Seront à bas de leurs montures ».

Comme il y avait plusieurs directions sur « les pistes factices » je pensais que nous allions affronter des sauts en bas « en terrasses », dans des marais accidentés.

Ainsi qu'il fallait s'y attendre nos « dégâts » furent assez importants, ainsi un colonel malchanceux précéda son cheval dans un saut en bas ; il y eut d'autres incidents, mais ils servirent de sujets de distractions et de vers humoristiques composés par P.N. Krasnov.

Après avoir participé à quelques-unes de ces

*) Ecrivain connu parmi les émigrés russes (ses romans furent traduits à l'étranger), livré par les Anglais à l'Armée Rouge après la guerre de 1939-45 et pendu à Moscou.

battues deux de nos colonels demandèrent une affectation à un poste plus tranquille de chef de district de recrutement.

Il était difficile de trouver un terrain plus favorable pour nos battues, coupé de collines, de sillons formant « terrasses », ainsi qu'il a été mentionné plus haut, de marais accidentés, d'étangs, de taillis, de surfaces déboisées, de clôtures, de canaux de drainage, de fossés boisés encadrant les routes, de descentes abruptes. Il fallait affronter tous ces « ennuis » en poursuivant la proie qui, pour échapper à la meute, choisissait elle-même la direction à prendre. Voici un extrait d'un journal des battues : « Le cerf, traqué par les chiens et chassé de la forêt, voulut sauver sa peau en s'élançant à 2-3 km vers les bocages, mais les chiens l'en empêchèrent et le poussèrent vers un endroit découvert représentant une surface déboisée où les chasseurs devaient manœuvrer parmi les troncs coupés des arbres ou bien les franchir en sautant. Ayant atteint un étang, l'animal se jeta à l'eau, suivi aussitôt par les chiens ; les chasseurs découvrirent un gué où l'eau leur arrivait pourtant aux genoux. La battue se termina... à 16 km du lieu du départ ».

En résumé, au cours de la poursuite de l'animal, il s'agit de « s'emballer à froid ». D'une part il est essentiel de savoir « se débrouiller » avec les chiens au cours du « dépistage », de ne pas les suivre aveuglément et surtout de ne pas « monter dessus » (ce qui est considéré comme un « crime de droit commun »). Des chasseurs inexpérimentés peuvent complètement démolir une battue, ce qui se produit une fois, lorsque l'animal, traqué jusqu'à 7 heures du soir par les chiens qui retrouvaient et repéraient sa trace, arriva néanmoins à s'esquiver. D'autre part, il s'agit de surveiller de près le moment où les chiens ont atteint leur proie et de le poursuivre à bon escient en choisissant l'itinéraire le plus court, soit en lui barrant le chemin, soit en le poursuivant ; c'est là que surgissent des obstacles imprévus et, si le chasseur mésestime la docilité de son cheval, ils ne manqueront pas de tomber tous les deux, à la grande satisfaction de notre photographe amateur, le lieutenant-capitaine Dalmatov, qui possédait le chic de se trouver comme par hasard sur les lieux « d'une chute intéressante ».

Les chiens prenaient généralement très à cœur leur participation aux battues ; l'un d'eux, particulièrement consciencieux, tomba frappé d'apoplexie...

Lorsqu'enfin l'animal est aux abois, tous les membres de la battue arrivent au galop. Le président pousse un hallali et tous ceux qui arrivent au point terminal reçoivent une branche de pin — symbole de la réalisation de la battue. Le premier arrivé est déclaré « roi de la battue ». Au retour, le « roi » offre à tous une tournée en faisant circuler une coupe représentant la tête d'un cerf.

Et puis, parfois, la nuit se terminait suivant le vieux dicton « Le jour au service du Tsar, la nuit au service des hussards ». L'emblème de la royauté était représentée selon une très ancienne coutume « barbare » par un morceau de la cuisse de l'animal traqué. Le retour s'effectuait gaiement en discutant les péripéties de la battue et... en exagérant parfois des détails.

Des battues malchanceuses advenaient parfois ; j'en ai déjà mentionné une. En voici un autre exemple : le cerf traqué refusa de fuir, mais se prépara à encorner les chiens qui tous s'accrochèrent à lui et... la battue se termina sans avoir commencé.

L'importance éducative de ce sport de « seigneurs » fut reconnue tellement bénéfique pour la cavalerie qu'à partir de 1910 le général Himetz fut délégué chaque année en automne dans les lieux de stationnement des divisions de la cavalerie. Notre 4ème Division de Cavalerie reçut en 1913 la visite du général Himetz, du Baron Taubé, aide de camp de l'Ecole, du commandant des « Postavy », le capitaine Volikovskiy et, de Mr. Footer accompagné de ses chiens et du cerf condamné. Au cours de la battue l'inexpérience des cavaliers se manifesta par un grand nombre de chutes des participants (près de 20 %).

Poursuivant mon récit d'un monde disparu, je reviens à nos séjours aux « Postavy ». Dans les intervalles entre les battues nous prominions nos chevaux ; nos loisirs étaient comblés par des distractions sportives et par des concours de billard. Des obstacles compliqués étaient érigés dans des concours hippiques. Nous organisions « des courses aux cloches », intéressantes pour des flirts, puisqu'il s'agissait pour un couple de rejoindre l'endroit d'où venait le son des cloches. A défaut de la présence de dames, notre concours consistait à arriver au galop premier ou à la rigueur second auprès du « clocher ». J'avais une distraction complémentaire — visites chez un ami, le prince Toumanov, colonel du Régiment des Dragons de Nijegorodsk, propriétaire foncier des environs. Je me rendais avec lui à la chasse aux lièvres et notre attelage était dénommé « l'automobile de Son Excellence ». La photo de cet attelage représentait une charrette de paysan à laquelle était attelé un misérable canasson avec sur le siège un morne lithuanien et au fond le prince Toumanov et moi... Une seconde photo représentait la même charrette sans passagers, avec le même cocher tenant par la bride son cheval affolé, et... un cavalier exécutant un saut par-dessus la char-

rette; cette manie de « sauts périlleux » nous était venue d'Italie ; elle était pratiquée à l'Ecole de Cavalerie de Pignerol et nos élèves ne demeureraient pas en reste dans cet art. Les Italiens nous adressèrent une photographie agrandie montrant leurs officiers réunis autour d'une table sur laquelle l'on apercevait des bouteilles et des verres ; un bout de la table demeurait vide et l'on pouvait voir un officier italien monté sur un beau cheval qui exécutait un saut par-dessus ce bout de table.

Nous décidâmes de faire mieux encore, sans débarrasser la table ; la photographie présentait un saut impeccable, le cavalier n'ayant effleuré ni les bouteilles, ni les verres.

Nous pratiquâmes ainsi pendant un certain temps un échange animé de photos. Nous organisions des concours de descente de pentes très raides, ayant recours dans ces occasions à des truquages photographiques. Un cavalier s'étendait sur la croupe de sa monture en lâchant la bride ; le cheval, tout en ramenant ses membres postérieurs, se maintenait en équilibre avec ses membres antérieurs et descendait la pente ; la photo produisait l'effet d'un cheval descendant un mur vertical.

L'Ecole Italienne profitait d'une large publicité à l'écran et dans les journaux. Les prouesses de l'Ecole Russe étaient absolument inconnues à l'étranger ; les photos n'étaient jamais publiées et n'appartenaient qu'au domaine des albums privés. Cette lacune permit à un journal russe, ne paraissant il est vrai qu'après la révolution parmi les émigrés russes, de publier un article dans lequel il attribuait à Georges Clemenceau, amateur de sport hippique, la publication, sous le pseudonyme de James Phillis, d'un livre sur l'équitation. Si ce journaliste zélé avait pris la peine de feuilleter le livre en question il serait aussitôt tombé sur la photo de James Phillis exécutant des exercices de haute école. James Phillis avait été l'instructeur principal de l'Ecole de Cavalerie Russe et son système de dressage avait été adopté par toute notre cavalerie.

Ce système était connu dans les milieux sportifs français et son propagateur éminent en France avait été le général A.A. Goubine. Nous avions été à l'Ecole ses élèves et le considérons en tant qu'excellent cavalier, connaisseur de chevaux et instructeur de haute réputation ; nous ne fûmes donc nullement surpris qu'il ait réussi en France une brillante carrière dans ce domaine.

A. LEVITZKY

ARMES ET UNIFORMES DE L'HISTOIRE

Redaction : Bruno MANUEL,
C-H. TAVARD (fondateur)

DIRECTION & ADMINISTRATION - REDACTION - DIFFUSION : S.G.P.D. 2, rue Malou
75005 - Paris

ABONNEMENT pour 6 numéros annuels : 1974 - Etranger - Belgique 5,00 FB, Suisse 32 FS,
Allemagne 25 DM, Pays-Bas 25 Fl, Italie 5.000 L, Grande Bretagne 3,50 L, Etats-Unis 10 \$

PRIS DU NUMERO EN FRANCE 7 F

« LE PASSE MILITAIRE »

Revue illustrée, bilingue paraissant tous les deux mois, et traitant de l'Armée et de la Marine Russe

Abonnement pour 1974, №№ 125-130 - 40,00 francs, Amérique, Australie - 10 \$
Adresse de la rédaction - 61, rue Chardon Lagolle - 75016 - PARIS - № 647 72 35
ССР Paris 3910-12

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА « ВОЕННОЙ БЫЛИ »

- № 2 — Евгений Молло Русское холодное
оружие XIX в. 5 фр
- № 3 — В.П. Ягелло Книжекостантинов-
цы 5 фр
- № 5 — Евгений Молло Русское холодное
оружие эпохи Императора Нико-
лая II. Книга П.С. Трубецкой —
Нижегородская шанка — 5 фр
- № 6 — П.А. Печасв Алексеевское воен-
ное училище 5 фр
- № 9 — К.М. Перелюевский Киевское
Великое Книжа Константина Кон-
стантиновича военное училище 5 фр
- № 10 — Письма Суворова к Принцу Пассау-
Зиген — 10 фр
- № 11 — П.К. Кондировский В Станке
Верховного 10 фр
- № 13 — Алексей Геринг Материалы и
библиографии русской военной пе-
чати за рубежом 15 фр
- № 14 — П.П. Солюдов Морские рас- ка-
на 10 фр
- № 15 — П.В. Пашков Воспоминания юн-
кера Алексеевца 5 фр
- № 16 — Устраивающийся Христофора Гас-
сман 10 фр
- № 17 — В.Г. фон Рихтер Собрание сочи-
щений по русской военной меди-
цинке и истории 80 фр
- №№ 1, 4, 7, 8 и 12 воспроизведены.

СБОРНИКИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ *

выпуски 1 и 2 на ротаторе
цена — 5 фр. фр.
1 амер дол в странах заевреанских
Изд. « Военная Белья » 50 стр

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО « ТАНАИС »

- Вышли из печати и находятся в про-
даже следующие книги
- С. АНДОЛЕНКО — Пагрудные знаки Рус-
ской армии 230 стр. с илл. 500 илл.
32 фр.
- В. П. ЗВЕГИЩОВ — Кавалергарды в ве-
ликую и гражданскую войну 1916-20 гг
206 стр. 18 фр.
- М. КАРАТЕЕВ — Железный Хромец ист-
тор роман 242 стр. — 21 фр.
- М. КАРАТЕЕВ — Возвращение историч-
еского романа 258 стр. 21 фр.
- Ген. Лейтен. А. В. фон-ШВАРЦ — Иванго-
род в 1914-1915 Из воспоминаний. 166
стр. с портр. и карт. 15 фр
- Ген. штаба генерал-майор Б. В. ГЕРГА —
Воспоминания о моей жизни. Том пер-
вый 247 стр. с портретом и иллюстр. акто-
ра 25 фр. Том второй — 218 стр. с пор-
ретом, многими фотогр. и схемами боя
27 фр.

“ПЕРВОПОХОДНИК”

ЛЕТОПИСЬ БЕЛОЙ БОРЬБЫ

Журнал выходит **ШЕСТЬ** раз в год.

Годовая подписка — 6 долларов Цена отдельного номера — 1 дол. 25 ц.

Адрес Редакции

Mr. A. P. MYATCH, 842 No. Alexandria, Los-Angeles, Calif. 90029, (U.S.A.)

Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Н. Мич, А. Мич.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Г. Р. ВАНГЕН — В море и на суше — 12 фр.
В. П. фон-ДРЕЙЕР — На закате Империи — 15 фр.
А. ГАЙРАБЕТОВ — Сборник военных песен — 20 фр.
Князь П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 10 фр.
КИРАСИРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — Последние дни мирной жизни — 10 фр.
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера — 20 фр.
Н. МАНТУЛИН — Песенник русского воина — 25 фр.
ПАМЯТКА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА — 25 фр.
О. И. ПАНТЮХОВ — О днях былых — 35 фр.
С. Н. РЯСНЯНСКИЙ — О Российском воистве — 12 фр.
К. Р. Полное собрание сочинений тома I-III — 60 фр.
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.
Н. ТУРБИН (Л. П. Ливевич) — По старому следу — Сборник рассказов — 15 фр.
А. И. ШЕЛОУМОВ — Панка с 20-ю цветными репродукциями батальных картин (размер 24 x 31 см) — 30 фр.
СЕРГЕЙ ПИЩАКОВСКИЙ — Памятка 14-го полка Олонцкого Короля Сербского — 6 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 125, rue Froyot, Bruxelles 5

Германия — у И. Н. Гординова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland Postlagernd

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — в Обще-Кадетском Обьединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, Cal.
Сев. Амер. С. Ш. а) уже есть, б) у князя Кудашева
521 W 185 str. Ap. 2 D
New-York 10033.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 52, Albert Rd. Stratfield 2135 N.S.W. Australia.

б) у В. П. Тихомирова
5, Fuller Str. F. 12
Walkerville S. Australia 5081

Аргентина — у Г. Г. Бордокова
Ibera 2768 BUENOS - AIRES Argentina

№ 128

Июнь 1974 года

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

LE PASSÉ MILITAIRE



ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Объединение 4-го гусарского Мариупольского Императрицы Елисаветы Петровны полка с глубокой скорбью сообщает о кончине своих двух последних кадровых офицеров
**полковников ЯНУША ЭММЛОВИЧА БОКШАНИНА И
АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВИЧА ЗОЛОТУХИНА**

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубокой скорбью, сообщает о кончине своих дорогих сотрудников:

полковника ЭРАСТА ЭРАСТОВИЧА ШЛЯХТИНА
капитана ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА РЫХЛИНСКОГО
ротмистра БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ЛЕВШИНА
мичмана ИОАННА ВЛАДИСЛАВОВИЧА НЕЛОВИЦКОГО
ИВАНА ВЛАДИСЛАВОВИЧА БЕЛИЦКОГО

л. гв. Егерского полка капитана ВЛАДИМИРА АЛЕКСЕЕВИЧА КАМЕНСКОГО

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Памяти Павла Васильевича Пашкова — Л. Пеньков и А. Геринг	1
Великий поход — штабс-капитан Стефановский	2
После корпуса — X	8
Как английские коммерсанты помогали Германии во время первой великой войны — И.И. Бобарыков	9
Российские солдаты — полковник Попов	11
Оценка австрийцами русских войск к началу 1917 г. — Г. Гринев	13
О прапорщиках производства 1 июля 1914 г. — В. Бастунов	19
К статьи И.И. Бобарыкова в № 122 журнала — А.Г. Тарсаидзе	20
Обзор военной печати — К.П.	21
Фронт — К.Р.Т. (окончание)	22
Письма в Редакцию	41
«АРХИВЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ» — Алексей Геринг и Александр Пронин	43
Ordres et décorations de la Guerre Civile — P.V. PACHKOFF (suite)	45
L'Ecole Supérieure de Guerre russe — Général CHKINSKY	52
Note de la Rédaction	54
Les Orchestres Militaires Russes — P.F. VOLOCHINE	55

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

XXIII Год издания

№ 128 — ИЮНЬ 1974 г

BIMESTRIEL. Prix — 7,-Fr

Памяти Павла Васильевича Пашкова

13 февраля сего года после тяжелой болезни скончался поручик 19-го Туркестанского стрелкового полка Павел Васильевич ПАШКОВ. Покойный был сыном профессора химии Харьковского технологического института. По окончании гимназии перед первой мировой войной, он поступил в Московский университет, но ушел со второго курса, перейдя в Алексеевское военное училище, по окончании которого и отбывтия должного срока в запасном батальоне в Сибири, был назначен на Западный фронт, в 17-й Туркестанский стрелковый полк. Пережив на фронте революцию и последовавшую разруху, Павел Васильевич принял участие в гражданской войне на юге России.

После эвакуации Крыма, через Константинополь, Павел Васильевич попал в Париж и с первых же лет эмиграции увлекся собиранием предметов военного характера как-то полковых знаков, орденов, медалей и военных книг. Все свое свободное время он отдавал поискам предметов для своих коллекций. Знакомство с такими знатоками в этой области как ныне покойные генерал Ознобишин, полковники В.Г. фон Рихтер, Попов и Приходкин, а также с многими другими, дало ему многие серьезные знания в этой области и позволило стать, как мы полагаем, одним из первых и выдающихся знатоков. Он был в переписке решительно со всеми русскими военными коллекционерами во всех странах. В свои свободные минуты он еще нашел время, чтобы сделать точные макеты форм всех гвардейских и кавалерийских полков Российской императорской армии. Макеты эти величиной в 30 сантимет. находятся теперь в Русском военно-историческом музее Общества Друзей «Военной Были» в Париже.

Огромная заслуга покойного была в том, что он явился инициатором и одним из первых организаторов «Кружка Любителей Русской Старины», впоследствии переименованного в



«Общество Ревнителей русской военной старины», которого он являлся почетным членом.

Павел Васильевич принимал самое деятельное участие в двух выставках Кружка: в мае 1955 года, памяти столетия Крымской войны, и два года спустя — в Национальной библиотеке в Париже.

Однако скоро этот неутомимый труженик должен был лечь в больницу, у него внезапно начался паралич ног и последние 15 лет своей жизни он провел в полудлежащем положении, не выходя из своей комнаты, правда, окруженный верными друзьями. Можно было только поражаться удивительной крепости и терпению этого человека. До самых почти последних недель своей жизни он вел обширную переписку, принимал друзей, и беседы с ним всегда имели исключительно интересный и поучительный характер. Он мог часами говорить о своем любимом деле и, придя к нему на четверть часа, уйти было совершенно невозможно, так захватывала вас беседа этого выдающегося человека и большого ученого в своей области. Все время он приводил в порядок собранную им документацию и напечатал сначала в журнале «Военная Быль», а затем и выпущенные отдельными изданиями две брошюры: «Ордена и знаки отличия гражданской войны», труд, наверное можно сказать, единственный в своем роде и ныне переведенный на французский язык. Русская же брошюра уже очень давно была распродана. Вторая брошюра «Воспоминания юнкера — Алексеева» вышла отдельной брошюрой в том же издании «Военная Быль». В дальнейшем он готовил новый труд — опи-

сание всех русских медалей. Этот труд остался ненапечатанным.

Чувствуя приближение конца, Павел Васильевич всю свою военную библиотеку и коллекции, как гравюр, так и знаков и медалей, завещал Обществу Друзей «Военной Были», для помещения в имеющемся при Обществе, которого он был одним из первых членов, музее. Вот пример мудрого решения вопроса о нашем военно-историческом наследстве. В ближайшие дни все его коллекции будут перевезены в помещение музея, обогатив его содержание, и будут ждать со всем остальным дальнейшего правильного решения вопроса и избегнут «иностранных рук».

Погребение Павла Васильевича состоялось 22 февраля, на русском кладбище в Сент Жене-вьев де Буа под Парижем.

Л. Пеньков

Обще-каздетское Объединение во Франции и выросшее из него Общество Друзей «Военной Были» с грустью склоняют голову перед памятью своего друга и человека, так много сделавшего в эмиграции для увековечения Российской Императорской армии и флота.

Председатель Правления Общества

Алексей Геринг

Великий поход

В номере 114 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» был помещен очерк: «Из записной книжки начальника штаба 14-го армейского корпуса. 1914 год». Эта очень интересная краткая хроника действий корпуса, однако, не описывает с достаточной подробностью все его бои, передвижения и тот «Великий Поход» о котором будет написано в дальнейшем. Генерал Милоданович охарактеризовал работу штаба крупного войскового соединения, численностью более 50.000 человек. Мне же, младшему офицеру первой батареи 14-го мортирного дивизиона, который непосредственно подчинялся штабу корпуса, все его действия, а главным образом действия 18-ой дивизии, с которой мы были ближе всего связаны, проходили перед моими глазами и были занесены на страницы «Журнала военных действий» нашего мортирного дивизиона. Вот поэтому «Записная книжка начальника шта-

ба» побудила меня описать более подробно бои и марши корпуса с первых дней военных действий до конца этого похода. Ввиду того, во время второй великой войны, моих дневников даты может быть будут не всегда совсем точны, за что прошу меня заранее извинить.

14-ый армейский корпус, под командой генерала Войшин Мурдас Жилинского, начальника штаба генерала Милодановича и начальника артиллерии генерала Вартанова, по мобилизационному плану, входя в состав войск 4-ой армии, имел директивой развертывание южнее и юго — западнее Люблина (Юзефов-Хедель-Быхава) так, чтобы 8 августа занять фронт по линии Вильколас-Жолкиевка-Избица, продвинувшимися авангардами. Необходимо упомянуть, что состав корпуса уже при развертывании был нарушен, две стрелковые бригады бы-

ли заменены 45-ой дивизией и втсроочередной 80-ой дивизией, которая еще и не подошла. Правый фланг корпуса прикрывали 13-я и 14-я кавалерийские дивизии, первая на правом, вторая на левом берегах р. Вислы, с придачей им пехотных и артиллерийских частей (2 батареи 18-ой бригады и две гаубицы 2-ой мортирной батареи). Слабость нашего правого фланга дала возможность австро-венгерским войскам прорваться нам в тыл и зайти довольно глубоко за линию фронта, но подоспевшими частями 80-ой дивизии и лихим ударом первой бригады 18-ой дивизии (69-ой Рязанский и 70-й Рязский пп.) наше положение укрепились, но создалось опасное положение на левом фланге, где произошел отрыв 4-й армии от пятой. С большим напряжением и этот прорыв противника был ликвидирован. Наш мортирный дивизион 9, 10 и 11 августа вел огонь по резервам противника, не давая им приближаться. 12 августа утром, войдя в деревню Вильколас, дивизион целый день простоял в ней на дороге. Мы в этот день так никакого участия в бою и не принимали, издали наблюдая, как пролетал аэроплан противника. Во время этих боев, не помню точно, 10-го или 11 августа, был ранен шрапнельной пулей в спину и эвакуирован наш адъютант дивизиона поручик Лозовский. Простояв в деревне целый день в боевой готовности, получили приказ, когда начало уже смеркаться, перейти в городок Красник. Темнота наступила поразительная. Движение шло перемешанными частями и без особого порядка. Вдруг в тылах колонны раздались крики: « Конница, конница! » Началась паника, которую остановили крутыми мерами, а командир нашего дивизиона полковник Красноперов, на крупиной рыси, сидя на лафете орудия, вкатил в Красник прямо на глаза командира корпуса, за это и получил жестокий разнос. А наша вторая батарея подполковника Ленчевского отличилась еще лучше — ездовые порубили постройки и бросили два перекла с зарядными ящиками. Об этих ящиках я упомяну еще, когда подойдет июнь 1915 года. Около 19-20 августа наш корпус вошел вновь сформированную 9-ую армию, под командованием генерала Лечицкого, начальника штаба генерала Гулевича и генкварма генерала Головина. Преследование отступающих в большом беспорядке австро-венгерцев шло почти без задержки. Нам достались сотни тысяч пленных и большие трофеи. Произведя необходимые перегруппировки и перейдя 28 августа в общее наступление, мы нанесли противнику большое поражение. Перейдя р. Сан 2 и 3 сентября мы были немного задержаны противником у м. Майдан, на австрийской территории, но благодаря огню наших батарей, австро-венгры опять поспешно отошли. К 15 сентября

18-я дивизия вышла к верхнему течению Вислоки и форсировала ее у городка Мелец, в котором расположился штаб корпуса. Части 71-го Беловского полка продолжали гнать противника. К сожалению наше командование не обнаружило своевременно накопления немецких сил генерала Войрша около Островца и Опатова. Немцы этим маневром хотели ударить в тыл нашей 9-ой армии, но под Опатовым их задержали гвардейские стрелки генерала Дельсала, оказав геройское сопротивление, но сами понесли очень большие потери. Кажется, 18 сентября 9-я армия начала свой отход от Вислоки. В ночь на 19-ое наш мортирный дивизион стал в одну линию на позицию за деревней Залешаны, упоминаемой в своих записках генералом Милодановичем. Было около полуночи, когда нам приказали отходить в большой темноте и начал идти дождь. Часам к трем ночи колонна остановилась под непрерывным осенним дождем. Наконец обстановка выяснилась в очень печальном виде. Мост через р. Сан сорвало, саперы навели легкий настил на бочках, но вода после дождей сильно поднялась и мост поднимал только легкую нагрузку. Командир дивизиона вызвал меня и приказал отправиться вниз по течению реки искать другую переправу. Начало светать, но дождь не прекращался. Проехав верст 10-12 в северном направлении, я увидел мост долговременной постройки, который мог выдержать любую артиллерию, но саперный офицер сообщил мне, что он ждет с минуты на минуту приказа взорвать мост. Переехав с разведчиком на правый берег Сана, пришлось прийти к заключению, что если бы наша осведомленность была более широка, то, идя сразу на эту переправу, мы могли бы перейти на другую сторону реки вполне благополучно, так как противник на нас совершенно не нажимал. Теперь же, приняв в расчет время моего возвращения назад к дивизиону, мост будет уже взорван. Дождь прекратился и через два-три часа я доложил командиру нашего дивизиона в присутствии командира корпуса все, что мне было известно. Командир корпуса, подумав, обратился к нашему дивизионеру и сказал: « Вам, полковник, надо топить ваши гаубицы, я их не могу пустить на эту переправу ». Такое приказание принудило нас спасти свои орудия и свою честь какими-либо другими путями. Так как мы переправились немного севернее городка Радомысль, то тут было легче найти то, что могло спасти наши дивизион. Доложив командиру батареи всю суть нашего положения и с его согласия, мы собрали разведчиков и раторопных солдат, быстро нашли австрийский понтон, еще старой квадратной формы, покрыли его настилом и, перебросив солидный канат через реку и укрепив его кон-

цы начали по одному орудию переправлять батарею на другой берег. Ввиду того, что настил в бочки выдерживал перекачиваемое легкое орудие, то, опустив передки и ящики от лотков со снарядами, их порознь перекачивали по настилу, снаряды переносили на руках, а коней переводили по-парно. Наша переправа прошла благополучно, заняв около 5-6 часов. Хорошо еще то, что противник не принимал решительных мер, хотя четвертая батарея 19-ой бригады, став на позицию тут же, около переправы, открыла огонь и этим могла привлечь огонь противника. Но, к счастью, это были австрийцы. Надо добавить еще одно обстоятельство, что мост около городка Ниско (южнее) был также взорван и части, которые собрались там к переправе, должны были спешно перейти к нашей. Однако, несмотря на такое скопление войск, переправа была закончена к утру следующего дня, хотя одиночные люди продолжали переправляться еще пару дней, в темное время. Когда первая батарея мортирного дивизиона перешла полностью на другой берег (наши обозы прошли раньше), она, пройдя на южную окраину Радомысля, стала на позицию и открыла, по приказанию к-ра корпуса, огонь по кирпичному заводу, чтобы сбить его трубу, где по уверению пехотных частей сидел наблюдатель. Командир батареи подполковник Лундшвер, найдя вилку, открыл огонь батареей, не изменяя параллельного веера. Молодому офицеру пришлось подсказать, что лучше сузить веер, для большей вероятности попаданий.

На другой день мне приказали с телефонистом найти более выгодный наблюдательный пункт. Удалось найти большой холм, близко к берегу реки с двумя-тремя одиночными большими деревьями, но видимо была сильно ограничена лесами, где противник хорошо маскировался. Дивизион получил приказ по корпусу, где нам выражалась благодарность за спасение своих гаубиц и приказ представить кого следует к наградам. Укрепив стереотрубу, без треноги, за большим деревом, я убедился в том, что противник совершенно пассивен. Вдруг вижу, как ко мне подходит командир второй батареи, упомянутый раньше подполковник Ленчевский, с малой трубой и тоже с телефонистом. Он сразу же приказал выконать ровик для укрытия, но ввиду тишины наблюдал стоя около него, сзади и левее меня. Наше спокойствие прервал звук орудийного выстрела со стороны противника и шипящий шум снаряда. Сразу почувствовалось, что стреляет гаубица, потому что пушечный выстрел и разрыв снаряда идут почти одновременно. Действительно, слева от нас разорвалась бомба легкой австрийской 10-сантиметровой гаубицы. Разрыв был шагах в двадцати, и я лично ника-

ких осколков не заметил, да это и не удивительно, ибо граната ударилась в болотистый грунт, но Ленчевский, прыгая в ровик, зацепил носом за сучек дерева. Результат: год старшинства за ранение с оставлением в строю. Подошел к нам еще один командир батареи 80-ой бригады подполковник Бищотко. Он устроился с трубой за другим деревом и часто псевторял: «Никто как Бог!» На другой день он был ранен и благополучно эвакуировался. Простояли мы с 18-ой дивизией на этой позиции до 24 сентября, когда командир дивизиона приказал мне с двумя разведчиками разведать дорогу и найти стоянку третьего тяжелого дивизиона, который мы должны были сменить. На другое утро мы и сменили его, а при взаимных приветствиях были поражены адъютантом дивизиона, который всем своим видом был вылитым портретом Императора Александра Третьего, просто поразительно. Простояли мы на этой позиции до 27 сентября, а на другой день нам предстояло рано утром выступить самостоятельно всем дивизионом по маршруту Уржандов-Ходель-Вонвольница-Ново-Александрия. В это время как раз шли бои на подступах к Варшаве и Ивангороду. Да и стоя на последней позиции, нам пришлось наблюдать движение многих колонн противника на север, очевидно под Варшаву, но они, к сожалению, были вне дальности нашего огня. Переход мы прошли совершенно спокойно, если не считать одной бомбы, сброшенной с самолета на Вонвольницу, по которой шла донская сотня, бросившаяся врассыпную. К счастью, эта первая бомба с самолета была очень маленькая и никакого урона нам не причинила. Подошли мы к Новой-Александрии 10 октября, и на другой день, после сильной артиллерийской подготовки, наши части перешли по отличному мосту на левый берег Вислы. В этих боях особенно отличились гренадеры 3-го кавказского корпуса и 18-я дивизия, прорвав фронт противника как раз на стыке австро-германских войск; 9-я армия продолжала энергичное наступление, на юг вдоль левого берега Вислы и западнее. Противник отходил крайне поспешно, и нас очень удивляло отсутствие нашей конницы, а ведь при корпусе было две дивизии, которые могли бы совершенно разгромить австрийские войска. Только на второй день нашего движения, когда части 18-ой дивизии становились на ночлег, при заходе солнца нас догнали Владимирские уланы 13-ой кавалерийской дивизии; они нас спрашивали о том, где противник, а казалось бы, что нам надо было их спрашивать об этом. Командовал этой дивизией генерал кн. Туманов, почему ее и прозвали «туманной», немного несправедливо, так как полки были хорошие.

Наше продвижение шло безостановочно до

18 октября, когда армия подошла к реке Опатовке и городку Опатову своим левым флангом. Тут противник, пользуясь естественной преградой, задержался, но, благодаря сильному артиллерийскому огню, наши части 18-й дивизии быстро заняли г. Опатов, и противник снова обрелся в паническое бегство. Наша первая батарея обстреливала во время боя монастырскую ограду на левой, видимой стороне Опатова, которая служила хорошим опорным пунктом австрийцам, а вторая батарея разбила сахарный завод. Корпус снова пошел дальше, едва успевая не терять противника из вида; 25 октября мы заночевали в Сташове, а 27 октября нам была дана дневка в местечке Стопница, где нас нагнал штаб корпуса и 29 октября 18-я и 75-я дивизия продолжали свое движение на Краков. Нашему 14-му корпусу надо было обтекать этот город с востока (75-я дивизия) и юга (18-я дивизия), а севернее его обходил гвардейский корпус. Нас начали донимать снег и морозы, но несмотря на это, 16 ноября части 18-й дивизии заняли городок Мысленицы, что южнее Кракова верст на 30. В это время севернее Кракова подошедшие на помощь австрийцам немецкие части потеснили нашу 75-ю дивизию и атаковали во фланг наш гвардейский корпус; положение спас л.-гв. Финляндский полк решительным ударом под Янгородом. Наш противника заставил наскомандование передвинуть 14-й корпус а затем и 17-й на поддержку гвардии. Бои затихли, и к тому же наступили сильные морозы. Около 19-20 ноября нашему корпусу было приказано в два перехода ускоренным маршем прибыть в Пришедборж. Поход был достаточно труден: снег, мороз, а главное — все пути были забиты обозами наших частей, отходящих с западных участков фронта. Корпус вышел из состава 9-й армии и оказался резервом главнокомандующего фронта. Из Пришедборжа, куда мы прибыли вечером, с трудом найдя места для ночлега, на другой день, еще до рассвета, нам было приказано занять позиции перед Сулевым для выручки 7-й дивизии. Как раз шли жестокие бои вокруг Петрокова, который переходил два раза из рук в руки. Бои под Петроковым окончились для нас неудачно, и корпус отошел к местечку Опочно; наш отход прикрывали: бригада 45-й дивизии и 1-ая гвардейская кавалерийская дивизия.

В Опочно корпус за более чем трехмесячную тяжелую боевую и походную службу получил короткий отдых и пополнение как людьми, так и всеми видами довольствия. Простояли мы спокойно 4 дня, а 5 декабря корпусу было приказано выступить к местечку Иновлозди, на р. Пилице, где атаковать переправившихся немцев. Наш корпус теперь входил в состав 4-й ар-

мии, которую принял генерал Эверт, в нее входили 14-й и 16-й корпуса и 2-я стрелковая бригада. Для атаки была первая линия из 69-го Рязанского и 70-го Рязского полков и в поддержку им 71-й Белевский и 72-й Тульский полки. После короткой, но сильной артиллерийской подготовки, первая бригада сбита немцев и на их плечах Рязский полк перешел полузамерзшую Пилицу, закрепившись на занитой позиции. Немцы открыли интенсивный артиллерийский огонь по нашим частям, которым пришлось снова отойти на правый берег реки, но противник не пытался преследовать их через реку.

На этом маневренная война затихла и началась оборонительная, или окопная. Наш корпус, имея в своем составе только 18-ю и 45-ю дивизии, занял позиции по реке Пилице, от м. Иновлозди до м. Нове-Място. В период декабрьских боев у Иновлозди был убит мой командир батареи подполковник Павел Александрович Лундышев, очень робкий и пугающийся человек, и погиб он в халупе на кровати, с которой вел по телефону огонь в ночное время. Немцы засекли нашу батарею и пустили несколько тяжелых бомб, из которых одна попала в дымовую трубу хаты, где он и два телефониста только и были. Малюсенький осколок попал ему в сонную артерию, а телефонисты отделались испугом. Нас, двух младших офицеров, хранил Бог, а старший офицер, в то время не был на батарее. В нашем дивизионе произошли большие перемены в связи со смертью командира первой батареи: батарее принял старший офицер второй батареи капитан Михаил Михайлович Коржец, старший офицер моей батареи капитан Владимир Федорович Громыка был переведен в 45-ю бригаду на должность командира батареи, а в середине января 1915 года в строй вернулся, уже штабс-капитаном, после выздоровления Лозовский, который и стал старшим офицером моей батареи. Наш дивизион занял позицию почти вплотную и западнее деревни Елы-Брудзевицы, первая батарея левее, а вторая правее, и фронтом на запад. На нашем участке было совершенно спокойно и ружейной стрельбы почти, кроме ночного времени, мы не слышали. Во второй половине января нам пришлось слышать сильный артиллерийский огонь северо-западнее нашего участка, а надо сказать, что наш дивизион был как раз на изгибе фронта, когда он переходил из западного направления круто в юго-юго-западное, эта канонада была вызвана боими под Болимовым и Боржимовым. Лично ведя наблюдение с высокой дерева на холме, я увидел немецкую легкую батарею, которая вела огонь в северном направлении. Должен добавить, что нами был уже получен приказ о том, что от-

крывать огонь мы можем только с разрешения штаба корпуса, сообщая о замеченном и прося у командира дивизиона разрешения открыть огонь. Ответ меня поразил: «Огня не открывать, батарея противника не на нашем участке, снаряды беречь!» Было очень обидно дать возможность врагу стрелять по нашим войскам, не отомстив ему. Счевидно, уже начал сказываться пробел нашего генштаба в числе выстрелов, положенных на орудие. Как оказалось впоследствии, была принята норма русско-японской войны, увеличенная на 15%, тогда как ее надо было удвоить, а то и утроить. Примером может служить 6-я батарея 33-й бригады подполковника Смысловского, она в боях под Джибулкой (Томашев) за один день боя выпустила более 2000 снарядов, от такой стрельбы закипело масло в компрессорах, шесть орудий перестали работать и отбивались только две пушки.

Так мы простояли на этой позиции до мая месяца, пока не стряслась наша беда в Карпатах. Наша 3-я армия, понеся большие потери, уже не могла сдерживать противника и безостановочно отходила на северо-восток. Ни в чем не виноватого командующего армией генерала Радко-Дмитриева заменили генералом Леш, но как увидим дальше, это не спасло положения. Ставка Верховного начала переброску войск на помощь отходящим частям 3-ей армии. В числе этих войск был и 14-й корпус. В силу этого 27 апреля сняли 45-ую дивизию, с которой мы больше и не встретились, затем 18-ю дивизию по-бригадно, походным порядком, 29 апреля направили в Островец, а там она погрузилась в вагоны и отправилась на юг. Нашему дивизиону было приказано к 8 мая прибыть на станцию Едльня (севернее Радома) где спешно погрузиться в эшелоны и ожидать дальнейшего приказа. Собственно говоря, мы-то знали, что идем на юг, но это как бы скрывалось. Как только мы погрузились, наши три эшелона, с промежутком в 20 минут, отправились через Радом, Ивангород, Люблин в Розвадов, где и выгрузились. Весь путь мы прошли за одну ночь. На станции Розвадов нас встретили генерал Леш и командир корпуса, который приказал накормить людей и лошадей и через три часа после разгрузки, которую окончили в семь часов утра, дивизион, по порядку батарей, двинулся на переправу через р. Сан. В наш корпус была придана 70-я дивизия генерала Будберга с отличной 70-й артиллерийской бригадой во главе с генералом Гореловым. Перейдя Сан при прекрасной погоде, дивизион двинулся вдоль левого берега реки на юг, к местечку Ниско, которое было занято нашими частями без боя. Следуя далее на местечко Рудник, 69-й и 70-й полки, а затем и вся 18-я

дивизия, а также и 70-я дивизия завязали бой с австрийской армией. После короткого удара 14-й корпус разбил наголову лучшие австрийские дивизии тирольских стрелков, отбросив их в район Чарни Лес (Чернолесье) с большими для них потерями. В местечке Рудник была фабрика плетеной мебели из лозы, и части, проходившие через него, натаскали себе стульев, столов, диванов, которые, правда, пригодились, когда мы почти с неделю стояли на одном и том же месте среди леса. Запомнились некоторые случаи этой стоянки. В лесу было очень много небольших змей, по-видимому не ядовитых, так как жалоб на укусы не было; при прекрасной погоде, расположившись на правом фланге батареи, шагах в пятидесяти от опушки леса, мы, двое младших офицеров, и командир батареи — передком позади и глубже в лесу, мирно попивали чаек, наблюдая, как поднялся очень далеко австрийский привязной аэростат. Немного погодя слышим свист и шипение летящего, как чувствовалось, крупного снаряда; он и в самом деле упал и разорвался как раз перед серединой фронта батареи, а второй снаряд упал на самую батарею, между 4-м и 5-м орудиями, но, к счастью, никто не был ни ранен, ни убит. Мы и солдаты батареи, как были, так и остались в своих положениях, и видим, как командир батареи, в белых подштаниках и розовой рубашке, бежит в глубь леса с криком: «Уведите людей! Уводите людей!» Картинка была очень веселая. Еще запомнилось, как второй дивизион 18-ой бригады, став в одну линию, с наступлением темноты открыл огонь орудиями с минутным интервалом и изводил нас этим часом полтора, после чего мы и заснули.

Нашему стоянию на этой позиции наконец пришел срок, и около 4 июня наш корпус, а вернее — армия, оказавшаяся обойденной на обоих флангах, принуждена была начать отход. С этого времени и надо считать начало того похода, о котором упоминает название этой статьи-хроники, 5 июня мы перешли Сан, опять около Розвадова, и пошли на Янов; боев никаких не было и двигались мы совершенно спокойно. Меня выслали с разведчиками квартирмейстером; не помню, около какой деревушки я наткнулся на два передка и к ним ящики, на которых было написано «2-я батарея 14-го мортирного дивизиона», те самые, о которых упоминалось раньше. Когда дивизион прибыл на ночлег, я доложил командиру дивизиона, тогдашнему командиру батареи Ленчевскому, о том, что установил место его ящиков, и спросил, не прикажет ли он их забрать? Он обозлился и ничего не сказал. Передки и ящики остались, а я нажил себе врага. Из Яноба мы пришли в Турбин 8 июня, в котором простояли два дня и

получили приказ занять позицию перед местечком Избица, кроме нашего дивизиона ввиду недостатка снарядов. Кроме того, сообщалось, что 14-ый корпус с 11 на 12 июня переходит в состав Северо-Западного фронта со всей 3-ой армией. Было очень тяжело наблюдать, как 16 июня Тульский полк, без артиллерийской подготовки, стройными рядами повел атаку на противника, а мы стояли с болью в сердцах, не имея возможности помочь своим Тулякам. Корпус задержал противника, и мы два дня простояли в м. Избица. Следующий переход был до деревни Вишенка, где наш дивизион опять стоял, не принимая участия в бою. На другой день мне приказали взять двух телефонистов, пройти на горку, которая была на опушке леса, и осмотреть, что происходит на стороне противника. Телефонисты установили связь с дивизионом, и я начал докладывать, что вижу, как немцы в версте от меня поодиночке проходят по гати через болотистый ручей, и в это же время почти над нами разорвались две шрапнели, обсыпав пулями лес позади нас. Связь с дивизионом прервалась. Я приказал сматывать провод, и мы быстро пошли обратно в Вишенки. На нашем биваке было пусто. Немедленно пошли по орудиным следам догонять дивизион, шли между отходящей пехотой и догнали дивизион только часам к четырем. Я заявил командиру батареи претензию в том, что никто не позаботился выслать за нами разведчика, но он оправдывался и уверял, что выслал, но разведчик мол, натолкнулся на немцев и удрал. Я же уверен, что со страху он просто забыл; это мне подтвердили и разведчики, с которыми у меня была дружная, тесная связь.

Наш дивизион стал на позицию за деревней Сенницей (были еще Сенница Надольня и Сенница Крулевская, близко одна от другой), и, ведя наблюдение, я вдруг увидел розово-белые разрывы; а, значит — австрияки, тогда будет легче! Действительно было легче, эти чудачки почти целый день палили по снапам, приняв их за людей и выпустив уйму снарядов. Хотя мы и были в боевой линии, но огня не открывали, ведя лишь бесперерывное наблюдение за противником. Около 24 июня мы вошли в деревню Чулчице и нам было приказано стать на позицию, которую мы и заняли обеими батареями с небольшим интервалом, за довольно большой горой, высота 307, по прозвищу жителей — «Лысой», да она и была такой, кроме небольших, редких кустиков. Около этой горы разыгрались очень сильные бои, и при этом оказалось, что перед нами снова немцы, которым удалось занять гору, но их выбил оттуда сперва Тульский полк, а вторично — Рязанский, но удержаться он не смог, и дивизия оказалась перед деревней, позади горы. В ту же

ночь меня с разведчиком выслали на поиски новой позиции на подступах к городу Краснотаву. Не доезжая верст 20 до Краснотава, я увидел заграждение колючей проволоки в дватри ряда кольев, а за заграждением окопы полной профили. Решил искать позиции для батарей верстах в двух-трех сзади этих окопов. На другой день мы эту позицию и заняли, а окопы впереди заняла 18-я дивизия. Интересно отметить, что левее нас был 24-ый корпус, слабо действующий, а правее наш гвардейский корпус против 1-ой гвардейской немецкой дивизии, но перевес был у них в артиллерии.

Бои у Краснотава шли довольно долго, начавшись 3 июля, и окончились его оставлением 7-8 июля. Мы отошли через станцию Рейовец на Холм. Проходили этот город вечером, во многих местах он горел, грусть была на душе и сомнения в правильности нашего военного управления, оставившего армию без должного снабжения. Шли всю ночь, окруженные заревами пожаров, было приказано сжигать хлеба на корню, запах гари и копоть сопровождали нашу колонну, среди которой двигались беженцы, между ними попадались и помечичьи коляски. Холм был нами оставлен 19 июля, из своей резиденции отбыл и митрополит Анастасий, известный нам в зарубежье. Следующей нашей позицией были окопы перед местечком Савин; по дороге мы впервые встретили броневик «Добрыня Никитич», который на шоссе много раз разгонял немецкие колонны, но, к сожалению, помогал только там, где дорога была твердого грунта; кроме того, ему надо было часто уходить для пополнения горючего и снаряжения. Тут же мы увидели две мортиры японского изделия, которые они нам прислали после занятия ими Циндао. К сожалению, сложность их установки не позволяла им принимать участия в боях, требующих постоянного передвижения. Сделав очень мало выстрелов, эти 8-дюймовые мортиры снялись, и мы их больше не встречали. Нашему дивизиону было приказано, а если не ошибаюсь, то и всему корпусу, с 22 июля отходить через Влодаву в Брест-Литовск, куда мы и прибыли 5 августа, расположившись в районе южной, а затем западной центральной обороны. Никаких боевых действий мы не имели и 25-го в ночь начали отходить из крепости, всем корпусом, на Кобрин, Каргуз-Березу, Слоним, Новоградук, Молодечно. Оставляли Брест-Литовск в темноте, среди пожаров и взрывов, которыми уничтожались огромные склады невывезенных интендантских запасов, а так же и форты. Противник занял крепость 26 августа.

Наш 500-верстный поход до Молодечно мы прошли за 15 дней и, прибыв к месту назначения, были очень обрадованы встречей с командиром 27-го корпуса, который, после Галиций-

ской победы, сдал нашу 18-ю дивизию. Это был всеми уважаемый и любимый генерал Баланин. Обойдя части корпуса, он сказал: «Мы ждали вас раньше, теперь же мы сами справились с прорывом у Свенцяи и хорошо одержали победу над немцами». Подошли мы к Молодечню 9 сентября и, пробыв два дня в резерве, на случай контр-удара немцев, корпус двинулся дальше на Долинов, Поставы, Глубокое, Опсу и, подойдя в район Мурмишки, сделал еще до 300 верст, числа 24 сентября вошел в состав 1-ой армии, закончив свой «великий поход», пройдя извилистыми путями, около 1800 верст за 112 дней. Не приходилось ни слышать, ни читать о том, чтобы какой-либо другой корпус проделал такой поход. Ведь мы прошли из Галиции до Виньса не просто походом, но и ведя часто бои, выручая наши части из опасных положений, составляя резерв главнокомандующего, что взяло не менее 32 дней, таким образом на чисто походный срок надо считать дней 80 и в среднем корпус шел по 25-30 верст, а это

было близко к форсированному маршу. Говорят, что в Ставке корпус назвали «железным», но лично мне приходилось наблюдать не только доблесть войск корпуса, но и честное, воинское отношение к службе «За Веру, Царя и Отечество». Как было тяжело, больно, непонятно и ужасно разочароваться в 1917 году в русском, простом, доверчивом, добродушном солдате, сделавшемся тогда зверем.

Заканчивая эту, далеко не полную, хронику славных дел 14-го армейского корпуса, дополню ее тем, что корпус в том же составе из 18-й, 70-ой дивизий, двух их артиллерийских бригад, нашего мортирного дивизиона, 14-ой саперной роты, 14-ой воздухоплавательной роты, 15-го корпусного авиационного отряда и всех прочих частей простоял на этих позициях все время до своего печального конца, иногда передвигаясь к югу и обратно для выполнения боевых заданий.

Штабс-капитан Стефановский

После корпуса

В № 127 нашего журнала М.С. подробно и правильно описал последние дни нашего Первого кадетского корпуса. Мне хочется сказать несколько слов от том, «а что же было дальше?»

6 марта 1918 года Первый кадетский корпус был окончательно расформирован, когда кадеты получили свои аттестаты и были распущены по домам. Но, конечно, не все кадеты смогли поехать домой. В стране началась гражданская война, и многочисленные фронты не давали к этому возможности. Часть кадет приютили наши офицеры-воспитатели, а часть просто попала в Детские Дома, чтобы там затеряться и погибнуть среди беспризорников.

Здание осталось пустым и служило для нужд военного ведомства. В 1919 году было приступлено к формированию советских военных курсов и школ. В нашем корпусе была основана 1-я Интернациональная школа курсантов. Состав был преимущественно из финнов, венгров и людей других национальностей. Начальником школы был назначен профессор Академии Генерального штаба Петр Иванович Изместьев, который одновременно являлся начальником военной секции Центрального Петроградского Исторического Архива, управление которого помещалось в здании Сената. Его усилив, главным образом, корпус и обязан спасением своего архива и музея. Архив корпуса, в полном по-

рядке, был перевезен в здание бывшего Цензурного управления на Екатерингофском проспекте, а оттуда впоследствии, в 1927 году, перевезен в архив Главного штаба, на Дворцовой площади. В Архиве нашем сохранились все документы с 1731 года до 1917 включительно. Сохранились такие вещи, как классные журналы с нашими отметками и с записями наших проступков, аттестации кадет и буквально вся бухгалтерия и отчетность.

Музей корпуса пострадал значительно, все манекены — формы были перевезены в Артиллерийский музей, в кронверки Петропавловской крепости, где они и хранятся вместе со старыми знаменами полков Императорской армии. Деревянные модели, хранившиеся в музее корпуса, были разобраны на топливо.

Библиотека музея, старые книги и журналы времен директора корпуса Принца Ангальта были тоже переданы в Артиллерийский музей, где их хранили. К сожалению, эти помещения не отапливались, они были сырые. Хранители были люди малокультурные и не интеллигентные, оружейные мастера, которые не могли оценить и понимать ценности таких вещей. Попытки перевести их в библиотеку Централархива не увенчались успехом.

Что касается библиотеки фундаментальной то она была растащена и расхищена, так как перевезти ее не было средств, да и в Архиве

хранить ее не полагалось. Местный комитет служащих разыгрывал их в лотерею, причем не отдельных авторов, а по отдельным книгам. Получался выигрыш: том «Исторического Вестника», том Лермонтова и т. п. В числе архивного масериала был многотомный дневник последнего директора корпуса. Он очень интересен и хранится в Москве, в Ленинском Архиве, в отделе частных архивов.

Участь заведовавшего музеем корпуса Александра Александровича Крутецкого неизвестна, думают, что он погиб. Но музей и архив он сдал в образцовом порядке. Один из воспитателей корпуса, штабс-капитан Рязанцев, был арестован после убийства Урицкого и расстрелян. Сыну его в это время было три года, а в 1935 году он был в ссылке, посланный за то, что отца его расстреляли.

В здании корпуса 1-я Интернациональная школа была расформирована и присоединена к пехотной военной школе в здании Пажеского корпуса. В классном флигеле у нас поместили политическую школу военных комиссаров, часть здания на набережной отошла к университету. П.И. Измъев был неоднократно арестован и, если не ошибаюсь, в 1923-24 гг. умер от разрыва сердца. После его смерти началось разрушение остатков нашего корпуса. Имуще-

ство цейхауза было расхищено лазаретом, который помещался в здании корпуса. О нашем серебре времен Анны Иоанновны ничего не было известно.

Из бывших кадет погибли: Перский Константин вып. 1897 г., 6 марта 1938 г., Гильбих Эдуард вып. 1898 г. в апреле 1931 г. Между прочим, в 1930-31 гг. был большой поход против офицеров частей г. Петербурга и его окрестностей. По полковым спискам издания «Весь Петербург» все остатки были арестованы. Почти все сосланы, многие расстреляны: л.-гв. Преображенского полка генерал-майор Казакевич, Зуев, граф Муравьев; л. гв. Семеновского полка погибли все; л. гв. Измайловского — капитан Кованько; л. гв. Егерского капитан Яблочков, сын командира; л. гв. Московского полковник Пузинский, Гильбих; л. гв. Гренадерского — все, 145-го пехот. Новочеркасского полка капитан Цицерон. В 148-м пехот. Каспийском и л. гв. Преображенском полку были найдены знамена. Погибло очень много офицеров. Офицеры Константиновского артиллерийского училища за товарищеский завтрак в 1923 году. Директор и офицеры Александровского кадетского корпуса за хранение знамени. Это те, кого я знал. На самом деле их было гораздо больше. X.

Как английские коммерсанты поомгали Германии во время первой великой войны

Восемь лет тому назад в Англии была издана книга, освещающая одну из очень интересных деталей первой мировой войны, но оставшаяся как-то в тени и привлекающая к себе внимание только в последнее время.

Эта книга «The Triumph of Unarmed Forces» написана английским контр-адмиралом Консеттом и заключает в себе документально доказанные факты и статистические данные о той оживленной торговле, которая велась Англией в течение 1914-17 годов с нейтральными скандинавскими государствами, переправлявшими английский уголь, сырье и продукты в Германию и в Австрию.

Автор, занимавший во время войны должность британского военно-морского агента в скандинавских государствах (Швеция, Норвегия и Дания), не ставит точек над «и» и не предьявляет ни к кому прямых обвинений в попустительстве или в слепоте, но его личные чувства высказаны достаточно определенно в посвящении книги тем, «кто сражался и пал

под британским флагом», и в заглавном рисунке, изображающем немецкого генерала, окруженного гроидами английских товаров, с подписью внизу: «Истинные друзья познаются только в нужде. Кто сказал: «Боже, накажи Англию»? Нет! Боже, благослови Англию, которая позволила нам получать то, что давало нам силу для продолжения войны».

При изложении фактов адмирал Консетт указывает, что он постоянно и настойчиво доносил своему прямому начальству о переотправке в Германию большей части грузов, приходивших в скандинавские страны из Англии, но без каких-нибудь положительных результатов. О том же самым заявляли Англии и Соединенные Штаты в то время, когда еще не были вовлечены в войну и когда суровое применение Англией правил морской блокады очень невыгодно отражалось на морской торговле Штатов как с центральными, так и с нейтральными державами.

Со вступлением Соединенных Штатов г чи-

сло воюющих стран, их прежний протест торговых конкурентов сменился требованием прекратить такое замаскированное подкармливание общего врага, что и вызвало принятие ряда весьма решительных мер, сведших торговые сношения скандинавских государств с Германией к самым ничтожным размерам и отразившихся самым существенным образом на продовольственном и сырьевом снабжении Германии и Австрии.

Статистические данные, собранные адмиралом Консеттом по английскому экспорту в скандинавские страны и по вывозу из этих стран в Германию и в Австрию, показывают, что в течение 1914-16 гг. и начала 1917 года Англия и ее колонии допускали вывоз в скандинавские страны такого количества сырья и продовольственных продуктов, которое весьма значительно, в два и три раза, а в некоторых случаях в пять и в шесть, а то и больше раз, превышало обычные нормы вывоза мирного времени. Такое усиление отмечено Консеттом по вывозу растительных и животных жиров, чая, какао, хлопчатобумажных изделий и пряжи, пеньки, каучука, шкур и готовой обуви, мыла, свечей, спирта, льняного семени, жмыхов, борной кислоты, дубильных веществ, копры, меди, никеля, свинца, олова, цинка, асбеста, фосфата, суперфосфата, шерстяных тканей, резиновых шин, пиритовой руды, ферросиликата, ферро-марганца, каменного угля; смазочных масел и древесной массы.

В общем, в течение первых 2 1/2 лет войны скандинавские страны вывезли в Германию около полутора миллионов метрических тонн съестных припасов (втрое больше нормы мирного времени; главным образом мяса, рыбы, консервов, молочных продуктов, яиц, сала, маргарина) и около 5-6 миллионов тонн разного сырья.

Значительные количества сырья английского производства, переданные скандинавскими государствами Германии, сыгнали весьма важную

роль в устранении сырьевого голода немецкой военной и общей промышленности и в доставлении немцам остро необходимых для них запасов цветных металлов и специальных руд (в том числе сырья и металлов, обеспечивших широкое развитие постройки подводных лодок, цеппелинов и работу химической промышленности, то есть тех отделов боевой промышленности, от которой особенно пострадали союзники вообще и Англия преимущественно).

Факты и цифры взяты автором из официальной статистики Англии и скандинавских государств (работа адмирала Консетта в бытность его военно-морским агентом была затруднена тем, что по соглашению между Данией, Швецией и Норвегией, заключенному в начале войны, было решено сделать секретными все сведения, касающиеся внешней торговли этих государств) и, конечно, значительно ниже действительности, ибо несомненно, что ввиду выгодности торговых сношений нейтральных государств, с Германией многое шло через нейтральные границы контрабандным путем.

Все это и дает адмиралу Консетту полное право прийти к неоспоримому заключению, что «эта позорная и бесчестная торговля способствовала длительной затяжке войны».

Действительно, ведь если бы Германия не получила тех 80 миллионов пудов съестных припасов и тех 400 миллионов пудов разного и остро нужного ей сырья, которые прибыли к ней через нейтральные страны, то не может быть никаких сомнений в том, что продовольственный и военный крах центральных держав наступил бы значительно раньше и заставил бы эти державы искать мира еще в 1916 году.

К великому несчастью для человечества, циничное убеждение, что золото не пахнет, действительно для коммерсантов и во время войны и даже при применении по отношению к торговле с врагами своего же народа.

И. И. Бсбарыков



Российские солдаты

(из боевых воспоминаний)



Посвящается Казанским драгунам за «Веру
и Верность» убиснным

Воспоминания о Великой войне всегда вызывают в нас благоговейные чувства перед образом нашего императорского солдата — драгуна. Без его высоких боевых и нравственных качеств невозможны были бы те изумительные по героизму и успеху полковые дела, давшие нашему полку 16 офицерских Георгиевских наград.

Сегодня, в день полкового праздника, я вспоминаю один из славнейших подвигов наших драгун, слава которого принадлежит исключительно им — солдатам. Подвиг этот показывает нам идеальный образ не только бойца, но и русского человека, проникнутого чувством безграничной, жертвенной любви к Родине, к полку и чувством христианского долга — «больше сея любви никто же иметь, да кто душу свою положит за други своя». Эти герои, эти полуграммные простые русские люди навсегда останутся в нашей памяти, и их пример должен быть постоянной причиной нашего воодушевления и веры в национальную мощь русского народа и во временность постигшего Россию несчастья.

1916 год, 10 августа, Галиция, бои на путях к Галичу. Спешенный полк занимает позицию. Участок моего эскадрона — на опушке мелкого кустарника. Левый фланг упирается в узкую рошу, тянущуюся по направлению к противнику. Впереди позиции противника вынесены отдельные окопы. Некоторые из них только на ночь занимают постами и заставами. Удаление этих отдельных окопов от нашей позиции шагов 500-600. Местность между позициями открытая, с нескошенными посевами.

По наблюдениям и звукам выстрелов установлено, что австрийцы сменены германцами. Но штабу армии нужны точные сведения. Поэтому нам отдано приказание захватить пленного. Различным войсковым частям никак не

удалось исполнить это приказание. Наконец дошла очередь до нашего полка.

Командир полка выслал на ночь партию разведчиков, тридцать драгун с тремя офицерами, с приказанием захватить пленного. Для успеха, конечно, необходима была внезапность, но несмотря на темную ночь и все принятые меры, разведчики были замечены неприятельскими часовыми. Часа в два ночи я услышал нервный частый ружейный и пулеметный огонь противника, продолжавшийся минут пять... Затем все стихло. Внезапное нападение не удалось, и разведчики вернулись обратно без всякого результата. В эту же ночь, на рассвете, из своей землянки, находившейся в середине позиции эскадрона, в линии окопов, я услышал редкий одиночный огонь на своем левом фланге. Выйдя из землянки, я увидел, что это стреляет мой часовой. Я подошел к нему, и он мне доложил, что неприятельский окоп расположенный против моего левого фланга, шагов на двести в сторону от роши, с вечера занял немецкий пост, к концу ночи он предполагал уйти, но опоздал, рассветло, и мой часовой его заметил. Драгуны стали внимательно следить за окопом, и у них появилась мысль захватить этот пост и осуществить то, что не удалось сделать нашим разведчикам. Взбодный унтер-офицер Руденко доложил мне об этом желании драгун и сказал, что уже есть шесть человек охотников, которых вполне достаточно, так как немцев там не более трех, да и большому количеству людей трудно будет незаметно пробраться. Командир полка разрешил, и я приказал левой заставе, под командой поручика Уднемовского, держать неприятельский пост под огнем, чтобы не позволить немцам высовываться из окопа.

В 17 часов шесть охотников — драгун, взяв бомбы и рассыпавшись так, чтобы иметь охватывающее положение от правого фланга позиции эскадрона, стали пробираться к неприятельскому окопу. Высокие травы скрывали их от глаз соседних неприятельских застав. Весь

эскадрон и группа офицеров с напряженным вниманием следили за их продвижением. Солдатские защитные рубахи то появлялись, то скрывались в посевах, то снова мелькали. Вот они уже в нескольких шагах от окопа, вот они выпрямляются во весь рост, бросают бомбы и с криком « ура ! » бросаются на окоп.

Первые мгновения казалось, что неприятельский окоп пуст ,но вскоре оттуда выскочила целая группа людей в темно-зеленых мундирах и касках, и началась рукопашная схватка. Защитных рубах вдвое меньше, драгунам грозит смерть... а на неприятельской позиции — тревога, слышны сигнальные рожки, началась усиленная ружейная и пулеметная стрельба, неприятельские батареи открыли огонь... А у окопа идет ожесточенная борьба, падают немцы, но свалились и два драгуна. Наших осталось четыре, из которых один с какой-то особой силой и ловкостью, штыковыми ударами отбивается от нападающих, чтобы, отбившись, броситься на помощь своим... Вот уже два немца бегут, спасаются. Желая их захватить, с крайнего левого поста два драгуна бросаются к ним, но попадают под огонь и падают тяжело ранеными.

У окопа бой окончен. Драгуны и немцы, перемешавшись, бегут от окопа к лесу. Через несколько минут три германца — трофеи победителей — были приведены ко мне торжествующими и возбужденными драгунами.

Место боя опустело, остались только убитые и раненые. Два раненых драгуна пытались ползти, но, выбившись из сил, остались неподвижны. Для спасения их два человека, не обращая внимания на сильный огонь, бросились к ним, но пробежав не более 200 шагов от позиции, пали смертельно ранеными разрывными пулями в грудь. Вечерело... Нужно было во чтобы то ни стало спасти раненых, иначе им грозила опасность быть добытыми. Вызвались охотники. Тримя группами, под огнем, они стали пробираться

по посевам к раненым, которые лежали в трех местах. К самым дальним к месту боя благополучно дополз тот же унтер-офицер Руденко с тремя драгунами. Они разделились по два на раненого. Сильный обстрел продолжался. Идти во весь рост и нести раненого было невозможно, оставалось только ползти и тащить по земле, взявши за руки. У каждого раненого прострелены были обе голени, с раздроблением костей. С большими затруднениями, к наступлению темноты все раненые были благополучно принесены к моей землянке. Победа была куплена дорогой ценой, из шести раненых — два смертельно. Особенно я помню одного из них. Землистое лицо, широко открытые глаза, я к нему наклонился, он меня увидел и слабым голосом, почти шопотом, сказал : « Я знаю, Ваше Высокоблагородие, что умираю, а умираю я за Веру, Царя и Отечество » и, помолчав, добавил... « и за наш полк ». Это были его последние слова. Через два часа он умер.

Умер он и за Веру и Верность и за брата своего, которого бежал спасти. « Больше сея любви никто же имати да кто душу свою положит за други своя ».

О захвате трех германцев были уведомлены штаб дивизии и штаб корпуса. Командир корпуса Великий Князь Михаил Александрович приказал немедленно представить героев к Георгиевским наградам. Сменившись с позиции, ночью я написал рапорт. На другой день приехал к нам начальник дивизии. Эскадрону с хором трубачей приказано было построиться. Начальник дивизии лично роздал Георгиевские кресты. Эскадрон приветствовал кавалеров криками « ура ! », а трубачи сыграли полковой марш. В тот же вечер я навещал раненых и передал им, от имени командира корпуса, Георгиевские кресты.

Полковник Попов



Оценка австрийцами русских войск к началу 1917 г.

В моих руках книжка, аккуратно изданная Осведомительным отделом Главного Австрийского Командования под заглавием «Русская армия, начало 1917 года» и предназначенная только для служебного пользования (*).

Начинается книга с описания народов России и следующих статистических данных: численность населения — около 180 миллионов. 88 % населения Европейской России принадлежит к белой расе, а 12 % — к желтой. Состав белой расы: 66,79 % русских (44,30 % великороссов, 17,81 % малороссов и 4,68 % белорусов), далее — 6,31 % поляков, 4,03 % евреев, 1,42 % немцев, 1,14 % латышей, 1,06 % грузин, имеретин и мингрельцев, 0,96 % литовцев, 0,92 % армян, 0,89 % молдаван и румын, 0,80 % эстонцев и т. д. Затем идет таблица по принадлежности к арийской группе: славян, литово-латышей, романских народов, греков, ирано-индусов и кавказцев; семитской группы: евреев и караимов; финской; тюрско-татарской; монгольской и восточно-азиатской (китайцы, корейцы). Приложенные карты дают понятие о районах расселения этих народностей. Затем идет любопытная таблица характеристики народностей, с данными об их численности и местопребываниях. Привожу самые интересные, например:

Адигеи, — около 100 тысяч, населены в районе среднего и нижнего течения Кубани, — благороднейшая ветвь черкесского происхождения, до сих пор освобожденная от военной службы, ныне привлеченная к этапной службе.

Армяне, — около 1.674 тыс. Главное занятие — торговля, хитрый дух спекуляции и, благодаря этому, подобно евреям и грекам, не в почете. Руссофилы. Армии приносят мало пользы, однако при смешивании с другими элементами несут службу хорошо. Отдельные части: 2 добровольческих арм. стр. полка и дивизион конницы.

Башкиры, — около 2.000 тыс. (следует описание наружности); быт и обычаи татарские, к службе всегда готовы; лукавы. Хорошие легкие кавалеристы.

Бухарцы, — около 1.600 тыс., — торговцы, до сих пор освобожденные от воинской повинности, ныне — в этапе.

Болгары, — около 252 тыс., — трудолюбивы, нетребовательны, трезвы и храбры.

(*) Die Russische Armee. Anfang 1917. Nur für den Dienstgebrauch. Nachrichtenabteilung des A.O.K. Wien 1917. Aus der k.k. Hof-und Staatsdruckerei.

Немцы, — около 2.556 тыс., — разделяются на группы: балтийцы, горожане и колонисты юга России и Приволжского района.

Немцы в русских городах (кушцы, профессора, врачи), равно как и колонисты, лишь частично сохранили их национальный язык и бытовые особенности, они в высшей степени русифицированы; живущие в отъезжих провинциях имеют русскую психологию и занимают относительно много влиятельных военных и гражданских должностей.

Эстонцы, — примерно 1.440 тыс., — монгольского типа, сохранили свои национальные и бытовые черты, как немногие другие. Они — хорошие стрелки, саперы, минеры; благодаря хорошему и крепкому телосложению пополняют гвардию и гренадерские полки. Руссофилы.

Финны, — около 2.000 тыс., — болотные жители: серьезные, молчаливы, упрямы, консервативны, недоверчивы к посторонним, но благородный, надежный и честный народ. Шведский язык играет важную роль. Освобождены от военной службы.

Грузины, — около 600 тыс., — большого роста, стройны, сильны. Красивые черты лица с темными глазами. Руссофилы. Выставили добровольческий стр. полк, хотя и подлежат призыву в войска.

Греки, — прим. 50 тыс., — торговцы. Подлежат призыву.

Великоросы, — прим. 79.740 тыс., — сильно-го и хорошо сложенного телосложения. Туповаты, мало самостоятельны, требуют сильной ведущей личности, очень религиозны, добродушны; не особенно постоянны в регулярной работе; беспечны в отношении будущего, радости и горе переносят с большим спокойствием. Обладают большим талантом приспособления к необычным обстоятельствам. Настроены патристически и монархически. Призываются на военную службу. Как солдаты отличны, нетребовательны, храбры, безусловно и слепо послушны. По прежним войнам известны как отличные пехотинцы. Дают свое лицо всей русской армии.

Евреи, — около 7.254 тыс., — в России не допускаются к многим родам деятельности. Хорошо несут службу в армии в качестве отличных литографов, хороших писарей, ловких портных и музыкантов. Как солдаты на фронте не принадлежат к категории способных. Не могут быть офицерами действительной службы или запаса.

Малороссы, — около 32.058 тыс., — высокого роста, стройны и ловки; более живой характер

и большая энергия, чем у великороссов. Нет предприимчивости, но есть любовь к свободе, выражающаяся в принадлежности к казачеству. В отличие от великороссов более подходят для кавалерийской службы. Составляют ядро войск мирного времени Киевского, Одесского округов и юго-восточной части Варшавского, затем Донского и Кубанского казачьих войск и вообще войск, в случае войны формирующихся в этих районах.

Латыши, — прим. 2.052 тыс., — прилежны, терпеливы, послушны. Недоверчивы к немцам, сдержаны. Руссофилы.

Литовцы, — около 1.728 тыс., — сильно смешаны с соседними народами. Некогда воинственный и сильный народ, ныне опустившийся. Вместе со сродными им Жмудью (самогитами), латышами и старыми пруссаками составляют особую ветвь индо-германской расы с особым литовским языком. Литовцы и латыши являются большими любителями лошадей и поэтому призываются предпочтительно в кавалерию и конную артиллерию. Прибережные жители дают хороший матросский материал.

Осетины, — около 200 тыс., — крепко сложенный тип мужчины, однако по своей внешности далеко уступает другим народам Кавказа. Дают Осетинский кон. полк и Осет. пластун. батальоны.

Поляки, — прим. 11.358 тыс., — бойки и темпераментны. Польский народ известен своими историческими воинскими качествами, особенно были известны польские уланы. Призываются в армию, кроме того выставили 1 добровольческий польский стрелк. полк с соответств. кавалерией.

Сарты, — около 1.300 тыс., — благодаря смеси с арабами, индусами и узбеками имеют характерные черты этой расы и язык, происходящий от персидского; маленькая голова, типично иудейские черты лица. Ловкие земледельческие работники. До сих пор были освобождены от воен. службы, теперь — на этапах. Оказывают вооруженное сопротивление в случае призыва на военную службу.

Татары, — прим. 5.346 тыс., — делятся на волжских, крымских, кавказских и сибирских. Военные качества татарских народов не принадлежат к категории выдающихся: нежелание военной службы, отсутствие понятия о воинской дисциплине и политическая неблагоприятность.

Белоруссы, — около 8.420 тыс., — потомки старо-славянского племени кривичей. Никогда не имели политического значения. Сообразно сырому, нездоровому климату они отстали духовно и физически, живут в изолированных небольших селениях или отдельных дворах. Часто склонны к алкоголизму. Составляют яд-

ро войск в Виленском военном округе и частей, формирующихся в этом районе в случае войны.

Цыгане, — прим. 200 тыс., — кочевой народ, как и в других странах. Применяемы как музыканты и кузнецы в войсках.

После краткой истории Русской армии, где упоминаются войны со времен Петра Великого, за исключением Венгерского похода, отдается должное огромной организационной работе русского Генерального штаба по развертыванию небывалых до сих пор людских и материальных резервов Империи для продолжения войны, при чем указывается, что этим далеко не исчерпываются силы Империи и нужно ожидать дальнейшего усиления военной мощи государства.

Затем характеризуются отдельные рода войск :

Гвардия, — привилегированное положение. Собранный из всей Империи лучший людской материал теперь представляет лишь ядро частей. В пехотных частях отличаются со времен Петра Великого полки, знаменитые своим славным прошлым, а также вниманием со стороны Династии, которой они верно служат

Гренадеры, — следующий по качеству материал, имеющий все рода войск, богатый традициями и боевым прошлым.

Армейская пехота, — имеет совершенно однородный состав и одинаковую для всех частей организацию, выделяются стрелковые части.

Армейская кавалерия, — несмотря на различные названия : драгун, улан и гусар, однородно организована, вооружена и обучена. Ее выносливый и крепкий конский состав ремонтируется главным образом из Задонских степей.

Артиллерия, — находившаяся перед началом войны как раз в стадии реорганизации, сейчас представляет собой род войск, в своих качествах не уступающий ни пехоте, ни кавалерии, прекрасно применяемый род войск.

Инженерные войска, — занимают особое положение своим выдающимся офицерским составом и составом нижних чинов, тщательно подобранным, что дает им возможность выделяться своими действиями во время настоящей войны.

Казачи, — самый оригинальный род войск Русской армии. Из прежней военной касты, свободной и привилегированной, несшей службу по охране границ, государству в государстве, — в настоящее время сохранилась только фикция самостоятельности, лишь немногие особые права. В обучении и применении, вооружении и снаряжении они почти не отличаются от частей армейской кавалерии.

Офицерский корпус, — как и следует ожидать в армии такой величины, не однороден,

благодаря различным общественным классам, где происхождение и образование различны. Офицеры гвардии, принадлежащие к высшим слоям общества, имеют очень хорошую военную и довоенную подготовку и этим выделяются среди своих армейских товарищей. То же относится и к офицерам Ген. штаба, благодаря их специальному военному образованию, равно как и к офицерам специальных войск. Громадное увеличение состава армии во время войны, большие потери в кадровом офицерском составе создали большую нужду в замещении офицерских должностей, что заставило управление армии прибегнуть ко всяким возможным мерам для его пополнения, призвав наполовину подходящий элемент после короткого срока подготовки и отправив этот элемент немедленно на фронт. С таким офицерским составом командование не получило хорошего опыта во время последних наступательных боев.

Затем следует описание состава армии, призыва новобранцев и запасных, пополнение войск. Следующие главы посвящены описанию организации армии, высших и низших штабов и управлений, условных топографических обозначений и общей организации вооруженных сил, состоявших к этому периоду времени из трех фронтов и Кавказской армии, всего из 12 и Особой армий. К этому времени Россия имела на всех фронтах 2 гвардейских и 1 гренадерский корпус, 47 номерных корпусов, 6 кавказских, 2 туркестанских, 7 сибирских и 1 Сербский, всего 66 армейских корпусов; конница же была сведена в 10 кавалерийских корпусов (1 гвар., 7 армейских и 2 кавказских). Пехота состояла из 3 гв., 4 гренад., 141 пех. дивизий; 9 отдельных бригад особого назначения; 40 стрелковых и 8 пограничных дивизий, 6 пластунских бригад; 1 польской и 5 добровольческих пех. бригад (Чехословацкой, 1 и 2 латышской и 1 и 2 армянской). Конница к этому времени состояла из 54½ кавалерийских (казахских) дивизий. После точного перечня вооружения и снаряжения частей Русской армии следуют страницы, посвященные формам одежды военного времени (с несколькими незначительными ошибками) и, наконец, перечень состава пехотных и кавалерийских дивизий с очень интересной графой оценки их боевых качеств.

ПЕХОТА

1 гв. пех. дивизия, — была выдающейся частью. Большие потери. Теперь наспех сколоченный состав нижних чинов, вследствие чего пониженный боевой дух.

2 гв. пех. дивизия, — была выдающейся частью. Последнее время большое количество слу-

чаев членовредительства. Пополнение последнего времени далеко не выдающееся.

3 гв. пех. дивизия, — была выдающейся частью. Последнее время установлены случаи неповиновения.

1 гренад. дивизия, — выдающаяся часть.

2 гренад. дивизия, — тоже.

3 гренад. дивизия, — испытана в боевой обстановке. В последнее время засвидетельствованы случаи неповиновения.

Кавказская грен. дивизия, — считается выдающейся частью.

1 пех. дивизия, — сведений нет.

2 пех. див., — испытана в боевой обстановке. Огромные потери в начале октября. Случаи неповиновения.

3 пех. див., — испытанная часть. В последнее время установлены случаи неповиновения. В настоящее время упала вера в победу.

4 пех. див., — испытана в боях. Установлены случаи отказа исполнения приказа об атаке.

5, 6, 7, 8, 9 и 10 пех. дивизии, — все испытаны в боевой обстановке, особенно 7 дивизия показала себя выдающейся. Членовредительство установлено в 8 дивизии.

11 пех. див., — испытана в боях. «Штурмовая дивизия», однако старый боевой дух понижен.

12 пех. див., — тоже «Штурмовая дивизия». В октябре установлены случаи непослушания и членовредительства.

13 пех. див., — стойкая. Мало перебежчиков. В августе большие потери. В октябре случаи неповиновения.

14 пех. див., — очень хорошая репутация, однако в октябре были случаи неповиновения. В последнее время очень хорошо дралась.

15 пех. див., — первоклассная дивизия. В последнее время склонность к дезертирству, увеличивается число членовредителей. Несмотря на это дивизия вела себя выдающимся образом в последнее время. Ненормально большие потери в Румынии.

16 пех. див., — испытана в боях, упорная и жесткая. В последнее время случаи неповиновения. В начале августа тяжелые потери.

17 и 18 пех. див., — испытаны в боях.

19 пех. див., — испытана в боях. «Штурмовая» дивизия.

20 пех. див., — хорошая дивизия. Надежна. В октябре случаи неповиновения и членовредительства.

21 пех. див., — испытана в боях. В октябре случаи неповиновения. Полки 81-й и 83-й считались до сих пор особенно выдающимися.

22 пех. див., — испытана в боях. В октябре случаи неповиновения.

23 пех. див., — тоже. В октябре тяжелые потери.

24 пех. див., — тоже. Очень надежна. Раньше очень стремительна, однако теперь эта стремительность понижена большими потерями.

25 пех. див., — испытана в боях.

26 пех. див., — хорошо применима в бою, в октябре очень тяжелые потери. Дисциплинирована.

27 пех. див., — испытана в боях. В октябре случаи неповиновения.

28, 29, 30 пех. див., — испытаны в боях.

31 пех. див., — испытана в боях. Выдающаяся дивизия.

32 пех. див., — тоже. Надежная «штурмовая» дивизия.

33 пех. див., — хорошая дивизия.

34 пех. див., — испытана в боях. В сентябре большие потери.

35 пех. див., — тоже. В последнее время случаи отказа идти в атаку. Теперь дивизия не считается одной из лучших.

36 пех. див., — сведений нет. В битве у Танненберга была уничтожена, затем опять сформирована.

37 пех. див., — в свое время была выдающейся. Теперь сильно ухудшилась, тяжелые потери в октябре.

38 пех. див., — испытана в боях.

40 пех. див., — хорошая дивизия.

41 пех. див., — испытана в боях. Дивизия считается хорошей атакующей частью. В октябре, однако, она себя не показала с хорошей стороны.

42 пех. див., — испытана в боях.

43 пех. див., — тоже. Надежна, дисциплинирована.

44 пех. див., — тоже. Выдающаяся дивизия.

45 пех. див., — испытана в боях.

46 пех. див., — тоже. Случаи неповиновения в октябре, теперь их число сократилось.

47 пех. див., — считается боевой частью лучшего качества.

48 пех. див., — испытана в боях. Очень дисциплинирована.

49 пех. див., — испытана в боях.

50 пех. див., — тоже. Качество понижено вследствие больших потерь в сентябре.

51 пех. див., — испытана в боях.

52 пех. див., — выдающаяся часть. Очень хороший дух.

53 пех. див., — испытана в боях, упорна в обороне. В октябре очень тяжелые потери. В начале декабря случаи неисполнения приказа наступать.

54 пех. див., — со времени битвы в Мазурских озерах присутствие не установлено, видимо реформирована, теперь же формируется вновь.

55 пех. див., — испытана в боях. Случаи членовредительства.

56 пех. див., — случаи членовредительства.

57 пех. див., — хорошо себя зарекомендовала в боевом отношении.

58 пех. див., — взята в плен в Новогоргиевске теперь формируется.

59 пех. див., — надежна, способность к атаке понижена благодаря тяжелым потерям.

60 пех. див., — испытана в боях.

61 пех. див., — в последнее время имела очень тяжелые потери. Боевое качество понижено.

62 пех. див., — дивизия среднего качества.

63 пех. див., — взята в плен в Новогоргиевске; теперь формируется (?)

64 пех. див., испытана в боях. Теперь считается среднего качества.

65 и 67 пех. див., — испытаны в боях.

68 и 69 пех. див., — среднего качества.

70 пех. див., — нет особой способности к падению.

71 пех. див., — испытана в боях. В октябре случаи неповиновения. Однако в последнее время дивизия себя показала с хорошей стороны.

72 пех. див., — существовала, была расформирована, о новом формировании ничего не известно.

73 и 74 пех. див., — испытаны в боях.

75 пех. див., — дивизия среднего качества.

76 пех. див., — испытана в боях.

77 пех. див., — случаи членовредительства.

78 пех. див., — испытана в боях.

79 пех. див., — хорошая дивизия.

80 пех. див., — испытана в боях. В настоящее время не обладает никакой особенной ударной силой.

81 пех. див., — среднего качества, ударная сила невелика.

82 пех. див., — считается хорошей дивизией. Надежна. В ноябре, по слухам, случаи неповиновения.

84 пех. див., — испытана в боях. Боевой дух считается очень высоким. Большие потери.

87 пех. див., — по слухам в состоянии формирования.

91 пех. див., — тоже.

99 пех. див., — 394 пех. п. переформирован в 25 туркестанский стрелковый, а 393 пех. п. — в 24 турк. стр.; 395 и 396 пех. пп. не установлены.

100 пех. див., — в октябре были случаи неповиновения. Эта дивизия имеет также название «Черноморской».

101 пех. див., — испытана в боях. Дивизия отличается высокими боевыми качествами. Дух очень высок. В сентябре тяжелые потери.

102 пех. див., — дивизия среднего качества. В последнее время качество улучшилось.

103 пех. див., — по слухам не особенно склонна к наступлению.

104 пех. див., — испытана в боях. По слухам в октябре были случаи неповиновения при наступлении.

105 пех. див., — в последнее время хороший боевой дух.

108 пех. див., — испытана в боях. В последнее время участились случаи членовредительства.

109, 110, 111, 112 пех. див., — дивизии среднего качества.

113 пех. див., — испытана в боевой обстановке.

114 пех. див., — взята в плен в Новогеоргиевске, вероятно в состоянии формирования.

115 пех. див., — дивизия среднего качества, в последнее время себя ничем не проявила.

117 пех. див., — считается не особенно способной к нападению.

119 пех. див., — взята в плен в Новогеоргиевске, может быть в состоянии формирования (?).

120, 121 и 124 пех. див., — среднего качества.

125 пех. див., — среднего качества. В октябре были случаи неповиновения.

126 пех. див., — среднего качества.

128 - 138, 140 пех. див., — в состоянии формирования.

141 - 149, 153 - 155 пех. див., — формирование не установлено.

150 - 152, 157, 158 пех. див., — в состоянии формирования.

158 пех. див., — по слухам переименована в 22 сибирскую стр. дивизию.

161, 163 пех. див., — формирование до сих пор не установлено.

164 пех. див., — в состоянии формирования.

169, 171, 173 - 177, 179, 187 - 189, 191 - 194 пех. див., — формирование до сих пор не установлено.

183, 185 пех. див., — в состоянии формирования.

1 сводная пех. див. — тоже.

39, 66, 83, 106, 107, 116, 118, 123, 127, 156, 159, 160, 165, 166, 167, 168, 170, 172, 178, 180-182, 184, 186, 190, 194, 2 сводн. пех. див., — сведений нет.

85, 86, 88, 89, 90, 92, 93, 95, 96, 97, 98 пех. див., — не существуют.

Гвард. Стрелк. див., — очень хорошо себя показала. Вследствие больших потерь уверенность в победе сильно пала.

1 стр. див., — испытана в боях.

2 стр. див., — выдающаяся дивизия. В октябре случаи отказа идти в атаку.

3 и 5 стр. див., — испытаны в боевой обстановке.

4 стр. див., — выдающаяся дивизия, ударная сила. В октябре отказы идти в наступление.

6 стр. див., — возможно в состоянии форми-

рования.

1 фин. стр. див., — вела себя очень хорошо, — очень храбра.

2 фин. стр. див., — выдающаяся воинская часть.

3 фин. стр. див., — выдающаяся, в последнее время случаи членовредительства.

4 фин. стр. див., — выдающая часть.

5 фин. стр. див., — в состоянии формирования.

1 кавк. стр. див., — испытана в боевой обстановке.

2 кавк. стр. див., — сведений нет.

3 кавк. стр. див., — испытана в боевой обстановке.

4-7 кавк. стр. див., — сведений нет.

1 сиб. стр. див., — большой боевой опыт. Лишь в последнее время по слухам понижена боевая способность.

2 и 3 сиб. стр. див., — выдающиеся дивизии.

4 и 5 сиб. стр. див., — испытаны в боевой обстановке.

6 сиб. стр. див., — большой боевой опыт. В сентябре тяжелые потери, понижена ударная сила.

7, 8, 9 сиб. стр. див., — выдающиеся воинские части.

10 сиб. стр. див., — пользуется очень высокой боевой репутацией, особенно при наступлении. Большие потери в начале сентября

11 сиб. стр. див., — испытана в боях, надежна.

12 сиб. стр. див., — выдающаяся дивизия, тверда и упорна. В последнее время случаи неповиновения.

13 сиб. стр. див., — испытана в боях. Случаи неповиновения в октябре.

14 сиб. стр. див., — испытана в боевой обстановке.

1 турк. стр. див., — хорошая дивизия. В последнее время единичные случаи неповиновения.

2 турк. стр. див., — испытана в боях. В октябре случаи неповиновения, однако считается хорошей ударной частью.

3 турк. стр. див., — считается среднего качества. Очень большие потери в сентябре.

7 турк. стр. див., — испытана в боевой обстановке.

4-6 турк. стр. див., — сведений не имеется.

1 замур. погр. пех. див., — испытана в боях, считается выдающейся частью.

2 свод. замур. погр. пех. див., — хорошо показала себя в боях, считается выдающейся частью, будто бы были случаи неповиновения в атаке.

3 замур. погр. пех. див., — очень хорошая дивизия.

4 замур., 1 кавк., 2 кавк. погранич. пех. див.,

- сведений нет.
- Кубанские и Донские пластуны бригады,
- сведений нет.

КАВАЛЕРИЯ И КАЗАКИ

Их организация, штатный состав, вооружение, снаряжение, конский состав, отличительные знаки формы одежды, списки полков.

Список дивизий с оценкой их боевой деятельности :

- 1 гв. кав. див., — выдающаяся часть.
- 2 гв. кав. див., — испытана в боевой обстановке, большие потери, настроение упало.
- 3 гв. кав. див., — испытана в боевой обстановке, надежна.
- 1 кав. див., — испытана в боевой обстановке.
- 2 кав. див., — тоже.
- 3 кав. див., — среднего качества.
- 4 кав. див., — испытана в боевой обстановке.
- 5 кав. див., — тоже.
- 6 кав. див., — сведений нет.
- 7 кав. див., — среднего качества.
- 8 кав. див., — тоже.
- 9 кав. див., — хорошо себя показала.
- 10 кав. див., — испытана в боевой обстановке.
- 11 кав. див., — тоже.
- 12 кав. див., — среднего качества
- 13 кав. див., — сведений нет.
- 14 кав. див., — показала себя хорошо.
- 15 кав. див., — испытана в боях.
- 16 кав. див., — тоже.
- Сводн. кав. див., — тоже. Хороший дух
- Кавк. кав. див., — сведений нет.
- 1 Дон. кав. див., — среднего качества.
- 2 Дон. каз. див., — сведений нет) существование под вопросом).
- 3 Дон. каз. див., — среднего качества.
- 4 Дон. каз. див., — тоже.
- 5 Дон. каз. див., — сведений нет.
- 6 Дон. каз. див., — показала себя хорошо.
- 2 свод. каз. див., — среднего качества.
- 1 кавк. каз. див., — сведений нет.
- 2 кавк. каз. див., — тоже.
- 3 кавк. каз. див., — испытана в боевой обстановке.
- 4, 5 кавк. каз. див., — сведений нет.
- 1 и 2 турк. каз. див., — тоже.
- Уральск. каз. див., — испытана в боевой обстановке.
- 1 Куб. каз. див., — среднего качества.
- 2 Куб. каз. див., — тоже.
- 3, 4 Куб. каз. див., — сведений нет.
- Сводн. Куб. каз. див. (?) — тоже.
- 3 Оренб. каз. див., — очень хорошая часть. храбра.

1 Забайк. каз. див., — испытана в боевой обстановке.

2 Забайк. каз. див., — сведений нет.

1 Терск. каз. див., — хорошая дивизия.

2 Терск. каз. див. (?) — сведений нет.

1 Сиб. каз. див., — среднего качества.

Уссурийск. кон. див., — тоже.

Заамурск. погр. кон. див., — вполне хорошая дивизия.

Кавк. туземн. кон. дивизия, — среднего качества.

4 отд. кав. бриг., — сведений нет.

Также нет сведений о 1 Сиб. каз. бриг., 2 Сиб. каз. бриг., 2 Закаспийск. каз. бриг., 1 Дон. каз. бриг., Балтийск. кав. бриг. и Свод. кав. бриг.

Далее в книге следует описание государственного ополчения и большой и подробный отдел, трактующий описание формирований, вооружение и снаряжение артиллерии, после которого описываются инженерные войска и заканчивается эта часть обозными батальонами. Последняя часть книги посвящена тактике Русской армии, алфавитному списку всех воинских частей и таблиц для быстрого опознания по форме одежды военнопленных.

Заканчивается книга таблицами тактических условных знаков и рисунков (в красках) флагов и значков высших и низших военных соединений. Последние страницы посвящены русской азбуке и словарю наиболее употребительных мер длины, площади, веса, а также монет и денежных знаков.

Автор этого очерка намеренно воздержался от какой-либо критики этой книги, не считая себя достаточно для этого подготовленным и рассчитывая, что читатели с большим опытом и эрудицией откликнутся на эту статью интересной и содержательной критикой. Хочется только указать, что, несомненно, книга эта составлена совместно с германским командованием, т. к. упомянутые воинские соединения сражались на всем европейском театре войны, тогда как, видимо, турецкий Генеральный штаб очень мало или совсем не мог быть полезным при составлении этого руководства.

Автор статьи также готов дать ответы на возможные вопросы, касающиеся этой книги, как путем корреспонденции, так и в печати.

Г. Гринев

О прапорщиках производства 1 июля 1914 г.

(Историческая справка)

Просматривая в свое время Высочайшие Приказы о награждениях орденами за первые бои августа-октября 1914 г., я обратил внимание на то, что среди награжденных офицеров имеется не малое число прапорщиков «армейской пехоты», армейской кавалерии и других родов оружия. Поскольку помещены они сразу после подпоручиков и выше прапорщиков запаса, ясно было, что это особая категория. Меня заинтересовал вопрос, что это за прапорщики, явно не призванные из запаса, а следовательно состоявшие в воинских частях еще до мобилизации? Как известно, первые прапорщики «с зачислением по армейской пехоте» и другим родам оружия были выпущены из военных училищ только 1-го декабря 1914 г. Что же касается унтер-офицеров из вольноопределяющихся, произведенных в прапорщики за боевые отличия во время японской войны, их в этом чине к 1914 году на действительной службе уже не оставалось: пожелавшие, при демобилизации в 1905-06 гг., остаться в армии были частью приняты в 1906 г. по экзаммену в конюшерские училища, которые окончили в 1909 г. (около 150 человек) и были выпущены подпоручиками, на общих основаниях. Не выдержавшие вступительных экзаменов в училища, но отлично аттестованные, были оставлены в своих частях прапорщиками и, по шестилетней выслуге, произведены в подпоручики в 1910-1912 гг. Каким же образом среди офицерского состава оказались в первых же боях осени 1914 г., прапорщики, не призванные из запаса, причем не единицы и не десятки их, а сотни? Довольно долгое время это оставалось для меня загадкой. Поскольку мне удалось, в конце концов, разрешить ее, составляю эту справку, думая, что приводимые в ней данные известны далеко не всем, интересующимся историей Российской Императорской армии в войну 1914-17 гг.

Загадку очень интересовавшего меня вопроса об указанной категории прапорщиков дал недавно разысканный мною Высочайший Приказ от 1-го июля 1914 г. («Правительственный Вестник» № 146 от 7-го июля). Этим приказом унтер-офицеры и фейерверкеры из вольноопределяющихся, которые заканчивали срок отбывания воинской повинности и должны были быть произведены, как обычно, осенью в прапорщики, с зачислением в запас, были произведены несколько досрочно, с оставлением в своих частях прапорщиками армейской пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск. Мера эта вызвана была, вполне очевид-

но, напряженным международным положением и, в связи с этим, желанием Главного Штаба пополнить офицерский состав, очень ослаблявшийся выделением при мобилизации (полки 32 пехотных и 3 Сибирских стрелковых дивизий и 35 артиллерийских бригад выделяли в кадры формируемых при мобилизации второчередных полков и бригад и запасных батальонов до 40 процентов своего офицерского состава). Убыль эта должна была быть пополнена главным образом призываемыми прапорщиками запаса (и лишь в небольшом проценте бывшими кадровыми офицерами, состоявшими в запасе). Многие из прапорщиков запаса состояли в нем уже по много лет, были в возрасте 30-35 лет и очень немногие из них попадали в те части, в которых отбывали воинскую повинность, то есть ничем не были с ними связаны. Вольноопределяющиеся же, произведенные в прапорщики 1-го июля 1914 г., прослужили перед тем в тех же частях по году, что давало известную спайку с частью, не успели растеять, находясь в запасе, полученных знаний военного дела и были в возрасте до 25 лет. Все это позволяет судить, насколько целесообразна была мера Военного Министерства, проведенная Высочайшим Приказом от 1-го июля 1914 г. Всего произведено было этим Приказом в прапорщики 850 унтер-офицеров и фейерверкеров из вольноопределяющихся. По родам оружия: в прапорщики армейской пехоты — 398 (из них 14 — в гвардейских полках); в прапорщики армейской кавалерии — 50 (из них 7 — в гвардейских полках); в прапорщики конной артиллерии — 7 (из них 2 л.-гв. в конной артиллерии); в прапорщики легкой артиллерии — 257 (из них л.-гв. в артиллерийских частях — 10); в прапорщики тяжелой артиллерии (тяжелых артилл. дивизионов и крепостной артиллерии) — 40; в прапорщики горной артиллерии — 8; в прапорщики инженерных войск (саперных и понтонных батальонов, минных, искровых и воздухоплавательных рот) — 85 (из них л.-гв. в саперном батальоне — 5); в прапорщики железнодорожных войск — 5. Все — с оставлением в тех же частях, в которых они отбывали воинскую повинность. Добавлю, что среди этих прапорщиков было в течение войны, по имеющимся у меня вряд ли полным данным, более 14 кавалеров орд. Св. Георгия и Георгиевского оружия. Некоторые из них уже в 1916 году летом командовали, в чине штабе-капитанов, батальонами.

В. Басгунов

К статье И.И. Бобарыкова

«Германский шпионаж на севере России»
в № 122 журнала

Наш друг А.Г. Тарсаидзе обратился к бывшему американскому послу в России господину Джорджу Кеннану, попросив у него некоторых разъяснений по поводу этой статьи. И вот ответ господина Кеннана:

Прилагаю составленный моей дочерью, проживающей в Вашингтоне, документ, касающийся этого человека.

Некий Виктор Гюго Дюрас родился в Вильбер, штат Небраска, 6 мая 1880 года. 5 августа 1913 года он был назначен вице-консулом в Льеж, а 7 августа 1914 года был переведен на то же место в Петроград. На самом деле это был только почетный титул, занимался же он исключительно канцелярской, писарской работой. 2 августа 1915 года он подал в отставку (на самом же деле Департамент его рассчитал 29 июля 1915 года).

20 июля 1915 года, когда он был еще официально вице-консулом в Петрограде, Дюрас принял место делопроизводителя немецкого фонда помощи в Харькове и на этой должности зависел от американского консульства в Одессе. Как долго проживал он в Одессе, — неизвестно, но он также был нанят работником министра Вооничка при посольстве в Бухаресте.

Дюрас вернулся в Петроград 1 мая 1916 г. и 5 августа отправился в Стокгольм, но был задержан в Белоострове. 12 августа Дюрас был арестован и переведен в Дом заключения в Петрограде по обвинению в шпионаже. До 16 октября 1916 г. Дюрас был в заключении и в этот день там его навестили члены американского посольства Диринг и Артур. Следователь выставил гипотезу, что настоящий Дюрас был убит в Льеже во время бомбардировки и что этот заключенный был немецким шпионом, принявшим имя убитого. Следователь показывал двум чиновникам снимки Дюраса, по его мнению подтверждавшие его теорию, но Артур с этим не согласился. Получилось впечатление, что Дюрас умственно неуравновешенный человек, мегаломан, выдающий себя за какую-то важную личность.

В первый день революции, 12 марта 1917 г., Дюрас был освобожден толпой и солдатами, взломавшими ворота тюрьмы, где находились политические заключенные. Дюрас пошел в американское посольство и потребовал отправить его в Соединенные Штаты. Посол Франсиз

приказал его арестовать, но Дюрас бежал из посольства 20 марта и 22 марта был пойман русскими.

В середине апреля говорили официально, что Дюрас бежал из тюрьмы. Он вернулся в Харьков, а потом его видели 13 мая 1917 г. в Иркутской каторжной тюрьме.

12 декабря 1917 года Дюраса перевезли в американское посольство и сопровождавший его тюремный служащий «рекомендовал» (кавычки наши) его освободить. Дюрас поездом отправился в Стокгольм, был снова задержан в Белоострове и возвращен в Петроградскую тюрьму. Вторично он был освобожден и покинул Петроград 21 декабря 1917 г. на пароходе, прибыв в Бергесфюрд 17 февраля 1918 г.

По возвращении своем в Соединенные Штаты Дюрас просил о своем назначении в Департамент иностранных дел. Его просьба не была уважена и с тех пор до 1942 года он надоедал важным лицам и общественным деятелям просьбами помочь ему устроиться. Судя по его патетическим письмам, он был разочарованным человеком, который верил в свою собственную ложь и думал, что если бы ему дали еще возможность он мог бы принести грандиозную и активную помощь для устройства мира и гармонии Вселенной.

Из этого документа вы видите, что не только Дюрас не был американским Генеральным консулом в Петрограде, но никогда не был и дипломатом по своей карьере и что до войны он был простым служащим при американском Генеральном консульстве в Петрограде с чином «некарьерного вице-консула», то есть писаря со специальным титулом, позволяющим ему подписываться под некоторыми документами. Он был уволен со своего поста и не имел никаких правительственных должностей ни в июле, ни в августе 1915 г. Когда он был впервые арестован, он не служил ни в одном официальном или правительственном отделе в России. Он был просто профессиональным жуликом, выдававшим себя за важное лицо и, таким образом, Петроградский следователь, предположивший, что настоящий Дюрас был убит в Льеже и что арестованный выдавал себя за убитого, по всей вероятности тоже был введен в заблуждение.

сообщил А.Г. Тарсаидзе

Обзор военной печати

Полковник М.Н. Левитов «Корниловский Ударный полк» — материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974 г.

Всё части войск, белая пехота и конница, артиллерия и авиация, технические войска и флот, когда-то составлявшие Вооруженные Силы Юга России, все вписали своими действиями славные страницы в историю нашей белой борьбы. Но в ряду героических подвигов и примеров подлинного самопожертвования, проявленных белыми офицерами и солдатами как в дни побед, так и в периоды тяжелых неудач и отступлений, совершенно особое место занимает подвиг полка генерала Корнилова, самого молодого полка российской армии и старейшего полка армии Добровольческой. Это особое место «первого среди равных» принадлежит Корниловскому ударному полку не только по праву «первородства» в рядах Добровольческой армии, но, кроме того, еще и потому, что этот полк, сформированный по принципу добровольчества в июне 1917 года был тем самым как бы прообразом всей будущей белой вооруженной силы. Да и самым наименованием своим полк был обязан лично генералу Корнилову, в июне 1917 года командующему 8-й армией, сказавшему ударникам после боя у дер. Ямнице в июне 1917 г.: «Горжусь тем, что вы носите мое имя!».

Так, связав свое зарождение и дальнейшее существование с именем генерала Корнилова, Корниловский ударный полк совершенно естественно продолжал с генералом Корниловым свой боевой путь, явившись организованной воинской частью на Дон, в зарождавшуюся в ноябре 1917 года Добровольческую армию. После гибели генерала Корнилова в Первом Кубанском походе, в бою под г. Екатеринодаром, полк продолжал свое дальнейшее служение России и при преемниках генерала Корнилова — генерале Деникине и генерале Врангеле — до вынужденного оставления родной земли в ноябре 1920 года.

С тех пор прошло уже много лет, и страшный, но справедливой ценой заплатил с тех пор русский народ за свою тогдашнюю поддержку советской власти. И если теперь кто-либо из более молодых людей, выросших уже после окончания белой борьбы, захотел бы **понять и почувствовать** ту правду, ту силу любви к родине и то дыхание русского патриотизма, которые воодушевляли белых офицеров и солдат в те страшные годы, когда многие и многие наши соотечественники еще не представляли себе с

достаточной ясностью весь объем того всепоглощающего рабства, которое несло коммунистическое учение русскому народу, такие люди должны прочесть только что вышедшую из печати книгу: материалы для истории Корниловского ударного полка, терпеливо и с большой тщательностью собранные в течение долгих лет эмиграции последним командиром 2-го Корниловского ударного полка полковником Левитовым.

Прекрасно изданная, с 85 фотографиями в тексте и 30 схемами, книга рассказывает на 660 страницах эпопею Корниловцев, начиная с описания обстановки, создавшейся в России после февральской революции 1917 года. Для незнакомых с этим будет очень интересно узнать весь механизм организованной Керенским провокации, вынудившей генерала Корнилова выступить с его знаменитой «Корниловской программой». Также интересно будет ознакомиться с объяснениями полковника Украинцева, члена «чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Корнилова», о том, как назначенная Керенским эта комиссия никак не могла найти в действиях генерала Корнилова никакого состава преступления, что не помешало, впрочем, Керенскому отдать приказ о заключении генерала Корнилова в Быховскую тюрьму.

Первый и второй Кубанские походы, Ставрополь, бои в Каменноугольном бассейне, движение на Москву, отступление от Орла до Новороссийска, Крым, кампания в Северной Таврии, — изложенные на основании записей в «журналах боевых действий» полков Корниловской ударной дивизии. Затем — эвакуация, Галлиполи и, наконец, расставание по всем странам мира заканчивают описание крестного пути Корниловцев, пройденного ими по завету их Шефа: отдав все мысли, чувства и силы Родине-матери России.

И надо сказать, что если целью составителя «материалов» было воскресить истинный образ рядовых белых бойцов — Корниловцев, безвестных русских офицеров и солдат, — цели этой он вполне достиг: вся книга дышит беспредельной любовью Корниловцев к своему родному полку, преданностью его Шефу и готовностью жертвовать своей жизнью за Россию.

К.П.

Приобрести книгу можно у М.Н. Левитова
2, rue Cournot 75015 — Paris, (France)

Ф р о н т

(Окончание)

Поступил раненный в мочевою пузырь прапорщик-латыш, который был безнадежен и тяжело умирал. На животе у него была круглая рана, через которую при каждом вздохе выливалась моча. В эту рану ему вставили резиновую трубку, по которой моча стекала в бутылку, поставленную возле кровати. Он бредил, кричал, подавая разные команды: «Вперед!» «В атаку!» Перед смертью его кровать была вынесена в коридор, где он в мучениях и не приходя в сознание умер. Солдатские палаты были тоже заполнены тяжелоранеными и там ежедневно умирало несколько человек. Я попросил врача Пивовонского отдать мне мой вылущенный глаз — подобные экспонаты хранились в спирту, в шкафу, стоявшем в коридоре, и среди них были и глаза, но Пивовонский сказал, что мой глаз выкинули, как совершенно разбитый пулей. Первое время я не мог ходить по прямой и обязательно уклонялся влево, так, что при встречах в коридоре, где я прохаживался, я останавливался и пропускал проходивших мимо, чтобы не столкнуться с ними.

Среди раненых были прапорщики разных полков: 57-го Модлинского Константинов, 200-го Кроншлотского Картавий, 5-го Финляндского стрелкового Ключанкин, 164-го Закавказского Чавчанидзе, 104-го Устюжского Клепацкий, 399-го Никопольского Лизогуб и другие. Лизогуб был ранен разрывной пулей в ногу и лежал в гипсе. Все держались довольно бодро, кроме Ключанкина, который ныл по всякому поводу, и его всегда кто-нибудь обрывал. Главным врачом был Пивовонский, младшим — зауряд-врач из студентов старшего курса Миловидов. Было несколько настоящих сестер милосердия, настоящих потому, что числились «сестрами» и жены высшего начальства железной дороги, эдакие пожилые «гравид-дамы», изредка приходившие подежурить. Среди них была одна такая, которая приносила с собой бутылку портвейна и маленькую рюмку и давала пить вино тем, кому это было предписано врачом. Я ее в первое же посещение обманул и получил рюмку портвейна. Санитаром в нашей палате был человек, фамилию которого я, к сожалению, забыл, работавший до войны у знаменитого профессора Павлова. Он рассказывал нам и о самом Павлове и об опытах над собаками, которых он готовил к опытам по изучению условных рефлексов.

В ответ на мою телеграмму отец прислал мне

тоже телеграмму, спрашивая, нужно ли приехать. Нужды в этом не было, я не хотел его беспокоить, но попросил его, будучи без денег, прислать мне сто рублей, деньги по тем временам огромные. В карты я не играл, и весь мой расход ограничивался 30-40 рублями в месяц на питание, папиросы и другие мелочи. Все остальные деньги я слал отцу, а он, скрывая это от меня, их не тратил, а клал на сберегательную книжку, скопив к концу 1917 года более 3.000 рублей для того, чтобы, если я вздумаю жениться, было на что справить свадьбу и купить необходимое обзаведение. Все эти деньги пропали, ибо после февральской революции отец думал помочь родине и все деньги обратил в «заем свободы», аннулированный потом советской властью.

Саникидзе ответил мне из Луцка, который был взят нашими войсками 26 мая. Он был жив и здоров и в Луцке изрядно вышел рома, захваченного в оставленных австрийцами огромных складах.

В лазарете я сдружился тоже с «ходячим» прапорщиком Чавчанидзе, над которым мы подшучивали, распевая на мотив солдатской песни «Черные кудри», одно только слово: «Чавчани, Чавчани, Чавчанидзе». В начале июня нам с Чавчанидзе врачи разрешили прогулку в город. Мое окровавленное обмундирование было приведено в порядок, выстирано и выглажено. Мы одели форму и пошли пешком, вышли на Фундуклеевскую улицу. Сначала все было хорошо, а потом мы стали переглядываться, ничего не говоря один другому, а потом, не выдержав, сознались друг другу, что на свежем воздухе оба мы как бы опьянели и ослабели. Что было нам делать? Сестра на лавочку? Но ведь это неприлично офицеру, могут подумать новость что. Смотрим, — на улице никого нет, давай скорей отдохнем. Посидели, отдохнули...

Первые дни после операции ежедневные перевязки были очень болезненны и меня возили в перевязочную на каталке. В оба отверстия раны заталкивали бинты, в височную рану чуть ли не в метр длины, и когда касались мозга, я терял сознание. На первой же перевязке я рассмешил Пивовонского и Миловидова, сказав им евангельское изречение, произносимое священником за литургией, а церковную службу мы учили в кадетском корпусе наизусть: «Яко овча на заколение ведеса и яко агнец беспороччен прямо стригущему его безгласен, так не от-

верзает уст своих...» и т. д. Это я сказал в том смысле, что я, мол, в их руках и молча, как жертвенная овца, перенесу боль. Надо сказать, что все очень терпеливо переносили боль при перевязках, все были с ранениями, требовавшими долгого лечения и делавшими людей больше к строю непригодными. Моим соседом был, не помню уже его фамилии, раненный в грудь навывлет разрывной пулей Выходное отверстие представляло собой зияющую яму величиной с ладонь руки, рана была заражена пороховыми газами, и этот человек не издал ни одного стопа при перевязках, ежедневных чистках раны и ее промываниях. Я быстро набирался сил и думал, как бы эвакуироваться в Оренбург. Аппетит у меня был не плохой, и я не наедался, особенно завтраками, состоявшими из одного яйца всмятку, кружочка сливочного масла, двух-трех кусков французской булки и стакана чая. Просить добавки было стыдно и неприлично, и я молча терпел.

2 июня комендант Киевской крепости назначил меня на 5 июля на медицинское освидетельствование при Киевском военном госпитале, а 6 июля я имел на руках предписание, направляющее меня на дальнейшее лечение в Оренбург. Сборы были недолги. У меня была моя небольшая корзинка со всем необходимым, и я был этим обязан моему верному Грише, который захватил корзинку и сопровождал меня до Киева, откуда, несмотря на мои просьбы, был отправлен обратно в полк. Расповавшись с ранеными и персоналом лазарета, я на извозчике поехал на вокзал, купил билет и сел в вагон отходящего ночью поезда. В одном со мной купе сидел старичок военный врач, распрашивавший меня о ранении. Едва я лег, как потерял сознание, и пришел в себя только утром.

Меня очень угнетало, то обстоятельство что рана обезобразила мое лицо и, при перевязках, я не раз просил Пивовонского дать мне зеркало посмотреться, в чем мне неизменно отказывалось из боязни, что вид раны вызовет нервное потрясение. Но и не видя себя в зеркало я хорошо знал, что, как тогда говорилось, «пропала моя красота» и что вряд ли меня оставят на военной службе, без которой я себя не мыслил. Как это, так и само ранение, вызывали чувство, что жизнь моя оборвалась, военной карьере угрожает конец и я приучал себя к мысли, что надо примириться с несчастьем, меня постигшим и как-то перестроить планы на будущее. На одной из станций я зашел в железнодорожный медицинский пункт и попросил дежурившего фельдшера сделать мне перевязку и тут же попросил дать зеркало. Фельдшер несколько замямлся, назвав те же причины, что и Пивовонский, но все же зеркало дал. То, что я увидел

не было уж таким страшным, но рана изменила мое лицо и я тут же, смотрясь в зеркало, подумал, что никто не должен меня обидеть, так как рана свидетельствует, что я честно выполнил свой долг перед родиной и я даже могу гордиться. Но, увы! все это было в теории и я в глазах людей на всю жизнь остался калекой, кривым, одноглазым, что иногда и высказывалось вслух (и до сих пор так).

Без каких-либо приключений я доехал до Оренбурга и сразу же с вокзала поехал домой. Отец и тетка встретили меня как подобает и сказали мне, что в Оренбурге, в лазарете лежит и мой старший брат Николай, контуженный в голову. Придя домой, Коля посоветовал мне проситься в лазарет служащих и рабочих Ташкентской железной дороги, помещавшийся в доме Панкратова на Гостиннодворской улице (ныне штаб частей Оренбургского гарнизона, Кировская улица), так как этот лазарет не военный, нет военного режима, можно в любое время уходить бесконтрольно и даже ночевать дома. Явившись к начальнику Оренбургского эвакуационного пункта — генерал-майору Баранову — человеку, благоволившему раненым, я легко получил направление в этот лазарет, что, по существу было ошибкой, так как при всех своих достоинствах лазарет не обеспечивал должным образом лечения, имея врачей терапевта и гинеколога и ни одного, так нужного хирурга, знакомого с полевой хирургией, а полная свобода, предоставляемая раненым, не соблюдающим режим, затягивала лечение. Мне указали кровать с соломенным матрацем, на которой я ни разу не ночевал, живя дома и ежедневно являясь в лазарет на перевязку, после которой мы шли гулять или сидеть в Собачьем садике.

Оренбург был конечным в сторону Средней Азии пунктом эвакуации раненых, поэтому много было раненых уроженцев среднеазиатских городов, одного прапорщика иначе как «Ташкент» и не называли. Все раненые были молодые люди, самому старшему было 24 года, а мне, самому младшему, 18. В офицерском отделении было две палаты и столовая, в которой завтракали и играли в шахматы, шашки и в подкидного дурака в карты. Обедали в специальной столовой. Кормили очень сытно и вкусно. Сестра-хозяйка постоянно спрашивала раненых, что приготовить на обед. Обычно все раненые были налицо (оренбуржцы, как и я, ночевали по своим домам) к 10 утра, к какому времени приходил дежурный врач и начинались перевязки. Все раненые были уже выдворапливающими и большого ухода не требовали. Врачей было два — известный в Оренбурге терапевт Новицкий и гинеколог Лаврентьев Николай Борисович. Новицкий был очень неакку-

ратный, рук после каждого не мыл, под длинными ногтями всегда грязь, и этими руками он «лазил» в раны, делая это грубо, почему раненые избегали ходить к нему на перевязки. Лаврентьев делал все внимательно и мы его очень любили. Развлечением была бесперывная игра в шашки «в поддавки» и желающих было всегда много, также безбожно резались в подкидного дурака. Новички часто принимали участие в игре, а играл он и в шашки и в дурака артистически, вызывая желающих сыграть с ним 10 партий, которые он брался все выиграть. В шашки я играл хорошо, но смог выиграть у Новицкого только две партии. Сестрами нашей палаты были Глеб-Коханская, жена поручика Ларго-Кагульского полка, очень красивая и обаятельная женщина и, когда она дежурила, все сидели в палате и любовались ею. Другой была барышня Фиксен, тоже интересная особа. Обе держали себя безукоризненно и, в то же время просто, к ним относились с большим уважением, граничившим с настоящим благоговением. В этом лазарете мне опять довелось встретиться с своим другом по военному училищу — Николаем Цветковым, с которым я больше всего и проводил время. Некоторое время в лазарете «лечился» войсковой старшина (полковник) Дутов, командир 1-го Оренбургского казачьего полка, впоследствии белый атаман войска, известный по гражданской войне. Про Дутова насмешливо говорили, что он «контузен телеграфным столбом», что означало симуляцию. Дутов среди нас, молодежи, да еще и «пехоты» держался обособленно и надменно, абсолютно не пользовался уважением и служил предметом заочных насмешек. В глаза подшучивать было нельзя — он был и старше по летам, да еще полковник.

Моя кровать стояла рядом с кроватью подъяесаула Оренбургского войска Каширина Николая Дмитриевича, прославившегося в гражданскую войну, раненного в руку. Каширин любил песни и часто собирал желающих попеть, часто в лазарете не ночевал, приходил утром и, видимо, под хмельком, переодевался в лазаретный халат и обращался к нашей санитарке, пожилой женщине, очень услужливой и за это всеми любимой, со словами: «Стеша, я пропал». Эти слова были у них условным жаргоном. Стеша исчезала и, через некоторое время, появлялась и докладывала Каширину: «Барин, ванная готова». Каширин отправлялся принимать ванну. Медицинская комиссия штаба Казанского военного округа во главе с генералом Язвиным прибыла в Оренбург для инспектирования работы местной гарнизонной комиссии и признала Каширина годным, хотя рана у Каширина еще не зажила окончательно, не отпали корки, как требовалось при

признании годности по инструкции. Накануне его отъезда я встретился с ним в кафе Трошина (ныне «Дом офицеров») и Каширин рассказал мне, что он повздорил о Язвиным за что, да и по доносу, что Каширин пьянствует, его и отправляют на фронт. С Кашириным мне пришлось в 1919 году служить вместе — он был комендантом Оренбургского укрепленного района, а я помощником начальника отделения штаба укрепрайона. В 1921 году будучи помощником коменданта штаба фронта, я регистрировал и устраивал на квартиры всех прибывающих в командировки красных командиров, регистрировал я и Каширина, прибывшего на формирование кавалерийских частей. В обоих случаях, по неизвестным мне причинам, Каширин не «узнал» меня, я же не считал нужным напоминать, что мы были соседями по койкам в лазарете и были довольно дружны.

Лежал у нас в палате штабс-капитан Слепушкин, тоже оренбуржец, имевший более 20 ранений, полученных при разрыве ручной гранаты; он был весь в бинтах и, время от времени, из него извлекали мелкие осколки. Он был бледней всех нас из-за большой потери крови. Слепушкин окончил семинарию, знал ноты, обладал хорошим баритоном и хорошо пел. Исполняя сольные номера. Большая и прочная дружба возникла у меня с прапорщиком 503-го Лашевского полка Чубаровым Николаем Ивановичем, жителем Оренбурга, бывшим железнодорожным служащим, все братья которого тоже были железнодорожники. Чубаров болел цынгой и мы шутили, что он побывал не на фронте, а ездил открывать Северный полюс.

После завтрака и перевязок мы, большой кампанией, отправлялись в Собачий садик, занимали там одну-две скамьи и смотрели на проходящую и гуляющую публику, обмениваясь критическими замечаниями; часто свой выход мы приурочивали к окончанию уроков в женских гимназиях, когда гимназистки 7 и 8 класса шли кучками с уроков, проходя через садик не без умысла покрасоваться перед молодыми офицерами. Среди раненых был оренбуржец — прапорщик 7-го стрелкового полка Погорелов Михаил, раненный во время окопных работ, накануне наступления. У него была раздроблена ступня, рана долго не заживала, ходил он на костылях и так наловчился, что почти мог бегать, как циркач, особенно по спуску к реке Урал, когда мы шли кататься на лодках. Погорелов был отчаянный парень, в гражданскую войну служил у белых, был в опасной разведке в тылу у красных, в городе Актюбинск, был там опознан и удачно бежал. Получив ранение в руку. В советское время работал главным бухгалтером одного учреждения, попался в мошенничестве — перевел на

свое имя в сберкассу значительную сумму, был приговорен к расстрелу, пытался бежать, когда его в санях повезли за город на расстрел, но застрел в снегу и смирился, когда увидел, что ничего не вышло. Эти подробности рассказывал мне очевидец, один из сопровождающих Погорелова — Хандрымайлов.

Напротив окон палаты, на другой стороне переулка (ныне Матросского) была расположена парикмахерская, услугами которой пользовались раненые, вызывая парикмахера в лазарет. Среди парикмахеров была красавица — девушка, предмет увлечения нашего «Ташкента», который проводил часы, лежа на подоконнике, в надежде увидеть свою дульцинею. Несколько раз он вызывал ее в лазарет для бритья, хотя в этом и не было надобности, но все его ухаживания принимались весьма холодно.

В городском театре гастролировала оперная труппа и я с Цветковыми пошел слушать «Демона». Перед спектаклем Цветков где-то выпил и после спектакля мне его пришлось вести в лазарет, таща чуть ли не на спине. Было около 12 ч. ночи, раненые спали, я просил Цветкова не шуметь, а он, как нарочно, как рявкнет — «Тише, тише подползайте, — стража крепко спит!» — слова разбойников перед падением на лагерь Синодала.

В начале сентября я получил из полка от начальника связи Беляева письмо с поздравлением — награждением меня за бой 23 мая Георгиевским оружием и посылочку с маленьким георгиевским крестом для увинчивания в эфес шашки и темляка на Георгиевской ленте. Таким образом я получил вторую по значению высшую награду. Приказа с описанием подвига я в то время не знал и прочитал его только по возвращении в полк. Выше я описал свои действия в бою, но вот как они выглядели в показаниях очевидцев, опрошенных при представлении к награждению:

Приказ по 5-му стрелковому полку
29 августа 1916 года № 283 § 3

Приказом по VIII армии от 15-го августа 1916 года за № 1792 за отличия в делах против неприятеля, по удостоению местной думы, собранной при штабе VIII армии с 5-го по 21-е августа 1916 года включительно, подполучик вверенного мне полка такой-то награжден Георгиевским оружием за то, что в бою 23 мая 1916 года, при штурме неприятельских позиций у местечка Олыка, он, командуя 6-й ротой, быстро со своей ротой вышел из своих окопов, безостановочно, под губительным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем неприятеля, неся большие потери, бросился на штурм неприятельской позиции причем все

время шел впереди, подавая пример личной храбрости и мужества и ободряя своих людей; преодолев несколько рядов проволочных заграждений, ворвался в первую линию окопов неприятеля, защитники которой были переколоты, частью взяты в плен, затем, собрав оставшихся стрелков, с беззаветной храбростью и отвагой, явно пренебрегая опасностью, во главе горсти храбрецов бросился в штыки и овладел второй линией окопов; двигаясь дальше был тяжело ранен в голову с потерей глаза и все же продолжал руководить остатками своих храбрецов, пока не потерял сознания. Ротой было взято в плен: 2 офицера 139 нижних чинов и 1 бомбомет.

В это время через Оренбург проезжал и останавливался для нанесения визита генерал-губернатору Эмир Бухарский, щедро раздававший звезды и медали: — едет по улице, городской отдает ему честь, — Эмир останавливает экипаж и вешает на грудь городскому медаль. Подполучик Громаковский, бывший еще в запасном полку (запасные батальоны были развернуты в полки) был назначен начальником почетного караула для встречи Эмира на вокзале. Эмир наградил Громаковского серебряной нагрудной орденой звездой и Громаковский был на седьмом небе, гуляя вечером по Николаевской улице, отворачивал полу шинели, чтобы была видна звезда; встретив меня, запахнул шинель, показывая мне свою награду, на что я молча приподнял свою шашку, чтобы он увидел георгиевский темляк, а так как моя награда была в сотню раз выше и почетнее его звезды, то из его форсовства ничего не вышло.

Вечерами я, Чубаров и Юзик Карназевич, работавший по заготовкам на армию, катались на лодке, что было нашим любимым развлечением, если же не катались на лодке, то гуляли по Большой, как обычно называли Николаевскую улицу, или сидели в Собачьем садике. Обычным местом гуляния молодежи был только один квартал Большой улицы — от Гостинодворской (ныне Кировской) до Орской (ныне Пушкинской). Здесь можно было всегда встретить знакомых, всегда назначались свидания и встречи. Летом гуляние сосредоточивалось на бульваре, пожилая публика гуляла по другой стороне улицы — тут же было царство молодежи. Гуляли примерно от 8 до 10 вечера, после чего расходились по домам, почти всегда провожая знакомых барышень. Самыми подходящими для нас барышнями были гимназистки 7 и 8 класса-девушки 17-18 летнего возраста.

С 1 октября начинался сезон в городском драматическом театре и Чубаров предложил пойти в театр, а чтобы не было скучно, пригласить барышень, Чубаров познакомил меня с дочерью железнодорожника Горбенко Лари-

сой и ее подружкой Лизой Щегловой, на которой он потом и женился, и мы пригласили их в театр на открытие сезона. Шутки ради мы заявили, что мы считаем себя знакомыми со всем 8-м классом и просили об этом передать своим подругам по гимназии и пригласить их всех в театр. Лара и Лиза согласились. Мы взяли литературную ложу, а в те времена ложу можно было занимать не только по числу стоящих в ней стульев, а сколько уместится в ложу людей. По нашему приглашению в театр пришло человек 10 гимназисток 8-го класса, из которых я помню только одну — Лелю Архангельскую. Время провели весело, угощали барышень шоколадными конфетами и уговорились повторить посещение театра, почти не пропуская новых пьес, но ходили в театр преимущественно вчетвером: я, Чубаров, Лара и Лиза, билеты мы брали в 3-й-4-й ряды партера, и как Чубаров, большой весельчак и шутник, говорил «двое нас, двое нас, — помилуй Бог нас!» Скоро Лара «ввела» меня в свой дом, то есть познакомила с родителями и я часто стал у них бывать, почти на положении жениха.

Рана моя зажила и доктор Новицкий «решил», что можно мне вставить стеклянный глаз; для этого он затребовал из аптекарского магазина искусственные глаза, но их было всего три штуки и ни один не подходил мне по размеру и по цвету. Новицкий «примерял» глаза самым варварским образом, вплоть до применения обыкновенного столового ножа, когда стеклянные глаза не лезли в глазницу. Конечно, после такой процедуры я попросил Новицкого прекратить опыты, тем более, что ему, как врачу, должно было быть ясным то, что при разрушении глазницы и завороте века, без повторной, пластической операции его попытки будут неудачны. Новицкий решил послать меня в Москву для пластической операции, куда я прибыл 20 октября и был помещен в специальный глазной лазарет в доме Рябушинского на Солянке. Здесь раненые получали искусственные глаза, которые очень искусно подбирал сам владелец магазина в Столешниковом переулке, он же выдавал черную поглазную повязку. Это все делалось за казенный счет. Солдатам же еще выдавалось по три рубля и они увольнялись с военной службы, а офицеры назначались на нестроевые должности в тылу. Глаз мне подобрали хорошо, купил я и запасной, получил и повязку. Спрашиваю главного врача — когда же будет делать пластическую операцию, а он говорит: «Ваша рана не зажила, вам место не в лазарете и Вас отправлю в команду выздоравливающих». Мои доводы, что я специально прислан для операции не помогли и я изрядно поспорил с врачом. Фамилии его я не помню, так как ра-

ненные его называли «Цеппелин», за его грузную фигуру. Я потребовал, чтобы меня назначили на комиссию, с тем, чтобы вернуться в полк. Имелся приказ, разрешавший офицерам, несмотря на категорию ранения, делавшего их негодными к строевой службе, отправляться «по желанию» в полки на фронт, что я и сделал, из тех соображений, что на фронте я буду получать производство в следующие чины, что будет важно при назначении пенсии, а страха я больше не испытывал, имея уже опыт боев и ранений. Время в госпитале проходило очень скучно, интересных для меня людей не было и я, каждый вечер, уходил из госпиталя, выходил на Тверскую улицу, гулял до Страстного монастыря, заходил в многие магазины, торговавшие до 7-8 часов вечера. После этого времени был час «пик», когда на улицах была масса народу и трамваи брались с боя. В гвардейском экономическом обществе я купил себе Георгиевское оружие. Это оружие отличалось от обыкновенной шашки, тем, что рукоять была вызолоченной медной (вместо черной деревянной или эбонитовой), в головку эфеса ввинчен маленький Георгиевский крест, прибор т. е. кольца и наконечник ножен были украшены лавровыми ветками, по нижней части дужки эфеса — надпись «За храбрость» и вместо темляка на черной ленточке — темляк на Георгиевской ленте. Надумал я зайти и в Александровское военное училище в надежде увидеть своих начальников, но состав офицеров уже переменялся и из бывших офицеров 5-й роты никого не осталось — все ушли на фронт.

Один раз я посетил театр оперетты «ЗОН» и слушал новую оперетту «Осенние маневры» с участием моих любимцев, (по граммофонным пластинкам) Монахова и Шуваловой. Цены на билеты были очень высоки — за кресло 10 ряда я заплатил что-то около 10 рублей. Очень мне запомнилось, когда погас свет в зрительном зале и в ложах дамы, заняв перья места лож, положили свои ручки на бархат барьера, как сверкали, переливаясь, бриллианты их колец, браслетов и кулонов. По таким ценам на билеты и публика была состоятельная.

В одной палате со мною лежал некий поручик Гринев, раненный в глаз без повреждения век и костей глазницы. Глаз был подобран так удачно и двигался как настоящий, что совершенно не было заметно, что у него один глаз стеклянный. Мое недоумение, что тут делает этот совершенно здоровый человек, рассеялось в первый же вечер, когда Гринев, ложась спать, уже привычным движением вынул стеклянный глаз и опустил его в стакан с водой. Этот Гринев немного занимался спекуляцией шелковыми расшитыми китайскими носовыми платками и китайской водкой — ханшин, которую под

предлогом продажи раненым носовых платков продавцы — китайцы доставляли Гриневу прямо в палату. Это была контрабанда — для ханшина были сделаны плоские из оцинкованного железа фляги, надеваемые на живот или грудь под одежду, даже на руки и ноги. Гринева угостил меня этим ханшином, который оказался дрянью, но обладал таким свойством, что стоило на утро выпить воды, как человек снова хмелел.

1-го ноября 1916 года я прошел постоянную врачебную комиссию при 1-м Московском распределительном эвакуационном пункте (в Лефортове) и был признан «годным к строевой должности. По желанию отправляется в действующую армию». Я же отправился сначала домой, в Оренбург и прожив дома несколько дней, отправился в Одессу, где стоял запасный полк нашей дивизии, через который проходили все выздоравливающие раненые, прежде чем попасть в свои полки. Такая мера-возвращение в свои части была вполне себя оправдывающей и каждый ехал в свой полк, как домой. Офицеры следовали в полки одиночным порядком, а из солдат формировались маршевые роты. По дороге в Одессу в одном вагоне со мной ехал прапорщик 7го стрелкового полка (фамилию забыл) без всякого багажа — все, что он имел — было мыло, полотенце и зубная щетка, хранимые в карманах. Я с ним разговорился и узнал, что едет он совершенно без денег, все что имел оставил своей матери, и я взял его на свое попечение, истратив на это 35 рублей, которые этот офицер мне вернул по прибытии в полк. Славившийся своими размерами вокзал станции Жмеринка оправдывал слухи, но мне казалось, что он даже не соответствует по своей величине и внутреннему устройству такому маленькому городку, как Жмеринка. Часть пути приходилось делать на разных поездах, делая пересадки, поезда останавливались у semaфоров, дальше не шли и каждый пассажир был вынужден нести свой багаж до станции. Ехала с нами одна, лет 40 дама, жена офицера береговой обороны, с массой баулов, коробок и чемоданов и ей при таких пересадках приходилось туго. Воспитанный в уважении к любой женщине, я помогал этой даме, да еще привлекал попутчика-прапорщика, нагузившийся шляпными коробками и баулами как «дачный муж». Так называли мужей, приезжавших на дачу со службы в городе и увешанных разными покупками, сделанными по поручению жен. Эта дама решила испытать на мне свои «чары», приглашала по приезде в Одессу к себе, дала адрес, говорила, что муж у нее все время в береговом плавании, обещала за мною ухаживать, подавать кофе по утрам «в постель»

и так далее. Она годилась мне в матери, уважение к женщине претило мне совершить такой поступок и я, приехав в Одессу, даже и не вспоминал об ней. Возможно, с точки зрения других, я поступил глупо, но я не раскаиваюсь. Ехавшие со мною пассажиры-мужчины, узнав, что в Одессу я еду впервые, предупреждали меня, что на улицах Одессы нужно держаться настороже, что там масса проституток, зачастую шикарно одетых, так что и не подумаешь о их профессии, что они очень нахально пристают на улицах и что самое верное средство от них избиваться — это послать их «по матушке». Если Москва, по сравнению с Оренбургом, была шумна и светлива, то Одесса во много раз превосходила своим оживлением и Москву. Я осматривал Одессу, гуляя по улицам, побывал на городском кладбище, скорее похожем на благоустроенный парк, в знаменитом кафе ФАНКОНИ, в которое попал не сразу, так как было не принято садиться за кем-нибудь занятый столик, а они были, как и в Москве, у Филиппова, всегда заняты и часто проститутками высшего класса, поджидавшими «пассажиров». На Дерибасовской проститутки более низкого пошиба. Побывал я и в знаменитом Одесском театре, слушая оперу «Дубровский» (с участием восходящей тогда звезды) — тенора ДЫГАС. Театр был великолепен. Сцена пожара меня просто поразила — Дубровский поджег солому под крыльцом дома, и дом-декорация сгорел. Слушал я и известного куплетиста НИЖИНСКОГО, выступавшего в одном из кинематографов, ХЕНКИНА, бывшего тогда в славе и выступавшего в Одессе и Киеве, увидеть не удалось, зато поговорка о том, что «Одесса-мама, а Хенкин-папа» запомнилась. Нашел я и на всю Россию прославленный Куприным — «Гамбринус», но зайти в него один — не решился — уже больно много кружилось возле подозрительных личностей, матросов, развратно державшихся в делавших этот район просто опасным. Видел я и лестницу, на которой в 1905 году произошел расстрел, был на Приморском бульваре с памятником Ришелье. Зная, что в Одесском артиллерийском училище учится мой одноклассник по кадетскому корпусу Крашенинников, я съездил и к нему. Узнал я, что Крашенинников в Одессе от встреченного в поезде поручика князя Кудашева — нашего кадета-одноклассника.

В штаб полка я являлся ежедневно, чтобы узнать, когда отправят в полк, и этим ограничивалась вся служба. Под давлением Антанты Румыния вступила в войну, была фактически разгромлена, и наш корпус был перебросен в Румынию, где русская армия полностью заемнила на фронте румын. Здесь командовал

фронтом генерал Щербачев. Наконец нам дали предписания ехать на фронт, а набралось нас из нашей дивизии шесть человек: из нашего полка — я, поручик Чашков, раненный в плечо и почти не владевший рукой, прапорщик Венчанинов Виктор, прапорщик Балавахно Степан, раненный в кисть руки и не владевший пальцами, то есть все, как и я, возвращавшиеся в строй «по желанию». Пятым был младший врач 6-го полка, а шестым прапорщик 7-го полка Ластовский. Из Оренбурга я имел поручение от матери Чубарова отвезти маленькую посылочку е младшему сыну Саше, служившему в Гатчинской авиационной школе, передислоцированной в Одессу и расквартированной в дачной местности Ольгино-Люсдорф. Эта посылочка была плоской и содержала один брюки и, сев в трамвай, я положил ее под себя, выйдя же в Люсдорфе, я забыл ее в трамвае. Что делать? Получилось неудобо. Бывшая на конечной остановке кондукторша позвонила по телефону и, с обратным рейсом, посылка была привезена. Я нашел Чубарова, передал ему посылку, рассказал все оренбургские новости. Чубаров стал меня уговаривать прийти в один из дней полетать на аэроплане, одновременно предупреждая, что качество аппаратов неважное. Я согласился, но полетать мне так и не удалось, так как пришлось выезжать в полк.

Ехали мы в Румынию через пограничную станцию Унгени. Мы шестером заняли купе и дорогой врач, еврей по национальности, давал нам читать стенографические записи речей депутатов Государственной Думы. Газеты в то время выходили с огромными белыми полосами — цензура многое не пропускала, а недовольство принудительным вовлечением в войну Румынии, в результате разгрома которой наш и так огромный фронт растянулся еще больше за счет замены русскими войсками потерявшей всякую боеспособность румынской армии, было велико. Еще большее недовольство — все более и более открыто выражавшееся — было, поведением Распутина и придворной клики. Говорили, что Распутин давал телеграмму Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, что он хочет приехать на фронт на что Главноверх ответил — «Приедешь — повешу».

Накануне вступления в войну Румыния продала Германии множество лошадей, скота, зерна и нефти, оставшись полуголодной. Недаром уже вскоре, сменяя румынские войска по всему их фронту, русские ругали их за полную неподготовленность к войне и неумение ее вести. Сразу же установилось самое презрительное отношение к имевшим действительно жалкий вид «союзникам», и солдаты их называли или «кукурузники», или «мамалыга». Все эти во-

просы обсуждались в Государственной думе и поэтому стенограммы были чрезвычайно интересны, — в них помещались полностью речи депутатов, безжалостно выхолащенные в газетах. Даже такой махровой монархист, как Пуришкевич, вопрошал в думе: «вовлечение Румынии в войну, что это: глупость или измена?» Все мы с жадностью читали отпечатанные на машинке стенограммы, глубоко возмущаясь положением дел.

До города Яссы, куда эвакуировалось после сдачи Бухареста румынское правительство, была «широкая» русская колея железной дороги, а дальше шла «узкая», европейская. Окраины Ясс просто поразили нас своим жалким видом, множеством построенных из старых железных листов, ящиков, старой фанеры «домишек». Ничего подобного мы в России не видели. В то же время центр города был роскошен и заполнен толпами хорошо одетого народа и румынских цетелей-офицеров, многие из которых были затянuty в корсеты и напудрены. Русские деньги имели свободное хождение, стояли дороже румынских в несколько раз и менялись повсюду — в магазинах, в лавочках и даже в частных домах, хозяева которых просто вывешивали на своих окнах русские и румынские деньги, что заменяло вывески и было всем понятно. Менялы получали за обмен «лаж» и ирзядно наживались. Русского офицества и военных чиновников была тьма, торговаться из-за копеек считалось ниже своего достоинства, чем и пользовались менялы, давая за рубль, в среднем, три франка, как румыны называли свои леи, и наживая по 2-3 копейки на рубле.

Русский комендант города передал нас румынскому префекту, который отвел нас на квартиру в частный дом. Надо сказать, что почти все румыны (и в деревнях) говорили по-французски, родственному румынскому языку, и по-немецки, а русские офицеры, к нашему стыду, за редкими исключениями, могли только сказать «да» и «нет». Когда мы вошли в дом, хозяйка дома, ее муж и дочь встретили нас, и наш доктор, еврей, зная немного немецкий язык, вел с ними весь разговор. Хозяйка показала нам румынский журнал, на обложке которого был цветной портрет румынского генерала, и объяснила нам, что — это ее брат, военный министр Анастасиади. Дело шло к вечеру, нам предстояло только переночевать на этой квартире, мы были голодны и собирались сейчас же уйти. Хозяйка спросила, когда мы вернемся, мы сказали, что часов в 9 вечера, и ушли, не придав значения вопросу хозяйки о времени нашего возвращения. Комната, нам предоставленная, была довольно большой, в ней стоял

стол, турецкий диван, покрытый дорогим ковром, комод, граммофон и тумбочка, на полу тоже был ковер.

Пришли мы в один из лучших ресторанов Ясс — «Сплендид», там тьма людей и все почти одни русские офицеры, сидящие за двумя длинными общими столами. В зале — дым кофемолки, накурено, шум, официанты едва управляют с заказами, мест нет, приходится ожидать пока кто-нибудь закончит свой обед. Кое-как мы уселись и отдавали румынской кухне: суп из карпа, жаркое — половина съедобной лягушки (это мы узнали потом) и кусочек хлеба. В хлебе испытывался повсеместно недостаток очень острый, и был он очень темный. Таким обедом мы не наелись и отправились искать еще какой-нибудь ресторан, чтобы пообедать еще раз. Так мы еще раз пообедали и заказали кофе. Его нам подали в микроскопических чашечках, немного больших, чем обыкновенный наперсток, на таком же маленьком блюдечке, и к нему подали в такой же миниатюрной кружке коньяк. Пить кофе «по-турецки» мы не умели, для нас это было только смочить язык, и мы, подзвав официанта, заказали ему кофе «по-варшавски». Кое-как объяснившись, мы получили кофе в простых чашках и, как оказалось, русских, производства знаменитого Кузнецова.

Заходя в магазины и лавочки, мы везде видели русские товары: посуду фабрики Кузнецова, чай Высоцкого и Перлова, бочки с омuleвой икрой, которую я нигде не встречал в России. Шампанское, которого я еще никогда не пил, стоило три франка, и в одной из лавочек — закусовых, так называемых «паштетных», я соблазнился и выпил целую бутылку. Никакого действия оно на меня не оказало. Ром продавался разливной, хранившийся в огромных бутылках, в плетеных корзинах, так, как у нас хранилась серная кислота. Ром был мутный, но очень крепкий, почему среди русского офицества он заслужил название «зверобоя», так как одной рюмки было достаточно. Следует учесть, что отношение к вину было очень умеренным, и легкий шум в голове считался уже опьянением. По улицам Ясс рыскали шикарно одетые проститутки, нахально пристававшие к офицерам с одной фразой: «Офицер, ресторан!» Уезжая из Оренбурга, я обратил внимание на то, что, чем дальше на запад, тем свободнее были нравы и, как в Одессе, так и в Яссах, казалось, что я попал в иной мир, привыкнув в Оренбурге к царившей там строгости нравов, несмотря на крайне смешанное население — русские, украинцы, татары, чуваша и другие. Как крестьяне, так и казаки, почти все были переселенцами из центральных губерний и с Украины. По религиозным убеждениям,

кроме православных, католиков, протестантов и магометан, было много сектантов всевозможных сект, до хлыстов, включительно, и, надо заметить, не было никакой национальной розни. Наиболее угнетаемое национальное меньшинство — евреи — было представлено теми профессиями, которые давали право проживания за «чертой оседлости», — докторами, купцами, ювелирами, часовыми мастерами, портными, парикмахерами. Имея знакомых среди молодежи всех национальностей, я знал их уклад жизни, поэтому я видел, что Запад резко отличался от Оренбурга своей свободой нравов, настоящим развратом. Это очень настораживало, в особенности в отношении женщин, в каждой из них невольно подозревалась проститутка. Мужская часть населения также не внушала большого доверия, так как это были дельцы и люди довольно сомнительных профессий. Недаром я слышал в Одессе анекдот, как один делец продал другому вагон сахарного диабета.

Вернувшись на квартиру после не очень нас напугавших двух обедов в двух ресторанах, мы застали в своей комнате накрытый стол, за который любезные хозяева нас и пригласили. На полу, вдоль стены стояла шеренга бутылок с виноградным вином. Обслуживал нас солдатенщик, «ордонанс», по-румынски, и хозяйка пояснила, что, хотя ее муж и штатский человек, ее брат, военный министр, дал ему денщика, и этот ордонанс должен был разбудить нас в 4 часа утра и проводить на вокзал. Хозяева были беженцами из Бухареста, а в Яссах жили в своем доме. За этим обедом-ужином переводчиком был я, отбросив стеснение, когда увидел, что французским языком я владею не хуже хозяев. Я обратил внимание на то, что к каждому блюду подается новый кусок хлеба в то время, как еще не был съеден поданный к первому, и получил ответ, что у них таков обычай. Я попросил разрешения завести граммофон и, получив согласие, поставил пластинку с румынским гимном, предупредив своих товарищей, чтобы они встали и стояли смиренно во время исполнения гимна, после чего сказал по-французски: «Прошу всех встать!» Вся эта церемония произвела на хозяев отличное впечатление, они удвоили свою любезность, полутно объяснив, что они придерживаются ориентации на Россию и сожалеют, что много румын предпочитают опираться на Германию. По окончании ужина я, как полагается, попросил у хозяйки разрешения закурить. Наши папиросы вызвали интерес у хозяев, ведь румыны курили сигареты и сигары.

На улицах нищенствовать было запрещено, поэтому бедняки собирали милостыню или играя на скрипке, или торгуя спичками рассыпью, из корзин, вроде как у нас торговали се-

мячками. Спички были фосфорные, зажигающиеся обо все, и наши стрелки зажигали их о подошву сапога, или даже, подняв ногу и натянув брюки, о мягкое место. Были спички и в огромных коробках, с обсыпанными битым стеклом боковыми сторонами для зажигания. Были и такие сигареты — в пачке 10 штук и гребенка из 10 спичек. Удобно и дешево. Дешевы были и золотые вещи, но это было лишь потому, что золото было всего 36-й пробы.

Наступило время ложиться спать, и хозяйка с огдонансом принесли еще одну кровать и на подносе чистые ночные рубашки. Я горячо поблагодарил за внимание и объяснил, что, право, это лишнее, так как все мы фронтовики, для нас — это роскошь, но хозяйка просила все же надеть на ночь эти рубашки, причем сказала, смеясь, что одному из нас придется спать в женской рубашке, как как мужских не хватило. Женскую рубашку пожелал надеть поручик Чашков.

Муж хозяйки попросил записать его адрес, приглашая остановиться у него, если кто-нибудь из нас еще раз приедет в Яссы. Вот этот адрес: Яссы, страда Флорилор, 4, Мишель Александреску.

Спали мы по-двое. Ночью я вышел на двор и, возвращаясь, увидел на террасе какую-то белую фигуру. Это был Чашков, в женской рубашке, бывшей ему до пят. Потом Чашков рассказывал, что он испугался, как бы его не схватил стрелок, приняв за женщину. Над этим случаем много смеялись потом в полку.

Ордонанс разбудил нас в назначенный час, мы сняли ночные рубашки и невольно подумали, не наградили ли мы наших любезных хозяев вилами. Когда мы уходили, было еще темно, но хозяйева наши вышли на террасу и прсвожали нас очень тепло, махая платками и крича: «Виктуар!» («победа»).

По дороге на вокзал мы видели огромные очереди за хлебом, занимавшиеся жителями задолго до открытия хлебных лавок. Сели мы в вагоны, уже битком набитые. Румынские вагоны очень отличались от русских, очень удобных. В классных вагонах коридоров не было и каждое купе имело отворяющуюся наружу дверь, вдоль вагона шла доска-ступенька с поручнем, и во время хода поезда кондуктор шел по этой ступеньке, держась за поручень, лицом к стене вагона. Не было полок и лежать было нельзя. Было нечто вроде дивана, разделенного подлокотниками, получались отдельные кресла, по три с каждой стороны. Нас было шестеро, и мы заняли одно купе полностью. Поезда (и товарные) ходили с большой скоростью, и территория Румынии не была так велика, чтобы путешествие было продолжительным, поэтому и не было спальных мест в ваго-

нах, и если приходилось ехать ночью, то сидели и дремали в этих креслах. Вагоны 3-го класса были обыкновенными товарными, посредине которых стоял небольшой стол, а вдоль стен были обыкновенные лавки для пассажиров.

Нам приходилось искать свою дивизию, так как расположение частей не было точно известно русским комендантам станций. Сначала мы приехали в город Галац, где грузился на пароходы 5-й нехотный полк, шедший на Тульчу. Мы обрадовались, когда увидели на пристани солдат с цифрой «5» на погонах, но расспрашивая солдат, мы узнали, что они — 5-го пехотного полка. Вернулись к коменданту, и он направил нас в город Браилов. Сели мы на маленький пароходик, вернее — катер, и поплыли по Дунаю. Река широкая и глубокая, но вода в ней мутная. «Какой же это "голубой Дунай"?» подумал я, — «он какой-то бурый!» Когда приехали в Браилов, город произвел сразу хорошее впечатление, — прямо от пристани начинались хорошие дома и мощеные улицы. Город был тих, на улицах почти никого, и мы бродили по улицам, устали и зашли в один из первых попавшихся домов, попросив хозяев дать нам возможность отдохнуть. Нас очень гостеприимно приняли, отвели в гостиную, затопили печь. Печь удивила нас своим устройством, это было нечто среднее между печкой и камином, но нагрелась она быстро. Отдохнув и поблагодарив хозяев, мы отправились опять к коменданту, и он нас отправил обратно в Галац, так как теперь было точно известно, что полк наш стоит в районе города Тыргу-Окна. Мы путешествовали по местам славных боев с турками и такие названия как Галац, Браилов, Тульча мне напоминали подвиги русских в 1877-78 годах. 27 ноября, из Галаца, я послал отцу открытку, сохранившуюся до сих пор.

Мы ехали снова в Яссы, на север, и ехали весело. В обыкновенном товарном вагоне, довольно чистом, с нами ехали румынские беженцы — одна молодая, очень аристократического вида пара, и простой народ. Мы очень весело болтали на невероятной смеси языков, что иногда вызывало всеобщий смех, особенно при совпадении русских слов с румынскими, но имевших разное значение. Так, наше слово «пуля» оказалось по-румынски совершенно неприличным, вызвало хохот простых румынок и вошло в краску даму. Чтобы спасти положение и чтобы никто не подумал, что мы ругаемся я взял боевой патрон, показал на нем пулю и объяснил все по-французски.

Вдоль железной дороги валялись груды сахарной свеклы, выброшенной из вагонов для освобождения их на нужды войны, а вдоль железнодорожного полотна брели одиночками и

группами румынские солдаты рассеявшейся румынской армии. Винтовки у них были с заткнутым тряпчочкой или пучком соломы дулом. На станциях они подходили к вагонам и просили у русских хлеба и папирос. Русские делились всем, чем могли, по-братски.

Первым румынским словом, нами выученным, было слово «разбой», так по-румынски называлась война, и все считали, что это звучит лучше, чем русское «война», и метко отражает сущность этого понятия. Слово «запяти» — молоко, вызывало смех у наших солдат, как название обуви, далеко не сродное молоку. Купить что-либо из съестного было невозможно, мы выбегали на каждой станции и находили только закрытые буфеты. По дороге к нашей компании присоединился румынский лейтенант, веселый и простой парень. На одной из станций он позвал нас пообедать, станция называлась «Пятра». Поезда стояли подолгу, никаких звонков перед отправлением поездов не было, железнодорожник просто кричал: «Гата!» — «готово!» и все сажались в вагоны. Русские, не зная этого обычая и не понимая слова: «гата», отставали во многих случаях от своих поездов и скоро приучили румынских железнодорожников стучать по буфетам, давая сигнал о готовности поезда к отправлению. Мы вошли в зал станционного буфета и сели за стол спинами к огромным окнам. Рядом сидели и скучали за пустым столом три сестры милосердия. Лейтенант исчез и вернулся, неся на тарелке пирожные, которыми он угостил сестер, а нам принес бутылку румынской водки и рюмки. Сам он только пригубил рюмку и очень удивлялся, как это мы «хлопаем» по полной рюмке. Нас же в свою очередь удивляло, как это в винодельческой стране люди не умеют или не могут пить. Что он достал из еды, я не помню, но помню, что в это время над станцией кружил аэроплан противника. Мы посоветовали сестрам сесть в простенке между окнами и сами сели туда же. Сбрасывание бомб с аэропланов было редким явлением, почему они привыкли не укрывались, тем более, что обычно аэропланы вели лишь воздушную разведку. Но этот аэроплан оказался не таким, какими мы привыкли их видеть, и обстрелял станцию из пулемета, а затем раздался близкий и сильный взрыв, оконные стекла полетели вовнутрь помещения, а скатерть дуло со стола взрывной волной. Мы дешево отделались, и это был первый случай за войну, когда я видел, что аэроплан сбросил бомбу.

До Тыргу-Окна мы доехали благополучно и без приключений. Здесь стоял штаб нашей дивизии, а полк наш стоял на позиции в Карпатских горах, в районе большого села Дафтяны.

После войны эти Дафтяны стали известны всему миру своей политической тюрьмой.

1 декабря мы добрались до штаба полка, которым командовал полковник Гаськевич. Представлялись мы по уставу, но Гаськевич принял нас по-домашнему, даже не встав при приеме рапорта, и говорил с нами запросто, расспрашивая каждого о здоровье, о поездке, и отпустил нас до получения назначений. В обозе я разыскал своего денщика Гришу Гордеева, который во все время моего отсутствия из полка был при обозе и начальник обоза штабс-капитан Лункин очень просил меня оставить Гришу в его распоряжении. Я предоставил решение этого вопроса самому Грише, и он, к моей радости, решил остаться при мне, сказав: «Давайте пойдём лучше в роту». Лункин угостил меня жарким из убитого накануне медведя. Мы находились в предгорьях Карпат, в очень красивой местности, горы были покрыты густым, почти девственным лесом, в котором водились медведи, дикие козы и много волков, а горные реки изобиловали форелью. Местность была такова, что ее нужно было бы только любоваться, мы же, по выработавшейся привычке оценивали местность в первую очередь с точки зрения ее пригодности для военных действий, — наступления или обороны, — обращая внимание на красоту пейзажа в последнюю очередь, да и то лишь как на ориентиры.

Село Дафтяны было расположено в долине и было очень растянуто в длину. В нем располагались тыловые учреждения полка и полкразделения, которым в густом лесу не находилось применения: команда траншейных орудий, конные разведчики, даже часть пулеметной команды. При теплом климате избы крестьян были крыты деревянными дощечками, «гонтом», запасы которого лежали у каждого на чердаке, служившем складочным помещением. Повсеместно в окнах были вставлены железные прутья для защиты от нападения диких зверей. Народ жил бедно, земли у каждого был незначительный клочок при усадьбе, использовавшийся самым максимальным образом: фруктовые деревья, кукуруза, кормовой буряк для домашней скотины (свиней). Коров и лошадей я не встречал нигде. Отношение населения к русским было хорошее и приветливое, мы были не только союзники, но и единоверцы, православные. Вся земля в долинах и леса в горах принадлежали румынским помещикам — «боярам», имевшим в самых живописных местах свои замки. Многие жители деревень кормились около солдатских кухонь, что не воспрещалось командованием и делалось и в России, и в Румынии. Русские солдаты делились с населением, чем могли, и помогали по хозяйству. Гриша решил угостить меня мамалыгой и

сжарил мне из этой каши котлеты, мне понравившиеся, но наградившие меня расстройством желудка. Гриша объявил мне потом, что — это с непривычки и что все так переболели. Хлеба у крестьян не было совершенно. Мамалыга варилась в котле, когда вода закипала, в котел сыпали мелкодробленную кукурузу и когда каша была готова, ее вываливали из котла на стол и резали ниткой на куски, бравшиеся в руку и употребляемые как хлеб, откусывая понемногу. Подсолнечника не сажали и грывозые семечки были румынам в диковинку, а русским — редким «десертом». Семечки попадали на фронт только из России, в посылках, или же привозились отпускными. Такой же редкостью были и арбузы и дыни, зато было обилие чернослива в каждом доме. Уборные напоминали скорее собачьи конуры, настолько они были низки и без дверей. Пользоваться ими приходилось так: стать задом, спустить штаны и задом пятиться в уборную, да еще у всех на глазах.

Лес был кругом, но не крестьянский.

До получения назначения я являлся к своему батальонному командиру, теперь уже подполковнику Ростиславскому, и прожил в его квартире несколько дней. Принял он меня хорошо. В штабе полка я прочел приказ о своем награждении, переписал его и послал отцу. Ростиславский по вечерам занимался заполнением наградных листов на офицеров и все время ворчал: «Какие теперь пошли офицеры: Новодержкин, Широкоштанов...», будучи недоволен проникновением в офицерскую среду офицеров не дворян, а выходцев из «простонародья». Днем, от нечего делать, я ходил гулять в ущелье, по которому протекала горная речка. Дно речки было лавовое, разноцветное, и я ходил прямо по дну (было очень мелко), любуясь оттенками дна и окружающими горами. Сапоги мои не промокали, и я с благодарностью поминал сапожника Сергеева, сшившего мне сапоги перед моим отъездом из Оренбурга. Стрелки моей роты, узнав о моем возвращении, прислали ко мне настоящую делегацию, прошившую меня вернуться в роту. Я был этим очень растроган, я и сам желал этого, но это зависело не от меня. Я просился в любую роту, но не было причин смещать ротных командиров, хотя среди них были и прапорщики, то есть младшие, чем я, чином. Один из самых старых солдат 6-й роты, Чарковский, пришел при мне к Ростиславскому проситься в отпуск, так как он пробыл на фронте около двух лет. Ростиславский стал довольно грубо ворчать на Чарковского (отпуска солдатам предоставлялась крайне редко и как исключение). Я присоединился к просьбе Чарковского, и Ростиславский, по-прежнему ворча, разрешил отпуск

к великой радости Чарковского.

За время моего отсутствия личный состав в полку очень переменился, многие мои друзья офицеры были ранены и в полк не вернулись, и я ни к кому не ходил. Назначили меня наконец начальником команды траншейных орудий, представившей из себя взвод, имевший на вооружении миномет Лихонина и бомбометы Азена. Устройства последнего и способа стрельбы я не знал, почему учился этому у стрелков. Бомбочка была с кулак, в головную часть был ввинчен ударник с пропеллером. Заряжался бомбомет с дула. На дне ствола, прикрепленного к поддону, имелся боек, на жало которого натянулась бомбочка при опускании в ствол, происходил выстрел, в полете вертушка-пропеллер вращалась, ударник ввинчивался до отказа, сблизаясь с капсюлем взрывателя, и при ударе об землю происходил взрыв бомбы. Команда моя и я сам бездельничали, находясь при обозе в Дафтянх, — стрелять в таком густом лесу было невозможно.

6 декабря был полковой праздник. Состоялся парад, на котором мне, как Георгиевскому кавалеру, полагалось стоять правее полкового знамени, и таким образом полк проходил церемониальным маршем и мимо меня. Это было большой почет, тем более и потому, что я был единственным, если можно так выразиться, «героем Лучкого прорыва». После парада был торжественный обед. Приехавший на праздник и принимавший парад начальник дивизии, войдя в помещение столовой и поздоровавшись с офицерами, сразу же спросил командира полка: «Почему у этого офицера повязка на глазу?» Командир полка объяснил ему, что я был ранен и добровольно вернулся в полк. Начальник дивизии спросил меня, в каком бою я участвовал и какие имею награды. Я ответил, и начальник дивизии сказал мне комплимент и поставил меня в пример другим офицерам. Обед был, как всегда, превосходный: к первому были поданы любимые офицерами слоеные пирожки с мясом, не менее вкусные фаршированные яйца и порюмке румынского рома.

Вскоре полк занял позицию верстах в двенадцати от Дафтян. До прихода русских войск румыны, не имевшие опыта в войне, занимали фронт не сплошной линией, плохо наблюдали за незанятыми промежутками, окопов не рыли, рыть их в каменистой почве гор было очень трудно; офицеры держались обособленно от солдат, были изнежены, многие носили корсет, румянились. Они командовали своими частями издали, командир батальона сидел в нескольких верстах от передовой и названивал по телефону в роту, крича: «А ля гура Чабониаш, кампания чинча, лейтенант Онеску!» то есть — «Устье реки Чабониаш, пятая рота,

лейтенант Онеску!» В то время, когда румыны держали фронт, немецкие разведчики, а против нас стояла баварская гвардия, просачивались в тыл румын и бродили там безнаказанно. Русские войска закрыли все щели, и бродившие в тылу наших позиций немецкие дозоры и разведчики были голодом вынуждены сдаваться в плен. В Дафтянах был большой фанерный завод, и на нем работал механиком один русский матрос с броненосца «Потемкин», освещавший после восстания в Румынии. Никто его не трогал, хотя с полицейской точки зрения он был бунтовщиком и изменником. Я лично видел его и говорил с ним.

Жил я вместе с поручиком Кротковым, начальником команды конных разведчиков, тоже бездельничавшей, как и моя команда. Командиром хозяйственной роты был штабс-капитан Верле, рыжий француз — москвич, очень ко мне благоволивший и называвший меня по-родственному: «Жоржик». Я часто ходил с Верле по Дафтянам, сопровождая его, когда он шел по делам службы. Через него я и познакомился с матросом-потемкинцем, отпускавшим для полка фанеру для облицовки землянок. Временно командующий полком подполковник Гаськевич был очень прост в обращении и однажды пригласил меня приехать в штаб полка в гости и посмотреть позиции. Снега еще не было, было тепло, но все уже ходили в шинелях. Горы начались у самых Дафтян, и от фанерного завода на лесосеку в горах была проведена узкоколейная железная дорога, шедшая все время на подъем, причем от завода до входа в ущелье, по дну которого текла речка, примерно с полверсты была насыпь, прямая, как стрела, и с уклоном до 30 градусов. Полковой священник, отец Николай, был ко всеобщему удовольствию переведен в другую часть, и на его место был назначен другой, вполне серьезный человек, бывший, как говорится, на своем месте. При нем был причетник, унтер-офицер. Оба были тихие, смиренные люди и их совсем не было слышно, так как они не докучали богослужениями совсем, предпочитая совместную службу с румынским священником в местной церкви, которую наши стрелки очень редко посещали. Среди румынского населения священник был известен как «русешти попа», то есть «русский священник». Этот священник со своим причетником придумал довольно опасное и острое по ощущениям развлечение — кататься с гор по узкоколейке от штаба полка до фанерного завода, что составляло примерно 12 верст под уклон и площадка-дрезина неслась с бешеной скоростью. Ежедневно поезд отправлялся в горы на лесосеку за бревнами, для перевозки которых были специальные платформы, длиною метров в 5, с железным зубчатым

кругом посередине, на который клалось только одно бревно почти в два охрата, и оно закреплялось на платформе огромной железной цепью. Так как поезд шел в горы порожняком, на платформы грузились продукты для полка, чиненая обувь и т. д. На скалистой почве сапоги быстро изнашивались, и с обувью была настоящая проблема. сапожники работали беспрерывно и шили для солдат из сыромятной кожи румынские «постолы» и на позиции их отправлялось ежедневно несколько сот пар. Священник пригласил меня «покататься», договорился с механиком завода, чтобы нам дали дрезину и прицепили бы ее к поезду. Дрезина представляла из себя площадку, ничем не огороженную по краям, без сидений, с примитивным ручным тормозом и большим крюком на цепи для прицепки. Самостоятельно двигаться дрезина могла под уклон, не имея двигательного устройства. Священник взял с собой причетника и большой чайник для минеральной воды, — около штабной землянки был источник минеральной воды, обделанный в маленький сруб с крышкой. Вода напоминала вкусом наш нарзан.

Обычно поезд, состоявший из 5-6 платформ для леса, одной с хлебом и одной с постоломи, тащился в гору почти полтора часа. Сидя на своей дрезине, мы держались руками за края. Суровая, дикая природа была очаровательна, и я с большим любопытством смотрел по сторонам. Полотно железной дороги было проложено по одной стороне ущелья и это, наверное, стоило большого труда, так как, кроме насыпи у завода, само полотно было вырублено в скалах и построен мост через ущелье на высоченных подпорках. Было одно такое место, где с одной стороны возвышалась огромная отвесная стена, высотой с пяти-шестизатный дом, а с другой, в двух шагах от колеи, были обрыв в ущелье, дна которого не было видно, оно заросло лесом и огромные сосны казались сверху простым кустарником. Все было сделано «впритирку», и встречный пешеход не мог разминуться с поездом иначе, как остановив поезд и перебравшись по платформам или идя сбоку и цепляясь за них. На середине пути был мост без всякого настила и перил, и не прямой, а несколько изогнутый.

Доехали мы до штаба благополучно. Посидев в землянке у подполковника Гаськевича и напившись чаю, я пошел посмотреть на наши окопы. Грунт был скалистый, а горы были покрыты таким густым лесом, что сразу было видно, что даже ружейный обстрел почти невозможен. Наши стрелки, а также и немцы, это было хорошо видно, ходили по верх оковов, защищенные лесом, шагах в 300 друг от друга. Стрельбы никакой не велось. Землянка ротного ко-

мандира была позади окопов, на косогоре, причем совершенно неуглубленная в землю и скорее похожая на домик. Грунт не поддавался лопатам и его нужно было долбить. Внутри оказалось соседство о фанерном заводе: землянка была обшита листами фанеры, что придавало ей очень уютный вид. Окопы представляли из себя неглубокую канаву, выдолбленную с большим трудом в скалистом грунте. зато бруствер, похожий на завал, был высок и сложен из бревен (леса была вдоволь), пересыпанных землей и скрепленных проволокой. Колья для проволочного ограждения вбить было невозможно, да и не нужно, — проволока была прибита к впередистоящим деревьям, что при наличии кустарника и подлеска делало вперележащую местность труднопреодолимой. Видно было, что прежде чем устроиться, нашим стрелкам пришлось пожить на открытом воздухе, возле костров: у многих были опалены и прожжены пахахи и шинели.

Начинало темнеть, а это наступает в горах очень быстро, и я вернулся в штаб. Священник и причетник уже ждали меня, они набрали минеральной воды. Наша дрезина лежала рядом с рельсами. Оставить ее на рельсах было нельзя, она укатила бы. Зайдя попроситься с командиром полка, я был свидетелем такой сцены: дверь землянки внезапно открылась и в землянку свалилась фигура баварского гвардейца, а за ним нашего стрелка-телефониста. Оказывается, телефонист, проверяя линию, повстречался с блуждавшим в нашем тылу уже несколько дней немцем. Имея при себе только катушку с телефонным кабелем, он тем не менее не растерялся, захватил баварца в плен и почти всю дорогу до штаба полка тащил его на себе, связав ему руки и имея на себе катушку с кабелем и винтовку немца. Вероятнее всего, что голод заставил немца сдаться без особого сопротивления, хотя он и испарал лицо телефонисту.

Фронт шел не сплошной линией, что было невозможно из-за рельефа местности, а по вершинам гор, так, что одна рота была впереди, а другая позади, промежутки же наблюдались полемыми караулами и дозорами для связи. Местность была очень пересеченная, горы, узкие ущелья с текущими по ним речками, все-гущо поросшее вековым лесом. Имелась и «пешеходная дорога» к штабу: в одном месте была отвесная скала, к которой была прислонена лестница, в другом месте нужно было преодолеть крутой скат, приходилось карабкаться по накладной лестнице, брусья вместо ступеней, связанные по концам проволокой, а в другом месте ползти на четвереньках. В один из дней подполковник Гаськевич был остановлен у отвесной лестницы криком: «Полковник,

сдавайся!» Это были немцы, бродившие в нашем тылу. Гаськевич, как он сам рассказывал, бросился к лестнице и сбежал вниз на своем задку, удрав благополучно.

Распростившись с Гаськевичем, мы поставили дрезину на рельсы. Она так и рвалась из рук, и, плюхнувшись животом на площадку, мы сразу понеслись под гору. Священник сел, поджав ноги, впереди и держался за рычаг тормоза (совершенно бесполезного), а я с причетником сидели, крепко держась за борта. Если в гору мы тащились, то теперь летели вихрем так, что, крикнув, слышали свой голос позади. Все мелькало в глазах, и счастье, что никто не попался нам навстречу. Крюк с цепью мы упустили, и он бешено прыгал, колотясь о шпалы. Мосты мы пролетели с грохотом, не зацепившись крюком за шпалы, тогда бы мы и костей не собрали бы, слетев в пропасть. По прямой насыпи перед заводом мы тоже промчались и взрелись в закрытые ворота завода. Ничего подобного этому катанью я не испытывал ни раньше, ни позднее. Командир полка потом запретил такое катанье, как опасное для жизни.

Условия горной войны резко отличались от обычной полевой, и в русской армии не было специально обученных горных войск, в то время как противник имел горные части, укомплектованные горными жителями. Если перед майским наступлением командир батальона поручик Надин отбил воображаемую атаку, то и тут он отличился, пропав внезапно со всем своим батальоном. Немцы заняли вершину в тылу батальона, и батальон разбежался, но через день все пришло в порядок, люди собрались, не понеся потерь, и заняли прежнюю позицию. Боев, в полном смысле слова, не было, были «поиски». В один из вечеров поручик Кротков сказал мне, что поезд привез убитых и раненых и что среди раненых поручик Чашков, а среди убитых прапорщик Венчанинов. Я сейчас же отправился к поезду. На линии стояла наша знаменитая дрезина, на ней лежал труп Венчанинова, а рядом, накинув на плечи шинель, стоял поручик Чашков, нахохлившись, как воробей под дождем. Чашков был ранен точно так же, как и в первый раз, но теперь у него было раздроблено другое плечо, и он превратился в полного инвалида. Венчанинов лежал с закрытыми глазами и как будто спал. Я долго смотрел на него, мысленно прощаясь, и думал, что солдатские приметы часто исполняются. Одной такой приметой было, что возвращающиеся из отпуска или после ранения бывают убиты или ранены через несколько дней после возвращения в полк.

На нашем участке побывал известный военный корреспондент Немирович-Данченко, опи-

савший в одном из декабрьских номеров газеты «Русское слово» действия нашего полка, случай с телефонистом и еще один эпизод: немцы почему-то оставили одну из вершин, занятую затем нашими, и, видимо, не сообщили об этом своим. Утром можно было наблюдать, как к этой вершине движется походная кухня и идут денщики, несущие своим офицерам обед в судках. Наши допустили немцев до самых позиций без выстрела, и они все были ошеломлены, увидя, что вместо своих, они принесли обед противнику. Все они были взяты, конечно, в плен. Один из них, принесший своему офицеру брюки, просил, раз брюки не попали и не попадут офицеру, разрешения взять брюки себе. Это было ему разрешено, и он тут же переделал в офицерские брюки.

Сидя однажды вечером в хате, мы с Кротковым увидели, что в тылу, за Дафтянами, взлетают ракеты, которые мы сразу признали за немецкие. Кротков немедленно приказал седлать лошадей и поскакал с разведчиками на свет ракет. Я пошел в канцелярию штаба полка, где жил наш адъютант, Столяров. Скоро сюда же явился и Кротков, приведший двух пленных, здоровенных баварских гвардейцев, перешедших линию фронта еще при румынах. Теперь голод заставил их искать русских, чтобы сдать в плен, и для этого они и подавали сигналы ракетами. Я рассматривал баварцев и обратил внимание на то, что они аккуратно одеты, прожженные у костров шинели тщательно залатаны, на головах каски с надетыми защитными чехлами. Это был уже последний случай поимки немецких разведчиков в тылу наших позиций. Румынские войска вскоре были отведены в глубокий тыл на перереформирование и обучение, которое велось прибывшими из Франции инструкторами.

Вскоре на меня возложили заведование офицерским собранием. Это была выборная должность, и офицер, ее исполнявший, назывался «хозяйин офицерского собрания». В моем ведении находилась офицерская кухня и офицерская лавочка и на мне лежали заботы по приготовлению пищи, закупке продуктов для кухни и товаров для лавочки. Товары для последней закупались обычно в ближайших русских городах как Одесса, Кишинев и другие. Закупались папиросы, мыло, спички, одеколон, сахар, печенье, чай, бумага, конверты и прочая необходимая мелочь, все в небольшом количестве, ведь число покупателей не достигало и ста человек. Нельзя было достать вин, так как они были изъяты из продажи еще в 1914 году. Иногда удавалось купить в Кишиневе десяток бутылок коньяку у заводчика Редерера. Продукты для офицерской кухни отпускались за наличный расчет хозяйственной частью полка,

и я же вел всю примитивную отчетность и высчитывал цены, тоже самым примитивным образом. Стол стоял около 30 рублей в месяц, какие-то ежемесячно удерживались со столующихся при выдаче жалованья. «Наблюдающим» за офицерским собранием и таким образом моим начальником в этой отрасли был капитан Вишневыч, тот самый, который принял меня с прибывшим пополнением. Он был переведен к нам из 7-го полка и был несимпатичнейшим человеком, единственным, которого не любили ни офицеры, ни солдаты.

Книг не было, и по вечерам мы с Кротковым играли в карты, в «66» или в «дураки». Вечерами все жившие при обозе собирались к адъютанту Столярову, — Черкасов, Бойко, священник, Кротков и я, и тут начиналась игра в «шмен де фер» — «железку». Я никогда не играл и просиживал допоздна, наблюдая за игроками, а не за игрой. Я не мог понять, что люди находят хорошего в игре, да еще на деньги. Люди играли азартно, постоянно приглашая и меня принять участие в игре, но я не поддавался, оставаясь равнодушным как к деньгам, которые можно выиграть, так и к самой игре как к убийственно однообразной. Все игроки имели деньги, и иногда выигрыш достигал 200-300 руб., а Бойко побил однажды рекорд, выиграв 600 рублей. Мое участие в этих сборищах выражалось в обеспечении игроков ужином, и повар офицерской кухни готовил за счет игроков особый ужин. Я с утра просил Черкасова дать мне конного пулеметчика, вручал последнему 30-40 рублей денег и просил купить в деревнях поросенка или какую-нибудь птицу, немного картофеля, наказывая денег не жалеть, не торговаться и брать по любой цене, причем отчета и сдачи никогда не требовал. Покупки бывали всегда сделаны, но украл ли пулеметчик или купил на самом деле — проверить было трудно. Жалоб от населения не было. Я с Кротковым жили в горной части Дафтян, а в нижней стоял обоз и пулеметная команда. Попасть на квартиру к Столярову можно было и по шоссе, главной улице села, но это был кружной путь, почти в две версты, и было ближе ходить по окраине села, где в одном месте проходил глубокий овраг с глинистыми берегами и ручьем на дне. Вместо моста через овраг лежало круглое бревно, переходить по которому, учитывая грязь и глинистую почву, было настоящей эквилибристикой. Из отпуска, с Кавказа, вернулся поручик Козаченко, привезший с собой несколько бутылок самодельной водки из инжира. Козаченко принял участие в игре и внес свою долю на ужин вином, которое мы и распили за два или три вечера. К вину я был непривычен, и пара рюмок уже вызвала опьянение и шум в голове. Про-

мандира была позади окопов, на косогоре, причем совершенно неуглубленная в землю и скорее похожая на домик. Грунт не поддавался лопатам и его нужно было долбить. Внутри сказалось соседство о фанерном заводом: землянка была обшита листами фанеры, что придавало ей очень уютный вид. Окопы представляли из себя неглубокую канаву, выдолбленную с большим трудом в скалистом грунте. зато бруствер, похожий на завад, был высок и сложен из бревен (леса была вдоволь), пересыпанных землей и скрепленных проволокой. Коля для проволочного заграждения забить было невозможно, да и не нужно, — проволока была пририта к впередистоящим деревьям, что при наличии кустарника и подлеска делало вперележащую местность труднопреодолимой. Видно было, что прежде чем устроиться, нашим стрелкам пришлось пожить на открытом воздухе, возле костров: у многих были опалены и прожжены пахахи и шинели.

Начинало темнеть, а это наступает в горах очень быстро, и я вернулся в штаб. Священник и причетник уже ждали меня, они набрали минеральной воды. Наша дрезина дежала рядом с рельсами. Оставить ее на рельсах было нельзя, она укатила бы. Зайдя попрощаться с командиром полка, я был свидетелем такой сцены: дверь землянки внезапно отворилась и в землянку свалилась фигура баварского гвардейца, а за ним нашего стрелка-телефониста. Оказывается, телефонист, проверяя линию, повстречался с блуждавшим в нашем тылу уже несколько дней немцем. Имея при себе только катушку с телефонным кабелем, он тем не менее не растерялся, захватил баварца в плен и почти всю дорогу до штаба полка тащил его на себе, связав ему руки и имея на себе катушку с кабелем и винтовку немца. Вероятнее всего, что голод заставил немца сдаться без особого сопротивления, хотя он и исцарапал лицо телефонисту.

Фронт шел не сплошной линией, что было невозможно из-за рельефа местности, а по вершинам гор, так, что одна рота была впереди, а другая позади, промежутки же наблюдались полевыми караулами и дозорами для связи. Местность была очень пересеченная, горы, узкие ущелья с текущими по ним речками, всегусто поросшее вековым лесом. Имелась и «пешеходная дорога» к штабу: в одном месте была отвесная скала, к которой была прислонена лестница, в другом месте нужно было преодолеть крутой скат, приходилось карабкаться по накладной лестнице, брусью вместо ступеней, связанные по концам проволокой, а в другом месте ползти на четвереньках. В один из дней подполковник Гаськевич был остановлен у отвесной лестницы криком: «Полковник,

сдавайся!» Это были немцы, бродившие в нашем тылу. Гаськевич, как он сам рассказывал, бросился к лестнице и съехал вниз на своем задку, удрав благополучно.

Распростившись с Гаськевичем, мы поставили дрезину на рельсы. Она так и рвалась из рук, и, плюхнувшись животом на площадку, мы сразу понеслись под гору. Священник сел, поджав ноги, впереди и держался за рычаг тормоза (совершенно бесполезного), а я с причетником сидели, крепко держась за борта. Если в гору мы тащились, то теперь летели вихрем так, что, крикнув, слышали свой голос позади. Все мелькало в глазах, и счастье, что никто не попался нам навстречу. Крюк с цепью мы упустили, и он бешено прыгал, колотясь о шпалы. Мосты мы пролетели с грохотом, не зацепившись крюком за шпалы, тогда бы мы и костей не собрали бы, слетев в пропасть. По прямой насыпи перед заводом мы тоже промчались и врезались в закрытые ворота завода. Ничего подобного этому катанью я не испытывал ни раньше, ни позднее. Командир полка потом запретил такое катанье, как опасное для жизни.

Условия горной войны резко отличались от обычной полевой, и в русской армии не было специально обученных горных войск, в то время как противник имел горные части, укомплектованные горными жителями. Если перед майским наступлением командир батальона поручик Надин отбил воображаемую атаку, то и тут он отличился, пропав внезапно со всем своим батальоном. Немцы заняли вершину в тылу батальона, и батальон разбежался, но через день все пришло в порядок, люди собрались, не понеся потерь, и заняли прежнюю позицию. Боев, в полном смысле слова, не было, были «поиски». В один из вечеров поручик Кротков сказал мне, что поезд привез убитых и раненых и что среди раненых поручик Чашков, а среди убитых прапорщик Венчанинов. Я сейчас же отправился к поезду. На линии стояла наша знаменитая дрезина, на ней лежал труп Венчанинова, а рядом, накинув на плечи шинель, стоял поручик Чашков, нахохлившись, как воробей под дождем. Чашков был ранен точно так же, как и в первый раз, но теперь у него было раздроблено другое плечо, и он превратился в полного инвалида. Венчанинов лежал с закрытыми глазами и как будто спал. Я долго смотрел на него, мысленно прощаясь, и думал, что солдатские приметы часто исполняются. Одной такой приметой было, что возвращающиеся из отпуска или после ранения бывають убиты или ранены через несколько дней после возвращения в полк.

На нашем участке побывал известный военный корреспондент Немирович-Данченко, опи-

савший в одном из декабрьских номеров газеты «Русское слово» действия нашего полка, случай с телефонистом и еще один эпизод: немцы почему-то оставили одну из вершин, занятую затем нами, и, видимо, не сообщили об этом своим. Утром можно было наблюдать, как к этой вершине движется походная кухня и идут денщики, несущие своим офицерам обед в судках. Наши допустили немцев до самых позиций без выстрела, и они все были ошеломлены, увидя, что вместо своих, они принесли обед противнику. Все они были взяты, конечно, в плен. Один из них, принесший своему офицеру брюки, просил, раз брюки не попали и не попадут офицеру, разрешения взять брюки себе. Это было ему разрешено, и он тут же переделался в офицерские брюки.

Сидя однажды вечером в хате, мы с Кротковым увидели, что в тылу, за Дафтянами, взлетают ракеты, которые мы сразу признали за немецкие. Кротков немедленно приказал сесть лошадям и поспалкал с разведчиками на свет ракет. Я пошел в канцелярию штаба полка, где жил наш адъютант, Столяров. Скоро сюда же явился и Кротков, приведший двух пленных, здоровенных баварских гвардейцев, перешедших линию фронта еще при румынах. Теперь голод заставил их искать русских, чтобы сдать в плен, и для этого они и подавали сигналы ракетами. Я рассматривал баварцев и обратил внимание на то, что они аккуратно одеты, прожженные у костров шинели тщательно залатаны, на головах каски с надетыми защитными чехлами. Это был уже последний случай поимки немецких разведчиков в тылу наших позиций. Румынские войска вскоре были отведены в глубокий тыл на переформирование и обучение, которое велось прибывшими из Франции инструкторами.

Вскоре на меня возложили заведование офицерским собранием. Это была выборная должность, и офицер, ее исполнявший, назывался «хозяин офицерского собрания». В моем ведении находилась офицерская кухня и офицерская лавочка и на нее лежали заботы по приготовлению пищи, закупке продуктов для кухни и товаров для лавочки. Товары для последней закупались обычно в ближайших русских городах как Одесса, Кишинев и другие. Закупались папирсы, мыло, спички, одеколон, сахар, печенье, чай, бумага, конверты и прочая необходимая мелочь, все в небольшом количестве, ведь число покупателей не достигало и ста человек. Нельзя было достать вин, так как они были изъяты из продажи еще в 1914 году. Иногда удавалось купить в Кишиневе десяток бутылок коньяку у заводчика Редерера. Продукты для офицерской кухни отпускались за наличный расчет хозяйственной частью полка,

и я же вел всю примитивную отчетность и высчитывал цены, тоже самым примитивным образом. Стол стоил около 30 рублей в месяц, каковые ежемесячно удерживались со следующих при выдаче жалованья. «Наблюдающим» за офицерским собранием и таким образом моим начальником в этой отрасли был капитан Вишнеvский, тот самый, который принимал меня с прибывшим пополнением. Он был переведен к нам из 7-го полка и был несимпатичнейшим человеком, единственным, которого не любили ни офицеры, ни солдаты.

Книг не было, и по вечерам мы с Кротковым играли в карты, в «66» или в «дураки». Вечерами все жившие при обзесе собирались к адъютанту Столярову, — Черкасов, Бойко, священник, Кротков и я, и тут начиналась игра в «шмен де фер» — «железку». Я никогда не играл и просиживал допоздна, наблюдая за игроками, а не за игрой. Я не мог понять, что люди находят хорошего в игре, да еще на деньги. Люди играли азартно, постоянно приглашая и меня принять участие в игре, но я не поддавался, оставаясь равнодушным как к деньгам, которые можно выиграть, так и к самой игре как к убийственно однообразной. Все игроки имели деньги, и иногда выигрыш достигал 200-300 руб., а Бойко побил однажды рекорд, выиграв 600 рублей. Мое участие в этих сборищах выражалось в обеспечении игроков ужином, и повар офицерской кухни готовил за счет игроков особый ужин. Я с утра просил Черкасова дать мне конного пулеметчика, вручал последнему 30-40 рублей денег и просил купить в деревнях поросенка или какую-нибудь птицу, немного картофеля, наказывая денег не жалеть, не торговаться и брать по любой цене, причем отчета и сдачи никогда не требовал. Покупки бывали всегда сделаны, но украл ли пулеметчик или купил на самом деле — проверить было трудно. Жалоб от населения не было. Я с Кротковым жили в горной части Дафтян, а в нижней стоял обоз и пулеметная команда. Понасть на квартиру к Столярову можно было и по шоссе, главной улице села, но это был кружной путь, почти в две версты, и было ближе ходить по окраине села, где в одном месте проходил глубокий овраг с глинистыми берегами и ручьем на дне. Вместо моста через овраг лежало круглое бревно, переходить по которому, учитывая грязь и глинистую почву, было настоящей эквилибристикой. Из отпуска, с Кавказа, вернулся поручик Козаченко, привезший с собой несколько бутылок самодельной водки из инжира. Козаченко принял участие в игре и внес свою долю на ужин вином, которое мы и распили за два или три вечера. К вину я был непривычен, и пара рюмок уже вызвала опьянение и шум в голове. Про-

снувшись утром у себя на квартире и смотря на залпанные глиной свои сапоги, я удивлялся, как я смог в темноте, пользуясь спичками, благополучно перейти овраг по этому бревну. Кто-то донес командиру полка о происходящей игре, и тот вызвал всех игроков на позицию, что и прекратило игру.

Был в полку младший врач Зинович-Кашенко, очень тихий и скромный человек, страдавший вечным пьянством. Поручик Гуммель про него и куплет соответствующий сочинил: «Он, как яблочко, румян и к тому же вечно пьян». Кашенко не мог жить без вина и даже носил с собой в кармане флакон из-под одеколора, наполненный разведенным аптечным спиртом и положенной в него травкой-зубровкой. Кашенко и то дело прикладывал к своему флакону, и одного глотка ему было достаточно, чтобы прийти в свою норму. Кашенко за собой не следил, ходил в грязной, потропанной шинели мирного времени, пока Столяров не привел его в приличный вид, распорядившисьшить ему новое обмундирование.

В пулеметной команде у Черкасова был грамофон с большим количеством пластинок, подаренный ему одним польским ксендзом в начале 1915 года. Этот грамофон считался настоящей драгоценностью, и слушание пластинок, когда это было возможно, доставляло большое удовольствие. Случайно попадавшие в полк газеты и журналы передавались из рук в руки и зачитывались «до дыр». Кто-то из офицеров написал письмо депутату Государственной думы Пуришкевичу с просьбой прислать какую-нибудь книгу. Все посмеялись над кажущейся безнадежностью просьбы, но Пуришкевич прислал несколько книг среди которых было собрание сочинений Пушкина, издания лейпцигской фирмы Брокгауз и Эфрон, то есть — лучшее и дорогое.

Кончался уже декабрь, а снега все не было. К встрече Нового года намечено было устроить торжественный обед-ужин, пригласить на него начальника дивизии и штаб, так же, как и персонал дивизионного полевого лазарета. Капитан Вишневский, как наблюдающий за офицерским собранием, достал где-то по большой бутылки рома и ликера «какао-шуа». По примеру Клеванского лагеря, возле дома, где располагалась кухня, было построено «здание» столовой. В качестве скатертей были использованы новые простыни из полкового околотка. В мои обязанности входила встреча гостей, их размещение за столом, а затем, по приказанию Вишневского, наблюдение за стрелками-офицiantами и особенно за поваром, чтобы они не напились бы пьяными. Ром и ликер разливались по рюмкам на кухне и на подносах подавались обедающим. Однако после прибытия

всех гостей и первого тоста Вишневский приказал мне быть на кухне и самому разливать по рюмкам вино. Это мне не понравилось тем более, что Вишневский то и дело появлялся на кухне. Когда Вишневский наконец крепко засел за стол, я угостил всех стрелков и повара ромом с ликером, выпив вместе с ними. Затем передал командование повару и пошел в столовую, находящуюся шагах в десяти от кухни. Полковник Ильяшенко, уже вернувшийся в полк, сидел у главе стола, рядом с начальником дивизии. Играл полковой оркестр, за столом шел оживленный разговор. Адъютант Столяров попросил разрешения спеть полковую песню под оркестр. Начальник дивизии разрешил, а Ильяшенко усмехнулся в усы, так как Столяров попросил не обижаться на куплеты, которые могут некоторых задеть. Эта песня «Мы вам сказочку расскажем...», приведенная мною выше, была спета под аккомпанемент оркестра, понравилась гостям (маклоприличное было выпущено), в большинстве знавшим о случаях, воспевавшихся в куплетах. Вечер прошел весьма весело, все было довольны. Все гости приехали или верхами, или в экипажах, и на мне лежала обязанность провожать гостей, благодарить их за посещение и вызывать их лошадей. Единственной неприятностью была для меня стычка с капитаном Вишневским накануне обеда. Дело было в том, что у повара имелся розовый желатин, и он спросил меня, как быть, ведь заливное будет розовым. Не разбираясь по неопытности в подобных вещах, я разрешил использовать этот желатин, но когда Вишневский осматривал приготовленные блюда и увидел розовое заливное, он обрушился на повара с руганью, я же заступился за него, сказав, что это сделано по моему распоряжению. Тогда Вишневский напал на меня. Повар меня утешил, сказав, что он «постарается оттянуть» и заливное будет нормального цвета. Как он это сделал, я не знаю, но цели он достиг.

В походной кухне можно было готовить только первое, поэтому повар еще в начале войны раздобыл где-то железную плиту, которой накрываются окна подвалов, возил ее с собой и на каждом новом месте стоянки полка складывал плиту, на которой и готовил.

Как я уже говорил выше, церковные богослужения в полку почти не справлялись, за исключением такого праздника, как полковой, когда был отслужен молебен. Лично я перестал посещать церковь еще в 1914 году, как только окончил военное училище и вышел из-под опеки.

Хотя я жил в тылу полка, но сапоги изнашивались очень быстро, а наш полковой сапожник, мастер своего дела, по фамилии Овередный,

был настоящим обдиралой, брал за починку сапог не менее 10 рублей, цену прямо безумную, объясняя это тем, что очень трудно доставать сапожный товар. Торговаться с ним не приходилось: без подметок ходить было нельзя. Овередный это знал и злоупотреблял этим, понимая, что офицер не будет торговаться с солдатам.

По примеру армий наших союзников, англичан и французев, и у нас начали заводиться так называемые «крестные матери», женщины и девушки, адреса которых узнавались из получаемых на фронте посылок с подарками. В вагоне поезда я познакомился с севшей в Пензе молодой учительницей Соней Леушиной, которой я предложил стать моей крестной матерью. Соня только что окончила гимназию и преподавала в городе Оханске, и переписывался я с ней до конца 1917 года, когда с начавшейся гражданской войной эта наша переписка прекратилась.

В январе 1917 года выпал, наконец, снег, морозы доходили до 15 градусов. Нашу дивизию сменили и поставили на отдых. Во время похода, на марше, мы встретили сводный Георгиевский батальон дивизии, на фронт приезжал в это время Великий Князь Георгий Михайлович, раздававший солдатам Георгиевские кресты. Батальон шел «по мирному времени», неся винтовки не «на ремень», как было принято на фронте, а «на плечо». Вид у этого батальона был прекрасный, стрелки щеголяли своей выправкой и имели каждый по несколько Георгиевских крестов. Это был, что называется, «цвет дивизии». На ночлег полк остановился в одной деревне, и мне пришлось поместиться в большой комнате с разбитыми оконными стеклами. Гриша спросил меня, как я буду спать в таком холоде, но дисциплина не разрешала спать в одной комнате с солдатами. И я лег, не снимая шинели и папахи, на деревянную кровать, закутав ноги мешком, который Гриша принес от хозяев. Спать было и жестко и холодно...

Сенью 1916 года полк занимал позиции и отдыхал все время в районе городка Тыргу-Окна, вокруг которого были деревни, по которым полки и размещались на отдых. Одно время я жил на одной квартире с прапорщиком Малянтовичем, казанским жителем, хвалившимся тем, что его отец имеет рысаков и что он сам понимает толк в лошадях и очень любит кататься. Когда зима установилась, Малянтович предложил мне поехать покататься в Тыргу-Окна. Он попросил у главного врача пару лошадей от санитарной двуколки, достал у румын дышлое санки, очень легкие для крупных русских лошадей, и мы, захватив с собой врача, имевшего дело к дивизионному врачу,

поехали в Окна. Там мы оставили нашего врача в штабе дивизии, и Малянтович начал показывать свое искусство, погнав лошадей с прищивом и выкриками, по-казански, как он говорил. Проехав раза два по улицам, мы заехали за своим врачом и отправились домой. Дорога была трудная, шла через гору, извиваясь по склону ее в виде латинской буквы «С» и подходя местами чуть ли не вплотную к обрыву в довольно глубокое ущелье. Малянтович сидел на козлах, доктор справа, а я слева в кузове саней. Под гору лошади понесли, шедшая навстречу саперная рота при нашем появлении разбежалась в стороны, уступая дорогу мчавшимся прямо на строй лошадям. Предвидя, что сани вот-вот опрокинутся и что можно полететь в ущелье, я приготовился к крушению, выставив ноги из саней. И действительно, на самом крутом изгибе дороги сани перевернулись, и мы с доктором вылетели из них, я — как готовый к этому — «рыбкой», упав на живот и не ушибшись, но «проехавшись» по земле так, что голова моя повисла над самым обрывом, а доктор, описав в воздухе траекторию, грузно упал на плечо, сильно ушибшись. Лежа на земле, я видел, как Малянтович, запутавшись в вожжах, сделал пируэт на голове. Лошади без седоков помчались дальше. Мы вскочили и побежали за ними и, подбежав к деревне, увидели, что наши сани врезались в забор, который они прорвали дышлом. Зная дорогу, лошади прибежали в свою конюшню, вызвав своим появлением тревогу у санитаров, выбежавших к нам навстречу. Доктор получил трещину ключицы и эвакуировался в тыл, а мы с Малянтовичем получили от командира полка отеческую головомойку за то, что без разрешения покинули расположение полка.

В феврале 1917 года полк был переброшен на позицию в районе деревни Грозешти, под которой летом произошли упорные бои. Деревня была расположена в долине, на шоссе, и была совершенно оставлена жителями, так как немцы обстреливали ее из 11-дюймовых орудий. Снег стаял, пробивалась зеленая травка. Узкая долина вела от Грозешти к позициям полка, в горах. Я со своей командой был расквартирован в небольшой деревушке Маржина, расположенной напротив Грозешти, в одной версте. Эта деревня была в мертвом пространстве и не могла быть обстреляна. В ней же располагался обоз полка и другие тыловые подразделения. Мы занимали квартиру вместе с прапорщиком Балавахно из уездной, стоявшей на краю Маржины. Прямо от нашего двора шел склон к деревне Грозешти, которая хорошо просматривалась от нас. Как правило, деревни в горах состояли из одной улицы, протянувшейся на большое расстояние. Нашими развлечениями были игра в

карты, в «1001», и ежедневное наблюдение за обстрелом Грозешти. Позиции немцев были далеко, но где-то в горах у них сидел наблюдатель и обстрелу из орудий подвергались даже одиночные люди, идущие по шоссе, поэтому стоило лишь сойти с шоссе в сторону, шагов на 10-15, чтобы попасть в мертвое пространство и идти вдоль шоссе почти в безопасности. Каждый день, пунктуально в час дня, начинался артиллерийский обстрел Грозешти, и мы с Балавахно усаживались на козогоре у своего двора минут за пять до этого времени. Как только наступал час дня, — слышался гул от выстрела и звук полета тяжелого снаряда, который нарастал по мере его приближения. Так как снаряды летели над узким ущельем — долиной, звук распространялся только вперед и отражался от окрестных гор. Обычно немцы выпускали 4-6 тяжелых снарядов. После гула слышалось басовитое шуршание снаряда. резкий свист, и затем раздавался олушительный взрыв, земля, даже у нас, в Маржине, вздрагивала, и из щелей потолка сыпалась земля. Обстрел продолжался не более 15 минут, и мы отправлялись в Грозешти смотреть на разрушительное действие взрыва. Если снаряд попадал в шоссе, — воронка бывала во всю его ширину, иногда же воронка подходила и под дома, стоявшие рядом. Конец деревни, обращенный в сторону противника, был совершенно разрушен. Если же снаряд попадал в дом, то стены разлетались в стороны, а крыша, сбитая из досечек гонта, отбрасывалась в сторону целиком, как шляпка гриба. Целые крыши домов лежали вблизи воронок и развалин домов. В один день мы решили проверить, будет ли противник нас обстреливать, если мы будем идти по шоссе, выходя по нему из Грозешти. Правда, мы шли по обочине шоссе и, возможно, поэтому были вне наблюдения, но так или иначе мы прошли больше версты и нас не обстреляли. Однажды по Грозешти как раз около часа дня проходила сменявшаяся с позиции батарея, и нам было хорошо видно, как перед первым орудием упал снаряд, лошади взлетели вверх, а ездовой был сброшен с передка.

Газеты до фронта доходили редко и с большим опозданием, поэтому мы не знали, что творится в России, однако настроение по отношению к тылу становилось все гражданнее, убийство Распутина было встречено с большой радостью, но надежды на улучшение положения не оправдывались, хотя снабжение армии было хорошим и недостатка в боеприпасах не было, но в памяти был неудачный 1915 год и не было выдающихся деятелей ни среди военных начальников, ни тем более среди министров, постоянно менявшихся и неспособных к управлению страной. В избе, которую мы за-

нимали, до нас стояла канцелярия артиллерийского дивизиона, оставившая кучу писем, не розданных солдатам, и мне была досадна такая небрежность: письмо к нам из России шло около месяца, тут же письма, столь дорогие на фронте, дошли, но к адресатам не попали. Большинство писем было написано в традиционной форме, с перечислением поклонов от каждого родственника и знакомого: «еще кланяется тебе такой-то (имя и отчество)» и так десять, а то и больше поклонов — «еще кланяется» — и потом несколько дельных слов, вроде «а телку продали» или «а бычка зарезали» и т. д. В одном из писем было написано такое вступление: «Первым долгом моего письма сяду я за стол дубовый и возьму перо в руки и напишу письмо от скуки. Перо мое заскрипело, а сердце мое закипело. Напишу я этот листок, нехай летит с запада на восток, и пишу я письмо от скуки, чтобы не попало оно никому в руки, только нехай попадется тому, кто мил сердцу моему. Лети, лети, листок, не взвивайся, никому в руки не давайся, через горы, через грядку, прямо милому на кровать, через речку, через пруд, прямо милому на груд».

Наступил март, и 1-го или 2-го был объявлен приказ о происшедшей революции и об отречении от престола Императора Николая и Великого Князя Михаила. Никаких митингов для разъяснения событий не проводилось, и как у офицерства, так и у солдат не было ясного представления ни о задачах революции, ни о программах многочисленных политических партий, и у всех был один вопрос: «Что будет дальше?» У вечерней поверке по-прежнему пелись и «Отче наш» и «Боже, Царя храни». Вскоре пение молитвы и гимна прекратилось во всем полку как-то само по себе. Не в один день дошло до сознания значение революции, и фактически ничего еще не изменилось, кроме того, что сразу же после революции ухудшилось снабжение, — как известно, тыл сразу занялся митингами и демонстрациями, забаво о нуждах фронта, и нас стали кормить вместо хлеба сухарями, которые надо было перед употреблением «обращивать»: постучать об стол, чтобы выколотить всех червей и мусор, а потом уже размачивать и есть. Первое стали варить из ржавой селедки, не стало хватать чаю и табака. Как-то, собравшись в канцелярии штаба полка, мы были свидетелями такого разговора между Столяровым и Черкасовым: Черкасов плакал, говоря, что Россия погибла, а Столяров, смеясь, уверял Черкасова, что будет как раз наоборот, все будет хорошо, все будет равны, все наденут лапти, возьмутся за руки и будут водить хоровод, напевая: «Во саду ли, в огороде...».

16 марта я почувствовал себя больным и попросил Гришу достать красного виноградного вина, надеясь выпить его с горячим чаем. Лежал я на своей походной кровати «Грум-Гржи-майло», которую купил на фронте по случаю. Гриша достал вина, но видя, что мне становится все хуже и хуже, вызвал врача, который сразу же дал распоряжение отправить меня в дивизионный лазарет. Взяли мы с Гришей мою неизменную корзиночку, положили меня в санитарную двуколку и повезли. В лазарете меня приняли очень хорошо, как гостя, и так как я был единственным больным, возле меня все время дежурили сестры и болтали со мной. Тут я провел только одну ночь, так как по исследованию крови у меня оказался тиф, и главный врач приказал немедленно эвакуировать меня в 514-й полевой подвижной госпиталь, расположенный в Окна. Температура была у меня высокая и держалась два дня, доходя до 40 и 5/10 градусов. Я бредил, буйствовал, и свой бред помню до сих пор, как сон. Лежал я один в маленькой комнате, и ко мне почти никто не заходил, кроме моего Гриши, и я даже обругал одну из сестер за полное, как мне казалось, невнимание, — в это время происходили непрерывные демонстрации полков, проходивших мимо госпиталя с красными знаменами и бантами на груди и, поскольку все это было в ровинку, весь персонал госпиталя проводил время у окон.

В бреду мне казалось, что под потолком комнаты, вдоль стен, подвешена веревка, а на ней висят разные инструменты: молотки, стамески, клещи. Веревка эта движется непрерывно, а вместо инструментов появлялись временами какие-то танцовщицы, отплясывавшие дявольский канкан. То мне казалось, что рядом со мной лежат на кроватях раненые, без рук и без ног, спеленатые бинтами, а вместо туловища у них огромные кормовые бураки. Беспрерывно мучило меня такое видение: в комнате была одна стеклянная дверь, завешанная с другой стороны занавеской, почему стекла отражали, как зеркало, и вот в этом зеркале я видел, как на яву, как наступают австрийцы, пользующиеся тем, что наши войска митингуют и австрийцы едут по железной дороге на больших дрезинах. Я тревожно кричал, звал солдат, и раз, не вытерпев и слыша оркестры демонстрирующих частей, высочил на крыльцо госпиталя с криком: «Русские солдаты, ко мне! Австрийцы!» Я был моментально схвачен санитарями и водворен на кровать. Чтобы защищаться от противника, я просил и требовал, чтобы Гриша дал мне мой револьвер, а когда мне его, разумеется, не дали, пытался вооружиться ножкой от стула, для чего хотел сломать стул о спинку кровати, но для этого у

меня не хватило сил. Стулья из комнаты убрали, после чего я пытался, еще более тщетно, отломить ножку кровати и подолгу сидел на полу, держась за ножку и обливаясь слезами от сознания своей беспомощности. Первый приступ возвратного тифа прошел таким образом тяжело. 27 марта я был направлен на распределительный эвакуопункт на станцию Окна, где сравнительно легко перенес второй приступ. Лежал я в палате с другими выздоравливающими.

Настала Пасха, и в один из дней мой артельщик, унтер-офицер офицерского собрания, пришел меня навестить, проделав путь в 8-10 верст, чтобы принести мне гостинец — половину кулича. Накануне Пасхи мы с ним беспокоились о куличах и думали, что получится из нашей затеи. Теперь он мне докладывает, что куличи удались, и принес пробу. Я был очень растроган таким вниманием и от души благодарил его. Я все время лежал, был очень слаб, температуры не было, но я не выносил табачного дыма и меня моментально начинало рвать. Мне дали таз, поставив его под кроватью. Мой вид был, конечно, неприятен для других больных, как и мне самому, и я просил больных не курить в палате и выходить на двор, даже не зажигать в палате спичек, что они и делали. Стоило кому-нибудь прикурить или зажечь спичку, как я закрывался с головой одеялом, спасаясь от запаха дыма.

Многие дома в Румынии не имели коридоров, и двери комнат выходили прямо во двор, под навес вдоль дома. Рядом с нашей палатой была комната сестер милосердия, и один из больных во время приступа встал, вышел на двор, зашел в комнату сестер, в которой не было никого, полюбовался на себя (в одном белье!) и надушился стоявшими на подзеркальнике духами. Мне пришла в голову мысль сделать то же самое, и я сходил в комнату сестер, — я не помню, как я уходил и как вернулся, была ночь, двери были открыты, сестры дежурили, помню только, что ходил я босиком и в одном белье, а погода была холодная. Третий приступ тифа я перенес на ногах в лазарете в городе Яссы. Здесь лечили вливанием сальварсана внутривенно, и действие его было таким положительным, что больные быстро вставали на ноги. Мы удивлялись применению сальварсана, так как знали, что лекарство это от сифилиса, но факты быстрого выздоровления были налицо. При лазарете был один солдат — румын, фокусник по профессии, заходивший к нам в палату и забавлявший нас разными фокусными с деньгами, картами и спичками и приносивший нам иногда бутылку виноградного вина. В Яссах при регистрации меня по прибытии в лазарет нужно было заполнить учетную карточку.

в которой был вопрос: «какого вероисповедания?», и я удивил писаря и поставил его в затруднительное положение, сказав, что я неверующий. Писарь переспросил меня: «Как же вас записать?» Я ответил: «Так и пишите: неверующий».

После ранения я довольно быстро добрался до Оренбурга, теперь же я двигался, как по этапу, от лазарета к лазарету и в начале апреля мы, с сопровождавшим меня Гришей, очутились в Кинешеве, в лазарете Гербовцевой Общины сестер милосердия. Здесь я встретил отца Громаковского, полковника, уже побывавшего на фронте и эвакуированного по болезни. В лазарете мне понравился хлеб, очень пышный и вкусный, как мне объяснили, от примеси кукурузной муки. Нам позволяли уходить из лазарета и гулять по городу, что мы с полковником Громаковским и делали. Город был расположен на холмах, и один раз, остановившись и смотря вниз, вдоль улицы, Громаковский мне сказал, что вот на этой самой улице, в 1905 году, во время еврейского погрома, он, командуя ротой, обстрелял погромщиков: «Видишь, как здесь удобно было стрелять, с горки, вдоль улицы, залпами». В первую свою прогулку я пошел с одним из прапорщиков, лежавших в лазарете. Свежий воздух нас опьянил, и мы с ним шли еле переступая ногами, пришли в прекрасный городской парк, заглядываясь на встречавшихся по дороге барышень, казавшихся нам одна красивее другой. Народ был здесь действительно красивый.

Нам с Громаковским ничего не стоило получить направление для дальнейшего лечения в Оренбург. Полковнику полагался билет 1-го класса, каковой он и получил в большой давке у билетной кассы, но сестра в вагон 1-го класса ему не удалось, так как деление на классы на железной дороге уже не соблюдалось и каждый занимал место, где придется. Ехала масса отпускников-солдат, уже не соблюдавших никакого чинопочитания и стремившихся только поскорее попасть домой. При посадке на вокзале все время вертелся какой-то вольноопределяющийся, выделявшийся своей развязностью и общитыми красным шелком погонами, в знак своей «революционности». Тут же сядилось несколько забайкальских казаков-якутов во главе с сотником, ехавших в командировку. У этого сотника произошла стычка с вольноопределяющимся из-за того, что последний не хотел уступить место в вагоне очень дряхлой старушке и нагрубил сотнику. Сотник приказал своим казакам арестовать вольноопределяющегося за нарушение дисциплины и сдать его команданту станции. Казаки исполнили приказание, но через несколько минут вольноопределяющийся был опять на перроне. Подобные

действия сотника были просто опасны, так как в тылу у солдат отсутствовала всякая дисциплина и ничего не стоило поднять толпу солдат для растерзания офицера.

В Екатеринославе была пересадка, поезд приходилось ждать долго, и я пошел посмотреть город. Еще в поезде меня предупреждали о том, что гарнизон очень распушен и было много эксцессов со стороны солдат. Город мне очень понравился, но победить нигде не удалось, все рестораны были закрыты, — происходили обычные демонстрации и митинги. Мне удалось проникнуть в один из ресторанов, где был один офицант, которого удалось уговорить дать мне что-нибудь поесть, и он подал мне кусок черствого кулича и стакан чая. По объяснению офицанта, у них были неладья с хозяином, и они бастовали. Немного насытившись, я вернулся на вокзал.

В Пензе опять была пересадка. Площадь около вокзала была вся заплевана кожурками: семечек, стоял оркестрион, который солдаты, бывшие на вокзале, все время заводили, и он исполнял одну и ту же арию капитан-исправника из оперетты «Ночь любви». По-видимому, хозяин ликвидировал свой павильон и оставил оркестрион, как очень громоздкую вещь, на открытом месте и беспризорным. Когда пришел поезд, — я еще не видел такой безобразной картины, — толпа солдат бросилась в вагоны, толкаясь и ругаясь, пробивая себе дорогу и не обращая внимания на остальных пассажиров. Сестра в вагон в таких условиях было невозможно, и мы с Гришей бежали напрасно вдоль состава. Влезть в вагон через окно, как это практиковалось, было тоже невозможно: у каждого окна стояли солдаты и просто сбрасывали руки уцепившихся за раму людей. Никто не хотел терять времени в ожидании следующих поездов, и многие стали лезть на крыши вагонов. Полезли и мы с Гришей, а за нами один поручик-артиллерист, сын самарского купца, Чельшев. На крышах соблюдался порядок — каждый занимал один лист железа крыши, а они шли поперек вагона. У нас с Чельшевым было на двоих два листа, что позволяло нам лечь вдоль крыши вагона. В головах у нас была труба вентилятора, около которой мы поставили свои пожитки, и мы еще смеялись, что едем в первом классе, так как вагон, на крыше которого мы устроились, был первого класса. Гриша устроился впереди нас. Все сидели лицом по движению поезда, сел и я на свою корзинку. Чельшев рядом. Изрядно продувало, в лицо попадали искры и дым из трубы паровоза. Был очень большой разлив рек, и Волга, разлившись, подошла мостами к самому полотну железной дороги, залила его. Поезд шел медленно, и по окружающей насыпи воде гила

зыбь. Подойдя к месту, где вода шла поверх рельсов, поезд остановился, и машинист отказался ехать дальше. Солдаты заволновались, стали уговаривать машиниста ехать во что бы то ни стало, тот заколебался, слез с паровоза, походил по полотну, вода покрывала ноги не больше как на четверть (по щиколотку) аршина, и сказал, что поведет поезд дальше при условии, что впереди паровоза, вдоль каждой рельсы, будут идти люди и ногами ощупывать, не размыло ли где-нибудь полотно. Охотники

для этого нашлись, и мы медленно проехали залитый водой участок полотна.

К.Р.Т.

ОТ РЕДАКЦИИ: На этом рукопись обрывается. Имеющееся, в распоряжении Редакции «Послесловие», заключающее всю серию очерков — «Воспоминания об Александровском военном училище», «Запасный батальон» и «Фронт», принадлежащее перу К.Р.Т., их автора, будет напечатано в следующем, 129-м, номере «Военной Были».

Письма в Редакцию

Буду вам весьма признателен, если вы поместите в «Военной Были» некоторые мои нижеизложенные вопросы. Быть может, кто-нибудь сможет мне на них ответить.

1) Карьера генерала графа Келлера до назначения его начальником 10-й кавалерийской дивизии и

2) Когда и как генерал-адъютант Куропаткин оказался Главнокомандующим Северным фронтом? Генерал Алексеев занимал этот пост с 9 марта по 19 августа 1915 года. Где был в это время генерал Рузский и когда он вернулся на пост Главнокомандующего Северным фронтом, где он оставался до самой революции?

Михаил Соколовский

ОТВЕТ ОТ РЕДАКЦИИ

На вопрос № 1. Согласно списку генералам по старшинству, составленному по 1 июля 1910 г., стр. 631, — Свиты Его Величества генерал-майор граф Федор Артурович Келлер. Полученное образование: приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, Тверское кавалерийское юнкерское училище, Сфидерская кавалерийская школа (отлично). Занимал должности: в 1-м лейб-драгунском Московском Е.В. полку 6 лет и 3 мес. командовал эскадрон, 3 года и 2 мес. помощником командира полка. Командиром Крымского конного дивизиона 2 года и 6 мес. Командиром 15-го драгунского Александрийского полка — 16 ноября 1904 г. Командующим л.-гв. Драгунским полком с 6 ноября 1906 г. по 8 ноября 1906 г. Командиром л.-гв. Драгунского полка с 30

июля 1907 г. по 15 мая 1910 г. Числится по гвардейской кавалерии. Командир 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии с 14 июня 1910 г. Участвовал в кампании 1877-1878 гг.

Сообщил А.Г.

На вопрос № 2. С марта по август 1915 года генерал Алексеев был Главнокомандующим не Северным фронтом (такового еще не существовало), а Северо-Западным фронтом. В августе 1915 г. Северо-Западный фронт был разделен на два фронта — Западный, во главе с генералом Эвертом, и Северный, с Главнокомандующим генералом Рузским. В конце 1915 года заболевшего генерала Рузского заменил на этом посту генерал Плеве, командующий 5-й армией, а 12 февраля 1916 года, по личному избранию Государя, на пост Главнокомандующего Северным фронтом был назначен, прямо с должности командира Гренадерского корпуса и минуя пост командующего армией, генерал Куропаткин (см. «Россия в мировой войне» генерала Данилова, стр. 215).

На посту Главнокомандующего Северным фронтом генерал Куропаткин оставался до июня-июля 1916 г. (точной даты установить не удалось, но во всяком случае ген. Куропаткин командовал войсками Северного фронта еще в период Брусиловского наступления), когда был назначен командующим войсками Туркестанского военного округа. В должность Главнокомандующего Северным фронтом в июле-августе 1916 года снова вступил выздоровевший генерал Рузский, оставшийся на этом посту до середины апреля 1917 года. Сменил его генерал А.М. Драгомиров.

Для интересующихся судьбой генерала Куропаткина при советской власти добавим, что « жил он в своем бывшем имении и занимался большой общественной деятельностью: был консультантом (?) сельскохозяйственной школы, членом педагогического совета школы 2-й ступени и организатором народного музея в городе Холме Псковской губернии. Умер он в 1925 году » (Зайончковский « Самодержавие и русская армия на рубеже 19-го и 20-го столетий »).

Сообщил К.П.

В № 127, на стр. 44, в письме в редакцию Платона Стефановича следует исправить ошибку редактора: следует читать не « в форме Уланского Ее Величества полка », а « Уланского Е.И.В. Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича полка », каковой так назывался с 1803 по 1809 г.

От Редакции

В № 127 журнала, в статье П.В. Шиловского « Щипонос », по вине редактора оказался пропуск в несколько строк, почему искажается весь смысл рассказа. Мы просим на стр. 5-й, в правой колонке, после строки 25-й вставить следующие строки:

Во время разговора вдруг Великий Князь повернулся ко мне и спросил, улыбаясь: « А что, щипонос тебе не мешает? » « Так точно, мешает », ответил я и, сняв пенснэ, положил его в боковой карман. Все это произошло в течение может быть только полминуты, но в моей памяти успело пробежать воспоминание о книге Мережковского « Александр I и декабристы » и о портрете Великого Князя Константина Николаевича, который я видел в детстве в журнале « Нива ».

Книга Мережковского начиналась так: « Очки погубили карьеру князя Валерьяна Михай-

ловича Голицына », и далее: « из памяти вон, что в присутствии Особ Высочайших ношение очков не дозволено ». Что касается до портрета Вел. Князя Константина Николаевича, то я запомнил, что он был в генерал-адмиральской форме с « чеховским » пенснэ с большой дужкой на переносице и тонкой шелковой ленточкой, прикрепленной к борту сюртука.

В мое время в Императорской семье было только двое близоруких — Великий Князь Дмитрий Константинович и Князь Иоанн Константинович. Уже будучи в Париже и прочитав книгу Вел. Кн. Гавриила Константиновича « В Мраморном дворце », я узнал, что когда сербский король Петр разговаривал с Князем Иоанном Константиновичем, то последний забыл снять пенснэ, за что получил выговор от своего отца. Очевидно, что и через сто лет после случая с князем Голицыным правило это сохранилось.



Архивы русской Эмиграции

Трагедия Российской революции, последовавшая за ней гражданская война на всей ее огромной территории, исход около двух миллионов населения в эмиграцию — все эти события в целом находятся в центре мировой истории XX века. До сих пор еще невозможно предвидеть окончательного результата этих грандиозных событий. Еще много лет историки будут склоняться над материалами этой эпохи и на нашей обязанности, обязанности активных или пассивных участников этих событий, по возможности сохранить все еще оставшиеся и не погибшие в огне революции и в эмиграции дневники, воспоминания, заметки, рассказы, документы, как-то характеризующие эту грозную эпоху.

Издательство «АРХИВЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ» берет на себя постепенный выпуск всех предоставляемых в его распоряжение материалов подобного рода. Тома будут выходить постепенно, размером около 300-350 страниц.

Содержание этого издания поможет будущим историкам и нашим потомкам в создании картины происходивших событий, с точки зрения участников и свидетелей как самих событий, так и длительного периода многолетней их подготовки. Не все материалы равноценны, но от дневников министров, военных вождей и иных людей если не руководивших, в какой то мере, этими событиями, то игравших в них главные роли, до бесхитростных воспоминаний простых рядовых участников их, все имеет свою ценность для будущего историка и все, по возможности, должно быть сохранено.

Поздно приступаем мы к этому делу, но делаем все, что сможем, и обращаемся с призывом помочь нам в этом исключительно нужном, но трудном деле.

Алексей ГЕРИНГ, Александр ПРОНИН

Выходят неперiodически, т. е. по мере накопления материала, томами по 300-350 страниц в переплетах. ТИРАЖ — 100 экземпляров. Цена тома : 90 фр. фр. в странах заокеанских — 18 америк. долларов. За истекший, первый год издания вышли следующие тома :

Том I — **Г. Пронин** — Еропоезд « Офицер »
Осана (из воспоминаний)
Стихотворения (1918-1961)

под редакцией А.Г. Пронина. Из семейного Архива А.Г. Пронина.

Том II — **Т.В. Пархоменко** — Воспоминания (1880-1962)

М.В. Бочарникова — 1-й Петроградский женский батальон (1917 г.)

Н.Н. Голесвский — Лето на Волге — 1918 год

Н.Н. Голеевский — Хабаровский поход — 1922 г.

под редакцией А.А. Геринга. Из материалов Российского Военно-Исторического Архива-Музея в Париже.

Том III — **А.В. фон Шварц** — Жизнь, мысли, дела и встречи

От детства до Ивангорода

От Ивангорода до Трапезунда

По поводу книги Минцлова

под редакцией А.А. Геринга. Из материалов Российского Военно-Исторического Архива-

Музея в Париже.

Том IV — **И.А. Хольмсен** — На военной службе в России (1865-1941)

А.В. фон Шварц — Как была атакована и взята крепость Ковно — 1915 г.

П.П. Маковой — Страницы прошлого (1916-1920 гг.)

под редакцией А.А. Геринга. Из материалов Российского Военно-Исторического Архива-Музея в Париже.

ВСЕ ПРАВА СОХРАНЕНЫ ЗА АВТОРАМИ

Находится в печати том V : **И.Н. Коломейцов** — Русская полярная экспедиция 1900-1903 гг., **Б.А. Вилькицкий** — Воспоминания (1917-1920 гг.)

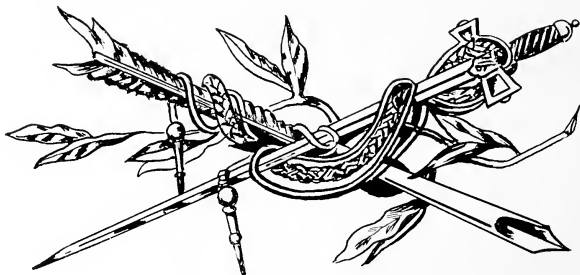
Готовятся к печати **К.В. Хагелин** — Мой трудовой путь, **Е.М. Краснеусов** — Шанхайский Стряд, **С.П. Тимирев** — На « Штандарте », **Б.В. Геруа** — Воспоминания моей жизни. Дополнения к изданной книге изд. « Танаис », **Смирнов** — О значении корпусов в Югославии, **Г.А. Турчинов** — Русские в Эфиопии, **Всеволод Кривошеин** — Девятнадцатый год. Воспоминания.

И много других готовых трудов.

За всеми справками по издательству надлежит обращаться к А.А. Герингу, по адресу :

A. Guering
75016 — Paris

61, rue Chardon-Lagache
☎ - 647-72-55





Ordres et decorations de la guerre civile 1917-1922

(Suite)

III. RUSSIE DE L'OUEST ET DU NORD-OUEST I. CROIX DU GENERAL KELLER.

Dès le début de la révolution, le commandant du 3ème Corps de cavalerie, le général comte Keller, fut parmi les chefs peu nombreux qui eurent le courage de déclarer publiquement leur fidélité à l'Empereur. Il refusa de prêter serment au gouvernement provisoire, passa le commandement de son corps au général Krymov et se rendit à Kharkov.

Des représentants de "l'Armée du Nord" (plus tard du "Nord-Ouest"), qui se formaient à Pskov, vinrent en novembre 1917 le prier de se mettre à la tête de cette armée. Ayant donné son acquiescement le général Keller se rendit à Kiev le 12 novembre pensant gagner Pskov, lorsqu'il fut nommé par le gouvernement du hetman (chef du mouvement nationaliste ukrainien) Généralissime des forces armées de l'Ukraine. Il exigea alors que toutes ces forces se rallient à "l'armée des volontaires" du général Denikine, mais les frictions entre le gouvernement ukrainien et l'Armée Blanche le forcèrent à se démettre de ses fonctions. Il ne put néanmoins quitter Kiev tombé entre les mains de Petlioura*). Dans la nuit du 20 au 21

décembre il fut saisi par des soldats et fusillé avec ses deux aides-de-camp, le colonel Panteleïev et le capitaine Ivanov, qui auraient pu fuir, mais qui partagèrent volontairement le sort de leur chef. Après la mort du comte Keller, le commandement de l'Armée du Nord fut confiée d'abord au général Vandamme, ensuite successivement aux colonels von Neff et Dzerojinsky et enfin au général Rodzianko.

Le comte Keller avait institué pour les combattants de l'Armée du Nord une croix spéciale portée sur la poitrine, dénommée « Croix du général Keller ».

Cette croix représentait une croix de Malte en argent recouverte d'émail blanc, sans aucune inscription, ni date, d'une dimension de 54 mm.

(L'existence de cette croix paraît douteuse, étant donné que le comte Keller n'avait pas assumé de fait ses fonctions; aussi la question se pose sur le moment et sur le lieu où cette croix aurait pu être instituée. Dans une collection privée se rapportant à la guerre civile du vicomte Robert Grouvel, à Paris, j'eus l'occasion de voir une croix de ce type recouverte non pas d'émail, mais de vernis blanc, qui avait été acquise par le vicomte en 1919 en Allemagne parmi d'autres insignes de l'armée de Bermont-Avalov).

*) Homme politique ukrainien battu en 1920 par les bolcheviques, assassiné en 1926 à Paris.

2. INSIGNES DE " L'ARMEE DES VOLONTAIRES DE L'OUEST " DU GENERAL BERMONT-AVALOV

L'armistice du 11 novembre 1918 contraignit les Allemands à évacuer les régions baltes qui furent aussitôt occupées par les bolchéviques. Le gouvernement de la Lettonie quitta Riga et se fixa à Libau où il reçut l'offre des Allemands de mettre à sa disposition, pour entreprendre la défense de la Lettonie, le Corps des Volontaires allemands du général von der Holtz. L'offre fut acceptée et une nouvelle armée lettone commença à se former auprès du corps allemand, en même temps que la milice balte et les unités russes du comte Lieven. Riga fut libérée le 22 mai 1919, mais les unités allemandes, en friction avec les Estoniens, durent reculer de Riga à Mitau. Le 1^{er} juin 1919 les alliés victorieux exigèrent des Allemands l'évacuation de la Courlande (région de la Lettonie), mais le général von der Holtz s'y refusa catégoriquement, ayant entretemps complété ses unités par des volontaires allemands et ayant constitué avec les prisonniers russes arrivant d'Allemagne un Corps spécial russe dont il confia le commandement au colonel Bermont-Avalov. Le 14 juin 1919 ce corps, formé en Allemagne, fut amené à Litva, nœuf ferroviaire important et point de départ favorable pour toutes les directions de la région balte.

Le colonel, ensuite général de brigade, Pavel Mikhaïlovitch Bermont avait été jadis chef de musique au 1^{er} régiment des lanciers de Pétersbourg. Au cours de la guerre russo-japonaise de 1904-1905 il s'engagea comme volontaire au régiment des cosaques de Transbaïkalie où il fut promu au grade d'officier. Il commença la guerre de 1914-1917 comme sous-lieutenant de cavalerie, devint aide-de-camp du commandant du 22^{ème} Corps d'Armée, le général Mistchenko, et fut promu colonel après la révolution par le gouvernement de Kerenski. Il prit ensuite le nom de Bermont-Avalov et enfin de « prince » Bermont-Avalov.

Bermont-Avalov écrit dans ses mémoires : « Le 1^{er} décembre une délégation des officiers supérieurs me présenta une décision au nom de l'Armée dans laquelle cette dernière me demandait d'accepter le grade de général de brigade. Mon armée désirait ainsi souligner devant les « alliés » son entente parfaite avec moi. Je ne pus donc décliner cette proposition et l'acceptai... »

Bientôt le Corps russe se divisa en deux groupes, dont l'un, sous les ordres du comte Lieven, se rallia au général Youdenitch et se rendit en Estonie, alors que l'autre refusa de se soumettre à ce dernier et demeura avec les Allemands. En septembre 1919 le général von der Holtz passa le commandement de toutes les unités à Bermont-Avalov qui constitua ainsi « l'Armée des Volontaires de l'Ouest ». Le général Youdenitch confirma

le 5 septembre la nomination de Bermont-Avalov. Cette armée fut constituée : du 1^{er} Corps des Volontaires de l'Ouest du comte Keller, du 2^{ème} Corps des Volontaires de l'Ouest du colonel Vyr-golitch, de la Division de Fer allemande du major Bischoff et de la Légion allemande du capitaine von Siewert. Bermont-Avalov passa avec succès à l'offensive contre les rouges dans la région de Dvinsk, se lança le 8 octobre dans des opérations militaires contre les Lettons et s'empara le 10 octobre de toute la rive gauche de la Dvina. Le 9 octobre Bermont forme « le Gouvernement Central Russe de l'Ouest », mais est destitué le jour même de son commandement par le général Youdenitch. Le 15 octobre l'Armée de l'Ouest continue à développer son offensive, mais la 16^{ème} armée lettone, soutenue par le feu violent des batteries de la flotte alliée qui avait pénétré dans le golfe de Riga, inflige une sérieuse défaite à Bermont-Avalov, le force à reculer et s'empare de Mitau le 21 novembre.

Le 19 novembre 1919 le commandement de l'armée est confié au général allemand Eberhardt qui évacue le 30 novembre toute la Courlande ; les restes de l'armée traversent la Lituanie et la Prusse Orientale, sont désarmés et internés, d'abord dans le camp d'Altergraben, puis à Magdebourg. Les deux corps réduits à environ 20.000 hommes sont réunis en un seul détachement sous le nom de « Détachement russe sur le Territoire de l'Allemagne ». Vers le mois de juin 1920 il ne compte plus que cinq mille hommes à peine, sous le commandement du général Altvater et de son chef d'état-major le colonel Tchaïkovsky. Peu à peu ce détachement se dispersa complètement...

Ayant accepté le 5 septembre 1919 le commandement de « l'Armée des Volontaires de l'Ouest », le général Bermont-Avalov considéra son armée comme héritière légitime de l'Armée du Nord du général Keller formée à Pskov. C'est pourquoi, en instituant un insigne pour son armée, il choisit comme modèle « la croix Keller » en modifiant, en signe de deuil, la couleur blanche de la croix en noire.

Cet insigne fut institué par le colonel Bermont-Avalov le 4 mars 1919 par l'ordre du jour N^o 24, tout au début de la constitution de l'armée au camp de Salzwedel en Allemagne où les Russes se trouvaient internés ; il désirait ainsi distinguer des autres internés les militaires enrôlés dans son armée.

a) *Insigne pour les membres de l'Armée.*

Description de l'Insigne

Croix de Malte en métal blanc recouverte de vernis noir mat ou d'émail noir, dimension 51 mm portée à gauche de la poitrine, sur vis. Elle représente une reproduction exacte de « la Croix du général Keller », mais en noir et non en blanc.

b) *Médaille Commémorative*

En 1919, le général Bermont-Avalov institua

une médaille en souvenir de la participation aux combats en Courlande, pour tous les militaires, aussi bien russes qu'allemands, de l'Armée des Volontaires de l'Ouest et du Corps Libre allemand.

Description de la Médaille

Médaille en bronze doré, d'un diamètre de 32 mm., avec, sur la face, une effigie estampée de St. Georges à cheval frappant de sa lance le dragon. Au revers de la médaille — une croix orthodoxe octogonale, avec sur chacun des côtés



le chiffre « 19 » (année 1919). Le ruban est constitué de deux bandes égales verticales, noire et orange, avec un étroit liseré aux mêmes couleurs renversées. Largeur du ruban 25 mm.

c) Croix de la 1ère et 2ème classes

En plus de cette médaille, le général Bermont-Avalov institua, déjà en émigration, une croix possédant deux classes. Elle était attribuée aussi bien aux militaires — croix avec glaives, qu'aux civils — croix sans glaives.



Description de la Croix de 1ère classe

Croix de Malte en métal blanc recouverte de vernis noir ou d'émail noir, identique à l'insigne institué précédemment, mais portant sur le côté supérieur de la croix un crâne surmontant deux os en argent. En travers de la croix — deux glaives croisés en argent, pointés vers le haut, avec des poignées dorées (sur les croix destinées aux civils les glaives sont absents). L'envers de la croix est uni. Dimensions de la croix - 55 mm., hauteur du crâne - 19 mm. La croix se portait en sautoir sur un ruban noir avec un liseré : d'un côté le liseré est aux couleurs nationales russes (blanc-bleu-rouge), de l'autre côté — aux couleurs allemandes (noir-blanc-rouge). Les couleurs allemandes

des se portaient en haut, de même que pour la croix de 2ème classe, portée sur un ruban sur la poitrine.

Description de la Croix de 2ème classe

Même croix que celle de 1ère classe, mais moins importante. Diamètre - 41 mm. Se portait sur la poitrine, sur un ruban avec nœud.

*d) Croix de la Landwehr Balte
(Milice Balte)*

La Landwehr Balte, appelée aussi Légion allemande, faisait partie de l'Armée des Volontaires de l'Ouest. Elle était formée de volontaires des pays baltes d'origine allemande. Le commandement de la Légion avait été confié au capitaine en second von Ziewert. Elle se composait des unités suivantes : le groupe « Baltenland », le groupe « Weichmann », le groupe « Brandess », le groupe « von Iena », le groupe « von Medem », le groupe « Stewer », le groupe « von Petersdorf », le bataillon de choc. Elle comportait en plus le Corps du colonel Dibitch, le détachement Plévé, etc.

Toutes ces unités possédaient de nombreux et divers insignes, médailles et étoiles, telle « l'étoile de Dibitch », représentant une étoile avec des glaives et, dans un médaillon au centre, l'aigle unicéphale allemand avec une inscription tout autour du cercle — « suum cuique », c'est-à-dire « chacun le sien ».

En mars 1953, le catalogue de la firme numismatique berlinoise, « Die Ordens Sammlung », signalait, en plus des trois croix et médailles de Bermont-Avalov, deux croix de 1ère et de 2ème classes « Dibitch », une médaille de la Division de Fer et 28 autres insignes encore, de la Landwehr Balte.



Description de la Croix

Croix rectangulaire en fer, avec une seconde croix dorée plus petite superposée, cette dernière croix portant aux quatre bouts un lys doré. Dimension - 45 x 45 mm. L'envers est uni. Se portait sur une vis.

3. LES INSIGNES DE " L'ARMEE NORD-OUEST " DU GENERAL YOUDENITCH

Le Corps des Volontaires de Pskov fut constitué le 12 octobre 1918. Avant même d'avoir pu s'élever au niveau d'une véritable unité de guerre, ce corps fut brusquement privé du soutien des Allemands, occupant la région, qui l'abandonnèrent à peine armé à son sort ; le 25 novembre il fut battu dans un combat contre les rouges ; ses troupes se retirèrent vers Isborsk, Walk et Werro.

Ce corps se trouvait sous le commandement du général Vandamme, puis du colonel von Neff et enfin du colonel Dzerojnsky ; ce dernier conclut un accord avec les Estoniens stipulant que ceux-ci incorporaient chez eux les restes du corps, s'engageant à le pourvoir en vivres, en équipement militaire et en armes. La moitié de ces troupes fut mise en réserve (dans la région de Reval) et fut nommée « Détachement de l'Ouest » ; l'autre moitié fut disposée sur le front derrière Youriev, sous le nom de « Détachement de l'Est ». Ces deux détachements formèrent le Corps Détaché de l'Armée du Nord sous le commandement du colonel Dzerojnsky et plus tard du général Rodzianko. La période la plus dure avait pris fin ; le souvenir de ces tribulations de la retraite de Pskov s'effaçait, retraite au cours de laquelle les combattants russes, en loques, parfois pieds-nus, avec des fusils sans baïonnettes, devaient par un froid glacial retenir la poussée d'un ennemi bien plus nombreux, ne recevant que peu de sympathie de la population et succombant en quantité aux blessures et aux maladies.

Le 13 mai 1919 le Corps Détaché de l'Armée du Nord engagea une offensive générale. Toutes les unités se portèrent à l'assaut, renversèrent l'adversaire sur toute la ligne du front et s'emparèrent de nombreux prisonniers et d'un butin militaire considérable. Comptant seulement 3.500 hommes, le corps s'empara d'un territoire immense allant de Pskov jusqu'au golfe de Finlande et jusqu'aux villes de Louga et Gatchina à l'Est.

En commémoration de cet exploit, le général Rodzianko, par son ordre du jour du 10 juillet 1919, institua une croix spéciale pour tous les militaires de l'offensive du 13 mai.

a) Croix du « 13 Mai 1919 »

Description de la Croix

Croix équilatérale (39 mm.) dorée en émail blanc, avec, le long des deux côtés transversaux, l'inscription en ligature slavon : « 13 MAI 1919 ». La croix se portait à gauche de la poitrine sur une rosette ronde aux couleurs nationales.

D'abord surpris par l'audacieuse offensive d'une poignée de « blancs », les bolcheviques se ressaisirent et concentrèrent des forces très importantes pour défendre Pétrograd. Les unités de l'armée du Nord-Ouest, dispersées sur une ligne de front très



longue, sans réserves, ne purent résister à la furieuse poussée des rouges et commencèrent leur retraite. Reculant lentement et défendant dans des combats chaque position, ils se fortifièrent enfin sur la ligne des rivières Jaitcha, Saba et Louga.

Complété par des prisonniers de l'armée rouge et par des recrues mobilisées sur place, le corps se déploya en armée du Nord, baptisée bientôt « Armée du Nord-Ouest » pour la distinguer de l'Armée du Nord qui opérait à Arkhangelsk sous le commandement du général Miller. Les effectifs de l'armée du Nord-Ouest, après son regroupement, comprenaient 17.800 baïonnets, 700 sabres, 57 pièces d'artillerie, 4 trains blindés, 6 chars de combat et 2 blindés (26 régiments d'infanterie, 2 régiments de cavalerie, 2 bataillons détachés et 1 détachement).

Le 10 octobre 1919 l'armée entreprit une nouvelle offensive, écrasa les rouges et en quelques marches s'empara de Krasnoïe Selo, de Gatchina, de Louga et enfin de Pavlovsk et de Tsarskoïe Selo, arrivant ainsi aux portes de Pétrograd. Ayant épuisé toutes leurs forces ses unités s'arrêtèrent devant les hauteurs de Poukovo (banlieue de Pétrograd). C'est là que, brusquement abandonnées par les Estoniens et la flotte britannique, elles durent à nouveau battre en retraite. Il y eut quelques suprêmes efforts héroïques devant Yambourg, devant Narva et puis ce fut la fin. Le froid rigoureux, la fatigue, les maladies, la défection des alliés, qui privèrent les volontaires de leur base, achevèrent définitivement l'armée. L'épidémie de typhus emporta jusqu'à 8.000 hommes.

Le 22 janvier 1920 le général Youdenitch donna l'ordre de dissoudre les unités, les états-majors et tous les services. Le 10 mars les régiments se transformèrent en compagnies de bûcherons et d'ouvriers de tourbières. En même temps il se produisit une attraction vers la Pologne où commencèrent à se former de nouveaux cadres russes pour lutter contre les bolcheviques. C'est ainsi que fut tournée une brillante page héroïque d'une poignée de braves qui osèrent lancer crânement un défi aux ennemis de la Patrie.

Émigrés à l'étranger, les anciens combattants de l'Armée du Nord-Ouest, officiers et soldats, créèrent l'« Association des Combattants du Nord-Ouest » en prenant pour emblème de leur association un insigne représentant une copie réduite du chevron porté au bras gauche par les militaires de l'armée, modifié quelque peu par l'adjonction des lettres russes « C 3 » et la date « 1919 ».

Cet insigne fut instauré par le président de l'Association de tous les combattants russes, le général Miller, le 31 août 1931, par l'ordre du jour № 45.

b) *Insigne de l'Association de l'Armée du Nord-Ouest*



Description de l'Insigne

L'insigne représente un écusson doré triangulaire — chevron aux couleurs nationales avec, sur un champ rouge, une croix blanche. Sur les côtés de la croix — des lettres russes dorées « C. 3 » et dans le haut une date en chiffres dorés — « 1919 ». Cet insigne était exécuté exclusivement en modèle réduit pour être porté à la boutonnière d'un costume civil. Dimension de l'insigne - 2 x 2,30 cm.

c) *Insigne du Détachement de Lieven*

Le détachement russe des fusiliers volontaires du Prince Lieven fut formé par le capitaine du régiment des Chevaliers-Gardes, le Prince Sérénissime Lieven, vers la fin de 1918 à Libau. Ce détachement était également connu sous le nom de « Fusiliers de Libau » ou « Liventzi ».

Le détachement entra en campagne contre les rouges le 31 janvier 1919, venant de Libau et ne comptant que 65 hommes. Progressant toujours en nombre et en qualité au cours des mois suivants, le détachement traversa, en livrant des combats, toute la Courlande et prit part le 22 mai 1919 à la libération de Riga de l'occupation rouge. Ayant achevé en juin 1919 la libération du territoire letton, le détachement se joignit aux effectifs de l'Armée du Nord-Est du général Youdenitch et fut dirigé sur le front de Narva. Il fut ensuite regroupé dans les effectifs de la 5ème Division des Fusiliers et prit part, sous le commandement du colonel Dydorov, à l'offensive sur Pétrograd, arrivant le 20 octobre 1919 aux avant-postes de Strelno et de Ligovo — banlieues de Pétrograd. Après la retraite générale, une partie du détachement échoua en Pologne où la lutte contre les rouges fut poursuivie.

Devenus émigrés, les anciens militaires de ce détachement formèrent une « Amicale des Lieventzi », sous la présidence de leur ancien commandant, le Prince Sérénissime Lieven, qui instaura pour ses membres un insigne commémoratif porté à la boutonnière du costume civil.



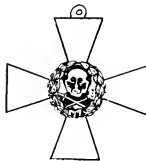
Description de l'Insigne

Croix dorée en émail blanc, avec deux glaives entrecroisés, dont les poignées sont dirigées vers le bas. Au centre de la croix un écusson de forme héraldique aux couleurs nationales : blanc-bleu-rouge ; sur l'écusson la lettre dorée russe Л (L) et la date commémorative « 1919 ». L'écusson est surmonté d'une couronne dorée. Dimension de l'insigne 2 x 2 cm.

d) « *La Croix des Braves* » de l'Ataman Boulak-Balakhovitch

Description de la Croix

Croix en métal blanc, du modèle de la croix de Saint Georges, recouverte d'émail blanc, de 35 x 35 mm. Au centre de la croix un médaillon arrondi estampé, en argent oxydé, avec en effigie une tête de mort surmontant un glaive et un flambeau entrecroisés. Le médaillon est entouré d'une



couronne de laurier attaché en bas avec un ruban. L'envers est uni et porte un numéro d'ordre. La croix se portait sur un large ruban de 38 mm, avec deux liserés or de 5 mm sur les bords.

L'ataman Boulak-Balakhovitch, autrefois capitaine de cavalerie de l'ancienne armée russe, promu ensuite colonel et général de brigade par le général Youdenitch, commandait un détachement de partisans de son nom, dans les effectifs du Corps Détaché de l'Armée du Nord du général Rodzianko et plus tard dans les effectifs de l'Armée du Nord-Ouest du général Youdenitch. Par l'ordre du jour № 20 du 24 août 1919, il fut exclu par le général Youdenitch des effectifs de l'armée et passa au

service de l'Estonie et ensuite de la Pologne, où au cours de la Seconde Guerre Mondiale, ayant le grade de colonel de l'armée polonaise, il forma un détachement monté. Ce détachement se dispersa avant d'atteindre la ligne du front, étant donné que la campagne polonaise était déjà perdue. En 1940 Boulak-Balakhovitch fut tué dans une des rues de Varsovie par des inconnus qui ne furent jamais retrouvés.

Voici l'histoire de son détachement :

A la mi-octobre de 1918, deux officiers de l'armée rouge passèrent à Pskov dans les rangs de l'armée blanche. Ils avaient fait partie du Détachement monté des partisans de Boulak-Balakhovitch, formé des restes du détachement des partisans de Pounine qui luttait contre les Allemands dans la région de Riga. Sous la poussée des Allemands le détachement de Pounine se dispersa, il n'en resta qu'une partie seulement sous les ordres du capitaine Boulak-Balakhovitch. Bataillant en retraite ce dernier échoua dans la zone des opérations des bolcheviques et, par la force des circonstances, passa au service des soviets. Selon le témoignage de ces officiers rouges, Boulak-Balakhovitch cherchait un moment propice pour rejoindre le détachement du Corps des Volontaires de Pskov.

En effet, deux jours plus tard, deux escadrons, suivis de tout le détachement sous les ordres de son « ataman » Boulak-Balakhovitch, rejoignirent le Corps des Volontaires apportant avec eux un équipement militaire complet, des armes, des munitions, des chevaux, etc.

En fait, le détachement de ces « partisans » causait de graves dommages non seulement aux bolcheviques, mais aussi à la population civile, se livrant à des actes arbitraires et au pillage, sans tenir compte des ordres du commandement suprême. Ce fut la raison de l'exclusion de Boulak-Balakhovitch des effectifs de l'armée et de son élimination de toute participation aux actions militaires. Mais il faut reconnaître que tous les membres du détachement possédaient un courage légendaire, comprenant parfaitement que leurs ennemis ne leur feraient pas grâce, et adoraient leur « père-ataman ».

6. CROIX « POUR LE COURAGE » ET INSIGNES DU « DETACHEMENT SPECIAL DE MANDCHOURIE » DE L'ATAMAN SEMENOV.

Description de la Croix

Croix en métal blanc représentant une copie exacte de la croix de l'ordre de St Georges (avec au centre l'image de St Georges perçant de sa lance un dragon et à l'envers les initiales de ce saint). Le côté face de la croix représente : sur sa branche supérieure — un soleil entouré de ses rayons. sur sa branche gauche — la lettre « O », sur sa bran-

che inférieure — la lettre « M » et, sur sa branche droite, — la lettre « O », ce qui donne un abrégé du mot russe « Détachement Spécial de Mandchourie ». A l'envers de la croix — un numéro d'ordre. Elle se portait sur un ruban de l'ordre de St. Georges. Dimensions de la croix - 35 x 35 mm.

On suppose que l'Ataman Semenov institua vers la même époque un insigne réservé à tous les militaires de son détachement.



Description de l'Insigne

Un aigle bicéphale argenté en bronze, sans couronnes, tenant un serpent entre ses griffes. Sur la poitrine de l'aigle — un bouclier doré avec les lettres russes « AC », en forme de chiffre, ce qui veut dire en russe « Ataman Semenov » ; au-dessus des têtes de l'aigle — des rayons dorés du soleil levant, avec l'inscription « O M O » (Détachement Spécial de Mandchourie).

L'insigne est d'une exécution grossière et primitive ; il est recouvert à l'envers de plomb. Hauteur de l'insigne - 5 cm, largeur - 6 cm.

Il existe d'autres modèles de cet insigne, d'une exécution plus raffinée, qui portent sur le bouclier protégeant la poitrine de l'aigle — les lettres « O M O », alors que les chiffres du nom de l'Ataman Semenov « AC » sont représentés au-dessus des têtes de l'aigle sur les rayons du soleil. D'autre part, sur les ailes de l'aigle il y a la date « 19 » « 17 » (1917).

En commémoration des vingt ans de la formation du détachement, l'Ataman Semenov institua





un nouvel insigne en 1937 qui représentait une copie exacte de l'aigle décrit ci-dessus avec une seule différence : le bouclier aux couleurs nationales (blanc-bleu-rouge) se trouve sous les griffes et la queue de l'aigle, avec au milieu les chiffres romains XX, et, tout en bas, un soleil levant entouré de rayons avec la date « 1937 ».

Cet insigne possède d'autres variétés, sur lesquelles le bouclier du bas est parfois plus grand, parfois plus petit ; d'autre part, les rayons supérieurs au-dessus des têtes de l'aigle sont d'un modèle quelque peu différent. Tous ces insignes sont d'une parfaite exécution.

L'« Essaoul » (capitaine de cosaques) Semenov, ancien commandant d'une « sotnia » (escadron cosaque) de l'armée cosaque de Transbaïkalie, forma en janvier 1918 en Mandchourie le « Détache-

ment Spécial de Mandchourie », à la tête duquel il lutta efficacement contre les bolcheviques. Au mois de mars il entra en conflit avec l'amiral Koltchak qui venait d'arriver en Sibérie et qui lui reprocha les activités de son détachement qui se livrait à des réquisitions illégitimes, à des actes répréhensibles contre la population et tout bonnement au pillage.

Le gouvernement socialiste de Sibérie, le « Directoire », qui venait de se constituer, nomma Semenov commandant d'un corps qui devait se former dans la région du Littoral ; il fut en même temps élu « ataman » (chef des cosaques) des cosaques des régions de l'Amour, d'Oussouri et de Transbaïkalie.

Après la chute du « Directoire », le 18 novembre, l'amiral Koltchak fut nommé Régent Suprême. Comme l'ataman Semenov ne voulait pas reconnaître ce dernier, il fut relevé de son poste. Le 19 janvier 1919 Semenov se soumit enfin à l'amiral Koltchak et continua la lutte contre les rouges dans la région qu'il occupait, tout en proclamant l'indépendance de la république des Mongols et des Bouriates. Les plaintes innombrables contre les activités de l'ataman obligeaient l'amiral Koltchak à envoyer constamment des commissions pour procéder à des enquêtes. Le 15 novembre 1919, après la chute d'Omsk et le début de la retraite de l'armée du Régent, l'ataman Semenov ne prêta aucune aide à ce dernier et, comme Verkhnieoudinsk tomba le 1er mars aux mains des rouges, se fixa à Tchita. Soutenu par ses unités, celles du général Voïtzechovskiy et par les Japonais, il se proclama, après l'exécution de l'amiral Koltchak par les rouges, Régent Suprême de Sibérie. Les Japonais ayant bientôt quitté Tchita et occupé la région du Littoral, Semenov, privé de leur soutien, se démit de son titre de Régent, interrompit la guerre civile contre la république de Verkhnieoudinsk et devint ministre de la guerre et commandant des forces armées dans le gouvernement de Vinogradov qui venait de se former à Vladivostok. Cependant, en octobre, sous la poussée des rouges, il fut forcé de passer la frontière chinoise où il fut désarmé. L'ataman Semenov se rendit ensuite à Kherbine ou il joua encore pendant quelque temps le rôle de chef antibolchevique des régions de la Mandchourie et de la Transbaïkalie.

La croix « Pour le courage » fut instituée par l'ataman Semenov à Tchita en 1920, pour les militaires de son détachement.

P.V. PACHKOFF

(à suivre)

L'ECOLE SUPERIEURE DE GUERRE RUSSE

(Article publié à l'occasion du centenaire
de l'Ecole Supérieure de Guerre instituée en 1832)

Le 26 novembre de cette année (1932) il y aura cent ans depuis l'inauguration en 1832 de l'Ecole Impériale Supérieure de Guerre, source de recrutement des effectifs de l'Etat-Major Général, qui s'intitulait à l'époque la « Suite du Quartier Général de Sa Majesté Impériale ».

Cet évènement eut dans l'existence de l'Etat russe une signification extrêmement importante en tant que création d'une institution supérieure des sciences militaires qui, au cours de son existence, accomplit une œuvre immense et bienfaisante en dotant l'armée russe d'un grand nombre d'officiers de l'Etat-Major Général, parfaitement qualifiés, qui fournirent à la Russie une pléiade de serviteurs éminents dans divers domaines au service de l'Etat.

Le mérite de l'institution de l'Ecole Supérieure de Guerre revient entièrement à l'Empereur Nicolas I (1796-1855) qui la substitua à « L'école des guides de colonnes » ne répondant plus à sa destination et supprimée comme telle en 1826 après 53 années d'existence.

L'idée d'une réorganisation de l'Etat-Major Général préoccupait l'Empereur dès le début de son règne, mais, empêché par les guerres en cours, il ne put la réaliser qu'en 1832.

Le principal collaborateur de l'Empereur dans ce domaine fut le général-aide de camp Jomini, d'origine suisse. Dès 1826 l'Empereur lui confia la charge d'exposer ses considérations sur l'enseignement des sciences militaires se rapportant à l'art de conduire une « grande » guerre par l'institution d'une école de stratégie et de haute tactique. Le général Jomini présenta un mémoire dans lequel il développait l'importance de la stratégie en tant que science pouvant exercer une influence décisive jusque sur les destinées des Etats. Ce mémoire était accompagné d'un projet d'institution à cet effet d'une école centrale. Deux ans plus tard le général Jomini soumit à l'Empereur un nouveau mémoire sur l'aménagement opportun de l'Etat-Major Général, mémoire dans lequel il précisait « qu'un bon Etat-Major Général était aussi important pour l'armée qu'un bon gouvernement pour le peuple ». Jomini insistait sur l'institution pour l'Etat-Major Général d'une école supérieure de guerre sur le modèle de son projet d'école centrale.

En octobre 1829, une fois la guerre avec la Turquie terminée, une ordonnance Impériale prescrivit la formation d'une commission, sous la présidence du général Jomini, chargée de l'étude

du mémoire de ce dernier. La commission reçut des instructions pour que l'institution prévue ne fut pas exclusivement une école de l'Etat-Major Général, mais une école supérieure de guerre pouvant influencer sur d'autres organismes de notre armée.

Non sans lutte entre les membres de la commission qui défendaient l'organisation existante de l'Etat-Major Général et leur président lequel jugeait nécessaire de développer plus largement l'enseignement des sciences militaires, « le projet de l'institution d'une école supérieure de guerre » fut enfin élaboré et après quelques remaniements ratifié par ordre Impérial le 4 octobre 1830 sous le titre de « Statut de l'Ecole Supérieure de Guerre ». Dans une lettre adressée au Ministre de la Guerre, le général Jomini disait que « malgré une certaine divergence entre le projet soumis et les principes élaborés ultérieurement, ce projet promettait de fournir à la Russie les meilleurs officiers d'Etat-Major de l'Europe ».

Malgré la participation dans l'élaboration du Statut de personnalités en désaccord avec le général Jomini, ce sont les idées de ce dernier, soutenues par l'Empereur, qui triomphèrent. On peut à ce titre approuver le point de vue du général que « notre Ecole Supérieure de Guerre devrait surclasser toutes les institutions du même ordre existant à l'étranger ».

Le Grand Duc Michel Pavlovitch (frère de l'Empereur) reçut le titre de « Président Honoraire de l'Ecole ». Le général aide de camp Soukhosanète en fut nommé directeur. N'ayant jamais appartenu à l'Etat-Major Général, c'était un officier de l'armée active. Rigoureux en ce qui concernait la discipline et le service, d'une extrême énergie, il se distingua par une inlassable et très efficace activité tout au long des nombreuses années pendant lesquelles il occupa ce poste responsable.

Le 26 novembre 1832, jour de la St Georges, patron de l'Etat-Major Général, l'Ecole Supérieure de Guerre fut solennellement inaugurée. A la fin du Te Deum, l'Empereur parcourut tous les locaux de l'Ecole et se fit présenter dans les diverses salles respectives les membres du Conseil de l'Ecole, les fonctionnaires qui y étaient affectés et les 27 officiers nouvellement admis à titre de stagiaires. Très satisfait des aménagements de l'Ecole, l'Empereur voulut bien, dans un discours bienveillant, mais ferme, accueillir ces officiers en leur précisant l'importance de leur admission

dans la nouvelle Ecole aussi bien que celle de leurs nouvelles obligations. La première année des cours débuta le 29 novembre 1832. En 1854 une section de géodésie fut adjointe à l'Ecole ce que permit la formation d'éminents savants et d'astronomes.

En résumant l'activité de l'Ecole Supérieure de Guerre sous le règne de l'Empereur Nicolas I, il faut reconnaître qu'elle accomplit au cours de cette période de vingt ans une œuvre prodigieusement fructueuse et réussit à fournir à l'Etat-Major Général des officiers parfaitement à la hauteur de leur tâche.

Cependant, lorsque ces officiers réintégraient l'armée, leur activité en tant qu'officiers brevetés d'Etat-Major se trouvait reléguée au second plan et il ne leur était pas facile de trouver une application appropriée à leurs connaissances. Il faut dire qu'à cette époque les principes de la riche expérience acquise après les guerres napoléoniennes se trouvaient passablement oubliés, alors que le système de l'éducation et de l'instruction des armées se dirigeait sur une fausse voie, les parades dominant sur l'instruction tactique. Les succès de nos armées au cours des campagnes de Turquie, de 1828-1829, et de Pologne, de 1830-1831, arrivèrent à dissimuler les défauts de notre système militaire et à établir la conviction de notre prétendu supériorité sur les systèmes des autres puissances. Seule la guerre du Caucase, englobant précisément cette période de 1832 à 1855, servit de parfaite école pratique pour les régiments et pour les officiers de l'Etat-Major Général engagés dans cette région. En se référant aux historiographies, on peut trouver une longue liste de brillants représentants de ce dernier, de même qu'une pléiade de noms aussi glorieux comme Milioutine, Kotzebou, comte Heiden, Nepokoïtchitzky, Radetzky, les barons Vrevsky et Delvig, etc. Les officiers de l'Etat-Major Général furent aussi les premiers pionniers de la découverte du Caucase. Ils affrontaient vaillamment des monts inconnus tout comme les guides d'avant-garde qui dirigeaient leurs colonnes vers des cols inaccessibles et des repaires ennemis. Malheureusement, en dehors des limites du Caucase, ces exploits ne remédiaient nullement aux lacunes de notre système militaire; la situation ne put se modifier qu'après une sérieuse épreuve comme celle de la guerre d'Orient de 1853-1856. L'on connaît les échecs que nous subîmes sur le théâtre de guerre européen; seules les troupes commandées par des chefs qui avaient acquis l'expérience des combats au Caucase remportaient constamment des victoires sur ce front. Quant aux officiers de l'Etat-Major Général, selon le témoignage des historiens, « ils firent preuve sur tous les théâtres de combats d'une connaissance parfaite de leur métier et, pour ce qui est du courage et de la valeur militaire, ils ne se laissèrent jamais surpasser par

tous les glorieux participants de cette campagne ». Cette appréciation est confirmée d'ailleurs par les paroles de l'Empereur Alexandre II (1818-1881) en 1855 : « J'espère que l'Ecole Supérieure de Guerre saura, à l'avenir, fournir des officiers aussi parfaits que ceux qu'elle a déjà donnés ».

La guerre d'Orient nous ouvrit les yeux sur nos sérieuses lacunes militaires. Le jeune Empereur Alexandre II s'entoura de collaborateurs de talent pour élaborer de nouvelles réformes et entreprendre une réorganisation de l'armée et de l'Etat-Major Général, ce qui influa aussi sur l'Ecole Supérieure de Guerre. La participation la plus remarquable dans les réformes de l'Etat-Major Général et de l'Ecole Supérieure de Guerre incombait au Chef du Quartier Général de l'Etat-Major de Sa Majesté pour les Institutions d'enseignement militaire, le général-aide de camp Rostovtzeff, ainsi qu'au nouveau Ministre de la Guerre, nommé en 1861, le général aide de camp Milioutine. Leur premier acte fut de renforcer l'importance de l'Etat-Major Général. Les réorganisations les plus radicales débutèrent sous Milioutine. Comme suite au relèvement de l'importance de l'Etat-Major Général et des réformes effectuées dans son sein, il s'avéra nécessaire de réorganiser également l'enseignement dispensé à l'Ecole Supérieure de Guerre afin de la transformer en Ecole Supérieure de l'Etat-Major Général. L'Ecole Supérieure d'Artillerie et celle du Génie qui depuis les réformes du général Rostovtzeff, faisaient partie intégrante de l'Ecole Supérieure de Guerre, en furent séparées et subordonnées aux inspections générales de leurs armes respectives. Des instructions nouvelles furent données qui précisaient que l'affectation essentielle de l'Ecole Supérieure de Guerre était la préparation au service dans l'Etat-Major Général. Le major-général Leontieff fut nommé directeur de l'Ecole. Depuis, l'Ecole commença à développer son activité selon les principes indiqués par le général Milioutine et devint le foyer et le centre d'une préparation universelle à des activités variées au département de la guerre et même bien au-delà de ses limites. En 1869, pour une meilleure préparation des officiers de l'Etat-Major Général, un « cours complémentaire » fut inauguré ce qui augmenta d'une année supplémentaire la durée des études à l'Ecole. Il est impossible d'énumérer ici tous les efforts du général Milioutine accomplis pour relever l'importance de l'Etat-Major Général, dont les officiers brevetés, par un règlement spécial, ayant obtenu en 1865 force de loi, gagnaient un champ d'action très étendu dans tous les domaines de l'art militaire et aussi bien au-delà de ses limites, dans diverses branches de l'administration de l'Etat. Au cours de la guerre de Turquie de 1877-1878 l'Etat-Major Général remplit parfaitement la tâche qui lui avait été assignée et qui lui fut bienfaisante aussi bien qu'à l'armée.

Du haut du Trône les services de l'Etat-Major Général furent qualifiés « excellents » en tant que résultat de l'activité de l'Ecole Supérieure de Guerre qui obtint le 29 janvier les félicitations de l'Empereur adressées au directeur de l'Ecole, aux professeurs et aux enseignants.

Au cours de toute l'époque suivante de son existence, l'Ecole Supérieure de Guerre poursuivit son œuvre féconde en conservant invariablement comme base de son enseignement le système de Milioutine.

En 1901, après un séjour de 69 ans quai des Anglais à St Pétersbourg, l'Ecole fut transférée dans des locaux somptueux du Bvrd. Souvoroff dotés des aménagements perfectionnés bien mérités.

En 1909, l'Ecole Supérieure de l'Etat-Major Général reçut son ancienne dénomination « Ecole Supérieure de Guerre ». Sous la direction du général Stcherbatcheff (1907-1912). La méthode française d'enseignement fut adoptée, qui donnait la priorité aux travaux pratiques.

Quant à l'appréciation de l'activité de l'Ecole Supérieure de Guerre au cours de la seconde période de son existence, il faut reconnaître qu'elle accomplit un immense travail et dota l'Etat-Major Général russe d'excellents officiers qui œuvrèrent non seulement dans le domaine militaire mais aussi dans toutes les branches de l'administration de l'Etat, justifiant pleinement l'idée conçue par le général Milioutine.

Général d'infanterie CHKINSKY

NOTE DE LA REDACTION

En raison de la montée en flèche des prix, difficultés pour continuer la publication de notre

Pour couvrir tous ses frais la Rédaction disp
TUES PAR SES ABONNES ET LECTEURS.

Grâce à l'aide généreuse et bénévole de tous
taire » nous avons pu surmonter la crise monétaire
notre dernier cycle (voir N° 124).

A partir du cycle prochain (N° 131 - 136) la
ces prix selon le décompte suivant :

Abonnement au cycle des N° 131 - 136

Pour les pays d'Outre-Mer

Nous accepterons avec reconnaissance en plus
dront bien fixer eux-mêmes selon leurs désirs
versements soient obligatoires.

La Rédaction espère que les lecteurs qui reco
notre revue voudront bien répondre à notre appel

A tous, un grand MERCI.

Prière à nos abonnés de ne pas nous adresser
ment soit par chèques bancaires, soit par des ver
3910-12.

nous devons vaincre chaque année de nombreuses
revue.

ose UNIQUEMENT DES VERSEMENTS EFFEC-

ceux qui aiment et apprécient « Le Passé Mili-
de 1972 sans augmenter les prix d'abonnement de

Rédaction se trouve dans l'obligation d'augmenter

50 F.

12 Dollars

tous versements de soutien que nos amis vou-
et leurs possibilités, sans, bien entendu, que ces

naissent l'importance militaire et historique de
pour le soutien du « Passé Militaire ».

de mandats-postaux, mais de nous régler unique-
sements à notre Compte Chèques Postaux Paris

Les orchestres militaires russes

Nous savons tous des récits bibliques que les murs de Jéricho s'écroulèrent au son des puissantes trompettes militaires. Telle est la force percutante que les peuples anciens attribuaient à la musique militaire. Et invariablement, au cours des siècles suivants, tous les peuples sans exception faisaient état de l'influence de la musique sur l'esprit des combattants. Dans la majorité des cas la musique s'alliait à la victoire, mais elle servait aussi à relever le courage des combattants.

L'emploi des instruments de musique dans l'armée russe remonte au 14^{ème} siècle. Certains princes russes possédaient autour des étendards jusqu'à 140 trompettes et tambourins. Sous le règne du Tsar Alexis Mikhaïlovitch (1629-1676) les régiments de cavalerie se servaient de timbales et aussi de tambourins. Ces tambourins atteignaient parfois des dimensions immenses, plusieurs chevaux les traînaient et jusqu'à 8 hommes frappaient dessus.

Les réformes militaires de l'Empereur Pierre I (1672-1725) apportèrent le début et l'organisation d'unités d'orchestre auprès des régiments de l'armée russe. Les instruments se multiplièrent, les musiciens furent soumis à des exigences plus fortes et non plus à « faire tout bonnement du bruit ».

Les instruments (dont les types s'étaient développés en France sous Louis XIV) formaient primitivement trois groupes : 1) des flûtes et des tambours ; 2) des trompettes et des timbales ; 3) des hautbois et des bassons. Peu à peu s'ajoutèrent à eux des cors d'harmonie et d'autres, de trombones et d'« instruments turcs » : de tambours « talek » et de triangles. Sous le règne d'Anna Ivanovna (1693-1740) l'exécution orchestrale atteignit une grande hauteur. Les professeurs de musique, en majorité des Italiens, perfectionnèrent grandement la technique de l'exécution et à un tel point que des musiciens des régiments de la Garde vinrent faire partie de l'orchestre aux représentations d'opéra à la Cour.

Tous les célèbres chefs militaires russes, Pierre I, Souvoroff, Koutouzoïff, Bagration, etc, attribuaient une grande importance à la participation de la musique dans les combats. Souvoroff disait : « La musique est nécessaire et utile dans les combats, elle doit être la plus forte. Avec les étendards déployés et une musique tonitruante, j'ai pris Izmail ». Le général Skobeïeff avait une grande considération pour l'importance que la musique avait gagné dans les combats. Il favorisait les musiciens, les appréciait et, possédant le sens de l'harmonie, leur donnait souvent des conseils utiles en leur exprimant ses désirs. Les temps passèrent, les époques et le caractère des combats se transformèrent, mais la musique réussit à con-

server son importance jusqu'à nos jours.

Ainsi qu'il a été dit plus haut, les premiers professeurs et organisateurs des orchestres militaires étaient des étrangers; ils marquèrent donc d'un certain style le répertoire. Un nombre infime d'œuvres exécutées à l'époque arriva à nous parvenir, mais toutes celles qui subsistèrent sont fortement imprégnées de l'influence occidentale. Néanmoins les musiciens russes arrivèrent à gagner par leur talent les postes de commande. Déjà en 1867, au concours des orchestres militaires à Paris, celui du régiment des Chevaliers Gardes gagna la première place. Les hommes connus de cette époque présentèrent une pléiade de remarquables chefs d'orchestre militaires : Rahl (1802-1848), Bourme (1826-1904), Glavatch (1849-1911), Vladimiroff (1970-1932), etc. L'inauguration par les frères Rubinstein des Conservatoires de St Pétersbourg et de Moscou et de tout un réseau d'écoles Impériales de Musique en province joua un rôle immense. De véritables musiciens professionnels et non plus des amateurs commencèrent à entrer dans l'armée en qualité de chefs d'orchestre. Une fois de plus il faudrait mentionner Nicolas Andréievitch Rimsky-Korsakoff dont les dix années d'activité à la tête de tous les orchestres de la Marine russe demeureront toujours des pages glorieuses dans l'histoire de la musique militaire russe. Avec sa précision méticuleuse, il apprit à jouer de presque tous les instruments militaires, y compris les plus difficiles comme la clarinette. C'est grâce à sa sollicitude que les orchestres de la Marine améliorèrent leur répertoire, la qualité de leurs instruments et le style de leurs partitions. Rimsky-Korsakoff se passionna pour cette branche de son activité tout en n'ayant jamais donné dans ses œuvres un rôle indépendant aux orchestres militaires se limitant au son des « cuivres » auxquels d'ailleurs il n'attribua jamais un caractère guerrier, mais un son au caractère héroïque (de même que Wagner et Berlioz).

Par contre, toute une lignée de compositeurs russes rendirent hommage aux orchestres militaires. Aliaïeff composa la première symphonie russe pour orchestre militaire (1830). Chez Glinka l'orchestre militaire figure dans ses deux opéras (« La Vie pour le Tsar » et « Rouslan et Ludmila »). Tchaïkovsky, Rubinstein, Balakireff, Glounoff contribuèrent tous à cet art. La dernière œuvre de Glounoff fut un concerto pour saxophone brillamment exécuté à Paris par les musiciens de la garde nationale.

L'époque d'avant la guerre de 1914 éleva à une très grande hauteur la technique et le répertoire des orchestres militaires. Il est vrai que les

« marches » — base de la musique militaire — nous arrivaient toujours de l'étranger et curieusement plutôt de France que d'Allemagne ; elles étaient envoyées par des éditions très commerciales à des prix modestes, avec des partitions toutes préparées pour chaque instrument, mais elles ne se distinguaient pas par une musique très élevée.

Les orchestres militaires possédaient plusieurs variantes quant à leur composition : ainsi dans la cavalerie, comme règle générale, les instruments étaient tous en cuivre (s'il y en avait en bois ceux-ci n'étaient employés qu'à des bals, des concerts, etc.), ce qui donnait aux orchestres de la cavalerie une sonorité très personnelle ; ils ne possédaient non plus ni tambours, ni cymbales. Dans les régiments d'infanterie par contre les orchestres atteignaient des proportions immenses, avec des saxophones, des batteries, des contrebasses à cordes qui apportaient dans des concertos une grande douceur. Les orchestres des régiments d'infanterie se dénommaient « orchestres de régiment », ceux de la cavalerie et de l'artillerie -- « chœurs de trompettistes ».

Il était d'usage que les quatrièmes régiments de chaque division (anciennement les chasseurs) ne devaient posséder dans leur orchestre ni instruments de bois, ni tambours, à l'exemple de la cavalerie, mais cette coutume n'était pas suivie partout, quoique le régiment de la Garde de Finlande se tenait strictement aux instruments de cuivre.

L'artillerie ne recevait aucun crédit pour l'entretien d'un orchestre ; aussi certaines brigades n'en avait pas ; la majorité prélevait sur les fonds spéciaux des batteries et sur des versements bénévoles des officiers sur leur modeste pécule ; elle possédait donc de petits orchestres, parfaitement accordés.

En dehors des marches militaires, le répertoire s'étendit jusqu'à l'exécution d'œuvres symphoniques. L'exécution de « pots-pourris » d'opéras russes et étrangers était fort à la mode. Après N.A. Rimsky-Korsakoff toute une kyrielle de compositeurs russes travaillèrent sur des répertoires pour orchestres militaires. La perfection technique de ces derniers leur permettait d'exécuter des œuvres aussi difficiles, comme la marche de Berlioz, des extraits de « Lohengrin » et de « Tannhäuser ».

La « base » de chaque orchestre se composait

d'un groupe de musiciens « salariés », des professionnels engagés dans l'orchestre. Ils portaient l'uniforme du régiment respectif, se conformaient au régime militaire et demeuraient en service parfois jusqu'à un âge avancé.

Un second élément qui complétait les orchestres était représenté par de jeunes garçons sortant de l'assistance publique ou simplement des orphelins de la classe roturière ou d'anciens soldats. Ces garçons portaient aussi l'uniforme et recevaient même des grades avant l'âge du service militaire. Ces gamins assimilaient très rapidement la technique et devenaient au bout de quelques années d'excellents musiciens demeurant souvent en service en qualité de musiciens militaires. Ils faisaient tous partie des écoles pour fils de soldats où ils suivaient un cours élémentaire.

Dans les capitales où se trouvaient les conservatoires, beaucoup de jeunes gens à la veille de leur service militaire préféraient entrer en qualité de musiciens dans les régiments de la Garde dont les orchestres se distinguaient par leur splendeur et le nombre élevé d'exécutants. Les écoles militaires Pavlovskoë et Alexandrovskoë sises dans les capitales possédaient pour les mêmes raisons d'excellents orchestres militaires.

Bien des gens de ma génération ne pourront oublier les concerts « monstres » présentés annuellement sur la scène du Théâtre Impérial de St Pétersbourg. Tous les meilleurs musiciens des régiments de la Garde y prenaient part, réunis en un seul orchestre, parfois de 500 exécutants. L'immense scène du Théâtre Marie, à partir du « trou du souffleur » et s'élevant toujours jusqu'aux arrière-plans (tout le dernier rang était pris par les immenses tambours « turcs ») était occupée par les musiciens en grande tenue de leurs régiments, ce qui présentait déjà un spectacle grandiose. Les meilleurs chefs d'orchestre des régiments de la Garde étaient au pupitre. Ces concerts étaient nommés « Concerts des Invalides » étant donné que toute la recette était destinée pour les œuvres des invalides de guerre. Les meilleurs chanteurs et cantatrices prenaient également leur concours gracieux à ces concerts « monstres ».

La province suivait les capitales, organisant partout des concerts de bienfaisance sur ce modèle avec les orchestres réunis des régiments de garnison.

P.F. VOLOCHINE

ОТ РЕДАКЦИИ

Ввиду стремительно растущих цен, с каждым годом становится труднее издавать журнал. На покрытие расходов, связанных с его изданием, Редакция располагает **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СУММОЙ ДЕНЕГ**, которые вносятся подписчиками и читателями «**ВОЕННОЙ БЫЛИ**».

Благодаря щедрой и жертвенной, добротной помощи всех тех, кто любит и ценит журнал, нам удалось преодолеть денежный кризис 1972 года не повышая подписную плату, с сентября 1972 года (см. № 124).

Но со следующего цикла №№ 131-136, редакция вынуждена повысить цену и установить новую систему подписки на журнал:

Подписка на цикл 131-136 — 50 фр. фр.
— 1 № — 10 фр.

— 12 дол. в странах заокеанских — 1 № 2.50 плюс — любая сумма по возможностям каждого, кто может, специально на поддержку журнала. Это не вменяется никому в обязательство.

Редакция уверена, что все, кто правильно понимает значение для военно-исторического дела нашего журнала, поймут наш призыв к поддержке журнала.

Всем за это низкий поклон.

Особая просьба к гг. подписчикам **НЕ ПОСЫЛАТЬ ДЕНЕГ ПОЧТОВЫМИ МАНДАТАМИ**, а исключительно чеками или переводами на наш почтовый счет С.С.Р.

LE BRIQUET

L'Amicale des Collectionneurs de Figurines du Centre Loire fait paraître, chaque trimestre, un bulletin « LE BRIQUET », contenant des articles rédigés par une équipe de collectionneurs chevronnés.

Chaque bulletin comporte en outre 6 planches d'uniformes imprimées sur « bristol » permettant de les peindre et dessinées spécialement par les peintres militaires et collectionneurs les plus compétents : de BEAUFORT, FORTHOFFER, LELIEPVRE, NORTH, RIGO, etc.

La plupart des articles sont consacrés aux armées du 1er empire.

De plus, vous trouverez dans chaque numéro un article accompagné d'une planche sur les Têtes de colonnes d'Infanterie ou de Cavalerie.

Si vous êtes intéressé, voulez-vous juger notre bulletin par vous-même ? Dans l'affirmative faites-nous parvenir 8 F. en timbres ou à notre compte chèque postal. Nous vous enverrons un numéro spécimen.

A.C.F.H.C.L., 19, rue de la République — 45 - ORLEANS, C.C.P. ORLEANS 1016-42

« LE PASSÉ MILITAIRE »

Revue illustrée, bilingue paraissant tous les deux mois, et traitant de l'Armée et de la Marine Russe.

Abonnement pour 1974, №№ 125-130 : 40.00 francs. Amérique, Australie — 10 \$

Adresse de la rédaction : 61, rue Chardon-Lagache — 75016 — PARIS ☎ 647 72-55

C.C.P. Paris 3910-12

S. ANDOLENKO

« INSIGNES RÉGIMENTAIRES DE L'ARMÉE IMPÉRIALE RUSSE »

Editions « Tanaïs » Paris 1966

Manuel à l'usage des amateurs et collectionneurs. Insignes des corps de troupe et des écoles militaires. Texte russe, présentation et sous-titres en français. Préface en 4 langues. Volume 17 × 25, relié, 230 pages, 487 clichés, 40 francs.

TIRAGE TRES LIMITE

Adresser commande avec montant à: « LE PASSE MILITAIRE »

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ
КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Г. Р. ВАНТЦ — В море и на суше — 12 фр.
В. Н. фон-ДРЕЙЕР — На закате Империи.
— 15 фр.
А. ГАЙРАБЕТОВ — Сборник военных по-
сен — 20 фр.
Князь П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого
— 10 фр.
КИРАСИРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — По-
следние дни мирной жизни 10 фр.
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера.
— 20 фр.
Н. МАНТУЛИН — Песенник русского
воина — 25 фр.
ПАМЯТКА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕ-
РИЙСКОГО УЧИЛИЩА — 40 фр.
О. И. ПАНТЮХОВ — О днях былых —
35 фр.
С. Н. РЯСНЯНСКИЙ — О Российском во-
инстве — 12 фр.
К. Р. — Полное собрание сочинений тома
I-III — 60 фр.
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КНЯЗЯ КОН-
СТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е
издание — 15 фр.
Н. ТУРВИН (Л. П. Линевиц) — По старому
следу: Сборник рассказов — 15 фр.
А. И. ШЕЛОУМОВ — Папка с 20-ю цвет-
ными репродукциями батальных кар-
тин (размер 24 x 31 см.) 30 фр.
СЕРГЕЙ ШПАКОВСКИЙ — Памятка 14
пехот. Олонецкого Короля Сербского
полка — 6 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»
МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue
Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских
книжных магазинах.

Германия — у И. Н. Горяинова — Ham-
burg-Postamt 33, Deutschland. Postla-
gernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bred-
gade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemoren-
se 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — в Обще - Кадетском
Объединении у Г. А. Куторга — 272,
2 Avenue San-Francisco 18, Cal.
Сев. Амер. С.Ш. у князя Кудашева.
521 W 185 str. Ap. 2 D
New-York 10033.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 52,
Albert Rd. Stratfield 2135 N.S.W. Aus-
tralia.
б) у В. П. Тихомирова:
5, Fuller Str. F. 12
Walkerville S. Australia 5081

Аргентина — у Г. Г. Бордокова —
Ibera 2768 BUENOS - AIRES Argentina

№ 129

Сентябрь 1974 года

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

ВОЕННАЯ СЛАВА

LE PASSÉ MILITAIRE



ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» с глубокой скорбью извещает о кончине своего дорогого сотрудника лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка подполк.

Князя ИГОРЯ МИХАЙЛОВИЧА ЧЕРКАССКОГО

Последовавшей в г. Брюсселе.

Общество бывших кадет Первого кадетского корпуса и Обще-Кадетское объединение во Франци с глубоким горем извещают о кончине своих дорогих однокашников:

Гвардейского Жандармского полузскадрона полк. **ДМИТРИЯ СТЕПАНОВИЧА ШЕВИЧ**
вып. 1903 г.

145 пехотного Новочеркасского полка капитана **ПЕТРА ИЛЬИЧА КАЛУЧИНА** вып.
1913 г.

Редакция журнала с глубоким горем извещает о кончине своего дорогого сотрудника и друга

16 стрелкового Императора Александра III полка подполковника

ВЛАДИМИРА ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧА АЛЬМЕНДИНГЕР

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

От редактора « <i>БОЕННОЙ БЫЛИ</i> »	1
Действия конницы под Кюрюк-Дара — <i>полковник князь Н.С. Трубецкой</i>	2
Образование флота Добровольческой армии — <i>П.А. Варнек</i>	10
26 дней на реке Сан — <i>В.Е. Милоданович</i>	21
«Заря с церемонией» — <i>Александр Ветлиц</i>	28
Послесловие к статьям К.Р.Т. — <i>К.Р.Т.</i>	30
Медалист Висковатов — <i>Евгений Молло</i>	36
Обзор военной печати — <i>К.П.</i>	21
О намерении Пугачева учредить медали — <i>Евгений Молло</i>	37
На немецких минах на Дунае — <i>А.Н. Пестов</i>	38
Памяти трагически погибших офицеров — <i>А. Волков</i>	40
От Редактора. Письма в редакцию	41
«Архивы Русской Эмиграции» — <i>Алексей Геринг</i>	42
Note du Redacteur du « <i>Passé Militaire</i> »	43
Ordres et Décorations de la guerre civile 1917-1922 — <i>P.V. Pachkoff</i>	44
Décorations et Distinctions en Russie seigneuriale — <i>Eugène Mollo</i>	52
Assemblée des Chevaliers de l'Ordre de Saint-Georges — <i>G.K.</i>	53

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

XXIII Год издания

№ 129 — СЕНТЯБРЬ 1974 г.

BIMESTRIEL. Prix — 7,-Frs

От Редактора «Военной Были»

С тяжелым чувством я обращаюсь к вам, дорогие сотрудники, подписчики и читатели «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

ЭТОТ 129-й номер будет ПОСЛЕДНИМ номером выходявшего 24 года нашего журнала. Нелегко мне было решиться на этот шаг но все возрастающие материальные трудности и мое испугавшееся здоровье вынуждают меня прекратить выход нашего журнала.

Я знаю что многих это известие печалит, но твердо надеюсь, что никто не осудит меня за это решение и постарается правильно понять.

В последние годы я уже неоднократно писал о трудном финансовом положении журнала и обращался с призывом помочь. И многие откликнулись в меру сил, помогали, что, в какой то степени, помогло мне выпустить еще несколько очередных номеров. Но дальше так продолжаться не может. Слишком большие деньги еще потребуются в будущем, совершенно неизвестно даже какие, при все растущих ценах. Нужны были бы еще многие и многие новые подписчики, а, наоборот, с годами их становится все меньше и меньше.

Кроме нормальной редакторской работы, с самого основания журнала вот уже почти 24 года вся административная работа, финансовая часть и прочее лежали на мне одном... Переживаемые мной трудности — журналом трудности, связанные с ними волнения и заботы, да и немалые уже, мои годы сильно подточили мое

здоровье, и я не в силах работать так, как работал все эти долгие годы и как мне следовало бы работать, для того чтобы проделывать вести журнал.

Заканчивая издание «ВОЕННОЙ БЫЛИ», я мысленным взором окидываю содержание всех номеров, от первого до последнего, и вижу сколько было сделано за это время всеми, кто потрудился со мной на этом поле, широком и обширном поле русской военной истории. Всем сотрудникам журнала мой низкий и сердечный поклон. Придет время, и на шобций труд будет оценен русскими военными историками. Многие из военного прошлого России запечатлено правдиво и уже навсегда. Напечатанные статьи и заметки вносят свою каплю труда в восстановление истинного хода больших исторических событий и дают им, как мне кажется, правильную оценку. Они знакомят читателя с подлинным бытом и жизнью русской военной среды, дают ценные сведения о часто малоизвестных особенностях формы, орденов, медалей и прочих знаков отличия Российской армии и флота. В свое время все это будет ценнейшим материалом для будущих военных писателей и историков, когда настанет время восстанавливать истинный лик военной истории на нашей родине.

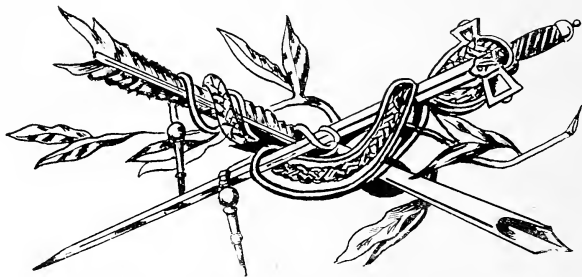
«ВОЕННАЯ БЫЛЬ», это наш вклад в великое дело строительства России, и мы уверены что вся наша работа была проделана нами недаром и пусть это сознание нам послужит большим удовлетворением.

Моему верному помощнику Константину Михайловичу Перепеловскому, дорогим бескорыстным сотрудникам журнала, его представителям, в особенности неизменному почти с основания журнала Георгию Александровичу Курторга, глубокоуважаемой Александре Федоровне Серебряковой, верному другу журнала, несшему на себе всю тяжесть переводов и правку статей нашего французского отдела, всему техническому составу 1-й Украинской типографии в Париже, во главе с ее директором, в течение многих лет рабствовавшим с нами и всегда шедшим навстречу всем нашим пожеланиям и,

креме журнала, напечатавшим свыше двадцати изданных нами брошюр и книг.

Всем вам, мои дорогие друзья по журналу, посмеюсь мне осуществить нелегкую работу, задуманную мною почти четверть века тому назад и ныне только силою внешних обстоятельств остановленную, я посылаю мой прощальный привет и самую искреннюю благодарность за сказанную мне ценнейшую помощь в трудном деле, началом мною и осуществленном исключительно благодаря вашей ценной помощи и поддержке.

Алексей Геринг



Действия конницы под Кюрюк-Дара

24 ИЮЛЯ 1854 ГОДА



6 августа (24 июля по ст. ст.) 1929 года исполнилось 75-летие Кюрюк-Даринского сражения, коим решилась летняя кампания 1854 года в Малой Азии. Этот очерк не есть описание сражения, где 16 тысяч русских войск разбили 60 тысяч турок, а описание действий кавалерии, где, как выразился генерал-адъютант кн. З.Г. Чавчавадзе, поздравляя Кавказскую кавалерийскую дивизию в 1904 году, в день 50-летней годовщины: «Кавалерия ложилась костями,

чтобы вырвать победу». В описании не будут упоминаться имена Северцев и Переяславцев только потому, что они еще не составляли отдельных частей: Северцы были тогда еще Нижегородцами, а Переяславцы — Тверцами.

Состав кавалерии был следующий: начальник ее — генерал-лейтенант А.Ф. Багвут, носивший Георгия 3-й степени за Башкадыкляр (1853 г.). Сводная драгунская бригада, только в мае месяце прибывшая из России, в составе полков: драгунского генерал-фельдмаршала графа Паскевича Эриванского (Новороссийского) — 10 эскадронов; драгунского Великого Князя Николая Николаевича (Тверского) — 10 эскадронов; бывших уже на Кавказе: драгунского Наследного Принца Виртембергского (Нижегородского) — 6 эскадронов (первые два дивизиона находились на Лезгинской линии, в Кахетии); Донского № 20 казачьего — 5 сотен; Сборно-Линейного № 1 казачьего полка в составе 6 сотен; такого же полка № 2 трехсотенного состава; Конно-мусульманской бригады пол-

ковника кн. Яссе Андроникова из полков № 1 Карабахского и № 2 Ширванского, всего 12 сотен; двух сотен охотников полковника М.Т. Лорис-Меликова и Донских конно-артиллерийских казачьих батарей № 6 и № 7. Всего 26 эскадронов, 14 сотен казаков, 14 сотен милиции и 16 конных орудий.

Какое был нравственный элемент этих частей? Если у кого-либо из Нижегородцев и давали себя чувствовать Башкадыклярские раны, то полк был зато покрыт свежими лаврами и имел во главе своего доблестного командира князя Язона Чавчавадзе, удостоенного за подвиги своего полка Георгия 3-й степени. В рядах полка были уже новые Георгиевские кавалеры, майоры Ф.К. Барковский, В.А. Петров и кн. З. Г. Чавчавадзе, Добрая половина драгун была украшена крестами, а трубачи гордились новыми серебряными трубами, полученными полком за этот бой.

Новоросийцы и Тверцы, если и не имели свежих лавров, то, конечно, как выделенные из всего драгунского корпуса самим Императором Николаем 1-м, горели пламенным желанием опровергнуть доверие Государя, что они и доказали на деле.

Кавказские линейные казаки уже давно стяжали себе боевую славу в долговременной борьбе с храбрыми горцами, а за Восточную войну, сражаясь наравне с регулярной конницей, явили новые подвиги мужества и героизма. Командовали ими такие достойные начальники как Георгиевский кавалер полковник А.Ф. Камков, командир 1-го полка, и флигель-адъютант полковник Д.И. Скобелев, командир 2-го полка.

Если донцы и уступали вначале качествам линейцев, то только потому, что эти полки не находились постоянно в боевых действиях, но скоро и они сравнивались со всеми в бесстрашии. Зато донские батареи были легендарны своими действиями, и особенно славилась на Кавказе 7-я батарея полковника Ф.Е. Долотина.

Полки Конно-мусульманской бригады, руководимые регулярными офицерами, были храбры, но требовали за собой строгого надзора. Лучшим полком из них был 1-й Карабахский, более исправный как всадниками, так и лошадами и оружием.

Оригиналы были сотни охотников полковника М.Т. Лорис-Меликова. Это был своего рода иностранный легион, состоявший из людей всякого звания и состояния. Тут были и грузины, и жители наших мусульманских провинций, и армяне, как турецкие, так и наши, беглые от нас и от турок карапахи, турецкие греки и даже один русский. Беспардонная дружина эта отличалась отвагой, расторопностью и хорошим знанием местности. Трудно было сохранять между ними строгий порядок из-за

беспрестьянного прилива и отлива всадников, записывавшихся в сотни и часто произвольно уклонявшихся от явки. Среди них всегда можно было найти лазутчиков и проводников, ибо все они имели повсюду своих родных и знакомых. Они любили перестрелку с неприятелем, отчаянно помогая всякой добычи, но все поручения исполняли с верностью и, в общем, оказывали нам большие услуги.

Анатолийская армия противника была лучшей в Турции. Регулярная пехота была обучена по французскому уставу, и в ней особенно выделялись арабистанские полки, служившие ей опорой. Сверх того, в ней было четыре штуцерных стрелковых батальона, из коих один — султанской гвардии, набравшийся из горных жителей района южнее Смирны; он отличался от прочих видом, одеждой и военной подготовкой. Кавалерия состояла из улан, сильно пострадавших в кампанию 1853 года, курдов и башки-бузук. Артиллерия была особенно хорошо обучена и имела исправную материальную часть. Лучшими начальниками были Керим-паша, турок старого закала, командовавший арабистанской дивизией и пользовавшийся большим уважением, несмотря на то, что был без образования, и также Измаил-паша, венгерец по происхождению, по фамилии Кмети.

Кампания 1854 года началась 15 июня переходом границы Александропольским корпусом генерал-лейтенанта В.О. Бebutова. Перед войсками развернулась знакомая многим картина: впереди возвышался Карааял, влево от него лежало Башкадыклярское поле, на котором еще виднелись могилы и кресты, следы прошлой битвы, а вдали, на самом горизонте виднелась длинная полоса турецких палаток. Это была турецкая анатолийская армия, расположившаяся лагерем около дер. Хаджи-Вали.

На девятый день похода русские обогнули Карааял и стали по другой его стороне, между дер. Кюрюк-Дара и Полдырган. На этих позициях, разделенных лишь двадцативерстным пространством, противники простояли целый месяц, и ни та, ни другая сторона не решалась перейти в наступление. Происходили только аванпостные стычки и перестрелки, преимущественно между линейцами и сувары (турецкая конница), драгуны же оставались всегда в резерве, и вся их служба проходила в дальних фуражировках. Это полное затишье принудило турецкого главнокомандующего Зариф-Мустафу-пашу решиться самому перейти в наступление, и им был принят план начальника штаба, генерала французской службы Гюйона, предложившего, пользуясь огромным превосходством в силах, атаковать русских с фронта и с правого фланга, выслав конную милицию в обход обоих флангов, для перерыва сообщений с Александрополем. Наступление было

назначено на 24 июля, причем 22-го ночью лишние тяжести и обозы были отправлены в Карс.

Это не ускользнуло от внимания кн. Бебутова, к которому в лагерь явились 23-го два армянина и рассказали о виденном, добавив, что «ночью турки куда-либо пойдут. В палатках все уложено, сувари поседлали коней, у пушек лошади в хомутах, низаму роздали ром». Это сообщение вывело из бездействия и кн. Бебутова, который, зная о неудовольствии Императора Николая 1-го медленностью военных действий и предполагая, что турки предпринимает отступление к Карсу, решил перейти в наступление на карсскую дорогу и, если представится случай, атаковать турок с фланга и с тыла. Отсюда видно, что бой под Кюрюк-Дара был типичным встречным боем, когда обе стороны готовились к нападению в один и тот же день и, несмотря на присутствие массы кавалерии, ни та, ни другая сторона не имела верных сведений о противнике.

В ночь на 24 июля, предполагая нас еще в лагере, турки выступили двумя колоннами: правая, под начальством Керим-паши, силой в 19 батальонов и 16 эскадронов при 22 орудиях, должна была, примыкая правым флангом к Караялу, наступать с фронта, а левая, под начальством генерала Измаила-паши, силой в 22 батальона, 22 эскадрона и 48 орудий, предназначалась для решительной атаки на наш правый фланг после ослабления нас атакой колонны Керим-паши. 14 тысяч баши-бузук, разделенных на две массы, были направлены в обход обоих флангов, а на поддержку послано на гору Караял четыре стрелковых батальона.

У нас тоже вечером 23 июля кн. Бебутов приказал снимать лагерь и всему обозу стянуться в вагенбург у дер. Поддырван. Ранцы приказано было оставить, взять сухарей на 4 дня, а воду иметь в манерках.

В час ночи части стали выстраиваться перед лагерем. Ночь была безлунная, небо чистое и звездное. В 3 часа утра 24-го двинулись на сел. Мешко (по карсской дороге), так как не было известно, по какому направлению выступили турки. В авангарде следовали две сотни полковника Лорис-Меликова, три сотни Скобелева и Кавказский стрелковый батальон (ныне 1-й Кавказский стрелковый полк, славные Гомборцы). Казаки и охотники шли сперва цепью впереди, прикрывая фронт, а затем начали распыляться по Караялу. За авангардом двигалась в двух параллельных колоннах вся пехота с пешими батареями, имея по сторонам: слева — Конно-мусульманскую бригаду, а справа — Сборно-линейный полк Камкова. За пехотой шли драгуны, донцы с конными батареями и остальная милиция. Нахождение конницы в хвосте объясняется, вероятно, тем, что шли

ночью.

Не успели отойти и трех верст, как стала заниматься заря. Оконечность Караяла была теперь далеко позади, почти в тылу отряда, и лежала прямо на восток, и сразу наступивший рассвет открыл перед нами всю анатолийскую армию турок,двигающуюся большими колоннами на наш покинутый лагерь. Двигаясь совсем в противоположную сторону, мы в этот момент находились как раз на фланге неприятеля. Воспользоваться выгодным положением было уже нельзя, турки наступали уступами и могли взять нас во фланг и тыл, а в случае неудачи путь отступления на Александрополь был бы отрезан.

После недолгого колебания князь Бебутов решил повернуть назад и строиться параллельно. Построение фронта назад в виду неприятеля могло вызвать суматоху, но все, даже простые солдаты, ясно видели опасность нашего положения и ни у кого не было тени колебания, сомнения или растерянности. Это была чудная Кавказская армия, которую нельзя было озадачить ничем.

Как только повернули назад, сотни полка Скобелева быстро сосредоточились вместе и получили приказание обеспечить фланг, удерживая за нами Караял. За ними двинулись под командой генерала Белявского: Белевский егерский полк (3 батальона), один батальон Тульского егерского полка, Кавказский стрелковый батальон и легкая батарея (18-й бригады) получившие приказание как можно скорее захватить Караял, к которому мы хотели пристроиться левым флангом.

Тем временем линейкой заметили, что он занят, остановились и развернулись против оконечности Караяла, от которого вправо стояли около 10 турецких батальонов с 18 орудиями. За горой были резервы, а далее, еще правее и вдалеке, массы неприятеля двигались в обход нашего правого фланга.

Подходя к Караялу, генерал Белявский нашел его уже занятым, и атаковать его теперь, под угрозой нападения с фланга, было уже нельзя. Решили бросить его совсем и продвигаться вперед так, чтобы он находился сзади, и сначала отгеснить правое неприятельское крыло, а затем атаковать центр и левый фланг противника. Для того, чтобы турки не спустились с Караяла, против него был оставлен заслон из одного батальона пехоты, четырех эскадронов Новороссийцев и четырех орудий. Этот отряд должен был, если нужно, умереть, но не пропустить турок.

Для прикрытия движения генерала Белявского вправо, то есть откуда наступал неприятель, были высланы драгунские полки Нижегородский и Тверской с конной батареей Долотина и три сотни донцов № 20 полка с ракетною

командою. В 5 часов 30 мин. утра они встали в линию, а правее их, в центре, стали разворачиваться Грузинцы и Эриванцы с тремя батареями Кавказской гренадерской артиллерийской бригады с общим резервом, а правый фланг составили мусульманская бригада, линейный Камкова и 6 эскадронов Новороссийцев с Донской № 6 батареи.

Теперь боевая позиция обозначилась уже ясно: Нижегородский полк расположился уступом правее Белевцев, а еще правее, то есть ближе к туркам, — Тверцы. Турки открыли огонь первыми, первоначально по сотням Скобелева, когда же подошли драгуны и Донская батарея, то под прикрытием казаков доңцы, снявшись с передков, начали посылать туркам ядро за ядром. Артиллерийский огонь разгорелся по всей линии, но особенно сильный вред наносил нам штуцерный огонь правого крыла.

Против Тверцов свирепствовала сильная батарея, и солдаты, не бывшие еще в делах, стали колебаться. Попытка генерала Белявского атаковать неприятельских стрелков успеха не имела. Тогда генерал Багвут послал приказание Тверскому полку атаковать батарею вредившую нашему левому флангу. Выскочив вперед, генерал граф Нирод, командир Сводной бригады, приказал командиру полка полковнику Куколевскому вести полк в атаку.

Десять эскадронов, очертя голову, ринулись карьером на эту батарею, только строй медных касок сверкал из-под пыли. Впереди, на белом коне скакал граф Нирод. Более двадцати орудий били по полку с фронта и с фланга перекрестным огнем, но драгуны молча, без «ура», неслись прямо на 12-орудийную батарею. Ее прикрытия отшатнулось назад, батарея дала последний залп и больше не заряжала, прислуга была изрублена, но увлеченные боем драгуны расстроили фронт и с непривычки не могли быстро собраться. Противник тем временем опомнился, окружил полк и поражал его огнем.

В эту минуту из-за Караяла показались турецкие уланы. Полковник Куколевский заметил это и, хотя и раненный в руку, собрал полк и вторично отбросил пехоту, но, к сожалению, драгуны опять не остановились вовремя, пронеслись дальше и столкнулись со свежими турецкими батальонами. Они приняла влево и встретились здесь с двумя турецкими уланскими полками, выскокшими из-за Караяла. Тогда они взяли еще левее и кинулись назад, в промежуток между Белевцами и горой Караял. Турецкие стрелки осыпали их огнем с Караяльского ската, уланы гнались за ними. Таким образом полк описал дугу, начав атаку с правой оконечности нашего левого фланга и окончив ее уже за левой. Тверцы успели увезти только четыре орудия, но батарея была уничто-

жена, и это много облегчило нас. В этой атаке особенно отличился командир 1-го дивизиона полковник Н.С. Рыкачев и штабс-капитан П.Е. Жиленков, взвзый с боя, во главе эскадрона, два орудия.

Тем временем шесть турецких батальонов ударили в барабаны и двинулись против Белевцев, Тульцев и стрелков, которые не выдержали и стали подаваться назад. С Караяла это увидели, и среди турок раздались неистовые крики восторга. Описывая этот момент сражения, князь Бебутов доносил: «Момент был критический. Но тут стоял неподбедимый Нижегородский полк, который, жертвуя в минуту необходимости правилами тактики, в шестизэскадронном составе, без артиллерии, ринулся на целую линию штуцерных батальонов». Атака началась по-дивизионно. Наклонив пики, пикинерный дивизион полковника И.Е. Тихоцкого первым понесся в атаку. Турки свернулись в каре. Выдержав два залпа в лицо, пикинеры врзались в пехоту. Командир 9-го эскадрона (ныне 3-й Северцев) штабс-капитан граф О.Ф. Менгден получил тяжелую рану в грудь. Здесь были ранены поручик И. Вихман, прапорщики П.И. Готовицкий и И.П. Суринов, а прапорщик Н.Б. Баснин был убит.

Турецкие батальоны стояли стеной, смыкались над телами товарищей и отбивались штыками. Пикинеры отсочили, но тут же, под сильным ружейным огнем, в каких-нибудь 50 шагах стали строиться вновь.

Не давая неприятелю двинуться с места, 3-й дивизион майора В.А. Петрова тотчас же сменил пикинер, и снова завязался отчаянный бой. Оба эскадронные командиры: 5-го — капитан В.Я. Батиевский и 6-го — капитан А.М. Резанов, были сражены. В песне поется про 3-й дивизион:

«Пять раз ходил в атаку,
Пять раз вертался вновь,
В ту памятную драку
Везде лилася кровь.

Два наших командира
Погибли на штыках,
Петров был ранен также,
Но все стоял в рядах».

Его лошадь подняли на штыки. Тут были ранены поручики И.А. Петров 2-й, М.О. Мамулов, а прапорщик Ф.В. Драгилев, пробившийся до середины каре, получил шесть ран. Но и 3-й дивизион был отбит. Его мгновенно сменил 4-й дивизион.

Дивизион этот, еще стоя на месте, потерял своего достойного командира, полковника К.К. Шульца, раненного в голову пулей, которая пробила ему левый висок, обогнула череп и оста-

новила у правого уха. Он упал, его сочли убитым, и два драгуна подбежали, чтобы поднять его, но он превозмог боль, сел на коня и стал перед фронтом. От потери крови он снова упал в обморок. Тогда его отнесли на перевязочный пункт. Дивизион повел в атаку командир 7-го эскадрона (1-й Северцев) майор кн. З.Г. Чавчавадзе. Едва эскадрон перешел в карьер, как случилось обстоятельство, никем не предвиденное, но имевшее огромное влияние на весь ход боя. Завидя издали опасное положение полка, полковник Долотин выслал сюда четыре орудия, которые под командою храбрейшего есаула А.П. Кульгачева, понеслись вперед и, перерезав драгунам дорогу, снялись с передков. Вот на эти-то орудия наскочил на полном карьере дивизион и с ними перепутался, а на турецкие батареи ударили только 8-й эскадрон (ныне 2-й Северский) капитана М.М. Колмыкова и половина 7-го эскадрона. Но это был геройский полудивизион, состоявший почти весь из Георгиевских кавалеров. Тридцать из этих героев легли на турецких штыках, и только ничтожная горсть с самим князем Захарием Чавчавадзе выбилась назад из этих страшных каре. Сам Чавчавадзе был ранен пулею в шею, но остался в строю.

Между тем турки сосредоточили штуцерный огонь на донских орудиях, и через несколько минут почти вся прислуга и лошади лежали перебитыми у своих орудий. Под Кульгачевым была убита лошадь, а есаул Ренсков был ранен в голову. Оставшиеся в живых донцы поспешно оттащили два орудия, но другие два, без передков и без прислуги, остались на месте. Тогда турки бегом спустились вниз и с громкими криками захватили эти орудия.

Говорят, есаул Кульгачев, на свежем коне, подскакал к Нижегородцам и закричал им: «Нижегородцы, смотрите, как берут ваши пушки!»

Громко заговорила в сердцах храбрых Нижегородцев старинная слава полка: они призывали брать неприятельские орудия, но не отдавать своих никогда!... Полковник Тихоцкий с пикинерами, слева, полковник князь А. М. Дондуков-Корсаков с двумя драгунскими дивизионами, справа, ринулись на турок. Удар был ужасный, передние шеренги батальонов свалились под грозными шашками, орудия были брошены, но только что драгуны взялись их увезти, как турки бросились в штыки и снова овладели пушками. Нижегородцы отскочили, устроились опять, одна атака сменяла другую, но турецкая пехота стояла твердо, а орудия, как безмолвные жертвы, одни стояли между драгунами и неприятелем, заваленные телами наших и турок.

Как раз в это время к генералу Багговуту прискакал ординарец князя Бебутова с прика-

занием взять Нижегородцев и спешить к правому флангу, который теснили турки. «Нижегородцы все в работе, — ответил генерал, стоявший, буквально под градом пуль и картечи. — Нет никакой возможности вырвать их из дела. Возьмите линейцев, доложите, что видите!» Казаки Скобелева помчались во весь дух на правый фланг. Но вот опять скачет другой ординарец: «Возьмите, что можно, и спешите на правый фланг!» Багговут сдал начальство графу Нироду и повел с собою 3-й дивизион Тверцов и три сотни донцов с ракетною командою.

Нижегородцы между тем повторяют удар за ударом, но они уже не представляли из себя стройного полка, всем уже не распоряжался никто, его вели сами солдаты. Привычные к бою, они рассыпались при неудаче, но скоро опять находили свои места или тут же строились во взводы и под командою своих унтер-офицеров снова бросались в атаку. Эти грозные остатки славного полка, твердые духом, держали неприятеля на месте, не позволяя ему тронуться вперед ни на шаг. «Умрем, ребята, но, покуда живы, не пустим турок!» — слышалось в рядах.

«В тот день легло не мало
Господ, простых солдат,
За тем, что перед смертью
Не пятились назад».

А в стороне от этого побоища стоял их старший командир полка, князь Язон Чавчавадзе, на сером своем коне и, по словам реляции, время от времени только молча поднимал свою шашку. И по этому немому призыву драгуны смыкались в кучки и снова бросались на турецкие батальоны. Он не распоряжался ничем, да ему незачем было распоряжаться. Он видел, что его драгуны сделали все, что могли, и оставалось сделать немногое: умереть. И он был уверен, что его полк умрет, но не сдает своего места. Возле него тяжело ранен полковой адъютант, штабс-капитан Н.А. Кузьмин-Караваев, убит штаб-трубач, падают один за другим конвойные. Вдруг серый конь взвился на дыбы и сейчас же грохнулся об землю. Князь подвели другого коня, но не прошло и нескольких минут, как и он уже лежит с перебитой ногой. Князю Язону подвели третью лошадь, но едва он поставил ногу в стремя, осколок гранаты контузил его в поясницу и князь опрокинулся на руки стоявшего за ним унтер-офицера. Он пренебрег страданием, сел опять на коня, и его высокая, сухоощавая фигура, с белым крестом на шее, вновь стоит, как отлитая из бронзы конная статуя, на виду у всех.

Под таким адским огнем пехоты и артиллерии держаться было невозможно, потери росли

с каждой секундой. Князь Дондуков-Корсаков тоже уже ранен в плечо, и драгуны вывели его из боя. Истерзанные, драгуны отходят наконец назад, а спорные пушки все еще стоят посередине, недоступные ни той, ни другой стороне. Весь арабистанский батальон лежит лоском вокруг них. Но вот какой-то высокий турецкий офицер, размахивая саблём, бросается вперед и берется за зобот орудия... «Выручайте пушки!» — кричит князь Захарий Чавчавадзе, и драгуны, перемешанные между собой, нестройною толпой бросаются за ним, забрызганные своей и чужой кровью, на турок. Здесь упал в этот момент штабс-капитан С.С. Григорович 1-й, простреленный в живот, и был ранен капитан А.Н. Свистунов. Он был некогда конногвардейским поручиком, вышел в отставку и на гражданской службе достиг чина действительного статского советника. Перед войной Свистунов подал прошение о поступлении на военную службу, и Государь Николай Павлович приказал зачислить его в Нижегородский полк капитаном, соответственно прежнему его чину поручика гвардии. Государь также разрешил ему носить все ордена и даже звезды, за исключением лент 1-го класса. Он служил в 8-м эскадроне Колмыкова и поражал странном контрастом своего обер-офицерского мундира с красовавшимися на нем генеральскими звездами. Кроме Свистунова тут были ранены еще поручик А.Е. Андреев и прапорщики Е. Рейтер, Н.С. Григорович 2-й, Е. Колупайлов и Юсуф-Али Султанов.

Место боя на просторстве 150 шагов было усеяно людскими и конскими трупами. Из 33 офицеров, выехавших в дело, уже 23 выбыло из строя, из нижних чинов не осталось и половины (всего убито и ранено было 244 человека и 417 лошадей).

В то время, когда Нижегородцы геройски умирали, выручая левый фланг, пехота, вначале подавшая назад, остановилась под угрозой кавалерийской атаки турок, которые то появлялись из-за Караяла, то скрывались, и она, действуя строго по уставу, только и делала, что свертывалась в каре. Наконец полковник Тихоцкий, единственный штаб-офицер, оставшийся в рядах Нижегородского полка, сам поскакал к пехоте и «со свойственной ему энергией» вывел ее из бездействия. Но как только барабаны ударили у нас «в атаку», турки, вконец измененные боем и потрясенные нравственно этой кровавой борьбой с горстью нашей конницы, стали наконец отступать, главным образом под напором Кавказских стрелков (Гомборцев), шедших в штыки.

Нижегородцы удачно поймали этот момент и кинулись в атаку. Турецкие батальоны были наконец прорваны, и 10-й эскадрон капитана М.П. Суринова (ныне 4-й) забирает неприятель-

ские орудия вместе с нашими двумя пушками, залитыми кровью и заваленными телами убитых. К счастью, Тверцы, оправившиеся после своей блестящей атаки, вошли в линию правее Нижегородцев и стали помогать им в кровавой работе.

Не было еще 8 часов утра, а правый фланг турок бесспорно проиграл дело, их пехота отступила к Огузлам, а за нею и кавалерия. Караял молчал, и занимавший его отряд, боясь быть отрезанным, поспешно скрылся через Башкадыклярское поле. Заслуга драгун была громадна. Они сдержали напор всего правого фланга, и жертва их была необходима.

Что же делалось на остальных участках поля сражения? В центре отчаянно бились Грузинцы и Эриванцы, и около 9 часов им удалось сломить сопротивление неприятеля и занять высоты, обратив в полное отступление турецкий центр. Хорошо, что вовремя был замечен обход нашего правого фланга. Линейцы Скобелева примчались туда в самую нужную минуту. Сюда же спешили и Новоросийцы и, как мы видели, князь Бебутов отправил сюда и генерала Багговута, а из резерва послал 6 рот Рязжского пехотного полка. Около 7 часов утра турки собрали тут до 15 батальонов с тремя батареями, несколько кавалерийских полков и милицию. Густые толпы баши-бузук теснили линейных казаков Камкова и конно-мусульман, стараясь зайти им в тыл. Еще в начале сражения сотни, рассыпав цель фланкеров, открыли перестрелку, но вследствие своей малочисленности нигде не имели перевеса. С прибытием подкреплений, чтобы сдержать напор пехоты и многочисленной конницы противника, генерал Багговут, принявший начальство, выслал вперед конно-ракетные команды под прикрытием трех сотен донцов и шестнадцать огненных змей с шумом и треском влетели в толпы баши-бузук и, внося в них смятение, заставили их отхлынуть. Пользуясь этим, казаки Скобелева, поддержанные линейцами Камкова и донцами, стремительным налетом атаковали турок. Увеличенные преследованием казаки проскочили далеко сквозь интервалы турецких батальонов и, появившись с тыла, ударили на наружный фланг пехоты, которая успела в то время остановить наступавшие 6 рот Рязжского полка, начинавшие нести большие потери от огня турок.

Командир Рязжев полковник Ганецкий прискакал к генералу Багговуту: «Ради Бога, атакуйте их скорее, поддержите мои батальоны! Мы не в силах держаться!» — сказал он. Тогда генерал Багговут вызвал пикинерный дивизион Новоросийцев и 3-й Тверцов.

Две турецкие батареи поддерживали наступление своей пехоты. Один батальон шел спереди, другой сбоку, и только безотлагательная

атака могла спасти Ряжцев. Раздалась команда: «Строй фронт! Карьер!» Турки дали залп, но не успели еще рассеяться густые клубы дыма, как наши драгуны очутились среди них. Закипел рукопашный бой, все перемешалось. Турки рассыпались кучками и продолжали отбиваться в одиночку. В то время, когда драгуны рьясью отъезжали назад, стоявший сбоку батальон турок открыл пальбу во фланг и, кроме того, за драгунами бросились вдогонку турецкие уланы. Пикинеры развернули фронт налево и понеслись навстречу. Уланы повернули и помчались прочь карьером, чтобы открыть фронт своей пехоте, открывшей огонь залпами.

Тут подоспели линейцы. Они вместе с Новороссийцами стали кидаться на ряды турок, но наткнулись на неподвижные, плотно сомкнутые штыки. Заметив это, генерал Баговут приказал 6-й Донской батарее открыть огонь по турецким батальонам, и после нескольких залпов пикинеры и линейцы опять бросились и захватили три орудия. Дивизиону Тверцов не посчастливилось. Переходя глубокую ложбину, они не заметили, что на окружающих гребнях, в густой траве лежали турки, которые пропустили их и, как только они развернулись, обстреляли их с тыла. Здесь был убит подполковник барон Корф, и драгуны оставили почти третью часть дивизиона.

Но турки дрогнули и стали отступать. Тогда, чтобы довершить начатое поражение левого фланга, князь Бебутов направил сюда последний свой резерв, — две роты Тульского егерского полка, а восемь эскадронов Новороссийцев получили приказание нанести последний удар, хотя и отступавшим, но не бывшим еще в деле турецким батальонам. Полк развернулся в линию и по команде своего командира, генерала Танутрова, пошел на рысях. Два турецких батальона остановились, чтобы отразить атаку. Противников разделял обрыв, усеянный камнями. Полк спустился шагом, устроился и вынесся в карьер. Турки дали залп, но поздно: Новороссийцы были уже на штыках. Поражение двух батальонов, прикрывавших отступление, заставило турок ускорить движение. И они стали бросать зарядные ящики, стараясь увезти орудия. Жара, а главное — усталость и полное изменение конницы сделали то, что преследования не было, если не считать высылки конно-мусульманских полков, да и те, пройдя четыре версты, стали.

Был двенадцатый час, когда по всей линии загремели барабаны, трубачи подхватили сигнал: «Отбой!» и русская армия стала на привал. Затем, прокричав три раза «ура», войска начали возвращаться в лагерь. Когда славные остатки Нижегородского полка небольшой кучкой подошли на сборное место, ближайший батальон Эриванского полка стал в ружье и при-

ветствовал их победным «ура». О подвиге Нижегородцев знало уже все русское войско.

Турки потеряли под Кюрюк-Дара около 3.500 убитыми и ранеными, 2.018 пленными. Было взято 6 знамен, 15 орудий и множество оружия и другой военной добычи. Наши потери были следующие: всего (с пехотой) офицеров убито 21, ранено 119, нижних чинов убито 578, ранено 2.336. В числе убитых были: в Новороссийском полку — поручик Грушецкий и прапорщик Левиз-оф-Менар; в Тверском полку — полковник Спицын, подполковник барон Корф, штабс-капитан Савич, поручик Иевлев и прапорщик Хоцкий; в линейном № 1 полку — есаул князь Аргутинский. О раненых сведений нет.

Награды за Кюрюк-Дара были щедрые. Недаром рассказывали тогда, что Император Николай, получив донесение о победе, сказал: «Князь Бебутов хотел удивить меня победою, а я удивил его наградою», и Бебутов получил Андреевскую ленту в чине генерал-лейтенанта, минуя Владимира 1-й степени, которого он не имел.

22 августа войска праздновали день коронации Императора. В лагерной церкви уже отошла обедня и началось молебствие, когда послышался почтовый колокольчик, и прискакавший фельдъегерь, войдя прямо в церковь, подал князю Бебутову залечатанный пакет. Его вскрыли. В пакете оказались знаки ордена св. Андрея Первозванного... Это была награда небывалая.

На князя тут же надели новую голубую ленту и, когда он вышел из церкви, войска встретили его дружным, неукротимым «ура». Все радовались его радостью, все считали себя награжденными в лице своего начальника. Бебутов обратился к стоявшему на правом фланге парада Нижегородскому полку и тронутым голосом сказал: «Драгуны Нижегородцы! С вами мне всегда счастье, с вами я получил за Кутиши Георгия на шею, за Башкадыклар вторую степень, с вами же удостоился теперь Андрея Первозванного. С вами и жить и умереть хорошо» Новое «ура» заглушило слова князя.

Тогда же узнали, что фельдъегерь привез Георгиевские кресты 3-й степени князю А. Барятинскому, начальнику штаба Кавказской армии, и генералу Э. Бриммеру, начальнику артиллерии. Начались новые поздравления. Солдатам роздали по две чарки спирта, весь лагерь пировал до самой зари, а песенники пели уже новую песню:

«Веселитесь, ребята,
Веселись наш командир:
Мы разбили супостата,
Слава нам на целый мир.

Князь наш Бебутов любимый
Царской милостью почтен,
Корпус наш неустрашимый
В командире награжден.

С белым крестиком на шее
Князь Барятинский вперед,
И солдату веселее,
Как начальник сам ведет.

А уж Бриммер не отстанет,
Белый крест свой обносит,
Бурей огненною гронет,
Супостата поразит.

Мы всегда рады стараться,
Не ударим в грязь лицом,
Если драться, так уж драться,
Каждый станет молодцом.

Пусть пожалуют к нам гости,
Валят, словно саранча,
Унесут ли гости кости,
Как ударим мы с плеча?

Как на ихни черны тучи
Приударит русский гром,
Мы размечем эти тучи
И на славу разобьем.

Битва с турком нам забава,
Вспомянем Кюрюк-Дара!
Князю Бебутову — слава,
Войску русскому — ура, ура!

Не имея возможности перечислить все награды, укажу только, что офицерам было пожаловано 26 Георгиевских крестов 4-й степени. В числе новых кавалеров в кавалерии были: в Новороссийском полку — командир 10-го эскадрона капитан Н.А. Соловцов 2-й и поручик Г.П. Иванов; в Тверском — командир 1-го дивизиона полковник Н.С. Рыкачев и штабс-капитан П. Жиленков; в Нижегородском полку кресты получили полковники князь Дондуков-Корсаков и И.Е. Тихоцкий и командир 1-го эскадрона капитан М.П. Суринов. Также были

награждены Георгиевскими крестами флигель-адъютант полковник Д.И. Скобелев и командир Донской № 7 батареи полковник Ф.С. Долотин и той же батареи есаул А.П. Кульгачев. Нижним чином было роздано 817 знаков отличия Военного Ордена.

По окончании Восточной войны Император Александр 2-й пожаловал следующие отличия частям: четырем дивизионам Тверского полка, а также пикинерному (5-му) Нижегородского — Георгиевские штандарты с надписью на них: «За отличные подвиги в сражении при Кюрюк-Дара 24 июля 1854 года». Для пикинер это была награда, выходящая из ряда обыкновенных, ибо у них штандарты не полагалось вовсе. Донскому № 20 полку — Георгиевское знамя с той же надписью. 3-му и 4-му дивизионам Нижегородцев — новые Георгиевские штандарты с прибавлением к имевшейся надписи новой: «и за сражение при Кюрюк-Дара». Новороссийцам — 17 Георгиевских серебряных труб с той же надписью, что у Тверцов. 7-й Донской батарее — тоже новые трубы с сохранением старого отличия, а всем сотням линейных казачков — знаки на папахи с надписью: «За отличие в 1854 году».

Еще при жизни Императора Николая Павловича последовал Высочайший указ, коим «Государь Император, обращая внимание на блистательное мужество, постоянное рвение и примерно усердную во всех отношениях службу драгунского Его Королевского Высочества Наследного Принца Виртембергского полка, доблестными подвигами своими заслужившему уже большую часть отличий, даруемых войскам, Всемиловитвейше жалует офицерам сего полка на воротники и обшлага присвоенных им курток золотые петлицы».

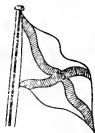
Золотые петлицы до того времени жаловались только артиллерии, а потому награда эта сразу выделила Нижегородцев из ряда других полков, не только кавалерийских, но и пехотных.

Вот с каким мужеством и беззаветной храбростью сражалась кавказская кавалерия под Кюрюк-Дара.

Полкownik Князь Н.С. Трубецкой



Образование флота Добровольческой армии



Первые попытки создать какие-либо морские силы, непосредственно подчиненные Добровольческой армии, были предприняты после занятия 25.7.18 (нов. ст.) Ейска казаками генерала Покровского. В порту оказался поврежденный крейсер пограничной стражи «**Ястреб**» и несколько малых буксиров и катеров. Кап. 2-го ранга Г.Ф. Дудкин был назначен командиром этого порта и последовало распоряжение откомандировать в Ейск морских офицеров. Немного позже начальником охраны побережья Азовского моря от Ростова на юг был назначен кап. 1-го ранга Н.Н. Дмитриев. Но уже 2 августа два буксира, укомплектованные морскими офицерами, выйдя из Ейска, высадили в Приморско-Ахтарской десант казаков, которые освободили от красных все побережье до Таманского полуострова, оккупированного в то время немцами.

26 августа 1918 года Добровольческая армия достигла Черного моря и заняла Новороссийск. Теснимая ею красная Таманская армия, под обстрелом стоявшего в порту немецкого тральщика, ринулась по береговому шоссе на юг. Опрокинув 28.8 у Архипо-Осиповки пытавшиеся преградить ей дорогу грузинские части, 1 сентября Таманская армия вступила в Туапсе и затем повернула в сторону Армавира. 8.9. отряд кубанских казаков, действовавших в составе Грузинской армии, без боя занял Туапсе и затем, соединившись с подошедшими из Новороссийска частями Добровольческой армии, вошел в ее состав. Лишившись таким образом единственной остававшейся у них боеспособной части, грузины эвакуировали все побережье до Адлера включительно, но немцы, опасавшиеся дальнейшего распространения влияния Добровольческой армии до Батума, откуда они рассчитывали получать нефть, под предлогом ней-

трализации границы высадили у Адлера небольшой отряд. Но неприязненное отношение правительства Грузинской республики, отчасти вызванное непримиримой политикой генерала Деникина в вопросе о национальных меньшинствах, принудило Добровольческую армию держаться в районе Адлера отряд войск.

Выход армии к морю не принес каких-либо положительных результатов, ибо все уцелевшие после самопожертвования флота в Новороссийске корабли и коммерческие пароходы находились в немецких руках. В Новороссийском порту оказалось лишь несколько малых судов, для выхода которых в море требовалось разрешение немецкого командования, с которым ген. Деникин отказался иметь какие-либо сношения. Тем не менее в Новороссийске было образовано управление военного порта и сюда стали прибывать морские офицеры, гардемарины и кадеты Морского корпуса. Командиром порта был назначен кап. 2-го р. В.Н. Потемкин, главной деятельностью которого явилось оборудование морскими орудиями бронепоездов с морскими командами. По его собственной просьбе Потемкин был назначен командиром бронепоезда «**Кн. Пожарский**» и в январе 1919 года командиром порта стал контр-адмирал А.М. Клыков. При ставке генерала Деникина в Екатеринодаре было организовано морское управление, временным начальником которого явился кап. 1 р. В.И. Лебедев, а с декабря вице-адмирал А.М. Герасимов, помощником которого стал Лебедев.

22 ноября, после капитуляции Турции и Германии, в Новороссийск пришли английский крейсер «**Ливерпуль**» и французский «**Эрнест Ренан**», команды которых посетили Екатеринодар, где им была устроена восторженная встреча. Одновременно в Севастополь и Одессу прибыли другие корабли Антанты. Представители союзного командования сообщили о решении стран Антанты оказать Добровольческой армии помощь оружием и снабдить ее всем необходимым, но фактически первый английский транспорт прибыл в Новороссийск лишь 16 февраля 1919 года и в дальнейшем одна Великобритания интенсивно помогала Добровольчес-

кой армии снабжением.

Но прибытие союзников не оправдало надежд на их помощь по образованию флота, и даже наоборот они принесли в этом деле лишь вред. Вскоре после их прибытия в Севастополь они подняли свои флаги на всех исправных миноносцах: «**Держкий**» и «**Счастливый**» были взяты англичанами, «**Беспокойный**» и «**Кап. Сакен**» стали французскими «**Р 1**» и «**Р 2**», итальянский флаг поднял «**Зеркий**» и греки получили «**Звонкий**», «**Воля**», единственный оставшийся после самоуничтожения в 1918 г. флота дрезданут, англичане увели в Измид. Склады порта подверглись буквально разграблению, и команды кораблей всех наций брали без всякого разрешения все, что находили для себя интересным; в особенности в этом отличились греки с броненосца «**Лезнос**». В Симферополе образовалось марionеточное крымское правительство, не признававшее генерала Деникина и претендовавшее на принадлежность ему всего, что находилось в Севастополе. В Севастополь прибыл вице-адмирал Канин, которого ген. Деникин назначил командующим флотом. Но он держал себя совершенно независимым от Екатеринодара и, сформировав весьма многочисленный штаб, под предлогом, что крымское правительство противится переводу кораблей в Новороссийск и забастовки рабочих на судоремонтном заводе, не принимал никаких мер для восстановления кораблей.

В Одессе, где французы и греки высадили свои войска, управляющим военно-морской базой порта стал вице-адмирал Ненюков. Но там, кроме двух кан. лодок и тральщиков бывшей украинской партии траления, военных кораблей не было. Связь с Екатеринодаром отсутствовала и Морская база мало чем себя проявила.

С грузовым тоннажем дело обстояло значительно лучше. Правда, союзники захватили все транспорты из бывших австрийских и немецких пароходов, но остальные, так же как пароходы контролируемых правительством обществ, были в распоряжении Добровольческой армии. Но частные судовладельцы, чтобы избежать всяких реквизиций и большевизской национализации, стремились вывести свои пароходы за проливы, и во избежание этого было опубликовано запрещение пароходам покидать Черное море без разрешения. Французы иногда более или менее принудительно фраговали пароходы для своих нужд; некоторые большие пассажирские пароходы РОПиТ до конца гражданской войны находились в их распоряжении и, в частности, были ими использованы для репатриации русских солдат из Франции и военнопленных. Но фрагование пароходов и военных транспортов приносило Добровольческой армии валюту, которой расплачивались за

покупку за-границей самого необходимого. После ухода немцев, первой военной перевозкой была отправка 29 ноября 1918 года на пароходе «**Саратов**» частей Добровольческой армии из Новороссийска в Керчь и Ялту.

Несмотря на пассивность штаба флота, группы морских офицеров начали приводить в порядок некоторые корабли, на которых находились лишь вольнонаемные караульные команды, состоявшие из матросов, симпатизировавших левым партиям и которых приходилось так или иначе удалять. Была набрана команда для пос. судна «**Буг**». Вопреки противодействию англо-французов, опасавшихся подводных лодок, капитаном 2-го р. Погорельцом и группой офицеров была восстановлена подводная лодка «**Тюлень**». По поручению адмирала Канина, она дважды ходила в Новороссийск: 6 февраля с погланым им для связи в Екатеринодар кап. 1 р. Келлером, а потом за деньгами для «флота». Ввиду отсутствия для лодки в Новороссийске необходимых ей материалов, «**Тюлень**» не смог перебазироваться в этот порт, тогда как «**Буг**» оставался в распоряжении адмирала Канина. В декабре, по предписанию начальника Морского управления в Екатеринодаре, группа из восьми морских офицеров со старшим лейтенантом Вахмут на главе отправилась из Новороссийска в Севастополь, имея задачей получить в распоряжение Добровольческой армии военный корабль. Не встретив никакой поддержки в штабе адмирала Канина, эта попытка успеха не имела, и в январе 1919 года, чтобы иметь хоть какое-нибудь судно, в Новороссийске был вооружен двумя 75-мм. орудиями ледокольный буксир «**Ислезный**», который под командой кап. 2 р. С. Медведева явился первым кораблем Добровольческой армии.

В конце марта Красная армия, заняв Украину, подошла к берегам Черного и Азовского моря и к Крымским перешейкам. 3 апреля французское командование приняло решение эвакуировать Одессу, ввиду отказа многих французских частей воевать с большевиками и революционного движения на кораблях. Эвакуация была затруднена забастовкой русских коммерческих моряков, покинувших свои пароходы. Ввиду этого, около 20 различных судов, в том числе кан. лодки «**Донец**» и «**Кубанец**», были выведены в близлежащий Тендровский залив и там оставлены на якорях. Адмирал Ненюков на яхте «**Лукул**» ушел в Константинополь и туда же был отбуксирован транспорт-мастерская «**Крешитад**». Всего было эвакуировано 112 различных судов, очевидно считая и парусники. Ушли в Севастополь несколько тральщиков и транспорт «**Шилка**», на который перешли и частично заменили его

команду собранные еще ранее на стоявшую в порту с неисправными машинами кан. лодку «**Кубанец**» воспитанники Морского Корпуса. «**Шилка**» — транспорт Сибирской флотилии — была послана адмиралом Колчаком из Владивостока для связи с генералом Деникиным и с военным грузом и прибыла в Черное море в начале 1919 года. За несколько дней до эвакуации, ст. лейт. Н.Н. Машуков с тральщиком «**Ольга**» (военный командант мичман И.Д. Богданов) и баржей, имея на борту отряд из 78 офицеров-грузчиков, прибыл на остров Березань, где были огромные склады снарядов и военных материалов бывшего Юго-Западного фронта. Офицерский отряд разоружил находившуюся на острове большевистки-настроенную караульную команду и приступил к погружке снарядов. В течение недели на суда было погружено вручную около 50.000 трех — и шести-дюймовых снарядов и некоторое количество минометов, после чего «**Ольга**» с баржей на буксире, минуя Севастополь, пришла в Новороссийск, как раз в то время, когда Добровольческая армия ощущала снарядный голод. После ухода «**Ольги**», команда французского крейсера «**Брюн**» 12 апреля взорвала на острове батареи и уничтожила все склады. Сформированная в Одессе бригада добровольцев генерала Тимановского отшла в Бендеры и генерал интернирована румынами в Тульче.

27 марта красные начали наступление на Мариуполь. После двухдневных боев с превосходящими силами и восстания в тылу рабочих заводов, добровольцы отошли в порт и в ночь на 29-ое начали эвакуироваться морем. Бронепоезд «**Вперед за Родину**» пришлось оставить. С моря добровольцев поддерживал отряд французских кораблей в составе миноносцев «**Гуссар**», «**Евсень Ерни**», кан. лодки «**Ла Скарп**» и яхты, которые для защиты порта высадили небольшой десант. 29 марта французы заключили с красными однодневное перемирие, благодаря которому эвакуация порта прошла спокойно. Пароходы с беженцами и войсками ушли в Керчь, а недостроенные минные транспорты «**Грозный**» и «**Страж**» и суда землечерпательного каравана были отведены в Ейск. В порту осталось два буксира, один из которых, под названием «**Воля**», на следующий день был захвачен в море миноносцем «**Гуссар**» и при буксировке затонул. 31 марта красные заняли Бердянск. В ночь на 29-ое для поддержки отряда добровольцев, защищавшего Арабатскую стрелку и состоявшего всего лишь из двух рот, одного эскадрона и двух орудий, к Геническу пришел «**Полезный**» с капитаном 1 р. Дмитриевым на борту. 1 апреля «**Полезный**» встретил шедший под красным флагом «**Ледекол № 4**», который, после нескольких

попаданий и имея 13 убитых, выбросился у Генического маяка на берег. В этот же день французский миноносец «**Дегортер**» обстрелял Генический вокзал, разгрузочную станцию красных войск, действовавших против Чонгара и Арабатской стрелки. Уже 24 марта из Севастополя в Азовское море вышел «**Тюлень**», с разрешением французского командования, которое требовалось на каждый выход подводной лодки. После захода в Феодосию и Керчь командир связался со штабом генерала Боровского в Симферополе, который просил командира уничтожить находившиеся в Геническе плавучие средства; 27 марта «**Тюлень**» вышел из Керчи, но после двухдневных попыток пройти между ледяными полями был принужден вернуться. 2 апреля, на этот раз с помощью вооруженного в Керчи одной 75-мм. пушкой буксира «**Никола Пашич**», «**Тюлень**» подошел к Геническу, около которого стоял «**Илезный**». На следующий день «**Тюлень**», несмотря на лед, подошел ближе и обстрелял вокзал и порт, где его снарядами был поврежден катер пограничной стражи «**Кершун**» и вызван пожар на стоявших парусниках. Вечером, по просьбе начальника отряда на стрелке, «**Тюлень**» и «**Дегортер**» обстреляли скопление красных перед Генической горкой. Всего за день «**Тюлень**» сделал 120 выстрелов из 75-мм. орудий. Но с утра 5 апреля северный ветер погнал ледяные поля и причинил повреждение рулевому устройству, что вынудило «**Тюлень**» 7 апреля вернуться в Керчь и затем, для исправления штуртроса и пополнения запасов уйти в Севастополь. 6 апреля на позицию вернулся «**Полезный**» и 10-го к нему присоединился вооруженный в Керчи двумя 75-мм. орудиями колесный пароход «**Граф Игнатьев**», которые, после прорыва красными 4 апреля Перекопских позиций, содействовали отходившим к Ак-Манак частям. В течение этого времени, со стороны мелководного Егорлыцкого залива, оборону Перекопских позиций поддерживал отряд кап. 1 р. Бубнова, в составе малых английских мониторов и речной кан. лодки «**К 15**». Это была оборудованная в начале 1917 г. для действий на Дунае находившаяся в постройке паровая шаланда «**Казантин**», по бортам которой навесили принадлежавшую ранее какому-то броненосцу броню, установили броневую рубку, два 150-мм. орудия под щитами (снятые, вероятно, при перевооружении «**Кагула**»), 75-мм. зенитку, пулеметы, дальномер и прожектор. Это был грозный для борьбы с берегом корабль, но слабая машина не могла ему дать более 6 узлов хода, да еще при условии тихой погоды. Но, считая, что для действий у мелководных крымских перешейков лучшего корабля в русском флоте не было, старший лейтенант Остолопов по своей

инициативе набрал в Севастополе для «**К 15**» команду и в конце марта ушел к Перекопу. В это же время была организована экспедиция под командой кап. 1 р. А.В. Городьского для вывода из Хорлов оставленных там буксирных катеров и барж с мукой. Для этой цели были привлечены пришедшие из Одессы в Севастополь тральщики «**Волга**» (командир лейт. Б. Брискорн) и колесный «**Граф Игнатъев**» (командир ст. лейт. Г. Мусатов), на которые был взят небольшой офицерский отряд «Морской охраны Севастополя» под командой ст. лейт. А. Кисловского. Операцию прикрывал грецкий миноносец «**Пантера**». Офицерский отряд был высажен в порту, отогнал ружейным и пулеметным огнем внезапно появившийся партизанский отряд Тарана и все находившиеся в Хорлах плавучие средства были выведены из порта.

В конце концов, ввиду бездействия адмирала Канина и его штаба, приказом Главнокомандующего от 25 марта должность командующего несуществовавшего флота была упразднена. Вместо этого со званием «Главного командира судов и портов Черного моря» был назначен энергичный контр-адмирал М.П. Саблин, который 2 апреля прибыл в Севастополь. Но время было упущено, так как до эвакуации оставалось менее двух недель. 4 апреля Красная армия прорвала Перекопские позиции, обороняемые слабым отрядом добровольцев и двумя ротами греков; 9-го красные заняли Джанкой и добровольческие части генерала Боровского отходили на Ак-Манайский перешеек, связывавший Керченский полуостров с Крымом.

Адмирал Саблин приказал всеми силами ускорить приготовления для перехода кораблей в Новороссийск и ввиду того, что там не имелось никаких необходимых военным кораблям запасов, взять возможно большее количество материалов из складов Севастопольского порта, погрузив их на транспорты. Ввиду отказа рабочих что-либо делать, погрузка происходила силами малочисленных команд кораблей и с помощью некоторого числа сухопутных офицеров, все это при противодействии содержателей и прочих служащих порта. Кроме того, транспорты и предназначенные для перевода в Новороссийск кораблей буксиры надо было снабдить углем и для последних составить экипажи. Группы офицеров заняли некоторые миноносцы, в частности под командой кап. 2 р. Н.Р. Гутана образовалась группа на эск. мин. «**Поспешный**», но недостаток времени и команды не дал им возможности привести корабли в порядок. В момент ухода в Новороссийск на «**Поспешном**» было лишь 25 человек команды.

Немного ранее, по распоряжению крымского правительства, решившего обзавестись флотом, лейт. Галафре начал восстанавливать миноно-

сец «**Живой**», который по исчезновении этого правительства поднял Андреевский флаг. Вскоре командиром миноносца стал стар. лейт. Кисловский и ко времени его ухода из Севастополя его команда состояла из десяти морских и десяти армейских офицеров и некоторого количества студентов и гимназистов. Уже в Новороссийске с транспорта «**Шилки**» на «**Живой**» были переведены гардемарины и кадеты Морского корпуса. Кап. 2 р. В.А. Потапьев, после переговоров с лицами штаба и двух рапортов на имя командующего флотом, 28 марта добился разрешения с помощью Морского Офицерского отряда занять крейсер «**Кагул**» и снять с него рабочих спасательной партии. Этот крейсер в конце 1917 года окончил капитальный ремонт, и его котлы и машины были в относительно хорошем порядке; его артиллерия была модернизирована и теперь состояла из 14-130-мм., двух 75-мм. и двух 40-мм. зенитных орудий системы Викерс. По распоряжению немцев в 1918 году крейсер был передан в качестве базы спасательной партии, работавшей по подьему лин. корабля «**Императрица Мария**». Вероятно по этой причине, считая «**Кагул**» небоеспособным, союзники им не завладели. Кап. 2 р. Потапьев начал набирать команду и готовить крейсер к походу. К моменту ухода из Севастополя команда крейсера состояла из 42 морских офицеров, 19 инженер-механиков, двух врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, включая три десятка присланных из Екатеринодара кубанских казаков, и это при нормальном составе в 570 человек. Первыми зачисленными на крейсер охотниками явились сыновья морских офицеров Г. Афанасьев, В. Гезехус и кадет Одесского корпуса Г. Суханов (1). Перед уходом из Севастополя, из Екатеринодара прибыл кап. 1 р. Лебедев и вступил в командование «**Кагулом**», а кап. 2 р. Потапьев стал его старшим офицером.

Офицеры «подплава» были наиболее активными и по примеру «**Тюленя**» готовили еще две лодки, и это несмотря на разные неприятности с французами. Кап. 2 р. Шрамченко начал восстанавливать кан. лодку «**Терец**», большинство команды которого составил прибыв-

(1) В 1922 году все трое окончили Морской Корпус в Бизерте и были произведены в корабельные гардемарины, после чего Афанасьев был направлен во Французское Морское Училище в Вресте, но по его окончании как иностранец не мог продолжать службу во французском флоте. В 1939 году он был призван во флот с чином мичмана и плавал на эскадр. миноносце «**Шкал**», на котором погиб в период эвакуации Дюнкерка. За его геройское поведение и спасательность для спасения команды тонущего миноносца, Афанасьев был посмертно награжден орденом Почетного легиона.

ший из Ялты в день эвакуации кавалерийский отряд во главе со полковником, вмешавшимся во все корабельные дела. Большой транспорт «**Рион**», на котором не было команды, должен был идти на буксире и предназначался для эвакуации гражданских лиц. Отход был назначен на 11 апреля, и на борту находилось около четырех тысяч пассажиров, расположившихся по палубам и трюмам. Среди них на корабль проник большевистский агент, принесший в носовой трюм в чемодане бомбу с часовым механизмом. Уже в сумерках произошел большой силы взрыв, разбросавший во все стороны скученных пассажиров; 21 человек был убит и 79 ранено, среди них женщины и дети. Командиру транспорта кап. 2 р. Гордылскому и бывшим с ним на борту девяти офицерам удалось энергичными действиями остановить возникшую панику, во время которой несколько человек спрыгнуло за борт. Все же после наведения порядка, около половины пассажиров, опасаясь новых взрывов, покинуло транспорт.

По мере возможностей суда покидали Севастополь.

Утром 12 апреля была занята Балаклава, где во избежание захвата красными был затоплен грузный снарядный транспорт «**Батум**». Защитить Севастополь от подходившей Красной армии шансов почти не было. Добровольцы располагали лишь незначительным гарнизоном, имелся батальон греков, несколько батальонов алжирских и сенегальских стрелков и два батальона французского 175-го полка, которые отказывались воевать. Стоявшие в Северной бухте французские линейные корабли могли составить своей артиллерией большую помеху продвижению красных, но в случае боев в городе причинить ему неисчислимые разрушения. Французы не могли в ближайшие дни эвакуировать Севастополь, так как в Северном доке стоял их линейный корабль «**Мирабо**», свешив на мель и только что стаянутой с камней при помощи крейсера «**Кагул**»; для заделки его пробоин требовалась двухнедельная работа. 15 апреля передовые части Заднепровской дивизии красных заняли Инкерман и подошли к Корабельной слободке. С целью воспрепятствовать их дальнейшему продвижению французская полевая артиллерия открыла огонь, но по ошибке обстреляла район Черной речки и радиостанцию.

В это же утро на флагманский корабль командующего французским флотом адмирала Амет «**Жан Бар**» прибыли парламентарии с предложением начать переговоры о заключении перемирия и нейтрализации Севастополя с условием, что отряды добровольцев и занятые ими корабли должны быть немедленно разрушены. В связи с этим адмирал Амет послал адмиралу Саблину письмо, полученное им лишь

вечером 15 апреля, следующего содержания: «В интересах сохранности арсенала, которую я вполне надеюсь обеспечить, я Вас прошу приказать «**Кагулу**» и остальные кораблям, которые Вы хотите увести отсюда, сняться в течение ночи и ближайшего утра. Это будет также соответствовать положению, что Вы лично вместе с морскими офицерами тоже уйдете отсюда, за исключением командира над портом и тех офицеров, без которых нам нельзя обойтись в деле помощи нам по сбережению портовых учреждений. Я считаю также условленным, что тралящики останутся здесь, чтобы очистить минные поля вместе с помощью летчиков».

Команданту крепости генералу Субботину и полковнику Нолькену адмирал Амет предложил немедленно оставить город и вывести из него русские войска.

Адмирал Саблин отправил французскому адмиралу письменный протест, в котором говорил, что такое распоряжение является совершенно неожиданным, ввиду ранее сделанных адм. Амет заявлений, что Севастополь не будет эвакуирован в ближайшее время, и что собрать быстро личный состав затруднительно, так как многие из людей живут в городе и что в течение 12 часов нет возможности погрузить на суда все необходимое, войска и беженцев. В конечном результате адмирал Амет, который не имел другой возможности спасти «**Мирабо**», как заключить перемирие, назначил последним сроком для выхода русских судов 16 апреля в 15 часов, после чего все оставшиеся суда должны были спустить русские флаги.

По получении вышеуказанного письма адмирал Саблин приказал всем кораблям, имевшим на то возможность, выходить в море для следования в Новороссийск. Один за другим транспорты, некоторые — имея на буксире военные корабли, начали покидать Севастополь, и по ним с Корабельной стороны время от времени стреляли из винтовок. Утром из Северной бухты под флагом адм. Саблина вышел «**Кагул**» и последним кораблем в 15 часов под лодка «**Тюлень**». В течение двух суток «**Кагул**», на случай оказания кому-либо помощи, крейсировал у южного берега Крыма, пока не прошли все корабли. Своими машинами шли: пос. судно «**Буг**», «**№ 7**» (бывший миноносец № 273), транспорты и пароходы. П/х «**Дмитрий**» вел на буксире под лодки «**Утка**» и «**Буревестник**», буксир «**Бельбек**» — миноносец «**Жаркий**», «**Доброволец**» — миноносец «**Живей**», который с полпути пошел своим ходом. Кроме того, шли на буксирах: эск. миноносцы «**Поспешный**» и «**Пылкий**», миноносцы «**Строгий**» и «**Свирепый**», кан. лодка «**Терец**», пос. судно № 10 (бывший миноносец № 258) и транспорт «**Рион**». Вернувшаяся из Каркиницкого

залива кан. лодка « № 15 » ушла в Керчь.

С утра 16 апреля французские лин. корабли « Жан Бар », « Франс » и « Вернио », с целью задержать продвижение к городу красных частей и может быть больше для психического воздействия, начали обстрел Корабельной стогроны, района Английского кладбища, Малахов-кургана, и снаряды частично падали в пригородных кварталах. Систематический обстрел продолжался и ночью и был остановлен в 10 часов следующего утра, когда прибыли парламентареры, уполномоченные командованием 2-ой украинской Красной армии. Адмирал Амет, который, надо отметить, как старший на рейде, действовал от имени всех союзников, заявил: 1) к 30 апреля союзные войска будут эвакуированы из города; 2) подводные лодки, которые находятся в порту, будут потоплены; 3) все миноносцы и боевые корабли будут приведены в негодность путем взрывов цилиндров машин.

Желая спасти корабли, начальник советской делегации спросил, нельзя ли этого избежать, если украинское советское правительство даст гарантию, что корабли не будут употреблены для действий против союзников. На это предложение адмирал ответил, что советское правительство никем не признано и никаких обещаний и гарантий от него он не примет. В конечном результате было заключено перемирие.

Вместе с тем на французских кораблях произошли революционные выступления матросов и 20-го в городе была большая манифестация французских солдат и матросов, к которой присоединились и гражданские лица.

Приведение в негодность кораблей взяли на себя англичане с лин. корабля « Эмперор оф Индия ». Уже за два дня до ухода « Кагула », по распоряжению союзного командования, буксиры вывели с базы 12 подводных лодок, на которых не было команд, и поставили на одну бочку в Северной бухте. В окружении адмирала Саблина предполагали, что это было сделано во избежания захвата лодок красными, в случае их внезапного вторжения в город, и для облегчения дальнейшего ухода лодок союзными судами. Но если бы Саблин знал, что готовят англо-французы, он безусловно принял бы меры для спасения хотя бы новых лодок. 26 апреля подводные лодки « Орлан », « Гагара », « Кит », « Кашалот », « Нарвал », « АГ 21 », « Краб », « Скот », « Судак », « Лосось » и « Налим » были выведены на внешний рейд и потоплены подрывными патронами на большой глубине, тогда как сданный к порту уже в 1917 году « Карп » был затоплен в Северной бухте.

Подрывные команды английских матросов взорвали крышки цилиндров высокого давления и иногда упорные подшипники на шести старых линейных кораблях, крейсере « Память

Меркурия », эск. миноносцах « Быстрый », « Жуткий », « Заветный » и даже на старых номерных миноносцах и служившем казармой транспорте « Березань ». Лишь штабной корабль « Георгий Победоносцев » почему-то избежал этой участи.

Французы берягольсь приведением в негодность орудий береговых батарей и разгромили базу гидроавиации, уничтожив все самолеты. Оставшиеся в их распоряжении десять летчиков с капитаном 2 р. Крыгиным во главе, которые по заданию французского начальника войск вылетали на разведки, получили разрешение погрузиться на транспорт « Почин », на котором был поднят греческий флаг, ушедший в Пирей с беженцами-греками. Французы грузили на транспорты войска и их материальную часть, но, кроме того, брали, что им нравилось из складов порта. Поставленный ранее в Северной бухте крейсер-яхта « Алмаз » был ими уведен в Константинополь. В это время пришел из Новороссийска п/х « Св. Николай », которому адм. Саблин поручил попытаться взять в Севастополе снаряды, но адм. Амет запретил ему что-либо грузить и на время пребывания парохода в Севастополе приказал спустить русский флаг.

Наконец « Мирабо » смог выйти из дока и на буксире лин. корабля « Жюстис » ушел в Константинополь, оставив по недостатку времени снятые с него тяжести. Уже при генерале Врангеле, когда всеми способами стремились получить валюту для покупки за границей угля, более тысячи тонн его броневых плит были погружены на пароход и проданы в Италии.

28 апреля была закончена эвакуация французских войск и во второй половине следующего дня красные войска торжественно вступили в город, но « Жан Бар », последний из французских кораблей, вышел из бухты лишь 1 мая.

Пришедшие на буксире в Новороссийск корабли требовали серьезного ремонта. За время непрерывных походов во время войны и более чем года стоянки в Севастополе без присмотра, механизмы и главным образом котлы пришли в плачевное состояние. Все было покрыто ржавчиной и грязью, вся утварь, инструмент, весла и паруса со шлюпок, сигнальные флаги и даже мелкое электрическое оборудование было растащено, а обивка мебели срезана. Но Новороссийск, хотя и большой коммерческий порт, не имел ремонтных мастерских и лишь в конце 1917 года в Новороссийск было эвакуировано отделение Ревельского судостроительного завода, но у него почти не было необходимых материалов, ни квалифицированных рабочих. Дока в Новороссийске не было, и лишь в июне, после занятия Мариуполя добровольцами, буксир « Черномор » привел оттуда секцию плавучего дока, которая могла поднять суда до подводных

лодок включительно, но была мала для нефтяных миноносцев. Самое незначительное количество запасов флота, к тому же погруженных без всякой системы, удалось вывезти из Севастополя. По этим причинам ремонт кораблей должен был производиться своими, вначале малочисленными и неопытными командами и офицерами инженер-механиками. Постепенно удалось пополнить команды, главным образом за счет охотников флота в большинстве учащих из приморских городов, а также кубанских казаков. Специалистов матросов старого флота почти не было, за исключением экс. мин. «**Поспешный**», на который старался их привлечь командир миноносца кап. 2 р. Н.Р. Гутан. Новобранцев надо было обучать всем премудростям морской службы, что было сравнительно не трудно сделать с интеллигентно развитыми охотниками флота. На транспорте «**Рион**» были организованы школы сигнальщиков и радиотелеграфистов, а на большой барже «**№ 69**» образован флотский экипаж. Большинство бывших на кораблях сухопутных офицеров было списано. Затопленное в порту посыльное судно «**Летчик**» (бывший «**№ 256**») было поднято и затем поставлено в док.

В начале мая весь действующий флот Добровольческой армии состоял из крейсера «**Кагул**», миноносца «**Живой**», речной кан. лодки «**К 15**», подводной лодки «**Тюлень**», посыльных судов «**Буг**», «**№ 7**» (вскоре названный «**Разведчик**») и «**Граф Игнатъев**» и двух вооруженных буксиров «**Пелезый**» и «**Никола Папич**».

Кроме того, 27 апреля, для исполнения специального задания, пароход **Цесаревич Георгий** (официальное имя «**Георгий**») был вооружен тремя 3" пушками и зачислен во флот вспомогательным крейсером. Сохранявшаяся в секрете цель операции была освободить и погрузить на пароходы, не входя в сношения с румынскими властями, находившуюся в Тульче добровольческую бригаду генерала Тимановского, 29 апреля «**Георгий**» и пароходы «**Анатолий Молчанов**» и «**Россия**», под общим командованием командира крейсера ст. лейт. Н. Н. Машукова, вышли из Новороссийска. Через двое суток отряд прибыл в Тульчу, где пароходы сразу подошли к пристани. Очень быстро погрузив почти бегом около трех тысяч человек бригады, прежде чем румыны решили, что им предпринимать, пароходы отдали швартовы и пошли вниз по Дунаю в Черное море. Принимая во внимание малочисленность в то время Добровольческой армии, доставленная бригада являлась хорошим пополнением.

14 мая ст. лейт. Машуков получил от адмирала Саблина следующее предписание: «**Предлагаю Вам, приняв за «Георгия» офицерский отряд ст. лейт. Никитенко, с буксиром «Черно-**

мор» следовать на Тендру. На Вас возлагается задача вывести в Новороссийск стоящие там суда, причем при выборе судов надлежит руководствоваться следующим порядком: 1) кан. лодки «**Кубанец**» и «**Донец**» — 2) транспорты Морского Ведомства — 3) суда Добровольного флота и Русского общества — 4) прочие русские пароходы».

18 мая «**Георгий**» и «**Черномор**» — самый сильный в Черном море, но не имевший вооружения буксир — вышли из Новороссийска. Им предстояло дважды обогнуть занятый красным Крым, и не была исключена возможность встречи с каким-либо вооруженным красным судном. Прибыв на Тендру, ст. лейт. Машуков приступил к осмотру стоящих там со времени эвакуации Одессы судов. Оказалось, что разгравшимся в конце апреля штормом кан. лодка «**Донец**» была сорвана с якоря и, ударившись о корпус служившего в 1913 году для опытных стрельб броненосца «**Чума**», затонула у его борта; большой транспорт «**Грегор**», два парохода и два буксира были выброшены на песчаный берег, а пароход «**Князь Потемкин**» затонул. Но машины пароходов «**Харакс**» и «**Херсонес**» были в относительном порядке, и они могли совершить самостоятельный переход. Для них из офицерского отряда, в составе которого были инженер-механики, и из экипажа «**Георгия**» были образованы команды. На предназначенные для буксировки суда были назначены небольшие команды. Подготовка судов к походу, погрузка угля, завоз буксиров, подъем вручную якорей стоили командам больших усилий, но через неделю отряд вышел в обратный путь. «**Георгий**» вел на буксире кан. лодку «**Кубанец**» и транспорт «**Рома**», «**Черномор**» — пароход «**Г. Гапонов**», «**Харакс**» — «**Румянцева**» и «**Херсонес**» — «**Ай Тэддор**». Погода благоприятствовала, и четырехсотмильный переход прошел без особых приключений. 27 мая «**Георгий**» — сам-семь — приветствуемый командами стоявших в порту судов, привел всю армию в Новороссийск. К сожалению, при детальном осмотре «**Кубанца**» выяснилось, что его котлы требуют замены, и он был разоружен и зачислен базой «**Спасательной партии**», а его орудия установлены на сооружавшиеся в Новороссийске бронепоезда.

Кроме кораблей непосредственно подчиненных генералу Деникину, Донское правительство создало под начальством контр-адмирала И.А. Соколова свое морское управление, образовавшее флотилию, состоявшую из речного отряда (контр-адмирал С. С. Фабрицкий), Азовского отряда (кап. 1 р. В.И. Собоцкий) и морских железнодорожных батарей. Пользуясь хорошими отношениями атамана Краснова с немцами, орудия для вооружения некоторых судов и железнодорожных батарей были сняты

с находившихся в Севастополе броненосцев. Корабли подняли донской сине-красно-желтый флаг. Образованный 1 марта 1919 года в Таганроге Азовский отряд состоял из флагманского судна «Пернач» (бывшая яхта «Колхида»), двух кан. лодок типа «Эльпидифор» «К 10» («Баня») и «К 12» («Амалия»), вооруженного буксира «Атаман Каледин» (бывш. «Горгия»), «Ледскола Донских Гирл» и трех вооруженных одним 6" орудием барж-«болинде-ров».

В мае 1919 года, после объединения генералом Деникиным верховного командования вооруженных сил юга России, корабли Донской флотилии вошли в состав Черноморского флота, подняли Андреевские флаги и «Колхиде» вернулось ее старое название.

В первой половине февраля 1919 года грузины, желая воспользоваться слабостью Добровольческой армии и расширить свою территорию, начали военные действия и потеснили находившийся у Адлера отряд генерала Черепова, но после нескольких дней боев положение было восстановлено.

В середине апреля они возобновили свою попытку более крупными силами и принудили державший фронт 1-ый Кавказский офицерский полк отойти за Адлер. 21 апреля из Новороссийска вышел транспорт «Шилка», имея на борту хорошо вооруженный офицерский отряд в 80 человек. Этот отряд состоял ранее в охране ялтинских дворцов, где находились императрица Мария Феодоровна и другие члены императорской фамилии, которые были эвакуированы английским дреднаутом. С помощью прибывшего отряда грузины были снова отброшены за Адлер и в конечном результате граница была установлена по реке Псу, но для избежания инцидентов между пограничными постами была образована нейтральная зона.

27 апреля, для упрочения положения на Кавказе, из Новороссийска вышел миноносец «Живой», под командой кап. 2 р. А.Д. Кислоского. Молодые, неопытные и непривычные к физическому труду кочегары из добровольцев быстро устали, миноносец шел малым ходом с остановками и в помощь кочегарам были посланы люди с верхней палубы и все офицеры. На следующее утро «Живой» зашел в Туапсе где в течение двух дней занимался переборкой некоторых механизмов, после чего миноносец посетил Сочи и Адлер и 15 мая вернулся в Новороссийск.

Все снабжение войск у Адлера и других мелких отрядов, борющихся с зелеными на побережье, шло через Туапсе, откуда развозилось на места нанимаемыми моторно-парусными шхунами, которые попутно брали пассажиров. Позднее для этой цели был назначен небольшой транспорт «Осторожный» и для исполь-

зования железнодорожных мастерских Туапсе туда были переведены четыре бронекатера с их базой «Ингул», которые в июле были отправлены по железной дороге в Царицын и вошли в состав Волжской флотилии под командой капитана 1 р. Заева.

Батум в это время был оккупирован англичанами, которые через него держали связь с их силами на Каспийском море. Находящийся в Батуме военный представитель Добровольческой армии получил от англичан разрешение на вывоз боеприпасов из оставшихся складов Кавказской армии. Для этой цели в конце мая был послан транспорт «Ризе» и для его защиты от нападения грузинских быстроходных катеров, которых у них было три, и ввиду сообщения англичан о замеченной их миноносцем большевицкой подводной лодке, в качестве конвоира была придана под. лодка «Тюлень». Но сообщение англичан было ложным и «Ризе» благополучно доставил в Новороссийск столь нужные Добровольческой армии снаряды.

Отошедшие на Ак-Манайский перешеек, шириной в 22 км., части генерала Боровского силой не более трех тысяч человек, получили приказание защищать во что бы то ни стало эту позицию. Эта задача оказалась возможной лишь благодаря артиллерийской поддержке действовавших на двух флангах кораблей, орудия которых простреливали всю позицию. 19 апреля, с помощью транспортов «Мечта» и «Маргарита», была эвакуирована Феодосия и части Красной армии начали подходить к Ак-Манаю.

После прихода в Новороссийск, вместо отбывшего в Екатеринодар кап. 1 р. Лебедева, командиром «Кагула» был назначен кап. 1 р. П.П. Остелецкий, но его команда мало увеличилась, так как флотский экипаж еще лишь организовывался. Все же 27 апреля крейсер пошел к Ак-Манайской позиции. По недостатку кочегаров переход был совершен 6-узловым ходом. В Феодосийском заливе, примерно в двух милях от берега, вытянувшись в одну линию, стояли английские дреднауты «Айрен Дюк» и «Мальбро», один крейсер-матка гидросамолетов «Эмпресс», греческий броненосец «Лемнос», несколько английских и два французских миноносца.

28 апреля, по просьбе из штаба сухопутного отряда, «Айрен Дюк» (флаг командующего английским флотом адм. Сеймур) бомбардировал селение Владиславовка, место сосредоточения красноармейских отрядов. Через несколько дней по той же цели, при корректировке английского гидросамолета, одним орудием стрелял «Кагул»; это были его первые выстрелы по позициям красных. Для поддержки азовского фланга позиций 29 апреля был послан «Граф Игнатьев», к которому 1 мая присоеди-

нился вооруженный буксир «Полезный» с начальником отряда кап. 1 р. Н.Н. Дмитриевым. Кроме того, здесь же находились два малых английских монитора № 18 и № 29 и немного позже прибыли канонерская лодка и болиндер из Донской флотилии.

1 мая красные части перешли в наступление на азовском фланге позиции и занимавшая этот участок фронта гвардейская кавалерия в беспорядке отошла назад. Лишь благодаря интенсивному огню кораблей, причем «Полезный» подошел к самому берегу, удалось остановить продвижение красных вглубь полуострова и на третий день восстановить положение. 4 мая красные снова начали наступать, на этот раз в центре, но сильный огонь с двух сторон морской артиллерии не позволил им продвинуться вперед. Английские корабли выпустили сотни снарядов и разрывы 13 с половиной дюймовых с дреднаутов были очень эффективны. Греческий броненосец «Лемнос» и «Кагул» приняли участие в этой бомбардировке, тогда как прибывшая накануне к Ак-Манаю «К 15», стреляя по указанию берегового наблюдательного поста по невидимой цели, израсходовала 187 шестидюймовых снарядов. После этой неудачи красных наступило относительное затишье, но по заявкам сухопутного командования корабли обстреливали те или иные цели.

Воспользовавшись этой обстановкой, «Кагул» ушел в Новороссийск и там в пополнение команды на крейсер было прислано около ста кубанских казаков, из которых образовали коचेгарную роту. Под руководством офицеров инженер-механиков, кубанцы довольно быстро стали заправскими кочегарами.

11 мая «К 15» была отправлена на усиление Донской речной флотилии, но из-за недостаточных глубин устья реки зашла в Таганрог, где присоединилась к отряду кап. 1 р. Собоцкого. «Айрон Дюк» с адмиралом Сеймур и «Лемнос» тоже ушли и командир «Мальборо» стал начальником Феодосийского отряда кораблей, в состав которого входили крейсер «Пентавр», matka гидросамолетов «Енгадине», два-три английских и два французских миноносца.

Но на Керченском полуострове враг был не только на фронте. В лабиринте километров штолен находившейся близ Керчи каменоломни, еще со времен немцев и гетмана, укрывались большевики и разного рода дезертиры, количество которых не переставало увеличиваться. Имея вооружение, они время от времени совершали вылазки, с целью раздобыть провиант и захватить оружие. Малочисленный керченский гарнизон, которого 11 мая поддерживал «Граф Игнатъев», с трудом с ними боролся и в конце мая партизанам удалось даже на некоторое время занять город. Лишь с помощью прибывших с фронта частей и артиллерийского

обстрела «Графом Игнатъевым», английским лидером «Ментрос» и французским миноносцем удалось снова загнать повстанцев в каменоломни, где они продолжали находиться до конца гражданской войны.

В середине мая началось наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне. На побережье Азовского моря корабли оказывали содействие войскам. 17 мая при поддержке отряда кап. 1 р. Собоцкого был занят Мариуполь. 30 мая посланный в крейсерство «Граф Игнатъев» высадив с демонстративной целью небольшую судовую десант у деревни Куль-Тепе. 6 июня при содействии отряда кап. 1 р. Собоцкого был занят Бердянск. 13 мая «Кагул» снова ушел в Феодосийский залив. Условия службы на крейсере в течение его пребывания там были неважные: команда питалась главным образом солониной и сухарями; иногда давали свежую провизию с «Мальборо» — белый хлеб и картофель по полфунта на человека в день. Обмундирования не было, и люди ходили одетые во что попало. Лишь под конец операции, по распоряжению командира «Мальборо» было выдано на «Кагул» пятьсот комплектов английского матросского обмундирования, что сильно подняло дух команды. Чтобы избежать лишних походов в Новороссийск, английский транспорт в два приема дал крейсеру 350 тонн угля и воду.

22 мая «Мальборо» с корректировкой привязного аэростата и английские миноносцы обстреляли район восточнее Владиславки. Ввиду полученных англичанами агентурных сведений, что красные подготовили три моторных катера для атаки торледами кораблей, 24 мая «Кагулу» было поручено обследовать находящуюся западнее Феодосии Двужакорную бухту, где была торпедная пристрелочная станция; одновременно эта операция должна была потревожить тыл красных. Подойдя к бухте, катер пограничной стражи «Ворон», сопровождавший крейсер, высадил под командой кап. 2 р. Кочетова небольшой десант из команды «Кагула», при приближении которого отдельные вооруженные люди бежали в горы, причем один комиссар из бывших матросов был убит. На берегу стояло три не вполне исправных моторных катера; их спустили на воду, но один сейчас же затонул, а два других были взяты «Воронем» на буксир. В это время на горе был замечен человек, сигнализировавший флагами. Не зная, кто он — красный или белый — сигнальщики начали принимать семафор и на их блокаде появилась отборная марсофлотская ругань! Чтобы проучить нахала, в его сторону был сделан выстрел из зенитного орудия и человек, бросив флажки, кубарем скатился под откос. Когда десант уже вернулся к крейсеру, с горы был открыт пулеметный огонь, но после

нескольких посланных из зенитки шрапнелей пулеметы замолчали.

В этот же день, для усиления демонстрации, «**Мальбро**» обстрелял берег и 26 мая снова изредка стрелял отдельными орудиями. Продолжая поиски мнимых катеров, на состоявшемся на «**Мальбро**» совещании было решено осмотреть Феодосийский порт, для чего был назначен лидер «**Монтрос**», а для его прикрытия, не входя в гавань, крейсер «**Кагул**».

3 июня «**Монтрос**» под парламентерским флагом вошел в порт и вступил в переговоры с городским советом о том, чтобы было дозволено осмотреть порт. Из этих переговоров ничего не вышло, но все же было установлено, что гавань совершенно пуста. В тот же день «**Мальбро**» давал одиночные выстрелы по берегу, а 6 июня с корректировкой азостатом произвел стрельбу по двум железнодорожным мостам, с целью затруднить подвоз снабжения к фронту. В этот же день отряд добровольцев пытался проникнуть в деревню Дальние Камыши, но был с потерями отбит. На следующий день «**Мальбро**» бомбардировал эту деревню и выпустил 70 снарядов из 343-мм. орудий и триста 150-мм. «**Кагул**» и французский миноносец «**Каск**» стреляли по той же цели. В результате бомбардировки деревня была сильно разрушена, причем, не считая занимавших ее красноармейцев, пострадало гражданское население.

17 июня началось новое наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне, угрожавшее сообщению Крыма с севером. На 18-ое было назначено наступление войск на Ак-Манайской позиции. В то же утро «**Кагул**» должен был высадить в тылу у красных у местечка Коктебель армейский десант, задачей которого была захват узла дорог, ведущих из Феодосии вглубь Крыма. Ночью крейсер принял на борт 160 человек, при десяти пулеметах. 52-го Виленского полка, под командой полковника Королькова. Рано утром «**Кагул**» в сопровождении английского миноносца подошел к Коктебелю и с помощью буксира «**Дельфин**» без сопротивления высадил десант, который быстро пошел вперед и занял деревню Насыпной. После этого «**Кагул**» с дистанции в 17 км. сделал 20 выстрелов по селению Старый Крым, где находились резервы красных. Кроме того, имея телефонную связь с начальником десанта, крейсер по его указанию оказывал ему огневую поддержку. Около 17 часов десант соединился с прорвавшимся фронтом левифланговыми частями генерала Боровского.

Наступление на перешейке было поддержано артиллерийским огнем: со стороны Черного моря — «**Мальбро**» и другими английскими кораблями, со стороны Азовского моря — «**Графом Игнатьевым**» и монитора-

ми. Ввиду прорыва фронта и угрозы на севере, красное командование решило эвакуировать Крым и, в частности, Севастополь, но отошедшие на Арабатскую стрелку части все же сказывали сопротивление, и находившиеся в Азовском море корабли оказали сильную поддержку наступавшим по стрелке добровольцам. Семь моторных катеров, вооруженных пулеметами, прошли в Сиваш и 20 июня судовой десант, высаженный под прикрытием артиллерийского огня, взорвал железнодорожный путь у Геническа. На следующий день десантом был занят остров Бирючий.

22 июня была произведена операция, имевшая целью занятие последнего находившегося в руках красных порта Геническ. По агентурным сведениям и наблюдениям с моря, береговых вышек у Геническа не было и в самом городе почти не было войск, но находились заслоны в сторону Бердянска. Согласно выработанному плану, в ночь на 18-ое, при поддержке кораблей отряда кап. 1 р. Собоцкого на «**Колхиде**», армейский десант силою в 500 человек (под командой ген. майора Залесского) должен был высадиться северо-восточнее Геническа у деревни Юзкуй. Утром же 18-го невооруженная паровая шхуна «**Перикл**» должна была высадить в самом порту сформированную для этого морскую роту в 80 человек под командой кап. 2 р. Медведева. Два английских миноносца должны были поддерживать «**Перикл**». В 3 часа ночи, после обстрела Юзкуя канонерской лодкой «**К 15**», два болидера высадил десант, который, встретив вскоре сильное сопротивление, не смог продвинуться вперед. Утром, под прикрытием редких выстрелов английских миноносцев, «**Перикл**» вошел в канал и начал высадку. В это время совершенно незамеченный из-за проливного дождя, оказавшийся случайно в Геническе бронепоезд подошел на близкое расстояние и открыл по «**Периклу**» беглый огонь из своих орудий и пулеметов. Кап. 2 р. Медведев был убит на мостике и «**Перикл**» пытаясь отойти, сел на мель. Погибли также лейтенант Елкин, мичман Цепровский и кадет Морского корпуса Борейша. Часть людей попрыгала за борт, и два гардемарины достигли вплава английского миноносца, кроме того еще девять человек были спасены. Большая часть отряда, которая успела высадиться, в надежде на подход десанта из Юзкуя двинулась к центру города, но на главной площади была окружена и сложила оружие. По советским сведениям, всего было взято в плен 87 человек, очевидно включая в это число команду «**Перикла**». Можно с основанием удивляться — по какой причине в эту операцию был послан безоружный пароход, а не канонерская лодка, так как было неосновательно базироваться на сведения об отсутствии в Геническе артиллерии,

которая, как это и вышло, могла прибыть туда с часу на час. Десант у Юзкуя к вечеру был взят обратно на корабли. В течение этого дня «**Граф Игнатъев**», вооруженный буксир «**Гидра**» и «**Ольга Месфенити**» поддерживали артиллерийским огнем наступавшие вдоль Арабатской стрелки части. В конечном результате Генерал был занят Добровольческой армией лишь 6 июля, причем «**Граф Игнатъев**» содействовал с моря. С этого дня все побережье Азовского моря оказалось в руках Добровольческой армии.

После занятия Феодосии, 19 июня «**Кагул**» ушел в Новороссийск, на этот раз имея пары в девяти котлах 13-узловым ходом. Во время прошлой операции, принимая во внимание, что в Новороссийске не было снарядов для орудий крейсера, а на корабле был запас лишь на 600 выстрелов, кап. 1 р. Остелецкий их экономил и за все это время израсходовал 71 — 130-мм. и 16 из зенитных пушек, представляя англичанам, когда это было необходимо, вести массированный огонь, что те делали очень охотно. Пополнив в Новороссийске запасы и дав команде отдохнуть, 27 июня «**Кагул**», имея на борту генерала Деникина и адмирала Саблина, в сопровождении посыльного судна «**Буг**» и отремонтированного «**Летчика**», пошел к берегам Кавказа. Целью похода было как бы подтверждение принадлежности Сочинского округа правительству Юга России. Посетив Туапсе, Сочи и Адлер, 30 июня отряд вернулся в Новороссийск.

17 июня, в связи с революционными выступлениями матросов и солдат на юге России, французское правительство постановило прекратить вооруженную интервенцию и после этого французские корабли, за редкими исключениями, непосредственного участия в операциях не принимали.

Взамен «**Кагула**» в Феодосию прибыл миноносец «**Живой**». В это время красные уже оставили побережье и спешили на север. 24 июня красноармейские отряды и администрация покинули Севастополь, но об этом стало известно лишь через несколько дней. Идя вдоль южного берега Крыма, «**Живой**» своим появлением в попутных местах как бы санкционировал их занятие Добровольческой армией и оказывал моральную поддержку образовывавшимся местным властям. 28 июня «**Живой**», первым кораблем под Андреевским флагом, пришел в Севастополь и встал на якорь против Графской пристани. В городе уже образовывались городское управление и охрана, но группа с «**Живого**» арестовала и без всякого следствия расстреляла кап. 1 р. В. Тягина, который во время двухмесячного пребывания красных в Севастополе занимал должность командира порта и вся его деятельность свелась к сохранению складов и кораблей от расхищения; при уходе

красных он добровольно остался в Севастополе. 6 июля «**Кагул**», с адмиралом Саблиным и его штабом, пришел в Севастополь. Адмирал Саблин поднял свой флаг на стоящем брандвахтой старом броненосце «**Георгий Победоносец**» и с этого дня Севастополь снова стал главной базой флота.

Несмотря на расхищения, которым подверглись запасы флота в складах порта, все же многое осталось, но далеко не всегда, что в настоящий момент было нужно. Склад огнеприпасов в Сухарной балке имел еще много снарядов разных калибров, но четырехдюймовых гильз почти не было. На блокшиве «**Двенадцать Апостолов**» находилось 1500 малых мин типа «рыбка», а на кораблях со взорванными машинами было много орудий, которые могли быть использованы для вооружения канонерских лодок и бронепоездов. Судоремонтные мастерские и доки остались в сохранности, но не хватало многих материалов; все же, поскольку рабочие не бастовали, можно было ремонтировать корабли.

Что же касается пополнения корабельного состава, в Севастополе оказалось лишь несколько тральщиков, оставленных во время эвакуации в распоряжении французов, и несколько минных и других катеров. Но англичане передали в Новороссийске два 19-узловых сторожевых катера в 37 тонн «**МЛ 204**» и «**МЛ 405**», которые вскоре получили названия в память убитых офицеров: «**Кап. 2 р. Медведев**» и «**Старлейт. Макаров**»; последний был убит в 1918 году под Ставрополем, командуя морским бронепоездом.

Находившиеся в Новороссийске корабли, поскольку им позволяло состояние механизмов, спешили перейти в Севастополь. 14 июля пришел уже закончивший ремонт миноносец «**Жаркий**» и в то же время — «**Терек**». 21 июля восьмиузловым ходом пришел «**Поспешный**» и был поставлен к Минной базе для ремонта котельных ветрогонок, исправить которые в Новороссийске не было возможности. 5 августа из Мариуполя прибыл строящийся там как минный транспорт для Очаковской крепости «**Грозный**» и был зачислен канонерской лодкой, но его вооружение — два 120-мм. и два 100-мм. — из-за смешения калибров и расположения орудий нельзя было считать удачным.

В конце июля по просьбе адмирала Колчака, в армии которого был большой некомплект в командном составе, во Владивосток был послан пароход «**Иерусалим**», имевший на борту более двухсот сухопутных офицеров. По готовности и пополнении запасов и команд, корабли ушли в Тендровский залив для участия в операции, закончившейся занятием Николаева и Одессы.

П.А. Варнек

26 дней на реке Сан

Вечером 27 сентября 1914 г. 2-ой дивизион 32-ой арт. бригады (без 6-ой батареи) перешел через реку Сан по постоянному мосту у села Лежахов, после чего мост был взорван. Этим окончилось наше первое отступление перед воскресшей после поражения австро-венгерской армией.

Тут надо сказать, что отмеченное многими послевоенными писателями пристрастие к географии ставило часто наши войска в трудное положение. В данном случае командиры корпусов 3-ей армии просили об оставлении предместий на западном берегу Сана, но им было в этом отказано. Генерал Драгомиров (Владимир) в своих воспоминаниях одобряет этот отказ, но предместья улучшили бы значительно наше положение и сократили бы потери — ведь не собирались же мы закончить войну сидением на Сане!

Наш участок на берегу реки по обе стороны с. Лежахов был особенно неудачным. Вдоль Сана, на его западном берегу тянулась узкая полоса леса, закрывавшая герметически весь горизонт. Мы могли только предполагать, что первая линия противника будет на краю этого леса, и больше ничего. Лишь направо (севернее) Лежахова и налево, на расстоянии версты по 2 в каждую сторону, эта полоса леса прерывалась, но это было уже вне участка 127-го Путивльского полка. Кто был направо — не помню, а влево — 128-й Старооскольский полк с нашей 6-ой батареей.

С нашей стороны вдоль Сана тянулась полоса унылой равнины, шириной версты 3-4. Позади нее местность поднималась и скат был поросший высоким лесом. В общем — ни позиций для батарей, ни наблюдательных пунктов! Такая местность требует от артиллеристов подробной и продолжительной разведки. Время на это было, но наши устаревшие от условий службы и жизни мирного времени командиры смотрели на войну, как на досадное обстоятельство, помешавшее им продолжать обычный для них образ жизни.

Командиру дивизиона было 58 лет, и он должен был уйти в отставку по возрастному цензу, установленному для к-ров дивизионов и пех.

полков, но война задержала его на службе. Командиру 5-ой батареи было 47 лет, но по внешнему виду и характеру он был так стар, что мы его прозвали «Наш Франц-Иосиф». К-р 4-ой бат. был немного моложе, но в том же роде. Все трое были большими друзьями, объединяли их «упоительные напитки». К-р 6-ой батареи в этом участии не принимал, и потому посылался к другому полку.

Мы же, старшие и младшие офицеры, под влиянием дисциплины мирного времени, еще не решались предложить им свои услуги по части разведки. К тому же 1-й ст. офицер командовал временно 6-ой батареей, замещая раненого к-ра, 2-ой ст. офицер был в возрасте 30 лет только т. е. был тоже вроде «несовершеннолетнего», тем более, что он не пил, а мы — трое младших, начали службу в 5-ой батарее только во время мобилизации, и знали «Франца-Иосифа» только с той стороны, что он как бы старается уничтожить свою батарею и что в конце концов это ему, вероятно, удастся.

Итак, 28.9. батареи отдыхали, 29.9. командиры ездили на разведку, 30.9. мы выехали на позицию, и нам стало очень грустно. На голой равнине, всего лишь на несколько метров в е р х , поднимался холмик с отметкой 203, увенчанный одним из старых, кирпично-земляных фортов Сенявского предместного укрепления постройки, вероятно, 1-ой половины XIX века. Его казематы были довольно комфортабельными в осеннюю погоду, что, вероятно, и соблазнило наших командиров. То, что форт, да еще с отметкой 203 представлял собой отличный ориентир для противника (даже для определения не только дистанции, но и уровня), и что противник видит его с любой точки своего фронта, в расчет ими взято не было. Итак, обе батареи заняли эту позицию на гласисах форта и начали окапываться. На правом фланге 5-ой батареи (высшем) из-за подпочвенной воды глубина окопов могла быть только для сидящего человека; на левом окопы могли быть только насыпными, посередине — комбинацией того и другого. Крыши — из плетня с 10 см. земли на нем (т. е. только против шрапнельных пуль).

1.10. эта работа продолжалась, а кроме того командиры пристрелялись по опушке леса за рекой. Артиллерия противника разрушала и жгла хаты Лежахова, расположенного впереди и влево от нас, и обстреливала окопы Путивльского полка фланговым огнем (батарея противника стояла где-то вправо от нас). В Лежахове находились начальник 32-ой пех. дивизии ген.-лейт. Вендт, наш к-р бригады ген. м. Промтов и к-р 127 пех. Путивльского полка полк. Хростицкий с боевыми частями своих штабов.

После полудня над фортом и батареями кружил неприятельский самолет. Летал он очень низко. Мы могли только «любоваться» им: дистанция была все же не для стрельбы из револьверов! Никем не обеспокоенный, он сделал свое дело основательно, как мы вскоре и убедились.

2.10. было тихо. Но день 3.10. нам подтвердил, что самолет дал своей артиллерии самые точные сведения о нас. Иначе и быть не могло: форт с двумя батареями на его гласисах! Одним словом, в 8 ч. утра мы услышали свист нам предназначенных снарядов. По нашему подсчету стреляло 5 батарей: дивизион 8-см. пушек, одна батарея 10-см. гаубиц и одна 15-см. гаубиц. Если считать, что эти батареи были в том же составе, как в мирное время, это означало 28 орудий! Стрельба велась оригинально: это был своего рода «8-часовой рабочий день» — от 8 до 12 часов дня стрельба, затем 2 часа перерыва «на обед» и снова стрельба, от 2 до 6 часов, затем «отбой»! Способ стрельбы: каждые 4 минуты одна очередь беглого огня всеми батареями. Пушечные стреляли шрапнелью, гаубичные гранатой. Стрельба велась на всю площадь, занимаемую фортом и батареями.

4-минутные перерывы давали нам возможность отвечать стрельбой же по пехоте противника, предполагаемой в полосе леса у реки. Смысл этой стрельбы заключался только в том, что давал номерам прислуги некоторое развлечение и отвлекал от мрачных мыслей. Четырех минут было достаточно для того, чтобы прислуга выскочила из окопов, выстрелила и снова вскочила в окопы, прежде чем снаряды противника упадут на батарею.

Эти же 4 минуты позволяли нам пополнять снаряды. Батарейный резерв стоял в лесу, назад и налево от батареи. Зарядные ящики строились на углу леса и ждали. Как только снаряды противника разорвались, ящики карьером шли на батарею, лотки с патронами моментально вынимались, пустые лотки вкладывались, и ящики карьером же уходили в свой лес. Замечу с сожалением, что никого из ездовых нельзя было представить к Георгиевским наградам, т. к. в статуте была фраза «когда никто другой на это не решился», а их было (вместе с

вожатыми) 28 человек!

Такой равномерный огонь противника давал возможность подсчитать число выпущенных по нас снарядов: 28 орудий по 15 очередей в час, помноженные на 8 ч. «рабочего дня» дают 3360 снарядов. Разумеется нельзя отвечать за абсолютную точность этой цифры, т. к. расписание стрельбы противника осталось нам неизвестным. Возможно, напр., что не все батареи участвовали в каждой очереди. Таким образом, цифра 3.360 представляет собой максимум возможной.

С тактической точки зрения эта стрельба противника была для него не только бесполезной, но и вредной. Ему надлежало бы ограничиться контролем данных, вычисленных по карте пристрелкой с наименьшей затратой снарядов, которая не произвела бы на нас особого впечатления, а в будущем, при подготовке к активным действиям, т. е. к форсированию Сана, внезапно обрушиться на нас и задавить мощным ударом. Своим несвоевременным огнем, они могли, конечно, нанести нам потери, но в конечном результате заставили бы нас переменить позицию и потерять нас из виду.

Когда в 6 ч. вечера огонь прекратился, мы выждали немного, чтобы убедиться в том, что стрельбы больше не будет, вызвали кухню на батарею с запоздавшим обедом, а потом к-ры батарей и желающие офицеры (я в том числе) поехали в Лежахов к к-ру Путивльского полка полк. Хростицкому (Михайловец, вып. 1888 г.).

Хростицкий был занят разговором с командиром одной из рот. «Иван Андреевич! — говорил он, — что это за сорт окопов, изобретенный Вашей ротой? — Мы очень хорошо укрыты от продольного артиллерийского огня, — ответил капитан. — Хорошо, — сказал Хростицкий, — но скажите, пожалуйста, можете ли вы стрелять из этих окопов, или даже просто вылезти из них? — Нет, — сознался капитан, — но зато мы очень хорошо укрыты от огня. — Иван Андреевич! — сказал Хростицкий, — не заставляйте меня думать, что у меня не 8 отличных командиров рот и 8 хороших, но, что все 16 нигуда не годятся! Ведь это же не окопы, а гробы! Сейчас же устранили свои крыши! — Слушаюсь! — ответил капитан и вышел из хаты. Настала очередь наших к-ров.

Они, ясно, были того мнения, что оставаться на позиции у форта невозможно. Хростицкий был с этим согласен, но спросил, куда они хотят переехать? «За лес», отвечали они. Хростицкий взял циркуль и измерил по карте расстояние оттуда до моста через Сан — почти 5 км (наибольшая дистанция стрельбы шрапнелью была у нашей пушки 5 верст 100 сажен. Гранатами мы в начале войны не стреляли (вероятно, не желая принимать тех мер предосторожности против преждевременных разрывов в

стволах орудий, которые принимались на полигонах: оков за орудием для прислуги и длинный шнур для производства выстрела, и не риска обходиться без них). Хростицкий нашел, что это слишком далеко. Тогда командиры решили остаться у форта. (Воображаю, как были поражены австрийцы, увидев нас на том же месте!).

Вчерашняя программа была повторена с той разницей, что эту программу мы уже знали. Поэтому наша кухня (не знаю, как было у 4-ой батареи), когда настал «обеденный перерыв», была вызвана на батарею, раздала обед и уехала ничем не потревоженная. Но, вообще, этот день прошел для нас менее удачно: бомбардир-наводчик Пичугин не успел вскопиче в окоп, был ранен в живот и скончался позже в лазарете дивизии. Канониру Барамидзе шрапнельная пуля или осколок гранаты сделали «пробор» в прическе, сорвав только кожу. Фельдшер Капелькин его перевязал, и несколько дней он ходил с обвязанной головой. Еще один, фамилии которого не помню, был поцарапан. У 4-ой батареи было трое убитых и несколько раненых. В 6 часов вечера последовал «отбой».

Во время стрельбы «Наш Франц-Иосиф» (к-р б-реи) счел нужным посетить батарею. Ввиду своего преклонного возраста, отягощенный шинелью и непромокаемым плащом, как и полной офицерской амуницией — офицерский пояс с двумя ремнями через плечи, шапка, револьвер, бинокль и сумка, набитая до отказа, он мог двигаться только весьма тихим ходом, и на обратном пути на форт он не успел дойти туда за 4 минуты паузы: исчез в дыму 15-см. гранаты! Но затем, выйдя из дыма, тем же шагом он продолжал движение.

При всех своих отрицательных качествах как командира батареи, он обладал одним блестящим положительным: счастьем, не только личным, но и для своей батареи: бомбардир Пичугин был единственной жертвой его экспериментов с батареей. Более всего ему должны были быть благодарны австрийцы, т. к. он не любил стрелять и во всех боях предпочитал, чтобы они стреляли по нем, а не он — по ним (этим он оказывал также своеобразную пользу нашей пехоте, отвлекая огонь от нее на себя).

Нас посетил также новый бригадный адъютант подпоручик Таматин (К.А.У. 1913 г.). Подъехал верхом к окопу старшего офицера 5-й батареи (там был и я), обменялся с нами несколькими словами, потом проехал шагом вдоль фронта батареи и только потом перешел на рысь, направляясь в Лежахов. Ему четырех минут хватило на это.

Сидеть в окопе во время такой бомбардировки, конечно, тягостно, и мы решили поискать что-нибудь, что дало бы нам какие-нибудь данные о позиции неприятельской артиллерии. В

интервалах огня мы выходили из окопа, и занимались исследованием изрытой снарядами почвы, и нашли два предмета: шрапнельную трубку с поставленной дистанцией и борозду от рикошета снаряда. Конечно, не было никакой гарантии, что оба, предмета принадлежат одной и той же батарее, а борозда в качестве направления особенно сомнительна, но все-таки лучше что-нибудь, чем ничего. Итак, мы открыли огонь «по батарее»! Нам даже показалось, что эта батарея замолчала, но это — весьма сомнительно!

Как и вчера, в 6 ч. вечера последовал «отбой». Выйдя из блиндажа, я обратил внимание на положение воронок от 15-см. бомб. Что значит «Его Величество Случай»: стоило бы снарядам упасть на 2-3 шага влево, и от обитателей трех блиндажей не осталось бы ничего!

Затем мы опять поехали к Хростицкому. «Да, — сказал он, — стойте там вы безусловно не можете. Переезжайте за лес!» Хростицкий тоже пережил неприятность в этот день. Батарея противника развалила ему хату. Он перешел в другую. Эта была подожжена. Он выскочил из горящей хаты, и вдруг «опомнился»: в хате осталось полковое знамя! Вскочил в нее снова и вышел со знаменем в руках (это нам рассказали чины штаба). Итак, получив разрешение на перену позиции, мы вернулись к батареям и вызвали передки.

Они долго не шли. Я был, как на иголках, рассуждая за противника: в первую ночь австрийцы имели полное право думать, что мы, получив порцию в 3.360 снарядов, исчезли с этой позиции при первой же возможности, и потому ночью не стреляли. Но на второй день, увидев нас все там же, они могли предположить, что мы в некотором роде как бы пришиты к месту, даже после второй порции! Выводом из этого должно было бы быть огневое нападение ночью! Вопросом было: когда?

Пока мы ждали прихода передков, номера занимались постройкой фальшивой батареи, но такой примитивной, что едва ли она могла кого-нибудь обмануть. Наконец передки появились, и мы снялись с позиции. И вот, когда мы шли вдоль опушки леса, заключительный акт трагедии двух дней последовал: неприятельская артиллерия обрушилась на наши бывшие позиции! Но мы были уже в безопасности и заняли позицию между селом Гайды и задней опушкой леса впереди.

Двухдневная бомбардировка оставила на нас след: мы были с нервным состоянием. Село Гайды было оставлено жителями. Шт. кап. Курзеньев и я вошли в хату в нескольких шагах за батареей. Она была пуста и мрачна. И вдруг мякнула кошка. Мы оба вздрогнули и выскочили из хаты. «Нет, — сказал Курзеньев, —

ночевать в хате, где мяукают голодные кошки и я не могу». Я был того же мнения, и мы пошли спать в окоп. Здесь тоже была подпочвенная вода. Но были и доски, из которых нам сделали пол, мы выспались и утром были готовы на подвиги.

В этой позиции мы пробыли только один день, а на следующий нас послали в район села Домброва, к 128-му пех. Староскольному полку, при котором до сих пор была наша 6-я батарея. Теперь этот полк с соседним полком 11-ой пех. дивизии входил в «сводный отряд» под командой начальника штаба XI корпуса ген. м. Сулькевича. Задача отряда: переход через Сан (неофициальная задача: «Геоorgia») Сулькевичу! — это было ясно всем!).

Но, когда мы туда пришли, оказалось, что 128-ой полк уже на той стороне. К развитию успеха нас не привлекли, а, когда день 7.10 перевалил порядочно за полдень, мы получили новое приказание: двигаться к мосту в Лежахове для переправы через Сан и преследования противника.

II

Шоссе шло сперва в общем направлении параллельно Сану. Дойдя до юго-восточного угла знакомого нам леса перед с. Гайды, оно поворачивало под прямым углом к Сану и, выйдя на берег, еще раз под прямым углом, поворачивало направо, шло по берегу над обрывом к реке, шагах в 50-100 от его края, и входило в село возле моста. Что этот мост был взорван, нам было давно известно и казалось совершенно невероятным, чтобы за несколько часов его могли бы исправить настолько, что по нем могла бы двигаться артиллерия! Однако приказ был ясным: к мосту для переправы.

Когда мы повернули на углу леса к реке, то скоро увидели наш обоз, стоящий на шоссе. Было уже довольно темно. Из канавы поднялась фигура, в которой мы распознали врача нашего дивизиона, д-ра Кацельсона. — Шмая Семенович! — спросил его, — почему Вы лежите в канаве? — Пули! — ответил доктор. — Это невозможно! — ответили мы, — противник отступил и мы его преследуем. — Не знаю, отступили ли он, — ответил Кацельсон, — но пули летают! Услышите сами, — и с этими словами доктор опять исчез в канаве.

Дивизион (не знаю, почему) остановился и, когда шум колес, топот лошадей и звон оружейных щитов утих, мы сразу услышали пение пухля. Постояв минут 20-30, мы снова двинулись дальше, повернули к Лежахову и, немного не дойдя до первого домика села, снова остановились. Последовала команда: «Слезай!» Командиры отправились в село к высшему начальству.

Им, конечно, следовало сделать это гораздо раньше, опередив дивизион, но наши «старички» признавали только два «аллюра»: шаг и «стой!». Зная это, они могли бы выслать вперед офицера, который бы их информировал о действительной ситуации. Они, однако, не сделали ни того, ни другого и еще раз завели дивизион в «бамбуковое положение».

Пули летели довольно густо, но главным образом на перелетах. Их зеленые огоньки вспыхивали при ударах о землю со стороны шоссе, стравленной от противника, который стрелял исключительно разрывными пулями, так называемыми «Эйншусс» — патронами, предназначенными для пристрелки, и только в районе хаты, впереди они ударялись и в шоссе.

Командиры вернулись с решением: снять орудия с передков и поставить их как бы на позицию в выемке, которая очень кстати — оказалась на стороне шоссе, обращенной к противнику. Она была глубиной аршина в полтора два, а длиной как раз для обеих передних батарей, с орудиями на уставных интервалах, а все остальное, передки, резерв и обоз, отослать к лесу сзади. Туда же ушла и вся 6-я батарея, шедшая в хвосте колонны. Утром, мол, разберемся! Так и сделали.

Когда я после этой операции вошел в хату впереди, она уже была вся занята спящими на полу офицерами. Свободное место было только у входа, пока поручик Климов спит с поджатыми ногами. Я принял меры против его ног: поставил футляр с биноклем, со своей стороны положил сумку, в качестве подушки для себя и моментально уснул.

Чуть настало утро, как поручик Климов стал протягивать свои ноги, мой бинокль и сумка съехали в сторону, и я проснулся и вышел из хаты.

Номера были заняты копанием окопов. Сзади, под лесом, стояла развернутым фронтом 6-я батарея, а левее ее батарея 1-го дивизиона. Ружейный огонь противника был довольно слабым. Но вдруг откуда-то справа, севернее Лежахова, раздались выстрелы неприятельской батареи и шрапнель застучала по черепичной крыше «нашей» хаты. Спящие проснулись. Затем другая батареяхватила по нашей 6-ой батарее, которая сейчас же повернула налево и уходила галопом вдоль леса (от нас — направо), оставив на месте 2 зарядных ящика, в которых было убито по лошади. Их быстро выпрягли, и ящики ушли вдолгону за батареями. 1-й дивизион тоже куда-то исчез. Ружейный огонь усилился. Я пошел на батарею. Постепенно пришли и прочие офицеры.

Окопы были быстро готовы. Мы собрались на правом фланге батареи, в окопе старшего офицера и всем вместе. Последним пришел «Наш Франц-Иосиф» и уселся под обрывом выемки.

От пуль он был защищен хорошо, но не от дождя, который постепенно из осеннего мелкого дождичка переходил в дождь настоящий. Командир мок и сидел недвижимо и молча.

Разведчикам стало жаль его, и они начали возводить вокруг него постройку: вбивали колья, обкладывали их досками и присыпали к ним землю, пока дело не дошло до крыши. Тут они решили, что надо каким-нибудь способом сдвинуть командира с места, чтобы не насыпать ему земли за воротник. Они сами не решались попросить его удалиться, и один из них пришел просить старшего офицера оказать посильную помощь.

Курзеньев призадумался на момент, а потом сказал нам: «Господа, предлагаю вам выйти на минуточку из окопа, напр. к щитам орудий. Командир знает, что все вы тут, и потому не придет. Но, если окоп будет пустым, я попробую его уговорить. А когда он будет в окопе, вы можете вернуться — он уже не уйдет!» И все пошло как по маслу: мы ушли, он пришел, мы пришли, он не ушел, и разведчики докончили свою работу. Постройка эта, однако, оказалась совершенно лишней, ибо наш командир поселился в хате, вместе со своим приятелем, к-ром 4-ой батареи, и больше мы его не видели.

Очень скоро нам стало ясно, что командиры наших двух батарей очень довольны своими позициями (главное — хатой!) и менять их не собираются. То обстоятельство, что у них не было наблюдательных пунктов, их не смущало. В тех случаях, когда начальство требовало огня, они стреляли по карте. Затем — качества самой позиции: она была так близко к полосе высоких деревьев на западном берегу Сана, что наименьший прицел позволял стрелять только по тылам противника. Одновременно она была так близко к фронту, что для стрельбы нужно было менять фронт батарей, т. е. перекачивать орудия (ширина выемки позволяла это делать).

В памяти осталось, как старший телефонист Шмуль Сонц подбегает к нашему окопу и докладывает: «Командир бригады спрашивают, или может батарея стрелять по Цу Воля Буховска?» и получает в ответ: «Не может! Мы только что перекалили орудия на Цу Лежахов». И снова, с приказанием: «Перекачать на Цу Воля Буховска!» Перекачиваем и часто дело тем и ограничивается, но иногда стреляем, иногда даже по ночам. При этом можно отметить, что табличку для беспокоящей стрельбы наш «Франц-Исиф» составлял безукоризненно и для каждого орудия по минутам.

Другим, очень важным, недостатком нашей позиции было то, что потонный мост, наведенный через реку к Путивльскому полку, левый фланг которого переправился через реку и зацепился на противоположном берегу, находился против 5-ой батареи и к нему, по поверхно-

сти земли, шла тропа, по которой происходило движение солдат в обе стороны.

Тропа шла в косом направлении, но перед дулами орудий 5-ой батареи, так что идущие по ней подвергались под прежвременные разрывы наших шрапнелей. Убито было человек 5-6. Однажды я услышал такой разговор наших номеров: один из них говорил наводчику: «Ты убил одного пехотинца и думаешь, что ты герой! Посмотри на другого... (он назвал наводчика); он убил трех и нисколько не гордится этим!» Присутствовавшие рассмеялись. Позже пехота выкопала ход сообщения и потери прекратились.

Следующей неприятностью было то, что 24 часа в сутки мы находились в непрерывном пехотном огне, принимавшем иногда густоту ливня. Никогда впоследствии пехота противника не стреляла столько, как на Сана! Правда, подавляющее большинство пуль было перелетами, но все-таки у 4-ой батареи был убит подпоручик С.А. Козырев (фельдфебель Алексеевского военного училища, выпуска 1912 г.), а у нас был ранен в обе щеки навyleт старший фейерверкер запаса Калиновский, был потом признан негодным к службе и уволен из армии. Австрийский пулемет близ Лежаховского моста взял на мушку наш потонный мост, а однажды пустил по 5-ой батарее очередь, которая пронеслась над нашими головами. Пехотный огонь мешал нам и в частных делах. Чуть не целую неделю мы не умывались и обросли бородами. Проснувшись утром, мы вместо пожелания «доброе утро» встречали день вопросом: «Как австрийцы: еще не отступили?» Вообще мы были недовольны тем, что по воле начальства наша 3-я армия должна была отступить перед разбитым противником (слухи о том, что к-щий армией ген. Радко-Дмитриев противился этому, проникли и к нам по «солдатскому вестнику»). Но противник как будто бы не желал отступать.

Наконец ш. кап. Курзеньев не выдержал и пошел в батарейный резерв помогаться, побриться и посмотреть, как устроился резерв (К. был зав. хозяйством батареи). Вернувшись оттуда, он сказал нам, что по пути он обнаружил место для позиции батареи гораздо лучшее, чем наше теперешнее. Оно недалеко: около версты назад и в сторону. Пули летают там тоже, но не всегда и не в таком количестве, перекачивание орудий для стрельбы прекратится, и что он попробует убедить командира переменить эту позицию на ту. Убедил, и мы переехали.

Для командира был построен обширный блиндаж на левом фланге батареи, Курзеньев и я были вместе на правом, подпоручики посередине. Обедать и ужинать мы ходили в окоп к командиру (иногда перебежками от щита к щиту, если огонь усиливался). Сводки сообщали

нам новости, в них неизменно повторялась фраза: «Группа Крузенштерна (к-р XVIII А.К.) расширяет свой плацдарм в низовьях Сана». Итак, предместья у нас всетаки появились, но это стоило многих жизней!

Наша новая позиция была, в сущности, открытой, но, по расположению австрийской артиллерии и ее наблюдательных пунктов, закрытой очень хорошо. Артиллерию противника группировалась севернее Лежахова, вероятно для обороны главных переходов через реку в местечке Сенява. Там были и их наблюдательные пункты, но их обзор был ограничен линией Лежахова, которая закрывала все, что было южнее. На нашем участке их артиллерии не было; если и была выево, то была занята сильно продвинувшимся вперед Старооскольским полком. Вот только пехотный огонь продолжал нас беспокоить. Итак, новая позиция была хороша, но опять без наблюдательного пункта, и «Франц-Иосиф» продолжал стрелять по карте, не выходя из своего блиндажа.

Сзади нас, в одной-полтора верстах, стояла позиция наш 1-й дивизион. У него наблюдательные пункты были в линии батарей. Хотя листья на деревьях лесной полосы на берегу Сана большей частью уже осыпались, превышение и удаление наблюдательных пунктов было такое, что никакие детали расположения противника рассмотреть оттуда было нельзя.

Командир бригады, по-видимому, тоже ожидал, что австрийцы не сегодня-завтра должны отступить, и терпел такое положение, но, видя, что дело затягивается, приказал обоим дивизионам высылать ежедневно на левый берег Сана по одному младшему офицеру — наблюдателю. Таким образом я познакомился с положением на западном берегу.

На этой позиции, оказавшейся последней на Сане, мы получили приказание отправить один взвод в полном составе в тыл, и по исполнении этого наши батареи стали 6-орудийными до конца войны. Мне было очень жаль, что наша артиллерия на войне уменьшается в силе. Но, что делать, если надо было восстанавливать погибшие бригады, а материала не было.

Затем случилось событие, изменившее коренным образом боевую деятельность бригады, а в особенности 5-ой батареи: командир бригады, г. м. М. Промтов был назначен командующим 82-ой пех. дивизией; наш «мифический» командир дивизиона вступил в командование бригадой, а «Наш Франц-Иосиф» — в командование 2-м дивизионом. Это означало, что батареи 2-го дивизиона остались вообще без начальства. Бригадой же стал командовать и. д. начальника штаба дивизии, причисленный к ген. штабу шт. кап. Арнольдов, б. офицер одного из финляндских стрелковых арт. дивизионов, в сотрудничестве с нашим бригадным адъютантом,

подпоручиком Таматиным. В командование 5-ой батареей вступил шт. кап. Курзеньев.

III

23 октября была моя очередь дежурства на передовом наблюдательном пункте. Рано утром, чуть рассвело, я вышел из своего окопа на батарее и был поражен царящей тишиной. Я объяснял себе это случайностью, которую надо использовать, и пошел быстрыми шагами по полю, стараясь как можно скорее достигнуть первого укрытия — спуска к понтонному мосту. Тут надлежало сделать остановку, набраться дыхания и перебежать через мост так быстро, что пулеметы у моста в Лежахове не успеют окатить понтонный мост свинцовой струей. Все это шло по программе и в продолжающейся тишине.

На западной стороне, почти против моста, в крутом обрыве холма, была выкопанная яма, завешанная рогожей в качестве двери. Это был командный пост к-ра пех. бригады, ген. м. барона фон Бэра. Но теперь рогожи не было, а яма была пуста! Я прошел мимо и встретил двух солдат, которые собирали какие-то монетки, и обратился к ним с вопросом о том, что случилось? «Ночью австрийцы отступили», ответили они. «А где полк?» — «Преследует отступающих». Очень приятная новость! Но почему нам ничего не сообщили?

Я шел все-таки по ходу сообщения и, не показываясь наружу, пришел на свой наблюдательный пункт (который я же в свое время и выбрал). Он был в передней линии окопов, шагах в 40 от противника, что не мешало ему быть столь же безопасным, как на полигоне в мирное время, при соблюдении двух условий: не высовываться над бруствером и не смотреть в бойницы. Бомбометы и минометы, и даже ручные гранаты в те времена еще не существовали, а артиллерия стреляла сюда не могла ввиду близости к собственной пехоте. Пункт был на холмике, наблюдать нужно было в полоборота над снижающимся бруствером, иногда — перемещаясь вдоль окопа.

Наши телефонисты ночевали на нем и, казалось бы, могли дать более подробные сведения. Они подтвердили, что противник отступил, а на мой вопрос, почему не донесли, ответили, что спали и ничего не знали, пока не проснулись перед моим приходом. Потом я вылез из окопа наверх и окончательно убедился, что противника нет.

Но почему артиллерия не была поставлена в известность об австрийском отступлении? Этот факт говорил за то, что штаб дивизии до сих пор ничего не знает? Это было тем удивительнее, что штаб был не далее версты от боевой линии! Так или иначе, вероятность, что мое донесение будет первым, была налицо, и я со-

ставил план, казавшийся мне достаточно эффективным: вызвал к телефону бригадного адъютанта и сказал:

— Прошу разрешения уйти с наблюдательно-го пункта.

— Что за фантазия? — ответил он.

— Никакой фантазии! — возразила я — Раз противника нет, мне нет смысла оставаться на набл. пункте.

— Как это «противника нет», — спросил удивленный адъютант.

— А вы ничего не знаете? Сегодня ночью австрийцы отступили и Путивльский полк их преследует, — отвечал я.

— С вами хочет говорить полковник Макаров (вр. командующий бригадой). Передаю трубку, — закончил адъютант.

— Что такое случилось? — услышал я голос полковника.

Я доложил все, что знал.

— Подождите у телефона: с вами хочет говорить начальник штаба.

У телефона затем оказался шт. кап. Арнольдov. Я повторил ему свой доклад.

— Где ваш наблюдательный пункт? — спросил он затем. — Подождите меня на нем, я сейчас приду к вам.

Ждать не пришлось долго: через 10 минут я уже видел его шагающим ко мне и вышел навстречу. Он остановился и начал смотреть в бинокль во все стороны, но, как и я, ничего не увидел, ни своих, ни чужих, — все потонуло среди хуторов, деревьев, перелесков и лесов.

— Да, никого нет! — сказал Арнольдov. — Надеюсь, я могу вернуться в батарею? — закончил я вопросом, которым начал свои теле-

фонные разговоры. — Конечно, — ответил он, и мы пошли к понтонному мосту, через который уже не нужно было бегать.

На батарее новость уже знали и наслаждались отсутствием летающих пуль. День был, кстати, солнечный и теплый. Потом было получено сообщение, что для преследования вызвана кавалерия (и это вызвало иронические замечания наших номеров!). Но ни кавалерия, ни мы не могли перейти Сан, пока не будет поставлен понтонный мост, ибо тот, через который я бегал, был вне дорог и упирался в обрыв холма, с ямой барона Бэра внизу и нашим набл. пунктом наверху, с противоположной стороны. Когда мост был готов, и мы переправились через него, то могли до наступления темноты пройти только 5-6 верст и остановились на ночлег в каком-то селении.

Вопрос, почему наши пустились преследовать противника, не известив об этом штаб дивизии, остался для нас вопросом навсегда. Но относительно самого преследования, мы узнали от путивльцев интересную подробность: один из батальонов (батальоны тогда по своей численности равнялись роте) преследовал противника так энергично, что опередил его, попал в окружение и был взят в плен. Однако, когда конвой вел пленных через лес, кто-то из пленных подал команду: «Разбегайся во все стороны!» Конвой был поставлен перед совершившимся фактом, а батальон присоединился к полку (к сожалению, без оружия). Плен продолжался всего лишь два часа.

9.2.1974

В.Е. Милоданович



“Заря с церемонией”

Был жаркий июль 1903 года, время расцвета дружеских отношений между Императорской Россией и республиканской Францией. Чтобы еще больше подчеркнуть неизбежность этого союза, приехал с визитом в Россию президент Французской республики Лубе (если не ошибаюсь в фамилии). Государь пожелал показать ему жизнь своих войск, стоявших в то время в Красносельских лагерях. Это не был смотр, а, просто, посещение Царем своей армии, которое бывало ежегодно летом и называлось оно «заря с церемонией». Заклучалось это в следующем: все войска лагеря, в своей обыденной форме (белые рубашки с погонами) находились или в палатках, или же около них, ожидая, когда дневальный, стоявший на «передней линейке», заорет во все горло: «Все — на линию!». Этот вызов означал, что едет лично Государь. Услышав этот крик, все дневальные других частей, стоявших рядом, подхватывали его, и он несся по всему расположению войск, весело предупредая, что едет повелитель всех народов Великой России и что надо его встречать. Мы же, услышав этот призыв, должны были без всякого строя стать на передней линейке, чтобы приветствовать Государя.

В этом году я был на старшем курсе роты Его Величества Павловского военного училища. Чтобы было понятнее, мне придется обратиться назад, к далекому прошлому, и объяснить почему я, с детства проведший свою жизнь в России с лошадьми, заядлый охотник и вообще человек свобододолюбивый, выбрал училище, гремевшее на всю Россию своей строжайшей дисциплиной и доведенной до идеала муштровкой. Кончил я любимый Первый корпус по первому разряду, но с неважными баллами: по математике, которая мне не давалась, и как любитель лошадей, хотел пойти в кавалерийское училище, будучи уверен, что отец, который был тоже «лошадник», не будет возражать против моего желания. К моему несчастью, оказалось, что я ошибся, так как отцу пришла в голову идея сделать из меня моряка, хотя за много столетий все наши предки служили Царю и родине исключительно в сухопутных войсках, и большинство из них, наверное, моря никогда и не видели. Таким же сухопутным человеком был и я, в первый раз увидев море во время гражданской войны. В имени, в котором мы все родились, был только маленький пруд, в котором водились караси и лягушки, и я не умел даже плавать, так как вода в пруде, очевидно от множества ключей, была холодна, как лед, и высидеть в ней боль-

ше двух-трех минут было невозможно. Никаких других «вод», ни текучих, ни стоячих, не было, а потому, когда в Добровольческой армии мы, три брата, попали в Крым и увидели море, то отнеслись к нему недоверчиво, а один из нас, попорбовав воду, плюнул и сказал: «Не могу понять, как можно восхищаться морем! Воды много, а пить нечего. То ли дело наш пруд дома!»

Разговор наш с отцом кончился очень скоро, так как я заявил ему, что в моряки не пойду. Мой ответ поразил его, ибо в нашей семье, очень строгой и патриархальной, воля родителей исполнялась беспрекословно. Посмотрев на меня сурово, отец проговорил ледяным тоном: «Ну, тогда иди, куда хочешь, но знай, что денег от меня не получишь ни гроша». Я очень любил отца за его богатырскую наружность: он весил 152 кило, за его силу, — в молодости он ломал подковы и выпивал бутылку шампанского без передышки, прямо из горлышка, но по упрямству оба мы были «одного поля ягоды» и отлично сознавали, что ни один, ни другой не уступит. Служить же в кавалерии и жить на одно офицерское жалованье самолюбивому человеку было невозможно. Вот почему я сделался против своей воли «павлоном».

Привыкнув в корпусе к мягкому, чисто родственному отношению к нам наших офицеров-воспитателей, я был просто поражен той сухостью, с которой нас встретило начальство училища. О муштровке, которая началась на следующий же день, я уже и не говорю. Меня, например, полтора месяца не пустили в отпуск, а учили отдавать честь. Человек, однако, такое животное, что привыкает ко всему. Так и я, если и не привык, то свыкся, правда — с большим трудом. Надо отдать справедливость училищному начальству, оно добивалось своего, и более подтянутых людей, чем мы, юнкера, не было, наверное, и в прусской армии, и я твердо верю, что если бы «великая и бескровная» началась в то время, то для ее подавления было бы достаточно послать этот наш, скованный железной дисциплиной батальон, и от революции не осталось бы и следа.

Готовиться к «зарю с церемонией» начали месяца за три. В почетный караул к «Царскому валику» из нашей роты было выбрано 60 человек, с которыми велись ежедневно дополнительные строевые занятия. Меня же мало того, что назначили в этот караул, выбрали еще и в «парные часовые», которые должны были стоять на виду у всех, у входа в Царскую палатку. Кроме меня, в парные часовые были

назначены юнкера Несмелов, очень красивый кавказец Кулюкин, и еще один, чью фамилию точно не помню, а ошибиться не хочу. С этим назначением шутить было нельзя, так как стоять придется рядом с Государем, на виду у всех, и сознавая, что на тебя смотрят тысячи глаз, готовых заметить твой самый маленький промах, который никогда не забудется не только начальством, но и теми же юнкерами. Все эти возможные случаи приходили мне в голову, но я над ними не задумывался, а был горд и счастлив тем, что мне оказано такое доверие. Перед обедом ко мне зашел мой закадычный приятель, юнкер, лезгин, Шамс Эддин Алхаз Гуссейн Доногуев, сын наиба Шамиля. Он осмотрел меня с ног до головы и сказал мне: «Смотри, Александер, не подведи!»

В три часа раздалась, наконец, крики дневальных: «Все-на линию!» В один миг мы все выбежали на переднюю линейку и услышали приближающиеся к нам крики «ура». Это войска приветствовали своего Вождя, а скоро увидели его и мы. Государь ехал верхом и, подвехав к нам, крикнул с улыбкой: «Здравствуйте, мои молодцы юнкера!»

Тут грянуло такое гомогуче «ура», что у меня в ушах зазвенело, и в воздух полетели сотни белых фуражек, сорванных в порыве вполне понятного восторга с молодых юнкерских голов. Глаза мои сами собой впились в Государя, так как все в нем меня интересовало, и особенно его посадка. Я сразу увидел, что он опытный, выросший в седло ездок. Осталось у меня в памяти и его довольное от нашей встречи лицо. Хорошо помню я и двух трубачей-конвойцев, лихо сидевших на своих чудных горских конях. Дальше ехало человек восемьдесят блестящей свиты, среди которых выделялись своими формами военные агенты иностранных держав. Сзади свиты ехала коляска, которую везли шесть белых, как снег, лошадей. Ими правили дворцовые жокеи в париках, что мне совсем не понравилось. В коляске сидела Императрица Александра Федоровна, а левее ее — французский президент. Дальше шли экипажи с Великими Княгинями и Княжнами. В одном из них сидела с своей матерью Великая Княжна Елена Владимировна, будущая греческая принцесса, замечательная красавица того времени. В общем, впечатлений было столько, что моя голова удержала только малую часть виденного, о чем я, как всегда правдиво, и делюсь с читателями.

Не успела последняя коляска проехать, как всем назначенным в почетный караул приказали строиться и после беглого осмотра повели к Царскому валуку, отстоявшему довольно далеко. Когда мы пришли туда, нас четверых, назначенных в парные часовые, вызвали и увели в палатку приводить себя в приличный вид.

Явилось все начальство и нас еще несколько раз осматривали и давали наставления, видимо волнуясь. Наконец нас повели на довольно высокий валик, — первую смену, состоявшую из меня и Кулюкина. Поднявшись по лестнице, мы оказались на довольно большой, круглой площадке, позади которой и посередине стояла большая царская палатка, а в трех-четырёх шагах от входа в нее лежали на песке толстые круги, на которые нас и поставили, меня справа, а Кулюкина слева. Все время «зари с церемонией» было, по-моему, рассчитано по минутам или даже по секундам, так как едва наше начальство спустилось с валика, как к нему подлетела парная коляска, из которой вышли две дамы. Они поднялись на валик и подошли к палатке. Мы совершенно не знали, кто они, но Кулюкин мигнул мне, и мы оба одновременно отдали им честь, взяв винтовки на караул поэфрейторски. Дамы очень мило нам улыбнулись и кивнули головой в знак благодарности. После этих первых прибывших, коляски стали подъезжать одна за другой. Появилась на площадке и красавица Елена Владимировна, которую мы взяли на караул с особым удовольствием. Она, конечно, знала силу своей красоты и, поняв, очевидно, наше настроение, очаровательно нам улыбнулась. Сколько времени продолжался подъезд, сказать не могу, так как время перестало для меня существовать. Но вот к валику подъехал сам Государь и только что успел он слезть с лошади, как подъехала и коляска с Императрицей и президентом. Царица была, как и все свитские дамы, вся в белом, а президент в цилиндре и во фраке, на котором сияла большая звезда и ярко выделялась красная лента. Президент был довольно полный и представительный мужчина. Взойдя на валик, он проводил Императрицу в палатку, а сам остался на площадке, став в двух шагах от меня.

До сих пор я описывал все виденное мною с точностью фотографического аппарата, но в дальнейшем, боюсь, память мне изменяет, так как с тех пор прошло уже ровно 70 лет, а кроме того, в тот день я видел слишком много и моя молодая голова не могла всего вместить и удерживать в памяти. Хорошо помню, что на валике стояли одни дамы, из мужчин был один только президент и мы с Кулюкиным. Меня очень удивило, что на площадке не было ни одного Великого Князя и никого из свиты Государя. Все стояли внизу. Государь, сойдя с лошади, пошел здороваться с почетным караулом и принимать рапорта от фельдфебелей и вахмистров Шефских рот и эскадронов. Сборный оркестр, в котором участвовало много сотен музыкантов, сыграл зарю, а великан-барabanщик Преображенского полка внятно прочел молитвы — «Отче наш» и «Спаси, Господи». Приняв рапорта, Государь взшел на валик, вторично по-

здоровался с нами и сказал : « Стоять вольно ! »

Начался концерт огромного духового оркестра. Вдруг хлынул ливень, и все, начиная с Государя, промокли до нитки. Нас сменила вторая пара часовых, и мы, спустившись с валики, вошли в палатку и ничего больше не видели.

Все пережитое в тот знаменательный для нас день было настолько величественно и красиво, а вместе с тем и просто, что осталось в памяти навсегда. Особенно большое впечатление произвела на нас молитва, которую читал ба-

рабанщик, и Царь вместе с нами и с простыми солдатами молился Богу.

В общем, все сошло прекрасно, и на следующий день во всех русских, а потом и в иностранных газетах появилось описание « зари с церемонией » с лестными отзывами о нас, парных часовых. Один из военных журналов кончал свою статью словами : « Так могут стоять только юнкера Павловского военного училища »...

Муштровка дала свои результаты.

Александр Ветлиц

Послесловие к статьям КРТ

См. №№ 124, 126, 127 и 128

В мирное время, до 1914 года, жизнь солдата шла по установленному расписанию и по сигналам. Эти сигналы подавались на рожке солдатом — « горнистом » или на барабане — барабанщиком. Обычно один день дежурил и подавал сигналы горнист, один день — барабанщик.

В каждой роте были « ротные музыканты », — горнисты и барабанщики, носившие, как знак своего отличия, особые матерчатые наплечники.

Мотивы сигналов горнисты запоминали « на слух » (при почти сплошной неграмотности солдат о нотах не было и речи) и также « на слух » они учились играть. Обучением руководили или музыканты из полкового оркестра или же кто-нибудь из старослужащих горнистов. Обучение барабанному бою производилось так : устраивалось нечто вроде стола, на него клалась толстая доска, и обучающиеся, вооруженные самодельными толстыми и более тяжелыми, чем настоящие, барабанными палками (это делалось для развития кистей рук), учились выбивать сигналы на этой доске. Мотив сигнала заучивали наизусть (это должны были знать и все прочие солдаты) и для этого еще в давние времена для легкости запоминания неизвестными авторами к каждому сигналу были сочинены слова , зачастую не совсем приличные; каждый рядовой должен был знать сигналы и что он должен по ним делать.

Сигналы были : подъем, сбор, отбой, на молитву, на обед, вечерняя заря, тревога , в атаку,

огонь, походная колонна (марш).

Слова сигналов : на обед : « У маменьки, у папеньки просил солдат говядинки, — дай, дай, дай ! »; ужин : « Бери ложку, бери бак, хлеба нету — ступай так ! »; вечерний отбой : « Спать, спать, по палаткам ! »; огонь : « Попади ! Попади ! Попади ! ; в атаку : « Колонна храбрая вперед, равнение направо ! Кто первый на стену взойдет, — тому и честь и слава ! » и т. д.

С началом войны, в 1914 году, за недостатком « строевых » штыков, все эти ротные музыканты были поставлены в строй и никаких сигналов уже не подавалось. В 1915 году, в запасных частях в глубоком тылу стали возрождаться барабанщики из-за необходимости обучения мобилизованных ходьбе « в ногу ».

ВООРУЖЕНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ РУССКОГО СОЛДАТА В ВОЙНУ 1914-18 ГГ.

Русская трехлинейная винтовка образца 1891 года с ружейным ремнем для носки « на ремень ». Недостаток винтовок заставлял вооружать целые дивизии, обычно — второочередные, трофейными австрийскими винтовками, к которым были изготовлены , взамен австрийских штыков-ножей , особые штыки, не препятствующие стрельбе с примкнутым штыком. 200--250 боевых патронов с конической пулей. Патроны носились в двух кожаных поясных подсумках, состоявших из двух отделений. В каждое из них вставлялась картонная пачка из

15 патронов, по пять патронов в жестяной обойме. Тесемка у пачки развязывалась, и крышка пачки или подгибалась к боку или отрывалась напрочь. Часть патронов носилась в нагрудном брезентовом патронташе, в каждое отделение которого вставлялось по две обоймы. Остальные патроны носились в завязанных пачках в вещевом мешке.

Ручная граната русского образца — «фонарик», квадратной формы с деревянной ручкой, и «бутылка», с железным корпусом и ручкой. Были и нарезные гранаты системы Лемана, называвшиеся «лимонками», и крайне неудобные в обращении чугунные же гранаты швейцарского образца с терочным капсулем-взрывателем. Терка — тонкая дощечка с наклеенным на нее составом, как у спичечной коробки, — привязывалась на левую руку, выше локтя. Капсюль — короткая трубка с зажигающей головкой — вставлялся в запальное отверстие, затем нужно было головкой капсуля «черкнуть» по терке. Головки часто ломались и не зажигались. Русские гранаты были удобнее, — стоило только сдернуть с нее предохранительное кольцо.

К винтовке имелся прибор для чистки: медная, вращающаяся на оси протирка; шомпольная шпилька, вставлявшаяся в отверстие головки шомпола, за эту шпильку брались пальцами и чистили винтовку шомполом, причем протирка, обмотанная паклей, вращалась в канале ствола, очищая его поверхность и нарезы. Для предохранения мушки при чистке винтовки, чтобы не сбить ее, на конец ствола надевалась дульная накладка со сквозным отверстием для пропуска ствола винтовки. Эта накладка предохраняла и от расширения канала ствола у дульного среза, не давая шомполу тереться о стенки канала. Для чистки пазов ствольной коробки и затвора имелся набор палочек, обычно их делали сами солдаты. Сюда же относилась железная масленка для ружейного масла с навинтованной горловиной и крышкой. Упомяблялась она солдатами как табакерка для махорки.

Ножницы для резки проволоки и рукавицы к ним. Носились в брезентовом чехле на поясе или в вещевом мешке. Выдавались по несколько штук на роту.

Носимый шапцевый инструмент: лопата, носилась в кожаном или брезентовом чехле на левом бедре. Очень ценилась солдатами и как возможная защита от пули, для чего в бою, опасаясь ранения в голову, лопату держали в левой руке на высоте лица, наискось, в надежде, что пуля срикошетирует при попадании. Лопата была незаменима при самокапывании, ею можно было рубить колючую проволоку, тем более, что у многих лопат ковые края были остро заточены. Топор; тоже носился в чехле,

на поясе, у левого бедра. Выдавались по дватри на взвод. Кирко-мотыга; самый неудобный и нелюбимый солдатами инструмент. Длинные концы и рукоятка мешали и при обычной ходьбе, а в боевой обстановке тем более. Солдаты всячески старались избавиться от кирко-мотыги, да и нужды в них особой не было. Выдавались по несколько штук на взвод.

Штыковой перископ. Два зеркала в железной оправе, вкладывавшиеся одно в другое, с кольцами для надевания на штык. Нижнее зеркало надевалось на низ штыка, верхнее — на конец. Винтовка поднималась над бруствером окопа, верхнее зеркало направлялось в сторону противника, а в нижнее велось наблюдение. В основном сидении 1915-16 гг. применялись мало и очень ценились солдатами как зеркала для брיתы.

Противогаз. Появился в конце 1915 года. Сначала это была «маска-рыльце» из нескольких слоев марли с тесемками для завязки на затылке. Маска перед употреблением смачивалась раствором гипосульфита, носимого в стеклянном шкалике в специальной сумочке, на лямке через правое плечо. Защитные очки, отдельные от маски, с тесемками для завязывания на затылке. Вскоре появился на вооружении противогаз Куманта-Зелинского: резиновая маска-шлем, с очками, прикрепленная к горловине противогазовой коробки, в которой находился активированный уголь. Коробка была железная, четырехгранная или овальная, с такой же крышкой, в нее укладывались маска-шлем. В коробке первоначальных образцов уголь был насыпан свободно, не было сжимающей его прокладки, поэтому он перетирались, превращаясь в пыль, и нужно было перед надеванием продуть коробку. Внизу коробки было дыхательное отверстие, закрывавшееся пробкой на цепочке.

Поскольку отравляющие газы противник на австрийском фронте почти не применял, солдаты не очень верили в действие газов и не очень берегли противогазы, избавившись в первую очередь от шкаликов с гипосульфитом. В 1916 г., к нашему наступлению, масок-рыльц уже почти не было.

Фляга — алюминиевая или стеклянная, в суконном или молескиновом чехле с тесьмой для ношения через плечо (все через правое!). Стеклянные фляги были очень непопулярны, их намеренно разбивали и старались получить алюминиевую. Пределом желаний солдат было завладеть в бою австрийской флягой, большего, чем русская, размером, эмалированной, тем более, что в бою в них обычно бывал ром.

Полотнище походной палатки из защитного цвета легкого брезента, с деревянной полустойкой и приколешем. В летнее время полотнище складывалось поверх скатки, зимой надевалось,

как скатка, через плечо. Полустойка закреплялась в скатке, за спиной. При позиционной войне полотнище палатки употреблялось как подстилка на земляных нарах землянки. Полу-стойки и приколы были обычны утеряны.

Ремешок — трынчик для стягивания концов скатки шинели.

Котелок, медный, луженый или алюминиевый, почти цилиндрической формы или выпукло-вогнутый, с дужкой. В летнее время в него вставлялись концы скатки шинели, дужка помещалась между ее концами, закреплялась трынчиком. Зимой котелок надевался таким же образом на концы скатки полотнища палатки.

Индивидуальный перевязочный пакет, состоявший из бинта с двумя марлевыми подушечками, ампулы с иодом и английской булавки. Все помещалось в два чехла, причем внешний, прорезиненный, был прострочен ниткой, концы которой выходили за пределы пакета, — нитку выдергивали и пакет открывался. На одной стороне пакета были напечатаны правила пользования им. Перевязочные пакеты тщательно береглись солдатами, и почти все умели ими пользоваться, учась этому самостоятельно у старослужащих.

Кошки для лазанья по горам. Осенью 1916 года, при вступлении русских войск в Румынию и в Карпатские горы, были выданы кошки, прикреплявшиеся ремешком к подошвам сапог.

Стальная каска французского образца была выдана в 1917 году. Носилась прикрепленной к поясному ремню или к горловине вещевого мешка. Кроме солдат ударных батальонов, созданных на добровольных началах, сохранивших дисциплину и боеспособность и фактически до 1918 года удерживавших фронт, каски носили «щеголи». Боев уже не было, было братанье, и в касках, в тылу и без всякой необходимости, ходили, как правило, ни разу не побывавшие в боях или под обстрелом члены разных солдатских комитетов, старавшиеся выдать себя таким «боевым» видом за обстрелянных солдат.

Вещевой заплочный мешок из защитного брезента со стягивающейся горловиной и ляжками для ношения. В мешке носилось все «хозяйство» солдата: прибор для чистки винтовки, запасные пачки патронов, кружка, ложка, чай, сахар, хлеб, прибор для бритья (у кого он был), письменные принадлежности (у грамотных) — химический карандаш, бумага, конверты. Пара белья. В нем же носился и «неприкосновенный запас» — мешочек с галетами и банки консервов. Весной 1916 года этот НЗ было разрешено съесть, — галеты из белой муки были очень вкусны, а консервы из осетрины, целым куском, просто великолепны.

Летнее: защитная гимнастерка с двумя нагрудными карманами и брюки. Белье белое и портянки. Суконная, защитного сукна, фуражка с железной кокардой. Шинель серо-шинельного солдатского сукна, на крючках, с холщевой подкладкой до талии. Погоны защитного цвета, суконные или молескиновые. Поясной кожаный ремень с пряжкой. Медные поясные бляхи с двуглавым орлом сохранились у редких солдат, обычно-кадровых. Кожаные сапоги.

Зимнее: суконная гимнастерка с двумя нагрудными карманами, поясной стяжкой с двумя крючками для заправки поясного ремня, суконные защитные брюки. Фланелевое белье и портянки. Портянки были и суконные. Фланелевый набрюшник с завязками. Папахизм из искусственного барашка с отстегивавшимися затылником и боками, что позволяло закрывать шею и уши. Для защиты носа и рта — суконная полоса, пришитая одним концом наглухо к внутреннему краю папахи; другой конец застегивался на пуговину, пришитую к другой стороне папахи. Ватные стеганые куртка и брюки. Валенки выдавались зимой и их было очень мало.

В 1917 году, после февральской революции, появились суконные или бязевые пилотки, ботинки с обмотками. Как новость, эта мода имела успех. Однако ношение обмоток требовало искусства их одевания, в противном случае они опускались или разматывались. Зимние рукавицы — хорошие и теплые — имели указательный и большой пальцы для удобства стрельбы из винтовки.

ПИТАНИЕ

На руки ежедневно выдавалось три фунта ржаного хлеба, сахар, чай, мыло и мажорка, норму которых теперь уже не помню. В каждой роте имелась полевая походная кухня и кипятильник. Возглавлял их «кашевар», как называли тогда ротного повара. Утром и вечером полагался чай. Обед — ежедневно мясной, с порцией мяса, щи или суп из разных круп. После февральской революции, в первое время, резко ухудшилось снабжение и суп варили. запрапля селедкой, перловой крупой, чечевицей, получившей название «шрапнели». На второе к обеду была пшенная или гречневая каша на бараньем или говяжьем сале. В Румынии в зиму 1916-17 гг. на второе часто бывала рисовая каша. Солдаты были всегда сыты и благодаря постоянно поступающим подаркам и наличию солдатской лавочки, в которой продавались папиросы, мажорка, мыло, писчая бумага и конверты, нитки и иголки и прочая мелочь, нужды

ни в чем не испытывали. На 75 копеек жалованья можно было купить все эти мелочи.

Ротные фельдфебеля и подпрапорщики были все вооружены револьверами системы Наган и шашкой драгунского образца.

Полковая команда конных разведчиков была вооружена винтовками драгунского образца и шашками. Седла были тоже драгунские.

Полковая пулеметная команда (рота) имела на вооружении пулеметы Максима с двучолками для их перевозки и патронными двучолками. По штату пулеметов было восемь, но потом число их увеличилось за счет трофейных пулеметов Шварц-Лозе или германских Максимов. Сами пулеметчики были вооружены карабинами и кинжалами «бебуг».

Полковая саперная рота имела возимый шанцевый инструмент: саперные лопаты, киркоматыги, ломы, пилы, топоры, запас колючей проволоки и электрическую машинку для подрыва фугасов и другое имущество.

Полковая команда траншейных орудий имела на вооружении бомбометы системы Азена, минометы системы капитана Лихонина с запасом бомб и мин и двучолки для их перевозки. Солдаты были вооружены винтовками. В некоторых полках были скорострельные мелкокалиберные пушки системы Маклена.

Офицеры и военные чиновники приобретали оружие, обмундирование и питание за свой счет. Вооружение: револьвер наган с запасом патронов, шашка, офицерского образца. бинокль, компас, свисток для подачи сигналов, полевую сумку с полевой книжкой для донесений. Индивидуальный перевязочный пакет.

Офицерское «жалованье» — основной получаемый оклад сохранился до октябрьской революции в том же размере, который был установлен еще Петром Первым в «табели о рангах». Например, прапорщик получал 50 рублей в месяц плюс 10 рублей добавочных. Для состоящих в Действующей армии были установлены (в зависимости от должности) «полевые порционные деньги», а командир роты получал до 200 рублей в месяц, по тем временам сумма очень значительная. Тратить деньги на фронте было почти не на что. Были заядлые картежники, играли в «шмен-де-фер», «железку», как тогда говорили, и выигрывали или проигрывали за вечер крупные суммы. Например, прапорщик нашего полка Бойко выиграл однажды за вечер 600 рублей. Но большинство офицеров, а таковыми были, в основном, сыновья трудовой интеллигенции, неженатые молодые люди, к тому же, слали излишки своих денег своим родным.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОСТАВ ПОЛКА

Армейский пехотный полк, а с конца 1915 года и все стрелковые полки, российские, сибирские, туркестанские и финляндские, состояли из: штаба полка во главе с адъютантом полка; при штабе находились начальник связи и комендант штаба, знаменный взвод с полковым знаменем, команда связи (телефонно-шестьовая) и комендантский взвод. При штабе же был и помощник командира полка по строевой части.

Строевая часть полка: четыре батальона, по четыре стрелковых роты в каждом. Штабов в батальонах не было из-за недостатка офицерского состава. Рота делилась на четыре взвода по два отделения в каждом, отделения разбивались на звенья, по 3-4 человека, в зависимости от числа личного состава. Обычно в роте было два офицера: командир роты, он же командир первой полуроты, и младший офицер, командир второй полуроты. В каждой роте были: ротный писарь, артельщик (выборная должность), ведавший вопросами питания, ротный фельдшер, — обычно грамотный солдат, подготовленный на усилках курсах. Кашевар, два санитары с носилками, каптенармусы, вещевого и оружейный, ротная двучолка, ротная патронная двучолка с запасом патронов и гранат, полевая кухня и кипятильник. Командиру

роты полагалась строевая лошадь. Пользоваться ею приходилось крайне редко, разве что при переходах. Кроме того, многие офицеры считали недостойным пользоваться таким преимуществом перед солдатами и шагали пешком.

Кроме 16 номерных рот со штатом в 250 человек были :

Команда пеших разведчиков в составе роты. Саперная рота, пулеметная команда (рота), учебная команда (рота), готовившая младший командный состав, унтер-офицеров, команда конных разведчиков, команда связи, команда траншейных орудий, химический взвод с баллонами хлора и фосгена, комендантский взвод, знаменный взвод, музыкантская команда — полковой оркестр во главе с капельмейстером с музыкальным образованием, и трофейная команда по сбору оружия.

Хозяйство полка возглавлялось помощником командира полка по хозяйственной части. Оно состояло из нестроевой роты во главе с ее командиром — начальником полкового обоза 1-го и 2-го разрядов, гурта порционного скота; мастерских : сапожной, швальной и оружейной, и солдатской лавочки. При хозяйственной части находились полковой казначей и делопроизводитель со штатом писарей.

Полковой околодок : старший врач, младший врач и несколько фельдшеров и санитаров. Санитарные двуколки. При околодке находились и машина — «вшибойка». При расположении полка в населенных пунктах околодок организовывал мытье в банях примитивного устройства и пропуск обмундирования через «вшибойку». В районах железных дорог курсировали прекрасно оборудованные поезда-бани.

Летом 1917 года значительно возросло снабжение армии оружием и боеприпасами. При полках были сформированы дополнительные пулеметные команды — роты.

Имелся и полковой священник с причетником из солдат. Эти люди почти бездействовали, живя при обозе, церковных служб не исправляли, за исключением редких случаев, — похорон. Как правило, священник не пользовался никаким уважением у солдат, и они называли его «долгорывым». Офицерство терпело священника в своей среде как неизбежное зло.

Общая численность полка доходила до 5-6 тысяч человек при 50-60 офицерах.

Питание офицеров обеспечивалось «офицерским собранием». Офицеры выбирали «хозяйина собрания», который ведал и офицерской лавочкой, которая в отличие от солдатской имела более обширный ассортимент товаров. Кухня офицерского собрания возглавлялась артельщиком — унтер-офицером — и обслуживалась квалифицированным поваром с помощником. Имелась походная кухня и хозяйственные повозки-фурманки с ездовыми. Стоимость

питания равнялась примерно тридцати рублям в месяц. Часть продуктов покупалась за наличный расчет от хозяйственной части, а часть покупалась у местного населения, — куры, утки, яйца, поросята, картофель и т. д. Меню состояло примерно из таких блюд : завтрак — два пирожка с рисом и яйцами или с мясом и булки — «франзоли». Предприимчивый повар возил с собой чугунную плиту и духовку и на каждом новом месте складывал плитку, на которой готовил обед, и в духовом шкафу пек. Обед : мясной суп или щи, жаркое, от котлет до жареных уток или кур с соответствующим гарниром (макароны, пюре, каша). Ужин — котлеты, заливное, беф-строгнов. Меню было разнообразное, а повар был мастер своего дела. На позицию еда доставлялась офицерам денщиками, для чего каждый офицер имел столовые судки. Когда полк стоял на отдыхе или в резерве, устраивалась специальная столовая или строился примитивный навес с вкопанными в землю столами и лавками или же приспособлялась изба. На обед все офицеры были должны являться в обязательном порядке. За стол садился только по приходе командира полка и с его разрешения приступали к обеду. Обслуживали собрание солдаты-офицанты. Иногда во время обеда играл полковой оркестр. После обеда и ухода командира полка официальность исчезала, оставалась молодежь и начинались веселые разговоры и анекдоты. За обедом офицеры полка знакомились друг с другом, ибо, находясь в окопах, офицер знал только своего сослуживца по роте и командира батальона.

Почта. Полк обслуживался полевой почтой. Адрес писался так : Действующая армия, 5-й стрелковый полк. Считалось, что этим сохранялась военная тайна, но указание номера полка никакой тайны не сохраняло. Помимо того, требовалось, чтобы солдаты писали на погонах химическим карандашом номер полка, все раскрывало и поскольку позиционная война вызывала продолжительное пребывание части на одном и том же месте, окрестное население прекрасно и без всякого труда знало, какие именно части расположены в их районе, а противнику через свою агентуру это легко раскрывалось, кто находится против него, когда части сменяются и как фамилия не только командиров полков, но и всех вообще офицеров. Зачастую местные жители знали, какие части стоят в ближайших окрестностях, лучше чем офицеры полков.

В довоенное время солдаты обучались сигнализации по азбуке Морзе. Сигнализация велась

днем флажками, один поднятый флажок значил точку, два — тире. Для запоминания букв по азбуке Морзе существовал такой способ: для каждой буквы по азбуке Морзе подбирались слова, начинающиеся с той же буквы, причем из стольких слогов, сколько знаков по Морзе, и слог с буквой О обозначал тире, а с прочими гласными — точку. Так, буква А по азбуке Морзе обозначается «. —», и слово для запоминания было «А-зов»; буква Б — «—...» ,слово «бо-га-ты-ри»; буква О «— — —» слово — «о-ло-во» и т. д.

Для обучения солдат грамоте при полках существовали в мирное время солдатские школы, руководимые офицерами, в которых неграмотных солдат обучали читать и писать и четырем правилам арифметики. Имелись и небольшие солдатские библиотечки с самой примитивной литературой религиозно-монархического содержания. Выписывались и «солдатские» журналы, как «Разведчик» и «Витязь», доступные для чтения и понимания только хорошо грамотному солдату, какими были лишь унтер-офицеры.

Практиковались и «чтения» с показом картин через волшебный фонарь. Тут были такие темы как «Страшная месть» Гоголя, его же «Вий», сказки Пушкина. Эти чтения представляли большой интерес для солдат, так как в те времена кино еще не получило своего распространения и было недоступно для солдат. Имелись и граммофоны с набором пластинок с народными песнями и музыкой и военными маршами.

В казармах, на стенах, в обязательном порядке висели портреты Императора и членов Царской Семьи, портреты командующих войсками округа и репродукции с батальных картин или подвигов русских солдат.

Устраивались и вечера самодеятельности, например рождественская елка с соответствующими выступлениями, постановки несложных спектаклей. Обычно артистами бывали призванные на военную службу цирковые артисты

или музыканты. Но все это были единицы при тогдашней постановке народного образования.

Занятиям спортом или, как тогда говорилось, гимнастикой уделялось большое внимание. Обычно летом проводились состязания по гимнастике, в которых участвовали любители или назначенные ротными командирами солдаты. Состязались в беге с препятствиями, в беге в мешках, битье горшков и других несложных упражнениях. Призы были самые простые: пачка папирос, рубль денег.

Каждый год, в конце лагерного сбора, проводились смотровые стрельбы из винтовок, корпусные, которым предшествовали дивизионные и полковые, на проведение и подготовку которых обращалось большое внимание. На них присутствовало высшее начальство — командир полка, начальник дивизии, командир корпуса. Одновременно проводились и офицерские смотровые стрельбы из винтовок с довольно сложными упражнениями как стрельба по появляющимся или движущимся мишеням, стрельба с перебежками по головным мишеням и т. п.

Для питания на зиму квасилась капуста, солились огурцы. Круглый год варился квас, подававшийся к солдатскому столу. Хлеб выпекался на полковых хлебопекарнях, и полки состязались на первенство по вкусному и хорошо выпеченному хлебу.

В городах существовали военные церкви, в которые солдаты ходили строем. Было обязательно ежегодное говение в Великий пост, для офицеров тоже. Солдаты не православные отпускались для посещения костела, кирки или мечети. Существовали и военные кладбища, на которых хоронились солдаты, умершие на службе, сверхсрочнослужащие, офицеры и члены их семей.

Был также медицинский осмотр солдат и назывался он «шванцпарад». Полковой врач осматривал всех солдат, не болен ли кто-нибудь венерическими болезнями. Рота выстраивалась в помещении, и врач производил тщательный осмотр. Но поскольку большинство солдат были деревенскими жителями, женатыми, и в отпуск увольнялись редко, распространения венерические болезни не имели и были редки.

К.Р.Т.

Медалист Висковатов

Каждому ревнителю русской военной старины знаком Александр Васильевич Висковатов — составитель «ИСТОРИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ОДЕЖДЫ И ВООРУЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЙСК», но мало кто знает Висковатова-медалиста, а между тем в означенном труде им описаны также и боевые знаки отличия, причем описаны весьма обстоятельно и со ссылкой на соответствующие указы и пр., чего прежние наши медалисты, как правило, не делали.

Знаки отличия образуют в означенном труде особый отдел, помещенный в конце каждого царствования. Описанию каждого знака предшествует указание на событие, ставшее причиной учреждения такового. Указы и пр. даны в «Приложениях». Начиная с царствования Екатерины II, к описаниям приложены отлично выполненные рисунки.

Ратных знаков отличия допетровской Руси Висковатов касается лишь кратко, но столь верно выявляет их сущность, сколь не делалось ни до, ни после него:

«С пятнадцатого столетия, кажется не ранее, Российские Государы начали жаловать своих подданных в знак благоволения и за отличия золотыми монетами, встречающимися в наших отечественных летописях и актах под названием ЗОЛОТЫХ..., каковые имели то же назначение, что и нынешние медали... Воеводы и сановники, действующие ревностно и неутомимо, получали от Государей ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ, лестную награду того времени, и ими украшали грудь свою вместо нынешних крестов орденов».

Далее Висковатов указывает, что пожалование ЗОЛОТЫМИ продолжалось и при Петре Великом. Так за Азов были розданы:

«Боярину Шеину — ЗОЛОТОЙ в 13 червонных, Адмиралу Лефорту — ЗОЛОТОЙ в 7 червонных, Генералам Гордону и Головину — по ЗОЛОТОМУ в шесть червонных, шести разным сановникам — по ЗОЛОТОМУ в 5 червонных, двум — по ЗОЛОТОМУ в 4 червонных, Генерал-Маиорам — по ЗОЛОТОМУ в 3 червонных, младшим Воеводам и Полковникам — по двойному ЗОЛОТОМУ, Дьякам и подполковникам — по ЗОЛОТОМУ без четверти, младшим офицерам — по ПОЛУЗОЛОТОМУ, стрелцким Капитанам — по четверти ЗОЛОТОГО, урядникам и солдатам Московских солдатских полков и стрелцким пятидесятникам, десятникам, рядовым и пушкарям по КОПЕЙКЕ ЗОЛОТОЙ, городovým солдатам, стрельцам и пушкарям — по КОПЕЙКЕ ЗОЛОЧЕНОЙ».

Отметим, во-первых, выявленную Висковатовым своеобразную субординацию награждений,

а во-вторых, выскажем удивление, как могли и как могли донные некоторые медалисты почитать большую, неудобноносимую и типично памятную медаль на взятие Азова «первою русскою розданною Петром Великим войскам медалью».

Касательно единственной боевой медали Елизаветы Петровны за победу при Куннерсдорфе Висковатов указывает, что: «Генералитету и Офицерам медали сии были розданы золотые, а нижним чинам серебряные» и ссылается на Высочайший указ от 7 мая 1761 года на имя Генерал-Фельдмаршала графа Бутурлина. О том, были ли выбиты золотые медали за Куннерсдорф и доселе идут споры, однако никто не удосужился отыскать означенный указ».

Висковатов дает описания и изображения 18 знаков отличия царствования Екатерины II, но мы упомянем лишь те, касательно которых существуют разногласия. Первою таковою является медаль на Георгиевской ленте с надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ», которую некоторые медалисты почитают прототипом позднейших «Георгиевских медалей», но которая была тогда роздана войскам за одно лишь дело, описанное Висковатовым в следующих словах:

«21 Августа 1789 года — для нижних чинов, отличившихся под начальством Генерал-Поручика Нумсена в атаке Шведских батарей близ устья Кюмени, неподалеку от Гекфорса, учреждена для ношения на желтой с черным (Георгиевской) ленте, круглая серебряная медаль. На лицевой стороне ее — грудное изображение Императрицы с титулом, а на обороте надпись: «ЗА ХРАБРОСТЬ».

Следующей спорной является медаль с надписью «ЗА ВЕРНОСТЬ», касательно которой уже в зарубежье покойный В.Г. фон Рихтер писал:

«...в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Эфрона, том 18, стр. 856, в статье о медалях напечатано: «при Екатерине II установлена медаль для награждения нижних чинов Легкой конницы, прослуживших более трех лет сверх указанного для этого рода войск 15-летнего срока» ...по-моему мнению медаль «ЗА ХРАБРОСТЬ» и есть та, о которой говорится в Словаре» (В.Г. фон Рихтер, СОБРАНИЕ ТРУДОВ ПО РУССКОЙ ВОЕННОЙ МЕДАЛИСТИКЕ» Париж 1972, стр. 283).

Висковатов же дает точное и документированное описание назначения этой медали еще в пятидесятых годах прошлого столетия:

«1790 год — нижним чинам, участвовавшим весной сего года, под начальством Генерал-Поручика Бибикова, в сухопутном походе к

Турецкой крепости Анапе, и оказавшим примерную твердость в перенесении всех трудов и опасностей, пожалованы на голубой (Андреевской) ленте серебряные медали. Они были подобны (курсив мой Е.М.) медалям, установленным в 1787 году для нижних чинов Легкой конницы, только с переменою слов «ЗА СЛУЖБУ» на надпись «ЗА ВЕРНОСТЬ». Висковатов ссылается на «ЖУРНАЛ РЕЛЯЦИЙ И ДОКЛАДАМ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА», 1790 г. лист 230, № 71. Автор отыскал означенный доклад Потемкина — вот он: «Верность войск под Анапою, которые невзирая на неизреченные трудности и самый голод, с усердием и терпением безпримерным исполнили долг свой, обязывает меня всеподданнейше просить о всемилоштивейшем пожаловании возвратившимся из сего похода нижним чинам медалей, каковые пожалованы в коннице Екатеринославской за сверхсрочную службу, образец оных при сем осмеливаю поднести со всеподданнейшей просьбой повелеть поставить на сих медалях «ЗА ВЕРНОСТЬ».

Ниже Висковатов дает описание и медалей «ЗА СЛУЖБУ»: «18 Января 1788 года — для нижних чинов Легкой конницы, прослуживших установленный в сем роде войск пятнадцатилетний срок, и по причине возникшей войны с Турциею не могших получить увольнения от службы, установлены овалы медали, носившиеся на голубой (Андреевской) ленте, и имевшие на лицевой стороне Императорский вензель. Переслужившие за срок выше трех лет получали медали серебряные, с надписью на обороте: «ЗА СЛУЖБУ», а прослужившие свыше пяти лет награждались золотыми медалями меньшей величины и с надписью: «ЗА УСЕРДНУЮ СЛУЖБУ». Висковатов ссылается на статью 16606 Полного Собрания Законов Российской Империи. Вот эта статья: «По узаконениям Нашим назначен в Легкой коннице для нижних чинов 15-летний срок, по выслужении которого получают они увольнение в свои дома. А как, по нынешнему военному времени, таковая отставка учинена быть не может, то, по особой милости и благоволению Нашему к тем, кои сверх срока в службе Нашей останутся, жалует: выслужившим не менее трех лет серебряные, а не менее 5 лет золотые медали».

Кажется, читатель, что касательно столь точно документированных медалей не должно бы быть разногласий.

Царствование Александра I представлено 12 знаками отличия, причем сюда же отнесена и учрежденная Николаем Павловичем медаль ЗА

ВЗЯТИЕ ПАРИЖА. Сделано это было, по всей вероятности, по повелению свыше. Висковатов, однако, указывает, что медаль эта лишь «предназначена к установлению». Обойден молчаливо также и спорный вопрос о том, был ли офицерский знак за Прейшиш-Эйлау роздан в царствование Александра I или же лишь в последующее царствование.

Знаки отличия царствования Николая I описаны Висковатовым весьма тщательно, с указанием, например, на повеление «О изображении на медалях лика Его Величества в усах» (Полное Собрание Законов Российской Империи, № 19.598, 8 января 1846 года).

Сим царствованием и заканчивается труд. В заключение скажем, что медалист-Висковатов был на голову выше не только современных ему, но и многих последующих медалистов, что небрежить им не следовало и что знакомство с ним устранило бы потерю времени на разрешение уже разрешенных им спорных вопросов.

О НАМЕРЕНИИ ПУГАЧЕВА УЧРЕДИТЬ МЕДАЛИ СО СВОИМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ

Среди старых наших нумизматов бытовало предание о том, что Пугачев чеканил свои рубли. Подлинных пугачевских рублей, однако, отыскать не удалось, но существовали поддельные, на коих Пугачев был изображен в генеральских эполетах. Ниже приводится выписка из впервые опубликованного большевиками «Допроса Е.И. Пугачева в Тайной Экспедиции в Москве», из коей следует, что Пугачев действительно намеревался учредить медали со своим изображением.

«В бытность ево еще в Алатаре спросил он, Емелька, бургомистра: «Есть ли де у вас в городе серебряники и пойдут ли ко мне служить?» Бургомистр сказал: «Есть де двое. И как де им нейтиг! У вас де им лутче будет, чем здесь». Коих 2 человека тот-час и привели, и один с женою, а другой без жены. Как оне пришли к нему уже в стан, то он им, показав рублевик Петра Первого, говорил, могут ли они этакие делать с ушками. И они сказали: могут. И он же, Емелька, спросил их, указав на свою рожу: «А такой потрет, как я, можете ли делать?» И оне сказали: «У нас де штемпей нет, так зделать такова, как вы не можем».

См. ВОССТАНИЕ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА, Сборник документов, ОГИЗ, 1935, стр. 167.

Евгений Молло

На немецких минах на Дунае

Как я уже писал в моей статье «Да, "Гебен" был на русских минах» («Военная Быль» №125), с начала первой мировой войны, будучи в спокойном Севастополе, я три раза просил об откомандировании меня на театр военных действий и три раза получал от коменданта крепости отказ.

Политический горизонт в течение войны менялся несколько раз: выступление Турции на стороне Германии, потом выступление Италии на стороне союзников и, наконец, присоединение Румынии к союзникам в конце 1916 года.

Быстрый разгром румынской армии войсками германского фельдмаршала Макензена придвинул германские войска очень близко к южным границам России, создав угрозу захвата устья Дуная и свободного выхода немцев в Черное море. В середине лета 1916 года начальником вооруженных сил черноморского побережья был назначен адмирал Колчак, и он решил принять меры для защиты дельты устья Дуная. Насколько я помню, главным и деятельным участником организации этой защиты был капитан 2 ранга Медведев. Он просил адмирала Колчака прислать к нему одного военного инженера, трех офицеров-сапер и двенадцать плотников-сапер. От нашего Севастопольского крепостного минного батальона полковника Н.К. Широгорского были посланы три офицера и все двенадцать плотников. Эти офицеры были: я (поручик Алексей Н. Пестов), подпоручик Ергольский и подпоручик Копанский. Таким путем я и попал на театр военных действий.

Из Севастополя мы пошли на транспорте «Мечта» и утром на другой день пришли в Сулину. Фронт по левому берегу Георгиевского гирла Дуная держал временно стрелковый полк под командой капитана Вернадского. Я выбрал себе наиболее интересный и опасный участок у места раздела Дуная на Георгиевское и Сулинское гирла. Немцы закрепились на правом берегу Дуная, включая Тульчу, где Дунай делает трехстороннюю петлю. Еще выше, от Дуная отделялся Измаильский рукав, — начало дельты Дуная, где уже была русская граница по левую сторону Дуная. Поручик Ергольский поехал на средний участок Георгиевского гирла, а поручик Копанский остался в г. Сулине руководить всевозможным инженерным снабжением и доставкой его на фронт.

Прибыв на мой участок, я остановился в его штабе, расположенном в школе деревушки Принципеле Кароль. Все жители этой деревушки, румыны, были эвакуированы. В одной четверти мили вверх по Дунаю от Принципеле Кароль, у самого места разделения Дуная на Су-

линское и Георгиевское гирла, находился наблюдательный пост «Адженция». Этот пост был соединен телефоном со штабом в Принципеле Кароль. Левый берег Георгиевского гирла был занят нашими войсками, а на правом были болгары и турки. Артиллерия была немецкая. Между Георгиевским и Сулинским гирлами была болотистая котловина, вся заросшая тростником. Но твердая почва была лишь по обским берегам гирл, внутри же котловины дорог не было, были лишь некоторые сухие места, но во многих местах можно было проехать на лодках, и местные румынские проводники перевезли нас. Из-за этой болотистой местности не было возможности поставить на позицию артиллерию даже полевую, не говоря уже о тяжелой, и адмирал Колчак временно прикомандировал миноносец «Жаркий», под командой старшего лейтенанта Гоги Веселаго, как артиллерию нашего участка. «Жаркий» стоял в нескольких милях от Принципеле Кароль вниз по Дунаю.

Представившись моему прямому начальнику, капитану Вернадскому, и выяснив мои задачи, я немедленно начал обходить наши позиции, знакомиться с солдатами и с обстановкой. За первые же три-четыре дня мы сдружились с капитаном Вернадским.

За несколько дней до Нового, 1917-го года Веселаго пригласил капитана Вернадского и двух офицеров к нему на «Жаркий» на встречу Нового года. Капитан Вернадский предложил ехать с ним мне и офицеру нашего моторного катера.

Время проходило быстро, и мы все с нетерпением ожидали поездки на «Жаркий».

Настал канун Нового года. Все утро прошло спокойно. Вдруг зазвонил звонок из Адженции. Нас извещали о том, что идет немецкая подводная лодка. Кроме простых гранат и пулеметов у нас ничего не было, телефона на «Жаркий» тоже еще не было. Пока мы устанавливали пулеметы на берегу, было получено из Адженции известие, что это не подводная лодка, а две мины, плывущие рядом, и одна из них имеет пропеллер. Через минуту известили, что мины почему-то остановились.

Мы с капитаном Вернадским немедленно побежали туда и увидели с берега в бинокль, что это действительно были две мины: одна — мина Уайтхеда, которая и производила шум пропеллером, наподобие подводной лодки, а другая — большая черная мина типа нашей донной мины, выглядевшая, как спина гипопотамма.

Эти мины были в воде, позади какой-то сваи. Они были, вероятно, соединены стальным тро-

сом и зацепились за сваю, но трос виден не был.

Мы вернулись в наш штаб, взяв моторный катер и отправились на «**Жаркий**». Узнав, в чем дело, Веселаго решил сейчас же поехать и осмотреть мины. Я сел с ним в его моторный катер с двумя матросами, и мы все на двух катерах двинулись к минам.

Подойдя к месту, где мины остановились, матросы заглушили мотор и начали грести веслами, и Веселаго все время руководил ими, чтобы они как-нибудь не толкнули бы или не задели мин. Мы ведь не знали, какое было устройство для их взрыва. Веселаго детально рассматривал мины, я же старался разглядеть кабель. Случайно заметил его в воде, я мгновенно наклонился, схватил кабель рукой в воде, поднес к рту и взял его на зубы. Это была холодная сталь. Я даже не знаю, видел ли Веселаго этот мой поступок. Он был так поглощен своими наблюдениями, что может быть и не заметил его, во всяком случае, он меня об этом никогда не спрашивал. Я же сам потом объяснял себе мой поступок как мальчишеское удалство, которое я часто проявлял тогда (мне было тогда 23 года). Закончив свои наблюдения, Веселаго приказал грести к берегу. Мы посоветовались, и я посоветовал Гоге не взрывать этих мин, а, приехав сюда завтра (уже становилось темно), выгнать мины на берег, обезопасить их и изучить их устройство.

Но судьба решила по-другому.

Вернувшись на «**Жаркий**», мы там и остались на встречу Нового года, беседуя о происшедшем. Я же, как бы забыв о своем поступке, никому о нем не говорил, боясь, чтобы меня не осмеяли более пожилые офицеры.

Во время наших новогодних тостов мы слышали много отдаленных артиллерийских выстрелов и, выйдя на палубу, увидели огненные вспышки, быстро мелькавшие в направлении на Тульчу (вверх по Дунаю). Сначала мы не придали этому большого значения, но вдруг нам принесли радиограмму: «Прорываюсь через Тульчу в Сулин на канонерской лодке «**Донец**». Имею убитых и раненых. Капитан 2 ранга Головизнин». Все закричали: «Браво! Молодец!».

Вдруг Гога и я вспомнили: «А мины!». Тогда Веселаго попросил меня поехать вместе с одним из его младших офицеров на Аджению и предупредить оттуда Головизнина о минах. Мы немедленно отправились на моторной лодке. Подходя к месту, где были мины, мы различили вдали силуэт корабля. Когда «**Донец**» подошел совсем близко к Адженици, оттуда

начали кричать на «**Донец**»: «Мины, мины на левом берегу!» «**Донец**» начал держаться правого берега, но местный румынский лоцман, взятый на него, знал, что у правого берега, близко от Адженици, имеются мели, и он повернул круто налево. Заметив нас на моторной лодке, кричавших ему: «Мины! Немецкие мины тут!», он внезапно остановил канонерку. Тогда мы вдвоем с морским офицером, взобравшись на «**Донец**», стали уверять Головизнина, что тут, очень близко, есть мины. Было довольно темно и разглядеть сваю, остановившую мины, было невозможно. Капитан Головизнин не согласился с нами и сказал, что никаки ми тут нет, приказал выбрать якорь и двигаться к Сулину.

Канонерка пошла. Мы стояли на капитанском мостике, и я с напряжением смотрел на нос корабля. Вдруг я увидел, как из воды Дуная поднимается кабель и обе мины ложатся по бокам канонерки. Я с ужасом подумал, что сию же секунду последует взрыв, и все мы полетим в воздух. Но ничего не случилось. Я заорал, что было сил: «Мы на минах!», со всех сторон раздались те же крики: «Мы на минах!», и канонерка стала на якорь.

Мы распрощались с капитаном Головизниным и поехали обратно на «**Жаркий**».

Веселаго выслушал нас и решил сам поехать на «**Донец**» и посоветовать капитану Головизнину сняться и идти немедленно в Сулин. Я поехал вместе с ним и, подъехав к «**Донцу**», мы обошли вокруг канонерки на катере и не обнаружили никаких признаков мин. По нашему мнению, они лежали теперь под «**Донцом**».

Взобравшись на канонерку, Гога объяснил ее командиру, в каком положении находится его канонерка, и посоветовал сняться с якоря при первой же возможности. С тем мы и уехали.

Я лег спать очень поздно ночью. Встав в 11 часов утра и позавтракав, я вышел на берег Дуная. Весь берег в Принципеле Кароль был покрыт солдатами с длинными сачками в руках, ловившими оглушенную взрывом рыбу. А что стало с «**Донцом**»? «**Донец**» снялся с якоря в 5 час. 30 мин. утра и благополучно прибыл в Сулин. Мины взорвались в 6 часов часовым механизмом, поставленным на время, необходимое, чтобы доплыть до Сулина, где находилось много кораблей. Не будь этих свай на Дунае, эти мины дошли бы, вероятно, до Сулина. Что касается Головизнина, мы тогда говорили: «Пьяным счастьем, им везет!»

А.Н. Пестов

Памяти трагически погибших офицеров одного полка

В начале 1915 года, по окончании пулеметных курсов при Стрелковой школе в г. Ораниенбауме, я был вызван в канцелярию адъютантом курсов, предложившим мне выбрать вакансию в одну из вновь формирующихся дивизий, на должность начальника полковой пулеметной команды.

С грустью сознавая, что вернуться в свой родной полк мне, очевидно, уже не придется, я остановил свой выбор на 123-ей пехотной дивизии. Получив затем предписание я выехал вместе с денщиком сначала в Москву, к родителям, в предоставленный мне недельный отпуск, а еще через неделю уже направлялся в город Карачев, Орловской губернии, где дивизия формировалась.

По прибытии на место, я явился начальнику дивизии, генерал-лейтенанту Довбор-Мусницкому и после довольно сухого приема, получив ряд инструкций, был назначен в 491-й пехотный Варнавинский полк.

Начинавший свое существование полк пополнялся прибывшими маршевыми ротами, разворачиваясь в три батальона и формируя также пулеметную, минометную, конных и пеших разведчиков и гренадерскую команды. Офицерский состав насчитывал ряд кадровых офицеров, уже имевших боевой опыт и даже отличившихся на фронте, командиром же полка был назначен полковник 3-го Сибирского стрелкового полка, Георгиевский кавалер, Азаров. Вооружен был полк винтовками Винчестера под русский патрон. В полку велись усиленные занятия.

В апреле месяце 1916 года, в составе своей дивизии, полк был перебросен в г. Мариуполь для дальнейшего следования на Кавказский фронт, где и вошел в состав 5-го Кавказского корпуса. После произведенного начальником дивизии смотра полки начали погрузку на транспорты, сейчас же вышедшие в море. Предстояло сделать длинный морской переход до г. Трапезунда, переход полный всяких неожиданностей, до атак подводных лодок, включительно. Людям были розданы пробковые пояса, на палубе поставлены пулеметы, транспорты шли без огней.

За ночь прошли Азовское море и на рассвете вышли на широкий простор Черного моря. Море было спокойно, погода благоприятствовала нам. При выходе из Керченского пролива люди с восторгом приветствовали Черноморскую эскадру во главе с дредноутом «Императрица Мария», вышедшую нас охранять. Картина была, действительно, величественная: бо-

лее двадцати громадных транспортов двумя кильватерными колоннами шли к вражеским берегам, конвоируемые крейсерами и миноносцами.

На четвертые сутки показались горы Анатолийского побережья и, наконец, в бухте Кавата Бурну Су началась высадка, после которой полк перешел в г. Трапезунд. Стояла чудная, жаркая погода, город утопал в цветах. Полк расположился биваком.

После произведенной рекогносцировки полк выступил на позицию. Сменив 9-й Кубанский плавунский батальон, полк приступил к укреплению и усовершенствованию позиции. Против расположения полка находился Ташкелакский пехотный полк 13-ой дивизии 5-го турецкого корпуса, только что прибывший с Галлиполийского полуострова. Началась позиционная жизнь с разведками и мелкими ночными стычками. Турки сразу почувствовали появление против себя новых частей, подтянули поближе к себе свое охранение и, местами, защитились проволокой.

Так продолжалось до 19 июня 1916 года, когда 5-й Кавказский, 2-й Туркестанский, а затем и 1-й Кавказский корпуса перешли в энергичное наступление, которым началась Эрзинджанская операция. К концу сентября месяца 3-я турецкая армия была разбита и, после длительного преследования на протяжении почти 150 верст, почти уничтожена. Дивизия наша остановилась на реке Каршут Дорош, в виду города Терибולי. Здесь, на этой позиции, дивизия простояла до революции 1917 года и последовавшего за ней развала армии.

Кое-как дотянув до конца декабря 1917 года, я был эвакуирован по болезни сначала в дивизионный лазарет, а затем, через Батум и Новороссийск, уехал в отпуск в Москву. Уже в Москве, в одной из еще выходивших газет я прочел сообщение о судьбе своего полка и оставшихся в нем офицеров. Сейчас я уже не помню подробностей и дат, но в общем произошло следующее: весной 1918 года полк был снят с фронта и, погруженный на транспорт, пошел в Новороссийск, где подлежал демобилизации. В Новороссийске к транспорту, стоявшему на рейде, подошла на миноносце делегация матросов от Центрофлота и потребовала, чтобы полк отправился на Дон, против белых и казаков генерала Каледина.

Солдаты отказались исполнить это требование. Тогда делегация, решив, что — это влияние офицеров, потребовала выдачи последних, угрожая, в противном случае, потопить транс-

порт миной. Солдаты струхнули и выдали всех находившихся с ними офицеров, которые были пересажены на миноносец; здесь всем им привязали к ногам колосники и сбросили их в море.

Избежать этой ужасной судьбы удалось лишь мне и еще несколькими офицерам, не находившимся в это время в полку.

Вечная память погибшим!

А. Волков

От Редактора

Редакция журнала сердечно поздравляет всех сотрудников, подписчиков и читателей журнала с Праздниками и наступившим НОВЫМ ГОДОМ.

Прошу всех моих друзей, морально поддержавших меня в период моей болезни, приславших мне свои поздравления и приветы к Праз-

дникам и пожелания скорейшего поправления здоровья, принять мою искреннюю благодарность. Крайне сожалею что не имею возможности ответить и поблагодарить каждого лично, но прошу всех принять мой дружеский привет и лучшие пожелания к Новому Году, главное — здоровья и бодрости духа.

Представитель журнала на Калифорнию **Г.А. Куторга**, выражая искреннее сожаление по случаю прекращения выхода «**ВОЕННОЙ БЫЛИ**» просит всех его подписчиков принять искреннюю благодарность за оказанное ему в течении 21 года доверие и желает всем здоровья и бодрости.

Письма в Редакцию

Поздравляю всех сотрудников нашего общекadetского журнала с наступающими Праздниками Рождества Христова и Новым Годом и желаю всего наилучшего.

Георгий Пухтаевич — Каракас

Вас и сотрудников «**ВОЕННОЙ БЫЛИ**» поздравляю с Новым Годом и наступающими праздниками Рождества Христова. Шлю пожелания доброго здоровья и полного благополучия в жизни.

Аркадий Валигурский — Германия

Поздравляем Вас с Праздниками и Новым Годом и желаем всем Вашим сотрудникам, всей редакции и печатникам хорошего здоровья, сил и исполнения всех желаний в их еще долгой

жизни. Как колокол, «**ВОЕННАЯ БЫЛЬ**» будет посылать нам и дальше свои интересные и незабвенные статьи.

Алексей Птичкин — Ментона

В № 126 вашего журнала, в статье «42-й почетный Якутский полк в боях за Киев» ошибочно указана фамилия пулеметчика на броневике. Это был поручик Трофимов П.А. а не Тихомиров. Не откажите в следующем номере исправить эту неточность.

подполковник **Чернопыский**

Всех подписчиков еще не уплативших за цикл 125-130 очень просим сделать это в кратчайший срок. Сейчас нам приходится экономить даже на тираже номеров. Тех подписчиков, кто

получает журнал бесплатно, но имеет возможность платить хоть сколько-нибудь, очень просим это сделать, дабы дать нам возможность посылать по-прежнему бесплатно журнал нашим неимущим друзьям.

Алексей Алексеевич ГЕРИНГ очень просит своих дорогих корреспондентов, перед которыми он в тяжелом долгу, подождать еще немного.

Его тяжелая болезнь, вернее период выздоровления, неожиданно затянулась и не дала ему возможности вовремя ответить на полученные письма. Он надеется что, по выздоровлении, он сможет это сделать и восстановить нашу дружескую письменную связь, так неожиданно прерванную его внезапной болезнью.

18 апреля 1975 года



« АРХИВЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ »

Выходят не периодически а по мере накопления материала томами по 300-350 страниц в переплетах. ТИРАЖ — 100 экземпляров. Цена тома : 90 фр. фр. в странах заокеанских — 18 амер. долларов. За истекший первый год издания вышли следующие тома :

Том I — **Г. Пронин** — Бронепоезд « Офицер » Осана (из воспоминаний)
Стихотворения 1918-1961 гг.
под редакцией А.Г. Пронина, из его семейного архива.

Том II — **Т.В. Пархоменко** — Воспоминания (1880-1962).

М.В. Бочарникова — 1-й Петроградский женский батальон 1917 г.

Н.Н. Голеевский — Лето на Волге 1918 г.
Н.Н. Гелеевский — Хабаровский поход 1922 г. под редакцией А.А. Геринга. Из материалов Российского Военно-Исторического Архива-Музея в Париже.

Том III — **А.В. фон Шварц** — Жизнь, мысли, дела и встречи, От детства до Ивангорода. От Ивангорода до Трапезунда. По поводу книги Минцлова. Под редакцией А.А. Геринга. Из материалов Российского

Военно-Исторического Архива-музея в Париже.
Том IV — **И.А. Хольмсен** — На военной службе в России (1865-1941).

А.В. фон Шварц — Как была атакована и взята крепость Ковна.

П.П. Маковой — Страницы прошлого (1916-1920 гг.), под редакцией А.А. Геринга. Из материалов Российского Военно-Исторического Архива-музея в Париже.

Том V — **Н.Н. Коломейцов** — Русская полярная экспедиция 1900-1902 гг.).

Н.Н. Коломейцов — Памяти В.М. Линдера.
Ю.Н. Солодков — контр-адмирал Вилькицкий (1885-1961).

Б.А. Вилькицкий — Когда, кому и как я служил под большевиками. Под редакцией А.А. Геринга. Из материалов Российского Военно-Исторического Архива-музея в Париже.

ВСЕ ПРАВА СОХРАНЕНЫ ЗА АВТОРАМИ
За всеми справками по издательству надлежит обращаться к А.А. Герингу по адресу
А. Guering

61, rue Chardon-Lagache
75016 — Paris ☎ - 647-72-55



Note du Redacteur du «*Passé Militaire*»

C'est avec une profonde émotion que je m'adresse à vous tous, mes chers collaborateurs, abonnés et lecteurs du «*PASSE MILITAIRE*».

Le présent numéro 129 de notre revue, parue pendant 24 ans, en sera le dernier. Le cœur gros, j'ai été contraint de prendre cette décision en raison des difficultés matérielles toujours croissantes : la parution de chaque numéro exige des fonds trop importants. D'autre part, assumant presque exclusivement tout le travail rédactionnel aussi bien qu'administratif, mon état de santé ne me permet plus de travailler comme jadis.

En terminant la publication du «*PASSE MILITAIRE*» je reconnais tout ce qui a été apporté au cours de ces années par ceux qui, avec moi, ont peiné sur le champ si vaste, si riche de l'histoire militaire russe. J'adresse un profond et cordial salut à tous les collaborateurs de notre revue. Le jour viendra où notre œuvre sera appréciée à sa

juste valeur par les historiens militaires russes. Les articles et les notes publiés seront un précieux apport pour la reconstitution véridique des grands événements historiques; ils présentent un tableau authentique des milieux militaires russes tout en fournissant une documentation intéressante sur les uniformes, les décorations, les médailles et sur les autres insignes de l'Armée et de la Flotte Russes. Ils serviront de documentation inestimable pour les écrivains et les historiens militaires de l'avenir lorsque viendra le moment en Russie de rétablir l'aspect véritable de son histoire militaire.

«*Le PASSE MILITAIRE*» représente notre contribution à la grande œuvre de l'édification de la Russie. La certitude que nos efforts n'ont pas été déployés en vain puisse-t-elle nous servir à tous de récompense, de satisfaction morale.

Ordres et decorations de la guerre civile 1917-1922

IV. INSIGNES « EN COMMEMORATION DU SEJOUR DE L'ARMÉE RUSSE DANS DES CAMPS MILITAIRES A L'ETRANGER »

1. CROIX de « GALLIOLI ».

En Novembre 1920, après l'évacuation de la Crimée par le général Wrangel, des unités de l'armée russe, ainsi que des réfugiés civils, débarquèrent de 126 navires à Constantinople. Environ 135 mille personnes, dont 70 mille combattants armés, furent embarqués dans les ports de Crimée.

Il s'agissait maintenant d'effectuer certaines modifications dans l'armée, en tenant compte de la réduction de ses effectifs, et de réorganiser les unités d'après le nombre des militaires. D'autre part, en raison de la décision du haut commandement français de ne pas installer toute l'armée à Gallipoli, il fallait en détacher les cosaques pour les transporter dans l'île de Lemnos et à Tchataldja. Ainsi, à l'exception des régiments cosaques, toutes les unités de l'armée russe formèrent le 1er Corps d'armée sous le commandement du général Koutieпов.

Les effectifs de ce corps comprenaient :

— La 1-ère Division d'infanterie : les régiments de choc de Kornilov, d'infanterie de Markov, des tirailleurs de marche du général Drosdovsky, d'infanterie d'Alexeïev, avec, auprès de chaque régiment d'infanterie, un groupe d'escadrons et un groupe de batteries.

— Un bataillon d'artillerie — avec des groupes de batteries lourdes et de blindés.

— Une division de cavalerie : les 1-er, 2-ème et 4-ème régiments et un groupe d'artillerie montée.

— Un régiment technique — de toutes les unités du génie, de l'aviation, de transmission, des blindés etc.

(Les effectifs du régiment d'infanterie Alexeïev comprenaient les unités des 6-ème, 13-ème et 34-ème divisions d'infanterie et du régiment de marche de la Garde — Ordre du jour du Généralissime № 4721 du 19 Novembre 1920).

Le 22 Novembre 1920 les navires « Kherson » et « Saratov » mouillèrent l'ancre dans la rade de Gallipoli débarquant les premiers convois du 1-er Corps d'armée. Une rapide inspection des lieux par le général Koutieпов fit aussitôt apparaître que la petite ville détruite de Gallipoli pourrait à peine abriter un tiers du corps. Quant à l'espace affecté au camp, à 6-8 km. de la ville, il représentait un immense champ nu et boueux. Le commandement français distribua des tentes

qu'il fallut transporter à dos d'hommes au lieu du cantonnement.

Les épreuves morales, les maigres rations françaises et l'immense effort physique à fournir provoquèrent chez les combattants une complète apathie quant à leur sort personnel et à l'organisation de leur confort, de sorte qu'il fallut un ordre spécial pour obliger les hommes à monter des lits dans leurs tentes. A défaut de cet ordre, la majorité des hommes se seraient laissés aller à coucher à même la terre. Avec le temps les efforts inouïs réunis pour rendre les camps habitables rendirent ces derniers méconnaissables en confort; avec la venue des beaux jours la question de logement perdit de son acuité, puisque un été sec permettait de coucher dehors.

Tout ce qui fut réalisé à Gallipoli, le train de vie du camp lui-même, tout portait l'empreinte de la volonté et de l'énergie du général Koutieпов. Certes, les conditions existantes ne favorisaient ni le maintien de la discipline, ni celui de l'organisation; l'état moral général aurait pu conduire plutôt à une désorganisation totale, à l'anéantissement des derniers restes de l'armée; cependant il fallait conserver celle-ci. Si les troupes arrivées de la Crimée, après les affres d'une évacuation sans précédent dans l'histoire, ne furent pas dissoutes parmi la population civile et confinées derrière des barbelés sous la garde de sergents français, le mérite en revient essentiellement au général Koutieпов. Ce dernier visait directement son but, à savoir la reconstitution de l'armée, sans tenir compte des murmures qu'auraient pu inciter ses mesures. Mais la portée principale de son œuvre ne se manifeste pas seulement dans son attachement à l'idée de la renaissance de l'Armée Russe sur les côtes de Gallipoli, dans le souci du bien-être de ses soldats et dans l'ascendant attribué au titre d'officier. Son premier mérite fut d'avoir su communiquer à l'armée renaissante son immense amour pour la Patrie et sa confiance en un succès final; c'est ce mérite qui le lia étroitement à son Corps d'armée.

La question cruciale du désarmement qui avait déjà surgi dans le Bosphore fut enfin tranchée en faveur du Corps. Les pourparlers qui avaient sciemment entraîné en longueur déclenchèrent enfin un ordre catégorique des autorités françaises réclamant la reddition des armes, ordre qui fut suivi d'un refus non moins catégorique. Aussi le Corps conserva-t-il ses armes jusqu'à la fin de son séjour à Gallipoli. Ne voulant pas employer la force, le commandement français cherchait néanmoins à arriver à ses fins par des moyens indirects, notamment par l'envoi d'agitateurs avec des offres d'immigration au Brésil, en Russie sovié-

tique et dans d'autres pays; enfin par des menaces allant jusqu'à la suppression complète des rations. Ces exigences, appuyées sur les charges qui représentaient pour le budget français l'entretien du Corps russe, n'étaient pas valables, puisque, pour le recouvrement de ses frais, le gouvernement de la République s'était approprié tous les navires de commerce russe et d'autres biens importants pour un montant de plus de 100 millions de francs.

Tout en faisant preuve de loyalisme à l'égard du commandement français, le Corps d'armée russe subissait ces brimades avec fermeté et ne resserrait que plus étroitement ses propres rangs. Cette situation posait des problèmes aux autorités françaises : d'une part, elles avaient reçu l'ordre de leur gouvernement de transformer les troupes russes en une masse résignée d'émigrés, d'autre part, elles se heurtaient à l'opiniâtreté du Corps décidé à défendre son existence, contre lequel, vu son importance numérique, elles ne désiraient pas employer la force.

Aussi l'ordre du gouvernement demeura-t-il sans suite et, grâce au doigté du commandant du Corps aussi bien qu'à celui du commandant français, toutes les questions épineuses se réglèrent paisiblement, bien que ce dernier profitait de toute occasion pour souligner la dépendance du Corps russe. Ainsi, tous les déplacements de Gallipoli à Constantinople et retour se heurtaient-ils à de graves difficultés; de plus les visites dans les camps du général Wrangel furent interdites.

Voici un extrait du compte rendu du représentant du Comité des Zemstvos russes auprès du Corps d'armée russe à Gallipoli, adressé à ses supérieurs :

« Le grand miracle national russe s'est accompli et, ce qui est surtout émouvant, ce miracle a frappé surtout les étrangers non en cause, alors que ses auteurs n'en ont même pas eu conscience.

Les vestiges dissociés, moralement et physiquement exténués de l'armée du général Wrangel, rejetés en plein hiver, après une retraite jusqu'à la mer, sur la côte déserte d'un village détruit, ont réussi en quelques mois, dans des conditions défavorables, à créer un siège solide de l'Etat russe en exil, notamment une armée disciplinée, inspirée des sentiments les plus nobles et dominée par la fraternité des officiers et de leurs soldats, une armée ayant renoncé à tout intérêt personnel et s'étant apparentée à un Ordre de Chevaliers Errants, mais à l'échelle russe, attirant vers lui tous ceux qui aiment vraiment la Russie ».

Le 16 Juillet 1920, au cours d'une cérémonie émouvante, le « Monument de Gallipoli » fut inauguré. Ce monument, érigé sur le projet du lieutenant Akatiev, du régiment technique, représente un tertre rappelant la coiffure « Monomaque » (coiffure de sacre des tsars de Russie), surmonté d'une croix en marbre dont le modèle

servit plus tard pour « l'insigne de Gallipoli ». Sur le devant du monument — les armes de la Russie — un aigle bicéphale et, en dessous, une plaque en marbre avec l'inscription suivante en russe, en français, en turc et en grec : « Accordez, Seigneur, le repos aux âmes des défunts. Le 1er Corps de l'armée russe à ses frères combattants qui, dans la lutte pour défendre l'honneur de la patrie ont trouvé en exil un repos éternel en 1920-1921 et en 1854-1855 » (en mémoire de leurs ancêtres, les zaporozjets, armée des cosaques, morts en captivité turque). Par l'ordre du jour du Corps, chacun de ses membres, quel que soit son grade et sa situation, fut tenu d'apporter une pierre pour l'édification de ce monument.

L'idée de commémorer le « siège de Gallipoli » se développa au fur et à mesure que le séjour de l'armée s'y prolongeait. En été 1921, sous la présidence du major-général Pechnia, commandant du régiment de Markov, une commission fut instituée chargée de l'élaboration de cet insigne spécial. Il fut décidé de faire exécuter les premiers insignes à Gallipoli même avec les maigres moyens matériels et techniques dont l'on disposait; il s'agissait de choisir un modèle et une matière des plus simples; pour ces raisons l'on s'abstint de tout ruban. Le modèle d'une croix en fer noir, droite, plate, unilatérale, fut adopté, avec l'inscription « Gallipoli » sur l'horizontale et les dates « 1920-1921 » sur la verticale. Les inscriptions étaient de ton du métal, sans peinture, de même que le bord et la tranche extérieure; le milieu était peint en noir.

Le projet fut accepté par le général Wrangel et, par l'ordre du jour № 369 du 15 Novembre 1921, « L'Insigne en Commémoration du séjour de l'armée russe en exil dans des camps militaires, avec l'inscription « Gallipoli » et les dates « 1920 » — « 1921 » fut institué »; le droit de port de cet insigne fut étendu aux autres camps de séjour de l'armée russe avec les inscriptions correspondantes.

L'idée de l'insigne de Gallipoli représentait une croix en fer, mais dès le début ce matériau fut abandonné étant donné les difficultés de le travailler avec les instruments primitifs dont l'on disposait et son oxydation rapide; aussi les croix furent exécutées dans un alliage léger de plomb foncé.

Vers la fin de la même année l'exécution à Gallipoli des insignes commença, d'abord dans les ateliers du régiment technique et ensuite dans ceux de l'artillerie. Tous les objets de casse furent mis en mains comme matériau, tels des boîtes de conserves vides, ainsi que des obus allemands de 15 cm., découverts non loin des côtes. La peinture noire employée fut également improvisée. Le travail sur les insignes, effectué pendant les jours fériés, libres de service, était long et minutieux,

fait entièrement à la main. La première croix « réussite » fut offerte au général Koutieпов, « PREMIER de GALLIOLI ».

Ces croix étaient d'une présentation assez grossière, mais elles étaient en fait les seules régulières par leur dimension et leur originalité primitives (Fig. 1). Elles sont actuellement presque introuvables, exécutées d'ailleurs au début en nombre fort limité, puisque peu des ayant droit pouvaient les acquérir; la croix valait une demi-lire turque, ce qui représentait la moitié de la solde mensuelle de chacun.

L'autorisation arriva enfin de Yougoslavie et de Bulgarie pour y transférer des unités de l'armée Russe. Le premier départ eut lieu le 4 Août 1921, puis le 28 et le 31 Août. Il semblait que ces transports commencés sous de bonnes augures permettraient l'évacuation définitive de Gallipoli dès le début de l'automne; ils furent hélas interrompus pendant une longue période et ne reprurent que le 25 Novembre; le 14 Décembre un dernier navire arriva enfin pour conduire le dernier convoi en Bulgarie. Le général Koutieпов monta aussi sur ce navire. Seules des unités du régiment technique et du régiment d'école de cavalerie demeurèrent encore à Gallipoli, destinés à se rendre en Yougoslavie; la promesse catégorique de ce pays ne fut cependant pas respectée et ces unités attendirent encore deux longues années avant d'être transférées par groupes pour travailler en Hongrie.

Par l'ordre du jour № 61 du général Wrangel, du 30 Juin 1923, les membres des détachements russes qui subirent le plus longtemps le poids d'une existence pénible à Gallipoli eurent le droit à de nouvelles dates portées sur leur insigne, notamment « Gallipoli 1920-1923 ».

En s'adressant à l'armée au moment de quitter Gallipoli, le général Koutieпов lui dit : « Vous avez porté votre croix pendant toute une année; portez maintenant celle-ci sur votre poitrine. Unissez tous les russes autour de cette croix, portez vaillamment le nom russe et ne permettez à personne d'outrager le drapeau russe »...

Après leur installation dans les pays slaves, les « Gallipoliens » (qui continuèrent à porter l'uniforme militaire) commandèrent leurs croix dans des ateliers privés. Ces exécutions furent certainement plus élégantes, plus belles, dans des matériaux plus fins que celles des croix « primitives ». En Bulgarie l'insigne, un peu plus grand que celui de Gallipoli, fut exécuté en bronze et recouvert de vernis mat noir; l'inscription, les dates et les bords furent dorés (Fig. 2).

En Yougoslavie les insignes furent également exécutés en bronze et recouverts d'émail noir; l'inscription et les dates furent établies en caractères slaves; la dimension des insignes dépassait encore celle des insignes bulgares (Fig. 3).

Enfin plus tard des insignes apparurent en

France, exécutés en bronze et même en argent, recouverts d'émail noir, avec un étroit liseré en émail blanc autour des bords extérieurs des branches et de l'inscription et les dates en argent. (Fig. 4). Ces croix se distinguaient par la finesse de leur travail de joaillier et étaient l'œuvre de l'artiste, le capitaine V.N. Bogojavlensky qui avait atteint un haut niveau artistique dans l'exécution de tous les insignes, jetons et autres objets de sa fabrication.

En Allemagne, il existait à Berlin une maison de « Fabrication des Insignes Russes », fondée en 1922, sous la marque M.E. (M.K. Evgueniev). Le catalogue de cette firme indiquait l'existence des croix « Gallipoli », « Bizerte » et « Lemnos »; je n'ai pas eu l'occasion de les voir, ne doutant toutefois pas de la finesse et de la perfection de leur exécution, puisque je connais d'autres spécimens de cette marque. Dans ces deux derniers pays des croix -miniatures furent également exécutées — copies exactes des croix normales.

Au cours de leur séjour à Gallipoli, les membres du Corps russe s'étaient liés si étroitement entre eux que leur arrivée dans les pays balkaniques fut assombrie par l'idée d'une rupture de cette liaison. Cette circonstance fit naître l'« Association des Gallipoliens » dont le but poursuivait le maintien dans l'avenir de cette union qui s'était manifestée à Gallipoli.

L'Association de Gallipoli constituée le 22 Novembre 1921 à Gallipoli, avait pour objet de parer l'organisation du 1-er Corps d'armée et de lui succéder, au cas où les gouvernements alliés exigeraient, ce qui était très possible, la dissolution des unités essentiellement militaires se trouvant à Gallipoli et dans l'île de Lemnos. Le statut de l'Association fut donc ratifié par le général Wrangel une première fois le 22 Novembre 1921 et ensuite une seconde fois, avec certaines modifications, le 22 Novembre 1924. C'est ce dernier statut qui est maintenu par l'Association actuelle. Les membres actifs de l'Association comprennent tous les membres de l'armée russe ayant droit au port de l'insigne « Gallipoli ». (Au cours de son inauguration solennelle, l'« Association de Gallipoli » fit incorporer dans ses effectifs tous ceux qui se trouvaient à ce moment à Gallipoli, y compris les femmes et les enfants qui avaient aussi vécu et souffert les dures épreuves de cette année).

La croix de Gallipoli fut instituée comme emblème de l'Association. Les membres de cette dernière portaient habituellement à la boutonnière de leur costume civil une croix miniature du même modèle et les femmes la même croix en broche.

D'autre part, un anneau avec l'inscription « Gallipoli » fut aussi institué en tant que symbole de l'union des membres de l'Association qui avaient tous le droit de porter cet anneau.

Il est dit dans « La Description de l'anneau et du droit à son port pour les membres de l'Association de Gallipoli », ratifié par le général Wrangel le 18 Décembre 1921 : l'anneau est en fer, d'une largeur de 8 mm., avec un contour ovale et l'inscription « Gallipoli » avec un numéro d'ordre correspondant. La largeur de l'inscription et du numéro est de 3,75 mm. La longueur de l'inscription est de 28 mm. L'anneau se portait sur l'annulaire de la main gauche et ne pouvait être acquis que par l'intermédiaire du conseil d'administration de l'Association qui avait seul le droit de sa fabrication.

Le droit de devenir membre actif de l'Association est réservé : 1) aux militaires possédant un certificat autorisant le port de l'insigne « Gallipoli » et « Kabakdja-Gallipoli » ; 2) aux civils, femmes et enfants possédant le même certificat ; 3) aux membres du 1er Corps, de la division de cavalerie et de l'Escadre russe possédant un certificat autorisant le port des insignes avec les inscriptions « Lemnos », « Bizerte », « Tchataldja » et sans les inscriptions, mais avec les dates « 1920-1921 ».

2. CROIX AVEC LES INSCRIPTIONS « LEMNOS » « KABAKDJA-GALLIOLI » ET « TCHATALDJA »

La croix avec l'inscription « Lemnos » « 1920-1921 », instituée par l'ordre du jour № 359 signé du général Wrangel le 15 Novembre 1921, aurait dû être identique à la croix de Gallipoli ; cependant elle diffère extérieurement assez ostensiblement de cette dernière.

Les premières croix furent exécutées en fer ; les inscriptions « Lemnos » et les dates « 1920-1921 » n'étaient pas bombées, mais découpées et recouvertes de peinture blanche ; le liseré autour des branches était blanc, la croix elle-même noire (Fig. 5). Leur fabrication, très primitive et grossière, s'effectuait dans les ateliers techniques du Corps des cosaques du Don, dans l'île de Lemnos.

Il semble que ces mêmes ateliers exécutaient aussi des croix plus petites, avec les mêmes inscriptions et dates, dans un alliage rappelant celui de Gallipoli, avec des lettres bombées et des chiffres recouverts de peinture noire, ces croix ayant aussi une apparence assez primitive (Fig. 6).

En Bulgarie et en Yougoslavie les croix étaient estampillées dans les mêmes ateliers privés que la croix « Gallipoli » et identiques à celle-ci en matériau, couleur et dimension, différant uniquement par l'inscription « Lemnos » au lieu de « Gallipoli » (Fig. 7).

En France, à Paris, des croix argentées, en bronze et en argent apparurent, recouvertes

d'émail noir, avec un liseré en émail blanc et des inscriptions et dates en argent. Elles étaient élégantes et jolies (Fig. 8).

L'envers de toutes les croix était uni, avec une vis soudée sur écrou. La plupart des croix, sauf quelques-unes des plus primitives, ne portaient pas de numéros. Ceci concerne toutes les croix des autres camps aussi.

Contrairement à la croix « Gallipoli », la croix « Lemnos » ne portait que les dates « 1920-1921 », étant donné que vers la fin de 1921 tous les cosaques furent évacués de l'île. Le droit de port de cette croix était réservé à tous les militaires de l'armée russe ayant séjourné dans l'un des camps de Lemnos pendant la période de Novembre 1920 au 15 Novembre 1921.

Lors de l'évacuation de la Crimée, en 1920, les cosaques furent embarqués de deux points de départ : les cosaques du Kouban — de Théodosie, les cosaques du Don et une partie de ceux du Kouban — de Kertch. A l'arrivée à Constantinople, les cosaques du Kouban furent dirigés vers l'île de Lemnos, les cosaques du Don se répartirent dans les environs de Constantinople et ne furent transférés à Lemnos que plus tard.

L'île de Lemnos représentait dans toute l'acceptation de ce mot une prison aquatique. Rocheuse et déserte, sans le moindre arbre, sans eau... Les conditions déjà bien sinistres de l'existence à Gallipoli devenaient ici plus épouvantables encore. En effet l'existence sous les tentes, détrempées à la moindre averse et entièrement inondées après les pluies diluviennes de la région, la densité de peuplement, le manque de couvertures et même de paillasses pour coucher, les parasites, le froid et les maigres rations distribuées, — provoquaient un moral déplorable.

Les cosaques du Don furent logés dans trois agglomérations différentes. La première, à 85 km. de Constantinople, était située à l'une des extrémités du village turc de Tchilinguir, où, dans une propriété abandonnée, s'étendait une dizaine de bergeries vides, souillées de fumier, aux toits effondrés. Ces bâtiments servirent de logement aux cosaques ; un de leur bataillons fut même installé avec les brebis et les chevaux. Néanmoins ces bergeries ne suffisaient pas et de nombreux cosaques durent s'installer à la belle étoile et creuser des tranchées souterraines pour s'y abriter. Le surpeuplement, le manque de nourriture et les lamentables conditions hygiéniques favorisèrent les épidémies : dès le 8 Décembre des cas de choléra se déclarèrent et ce ne fut que grâce à des mesures énergiques et à une sévère quarantaine que le mal fut enrayé. D'autre part, les mesures militaires prises pour le relèvement de la discipline et du moral produisirent leur effet : les

cosaques représentèrent bientôt des unités avec un ordre rétabli.

Le second groupe des cosaques du Don fut réparti dans le village de Sandjak-Tépé, à 1¹/₂ km. de la gare de Khadem Key, et logé dans des baraquements en bois ou dans des tranchées souterraines. Tout en étant bien loin de la normale, les conditions de leur installation étaient bien plus favorables que celles de Tchilinguir, ce qui se ressentit aussitôt sur l'organisation de l'existence et sur le moral dans l'armée, le respect du devoir militaire et un attachement inébranlable au généralissime. L'existence à Sandjak-Tépé rappelait quelque peu celle à Gallipoli : un théâtre, une bibliothèque, des cours et des exposés furent organisés, ainsi que des ateliers d'enseignement de travaux manuels.

La tentative des autorités françaises de transférer ces unités à Lemnos provoqua un sanglant conflit qui obligea le commandement français de s'adresser au général Wrangel pour le prier de donner des ordres en ce sens. Ce dernier exigea que le ravitaillement à Lemnos soit garanti; ce n'est qu'après avoir reçu cette assurance des français que le général Wrangel donna l'ordre aux cosaques de se rendre à Lemnos, ordre qui fut immédiatement exécuté; le 3 Janvier le camp fut évacué et les unités transférées à Lemnos.

Enfin le troisième groupe des cosaques du Don fut installé près de Kabakdja, belle région boisée à 10 km. de la ville de Tchataadjî, à moitié détruite. Au début, des évasions eurent lieu par suite du manque total de ravitaillement, mais, aussitôt cette question réglée, avec l'arrivée du printemps et de quelques possibilités de travail privés, les cosaques purent peu à peu s'équiper, se procurer des bottes, des casquettes, des pantalons à bandes; ils installèrent une église, une bibliothèque, un théâtre, avec deux troupes, l'une russe, l'autre ukrainienne. Ces réalisations agrémentèrent leur existence et relevèrent leur moral. Ce groupe demeura à Kabakdja jusqu'à la fin de l'automne et fut ensuite transféré à Gallipoli. Tous ses membres furent donc autorisés à porter une croix avec la double inscription « Kabakdjia-Gallipoli » et les dates « 1920-1922 ».

Cette croix fut d'abord exécutée à Gallipoli, dans le même alliage que celle de « Gallipoli », mais d'un travail plus raffiné. (Fig. 11).

Plus tard en France, une petite quantité de croix exactes au modèle ci-dessus furent fabriquées à Paris, en bronze doré, recouvertes d'émail noir (Fig. 12).

Il existait également une croix avec l'inscription « Tchataadjia » et les dates, exécutées dans le même alliage primitif (malheureusement je ne possède pas cette croix dans ma collection et ne puis donc la décrire d'une manière plus détaillée).

Au début de 1921 le Premier Ministre du Gouvernement Français annonça la cessation à partir

du 1er Février 1921 de tout secours financier et matériel à l'armée russe. Après diverses mesures prises par le Haut Commandement, le Commandant du Corps d'Occupation Française, le général Charpy, déclara officiellement que « le Gouvernement Français n'entendait pas abandonner à leur sort les réfugiés russes ». Cependant, dès la mi-Mars, le Haut Commissaire Français, le général Pellet, informa le général Wrangel que, conformément aux ordres reçus de Paris, le ravitaillement de l'armée serait supprimé dès le 1er Avril prochain. En conséquence, les membres des unités étaient invités à prendre l'une des trois décisions suivantes : 1) rentrer en Russie soviétique, 2) émigrer au Brésil, 3) rechercher des emplois. Le général Wrangel répondit qu'il ne pouvait conseiller à ses hommes de se rendre en Russie soviétique où les attendaient une mort certaine, ni au Brésil — vers une incertitude totale.

Alors commença cette page douloureuse des rapports franco-russes, lorsque, pour des raisons sordides de suppression des rations, des agents du gouvernement français entreprirent une propagande contre le commandement russe essayant, par la persuasion et les menaces, de mettre en exécution les ordres reçus. Les russes se trouvaient devant la sommation catégorique : soit de mourir de faim, soit de se livrer aux bolcheviques, soit de se rendre au Brésil. Cette attitude des autorités françaises émut profondément les russes. Au dernier moment un nouveau conflit imprévu éclata qui concernait le plan de l'évacuation.

Le général Wrangel considérait qu'il fallait en premier lieu évacuer l'île de Lemnos, alors que les français exigeaient d'abord la liquidation de Gallipoli. Cette exigence recelait évidemment une origine politique et stratégique : dès le départ du 1-er Corps de la presqu'île, l'état-major du général Wrangel perdrait aussitôt le puissant appui des unités qui lui étaient infiniment dévouées et demeurerait livré à lui-même.

Le général Pellet écrivait au généralissime russe : « Tous les russes installés dans les camps doivent se convaincre que l'armée du général Wrangel n'existe plus et que par conséquent ses anciens chefs n'ont plus le droit de donner quelque ordre qu'il soit... Je déduis de vos déclarations que les contingents seront transportés en Serbie avec leurs tentes, leurs cuisines roulantes, leur matériel hospitalier et autre. Je me permets de vous rappeler que le gouvernement Serbe à toujours exprimé son intention d'offrir asile aux émigrés, mais non pas à une armée... La portée de cette distinction ne peut vous échapper. C'est pourquoi je considérais inadmissible que le matériel emporté par les émigrés ait le caractère d'un chargement militaire... »

Le général Wrangel répondit par une lettre



1



2



3



4



5



6



7



8



9



10



11



12



13



14



15



16

en date du 16 Mai 1921 : « Le vœu du Gouvernement Français pour que « l'armée du général Wrangel cesse son existence » et pour que « les russes dans les camps » ne tiennent plus compte des ordres de leurs chefs, vœu que vous devez certainement partager, mon Général, ne peut en aucun cas être imposé aux « russes dans les camps »; aussi longtemps que ces camps existent, il paraît peu probable que les officiers et les soldats russes, pour complaire au Gouvernement Français, manquent à leur devoir en trahissant leurs drapeaux et leurs chefs.

En ce qui concerne mon choix de décisions indépendantes, auxquelles vous déclarez vouloir vous opposer, je me trouve contraint à mon grand regret de me réserver ce droit. En conclusion, je me permettrai de m'attarder sur la question du ravitaillement des hommes transportés en Serbie. Tout en partageant entièrement vos considérations pour éviter toute allusion évoquant un caractère militaire dans le matériel accompagnant les convois, je suppose néanmoins que des abris et du ravitaillement sont indispensables au même titre à un soldat comme à un ouvrier »...

Le ton tranchant de la correspondance et de nombreuses démarches diplomatiques contraignent les Français à céder une fois de plus. L'armée fut embarquée d'après le plan établi et transférée dans les pays balkaniques.

3. CROIX AVEC L'INSCRIPTION « BIZERTE ».

Le destin de la flotte russe, qui avait quitté la Crimée avec l'armée du général Wrangel, fut fixé en Décembre 1920.

Pour rembourser à la France les frais qu'elle avait supportés 50.000 tonnes de navires de commerce lui furent cédés, alors que les navires militaires battant pavillon de St. André se rendirent à Bizerte. Dès leur arrivée les navires furent soumis à une sévère quarantaine, avec défense de toute communication entre eux. Cette quarantaine fut enfin levée — les hommes n'étaient pas descendus à terre depuis deux mois et, si l'armée avait eu besoin de beaucoup de courage, la flotte se trouvait dans des conditions plus difficiles encore pour conserver son unité et son esprit d'équipe. Les familles et les hommes susceptibles de trouver un emploi furent débarqués dans les environs de Bizerte. Le Corps des cadets de la marine, privé de tout matériel pédagogique, fut installé dans le fort de Djebel-Kébir; cet établissement, de même que les écoles militaires à Gallipoli, maintenait chez ces jeunes gens la confiance, la discipline, le courage et le sentiment du devoir.

Il serait difficile d'énumérer les privations, le travail et la lutte que durent subir et mener ces modestes héros; ce fut sous d'autres aspects, sous d'autres formes le tableau de Gallipoli, de Lem-

nos... La même tension permanente, la même souffrance, la même lutte pour le respect du drapeau, de l'honneur et de la bonne renommée russes. L'ambiance était grise, morne, le monde n'étant pas enclin à reconnaître ni exploits, ni héroïsme. Le drapeau de St. André ne flottait plus dans les ports européens. Comme partout, la noble conduite des marins russes provoquaient l'étonnement et l'admiration des autorités françaises; de même que partout ces autorités exigeaient néanmoins, sous la pression de leur gouvernement, des concessions pénibles; de même que partout, le jour arriva enfin quand la flotte russe termina son existence. Le 30.10.1925 à 17h.24. le pavillon de St. André, qui avait flotté pendant plus de 200 ans sur les navires de la Marine Impériale Russe, fut baissé pour la dernière fois. Les camps autour de Bizerte furent tous liquidés... La France avait reconnu les Soviets...

Les croix « Bizerte 1920-1921 » auxquelles avaient droit tous ceux qui se trouvaient sur les navires et dans les camps autour de Bizerte, étaient primitivement ressemblantes à celles de Gallipoli et de Lemnos et fabriquées sur place dans les ateliers du navire de transport « Crons-tadt » et du Corps des cadets de la marine.

La croix est en fer recouverte de peinture noire, avec un liseré blanc autour des bords des branches. Les inscriptions et les dates sont découpées en profondeur, les chiffres recouverts de peinture blanche. On n'y trouve pas de lettres bombées comme sur la croix « Gallipoli » (Fig. 9), quoique certainement, grâce à des ateliers parfaitement équipés, Bizerte était placée dans des conditions beaucoup plus avantageuses pour la fabrication des croix que tous les autres camps qui effectuaient habituellement le travail avec des moyens et des instruments très primitifs.

Après la liquidation des camps de Bizerte les marins se dispersèrent partiellement en Afrique ou se fixèrent en France et aux Etats-Unis.

Des croix argentées en bronze de « Bizerte » apparurent en vente en France. Elles étaient de dimensions normale et miniature — œuvres de V.N. Bogoiavlensky, souvent en argent, recouvertes d'émail noir avec un liseré en émail blanc et les inscriptions et les dates en argent (Fig. 10).

Dans les pays balkaniques l'on ne fabriquait pas de croix « Bizerte »; leur fabrication existait en Allemagne effectuée par la firme M.E. (M.K. Evgueniev). N'ayant pas eu l'occasion de voir ces croix je ne puis en donner plus de détails.

4. CROIX AVEC LES DATES « 1920-1921 », SANS INSCRIPTION

Pour les membres de l'armée russe qui n'avaient pas vécu dans l'un des camps militaires, mais qui s'étaient fixés soit à Constantinople (les membres de l'état-major et de la suite du général

Wrangel, les attachés militaires et navals auprès des Ambassades russes, les commandants des camps des réfugiés), soit dans d'autres localités à l'étranger, une croix fut instituée par le même ordre du jour № 369 du 15 Novembre 1921, signé du généralissime. Cette croix, dont la forme et la dimension étaient semblables aux croix décrites ci-dessus, ne portaient pas de nom du camp, mais seulement les dates commémoratives « 1920-1921 » placées sur les branches horizontales et non verticales de la croix.

Il existait deux variétés de cette croix : la première, dans un alliage de couleur naturelle ou recouverte de peinture noire, avec des chiffres bombés; cette croix rappelle par son exécution assez grossière la croix primitive de Gallipoli et fut d'ailleurs fabriquée dans les mêmes ateliers. La deuxième, en cuivre jaune, recouverte d'émail noir avec des chiffres dorés et un large liseré doré autour des bords des branches, était assez élégante et jolie, d'une dimension légèrement inférieure et exécutée dans un atelier privé de Constantinople (Fig. 15).

Il n'existe que fort peu de croix avec les dates « 1920-1921 », ce qui s'explique, puisqu'en dehors des camps, l'armée ne comptait qu'un nombre limité d'hommes en service.

Plus tard, à Paris, le capitaine Bogoiavlenskoy, maître orfèvre, lança sur le marché des croix de sa fabrication portant ces mêmes dates. Ces croix, d'une belle exécution, se faisaient en dimensions normale et miniature; elles étaient recouvertes d'émail et fabriquées parfois en argent. Malheureusement, les dates y avaient été portées incorrectement, notamment à la verticale et non à l'horizontale (Fig. 16). Cette circonstance, vu le nombre important mis en vente de ces croix fantaisistes, peut évidemment troubler le futur collectionneur dans sa définition de la conformité de ces deux croix. Nous rappelons que seules les croix en alliage et celles de Constantinople en cuivre, avec les dates horizontales sont conformes au modèle. Les croix « parisiennes » sont argentées, recouvertes d'émail noir, avec un liseré en émail blanc.

5. CROIX AVEC L'INSCRIPTION « LUCULLUS » *)

L'ordre du jour № 369 prévoyait également la délivrance de la croix portant les dates « 1920-1921 » à l'équipage du yacht du généralissime « Lucullus » qui fut coulé intentionnellement le 15 Octobre 1921 en rade du Bosphore. Ce yacht fut éperonné par le navire italien « Adria » arrivant de Batoum. Le commandant du yacht, le lieutenant de vaisseau B.N. Stepanov, considéra cette inscription comme insuffisante et adressa une demande au Haut Commandement pour ajouter à la croix destinée aux membres de l'équipage

l'inscription « Lucullus », ce qui fut autorisé par ordre du général Wrangel le 3 Janvier 1922.

L'attribution de ces croix survint bien après la perte du « Lucullus », lorsqu'une partie de son équipage fut envoyée à Prague pour y continuer des études et le restant, avec son commandant, fut transporté à Varna, en Bulgarie. C'est à Varna qu'arrivèrent aussi des unités venant de Gallipoli parmi lesquelles figurait le régiment technique. C'est dans l'atelier de ce régiment que fut exécutée, pour le commandant du « Lucullus », l'unique croix avec l'inscription et les dates prévues.

Cette croix représente le modèle primitif de Gallipoli, elle est de la même dimension, du même alliage, recouverte de peinture noire, avec des lettres bombées, des chiffres et un liseré, l'inscription « Lucullus » et les dates « 1920 » et « 1921 » (Fig. 13). D'après des informations dignes de foi, il est certain qu'à l'exception de l'exemplaire unique cité plus haut, ces croix ne furent jamais plus fabriquées.

Le droit au port de la croix « Lucullus » fut attribué aux 6 officiers et aux 33 hommes de l'équipage du yacht, aux 18 membres de la suite du généralissime et à leurs familles, soit au total, sans ces dernières, à 57 hommes. Ils reçurent tous des attestations en conséquence, mais les croix ne leur furent jamais remises.

Grâce à l'extrême amabilité du lieutenant de vaisseau B.N. Stepanov, j'ai pu obtenir de lui non seulement toute la documentation concernant cette décoration, mais aussi l'unique exemplaire existant de la croix qui fait maintenant partie de ma collection. J'ai pu faire exécuter d'après ce modèle 10 copies exactes (Fig. 14), dont deux furent remises au lieutenant de vaisseau B.N. Stepanov et au commandant en second du yacht V.M. Kostenko; les 8 autres croix furent dispersées parmi les collectionneurs.

6. CROIX SANS INSCRIPTION ET SANS DATE

Sur la requête du président de l'Association de Gallipoli, « l'Union Générale des Associations des Anciens Combattants Russes en France » institua pas son ordre du jour № 24 du 28 Avril 1938 un insigne similaire à celui institué en commémoration du séjour à Gallipoli, notamment une croix noire, sans inscription et sans date. Cette croix était destinée aux membres de l'Association de Gallipoli qui n'avaient ni séjourné dans aucun des camps, ni participé dans le Sud de la Russie au mouvement des volontaires russes, mais qui avaient lutté contre les bolchevistes sur les autres fronts de la Guerre Civile de 1917-1922. Cette croix ne fut jamais fabriquée.

En conclusion, il faut ajouter que les croix-miniatures, destinées à être portées à la boutonnière du costume civil, de même que les croix en broche, n'existaient qu'avec les inscriptions suivantes : « Gallipoli », « Lemnos » et « Bizerte ».

P.V. PACHKOFF

*) « Loukou » en russe.

Decorations et distinctions en Russie seigneuriale

A l'époque précédant le règne de Pierre Le Grand, les hommes de guerre recevaient des insignes de distinction particuliers dénommés « Zolotoy », mot qui désignait aussi la pièce d'or.

Au début, c'étaient des pièces d'or de provenance étrangère qui se trouvaient, par hasard, dans les caisses des Princes. Elles furent ensuite remplacées par des pièces d'or frappées à Moscou et qui étaient, sans aucun doute, des insignes de distinction, puisqu'à l'époque la Russie ne possédait pas de monnaie d'or. D'ailleurs ces pièces ne portent que l'effigie des armoiries de l'Etat, le nom et le titre du Prince.

C'est ainsi que nous trouvons dans les collections de l'Ermitage le zolotoy d'Ivan Le Terrible qui porte sur ses deux faces les aigles impériales ainsi qu'une inscription qui commence sur l'une des faces et se termine sur l'autre :

« Par la grâce de Dieu seigneur et grand Prince Ivan Vassilievich de toutes les Russies, Prince de Vladimir, de Moscou, de Novgorod, de Pskov, de Tver, de Polotsk, Tsar de Kazan et Tsar d'Astrakan ».

Ce genre de pièce fut aussi frappé dans les règnes suivants avec, bien entendu, le nom et le titre du souverain régnant.

Ces Zolotoys servaient de décoration pour tous services militaires rendus, les campagnes, les victoires, les sièges, la résistance en captivité et pour conduite militaire exemplaire.

On accordait ces décorations dans un ordre strictement hiérarchique, le Zolotoy était d'autant plus grand que le grade était élevé, la classe la plus élevée était un gros zolotoy sur chaîne d'or, le zolotoy de la classe moyenne était remis sans chaîne et celui de la classe la moins élevée consistait en un zolotoy de format plus petit ou, si ceux-ci manquaient, on remettait des kopeks dorés.

La chancellerie qui veillait à la remise de ces décorations s'appelait « le Razriad », l'on y tenait les livres et l'on y établissait les documents et les listes qui permettaient de sélectionner au Palais de la monnaie les pièces d'or.

C'est aussi là que se composaient les discours prononcés à l'occasion de la remise de ces décorations.

L'attribution d'un tel insigne de distinction ne se faisait qu'après observation stricte des formes traditionnelles.

Tout commençait par l'arrivée d'un seouchtchik (1) messenger, envoyé par l'officier supérieur du promu, porteur d'un document, dont voici un exemple :

« Bientôt les vivres et le plomb vinrent à manquer, suite à de nombreuses attaques menées contre la ville, le dénommé Stephan organisa des sorties, menant tous les hommes d'armes et les habitants

au combat contre les Lithuaniens et les Polonais, ils se battirent au corps à corps, à coup d'épieux et de pierres des murs de la ville et à coup de lances et de couteaux, dans le fossé qui les entourait » (2).

Un tel rapport était suivi par une décision concernant la remise de la décoration et l'on composait au sein du Razriad le document nécessaire, on sélectionnait la pièce d'or et l'on préparait le discours qui serait prononcé lors de la cérémonie.

C'est le Tsar lui-même qui choisissait le noble boyard, selon son grade et sa lignée, qui devait, en compagnie du clerc officiel du Razriad remettre l'insigne d'honneur.

A son arrivée à la place d'armes l'envoyé du Tsar commençait par transmettre les salutations du Prince au chef et à ses lieutenants, puis prononçait le discours tout préparé et remettait les pièces d'or.

Ensuite les officiers subalternes étaient rassemblés et la même cérémonie se répétait pour ceux d'entre eux qui étaient décorés.

Finalement la cérémonie se répétait une troisième fois pour la remise des kopeks dorés aux hommes de troupe qui s'étaient distingués.

Nous voudrions citer pour exemple un de ces discours de remise de décorations :

« En cette année 125, le 18ème jour du mois de mai, mon seigneur Michel Fedorovitch, grand prince et tsar de toutes les Russies recevait une lettre du noble boyarin et prince Yuriy, fils d'Ekchey Soulechov, et de ses lieutenants, une lettre envoyée par le messenger du prince Pierre Boriatinskiy. Ce 14 mai arriva devant la ville de Dorogobouj, le colonel Chaplinski avec un grand nombre de guerriers polonais, lithuaniens et tcherkess et vous avez combattu ces polonais, ces lithuaniens et ces tcherkess devant la ville de Dorogobouj, et vous les avez battu à plate couture, fait de nombreux prisonniers, pris des étendards et des timbales.

De ces prisonniers, 240 hommes furent envoyés à pied par différentes routes sur Dorogobouj par un chemin de 20 verstes passant derrière le fleuve Ourjou, et ceci fut accompli grâce à la bonté du Seigneur et à l'aide de la Sainte Vierge ainsi qu'à l'intercession de tous les saints et par les prières de notre Père et grand Seigneur, sa sainteté le Métropolitain Philarète Nikititch et les prières de la mère de notre grande Souveraine la religieuse Marthe et par la grâce de notre Tsar et de notre noble boyarin et chef militaire le Prince Yuriy, fils d'Ekchey Soulechov, qui, avec ses compagnons d'armes, nous a si bien servi.

Pour récompenser vos services le Tsar nous a envoyé pour vous dire ces mots honorables et vous décorer de pièces d'or. Souhaitant que vous

continuiez à nous servir de la même façon et avec l'aide de Dieu à combattre les polonais, et les lithuaniens et pour vos faits d'armes nous vous accordons notre confiance et gratifications » (3).

Il est bien évident qu'il existait parfois des erreurs, certains noms pouvaient manquer dans les listes et par contre d'autres mentionnés ne correspondaient pas à des personnes vivantes : « la noblesse et les enfants de la noblesse ainsi que les chefs cosaques et leurs hommes disaient parfois qu'ils avaient bien participé avec eux au siège, mais qu'après cette action ils s'étaient enfuis ou avaient quitté l'armée pour se rendre dans leurs terres près de Moscou, que d'autres fils de la noblesse, hommes d'armes, cosaques et streltzis avaient été tués ou étaient morts » (4).

Il arrivait aussi que le décoré considère qu'il méritait un zolotoy plus important correspondant à son grade supérieur, certains ont même refusé de prendre les zolotoys qu'on leur remettait.

Ce genre d'erreur était souvent résolu sur place et c'est ainsi qu'un Ataman vit son zolotoy échangé contre deux plus petits.

Les zolotoys non remis étaient retournés au bureau central du « Razriad » et enregistrés dans un livre spécial de façon à ce que la personne à laquelle cette décoration était attribuée et qui était absente le jour de sa remise puisse se présenter au « Razriad », justifier de son absence et recevoir l'insigne d'honneur.

Reste à savoir ce que faisaient les décorés avec leurs pièces d'or ?

Ceux qui recevaient le zolotoy sur chaîne le portaient certainement, quant aux autres, voici ce que nous avons pu trouver dans ces quelques lignes écrites par Fletscher : « A ceux qui s'étaient

distingués par leur courage ou par des services particuliers rendus, le Tsar envoyait un zolotoy portant l'effigie de St Georges en cavalier. Ces insignes se portaient sur les manches ou sur le couvre-chef et cela était considéré comme le plus grand honneur que l'on puisse recevoir pour les plus grands services » (5).

Cette remarque d'un étranger vraiment objectif doit être considérée comme correcte et fort intéressante, d'autant plus que sa description d'un insigne d'honneur est absolument exacte.

En effet, Fletscher parle d'un kopek en or qui représentait le Tsar à cheval portant une lance dans sa main, cette effigie pouvait être facilement prise pour celle de St. Georges.

Nous voyons donc que dans la Russie d'avant Pierre le Grand il existait réellement une sorte d'institut de chancellerie d'insignes d'honneur et d'ordres militaires.

Cet organisme exista d'ailleurs à l'époque de Pierre, mais les pièces furent graduellement remplacées par les médailles similaires à celles existant déjà en Europe occidentale.

Eugène MOLLO.

1) Sountch : rapport concernant une victoire — le même mot désignait le porteur de ce message.

2) La première remise de décorations que nous ayons relevée remonte à 1469.

3) « La geste du siège de la ville de Michilov » — « antiquité kievienne ». Décembre 1885, page 684-689.

4) Bulletin de l'association historique et antiquaire de Moscou livre 3 page 23.

5) Jayls FLETCHER « de l'état russe St Pétersbourg 1906 page 70 ».

zolotoy : pièce d'or.
boyard : titre de noblesse dans la Russie médiévale.

Assemblée des chevaliers de l'ordre de Saint-Georges

et l'attribution aux officiers de la Croix de l'Ordre de Saint-Georges ou du « Sabre d'Honneur » du même ordre

Les décorations de l'Ordre de St. Georges étaient profondément vénérées dans toutes les classes du peuple russe. C'étaient des décorations exclusivement militaires attribuées à un nombre très limité de combattants seulement en temps de guerre, et seulement pour des faits d'armes accomplis sur le champ de bataille.

Cette distinction était unique dans son genre et n'avait pas d'équivalent dans aucun autre pays ; pour l'obtenir, tout « appui » ou toute « recommandation » étaient impuissants.

Chaque commandant d'unité avait le droit de proposer pour cette récompense les officiers placés sous ses ordres, mais à la condition toutefois que le fait d'armes accompli par quelqu'un de ces

officiers corresponde à tel ou tel autre des paragraphes du statut de l'ordre. Toute proposition devait être accompagnée d'une attestation écrite, signée par des témoins oculaires de l'exploit, par un croquis détaillé des lieux et en général par la présentation de tous documents pouvant certifier la véracité de l'acte de courage accompli et la valeur incontestable de ses conséquences. Ainsi chaque proposition devenait effectivement « une affaire ».

Lorsque l'état-major de l'armée se trouvait en possession d'un nombre suffisant de ces propositions, le général commandant l'armée convoquait une « Assemblée des Chevaliers de l'Ordre de St. Georges » (« Douma ») dont les membres étaient des officiers déjà décorés de cet ordre, appartenant à différentes armes et à différentes unités militaires. La convocation de cette assemblée s'effectuait habituellement en période d'accalmie

sur le front ; elle siégeait à l'état-major d'un des corps d'armée dont le commandant devait être lui-même chevalier de l'ordre et devenait automatiquement, en tant que supérieur en grade, président de l'Assemblée.

Seul l'Empereur possédait le droit d'attribution de la croix ou des armes St. Georges, après la décision de l'Assemblée des chevaliers de l'Ordre. La remise des décorations de l'Ordre de Saint Georges, supérieures à la croix de 4ème classe, s'effectuait uniquement par l'empereur (*).

En aucun cas cette récompense ne pouvait être attribuée sans ou contre l'arrêté de l'Assemblée des chevaliers de l'Ordre de St. Georges, par la seule décision du commandant de l'armée, dont le rôle se bornait à transmettre uniquement cet arrêté dans l'ordre du jour.

Sur quelles bases s'appuyaient donc les membres de l'Assemblée ? En premier lieu sur le statut de l'Ordre qui dénombrait pour chaque catégorie d'armes les exploits donnant droit à l'obtention de la décoration et aussi sur d'autres conditions essentielles auxquelles cet exploit devait correspondre, notamment :

1) L'exploit ou l'action devait être effectués dans des conditions incontestables de risque, pour la vie du proposé, au feu ou dans un climat de combat.

2) L'acte accompli devait être indéniablement utile et nécessaire.

3) Son résultat positif devait être évident.

Si l'exploit ne satisfaisait point, ne fut-ce qu'à une de ces conditions, la proposition était rejetée.

Les séances de l'Assemblée qui, suivant le nombre des propositions à examiner, duraient parfois plusieurs jours étaient strictement secrètes. Elles étaient présidées par le supérieur en grade, la différence des grades ne jouant aucun rôle pour le suffrage. Pour l'attribution de la décoration, le candidat devait obtenir une majorité de deux tiers des voix. Les décisions de l'Assemblée étaient sans appel et sans explication de leurs motifs. A la fin de la session le président adressait à l'état-major de l'armée seule la liste des « agréés ». Il arrivait que l'Assemblée retournait certaines propositions « pour de plus amples renseignements sur tel ou tel fait ». Ces propositions étaient ensuite examinées par une Assemblée suivante composée d'autres membres.

Quant aux propositions rejetées elles pouvaient au besoin être représentées à nouveau devant un autre Conseil, mais avec l'indication obligatoire, qui seule permettait un nouvel examen, que cette proposition était réitérative, complétée par « de nouvelles données » et de « nouveaux témoignages » susceptibles de modifier radicalement la décision de l'Assemblée précédente.

« L'Assemblée des chevaliers de l'Ordre de St. Georges » possédait non seulement le droit de récompenser, mais aussi celui de faire engager des

poursuites pour tout faux témoignage ou fausse déclaration, par exemple.

L'auteur de ces lignes fut témoin d'un cas quand l'Assemblée défera en justice un général proposé pour un exploit inexistant avec de faux témoignages à l'appui.

Pour illustrer exactement le rôle, l'autorité et l'indépendance de l'Assemblée dans ses décisions, l'auteur trouve utile, en tant que membre de trois Assemblées, de récapituler ci-dessous quelques souvenirs dont il fut le témoin.

A la première Assemblée où j'eus l'honneur d'être nommé, nous étions 12 membres, dont 1 général, 8 officiers supérieurs et 3 officiers subalternes. Etant le plus jeune en grade je fus invité à servir de secrétaire et de rapporteur... Toutes les propositions soumises à l'appréciation concernaient « l'extension » de la percée des armées du général Broussilov. Il fut décidé d'examiner ces propositions non par unités, mais par combats, c'est-à-dire les propositions se rapportant à chacun des combats ou à chacune des opérations pour les représentants des unités y ayant pris part. Ceci permettait de déterminer quels étaient les détachements, les bataillons ou les compagnies qui avaient participé aux actions les plus dangereuses et les plus décisives ; logiquement les récompenses attribuées à ces unités devaient être les plus nombreuses. Ainsi, le « Conseil » décerna à l'unanimité le plus grand nombre de récompenses au régiment d'infanterie de Kars qui réussit le premier à percer une position autrichienne très fortifiée et à briser la résistance ennemie. Evidemment, dans d'autres unités aussi, les plus dignes furent récompensés, mais non pas tous. Un officier du même régiment de Kars qui s'était emparé d'une seule mitrailleuse et de deux à trois dizaines de prisonniers reçut à l'unanimité la croix de St. Georges, alors qu'un officier d'une autre unité qui avait « ramassé » cinq ou six mitrailleuses et de cent à deux cents prisonniers abandonnés par l'ennemi qui fuyait en panique ne se voyait bien souvent décerner aucune croix. Toutes les unités militaires avaient la tendance de prétendre, ce qui était bien naturel, que le « plus important » avait été effectué par elles et non par les unités voisines, mais l'Assemblée, dont les membres avaient été les participants directs ou bien les témoins de l'opération, se débrouillait parfaitement dans ces détails et, après un bref échange de vues, décernait quasi à l'unanimité et sans parti pris les récompenses ou rejetait les propositions.

A la même Assemblée nous avions à examiner, concernant la même « percée » près de 30 propositions d'officiers d'une division de cavalerie (je ne me souviens plus de laquelle, mais je ne l'aurais pas nommée, puisque cette division comptait certainement de vaillants régiments qui n'étaient aucunement responsables de n'avoir pas été lancés à la poursuite de l'ennemi en fuite). Tous les

membres du « Conseil » avaient participé à cette « percée » et avaient vu la division en question concentrée dans la vallée de la rivière Stryp à un ou deux kilomètres à l'arrière et loin (sauf parfois sous le feu de l'artillerie ennemie) de la zone de combat où attaquait l'infanterie. Lorsque le régiment de Kars s'empara des tranchées ennemies et fit fuir les Autrichiens, cette division ne bougea pas et n'intervint que bien plus tard pour convoier les nombreux prisonniers tombés entre les mains de l'infanterie. Il était bien clair que cette division n'avait accompli aucun exploit « héroïque » mais son général pensait profiter des brillants succès de notre infanterie pour faire obtenir à ses officiers des récompenses (une vingtaine de croix !...) Un colonel, membre de l'Assemblée, invita ses collègues à ne pas perdre de temps à des délibérations concernant les propositions soumises par cette division ; l'Assemblée fut d'accord et rejeta à l'unanimité toutes les propositions.

Quelques mois plus tard je fus à nouveau appelé à participer à une autre Assemblée, au sein de l'état-major d'un autre corps d'armée. Le commandant de ce corps d'armée en était bien entendu le président, nous étions au total 16 membres. La composition de cette Assemblée me parut bizarre : 6 généraux, 7 officiers supérieurs et 3 capitaines en second ; je compris bientôt qu'il s'agissait de nombreuses propositions concernant des officiers de l'état-major de cette même armée. Autant mon impression de la première Assemblée avait été favorable, autant celle-ci me décevait : tout indiquait que le commandant de l'armée souhaitait décorer des membres de son état-major. Certains de mes collègues le comprirent et... une opposition s'organisa. Deux des généraux qui avaient gagné leurs croix au feu et non dans les états-majors de l'arrière se joignirent aux jeunes dont je faisais partie ; comme les candidats devaient obtenir une majorité de deux tiers des voix, c'est-à-dire un minimum de 11 voix, cette majorité n'arrivait pas à être obtenue, puisque les 3 capitaines en second, les 3 colonels et les 2 généraux (du 33ème corps d'armée formé du corps des gardes-frontières d'au-delà de l'Amour), donc 8 voix au total, votaient contre. A un certain moment le commandant d'armée exaspéré s'écria : « Par conséquent aucun des officiers travaillant à l'Etat-Major ne peut songer à obtenir pour ses mérites la Croix de St. Georges »... La réponse fut nette et logique : « N'importe qui peut obtenir la croix, mais le Statut de l'Ordre indique clairement que la condition obligatoire veut que ces « mérites » soient réalisés au feu dans des circonstances de risques pour la vie évidents »... Toute objection était inutile, dans ces conditions. J'ajouterai à cette histoire un détail déplaisant. Malgré la clause du Statut que les décisions de l'Assemblée devaient demeurer secrètes, notre président téléphona à l'Etat-Major concernant ceux dont les propositions au droit

d'attribution de la croix avaient été rejetées en l'avisant de réitérer télégraphiquement ces propositions, mais en demandant cette fois l'attribution des « Sabres d'honneur de l'Ordre de Saint Georges », distinction qui était plus facile à obtenir. Etant donné qu'après la réunion de l'Assemblée pour l'attribution de la croix de l'Ordre de St. Georges, une nouvelle Assemblée, comprenant les mêmes membres, devait se réunir pour l'attribution des « Sabres d'honneur », ces propositions « représentées » purent être examinées aussitôt, ce qui permit à certains candidats auxquels la croix avait été refusée d'obtenir les « Sabres d'honneur de l'Ordre de St. Georges ».

Un autre fait surgit à cette même Assemblée : parmi les propositions présentées se retrouvèrent celles qui avaient été rejetées par la première Assemblée et qui concernaient la même division de cavalerie citée plus haut. Je tins à mettre l'Assemblée au courant de cette affaire et celui-ci adressa une demande urgente de renseignements. Ces renseignements furent obtenus le lendemain et confirmèrent que les propositions en question avaient en effet été rejetées par la précédente Assemblée. Ayant établi qu'il n'avait pas été indiqué, conformément aux clauses du Statut, que ces propositions étaient réitératives et qu'il paraissait évident que cette circonstance n'avait pas été mentionnée volontairement, l'Assemblée décida cette fois aussi de rejeter à l'unanimité toutes les propositions de cette division de cavalerie. Cette division avait joué de malchance, puisque le hasard voulut que l'un des membres de l'Assemblée avait également participé aux débats de l'Assemblée précédente, ce qui fit échouer la nouvelle tentative pour obtenir de hautes distinctions injustifiées. Par contre la division eut de la chance du fait que l'Assemblée ne réclama pas l'ouverture d'une enquête et l'engagement de poursuites contre le chef de la division pour avoir essayé de dissimuler le rejet précédent des propositions.

Au cours des années 1914-1915, les attributions de la Croix de l'Ordre de St. Georges étaient rares et ne s'effectuaient que pour des exploits extraordinaires. Le bruit courait même que certains chefs d'unités, n'ayant pas été encore décorés eux-mêmes, considéraient que leurs unités ne s'étaient pas montrées à la hauteur au cours des combats et de ce fait ne proposaient pas leurs subordonnés à la distinction. Certainement, les chefs de la plupart des unités, connaissant la valeur exceptionnelle de cette décoration, ne présentaient des propositions que pour des exploits vraiment exceptionnels. Il était dit aussi qu'à partir de 1916 la croix de St. Georges était attribuée plus facilement, surtout dans les unités de la Garde. Cette assertion ne peut être acceptée qu'avec beaucoup de prudence étant donné que, si en effet dès la fin de 1915 les attributions de la croix de Saint Georges s'étaient accrues, il ne faut pas oublier

que nos armées avaient remporté au cours de cette période de nombreux succès (percée de Broussilov, de Loutzk, etc), que de très nombreuses unités avaient pris part à ces combats et que les régiments de la Garde étaient les meilleurs de notre armée, ce qu'ils avaient largement prouvé au combat.

Ainsi que je l'avais fait remarquer, les séances de l'Assemblée des chevaliers de l'Ordre de St. Georges se tenaient dans le secret le plus strict, mais les temps ont, hélas, changé, la croix de St. Georges n'est plus attribuée et est devenue le domaine du passé ; c'est pourquoi je ne me considère plus lié par « le secret » respecté en temps normal. Je me suis pourtant abstenu de nommer certaines unités, les noms de leurs chefs, et des membres des Assemblées des chevaliers de l'Or-

dre de St. Georges, malgré l'importance perdue de ces détails. Si j'ai entrepris de rendre public des faits dont j'ai pu être le témoin, c'est pour permettre aux lecteurs de réaliser la valeur exceptionnelle de « la croix blanche » résultant de ses Statuts et de toute la procédure de son attribution.

Les officiers combattants, particulièrement les plus jeunes, respectaient la valeur et les mérites de « la croix blanche » et ne l'attribuaient ni au premier venu, ni « sur recommandation »...

G. K.

*) « Règlement sur l'Administration Militaire en campagne » 1910, page 415, § 2 : Délégation par l'Empereur aux généraux commandants des armées du pouvoir d'attribution de la croix St Georges du 4ème classe et des sables d'honneur, après approbation de l'Assemblée des chevaliers de l'ordre.

LE BRIQUET

L'Amicale des Collectionneurs de Figurines du Centre Loire fait paraître, chaque trimestre, un bulletin « LE BRIQUET », contenant des articles rédigés par une équipe de collectionneurs chevronnés.

Chaque bulletin comporte en outre 6 planches d'uniformes imprimées sur « bristol » permettant de les peindre et dessinées spécialement par les peintres militaires et collectionneurs les plus compétents : de BEAUFORT, FORTHOPFER, LELIEPVRE, NORTH, RIGO, etc.

La plupart des articles sont consacrés aux armées du 1er empire.

De plus, vous trouverez dans chaque numéro un article accompagné d'une planche sur les Têtes de colonnes d'Infanterie ou de Cavalerie.

Si vous êtes intéressé, voulez-vous juger notre bulletin par vous-même ? Dans l'affirmative faites-nous parvenir 8 F. en timbres ou à notre compte chèque postal. Nous vous enverrons un numéro spécimen.

A.C.F.H.C.L., 19, rue de la République -- 45 - ORLEANS, C.C.P. ORLEANS 1016-42

S. ANDOLENKO

« INSIGNES REGIMENTAIRES DE L'ARMÉE IMPÉRIALE RUSSE »

Editions « Tanaïs » Paris 1966

Manuel à l'usage des amateurs et collectionneurs. Insignes des corps de troupe et des écoles militaires. Texte russe, présentation et sous-titres en français. Préface en 4 langues.

Volume 17 × 25, relié, 230 pages, 487 clichés, 60 francs.

TIRAGE TRES LIMITE

Adresser commande avec montant à : « LE PASSE MILITAIRE »

Вышла в свет и поступила в продажу новая книга:

М. ЛЕВИТОВ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА

Париж 1974 год — 670 стр. со многими илл.

(см. Обзор военной печати в № 128 нашего журнала) цена — 90 фр. фр. в странах заокеанских — 20 амер. долл. тираж — 350 экз.

Оставшиеся номера «ВОЕННОЙ БЫЛИ» можно получать в Редакции по цене 7 (семь) франц. фр. без пересылки. Остались еще номера от 8 до 129.

«Военно-Историческая Библиотека «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

Книга № 13

А. А. ГЕРИНГ

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ ЗА РУБЕЖОМ

Изд. Париж, 1968 г. 140 стр. Цена — 15 фр. В странах заокеанских — 5 долл.

«... собрание некоторого количества материалов, которые, как я надеюсь, несколько помогут будущему русскому военному историку, который займется изучением жизни русских военных людей в эмиграции»...

“ПЕРВОПОХОДНИК”

ЛЕТОПИСЬ БЕЛОЙ БОРЬБЫ

Журнал выходит **ШЕСТЬ** раз в год.

Годовая подписка — 6 долларов. Цена отдельного номера — 1 дол. 25 ц.

Адрес Редакции:

Mr. A. P. MYATCH, 842 No Alexandria, Los-Angeles, Calif. 90029, (U.S.A)

Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Н. Мяч, А. Мяч.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ,
ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ НА ПОКРЫТИЕ
РАСХОДА ПО ВЫПУСКУ № 129-го

- Г.Р. ВАНТЦ — *В море и на суше* — 12 фр. фр.
В.Н. фон ДРЕЙЕР — *На закате Империи* — 15 фр. фр.
Князь П.П. ИШЕЕВ — *Осколки прошлого* — 15 фр. фр.
А.Л. МАРКОВ — *Кадеты и юнкера* — 20 фр. фр.
Н. МАНТУЛИН — *Песенник русского воина* — 25 фр. фр.
ПАМЯТКА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕР. УЧИЛИЩА — 50 фр. ф.
О.И. ПАНТЮХОВ — *О днях былых* — 35 фр. фр.
С.Н. РЯСНЯНСКИЙ — *О Российском воинстве* — 12 фр. фр.
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА — 2-е изд. 1962 г. — 15 фр. фр.
Н. ТУРБИН (Л.П. Линевиц) — «*По старому следу*» сборник рассказов — 15 фр. фр.
А.И. ШЕЛОУМОВ — Папка с 20 репродукциями батальных картин (размер 24 x 31 см.) — 30 фр. фр.
СЕРГЕЙ ШПАКОВСКИЙ — *Памятка 14-го пехотного Олонецкого короля сербского Петра 1 полка* — 6 фр. фр.
В.Н. ЗВЕГИНЦОВ — *Кавалергарды в гражданскую войну* — 18 фр.
М.С. КАРАТЕЕВ — *Возвращение ист.* роман — 21 фр. фр.
ген. лейт. фон ШВАРЦ — *Ивангород в 1914-1915* — 15 фр. фр.
Ген. штаба ген. майор Б.В. ГЕРУА — *Воспоминания о моей жизни в двух томах* — 60 фр. фр.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

- № 2 — *Евгений Молло* — Русское холодное оружие XIX в. — 6 фр.
№ 5 — *Евгений Молло* — Русское холодное оружие эпохи императора Николая II. Кн. Н.С. Трубецкой — Нижегородская шашка 6 фр.
№ 6 — П.А. Нечаев — Алексеевское военное училище — 6 фр.
№ 9 — К.М. Перепеловский — Киевское Вел. Князя Констант. Конст. училище — 6 фр.
№ 10 — Письма Суворова к принцу Нассау-Зиген — 10 фр.
№ 11 — П.К. Кондзеровский — В Ставке Верховного — 10 фр.
№ 13 — Алексей Геринг — Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом — 15 фр.
№ 14 — Н.П. Солодков — Морские рассказы — 10 фр.
№ 15 — П.В. Пашиков — Воспоминания юнкера Алексеевца — 6 фр.
№ 16 — Странствования Христофора Гассмана — 10 фр.
№ 19 — В.Г. фон Рихтер — Собрание сочинений по русской военной медалистике — 80 фр.

Остальные номера РАСПРОДАНЫ